

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Апрель,
№ 4, 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СО ДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Томъ XXV 1889 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

I. Очерки изъ исторіи кiev. дух. академіи за XVIII ст. проф. С. Т. Голубева	1
II. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры, проф. Д. И. Багалъя	27, 438
III. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуни или Херсонеса. П. Л. (съ планами)	56
IV. Воспоминанія. М. К. Чалаго	74, 295
V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины I. Паск- виль. и судъ. О. И. Левицнаго	92
VI. Культурныя переживанія, проф. Н. Ѳ. Сумцова	125, 485
VII. Іоаннъ Вишенскій. Мирона	141
VIII. Нечистая сила, нов. Остоп, пер. съ польск. К. М.	152, 507
IX. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв., проф. Ѳ. И. Успенскаго (съ картою).	253
X. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной до- линь въ 1750 г., А. К. Полницкаго	332
XI. Кіевское городское управленіе въ 1786 г., Н. В. Молчановскаго	380
XII. Чума, пов. Мирона	400

	СТР.
XIII. Старая Брацлавщина и ея люди. I. Кошчичи-Стрижовскіе. Ц. Г. Неймана	532
XIV. М. С. Щецкинъ, какъ артистъ и человекъ. Вл. Ермаилова	548
XV. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ путешествія въ сѣв.-зап. край, проф. Н. И. Петрова . Приношенія въ церкви и дары служителямъ церкви, Х. П. Ящуржинскаго . Имп. Александръ I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой. Б. С. Познанскаго . Къ замѣткѣ Н. Д. Н. «Къ біографіи Шевченка». А. С. Л. Къ реформѣ Сперанскаго. Народный рассказъ про щасте. Гдѣ и какъ продавались изданія черниг. Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. А. Л. Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. А. Л. Выставка картинъ кievскихъ художниковъ W. Съ дороги Г. Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ . В. Г. Лясноронскаго . Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в., Н. Н. Оглоблина . Кіевскіе толмачи. А. Андр. Новомосковскія учебныя заведенія. Г. Залюбовскаго . Короповъ хуторъ. И. Зозули . Кудеяровъ курганъ. Н. Добротворскаго . К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. Н. В. Шугурова . По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка . М. Ѳ. Комарова . Весенніе хороводы, игры и пѣсни. Хр. П. Ящуржинскаго . Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. Ю Тиховскаго . Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. И. Ж. Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыхъ». Ѳ. Каминскаго . Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи. проф. И. Г. Карпинскаго . Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи. М. К. Васильева . Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. М. К. Васильева . Панская находчивость	174, 570
XVI. Для справокъ	214, 638
XVII. Библіографія. Zbiór wiadomości do antropologii Krajówej, t. XII. В. А. Акинфиевъ . Распительность Екатеринослава въ концѣ перваго вѣка его существованія. Г. З. В. Г. Дружининъ . Расколъ на Дону въ	

концѣ XVII в. **А. М.** Хлѣбная торговля въ русскихъ портахъ и въ Кеннгсбергѣ, Федорова. **А. Р.** О древнемъ изображеніи св. Владимира. **П. Л.** Извѣковъ. Высокопреосв. Іосифъ (Сѣмашко). **И. М. Каманина.** Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. **И. И. Толстымъ** и **Н. П. Кондаковымъ.** Вып. I. проф. **Ө. Г. Мищенна.** Акты, изд. вилensk. археограф. комиссіею. Т. XV-й. **И. М. Каманина.** Читенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца Кн. 2. Изд. подъ ред. **Н. П. Дашкевича** и **А. И. Соболевскаго.** **И. М. Каманина.** Витебская Старина. Т. V-й. Сост. и изд. **А. Сапуновъ.** **Н. И. Петрова.** С. Гамченко. Житомирскій могильникъ. **Н. Б. Булгаковъ.** Альбомъ русской живописи. Картины **В. Д. Орловскаго.** **Н. В. Шугурова.** **И. Коперницкій.** Русскіе горцы въ Галиціи. **Ц. Г. Неймана.** **H. Röllmann.** Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. **И. Л—на.** Маленькое разъясненіе. **В. П. Науменна.** Обзорѣніе газетъ и журналовъ за 1889 г. Указатель новыхъ книгъ, касающихся ю. Россіи 217, 640
 Приложенія: 1) Сочиненіе Іоанна Вишенскаго.

- 2) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**
- 3) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**
- 4) Портретъ **М. С. Щенкина** въ роли Чулуна.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

АПРѢЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено пеззур. Кіевъ, 30-го Марта 1889 г.

Очерки изъ исторіи кievской духовной академіи за XVIII столѣтіе.¹⁾

I.

Жалоба префекта и учителей академіи на своего ректора Давида Нащинскаго и отвѣтное доношеніе послѣдняго по поводу этой жалобы.

Внутренняя, въ особенности же бытовая сторона жизни кievской духовной академіи за XVIII столѣтіе (не говоримъ уже о XVII) остается до настоящаго времени еще мало освѣщенной. Излѣдователи, занимавшіеся изученіемъ судебъ нашей академіи, сосредоточивали свое вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнемъ строѣ этого учрежденія, вслѣдствіе чего ихъ труды по сему предмету имѣютъ характеръ какъ бы официальныхъ пространныхъ отчетовъ. Они довольно обстоятельно говорятъ о кievскихъ митрополитахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ которыхъ находилась академія; сообщаютъ краткія біографическія свѣдѣнія о ректорахъ академіи, префектахъ, преподавателяхъ, а иногда и о болѣе выдающихся воспитанникахъ ея; перечисляютъ учено-литературные труды профессоровъ; отмѣчаютъ науки, ими преподававшіяся; знакомятъ съ инструкціями (хотя далеко не всѣми), даваемыми для руководства какъ учащимъ, такъ и учащимся; указываютъ на выдающіяся перемѣны во внѣшнемъ положеніи академіи, и т. п. Но относительно внутренняго ея быта, напримѣръ, частной жизни академическихъ профессоровъ, взаимныхъ ихъ отношеній между собою, отношеній къ начальствующимъ

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Историческомъ обществѣ Пестора Лѣтописца.

ющимъ лицамъ, а равнымъ образомъ о внѣшкольной жизни студентовъ, какъ то: разнообразныхъ средствахъ къ добыванію себѣ насущнаго пропитанія, прискиваніи, еще до окончанія курса, мѣсть, сватовствѣ невѣсть, перѣдкихъ столкновеніяхъ съ разными слоями кіевскаго общества, и т. п.—обо всемъ этомъ поименованные изслѣдователи говорятъ весьма мало,—почти вовсе ничего не говорятъ.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, почему занимавшіеся изученіемъ прошлаго кіевской академіи мало обращали вниманія на внутреннюю, бытовую сторону ея жизни,—замѣтимъ только, что на скудость данныхъ, необходимыхъ для этой цѣли, много жаловаться нельзя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ настоящему и прошлому столѣтіямъ. Ознакомившись съ рукописнымъ отдѣломъ нашей академической бібліотеки и нѣкоторыми изъ кіевскихъ архивовъ (лаврскимъ, кіево-выдубицкимъ, центральнымъ при университетѣ св. Владимира, въ особенности же мѣстнымъ консисторскимъ), мы сравнительно въ небольшой промежутокъ времени имѣли возможность сдѣлать извлеченіе или снять копии болѣе чѣмъ съ 200 документовъ, изъ коихъ каждый представляетъ не безынтересныя данныя для характеристики бытовой жизни академіи за XVIII и первую четверть текущаго столѣтія.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду познакомить публику съ двумя изъ такихъ документовъ, представляющихъ матеріалъ для характеристики отношеній между ректорами и профессорами академіи,—отношеній, которыя, въ теченіи долговѣчнаго существованія нашей alma mater, не всегда отличались мирнымъ характеромъ, въ духѣ евангельской любви и кротости, но по временамъ рѣзко обострялись и даже переходили въ открытую вражду, вызывавшую вмѣшательство высшаго начальства. Упомянутые два документа, касающіеся такого рода враждебныхъ столкновеній, относятся ко времени ректуры въ академіи *Давида Нащинскаго*; это—1) жалоба, поданная кіевскому митрополиту Арсенію Могиланскому префектомъ и профессорами академіи на своего ректора Давида Нащинскаго, и 2) объяснительная записка послѣдняго по поводу означенной

жалобы. Документы эти были извѣстны еще В. И. Аскоченскому; но онъ въ своей Исторіи кіевской академіи упоминаетъ о нихъ глухо, въ двухъ-трехъ словахъ ¹⁾. Правда, въ примѣчаніи Аскоченскій дѣлаетъ небольшую выдержку изъ одного упомянутого нами документа ²⁾, но, независимо отъ своей краткости, выдержка эта, сдѣланная исключительно съ цѣлю показать, что „продовольствіе училищнаго начальства было отличное во всѣхъ отношеніяхъ“, — не даетъ никакого понятія о содержаніи, а тѣмъ болѣе о характерѣ документа.

Сообщимъ предварительно краткія біографическія свѣдѣнія объ упомянутомъ ректорѣ академіи, вызвавшемъ нерасположеніе къ себѣ со стороны подчиненныхъ ему сослуживцевъ.

Давидъ Нащинскій обучался въ кіевской академіи, гдѣ первоначально прошелъ только первые классы, а затѣмъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ для продолженія образованія въ заграничные университеты (Галицію и Саксонію). По возвращеніи на родину, Нащинскій снова поступилъ въ академію и изучалъ здѣсь языки латинскій и нѣмецкій, поэзію, риторику и философію. Въ это время онъ принялъ монашество и по окончаніи курса (въ 1747 г.) оставленъ былъ при академіи профессоромъ; въ продолженіи 8 лѣтъ онъ послѣдовательно преподавалъ здѣсь грамматику, синтаксису, нѣмецкій языкъ, поэзію, риторику и затѣмъ, уже въ званіи префекта, философію. Въ 1755 г. Нащинскій возведенъ былъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ слуцкаго Троицкаго монастыря, находившагося въ то время въ предѣлахъ Польши.

Съ 1758 года начинается вторичное служеніе Нащинскаго въ кіевской академіи. 2 іюля означеннаго года умеръ ректоръ академіи Манассія Максимовичъ. Немедленно, по предложенію тогдашняго митрополита Арсенія Могилянскаго, приступлено было къ избранію новаго ректора. Сохранились нѣкоторыя довольно интересныя подробности этого избранія. Въ немъ прини-

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею. Кіевъ. 1856 г., ч. II, стр. 157 и 223.

²⁾ Ibid., стр. 520, 521.

мали участіе не только профессора академіи,—что въ то время было явленіемъ нерѣдкимъ,—но и члены кіевской духовной консисторіи. Голоса избирателей раздѣлились. Наставники академіи желали имѣть у себя ректоромъ тогдашняго своего префекта іеромонаха *Самуила Миславскаго*, мотивируя свое избраніе тѣмъ, что Миславскій „черезъ четыре года неотлучно отъ академіи со удовольствіемъ учениковъ въ преподаваніи разныхъ школъ и инструкціи малой и великой трудился“. Другимъ кандидатомъ на ректуру (резолуціею митрополита требовалось избраніе „единого или двухъ человекъ“) академическими наставниками избранъ былъ „митрополіи кіевской архидіаконъ Мелхисидекъ“, какъ „имѣющій тоже довольноую способность къ понесенію должностей“, соединенныхъ съ званіемъ ректора (съ ректурою въ академіи соединялось преподаваніе богословія и настоятельство въ Кіево-братскомъ монастырѣ)¹⁾. Самъ же Самуиль Миславскій, лично отъ себя, первымъ кандидатомъ въ ректора академіи намѣтилъ Давида Нащинскаго, хотя рекомендація, сдѣланная имъ этому кандидату, отзывалась похвалою весьма сомнительнаго качества, граничившею съ довольно злою ироніею. „Въ отправленіи означенныхъ (т. е. ректорской, преподавательской и настоятельской) должностей,“ — заявлялъ Миславскій, — „достаточно архимандритъ слущкій Давидъ Нащинскій буди только далекое мѣста разстояніе къ порученію помянутому архимандриту оныхъ должностей не воспрепятствуетъ: *а притомъ буди оный архимандритъ прилежнѣе будетъ въ преподаваніи Богословія трудитися нежели въ показаніи философіи обращался*“. Какъ на другаго кандидата, С. Миславскій указывалъ на того же архидіакона Мелхисидека, который намѣченъ былъ (также вторымъ кандидатомъ) всѣми остальными преподавателями академіи¹⁾.—Но кіевская консисторія почти единогласно избрала первымъ кандидатомъ въ ректора академіи „превелебнѣйшаго архимандрита заграничнаго благочестиваго слущкаго монастыря Давида Нащинскаго“, какъ ученаго, „который въ

¹⁾ Акты Кіево-братскаго монастыря и академіи (рук. библ. кіевск. академіи), т. II, № 5.

латинскомъ и другихъ къ преподаванію священной Богословіи потребныхъ языкахъ, какъ то—греческомъ и еврейскомъ превосходный успѣхъ имѣеть и въ академіи кіевской отъ 1747 по конецъ 1755 годовъ въ ученіи школъ латинскихъ, Грамматики, Синтаксисы, Піитики, Риторики, Философіи такожъ другихъ между тѣмъ языковъ довольно потрудился съ немалою пользою не точію своихъ учениковъ, но цѣлой академіи кіевской¹. Вторымъ кандидатомъ на ректуру избранъ былъ отъ консисторіи игумень каедральнаго Кіево-софійскаго монастыря (онъ же и членъ консисторіи) *Досиѳей Галяховскій*, а третьимъ (на тотъ случай, если бы кандидатура Нащинскаго была признана неудобною „за какимъ либо препятствіемъ по отдаленности мѣста его служенія“) — каедральный писарь *Петръ Артовскій* (тоже членъ консисторіи).

Члены кіевской консисторіи, сами намѣченные въ качествѣ вторыхъ кандидатовъ на ректуру, подали отдѣльныя мнѣнія.

Досиѳей Галяховскій въ своемъ заявленіи довольно подробно изображаетъ важное значеніе соединенныхъ съ ректурою обязанностей. „Въ такое званіе“ — пишетъ онъ — „какъ въ совершенномъ знаніи священной Богословіи искуснаго человѣка потребно, и таковаго, чтобъ отъ самосуца, и истинно, и искренно, и съ нужною пользою нашей церкви святой православной, съ доволнимъ наставленіемъ и разъясненіемъ ученикамъ своимъ оную тщательно и говорливо преподавалъ; такъ и хозяйство дознаніемъ только знающаго и въ случаи вотчинныхъ тяжбныхъ дѣлъ приказный порядокъ добръ вѣдущаго, наипаче же къ исправленію монастырскому и во образъ братіи подвигомъ немѣстнаго и житіемъ превосходно добродѣтельнаго необходимо надобно“. По всей вѣроятности, Досиѳей Галяховскій и себя лично признавалъ не неспособнымъ къ выполненію столь высокихъ, соединенныхъ съ ректурою и настоятельствомъ, обязанностей, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ „въ таково знаніе“ *достаточнымъ*, въ качествѣ

¹) Ibid. — Рекомендовался Миславскимъ Мелхисидеѣ, „яко недавно отъ ученія удалившійся и въ академіи въ званіи учительскомъ обращавшійся, а притомъ и въ архидіаконской должности находясь, нѣсколько кратъ проповѣди сказывавшій“.

перваго кандидата, и слуцкаго архимандрита *Давида Нащинскаго*, хотя объ его достоинствахъ спеціально имъ не сдѣлано было никакого упоминанія. Какъ на втораго кандидата Досиеей указывалъ на выше упомянутаго нами каедральнаго писаря и члена консисторіи іеромонаха *Петра Артовскаго*.—Этотъ послѣдній въ своемъ мнѣніи первымъ кандидатомъ намѣтилъ *Давида Нащинскаго*, вторымъ—*Досиею Галяховскаго*, а третьимъ (на случай, еслибы кандидатура Нащинскаго митрополитомъ признана по указанному выше обстоятельству неудобною)—архидіакона *Мелхисидека Орловскаго*. Мелхисидекъ же Орловскій, какъ мы видѣли, единогласно избранный всею академическою корпораціею вторымъ кандидатомъ на ректуру,—*минуя Давида Нащинскаго*, указываетъ какъ на лицъ, способныхъ занять означенную должность, на *Досиею Галяховскаго* и *Петра Артовскаго*.—Наконецъ, одинъ членъ консисторіи, именно каедральный уставникъ, іеромонахъ Сиеъ, не примкнулъ ни къ какой партіи. Выходя изъ того положенія, что „избраніе во архимандрита, ректора, а паче Богословіи учителя есть дѣло великаго наблюденія и обдержанія достойное“ (по важности соединенныхъ съ сими званіями обязанностей) и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняясь указать на лице, способное съ подобающимъ достоинствомъ занимать означенныя должности, Сиеъ „того ради приложилъ мнѣніе таково: имѣющимся какъ въ Катедрѣ, такъ и въ Академіи учительнымъ людямъ дать въ подлежащемъ и въ Богословіи касающимся дѣлѣ *публичную диспуту*“ и послѣ оной избрать на ректуру оказавшагося достойнѣйшимъ :).

Изъ всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ выборъ митрополита палъ на архимандрита Давида Нащинскаго, какъ получившаго *большинство* избирательныхъ голосовъ и хорошо зарекомендовавшаго себя предшествовавшею педагогическою дѣятельностію въ академіи. Резолюція преосвященнаго восплѣдовала 25 іюля. Вскорѣ послѣ сего Нащинскій, вызванный изъ слуцкаго монастыря, прибылъ въ Кіевъ и опредѣленнымъ порядкомъ введенъ былъ въ управленіе академію и Братскимъ монастыремъ.

1) Всѣ указанныя мнѣнія находятся въ вышеупомянутой рукописи бабл. кiev. дух. академіи, подъ № 5.

Съ самаго начала между новымъ ректоромъ и профессорами академіи установились немиролюбивыя отношенія. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Нащинскій, какъ мы видѣли, не былъ желательнымъ начальникомъ для академической корпораціи, рассчитывавшей имѣть у себя ректоромъ своего префекта Самуила Миславскаго. Въ свою очередь и Давидъ Нащинскій не могъ не оскорбиться тою рекомендаціею, какую сдѣлалъ ему префектъ, мнѣніе котораго очевидно раздѣлялось и остальными профессорами. Спустя немного времени по пріѣздѣ въ Кіевъ, новый ректоръ подалъ митрополиту докладную записку, гдѣ, между прочимъ, просилъ у послѣдняго „архипастырской инструкціи, которою опредѣлены бы были точнѣе предѣлы *начальничеству ректорскому надъ учителями*, понеже безъ такового опредѣленія неравно можетъ послѣдовать (чего жъ когда не бывало?) въ гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ“.—Очевидно, ректоръ намѣревался вводить въ академіи по отношенію къ наставникамъ новые порядки и порядки эти для послѣднихъ были нежелательны. Въ средѣ академической корпораціи все болѣе и болѣе росло неудовольствіе противъ новаго ректора, которое вскорѣ принимаетъ, наконецъ, характеръ открытой вражды. Поводомъ къ этому послужилъ вопросъ о неудовлетворительномъ пропитаніи наставниковъ академіи. Нужно замѣтить, что въ разсматриваемое время академическіе наставники, какъ лица, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія монашескій санъ, жили ¹⁾ въ Кіево-братскомъ монастырѣ, гдѣ пользовались даровыми квартирами и столомъ отъ монастыря. Это было однимъ изъ главнѣйшихъ вознагражденій ихъ за труды, потому что денежное жалованье за профессуру было небольшое и крайне неопредѣленное (хотя оно въ нѣкоторой степени и восполнялось *добровольными приношеніями* болѣе состоятельныхъ родителей, имѣвшихъ своихъ сыновей въ академіи). Такъ какъ монастырь имѣлъ „свою братію“, „свои нужды“, то иногда и въ прежнее время возникали недоразумѣнія между монастырскою братіею и профессорами „изъ за пропитанія“; но недоразумѣнія эти не принимали остраго характера и почти всегда сглаживались на первыхъ

¹⁾ Исключенія изъ этого обыкновенія были очень рѣдки.

же порахъ, благодаря тому обстоятельству, что настоятельство въ монастырѣ и ректура, какъ мы сказали, соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. Но съ ректурою Нащинскаго, явно нерасположеннаго къ академической корпораціи, воспослѣдовала для послѣдней перемѣна къ худшему и относительно пропитанія. Начались по этому поводу пререканія. Наставники академіи довели объ ухудшеніи „порцій“ до свѣдѣнія митрополита; обращено было на это вниманіе и самого ректора. Давидъ Нащинскій, вслѣдствіе таковыхъ заявленій и жалобъ, потребовалъ объясненій отъ намѣстника Кіево-братскаго монастыря. Послѣдній, послѣ совѣщанія съ монастырскою братіею, представилъ ректору обширное донесеніе, гдѣ заявлялъ, что „порціи“ профессорамъ выдаются отъ монастыря обильныя и доброкачественныя, хотя въ настоящее время (вслѣдствіе отнятія нѣкоторыхъ доходныхъ статей) прибыли братскіе и небольшіе; что въ сущности слѣдуетъ не увеличивать порцій, а скорѣе уменьшить ихъ, такъ какъ наставники академіи получаютъ достаточно денегъ за *калѣфаторство* своихъ учениковъ и *консоляціи*, къ тому же обсылаются водкою и прочимъ напоємъ отъ отцовъ учениковъ; между тѣмъ они—наставники—становятся день ото дня притязательнѣе и своими требованіями просто разоряютъ монастырь: *то не хорошо, другое не ладно*. Сами же монастырю помощи не оказываютъ никакой. Въ прежнее время наставники помогали братіи хотя въ совершеніи богослуженія: служили по седмицамъ, становились на клиросы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакого зазрѣнія“, а теперь и отъ этого отказываются. „Того ради, респектомъ многонужнаго и всескуднаго времени“, намѣстникъ и братія покорнѣйше просили своего настоятеля „яко отца и пастыря“, чтобы сіе ихъ доношеніе „внушить и вознестъ куда надлежитъ къ благоразсмотрѣнію, дабы повѣлено было требуемые учителями порціоны *сократить*... и довольствоваться тѣмъ имъ всѣмъ учителямъ, чимъ Братскій монастырь по состоянію нынѣшняго скуднаго времени довольствоваться можетъ“. Кромѣ того Братскій намѣстникъ просилъ, чтобы деньги, получаемые въ количествѣ 200 рублей изъ Глухова („зъ войскового скарбу“), были отдаваемы въ монастырскую казну, какъ это было прежде, а не шли въ подѣлъ между учи-

телями, какъ это дѣлается въ настоящее время „невѣдомо почему.“—На этомъ доношеніи рукою Давида Нащинскаго начертано было слѣдующее опредѣленіе: „Смякая представленныя въ семь доношеніи резоны, должно бы Его Преосвященства просить намъ о облегченіи; только же смякая и требованіе господъ учителей справедливое и Его Преосвященство *волю въ томъ твердую*, не дерзаемъ трудить особы Его Святительства пока-мѣсть что покажется со временемъ“.

Но время, и при томъ самое близкое, показало слѣдующее. Когда, безъ сомнѣнія по распоряженію Нащинскаго, объяснительное доношеніе кіево-братскаго намѣстника было прочитано предъ всѣми, нарочито собранными для этого, академическими наставниками, то оно вызвало въ средѣ ихъ цѣлую бурю. Они вмѣстѣ съ профектомъ „гнѣвно“ обрушились на намѣстника и укоряли его самыми непочтительными словами; называли *плутомъ, мошенникомъ, воромъ*, заявляя при этомъ, что за невыдачу требуемаго ими—наставниками—продовольствія онъ можетъ и *кнути скушать*. Намѣстникъ, донося объ этомъ своему архимандриту Давиду Нащинскому, просилъ о своемъ увольненіи отъ занимаемой имъ намѣстнической должности, „дабы чрезъ неудовольствіе учителямъ въ ихъ излишнихъ требованіяхъ, ради скудости монастырской, отъ кого не подлежить неправедныхъ и напрасныхъ поклеповъ, также конфузій безвинно болѣе не претерпѣвать“.—На это доношеніе Нащинскій отвѣтилъ намѣстнику (въ видѣ резолюціи на самомъ доношеніи) слѣдующее: „Всечестный Отецъ намѣстникъ Варлаамъ! Наше дѣло есть послушаніе дѣлать по волѣ властей нашихъ такъ, чтобъ мы въ послушаніи исправлялись и вѣрно и радѣтельно и сколько можемъ: опасаться жъ намъ языковъ чужихъ нѣтъ чего; вольно всякому и мыслить и говорить, что хочется, а мы, естъли совѣсть наша не запыраетъ намъ и не осуждаетъ насъ, напрасныя рѣчи другихъ благопріятно понести можемъ, яко человѣческія немощи. И такъ Вы, какъ доселѣ трудились въ послушаніи намѣстничемъ, такъ и далѣ еще трудитесь, а единаго Бога боясь, постраховъ человѣческихъ не ужасайтесь. Есть еще Той, Который лѣчитъ и считаетъ волосы наши!“.

Всѣ эти пререканія происходили въ началѣ 1759 года (объяснительное доношеніе намѣстника помѣчено 16 генваря, а прошеніе объ увольненіи отъ должности 22 генваря). Очевидно, сочувствіе ректора академіи всецѣло было на сторонѣ монастырскаго намѣстника и братіи; даже безошибочно можно думать, что самая борьба монастыря съ профессорами не приняла бы столь остраго характера, если бы не вызвана была и не поддерживалась самимъ же ректоромъ, недружелюбно относившимся къ академической корпораціи.—Спустя полгода послѣ рассказанныхъ событій, неприязненные отношенія между Нащинскимъ и профессорами еще болѣе увеличились. 28 августа 1759 года послѣдними подана была митрополиту слѣдующая коллективная жалоба на своего ректора: „Извѣстились мы нижайшіи отъ братіи Кіево-братскаго монастыря, что они съ Архимандритомъ Братскаго жъ монастыря Давидомъ Нащинскимъ подали Вашему ясне въ Богу Преосвященству доношеніе, съ прошеніемъ о нераздѣленіи на учителей двухъ сотъ рублей денегъ, присланныхъ по Высокомонаршей грамотѣ изъ скарбу Войсковой Генеральной Канцеляріи: а . . . оныя деньги точію на содержаніе ректора съ учителями, какъ въ Высокомонаршей грамотѣ означается, жалованы, содержаніе же ректора и учителей не точію касается къ пропитанію, но и одѣянію оныхъ, почему ректоръ и учителя чрезъ нѣсколько уже лѣтъ за тѣ денги себѣ одѣяніе нужное и книги, которыхъ въ библіотекѣ академической нѣтъ, а безъ нихъ обойтись нельзя, покупали; а препитаніе, *да еще не скудное* всегда имѣли изъ вотчинъ Кіево-братскаго монастыря, кои всѣ точію *наданы на содержаніе ректора и учителей*“. Подтверждая послѣднюю мысль ссылками на универсалы гетмановъ Мазепы, Давіила Апостола и Ивана Скоропадскаго, изъ коихъ видно, что означенные гетманы и закрѣпляли за Братскимъ монастыремъ помѣстья и надѣляли его новыми угодьями потому только, что съ симъ монастыремъ неразрывно соединенъ *коллегіумъ*, просвѣщающій Малороссію науками къ „выщей оздобѣ и благолѣпію церкви Божіей“, — профессора академіи заявляютъ: „а хотя бы протчіе вотчины, при Братскомъ монастырѣ имѣющіеся, и не наданы были на содержаніе, какъ къ препитанію,

такъ и одѣянію учителей касающаеся, однакъ и зъ одной вотчины Стаіокъ, которая отъ Его Преосвященства митрополита кіевскаго Іосифа Тукальскаго *собственно на препитаніе учителей дана*, возможно бы было дѣйствительно учителей прокормить. Ибо оная вотчина между всѣми Братскаго монастыря вотчинами *есть первѣйшая*, и нигдѣ таковыхъ во всемъ угодій не имѣется, какъ при оной вотчинѣ. Толкожь получаемые зъ оной вотчины ѣстніе знатніе припасы и денежные приходы невѣстимо куда употребляются. Да сверхъ онаго села Стаіокъ еще братія Кіево-братскаго монастыря по грамотѣ, жалованной отъ пресвѣтлѣйшихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича отъ созданія міра 7202 года генваря 11-го, ежегодно изъ губернской кіевской канцеляріи взимають на содержаніе ректора и учителей денегъ 50 руб., да вмѣсто ржи московской мѣры пятидесяти четвертей 30 руб. Толкожь и таковыя денги не на содержаніе учителей, но на иныя монастырскіе нужды издерживаются, а учителя бѣдныя въ препитаніи и одѣяніи, держа себе во всемъ точію единою архипастырскою консоліацію, которой меншаго класса учителемъ въ круговой годъ не больше какъ 12 съ половиною производится, крайнюю нужду претерпѣвають. Чтоже за блаженные памяти Преосвященнаго Рафаила оныя двѣсти рублей, изъ скарбу войсковаго ежегодно присылаеміе, никогда не раздѣлялись, но отдаваны были въ монастырь Братской для еднаго точію прокормленія учителей, тому причина была та, что блаженные памяти Преосвященный Рафаиль ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой опредѣленной по школамъ всякому консоліаціи, *жаловалъ особливо на одѣяніе отъ себя денгами, и при оныхъ денгахъ, и платьемъ, и когда единъ разъ, а иногда и дважды*. Наипаче по измершихъ начальникахъ остававшимся; о чемъ всемъ могутъ совѣстно засвидѣтельствовать бывшіе при Преосвященномъ Рафаилу въ писарской должности. Таковій примѣръ нероздѣлки означенныхъ денегъ былъ единъ точію разъ и за Преосвященнаго Тимоѳея, нынѣшняго митрополита Московскаго, однако то потому учинилось, понеже тогда на одѣяніе учителямъ жало-

вана была вся консоліяція¹⁾ казначейская и экземинационная, которая числомъ въ годъ всякому порознь учителю до 60 руб. считалась; а кромѣ того еще изъ катедръ обыкновенный годовой подѣлъ всякому учителю по своему классу производился, да и изъ Братскаго монастыря префекту вмѣсто подѣлу въ годъ по 2 рубля, а прочимъ учителямъ по рублю давалось. На кушаніе же было ректоръ по всякъ день очередно учителей по два человѣка до себе зоветь, а нынѣ все то до наименшаго отсѣчено. А хотя прошедшаго года, при приложеніи по указу мѣвня, о произведеніи іерею Константину порціи послѣдовало въ духовную митрополию Вашего ясне въ Богу Пресвященства консисторію отъ насъ нижайшихъ о крайно скудномъ и почти такомъ, коимъ, будучи въ учительскихъ трудахъ, вовсе не можно довольствоваться и безъ поврежденіи здоровья своего, а съ удовольствіемъ учениковъ, обойтись, прокормленіи представленіе, а по оному изъ духовной консисторіи къ архимандриту и ректору Братскаго монастыря (воспослѣдовалъ) указъ о производеніи учителямъ нескуднаго пропитанія: однакъ по тому не точію никаково исполненія не учинено, но еще и паче и день на день (кромѣ іерея Константина, учителя еврейскаго и французскаго языковъ) меньшая порція вачала производиться; почему учителя принуждены уже стали единою архипастырскою консоліяціею съ крайнею бѣдностію и кормиться и одѣваться“. Вслѣдствіе этого, академическіе наставники „всенижайше просили митрополита, чтобы онъ приказалъ ректору Нащинскому, по давнему обыкновенію, раздѣлять между ними какъ 200 руб., присылаемыхъ ежегодно изъ скарбу войсковой канцеляріи, такъ и 80 р., получаемыхъ изъ губернской канцеляріи. „А дабы впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскудѣнія“ они просили „приказать архипастырскимъ указомъ, чтобы про всѣ монастырскіе приходы и расколы вѣдалъ префектъ и учителя и по третямъ года калкуловали²⁾ бы учителя всѣ мона-

¹⁾ Consolatio (по польски konsolacja) въ буквальный значеніи — *утѣха, утѣшеніе*.

²⁾ Kalkulować—считать, вычислять.

стырскіе записныя книги, такожь если какіе важніе земскіе спорныя приключатся дѣла, по онымъ составляли бы какъ учителя, такъ и братія письменныя приговоры, и оныя бы представляли ректору съ префектомъ въ разсмотреніе и конфирмацію, а паче всего, чтобы ректоръ по одному своему мнѣнію, безъ согласія префекта и учителей, ничего не дѣйствовалъ".—Подъ означеннымъ прошениемъ подписались: префектъ іеромонахъ *Самуилъ*, учитель риторики іеромонахъ *Викторъ*, учитель и проповѣдникъ катедральный іерей *Константинъ Павловичъ*, учитель синтаксисы іеромонахъ *Инатій*, учитель грамматики іеромонахъ *Рувимъ*, учитель инфимы іеродіаконъ *Симеонъ* и магистеръ нѣмецкій *Тома Холчинскій*,—т. е. подписались всѣ наличные преподаватели академіи.

1-го сентября того же года на означенномъ прошении профессоровъ воспослѣдовала отъ митрополита слѣдующая собственноручная резолюція: „Взявъ у Ректора на все, такъ въ семь, яко и въ прежнемъ ихъ учителей доношеніяхъ о томъ, что до прокормленія ихъ касается, отвѣтъ, и потребовавъ приходныхъ и расходныхъ всякаго званія книгъ Братскаго монастыря за прошлій 1758 и за сей 1759-й года, предложить намъ немедленно“.

29-го сентября духовною консисторіею присланъ былъ ректору Нащинскому указъ съ прописаніемъ въ немъ означенной резолюціи митрополита, а 12 октября, въ исполненіе резолюціи, Нащинскій представилъ его преосвященству свое „всенижайшее отвѣтное доношеніе“ по поводу жалобъ на него наставниковъ академіи. Это „доношеніе“ (точнѣе объяснительная записка) представляетъ въ высшей степени любопытный документъ, яркими чертами характеризующій бытовую сторону жизни академической корпораціи за рассматриваемое время; поэтому мы находимъ не лишнимъ ознакомить читателей съ содержаніемъ упомянутаго „отвѣтнаго доношенія“ по возможности въ полномъ видѣ.

Упомянувъ о жалобахъ профессоровъ академіи, поданныхъ митрополиту въ разное время (26 января 1758 и 1 сентября 1759 г. ¹⁾), и указавъ вкратцѣ на ихъ содержаніе, ректоръ На-

¹⁾ Последняя жалоба подана была учителями—какъ мы сказали—28 августа: но Нащинскій очевидно здѣсь смѣшиваетъ дату резолюціи (1 сент.) съ датой жалобы.

щинскій излагаєть свой отвѣтъ по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1) „Отець префектъ и отцы учителя въ первомъ ихъ доношеніи представили, что де покойнымъ отцемъ ректоромъ Манассіемъ ему отцу префекту и отцамъ учителямъ порція чрезъ три уже года его ректорства убавлена, и толь малая отъ него опредѣлена, что де учителя въ силу служителей своихъ (ибо де кромѣ двухъ порцій хлѣба на цѣлый день, одной порціи вялой и гнилой рыбы, вареной въ шарой фасолѣ, каши гречаной, а иногда галушокъ болѣе ничего не дается) оною прокормить могутъ, а сами де они отцы учителя за консоляціи денги, жалованіе изъ казны Вашего Преосвященства, всегда зъ базару рыбу вялую или свѣжую, вариво, соль, олѣй, масло, и прочее нужное (должны) покупать.—На сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе мнѣ за покойнаго ректора Манассію отвѣщать не доводилось бы, яко до мене не касается, толкожь и и за мертваго ректора я живій отвѣщаю, увѣренъ будучи постоянными братіи моеи представленіями и утверженіями, которіи твердятъ то, что де за покойнаго ректора Манассіи они отцы учителя въ постніе дни завсегда кушаютъ было у отца ректора рыбное какъ изъ свѣжей рыбы, такъ и вялой, и при томъ кушаніи давалась имъ водка по три чарки, такъ же вино, пиво и медъ. А прописанная ими порція, то есть двѣ порціи на день, вялой рыбы, борщъ, каша или галушки, или фасоль, давалась изъ трапезы въ келіи учителскіи для хлопцовъ ихъ. Въ мясные же дни давалось имъ изъ палатъ въ келіи ихъ такое заготовленіе, какое изъ вотчинъ въ полату могло быть привозимо, и отцамъ учителямъ за довольно. Чтобъ же де когда они отцы учителя покупали изъ базару соль, олѣй, вариво, масло, рыбу и прочее таковое, того де не бывало, развѣ де, когда кто изъ учителей пожелаетъ себѣ купить изъ базару то, что ему лучшее покажется до вкусу его, какъ то и прежде ихъ бывшіе учителя любое для себе иногда изъ базару купуютъ бывало, и то за свои денги. Однакожь все то уже, что было за покойнаго Манассію, миновало, и его Манассіи таковая клопота смертію его пресѣчена и они отцы учителя роптать на него болше не должны, яко на мертваго, а всѣ живіи и жить имѣющіе ректори

(такъ точно какъ и всѣ начальники вѣобще) ропоту подручныхъ себѣ подвержены были и будутъ, ибо въ мѣстѣ положилъ Богъ одномъ и томъ же начальничество, и ненависть и роптаніе.

2) Онъ же отецъ префектъ и отцы учителя въ поданномъ Вашему Преосвященству сего 1759 года сентября 1 дня доношеніи представили, что де отъ мене низжайшаго, яко ректора, не точію исполненія не чинится никакова оному указу изъ духовной Вашего Преосвященства консисторіи..., въ которомъ велѣно мнѣ, какъ отцу учителю іерею Константину производить изъ монастыря Братскаго опредѣленную въ консисторіи ему порцію, такъ и прочихъ отцевъ учителей неоскудно противъ прежняго трактаменту, котораго онъ отецъ префектъ и отцы учителя реестръ Вашему Преосвященству представили, довольствоваться; но еще де и паче день на день имъ отцу префекту и отцамъ учителямъ, кромѣ отца учителя іерея Константина, меньшая начала производиться порція. То на сіе ихъ отца префекта и отцевъ учителей представленіе отвѣщаю такъ: Отцу префекту рыбы свѣжей дается по четири порціи завсегда, когда толко еи на базарѣ или въ маетностяхъ монастырскихъ достать можно, толко въ одной стравѣ, въ другой же стравѣ прежде мене еще перестали давать потому, что въ монастырѣ Кіево-братскомъ воспослѣдовали таковы убыли, каковы мнѣ отъ братіи доношеніемъ сего 1759 года генваря 16 дня представлени, которое ихъ доношеніе при семъ моемъ Вашему Преосвященству всенижайше представляю. Рыбы вялой дается ему отцу префекту такъ же четири порціи тогда, когда свѣжей нѣтъ. А кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія стравы, якіи въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ; въ праздничные же и воскресны дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки еще. Пива дается по семи квартъ на день, пива жъ дается въ лѣдовню по двѣ куфы, въ которую и лѣодъ навозится монастырскимъ коштомъ; хотя то и лѣодовень не бывало у давнѣйшихъ префектовъ и довольствовались префекты пивомъ изъ общей лѣдовни; ибо лѣдовня построена отъ братіи для повойнаго префекта Козачинскаго, когда онъ съ Петербурга ѣхалъ въ Кіевъ, и думали бра-

тія, что онъ имъ будетъ архимандритомъ, и таковое то лубавство оказали ему. Олѣи дается въ среду полкварти, въ пятокъ полкварти; масла дается въ скоромныи дни по полфунта. Отъ Воскресенія до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта двѣ салѣ. Водки дается отцу префекту по фляпѣ гарцевой въ началіи школь, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, такъ же и при окончаніи школь, да не возбраняется жъ и тогда, когда надобно бы было ему. Префектовская же фуніція такими лѣкворами обыкновенно всегда багата есть. Меду дается тогда по квартѣ, когда онъ въ трапезѣ поставляется. Прошлаго же году на медъ не было удачи, потому какъ въ братерской лѣдовнѣ не было его, такъ и не давано отцу префекту. Свѣчь дается пятьсотъ на годъ обыкновенно; соли дается отцу префекту по пяти гусокъ на тыждень; сира и яицъ когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Вареву дается всякое, когда востребуеть онъ отецъ префектъ; дровъ дается столько, сколько надобно. Блюди и тарилки даются жъ, хотя и порча дѣлается и пропажа имъ. Коляска невозбрана никогда, также и лошади, и мимо вѣдомъ ректорскій, хотя такъ и не доводилось бы. Подчинка келейная дѣлается за коштъ монастырскій. Протчее, въ реестрѣ ихъ представленное, все дается жъ, кромѣ другой четверпорціонной стравы и подѣлу братерскаго.—Риторическому учителю свѣжей рыбы по двѣ порціи дается, а когда свѣжой нѣтъ, то вялой по двѣ порціи, и другіи стравы, какіи въ трапезѣ представляются соборной братіи, даются жъ; хлѣбъ ситный соборный въ 8 фунтовъ дается на день, а въ праздничніи и воскресніи дни по двѣ булки, кромѣ хлѣба того. Пива дается по двѣ кварти, водки дается такъ, какъ и отцу префекту. Свѣчь дается 300 на годъ; сиръ и масло, и яйца, и вареву, и сало, и дрова, и пшено, и крупи, и мясо и протчее по востребованію выдается.—Протчимъ учителямъ рыбы свѣжой по одной порціи дается вшарой, когда она есть въ монастырѣ, а когда нѣтъ, то вялой „о порціи вшарой же, и другіи стравы, якіи есть въ трапезѣ для соборной братіи. Хлѣба по двѣ порціи болшихъ и по булкѣ въ праздничные дни. Такъ же сало, масло, сиръ, яйца, соль, пшено, крупи и протчее таковое дается когда они требуютъ, и

когда все то есть въ монастырѣ. Коляска дается когда имъ надобно. Дровъ они не покупаютъ. Подчинка келейная съ монастыря дѣлается. На свѣчи имъ дается по давнему установленію, именно отцу философіяскому 300, пѣстическому 250, синтаксическому 200, граматическому и ему жъ греческому 300, инфѣмѣскому, фарисскому, нѣмецкому по 150; учителю двухъ діалектовъ учащему противъ другихъ учителей двойная порція производится, хотя учитель двухъ діалектовъ учащій вдвое съисти и не можетъ противъ того, который одного діалекта учить.

3) Отецъ префектъ и отцы учителя написали въ довошеніи своемъ, что де они только живущіе въ монастырѣ избожены суть въ порціяхъ своихъ, а отецъ Константинъ ни въ чемъ не избожень, хотя то и онъ на томъ же довошеніи подписался. На что отвѣщаю такъ: я отцу Константину не свойственникъ имѣюся, чтобы его не избожать въ порціи, а протчимъ отцамъ учителямъ не врагъ, чтобы имъ порцію отнимать имѣлъ. А буди бы они отцы учителя когда погрѣшностью каковою монастырскихъ послушниковъ неисправно свою порцію получили, то имъ отцамъ учителямъ надлежало бы о томъ донести ректору. Только жъ сего не бывало, кромѣ одного разу, что отцы учителя донесли отцу префекту, что де изъ ледовни монастырской не весьма доброе пиво выдается имъ; когда же отецъ префектъ мнѣ о томъ напомнилъ, тогда приказано, чтобы отцамъ учителямъ давано самое лучшее пиво, которое они частенько и изъ ректорской ледовни берутъ, а кромѣ пива и по медокъ присылаютъ и во здравіе кушаютъ.

4) Отецъ префектъ и отцы учителя просятъ Вашего Пресвященства, дабы имъ не точію двѣсти рублей, изъ Войскового Скарбу ежегодно присылаемые въ монастырь Братскій, но и восемьдесятъ еще рублей, изъ кіевогубернской канцеляріи въ Братскій монастырь получаемые, велѣно было ежегодно на себе дѣлить, такъ же и изъ приходу монастырскаго и одѣваніе имъ производить, понеже по крѣпостямъ, на Братскій монастырь наданнымъ, слѣдуетъ ихъ отцевъ учителей съ монастыря Братскаго и одѣвать, а не точію кормить и поить.

На сіе отвѣтъ таковъ: бывшіи прежде насъ и за насъ и наши учителя такой консеквенціи ~~не~~ имовать не умѣли и не

формовали; то откуду жъ выѣшніе отцы учителя такой формации научились? Сверхъ сего бывшіи учителя наши и мы сами одѣвались изъ консоляціи архіерейской, какая намъ давалась по пропорціи. Еже же изъ приносимой консоляціи паничевской и изъ калефакторства, которое отецъ префектъ за половину года со всѣхъ школъ взимаетъ, а за другую половину учителя всякъ изъ своей школы, а изъ всякой школы за всякой разъ можно до 15 рублей, а наименше до 10 руб. взять; также изъ присылаемаго подѣлу отъ того монастыря, котораго учитель пострыженцомъ есть. Да ктому жъ во всѣхъ кіевскихъ и задніпровскихъ монастыряхъ имѣются крѣпости на вотчины ихъ, толко жъ не видно и не слышно, чтобъ братія котораго монастыря одѣяніе себѣ получали изъ вотчинного приходу денежного.

Наконецъ ежели и глуховскіе и губернскіе рубли на нихъ отцовъ учителей дѣлать, а изъ вотчинного приходу денежного и поить и кормить и одѣвать ихъ, то уже всѣ монастырскіе нужды отсѣчь развѣ? Толок жъ сему быть невозможно. Яко всѣ монастырскіе расходы какъ для нихъ отцовъ учителей, такъ для братіи, такъ для послушниковъ, такъ для работниковъ, такъ и для всего вообще монастыря служатъ.—Требованіе сіе отцовъ учителей, чтобъ и 200 руб. на нихъ дѣлать и 80 руб. имъ взимать, и изъ монастыря ихъ одѣвать, есть какъ никогда не бывалое, такъ самою отвагою своею весьма дикое, и туды лишь склонялось, чтобъ учителямъ съ ректоромъ лукъ тянуть.

5) Отецъ префектъ и отцы учителя написали, что де у ректора всякаго дня бывало по два человѣка кушаютъ, а теперь то отсѣчено.

На то отвѣтъ: Ректоръ, смотря по недостаткамъ монастырскимъ, довольствуется порціею братерскою, которую съ братіею жъ въ трапезѣ и кушаетъ всякаго дня, котораго въ консисторіи не бываетъ.

Къ тому жъ ректоръ не обязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію. Еще же отцы учителя кушаютъ и у ректора тогда, когда время свободное есть или школьная диспута бываетъ. Въ прибавку и сіе служить можетъ, не пригоже весьма того требовать за

должность, что получаемъ мы отъ кого за одинъ гуманитетъ, какъ напримѣръ ректору и учителямъ непристойно требовать у своего владыки платья или денегъ экстраординарійныхъ, хотя бы сіе за особое пастырское благословеніе и дано было кому когда.

6) Отець префектъ и отцы учителя написали, что де изъ вотчины Стаекъ получаемые съѣстные припасы и денежныя приходы невѣстимо куда дѣваются, да и получаемые де изъ кievогубернской канцеляріи восемьдесятъ рублей не на содержаніе де учителей, но на иныя монастырскія нужды издерживаются.

На то отвѣтъ такой: какъ изъ вотчины Стаекъ, такъ и изъ прочіихъ монастырскихъ вотчинъ приходамъ и расходамъ есть въ монастырѣ книги, и оныя являютъ, куда тѣ припасы и денги дѣваются. А восемьдесятъ рублей на такія монастырскія нужды расходятся, безъ которыхъ отцамъ учителямъ и братіи всей и монастырю общему обойтись невозможно. И ежели бы они отцы учителя шафарями монастырскими были, то и о расходѣ томъ вѣдали бы, но имъ однакожь думается, что только въ монастырѣ и надобности, чтобъ имъ отцамъ учителямъ ѣсти да пити было что, и чимъ одѣть ихъ.

7) Отець префектъ и отцы учителя написали, что де они бѣдные, въ пропитаніи и одѣяніи содержатъ себе во всемъ точію единою архипастырскою консоляціею, крайнюю нужду претерпѣваютъ.

На сіе отвѣтъ такой: они жъ отецъ префектъ и отцы учителя тамъ же написали, что де меньшаго класса учителямъ не больше въ круговой годъ производится консоляціи архипастырской, какъ 12 рублей съ полтиною.

Но на что это похоже, 12 рублей съ полтиною въ круговой годъ получить и тѣми деньгами только одними и въ пропитаніи и въ одѣяніи содержать себе? на что это похоже? всякому видно; а имъ отцамъ учителямъ и писать сего срамно бы.

8) Отець префектъ и отцы учителя написали, что де за худую экономіею и неучрежденіемъ пристойныхъ, гдѣ надлежитъ, порядковъ, лишаются они доволнаго пропитанія и доволнаго одѣянія въ Братскомъ монастырѣ.

На сіе отвѣтъ сей есть:

Во первыхъ, всякого почти человѣка природная то немощь есть, что онъ больше жаелаегъ, нежъ довольно съ него, и сколько растеть доволство оное, столько у него множится недостатокъ, ибо пявица (то есть человѣческая прихоть) имѣеть двѣ дщеры, которыя зовутся такъ: *принеси, принеси*.

Во-вторыхъ, экономію Кіево-братскаго монастыря совершенно и по надлежащему похвалить хотя и не можно, яко и экономіи въ протчихъ монастыряхъ, потому что въ монастырь не охотники ходить совершенные экономы, и таковыи люди, которыи бы по совѣсти смотрѣли общаго монастырскаго добра, только жъ и Братскаго монастыря экономія, какъ и протчихъ монастырей, присмотрѣніе и расположеніе свое имѣеть отъ такового человѣка, котораго мы всѣ соборомъ за найспособнѣйшаго къ тому выбрать могли.

Ректоръ же самъ, яко начальникъ, ѣздить по вотчинамъ и порядковъ смотрѣть и учреждать времени не имѣеть; потому что ему либо въ школу ходить, либо въ консисторію ѣздить за-всегда треба есть, и неудобно ему совершенно просмотрѣть всѣ и вездѣ и всегда обстоятельства икономическія, яко въ семъ монастырѣ начальники не живутъ больше какъ три года, а четыре наибольше. А въ новомъ господарствѣ (и простаки говорятъ) надобно три года изжить, чтобъ господарство оно выразумѣть.

Въ третьихъ, и бывшіе нѣкоторые учителя на бывшихъ же ректоровъ все тожъ плескали: худая въ братствѣ экономія, хотя они сами экономіи той и мало не знали.

Въ четвертыхъ, экономія Братскаго монастыря какъ прежде содержана была, такъ и теперъ содержится.

Напоследокъ, хотя бы и аккуратная экономія устроена къмъ была и было бы въ монастырѣ доволство всякое съѣстныхъ и питейныхъ вещей, то однакожъ такое доволство недоволно будетъ отцамъ учителямъ, ежели такъ съѣстныхъ и питейныхъ вещи худо употреблять, какъ то понынѣ худо употребляются онѣ: то есть для отцовъ учителей, какъ и для всей братіи, на общей поварнѣ варится всякая страва, а въ тѣ стравы употребляется рыба, соль, цибуля, петрушка, бураки, капуста, масло,

олѣй, огурцы, пшено, крупа, мука и прочее таковое изъ монастыря; толко жъ, все сіе получая, отцы учителя присылаютъ ежедневно въ палату, въ ліохъ или куда надлежитъ, то съ требованіемъ соли, олѣи, рыбы, крупъ, пшена, масла, сыра, яицъ, огурцовъ, капусты и прочего такого, почему больше всего сего идетъ въ напрасное расточеніе, нежели въ потребное употребленіе, такъ что въ припасныхъ мѣстахъ скоро можно видѣть пустошь, а учителя по старому еще не сыты. На многія мѣста брошенная глиба едва ли упадетъ, гдѣ надобно, а гдѣ ненадобно ей, тамъ расточится безъ всякой надобности; такъ изъ одной припасной каморы пущенная живность въ разныя и руки, и мѣста, едва ли дойдетъ до котораго учителя, но все то по за пазухами слымацкими да бурсацкими садовится, а не рѣдко и подъ парканомъ и за парканомъ монастырскимъ кладовится. И того ради ежели бы отцы учителя въ общемъ мѣстѣ всѣ ѣли и пили, то меньше бы было напраснаго расточенія и расхода въ монастырѣ, а они бы отцы учителя десятью довольнѣйшіе быть могли. Ибо гдѣ для двухъ изготовано будетъ, тамъ третьему и четвертому поживитись можно. И можно бы удобно монастырю Братскому и дважды отцевъ учителей на день накормить и напоить, только бы сіе такъ дѣлалось, какъ дѣется у хозяевъ, то есть, когда бы они и обѣдать и вечерять изволили въ собраніи всѣхъ ихъ. А таковаго учрежденія пока не будетъ тутъ, поты отцы учителя не будутъ сыты, монастырь не будетъ доволный, а начальникъ поты не будетъ безпечальный.

9) Отецъ префектъ и отцы учителя написали, что де двѣсти рублей изъ скарбу войсковаго получаемыхъ за преосвященнаго Рафаила не дѣлено учителямъ потому, что де преосвященный Рафаиль ректора, префекта и учителей, кромѣ годовой консольціи, жаловаль особливо деньгами и платьемъ разъ или два раза въ годъ.

На то отвѣтъ сей есть:

Прежде всегожъ понеже и Ваше Преосвященство, кромѣ консольціи обыкновенной, изволили жаловать деньгами такъ ректора, какъ и профекта и учителей, того ради и за Вашего Преосвященства оныхъ двухъ сотъ рублей на нихъ учителей дѣлить не доводится. — Послѣ сего кто имъ отцу префекту и отцамъ

учителямъ ростоковалъ такъ нераздѣлки оной причину, за Преосвященнаго Рафаила бывшей?—Это собственное и домашнее ихъ такое толкованіе, которое и въ мысль Преосвященному Рафаилу не приходило никогда. Преосвященный Рафаиль вѣдалъ тѣ 200 руб. распредѣлить такъ, чтобъ изъ нихъ 35 руб. на церковь братскую, а 35 руб. на школы еодержаны были, а остальные 130 руб. въ казну монастырскую взимано было; а о раздѣлѣ ихъ на учителей не вѣдалъ ничего той пастырь и ежели бы когда помыслилъ онъ мужъ пустить въ раздѣлку учителямъ тѣ деньги, то лучше бы Государевыми деньгами учителей доволствовать пожелалъ онъ, нежели своими собственными, которыя и въ катедрѣ его нужны были на всякіе всячины.

10) Отецъ префектъ и отцы учителя написали, что де таковой примѣръ нераздѣлки означенныхъ двухъ сотъ рублей былъ одинъ точію разъ за Преосвященнаго Тимоою.

На сіе отвѣтствуется симъ:

Преосвященный Тимофтей вступилъ на престоль свой митрополитанскій 1748 года, и изъ сего 1748 года не дѣлились оные двѣсти рублей до 1754 года, слѣдовательно не одинъ примѣръ былъ нераздѣлки той, но семь примѣровъ уже. А въ 1754 годѣ по дозволенію Преосвященнѣйшаго Тимофтея начали учителя дѣлиться тѣми деньгами и производили таковой роздѣлъ по прошедшій 1757 годъ, то есть чрезъ четыре года толко.

11) Отецъ префектъ и отцы учителя написали, дабы де впредь въ пропитаніи учителей не слѣдовало никакого затрудненія и оскуднѣнія, для того де приказать указомъ, чтобъ про всѣ монастырскіе приходы и расходы вѣдалъ префектъ и учителя и по третямъ года калкулювали бы учителя всѣ монастырскіе записные книги.

На сей отца префекта и отцовъ учителей *просимъ*, я такъ говорю:

Когда онъ отецъ префектъ и отцы учителя будутъ вѣдать приходы и расходы монастырскіе и будутъ калкулювать приходовъ и расходовъ книги, то они и сами перестанутъ въ ту пору роптать на монастырь Братскій и его начальниковъ, яко самовидцы и слуги всего того необходимаго расхода, и помощниками

учинятся они и ректору и братіи; а ежели бы изъ учителей и намѣстника учреждено было, какъ когдася сіе и бывало, то онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель, служа учителямъ и братіи и цѣлому монастырю такъ точно, какъ надобно ректору и вмѣстѣ архимандриту дѣлать сіе, смякаль бы, какъ удовольствіе возможное производить товарищамъ своимъ учителямъ, и какъ монастырскаго добра смотрѣть, чтобъ оно туне и по прихотямъ другихъ не шло въ пропажу и напрасное издержаніе. Да сверхъ того онъ намѣстникъ и вмѣстѣ учитель не могъ бы страдать таковыхъ отъ учителей чинимыхъ попреканій, презрѣній, руганій и конфузій, каковыми простачокъ (то есть неучащій мудрой лацѣны) намѣстникъ отъ нихъ обременяется, какъ то довелось и тому намѣстнику, который нынѣ въ Россіи скитается за монастырскими нуждами и за милостынею на монастырь просимою, о какой своей обидѣ онъ намѣстникъ мнѣ доношеніе подавалъ, которое при семъ и Вашему Преосвященству представляю.

12) Отецъ префектъ и отцы учителя написали, ежели де какіе важныя земскіе спорныя прилучатся дѣла, то по онымъ де составляли бы учителя и братія письменные приговоры и тѣ приговоры представляли бы ректору и префекту для разсмотрѣнія и конфѣрмаціи.

На сей *проситъ* ихъ такъ я говорю: учителямъ съ братіею составлять приговоры (буде сіе вмѣститъ могутъ учителя съ своими школьными трудами) есть также пособлять братіи и ректору. Но въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать ректору и префекту, есть отдавать не ректору и префекту, но двоимъ уже ректорамъ и двоимъ архимандритамъ. И доводитимется еще въ конфѣрмацію тѣ приговоры отдавать и архимандричему намѣстнику, ибо и намѣстникъ не простой есть братъ, какъ и отецъ префектъ, не простой учитель; и такъ три уже конфѣрматоры будутъ или четыре—ректоръ и префектъ, архимандритъ и намѣстникъ. Сіе же какой есть пристойности, вольно всякому судить; а люди разсуждаютъ такъ, что у ректора суть учителя то, что у архимандрита братія, а префектъ у ректора то, что у архимандрита намѣстникъ. И потому какъ нигдѣ конфѣрматоромъ не есть намѣстникъ, такъ и отцу префекту конфѣрматоромъ быть

странное кажется, и новаго весьма примѣра, хоть то для меня, пока я ректоръ, хоть для иного кого, когда иному ректорство доведется. Ибо ректоръ такъ учителямъ всѣмъ долженъ быть начальникомъ, какъ архимандритъ есть начальникъ братіи всей. А гдѣ равныхъ начальниковъ много, тамъ не мало и конфузій и непорядковъ, какъ то дѣется и въ Братскомъ монастырѣ, потому что всякъ учитель даже до меншаго такъ мыслить и дѣлаетъ, что ему ректоръ не указчикъ, ибо и онъ учитель по ладѣннѣ учился, и можетъ быть, яко ректоръ сегодня, такъ онъ завтра ректоромъ.

13) Отецъ префектъ и отцы учителя написали: а паче де всего, дабы ректоръ по одному своему мнѣнію безъ согласія префекта и учителей ничего не дѣйствовалъ.

На сіе такъ отвѣщаю: Я по одному своему мнѣнію ничего не дѣйствую, но соборной братіи въ разсужденіе всякія дѣла отдаю и основательныя ихъ разсужденія подтверждаю, какъ и всѣ бывшіе прежде ректоры и архимандриты, и какъ то водится во всѣхъ прочіихъ монастыряхъ, а буди и они отцы учителя въ соборную братію причтены будутъ, то и въ ихъ разсужденіе всякія монастырскія дѣла предавать должно будетъ. Только жъ Ваше Преосвященство, какъ въ прочіихъ, такъ и въ Братскомъ монастырѣ первенствующій и полномочный начальникъ архимандритъ, игумень, ректоръ и панъ, и потому тебѣ единому остается разстроеныя наши голоса въ такой строй привести, какой понравится могъ бы оной госпожѣ, которая ачи вмѣстѣ завязанная, чтобъ на лица не взирать“.

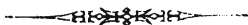
Неизвѣстно, какая воспослѣдовала резолюція митрополита на приведенномъ нами отвѣтномъ доношеніи ректора Нащинскаго; но во всякомъ случаѣ она была неблагопріятна для него. Митрополитъ, неоднократно „утруждаемый“ кромѣ письменныхъ и личными жалобами профессоровъ академіи на своего „круто“ съ ними обращавшагося, начальника, составилъ о Нащинскомъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ „не покойномъ“, неуживчивомъ. Весьма вѣроятно, что при своихъ жалобахъ профессора не упустили случая набросить на Нащинскаго тѣмъ не только какъ на начальника и администратора, но и какъ на преподавателя важнѣйшей

въ академіи науки — богословія. Извѣстное намъ ироническое замѣчаніе префекта С. Миславскаго, что онъ считаетъ достойнымъ Нащинскаго быть ректоромъ академіи, „буди онъ прилежнѣ будетъ въ преподаваніи богословія трудиться, нежели въ показаніи философіи обращался“, — думаемъ, не разъ поставляемо было профессорами на видъ митрополиту и теперь уже въ смыслѣ положительнаго утвержденія. Какъ бы то ни было, но 30 августа, слѣдовательно на третій день послѣ подачи профессорами академіи извѣстной намъ письменной жалобы на ректора Нащинскаго, послѣдній обратился къ митрополиту съ слѣдующимъ всенижайшимъ доношеніемъ: „Прошедшаго іюля 29, сего 1759 года, я низжайшій доносилъ Вашему ясно въ Бозѣ Преосвященству въ дворцѣ Кудрявскомъ устно о томъ, что изъ послушниковъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства *обрѣтаются люди нѣкоторые, коимъ по щастію ихъ больше дарованій дарилъ всеподающій Господь нежели низжайшему мнѣ; по чему и способнѣйшими ихъ учинилъ къ познанію той должности, которая отъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства мнѣ наложена, чтобъ преподавать священную Богословію, нежели низжайшаго мене.* А се нынѣ и на письмѣ тоже самое доношеніе мое при погахъ Вашего ясно въ Бозѣ Преосвященства полагаю“.

Митрополитъ уволилъ Нащинскаго отъ преподаванія богословія, при чемъ въ резолюціи по этому поводу заявилъ, что самъ архимандритъ Давидъ и словесно и письменно представилъ къ означенному преподаванію „свое предъ друими недостатки“. Профессоромъ богословія назначенъ былъ префектъ академіи Самуилъ Миславскій. Увольненіе ректора отъ преподаванія въ то время неразрывно соединеннаго съ ректурою предмета, было полнымъ пораженіемъ Нащинскаго. Очевидно, что положеніе его въ академіи оказывалось очень двусмысленнымъ и окончательный выходъ изъ нея былъ только вопросомъ времени. Дѣйствительно, спустя съ небольшимъ годъ, именно 16 генваря 1761 г., Давидъ Нащинскій, *безъ прошенія съ его стороны*, переведенъ былъ въ Гамалѣвскій монастырь и на его мѣсто ректоромъ назначенъ былъ давно желаемый на сію должность профессоромъ академіи префектъ Самуилъ Миславскій.

Дальнѣйшая судьба Д. Нащинскаго была слѣдующая: въ 1769 году изъ Гамалѣвскаго монастыря онъ переведенъ былъ въ Глуховскій, а отсюда въ 1772 году въ ставропигіальный Бизюковъ (въ Смоленскѣ), и наконецъ, уволенный за болѣзнію въ заштатъ, послѣдніе годы своей жизни, въ качествѣ пансіонера, провелъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Скончался 5 мая 1793 г. ¹⁾.

С. Голубевъ.

¹⁾ *Аскоченскій Кіевъ съ его древ. училищемъ Академією.* 11. 129.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ И ПЕРВЫЯ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любопытную и крайне своеобразную страницу въ общей исторіи русской колонизаціи представляет исторія колонизаціи Новороссійскаго края и по необычайной быстротѣ колонизаціоннаго процесса, и по разнообразію этнографическихъ элементовъ, привлеченныхъ къ этому процессу, и по блистательнымъ результатамъ, увѣнчавшимъ тяжелые труды первыхъ пионеровъ. Эта страница отчасти уже даже написана въ многочисленныхъ трудахъ ветерана-историка Новороссійскаго края А. А. Скальковскаго¹⁾; и всякій знакомый съ его историческими и статистическими работами, согласится съ тѣмъ, что онѣ для своего времени представляли въ высшей степени замѣчательное явленіе; можно сказать, что въ областной исторической литературѣ того времени онѣ занимали первое мѣсто; такъ на нихъ смотрѣла и Императорская академія наукъ, присуждавшая автору высшія награды (Лемидовскую и Уваровскую преміи). Да и теперь всякій изслѣдователь новороссійской старины долженъ будетъ обращаться къ трудамъ Скальковскаго, какъ къ богатѣйшей сокровищницѣ цѣнныхъ *материаловъ*, ~~и не~~^{еще} ~~утратившихъ~~^{и вѣнчавъ} своего значенія. Иное заключеніе мы должны высказать относительно критической обработки и группировки этого матеріала; требованія отъ историческаго изслѣдованія

¹⁾ „Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійск. края (1730—1823 г.)“ 2 тома. Од. 1836 и 1838; „Исторія новой Сѣчи“, 3 изданія (1842, 1846 и 1885 гг.); „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“, 2 ч., 1850—1853 г.

за послѣднее время значительно увеличались, и имъ то не удовлетворяетъ «Хронологическое обзорѣніе исторіи Новорос. края», изложенное не въ прагматической, а въ лѣтописной формѣ. Къ трудамъ А. А. Скальковскаго, по своему характеру и направленію, примыкають изслѣдованія преосв. Гавріила¹⁾. Затѣмъ въ болѣе позднее время стали появляться историко-статистическія описанія отдѣльныхъ губ., составленныя офицерами генеральнаго штаба, въ томъ числѣ херсонской и екатеринославской; въ описаніи первой мы встрѣчаемъ между прочимъ «Краткій историческій взглядъ на херсонскую губ.»²⁾, заключающій въ себѣ общій очеркъ заселенія губ. съ нѣсколькими новыми фактическими данными, почерпнутыми изъ архивныхъ источниковъ. Вотъ и всѣ старыя труды по исторіи Новороссійскаго края вообще и колонизаціи его въ частности на русскомъ языкѣ³⁾.

Но раньше всѣхъ ихъ (въ 1820 г.) вышло въ Парижѣ на французскомъ языкѣ сочиненіе, спеціально посвященное историческому очерку Новороссіи, принадлежащее перу маркиза де Кастельно⁴⁾. Оно могло дать иностранцамъ наглядное и довольно вѣрное представленіе о краѣ, сильно интересовавшемъ и привлекавшемъ ихъ своею торговлею и промышленностью, тѣмъ болѣе, что тогда во главѣ его стоялъ извѣстный французскій эмигрантъ дюкъ де Ришелье, желавшій привлечь сюда въ большомъ количествѣ французскихъ колонистовъ. Авторъ этой книги имѣлъ всѣ данныя, чтобы написать хорошее сочиненіе на избранную имъ тему: онъ долго жилъ въ Новороссіи, путешествовалъ по ней, дѣлалъ наблюденія надъ мѣстнымъ климатомъ, находясь въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ

¹⁾ „Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый“ (въ 3-мъ т. Зап. од. общ.) и „Подоженіе очерка о Новорос. краѣ“ (въ 5-мъ т. Зап. од. общ.); эти же статьи перепечатаны въ „Сочиненіяхъ“ преосвященнаго, изд. въ Москвѣ въ 1854 г.

²⁾ А. Шмидта. Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ. 2 части. Сиб. 1863 г.; стр. 3—78.

³⁾ Сюда еще нужно причислить М. Кирьякова „Историко-статистическое обзорѣніе херсонской губ.“ въ „Матеріалахъ для стат. рос. имп.“ Сиб. 1839 г.; стр. 163—189.

⁴⁾ Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol. P. 1820; въ 1-й и 2-й части излагается систематическая исторія новороссійскихъ стѣпей, начиная со скифовъ и оканчивая крымскими татарами, запорожцами и русскими; въ концѣ 2-й части кромѣ того мы находимъ описаніе природы Новороссійскаго края и его колоній; въ третьей части помѣщены историческія и статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ и отчетъ о путешествіи въ Крымъ.

и, что самое важное, получилъ отъ представителей мѣстной администраціи и устными и письменными извѣстіями о недавнемъ прошломъ и современномъ состояніи края, если къ этому еще мы прибавимъ въ высшей степени доброжелательное отношеніе автора къ личности и дѣятельности гми. Александра I-го, выразившееся между прочимъ въ посвященіи ему книги, и желаніе *оцѣнивать* мѣропріятія разныхъ дѣятелей, то для насъ станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ трудомъ, интереснымъ не только для иностраннаго, но и для русскаго читателя. Такъ, во 2-й части мы найдемъ не мало интересныхъ данныхъ и соображеній по исторіи заселенія Новороссіи (таково описаніе мѣстной природы и свѣдѣнія о колоніяхъ); а 3-я часть, посвященная специально г. Одессѣ и ея торговлѣ, въ этомъ отношеніи еще интереснѣе. Конечно, современный читатель не удовлетворится книгой де Кастельно и найдетъ въ ней не мало промаховъ и пробѣловъ; его не заинтересуетъ описаніе древнѣйшихъ судебъ Новороссіи и онъ пожалѣетъ, что исторіи колонизаціи края во 2-й пол. XVIII в. и нач. XIX в. отведено такъ мало мѣста; въ характеристикѣ дѣятельности дворя де Ришелье онъ увидитъ не объективное воспроизведеніе заслугъ и недостатковъ этого дѣятеля, а исключительно одинъ панегирикъ; не разъ онъ пожалѣетъ также, что авторъ не обозначалъ болѣе точно своихъ источниковъ и т. п.. А. А. Скальковскій и др. изслѣдователи не были поставлены въ необходимость ссылаться на книгу де Кастельно, потому что сами имѣли въ своемъ распоряженіи множество новыхъ и разнообразныхъ матеріаловъ и писали только на основаніи ихъ; но будущій историкъ новороссійской колонизаціи, намъ кажется, не обойдетъ ее и приметъ во вниманіе нѣкоторые взгляды маркиза де Кастельно.

Кромѣ этихъ общихъ сочиненій можно указать на нѣсколько монографій по отдѣльнымъ вопросамъ; таковы—А. А. Скальковскаго о болгарскихъ колоніяхъ, его же, Смольянинова и Орлова объ Одессѣ, Владимірова—объ Екатеринославѣ, Нивитина—о евреяхъ-земледѣльцахъ, Клауса—объ иностранныхъ колоніяхъ, Щебальскаго и Брикнера о Потемкинѣ, Пейсоннели—о черноморской торговлѣ и др. Но вопросъ о колонизаціи Новороссійскаго края поставленъ на настоящую почву только въ самое послѣднее время, въ издаваемыхъ херсонской земской управой «Матеріалахъ для оцѣнки земель». Нельзя не поблагодарить херсонское земство и статистиковъ, что они въ каждомъ изъ трехъ доселѣ изданныхъ томовъ «Матеріаловъ» помѣстили по краткому очерку заселенія описываемаго гми уѣзда, такъ что изъ

этихъ частичныхъ очерковъ составитъ въ послѣдствіи полная картина заселенія херсонской губ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что колонизаціонный вопросъ находится въ тѣснѣйшей связи съ существующими нынѣ формами землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ въ самый моментъ заселенія края складывались и вырабатывались тѣ или иные формы землевладѣнія, сословныхъ отношеній, мѣстнаго управленія и т. п. Къ сожалѣнію, статистики, стѣсненные рамками своей специальной задачи (современнаго хозяйственнаго и экономическаго изученія губ.), едва ли будутъ имѣть возможность достаточно подробно, какъ того требуетъ важность предмета, изложить исторію фактическаго заселенія Новороссійскаго края и условій, сопровождавшихъ это заселеніе. Очевидно, что это прямая задача спеціалиста-историка, и жаль, что до сихъ поръ никому изъ изслѣдователей не пришла на мысль такая благодарная тема;—по всей вѣроятности этому мѣшаетъ обширность задачи, обиліе и разнообразіе печатныхъ и архивныхъ данныхъ, но мы, само собою разумѣется, далеки отъ мысли принять на себя такую задачу—для этого понадобилось бы напечатать м. б. два большихъ тома;—наша настоящая статья представляетъ нѣкоторую переработку публичныхъ лекцій, читанныхъ весною 1888 г. въ г. Николаевѣ, и издается вслѣдствіе выраженного нѣкоторыми лицами желанія видѣть ихъ въ печати. Со времени выхода въ свѣтъ трудовъ А. А. Скальковскаго накопилось не мало новыхъ матеріаловъ; они то и послужили главнымъ источникомъ для моихъ статей; таковы разнообразныя и цѣнные документы, помѣщенные въ 13-ти томахъ «Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей», въ нѣсколькихъ томахъ «Сборника Имп. рус. ист. общ.», въ журналѣ «Кіевская Старина», въ «Матеріалахъ для ист. стат. оп. екатеринославской епархіи» Феодосія, въ «Матеріалахъ для исторіи южнорус. края» А. А. Андріевскаго, въ мемуарахъ нѣмецкаго врача Дримпельмана и Пишчевича. Кромѣ того нами найдено для себя кое что цѣнное и въ такихъ источникахъ 1-й руки, которые были изданы еще до выхода въ свѣтъ трудовъ г. Скальковскаго, но которыми ни онъ, ни другіе почти не пользовались; таковы путешествія и описанія академика Гюльденштедта, проф. Дюгурова, Измайлова, Неизвѣстнаго, Мейера. Наконецъ, нами не мало почерпнуто и изъ той сокровищницы матеріаловъ, изъ которой и черпали, и будутъ черпать всѣ изслѣдователи, — изъ Полнаго собранія законовъ. Не перечисляемъ мы здѣсь также и источники, положенныхъ въ основу нашего топографиче-

скаго очерка новороссійскихъ степей, по ихъ общезвѣстности (Эрихъ Лясота, Бопланъ, князь Мышецкій, Коржъ и др.).

На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ и перечисленныхъ выше пособій ^{мы} (постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ распространеніе русскаго государства и движеніе народонаселенія къ югу, къ завѣтному побережью Чернаго и Азовскаго морей; попытаемся опредѣлить виды и формы, размѣры и быстроту колонизаціи, роль въ ней государства и народа, русскаго племени и иноземцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаемъ краткій очеркъ зачатковъ мѣстной культуры, развивавшейся параллельно съ колонизаціей края и находившейся въ прямой, непосредственной связи съ этой послѣдней, можно сказать, всецѣло опредѣлившейся ею. Но предварительно намъ необходимо будетъ сдѣлать характеристику мѣстной природы для того, чтобы опредѣлить тѣ условія, при которыхъ совершалось заселеніе края.

ГЛАВА I-я.

Природа степей.

~~Физическая географія~~ Географическое положеніе степей.—Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами; Бугъ и Днѣстръ.—Флора.—Фауна.—Невзгоды степной жизни: зимнія стужи, лѣтнія жары и засухи; саранча; сосѣдство съ татарами.

Предметомъ нашего изученія будетъ мѣстность, обнимающая нынѣшнія херсонскую, екатеринославскую и таврическую губ. (исключая въ этой послѣдней Крыма) и извѣстная подъ именемъ Новороссіи или новороссійскихъ степей. Географическое положеніе и природа новороссійскихъ степей опредѣлили ихъ историческую судьбу: съ самыхъ отдаленныхъ временъ онѣ служили жалищемъ для номадовъ, постоянно приходившихъ въ Европу изъ Азіи черезъ Каспійскія ворота, вытѣснявшихъ другъ друга и уступавшихъ свое мѣсто новымъ пришельцамъ. Не перечисляя древнѣйшихъ обитателей ихъ, мы только напомнимъ о современникахъ древнихъ русичей—печенѣгахъ, черныхъ клобукахъ, половцахъ и татарахъ; одни кочевники надолго задерживались въ новороссійскихъ степяхъ; другіе только проходили черезъ этотъ великій путь изъ Азіи въ зап. Европу и тамъ уже проявляли свою разрушительную дѣятельность; новороссійскія степи на востокѣ сливаются мало по малу со степями Азіи; вотъ почему онѣ и сдѣлались торною дорогою для всѣхъ азіатскихъ кочевниковъ. Природа ихъ представляла гораздо большія удобства для бродячей, кочевой, чѣмъ для осѣдой жизни. Здѣсь искони господствовала не лѣсная, а степная растительность—высокія густыя травы, столь за-

манчивыи для номадовъ; лѣса здѣсь если и попадались, то въ видѣ оазисовъ. Здѣсь былъ просторъ, столь необходимый для кочевниковъ, съ ихъ многочисленными стадами рогатаго скота и табунами лошадей; здѣсь почти нѣтъ лѣсовъ, препятствующихъ постояннымъ передвиженіямъ съ одного мѣста на другое; здѣсь мало и горъ: почти вся мѣстность отличается равниннымъ характеромъ; вездѣ, куда ни бросишь взоръ, увидишь одну безконечную равнину, то зеленую, то выжженную солнцемъ, отличительною чертою которой нужно признать почти полное отсутствіе разнообразія. Единственными предметами, на которыхъ останавливается взоръ, являются курганы, — это нѣмые свидѣтели отдаленнаго прошлаго; но и къ нимъ скоро привыкаетъ глазъ, можетъ быть потому, что и они похожи другъ на друга. «Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, говоритъ о херсонскихъ степяхъ г. Шмидтъ, составляютъ какъ бы исключеніе въ херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихъ пространствъ наносныхъ песковъ¹⁾». Первое мѣсто между этими рѣками по праву принадлежитъ Днѣпру²⁾, извѣстному подъ именемъ Борисвена уже отцу исторіи Геродоту. Начинаясь въ предѣлахъ смоленской губ., изъ болотъ, расположенныхъ у подошвы валдайской плоской возвышенности, Днѣпръ впадаетъ лиманомъ въ море и, такимъ образомъ, соединяетъ отдаленный сѣверо-западный край съ Чернымъ моремъ; въ предѣлахъ Новороссійскаго края онъ течетъ на разстояніи болѣе 500 верстъ и на всемъ этомъ пространствѣ орошаетъ степи. Характеристическую черту Днѣпра въ предѣлахъ сѣверной части екат. губ. составляютъ пороги и заборы. Днѣпровскіе пороги издавна привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и писателей; о нихъ сообщаютъ свѣдѣнія византійскій имп. Константинъ Багрянородный, Эрнхъ Лясота, Вопланъ, неизвѣстный авторъ Книги большаго чертежа, составитель атласа р. Днѣпра XVIII в. и, наконецъ, авторъ статьи, помѣщенной въ 3-мъ томѣ «Зап. од. общ. ист. и др.», стр. 581—586; но число пороговъ

¹⁾ Мат. для геогр. и стат. Рос. Херс. губ., I, 96.

²⁾ Въ „Зап. од. общ. ист. и др.“, III, 571—580, помѣщено замѣчательное „Описаніе р. Днѣпра отъ м. Переволочнаго до Чернаго моря“, 1697 г., содержащее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о рѣкахъ, рѣчкахъ, вѣткахъ и островахъ р. Днѣпра“.

въ этихъ источникахъ указывается неодинаковое (отъ 7 до 13); самыя названія ихъ съ X вѣка измѣнились; впрочемъ, имена ихъ у Константина Багрянороднаго переданы ^{крупнее} не точно. «Пороги, говорить пѣм. путешественникъ XVI в. Э. Ласота—это пучины (Strudl) или скалистыя мѣстности, гдѣ Днѣпръ во всю ширину свою запруженъ камнями и скалами, которые отчасти находятся подъ водою или на уровнѣ ея, отчасти же поднимаются высоко надъ водою, почему и дѣлаютъ плаваніе по этой рѣкѣ весьма опаснымъ, особенно во время мелководія» ¹⁾; по словамъ Боплана, пороги составляютъ родъ плотины, которая запружаетъ рѣку: «Днѣпръ подымается и падаетъ съ высоты 5 или 6 ф., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 ф., смотря по обилію водъ его; весною, при таяніи снѣговъ, онъ покрываетъ всѣ пороги, исключая седьмаго—Ненасытицаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время; лѣтомъ же и осенью, когда вода стоитъ на самой низкой точкѣ, водопады имѣютъ нерѣдко отъ 10 до 15 ф. въ вышину» ²⁾. Самый грозный изъ пороговъ Ненасытецкій, теперь называемый Дидомъ. «Страшный шумъ, говорить Аванасевъ-Чужбинскій, зачастую слышны еще отъ Звонцаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ знать о близости Дѣда, какъ называютъ лоцманы Ненасытець, и вскорѣ вправо показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между камнями. Оба берега скалисты... Собственно порогъ состоитъ изъ 12 рядовъ камней, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ... Съ Монастырка, а лучше всего съ верху горы видъ на порогъ превосходный; Ненасытець представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ то особенно; порою случается слышать въ его гулъ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно и только вблизи слышно, какъ перелпвается вода черезъ камень...» ²⁾. Днѣпровскіе пороги, конечно, должны были служить значительнымъ препятствіемъ для судоходства; порожистое теченіе Днѣпра представляло изъ себя

¹⁾ Путевыя зап. Э. Ласоты, пер. и прим. Бруна, стр. 27.

²⁾ Описаніе Украйны, стр. 22.

³⁾ Поѣздка въ южную Россію, часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 100—101
103, 104.

какъ бы естественную твердыню, которая преграждала путь и въ лежавшее за нею далѣе къ югу русло Днѣпра (уже за порогами). Эта часть Днѣпра отличается другимъ свойствомъ, характеризуется такъ называемыми *плавнями*.

Днѣпръ течетъ здѣсь въ широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и острововъ; эти то низменные долины, образуемая днѣпровскимъ русломъ, и называются плавнями. »Онѣ состоятъ изъ песчаныхъ и иловатыхъ наносовъ рѣки, затопляемыхъ съ весенними разливами и за исключеніемъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ древняго образованія, въ періодъ большаго обилія водъ въ рѣкѣ, остаются въ теченіи всего года на горизонтѣ ея водъ. Низменности одѣваются болотною растительностью и густо растущимъ камышомъ, покрывающимъ сплошнымъ ковромъ цѣлые десятки квадратныхъ верстъ. Прочія низменности долины представляютъ луговья пространства, одѣтыя иногда густою лѣсною растительностью, преимущественно вербою, или же представляютъ совершенно оголенные наносы песка, какъ бы мели, только что выдвинувшіяся на поверхность воды. За исключеніемъ этихъ песчавыхъ пространствъ, плавни составляютъ особое богатство страны, по скудности въ ней строительнаго матеріала, топлива, а иногда и сѣна. Не говоря о значеніи лѣса въ степномъ краѣ, но и камышъ, достигающій роста отъ 5 до 6 аршинъ и болѣе, употребляется на топливо и на постройку крышъ, изгородей и самыхъ домовъ (что имѣетъ немаловажное значеніе), а луга доставляютъ постоянный и обильный сѣновосъ, несмотря на случающіеся неурожай сѣна въ степяхъ. Иловатая почва долины, при низменномъ ея положеніи, весьма способна къ разведенію садовъ и огородовъ... Кромѣ того она представляетъ особенное удобство къ разведенію птицы и животныхъ¹⁾. «Какая бы ни была засуха, говоритъ Аванасьевъ-Чужбинскій, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ не ощутительна: здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя надолго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности и на этихъ поемныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди даже и въ то время, когда въ степи не бываетъ ихъ совершенно²⁾. Описанныя здѣсь плавни начинаются

¹⁾ Мат. для геогр. и ст. хѳрс. губ., I, 168—169.

²⁾ Поѣздка въ южную Россію. Часть 1-я. Очерки Днѣпра, стр. 154.

сейчасъ же за днѣпровскими порогами еще въ предѣлахъ екатери-н. губ. (онѣ то были извѣстны у запорожцевъ подъ именемъ «Великого Дугу»); но затѣмъ тянутся и далѣе въ предѣлахъ херсонской губ. до самаго лимана.

Мы уже выше замѣтили, что Днѣпръ образуетъ въ плавняхъ множество острововъ; острова эти начинаются еще въ порожиистой части Днѣпра, но больше всего мы находимъ ихъ за порогами въ плавняхъ. Уже Э. Ласота ¹⁾ и Бопланъ ²⁾ обратили вниманіе на Днѣпровскіе острова, особенно много распространяется о нихъ послѣдній; впрочемъ, онъ самъ при этомъ заявляетъ, что спускался только до острова Хортицы, а объ островахъ за днѣпровскими порогами сообщаетъ по рассказамъ другихъ; онъ называетъ, между прочимъ, Великій островъ, Томаковку, Кагеръ, Носоковку, Таванъ, самымъ значительнымъ изъ острововъ былъ Хортицкій. По словамъ Э. Ласоты, этотъ «прекрасный, высокій и пріютный» островъ имѣлъ въ длину 2 мили и раздѣлялъ Днѣпръ на 2 равныя части; Бопланъ къ этому присоединяетъ еще такія свѣдѣнія: онъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней; въ ширину имѣетъ съ восточной стороны около полумили, но въ западу уже и ниже. Онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ былъ густымъ лѣсомъ. Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ острововъ была еще цѣлая масса небольшихъ островковъ, образуемыхъ руслами рѣки, озерами, затонами и т. п. «Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, говоритъ Бопланъ, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ, съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10000 островами (это, конечно, гипербола), которые разбросаны неправильно, беспорядочно; почву имѣютъ ине сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ и закрывающимъ протоки между островами».

Таковъ былъ Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами. Отчасти такими же свойствами отличался и Бугъ. Прорѣзываясь, подобно Днѣпру, черезъ каменную гряду—отроги Карпатъ, онъ также образуетъ пороги (между Ольвіополемъ и с. Александровкою); здѣсь каменными глыбами усѣяно все дно рѣки; всѣхъ пороговъ 18; кромѣ того еще не мало и заборъ; пороги дѣлаютъ эту часть Буга очень живописною, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неудобную для судоход-

¹⁾ Путевые записки, стр. 26—30, 52—53.

²⁾ Опис. Украины, стр. 17—19, 22—29.

ства; ниже пороговъ (отъ Александровки до впаденія р. Куцаго Еланца) Бугъ течетъ въ долину шириною отъ 1 до 5-ти верстъ и, подобно Днѣпру, образуетъ плавни¹⁾; плавни эти состоятъ то изъ луговъ, заливаемыхъ водою только во время половодья, то изъ топей, покрытыхъ камышемъ или мягкими лѣсными породами деревьевъ, то изъ совершенно обнаженныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ нижнемъ теченіи Буга плавень почти вовсе не было; здѣсь онъ сильно расширяется и достигаетъ максимальной глубины²⁾. Бопланъ указываетъ нѣсколько острововъ на Бугѣ (Андреевъ и Кременцовъ³⁾).

На Днѣстрѣ мы видимъ пороги и отчасти тѣ же плавни и острова; только Днѣстръ образуетъ еще болѣе плодородную долину, нежели Днѣпръ и Бугъ; «долина днѣстровская составляетъ богатство края, представляя самую плодороднѣйшую почву для садовъ, виноградниковъ и огородовъ, доставляя лѣсъ, камышъ и всегда обезпеченный сѣнокосъ⁴⁾».

О притокахъ Буга и Днѣпра «Топогр. оп.» области, доставшейся намъ отъ турокъ въ 1774 г., говоритъ слѣдующее: «рѣчекъ по сей земли хотя по обширности ея и не весьма (много), однако довольно; но всѣ почти маловодны и къ вершинамъ совсѣмъ въ лѣтнее время воды не имѣютъ... По всѣмъ же, кромѣ Ингула и Ингульца, рѣчкамъ переѣзды въ бродъ вблизи самихъ устей есть; а которыя при томъ болотисты и у тѣхъ не долѣ отъ устья какъ до 7 в. и въ самое

¹⁾ Въ топ. описаніи земель, доставшихся Россіи по мирному трактату съ Турціей 1774 г., мы находимъ довольно подробное описаніе р. Буга; тамъ говорится, что Бугъ расширяется отъ впаденія въ него р. Мертвовода (у г. Вознесенска), а верстъ 15 ниже Мертвовода начинается плавня, заростающая камышами, и тянется на разстояніи 27 в. до Сухаго Еланца, только у Голой Пристанн, верстъ на 6 выше Еланца, правый берегъ чистъ и не покрытъ камышемъ; на югъ отъ Сухаго Еланца на разстояніи 2-хъ верстъ опять идетъ плавня, съ обоихъ береговъ болотистая и заросшая камышемъ; далѣе къ югу Бугъ значительно расширяется (отъ 250 до 600 с.) и течетъ такъ на протяженіи 6 верстъ, при чемъ лѣвый берегъ его все таки покрытъ камышемъ, песчаными кучугурами и лугами; послѣ этого дѣлаетъ вдругъ поворотъ на востокъ и, разлившись на 600 с., течетъ такъ до самаго устья, имѣя глубину отъ 28 до 40 ф. (Зап. Од. общ. 7 томъ, стр. 180—181).

²⁾ Матер. для геогр. и стат. херс. губ., 1, 188, 190; см. также опис. рѣки Буга у Мейера „Повѣств., землем. и естест. описаніе очак. земли.“ Спб. 1794 г., стр. 110—112.

³⁾ Оп. Укр., стр. 31.

⁴⁾ Мат. для геогр. и стат. херс. губ., 198.

разливающееся время рѣки Днѣпра переѣзжать можно... ¹⁾ По Ингулу вверхъ суда съ рыбою ходятъ, отъ устья до 40 в., гдѣ уже болѣе 4 футъ глубины не имѣтъ» ²⁾).

Почва Новороссійскаго края должна быть названа въ общемъ очень плодородной: черноземъ преобладаетъ и въ херсонской, и въ екатеринославской губ. и толщина его колеблется между четырьмя вершками и 1½ арш. Черноземъ этотъ покрываетъ не описанныя нами рѣчныя долины, а настоящія степи и при томъ слой его тѣмъ толще, чѣмъ выше эти степи приподняты надъ уровнемъ моря; но такъ какъ степи понижаются къ югу по мѣрѣ приближенія къ Черному и Азовскому морьямъ, то наиболѣе тонкій слой чернозема называется у самаго побережья, возлѣ лимановъ. Очаковская область, т. е. часть Новор. края, лежавшая между Бугомъ и Днѣстромъ, по качеству почвы можетъ быть раздѣлена на 2 части—сѣверную и южную; первая отличается необыкновеннымъ плодородіемъ, а вторая, приморская производитъ только тощую растительность; западная часть степи—днѣстровская болѣе изобилуетъ водою, чѣмъ восточная (бугская); протекающія здѣсь рѣки могутъ быть раздѣлены на 3 группы: однѣ никогда не пересыхали, другія пересыхали только отчасти, а третьи совсѣмъ; кромѣ рѣчной воды жители пользовались еще колодцами и родниками ³⁾. Что касается рѣчныхъ долинъ, то тамъ почва наносная—преимущественно илесто-песчаная, а иногда илесто-песчано-черноземная (по теченію Днѣстра)—и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ довольно плодородная. Конечно, кромѣ черноземныхъ пространствъ, есть также и песчанья и солончаковыя и болотистыя, совершенно неудобныя для культуры; такова, напр., Кинбурнская коса, или, какъ ее называли запорожцы, «прогнои», представляющая изъ себя настоящую Ливійскую пустыню и отличавшаяся такимъ

¹⁾ Подробнѣйшее перечисленіе днѣпровскихъ притоковъ см. въ соч. кн. Мышецкаго: Ист. о козакахъ запорожскихъ, стр. 59—73; гораздо менѣе удовлетворительны свѣдѣнія атласа р. Днѣпра конца прошлаго вѣка, см. Русова., Русскіе тракты., стр. 128—129.

²⁾ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. VП, стр. 183—184, 181.

³⁾ Мейера., Повѣствованіе, землемѣрное и естественное описаніе Очаковскія земли. Спб. 1794, стр. 100—103. Оно заключаетъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія о физико-геогр. свойствахъ очаковской области: „Нижняя или приморская часть на красной, ржавчатой и желѣзными частицами наполненной землѣ производитъ только тощія, солковатыя и всѣ вообще какъ бы дымчатыя растенія. Верхняя же или водная часть плодородностію и изящностію своей земли превзойти можетъ всякую другую страну“.

же характеромъ и въ прежнія времена ¹⁾, но существованіе бесплоднаго пространства не нарушаетъ общаго вывода о плодородіи степей. Объ этомъ плодородіи свидѣтельствуютъ многіе очевидцы стараго времени, сообщающіе данныя о богатствѣ степной флоры. Послушаемъ, напр., что говоритъ объ этомъ Бопланъ: «По полямъ Замована (Самотваня), говоритъ онъ, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревьевъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ 200 до 300 шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дѣлкихъ малорослыхъ миндальныхъ деревьевъ съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ, подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ» ²⁾. По теченію р. Самары (притока Днѣпра), по словамъ Боплана, было большое обиліе лѣса, который доставляли отсюда въ Колакъ ³⁾; одинъ изъ острововъ у Стрѣльчаго порога былъ покрытъ дикимъ виноградомъ ⁴⁾; острова Хортица и Томаковка лѣсомъ ⁵⁾. Князь Мышецкій сообщаетъ намъ списокъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ, растущихъ при Днѣпрѣ: виноградъ, яблоки, груши, тернъ, барбарисъ, калина, вишни, ежевика; на днѣпровскихъ островахъ—дикій чай, шалфей и др. аптечныя травы, дубъ, осокорь или осина, ивникъ, гордовое и таволжное дерево; но всѣ эти деревья для построекъ не годятся ⁶⁾. Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ о части херсонскихъ степей, прилегающихъ къ Днѣпру и Бугу, такимъ образомъ: «Земля на семь округъ, выключая около рѣкъ песчанья косы и кочугуры, каменные берега, вообще влажна сверху на два фута и болѣе, черна, а ниже глинистой, желтоватой грунтъ имѣеть и вся къ плодородію способна; но на высокихъ горахъ отъ жаровъ и трава скоро высыхаетъ, слѣдственно хлѣбопашество тамъ производить нельзя, а только къ тому балки и отъ рѣкъ низменныя мѣста и пологость при балкахъ горъ способными остаются; да и траву, если на тѣхъ горахъ получать для покосу, то каждую осень выжигать неотмѣнно принуждено ⁷⁾». О флорѣ тотъ же авторъ говоритъ слѣдующее: «лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, а по балкамъ мѣстами растутъ яблоня, груши,

¹⁾ Скальковскаго, Опытъ стат. оп. Новор. края, ч. 1-я, стр. 200—201.

²⁾ Оп. Укр. стр. 16.

³⁾ Ibidem стр. 18.

⁴⁾ Ibidem стр. 23.

⁵⁾ Ibidem стр. 25.

⁶⁾ Ист. о каз. Зап. стр. 78.

⁷⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

а болѣ терновникъ, шиповникъ, хмель, виноградъ (весьма одичалъ, а потому весьма мелокъ, вкусъ кисловатый имѣетъ и растетъ не во множествѣ), вишни, ивнякъ, осоворъ, боярыня, гордина, и всѣ изрѣдка; на островахъ, что въ гирлахъ, довольно ольхи, березы, лознику или вербы, терну, но все мелкіе; а по р. Аргамаклы или Громоклеи нѣсколько годнаго и въ строеніе лѣсу есть... Травы родятся разныя, а обще: въ балкахъ и около рѣкъ растетъ пырей, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, кропива, лебеда, цикорій, горчица; изъ цвѣтвыхъ: тюльпаны, васильки, ромашка, гвоздичка; по надъ берегомъ лимана каууста заячья, спаржа, и въ степяхъ: ковыль, катранъ, бурьянъ, шалфей, мята; по горамъ много богородицкой травы и полыню, морковка двкая какъ пусторнакъ, чеберъ, бедринецъ, а въ множествѣ около Гарду по Бугу между каменя артишокъ, а въ рѣкахъ, по Днѣпру водяные орѣхи, лапушникъ, изобильно тростнику и камышу, очеретъ называемаго... грибовъ никакихъ, кромѣ шампіоновъ, не видно. Изъ ягодъ, кромѣ изрѣдка клубники и земляники, никакихъ нѣтъ¹⁾». А вотъ весьма характерный отрывокъ изъ донесенія правителя екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго объ Очаковской области, прибрѣтенной отъ турокъ: «въ проѣздъ мой осматривалъ я оба берега Березанскаго, Тилигульскаго и Кузальницкаго лимановъ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ почитаемыя мною нужнѣйшими мѣста въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше донести В. И. В., что нашелъ я по всему пространству земли отмѣнно тучныя и плодородныя: сіе доказывается остатками развалинъ многочисленныхъ бывшихъ повсюду селеній и различнаго рода лучшими травяными кормовыми растеніями, коими покрыты не только всѣ долины, но и плоскія мѣста, исключая береговъ и отлогостей по р. Днѣпру. Весьма мало попадались мнѣ солонцоватыя и песчанныя мѣста; болотистыхъ же не наѣзжалъ я, какъ только по берегамъ Буга и Днѣстра и по лиманамъ, кои покрыты камышемъ, пригоднымъ для употребленія вмѣсто дровъ²⁾».

Не меньшимъ богатствомъ отличается фауна степей. Бопланъ описываетъ подробно водившихся здѣсь байбаковъ и сугаковъ, и говоритъ также объ оленяхъ, ланяхъ, сайгахъ, дикихъ кабанахъ не-

¹⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 186—187; Чернявскій въ своемъ „Описаніи Сѣчи“ перечисляетъ лѣса, принадлежавшіе запорожцамъ; см. „Ист. о каз. запор.“ стр. 83—84.

²⁾ Сравнительный взглядъ на Очаковскую область, А. А. Скальковскаго (Зап. Од. Общ., I, 260—261).

обыкновенной величины и диких лошадяхъ, ходившихъ табунами отъ 50 до 60 головъ¹⁾. Э. Ласота передаетъ, что на обратномъ пути изъ Сѣчи онъ и его товарищи встрѣтили медвѣдя и убили его (между рѣчками Самотканью и Домотканью)²⁾. Кн. Мышецкій перечисляетъ звѣрей, которые встрѣчаются по обоимъ берегамъ р. Днѣпра и по островамъ; это были: олени, волки, лисицы, зайцы, барсуки, выдры, дикія козы, дикія кошки, дикіе кабаны, дикіе лошаки; на очаковской сторонѣ въ Черномъ лѣсу водились медвѣди и лоси³⁾; авторъ «Топ. Оп.», извѣстія котораго относятся къ концу XVIII вѣка, когда количество дикихъ звѣрей уже уменьшилось, говоритъ слѣдующее: «звѣрей дикихъ прежде войны важивалось довольно, но нынѣ изрѣдка волки, лисицы, зайцы, козы, барсуки, хорьки, сурки или байбаки, а въ камышахъ дикія свиньи и кабаны. По лѣвую сторону Ингула есть множество дикихъ лошадей, а въ рѣкахъ довольно выдры. Были, сказываютъ, олени и сугаи, но нынѣ совсѣмъ не видно⁴⁾». По сообщенію Пейсоннеля, сугаи (дикія овцы) въ Очаковской и Перекопской степи водились въ изобиліи еще и въ концѣ XVIII в.; Гюльденштедтъ упоминаетъ объ оленяхъ въ елисаветградской провинціи во 2-й половинѣ XVIII в.; дикія козы, буницы и барсуки были еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи⁵⁾.

Царство пернатыхъ также было велико. Князь Мышецкій перечисляетъ слѣдующихъ птицъ, которыя водились на днѣпровскомъ побережьи и на островахъ: дикія гуси разнаго рода, лебеди, утки, колпицы, дрохвы, бакланы, журавли, бабы (пеликаны), аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястребы⁶⁾; авторъ «Топ. Оп.» присоединяетъ еще сюда стрепетовъ, чаекъ и нѣк. др.⁷⁾.

Воды изобиловали рыбою. «Озеро (лиманъ) Тилигуль, говоритъ Бопланъ, такъ обильно рыбою, что стоячая вода онаго получаетъ запахъ несносный... Озеро Куяльникъ столь же обильно рыбою, какъ и Тилигуль. Ватаги рыбаковъ пріѣзжаютъ на сіи два озера далѣе

¹⁾ Опис. Украины, стр. 89—93.

²⁾ Путевыя зап., стр. 54.

³⁾ Ист. о каз. запор., стр. 77.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

⁵⁾ Ист.-стат. обозр. херс. губ., Кирьякова (Мат. для стат. Рос. имп., стр. 181); о сугакахъ и дикихъ козахъ свидѣтельствуеетъ и Мейеръ, стр. 192.

⁶⁾ Ист. о каз. запор., стр. 77—78.

⁷⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

нежели изъ за 50 миль и ловятъ карповъ и шукъ велпчины необыкновенной¹⁾». Пселъ и Ворскла—рыбныя рѣки; но обильнѣе всѣхъ рыбою притокъ Днѣпра Орель; р. Самара также весьма обильна рыбою²⁾. Князь Мышецкій передаетъ, что запорожцы въ его время въ Днѣпрѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ ловили много осетровъ, севрюги, стерляди, сомовъ, сазановъ, линей, шукъ, карасей, бѣлизны, окуней, судаковъ, плотвы, сельдей, лящей³⁾. Авторъ «Топ. Оп.» говоритъ, что въ лиманѣ, Бугѣ, Ингулахъ и Днѣпрѣ ловились стерлядь, севрюга, бѣлуга, осетры, сомы, лещи, скумбрія, тарань, камбала⁴⁾ и т. и. Еще во времена Гюльденштедта рыба ловилась въ большомъ изобиліи и продавалась очень дешево; пудъ соленой бѣлужины по 70 к.⁵⁾

Итакъ, Новороссійскія степи изобиловали въ прежнія времена разнообразными естественными богатствами міра животнаго и растительнаго; кромѣ того неисчерпаемыя залежи минераловъ (гл. обр. каменнаго угля и желѣза) находились еще въ нѣдрахъ земли, но сдѣлались извѣстными и стали эксплуатироваться очень поздно. Почва, какъ мы видѣли, по большей части представляла прекрасный черноземъ, а въ рѣчныхъ долинахъ хотя и песчано-илистые, но все таки довольно плодородные наносы; бесплодныхъ или малоплодородныхъ мѣстъ было немного—и они находились главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ степей, ближе къ морю. Климатъ здѣсь болѣе теплый, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Понятное дѣло, что всѣ эти благоприятныя условія должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ.

Но намъ нужно показать и обратную сторону медали, для того чтобы понять причину медленнаго заселенія этого края въ XVI—XVII в. Жизнь въ степи была сопряжена со страшными лишеніями и неудобствами: приходилось вести настойчивую и упорную борьбу съ дикой степной природой. Страшна была безлюдная степь зимою, когда въ ней господствовали сильные морозы, вѣтры и вьюги, когда вся она представляла изъ себя безконечную бѣлоснѣжную пелену, на которой не видно было уже дорогъ, а бродили только голодные

¹⁾ Опис. Украйны, стр. 32—33.

²⁾ Ibidem, стр. 15—16, 18.

³⁾ Ист. о каз. завор., стр. 77.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., т. 7-й, стр. 187.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., XI, стр. 192—193.

волки и др. звѣри. Если теперь великая опасность угрожаетъ путнику, застигнутому здѣсь снѣжною мятелюю и лютымъ морозомъ, то что же было прежде? Объ этомъ времени сообщаютъ намъ любопытныя свѣдѣнія очевидцы, сами на себѣ испытавшіе все это. Бопланъ очень картинно описываетъ зимніе холода. «Обыкновенно стужа обхватываетъ человѣка вдругъ, говоритъ онъ, и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро;—его пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и при томъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самыя члены, и мало по малу приходитъ въ забытѣе, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди самаго крѣпкаго тѣлосложенія... Въ 1646 г., когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы, для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и возвращенія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2,000, изъ коихъ многіе погибли описанною мною мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей¹⁾». Другой французскій писатель баронъ де-Тоттъ рассказываетъ, что во время зимняго похода татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. (и онъ самъ здѣсь участвовалъ) погибло болѣе 30,000 лошадей²⁾. Всѣмъ извѣстна также знаменитая очаковская зима³⁾.

Недостаточное количество рѣчной воды и быстрое всасываніе испареній атмосферой въ связи съ сухими вѣтрами производили

¹⁾ Бопланъ, Опис. Укр. стр. 96—98.

²⁾ *Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares 1781 a. sec. partie, 153—154.*

³⁾ По описанію современника, очаковская зима отличалась чрезвычайною продолжительностью и суровостью; 13 окт. выпалъ уже большой снѣгъ, а 7 ноября началась настоящая зима съ заметами и мятелями, при чемъ замерзло множество деревьевъ въ садахъ и лѣсахъ; передъ 12 іюня ударилъ еще такой морозъ, что мѣстами замерзли огородныя овощи (Очаков. зима по современному описанію, В. Ястребова, въ Киевск. Стар. 1884 г. авг., стр. 732).

очень частыя засухи. Мы упоминали уже, какъ мелководны были рѣчки, впадающія въ Днѣпръ и Бугъ; лѣтомъ онѣ почти совершенно пересыхали и не могли достаточно хорошо орошать и тѣ долины, въ которыхъ онѣ протекали. Атмосферные осадки (въ видѣ дождя, росы и т. д.) жадно поглощались сухою землею или же обращали жалкіе дотолѣ ручьи въ стремительные и полноводные потоки, вода которыхъ быстро уносилась въ большія рѣки и море, а въ степи земля трескалась отъ засухи; вся богатая растительность засыхала. Подобныя засухи были истиннымъ бичемъ для земледѣльческаго хозяйства и тогда уже, когда здѣсь поселились мирные колонисты. Климатъ былъ здѣсь континентальный, сухой; даже близость моря не умѣряла его; и это потому, что степи были совершенно открыты со всѣхъ четырехъ сторонъ дѣйствію вѣтровъ; и вотъ сѣверный вѣтеръ приносилъ съ собою холодъ, а восточный—страшную сухость и жару. Родники и колодцы въ юго-восточной части Новороссійскаго края находились только у береговъ рѣкъ, а въ степи на горѣ не было ни одного; потому то и дороги проложены были возлѣ рѣчек¹⁾.

Весна отличалась большою переменчивостью погоды. Лѣтомъ вся трава въ степяхъ высыхала и выгорала и онѣ представляли изъ себя мертвую пустыню. Когда же не было засухи, могъ явиться другой врагъ и истребить не похуже ея всю растительность на громадной территоріи; это была саранча—истинный бичъ Божій въ южныхъ степяхъ. «Саранча, говоритъ Бопланъ, летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или 6 миль въ длину и на 2 или 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкасїи, Бассїи и Мингрелїи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія—тамъ черезъ 2 часа не остается ни былинки... Дѣйствія увеличиваются въ 300 разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени: ибо въ октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое насѣкомое кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ и помрачаетъ воздухъ... Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ²⁾». Если

¹⁾ Зап. Од. Общ. VI, стр. 183.

²⁾ Опис. Укр., стр. 85—87.

саранча была истиннымъ бичемъ для растительности, то мошки были такимъ же бичемъ для людей и скота. «Берега днѣпровскіе, говорить Бопланъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самыя мучительныя и самыя несносныя комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала чрезъ 3 дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть; страшно было взглянуть на меня»¹⁾. Вѣроятно, заноснымъ путемъ распространялась также въ степяхъ страшная гостя чума, противъ которой не было никакихъ средствъ²⁾. Наконецъ, прежде чѣмъ поселиться въ степяхъ, необходимо было, такъ сказать, отвоевать ихъ отъ татаръ. Татары, явившись сюда въ XIII в., были какъ нельзя болѣе довольны новыми мѣстами своего жительства—этимъ моремъ травъ, служившихъ подножнымъ кормомъ для ихъ стадъ даже зимою (по крайней мѣрѣ въ самыхъ южныхъ приморскихъ степяхъ). Опорнымъ пунктомъ, неприступнымъ гнѣздомъ для нихъ былъ Крымъ, завоеваніе котораго сдѣлалось исторической задачей для русскаго государства, начиная съ XVI в.; но эта задача была рѣшена только въ 1783 г. Въ XIII—XVI в. Новороссійскія степи принадлежали татарамъ, кочевья которыхъ простирались еще далѣе на сѣверъ и переходили даже въ нынѣшнюю харьковскую и полтавскую губ., которыя также представляли изъ себя дикое поле. Завоевать Крымъ въ XVI в. и ввести его въ составъ своихъ государственныхъ границъ Москвѣ не удалось: онъ былъ защищенъ степями, отдѣлявшими его отъ московскаго государства. Правда, черезъ эти степи протекали 3 громадныя рѣки (Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ), которыя несли свои воды въ самое море, но къ несчастью на всѣхъ этихъ трехъ рѣкахъ, какъ мы знаемъ, находились пороги, которые страшно затрудняли судоходство или, правильнѣе говоря, дѣлали его

¹⁾ Оп. Укр. стр. 84; см. также Аванасьева-Чужбинскаго, Повѣдка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

²⁾ Любопытныя подробности о чумѣ въ херс. губ. находятся въ замѣткахъ А. С. Пищевича; особенно интересно его описаніе Крѣговскаго карантиннаго г. Кременчуга, см. Киевск. Стар. 1885 г. май, стр. 155—163.

возможнымъ только за порогами; при томъ Днѣстръ отличался бы-строю теченіемъ, а Бугъ вовсе не былъ судоходенъ въ верховьяхъ. Туда вели только татарскіе «извѣчныя» шляхи—Черный, Кучманскій и Волошскій на правомъ берегу Днѣпра, Муравскій, Изюмскій и Калміусскій на лѣвомъ. Проходить спокойно по степямъ то пространство, которое отдѣляло Крымъ отъ московскаго государства, могли только татары, выросшіе въ степи; русскія рати, какъ показываетъ исторія Голицынскихъ и Миниховскихъ походовъ, должны были терпѣть при этихъ степныхъ переходахъ страшныя лишенія, несмотря на всѣ тѣ мѣры, какія предпринимались главнокомандующими. Степные пожары являлись ужаснымъ оружіемъ въ рукахъ степняковъ: воздухъ въ степи отъ пожара сильно накалился; къ страшной сухости и жарѣ присоединялся еще удушливый дымъ, который выѣдалъ глаза и не позволялъ дышать; лошади и люди чувствовали себя какъ бы въ раскаленной печи. Но главное что такой пожаръ захватывалъ громадныя пространства и уничтожалъ весь кормъ для лошадей; а въ какомъ положеніи должны были очутиться всадники, потерявшіе своихъ коней?! Они неминуемо должны были погибнуть если не отъ жажды и страшнаго утомленія, то отъ татарскихъ выстрѣловъ, ибо татары ни на одну минуту не оставляли въ покоѣ утомленнаго войска, а наблюдали все время за нимъ, окружали его, какъ вороны свою добычу. Почти въ такомъ положеніи очутилась, напримѣръ, рать кн. Голицына. Во всей степи не было ни городовъ, ни деревень, вообще никакихъ постоянныхъ жилищъ, гдѣ бы можно было найти временный пріютъ и пристанище. Минихъ, какъ извѣстно, долженъ былъ построить по всему пути редуты и ретраншаменты, чтобы поддерживать сообщеніе съ Украиной. Мало того,—отъ р. Самары прекращались и лѣса,—эти естественныя крѣпости для осѣдлаго населенія; попадались они послѣ этого только въ плавняхъ. «Можно пройти, говоритъ Манштейнъ, 15 и 20 верстъ и не встрѣтить ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся ли они на новомъ мѣстѣ». Такія опасности и затрудненія угрожали въ степяхъ большому войску, снабженному фуражемъ и всѣмъ необходимымъ. Но чрезвычайно затруднительно было также положеніе и небольшого отряда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что испытали наши посланники Тякинъ и Зотовъ, отправленные въ Крымъ для заключенія мирнаго трактата въ 1681 г.; несмотря на то, что ихъ должно было ограждать званіе

пословъ, несмотря на то, что ихъ сопровождалъ отрядъ рейтаръ и козаковъ, они всю дорогу пробыли въ величайшемъ страхѣ, терпѣли отъ безкормицы, безводія, копоты и дыма и вздохнули свободно, пришедши въ самый Крымъ, воздавши благодареніе избавителю Богу, Пречистой Богоматери, что «препроводилъ ихъ такимъ страшнымъ путемъ здоровыхъ и не попустилъ на нихъ враговъ». Спрашивается, каково же могло быть положеніе тѣхъ людей, которые бы рѣшились поселиться навсегда въ степи, въ качествахъ осѣдлыхъ колонистовъ? Имъ нужно было бы вести постоянную борьбу и съ татарами, считавшими эти степи своею собственностью, и съ природой. О мирной колонизаціи края нечего было, конечно, и думать до второй пол. XVIII в. Первые колонисты должны были затрачивать почти всю свою энергію на войну съ татарами—какъ оборонительную, такъ и наступательную; имъ трудно было обратить свою заботливость на созиданіе культуры, потому что для этого нужно было такое спокойствіе въ краѣ, каковымъ онъ не пользовался очень долго. Они должны были поселиться въ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, а такимъ мѣстомъ были острова за днѣпровскими порогами; въ открытой степи ихъ уничтожила бы первая татарская рать. А тамъ, въ этихъ плавняхъ, они могли бы найти все необходимое для своей полукочевой, полуосѣдлой жизни, ибо только такую жизнь и можно было бы вести самымъ раннимъ колонистамъ.

ГЛАВА 2-я.

Первые поселенцы.

Первые колонисты—запорожскіе козаки.—Вліяніе мѣстныхъ условій на внутреннюю организацію ихъ общины.—Боевое значеніе Запорожья.—Заселеніе ими степей: пространство, занятое Запорожьемъ въ XVIII в.; виды запорожскихъ поселковъ; статистика населенія.

Первыми поселенцами Новороссійскихъ степей были запорожскіе козаки, основавшіе свою сѣчь за днѣпровскими порогами на островѣ Хортицѣ въ самомъ началѣ 2 й пол. XVI в. (при извѣстномъ кн. Дм. Вишневецкомъ)¹⁾. Съ этого времени мѣста сѣчи мѣ-

¹⁾ О происхожденіи зап. козачества см. статью г. П-ки (Кіев. Стар. 1884 г. авг. и сент., стр. 580—613, 27—52): основная мысль—одинаковость факторовъ, вызвавшихъ къ жизни укр. и запор. козачество—уяснена авторомъ обстоятельно и при томъ на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ и потому можетъ быть при-

нялись—то мы видимъ ее на островѣ Томаковѣ, то на Микитиномъ Рогѣ, то на Чертомлыцкомъ Рѣчищѣ, то на р. Каменѣ, то въ урочищѣ Оленкахъ, то надъ рѣчкою Подпольной¹⁾). Переселеніе ея съ одного мѣста на другое обуславливалось не одною, а многими и разнообразными причинами, при чемъ большую роль играли естественныя условія²⁾). Скажемъ болѣе того: природа мѣстности, столь подробно описанная нами раньше, оказала рѣшительное вліяніе на внутреннее устройство Сѣчи и ея бытъ. Что изъ себя представляла запорожская сѣчь въ первое время своего историческаго существованія (напр. въ XVI и даже въ XVII в.)? Военное братство, скрывавшееся отъ татаръ на днѣпровскихъ островахъ среди плавней, отказавшееся по необходимости отъ многихъ формъ правильной гражданской жизни—отъ семьи, личной собственности, земледѣлія и др. культурныхъ занятій. И могло ли бытъ иначе? Смѣлая горсть русичей только и могла поселяться на днѣпровскихъ островахъ; поселись она въ открытой степи, она была бы немедленно раздавлена татарами; а тутъ на Днѣпрѣ иное дѣло—плавни представляли изъ себя цѣлый лабиринтъ заливовъ, острововъ, гдѣ, по словамъ Боплана, однажды запутались и откуда не могли выйти турецкія суда, рѣшившіяся было погнаться за козацкими; здѣсь же большая часть ихъ и погибла и турки послѣ этого не осмѣливались уже подниматься далеко вверхъ по Днѣпру. Правда, рѣчныя долины Днѣпра и Буга не были покрыты такимъ густымъ слоемъ чернозема, какъ болѣе возвышенныя степи; но запорожцы не нуждались въ этихъ черноземныхъ поляхъ, потому что не занимались на первыхъ порахъ земледѣліемъ; всякая попытка ихъ въ этомъ смыслѣ была бы немедленно уничтожена татарскимъ отрядомъ. Понятно, слѣдовательно, почему заселеніе степей началось съ рѣчной долины: здѣсь запорожцы имѣли, какъ мы видѣли, въ изобиліи рыбу, дикихъ звѣрей и птицъ; понятно, почему главными занятіями у нихъ были рыболовство и звѣроловство; здѣсь

ята какъ доказанная; слабѣе отгѣнена разница между тѣми и другими въ составѣ, занятіяхъ, внутренней организаціи; авторъ съ полнымъ основаніемъ приписываетъ громадное значеніе осѣдству съ татарами съ одной стороны, польскому государственному обществ. строю съ другой; въ запорожскомъ козацествѣ онъ видитъ своеобразную полукошевую, полуосѣдлую колонизацію.

¹⁾ Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запорожскихъ сѣчей, стр. 4—15, всѣ эти мѣстности можно легко найти на атласѣ р. Днѣпра к. XVIII в. (см. Русова, Русскіе тракты).

²⁾ Д. И. Эварницкаго. Число и порядокъ запор. сѣчей, стр. 15—19.

же были весьма благоприятныя условія для развитія скотоводства, которое дѣйствительно скоро тутъ получило широкое распространеніе. «Велький Лугъ»—эта громадная плавня—сдѣлался ихъ «батькомъ», а Сѣчь—матерью. Живя на Днѣпрѣ, они не могли не узнать всѣхъ его извилинъ, заворотовъ, острововъ; по немъ они спускались на своихъ легкихъ челнахъ—чайкахъ громить приморскіе турецкіе и татарскіе города и селенія, слѣдовательно, Днѣпръ, по которому они спускались въ море, сдѣлалъ ихъ моряками. Въ такой суровой жизни, исполненной всевозможными лишеніями, нельзя не видѣть прямого, непосредственнаго вліянія дикой степной природы. Запорожцы жили непосредственною натуральною жизнью, и природа была для нихъ иногда родною матерью, а иногда мачихой. Понятное дѣло, что не могли они въ свое братство, преданное исключительно военнымъ интересамъ, ввести семейнаго начала, ибо во 1-хъ оно едва ли было возможно при той бурной, исполненной непрерывныхъ опасностей, жизни, какую вели запорожцы, во 2-хъ оно бы разлагающимъ образомъ дѣйствовало на складъ ихъ жизни (главнымъ образомъ на идею братства), въ третьихъ, наконецъ, запорожскому рыцарству и трудно было бы добывать себѣ женъ. Какъ бы то ни было, Запорожье, въ первое время своего историческаго существованія, несмотря на сравнительно небольшое число братчиковъ, представляло изъ себя такую военную силу, которую чрезвычайно высоко цѣнили сосѣди. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, вспомнить, что въ XVI ст. (въ 1594 г.) австрійскій императоръ Рудольфъ II послалъ къ запорожцамъ спеціальнаго посла Э. Ласоту, чтобы побудить ихъ черезъ Валахію вторгнуться въ Турцію; по словамъ самихъ запорожцевъ, они въ это время могли выставить «6,000 человекъ старыхъ вояковъ, людей отборныхъ, не считая хуторянъ (Landfölk), живущихъ на границахъ». Московское государство также цѣнило военное могущество запорожскаго войска. Извѣстно, какъ оно уважало основателя запорожской хортицкой Сѣчи кв. Дм. Вишневецкаго и даже пригласило его къ себѣ на службу¹⁾. Польша испытала на себѣ силу Запорожья въ XVII в. Крымъ также трепеталъ нерѣдко передъ грозными обитателями днѣпровскихъ острововъ, выставлявшими такихъ героев-удальцевъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Ив. Сѣрко, который былъ грозою для татаръ; очень характерныя данныя о его сухопутномъ нападеніи на Крымъ сообщаетъ лѣтопись Величка. Наконецъ,

¹⁾ См. подробности въ Ник. Лѣт. ч. VII и Лѣт. изд. Н. Львовымъ ч. V.

и Турція видѣла подѣ стѣнами своихъ приморскихъ городовъ запорожскій флотъ, который грабилъ, сожигалъ Каеу (нынѣшнюю Феодосію), Трапезондъ, Синопъ и освобождалъ христіанскихъ плѣнниковъ. Эти морскіе набѣги и создали имъ славу неустрашимыхъ воиновъ. Но кромѣ этихъ обширныхъ сухопутныхъ и морскихъ нападеній, запорожцы вели также въ степяхъ постоянную партизанскую войну, въ которой они усвоили себѣ многіе обычаи татаръ и въ которой ихъ замѣнить уже не могъ никто другой. Степь, которая окружала ихъ и которую они стали мало по малу отвоевывать отъ татаръ, научила ихъ вести степную войну, приспособиться къ ней, усвоить себѣ тѣ приемы, которые были выработаны раньше истинными сынами пустыни—крымцами и ногайцами. Вотъ весьма характерный лѣтописный отрывокъ, ярко рисующій намъ образъ жизни запорожскихъ удалцовъ, ведшихъ степную войну съ татарами. Въ 1690 г. образовалось въ степяхъ множество ватагъ для борьбы противъ бусурманъ. «Ездячи же на тѣхъ пустошировихъ степяхъ, иногда звѣринымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна только да сухарей толченыхъ въ сутки разъ вкушали, съ великимъ отъ татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда и конямъ ржати не допущая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комишахъ кормилися и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оніе въ день по слонцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако висмотрѣвши татаръ, нечаянно малимъ людомъ велигія ихъ кupy разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую»¹).

Таково было военное значеніе запорожскаго «товарыства». Но рядомъ съ чисто военными цѣлями—самообороны и наступленія—Запорожье преслѣдовало и другую задачу—колонизацію дотолѣ пустыннаго края; въ первый моментъ всецѣло, можно сказать, господствовала первая цѣль, но потомъ все большее и большее значеніе получаетъ вторая. Мы не будемъ касаться подробностей, а постараемся только напомнить существенные моменты въ этомъ дѣлѣ. Предѣлы Запорожья съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на счетъ «Дикаго поля», татарской стени. Въ самомъ концѣ своей исторической жизни Сѣчь (послѣдняя, Новая) заключала уже

¹ Лѣт. Самовидца. Изд. 1878 г., стр. 289—290; собственно этотъ отрывокъ помѣщенъ въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“.

въ себѣ громаднѹю территорію, въ большей или меньшей степени заселеннѹю. Всѣ запорожскія владѣнія или «вольности» состояли въ это время изъ Сѣчи (въ собственномъ смыслѣ этого слова), 8 паланокъ и, наконецъ, зимовниковъ. «Запорожская Сѣчь, по словамъ кн. Мышецкаго, есть небольшой полисадникомъ огражденный городъ, заключающій въ себѣ одну церковь, 38 такъ называемыхъ куреней и до 500 куренныхъ козачьихъ, торговыхъ и мастеровыхъ домовъ»¹). Въ куреняхъ жили члены «товариства», т. е. неженатые сѣчевики. «Всѣ курени, по словамъ Коржа, были выстроены въ Сѣчи, въ одномъ мѣстѣ, хоти и не такъ, какъ обыкновенный куринь, или шалашъ пастушій строится просто, но были рублены и изъ рѣзаного лѣса, ибо «Вельный дугъ» на лѣсѣ былъ достаточенъ; а при томъ столь обширны были палаты, что по 600 козаковъ и болѣе могли вмѣщаться въ каждомъ куринѣ, во время обѣда»²). Это была, такъ сказать, столица войска, въ 1775 г. разрушенная Текеліемъ и представлявшая изъ себя нѣчто совершенно своеобразное, не то городъ, не то крѣпость съ казармами. Здѣсь жило и высшее начальство (выборное), которое завѣдывало всѣми запорожскими владѣніями. Эти послѣднія состояли (кромѣ Сѣчи) изъ паланокъ и зимовниковъ. Запорожскія земли занимали нын. екатеринославскую и херсонскую губ., исключая въ этой послѣдней очаковской области, т. е. мѣстности, лежавшей между Бугомъ и Днѣстромъ (нын. одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго уѣздовъ). Онѣ тянулись глав. образомъ по р. Днѣпру; на правой сторонѣ Днѣпра, по словамъ кн. Мышецкаго, они начинались у устья р. Самотекани, откуда граница шла на западъ до Буга, а оканчивались при впаденіи р. Камянки, откуда пограничная линія направлялась на сѣверо-западъ и, пересѣкая рр. Ингулецъ и Ингуль, доходила до Буга; на лѣвомъ берегу Днѣпра запорож. владѣнія ограничивались на сѣверѣ р. Самарью, на югѣ—Конскими Водами, а на востокѣ—Калміусомъ³). Впослѣдствіи селенія запорожцевъ подвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли также теченіе р. Орши. «Выше показанная по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра земля, которая большею частью состоитъ изъ пустой и дикой степи, говоритъ кн. Мышецкій, и которая въ окружность простирается около 1700 в.

¹) Ист. о коз. запор., стр. 79.

²) Устное повѣст. Н. Д. Коржа стр. 36, см. также Эварницкаго „Сборникъ мат. для ист. запор. козаковъ“ стр. 147—148.

³) Ист. о коз. запор., стр. 80—81.

раздѣлена на 5 такъ наз. паланокъ... Первая паланка на Ингульцѣ, 2-я у р. Буга, гдѣ Гардѣ (рыболовля), 3-я въ Кодакахъ, 4-я при р. Самарѣ, а 5-я у Калміуса¹⁾. Впослѣдствіи къ этимъ пяти присоединились еще 3.—Прогноинская (на Клинбурнскомъ полѣ), Орельская (по р. Орели), Протовчанская (между устьями рр. Орели и Самары²⁾). Изъ этихъ 8 паланокъ 4 сѣверныя, прилегавшія къ заселеннымъ мѣстностямъ (Кодацкая, Орельская, Самарская и Протовчанская) имѣли села, деревни и хутора, «въ коихъ жили козацкія команды, женатые козаки и посольство»; остальные, болѣе южныя «ни сель, ни даже постоянныхъ мѣстопребываній не имѣли, а учреждались ежегодно съ весны на все лѣтнее и осеннее время, для рыболовства, звѣриной и соляной добычи, а на зиму переходили къ зимовникамъ неженатыхъ или сѣчевыхъ козаковъ для наблюденія за ними»³⁾. Для охраненія этихъ промысловъ и порядка здѣсь находились полковники съ командами. Очевидно, онѣ соответствовали такъ называемымъ козацкимъ уодамъ, или уожаемъ, которые представляютъ изъ себя первичную форму поселковъ въ южнорусскихъ степяхъ. Нерѣдко, впрочемъ, такія временныя поселенія запорожцевъ обращались въ постоянныя; такъ было, напр., при основаніи слободы Николаевки (въ 12 верстахъ отъ Таганрога); въ 1769 г. весною туда явилось 500 чел. семейнаго запорожскаго козачества для рыбной ловли; но уже лѣтомъ значительная часть ихъ построила себѣ здѣсь шалаши, мазанки, землянки и зимовники; въ августѣ по распоряженію коша, который хотѣлъ свою «землю превеликую, страну пребольшую заселить своими подданными», явилась новая партія козаковъ и въ сентябрѣ основала 3 слободы (Николаевскую, Троицкую и Покровскую)⁴⁾.

Наконецъ, послѣднею типическою формою запорожскихъ поселковъ были зимовники, расположенные главн. обр. по берегамъ Днѣпра и впадающихъ въ него рѣчекъ, а также на островахъ, «при коихъ, говоритъ князь Мышецкій, содержатъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ; имѣютъ пасѣки для распложенія пчелъ и ведутъ экономію по свойству и качеству земли; заводятъ сады, запасаются сѣномъ для прокормленія скота и засѣваютъ поля разнымъ хлѣбомъ; упражняются ловлею въ степяхъ и лѣсахъ звѣрей, а въ рѣкахъ рыбъ, отъ чего

¹⁾ Ibidem, стр. 81.

²⁾ Скальковскаго, Ист. Нов. Сѣчи, 3-е изд., I, стр. 36—37.

³⁾ Ibidem, стр. 33—37.

⁴⁾ Θεοδοσία, Матеріалы для ист. стаг. опис. Егѣт. епархіи, вып. II, стр. 215.

довольную прибыль получают» ¹⁾ «Зимовниками, говорит авторъ «Топогр. опис.», называютъ тѣ строенія, при которыхъ жители имѣютъ скотъ и проживаютъ съ нимъ всегда, но при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержатъ и людей или хозяевъ въ такихъ зимовникахъ бываетъ мало, однако случается, что человѣка 3 или 4 согласаясь построить вмѣстѣ и завести скотъ, а рѣдко чтобъ одинъ хозяинъ былъ. Въ работное время да и въ зиму приходятъ къ нимъ и по многomu числу для работы и на прокормъ пришедши, проживаютъ недѣлю или болѣе и пойдетъ въ другой зимовникъ. Избы выстроены изъ лѣсу, а иныя стѣны плетены и обмазаны глиной, а заборы при дворахъ все изъ плетней». Такихъ зимовниковъ въ началѣ 70-хъ годовъ было по Ингулу—17, по Ингульцу—11, по Аргамактѣ—11 по Днѣпру—14, по Бугу—7, на Куцомъ и Сухомъ Еланцѣ по 1; тутъ же было 5 загоновъ для скота и значительное число рыбныхъ заводовъ, при которыхъ для зимняго времени устроены были землянки, а для лѣтняго камышевые шалаши; и вотъ въ гирлахъ и у лимана землянокъ было 17, шалашей—15, по Бугу землянокъ 11, шалашей—39, по Ингулу—2 и 4, по Ингульцу—4 и 1; такія же землянки и шалаши были выстроены и для пограничныхъ запорожскихъ военныхъ командъ (напримѣръ, при Гардѣ, Александровскомъ шанцѣ и др. мѣстахъ); рыбныя ловли содержались не однимъ, а нѣсколькими лицами, называвшимися односумами; обыкновенно во время лова сюда приходило по 15, 20 чел. постороннихъ лицъ, которыя оставались тутъ до зимы; нѣкоторые, впрочемъ, оставались и на зиму, хотя безъ работы ²⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что зимовники представляли изъ себя своего рода хутора, устраивавшіеся главнымъ образомъ для скотоводства, отчасти для рыболовства, пчеловодства, земледѣлія и др. промысловъ, смотря по свойствамъ мѣстности и вкусамъ владѣльца. Значительная часть зимовниковъ обратилась впослѣдствіи времени (послѣ разрушенія Сѣчи) въ села и деревни; но съ нѣкоторыми изъ нихъ такое превращеніе произошло еще во время самостоятельнаго существованія Запорожья. Любопытный примѣръ обращенія зимовника въ селеніе представляетъ слобода Николаевка—Рудева (цавлоградскаго уѣзда екат. губ.). Въ 1-й пол. XVIII в. здѣсь жилъ зимовникомъ старшина Рудъ, который «ходилъ отсюда на старо-крымскій шляхъ со своими хлопцами—малюками, наадалъ

¹⁾ Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

²⁾ Зап. Од. Общ., VII, 182—183.

тамъ на турокъ, татаръ и ногайцевъ, возвращавшихся изъ Малоросіи съ ясыремъ—совзятими въ плѣнъ христіанами,—отбиваль злосчастный ясырь и освобожденных христіанъ приводилъ на свой зимовникъ; здѣсь покоилъ, питаль, и довольствовалъ ихъ; съ невеликимъ ватажкомъ своихъ хлопцевъ—малюковъ Рудъ не разъ ходилъ для той же цѣли даже на знаменитый Муравскій шляхъ и всегда возвращался на свой зимовникъ со множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ. Въ сентябрѣ 1739 г. на зимовникѣ войсковаго старшины Рудя освобожденного ясыру было 426 д. обоего пола... Кошъ подарилъ Рудю пространство, занятое его зимовникомъ, и тотъ здѣсь основалъ цѣлую слободу Николаевку, «населилъ ее народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, самъ пригласивъ въ свою слободу изъ подъ Конотопа черниговской губ. своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дозволилъ своимъ хлопцамъ вызывать также къ себѣ своихъ кровныхъ и близкихъ»; въ 1752 г. здѣсь числилось уже 315 д. мужска и 196 д. женска пола, а въ 1754 г. устроена церковь ¹⁾. Вотъ при какихъ условіяхъ происходило заселеніе новоросійскаго края запорожцами: еще и въ пол. XVIII в. имъ приходилось вести упорную борьбу съ татарами и одновременно съ этимъ заботиться объ устройствѣ поселковъ. Какъ видно изъ настоящаго примѣра, значительный контингентъ для новыхъ слободъ доставляла Гетманщина, гдѣ оставались родственники и свойственники тѣхъ лицъ, которыя раньше ушли въ Запорожье; поводомъ же къ выселенію оттуда жителей являлись распоряженія, ограничивавшія право вольнаго перехода ²⁾.

Запорожскіе поселки (селенія, зимовники и т. п.) были разбросаны, какъ мы видѣли, на громадномъ пространствѣ земель нынѣшнихъ двухъ южныхъ нашихъ губерній—екатериносл. и херсон.). Число этихъ поселковъ все болѣе и болѣе возрастало, а параллельно съ этимъ увеличивалось и число жителей. Къ сожалѣнію, привести точныя статистическія данныя о количествѣ селеній и о числѣ жителей въ нихъ довольно трудно. До разрушенія Сѣчи, по словамъ Н. Л. Коржа, было 17 селеній, возникшихъ по большей части изъ зимовниковъ ³⁾. Гюльденштедтъ только въ Поднѣпровьѣ называетъ 30 селеній женатыхъ козаковъ (12 на правомъ и 18 на лѣвомъ берегу) ⁴⁾.

¹⁾ Θεοδοσία, Мат. для ист.—ст. опис. екат. еп., I, 522—523, 397.

²⁾ Θεοδοσία, Мат. для ист.—ст. опис. екат. еп., I, 191, 221.

³⁾ Устное повѣствованіе, стр. 84—94.

⁴⁾ Reisen durch Russland, II, стр. 110—111.

Но на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. А. А. Скальковскій, на основаніи подлинныхъ документовъ сѣчеваго архива, насчитываетъ ихъ въ 4-хъ паланкахъ 64 и говоритъ, что въ нихъ было 3415 хатъ, или 12250 д. женатыхъ козаковъ и посольства обоего пола ¹⁾. По официальной вѣдомости, составленной Тевелиемъ въ моментъ уничтоженія запорожской Сѣчи, въ ней было (кромѣ Сѣчи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) 45 деревень и 1601 зимовникъ; всѣхъ жителей было 59637 д. обоего пола, большую часть ихъ составляло посольство, т. е. женатые поселяне (именно 35891 чел.); впрочемъ, и большая часть козаковъ жила не въ Сѣчи, а въ деревняхъ и зимовникахъ, гдѣ занималась скотоводствомъ, земледѣліемъ и другими мирными промыслами; часть козаковъ, какъ извѣстно, имѣла семьи ²⁾. Нужно полагать, что цифры этой официальной вѣдомости значительно меньше дѣйствительныхъ; намъ будетъ совершенно непонятно, какъ это въ болѣе раннее время (о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія А. А. Скальковскій) было больше селеній, чѣмъ въ 1775 году (къ которому относится официальная вѣдомость). Да и какъ могъ Тевелій точно сосчитать, напр., число запорожскихъ зимовниковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ въ разныхъ уединенныхъ мѣстахъ? Не удивительно поэтому, что его показанія расходятся съ показаніями кн. Мышецкаго, который насчитываетъ всего около 4000 зимовниковъ ³⁾; есть извѣстія, что запорожцы основывали иногда зимовники за границею своихъ владѣній на чужой землѣ; таковы, напримѣръ, были хутора, устроенные ими въ турецкихъ предѣлахъ въ виду Очаковской крѣпости ⁴⁾; такіе населенные пункты не могли, конечно, войти въ официальную вѣдомость, если мы приведемъ себѣ на память также нерасположеніе запорожцевъ ко всякимъ официальнымъ статистическимъ запросамъ, которое должно было еще болѣе усилиться въ моментъ уничтоженія Сѣчи, то б. м. окончательно убѣдимся въ томъ, что на самомъ дѣлѣ въ Запорожьѣ было не 59637 д., а гораздо больше; по всей вѣроятности, ближе всего къ истинѣ будетъ цифра, приводимая А. А. Скальковскимъ—100,000 обоего пола козаковъ и посольства. Во всякомъ случаѣ для насъ интереснѣе всего тотъ фактъ, что большинство населенія запорожской Сѣчи въ

¹⁾ Исторія новой Сѣчи, I, 33—37.

²⁾ Сборникъ антроп. и этногр. ст., изд. Дашковыми, I, прил. 1-е.

³⁾ Ист. о коз. запор., стр. 81—82.

⁴⁾ А. А. Андріевского. Мат. для ист. южнор. края. Од. 1886, стр. 117.

годъ ея уничтоженія составляли женатые козаки и посполитые, преданные почти исключительно мирнымъ культурнымъ занятіямъ; правда, среди нихъ были и такія лица, (скотари, табунщики, чабаны), которыя вели полукочевой образъ жизни—защищались отъ непогоды въ такъ называемыхъ кошахъ съ очагомъ для разведенія огня (кабыцей) или котигахъ, т. е. палаткахъ на 2-хъ или 4-хъ колесныхъ арбахъ, совершенно напоминающихъ ногайскія ¹⁾—но въ общемъ о населеніи запорожья слѣдуетъ сказать, что оно въ послѣдніе годы своего историческаго существованія рѣшительно стало переходить на мирное положеніе и показывало склонность къ культурнымъ занятіямъ. Впослѣдствіи мы сдѣлаемъ болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ запорожской культуры; теперь же только замѣтимъ, что первыми зачатками своей матеріальной культуры Новороссійскій край обязанъ Запорожью. Такимъ образомъ Запорожье, съ одной стороны являясь оплотомъ русскаго міра отъ мусульманскаго, не мало потрудилось для *отстаиванія* русской культуры, а съ другой внесло свою лепту и въ общую творческую дѣятельность русскаго народа, направленную къ *созиданію* культуры. Чрезвычайно вѣрно и метко опредѣлилъ роль Запорожья въ исторіи колонизаціи Новороссійскаго края г. Надхинъ; мы позволимъ себѣ привести здѣсь его образное сравненіе: «въ степяхъ Новороссійскихъ, говоритъ онъ, есть цѣлыя кучугуры сыпучихъ песковъ; на нихъ долго не могло укрѣпиться ни одно растеніе: всякую былинку, кустъ, деревцо изъ рыхлой почвы вырываетъ вѣтеръ; но вотъ началъ здѣсь расти шельюгъ (родъ красной ивы)—и онъ цѣпкими своими корнями укрѣпился на этомъ грунтѣ и укрѣпилъ его до того, что вслѣдъ за нимъ начали расти и другіе деревца и кустарники. Запорожье было для южной Россіи такимъ шельюгомъ: оно первое тутъ успѣло укорениться на непрочной почвѣ, первое укрѣпило ее подъ собою для живннныхъ посѣвовъ и такимъ образомъ первое дало возможность для постояннаго на ней заселенія и гражданскаго развитія» ²⁾.

Д. И. Багалъй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Описанія ихъ см. у Н. Д. Коржа.

²⁾ Память о Запорожьѣ, стр. 68—69.

Остатки церквей на развалинах древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе.

Низменный мысъ на берегу Чернаго моря, въ 2 верстахъ пути отъ г. Севастополя, называется «Херсонесомъ». Здѣсь въ древности былъ греческій городъ того же имени, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «Корсуна», гдѣ въ 988 году крестился и вступилъ въ бракъ съ греческой царевной Анной князь Владиміръ Святославичъ, просвѣтившій христіанскою вѣрою всю Россію. Окружность площади этого города, наполненная теперь развалинами, простиралась до 1350 сажень, отдѣляясь съ юго-восточной стороны Карантинной бухтой, съ сѣверо-восточной—Чернымъ моремъ, съ сѣверо-западной и съ юго-западной сухопутной стороны—перешейкомъ въ 570 саж. между вершинами двухъ названныхъ заливовъ, или бухтъ, возвышающимся на 46 сажень надъ уровнемъ моря.

Хотя Крымъ присоединенъ въ Россіи въ 1783 году, но открытіе остатковъ древнихъ церквей Херсонеса началось лишь съ 1827 года. Въ «Исторіи Ираклійскаго полуострова» генераль-маіора морской службы Захарія Аркаса ¹⁾ мы читаемъ:

Въ 1827 году разрывали нѣкоторую часть мѣстности Херсонеса и нашли нижнія стѣны 3-хъ каменныхъ церквей, сложенныхъ на извести, съ полукруглыми алтарями, а по бокамъ, у стѣнъ, гробницы, покрытыя мраморными плитами съ изображеніями креста и въ нихъ челоуѣческіе остовы, мѣдныя монеты и стекляныя кисти или запястья, по одному и по два вмѣстѣ, багроваго и чернаго цвѣтовъ. Одна изъ этихъ церквей, на срединѣ Херсонеса, сохранилась лучше; другія же двѣ, означенныя на приложенномъ планѣ буквами *G* и *E*, разорены и камни ихъ

¹⁾ Исторія Ираклійскаго полуострова и его древности З. Аркаса въ Запискахъ Одес. общества исторіи и древностей, т. II., стр. 245—271 и отдѣльной книгой—Николаевъ 1879 г. съ картами и планами. Составлена въ 1840 году.

снесены. Ближайшая съ южной стороны церковь, находилась около насыпи земляной, которая можетъ быть остаткомъ той насыпи, которую сдѣлали жители Херсонеса во время осады этого города Владимиромъ, увоса землю, наваливаемую осаждавшими, въ крѣпостной ровъ. Первая изъ церквей, сохранившаяся въ лучшемъ видѣ среди города, имѣла въ длину 18 аршинъ и столько же въ ширину, 50 футовъ въ окружности и до 27 футовъ высоты. Форма ея крестообразная, полукруглый алтарь раздѣлился на три части, полъ изъ мозаики и на полу лежали разбитыя мраморныя колонны съ широкими концами и съ изображеніемъ на нихъ выпуклаго креста. По близости этой церкви находится незастроенная пятиугольная площадь въ 2200 квадратныхъ саженой. Вблизи каждой изъ трехъ вышеупомянутыхъ церквей были цистерны: цистерна, сложенная на цементѣ съ 2 водопроводными трубами—при церкви, что вблизи насыпи; двѣ цистерны при второй церкви, которая среди города и которая сохранилась лучше другихъ, и цистерна малаго размѣра при 3-й церкви. Всѣ эти цистерны сложены на цементѣ, а есть, сверхъ того, нѣсколько меньшихъ цистернъ, выдолбленныхъ въ цѣльномъ камнѣ.⁴

Въ 1836 году посѣтилъ Херсонесъ Н. Н. Мурзаевичъ сначала членъ, а впослѣдствіи предсѣдатель Одесскаго Общества исторіи и древностей, и въ описаніи своей «Поѣздки въ Крымъ»¹⁾ перedalъ слѣдующее:

„Въ 3 верстахъ отъ Севастополя, за бухтою, называемою Карантинною, находятя для всякаго русскаго драгоценныя развалины Херсона, въ которомъ кіевскій князь Владимиръ I-й Святославичъ (віс) воспріиалъ христіанскую вѣру. Отъ Херсона, нѣкогда многолюднаго и богатаго, теперь остались едва остатки городскихъ стѣнъ. Мелкія потребности жителей Севастополя скоро разрушатъ и настоящеіе судные остатки, если не будетъ строгаго присмотра за охраненіемъ ихъ. Изъ всего построеннаго византійцами уцѣлѣлъ фундаментъ церкви, лежащей ближе къ карантину и его бухтѣ. Храмъ, почти одинаковой постройки съ городской стѣной, имѣетъ расположеніе совершенно византійское—крестообразное, въ алтарной части тройное полукружіе: среднее для престола, правое для діакона (ризницы) и лѣвое для жертвенника. Въ длину церковь 75 футовъ и столько же въ ширину, стѣны толщиной въ 42 дюйма. По угламъ церкви замѣтны вдѣланные въ стѣны отрѣзки известковыхъ колоннъ іоническаго ордена (въ діаметрѣ 25 дюймовъ). Не положены ли они севѣрными созидателями храма изъ какого либо древнѣйшаго храма во главу угла? А можетъ быть не остатки ли это древнѣйшаго Діавина храма? Близъ церкви попадаетя много мраморныхъ обломанныхъ капителей коринтскаго ордена, колонны съ продолговатыми византійскими крестами и мраморныхъ досокъ съ разными украшеніями. Связываютъ, что въ этой церкви былъ открытъ и мозаическій полъ, расчищенный любопытными. Не въ этомъ ли храмѣ равноапостольный князь Владимиръ принялъ св. крещеніе? Въ нѣсколькихъ шагахъ находятя открытая, выштукатуренная ама; судя по множеству лежащихъ въ ней костей, она должна была служить кладбищнымъ погребомъ. Далѣе на востокъ, къ самой бухтѣ, у развалинъ береговой стѣны, примѣтны, каеъ кажется, слѣды другой церкви. Въ нѣсколькихъ шагахъ на

¹⁾ Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія за 1837 годъ, кн. XIII. Поѣздки въ Крымъ въ 1836 году Н. Мурзаевича.

западъ отъ перваго храма видна круглая яма съ узкимъ въ нее отверстіемъ и на поверхности ея лежатъ разбитыя мраморныя колонны съ крестами, подобными тѣмъ, кои изсѣчены на гробницѣ Ярослава I-го Владиміровича, что въ кіевскомъ Софіевскомъ соборѣ. Изъ всѣхъ колоннъ двѣ менѣе другихъ повреждены. Кто знаетъ, легко случится, что и онѣ разобьются для пережженія на известъ! Недалеко отсюда находится большая насыпь изъ битаго камня и черепицъ. Трудно отгадать назначеніе ея. Не та ли это земля, которую при осадѣ города Владиміромъ, дѣлавшемъ у стѣны „приспы“, жители Херсона севозъ земное отверстие уносили и сыпали здѣсь? ¹⁾

Лѣтомъ 1853 года по Высочайшему повелѣнію командированъ былъ въ Крымъ для археологическихъ розысканій состоявшій при кабинетѣ Его Величества надворный совѣтникъ графъ А. С. Уваровъ. Это назначеніе послѣдовало въ то время, когда развалины Херсонеса по Высочайшей волѣ переданы были изъ военно-морскаго вѣдомства въ вѣдѣніе херсонскаго епархіальнаго начальства. Преосвященный Иннокентій далъ и графу разрѣшеніе производить археологическія розысканія въ этой мѣстности. По прибытіи въ Херсонесъ, графъ занялся расчисткою остатковъ обширной церкви, стоявшей на краю Херсонскаго мыса, на самомъ берегу моря. Результатъ своихъ раскопокъ въ этой церкви изложенъ графомъ въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и въ его статьѣ подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ объ археологическихъ розысканіяхъ близъ Симферополя и Севастополя,» помѣщенной въ Прописяхъ. ²⁾ Графъ писалъ:

„деревъ, разрытая мною въ прошлое лѣто, лежитъ на сѣверѣ города, такъ близко къ морскому берегу, что обрушившаяся часть ея увлекла за собою цѣлый уголъ этого строенія. Выстроенная по плану древнихъ базиликъ, церковь имѣетъ въ длину до внутренняго притвора 16 саж. $2\frac{1}{4}$ аршина и въ ширину 10 саж. $1\frac{1}{2}$ аршина. Два ряда колоннъ въ одиннадцать колоннъ каждый (a. d. b. c.), идутъ во всю длину храма и раздѣляютъ его на три продольныя части: на среднюю часть, или собственно храмъ, и на боковыя галлерей. На колоннахъ написаны имена гражданъ, пожертвовавшихъ деньги на устройство ихъ. Колонны сіи и надписи принадлежатъ IV столѣтію. Нѣкоторыя капители сдѣланы въ видѣ опрокинутыхъ трапедій съ крестами или монограммой Христа. Но подъ византійскою трапедіей сохранились еще остатки прежней греческой архитектуры. Алтарная часть оканчивалась полукруг-

¹⁾ Также догадка и у Аркаса, какъ упомянуто выше. Но, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, на этой насыпи была построена сторожевая башня, которая стояла здѣсь еще до осады Херсона Владиміромъ и, значить, имѣла другое назначеніе, чѣмъ усвоемое ей нашею лѣтописью. (Исторія Херсонеса—сочин. императора Константина Порфиророднаго—въ Зап. Одес. общества исторій. Т. II. стр. 118).

²⁾ Пропися, сборникъ статей по классической древности. Кн. IV стр. 433—537.

лнмъ выступомъ (*áfic*, *abside*). Каменная стѣна (1) позднѣйшаго устройства служила горнимъ мѣстомъ. Стѣны сохранились здѣсь выше и лучше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ храма. Алтарный помостъ сдѣланъ былъ изъ бѣломраморныхъ плитъ и кончался красивою солею въ одну ступень (h. i). Четырехугольная плита (e) обозначаетъ мѣсто престола. Подъ плитою была маленькая яма, выдолбленная въ скалѣ; въ ней нашли 22 мѣдныя монеты, изъ которыхъ 19 принадлежатъ къ царствованію Романа I-го (920—944), 2—неясны и 1—восточная. Предъ солею возвышался мраморный амвонъ, обнесенный 6-ю мраморными столбами, съ мраморными между ними плитами (9). На серединѣ каждой плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ; только колонны, находившіяся между ними, бѣльшаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На серединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ, который совершенно закрытъ былъ вышеописанными плитами до высоты двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались занавѣсками. Подобныя иконостасы доселѣ еще видны въ нѣкоторыхъ церквахъ Греціи и до царствованія императора Юстиніана были употребляемы во всемъ восточномъ мірѣ. Южныя и сѣверныя двери устроены по бокамъ алтаря (h. f. i f.), кроми того на южной сторонѣ былъ устроенъ влѣросъ. Средняя часть церкви, или собственно храмъ (*naef*) вымощенъ былъ мраморомъ. У среднихъ колоннъ, по обѣимъ сторонамъ нефа, базы и самыя колонны задѣланы кирпичами почти до трехъ аршинъ вышины. Тутъ устроены гробницы (k. k. k); остовы, въ нихъ лежавшіе, не носили никакихъ признаковъ для опредѣленія времени и почти совершенно истлѣли. Подобныя скелны часто устраивались въ церквахъ и большею частію подъ церковнымъ помостомъ. Многочисленные примѣры доселѣ существуютъ въ Греціи, гдѣ носятъ они названіе *кимитирій*. Боковыя галереи, вмѣсто мраморнаго пола, были украшены мозаиками. Въ южной галереѣ сохранилась мозаика въ 7 аршинъ длины; черныя кресты съ краснымъ полемъ между ихъ вѣтвями украшаютъ средину бѣлаго осьмиугольника. За этимъ рисункомъ слѣдуетъ богатый разноцвѣтный узоръ на срединѣ квадрата въ 5 аршинъ, 6 вершковъ. Подобныя же остатки половой мозаики находятся въ пристройкахъ (*l. l.*) къ южной сторонѣ. Мозаика по всей церкви сдѣлана большею частію изъ какого то состава. Онъ тверже стекла и сохраняетъ весь блескъ красокъ. Храмъ и обѣ галереи соединяются съ внутреннимъ притворомъ посредствомъ трехъ дверей. Притворъ имѣетъ въ длину 4 сажени 8 вершковъ и раздѣляется на три части, отдѣленныя между собою колонною (m. m.) Трое дверей ведутъ изъ внутреннего притвора къ виѣшнему. У сѣверной двери найдены карнизъ съ трехсторонною греческою надписью, изъ которой видно, что первобытнй храмъ былъ посвященъ „Афродитѣ.“ Форма базилика, данная этому храму, показываетъ, что постройка ея должна быть отнесена въ царствованіе Константина Великаго. При разрытіяхъ въ разныхъ мѣстахъ найдены монеты Валентіана, Граціана, Феодосія Великаго, Аркадія, Феодосія Младшаго, Василія и Романа, т. е. монеты 4, 5, 9 и 10 вѣковъ. Колонны почернѣли отъ огня, уничтожившаго этотъ храмъ въ X столѣтіи, т. е. во время одной изъ осадъ Корсуни. Исслѣдованіе показало намъ планъ византійской церкви со всеми ея подробностями.“

Открытый въ этой церкви графомъ Уваровымъ мозаичный полъ вынуть и вмѣстѣ съ мраморною колонною, украшенною барельефомъ, отправленъ въ Императорскій Эрмитажъ, на что употреблено 3364

рубля, какъ значится въ дѣлѣ канцеляріи тавр. губ. № 2404 и 5512 1854 года ¹⁾).

Имъ же, графомъ Уваровымъ, изслѣдованы пещерные склепы, окружающіе Херсонесъ съ юго-восточной стороны. Къ статьѣ графа объ этой базиликѣ, помѣщенной въ Пропилеяхъ, приложенъ и планъ.

Объ остаткахъ другихъ херсонескихъ церквей графъ Уваровъ не упоминаетъ ни въ своей статьѣ, ни въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, и при посѣщеніи членами Одесскаго Археологическаго съѣзда въ 1886 г. Севастополя и развалинъ Херсонеса говорилъ, что въ открытіи крестообразной церкви и въ опредѣленіи ея отношенія къ крещенію св. Владимира онъ не принималъ никакого участія. Впрочемъ бывшій при графѣ Уваровѣ въ 1853 г. архитекторъ Медвѣдевъ снялъ планъ фундаментовъ крестообразной церкви, (который еще въ 1840 г. снятъ былъ г. Аркасомъ и приложенъ при его описаніи Херсонеса). Составленный Медвѣдевымъ планъ этой церкви точнѣ описанъ архитекторомъ Авдѣевымъ, назвавшимъ ее церковью св. Василя, и помѣщенъ въ Архитектурномъ Вѣстникѣ за 1859 годъ съ показаніемъ на рисункѣ нетушевыми и пунктирными линіями остатковъ стѣнъ и могилъ, означенныхъ на планѣ Н. И. Медвѣдева, которыхъ теперь уже не существуетъ ²⁾). По сему плану, копію котораго прилагаемъ здѣсь, церковь эта имѣетъ форму равноконечнаго креста въ 9 саж. длины и въ 8 саж. ширины внутри стѣнъ; три вѣтви креста имѣютъ каждая 3 саж. дл. и 2 с. 1 арш. ширины ³⁾). По бокамъ алтарной вѣтви креста, которая короче прочихъ, двѣ камеры, имѣвшія назначеніе—одна быть жертвенникомъ, а другая діаконникомъ. Алтарная стѣна имѣетъ закругленіе съ восточной стороны, восточная сторона жертвенника—прямолинейникъ, а таковая же стѣна діаконника закруглена. Жертвенникъ имѣетъ внутри квадратную форму, діаконникъ—овальную и два выхода—въ алтарь и въ среднюю часть храма. Авдѣевъ полагалъ, что этотъ діаконникъ былъ *крещальнею*. Высота уцѣлѣвшихъ стѣнъ церкви—2 аршина выше пола; обрѣзъ стѣны въ 4 вершка. Предъ алтарною частію, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, *могила*, обдѣланная камнемъ въ 3 аршина длины и

¹⁾ Извѣстія Тавр. учен. Арх. Ком. стр. 113.—Авдѣевъ въ Архит. Вѣстникѣ сообщалъ, что туда же, въ Императорскій Эрмитажъ, отправлены и архитектурные фрагменты алтарной преграды. (Архитектурн. Вѣст. 1859 г. стр. 210).

²⁾ Архитект. Вѣстникъ 1859 г. № 5.

³⁾ Размѣръ этой церкви, сдѣланный г. Авдѣевымъ, нужно считать наиболѣе вѣрнымъ съ дѣйствительностію.

2 ширины. Предъ діаконикомъ, у южной стѣны, другая могила меньшей ширины. Такого же размѣра двѣ могилы у наружныхъ стѣнъ первой вѣтви креста—одна у входа въ церковь, другая подлѣ южной стѣны. На томъ же рисункѣ нетушованными и пунктирными линиями означены подъ буквами *В. С. Д.* нанесенные на планъ архитекторомъ Медвѣдевымъ остатки стѣнъ, которыя исчезли во время войны.

Въ 1861 году при расчищеніи мѣстности подъ постройку Владимірскаго собора по проекту профессора Гримма, открыты подлѣ крестообразной херсонесской церкви фундаменты еще трехъ церквей и жилыхъ при нихъ зданій. Планъ этой мѣстности, съ означеніемъ всѣхъ оказавшихся церквей и жилыхъ зданій, сообщенъ тогда бывшимъ настоятелемъ херсонскаго монастыря, игуменомъ Евгеніемъ, въ Одесское общество исторіи и древностей и изданъ при томъ V Записокъ этого общества. На планѣ этомъ фундаменты двухъ вновь открытыхъ церквей находятся въ 5 саженьяхъ отъ описанной выше крестообразной церкви, нынѣ называемой *Богородичною*; онѣ разныхъ размѣровъ и неодинаковой формы, но гораздо вмѣстительнѣе фундаментовъ церкви такъ называемой *Богородичной*.

Большая церковь имѣетъ форму трехчастной базилики, въ длину 11 саж. и въ ширину 7 саж. внутри стѣнъ. Къ сѣверной ея стѣнѣ, въ концѣ ея, не доходя алтари, пристройка въ 10 аршинъ длины и 6 ширины съ закругленіемъ въ передней части. Пристройку эту можно считать крещальнею. Въ западной части базилики, при входѣ въ нее, по двѣ могилы при среднихъ стѣнахъ; въ наперти, у сѣверной и южной стѣны, также двѣ могилы, всего внутри базилики 6 могилъ, въ которыхъ положены останки усопшихъ. Впереди базилики, въ 4 аршинахъ отъ нея, фундаменты другой меньшей церкви, которая, начинаясь на линіи алтаря церкви крестообразной, имѣетъ въ длину 7 саж. и столько же въ ширину. Форма ея—квадратный прямоугольникъ съ закругленіемъ въ алтарной части, но алтарь ея не на средней линіи храма, а ближе къ сѣверной стѣнѣ, что встрѣчается иногда въ монастырскихъ трапезахъ. По бокамъ алтаря—отдѣленія для жертвенника и діаконика, или ризницы. Въ западной части двѣ могилы—одна при южной, другая при сѣверной стѣнѣ. За алтаремъ этой церкви, въ разстояніи 2 саженьей отъ него, фундаменты жилого строенія, заключавшаго въ себѣ длинный корридоръ, большой залъ и 4 комнаты меньшаго размѣра. Влѣво отъ нихъ, въ 4 саженьяхъ, противъ алтаря крестообразной церкви, фундаменты другаго жилого строенія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ комнатъ разнаго размѣра, при

которых обозначились мѣста печей и бани; здѣсь же найденъ остатокъ мраморной большой вазы, или ванны, имѣвшей форму котла. Такимъ образомъ жилое зданіе, которое могло быть квартирой греческой царевны Анны, оказывается за алтаремъ не крестообразной, а другой церкви, находившейся вправо отъ нея. Впереди крестообразной церкви, въ 4 саженьхъ отъ фундаментовъ ея галлерей или ограды, открыты фундаменты еще одной малой, трехчастной базилики, имѣвшей съ алтарнымъ закругленіемъ въ длину 5 саж. и въ ширину $4\frac{1}{2}$ сажени. Подъ этой базиличкой проходитъ каналъ, которымъ была проведена вода въ цистерну, находившуюся предъ входомъ въ крестообразную церковь, но не дальше.

И такъ въ Херсонесѣ, предъ закладкой въ немъ Владимірскаго собора по проекту г. Гримма, стали извѣстными фундаменты 6-ти древнихъ церквей, изъ коихъ три открыты предъ самой закладкой въ 1861 году. Послѣднія три церкви и церковь крестообразная, остатки которой теперь сохраняются въ нижнемъ этажѣ Владимірскаго собора, занимали средину Херсонеса и составляли одну группу церквей, встрѣчаемую только въ монастыряхъ. Церковь у насыпи и базилика, раскрытая и обследованная графомъ Уваровымъ, находились на крайнихъ противоположныхъ пунктахъ Херсонеса—одна съ суши, другая съ моря.

Хотя на развалины Херсонеса вначалѣ, по присоединеніи Крыма въ Россіи, смотрѣли только какъ на мѣстность, изъ которой можно было доставать бесплатно матеріалъ для постройки домовъ въ сосѣднемъ Севастополѣ, и Херсонесъ долгое время представлялъ собою ничѣмъ не огражденный пустырь, но въ началѣ этого столѣтія уже вполне сознавали потребность увѣковѣчить какимъ либо памятникомъ то мѣсто, на которомъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ для нашего отечества событій—крещеніе просвѣтителя Россіи, кіевскаго князя Владиміра.

Первоначально, въ 1805 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ древности въ Крыму; затѣмъ, въ 1822 году сдѣлано распоряженіе о порученіи непосредственному надзору таврическаго губернатора сохраненія и обереганія развалинъ Херсонеса, находившихся до сего времени въ вѣдѣніи севастопольскаго военнаго карантинна, выстроеннаго изъ матеріала тѣхъ же развалинъ. Въ 1825 году адмиралъ Грейгъ подаль Императору Александру 1-му въ Севастополѣ записку о сооруженіи памятника въ Херсонесѣ, на мѣстѣ крещенія св. Владиміра.

По этому проекту предполагалось «соорудить въ Херсонесѣ небольшую, изящной архитектуры церковь и при ней богадѣльню для 30 человѣкъ драхлыхъ и неимущихъ, которые, прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ какъ за храмомъ, такъ и за сохраненіемъ развалинъ». Записка удостоена была Высочайшаго одобренія, проектъ же храма былъ переданъ въ академію художествъ для разсмотрѣнія. Академія составила новые проекты, которые уже были ею представлены на Высочайшее усмотрѣніе въ 1829 г. Императору Николаю Павловичу и по разсмотрѣніи которыхъ Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы на первый случай былъ устроенъ обелискъ по одному изъ чертежей академика Беретти и чтобы была открыта повсемѣстная подписка на сооруженіе его. Въ 1843 году мысль о сооруженіи храма въ Херсонесѣ вовсе оставлена такъ какъ Императоръ Николай, посѣтивъ въ семь году Севастополь, повелѣлъ, чтобы храмъ во имя св. Владиміра построенъ былъ, вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ, при чемъ онъ самъ изволилъ указать мѣсто для него, и для сбора пожертвованій на этотъ предметъ открыта въ 1848 г. подписка по всей Россіи, и вмѣстѣ съ этимъ учрежденъ строительный комитетъ¹⁾. Закладка храма послѣдовала 15 іюня 1854 г. въ виду соединеннаго англо-французскаго флота, появившагося предъ Севастополемъ наканунѣ этого дня. Преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій, въ прекрасной своей рѣчи предъ этой закладкой говорилъ: «Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ душевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ здѣсь основаніе храму во имя св. Владиміра... Здѣсь купѣль нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну кому бы то ни было значило бы для Россіи отказаться отъ купѣли своего вѣщенія, измѣнить памяти св. Владиміра. Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камень, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто креста Христова!.. Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наследникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсона Таврическаго. Что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто». Храмъ этотъ, сооруженный по

¹⁾ Извѣстія Тавр. учен. Архив. Ком. № 5., стр. 6—8.

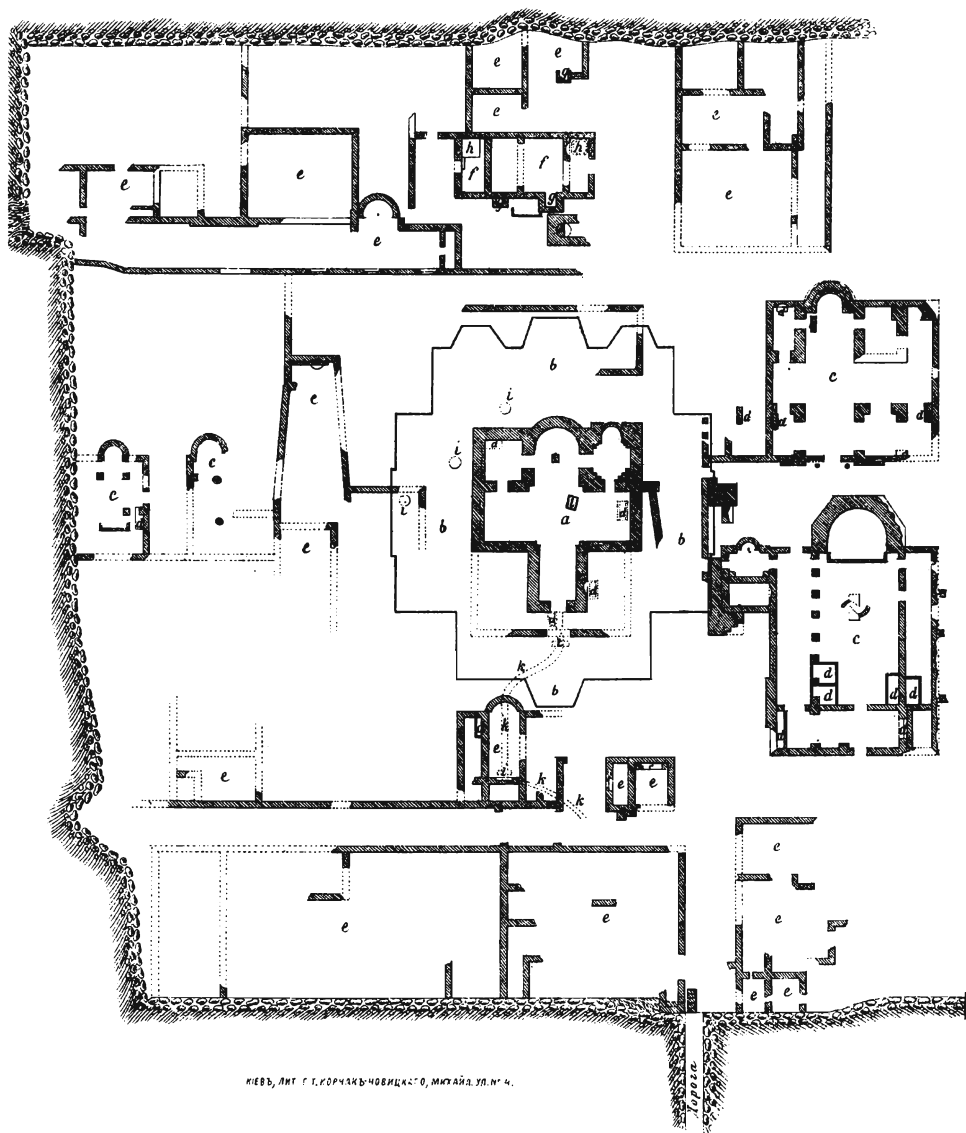
проекту архитектора Авдѣева, оконченъ въ минувшемъ 1888 году, т. е. спустя 34 года послѣ его заложения, и освященъ 5 октября, — храмъ небольшой, но чудный и по архитектурѣ и по внутренней отдѣлкѣ и по очаровательной своей мѣстности, которая господствуетъ и надъ сушею, и надъ моремъ съ его заливами. Въ нижней церкви, подъ мраморными плитами пола, могилы адмираловъ Корнилова, Нахимова, Истомина — славныхъ героевъ-защитниковъ Севастополя, тутъ же и могила виновника этого храма, адмирала Лазарева, создателя черноморскаго флота.

Духовное вѣдомство до 1848 года стояло какъ бы въ сторонѣ отъ всѣхъ проектовъ объ увѣковѣченіи священнымъ памятникомъ мѣста крещенія св. Владимира и не принимало въ этомъ дѣлѣ участія, такъ какъ Севастополь и Херсонесъ подлежали военно-морскому, отдѣльному отъ епархіальнаго, вѣдомству. Но въ такомъ отношеніи къ сему дѣлу не могъ быть знаменитый архипастырь, преосвященный Иннокентій, прибывшій на новую свою херсонскую и таврическую паству въ 1848 году. Обзорѣвъ Крымъ въ томъ же году, онъ тогда же возымѣлъ мысль учредить киновіи въ запустѣлыхъ 9-ти священнымъ мѣстахъ Крымскихъ горъ отъ Инвермана до г. Керчи и, возстановивъ центральный скитъ въ Бакчисарайской скалѣ, создать въ Крыму нѣчто похожее на св. Аѳонскую гору — русскій Аѳонъ. Сочувствіе своей идеѣ, при ближайшемъ ея соприкосновеніи съ жизнью, онъ нашелъ въ жителяхъ г. Симферополя, Бакчисарая, Алушты и друг. крымскихъ городовъ и селеній, подавшихъ ему въ январѣ 1849 года прошеніе, въ которомъ они обѣщали содѣйствовать посильными пожертвованіями возстановленію древнихъ христіанскихъ святынь, уважаемыхъ и многими изъ крымскихъ татаръ. Заручившись согласіемъ на такое возстановленіе святыни и со стороны князя М. С. Воронцова, главноначальствовавшаго въ Новороссійскомъ краю и на Кавказѣ, преосвященный Иннокентій представилъ святѣйшему Синоду прошеніе жителей Крыма при составленной имъ обширной запискѣ, въ которой развилъ подробности и основанія своего проекта о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ на горахъ Крымскихъ. Въ этой запискѣ онъ, не касаясь причинъ, по которымъ Севастополь избранъ мѣстомъ для церкви во имя св. Владимира, указывалъ на основанія четырехъ церквей на развалинахъ Херсонеса — трехъ меньшихъ и одной большой, которую, по его словамъ, не безъ причины признаютъ за соборную, въ коей крестился св. князь Владиміръ, и предполагалъ возстановить ее въ томъ древнемъ видѣ, какъ она была

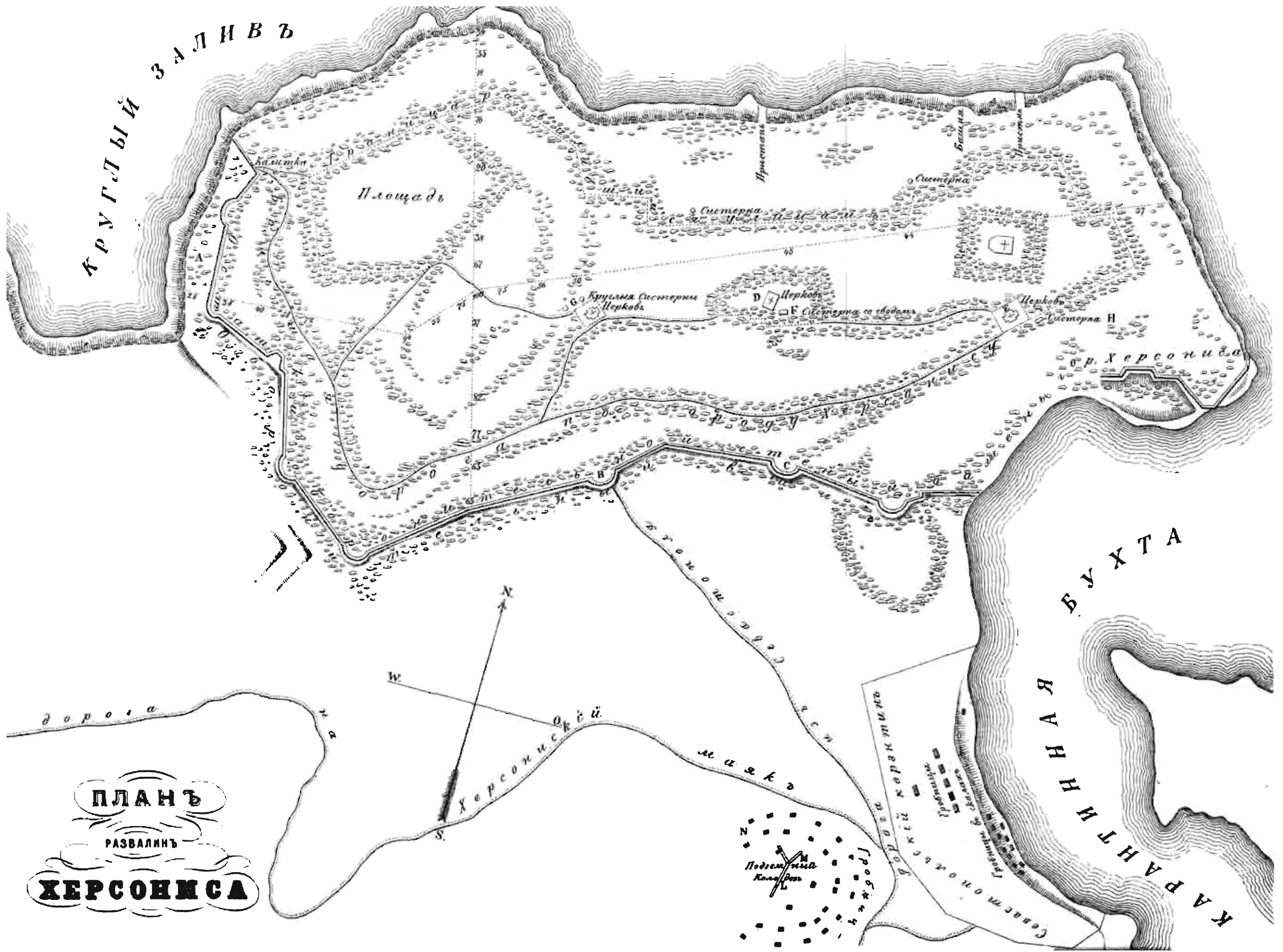
План местности расчищенной под площадь сооружаемого храма Св. Равноап. Князя Владимира в Керсонецъ, съ показ. старинныхъ частей прежде сущ. зданий.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

<p>а. Древній храмъ.
 б. Сооруж. храмъ Св. Рав. Кн. Владимира.
 в. Вѣны открытыя церкви.
 д. Мозаи.
 е. Открытыя ступенія.
 ф. Открытая баня.
 г. Мѣста гдѣ были печи.</p> | <p>к. Часть мраморнаго котла. (ванны).
 і. Систерны.
 к. Водосточный каналъ.
 л. Мозаица обдѣланная камен. плитами.</p> |
|--|---|

КІЕВЪ, ЛИТ. Г. Г. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО, МИХАЙЛ. УЛ. № 4.

ПЛАНЪ
 РАЗВАЛИНЪ
ХЕРСОНИСА

при св. Владимірѣ, «что и составитъ, по его выраженію, самый приличный памятникъ на мѣстѣ его крещенія». Преосвященному думалось, что и сохранившаяся въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей мраморная напрестольная доска, отысканная въ 1845 году княземъ Бяратинскимъ близъ Херсонеса, но не въ самомъ Херсонесѣ¹⁾, принадлежала престолу именно этой церкви, и онъ выражалъ въ своей запискѣ желаніе, чтобы она легла опять на престолѣ той же церкви. Кромѣ сего онъ предполагалъ устроить помѣщеніе служащимъ съ особою комнатою для посѣтителей, возобновить древнюю при церкви цистерну и насадить вокругъ церкви садъ. По его порученію епархіальнымъ архитекторомъ Отто, вмѣстѣ съ г. Мурзакевичемъ, составленъ былъ въ 1852 году проектъ предполагаемаго имъ храма. Преосвященный въ донесеніи св. Синоду писалъ, что на устройство всего этого на свой коштъ уже нашелся одинъ человекъ въ Одессѣ, а мѣсто, какъ впускъ и безъ употребленія лежащее, съ охотою уступается г. адмираломъ Лазаревымъ²⁾. Св. Синодъ, одобрявъ предположенія преосвященнаго Иннокентія въ общемъ и испросивъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе скитскаго пустынножительства въ Успенской скалѣ, близъ Бакчисарая, и въ четырехъ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и «на развалинахъ церквей въ Херсонесѣ», далъ о семъ знать указомъ 4 мая 1850 г.³⁾ Адмиралъ Лазаревъ не замедлил послѣ сего передать въ епархіальное изъ военноморскаго вѣдомства Херсонесскій мысъ съ его развалинами, и мѣстность эта на первый разъ была поручена вѣдѣнію и наблюденію протоіерея севастопольской Петропавловской церкви А. Лебединцева⁴⁾, состоявшаго благочиннымъ крымскихъ церквей, который съ помощію флотскихъ командъ, при благосклонномъ къ нему расположеніи властей, отгородилъ Херсонесъ съ сухопутной стороны, задѣлавъ бреши древней городской стѣны. Устройство киновіи занялся прибывшій потомъ съ Аэона іеромонахъ *Василій* Юдинъ, бывший офицеръ Донскаго войска, лишнвшійся до поступленія въ монашество своей семьи. По благословенію преосвященнаго Иннокентія и при содѣйствіи окрестныхъ жителей, устроивъ въ Херсонесѣ три

¹⁾ Записки Одес. Общ. исторіи и древностей, т. V.

²⁾ Извѣстія Тавр. уч. арх. ком. № 5, стр. 91.

³⁾ Ibid. стр. 85—86.

О. Арсевій Лебединцевъ, нынѣ протоіерей кафедральнаго собора въ Одессѣ.

велліи, онъ успѣлъ соорудить здѣсь и небольшой храмъ ¹⁾ во имя св. княгини *Ольги*, въ память своей покойной дочери; храмъ освященъ 28 марта 1853 года настоятелемъ Бакчисарайскаго скита, архимандритомъ Поликарпомъ (впослѣдствіи епископомъ орловскимъ) ²⁾. Киновія эта просуществовала, по освященіи храма, всего 1½ года. Во время наступившей въ 1854 году осады Севастополя, когда Херсонесъ былъ занятъ французскими войсками, киновія разрушена до основанія вмѣстѣ съ храмомъ; тогда же здѣсь были устроены батареи и мѣстность прорѣзана траншеями.

Преосвященный Иннокентій не покинулъ однако своей заботы о Херсонесѣ. По заключеніи мира, коль скоро удалились изъ Крыма непріатели, имъ сдѣланы уже распоряженія о возстановленіи киновіи херсонесской. На первый разъ устроенъ изъ деревяннаго барака небольшой храмъ севастопольскими купцами Петромъ и Михаиломъ Телятниковыми. Настоятелемъ киновіи, 19 апрѣля 1857 года, назначенъ произведенный изъ іеромонаховъ архіерейскаго дома въ игумены *Евгеній* (Отмарштейнъ), а 30 апрѣля освященъ новый херсонесскій храмъ. Смерть преосвященнаго Иннокентія, послѣдовавшая 26 мая того же 1857 года, повидимому, должна была положить конецъ его предначертаніямъ къ прославленію имени св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса. Но печальная участь Севастополя, оказавшагося тоже въ развалинахъ, и неизвѣстность будущности его при существованіи извѣстной статьи Парижскаго трактата, которою воспрещалось возобновленіе черноморскаго флота, въ то же время дѣлали безцѣльнымъ и сооруженіе въ Севастополѣ Владимірскаго храма, заложеннаго предъ войною. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовалось херсонское епархіальное начальство, чтобы возобновить ходатайство о возстановленіи въ Херсонесѣ на древнихъ фундаментахъ того крестообразнаго храма, въ которомъ, по предположенію преосвященнаго Иннокентія, совершилось крещеніе св. Владиміра, и обращеніи на

¹⁾ Каменный храмъ св. Ольги устроенъ былъ на томъ видномъ мѣстѣ, гдѣ теперь обширный 2-этажный домъ настоятеля монастыря. Помѣщеніе для начальника киновіи и братіи было пристроено къ городской стѣнѣ, у воротъ. Устройству киновіи содѣйствовали: бессарабскій генералъ-губернаторъ Федоровъ, военные губернаторы г. Севастополя—Хрущовъ и Станюковичъ, контръ-адмиралъ Вукотичъ и протоіерей севастопольской Петропавловск. церкви Арсеній Лебединцевъ, какъ значится въ истор. запискѣ Тавр. арх. комиссіи.

²⁾ Іеромонахъ Василій Юдинъ утонулъ въ р. Еланчикѣ 17 іюля 1856 года, не дождавшись окончанія Крымской войны.

эту постройку суммы, собранной прежде на сооруженіе храма во имя св. Владиміра въ Херсонесѣ, но впослѣдствіи, по представленію адмирала Лазарева, назначенной на храмъ того же имени въ самомъ Севастополѣ. Ходатайство это имѣло полный успѣхъ и 10 февраля 1858 года Высочайше повелѣно—въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владиміра, построить храмъ его имени на развалинахъ Херсонеса; а 28 августа 1859 г., по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго морскимъ министерствомъ Высочайше повелѣно: 1) учрежденный въ 11 день августа 1845 года комитетъ для построенія храма въ Севастополѣ упразднить; 2) сумму, собранную отъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе храма св. Владиміра въ Херсонесѣ, раздѣлить по день состоянія того Высочайшаго повелѣнія на двѣ равныя части: одну обратить на построеніе инвалиднаго дома съ домовою церковью въ Севастополѣ, а другую предоставить херсонесскому храму, съ тѣмъ, чтобы подписка и добровольныя приношенія поступали уже въ пользу сего послѣдняго сооруженія; и 3) производство работъ по возведенію храма въ Херсонесѣ, согласно удостоенному во 2-й день іюня сего года Высочайшаго одобренія проекту, представить, по изъявленному на то св. Синодомъ согласію, въ завѣдываніе мѣстнаго епархіальнаго и гражданскаго начальствъ съ тѣмъ, чтобы для распоряженія работами составленъ былъ комитетъ изъ духовныхъ лицъ по выбору преосвященнаго, а изъ гражданскихъ—по назначенію начальства; 4) независимо отъ суммы, выше сего упомянутой, предоставить въ пользу херсонесскаго храма писанные для церкви въ г. Севастополѣ образа и картины, а также всѣ заготовленные для того храма предметы, для удешевленія же работъ употребить гранитъ и другіе камни отъ севастопольскихъ сооружений, сколько это окажется возможнымъ. Проектъ реставраціи крестообразной церкви былъ оставленъ еще прежде, а вмѣсто онаго составленъ былъ архитекторомъ Еллинггеромъ проектъ болѣе обширнаго храма, который обхватывалъ и заключалъ въ подвальномъ своемъ этажѣ развалины древней церкви. Но этотъ проектъ храма съ 5-ю луковичными куполами не одобренъ, а взамѣнъ его поручено извѣстному архитектору, академику Гримму, составить новый проектъ съ сохраненіемъ ветронутыми остатковъ древней церкви, который, по утвержденіи Государемъ Императоромъ 2 іюня 1859 года, переданъ въ комитетъ для исполненія¹⁾. Въ продолженіе 1860 и 1861 года комите-

¹⁾ Предсѣдателемъ этого комитета первоначально, короткое время, былъ на- стоятель Балаклавскаго монастыря архимандритъ *Геронтій*, а вскорѣ послѣ него,

тому производились работы по расчисткѣ мѣста подѣ постройку храма, а 23 августа 1861 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, прибывъ въ Херсонесъ съ Августѣйшею супругой, положилъ первый камень въ основаніе храма въ присутствіи Е. И. В. великой княгини Маріи Александровны и Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. Въ теченіи 1862 г. выведены фундамен-ты. Хотя въ распоряженіи комитета было въ началѣ 117,981 р. и строительныхъ матеріаловъ на 40 тысячъ, но комитетъ находилъ эти средства далеко недостаточными для выполненія проекта храма. Приостановивъ поэтому работы на три года въ ожиданіи новаго поступленія пожертвованій, комитетъ приступилъ къ работамъ только въ маѣ 1865 года и къ 15 ноября 1867 года окончилъ нижній этажъ церкви; затѣмъ работы опять приостановлены на три года, такъ какъ вся бывшая въ комитетѣ сумма оказалась уже израсходованною, именно—израсходовано на планировку мѣста и возведеніе фундамен-товъ съ постройкой дома для присутствія комитета 69,787 рублей и на постройку нижней церкви храма—70,535 руб., всего 140,323 руб. ¹⁾ Наконецъ, постройка храма вчернѣ предложена въ 1873 году г. оберъ-прокуроромъ св. Синода, графомъ Д. А. Толстымъ, строителю сева-стопольской желѣзной дороги Губонину, который принялъ на себя эту работу за 236,476 руб. и согласно обязательству окончилъ ее въ самомъ лучшемъ видѣ осенью 1876 года ²⁾. Въ такомъ черновомъ видѣ остается и нынѣ этотъ величественный храмъ. Есть вѣрная надежда и на совершенное его окончаніе такъ какъ на основаніи состоявшагося 18 января 1888 г. Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта, на внутреннюю отдѣлку его назначено по смѣтѣ св. Синода 300 тысячъ рублей съ ассигнованіемъ въ теченіи 3 лѣтъ. Хотя къ работамъ еще не приступлено, но во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что не дальше, какъ чрезъ три года вну-

съ 1860 г., игуменъ *Евгеній* (Отмарштейнъ), которому преосвященный Гермогенъ, бывший епископъ таврической, приписываетъ мысль построить храмъ въ два этажа, съ тѣмъ, чтобы въ нижнемъ этажѣ сохранить фундаментъ и остатки древней церкви. (Опис. тавр. епарх. стр. 466).

¹⁾ Существовавшій съ 1859 г. комитетъ по сооруженію въ Херсонесѣ храма, во имя св. Владимира упраздненъ 18 августа 1872 года; 15 ноября 1874 г. уво-ленъ, по прошенію, настоятель и бывший председатель комитета, архимандритъ Евгеній.

²⁾ Такимъ образомъ черновая постройка этого храма, опредѣленная по утвержденной смѣтѣ въ суммѣ 183,419 руб., обошлась въ 440,322 рубля.

тренная отдѣлка Владимірскаго собора въ Херсонесѣ будетъ окончена, и память о крещеніи св. Владиміра будетъ увѣковѣчена на самомъ мѣстѣ этого событія.

Таковѣ исторія храма во имя св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса, мысль о сооруженіи котораго возникла еще за 70 лѣтъ предъ симъ. Отраднѣе вѣрующему сердцу быть въ томъ храмѣ, въ которомъ сохраняются остатки церкви, послужившей мѣстомъ крещенія просвѣтителя русской земли; но кто прослѣдилъ внимательно начальную исторію этого храма и ознакомился съ первоначальнымъ состояніемъ остатковъ древнихъ церквей среди развалинъ Херсонеса, въ душѣ того невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли намъ извѣстны фундаменты того храма, въ которомъ крестился св. Владиміръ?

Повидимому, этотъ вопросъ совершенно праздный. Готовый на него отвѣтъ имѣется въ „Описаніи таврической епархіи“ преосвященнаго Гермогена, епископа псковскаго, бывшаго таврическаго, въ „Извѣстіяхъ таврической архивной комиссіи“ и въ „Извлеченіи изъ записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода, канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ“. Въ нихъ указываются не только фундаменты церкви, въ которой совершилось крещеніе св. Владиміра въ Херсонесѣ, но и самая купѣль, въ которой оно совершено, уцѣлѣвшая въ развалинахъ сей церкви. Такъ, въ названной книгѣ преосвященнаго Гермогена на стр. 166-й сказано:

„мѣсто, гдѣ принялъ крещеніе св. Владиміръ, благодаря живому и дѣятельному участию и заботамъ и трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Алексѣя Сергѣича Уварова, производившаго въ Херсонесѣ раскопки, не только было найдено, но и открыто самое основаніе храма, имѣющее 17 с. длины и 10½ с. ширины, въ формѣ базилики: это былъ соборный храмъ *Рождества Богородицы*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ. По расчисткѣ полу, открыта въ полу купѣль въ видѣ продолговатаго ящика въ 2½ арш. длины и 1½ аршина ширины, устроеннаго изъ большихъ песчаныхъ плитъ. Она углублена нѣсколько ниже основанія пола, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, въ разстояніи 3 аршинъ отъ солей“.

Въ исторической запискѣ г. Лашкова о сооруженіи въ Херсонесѣ храма во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра, помѣщенной въ Извѣстіяхъ таврической архивной комиссіи (№ 5, 1888 года) на стр. 9—10 говорится:

„благодаря раскопкамъ извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова, открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ; тамъ же по всѣмъ даннымъ была найдена купѣль св. Владиміра.“

Въ «Очеркѣ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго», приложенномъ къ № 5-му Извѣстій той же ученой комиссіи, говорится:

„графъ Уваровъ, встрѣтивши въ Херсонесѣ преосвященнаго Иннокентія, на городской площади Херсонеса открыли нѣсколько перевей, и одну изъ нихъ, въ которой была крещальня, признали за церковь Рождества Пресвятой Богородицы, въ которой, по сказанію лѣтописи, крестился св. Владиміръ.“

Въ извлеченіи изъ особой записки, составленной по архивнымъ дѣламъ св. Синода и помѣщенной въ № 22 Церковныхъ Вѣдомостей за 1888 годъ, на стр. 777-й, читаемъ:

„благодаря трудамъ извѣстнаго ученаго археолога, графа Уварова, производившаго раскопки въ Крыму, среди развалинъ Херсонеса были найдены не только слѣды многихъ христіанскихъ храмовъ, но и открыто основаніе соборнаго храма *Рождества Божіей Матери*, въ которомъ, по преданію, крестился великій князь Владиміръ, а въ полу сего храма, по расчисткѣ фундамента, открыта и самая купѣль, въ которой совершалось крещеніе. Основаніе древняго храма имѣетъ около 17 сажень длины и 10 саж. ширины. ¹⁾ На разстояніи аршинъ 3 отъ соеи нѣсколько правѣе царскихъ вратъ, находится въ полу самое святилище купѣли, въ которой воспріялъ св. крещеніе св. равноапостольный князь Владиміръ. Купѣль эта углублена ниже основанія пола и устроена изъ тесаныхъ плитъ въ видѣ продолговатаго ащика—аршина въ $2\frac{1}{2}$ длины и аршина $1\frac{1}{2}$ ширины.“

Сравнимся, что говоритъ лѣтопись преподоб. Нестора о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, и что писали о семъ графъ А. С. Уваровъ и преосвященный Иннокентій.

Въ лѣтописи по Кенигсбергскому списку говорится, что св. князь Владиміръ крестился въ церкви *Богородицы*; въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку: крестился въ церкви *св. Василія*; въ лѣтописи по Ипатскому списку: крестился въ церкви *св. Софьи*. Изъ этого видно, что въ Херсонесѣ было нѣсколько церквей, и что одна изъ нихъ называлась именемъ св. Богородицы, другая была во имя св. Василія, третья во имя св. Софьи ²⁾. Но при всемъ разногласіи въ названіи церкви, въ которой совершено крещеніе св. Владиміра, списки древней нашей лѣтописи согласно передаютъ, что церковь эта стояла «въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ Корсуняне», что «палата Владиміра вскрай церкви стоптъ и до сего дни, а царицына палата за алтаремъ».

¹⁾ Этотъ размѣръ церкви не согласенъ съ дѣйствительностію; также невѣрно указаны размѣры ея у Мурзакевича и въ книгѣ преосвящ. Гермогена. Вѣрнѣе нужно считать размѣръ, сдѣланный архитекторомъ Авдѣевымъ.

²⁾ Во имя Софіи, по примѣру Константинополя, была церковь въ древности и въ крымской Сугдеѣ или Судагѣ. Церковь св. Софіи—Премудрости Божіей—вѣроятно, была главною или епископскою и въ Херсонесѣ.

Графъ А. С. Уваровъ прибылъ въ 1853 году въ Севастополь безъ преосвященнаго Иннокентія, но съ письмомъ отъ него къ настоятелю севастопольской Петропавловской церкви, протоіерею А. Лебединцеву, въ вѣдѣніи коего, по званію благочиннаго крымскихъ церквей южнаго берега, состояли тогда развалины Херсонеса. Письмо состояло изъ увѣдомленія о разрѣшеніи графу производить археологическія изслѣдованія въ Херсонесѣ, поступившемъ тогда уже изъ военноморскаго въ епархіальное вѣдомство. Графъ Уваровъ производилъ раскопки 3 мѣсяца до наступленія холода и появленія свѣга. Во все это время бытности графа А. С. Уварова въ Херсонесѣ преосвященный Иннокентій въ Крыму не былъ, какъ удостовѣряють о семъ протоіерей А. Лебединцевъ и супруга покойнаго графа, графиня Параскева Сергѣевна Уварова въ письмѣ отъ 16 декабря 1888 г. Что открытія той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ, графъ А. С. Уваровъ себѣ не усвоилъ, это видно и изъ донесенія его г. министру удѣловъ, въ которомъ онъ упоминаетъ только, что преосвященный Иннокентій *«отыскиваетъ тамъ (въ Херсонесѣ) дворець и храмъ, гдѣ, по связанію лѣтописца Нестора, крестился великій князь Владиміръ.»*¹⁾ Въ чемъ состояло это отыскиваніе, намъ неизвѣстно, но извѣстно, что оно начато преосвященнымъ Иннокентіемъ со времени прибытія на херсонскую частву, въ 1848 году, извѣстно также и то, что остатки крестообразной церкви, находящейся теперь въ нижней церкви Владимірскаго храма, какъ показано выше, были открыты гораздо раньше 1848 года, именно въ 1827 году и описаны г. Аркасомъ въ 1840 году, а Мурзакевичемъ въ 1836 году. Графъ Уваровъ въ своей статьѣ «Разысканіи близъ Севастополя»²⁾ писалъ слѣдующее о церквахъ, бывшихъ нѣкогда въ Херсонесѣ:

„при молчаніи византійскихъ лѣтописей единственныя свѣдѣнія о церквахъ Херсонеса мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора и въ рукописныхъ сказаніяхъ о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуна, гдѣ упоминается о 4 церквахъ. Одна церковь выстроена между 320 и 323 годами епископомъ Еферіемъ I. Другая церковь св. Василія, въ которой крестился св. Владиміръ и которая стояла въ самой серединѣ города, а *открытая мною* (графомъ) церковь выстроена *на краю города, на сѣверѣ*, у самаго берега морскаго. Третья церковь была построена св. Владиміромъ и четвертая св. Апостола упоминается въ житіи св. Климента.“

¹⁾ Отношеніе г. министра удѣловъ къ г. оберъ-прокурору св. Синода за № 1857 въ Извѣстіяхъ таврической учен. арх. комиссіи.

²⁾ Прописан, т. IV.

Ясно, что здѣсь говорится о церквахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, а не объ остаткахъ церкви Херсонеса, и что графъ, отличая открытую имъ церковь отъ упоминаемой въ лѣтописи церкви св. Василія, тѣмъ самымъ отстраняетъ всякую мысль объ открытіи имъ той церкви, въ которой, по лѣтописи, крестился св. Владиміръ. Къ этому добавимъ, что графъ А. С. Уваровъ, бывши въ послѣдній разъ въ Херсонесѣ съ членами Одесскаго археологическаго съѣзда, прямо говорятъ, что онъ не причастенъ ни къ ея открытію, ни къ признанію ея за ту церковь, въ которой крестился св. Владиміръ.

Преосвященный Иннокентій въ запискѣ своей «О возстановленіи древнихъ св. мѣстъ по горамъ Крымскимъ», представленной св. Синоду въ 1849 году, писалъ:

„между развалинами Херсонеса доселѣ примѣтны основанія четырехъ церквей — трехъ меньшихъ и одной большей, которую *не безъ причины признаютъ* за соборную, въ которой крестился св. Владиміръ“.

Кто признаетъ, не сказано, а признавать не безъ причины, не значить еще признавать по достаточнымъ причинамъ.

Итакъ изъ представленнаго нами обзорѣнія постепеннаго открытія, осмотра и изслѣдованія остатковъ древнихъ церквей Херсонеса видно:

1) что графъ А. С. Уваровъ не открывалъ остатковъ крестообразной церкви, сохранившихся въ нижней церкви херсонесскаго Владимірскаго храма, и не принималъ никакого участія въ признаніи ихъ за остатки той церкви, въ которой крестился св. Владиміръ; *предположеніе* о крещеніи въ ней св. Владиміра принадлежитъ одному Иннокентію. Мурзакевичъ, обозрѣвъ эту церковь въ 1836 году, оставилъ только вопросъ: «не въ этой ли церкви крестился св. Владиміръ?» Пока въ среднѣ Херсонеса извѣстны были остатки только одной крестообразной церкви, можно было предполагать, что въ этой церкви совершено крещеніе св. Владиміра, но когда рядомъ съ нею, послѣ Крымской войны, открыты остатки еще двухъ другихъ церквей, изъ коихъ каждая гораздо обширнѣе крестообразной церкви и каждая имѣетъ при себѣ пристройку близъ алтарной части съ явными признаками крещальни, то съ равнымъ правомъ и о каждой изъ этихъ церквей можно спросить: не въ ней ли крестился св. Владиміръ? Предположеніе о крещеніи св. Владиміра въ крестообразной церкви можно считать потому только вѣроятнымъ, что предалтарная яма среди остатковъ крестообразной церкви, называемая нынѣ купѣлюю св. Владиміра, стала извѣстной подъ именемъ купѣли св. Владиміра

уже послѣ войны Крымской и по смерти преосвященнаго Иннокентія ¹⁾ За крещальную купѣль она могла быть принята лишь по недоразумѣнію, такъ какъ извѣстно, что крещальни въ древности устраивались или въ особыхъ зданіяхъ, или въ особыхъ отдѣленіяхъ храма—придѣлахъ и папертяхъ, которыя назывались «βαπτιστήριον»; потому и купѣль крещальная не могла имѣть мѣста въ предалтарной или средней части храма. Купѣли эти обыкновенно имѣли форму овальную или круглую, въ видѣ чаши, дѣлались изъ цѣльнаго камня или мрамора, а предалтарное углубленіе крестообразной церкви имѣетъ форму удлиненнаго прямоугольника и размѣръ обыкновенной могилы въ 3 аршина длины и 2 ширины по измѣренію архитектора Авдѣева; выложена эта яма каменными досками изъ тесаныхъ плитъ и, слѣдовательно, не приспособлена къ наполненію водою, а потому и къ крещенію въ ней ²⁾; до войны Крымской, по свидѣтельству очевидцевъ, она наполнена была человѣческими костями, приваленными всякимъ мусоромъ и щебнемъ. По всей вѣроятности, это не болѣе, какъ одна изъ трехъ открытыхъ въ семъ храмѣ могилъ для покойниковъ. Можетъ быть въ ней покоились бранные остатки создателя крестообразнаго храма, подобно тому, какъ гробницы св. князя Владиміра и его бабки св. благовѣрной княгини Ольги находились опущенными въ склепы, устроенные въ предалтарной части Кіево-Десятинной церкви, созданной св. Владиміромъ послѣ своего крещенія во имя Пресвятой Богородицы. Остается желать, чтобы могильная яма, находящаяся предъ соею нижней церкви херсонскаго Владимірскаго собора, какъ неимѣющая никакого отношенія къ крещенію св. Владиміра, была закрыта. Безъ особенной потери для исторіи можно бы снять и остатки стѣнъ древней крестообразной церкви, означивъ ихъ фундаменты плитами особаго цвѣта на полу обхватывающей ихъ нижней церкви.

П. Л.

¹⁾ Преосв. Иннокентій подъ купѣлью св. Владиміра въ своей запискѣ разумѣетъ то мѣстность Херсонеса, то храмъ, въ которомъ онъ крестился, но объ углубленіи предалтарномъ нигдѣ не упоминаетъ.

²⁾ Устройство здѣсь крещальной купѣли изъ тесаныхъ плитъ тѣмъ болѣе невѣроятно, что въ Херсонесѣ, какъ сказано выше, оказались даже цистерны изъ цѣльнаго камня.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

4. Гимназія.

(посвящається пам'яті П. А. Антоновича).

(1833—1840)

Историческій очеркъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, до учрежденія въ Малороссіи намѣстничества, въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней черниговской губерніи, по свидѣтельству Сухомлинова, было 370 школъ, возникшихъ безъ всякаго вліянія извнѣ, а по дѣйствительной потребности мѣстнаго населенія.

Затѣмъ въ 1786 году въ Россійской имперіи учреждены „народныя училища—въ уѣздныхъ городахъ т. н. *малыя* училища, состоявшія мѣстами изъ двухъ, мѣстами изъ трехъ классовъ, а въ губернскихъ городахъ *главныя* народныя училища. Но эти правительственныя училища назывались „народными“ только по имени, а отнюдь не по сочувствію къ нимъ жителей: явное нерасположеніе къ нимъ народа видно изъ многихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ открытіе и дальнѣйшее существованіе ²⁾.

На такомъ, общемъ для всей имперіи основаніи, въ 1789 году, въ Новгородъ-Сѣверскѣ, тогда главномъ городѣ сѣверскаго намѣстничества, учреждено главное народное училище, при намѣстникѣ Ильѣ Богдановичѣ Бибиловѣ и генераль-губернаторѣ гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ; а въ Стародубѣ и Глуховѣ въ 1790 г. открыты малыя училища. Директоромъ всѣхъ этихъ училищъ назначенъ прокуроръ верхняго земскаго суда Иванъ Ивановичъ Халанскій.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 3, мартъ.

²⁾ Въ городѣ, напр., Нѣжинѣ дѣти, взятые отъ дьячковъ и приведенные въ училище пробыли тамъ лишь одинъ день и только черезъ мѣсяць, и то съ помощью полиціи водворены въ немъ (см. Рус. Мысль, 1889, № 1. ст. Пругавина).

По упраздненіи намѣстничествъ, въ 1797 г., Новгородъ-Сѣверскъ разжалованъ въ повѣтовый городъ и малыя училища подчинились черниговской дирекціи, а главное новгородъ-сѣверское, на общемъ основаніи, подлежало закрытію. Но, благодаря ходатайству Халанскаго, оно оставлено съ прежнимъ своимъ названіемъ и значеніемъ, получивъ въ собственность бывшій губернаторскій домъ, который, впрочемъ, и построенъ былъ для училища.

По учрежденіи главнаго правленія училищъ въ 1803 году, имперія раздѣлена на 6 учебныхъ округовъ, въ губернскихъ городахъ повелѣно учредить гимназіи, а въ уѣздныхъ уѣздныя училища. Черниговская губернія вошла въ составъ харьковскаго учебного округа, а съ нею и главное новгородъ-сѣверское училище. Въ другой разъ ему грозила опасность быть закрытымъ, но и на сей разъ оно уцѣлѣло, благодаря стеченію благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ.

Попечитель харьковскаго учебного округа Соверинъ Осиповичъ Потоцкій, прежде чѣмъ приступить къ правительственной реформѣ, въ томъ же 1803 году командировалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ генеральнаго визитатора, профессора харьковскаго университета Илью Ѳедоровича Тимковскаго. Прибывъ на мѣсто, визитаторъ нашелъ „въ главномъ училищѣ значительное число учениковъ и ученіе, достойное справедливаго одобренія, при томъ положеніи самаго училища, по разстояніямъ въ обширной губерніи выгоднымъ для образованія юношества“. Въ 1804 году училище посѣтилъ и самъ попечитель Потоцкій.

Въ 1805 году, проѣздомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, училище осматривалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и на докладъ визитатора Тимковскаго далъ попечителю предложеніе „преобразование новгородъ-сѣверскаго гл. училища пріостановить впредь до особаго распоряженія“. Вслѣдъ за тѣмъ 5 ноября 1805 года Высочайше повелѣно въ Новгородъ-Сѣверскѣ учредить гимназію. Замѣчательно, что это достопамятное для города событіе совершилось уже послѣ того, когда предложено было учредить въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородка, въ 150 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

Въ 1806 году директоръ Халанскій занялся перестройкой надворныхъ строеній гимназіи, остававшихся безъ употребленія со дня упраздненія намѣстничества, и „къ лучшему спѣху сего дѣла“ официальнымъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1806 года, пригласилъ моего дѣда Алексѣя Ивановича Чалаго, „какъ такого человѣка, котораго съ лишнимъ 20 лѣтъ зналъ онъ съ самой лучшей стороны, обществомъ всегда уважаемаго почтительностію и отличаемаго выборами въ публичное званіе и довольно свѣдущаго въ прочности нужнаго къ строенію лѣса и другихъ матеріаловъ, въ покупкѣ оного по сходнымъ цѣнамъ“, и просилъ его, тѣмъ же письмомъ, „приложить свое стараніе о выгодномъ для казны приготовленіи строительнаго матеріала“. „Такая услуга ваша, (заключаетъ свое письмо Халанскій) на общую пользу простираемая, пріятна для меня и не будетъ оставлена безъ вниманія высшимъ начальствомъ. Я надѣюсь, что сей трудъ тѣмъ съ большею охотою на себя примите, что и сынъ вашъ, обучаясь въ настоящемъ училищѣ, будетъ также воспитываться въ гимназіи“. (Подлинное письмо директора Халанскаго)

Довольно значительное количество матеріаловъ, исчисленныхъ въ томъ же письмѣ, Халанскій поручилъ дѣду моему пріобрѣсть покупкою частнымъ образомъ, обходя всѣ формальности, неизбѣжныя въ настоящее время при самыхъ незначительныхъ казенныхъ постройкахъ, и при томъ безъ всякаго возмездія за труды. Сынъ Алексѣя Ивановича, Корнилій, правда, поступилъ въ гимназію, но онъ могъ вступить туда безъ всякой протекціи.

Въ 1807 году Тимковскій вторично пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ для соображеній на мѣстѣ объ открытіи гимназіи, которое и послѣдовало въ 1808 году. Тогда же при гимназіи учреждено и уѣздное училище.

Въ день открытія гимназіи состоялось первое пожертвованіе въ 500 рублей асс. Въ томъ же году, помѣщица с. Ображеевки, вдова бунчуковаго товарища Марѳа Матвѣевна Полуботко представила чрезъ визитатора въ даръ заведенію для вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ двѣ тысячи руб. асс.

Въ 1808 году гимназію посѣтилъ Аракчеевъ и самолично выбралъ 12 воспитанниковъ для службы въ артиллеріи, а въ 1817 году, проѣздомъ изъ Гомеля, гимназію удостоилъ посѣщенія гр.

Николай Петровичъ Румянцевъ. Онъ предложилъ учителямъ вызовъ на сочиненіе исторіи Сѣверскаго княжества и когда они отговаривались неимѣніемъ нужныхъ для такого труда источниковъ, по причинѣ скудости бібліотеки, то графъ пожертвовалъ гимназіи нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій. Преподаватель словесности и философіи Григорій Прокофійчъ Македонскій преподнесъ именитому гостю написанное имъ для торжественнаго акта похвальное слово его отцу малороссійскому генераль-губернатору гр. Румянцеву-Задунайскому, за что и получилъ въ подарокъ золотыя часы.

По причинѣ ветхости гимназическаго зданія и большого неудобства въ размѣщеніи классовъ, при возрастающемъ количествѣ учениковъ, директоръ Халанскій въ 1824 году представилъ проектъ о постройкѣ новаго каменнаго дома; но ему не суждено было осуществить своего намѣренія: этотъ полезный дѣятель и превосходныхъ качествъ человекъ, прослужившій въ директорской должности 35 лѣтъ, скончался на 80 году своей жизни, въ 1825 году.

По смерти Халанскаго директоромъ гимназіи назначенъ зять его, извѣстный уже намъ генеральный визитаторъ харьковскаго учебнаго округа, профессоръ университета, докторъ правъ и философіи, великобританскаго и геттингенскаго ученыхъ обществъ членъ, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. По увольненіи въ 1812 году отъ должности профессора правовѣдѣнія и судопроизводства, онъ занималъ, по выборамъ отъ глуховскаго дворянства, должность уѣзднаго судьи, а потомъ черниговскаго губернскаго суда перваго департамента. Обогащенный глубокими свѣдѣніями, руководимый любовію къ гимназіи онъ много способствовалъ ея успѣхамъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ 1826 году помѣщикъ харьковской губерніи, уроженецъ города Конотопа М. О. Парпура, завѣщавшій харьковскому университету и конотопскому уѣздному училищу по 16 тыс. рублей асс., такую же сумму пожертвовалъ и новгородсѣверской гимназіи, для содержанія изъ процентовъ четырехъ воспитанниковъ.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ на представленный покойнымъ Халанскимъ проектъ постройки новаго зданія для гимназіи, преемникъ его И. Ѳ. Тимковскій занялся составленіемъ новыхъ смѣтъ и плановъ. А между тѣмъ, пока изготов-

лялись эти смѣты и планы, при неизмѣнномъ правилѣ директора *festina lente*, въ 1828 году обнародованъ новый уставъ семиклассныхъ гимназій, вслѣдствіе чего нужно было заняться изготовленіемъ опять новыхъ плановъ. Такимъ образомъ дѣло о постройкѣ каменнаго зданія тянулось слишкомъ 17 лѣтъ, такъ что только въ 1841 году приступлено было къ возведенію теперешняго двухэтажнаго зданія, оконченнаго въ 1844 г. при директорѣ Батаровскомъ.

Введеніе устава 1828 года и второй классъ.

Послѣ обнародованія Высочайше утвержденного устава, новгородсѣверская гимназія, по недостатку средствъ, просуществовала при прежнемъ своемъ четырехклассномъ составѣ еще пять лѣтъ. Наконецъ и до нея дошла очередь. Преобразование ея въ семиклассную совпало съ переходомъ моимъ во второй классъ уѣзднаго училища.

8 октября 1833 года позвали насъ въ залу. Директоръ произнесъ намъ длинную рѣчь, послѣ которой изъ сонма преподавателей выступилъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ Ивановскій и прочелъ что то такое мудреное, чего не могли понять даже ученики высшихъ классовъ гимназіи.

„Утвержденное начальствомъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіи дано для нее основаніемъ, правиломъ и мѣрою преподаваній въ каждомъ ея классѣ и въ каждомъ предметѣ. Сямъ оно твердо, ясно и рѣшительно опредѣлило, какіе ученики и въ какой классъ, по готовой для него способности, поступить должны, за опредѣленною въ успѣхъ ихъ по означеннымъ предметамъ отвѣтственностію учителей, если будетъ неуспѣвшихъ болѣе одного изъ десяти. Сличеніемъ распредѣленія предметовъ съ нынѣшнимъ состояніемъ классовъ произведено раздѣленіе учениковъ“.

За сямъ „ученымъ“ вступленіемъ, написаннымъ самимъ директоромъ, послѣдовало чтеніе списка учениковъ, „поступившихъ въ раздѣленіе на 7 классовъ“. Какъ рѣшилось гимназическое начальство совершить такой смѣлый *coup d' état*, какимъ образомъ умудрилось оно мизернѣйшій курсъ уѣзднаго училища вколотить въ рамки семиклассной гимназіи, съ разными высшими науками четырехклассной

гимназіи и приступить къ преподаванію предметовъ по новой программѣ, почти въ срединѣ учебнаго года?—Не намъ, конечно, было тогда судить объ этомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а изъ 6 разношерстныхъ классовъ гимназіи и уѣзднаго училища образовалось семь новыхъ классовъ—да будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Такимъ образомъ I классъ новой семиклассной гимназіи составилъ изъ оставленныхъ на второй годъ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища и изъ вновь переведенныхъ изъ приготовительнаго. II-й частью изъ оставшихся во 2-мъ классѣ уѣзд. училища, частью изъ переведенныхъ изъ перваго. III классъ изъ оставшихся на другой годъ въ 1-мъ классѣ четырехклассной гимназіи и изъ вновь переведенныхъ изъ 2-го кл. уѣзднаго училища. IV классъ сформированъ изъ переведенныхъ изъ 1-го класса четырехклас. гимназіи и изъ оставленныхъ на другой годъ во 2-мъ.

V классъ составилъ исключительно изъ переведенныхъ изъ втораго класса. VI классъ—частью изъ оставшихся на 2-й годъ въ прежнемъ третьемъ классѣ, частью изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса. VII—изъ оставленныхъ на 2-й годъ въ прежнемъ четвертомъ и изъ переведенныхъ изъ третьяго.

Изъ такого распредѣленія учениковъ „поступившихъ въ раздѣленію по классамъ“, явствуетъ, что оно было совершенно произвольное, и что VI-й напр. классъ семиклассной гимназіи возникъ какъ *deus ex machina*, ибо половина бывшаго 2-го класса водворена въ V-мъ, а другая черезъ V-й шагнула въ VI-й.

Вслѣдствіе такого нераціональнаго раздѣленія учениковъ по классамъ, возникли непреодолимые затрудненія какъ для преподавателей, такъ и для учениковъ. Въ научныхъ свѣдѣніяхъ учащихся обнаружались впоследствии огромные пробѣлы, которые во все продолженіе курса служили помѣхою къ основательному усвоенію преподаваемыхъ предметовъ. Благодаря тому же раздѣленію, я неожиданно очутился во второмъ классѣ гимназіи и облачился въ форменный сюртукъ съ широчайшимъ краснымъ воротникомъ, твердымъ какъ лубокъ, и металлическими бѣлыми пуговицами. Для уѣзднаго училища нанято особое помѣщеніе и Яковъ Яковлевичъ долженъ

былъ оставить насиженное мѣстечко навсегда. Намъ наслади новыхъ учителей—поляковъ.

По усмирѣніи польскаго мятежа и послѣдовавшаго затѣмъ въ 1832 году учрежденія кіевскаго учебнаго округа, правительство зорко стало слѣдить за направленіемъ воспитанія юношества въ юго-западномъ краѣ, гдѣ до того времени учебно-воспитательныя заведенія, по инициативѣ извѣстнаго польскаго патріота Өаддея Чацкого, обратились въ рассадники пропаганды. Для пресѣченія такого зла, успѣвшаго въ короткое время глубоко пустить свои корни, ко вреду русскаго населенія, были закрыты виленскій университетъ и кременецкій лицей и множество школъ, содержавшихся на счетъ разныхъ фундушей. Въ Кіевѣ открытъ университетъ св. Владимира и нѣсколько средне-учебныхъ заведеній, съ общимъ для всей имперіи устройствомъ¹⁾. Велѣдствіе такихъ преобразованій, для гимназій юго-западнаго края потребовалось значительное количество опытныхъ и благонадежныхъ учителей изъ коренныхъ русскихъ, которыхъ, къ великому ущербу просвѣщенія по сю сторону Днѣпра, стали высылать въ юго-западные губерніи, такъ что въ 1833 году въ преобразованной гимназій нашей не осталось почти никого изъ прежнихъ, истинно достойныхъ наставниковъ—Капли, Левицкаго, Македонскаго, Сбитнева. На ихъ мѣсто присланы другіе, которые, къ сожалѣнію, „смѣнивъ, не замѣнили ихъ“. Допуская прогрессивное движеніе впередъ въ общемъ ходѣ образованія, я не смѣю оспаривать преимуществъ отжившаго поколѣнія педагоговъ предъ новыми; но не могу умолчать объ одной особенноти людей прежняго закала, при всей кажущейся ихъ несостоятельности, въ сравненіи съ ихъ преемниками: это разносторонность научныхъ знаній и необыкновенная тягучесть и выносливость въ трудѣ, за самое скудное, сравнительно съ теперешнимъ, вознагражденіе²⁾.

¹⁾ Открыто 7 гимназій, 11 дворянскихъ училищъ, а на народныхъ школы не обращено ни малѣйшаго вниманія, трехмилліонное коренное русское населеніе осталось по старому во тьмѣ, а въ немъ то вся сила! Переустройство учебной части начато не съ фундамента, а съ крыши.

²⁾ Кирилль Захаревичъ Капля обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ с.-петербургской учительской семинаріи. Вступилъ въ службу въ 1792 году преподавателемъ математики, историческихъ наукъ и рисованія въ Введенскомъ училищѣ. Въ 1795 году перемѣщенъ въ малороссійское главное черниговское учи-

При безпрерывной перетасовкѣ преподавателей, которая такъ правилась первому попечителю кievскаго учебнаго округа, фонъ Брадке, къ намъ прїѣзжали всякіе — и плохіе, и хорошіе. Не говоря уже о томъ, что частыя перемѣны въ учительскомъ персоналѣ, по какимъ бы высшимъ соображеніямъ онѣ ни дѣлались, весьма вредно вліяли на наше ученіе, успѣхи учащихся не меньше страдали и отъ того, что въ числѣ новыхъ учителей было много поляковъ, плохо говорившихъ по русски и враждебно относившихся къ русскому юношеству.

Но какъ бы тамъ ни было, а мы, повѣтовцы, очутились, по щучьему велѣнью, по директорскому соизволенью, въ гимназіи и нашли тамъ совершенно иные порядки.

Но стало почтеннаго педагога Игнатъева, съ его любезной „арифметичкой“, представлявшей намъ не иначе, какъ во образѣ синей тетрадки, въ которой намъ досконально были извѣстны всѣ задачи, со всѣми ихъ нехитрыми рѣшеніями. Мы отлично понимали, какъ „въ одинъ высокаторжественный день выстрѣлено было изъ пушекъ 101 разъ“, и сколько пороху на эти выстрѣлы потрачено;

лише преподавателемъ математики, физики, латинскаго языка и русской словесности. Въ 1805 году переведенъ въ главное новгородсѣверское училище преподавателемъ тѣхъ же предметовъ съ прибавкою архитектуры и рисованія, а съ 1812 года греческаго языка и нѣмецкаго. Прослужилъ Капля 37 лѣтъ.

Григорій Прокофьевичъ Македонскій первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ (1799—1816), затѣмъ вступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ обучался въ двухъ отдѣленіяхъ: словесномъ и нравственно-политическомъ. Опредѣленъ сперва учителемъ философіи, естественнаго права и политической экономіи въ харьковскую гимназію, а оттуда перемѣщенъ въ новгородсѣверскую преподавателемъ, кромѣ означенныхъ предметовъ, этики и русской словесности. Сверхъ того одновременно преподавалъ латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій, всеобщую и российскую исторію. Спустя 22 года, въ 1832 году перемѣщенъ въ гимназію волынскую учителемъ логики и российской словесности и окончилъ службу свою въ 1846 году въ должности инспектора лицея кн. Безбородка.

Петръ Степановичъ Левинскій духовнаго званія изъ дворянъ съ весьма скуднымъ запасомъ домашняго воспитанія поступилъ въ кievскую духовную академію въ 1778 году, гдѣ обучался 7 лѣтъ латинскому языку, риторикѣ и поэзій; потомъ около года въ черниговской семинаріи философіи; откуда поступилъ въ петербургскую учительскую семинарію, гдѣ обучался латинскому, греческому и нѣмецкому языкамъ, арифметикѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи, физикѣ, педагогіи и рисованію втеченіе двухъ лѣтъ.

Въ 1789 году опредѣленъ въ новгородсѣверское главнее народное училище учителемъ исторіи, географіи и естеств. исторіи, гдѣ прослужилъ 42 года. Затѣмъ въ 1831 году назначенъ директоромъ училищъ черниговской губерніи, вышелъ въ отставку въ 1836 году; всей службы его 47 лѣтъ.

какъ катилось колесо и сколько разъ оборотилось оно въ минуту? Мы твердо знали: „въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ, какого числа и въ которомъ часу родился *Нѣкто*? Сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и даже секундъ прожилъ на свѣтѣ этотъ Нѣкто“. Задачи эти много лѣтъ повторялись, слово въ слово, такъ что не знать ихъ рѣшенія могъ только самый несообразительный человѣкъ, въ родѣ Василя Бинды, или уже совершенная деревяшка, въ родѣ Евграши Головотяпа.

И вотъ... приходимъ въ классъ и вмѣсто Якова Яковлеви́ча застаемъ на учительскомъ стулѣ Матвѣя Альбертовича, сгорбленнаго, въ очкахъ съ заостреннымъ носомъ и съ табакоркой въ рукахъ вмѣсто синей тетрадки. Началась переключка и мы сразу убѣдились, что нашъ новый наставникъ плохо разбираетъ русское письмо, исковеркавъ наши фамиліи такъ, что нѣкоторые и самихъ себя не узнали. Ради перваго знакомства, мы, хотя съ большимъ трудомъ, отъ смѣху удержались. Ждемъ, что будетъ дальше. Вдругъ учитель нашъ мгновенно схватывается со стула, пореваливаясь съ ноги на ногу, идетъ къ доскѣ, беретъ мѣлъ—и руки трясутся—оборачивается къ намъ и глядя, поверхъ очковъ, зычнымъ голосомъ выкрикиваетъ: *Задача!* Лисица, преслѣдуемая субакой, дѣлаетъ пятьдесятъ скачковъ впереди... Тутъ ужъ мы рѣшительно не могли удержаться отъ смѣха. Подойдя къ скамѣ и указавъ на сидѣвшаго съ краю ученика, учитель разразился бранью.

— А ну, ты звѣнья! Чего ты смѣешь! Пбди вонъ! Поставь себя на колѣна!

Распорядившись такимъ манеромъ, учитель снова принялся за свою лисицу, которая тѣмъ временемъ, безъ сомнѣнія, успѣла убѣжать еще дальше отъ собаки.

— А девять скачковъ лисицы равняются семи скачкамъ субаки: то-то слѣдуетъ опредѣлить время, когда субака догонитъ лисицу?—

Окончивъ задачу, Матвѣй Альбертовичъ заставилъ повторить ее Ваську Глотова, и къ счастью попалъ на самаго бойкаго математика. Отвѣтомъ его учитель остался, повидимому, доволенъ, хотя и не понравились ему нѣкоторые усвоенные прежде пріемы, отъ которыхъ Яковъ Яковлеви́чъ приходилъ въ умиленіе. Главное, на что обращалъ вниманіе его преемникъ, не быстрота, не фразы въ родѣ

„слѣдующимъ образомъ“, а основательное пониманіе условій задачи, логически вытекающей выводъ слѣдствія изъ причины. Такія требованія новаго учителя выразились въ часто повторяемомъ имъ возгласѣ: „а разсуждай!“

Эге, подумали мы, этого не проведешь, не скроешь своего невѣжества разными чисто механическими фокусами; тутъ зубреніе не поможетъ — тутъ нужно разсуждать, къ чему насъ вовсе не приучали въ повѣтовомъ училищѣ. Знай Матвѣй Албертовичъ по русски, да не будь чудоковать, отъ него многому можно было бы научиться; но къ несчастію, какъ его, такъ и нашему, всё его достоинства остались незамѣченными не только нами, дѣтьми, но и его сослуживцами; и они только трунили надъ нимъ, да предразнивали.

Иногда, совсѣмъ выбившись изъ силъ отъ возни съ мальчуганами, Матвѣй Албертовичъ прибѣгалъ къ содѣйствію инспектора.

— Герасымъ Ивановичъ! а ей Богу, не можно: то не есть классъ, але кѣрчма: смѣрдятъ, вѣнчатъ, гвиздѣютъ, жаловался онъ инспектору. Тотъ, конечно, принималъ энергическія мѣры, и спокойствіе въ классѣ восстанавлилось, но лишь до слѣдующаго урока.

Въ томъ же 1833 году гимназію нашу ревизовалъ фонъ Брадке. Пришелъ онъ къ намъ на урокъ ариѳметики. Ученикъ, рѣшая задачу, оробѣлъ и запнулся.

— А разсуждай! крикнулъ Матвѣй Албертовичъ зычнымъ голосомъ, стоя позади попечителя, надъ самымъ его ухомъ. Тотъ вздрогнулъ и вопросительно взглянулъ на директора, который приказалъ стоять учителю смирно и не мѣшаться. Матвѣй нашъ отошелъ въ сторону, оперся обѣими локтями на скамью и, выпятивъ впередъ животъ, иронически сталъ смотрѣть на доску. Отъ нечего дѣлать ему захотѣлось понюхать. Какъ скрипнетъ онъ крышкой своей табакерки, съ портретомъ Костюшки — нервный нашъ попечитель опять вздрогнулъ и посмотрѣлъ на инспектора, который почтительно-выразительной миной показалъ Е. П.—ву, что съ этимъ чудакomъ ничего не подѣлаешь.

Матвѣй Албертовичъ не любилъ пѣтуховъ вообще, а пѣвня ихъ въ особенности. Разстроенные разными превратностями судьбы, нервы его не выносили близкаго сосѣдства съ этой безпокойной птицей. Нанимая квартиру, нашъ наставникъ прежде всего предлагалъ хозяйкѣ вопросъ: а пѣтухъ у тебя есть?

— А якже, отвѣчаетъ хозяйка: чи можна жъ въ хазяйствѣ обойтись безъ пѣтуха?

— Ну, то я у тебя жить не хѣчу!

Подмѣтивши такую странность въ учителѣ, мы постоянно школьничали: идетъ бывало онъ по троттуару, закутавшись въ плащъ, а тутъ изъ-за забора надъ голозой: кукареку! Разъ какой то шалунъ вбросилъ ему пѣтуха въ открытое окно его квартиры, и онъ безжалостно убилъ его линейкой и выбросилъ на улицу.

На урокъ нѣмецкаго языка пришелъ не Я. Я—чъ съ своимъ „Зрѣлищемъ“, а настоящій нѣмецъ изъ Дерпта—Эдуардъ Андреевичъ Штранге и принесъ съ собой какія то таблицы, съ нарисованными на нихъ цвѣтами. Повѣсивъ одну изъ нихъ на доскѣ, учитель взялъ прутикъ и, указывая на бутонъ розы, спросилъ:

— Was ist das? А мы должны были отвѣчать ему всѣ разомъ, словно хоръ въ оперѣ, на распѣвъ, отбивая тактъ дружнымъ топаньемъ: das ist! eine! Rosen! Knospe!

Какъ цвѣты, такъ и пѣніе съ перваго разу намъ очень понравились, но впослѣдствіи, когда, дирижируя хоромъ, нашъ остзеецъ началъ хлестать тѣмъ же прутикомъ по ушамъ, тогда мы зацѣли другимъ голосомъ.

Учитель русскаго языка остался тотъ же весельчакъ Егоръ Андреевичъ Носачевскій; но и въ гимназію перенесъ онъ свою пакостную привычку за всякіе пустяки „драть“ учениковъ линейкой.

Быть можетъ, такому ожесточенію была причиной нѣкая скапдальная исторія, о коей и до насъ дошли слухи. Дѣло въ томъ, что „подъ вечеръ осени ненастной“, къ господину директору явилась съ жалобой на нашего наставника дѣвица духовнаго званія.

И тайный плодъ любви несчастной

Держала въ трепетныхъ рукахъ....

Латинскій языкъ отъ Егора Андреевича перешелъ къ Казиміру Петровичу Климовскому. Какъ теперь вижу эту іезуитскую физиогномію, на которой рисовалось нескрываемое отвращеніе отъ всего, что только носило имя русскаго. Къ ученикамъ онъ относился такъ, какъ будто они были личными его врагами. Потребуется, напр., книгу для переводовъ, ему поднесутъ; но Казиміръ не сразу возьметъ ее, а сперва осмотритъ руки поднесшаго книгу, поцѣживая сквозь зубы;

„чи чисты руки?“ — Если книга оказывалась сильно подержанною, онъ бралъ ее за край листка и, держа въ воздухѣ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, приговаривая: мм... чи чисты руки? чи чисты руки?... и затѣмъ швырялъ ее на средину класса съ видомъ глубочайшаго омерзѣнія, какъ будто онъ взялъ въ руки лягушку.

Къ счастью, Казиміръ былъ у насъ недолго; его смѣнилъ Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Брасковскій, за которымъ послѣдовалъ Карлъ Ивановичъ Микульскій, прибывшій въ Новгородъ-Сѣверскъ изъ Каменца-Подольскаго съ другомъ своимъ Осичковскимъ, прозваннымъ Бореемъ, за его взъерошенные сѣдые волосы, на основаніи стиха Державина: „Съ бѣлыми Борей власами“.... Но у Карла Ивановича, кромѣ Борей, было другое близкое существо — небольшой пуделекъ *Amicus*, сопровождавшій его въ гимназію и на прогулки.

Карлъ Ивановичъ и Осичковскій, чрезвычайно живые, бодрые старички, начиная съ мая, не взирая ни на какую погоду, ежедневно въ 5 часовъ утра совершали прогулку на Заручье пить изъ криницы воду, приписывая ей цѣлебныя свойства. Выпивши съ роздыхомъ отъ 5 до 8 стакановъ холодной ключевой водицы, они весело возвращались домой, въ сопровожденіи *Amicus*'а, пили молоко и въ 8 часовъ всегда первыми являлись на службу.

Карлъ Ивановичъ былъ большой любимецъ дѣтей. Преподаваніе скучной латыни онъ старался оживить разными анекдотцами, вдаваясь иногда въ такія комментаріи, которыя вовсе не относились ни къ этимологіи, ни къ синтаксису. Такъ, переводя изъ Корнелія Непота жизнеописаніе Датама, Карлъ Ивановичъ оставлялъ книгу и начиналъ фантазировать:

— „Выобразьте себѣ, господа, какъ этотъ воинственный мужъ скачетъ на конѣ передъ строемъ всадниковъ, какъ блестялъ на солныцѣ его шлемъ, какъ онъ красиво сидѣлъ на сѣдлѣ“.

Замѣтивъ, что учитель въ ударѣ, ученики начинали школьничать:

— Карлъ Ивановичъ! А какой масти у Датамиса была лошадь?

— Ну, можетъ быть бѣлая, можетъ быть вороная.

— Карлъ Ивановичъ! А какъ ѣхалъ Датамъ, рысью или галопомъ?

— Ну, можетъ быть галопомъ, можетъ быть рысью.

— Карлъ Ивановичъ! отзывается третій: чѣмъ кормилъ Датамисъ своего коня, овсомъ или сѣномъ?

Замѣтивъ, наконецъ, что надъ нимъ начинаютъ подтрунивать, учитель начиналъ сердиться. Ты же, мужикъ, молчи! ты же дуракъ!

Не выучившему урока Карлъ Ивановичъ давалъ такого рода совѣтъ:

— Ты же осель, не умѣешь учиться: ты иди въ сарай, да сядь тамъ съ книгой, да читай громко, плавно, выразно!...

Французъ пока не пріискали.

На любимѣйшій нашъ урокъ рисованія пришелъ Степанъ Кирилловичъ Кириловъ, по прозванію Шатá. Обучался онъ сему искусству, какъ гласитъ его дипломъ, въ с.-петербургской академіи „въ живописномъ миниатюрномъ художествѣ и за хорошіе успѣхи, а особливо за признанное въ немъ добронравіе и лестное и похвальное поведеніе, возведенъ въ 1812 году въ званіе художника и награжденъ шнагой“.

Произведеніями, если не кисти, то карандаша этого „миниатюрнаго художника“ увѣшаны были всѣ стѣны гимназической залы. Онъ, какъ всѣ художники, проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства и высоко ставилъ свое искусство, особенно когда немножко былъ подшефэ!

— Ты, твердилъ онъ безпрестанно, обращаясь съ выговоромъ къ ученику, ты хоть и хорошъ по другимъ предметамъ, но я могу тебѣ все испортить своею отмѣткой, если не будешь у меня учиться.

— Говори! думалъ про себя ученикъ, выслушивая выговоръ: какъ будто я не знаю, что твои единицы ничего не значатъ при переводахъ.

По старой привычкѣ, мы постоянно подносили ему для исправленія свое маранье, которое онъ, по своей забывчивости, уже нѣсколько разъ поправлялъ, при чемъ любилъ вдаваться въ теорію искусства, самаго, впрочемъ, незатѣйливаго свойства. Какъ обезьяна, чѣмъ больше въ ней видимаго сходства съ человѣкомъ, тѣмъ она смѣшнѣе, такъ и нашъ Шатá—тѣмъ казался глупѣе, чѣмъ болѣе старался походить на умнаго. До обѣда онъ былъ еще ничего себѣ, довольно приличный съ виду господинъ, но на послѣобѣденныхъ урокахъ къ нему нельзя было подойти близко—отъ него несло сивухой, какъ изъ бочки. Его лицо и волосы, и безъ того всегда красные, становились какъ бы огненными. Въ такомъ возбужденномъ состояніи

онъ любилъ читать мораль, начиная каждый разъ свою проповѣдь любимымъ словомъ: „безсовѣстный! Гдѣ твоя совѣсть?“.

Иногда, на самомъ патетическомъ мѣстѣ его рѣчи, ученикъ VI класса Николай Кабановъ, проходя по корридору, во всю мочь крикнетъ въ замочную скважину: „Шатá!“ на что нашъ наставникъ качалъ головою и говорилъ только: „безсовѣстный!“ Жившіе у него пансіонеры передавали, что самое вещество, зеленого цвѣта, вдохновлявшее его геній и стоявшее въ шкафикѣ въ его мастерской въ графинѣ, онъ тоже называлъ совѣстью, по крайней мѣрѣ, когда однажды онъ сталъ бранить сынишку своего Мишу за шалость и сказалъ: „безсовѣстный! гдѣ твоя совѣсть?“ то онъ безъ запинки отвѣтилъ ему: „въ шкафѣ, папоцка, на полоцкѣ стоитъ“.

Смотрителя-аптекаря замѣнилъ директоръ, или, лучше сказать, инспекторъ, который безотлучно сидѣлъ въ гимназіи, тогда какъ директоръ бывалъ въ гимназіи только въ известное время года: на рождественскіе праздники, во время говѣнья на первой недѣлѣ поста и во время годичныхъ экзаменовъ. Около 8 мѣсяцевъ въ году жилъ онъ въ 40 верстахъ отъ города, въ своемъ имѣніи. Туда отсылались и всѣ получаемыя имъ изъ округа бумаги. Уѣзжая въ свою милую Турановку на каникулярное время, Илья Ѳедоровичъ оставался тамъ до конца октября, *procul negotiis*, наслаждаясь, по примѣру любимаго своего Горация Флакка, прелестями сельской природы, *sub tegmine fagi membra stratus*. Хотя у него при дѣтяхъ находился домашній учитель изъ гимназистовъ высшихъ классовъ, но большую часть предметовъ директоръ читалъ самъ: за чаемъ обыкновенно шли языки, во время и послѣ обѣда исторія. Порядокъ этотъ соблюдался ежедневно съ необыкновенною точностію. Илья Ѳедоровичъ былъ деспотъ въ семействѣ. Гостей у него никогда не бывало и самъ онъ нигдѣ не бывалъ, предпочитая провинціальному обществу бесѣду съ неразлучными своими друзьями — римскими классиками.

Съ конца октября до конца декабря директоръ жилъ въ городскомъ своемъ домѣ, на Козацкой улицѣ, но гимназіи не посѣщалъ. Пріѣзжая во время рожденья 20 декабря, собиралъ всю гимназію въ залу, говорилъ, *viva vosse*, рѣчь и надобно знать, что эти рѣчи — импровизаціи были лучшими его произведеніями: онъ говорилъ увле-

¹⁾ Разновременно у него жили: П. А. Антоновичъ, Нагула и Левдкѣ.

кательно, убѣдительно и просто; напротивъ, все написанное имъ выходило изъ рукъ вонъ плохо, въ родѣ вышеприведеннаго отрывка, прочитаннаго инспекторомъ при преобразованіи гимназіи: темно и непонятно. Темами для такихъ рѣчей Илья Ѳедоровичъ обыкновенно избиралъ какой нибудь афоризмъ или изреченіе знаменитаго мужа, въ родѣ напр. слѣдующаго: „Императоръ Титъ, недовольный проведеннымъ днемъ, говорилъ друзьямъ своимъ: amici! hodie diem perdidit!“ За темой слѣдовало развитіе главной мысли, примѣнительно къ жизни ученика. По окончаніи рѣчи, онъ давалъ воспитанникамъ трехъ высшихъ классовъ нѣсколько темъ на праздники и уѣзжалъ въ свою Турановку до поста.

Говѣли мы обыкновенно на первой недѣлѣ. Всѣ учащіе и учащіяся обязаны были два раза въ день сходить въ гимназію, начиная съ понедѣльника, къ заутрени и на поклоны. Въ залѣ въ это время ставили большой столъ; на столѣ крестъ, евангеліе и всѣ принадлежности великопостнаго служенія. Какъ псалтирь, такъ и канонъ на поклонахъ Илья Ѳедоровичъ читалъ всегда самъ. Стройное пѣніе гимназическаго хора, подъ управленіемъ страстнаго любителя и знатока сего искусства Осипа Акимовича Самчевскаго, выразительное чтеніе директора и теплая комната весьма благопріятно вліяли на наше религіозное настроеніе, пробуждая въ душѣ уваженіе и благоговѣніе къ святости великаго таинства, къ которому мы готовились. Никому изъ учениковъ не дозволялось говѣть даже въ своей приходской церкви, потому что тамъ ничего подобнаго не было: однообразное бормотанье дьячка и его негармоническое solo, при длиннотѣ великопостнаго служенія, въ холодной, съ желѣзнымъ (какъ въ соборѣ) поломъ, могли поселить въ душѣ чувство противоположное благоговѣнію, какое приличествуетъ и святости мѣста, и самой цѣли установленныхъ для говѣнья молитвъ, пѣснопѣній и словословіи.

Въ среду и пятницу послѣ заутрени мы по парно шли въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ тоже пѣли наши пѣвчіе, а воспитанники 7-го класса читали, изъ „собранія поученій“, проповѣди, по выбору самаго директора, стоявшаго всегда на лѣвомъ клиросѣ, не смѣшиваясь съ толпой.

Въ пятницу послѣ обѣда мы сходились въ гимназію исповѣдываться во грѣхахъ своихъ. Порядокъ, при которомъ совершалось

великое таинство покаянія,—установленный, конечно, не церковію и даже не начальствомъ, а мѣстнымъ обычаемъ, который сильнѣе всякого начальства,—совершенно не гармонировалъ съ ходомъ и характеромъ нашего продолжительнаго говѣнія.

Въ маленькой комнатѣ VII класса садился за столъ нашъ протопопъ от. Стефанъ, а у дверей отъ залы становился пономарь Адрианъ. Чтобы попасть въ исповѣдальню къ батюшкѣ, или, какъ выражаются наши мѣщане, „чтобъ повозить попа въ рѣшетѣ“, нужно было дать прежде нѣсколько грошей „входного“ привратнику, а потомъ положить на столъ подлѣ самаго евангелія втрое противъ того, въ пользу протоіерея, ему же дана власть вязать и рѣшить. Учениковъ первыхъ двухъ классовъ впускали по пяти, по шести разомъ, а начиная съ четвертаго по два и по три; по одному же входили самые большіе, за что и платили больше другихъ.

Въ то время, когда такимъ манеромъ совершалось таинство покаянія, на гимназическій дворъ сходились со всего города торговли съ бубликами, стовпчиками, мочеными кисличками и др. ласощами. Откупившись отъ грѣховъ, школяры навидывались, какъ голодные псы, на всю эту благодать и начинали истреблять громадное количество бубликовъ, словно они дня два ничего не ѣли. Обѣдалась вся эта орда до тошноты именно потому, что послѣ пассіи уже не дозволялось ѣсть до самаго причастья. Нѣкоторые ѣдоки даже бились объ закладъ, кто больше сокрушитъ бубликовъ.

Такое явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что впродолженіе цѣлой недѣли у насъ соблюдался строжайшій постъ. Рѣдко бывало и варятъ что нибудь дома. Дадутъ тебѣ сырой капусты, приправленной цыбулей и олеєю, или сухарь, размоченный въ водѣ, или варенаго гороху съ сытой—больше ничего не смѣй и спрашивать, потому: не все коту масляница—пришелъ и великій постъ.

Ученикъ III класса Петръ Водень признался попу на духу, что онъ, говѣючи, ѣлъ селедку. Что жъ изъ этого вышло? А то, что, не дожидавшись за содѣянный грѣхъ суда Божія, начальство покарало его на семь свѣтѣ, а именно: въ поведѣльникъ на Оминой недѣлѣ, когда ученики сидѣли уже на урокахъ, по приказанію директора, бѣднягѣ нацѣпили на шею аршиннаго оселедца и повели, какъ медвѣдя, на показъ по всѣмъ классамъ: смотрите, молъ, такъ

и вамъ будетъ, только попробуйте, говѣючи, покушать селедки! Во все продолженіе великаго поста, директоръ прѣвзжалъ въ гимназію только одинъ разъ—на Андреево стояніе, а потомъ уѣвзжалъ изъ города встрѣчать въ деревнѣ весну и возвращался въ концѣ мая, передъ самыми экзаменами, на которыхъ онъ просиживалъ ежедневно по 10 часовъ.

Въ этомъ году во второмъ классѣ пройдено было очень мало, да отъ преподавателей и требовать было несправедливо невозможнаго: произведши путаницу въ преподаваніи „раздѣленіемъ учениковъ на семь классовъ“, само начальство было причиной неуспѣшности.

Экзамены мои шли довольно удовлетворительно и все, казалось, должно было кончиться благополучно; но надо мной неожиданно стряслась бѣда. Вслѣдствіе часто повторявшихся несчастныхъ случаевъ на Деснѣ, намъ строжайше воспрещено было купаться не въ урочное время. Около пяти часовъ, насъ, какъ барановъ, надзиратели вели къ рѣкѣ и мы подъ ихъ наблюденіемъ купались. Но представьте себѣ положеніе мальчика, живущаго въ 20 шагахъ отъ воды въ жаркіе дни. И вотъ, трое изъ учениковъ, на зло запрещенію, желая выкупаться вволюшку на свободѣ, отправились въ праздничный день къ Щуровкѣ и тамъ стали купаться на совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ началъ тонуть, другой хотѣлъ спасти его и оба пошли ко дну. Третій прибѣжалъ домой, чтобы сказать о случившемся хозяевамъ. Объ этомъ „чрезвычайномъ происшествіи“ директоръ отправилъ въ округъ донесеніе, въ которомъ старался оправдать самый фактъ несчастія незрѣлостію лѣтъ утопленниковъ, жаркимъ лѣтомъ, красотами новгородъ-сѣверскихъ окрестностей, соблазвившихъ учениковъ и т. д. Но что отвѣтилъ онъ осиротѣвшимъ родителямъ, довѣрившимъ заведенію дѣтей—объ этомъ исторія умалчиваетъ: тутъ, я думаю, не помогло никакое краснорѣчіе.

Послѣ такого событія, строгость мѣръ противъ купанья не только не уменьшилась, но еще увеличилась. Не взирая на сіе, для меня, водяного звѣрька, жившаго у самой рѣки, искушеніе было слишкомъ велико, чтобы не соблазниться, и я, махнувъ рукой на всякія запрещенія, пошелъ купаться вмѣстѣ съ двумя товарищами.

Только что мы вошли въ воду—глядь, а на Замкѣ стоитъ, растопыривъ ноги, словно колоссъ родосекій, инспекторъ и смотритъ

на насъ въ „подозрительную трубку“. Выскочивъ на берегъ, мы схватили свои рубашонки да драла, такъ что одѣлись уже на бѣгу. Но это намъ не помогло. Мы были узнапы.

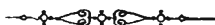
Приходимъ на другой день на экзамень—бѣда! О нашемъ проступкѣ доложено директору. Что то будетъ? что то будетъ съ нами? Илья Ѳедоровичъ, не терпѣвшій тѣлесныхъ наказаній, придумалъ для насъ такую кару: велѣлъ позвать Павлѣ и приказалъ ему раздѣть насъ до рубашки, да такъ и оставить сидѣть между учениками до конца экзамена. Не довольствуясь и этимъ позорнымъ наказаніемъ, онъ порѣшилъ было оставить насъ въ томъ же классѣ на 2-й годъ, не допустивъ къ экзамену; но я такъ усердно плакалъ цѣлыхъ четыре часа, что надо мной сжалялись и подозвали къ столу. Удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, Илья Ѳедоровичъ позволялъ мнѣ одѣться и отпустилъ домой съ миромъ.

На другой день въ 9 часовъ меня потребовали къ директору на домъ, гдѣ я долженъ былъ выслушать отеческое увѣщаніе, подѣйствовавшее на меня больше всяческихъ наказаній: отъ души сказанное слово глубоко западаетъ въ душу.

Экзамены кончились. Съ какимъ восторгомъ прибѣжалъ я домой послѣ акта! Билетъ, гдѣ прописанъ былъ мой переводъ въ III классъ, я держалъ чуть не надъ головой, какъ трофей побѣды надъ школьною премудростію. Отецъ былъ очень обрадованъ моими успѣхами, позволилъ мнѣ во все время каникулъ всѣ мои любимыя развлеченія и даже (о восторгъ!) подарилъ мнѣ свое маленькое одноствольное ружьецо.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки стариннаго быта Волыни и Украины.

1. Пасквиль и судъ.*)

I.

Дѣло происходило въ маѣ 1575 года.

Теплая весенняя ночь спустилась умиротворяющимъ покровомъ надъ г. Луцкомъ, призывая его неугомонное населеніе къ покою и отдыху. Несмотря на громкій титуль „столичнаго мѣста земли Волынской“, Луцкъ жилъ въ то время патриархальной жизнью. Часъ спустя по заходѣ солнца, запирались городскія ворота, и городъ постепенно замиралъ, чтобы съ восходомъ солнца начать снова свою муравьиную суетоку. Дольше всего гамъ и галдѣніе доносились съ „Жидовской“ улицы, одной изъ самыхъ многочисленныхъ. Но вотъ изъ-за угла сосѣдней, „Троецкой“ улицы показалась группа людей съ длинными палками и „походными“ (фонарями) въ рукахъ: то были „панове бурмистры“, въ сопровожденіи городской стражи совершавшіе свой урочный обходъ для надзора за исполненіемъ магистратскаго распоряженія—тушить огни въ домахъ въ ночное время. Гдѣ только виднѣлось хоть слабое мерцаніе свѣчи или лучины, туда подходилъ бурмистръ, безмолвно стучалъ палкой въ окно—и свѣтъ исчезалъ моментально, а вмѣстѣ съ нимъ какъ бы все замирало въ домѣ.

*) Составлено на основаніи архивныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ луцкаго и владимірскаго судовъ.

Лишь въ немногихъ домахъ огонь продолжалъ мерцать и послѣ стука въ окно бурмистровской палки: то загулявшіеся шляхтичи были безсильны разстаться съ гостепрїимными шинкарами и не спѣшили допивать послѣднія „коновочки“ пива или меду. Сегодня, впрочемъ, по случаю кануна праздника св. Николая, самые завзятые гуляки раньше обыкновеннаго прекратили бражничанье и безъ шума и обычныхъ „галасовъ“ расходились по домамъ. Скоро весь городъ потонулъ во мракѣ, и только темные силуэты замковыхъ башенъ и церквей чуть примѣтно рисовались на звѣздномъ небѣ.

На главной башнѣ замка часы пробили шесть, что по тогдашнему суточному счету означало полночь. Серебристый звонъ колокола гулко прозвучалъ надъ спящимъ городомъ—и замеръ мягкими, вибрирующими отзвуками, какъ бы смущаясь, что нарушилъ ночное безмолвіе. И снова все тихо; лишь издали, съ предмѣстьевъ, едва доносится лай собакъ и соловьиныя трели.

— „Вартуй! вартуй!“ раздается вдругъ протяжный окликъ изъ „вышняго“ замка, или дѣтища.

— „Вартуй! вартуй!“ черезъ минуту доносится такой же окликъ изъ „окольнаго“ замка, отъ Глушецкой брамы.

— „Вартуй!..“ слабо отзывается гдѣ-то съ противоположнаго конца города.

То „сторожа“ замковая „*кличеть*“ на стѣнахъ замка, давая знать жителямъ, что они могутъ спокойно предаваться сну, что есть на замкѣ недремлющія очи, которыя не допустятъ ни злого татарина, ни другого непрїателя воспользоваться ночью темнотою и напасть въ распахъ на спящій городъ. Впрочемъ, нынѣшнею ночью стражники очень уже лѣнливо „кличуть“, точно знаютъ, что сегодня некому наблюдать за ихъ бдительностью, такъ какъ панъ городничій Александръ Жоравницкій весь день прогулялъ на храмовомъ праздникѣ у своего тестя, владыки луцкаго Іоны Борзобогатаго, гдѣ поссорился съ братомъ своимъ Яномъ, и теперь спитъ словно мертвымъ сномъ; да и сами они, какъ добрые христіане, изрядно отпраздновавши „храмъ“, т. е. престольный праздникъ замковой церкви св. Іоанна Богослова, никакъ не могутъ противостоять искушеніямъ сна, возложивъ надежду на то,

что св. Николай никакъ не допустить въ канунъ своего праздника „поганныхъ“ татаръ напасть на христіанскій городъ. И по мѣрѣ того, какъ все погружается въ сонъ, перекликанія на замковыхъ стѣнахъ становятся все рѣже и рѣже, а далѣе и совсѣмъ умолкли, такъ что случись на ту пору непріятель, онъ развѣ лишь по громкому храпу, доносившемуся съ городскихъ стѣнъ, могъ бы заключить, что замковая „сторожа“ находится на своихъ постахъ.

Время уже близилось къ разсвѣту, когда черезъ базарную площадь промелькнули двѣ фигуры, осторожно прокрадывавшіяся по направленію къ Глушецкой „брамѣ“ (воротамъ). Здѣсь онѣ остановились на минуту, прислушиваясь къ мѣрному сопѣнію находившагося тамъ сторожа. Убѣдившись, что онъ мирно поживаетъ, прислонясь спиною къ стѣнѣ, таинственные незнакомцы осторожно приблизились и прикрѣпили къ воротамъ какой то бумажный листокъ. То же самое сдѣлали они у выѣздныхъ воротъ, ведущихъ къ Жидичину, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ. У выѣздной брамы внутренняго замка они чуть было не попали въ бѣду: въ темнотѣ кто-то изъ нихъ неосторожно наступилъ на ногу спавшему у воротъ сторожу. Тотъ опрометью схватился и, полагая, что панъ городничій обходитъ сторожевые посты, съ просонковъ закричалъ: „Вартуй, вартуй!“ Убѣдившись, однако, что городничаго нѣтъ и въ поминѣ, и видя, что на его „кликанье“ не послѣдовало ни откуда отзыва, сторожъ перекрестился, выбранилъ въ слухъ „нечистого“ за его дурную привычку тревожить сонъ добрыхъ людей и, улегшись поудобнѣе, снова заснулъ крѣпче прежняго. А надъ его головой, на темномъ фонѣ крѣпостной стѣны, при слабомъ отблескѣ занимавшейся зари, едва обозначался какой то бумажный листокъ.

II.

Было чудное майское утро. Въ церквяхъ начался праздничный перезвонъ, и городскія улицы стали наполняться народомъ.

Вышелъ изъ своего дома престарѣлый владыка лудцій Іона Борзобогатый и, сопровождаемый немалой свитой, направился къ каедральной замковой церкви. Это былъ крупнаго сложенія

и высокаго роста старикъ, достаточно еще свѣжій и бодрый для своихъ 80 лѣтъ. На немъ была коричневая „чамлетовая референда“¹⁾, на головѣ круглая, отороченная дорогимъ мѣхомъ, бархатная шапка, какія носили тогда всѣ пожилые люди, духовные и свѣтскіе, и только золотой крестъ на груди, украшенный драгоценными камнями, давалъ знать, что это не простой „презвитеръ“ или „протопопъ“, а самъ „его милость отецъ владыка“. Клобука Иона не любилъ носить, и когда ему напоминали о томъ, отвѣчалъ обыкновенно: „Я не чернецъ и не повиненъ мѣти на головѣ тое страшилище—каптуръ“. Опираясь на высокую трость въ серебряной оправѣ, медленно выступалъ владыка, останавливаясь поминутно, чтобы дать благословеніе встрѣчавшимся мѣщанамъ и перекинуться съ ними нѣсколькими словами. Владыка былъ простъ въ обращеніи и необыкновенно словоохотливъ. Кто только ни встрѣчался ему на пути—шляхтичъ ли, мѣщанинъ, или даже еврей, — онъ cadaго окликалъ по имени и находилъ, что сказать ему, такъ какъ зналъ въ лицо едва ли не всѣхъ жителей Луцка и окрестностей, что было естественнымъ послѣдствіемъ долготнѣй дѣятельности его въ этомъ краѣ и при томъ на различныхъ поприщахъ. Когда-то, въ молодыхъ лѣтахъ, бывши еще красноставскимъ мѣщаниномъ, Борзобогатый по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ по Волини; потомъ онъ былъ „целникомъ“ волынскимъ, т. е. аренднымъ сборщикомъ торговыхъ пошлинъ, затѣмъ долгое время былъ войтомъ луцкимъ, а теперь въ старости довелось ему здѣсь же архипастырствовать. Большую сумму заплатилъ онъ королю и членамъ его „рады“ за этотъ почетный санъ; за то теперь старался вознаградить себя сторицею за потерянные траты и грабилъ церкви и духовенство безъ всякаго милосердія.

Поровнявшись съ церковью св. Димитрія, построенною, по преданію, княземъ Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, владыка остановился и гнѣвно оглядѣлъ группу мѣщанъ, стоявшихъ въ нѣмомъ недоумѣніи и съ печальными лицами у запертаго храма.

¹⁾ *Референда*—родъ вышней рясн. *Чамлетъ*, съ итал. comelotto (камлотъ), шерстяная матерія, очень прочная и въ то время очень дорогая, такъ какъ первоначально она выдѣлывалась исключительно изъ шерсти особой породы азіатской козы.

Завидѣвъ остановившагося владыку, многіе изъ толпы, неохотно обнаживъ головы, стали подходить подъ его благословеніе.

— „А для которой то причины, панове парохіане, попъ вашъ не править службы Божой въ такъ великое свято христіанское?“ какъ-то загадочно спросилъ Борзобогатый.

— Для того, отче владыко, ижъ (что) ваша милость невѣдомо для якои потребности казалисте церкву нашу запечатати“,— сумрачно отвѣтили мѣщане.

— „Правда есть, ижъ я казалъ былъ ее запечатати и не только ваму, але и иншіе вси церкви въ Луцку, яко то: троецкую, миколинскую, покровскую, панасовскую, рожественскую и михайловскую. Але иншіе вси полове давно упокорилися и учинили ми досыть, и я имъ заразъ позволилъ службу Божую служити; а вашъ попъ и до сего часу смѣеть и важится противень быти владзѣ моей пастырской“.

— „Нашъ презвитерь есть чловѣкъ вельми убогій и не можетъ такой подачки знести, якую ваша милость на немъ вытягти хотите, то есть десять копъ грошей“.

— „Ну, то вы, парохіане, тое за него знесите“.

— „Мы тежъ, отче владыко, люде убогие и такого тягару неправного знести не можемо“.

— „То оставайтесь же и напредь безъ хвалы Божой, якъ тые поганцы (язычники)!“ заключилъ владыка сердитымъ голосомъ.

Послѣ этого онъ подошелъ къ дверямъ церковнымъ, внимательно осмотрѣлъ ихъ и, убѣдившись, что снурки съ краснымъ воскомъ цѣлы и его именная печать съ гербомъ не повреждена, съ довольнымъ видомъ продолжалъ свое шествіе въ соборъ.

Приблизившись къ воротной башнѣ замка, владыка примѣтилъ прибитый къ стѣнѣ бумажный листъ. „Ужъ не новая ли это инфамія?“ подумалъ старецъ не безъ тревоги, вспомнивъ, что еще недавно на этомъ самомъ мѣстѣ красовался прибитый вознымъ королевскій универсаль, оповѣщавшій всѣхъ и каждого о томъ, что луцкій владыка приговоренъ къ лишенію чести (infamia) за наѣздъ на имѣніе сосѣда, сопровождавшійся грабежомъ и пролитіемъ крови. Вспомнивъ это, Іона остановился,

силясь старческими глазами прочесть, что было написано на заинтересовавшемъ его листкѣ.

— „То суть якіесь вирши, отче владыко!“ доложилъ архіерейскій слуга.

У владыки отлегло отъ сердца.

— „Вирши? А ну, подай мнѣ тые вирши“, приказалъ онъ, совсѣмъ успокоенный.

Листокъ былъ сорванъ и поданъ ему. При бѣгломъ взглядѣ на первыя строки этого листка, лицо владыки вдругъ побагровѣло и задрожали руки.

— „То якісь нечюта, кламца и потварникъ ¹⁾ написалъ той пашквиль!.. Урветъ ему катъ языкъ шкаредный зъ горла!“ прогремѣлъ старый владыка, стуча посохомъ о каменные плиты. „Добре наложу на тое—и або збудусь владыцтва, або позбавлю горла того потварника, що смѣеть и важитя наступовати на добрую славу и почтивость дому моего!“

Страшныя проклятія и угрозы лились рѣкой изъ устъ раздраженнаго старца по адресу неизвѣстнаго обидчика. Толпы прохожихъ останавливались и съ изумленіемъ глядѣли на эту странную сцену; но Іона не обращалъ ни на что вниманія. Казалось, гнѣву владыки не будетъ конца. Но въ эту минуту съ колокольни соборной церкви замѣтили приближеніе Борзобогатаго и подняли такой трезвонъ, что нельзя уже было слышать его словъ; и старецъ, погрозивъ кому то рукой, отправился въ церковь, откуда для встрѣчи его вышло соборное духовенство въ облаченіяхъ, сорванный же листокъ онъ приказалъ отнести къ зятю и вручить ему „въ власные руки“.

Въ то же самое время у городскихъ воротъ, у ратуши и въ другихъ мѣстахъ Луцка останавливались толпы мѣщанъ и пріѣзжихъ шляхтичей, чтобы узнать, что заключаютъ въ себѣ неизвѣстно откуда появившіеся листки, расклеенные повсюду и въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ обыкновенно прибывались для всеобщаго свѣдѣнія королевскіе универсалы, магистратскія и воеводскія распоряженія и другіе подобные документы. Толпы любопыт-

¹⁾ *Нечюта*—безчестный человекъ; *кламца*—лжець; *потварникъ*—клеветникъ.

ныхъ еще болѣе стали увеличиваться, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что это—не указъ о новыхъ пошлинахъ или налогахъ, не призывъ въ посполитому рушенію, а „*пашквилль*“ на жену мало популярнаго ключника и городничаго, дочь позорящаго своими дѣянїями православную церковь владыки-грабителя—и притомъ на женщину, не пользовавшуюся хорошей репутаціей въ городѣ.

Вотъ что было написано въ расклеенныхъ листкахъ:

Хто йдешъ мимо, стань годину,
Прочитай сюю новину.
Чи есть въ Луцку бѣлоглова, ¹⁾
Якъ та пани ключникова?
Хочай вѣкъ подойшлый ²⁾ мае,
А розпусты ³⁾ не встыдае;
Убирается въ фоботы ⁴⁾,
Лечъ не дбае про честноты ⁵⁾
На що модлы ей, оффры? ⁶⁾
Абы були кавалфры!
Лишь малженовъ ⁷⁾ їдетъ з двора—
Внетъ ⁸⁾ тутъ молодыковъ чвора!
Зъ ними учты и беседы ⁹⁾—
Не вертайся, мужу, теды!
Ой ты, мужу необачный!
Зроби жонѣ бенкетъ смачный:
Змажь ю лоемъ зъ дхлого хорта, ¹⁰⁾
Ачей ¹¹⁾ зженешъ з шкуры хорта;
Смаруй кіемъ надъ статечность,
Нехъ забуде про вшетечность ¹²⁾

Чась спустя, слуги городничаго и Борзобогатаго бѣгали по городу и срывали расклеенные листки; но было уже поздно: сотни людей успѣли не только прочесть, но и выучить вирши наизусть; нашлись и такіе, что списали ихъ для памяти, и въ нѣсколько дней пасквиль во множествѣ экземпляровъ разошелся по всей Волыни.

¹⁾ Женщина. ²⁾ превлонный. ³⁾ распутство. ⁴⁾ кружева. ⁵⁾ добродѣтели.
⁶⁾ молитвы и жертвы. ⁷⁾ супругъ. ⁸⁾ тотчасъ. ⁹⁾ пирушки. ¹⁰⁾ дохлой собаки. ¹¹⁾ авось
¹²⁾ развратъ.

III.

Печальный и задумчивый сидѣлъ въ своей свѣтлицѣ панъ ключникъ и городничій луцкій Александръ Марковичъ Жоравницкій. Живетъ онъ на свѣтѣ шестой десятокъ лѣтъ, а никогда еще не приходилось ему встрѣчать „роковое свято“ въ такомъ печальномъ настроеніи, какъ сегодня. Начать съ того, что онъ поздно проснулся послѣ вчерашняго „храмованья“ и проспалъ заутреню, а такой грѣхъ съ нимъ рѣдко случался. Всѣ въ Луцкѣ знали пана городничаго, какъ человѣка набожнаго, не пропускавшаго ни одной церковной службы,—не даромъ вѣдь онъ и самъ былъ архіерейскимъ сыномъ и женился на архіерейской дочери. Далѣе, припомнилась ему вчерашняя ссора съ братомъ Яномъ на обѣдѣ у тестя. Хотя и былъ онъ вчера въ „подпиломъ“ состояніи, а помнить до мельчайшихъ подробностей эту неприличную сцену, когда предъ лицомъ архіереевъ, игуменовъ и цѣлаго сонма духовныхъ отцовъ, въ присутствіи престарѣлаго князя Богуша Корецкаго, воеводы волынскаго, и другихъ знатныхъ пановъ поносилъ онъ непристойными словами родного своего брата и даже бросался на него съ „добытою саблею“... Хорошо, что князь-воевода взялъ его за руку и, уговаривая „лагодными“ словами, отвелъ въ другую комнату,—не то, согрѣшилъ бы онъ, и смертельно.... Сколько разъ онъ давалъ себѣ слово не слушаться жены: пусть себѣ сколько хочетъ грызется съ „ятровкой“, а ему съ братомъ не дѣло вмѣшиваться въ бабы ссоры, а жить бы въ мирѣ да любви, памятуя слова, которыя такъ часто повторялъ „небожчикъ“ отецъ ихъ, владыка Марко:

„Тому роду не буде переводу,
Въ которомъ братья милуютъ згоду“.

Покойникъ хотя и не былъ настоящимъ владыкою, а только „нареченнымъ“, потому что не хотѣлъ принимать посвященія, но правилъ епархіей какъ настоящій архіерей, былъ свѣдущъ въ писаніи и всегда внушалъ своимъ сыновьямъ благочестивыя правила. Старшаго брата своего Михайла, а ихъ дядю, что служилъ писаремъ у короля Сигизмунда Стараго, почиталъ онъ всегда какъ отца. Тотъ для него и „владычество“ выхлопоталъ и.

умирая, завѣщала часть своего состоянія. Вотъ какъ жили братья въ старину! А у нихъ съ Яномъ безпрестанныя „сварки“ и „незгода“, и стало это повторяться все чаще съ тѣхъ поръ, какъ Янъ женился на Оленѣ Коптевнѣ. Правда, у него съ малыхъ лѣтъ обнаруживался уже злой и мстительный характеръ. Когда Янъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, учился грамотѣ у покойнаго архимандрита жидичинскаго, и тотъ за что то велѣлъ постегать его „прутьями“, взбѣшенный этимъ „хлопецъ“ два дня пропадалъ въ монастырскомъ лѣсу, а на третій, ночью, поджегъ келью отца архимандрита, и только по особому, видно, покровительству угодника Николая случилось такъ, что св. обитель не сдѣлалась жертвою пламени. Въ другой же разъ—тогда Янъ занимался уже въ гродской канцеляріи,—разсердившись за что то на одного изъ подканцеляристовъ, онъ хватилъ его ножомъ въ животъ—да такъ, что тотъ на вторыя сутки и Богу душу отдалъ! Сколькихъ хлопотъ и денегъ стоилъ этотъ случай покойному отцу ихъ владыкѣ Марку! Но, все таки, не будь этой Коптевны, съ Яномъ можно было бы какъ нибудь ладить. Она—всему злу причина! Не даромъ ее не можетъ переносить пани городничая! Какъ только Олена прійдетъ къ нимъ въ домъ, то пани Ганна тотчасъ начнетъ морщиться и вдругъ обратится къ челяди: „Що то есть за причина, же в насъ на покояхъ *копотью* смердитъ? Чи не зъ пекарни занесло?“ Олена тотчасъ вспыхнетъ, какъ порохъ, и соберется уходить, а пани Ганна еще и припрашиваетъ: „посидь, пани-братѣва, за гостя будешь!“ Олена, конечно, въ домѣ не посмѣетъ браниться, но лишь выбѣжитъ за ворота, остановится и подниметъ такую брань, что приходится спускать съ цѣпи собакъ, чтобы прогнать ее отъ воротъ. Конечно, и Ганнѣ не слѣдовало бы понапрасну дразнить эту осу; иначе та расплатится передъ мужемъ, настроитъ его, какъ захочетъ,—а тотъ прибѣжитъ, набросится звѣремъ на нихъ и начнетъ поносить невѣстку. Ужъ какъ они ее „на доброй славѣ шкалюють“, какіе позорныя про нее слухи распускають!

И вся эта злоба не отъ чего другого, а отъ зависти. Имъ завидно, что старшій братъ, какъ только сталъ зятемъ владыки, тотчасъ получилъ урядъ ключника луцкаго, черезъ два года сдѣ-

ланъ былъ городничимъ, а со временемъ, если Богъ продлить вѣкъ владыкѣ, можетъ быть, получить и староство или каштелянство; тогда какъ Янъ хотя и хвалится тѣмъ, что его „швагеръ“ — королевскій писарь, но до сихъ поръ не получилъ никакого уряда. Правда, и то еще ихъ досадуетъ, что пани Ганна принесла мужу богатый „пбсагъ“¹⁾: кромѣ значительныхъ денежныхъ суммъ, отецъ владыка далъ за дочерью церковное имѣніе м. Жабче съ укрѣпленнымъ замкомъ и нѣсколько деревень, да сверхъ того Ганна имѣла богатое „вѣно“, записанное ей первымъ мужемъ Янушемъ Гулевичемъ, сыномъ луцкаго епископа Феодосія Гулевича; тогда какъ Янъ взялъ за женою только 700 копѣ грошей. Но кто же тутъ виноватъ? Было бы ему не „квалиться“ на красу молодой Коптевны, а искать себѣ въ жены богатую вдову.

Правда, Янъ претендуетъ, будто не получилъ сполна своей доли въ отцовскихъ имѣніяхъ и что ему не уплаченъ какой то старый долгъ. Пусть и такъ; но развѣ нельзя было бы уладить этого дѣла „лагоднымъ обычаемъ“, по родственному? Слава Богу, у тестя владыки есть чѣмъ надѣлить не только родныхъ дѣтей, но и дальнихъ родственниковъ: сколько имѣній въ одной епископіи, пожалованныхъ князьями Свидригайломъ, Любартомъ и еще до Любарта бывшими князьями луцкими! А сколько сверхъ того маестностей, принадлежащихъ Жидичинскому монастырю, который отецъ владыка выпросилъ себѣ у короля! Поклонись ему Янъ да не обижай его дочери — и навѣрное отецъ владыка согласился бы записать ему на извѣстный срокъ любую церковную маестность подъ видомъ „заставы“ или аренды. Развѣ онъ равьше не пользовался благодѣянiями владыки, пока былъ почетителенъ и не ссорился съ невѣсткою? Когда Янъ женился и на другой день свадьбы, „по доброй ночи“, захотѣлъ сдѣлать приличный подарокъ молодой женѣ, то кто, какъ не владыка, далъ ему для этой цѣли золотой „крыжикъ“ старинной работы, съ „діаментами“, даръ какого то древняго князя чудотворному образу Пречистой Богородицы, что въ соборной церкви! Вотъ и на вчерашнемъ „храму“ Олена „красовалась“ съ этимъ „кры-

¹⁾ Приданное.

жикомъ“ на шеѣ,—да изъ за него же и „бурда“ приключилась...

Пришли они съ Яномъ, незваные, въ домъ къ отцу владыкѣ,—не выгонять же ихъ было, да еще при такихъ гостяхъ! Олена сухо поздравила владыку съ „храмомъ“ и „святомъ“—и сразу же начала:

— „Бенкетуете, отче, зъ чужими, а про своихъ кривныхъ и забули есте!“

Владыка, занятый бесѣдою съ княземъ-воеводою, пропустилъ мимо ушей эту колкость. Сѣли за столъ. Все шло благополучно, только Олена глядѣла „фурією“, красная, какъ „червецъ“, и мало ѣла; подъ конецъ же обѣда „всчалася бурда“. Начала то ее, впрочемъ, не Олена, а пани Ганна: напомнила ей про „крыжикъ“, какъ достался онъ ей, да и прибавила къ тому, что, молъ, кто не имѣетъ средствъ одѣваться въ дорогія „шаты“, тому не пристало носить такой „коштовный клейноть“ (драгоценность), а лучше бы „офировать“ его „на хвалу Божую, до образу Пречистой“, откуда онъ и былъ взятъ „на якийсь только часъ, але не довѣчно“. Оленѣ, какъ младшей „братѣвой“, слѣдовало бы смолчать на то, что сказала старшая и при томъ хозяйка дома. А она въ отвѣтъ:

— „Правда есть, пани братѣва, моихъ статковъ не выстачить на тое, и жбы (чтобы) я мѣла убиратися въ тые саяны коштовные, злоголавы, брамки перловые, форботы венацкіе, манели ¹⁾, якъ твоя милость чинишь, не памѣятаючи на свои лѣта подойшлые,—бо миѣ золотари не кують фальшивыхъ талярей, якъ тобѣ! Певно, памѣтаешъ добре Яна золотаря, которого ты часъ не малый у себе ховала, въ Блудовѣ, въ свѣтлицѣ малой, въ саду, а онъ тобѣ гроши коваль, о чомъ была справа у суду? Тая справа еще не есть скончена, и не вѣдаешъ, може и тебе вать потягнетъ на драбину!“

Конечно, Ганна не могла снести такую „неслыханную, бридкую обмову“ при столькихъ свидѣтеляхъ! Она схватилась съ

¹⁾ Саянъ—верхнее женское платье; злоголавъ—дорогая матерія въ родѣ парчи; брамка перловая—лента или тесьма на платьѣ, вышитая жемчугомъ; форботы венацкіе—кружева венеціанскія; манели—браслеты.

мѣста и дала обидчицѣ звонкую пощечину... Олена вцѣпилась ей въ волосы. Вмѣшался въ свалку Янь... И вотъ тутъ то и произошла та сцена, о которой такъ непріятно теперь вспоминать пану городничему. Вѣрно объ этомъ знаетъ уже весь Луцкъ. Какъ теперь показаться и въ храмъ Божій!..

Среди этихъ непріятныхъ воспоминаній, волновавшихъ пана городничаго, въ свѣтлицу вошла его жена. Ганна Ивановна была немолодая брюнетка, лѣтъ за сорокъ, высокаго роста, съ рѣзвыми, но правильными, чертами лица, сохранившаго едва приметные слѣды былой красоты. Несмотря на толстый слой бѣлилъ, покрывавшій ея морщины, внимательный взглядъ легко могъ бы подмѣтить на ея суровомъ лицѣ нѣкоторыя подозрительныя пятна—слѣды вчерашней ссоры, какъ ни старалась она замаскировать ихъ при помощи всевозможныхъ натираній. Очевидно, она собралась идти въ церковь, потому что нарядилась, какъ княгиня. Поверхъ бархатнаго платья гранатоваго цвѣта съ серебрянымъ шитьемъ надѣтъ былъ атласный „саянъ“, подолъ котораго былъ отдѣланъ „брамами (тесью) злоголавовыми“ въ три ряда, а обшлага расшиты золотомъ и жемчугомъ. На груди, изъ подъ широкаго вырѣза въ платьѣ, блистала „кошуйка перловая“, украшенная крупнымъ жемчугомъ и золотыми блестками, а поверхъ нея повѣшено драгоценное ожерелье („завѣшенъе“). На головѣ „чепецъ“ изъ венеціанскихъ кружевъ („форботъ венацкихъ“), съ цвѣтными лентами, прикрытый не „намиткою“ (пани городничая не особенно уважала старосвѣтскую моду), а новомоднымъ въ то время „беретомъ“ изъ фіолетоваго бархата, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ драгоценною, сверкавшею алмазами, запонкою. Пани городничая на весь Луцкъ славилась нарядами и слѣдила за модой. Завистливыя „паніи“ на всѣ лады пересуживали ее за это пристрастіе къ щегольству въ ея далеко немолодомъ уже возрастѣ; но она не обращала на эти толки никакого вниманія и, какъ на зло, носила самыя яркія и дорогія матеріи и еще больше навѣшивала на себя драгоценностей.

Супруги Жоравницкіе выходили со двора, когда въ воротахъ встрѣтилъ ихъ слуга съ какимъ то листкомъ въ рукахъ. Увидѣвъ городничую, онъ смутился и хотѣлъ было спрятать бу-

магу за пазуху; но пани это замѣтила и потребовала ее.

— „Отець владыка казали отдати тую цыдулу его милости пану городничому въ власные руки“, успѣлъ заявить только смущенный слуга.

Жоравницкій протянулъ за листкомъ руку, чтобы взять его, но Ганна поспѣшила вырвать его изъ рукъ оторопѣлаго слуги и тутъ же начала читать... Боже! какъ жестоко была наказана она за свое любопытство! Въ одну минуту на лицѣ ея, преобразившемся отъ злобы, сквозь слой бѣлизы выступили багровыя пятна—и она здѣсь же, среди двора, на виду у сбѣжавшейся челяди, разразилась страшными проклятіями по адресу всѣхъ и каждого, а болѣе всего по адресу оторопѣлаго мужа, не понимавшаго причины того, что предъ нимъ происходило.

IV.

Въ домѣ владыки шли совѣщанія. Собралась вся его семья: сынъ Василій съ невѣсткою, младшая дочь Марья Рогозинская съ мужемъ; судили-рядили и ни къ чему не пришли въ вопросѣ, какъ отомстить за честь фамиліи, опозоренной дерзкимъ пасквилянтомъ. Пани городничая слегла въ постель и поклялась не вкушать пищи, пока нанесенная ей обида не будетъ смыта кровью обидчика. Слабохарактерный супругъ ея совсѣмъ потерялъ голову: ему ли выступать въ роли рыцаря-мстителя? Пусть бы еще противъ чужого, но какъ поднять руку на родного брата!.. Да, вся семья Борзобогатыхъ была убѣждена въ томъ, что „пашквиль“—дѣло рукъ Яна и Олены Жоравницкихъ. Они едва ли не первые познакомили волынцевъ съ этой „пакостной“ литературой. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда Борзобогатые вели жестокую войну съ волынскимъ каштеляномъ Мышкою-Варковскимъ и изо дня въ день ломали голову надъ тѣмъ, какую бы учинить ему новую неприятность,—молодая невѣстка ихъ Олена, часто проживавшая до замужества въ Вильнѣ, какъ то рассказала имъ, что дядя ея Василій Копоть, враждуя съ какимъ то паномъ, сочинилъ про него „пашквиль“ до того остроумный, что всѣ

придворные и самъ король не могли читать его безъ смѣха. Олена даже знала его наизусть и когда прочла, то Борзобогатые въ одинъ голосъ выразили сожалѣніе, что некому сочинить такую „пакость“ и на ихъ „вѣрога“. За эту мысль схватился именно Янъ и съ помощью Олены сложилъ „вирши“ до того злыя и „уразливныя“, что когда Борзобогатые распространили ихъ по городу, то пани Варковская готова была грызть себѣ руки отъ злости. И съ тѣхъ поръ, лишь только поссорится съ кѣмъ Янъ, того и гляди—появится пасквиль. Наконецъ, у Борзобогатыхъ имѣлось и болѣе положительное доказательство того, что авторъ пасквиля— Янъ: на улицѣ схваченъ былъ одинъ изъ его слугъ, и когда его хорошенько допросили, то подъ „вѣями“ онъ выдалъ своего пана.

Но этихъ данныхъ не было достаточно для того, чтобы начать судебный процессъ, и Борзобогатые, привыкшіе за свой вѣкъ къ тяжбамъ, знали это не хуже всякаго юриста. Судъ потребуетъ положительныхъ уликъ противъ обвиняемаго—а ихъ и нѣтъ на лицо. Не могли же Борзобогатые сдѣлать на судѣ признаніе, что Янъ, по ихъ порученію, сочинялъ пасквили на счетъ Варковскихъ! Показаніе слуги на судѣ не будетъ имѣть никакой цѣны, такъ какъ, по статуту, слуги не могли быть свидѣтелями противъ своихъ пановъ; притомъ же, слуга на судѣ навѣрно откажется отъ своего показанія, объяснивъ, что оно вынуждено пыткой.

Но такъ или иначе, дѣло требовало исхода! Не оставлять же безнаказаннымъ такой вопіющій проступокъ, какъ „образа“ благородной женщины, а въ ея лицѣ и цѣлой фамиліи! Мщенія требовали не одни только обиженные, но и ихъ совѣтники, и каждый изъ нихъ спѣшилъ предложить свой проектъ. Отецъ владыка отъ себя предложилъ, что онъ позоветъ Яна къ своему духовному суду и торжественно предастъ его церковному проклятію, съ „гашеніемъ“ свѣчей и похороннымъ звономъ. Въ первую минуту мысль эта пришлась всѣмъ по душѣ, но потомъ взяло всѣхъ раздумье: приведетъ ли эта мѣра къ чему нибудь существенному? Было время, когда отлученіе отъ церкви служило въ рукахъ польскаго духовенства страшнымъ оружіемъ противъ непокорныхъ шляхтичей, когда имѣнія отлученнаго, если

онъ въ теченіе извѣстнаго срока не успѣвалъ примириться съ церковью, подвергались конфискаціи и самъ онъ объявлялся лишеннымъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ; но время это давно миновало. Съ Петроковскаго уже сейма 1562—63 гг. церковное проклятіе не влекло за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій и потеряло всякое иное значеніе, кромѣ религіознаго. Янъ же не принадлежалъ къ числу тѣхъ особенно набожныхъ людей, которые боятся „проклятія,“ тѣмъ болѣе еще, что трудно было бы его обвинить въ нарушеніи церковныхъ канонѣвъ, влекущемъ за собою такую мѣру. Болѣе дѣйствительнымъ казался совѣтъ, предложенный невѣсткою владыки, княжною Ганною Сокольскою, прославившеюся впоследствии тѣмъ, что, лично предводительствуя отрядами конницы и артиллеріи, она мужественно отразила шляхетское ополченіе цѣлаго воеводства, явившееся по королевскому приказу для взысканія съ ея мужа денежной суммы въ пользу князя Андрея Курбскаго ¹⁾. Эта воинственная дама, въ то время еще молодая женщина, предложила собрать побольше людей, напасть ночью на домъ Яна, взять его вмѣстѣ съ женою, заковать въ цѣпи и морить въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока они публично не испросятъ прощенія у пани городничей. Но воинственной дамѣ мужъ ея, королевскій секретарь, опытный юристъ, не замедлил объяснить, что за подобное насиліе, учиненное въ большомъ городѣ и притомъ—во время междоцарствія, въ періодъ дѣйствія чрезвычайныхъ законовъ и „каптуровыхъ“ судовъ, можно поплатиться если не головой, то по меньшей мѣрѣ изгнаніемъ изъ отечества („банниціей“); и что, напротивъ, желательно было бы подвинуть на подобное дѣло самого Яна, чтобы затѣмъ подвести его подъ „банницію“ и принудить его, къ чему имъ будетъ угодно. Этотъ практически-мудрый совѣтъ менѣе всего могъ быть одобренъ панею городничею, которой въ такомъ случаѣ предстояло бы послужить главнымъ объектомъ насильственныхъ дѣйствій со стороны Яна, и потому она по прежнему наставляла, чтобы мужъ ея вызвалъ

¹⁾ Объ этомъ подвигѣ княжны Сокольской см. „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. II, стр. 77.“

брата на поединокъ и перевѣдался бы съ нимъ за честь жены, „якъ то люди шляхетского народу обычаемъ рыцарскимъ чинити звыкли;“ панъ же городничій робко возражалъ противъ этого требованія, ссылаясь на то, что отъ него, стараго человѣка, требуютъ невозможнаго—рѣшимости на братоубійство. Шумѣли, спорили, но ни къ какому опредѣленному рѣшенію не пришли.

За то противная сторона оказалась болѣе рѣшительною. Два дня спустя къ городничему явился возный съ двумя шляхтичами и заявилъ, что имѣеть вручить его женѣ какой-то „листъ“. Когда вышла пани Ганна въ сопровожденіи родственниковъ, возный подалъ ей листъ, говоря:

— „То есть цыдула отповѣдная вашей милости отъ пана Яна Жоравницкаго.“

Всѣ присутствовавшіе такъ и ахнули отъ изумленія. Какова, въ самомъ дѣлѣ, дерзость этого человѣка: публично оскорбить женщину—и ей же присылать еще угрожающія письма! Вотъ что стояло въ „цыдулѣ“:

„Пани Жоравницкая! Добре наслухалися уши мои одъ многихъ задныхъ людей, ижъ ты, запомнивши боязни Божои и повинности хрестиянской, зъ природной злости своеи, мене на учтивости моеи кривдишь и тое задаешь, чога на мене, чоловѣка учтивога, николи довести не можешъ; а не маючи на тому досыть, служебниковъ моихъ ловити кажешъ, битьемъ и вязеньемъ ¹⁾ ихъ мордуешъ, на здоровье мое стоишь и мужа своего до того примушаешъ, хотячи мене позбавити горла, чога вамъ Богъ справедливый николи не допоможе. Проте отповѣдаю тобѣ, ижъ я за тук кривду и желживость ни на чомъ иншомъ, одно на горлѣ твоємъ шукати и мститися буду. Вѣдай о томъ и не презпечайся ни въ дому, ни въ дорозѣ, ни въ церкви, ни на беседѣ; зори не досыпай, бо не вѣдаешъ, отколь тебе злое споткаеть! За тымъ ся Пану Богу поручаю. Янъ Жоравницкій рука власна“.

Это была обычная въ то время форма объявленія вражды. Если кто считалъ себя обиженнымъ кѣмъ-либо и не хотѣлъ искать удовлетворенія судомъ, то посылалъ противнику угрожаю-

¹⁾ Вязенье — заключеніе.

щее письмо („цыдулу отповѣдную“), объявляя о своемъ намѣреніи мстить ему всякими способами до лишенія жизни вѣлочно. То была черта древняго славянскаго права, остатокъ отдаленной эпохи кровавой мести, удержавшійся въ южной Руси до XVII ст., несмотря на свое рѣшительное противорѣчіе основнымъ положеніямъ дѣйствовавшаго тогда права. Литовскій статутъ строго воспрещалъ всякаго рода „похвалки“ и „отповѣди“ (угрозы); „отповѣдь“ же „на горло“ (на смерть) разсматривалась статутомъ, какъ уголовный проступокъ, виновный въ которомъ, въ видахъ пресѣченія ему возможности привести угрозу въ исполненіе, немедленно отдавался на поруки, а если не находилъ за себя поручителей, то подвергался тюремному заключенію впредь до полнаго примиренія съ тѣмъ лицомъ, противъ котораго направлена была угроза ¹⁾. Это предписаніе закона на практикѣ весьма рѣдко исполнялось. Мало того, не въ рѣдкость было, что угрожающій лично являлся въ урядъ, заявлялъ о своемъ намѣреніи объявить извѣстному лицу вражду, при чемъ просилъ еще дать ему вознаго для врученія противной сторонѣ формальнымъ порядкомъ грозительнаго письма. И урядъ, вопреки статуту, спокойно принималъ подобное заявленіе, отряжалъ вознаго и вносили „цыдулу“ въ актовыя книги. Такъ велика еще была тогда сила стариннаго обычая! Тотъ, кто получалъ „отповѣдную цыдулу“, отправлялъ ее, вмѣстѣ съ жалобой, въ судъ, а самъ обыкновенно запирался въ домѣ и не рѣшался ни выходить, ни выѣзжать никуда—до тѣхъ поръ, пока родственники и пріятели или помирять его съ противникомъ, или испросятъ для него у короля (а иногда у мѣстнаго воеводы или старосты) такъ называемый „заручный листъ“, который затѣмъ формально, черезъ вознаго, вручатъ противнику. Въ этихъ листахъ грозителю обыкновенно строго внушалось не прибѣгать къ самоуправству и сверхъ того на него налагалась денежная „зарука“ отъ 500 до 2000 копъ грошей, которая взыскивалась съ него въ королевскую казну въ случаѣ допущенія имъ какого либо насилія по отношенію къ противнику или его семейству и домочадцамъ,—помимо уголов-

¹⁾ Лат. Статутъ, 2-й ред., раздѣлъ 11-й, арт. 11-й.

ной отвѣтственности за самый проступокъ. Такъ какъ между братьями Жоравницкими и раньше случались ссоры, при чемъ дѣло не обходилось безъ „похвалокъ“ и „отповѣдей“, то у пана городничаго имѣлся уже наготовѣ „заручный листъ“ противъ брата. Правда, листъ этотъ выданъ былъ еще королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, умершимъ незадолго предъ тѣмъ; но отъ этого онъ не потерялъ своей силы. Да въ ту пору и не у кого было испрашивать свѣжихъ листовъ: король Генрихъ сбѣжалъ съ королевства, а новаго короля еще не выбрали.

На другой день возный, въ сопровожденіи шляхтичей, отправился къ Яну Жоравницкому и нашель его среди двора, возлѣ плотниковъ, тесавшихъ колоды. Возный объяснилъ ему, съ какимъ онъ порученіемъ явился, и подалъ „заручный листъ“. Янъ молча пробѣжалъ его, посмотрѣлъ насмѣшливо на вознаго и понятыхъ и, поднявъ съ земли щепу, произнесъ:— „Повѣдай отъ мене пану городничому: пожиточнѣйшая ми есть тая трѣска, а нижли тотъ листъ королевскій. Уже той король умеръ, що листъ далъ, а зъ нимъ и его право умерло. А тая вшетечница ¹⁾ нехай ся мене добре стережетъ, бо мовлю ей певне, ижъ моихъ рукъ не втечетъ!“

Возвратившійся возный буквально передалъ сказанное ему Яномъ, и пани городничая, хорошо знавшая характеръ своего родственника, сочла болѣе благоразумнымъ запереться на нѣкоторое время въ домъ и не показываться иначе на улицу, какъ подъ охраной цѣлой толпы слугъ.

V.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Наступилъ іюнь—время сбора *червца* ²⁾, начало полевыхъ работъ. Въ такую пору какая же добрая „господарка“ могла

¹⁾ *Вшетечница* — развратница. Рѣчь идетъ о Ганнѣ Жоравницкой.

²⁾ *Червецъ*—*soccus polonicus*, особый родъ насѣкомаго, изъ котораго добывалось красящее вещество „кармазиноваго“ цвѣта, употреблявшееся для окрашиванія сукновъ и др. матерій. Въ XVI ст. червецъ былъ въ большемъ употребленіи на Волыни и даже служилъ предметомъ вывозной торговли. Вислѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ въ мануфактурномъ производствѣ американской кошенилью.

оставаться въ городѣ! Не выдержала домашняго заключенія въ городѣ и Ганна Жоравницкая и переѣхала со всѣмъ домомъ въ Жоравники ¹⁾, родовое имѣнiе мужа—то самое, изъ-за котораго Янъ велъ тяжбу съ братомъ. Скоро по переѣздѣ туда пришло извѣстiе о банкротствѣ гданскаго купца Гануса Копфа, которому Александръ Жоравницкiй и владыка Борзобогатый ежегодно поставляли въ кредитъ значительное количество хлѣба и лѣсныхъ товаровъ, сплавляя ихъ, весеннимъ половодьемъ, на собственныхъ „вомягахъ“ по Бугу и Нѣману. Такъ какъ за Копфомъ оставались значительныя долги, то для обезпеченiя уплаты ихъ Александръ Жоравницкiй, посовѣтовавшись съ тестемъ, рѣшился отправиться въ Гданскъ ²⁾, наказавъ женѣ не засиживаться въ деревнѣ и поскорѣе возвращаться въ городъ. Какъ ни торопилась Ганна съ своимъ отъѣздомъ, но не успѣла и въ Жоравники нагрянулъ таки Янъ съ отрядомъ своихъ слугъ и съ наемной ротой польскихъ жолнеровъ. У Ганны же вся охрана состояла изъ десяти человѣкъ слугъ, не считая дворовой „челяди“. Съ такими силами нельзя было отразить нападенiе, тѣмъ болѣе что панская усадьба въ Жоравникахъ обнесена была лишь „дылеваньемъ“ (досчатымъ заборомъ) и при ней не существовало никакого укрѣпленiя. Не прошло и часа, какъ Ганна и ея дочь отъ перваго брака Настасья Гулевичевна, избитыя и окровавленныя, сидѣли въ „коморѣ“ подъ стражей, а домъ со всѣмъ имуществомъ подвергся грабежу. Впрочемъ, мстительность Яна этимъ лишь и ограничилась; на другой день онъ велѣлъ вывести плѣнную невѣстку, вмѣстѣ съ ея дочерью и челядью, за село и отпустить на всѣ четыре стороны, а имѣнiе Жоравники съ приселками Ржищовымъ и Волицею удержалъ въ своихъ рукахъ.

Когда узналъ объ этомъ владыка Борзобогатый, то повелѣлъ собирать большое ополченiе, думалъ было даже взять пушки съ епископской башни въ луцкомъ замкѣ съ тѣмъ, чтобы идти наказать дерзкаго „вгвалтовника“. Съ большимъ трудомъ успѣлъ отклонить его отъ этого намѣренiя сынъ его Василій, убѣдивъ

¹⁾ Находилось въ юго-зап. углу нынѣшняго владимиръ-вол. у. близъ границъ Галицiи, къ З. или СЗ. отъ м. Дружкополя. Нынѣ не существуетъ.

²⁾ Нынѣшнiй Данцигъ.

его въ томъ, что теперъ Янъ—въ ихъ рукахъ, и что его легко будетъ заставить не только возвратить захваченныя имѣнія, но и дать, какое потребуютъ отъ него, удовлетвореніе за пасквиль и за всѣ прежніе „деспекты“, если только не горячася и съ умѣніемъ повести противъ него дѣло. Не ожидая возвращенія зятя, молодой Борзобогатый быстро исполнилъ всѣ формальности, необходимыя для начатія процесса: занесъ жалобы, истребовалъ возныхъ для дознанія, подыскалъ свидѣтелей и т. под.

Насталъ день суда. Когда возный, по обычаю, троекратно сталъ „кликать“ отвѣтчика, то вмѣсто Яна выступилъ его слуга съ письмомъ, въ которомъ Янъ объяснялъ суду, что имѣніе Жоравники имъ отобрано, какъ своя отчина, незаконно присвоенная братомъ, и что онъ считаетъ себя въ правѣ не являться на судъ, такъ какъ въ врученномъ ему повѣ невѣрно прописанъ титулъ старосты: вмѣсто „князь Богущъ Корецкій, староста Луцкій и *Винницкій*“ (т. е. Винницкій), написано: „*Венацкій*“ (т. е. Венеціанскій). Судъ не призналъ, однако, основательной эту казуистическую отговорку и постановилъ декретъ, которымъ обязалъ Яна: немедленно возвратить отнятыя имъ имѣнія, заплатить истцу 2800 копъ грошей за „кгвалтъ (насиліе), бои и раны“ и вознаградить понесенные имъ убытки; а за то, что Янъ осмѣлился не явиться на позовъ и „учинилъ ся праву посполитому непослушнымъ“, судъ, согласно статуту, постановилъ донести о томъ королю для „выволанья“ ослушника „зъ панствъ“, т. е. изгнанія его изъ предѣловъ государства. Къ несчастію, приговоръ этотъ не могъ быть скоро приведенъ въ исполненіе: въ ту пору не было въ Польшѣ короля, который одинъ имѣлъ право подвергать виновныхъ „выволанью“; поэтому Янъ и подобные ему своевольные паны при безкоролевыи дѣлали, что хотѣли, сознавая вполне свою безнаказанность до поры—до времени. Имѣя это въ виду, судъ сдѣлалъ слѣдующее дополненіе къ своему декрету: „А бачачи тое, ижъ на сесь часъ въ себе короля не маемо, и вѣдаетъ то одинъ Панъ Богъ, якъ скоро его мѣти будемъ; а уважаючи, ижъ въ такихъ справахъ великое въ справедливости людской омешчанье дѣтса: укривженный плачетъ, а кривду чинячий веселится,—прото, забѣгаючи тому, абы ся впе-

редъ такъ не дѣяло, а справедливость святая скоро укривженныхъ доходила, такъ собѣ вси одностайне, одномыслне и згодливе, которые справедливость святую милуемъ, тотъ артыкуль поправляемъ, а пришлый (будущій) король, тотъ артыкуль въ статутъ нашъ вписати розказавши, подтвердити его намъ будетъ повиненъ“, чтобы въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, самому суду гродскому предоставлено было право произносить и приводить въ исполненіе декретъ о „выволаньи“. А пока, все таки Яна Жоравницкаго представить будущему королю „къ выволанью, яко квалтовника и розливцу крови.“

Недолго, однако жъ, продолжалъ „веселиться кривду чинячій“. Въ декабрѣ 1575 г. прекратилось наконецъ всѣмъ надоѣвшее *interregnum*, и королемъ былъ избранъ знаменитый Стефанъ Баторій. Еще новый король не успѣлъ короноваться, а уже Александръ Жоравницкій поѣхалъ въ Варшаву хлопотать о приведеніи въ исполненіе судебного декрета по дѣлу съ братомъ.

И точно, спустя нѣсколько недѣль, въ Луцкѣ, въ одинъ изъ базарныхъ дней, старостинскіе слуги прибывали къ дверямъ соборной церкви, къ воротамъ замка, къ стѣнамъ ратуши копій королевскаго универсала, а возный, держа надъ головой подлинникъ того же универсала, разѣзжалъ по городу и, останавливаясь въ наиболѣе многочисленныхъ мѣстахъ, громко возглашалъ: — „Панове! То есть листъ его королевской милости, пана нашего милостивого, до вѣдомости всихъ належачій и вельми потребный.“

Всѣ останавливались и съ почтеніемъ слушали то, что во всеобщее свѣдѣніе читалъ возный.

„Стефанъ, Божю милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жомойтскій, Киевскій, Волынскій, Подляскій, Инфлянтскій, панъ и княжа Седмигродскій. Всимъ вобецъ (вообще) и каждому зъ-особна, всякого вряду, достоинства и стану людемъ, обывателемъ панствъ нашихъ, ознаймуемъ, ижъ мы, господарь, выконываючи дальшій поступокъ строгости права посполитого и забѣгаючи тому, абы ся жадная свовольность и непослушенство вряду въ панствахъ нашихъ не дѣяла, шляхетного Яна Жоравницкаго, яко квалтов-

ника и розливцу крови а вряду нашого непослушного, зо всихъ земель панствъ нашихъ выволати есмо велѣли, якожь и симъ листомъ нашимъ его выволанцемъ чинимъ, отъ сполку и обцованья людей учтивыхъ вылучаемъ; о чомъ до всихъ вѣдомости приводячи, розказуемъ, абы вже одъ того часу никто помененого Яна Жоравницкого въ себе въ домахъ не переховываль, товариства зъ нимъ никоторого вести не важился, помочью, радою (совѣтомъ) а ни хутью ему помочень ни въ чомъ не былъ, и во всемъ зъ нимъ, яко зъ выволанцомъ, ся заховаль, для ласки нашої королевской и подъ винами, въ правѣ посполитомъ описанными, иначе не чинячи. Данъ..... (и проч.). Stephanus Rex.“

Такая же точно публикація производилась потомъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ и кромѣ того могла быть произведена всюду, гдѣ признавалъ то нужнымъ обвинитель. Послѣ того „выволанцу“ (иначе „банниту“) предоставлялся льготный 12-ти недѣльный срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ былъ или вступить въ миролюбивое соглашеніе съ противникомъ, или судебнымъ порядкомъ доказать, что банниція исходатайствована неправильно; въ противномъ случаѣ, если онъ не хотѣлъ покидать родины, его постигала горькая участь. Имѣнія баннита отбирались въ казну или же поступали въ удовлетвореніе иска противной стороны. Самъ онъ становился внѣ покровительства закона, долженъ былъ оставить домъ, семью и вести жизнь скитальца, безпрестанно преслѣдуемаго грознымъ мстителемъ. Всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго, такъ какъ за малѣйшую услугу, оказанную банниту, легко было подвергнуться обвиненію въ укрывательствѣ и за то поплатиться банниціей, а въ иныхъ случаяхъ даже головой ¹⁾. Эта угроза одинаково относилась къ друзьямъ, родственникамъ баннита и даже къ членамъ его семьи—къ женѣ и дѣтямъ. За „выволанцемъ“ не признавалось болѣе никакихъ гражданскихъ или человѣческихъ правъ: всякій и вездѣ могъ схватить его, заключить подъ стражу и вообще поступить съ нимъ во всемъ по своему желанію, не опасаясь за то никакой отвѣтственности; даже въ случаѣ убійства

¹⁾ Лит. Статутъ 1566 г., розд. II, арт. 5.

баннита родственники его не могли преслѣдовать убійцу судомъ ¹⁾. Конечно, на практикѣ всѣ эти лишенія значительно смягчались, а люди знатные и богатые, находясь и подъ „банниціей“, жили припѣваючи. Янъ Жоравницкій не принадлежалъ къ числу магнатовъ, и ему необходимо было позаботиться о томъ, чтобы избѣжать печальной участи „выволанца.“ Въ прежнее время, въ особенности при королѣ Генрихѣ, можно было дешевымъ способомъ добыть изъ королевской канцеляріи „поднесеніе выволанья“ (sublevatio bannitionis), т. е. королевскій листъ объ отсрочкѣ исполненія банниціи на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, по истеченіи котораго выпрашивалась новая „сублевація.“ Съ этимъ намѣреніемъ Янъ Жоравницкій отправился въ Варшаву и обратился за содѣйствіемъ къ своему родственнику Станиславу Жолковскому ²⁾, пользовавшемуся расположеніемъ вліятельнаго уже въ то время короннаго подканцлера Яна Замойскаго. Но Жолковскій объяснилъ Яну, что теперь въ королевской канцеляріи не тѣ уже порядки, что были за Генриха, что новый король неумолимъ въ преслѣдованіи ослушниковъ „права посполитого“, и потому на „поднесеніе“ нечего надѣяться, а слѣдуетъ какъ можно скорѣе иначе покончить съ братомъ, т. е. примириться съ нимъ. Нечего было дѣлать: поклонился Янъ Жолковскому и сталъ просить его быть посредникомъ въ дѣлѣ примиренія. Тотъ не отказался и въ скоромъ времени лично прибылъ на Волинь мирить родичей.

Надо замѣтить, что по литовскому статуту порядокъ судебного преслѣдованія былъ общій для дѣлъ гражданскихъ, какъ и для уголовныхъ; и тѣ и другія рассматривались, какъ частныя правонарушенія. Поэтому всякое уголовное дѣло могло быть въ каждую минуту пріостановлено или даже вовсе прекращено, если только обвиняемый заключалъ мировую сдѣлку съ потерпѣвшимъ или его наслѣдниками. Тогда всѣ декреты, въ томъ числѣ и королевскіе, хотя бы въ нихъ заключался смертный приговоръ пре-

¹⁾ Тамъ же, роздѣлъ 11, арт. 4.

²⁾ Младшій братъ Яна, Михайло Марковичъ Жоравницкій былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго впоследствии гетмана, Ганиѣ Жолковской. Кн. Кіевск. Центр. Архива. № 963, л. 863.

ступнику, тотчасъ теряли силу и были отмѣняемы. Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ судьба Яна вполне зависѣла отъ великодушія брата и невѣстки. Сверхъ ожиданія, Борзобогатые, повидимому, благосклонно отнеслись къ предложенію Яна и велѣли ему передать, что они не отказываются отъ примиренія, если онъ „учинитъ покову.“ Ободренный этимъ и рассчитывая на посредничество Жолковскаго, Янъ рѣшился лично отправиться къ брату и невѣстѣ и, съ видомъ кающагося грѣшника, униженно сталъ просить у нихъ извиненія не только за наѣздъ и побои, но и за „пашквиль“... Это только и нужно было Борзобогатымъ. Теперь они категорически объявили, что согласны прекратить дѣло только тогда, когда получаютъ отъ Яна и его жены „слушное“ удовлетвореніе не только за наѣздъ и побои, но и за „деспектъ и образу“, т. е. за пасквиль, а въ какой формѣ должно быть дано это удовлетвореніе—о томъ пусть разсудятъ полюбовные судьи, избранные изъ числа пріятелей той и другой стороны. Тутъ только сообразилъ Янъ, что попалъ въ ловушку, да ужъ поздно было отрекаться отъ признанія, сдѣланнаго въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей. Онъ вынужденъ былъ согласиться на требованіе Борзобогатыхъ, рассчитывая на то, что авось полюбовные судьи хоть немного усладятъ горькую чашу, какую—онъ это предчувствовалъ—прійдется выпить ему, чтобы удовлетворить жажду мести противниковъ.

Въ условленный срокъ въ с. Милятинѣ, въ домѣ луцкаго земскаго судьи Гаврила Бокія, съѣхались въ числѣ восьми чловѣкъ полюбовные судьи, по четыре съ каждой стороны. То были все знатные люди: брацлавскій каштелянъ Василій Загоровскій, королевскій писарь Василій Древинскій, владимірскій подкоморій Александръ Семашко, Станиславъ Жолковскій, панъ Бокій и др. Тутъ же находились и обѣ стороны—истецъ и отвѣтчикъ съ родственниками, но, согласно обычаю, въ совѣщаніяхъ они не принимали личнаго участія, а свои заявленія дѣлали чрезъ посредство судей—пріятелей. Первый пунктъ „еднанья“ былъ выработанъ и принятъ безъ затрудненія: Янъ Жоравницкій обязывался немедленно возратить отнятыя имѣнія и заплатить всѣ убытки „на голое реченіе слова“ противной стороны, т. е. сколько

ими будетъ назначено. Зато не мало споровъ вызвало требованіе истцовъ, чтобы Яна подвергнуть „взяенью“, т. е. заключенію въ замкѣ. Собственно говоря, сами уполномоченные отвѣтчика не отвергали этого требованія, а споръ шелъ лишь о томъ: сидѣть ли Яну въ „вежѣ“ (башнѣ) „на кганку“, т. е. верхнемъ помѣщеніи башни, куда обыкновенно сажали шляхтичей, или въ подземельи (*in profundo*), гдѣ терпѣли заключеніе узники „простого стану, а изъ привилегированныхъ только тяжкіе преступники, и какой именно срокъ должно продолжаться его заключеніе. Послѣ долгихъ дебатовъ этотъ вопросъ былъ улаженъ: Янъ Жоравницкій долженъ „сидѣти на мѣстцу звякломъ—на кганку“ всего лишь—„три *години*“: „а по тыхъ трехъ годинахъ“ панъ городничій и его жена, по просьбѣ пріятелей заключеннаго, „мають его с того вязенья вызволити ¹⁾); а Янъ съ женою, не сходячи зъ замку, мають перепросити ихъ“ ²⁾). Но какъ „перепросити?“ „*Съ карты*“, т. е. по формулѣ, выработанной пріятельскимъ судомъ. Составленіе текста этой формулы вызвало самыя ожесточенныя пренія. Ганна Жоравницкая упорно настаивала, чтобы Янъ не только публично „одмовилъ“ (т. е. взялъ назадъ) то, что написано про нее въ пасквилѣ, но чтобы „одмова“ эта учинена была по формулѣ, установленной на подобный случай въ статутѣ: „што есми менилъ на тебе“ то-то и то-то, „въ томъ на тебе *брехалъ якъ несь*“, ³⁾ и чтобы все это—и сидѣнье въ „вежѣ“, и публичное извиненіе происходило въ Луцкѣ въ ближайшую судебную сессію, во время съѣзда шляхты со всего повѣта.—Два дня шли споры изъ-за этого требованія. Самъ панъ городничій находилъ его чрезмѣрнымъ. Напрасно пріятели Яна

1) Освободить изъ того заключенія.

2) Просить извиненія.

3) Впослѣдствіи въ судебной практикѣ на Литвѣ и въ южной Руси обрядъ извиненія за клевету былъ осложненъ еще болѣе унизительною для виновнаго подробностью. Въ XVII—XVIII ст. обычай требовалъ, чтобы обвиненный въ присутствіи суда ползкомъ подлѣзъ подъ лавку и оттуда прожвесь извинительную рѣчь, закончивъ ее формулой: „брехалъ якъ несь“—и вслѣдъ за тѣмъ онъ долженъ былъ оттуда же, изъ подъ лавки, *трижды пролаять пособацьи*. Это называлось на судебномъ языкѣ: „одмавать и шекать.“ Объ этомъ обрядѣ см., напр., Акти Виленск. Коммиссіи т. XV, № 43.

упрашивали Ганну освободить брата своего мужа отъ такого неслыханнаго униженія: она была неумолима, и лишь благодаря настояніямъ Жолковскаго согласилась на то, чтобы выраженіе „брехаль якъ песъ“ было замѣнено другимъ, не столь рѣзкимъ.

Что оставалось дѣлать Яну? Льготный срокъ былъ на исходѣ; на отсрочку банниціи не было никакой надежды; поэтому, свѣрѣвъ сердце, онъ подписалъ постановленіе пріятельскаго суда и обязался за себя и за жену исполнить его во всей точности.

VI.

Черезъ двѣ недѣли наступили „рочки“ (сессія) луцкаго гродскаго суда и одновременно съ ними открылись засѣданія сеймика, въ которомъ должны были принять участіе дворяне всѣхъ трехъ повѣтовъ волынскаго воеводства: луцкаго, владимірскаго и кременецкаго. По этому случаю въ Луцкѣ съѣхалось такое множество народа, какое собиралось здѣсь лишь во время главной ярмарки „на св. Семена“ или въ тревожные дни татарскихъ набѣговъ.

Обыкновенно сеймиковыя засѣданія происходили въ каедральномъ костелѣ, потому что это было самое помѣстительное зданіе въ городѣ. Но такъ какъ во время предыдущаго сеймика споры приняли настолько страстный характеръ, что совѣщаніе окончилось генеральнымъ побоищемъ, при чемъ скамьи были сломаны и храмъ оскверненъ пролітіемъ въ немъ крови, то луцкій бискупъ Янъ Андрушевичъ объявилъ шляхтѣ, что не позволитъ ей болѣе засѣдать въ костелѣ, и потому въ этотъ разъ сеймикъ происходилъ въ „судомѣ“ домѣ, находившемся въ замкѣ, а судъ открылъ свои засѣданія въ притворѣ замковой церкви св. Іоанна Богослова, какъ то обыкновенно дѣлалось въ лѣтнее время. Поэтому въ замкѣ съ утра до вечера толпились шляхтичи, переходя изъ сеймиковой залы къ мѣсту засѣданія суда и обратно, смотря по тому, гдѣ представлялось больше интереса. Въ эту сессію, какъ нарочно, не случилось ни одного громкаго процесса;

поэтому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали видѣть сцену публичнаго примиренія братьевъ Жоравницкихъ. Какъ ни часты бывали подобныя сцены, онѣ всегда привлекали зрителей, какъ забавное представленіе; въ данномъ же случаѣ интересъ увеличивался еще и тѣмъ, что дѣло касалось семьи Іоны Борзобогатаго, о которой всюду ходила недобрая молва, и что въ дѣлѣ этомъ заключалось немало комическаго элемента. Пасквиль Яна все еще ходилъ по рукамъ; иные изъ пріѣзжихъ только теперь узнавали о немъ, съ любопытствомъ выслушивали пересуды, касавшіяся старой щеголихи Ганны Жоравницкой, и старались не упустить случая посмотрѣть финальный актъ „пашквильной“ драмы. Между тѣмъ и „рочки“ приходили уже къ концу, а ожидаемое развлеченіе все откладывалось. Ходили слухи, будто Яну никакъ не удавалось побѣдить упорство жены, предпочитавшей подвергнуть его всѣмъ лишеніямъ банниціи, нежели самой перенести публичное униженіе предъ лицомъ торжествующей соперницы.

Насталъ, наконецъ, послѣдній день „рочковъ.“ Судья собирався уже объявить закрытіе ихъ, когда къ мѣсту засѣданія подошелъ Іона Борзобогатый въ сопровожденіи многочисленной родни, пріятелей и изряднаго числа слугъ. Владыкѣ дали почетное мѣсто за судейскимъ столомъ; рядомъ съ нимъ сѣла пани городничая, вся въ шелкахъ да въ златоглавахъ, обѣшанная драгоценностями, съ выраженіемъ удовлетвореннаго достоинства на гордомъ лицѣ. За нею помѣстился панъ городничій, угнетенный видъ котораго мало гармонировалъ съ величавой осанкой его супруги. Владыка, видимо находившійся въ отличномъ расположеніи духа, немедленно затѣялъ оживленную, шутивую бесѣду съ присутствовавшими, и его громкій смѣхъ звучно отдавался въ крытой колоннадѣ церковнаго притвора.

Спустя нѣсколько времени, сюда же подошелъ Янъ Жоравницкій съ женою и съ пріятелями, бывшими полюбившими судьями. Онъ старался казаться спокойнымъ и, взойдя на крыльцо храма, развязно поздоровался съ присутствующими, даже пошутилъ съ владыкой. За то пани Олена имѣла видъ жертвы, приведенной на закланіе; едва кивнувъ головою на обращенныя къ ней при-

вѣтствія, она молча сѣла на предложенное мѣсто, не взглянувъ даже въ ту сторону, гдѣ торжественно возсѣдала ея противница пани городничая. Пора была приступить къ дѣлу. Панъ Жолковскій, какъ близкій родственникъ обѣихъ сторонъ и главный посредникъ между ними, поднялся съ мѣста и обратился къ суду съ рѣчью: „Милостивый пане вряде! Сталася угода и постановеніе межъ его милостью паномъ Александромъ Жоравницкимъ, ключникомъ и городничимъ лудкимъ, и малжонкою его милости панею Ганною Борзобогатовною, съ паномъ Яномъ Жоравницкимъ, за ихъ добровольнымъ позволеньемъ, черезъ насъ, пріятелей ихъ обопольныхъ.“

Изложивъ затѣмъ сущность дѣла, Жолковскій объявилъ, что Янъ Жоравницкій и его жена готовы немедленно „во всемъ досыть учинити“ постановленію полюбовнаго суда. Съ этими словами онъ подалъ Яну листъ, по которому тотъ долженъ былъ „перепрошенье учинити“ за наѣздъ и поби. Янъ поднялся съ мѣста и, ставъ передъ братомъ и невѣсткою, прочель въ слухъ слѣдующее:

„Милостивый пане ключнику, пане а брате мой милый, и милостивая пани ключникова! Знаю, ижъ я, наѣхавши на домъ вапей милости, панюю малжонку вапей милости и дочку ея, также и слугъ вашихъ збилъ и поранилъ, въ чомъ противъ вашихъ милостей глупо, спросне, никчемне и небачне поступилъ и за то, ведлугъ права ¹⁾, значное а великое каранье заслужилъ. Але, бачачи вашу милость быти христіанскими, цюгливими а милосердными людьми, во всемъ томъ плохомъ а никчемномъ поступку моемъ виннымъ ся даю подъ каранье вапей милости, въ вязенье, якоє похочете, только зъ милосердиемъ, подаваючи; а зъ великою покорою, до ногъ упадаючи вапей милости обудву, о милосердые и отпуценье того выступу моего прошу, абы-сте ваша милость, то пробачивши и оный выступокъ мой изъ сердца своего опустивши, въ первую ласку и милость прияти мене рачили. А васъ, панове пріятели (туть Янъ обра-

¹⁾ Г. е. по закону.

тился въ своимъ третейскимъ судьямъ), о ласкавую въ томъ ку ихъ милости причину ¹⁾ покорне прошу.“

Снова поднялся Жолковскій и отъ имени своихъ товарищей—судей сталъ просить городничаго и его жену, чтобы они, видя покорность и раскаяніе Яна, освободили его отъ заключенія. Александръ Жоравницкій видимо былъ склоненъ удовлетворить это ходатайство, но Ганна остановила его взглядомъ и проговорила тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— „Панъ Янъ повиненъ во всемъ учинити досыть угодѣ и постановевеню пріятельскому.“

— „Такъ, такъ!“ вмѣшался отецъ владыка: „бо и письмо святое учить, ижъ тылько той, хто до конца утерпитъ, спасенный будетъ“—и владыка громко разсмѣялся собственной остротѣ.

Это означало, что Яну надлежало отправляться въ „вежу.“

По тогдашнему обычаю, обвиненный могъ быть отведенъ въ заключеніе только истцемъ, и еслибы послѣдній не явился для исполненія этой церемоніи, то его ни въ какомъ случаѣ не могло замѣнить другое лицо, не имѣвшее на то формальнаго полномочія, и отвѣтчикъ освобождался отъ ареста. Въ настоящемъ случаѣ возникло минутное недоумѣніе по другому вопросу: кто изъ супруговъ Жоравницкихъ долженъ былъ исполнить эту роль, въ виду того, что искъ велся отъ имени ихъ обоихъ? Пани городничая и въ этомъ не уступила мужу и потребовала, чтобы ей предоставлено было „всадити“ Яна въ заключеніе, такъ какъ она, а не панъ городничій, терпѣла отъ него „бои и деспекты“. Съ этимъ доводомъ согласились и судьи.

И вотъ открылось забавное шествіе. Впереди шель старостинскій слуга, звеня связкою ключей отъ замковыхъ казематовъ, а за нимъ, съ видомъ Немезиды, торжественно выступала пани городничая, ведя за руку сконфуженнаго Яна. Часть публики съ громкимъ смѣхомъ присоединилась къ шествію и сопровождала его до угловой замковой башни, куда пани Ганна увлекла свою жертву. Черезъ нѣсколько минутъ она вышла оттуда одна и вернулась на прежнее мѣсто, а въ окнѣ верхняго этажа башни

¹⁾ Т. е. о ходатайствѣ.

показалась фигура узника и была привѣтствована громкимъ смѣхомъ и веселыми восклицаніями толпы.

Прошло болѣе часа. Судъ разсмотрѣлъ послѣднія очередныя дѣла, писарь составилъ протоколъ о „лимитациі рочковъ“¹⁾, и возные провозгласили закрытіе сессіи. Публика, однако, не расходилась, ожидая конца занимавшаго ее фарса. Жолковскій и его товарищи напомнили Жоравницкимъ, что пора уже „вызволити“ заключеннаго. Ганна хотѣла было возражать, что еще не прошли условленные „три години;“ но тутъ среди публики, видимо начинавшей тяготиться ожиданіемъ, поднялись такіе внушительные крики недовольства, что Ганна не посмѣла упорствовать, но за то отказалась лично идти „вызволить“ Яна, предоставивъ это мужу. Тотъ охотно исполнилъ это порученіе—и черезъ нѣсколько минутъ, при оживленныхъ возгласахъ толпы, вывелъ на свѣтъ Божій улыбающагося узника, видимо уже освоившагося съ своей забавной ролюю, и поставилъ его передъ урядомъ.

Оставалось исполнить послѣдній актъ „покоры“: Янъ съ женою должны были испросить извиненіе за пасквиль.

Волнуемая чувствомъ обиды и униженія, съ пылающимъ лицомъ и опущеннымъ взоромъ, выступила пани Олена Жоравницкая и, взявъ поданный ей листокъ, едва слышнымъ голосомъ стала повторять за мужемъ слѣдующее „прошеніе“: Милостивый пане ключнику и милостивая пани ключникова! Што есмо написали и у Луцку на розныхъ мѣстахъ прибити вельфи пашквильюсь, або цыдулу, образливую доброй славѣ вашей милости, милостивая пани ключникова, и дому вашей милости почтивому, милостивый пане ключнику, ино ижъ есмо тую цыдулу, або пашквильюсь, непристойне, зъ злого своего умыслу противъ вашей милости, въ невинности вашей милости написали, въ чомъ всемъ, яко въ томъ пашквильюсь есть написано, ваша милость, милостивая пани ключникова, не есть винна, бо николи ваша милость того ничого, што въ томъ пашквильюсь написано, не чинила, одно такъ ся завжды заховала, якъ цнотливою панею належить; а такъ, ижъ есмо въ томъ противъ вашей милости

¹⁾ *Лимитация* (лат. *limitatio*) *рочковъ*—закрытіе судебной сессіи.

выступили, сердечне того жалуемо и покорне просимо, абы то ваша милость христіянскимъ обычаемъ намъ отпустить рачила, а мы о вашей милости яко о почтивои и статечнои паней розумѣемъ и за такую вашу милость маемъ.“

При этихъ словахъ въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ; но пани городничая не обратила на него вниманія. Ея лице сіяло торжествомъ: она заградила уста клеветникамъ и принудила ихъ публично признать ее „почтивою и статечною панею.“ Изъ-за этого стоило перенести даже побой! Но еслибы Ганна видѣла, какимъ взглядомъ подарила ее въ эту минуту пани Олена: сколько нѣмой злобы и непримиримой ненависти крылось въ этомъ взглядѣ, украдкой брошенномъ на торжествующую соперницу!...

Тѣмъ не менѣе всѣ условія мировой въ точности были выполнены отвѣтчиками. Очередь оставалась за истцами. Александръ Жоравницкій обратился къ уряду съ просьбой внести въ судебныя книги заявленіе, что онъ и его жена „выпускають и вызволяютъ отвѣтчиковъ зо всего переводу правного и вольными чинять на вѣчныя часы и вси листы и декреты правныя уморяють и касують.“ И въ подтвержденіе своихъ словъ, панъ городничій здѣсь же, передъ урядомъ, вручилъ брату всѣ документы, относящіеся къ прекращенному процессу, въ томъ числѣ и королевскій листъ о „выволанья.“

Послѣ всего этого братья подали другъ другу руки и тоекратно расцѣловались. Отнынѣ они—не противники, и завѣтъ отца ихъ, владыки Марка, о „братерской згодѣ“ вступалъ въ прежнюю силу.

— „Се что добро или что красно, еже жити братіи въ згодѣ!“ заключилъ владыка Іона, поднимаясь съ мѣста; затѣмъ, обращаясь къ судьямъ—урядовымъ и третейскимъ, прибавилъ:

— „Прошу васъ, милостивые панове, до мене хлѣба ѣсти!“

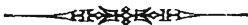
Янъ и Олена Жоравницкіе также оказались въ числѣ лицъ, приглашенныхъ къ владыкѣ на обѣдъ.

Такъ окончилась „пашквильная“ исторія. Досказать ли конечную судьбу ея участниковъ?

Александръ Жоравницкій въ томъ же году былъ назначенъ старостою луцкимъ, но женѣ пришлось не долго тѣшиться осуще-

ствленіемъ честолюбивыхъ желаній: въ 1581 году его не было уже въ живыхъ, а скоро за нимъ послѣдовала и пани городничая. Владыка Іона на пять лѣтъ пережилъ зятя и подь конецъ жизни не мало перенесъ непріятностей отъ новаго старосты луцкаго, князя Пронскаго и умеръ „баннитомъ.“ Но всѣхъ печальнѣе кончилъ Янъ. Нѣсколько лѣтъ онъ велъ войну съ королевскимъ секретаремъ Балтазаромъ Гнѣвошемъ за родовыя имѣнія—м. Свинюхи съ волостью,—наконецъ наскучили ему мелкія стычки, и задумалъ онъ покончить дѣло однимъ ударомъ: взявъ штурмомъ замокъ противника, захватилъ его самого, подвергъ изысканной казни и велѣлъ бросить трупъ его въ прудъ. Этотъ подвигъ, однако, не остался безъ соотвѣтственнаго возмездія: Янъ позванъ былъ на судъ къ королю и въ 1589 г. сложилъ на плахѣ свою буйную голову.

О. Левицкій.

КУЛЬТУРНІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

15.

Садоводство у крестьянъ

въ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности въ харьковской губерніи вымираетъ на нашихъ глазахъ. Одновременно съ паденіемъ крестьянскаго садоводства пало садоводство мелкопомѣтнаго дворянства. Въ харьковской губерніи сады удерживаются и развиваются только въ большихъ экономіяхъ.

Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ малорусскимъ селомъ, чтобы убѣдиться въ живой любви малоросса къ растенію. Этнографы, путешественники, беллетристы многократно говорили объ этой симпатичной чертѣ народнаго характера. Въ народныхъ пѣсняхъ постоянно упоминаются душистый василекъ, зеленый барвинокъ, тонкій тополь, бѣлая береза, зеленый яворъ, лилія, розмаринъ, тернъ и калина. Рѣдкій дворикъ простолюдина не имѣетъ нѣсколько деревцовъ или кустовъ, и весело крестьянину отдохнуть въ жаркій лѣтній денекъ подъ тѣнистымъ деревомъ, посмотрѣть на привѣтливую его зелень и послушать шепотъ его листьевъ. Сажаютъ, что идетъ къ почвѣ, чаще всего вербу, которая растетъ на всякой землѣ, даже на пескѣ, затѣмъ любятъ серебристую тополь, листья которой, съ бѣлой подкладкой, ярко блестятъ на солнцѣ, и и особенно любятъ рябину, красныя кисти которой въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ украшаютъ дворъ. Рябину сажаютъ передъ

¹⁾ См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

окнами и въ церковныхъ оградахъ. Если въ домѣ есть дѣвушка, на порѣ выхода замужъ, то за тѣномъ появляются синія и лиловыя чашечки крученыхъ паничей, ярко красныя цвѣточки королеваго цвиту, желтоцвѣтная красолька, высокій макъ. Разведеніе сада обусловлено мѣстоположеніемъ двора, и нѣтъ такого хозяина, который не насадилъ бы яблонь, грушевыхъ или вишневыхъ деревьевъ, имѣя хотя клочекъ свободной земли во дворѣ или на огородѣ. Въ старое время много садовъ было разбросано по лѣсамъ.

По любви къ садоводству старинное харьковское дворянство, крупное и мелкопомѣстное, не отличалось отъ мѣстнаго крестьянства. Въ усадьбахъ и въ лѣсахъ помѣщиковъ были сады, въ усадьбахъ преимущественно вишняки и сливняки, а въ лѣсахъ — изъ яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ. У богатыхъ помѣщиковъ были роскошныя сады, съ разными украшеніями, на подобіе западно-европейскихъ садовъ, съ статуями, гротами, живописными мостиками, подземными лѣстницами и сидѣніями на высокихъ дубахъ. Добродушныя Афанасіи Ивановичи подрѣзывали, подчищали, щепили, колировали; столь же добродушныя Пульхеріи Ивановны, въ лучшихъ семействахъ стараго времени, варили варенья изъ домашнихъ фруктовъ и приготавливали разныя настойки, квасы, соленья, пастилу, навидло. Кое-что шло въ подарокъ роднымъ, добрымъ сосѣдямъ и знакомымъ; кое что отъ избытка шло и въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Въ топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, составленномъ сто лѣтъ назадъ, говорится, что „здѣшнихъ рукъ труды услаждаютъ многихъ странъ вкусы садовыми яблоками, бергамотами, дулями, глинами, вишнями, сливами и черносливомъ“...

Лѣтъ двѣсти назадъ входившія нынѣ въ составъ города Харькова густо-заселенныя Холодная и Лысая горы были покрыты густымъ лѣсомъ, служившимъ убѣжищемъ для татарскихъ наѣзтниковъ и запорожскихъ разбойниковъ харцызовъ, во время появленія ихъ подъ стѣнами городка въ поискахъ за добычей. Мирный городской обыватель, подвигаясь отъ крѣпостныхъ стѣнъ къ этимъ лѣсамъ, мало по малу овладѣлъ ими. Забывъ о злыхъ временахъ татарщины и разбойничества, онъ поставилъ въ лѣсу хаты и пасѣки, насадилъ плодовые деревья и обратилъ лѣса въ роскошныя, тѣнистыя и душистыя са-

ды. Эти сады непрерывной цѣпью тянулись отъ Ивановки до Основы; остаткомъ ихъ на одной сторонѣ являются сады Кузинскій и Шато-де-Флеръ, на другой Карповскій, нынѣ городекой садъ. Нѣкоторые обширные сады исчезли безъ слѣда, напримѣръ, садъ Верховскаго, раскопанный подъ мѣста для зданій харьк.-никол. жел. дороги; садъ Ляхова, также раскопанный подъ желѣзную дорогу; отъ другихъ остались лишь обрѣзки, напримѣръ, отъ садовъ Булгакова, Кнепфера, Карповыхъ. Желѣзныя дороги глубоко изрѣзали почву и высушили ее. вмѣсто запаха цвѣтущихъ липъ въ воздухѣ повисли тяжелые клубы каменно-угольнаго дыма.

Уничтоженіе общественныхъ лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и паденіе садоводства началось еще въ прошломъ столѣтіи, во время существованія свободнаго винокурения. Составитель Топографич. описанія харьк. намѣстничества (1788 г.) замѣчаетъ:

„Несчастны тѣ лѣса, которые принадлежатъ цѣлымъ селеніямъ въ общественный вѣздъ. Въ такихъ лѣсахъ кромѣ суковатыхъ и горбатыхъ бревень, кромѣ дровъ и хворосту, немного попадаются годныхъ къ строенію и другимъ надобностямъ растеній. Правда, и сія лѣса предохраняются и отращиваются положенною на урочные годы заповѣдью; однако рѣдка на свѣтѣ рѣдкость такіе умы, которые къ общественному добру и частному въ собственности владѣнію имѣли бы равное расположеніе и одинаковое вниманіе.... Несравненно большее несчастье постигло тѣ лѣсныя уголья, которыя достались въ руки владѣльческимъ подданнымъ. Отсутственныя боярскія отчины подданными червасами заселенныя прежде всѣхъ опустошили своими винокурными лѣса какъ причитавшіеся ихъ помѣщикамъ, такъ принадлежавшіе по смежности частнымъ владѣльцамъ и казеннымъ селеніямъ. Сія всегубительная лѣсовая язва пожирала въ одинъ годъ безцѣнный природы даръ, плоды цѣлыхъ вѣковъ.... Слѣды подданическихъ винокурень черезъ цѣлый вѣкъ едва ли могутъ загладиться въ пространныхъ лѣсныхъ полосахъ, прилежащихъ къ рѣкамъ Осколу, Донцу и Ворсклу, гдѣ винокурни во многихъ отсутственныхъ слободахъ боярскихъ умножились и ужасно выгубили пространнѣйшіе драгоцѣнные лѣса. Сія слѣды и остатки винокурень видны тамъ такъ, какъ путь саранчи, пожирающей на поляхъ растенія. Въ истребленныхъ сихъ лѣсахъ видно нынѣ множество дубовыхъ пней, имѣющихъ въ діаметрѣ до трехъ аршинъ. Подданные винокурни, не предрасполагающіе о своемъ потомствѣ, не утверждающіеся коренно на жилищѣ и имѣющіе главной цѣлью пропитанія и обогащенія винокурение, не имѣли нужды думать о формѣ отращенія и употребленія лѣсовъ; рубили самыя лучшія деревья на выборъ. Одинъ такой винокуръ сжигалъ на винокурнѣ въ одинъ день два дорогіе дуба, изъ которыхъ слободской казенный обыватель получилъ бы вѣскольکو хорошихъ брусевъ и пильныхъ досокъ или бы вырѣзалъ нѣскольکو говту.“ (Харьк. сб. 1888, 31-32).

Эта картина лѣсоистребленія повторилась въ громадныхъ размѣрахъ въ половинѣ текущаго столѣтія, съ развитіемъ сахарныхъ заводовъ и постройкой желѣзныхъ дорогъ. Каменный уголь лишь недавно пошелъ по сумской ж. дор. на отопленіе многочисленныхъ

сахарныхъ заводовъ, находящихся въ сумскомъ, ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьк. губ. послѣ того какъ древесное топливо было все исчерпано и обширный край по теченію р. Ворсклы и р. Псла совсѣмъ лишенъ былъ лѣснаго покрова.

Курско-Азовская желѣзная дорога прошла по харьковскому краю на подобіе чудовищнаго, прожорливаго дракона одного стихотворенія графа А. К. Толстаго:

Мохъ, травы, корни лозъ,
 Все, что сростись съ корой успѣло змѣя,
 Все выдернувъ съ собою онъ унесъ.....
 Гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти
 Мгновенно сохли травы и коронья,
 И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ.

Цифровыя доказательства отмѣчены въ „Мнѣніи“ харьк. губернской земской управы 1878 г. о перевозкѣ каменнаго угля: въ 1863 г. въ харьковскомъ уѣздѣ было 64 тысячи десятинъ лѣса, въ 1878 г. осталось четыре тысячи десятинъ; во всей губерніи въ 1863 году 601,000 дес., въ 1878 году $\frac{1}{16}$, а нынѣ и того не осталось.

Съ истребленіемъ лѣсовъ мало по малу погибли разсѣянные въ нихъ маяками фруктовыя деревья; погибли затѣмъ скрывавшіеся въ въ лѣсахъ фруктовые сады крестьянъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ. Они засохли безъ лѣсной влаги и защиты, безъ посадки новыхъ деревьевъ, со всѣхъ сторонъ открытыя для воровства и холодныхъ вѣтровъ.

Упадокъ садоводства оказалъ дурное вліяніе на народную нравственность, сколько я могъ замѣтить на крестьянахъ одной хорошо мнѣ знакомой мѣстности харьковской губерніи. При порубкѣ общественныхъ лѣсовъ не трогали дико растущихъ грушевыхъ и яблоневыхъ деревьевъ, дававшихъ въ старину въ изобиліи груши и кислицы на квасы, узвары, кисели и т. п. Но затѣмъ кое что годное на подѣлку было украдено и многое засохло частью отъ старости, частью отъ поломки. Осталось очень немного фруктовыхъ деревьевъ, и вмѣсто заботливости объ ихъ сохраненіи обнаруживается самое хищническое и безпощадное къ нимъ отношеніе. Въ первыхъ числахъ іюля, когда плоды еще совсѣмъ зелены, дѣти идутъ за ними въ лѣсъ съ торбами, взрослые ѣдутъ съ возомъ, и рвутъ ихъ

въ такомъ неспѣломъ видѣ, что они оказываются негодными для пищи людей, выбрасываются на кормъ свиньямъ, но и послѣднія иногда брезгаютъ ими. Спѣшать урвать, чтобы другой не захватилъ, при чемъ плоды сбиваютъ палками и ломаютъ вѣтви. Крестьяне сознаютъ, что наносятъ вредъ деревьямъ. Волостное начальство приказываетъ отнимать торбы и выбрасывать кислицы и груши, собранныя неспѣлыми; но все это не имѣетъ серьезнаго значенія. Никто не заботится объ общественномъ достояніи съ надлежащимъ умѣніемъ и настойчивостью. Всякій готовъ выбрать другихъ проклятыми или чортовыми людьми, и при этомъ забываетъ, что и онъ одинъ изъ числа небрежно относящихся къ общественному достоянію.

16.

Вольное винокурение

сохранилось только въ воспоминаніяхъ, въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ южной Руси въ древности всякій могъ курить и продавать вино, уплативъ небольшую подать съ солода, про которую упоминаетъ уже Русская Правда (XI в.). Такъ, по старинѣ, въ сѣверной Руси винокурение шло до половины XVI в., въ южной до половины XVIII в.; свободно варили питья и платили за это лишь брашную пошлину, съ солода, съ хмѣля и меда и. спокойно распивали ихъ дома, среди семьи, или на братчинахъ и на общественныхъ попойкахъ въ корчмахъ. Въ XVI ст. польскіе короли давали южнорусскимъ братствамъ грамоты на приготовленіе меда и торговлю имъ въ опредѣленные праздничные дни. Цеховые мѣщане получали также разрѣшительныя грамоты на курение и продажу вина, въ кругу своего общества, не на сторону. Пользуясь вообще правомъ свободнаго винокурения, малороссіяне вносили только за то плату въ королевскую казну „подля давняго звичаю“. По магдебургскому праву королевскіе чиновники не могли вмѣшиваться въ торговлю напитками. Въ XVI и XVII ст. польское правительство начало стѣснять свободную продажу напитковъ мѣщанами и братствами и ставить города въ зависимость отъ жидовъ арендаторовъ. Слободскіе полки сначала пользовались полной свободой

винокуренія, и хотя по бѣлгородскому окладу 1665 г. на жителей была наложена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивнаго по четыре; но въ 1670 г. Алексѣй Михайловичъ далъ грамоту полкамъ сумскому, харьковскому и ахтырскому „за осадное сидѣнье велѣтъ имъ вмѣсто своего государева годоваго жалованья отдать оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлгородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять безоброчно и безошлинно“. Въ 1669 г. городамъ острогожскаго полка дано право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованія виномъ, пивомъ и медомъ, что затѣмъ подтверждалось жалованными грамотами 1672, 1678, 1700 и 1716 годовъ. Въ 1684 г. разрѣшено козакамъ въ г. Харьковѣ торговать безошлинно и изъ другихъ полковъ вина къ нимъ не ввозить. Петръ В. въ 1700 далъ харьковцамъ грамоту „шинки держать безоброчно, вино курить безошлинно по ихъ черкасскому обыкновенію“. Елизавета Петровна въ 1743 г. въ грамотахъ всеѣмъ полкамъ подтвердила „шинки держать, вино курить и шинковать безошлинно“ (*Прыжовъ* Ист. кабак. въ Россіи, 18—25, 149—227).

Съ половины XVIII ст. начинается рядъ ограничительныхъ мѣръ относительно всесословнаго и безошлиннаго винокуренія. Въ 1751 г. въ Кіевѣ всеѣмъ людямъ мірскимъ и духовнымъ и козакамъ шинковать запрещено, исключая кіевского Михайловскаго монастыря, и съ тѣхъ поръ это запрещеніе не переставало повторяться. Сначала за мѣщанами оставлено было еще право имѣть винокуренные заводы; но въ 1787 г. вся винная продажа въ Кіевѣ передана городу, а потомъ право винокуренія стало принадлежностью однихъ лишь польскихъ и ополяченныхъ украинскихъ пановъ (*ib.* 171). Въ Слободской Украинѣ въ 1764 г. введенъ былъ подушный окладъ съ пользовавшихся правомъ свободнаго винокуренія по 95 коп., не пользовавшихся имъ 85 к.; въ 1783 г. первые должны были платить уже 1 р. 20 к. съ души, а въ 1791 г. право винокуренія утверждено за дворянами въ ихъ помѣстьяхъ, а за козаками право одной только продажи въ ихъ домахъ, состоящихъ въ селеніяхъ; мѣщанамъ запрещено курить и продавать вино. Эти послѣднія козацкія права были отмѣнены въ 1817 г., при введеніи устава о питейныхъ сборахъ (*ib.* 225).

Свободное винокурение давало крестьянамъ хорошій доходъ. Оставшійся отъ годового употребленія излишекъ хлѣба перегонялся въ водку и въ такомъ видѣ продуктъ достигалъ рынка. Сильнымъ развитіемъ винокурения обусловлено было процвѣтаніе бондарства.

„Время вольнаго винокурения, замѣчаетъ г. Добровольскій, было золотымъ вѣкомъ для Борисовки, Ольшанки, Мирополя и другихъ слободъ южныхъ уѣздовъ, входящихъ нынѣ въ составъ курской губерніи. Здѣшніе крестьяне до сихъ поръ не забыли его и, вынимая изъ скринь по праздничнымъ днямъ для своихъ скромныхъ пирушекъ старинные серебряные и золотые стаканы и чарки, вспоминаютъ о томъ, какъ хорошо жило въ время оно ихъ дѣдамъ, пользовавшимся правомъ безпошлинно курить горилку“ (Куст. пром. курск. губ., 56).

Нельзя сказать, чтобы свободное винокурение развило пьянство. Судя по преданіямъ, вино часто было очень слабое и пили его много, не упиваясь, не теряя сознанія. Въ Топографич. опис. харьк. намѣстничества 1788 г. читаемъ: „простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства; но въ винѣ предполагается образъ дружескаго ихъ обхожденія и угощенія, а не единственное намѣреніе пьянства. Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ медленно и малыми мѣрами; больше разговариваютъ. Однако и тогда, когда до пьяна напиваются, буянскаго шума и вздорнаго крику мало между ними случается и до драки въ то время рѣдко доходитъ“ (Харьк. Сборн. 1888, 43).

Въ думахъ выраженіе „пить горѣлку“ представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis*, равно какъ и въ былинахъ „пить чару вина въ полтора ведра“—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокурения въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: „въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку“ (Голов., т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ „фляшку съ горилкою“ (Гол., т. I, стр. 7). Коновченко „рано ранесенько горѣвки ся напивае“ и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться, потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (Гол., т. I, стр. 11). Вообще, по дан-

нымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Савва Чалый по случаю рожденія сына (*Гол.*, т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (*Ант. и Драг.*, Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

17.

Корчма, какъ общественное учрежденіе.

Слово корчма встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 260), что указываетъ на его древность. Такъ называлось у древнихъ славянъ мѣсто, куда народъ сходилъ для питья и ѣды, для бесѣдъ и попоекъ съ пѣснями и музыкой. У западныхъ славянъ въ корчмахъ приставы передавали народу постановленія властей; судьи творили судъ; разбирались дѣла между пріѣзжими людьми, и корчмы долго замѣняли ратуши и гостинные дворы (*Прыжовъ*, Ист. кабак. 29). Въ Богеміи, Польшѣ, Помераніи корчмы сначала были вольными учрежденіями, потомъ дѣлались княжескими, казенными или переходили къ духовенству, къ монастырямъ, и тогда народъ начиналъ заводить свои тайныя корчмы. Въ корчму, наравнѣ съ простолудинами, шли и лучшіе люди въ родѣ того, какъ древне-греческія каплеи были посѣщаемы Сократомъ, древне-римскія кавпоны — Овидіемъ, Горациемъ, Цицерономъ.

Въ юго-западной Россіи и въ Бѣлоруссіи удержалась древнеславянская корчма, съ характеромъ общественнаго учрежденія. Дворъ корчмы служитъ мѣстомъ собранія парней и дѣвушекъ для пѣнія и пляски. „Въ корчмѣ и въ банѣ уси ровные дворяне“ (*ib.* 33). „Корчма—это народный клубъ, говоритъ П. П. Чубинскій; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ

корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являюся съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать... Собирается известная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци“, тутъ же въ корчмѣ приобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водеу, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житьѣ—бытьѣ вообще... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки“... (Труды Э. С. Экспед. VII, 450).

Корчма подъ вліаніемъ разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій экономической и нравственной жизни народа въ однихъ мѣстахъ выродилась подъ польско-нѣмецкимъ вліаніемъ въ шинокъ, въ другихъ подъ московскимъ вліаніемъ въ кабакъ, т. е. въ темное и одностороннее учрежденіе, въ такое мѣсто, гдѣ только пьютъ, при чемъ въ интересъ шинкаря, большею частью жиды, входятъ напоить посѣтителя корчмы—кабака до потери сознанія, чтобы онъ пилъ, лилъ, закладывалъ имущество, терялъ деньги и голову. Юрій Крижаничъ, бывшій въ Малороссіи лишь короткое время, замѣтилъ, что „вездѣ откупщики жиды сидятъ или бояринъ самъ смердящее пиво роздаетъ хлопамъ, которое они на гной вливаютъ, заплативъ за него деньги“. Вольная славянская корчма обращалась въ жидовскую корчму, или шинокъ, принадлежавшія панамъ и даже паньямъ. (Ист. каб. 179). Кабаки появились въ Малороссіи въ началѣ XVIII ст., въ Слободской Украинѣ въ XVII ст., при чемъ укрѣпились вполне лишь въ лѣвобережной Украинѣ. Молодежь здѣсь сторонится отъ кабака, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ въ нравственномъ отношеніи селахъ, не испорченныхъ заводскимъ пьянствомъ и развратомъ. Уже Крижаничъ называлъ кабаки „проклятыми“, потому что „на нихъ ни отъ рода нѣсть толико вина, колико ся есть для ради нихъ крови проліяло“. И простой народъ раздѣляетъ это мнѣніе наблюдательнаго хорвата: „горилка проклятая“ „горилка зрадливая“—таковы возгласы женщинъ въ

пьяницкихъ пѣсняхъ. Къ жидовской корчмѣ относятся обличительныя и ироническія народныя пѣсни, напримѣръ, галиція:

Стоитъ корчма надъ болотомъ,
 Не пошита околотомъ:
 „Ты, корчмонько, судотыне!
 Въ тобѣ то вся праця гине:
 Та вже бы 'мъ та злотомъ побивъ,
 Тилько 'мъ праця въ тоби пропивъ!
 (Голов. III. 522).

А все то-то черезъ жида,
 Та черезъ ихъ дѣти.
 Изъѣшь дѣдси, песій сыну,
 Парко бородатый,
 Бо не пиду по горѣвку
 Та до твоей хаты!
 А ми будемъ працѣвати,
 Живки будуть прости,
 Жида будуть, песи сыни,
 Своимъ дрантьемъ трясти.
 (Голов., т. II, стр. 465).

Мы мусѣли бѣдовати,
 Голодомъ терпѣти,

Слободско-украинскій кабакъ, замѣнившій корчму, хорошо обрисованъ въ „Салдацкомъ патрѣтѣ“ Квитки, съ выработанными приѣмами спаиванія и обмана, съ новымъ сословіемъ мѣстныхъ кабатчиковъ изъ малороссовъ, которые вели кабацкое дѣло „якъ той Юда“, т. е. обманно и для народа разорительно.

18.

Харьковскія коцарни.

Между кустарными промыслами г. Харькова особенно любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется коцарскій промыселъ, состоящій въ выдѣлѣ ковровъ и попонъ. Извѣстія о немъ идутъ съ половины прошлаго вѣка. Какое то лицо доставило въ 1740 г. въ Петербургъ образчики слободско-украинскихъ попонъ, и придворное конюшенное вѣдомство заказало харьковскимъ коцаркамъ 500 попонъ; но коцарки не пошли на предложенную имъ цѣну по 2 р. 50 к. за попону и не взяли заказа (подробности см. въ *Кіев. Стар.* 1886, VI, 365).

„Работа женскаго пола, замѣчаетъ авторъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества“ 1788 года, заключается въ дѣланіи ковровъ разной мѣры и цѣны. Ковры сіи называются коци, а мастерицы коцарки, которыя сами собираютъ изъ минераловъ и растеній, здѣсь собираемыхъ, разныхъ цвѣтовъ краски, коими приготовленную шерстяную пряжу красятъ, и тогда твуть

ковры и пристригаютъ наподобіе трипу. Торгъ харьковскими коврами пространенъ; кромѣ употребленія внутрь всей Украины многія тысячи оныхъ вывозятъ торговцы въ великороссійскія селенія и за границу“ (*Харьк. Сборникъ* 1888, 57). По свѣдѣніямъ, собраннымъ землебрами 1814 г., въ Харьковѣ изготовлялось въ то время до 26,000 коцовъ (*Статист. Листокъ* 1883, с. 134). Въ 1838 г. Г. О. Квитка писалъ, что въ тридцатыхъ годахъ коцарскимъ промысломъ занимались исключительно женщины. „Онѣ составляли изъ мѣстныхъ полевыхъ цвѣтовъ краски и окрапивали ими получаемую отъ домашнихъ овецъ шерсть, изъ которой потомъ и ткали ковры фантастическими узорами. Знаніе узоровъ переходило отъ матерей къ дочерямъ, изъ рода въ родъ. Цвѣта шерсти были прочны и ярки. Ковры по добротности, красотѣ и дешевизнѣ пользовались славой. Кромѣ мѣстнаго сбыта, они шли тысячами въ великороссійскія губерніи и за границу. Выдѣлкой коцовъ занято было много рукъ. Въ Харьковѣ одна изъ большихъ улицъ получила названіе Коцарской“. (*Харьк. Губ. Вѣдом.* 1838, № 4).

Происхожденіе коцарскаго промысла неизвѣстно. Вѣроятно, онъ восходитъ въ старину глубокою, и въ Слободской Украинѣ появился съ первыми переселенцами изъ—за Днѣпра. Еще въ до-монгольской Руси употреблялись ковры. Когда умеръ в. кн. Владиміръ, тѣло его „обертѣвшѣ въ коверъ и ужи свѣсиша на землю“; при ослѣпленіи Василька 1097 г. упоминается коверъ (*Аристовъ*, Промысл. др. Руси 165). Русскіе любили ковры багрянаго цвѣта и добывали ихъ отъ грековъ; но на ряду съ роскошными греческими коврами могли существовать болѣе простыя домашняго производства, при чемъ узоры греческихъ ковровъ могли оказать вліяніе на подборъ красокъ для украинскихъ коцовъ.

На развитіе коцарскаго промысла въ харьковской губерніи вліяли обиліе шерсти и дешевизна красокъ. Въ „Воспоминаніяхъ Топчіева“ о производствѣ ковровъ въ Харьковѣ въ началѣ столѣтія (до 1809 года) говорится: „Испанскія овцы едва только начали разводить для опыта въ нѣкоторыхъ (немногихъ) помѣщичьихъ имѣніяхъ; за то было много простыхъ овецъ, какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ харьковской губерніи. По недостатку стороннихъ покупателей, большая часть шерсти потреблялась внутри

губерніи, на выдѣлку крестьянской одежды и простыхъ ковровъ“.
(*Стат. Листокъ* 1883, 147).

Въ старинное время Малороссія была въ лѣтнее время покрыта роскошнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. По словамъ Мѣховскаго, въ Подоліи травы произрастали такъ быстро и въ такомъ обилии, что переросали шесть и покрывали его въ три дня и тоже бывало съ плугомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Въ Малороссіи произрастали травы, по словамъ Мѣховскаго, ей только свойственныя (*alibi non visis*). Во всѣхъ частяхъ ея произрастали въ изобилии сѣмена красивыхъ растений, которыя нѣкогда были вывозимы въ Іену и Флоренцію. Во время Мѣховскаго растенія эти собирались уже въ незначительномъ количествѣ (*Замысловскій*, Гербершт. 253). Слободская Украина XVII и XVIII ст. отличалась такимъ же изобиліемъ красивыхъ растений, какъ Подолія въ болѣе древнее время, до распашки обширныхъ полей—облоговъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Слободской Украинѣ еще господствовала переложная система сельскаго хозяйства. Въ безлѣсныхъ и малолюднѣ населенныхъ степяхъ ежегодно распахивали плугомъ „цѣльныя степи“ или долговременно неоранные перелогі, засѣвали ихъ три лѣта и затѣмъ оставляли ихъ на нѣсколько лѣтъ на перелогъ (*Харьк. Сборн.* 1888, 34). На такихъ цѣлинахъ и перелогахъ шли густыя травы и красивые растенія.

Паденіе коцарскаго промысла замѣтно уже было въ пятидесятихъ годахъ. Въ Харьковѣ выдѣлывалось тогда около 12,000 ковровъ ежегодно. Въ настоящее время совершается полное паденіе коцарства. Ослабѣла энергія промысла; уменьшилось число коцарокъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ В. В. Ивановымъ въ 1879 году, кустарный промыселъ за послѣдніе 25 лѣтъ упалъ на 600⁰/. Конкуренція ковровъ фабричнаго производства, вздорожаніе матеріала, монополія торговли представляются главными причинами такого явленія. Прежде коцы постоянно встрѣчались въ богатыхъ домахъ; теперь ихъ вытѣснили болѣе изящныя, хотя и менѣ прочныя, ковы московской фабрикаціи. Цѣна, платимая коцаркамъ, была увеличена на 8¹/₂⁰/ на самомъ распространенномъ коврѣ; цѣна же матеріала поднялась такъ, что на одномъ валѣ стоимость коцы увеличилась на 11⁰/. Въ настоящее время въ селахъ коцарокъ уже не встрѣчаютъ

ся, между тѣмъ какъ въ старину много коцарокъ жило по уѣздамъ харьковской губерніи. Коцарскій промыселъ локализируется на окраинахъ города. Въ 1879 г. коцами занималось только 75 горожанокъ; изъ нихъ только 25 постоянно; остальные временно, зимой. Онѣ изготовляли около 4000 ковровъ въ годъ, на 12,000 руб. (*Стат. Лист.* 1883, 135).

Въ настоящее время болгарскій ковровый промыселъ во многомъ напоминаетъ украинскій коцарскій. Въ Болгаріи цѣлые округи живутъ выдѣлкой ковровъ; работаютъ исключительно женщины, изъ красокъ мѣстныхъ цвѣтовъ. Болгарскіе ковры носятъ разныя названія, чаще всего называются килимами, турецкимъ словомъ, известнымъ и въ Малороссіи въ приложеніи къ коврамъ.

Коцарскій промыселъ въ старинное время существовалъ, повидому, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малороссіи, напр., въ с. Быковѣ черниг. губ. (см. *Филарета*, Ист. ст. опис. черниг. еп. V, 256), а въ Галиціи, въ гористомъ Покутьѣ удержался до настоящаго времени (*Kolberg*, I. 69). Здѣсь коцами называютъ шерстяные съ цвѣтами ковры въ $2\frac{1}{2}$ метра длиной и въ $1\frac{1}{2}$ метра шириной.

 19.

Слободско-украинское чеботарство.

Кожевенно-сапожное производство въ харьковской губерніи и въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи по исторіи своего развитія и упадка напоминаетъ коцарскій промыселъ. И оно въ настоящее время сократилось, влѣдствіе измѣнившихся культурныхъ условій. Слово чоботь, встрѣчающееся въ польскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, восточнаго происхожденія, что видно изъ сравненія съ персидск. чабаганъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 259). Слово это должно быть вытѣснено въ южной Руси другое славянское слово, обозначающее обувь, въ силу бытовыхъ связей съ восточными народами. Малороссіяне издавна занимались чеботарствомъ; между прочимъ, занимались имъ и запорожцы, когда

не было войны. Успѣшному развитію кожевенно-сапожнаго производства содѣйствовало обиліе рогатаго скота, коней и овецъ и затѣмъ привычка украинскаго населенія къ кожаной обуви. Въ харьковскомъ намѣстничествѣ въ концѣ прошлаго вѣка чеботарство процвѣтало. Дѣлали, между прочимъ, крашенныя кожи, на подобіе сафьяновъ, для женскихъ сапогъ и черевиковъ. Въ городахъ и селахъ въ торговые дни отрывался сапожный рядъ, гдѣ продавали сапоги и башмаки; тутъ же на площади собирались кузнецы съ готовыми подковами, гвоздями и инструментами, къ которымъ купившій обувь приносилъ ее для подковки (*Харьк. Сборн.* 1888, 56). Когда право свободнаго винокуренія было потеряно, т. е. съ 1772 г., винокуры и бондари стали учиться кожевенному и сапожному производствамъ. Благодаря обилію сыраго матеріала и большому спросу на сапожныя издѣлія на всѣхъ рынкахъ Украины кожевенно—сапожное производство стало быстро развиваться, особенно въ граворонскомъ уѣздѣ. Въ пятидесятихъ годахъ украинскія ярмарки были завалены сапогами здѣшняго издѣлія (*Добротворскій*, Кустарн. пром. курек. губ. 86). Большую услугу чеботарямъ оказали чумаки, развозившіе сапоги по всей Украинѣ. По словамъ одного ахтырскаго старожила: „Тоди було и геть—то краще. Нашъ товаръ развозывся чумаками по разныхъ мѣстахъ. Мы сами инколи издылы и по полтавській и по екатеринославській губерніяхъ. Товаръ або за грошы продавалы, або миняды на шкапы (негодныя къ работѣ лошади), та на шкуры“ (*Твердохлѣбовъ*, Труды комис. по изслѣд. кустар. пром. харьк. губ. III, 55).

Въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ обнаруживается быстрый упадокъ кожевенно-сапожнаго производства, въ мѣстностяхъ гдѣ оно процвѣтало въ 50-хъ годахъ. Причинъ тому много: основныя старыхъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ расшатались совсѣмъ, замѣчаетъ г. Твердохлѣбовъ; вновь вводимыя порядки не окрѣпли. Громадная площадь степной полосы отошла подъ свекло-сахарныя плантаціи, вошла въ черту экономическихъ хозяйствъ, не имѣющихъ почти ничего общаго съ мелкими хозяйствами остальнаго населенія, и потому для послѣдняго заповѣдную. Число водопоевъ значительно уменьшилось; кромѣ того большинство ихъ попорчено. Рѣчки во многихъ мѣстахъ портятся нечистотами, выпускаемы-

ми изъ сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Опустошительныи эпизоотии все болѣе и болѣе стали учащаться. Г. Добротворскій указываетъ еще на то, что курско-харьковская и курско-кіевская желѣзныя дороги нанесли тяжелый ударъ чеботарству грайворонскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ разными ситцами, сукнами, кушаками и другими издѣліями московскихъ и владимірскихъ мануфактуръ, желѣзныя дороги внесли въ степныя окраинныя губерніи кимрскій и московскій сапоги, которые по своей добротности и дешевизнѣ сразу заняли видное мѣсто на всѣхъ южныхъ рынкахъ.

20.

Остатки чумачества

встрѣчаются въ настоящее время въ немногихъ мѣстахъ Украины. Отсылая читателя къ сочиненію И. Я. Рудченка о чумацкихъ народныхъ пѣсняхъ, въ которомъ находится и краткій историческій очеркъ чумачества (стр. 1—24), мы остановимся здѣсь только на нѣсколькихъ проявленіяхъ его въ настоящее время, какъ культурныхъ переживаніяхъ. И нынѣ есть на Украинѣ села, гдѣ держится чумачество въ старинныхъ бытовыхъ формахъ, въ видѣ хожденія „у Крымъ по силъ“ и на Донѣ „по рыбу“. Оскудѣвшее чумачество держится теперь въ средѣ менѣе „заможныхъ“ крестьянъ, чѣмъ въ старину. Теперь считается виднымъ чумакомъ тотъ, кто посылаетъ въ дорогу 3 или 4 паровицы, тогда какъ въ старину у хорошихъ хозяевъ шло въ дорогу по 20, 30, 50 и даже 70 паровицъ. Прииспособляясь къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, къ новымъ условіямъ быта, чумаки расширили ассортиментъ привоза на югъ. Въ настоящее время чумачество въ незначительныхъ размѣрахъ существуетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ полтавской губ.: „по зѣньковскому уѣзду въ опошнянской волости преимущественно на лошадяхъ, въ раннюю осень, зимою и по установленіи весны транспортируютъ въ Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ и др. мѣста гончарныя издѣлія опошнянскаго района главнымъ образомъ, поливаную посуду и оттуда набираютъ грузъ соленой рыбы. По груньской вол. значительное число чумаковъ циркулируетъ въ ека-

теринославской, херсонской и таврической губ. съ колесами и телегами груньскаго района, и многіе изъ нихъ возвращаются также съ рыбой. По лубенскому уѣзду, изъ тишковской вол. ежегодно весной отправляются гужемъ, главнымъ образомъ въ Каховку (тавр. губ.), транспорты косарскихъ ложекъ туземнаго издѣлія, а обратно чумаки набираютъ рыбы или соли. До изданія правилъ по табаководству, изъ м. Рашевки (гадяч. уѣз.) каждую осень ходили въ Каховку и др. мѣста многіа сотни чумаковъ съ простымъ табакомъ, а раньше (до распространенія джутовыхъ мѣшковъ) съ громадною массою рядовины для мѣшковъ, туземнымъ холстомъ и т. п., и привозили обратно овечью шерсть, рыбу и соль. Теперь чумакванье сократилось въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Въ золотоношскомъ уѣздѣ представителемъ чумаковъ-солевозовъ отъ крымскихъ озеръ является еремѣвская и отчасти васютинская вол. (Въ одномъ м. Еремѣвкѣ ходятъ ежегодно до 150 чумаковъ „по сіль“). Чумачество рыбой распространено между населеніемъ иркѣвской, мойсенской, васютинской и отчасти золотоношской вол. При чемъ первая группа чумаковъ приняла при сношеніяхъ съ селянами на ярмаркахъ наименованіе еремѣвцевъ, а послѣдняя группа иркѣвцевъ — въ собирательномъ смыслѣ. (*Василенко*, въ Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Въ печати было еще указано на слабыя остатки стариннаго чумачества въ подольской и харьковской губерніяхъ. Но, вообще, чумацкій промыселъ можно считать почти вполне вымершимъ явленіемъ народной жизни. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ харьковской губерніи, гдѣ нѣкогда, лѣтъ 30, 40 назадъ, чумачество процвѣтало, напр. Боромлѣ, теперь сохранилось о немъ лишь воспоминаніе. Въ Кіев. Стар. 1884 г. № 3 я сдѣлалъ сообщеніе о воспоминаціяхъ боромлянскихъ старожиловъ о мѣстномъ чумачествѣ. И тамъ, гдѣ еще держится чумачество, въ Полтавщинѣ, чумаки, не прельщаемыя уже былыми выгодами, идетъ въ путь — дорогу съ грустнымъ настроеніемъ, что видно между прочимъ, изъ слѣдующей чумацкой пѣсни, записанной г. В. Василенкомъ въ с. Еремѣвкѣ золотоношскаго уѣзда въ 1885 году:

„Ой порясъ порясъ, роменъ по дорози,
 А травця по облози,
 Ой нема правды та теперъ ни въ кому,
 Тилько въ единому Бози.

Та й що хто дома та господарше—
 На билому спаты лягае,
 А хто ходять по бытхъ дорогахъ—
 Нуждоньки-горя приймае.

Та наситесь, сирі воли,
 Не будете воды пыты,
 Ой лучше бъ мѣни та господарваты,
 Нижь по дорогахъ ходыты.

Та стега постель пидъ били боги
 А зелену травцю,
 А въ голивоньку, замисць подушечы—
 Та клинчасту важницю.“

(Харьк. Губ. Вѣд. 1885, № 286).

Чумачество—торгашество почти повсемѣстно замѣнилось чумачествомъ—извозничествомъ; при чемъ самое слово чумакаъ стало выходить изъ употребленія и въ замѣнь его явилось другое слово—хурщики, болѣе удачно обозначающее современное чумачество.

Курско-харьково-азовская желѣзная дорога сначала установила малый тарифъ и, послѣ того какъ чумачество было подорвано, произвольно стала возвышать тарифъ. Харьковское земство вспомнило тогда объ упавшемъ чумачествѣ и заявленія сожалѣнія о томъ находятся во многихъ журналахъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній харьковской губерніи.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

(Продолженіе будетъ).

ІОАННЪ ВИШЕНСКІЙ.

(Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности).

Іоаннъ Вишенскій принадлежитъ, безспорно, къ самымъ оригинальнымъ явленіямъ южно-русской литературы. Приверженецъ консервативныхъ и аскетическихъ воззрѣній въ дѣлахъ религіи и общественности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является въ литературѣ самымъ яркимъ представителемъ эпохи возрожденія со стороны языка, формы и духа своихъ сочиненій. Строгій аскетъ, „свѣтъ, мужъ и зело любая безсловіе“¹⁾, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена, бросаетъ въ народъ свои пламенные посланія, обращаясь къ грамотной и неграмотной массѣ на языкѣ для нея почти совсѣмъ понятномъ, сильномъ и энергическомъ. Заключенный врагъ всякихъ „хитрыхъ діалектическихъ силлоизмъ“ и всей мірской премудрости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень искусно пользуется всѣми уловками риторическаго искусства и создаетъ стиль настолько богатый, разнообразный и цвѣтистый, что въ нашей древней литературѣ онъ уступаетъ развѣ одному „Слову о полку Игоревѣ“ по пластичности и индивидуальной выразительности. Едва ли не первый въ южнорусской литературѣ онъ пускаетъ въ ходъ обоюдоострое оружіе юмора и ироніи и пользуется имъ съ замѣчательной ловкостью. Строгій порицатель мірской жизни и соблазновъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень тонко знаетъ эту жизнь до ма-

¹⁾ Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860, Львовъ, стр. 234.

лѣйшихъ ея изгибовъ, знаетъ не по слухамъ и не по книгамъ, но очевидно по собственному опыту, ибо не даромъ же онъ называетъ себя „голякомъ—странникомъ извлечшимся съ хитро сплетенныхъ сѣтей діавола“, не даромъ объявляетъ въ „краткословномъ отвѣтѣ“: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ.“¹⁾ Строгий поклонникъ древне-іерархическаго устройства общественной жизни, не выдающій спасенія внѣ церкви и мудрости внѣ священнаго писанія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ въ своихъ посланіяхъ призывать въ помощь простой народъ, „хлоповъ, простыхъ шевцовъ, седелниковъ и кожемяковъ“ противъ поповъ, епископовъ и митрополитовъ для поддержанія православной церкви, значить долженъ былъ подымать пасомыхъ противъ пастырей, искать опоры въ такой организаціи, какой были церковныя братства, организаціи, пропитанной западно-европейскимъ реформаціоннымъ духомъ.

Жизнь поставила его на рубежѣ двухъ міровъ, двухъ историческихъ теченій, въ самый центръ возгорающейся между ними борьбы. Съ одной стороны православіе, тѣсно сплоченное съ византійскимъ міровоззрѣніемъ, византійскою косностью и неподвижностью, съ другой стороны врывающіяся съ запада струи гуманизма, подтачивающаго весь древній строй жизни и распатывающаго древнія вѣрованія. Что борьба этихъ міровыхъ теченій должна была отразиться въ душѣ самаго Іоанна Вишенскаго, человѣка горячаго, энергическаго, честнаго и неустрашимаго, прежде чѣмъ онъ рѣшился безповоротно идти въ томъ или другомъ направленіи, это было бы само собой понятно, даже ежели бы мы не имѣли въ его собственныхъ прямыхъ словахъ указаній на такой душевный переломъ. Страстно любя свой народъ и съ ужасомъ замѣчая, какъ новое, западное теченіе отчуждаетъ цѣлыя семьи, цѣлые слои отъ русскаго народа, онъ порѣшилъ, что для Руси только одно спасеніе—совершенно замкнуться отъ всѣхъ постороннихъ вліаній, отказаться отъ мірскихъ наукъ, просвѣщенія, литературы, культуры, и углубиться въ одно только священное писаніе, да въ чтеніе и изученіе книгъ церковныхъ. Конечно,

¹⁾ С. Годубевъ, Петръ Могила, т. I, стр. 114.

сдѣлать это было невозможно, какъ невозможно повернуть вспять колеса исторіи—и Юаннъ Вишенскій быть смятъ и забыть въ послѣдующее затѣмъ бурное время. То, противъ чего онъ такъ ревностно ратовалъ,—западная премудрость, риторика и діалектика съ Платонами и Аристотелями, положено было въ послѣдствіи во главу новаго православнаго просвѣщенія. То, что онъ считалъ наиболѣе враждебнымъ Руси и православію, употреблено было Могилой, Барановичемъ, Голятовскимъ и другими, какъ мощное оружіе въ защиту православія, создало цѣлую русскую литературу, отражавшую въ себѣ кровные интересы южнорусскаго населенія и поддерживавшую въ этомъ населеніи духъ прогресса и развитія. Идеалъ Юанна Вишенскаго былъ забытъ и брошенъ, но методъ его дѣйствія былъ принятъ и развивался съ большей или меньшей послѣдовательностью. Южнорусскіе писатели XVII стол. всѣ обращаются къ массамъ, ищутъ опоры въ братствахъ, стараются писать языкомъ тѣхъ круговъ, къ которымъ говорятъ, а именно языкомъ славянскимъ, перемѣшаннымъ съ малорусскимъ и польскимъ, когда обращаются къ духовенству или начитанному въ книгахъ церковныхъ мѣщанству, языкомъ почти чисто малорусскимъ, когда говорятъ къ простому народу, и языкомъ польскимъ, когда говорятъ къ ополаченной шляхтѣ. Юаннъ Вишенскій былъ великъ и плодотворенъ не въ силу своихъ аскетическихъ и византійскихъ идеаловъ, но въ силу формы своихъ сочиненій и метода религіозной пропаганды.

Вотъ почему мнѣ кажется совсѣмъ не удивительнымъ, что имя его было уже во второй половинѣ XVII стол. почти совершенно забыто, что сочиненія его не печатались, и разбросанныя пролежали подъ спудомъ въ пыли монастырскихъ библіотекъ даже до нашихъ дней, или даже совсѣмъ пропали. Это были пламенные полемическіе памфлеты, рассчитанные на непосредственное дѣйствіе. Аргументы, выдвинутые имъ въ защиту православія, не отличались ни новизной, ни глубиной; иногда онъ даже и не трудился надъ изысканіемъ надлежащихъ аргументовъ, но вмѣсто того бросалъ въ народъ мѣткое слово, кличку, пластическую шутку или параболу, хорошо зная, что такое оружіе на простые умы почти всегда дѣйствуетъ сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ са-

мые тонкіе богословскіе резоны. Все это для послѣдующихъ поколѣній было недостаточнымъ; съ точки зрѣнія схоластической учености посланія Іоанна Вишенскаго были не болѣе, какъ блестящія импровизаціи, но не ученые трактаты, какіе были нужны. Вотъ почему сочиненія эти не цитировались и авторъ ихъ былъ забытъ.

Въ добавокъ нужно замѣтить, что и самъ Іоаннъ Вишенскій почти ничего не сдѣлалъ для упроченія за своими сочиненіями того мѣста въ литературѣ, какое имъ принадлежало. Отправивъ какое нибудь изъ своихъ посланій на Русь, онъ, кажется, болѣе не заботился объ его судьбѣ. Рукопись, изъ которой я извлекъ нижеслѣдующее его сочиненіе, есть единственное свидѣтельство того, что одно время онъ думалъ о собраніи своихъ сочиненій въ одну книжку, не заботясь однако объ ея печатаніи, и рассчитывая только на ея рукописное распространеніе. Изъ интересной монографіи проф. Сумцова объ Іоаннѣ Вишенскомъ (К. Стар. 1885, апрѣль) читатели могли убѣдиться, какъ мало собственно мы знаемъ о жизни и личности знаменитаго полемиста. Мы не знаемъ даже его мірскаго имени и фамиліи, такъ какъ имя Іоаннъ было очевидно его монашескимъ именемъ, а фамиліи своей онъ никогда не называлъ. Изъ того, что онъ подписывался „Мнихъ Іоаннъ изъ Вишни“, мы можемъ развѣ догадываться, что мѣстомъ его рожденія былъ городокъ Судова Вишня, лежащій въ Галиціи близъ Львова. Городокъ этотъ былъ обыкновеннымъ сборнымъ пунктомъ для сеймиковъ воеводства русскаго. Весь фактическій матеріалъ о его жизни и значеніи исчерпывается двумя бѣглыми замѣчаніями Игнатія изъ Люборова въ составленной имъ біографіи Іова Княгиницкаго о двукратномъ пребываніи Іоанна въ нынѣшней Галиціи, на Покуты (коломіійскій округъ), да постановленіемъ собора кіевскаго 1622 года, который опредѣлилъ: „послать на Аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріяна и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ“. Изъ этого постановленія видно развѣ то одно, что Іоаннъ Вишенскій въ этомъ году былъ еще въ живыхъ. Кромѣ этой един-

ственной хронологической даты проф. Сумцовъ даже не пытался хронологически опредѣлять какія либо другія подробности.

Изъ сочиненій Іоанна Вишенскаго до появленія монографіи проф. Сумцова извѣстныхъ было только четыре „Посланія“, напечатанныхъ въ 1865 г. во второмъ томѣ „Актовъ, относящихся къ южной и западной Россіи“. Проф. Сумцову принадлежатъ заслуга, что онъ отстоялъ для Іоанна Вишенскаго также „Защипку мудраго латинника съ глупымъ русиномъ“, напечатанную въ приложеніи къ первому тому монографіи С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. Какую нибудь хронологическую послѣдовательность въ этихъ сочиненіяхъ проф. Сумцовъ не пытался установить. Кромѣ того онъ привелъ свидѣтельство архіепископа Филарета о двухъ до сихъ поръ ненапечатанныхъ сочиненіяхъ Вишенскаго, а именно: 1) Наставленіе въ благочестіи старицѣ Доминикіи и 2) Позорище мысленное. Кромѣ того въ концѣ предисловія къ „Защипкѣ“ Вишенскій упоминаетъ еще о трехъ своихъ сочиненіяхъ, посланныхъ имъ съ Аѳонской горы на Русь, а именно: 3) Древо, зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла, 4) Церковца, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 5) Маленькая пѣсенька церковная.

Мнѣ посчастливилось найти на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ въ воспоминаніе 900-лѣтней годовщины крещенія Руси и только на дняхъ закрытой,—значительный отрывокъ рукописнаго собранія сочиненій Іоанна Вишенскаго. Отрывокъ этотъ содержитъ: 1) краткое предисловіе, которое оканчивается стихотвореніемъ, 2) оглавленіе всего, что содержалъ въ себѣ сборникъ, а именно перечень десяти сочиненій, изъ коихъ пять (или шесть) были до сихъ поръ извѣстны, одно печатается мною въ приложеніи къ этой статьѣ, а три остаются пока неизвѣстными, и, быть можетъ, совсѣмъ затерялись. Въ самомъ сборникѣ мы находимъ дальше: 3) „О чину прочитанія сего писанія“, небольшую, но крайне интересную статейку. Она интересна по своему содержанію, а также и потому, что почти буквально (кромѣ ошибокъ въ переписываніи и прочтеніи)

находится, какъ послѣсловіе къ второму полемическому сочиненію, „Краткословный отвѣтъ Феодула, въ святѣй афонстѣй горѣ скитствующаго“ и проч., извлеченному С. Голубевымъ вмѣстѣ съ „Зачапкой“ изъ одного рукописнаго сборника и напечатанному въ приложеніяхъ къ первому тому его монографіи о Петрѣ Могилѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что „Краткословный отвѣтъ Феодула“ принадлежитъ Іоанну Вишенскому. Дальше слѣдуетъ маленькая статейка: 4) „Ко прочитателю на еднѣ сего писаня“, послѣ которой идутъ поименованныя въ оглавленіи сочиненія, а именно: 5) „Обличеніе діавола миродержца“; 6) „Писаніе до князя Василя Острожскаго“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“ вмѣстѣ съ поименованной въ нашемъ оглавленіи подъ г̃ „Порадой“; въ нашемъ сборникѣ оба эти сочиненія составляютъ какъ будто одно цѣлое; 7) „Писаніе до всѣхъ обще въ людской земли живящихъ“, напечатанное въ „Актахъ ю. и з. Россіи“, и 8) значительный отрывокъ „Писанія къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ“. Ежели мы названное въ нашемъ оглавленіи подъ ѣ сочиненіе „Загадка философъ латинскимъ“ отождествимъ съ „Зачапкой“, которую и самъ авторъ въ заглавіи называетъ тоже „гаданіемъ или бесѣдой“, въ текстѣ же (стр. 79) прямо называетъ загадкой („Конецъ загадцѣ и отвѣта мудраго съ глупымъ“), то останутся еще три тамъ поименованныя, и до сихъ поръ неизвѣстныя сочиненія нашего автора, а именно: 9) О еретикахъ, 10) Слѣдъ краткій и 11) Новина. Ежели присовокупить къ этому списку еще пять выше поименованныхъ, и до сихъ поръ неизвѣстныхъ сочиненій, то увидимъ, что число всѣхъ сочиненій, написанныхъ нашимъ авторомъ, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія, простирается до шестнадцати, изъ коихъ ровно половина до сихъ поръ приведена въ общественную извѣстность.

На основаніи этихъ сочиненій мы можемъ съ приблизительной точностью опредѣлить еще нѣсколько моментовъ изъ жизни Іоанна Вишенскаго.

Прежде всего „Краткословный отвѣтъ“ даетъ намъ одну цѣнную автобіографическую подробность. Говоря о лжи и прелести латинанъ, авторъ рассказываетъ: „и я нѣкогда въ той пробѣ

былъ, и самъ своимъ слухомъ латинскаго оратора свѣдчилъ... Латинскій ораторъ, достоинствомъ сана мистръ, имѣлъ дружбу со мною въ Луцку, и не утаилъ тѣлесное пожадлиности предо мною, котораго звятяжець былъ, ато, какъ блуда отъ цнотливые девицы прагнуль, и не могъ повабками того себѣ зъеднати.... рѣчьми сладкими и бесѣдами прельстиль дѣвицу и тѣмъ словеснымъ похлебствомъ цноту дѣвицы украсть“ (Голубевъ. Приложения, 114—115). Здѣсь мы имѣемъ прямое указаніе на то, что Іоаннъ Вишенскій до написанія этого сочиненія долгое время жилъ въ Луцкѣ, гдѣ пользовался дружбою и очень короткимъ знакомствомъ какого то знатнаго лица изъ числа латинскаго духовенства. Можно сомнѣваться, чтобы это могло случиться послѣ его постриженія въ монахи, и послѣ того, какъ мысль его приняла извѣстное, рѣшительно аскетическое и латинству враждебное направленіе. По всей вѣроятности мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, происшедшимъ еще въ то время, когда писатель нашъ былъ мірскимъ человѣкомъ и молодымъ. Какъ нужно понимать слова: „и я вѣкогда въ той пробѣ былъ“,—говорить ли здѣсь Іоаннъ Вишенскій объ искушеніяхъ, какія представляла ему похоть людская (что менѣе вѣроятно), или же о тѣхъ искушеніяхъ, въ какія вводили его краснорѣчивые и льстивые латинскіе ораторы—этого рѣшить не берусь. Быть можетъ даже, что фактъ обезчещенія дѣвушки знатнымъ латинскимъ всендзомъ и его другомъ произвелъ на нашего писателя сильное впечатлѣніе и далъ его мыслямъ рѣшительный толчокъ въ направленіи къ аскетизму.

О пребываніи Іоанна Вишенскаго въ Луцкѣ мы имѣемъ еще другія свидѣтельства въ его сочиненіяхъ. Такъ, въ своемъ „Писаніи къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ“ онъ обращается къ Кириллу Терлецкому, епископу луцкому, съ слѣдующими словами: „Пощунайся толко въ *мысую* головку, ксенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ, однихъ сѣканюю, другихъ водотопленюю, третьихъ огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ?.... *Вспомнани и Филипа маляра* многопѣняжнаго. Камо тые румяные золотые по его невольномъ отходѣ остались, и въ чіемъ вынѣ везеню сидятъ?“ (Арх. ю. и з. Россіи, стр. 320). Какъ видимъ

изъ этого обращенія, „мнихъ аеонскій“ хорошо зналъ Терлецкаго и всю его подноготную. Не менѣе хорошо онъ зналъ и втораго коновода Берестейской уніи Діонисія Збируйскаго, епископа холмскаго, о которомъ въ томъ же посланіи говорить: „Также холмскій, *коли въ Луцку жилъ*, Сексономъ и Майдебурскимъ правомъ свое череве кормиль“ (Акты, стр. 231). Значитъ, Іоаннъ Вишенскій зналъ Збируйскаго тоже въ Луцкѣ, когда тотъ занимался въ томъ городѣ судебной практикой.

Въ посланіи къ князю Василю К. Острожскому мы имѣемъ намеки на то, что Іоаннъ Вишенскій бывалъ въ Острогѣ (что очень естественно въ виду его долгаго пребыванія въ недалекомъ Луцкѣ), Жидичинѣ и др. мѣстахъ Волыни и Подолія. Въ Острогѣ онъ видалъ народный обычай—класть пироги и яйца на гробахъ покойниковъ, въ Жидичинѣ же его возмутили праздничныя ярмарки (Акты, стр. 223). Что авторъ нашъ имѣлъ обыкновение въ посланіяхъ своихъ специально упоминать мѣста, въ которыхъ самъ побывалъ, на это мы имѣемъ доказательство въ предисловіи „Зачапки“, которую онъ адресуетъ „Благочестивымъ и православнымъ христіаномъ малое Росіи, братству лвовскому и виленскому, *таже встѣмъ подгорскимъ обывателямъ*, гражданамъ и началствующимъ въ своихъ державахъ рода шляхецкаго и повсюду обще, *по Куту и Волыню* и проч.“ (Голубевъ, Приложение, стр. 67). Какъ увидимъ ниже, „Зачапка“ писана была послѣ пребыванія автора въ галицкомъ Подгорьи и Покуты, о которомъ онъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ не упоминалъ.

Изъ его монашеской жизни мы можемъ хронологически опредѣлить одну дату. Въ житіи Іова Княгиницкаго (Зоря Гал., стр. 233) читаемъ, что князь Василій Острожскій запросилъ Іова въ Дермань и поручилъ ему устройство дерманскаго монастыря и типографіи. „И многимъ тамо (Іовъ) на успѣхъ бысть, труждахся, помогая въ духовныхъ же и телесныхъ и въ друкарни; *тогда охтай друковаху*. По семъ возвратися въ свою обитель до Угорникъ и въ той часъ отецъ Іоанъ Вишенскій другъ его отъ святыя горы прійде и поживъ съ ними нѣколико время“. Октоихъ дерманскій изданъ былъ въ 1604 году, поэтому можно

полагать, что путешествіе Іоанна съ Аѳонской горы въ Угорники случилось около 1605 года.

Въ Угорникахъ (теперь небольшая деревня близъ мѣстечка Отини, коломыйскаго округа), Іоаннъ пробылъ въ первый разъ недолго—„нѣколико время“. Куда направился онъ изъ Угорникъ житіе не говоритъ, упоминаетъ только о совѣщаніи Іоанна съ Іовомъ Княгиницкимъ о пустынножительствѣ („потомъ оба совѣщавшися, жесточайшаго, безмольвнаго житія желающе“) и объ удаленіи Іова въ горы. Кажется, что Іоаннъ остался еще нѣкоторое время въ Угорникахъ, на то намекаетъ извѣстіе того же житія, что Іовъ, удаляясь въ пустыню, вручилъ Іоанну „сыновца своего Дмитра“, съ которымъ Іоаннъ впослѣдствіи отправился въ горы въ окрестности Краснополя (теперь городокъ Юлотвина), гдѣ Іовъ жилъ отшельникомъ въ лѣсахъ недалеко отъ села Жарковы надъ рѣчкой Манявкой¹⁾ „Потомъ же Іоаннъ Вишенскій взявши отрока сыновца его (Іова) Дмитра, иже бѣ вручилъ ему старецъ, прииде, и пребыть и той съ нимъ время не мало“—говоритъ авторъ житія („Зоря Гал.“ 234). Какъ долго пробылъ въ томъ безлюдномъ мѣстѣ нашъ писатель, объ этомъ мы можемъ составить себѣ хотя и приближительное, но все таки довольно опредѣленное понятіе. Вотъ что мы далѣе читаемъ въ житіи: „Іоаннъ же Вишенскій поживши zde, паки отходитъ въ святую гору, оставль при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтовавше и моляше ѿ не отлучатися отъ горъ сихъ и пустыня, ибо есть, рече, прилично мѣсто спастися хотящимъ, еже и событсѣя... И въ то время преставися Ексарха великаго ерону константинопольскаго, Гедіонъ Балабанъ, епископъ львовскій“. (З. Гал. стр. 234, 235). А такъ какъ Гедіонъ Балабанъ умеръ въ 1607 году, то ясно отсюда, что пребываніе Іоанна Вишенскаго въ покутской Руси длилось безъ малаго два года (1605—1607). Вотъ и все, что мы можемъ болѣе или менѣе достовѣрнаго сказать о жизни знаменитаго полемиста.

Попробуемъ теперь коснуться вопроса о хронологической послѣдовательности сочиненій Іоанна Вишенскаго. Нѣтъ сомнѣній,

¹⁾ Смотри „Исторія Скиту Манявскаго“, написавъ и уложивъ д-ръ Юліанъ Целевичъ у Львовѣ 1887, стр. 12.

что особеннаго интереса опредѣленіе это пока не составляет. Іоаннъ Вишенскій, повидимому, началъ писать уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда его міровоззрѣніе и его понятія уже совершенно сложились и кристаллизировались, а поэтому въ его сочиненіяхъ мы не замѣчаемъ почти никакихъ признаковъ индивидуальнаго развитія. Тѣмъ не менѣе однакожъ опредѣленіе хронологической послѣдовательности сочиненій можетъ быть не безъ пользы для историка южнорусской литературы того времени, какъ и для оцѣнки современнаго религіознаго и общественнаго движенія.

Едва ли не первое по времени изъ извѣстныхъ намъ сочиненій Іоанна Вишенскаго есть его посланіе къ князю Острожскому. Посланіе это былъ отвѣтомъ на изданную православными въ 1597 г. книжку *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw ktore się działy na partykularnym to jest pomiestnym synodzie w Brześciu Litewskim*“, изображавшую незаконныя дѣйствія митрополита Михаила Рогозы и епископовъ, принявшихъ унію, равно какъ и на книгу, защищавшую этотъ соборъ. Почти одновременно съ этимъ посланіемъ должно было быть написано и „Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ“. Изъ заглавія этого писанія видно, что оно составлено еще при жизни митрополита Михаила Рогозы, умершаго въ 1600 году. Значить, оба эти сочиненія должны быть отнесены къ послѣднимъ годамъ XVI стол., а именно 1596—1600.

Что касается опредѣленія времени составленія двухъ другихъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, а именно „Зачапки“ и „Краткословнаго отвѣта“, то для этого мы имѣемъ нѣкоторыя данныя въ самихъ этихъ сочиненіяхъ. „Краткословный отвѣтъ“ есть опроверженіе втораго изданія сочиненія Скарги „*O jedności kościoła Bożego*“. Изданіе это вышло въ 1590 году въ Краковѣ, и прислано было нашему автору патріархомъ александрійскимъ Мелетіемъ Пигасомъ „для изьявленія лжи“ этого іезуитскаго сочиненія. Такъ какъ Мелетій Пигасъ умеръ въ 1601 году, а въ „Краткословномъ отвѣтѣ“ о немъ говорится, какъ о живомъ, то сочиненіе это должно было быть составлено въ періодъ 1590—1601, скорѣе всего во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія XVI в. или въ первомъ году XVII в.

„Зачапка“ написана нѣсколькими годами позже. Не только Мелетій Пигасъ, но и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ упоминаются въ ней, какъ покойные,—значить, сочиненіе это написано уже послѣ 1607 года, по возвращеніи Іоанна Вишенскаго изъ Покутья.

Такъ какъ въ прилагаемомъ ниже оглавленіи „Зачапка“ или „загадка“ упоминается, то несомнѣнно и эта попытка собранія всѣхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго принадлежитъ времени позднѣйшему, послѣ 1607 года. Когда появились прочія извѣстныя намъ сочиненія нашего автора—объ этомъ судить мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Миронъ.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

ПОВѢСТЬ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) ¹⁾.

I.

Какъ все ожило въ селѣ въ тотъ день! Передъ каждою стодолою суетились мужчины, женщины и дѣти, разстилали по землѣ мокрое сѣно, разставляли на солнцѣ снопы жита и овса; всѣ двигались проворно, схватывали одно, бѣжали за другимъ, какъ бы желая сразу сдѣлать десять дѣлъ. Женщины торопливо, дрожащими отъ поспѣшности руками развѣшивали на плетняхъ только что вымытое бѣлье, длинные куски полотна, мокрые ко-
жухи и свиты; затѣмъ опрометью бросались въ хату, выносили оттуда пучки укропу, льна и конопли и также разставляли ихъ между колышками плетня; наиболѣе заботливыя даже дѣтей въ колыбелькахъ выносили изъ душныхъ хатъ на солнце, клали ихъ на самомъ припекѣ, гдѣ не было для тѣни даже и стебелька травы. Въ поле выгнали весь скотъ крупный и мелкій; изъ хатъ вышолзали дряхлые и больные старики и пригрѣвшись на солнышкѣ, съ наслажденіемъ вдыхали изсохшею грудью теплый, живительный воздухъ. Въ огородѣ у Якова среди желтыхъ гвоздикъ и георгинъ, прибитыхъ къ землѣ продолжительными дождями и первыми замо-

¹⁾ Повѣсть г-жи Ostoja, помѣщенная въ журналѣ Ateneum за 1888 г., подъ заглавіемъ „Zły duch“.

розками, стоялъ больной мальчикъ подростокъ, босой, въ отцовскомъ кожухѣ на плечахъ. Наванунѣ ему уже давали въ руки страстную свѣчку, но теперь и онъ выползъ на воздухъ, видно всеобщее оживленіе, сообщилося и ему, придавъ новыя силы. Онъ стоялъ, прислонившись въ плетню, стуча зубами, глядя угасшими глазами на залитыя солнцемъ крыши, жадно ловилъ воздухъ, но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, задыхаясь кашлялъ и изо всѣхъ силъ хватался за плетень, какъ бы изъ боязни, чтобы вѣтеръ не унесъ его, не загналъ обратно въ избу, гдѣ смерть подстерегала его изъ всѣхъ темныхъ, закоптѣлыхъ угловъ. Кажется, если бы покойникъ всталъ изъ могилы и прошелся по улицамъ, никто не обратилъ бы на него вниманія,—такъ сильно страшилъ всѣхъ призракъ голода, притаившійся за снопами проросшаго хлѣба, выглядывавшій изъ-за кучъ на половину гнилаго картофеля.

Проливные дожди чуть не затопили деревни, подмыли старыя хаты, залили дырявыя *оборы*; въ теченіи нѣсколькихъ недѣль скотъ стоялъ по колѣни въ водѣ, а людей сушила тоска, страхъ и надрывающее душу сознаніе своего безсилія. Песчаный берегъ Нѣмана, размякшій отъ дождя, обрушивался мало по малу, унося съ собою часть плетней и огородныхъ овощей вмѣстѣ съ землею, а люди въ страхѣ ожидали, что скоро наступитъ очередь и ихъ хатъ, протянувшихся длиннымъ рядомъ вдоль берега; иные опасались даже свѣтопреставленія. Что было дѣлать? Почти всѣ, и старыя, и молодыя, спали по цѣлымъ днямъ, а проснувшись выходили на улицу, чтобы еще разъ взглянуть на свинцовое небо, на мокрую землю, на потемнѣвшія отъ дождя изгороди и постройки, наконецъ, на сосѣда, также стоящаго за воротами, съ тѣми же заспанными глазами глядящаго на мокрый міръ. Самые старыя за весь свой долгій вѣкъ не спали такъ много, какъ въ то несчастное лѣто. Въ избахъ было душно, какъ въ ковчегѣ во время потопа, такъ какъ въ нихъ, кромѣ спящихъ людей, пребывали во время ливня всѣ куры, поросята, козы, а на ночь загонялись туда же овцы и коровы; все это вялое и освѣлое, подобно ихъ владѣльцамъ, ѣло и дремало въ ожиданіи лучшей погоды. Наконецъ ливень превратился въ обыкновенный дождь съ вѣтромъ; страшный вихрь подбрасывалъ пѣнистыя волны рѣки

на высокій берегъ, срывалъ промокшія крыши, выворачивалъ изъ земли легкія изгороди, разрушалъ все на своемъ пути—однѣ только избы уцѣлѣли какимъ то чудомъ. Люди спали уже только до полудня, затѣмъ выглядывали то въ окна, то въ двери, прислушивались, соображали, пока наконецъ не дождались осенней погоды сухой и свѣжей; всѣ ободрились, словно ожили, даже тѣ, чьи глаза совсѣмъ запухли отъ сна, и тѣ веселѣе глядѣли на ясный свѣтъ.

Въ селѣ люди загудѣли, какъ пчелы въ ульѣ: закипѣла вездѣ неоконченная работа. Всюду, гдѣ спала вода, на лугахъ, на поляхъ, гдѣ чернѣлъ еще неубранный картофель, сновали люди, какъ муравьи, отогрѣтые весеннимъ солнцемъ. Къ полудню подошли туда же и старики, чтобы еще разъ собственными глазами посмотрѣть на вымокшее сѣно, на гнилой картофель, сравнить убытки этого года съ прежними, еще разъ припомнить свои лучшія времена и погоревать о настоящемъ. Вскорѣ деревня совсѣмъ опустѣла. Каждый, миновавшій послѣднюю избу надъ рѣкою, съ удивленіемъ замѣчалъ, что даже старый Чмель на этотъ разъ выцолзъ изъ хаты, усѣлся на *прызбѣ* противъ солнца и, обводя взглядомъ пустое подворье, то обращалъ потухшіе глаза къ воротамъ, то поворачивалъ голову во всѣ стороны, точно впервые ему пришлось видѣть свѣтъ Божій. Худошавый старикъ, лысый, съ сѣдою бородою, съ впалыми висками напоминалъ собою лики святыхъ на иконахъ, только наброшенная на плечи свита, вся въ заплаткахъ, нарушала сходство; подлѣ него стояла на завалинкѣ деревянная коновка съ водою и кусокъ хлѣба съ солью, чтобы онъ не голодалъ въ одиночествѣ, пока сыновья съ женами воротятся съ поля.

—Ого! видно и Евку погнали на работу! замѣчали бабы, поглядывая на опустѣлое подворье и на дверь хаты, заложенную колышкомъ.

Всѣмъ было некогда, всѣ торопились, но передъ этою хатою каждый останавливался на минуту и, отходя, все еще оглядывался на нее съ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; одна баба вскочила даже во дворъ, заглянула въ око-

печко, въ *обору*, въ огородъ. Нигдѣ—никого.—Ни души живой, крикнула она и бросилась догонять сосѣдокъ.

Старикъ проводилъ ее взглядомъ и пожалъ плечами, какъ бы удивляясь тому, что баба скачетъ, какъ коза, между тѣмъ какъ онъ едва можетъ выйти изъ хаты опираясь на палку; совсѣмъ нѣтъ силы въ ногахъ—прохворалъ цѣлое лѣто, а здоровье и силы все какъ то не возвращаются. За то сегодня онъ чувствуетъ себя значительно крѣпче, легче.... какъ то даже необыкновенно легко. Если бы хоть немного силы, пошелъ бы и онъ съ другими въ поле, на лугъ... съ палкою, съ угрозою, какъ прежде. Безъ его надзора вѣдь все идетъ изъ рукъ вонъ плохо!... Эхъ! и думать не стоитъ о томъ, что онъ пережилъ, и что видѣлъ въ послѣдніе годы. Богъ имъ судья!... Можетъ быть выгнали бы изъ хаты, пустили бы по міру, если бы не деньги—небольшія сбереженія, собранныя еще въ лучшія времена, когда онъ самъ всю семью держалъ въ рукахъ. Еще и теперь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, окостенѣвшіе пальцы невольно сжимаются въ кулакъ. Деньги эти онъ тщательно скрываетъ... Какъ ни разнюхиваютъ домашніе, какъ ни ищутъ, ни выслѣживаютъ, но не найти имъ ихъ!... Можетъ быть они рассчитываютъ на сотни, на тысячи... Пусть ихъ рассчитываютъ, отъ того не прибудетъ и не убудетъ! Пускай себѣ люди рассказываютъ небылицы о его богатствѣ,—онъ одинъ знаетъ правду, знаетъ также и то, что ни одна рука человѣческая не можетъ обокрасть его. вмѣстѣ съ своимъ сокровищемъ онъ прячетъ старинный грошикъ, тоненькій, потемнѣвшій, полученный имъ отъ нищаго за пару кислыхъ огурцовъ. Нищему онъ достался послѣ знаменитаго вора, не разъ обкрадывавшаго и панскіе дворы, и костелы и всегда счастливо уходившаго отъ преслѣдованія, пока наконецъ онъ, купаясь, не оставилъ на берегу этой монетки вмѣстѣ съ одеждою: его поймали въ то время и вагишомъ повели въ „холодну“. Многіе старались тогда добыть этотъ грошикъ—и паны, и священники, и евреи, но нищій ни за что не соглашался уступить его, не разставался съ нимъ ни на минуту и, хотя онъ и днемъ, и ночью одинъ ходилъ по лѣсамъ и оврагамъ, никогда его никто не ограбилъ, даже въ такіе дни, когда у него, кромѣ палки и дырявой сермяги, бы-

валь въ сумѣ и мягкій хлѣбъ, и горсть соли, а въ пазухѣ нѣсколько мѣдныхъ грошей и полная тавличка табаку. Съ тѣхъ поръ, какъ старій Чмель обладалъ этимъ талисманомъ, онъ еще заботливѣе пряталъ кашуки съ деньгами. Раньше бывало сыновья видали иногда этотъ дорогой кашукъ, когда ему приходилось доставать деньги на уплату податей или на другіе расходы; теперь же онъ и самъ забывалъ по временамъ, куда спряталъ его. Подъ конецъ однако старикъ отыскалъ для своего сокровища одно укромное мѣстечко и когда сосѣди говорили шутя, будто онъ закапываетъ деньги въ землю, старикъ не возражалъ, чтобы не давать повода къ излишнимъ распросамъ и догадкамъ. Въ теченіи своей болѣзни онъ уже нѣсколько разъ собирался отдать все старшему сыну, но какъ только начиналъ думать объ этомъ, силы какъ то возвращались снова, онъ понемногу поправлялся и чувствовалъ, что еще проживетъ годъ—другой, а можетъ быть и больше. А между тѣмъ, разъ упустивши казну изъ рукъ, онъ неизбѣжно утратитъ свой почетъ и значеніе въ домѣ. Теперь его по временамъ поятъ чаемъ съ перцемъ, который варятъ исключительно для него, хотъ и въ пропитанномъ жиромъ горшечкѣ, пищу исправно подаютъ ему на печь. А тогда, почему знать, можетъ быть, пришлось бы умереть отъ голода... Пускай себѣ думаютъ, что получаютъ въ наслѣдство сотни серебряныхъ рублей. Эхъ! Будь у него столько денегъ, какъ говорятъ, онъ давно бы уже купилъ хату и землю для Петра, самаго младшаго своего сына. Максимъ и Ѳедоръ унаслѣдуютъ материнскую землю и усадьбу, а тотъ бѣдняга останется ни съ чѣмъ, одинъ, какъ перстъ въ цѣломъ свѣтѣ. Родился онъ отъ бѣдной работницы, до самой смерти остававшейся въ услуженіи у Чмеля; то была сильная, мускулистая дѣвушка и до послѣдняго дня жизни трудилась, какъ волъ.... Скончалась она въ самый полдень весною, въ такой же ясный, тихій день, какъ и сегодня. Старикъ никогда не слышалъ отъ нея ни одного укора, развѣ только изрѣдка приговаривала она курамъ или коровамъ... а передъ смертью какъ то вдругъ разговорилась...

— Не обижай Петра, пожалѣй сироту! хотѣла еще что то сказать, да не стало голосу или, можетъ быть, словъ; она поцѣло-

вала его руку, словно благодарила за свою горькую участь. Онъ самъ отеръ съ ея лица послѣднія двѣ слезы, какія выплакала она на этомъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ Чмель не могъ уже найти такой тихой, работающей служанки. Онъ схоронилъ ее, поставилъ на могилѣ большой черный крестъ между двумя соснами; а деревенскій столяръ написалъ на немъ: „Маріе Дѣво, молись за насъ, тяжкихъ грѣшниковъ.“ Напрасно доказывали ему сосѣди, что покойница называлась Гапка и не была дѣвою; столяръ въ концѣ концовъ успѣлъ убѣдить ихъ въ томъ, что всѣ имена равны передъ Богомъ, а на томъ свѣтѣ никто не отличить дѣвушки отъ замуженной женщины. Надпись осталась на своемъ мѣстѣ, а Чмель, проходя мимо кладбища, всегда смотрѣлъ въ ту сторону. Тамъ гдѣ то была могила и настоящей его жены, но та умерла такъ давно, что онъ забылъ даже и мѣсто, гдѣ она похоронена. Да и сыномъ Гапки онъ занимался больше, чѣмъ старшими дѣтьми! иногда большаго уже мальчика бралъ онъ на руки, если, возвращаясь съ поля, встрѣчалъ его гдѣ нибудь на улицѣ подъ заборомъ. Не давалъ его въ обиду, кормилъ, какъ могъ, и радовался въ душѣ, что мальчикъ выросталъ сильный, здоровый, румяный, хотя немного туповатый. Замѣтивъ гдѣ нибудь по пути хорошую хату съ огородомъ, съ участкомъ земли, Чмель всегда думалъ, что такую же точно купить онъ и для Петра. Раза два освѣдомлялся, прицѣнивался, торговалъ даже, но когда дѣло приходило къ расплатѣ,—какъ то откладывалъ, рассчитывалъ еще.... Приносилъ ему съ поля молодыхъ зайчиковъ, птичекъ или хорошую палку, которую мальчикъ тотчасъ обращалъ въ коня; отправляясь за добычею въ чужой садъ или огородъ, Петрусь всегда оставлялъ своего коня у забора и шелъ воровать безъ всякаго опасенія, увѣренный въ помощи отца, который всегда во время являлся на выручку. Сосѣди предсказывали, что хлопецъ вырастетъ воромъ; онъ дѣйствительно выросъ и сдѣлался сильнымъ, плечистымъ парубкомъ, молчаливымъ и работающимъ, какъ нѣкогда мать его.

Жена старшаго брата Максима, замѣнившая хозяйку въ домѣ, съ каждымъ годомъ шила ему рубахи все шире и шире; онъ былъ выше всѣхъ въ цѣломъ селѣ, сгорбился прежде вре-

мени и постоянно смотрѣлъ въ землю; только оставшись одинъ на одинъ съ отцомъ, молодой челоувѣкъ подымалъ голову и устремлялъ на него ясныя, робкіе глаза, словно съ нѣмымъ вопросомъ: что со мною будетъ, татуню? Старикъ хмурился, иной разъ выходилъ даже изъ хаты недовольный, въ раздумьи почесывая затылокъ и самъ не зная, какъ тутъ быть. Деньги какъ будто были... да впрочемъ, что это за деньги! Такая малость, а вѣдь это кровавый потъ, тяжелая работа всей его жизни съ цѣлой семьей... При одной мысли о томъ, что придется отдать ихъ, сердце старика болѣзненно сжималось, имъ овладѣвалъ гнѣвъ, онъ шелъ въ поле или брался за какую нибудь работу, чтобы отогнать недобрыя мысли. То вдругъ онъ дарилъ Петру свой старый кожухъ, обѣщалъ слѣпую кобылу, но тотъ словно и не слыхалъ, забывалъ даже поблагодарить отца и только все чаще и чаще останавливалъ на немъ боязливый взглядъ.

— Не бойся, далъ Богъ кровь, дастъ и пищу—ободрялъ его старикъ.

Петръ молчалъ, громко сопя и поглядывая изъ подлобья то вправо, то влѣво.

— Послѣ можетъ быть... гдѣ нибудь... нужно будетъ... какъ нибудь... вотъ, такъ... эхъ, воля Божья во всемъ... Молодой челоувѣкъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, выжидая болѣе ласковаго слова, но старикъ останавливался, вздыхалъ и уходилъ, махнувъ рукою, не желая давать преждевременныхъ обѣщаній; онъ самъ себя обманывалъ, и хотѣлъ сдѣлать что нибудь, и боялся рѣшиться, откладывалъ изъ года въ годъ, пока наконецъ не заболѣлъ. Только тогда вспомнилъ онъ, что въ случаѣ его смерти парубокъ останется ни съ чѣмъ, безъ всякихъ правъ на наслѣдство; въ тяжелой болѣзни мысль эта преслѣдовала его постоянно, онъ хотѣлъ было даже потолковать съ сосѣдями,—все какъ то не приходилось къ слову. Пришлось бы вынуть деньги изъ тайника, показать, отдѣлить часть—но... лучше обождать еще немного; а тутъ подошли теплые дни, больной какъ то вдругъ ожилъ.... теперь онъ совсѣмъ здоровъ, не чувствуетъ ни какой боли, только временами какъ будто нѣкоторая еще слабость и сонливость.

— Будущею весною, если дастъ Богъ дожить, куплю ужъ непремѣнно... что будетъ, то будетъ; пусть хоть говорятъ, хоть не говорятъ, а я куплю хату... землю... повторялъ онъ какъ бы сквозь сонъ.

Солнце стояло высоко, надъ самою хатою и давно уже согрѣвало старика съ ногъ до головы жгучими лучами. Онъ спустилъ съ плечъ кожухъ, протянулъ ноги и медленно расправилъ старья, наболѣвшія кости; сонъ одолѣвалъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ закрылъ глаза и вдругъ ему почудилось, будто его подымаетъ какая то невидимая сила и уноситъ въ безграничное воздушное пространство... Село съ его околицею было передъ нимъ какъ на ладони... поля, залитыя солнцемъ, сивій Нѣманъ среди песчаныхъ, размытыхъ береговъ, поросшихъ темнымъ лѣсомъ.... Никогда въ жизни глаза его не видѣли такъ ясно, какъ въ эту минуту: каждый стебелекъ травы на пожелтѣлой *стерни* совершенно отчетливо видѣлся передъ его глазами. Всѣ дуга, лѣса, поля, какіе когда либо случалось видѣть въ жизни, теперь проходили передъ нимъ, смѣняясь одни другими и протянувшись длинными полосами туда далеко, гдѣ небо сходится съ землею. Старикъ смотрѣлъ и не могъ наглядѣться, съ наслажденіемъ вдыхалъ теплый воздухъ, а въ ухахъ раздавался какой то необычайный шумъ: жужжаніе пчелъ, отдаленный шелестъ деревьевъ, плескъ рѣчныхъ волнъ оглушали, одуряли его; казалось, всѣ звуки, нѣкогда слышанные имъ отдѣльно, теперь повторялись всѣ вмѣстѣ, только несравненно сильнѣе, отчетливѣе, словно въ цѣломъ мірѣ онъ одинъ видѣлъ и слышалъ за всѣхъ.

— Ой, Боже жъ мій мылый! вздохнулъ старикъ и раскрылъ глаза. Становилось свѣжо. Подулъ вѣтеръ съ поля, солнце спустилось за крышу и тѣнь отъ хаты ровною полоскою протянулась на половину двора; у старика окоченѣли ноги; холодъ, охватившій колѣна, подымался все выше по всему тѣлу, пронизывалъ его насквозь, отяжелѣвшія вѣки спускались сами собою и какая то бѣловатая дымка разстилалась передъ глазами, село и поля виднѣлись какъ бы въ туманѣ... А холодъ пронизывалъ его все сильнѣе; старикъ совсѣмъ окоченѣлъ и какъ то особенно вытянулся и выпрямился; въ груди чувствовалъ жаръ, а въ глазахъ

словно застывали стекловидныя слезы... онъ видѣлъ свою хату, стоящую на окраинѣ надъ самымъ обрывомъ, низкую, почернѣлую, съ поросшею мхомъ крышею; песчаный берегъ мало по малу осыпался у самаго ея основанія и комья песку медленно скатывались внизъ въ рѣку.

Старый Чмель закрылъ глаза; что то клонило его къ землѣ; онъ видѣлъ какъ на яву свою полянку близъ лѣса, тщательно вспаханную и забороненную, окаймленную зеленѣющею межою, и медленно склонялся къ ней, безъ опасенія, съ довѣрчивою улыбкою. Сколько разъ случалось ему лежать на этой межѣ въ полдень, отдыхая въ ожиданіи, пока выкормятся усталые отъ работы волю.

Солнце совсѣмъ зашло, сумерки спускались на землю, только крыши да верхушки деревьевъ блестѣли еще, залитыя красноватымъ свѣтомъ. У воротъ проходили люди съ граблями черезъ плечо, бабы съ пустою посудю, за ними мелкими шажками бѣжали дѣти, иные верхомъ на палкѣ, другіе просто пѣшіе. Каждый проходящій оглядывался на пустынный дворъ, на сидѣвшаго на *призбѣ* старика, и произносилъ обычное привѣтствіе, пастухъ крикнулъ ему, чтобы отворилъ ворота и впустилъ скотъ, но тотъ и не пошевельнулся, оставаясь сидѣть по прежнему, прислонившись къ стѣнѣ, опутивъ голову и сложа руки на колѣняхъ,—задремалъ ли онъ, или уснулъ на вѣки! Коровы постояли немного на улицѣ, потомъ сами, то съ помощью роговъ, то бокомъ, кое какъ отырыли ворота, прошли одна за другой, оглянулись на хозяина и стали передъ запертою *оборою*; вслѣдъ вбѣжала кучка овецъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ, столпилась около хаты, поталкивала его окоченѣлыя колѣни,—онъ сидѣлъ, ничего не замѣчая. Движеніе и жизнь охватили деревню, вслѣдъ за стадомъ возвращались и люди. Вотъ Максимъ съ Федоромъ прошли черезъ дворъ, одинъ въ хату, другой въ стодолу; женщины начали загонять по клѣвамъ овецъ и свиней, никто не обратилъ вниманія на старика. Только усѣвшись съ подойникомъ подлѣ коровы, старшая невѣстка обернулась къ нему черезъ плечо.

— Идите уже въ хату, а то васъ опять схватитъ лихорадка.

— И душу вытрясетъ, подхватила младшая, Евка, подсаживаясь къ другой коровѣ.

Затѣмъ обѣ отвернулись и занялись своимъ дѣломъ. Въ это время Петръ съ граблями и вилами въ рукахъ входилъ во дворъ; онъ еще издали началъ приглядываться къ отцу, остановился передъ нимъ, вытянувъ шею, притаивъ дыханіе и долго не могъ рѣшить, спитъ ли онъ, или можетъ быть... Страшная мысль промелькнула въ умѣ парубка. Старикъ сидѣлъ, какъ живой, только лицо его, заросшее сѣдыми волосами, трудно было рассмотреть въ сумеркахъ. Петръ и не смотрѣлъ въ лицо, онъ только прислушивался и слышалъ, какъ его собственное сердце стучало въ груди, а кровь ударяла въ виски; сколько ни напрягалъ онъ зрѣнія, онъ не могъ уловить и малѣйшаго движенія. Медленно оглянувшись на обѣихъ женщинъ, онъ упорно опять смотрѣлъ на старика. Минуты бѣжали за минутами, холодная роса пахнула въ воздухъ; въ дворикѣ окруженномъ хозяйственными постройками, было почти совсѣмъ темно—Петръ простоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, осторожно ступая, пошелъ въ хату. Теперь онъ уже все зналъ, но еще самъ себя не вѣрилъ. Въ сѣняхъ еще разъ обернулся, поставилъ въ уголь грабли, опустил руки, прислонился къ стѣнѣ и стоялъ, весь подавленный горемъ и тревогою. Онъ не рѣшался, не въ силахъ былъ первый объявить о случившемся; ему казалось, что все могло бы еще измениться, если онъ промолчитъ,—и стоялъ, притаившись въ темномъ углу; колѣна его дрожали, подгибались и слеза за слезою катилась по лицу. Онъ слышалъ, какъ Максимъ звалъ его изъ стодола, зналъ, что еще до ночи нужно было убрать снопы на току и очистить мѣсто для сѣна, но не могъ двинуться изъ своего угла, не могъ поднять головы и ждалъ, опустивъ глаза въ землю... Изъ хаты долеталъ запахъ кипящаго картофеля... Петру припомнилось вдругъ, какъ днемъ на лугу, когда онъ немного замѣшкался за дѣю, Евка назвала его „волоомъ“, „сучимъ сыномъ“ толкнула ногою въ горшокъ съ молокомъ, бросила хлѣбъ собакѣ и полетѣла какъ бѣшеная, вѣдьма—проялтая!... Онъ ее когданибудь научить... Когданибудь!.. по чемъ знать, что будетъ теперь съ нимъ самимъ... Теперь они здѣсь господа... полновластные хозяева...

Вошли женщины съ подойниками и во всю ширину открыли дверь въ хату; огонь въ печи освѣтилъ сѣни и босыя ноги стоявшаго въ темномъ углу парубка; онъ будто прилаживалъ что то обматывалъ тряпкою рукоять косы, а у самого дрожали руки, сжималось горло, его трясло какъ въ лихорадеѣ отъ одной мысли, — а что, если не правда? но пойти удостовѣриться онъ не рѣшался... онъ зарыдалъ-бы тамъ отъ отчаянія... Нѣтъ, пусть лучше они сами!... они здѣсь хозяйева, а онъ только сынъ... и то... какой тамъ еще сынъ! Максимъ и Ѳедоръ вмѣстѣ вошли въ хату, вслѣдъ за ними съ шумомъ вбѣжали дѣти, изъ хаты пахло горячимъ паромъ отъ картофеля и кулиша, „хозяйева“ усѣлись за столъ.

— А гдѣ-же *старый*? Стецко! бѣги, проси дѣда! а что же это вы, пельмы, сами прежде всѣхъ взяли за ложки? прикрикнулъ Максимъ на дѣтей и толкнулъ старшаго къ дверямъ. Петръ такъ и присѣлъ къ землѣ, въ ухахъ у него зазвенѣло. Онъ слышалъ испуганный крикъ Стецка; видѣлъ, какъ всѣ одинъ за другимъ выбѣжали во дворъ, какъ *Максимиша* отъ испуга или второпяхъ выскочила изъ хаты съ горящею лучиною... Слышалъ отрывистые возгласы испуга, удивленія, пискливый плачь дѣтей, но самъ не могъ двинуться съ мѣста; что то сдавливало ему горло, онъ сидѣлъ, скорчившись вдвое, и пряталъ въ рукахъ голову.

— Боже мылый!... Боже-жъ мій мылый, шепталъ онъ, закрывъ глаза; его даже не разбирало любопытство пойти взглянуть въ мертвое лицо отца, посмотрѣть, похожъ ли онъ еще на себя, или нѣтъ?... Онъ совсѣмъ ослабѣлъ... Высокій плечистый крестьянинъ, румяный, съ огромными усами, вдругъ обезсилѣлъ, какъ ребенокъ, сидѣлъ, прислонивъ голову къ стѣнѣ, а изъ глазъ катились частыя дѣтскія слезы.

Наконецъ, все въ хатѣ успокоилось и пришло въ порядокъ; старика уложили на постель и Максимъ разъ—другой выходилъ въ сѣни, оглядываясь во всѣ углы, нѣсколько встревоженный.

— Иди въ хату, шепнулъ онъ, замѣтивъ Петра; взявъ его за руку, постоялъ немного, желая еще что то сказать и не находя словъ.—Ну, иди, чего тамъ, вотъ извѣстно... каждому таеъ будетъ... Онъ отворотился и умолъ. Петръ, самъ не зная зачѣмъ, поцѣ-

ловаль его руку.—Иди! повторилъ Максимъ и провелъ рукавомъ по глазамъ; оба вошли вмѣстѣ въ избу и присѣли къ столу; Максимъ пододвинулъ къ нему миску съ кушаньемъ, отрѣзалъ краюху хлѣба, а самъ облокотился на столъ, закрылъ руками лицо и сидѣлъ молча. Петръ началъ ѣсть; отъ теплой пищи теплѣе становилось въ груди и въ желудкѣ, отъ ласковыхъ словъ Максима какъ то вдругъ легко сдѣлалось ему на сердцѣ. Слезы все еще падали въ миску, смѣшивались съ крупникомъ, но шумъ въ головѣ уже прекратился, возвратились и сила, и надежда—теперь онъ готовъ былъ пойти въ огонь для Максима, работать для него съ утра до ночи, такъ просто за кусокъ хлѣба; оберегать его имущество, можетъ быть онъ готовъ бы даже красть для него.... а что-жь? и украсть бы, еслибъ нужно было! Онъ всегда любилъ и слушалъ Максима, а теперь.... Теперь у него не доставало и мысли для выраженія неудержимыхъ порывовъ благодарности, возбужденной горемъ, сознаниемъ потери и тревожной неизвѣстности. По мѣрѣ ѣды Петръ поглядывалъ на него украдкою, глоталъ ложку за ложкою, очистилъ миску до дна, весь отрѣзанный хлѣбъ съѣлъ безъ остатка, выказывая этимъ свою покорность и готовность къ услугамъ, вспотѣлъ даже отъ усердія и еще больше раскраснѣлся.... Онъ чувствовалъ, что въ темномъ углу за спиною лежитъ на кровати старикъ, прикрытый бѣлымъ полотномъ, онъ замѣтилъ его, когда входилъ въ избу, и теперь не переставалъ ощущать его близость... онъ еще сожалѣлъ объ отцѣ, еще не рѣшался взглянуть ему въ лицо, но мысль его уже больше была занята Максимомъ.

Между тѣмъ хата опустѣла. Федоръ отправился готовить доски для гроба, дѣти спали на печи, одна *Максимиха* хлопотала о чистой одеждѣ для покойника, вынимала изъ скрыни бѣлье и свиту и поминутно утирала носъ угломъ фартуха.

— Пойдемъ, онъ одинъ не справится тамъ, сказалъ Максимъ, медленно подымаясь; Петръ послѣдовалъ за нимъ, съ порога оба еще разъ оглянулись на постель и въ снѣгахъ столкнулись съ Евкою. Цѣлый вечеръ она летала сама не своя, то въ хату, то изъ хаты, то лазила на крышу, то сновала по двору, вся разгорѣвшаяся, какъ въ лихорадкѣ. Шестъ лѣтъ уже, какъ она была замужемъ, а

выглядѣла какъ дѣвушка, худощавая, смуглая брюнетка съ большими сѣрыми глазами, съ мелкими чертами лица и ослѣпительно бѣлыми зубами. Она нетерпѣливо кусала губы, а глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, съ голубыми бусами на шеѣ, ея легкая фигура особенно рельефно выступала на фонѣ закоптѣлыхъ стѣнъ.

— Что вы такъ цѣлую ночь будете топтаться? спросила она запыхавшись, перебѣгая взглядомъ отъ невѣстки къ покойнику, въ *скрынѣ* и узелкамъ, ея жгло въ груди, въ рукахъ и ногахъ чувствовался зудъ какой то, она нетерпѣливо подергивала плечами.

— Я посижу возлѣ него... вотъ только сбѣгаю къ сосѣдкѣ... ложитесь спать!

Максими́ха, не оставляя сундука, поглядѣла на нее черезъ плечо.

— Берегла я его при жизни, поберегу и по смерти, медленно проговорила она.

Евка присѣла на лавку и дрожащими пальцами дергала уголь передника.

— Такъ я посижу съ вами! прошипѣла она сквозь зубы. Ей не сидѣлось на мѣстѣ, босыя ноги ерзали по полу; наконецъ она схватила ведро и жадно глотала воду, потомъ оставила на минуту и снова принималась пить, какъ измученная лошадь, не спуская глазъ съ невѣстки. Вдругъ она отставила ведро на полъ и схватила дымящуюся лампочку.

— Я вамъ посвѣчу, а то пожалуй въ потьмахъ еще надѣнете на старика свою юбку! она засмѣялась и открыла свои бѣлыя зубы. Максими́ха отплюнулась, пожала плечами и съ безпокойствомъ взглянула на бѣлое полотно, изъ подъ котораго въ одномъ концѣ виднѣлся высокій лобъ, окруженный сѣдыми волосами, въ другомъ выступали окостенѣлыя босыя ступни ногъ.

На слѣдующее утро старикъ былъ уже на кладбищѣ. Сосѣди прямо съ похоронъ отправились въ поле на работы, а Максимъ съ братьями тѣмъ же самымъ возомъ, на которомъ привезли гробъ, поѣхали за нѣсколько верстъ на лугъ за сѣномъ. Петръ правилъ лошадей, братья сидѣли, свѣсивъ ноги, спиною другъ къ другу. Ѣхали вдоль берега рѣки, солнце пригрѣвало, какъ лѣ-

томъ, на выжатыхъ поляхъ кое гдѣ блистали еще капли ночной росы. Въѣзжая на песчаный пригорокъ, Петръ пустилъ лошадь шагомъ и оглянулся назадъ; на опушкѣ сосноваго лѣса какъ на ладони видно было кладбище—нѣсколько десятковъ могилъ, поросшихъ рѣдкою травой, съ кривыми крестами среди рѣдкихъ сосенъ. Солнечные лучи, проникавшіе между вѣтвями и высокими прямыми стволами, освѣщали новую могилу, высыпанную желтымъ пескомъ.

— Вонъ гдѣ лежитъ старый! подумалъ Петръ, глядя черезъ плечо въ ту сторону, пока лошади медленно подымались на гору. Максимъ еще вчера сказалъ ему, что онъ получитъ третью часть денегъ, что его не обидятъ, отдадутъ ему даже старую свиту, шапку и тавлинку, о сапогахъ только не вспомнилъ, не сказалъ также, сколько осталось денегъ, потому что и самъ не звалъ. Петръ былъ увѣренъ, что на долю его достанется сто, а можетъ быть и двѣсти рублей. Онъ успокоился, повеселѣлъ и, поглядѣвши еще разъ съ горы на лѣсъ, протянувшійся длиною половою вдоль берега, и на песчаные холмики между сосенъ, повторилъ съ полною покорностью судьбѣ:

— Вонъ гдѣ лежитъ старый....

У корчмы остановились на минуту; чисто выбѣленный и оштукатуренный домикъ, обращенный фасадомъ къ рѣкѣ, похожъ былъ скорѣе на домъ шляхтича или священника; *ямокъ* съ четырьмя деревянными колоннами; на той половинѣ, гдѣ было помѣщеніе хозяина, въ окнахъ виднѣлись вязанья занавѣски, фуксіи и герань въ вазонахъ; самъ Шмуль стоялъ на *янкѣ* въ разстегнутомъ кафтанѣ и гарусныхъ туфляхъ на босую ногу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выдалъ замужъ трехъ дочерей и самъ женился вторично на молодой красивой дѣвушкѣ, онъ началъ важничать, держался какъ то солиднѣе, пересталъ бесѣдовать съ крестьянами, рѣдко даже заглядывалъ въ шиномъ—всѣми дѣлами завѣдывала жена, а онъ только выказывалъ особое вниманіе къ извѣстнымъ торжественнымъ событіямъ, связаннымъ съ религиозными обрядами. Если кумовья, возвращаясь съ крестинъ, заходили въ корчму, онъ каждому давалъ даромъ по стаканчику водки, угощая и крестника нѣсколькими каплями для того, что-

бы тотъ съ первыхъ дней позналъ, что есть добраго на свѣтѣ. Такую же точно честь оказывалъ онъ и новобрачнымъ, а возвращавшихся съ похоронъ угощалъ такою водкою, что тѣ послѣ второй рюмки не могли отличить погребенія отъ свадьбы. Вотъ почему въ подобныхъ случаяхъ приходили къ нему не только изъ своего села, но прїѣзжали и изъ другихъ приходоувъ, дѣлали зачастую нѣсколько верствъ въ сторону, лишь бы показать Шмулю крестника, получить угощеніе и бесплатно напоить ребенка хорошею водкою. Свадебныя процессіи всегда останавливались здѣсь хоть на минутку, а нерѣдко оставались до самой ночи, а иногда и до утра; Шмуль охотно давалъ въ кредитъ, а такъ какъ онъ обыкновенно при расчетѣ уступалъ нѣсколько копѣекъ, то всѣ предпочитали пить у него въ долгъ, нежели у другаго за деньги.

— Глупые мужики, говаривалъ онъ съ небрежною улыбкою при всякихъ денежныхъ спорахъ, развѣ мнѣ нуженъ вашъ грошъ, развѣ я наживаюсь отъ васъ? Вотъ большая выгода! Съ мужика, какъ съ козла, ни молока, ни мяса! Что за барыши отъ корчмы? Если бы я имѣлъ столько, сколько затрачиваю на нее, давно бы уже ходилъ въ золотѣ. Ну, что тамъ разговаривать! я васъ не хочу обижать!

Крестьяне недовѣрчиво качали головою, слушая такія рѣчи иногда тотъ или другой называлъ его „Лудою“, но вообще чувствовали нѣкоторое уваженіе къ его атласному халату и серебрянымъ часамъ, къ тому же и флегматичное спокойствіе хозяина нѣсколько импониовало имъ. Разъ только извѣстный пьяница Гаврилко укралъ у него жестяную *кварту*, спряталъ ее на возу и, возвращаясь домой, во всю дорогу повторялъ пьянымъ голосомъ, для успокоенія совѣсти:

— Вотъ бестія! Христа распялъ... и живъ... невира проклятый... а! какъ его земля носить и смерти на него нѣтъ!

Онъ обронилъ кружку по дорогѣ и послѣ того цѣлый мѣсяцъ не смѣлъ глазъ показать въ корчму, а когда, наконецъ, воротился, Шмуль принялъ блуднаго сына съ библейскою кротостью и угостилъ настоянною на махоркѣ водкою, отъ которой того зажгло, какъ огнемъ; пить онъ безъ просыпу четверо сутокъ, пока не пришлось выгнать его изъ корчмы.

— Какой изъ тебя хозяинъ, усовѣщеваль его Шмуль на пятый день, пропилъ и сапоги, и свиту? Стыдись! даже мнѣ стыдно, что такіе хозяева пьютъ въ моей корчмѣ. Заплати только за водку, а сапоги и свиту я и даромъ отдамъ—мнѣ они не нужны! я, слава Богу, мужицкой одежды не носилъ и носить не буду.

Говоря онъ прохаживался медленными шагами, заложивъ руки за спину, иногда бралъ понюхать табакъ у болѣе зажиточныхъ изъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ ними, но не допускалъ до фамиллярности и даже самыхъ богатыхъ нерѣдко въ глаза называлъ „мужиками“, если тѣ, потолковавши о томъ, о семъ, выходили трезвые изъ корчмы послѣ первой „кватирки“. У Максима были съ нимъ давніе, чрезвычайно запутанные счета; при мысли о нихъ крестьянинъ чувствовалъ, какъ что то сосало ему сердце, онъ какъ то весь ослабѣвалъ, словно терялъ сразу всю свою кровь; избѣгалъ своего кредитора и въ послѣдніе мѣсяцы совсѣмъ не заглядывалъ въ корчму; Шмуль только у сосѣдей наводилъ справки объ этомъ „ворѣ“ и „паскудникѣ“, грозилъ ему и напоминалъ, что своего не подарить.

— Я уже о тѣхъ деньгахъ и не думаю, пусть онъ только вознаградитъ мои убытки на доктора!... Но мнѣ больно, что теперь и сыновьямъ хорошихъ хозяевъ нельзя довѣрять! Ну я уже себя такъ думаю, что это я бѣднымъ роздалъ!

Максимъ изъ себя выходилъ, слушая такія рѣчи, глаза его горѣли, онъ уже десятки разъ готовъ былъ задушить еврея, но всегда откладывалъ до слѣдующаго раза и долговъ все таки не платилъ. При встрѣчѣ онъ опускалъ голову, крался, какъ воръ, не смѣя поднять глазъ, а въ душѣ проклиналъ еврея и дивился, какъ его до сихъ поръ черти не возьмутъ. Ему легче было бы выносить всевозможныя безпокойства, самыя настойчивыя напоминанія и требованія денегъ, нежели эту унижительную снисходительность, за которую придется со временемъ уплатить все сполна и съ процентами.

Теперь, подѣзжая къ корчмѣ и еще издали замѣтивъ ея хозяина, Максимъ отплюнулся и съ пренебрежительнымъ видомъ продолжалъ курить трубку, а у самого голосъ замиралъ отъ радости,

что вотъ, наконецъ, онъ въ состояніи бросить деньги этой собацѣ. Сидя на возу спиною къ еврею, онъ крикнулъ черезъ плечо.

— Эй ты плутъ! сколько тамъ насчиталъ на меня? Призови чорта, пусть поможетъ тебѣ сосчитать, потому что я завтра заплачу; довольно уже держалъ меня въ своихъ лапахъ! Чтобъ тебѣ провалиться, проворчалъ онъ сквозь зубы и потянулъ трубку.

Шмуль стоялъ невозмутимо, словно и не слышалъ, и, заложивъ руки въ карманы, смотрѣлъ на рѣку, сверкавшую на солнцѣ. Онъ давно привыкъ къ ругательствамъ и угрозамъ, не разъ даже самъ вызывалъ ихъ довольно искусно—брань на вороту не виснетъ, а между тѣмъ легче приводитъ дѣло къ желанному концу; случалось зачастую, что крестьянинъ, выругавшись всласть, отдавалъ спорный пятакъ или даже гривенникъ, Шмуль пряталъ придачу съ олимпийскимъ спокойствіемъ и думалъ:

— Ну, этотъ по крайней мѣрѣ понимаетъ приличіе.

Такое равнодушіе раздражало Максима, онъ хотѣлъ было еще разъ назвать еврея плутомъ, но рѣшилъ, что не стоитъ, молча плюнулъ и сидѣлъ нахмурившись въ ожиданіи жены, которая съ кладбища зашла домой взять хлѣбъ и молоко и должна была кратчайшимъ путемъ, черезъ поля, догнать ихъ у корчмы.

— Когда принесете деньги, тогда и счетъ сведемъ; при чемъ тутъ чортъ? отвѣчалъ шинкаръ съ шутливою важностью. А нѣтъ ли у васъ тамъ какого парубка? Вотъ купецъ присталъ съ баркою, не можетъ плыть дальше, заболѣлъ человекъ; пораспросите, не пойдетъ ли кто? Онъ настоящій купецъ, хорошо платитъ и вамъ дастъ на водку!

— А пускай самъ зубами тянетъ! проворчалъ Максимъ, какъ то особенно враждебно настроенный противъ евреевъ.

У противоположнаго берега рѣки стояла большая темная барка; кусокъ сѣраго холста, замѣнявшій собою парусъ, болтался на высокой мачтѣ, къ которой привязаны были нѣсколько толстыхъ канатовъ, съ широкою тесьмою на концахъ. Низкая и широкая, плотно обшитая дранью, барка напоминала собою громадныхъ размѣровъ черепаху, чуть колыхавшуюся на синеватыхъ волнахъ; сверху на палубѣ лежали свертки канатовъ, доски, обрuchi, клепки, пустые мѣшки съ черными надписями, сложенены

въ кучу, нѣсколько полушубковъ, вывороченныхъ шерстью вверхъ; на бортахъ сушилась противъ солнца вымытая рубаха и холщевые шаровары. У кормы чуть замѣтно колыхалась новенькая лодочка, раскрашенная бѣлою и голубою краскою. На берегу у песчаного обрыва грѣлись на солнцѣ нѣсколько человѣкъ, лежа на животѣ и поднявъ голову о чемъ то разговаривали между собою, а глухое эхо приносило къ корчмѣ отрывистые отголоски ихъ словъ.

Федоръ стоялъ на берегу и смотрѣлъ, прикрывъ глаза рукою, то на осмоленную барку, то на легкую, красивую лодку и сложенные на днѣ ея новыя весла. Приятно было бы имѣть такой челнокъ! онъ покрутилъ головою въ нѣмомъ восторгѣ.

— А гдѣ же тотъ больной? спросилъ онъ еврея, воротаясь къ своему возу.

Шмуль кивнулъ головою на заросли около дома.

— Лыхо его знае, що зъ нимъ стало! парубокъ сильный, здоровый, присталъ въ дорогѣ, не хочетъ идти дальше.

На травѣ, подъ кустами можжевельника, сидѣлъ молодой крестьянинъ, босой, въ одномъ бѣльѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ; онъ сидѣлъ, обнявъ руками колѣни, опустивъ на нихъ рыжую голову, и смотрѣлъ впередъ безучастными глазами. Около него стояла заржавленная жестяная кружка, лежали на землѣ двѣ цыбули.

— Онъ отъ твоей водки до утра отправится, сказалъ Федоръ, чужой человѣкъ, не знаетъ еще, что ты людей травишь.

— Ой, какой Федоръ умный! Ну, почему же васъ отпустили изъ войска солдатомъ, если у васъ умъ генеральскій?

— А гдѣ же, ты, жыде, видѣлъ такихъ молодыхъ генераловъ? Ума своего я у тебя не пропью! Не бойся! не дождепся! Ей Богу, отравилъ! повторилъ онъ, присматриваясь къ неподвижной фигурѣ крестьянина, и направился къ нему медленными шагами; еврей проводилъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

Тѣмъ временемъ Максимыха торопливо пробиралась черезъ поля къ корчмѣ, съ закрытыми горшками въ обѣихъ рукахъ; времени оставалось немного. Федоръ остановился передъ незнакомцемъ и смѣрилъ его пристальнымъ взглядомъ. Несмотря на

сильный загаръ и веснушки, покрывавшія лицо, крестьянинъ былъ блѣдень, голубые глаза его глядѣли утомленно изъ подъ отяжелѣлыхъ вѣкъ; опершись подбородкомъ въ колѣни, онъ смотрѣлъ на противоположный берегъ.

— Издалека? спросилъ Федоръ.

Больной поднялъ только рыжія брови и молчалъ; его загорѣлыя ноги были покрыты засохшею грязью, а на мѣсто ногтей на пальцахъ виднѣлись пятна запекшейся крови, смѣшанной съ пескомъ. У Федора мучительно сжалось сердце при видѣ этихъ израненныхъ ногъ. На травѣ подлѣ больного лежитъ синяя куртка съ блестящими пуговицами, разрисованная фаянсовая трубка и небольшой узелокъ въ красномъ платкѣ, изъ котораго выглядывали стекляныя голубыя бусы.

— Долго тащили? снова спросилъ Федоръ, указывая на рѣку. Больной вмѣсто отвѣта сдѣлалъ какое то неопредѣленное движеніе головою, словно отгонялъ мухъ, поглядѣлъ искоса на пыльные сапоги Федора, нахмурилъ брови, какъ то весь насутился и молчалъ.

— Должно быть не здѣшній, подумалъ Федоръ, можетъ быть нѣмецъ? А такъ какъ въ бытность свою въ военный службѣ онъ научился многому, между прочимъ выучилъ и нѣсколько нѣмецкихъ словъ, то теперь представлялся какъ нельзя болѣе удобный случай пустить въ ходъ свои познанія. Онъ заложилъ руки въ карманы, улыбнулся и, моргнувъ самъ про себя глазомъ, спросилъ незнакомца:

— Ферфлюхтеръ, а бродъ, а вассеръ? По его миѣнію эта фраза должна была означать: „что нѣмецъ? ты голодень?”

Но больной хранилъ угрюмое молчаніе. Федоръ пожалъ плечами и воротился къ повозкѣ; Максимыха разставила уже горшки и усѣлась рядомъ съ мужемъ.

Больной проводилъ его глазами, окинулъ взглядомъ всю группу пріѣзжихъ, возъ, истощенныхъ трудомъ лошадей, и, замѣтивъ, что Петръ хлеснулъ ихъ кнутомъ, дернулъ возжи и повернулъ въ глубокой песокъ, онъ проворчалъ: „дураки хлопы!“ плюнулъ и смотрѣлъ, какъ слюна его, смѣшанная съ кровью, медленно впитывалась въ песокъ.

Евка одна оставалась дома; она подоткнула подолъ юбки за поясъ, засучила по локоть рукава рубахи, крѣпче подвязала красный платокъ на головѣ и съ озабоченнымъ видомъ сновала по хатѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія. Она вынесла на дворъ постель покойнаго, сѣнникъ, одѣяло, развѣсила на заборѣ бѣлье и платье, внимательно осматрѣвши напередъ каждую штуку; вытрясла сѣнникъ и долго перебирала солому, пересматривая каждую горсть стебелекъ за стебелькомъ; опрокинула вверхъ дномъ стоящую подъ кроватью кубышку, откуда кромѣ стараго жилета и шерстяныхъ вязаныхъ рукавицъ выпало множество всевозможныхъ мелочей: обрывки шнурковъ и веревочекъ разной толщины, ремешки, пуговицы, высохшія зерна бобовъ и фасоли, лежація тамъ съ незапамятныхъ временъ, старые колосья пшеницы, красный чепчикъ съ набивными желтыми цвѣтами, отдѣланный тюлемъ—память отъ первой жены. Евка все рвала, давила, отбрасывала въ сторону каждую вещь и снова хватала, ощупывала, осматривала со всѣхъ сторонъ, наклонившись къ землѣ перебирала дрожащими руками каждый лоскутъ; кровь прилиwała къ головѣ, жилы на шеѣ надулись, наконецъ, она выпрямилась, чтобы отдохнуть, и мрачно поглядѣла вокругъ; у порога въ открытыхъ дверяхъ сидѣла черная кошка, подогнувъ хвостъ, и смотрѣла на нее желтыми глазами. Евка стиснула зубы и поспѣшно наклонилась поднять полѣно, кошка исчезла и полѣно полетѣло ей вслѣдъ въ пустыя сѣни.

— Згынъ! пропады, нечистая сыла! Нѣсколько минутъ Евка стояла ошеломленная. Незвѣстный черный котъ въ пустой хатѣ въ то самое время, какъ она съ такимъ вниманіемъ пересматривала вещи покойника,—здѣсь было чѣмъ смутиться; она отплюнулась разъ—другой, а сердце, какъ молотъ, стучало въ груди. Успокоившись немного, Евка снова съ лихорадочною поспѣшностью принялась за дѣло: отставила столъ и скамьи, тапчанъ съ постелью, почти вросшій въ землю, также сдвинула съ мѣста и сновала вокругъ комнаты, какъ помѣшанная, щупая босыми ногами, не попадетъ ли гдѣ нибудь на мягкую глину, на слѣдъ ямы или норы, ощупывала стѣны, лазила подъ печь, заглядывала, даже въ трубу, царапала каждый кирпичъ на печи, пробуя

не вынется ли который, потомъ соскочила на землю и снова набросилась на вещи. Вытащила изъ подъ тапчана боченокъ съ дегтемъ, заткнутый соломой, мѣшки, лапти, горшки, наполненные перьями—и все это торопливо сносила на середину комнаты. Въ ухахъ звенѣло, она поминутно прерывала работу и прислушивалась... Вотъ кто то прошелъ мимо хаты, вѣтеръ распахнулъ дверь въ сѣняхъ, что то зашелестѣло подъ печкою... и снова все стихло—свѣтъ полосами стлался по землѣ, сверчокъ трещалъ въ кучѣ сора около порога. Евка не переставала искать. Уже въ десятый разъ пересматривала она и оцупывала каждый лоскутъ, не зная за что хвататься, гдѣ еще искать и шарить. Запыхавшись, наконецъ, она присѣла на тапчанъ среди старой рухляди и спустила руки; сорочка прилипла къ потному тѣлу, капли пота блестѣли на лбу... она тяжело и громко дышала, съ трудомъ втягивая переполненный пылью воздухъ. Цѣлый день еще впереди. Они возвратятся не раньше вечера... Оставалось еще осмотрѣть крышу, чердакъ и комору,—хотя бы ногтями пришлось царапать землю, она должна найти! Всѣ знали, что старикъ гдѣ то пряталъ деньги и Евка цѣлыхъ шесть лѣтъ выслѣживала его. Онъ понималъ это, или скорѣе догадывался и больше всего сторожилъ хату, какъ старый волкъ сторожитъ логовище, гдѣ спряталъ нѣсколько костей про запасъ. Она была увѣрена, что деньги спрятаны гдѣ то въ хатѣ, но гдѣ? Старня, гнилыя стѣны, покрытая внизу бѣлою плесенью, закоптѣлый потолокъ, дымовую трубу, глиняный полъ—она все осмотрѣла, оцупала, обнюхала, обшарила всѣ углы, щели, всюду скребла, прислушивалась... Нигдѣ—ничего!.. Оставалась еще старая крыша, поросшая мхомъ, тамъ за каждою балкою могъ скрываться тайничекъ... Взглянувъ на скрыню въ углу за печкою, она сдѣлала презрительную гримасу: старикъ былъ слишкомъ хитеръ, онъ умѣлъ прятать! Сундукъ былъ запертъ большимъ висячимъ замкомъ, она могла бы открыть его однимъ ударомъ топора... Евка презрительно передернула плечами при одной мысли о подобной „схованкѣ“. Еще вчера, пока она свѣтила Максимыхъ, ея острый взглядъ не пропустилъ ни одной мелочи. Не стоитъ и трогать замка! пусть остается для тѣхъ воловъ! Она поищетъ въ другомъ мѣстѣ... А что, если и

она ничего не найдетъ?... Она оцѣпенѣла при одной мысли о возможности такой неудачи и сидѣла безъ движенія, почти безъ дыханья. Непремѣнно убѣжить или утопится, но дольше не останется въ этой проклятой хатѣ. Шесть лѣтъ прожила она здѣсь какъ на привязи. дольше такъ нельзя жить! Евка вскочила, сотый разъ схватила подушку, рванула шовъ—перья разлетѣлись по хатѣ и покрыли собою разбросанную на полу ветошь.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Документы, Известія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край ¹⁾.

VI.

4-го августа ночью я былъ уже въ Витебскѣ, а на другой день утромъ зашелъ въ мѣстный статистическій комитетъ и затѣмъ представился витебскому губернатору кв. Долгорукову, который принялъ меня весьма любезно, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ мнѣ XVII выпускъ «Историко-юридическихъ матеріаловъ изъ актовыхъ книгъ витебской и моголевской губерній», нѣсколькихъ памятныхъ книжекъ витебской губерніи на разные годы, «Памятной книжки виленскаго генераль-губернаторства» Сементовскаго 1869 года и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ изданій, и предоставилъ мнѣ всѣ средства къ обзорѣннѣ Витебска и его достопримѣчательностей. Непосредственнымъ руководителемъ моимъ при обзорѣннѣ Витебска былъ редакторъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафоновъ, вмѣстѣ съ которымъ мы осмотрѣли Успенскій и Николаевскій соборы, единовѣрческую Благовѣщенскую церковь, бывший фарный костелъ, въ которомъ помѣщается теперь центральный архивъ древнихъ актовъ витебской и моголевской губерній, задвинскую Ильинскую церковь на урочищѣ «Русь» и загородный Марковъ монастырь.

Въ обоихъ витебскихъ соборахъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Говорятъ, что въ витебскомъ Николаевскомъ соборѣ хранилась рука Юсафата Кунцевича, перенесенная сюда изъ Николаевского полоцкаго собора, и его архіерейскій жезлъ. Теперь ихъ нѣтъ въ этомъ соборѣ или, по крайней мѣрѣ, ихъ не показываютъ.

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

Самою древнею церковью въ Витебскѣ считается единовѣрческая Благовѣщенская, основанная въ XIV вѣка. Кирпичъ въ ней длиною въ пять вершковъ, а толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ. Помость предъ дверьми храма состоитъ изъ шиферныхъ камней. Алтаремъ она обращена на востокъ; въ храмѣ—четыре кирпичныя колонны, поддерживающія сводъ храма и куполь. Иконы большею частію сѣвернорусскихъ писемъ, но на хорахъ, между бракованными иконами, есть иконы мѣстнаго письма вѣка XVII.

Упраздненный фарный Троицкій костелъ былъ самымъ древнимъ римско-католическимъ костеломъ въ Витебскѣ. Уже въ 1503 году король Александръ подтверждалъ привилегіи этому костелу, основанному и обезпеченному его предками, великими князьями литовскими, какъ это видно изъ документовъ этого костела, хранящихся въ бібліотекѣ барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Ивницѣ, житомирскаго уѣзда. Когда собственно построено сохранившееся доселѣ зданіе костела, намъ не извѣстно. Кирпичи длиною въ 4¹/₂ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ.

Доселѣ существующая въ Витебскѣ деревянная Ильинская задвинская церковь на урочищѣ «Русь» построена въ 1643 году Запольскимъ. Кромѣ главнаго алтаря, она имѣетъ два боковые. Въ иконостасахъ сохранилось много иконъ, современныхъ построению храма или, по крайней мѣрѣ, относящихся къ XVII вѣку; но есть иконы и позднѣйшаго времени, напримѣръ двѣ намѣстныя иконы въ главномъ иконостасѣ, относящіяся приблизительно къ 1777 году. Изъ другихъ иконъ замѣчательны: икона покрова пресв. Богородицы, съ изображеніемъ внизу папъ, польскихъ королей и вельможъ, въ лѣвомъ отъ входа придѣлѣ, и Иосафата Кунцевича съ вонзенной въ голову сѣкирой—въ правомъ придѣлѣ. Нужно замѣтить, что эта церковь построена уже униатами и для униатскихъ прихожанъ церкви. Фундаментъ и подвалы подъ церковью сдѣланы изъ кирпича, который длиною въ 4¹/₂ вершка и толщиною въ 1 вершокъ къ небольшимъ.

Загородный Марковъ монастырь былъ въ XVII и XVIII вѣкахъ одною изъ сильнѣйшихъ твердынь православія для Витебска и окрестныхъ жителей. Старѣйшая монастырская деревянная церковь построена Огинскимъ въ 1690 году и почти неизмѣнно сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ была построена. Иконы въ иконостасѣ и стѣнная живопись современны построению самаго храма. На стѣнахъ внизу изображены событія изъ евангельской исторіи, а вверху—апокалипсическіе предметы, но тѣ и другіе—въ православномъ духѣ.

Послѣднюю оговорку дѣлаемъ въ виду высказаннаго теперешнимъ настоятелемъ монастыря мнѣнія, будто бы стѣнопись этой церкви—католическая и требуетъ передѣлки въ православномъ духѣ и вкусѣ. Въ церкви есть проповѣдническій амбонъ и въ алтарѣ—киворій, или сѣнь надъ престоломъ. Какъ амбонъ, такъ и киворій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ составляли принадлежность древнихъ византійскихъ и русскихъ церквей и потому тоже не могутъ быть признаны характеристическими особенностями католическихъ и уніатскихъ храмовъ. Къ счастью мѣстная администрація, духовная и свѣтская, хорошо понимаетъ значеніе мѣстныхъ православныхъ святынь и, какъ я имѣю основаніе думать, не допуститъ существеннаго измѣненія въ устройствѣ и стѣнописи древняго храма Маркова монастыря. Въ дополненіе къ сказанному о семь монастырѣхъ нужно прибавить еще, что въ немъ находится казанская икона Богоматери,—даръ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона.

Въ витебской духовной семинаріи достопочтенный ректоръ ея протоіерей І. Пичета показывалъ мнѣ портретную галерею, въ которой находятся портреты слѣдующихъ уніатскихъ и католическихъ епископовъ: 1) Терлецкаго Мееодія; 2) Левицкаго; 3) Стефана Левинскаго; 4) Смогоржевскаго; 5) Бѣлянскаго; 6) Цецишевскаго; 7) Скородынскаго; 8) Лисовскаго; 9) Ангелловича; 10) Кохановича; 11) Василия Лужинскаго, и нѣсколькихъ архимандритовъ, ректоровъ витебской семинаріи.

6 августа, пользуясь праздничнымъ днемъ, я обошелъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ изслѣдователемъ г. Сементовскимъ, нѣсколько православныхъ храмовъ и католическихъ костеловъ и видѣлъ нѣчто противоположное тому, что наблюдалъ въ Вильнѣ. Витебскія православныя церкви полны были молящихся, между тѣмъ какъ въ польско-католическихъ костелахъ видны были только небольшія группы богомольцевъ.

Говоря о Витебскѣ, нельзя не упомянуть о мѣстныхъ труженикахъ по собиранію матеріала и разработкѣ мѣстной исторіи. Почетною извѣстностію въ этомъ отношеніи пользовался въ свое время г. Сементовскій, авторъ «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства», 1869 года, и нѣсколькихъ статей по мѣстной исторіи. Въ настоящее время онъ живетъ большею частію въ своемъ имѣніи. На смѣну ему выдвигается другой, молодой еще и энергичный дѣятель, преподаватель витебской женскій гимназіи А. Сапуновъ. Онъ уже издалъ I и IV томы «Витебской Старины» и совершенно

приготовилъ къ изданію и почти напечаталъ V-й томъ этого сборника. Это изданіе представляетъ собою незамѣнимое пособіе для изученія исторіи города и края. Можно упомянуть еще редактора Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафонова, который, по самой своей должности имѣя соприкосновеніе съ мѣстной исторіей, владѣеть небольшою коллекціей недревнихъ иконъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе портретъ св. Дмитрія Ростовскаго, писанный на холстѣ масляными красками. Это едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ портретовъ св. Дмитрія и можетъ быть признанъ современнымъ самому святителю Ростовскому.

VII.

7-го августа, въ воскресенье, я былъ уже въ Смоленскѣ. Смоленскъ—сравнительно небольшой городъ, имѣющій около 35,000 жителей обою пола, но разбросанъ на холмахъ и пригоркахъ. Поэтому нигдѣ я не встрѣчалъ такой дороговизны извозчиковъ, какъ въ Смоленскѣ. Но за то гористое положеніе Смоленска сообщаетъ городу красивый видъ.

Исторію Смоленска писали Мурзакевичъ и Никитинъ. Извѣстны также: «Историко-статистическое описаніе смоленской губерніи» Цибрикова, «Историко-статистическое описаніе смоленской епархіи» Трофимовскаго, справочныя и памятныя книжки смоленской губерніи за разные годы и проч. Кромѣ того, въ настоящемъ году къ проѣзду Великаго Князя Владиміра Александровича черезъ Смоленскъ, изданъ былъ смоленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ «Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности» и пр. Очеркъ составленъ преподавателемъ смоленской мужской гимназіи С. П. Писаревымъ, любителемъ и знатокомъ мѣстной исторіи.

По стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, я предоставленъ былъ, при обзорѣнн Смоленска, самому себѣ и потому осмотрѣлъ только немного, что казалось мнѣ наиболѣе интереснымъ. Конечно, не преминулъ я быть въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, отличающемся величественностію и красотою, и приложиться къ чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Смоленскою. Но, независимо отъ чувства благоговѣнія, икона эта оставляетъ въ наблюдатель-археологѣ и нѣкоторое чувство неудовлетворенности, какъ и большая часть древнихъ иконъ въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на глубо-

чайшую древность, приписываемую сей св. иконѣ преданіемъ и возводимую къ св. евангелисту Лукѣ, икона эта не производитъ впечатлѣнія глубочайшей древности, потому что, вопервыхъ, поновлена въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, во вторыхъ закрыта, кромѣ ликовъ Богоматери и Богомладенца, ризою. Ризница собора была недоступна моему наблюденію. Въ самомъ храмѣ обращаютъ на себя вниманіе: царскія врата затѣйливой рѣзбы и желѣзный импакъ и обувь св. Меркурія Смоленскаго, спасаго городъ Смоленскъ отъ татаръ въ 1239 году. Въ соборной архіерейской усыпальницѣ хранится древняя икона св. смоленскаго князя Феодора Ростиславича Чермнаго и сыновей его Давида и Константина, которую можно отнести къ XVI—XVIIв., и портреты мѣстныхъ преосвященныхъ; Гедеона Вишневаго, Парвенія, Дмитрія Устимовича и Юанна.

Спасо-Аврааміевскій мужской монастырь былъ осмотрѣнъ мною только снаружи. По словамъ мѣстныхъ историковъ, онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка при смоленскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ; но отъ древнихъ построекъ монастыря едва ли что уцѣлѣло. На видъ все зданія монастыря относятся уже къ XVIII вѣку и носятъ печать руинъ. Въ Спасо-Аврааміевскомъ же монастырѣ помѣщается и часть семинарскихъ зданій, на видъ весьма ветхихъ, вмѣсто которыхъ, впрочемъ, строится въ настоящее время обширный каменный корпусъ въ городѣ, недалеко отъ монастыря.

Архангело-Михайловская или Свирская Смоленская церковь находится вдали отъ центра города. Она построена около 1180 года смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, была придворною церковью смоленскихъ князей и, несмотря на различныя пристройки и поновленія, говорятъ, — сохранила свой древній фасадъ. Кромѣ древней иконы Богоматери, въ этой церкви находится еще гробница умершаго въ 1197 году смоленскаго князя Давида Ростиславича, вытесанная изъ цѣльнаго бѣлаго известняка, безъ всякихъ украшеній. Гробница эта найдена въ 1833 году въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря на рѣчкѣ *Смядынкѣ*, при которой убитъ св. князь Глѣбъ, сынъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Смоленскъ въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается старинною кирпичною крѣпостію, построенною московскимъ правительствомъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія. Въ одномъ мѣстѣ я измѣрялъ величину ея кирпича, который оказался длиною въ 5 вершковъ, а толщиною въ 1²/₃ вершка. Но это—единственное видѣнное мною во

время путешествія московское сооруженіе, въ которомъ я измѣрялъ кирпичъ, и едва ли можетъ быть сравниваемо съ соотвѣтствующими литовско-русскими и польскими постройками, осмотрѣнными мною въ сѣверо-западномъ краѣ.

Есть въ Смоленскѣ и городской историко-археологическій музей, помѣщающійся въ новомъ зданіи смоленской городской думы; но о немъ рѣдко кто знаетъ. Мнѣ сначала указали на какой то балаганъ съ восковыми фигурами, носящій однако названіе музея, и я не безъ нѣкоторыхъ усилій отыскалъ помѣщеніе городского музея, но проникнуть въ него все таки не могъ, хотя и былъ въ положенное для открытія музея время. По печатному объявленію, музей открывается по воскресеньямъ, съ 11-ти до 2-хъ часовъ.

VIII.

8 августа, по утру, я прибылъ въ Оршу, уѣздный городъ моголевской губерніи. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра и рѣчки Оршицы, впадающей въ Днѣпръ въ самомъ городѣ. Жителей въ городѣ къ 1880 году было свыше 5,000 обоего пола. Орша становится извѣстною предположительно въ XI и несомнѣнно въ XII вѣкахъ. Отъ древнихъ временъ сохранился доселѣ огромный земляной валъ при впаденіи р. Оршицы въ Днѣпръ, гдѣ поэтическое воображеніе Лермонтова поселило прославленнаго имъ боярина Оршу. Но кромѣ этого вала, въ Оршѣ нѣтъ ничего, относящагося къ глубокой древности. Въ церковно-археологическій музей при кievской духовной академіи, лѣтъ 15-тъ тому назадъ, пожертвовано помѣщикомъ Меленевскимъ рукописное пергаменное евангеліе XIV вѣка, выброшенное будто бы французами въ 1812 году изъ одного изъ оршанскихъ монастырей, но изъ какого именно — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, теперь нѣтъ въ Оршѣ даже и преданія о мѣстныхъ монастыряхъ и церквяхъ, восходящихъ къ XIV вѣку. Древнѣйшая изъ оршанскихъ церквей есть Ильинская деревянная. По преданію, она построена княгинею Софьею Юрьевною въ 1505 году на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, основанной около 1460 года польскимъ королемъ Казимиромъ I въ память спасенія супруги его Елизаветы, которая, купаясь 20 іюля, въ день пророка Ілии, едва не утонула. Въ этой церкви хранится королевская грамота съ привилегіей на перевозъ черезъ Днѣпръ. Другая церковь, Рождество-Богородичная, существовала уже въ XVII вѣкѣ, и при ней въ 1661

году было православное братство, какъ это можно видѣть изъ церковныхъ документовъ. Есть еще въ Оршѣ православные соборъ и Покровскій монастырь съ духовнымъ училищемъ; но первый передѣланъ изъ тринитарскаго костела, а послѣдній, съ училищемъ, помѣщается въ зданіяхъ бывшаго базилианскаго женскаго монастыря, основаннаго уніатскимъ митрополитомъ Антоніемъ Селявою въ 1642 г.

Въ настоящее время самую важную достопримѣчательность Орши составляютъ два загородные православные монастыря, мужской и женской, основанные въ первой половинѣ XVII вѣка. Извѣстный ревнитель православія Стеткевичъ вмѣстѣ съ женою своею, урожденною княжною Соломерецкою, основалъ въ 1623 году Богоявленскій мужской монастырь, а въ 1631 году имъ и матерью его Анною, урожденною княжною Огинскою, основанъ женскій Успенскій монастырь. Монастыри эти находятся въ полверстѣ одинъ отъ другаго за городомъ, въ направленіи къ Могилеву, на впадающей въ Днѣпръ рѣчкѣ Кутейникѣ, отчего и носятъ названіе Кутейнскихъ.

Кутейнскій Богоявленскій мужской монастырь въ началѣ своего существованія былъ ставропигіальнымъ, именовался лаврою, имѣлъ многочисленное братство и, по свидѣтельству патріарха Никона, служилъ разсадникомъ общежитія во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ. При монастырѣ была православная школа и типографія для печатанія книгъ. Когда въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшею и взялъ Оршу, патріархъ Никонъ, только—что устроившій Иверскій монастырь, съ разрѣшенія царя взялъ изъ оршанской Богоявленской лавры настоятеля ея іеромонаха Ююля Труцевича съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы устроить, при помощи ихъ, общежитіе и въ Иверскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведена была въ Иверскій монастырь и типографія Богоявленской лавры. Построенный же Стеткевичемъ храмъ существуетъ и доселѣ. Въ этомъ храмѣ заслуживаютъ вниманія иконостасъ и стѣнная живопись XVII вѣка, и галерея снаружи возлѣ притвора при входныхъ дверяхъ, называемая «бабинець», съ узкою застекленною скважиною во всю длину западной стѣны храма. Фундаментъ церкви и подвалы—каменные. Кирпичъ въ нихъ длиною въ 4¹/₂ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ. Въ настоятельскихъ келліяхъ хранится портретъ основателя монастыря Стеткевича. Въ настоящее время этотъ бѣдный монастырь получаетъ нѣкоторое пособіе (около 1500 р. въ годъ) отъ отдачи въ аренду монастырской земли для добыванія и выдѣлки извести.

Въ женскомъ Кутейнскомъ монастырѣ первоначально построена была деревянная церковь во имя Успенія пресв. Богородицы; но она вскорѣ сгорѣла, и вмѣсто нея выстроена каменная церковь съ главнымъ престоломъ во имя сошествія св. Духа. Церковь эта освящена была въ 1635 году кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ гласить надпись, вдѣланная въ стѣну внутри церкви. Изъ достопримѣчательностей ея слѣдуетъ упомянуть: 1) Казанскую икону Богоматери XVII вѣка; 2) большой колоколь—даръ царевны Наталіи Алексѣвны; 3) золотую гривну на мѣстной иконѣ Спасителя, украшенную камнями, — даръ царя Алексѣя Михайловича и 4) серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматери, прекрасно исполненныя могилевскимъ мастеромъ Аѳанасіемъ Вовчкомъ въ 1763 и 1767 годахъ. Въ монастырѣ есть также портретъ основателя его Стеткевича.

IX.

Изъ Орши я отправился въ Могилевъ по Днѣпру на пароходѣ общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ. Но, вслѣдствіе обмелѣнія Днѣпра, пароходъ дважды садился на мель, одинъ разъ передъ Шкловомъ, а другой—не доѣзжая верстъ трехъ до Могилева. Оба раза публика третьяго класса должна была высаживаться на берегъ, чтобы дать пароходу возможность сойти съ мели. Вслѣдствіе невольныхъ остановокъ на меляхъ, пароходу пришлось запоздать противъ назначеннаго срока часовъ на пять и придти въ Могилевъ далеко за полночь. Извозниковъ на пристани не оказалось, — и многимъ пассажирамъ пришлось или дожидаться извозниковъ, или пѣшкомъ тащиться въ городъ съ багажемъ.

Нашъ пароходъ, по пути изъ Орши къ Могилеву, проѣзжалъ мимо Копыся и Шклова. Первый — заштатный городъ горецкаго уѣзда; лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Копысь упоминается уже въ XI столѣтіи. Здѣсь умеръ въ 1059 году, возвращаясь изъ Кіева, новгородскій архіепископъ Лука Жидята. Съ парохода видны: остатки древняго землянаго вала на самомъ берегу Днѣпра; домикъ, въ которомъ жилъ императоръ Петръ I въ сѣверную войну съ Карломъ XII; деревянная евангелико-реформатская церковь, построенная, по словамъ мѣстнаго священника, Радзивиллами, вѣроятно XVI в.; римско-католическій упраздненный деревянный костель вѣка XVII и двѣ деревянныя церкви, изъ коихъ одна по вѣшнему виду можетъ

быть отнесена тоже къ XVII вѣку. Въ Шкловѣ же съ парохода видѣвъ только римско-католическій каменный костель.

Въ Могилевѣ я прибылъ ночью съ 9-го на 10-е августа и пробылъ въ немъ 1½ сутки. Городъ расположенъ по обоемъ берегамъ Днѣпра и рѣчки Дубровенки, при впаденіи послѣдней въ Днѣпръ, на холмистомъ волнообразномъ мѣстоположеніи. Жителей къ 1880 году было свыше 40,000 обоого пола,

По исторіи Могилева и могилевской губерніи извѣстны: «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнихъ временъ» О. Турчиновича, С.-Петербургъ, 1857 г.; 2) «Историко-статистическое описаніе могилевской губерніи», Везъ-Корниловича; 3) «Опытъ описанія могилевской губерніи», подъ редакціей мѣстнаго губернатора А. С. Дембовецкаго, въ трехъ большихъ томахъ. Могилевъ, 1882 и 1884 гг. Кромѣ того, въ настоящее время, по распоряженію преосвященнаго могилевскаго Сергія, собираются историко-статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквяхъ могилевской епархіи и разрабатываются преподавателемъ могилевской дух. семинаріи Пятницкимъ. Въ городѣ есть центральныи архивъ судебныхъ мѣстъ, губернский архивъ, публичная библиотека и музей. Въ послѣднемъ, кромѣ выставки сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній губерніи, находится: сани Наполеона I, покинутыя имъ во время бѣгства изъ Москвы въ 1812 году; деревянная балка изъ домика Петра I въ городѣ Копыси, со слѣдующею вырѣзною надписью— «Благослови Господи домъ сей и всѣхъ живущихъ въ немъ, 1696»; императорское рѣзное золоченное кресло съ вензелемъ Екатерины II; грамота Сигизмунда III черейскому Михайло-Архангельскому костелу, 1606 г., построенному Львомъ Салѣгою, и др.

По изслѣдованіямъ мѣстныхъ историковъ, Могилевъ на Днѣпрѣ былъ срубленъ Львомъ Юрьевичемъ, правнукомъ Данила Романовича Галицкаго, около 1319 года, и укрѣпленъ Ягелломъ. Но изъ древнѣйшихъ временъ существованія этого города въ немъ ничего не сохранилось до настоящаго времени. Всѣ сохранившіяся старѣйшія постройки въ городѣ относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Близъ самаго Могилева существовалъ Печерскій монастырь, упоминаемый подъ 1532 годомъ. Но отъ него не осталось ничего до настоящаго времени. Теперь тамъ находится архіерейскій загородный домъ съ домовою церковію. Въ самомъ Могилевѣ однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей нужно признать Спасскій монастырь, при которомъ въ концѣ XVI вѣка существовало братство и школа языковъ: латинскаго, польскаго

и русскаго. Спасскій монастырь существуетъ и до настоящаго времени, и въ немъ находятся спасская церковь, архіерейскій ломъ, консисторія и семинарія; но всѣ эти зданія построены въ XVIII в., преимущественно при преосвященномъ Георгіѣ Конисскомъ. Въ церкви находится древняя, хорошо сохранившаяся икона Богоматери, вѣроятно начала XVII вѣка, а въ ризницѣ — нѣсколько старыхъ антиминсовъ и между ними два антиминса времени Михаила Ѳеодоровича. Въ семинарской библиотекѣ есть нѣсколько книгъ и рукописей изъ библиотеки преосвященнаго Георгія Конисскаго. Изъ рукописей можно отмѣтить слѣдующія: копии документовъ города Могилева, начиная съ 1561 года; «Сказаніе животовъ святыхъ», — рукопись XVII вѣка, представляющая южно-русскій переводъ «Żywotow świętych» иезуита Петра Скарги, сдѣланный Іоанникомъ Галатовскимъ; нѣсколько латинскихъ учебниковъ и историко-юридическихъ документовъ, переписанныхъ рукою самого Георгія Конисскаго. Кромѣ того, въ семинарской библиотекѣ была какая то рукописная лѣтопись, которая передана на время Е. В. Барсову и въ настоящее время готовится къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ».

Другой замѣчательный монастырь въ Могилевѣ — Богоявленскій братскій. Онъ основанъ въ 1620 году могилевскимъ православнымъ крестonosнымъ братствомъ на землѣ, подаренной въ 1619 году православнымъ княземъ Огинскимъ. Главный храмъ Богоявленія, начатый постройкою въ 1633 году, по окончаніи былъ торжественно освященъ въ 1636 году могилевскимъ епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ построена, иждивеніемъ братства, теплая каменная церковь во имя Іоанна Богослова, при которой въ 1669 году учреждено было особое младшее братство. При входѣ въ Богоявленскую церковь вдѣлана въ стѣну металлическая доска надъ гробомъ инока Арсенія Азаровича, умершаго въ 1652 году, съ перечисленіемъ его услугъ для храма. На лѣвой передней колоннѣ храма помѣщается чудотворная икона Богоматери, первой половины XVII вѣка, повидимому, нѣсколько подновленная. При Богоявленскомъ братствѣ была нѣкоторое время славянорусская типографія.

Изъ остальныхъ достопримѣчательностей Могилева можно упомянуть развѣ Іосифовскій кафедральный соборъ, заложенный собственноручно императрицей Екатериной II и австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ память свиданія ихъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ 1780 году, замѣчательный живописью иконостаса.

Могилевъ былъ послѣднимъ пунктомъ остановки въ моемъ путешествіи. Мнѣ нужно было спѣшить въ Кіевъ, такъ какъ оканчивался срокъ моего отпуска. Не довѣряя аккуратности пароходнаго сообщенія по Днѣпру, я избралъ кратчайшій сухопутный путь до ближайшаго пункта желѣзной дороги Бобруйска и оттуда направился въ Кіевъ черезъ Бахмачъ.

Н. Петровъ.

Іюль — августъ 1888 г.

Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви.

Кто въ Малороссіи бывалъ въ деревенской церкви въ великій постъ, особенно въ страстной четвергъ, *на проводы, на Спаса* (6-го авг.), въ Дмитріеву субботу, тотъ поражается былъ обиліемъ всякаго рода приношеній, которыя вообще называются *мисочками*. Название это произошло отъ того, что *палыныци, кныши, рыба, куры, колбасы* приносятся въ церковь въ мискахъ и часто остаются въ нихъ до конца богослуженія.—Обычай совершать приношенія въ храмъ освященъ нашей православной церковью, хотя онъ вытекаетъ совершенно изъ другаго порядка понятій и восходитъ къ славянской старинѣ. Интересно собрать свѣдѣнія о всякаго рода приношеніяхъ, такъ какъ по мѣстамъ они уже выводятся или же измѣняются согласно послѣдней модѣ. Такъ, напр., я знаю случай, когда священнику не нравилось приношеніе палыныць съ *чехоней* наверху (вслѣдствіе ея сильнаго запаха), и онъ велѣлъ замѣнить чехоню фунтомъ сахару (уманск. уѣздъ).

Мисочки въ великій постъ, обыкновенно по субботамъ на обѣднѣ, а иногда и по пятницамъ, состоятъ изъ трехъ постныхъ палыныць, 3-хъ калачей, 3-хъ кнышей; иногда миска бываетъ наполнена пирогами съ капустой, или *горохляныками*. Сверху на мисочкѣ въ постъ часто кладутся сельди простыя, чехоня, бублики, пряники (медвѣнныки—коньбы). Съ первой же седмицы великаго поста несутъ въ церковь кухлычки (кувшинчики и банки) съ медомъ; надъ этими кухлычками происходитъ поминовеніе усопшихъ, чтеніе номинальныхъ грамотокъ. Кухлычки остаются до четверга страстной недѣли, а въ четвергъ они дѣлятся между причтомъ. Въ Бессарабіи въ эти кухлычки сыплютъ крупу, шпено, муку, въ особенности кукурузную.

На *проводы* („радолицу“), понедѣльникъ и вторникъ оминой недѣли, когда бываетъ поминовеніе усопшихъ, въ церковь приносятъ *паски*, кныши скоромные; на мисочку также кладутся куры (варенныя или жареныя), сало, колбасы, вареники съ сыромъ и въ сметанѣ, крашанки или бѣлыя яйца. Надъ всѣми этими мисочками обыкновенно въ церкви служится великая панихида, или парастасъ. Затѣмъ священникъ съ причтомъ идетъ на кладбище, гдѣ на каждомъ гробѣ еще находятся мисочки съ калачами, курами и крашанками. Надъ мисочками служатся панихиды, послѣ чего мисочки эти поступаютъ въ доходъ причта. Кромѣ этого на гробы приносятся всякія пасхальныя яства и напитки, которые предлагаются родственникамъ, бѣднымъ, нищимъ и вообще всѣмъ проходящимъ; для угощенія же мертвецовъ имъ во гробъ зарываютъ крашанки и часто на гробъ совершаютъ возліянія отъ напитковъ. Къ вечеру обыкновенно на гробахъ бываетъ уже не поминовеніе покойниковъ, а веселое пиршество, напоминающее отчасти древне-русскую тризну. Въ особенности такимъ веселымъ характеромъ отличаются поминовенія въ Кіевѣ на Щекавицѣ, на Байковомъ кладбищѣ и въ Одессѣ на городскомъ кладбищѣ.—Изъ приношеній еще надо упомянуть о хлѣбѣ и соли, которыя кладутся на мертвеца. Этой соли придается значеніе цѣлебнаго свойства противъ такъ называемой *мертвой кости*. На югѣ, подлѣ Чернаго моря, въ постъ этотъ хлѣбъ часто смазываютъ рыбьимъ жиромъ, противъ чего возстаютъ мѣстные священники, такъ какъ не терпятъ непріятнаго рыбьяго запаха.

Всѣ рассмотрѣнныя приношенія, какъ то: хлѣбъ, рыба, куры, крашанки, а въ особенности медъ и зерна, имѣютъ значеніе поминовенія по умершимъ ¹⁾. Всѣ эти приношенія чисто народнаго происхожденія и допущены только нашею церковью; въ дѣйствительности же правилами апостольскими и правилами соборовъ они запрещаются. 3-е правило св. апостоль такъ объ этомъ говоритъ: „Аще кто Епископъ, или пресвитеръ, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ къ олтарю иныя нѣкоторыя вещи, или медъ, или млеко, или вмѣсто вина, приготовленный изъ чего либо другаго напитокъ, или птицы, или нѣкоторыя животныя, или овощи, вопреки учрежденію, кромѣ новыхъ благословъ, или винограда, въ надлежащее время: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“. То же самое подтвер-

¹⁾ „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“—Сумцова. Стр. 66—68.

ждено карагенскимъ соборомъ, пр. 46 и VI вселенскимъ соборомъ пр. 57 и 99.

Какое значеніе имѣютъ всякаго рода хлѣбы, куры, яйца, теперь трудно указать; несомнѣнно, что коливо, медъ, зерна, въ Великороссіи блины составляютъ остатокъ славянскаго жертвоприношенія по умершимъ; колбасы же, сало, угощеніе (обильное) свининой и напитками во время поминальныхъ осеннихъ *обидовъ*,—все это носить характеръ древне-русской тризны. Поминовенія на дому и въ особенности *обиды* носятъ характеръ торжества, гдѣ печали почти никакого мѣста не удѣляется. При этомъ очень часто практикуется обрядность чисто языческаго происхожденія. Обыкновенно, изъ рюмки немного водки проливаютъ на столъ, въ честь умершихъ, приговаривая: „дай, *Боже, намъ жыты, а помершымъ душамъ царство небесное, нехай имъ легенько икнетця на тымъ свити, нехай имъ земля перемъ*“, что уже восходитъ къ древне-римскому пожеланію: *sit tibi terra levis!*

Кромѣ приношеній въ церковь, священники и причетники собираютъ еще приношенія на дому, когда ходятъ съ молитвой, съ крестомъ и крошилomъ. Тутъ уже собираютъ калачи, хлѣбъ зерновой, яйца, пеньку и всякую живность. Священникъ, что видитъ, то и проситъ: „а ты бѣ, говоритъ къ хозяину, давь вивса для коней, а ты бѣ, хозяйка, дала магушци лену, прицыва!“ Здѣсь въ полной силѣ осуществляется народное изреченіе: „попивски очы завидуши, руки загребуши“.

Вызываютъ приношенія и на домъ къ священнику. Здѣсь прежде всего надо поставить интересный обычай, который состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ вновь поставленному священнику сходятся всѣ поселане и приносятъ ему хлѣбъ зерновой, полотно, иногда даже дарятъ скоть на первое обзаведеніе. Когда на свадьбу просятъ невѣста, то приносятъ священнику шишки; за молитвой баба—повптуха идетъ и несетъ священнику паланицу, курицу и водку; въ волынской губерніи ндутъ (въ рождественскій постъ) за молитвой и несутъ миску зерна, и надъ этой миской священникъ читаетъ молитву.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на храмовой праздникъ, когда бываетъ добровольная складчина подлѣ церкви натурой и готовится обѣдъ. До недавняго времени къ храмовымъ праздникамъ медъ сытили и пиво варили; въ послѣднее время, кажется съ алцизными цѣлями, здѣсь запрещенъ этотъ исконный, древне-русскій обычай.

Хр. Яцуржинскій.

Императоръ Александръ I въ Бѣлой-Церкви у графини Браницкой.

«Cesarz Alexander Pierwszy często zajezdzał do Białej Cerkwi do starej hetmanowej i nie inaczej ją nazywał, jak kuzynką». (Царь Александръ I часто заѣзжалъ къ старой гетманшѣ и называлъ еѣ не иначе, какъ кузиной). Такъ говорилъ мнѣ старый панъ, заброшенный судьбою со своей родины, подлѣпровской Украины, въ придонскія степи, гдѣ онъ, совсѣмъ уже дряхлымъ старикомъ, доживаетъ вѣкъ у родственника, начальника одной изъ глухихъ станцій ...ской ж. д. Рѣчь шла про Бѣлоцерковщину—имѣніе графовъ Браницкихъ, въ кievской губ., гдѣ мой собесѣдникъ провелъ свои молодые годы.

Его рассказъ вызвалъ и у меня воспоминанія о той же Бѣлой Церкви, гдѣ я учился въ гимназіи. Самый тонъ рѣчи старика живо припомнилъ мнѣ Бѣлую Церковь съ ея официалистами, съ ея средоточіемъ интересовъ всего населенія на семьѣ графовъ Браницкихъ, съ ихъ дворцомъ, паркомъ Александріей и всею обстановкою той магнатской жизни, какую я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ еще при крѣпостномъ правѣ и которая такъ мало рознилась въ ея проявленіяхъ отъ извѣстнаго мнѣ по описаніямъ польскаго магнатства. Мой собесѣдникъ также говорилъ о графахъ Браницкихъ, не называя ихъ по фамиліи, а только по имени—*hrabia Władysław, hrabina Konstancja*¹⁾—также согласно этикету шляхетско—польскому называлъ по чину «*stary hetman, hetmanowa, senatorowa*»—разныхъ членовъ семьи графовъ Браницкихъ, какъ это я слыхалъ въ самой Бѣлой Церкви, гдѣ разумѣется, страннымъ бы показалось всякому непониманіе, о комъ идетъ рѣчь.

Все это припомнило мнѣ, что у меня въ бумагахъ имѣется лѣтъ 25 тому назадъ написанное описаніе Бѣлоцерковщины, что описаніе это могло бы быть не безынтересно для читателей «Кievской Старины» и что мнѣ слѣдовало бы добыть это описаніе изъ подъ спуда, просмотрѣть и отдать для напечатанія.

Но пока то я соберусь это сдѣлать, позволяю себѣ передать читателямъ рассказанный мнѣ моимъ собесѣдникомъ случай.

Императоръ Александръ I во время устройства Аракчеевымъ военныхъ поселеній бывалъ на югѣ и проѣздомъ дѣйствительно

¹⁾ Графъ Владиславъ, графиня Константинова.

удостоивалъ пощёніемъ жившую еще тогда вдову Ксаверія Браницкаго, носившаго титулъ короннаго гетмана, несмотря на окончательное присоединеніе Кіевщины къ Россіи, старую гетманшу, урожденную Энгельгардтъ, племянницу Потемкина. Память послѣдняго, а можетъ быть и единственнаго такого пощёщенія осталась и до настоящаго времени. Въ одномъ изъ павильоновъ лѣтней резиденціи гр. Браницкихъ въ паркѣ Александріи я видѣлъ комнату, гдѣ ночевалъ Александръ Благословенный. Тамъ сохранилась его постель и не догорѣвшія восковыя свѣчи. Павильонъ этотъ, я помню, назывался царскимъ и въ немъ въ 1860 году останавливался покойный государь Александръ Николаевичъ, пріѣзжавшій на охоту къ графамъ Браницкимъ. Въ паркѣ Александрія имѣется особый садикъ, гдѣ тщательно сохраняются деревья, посаженные разными лицами царствующаго дома и въ томъ числѣ Александромъ Благословеннымъ, Николаемъ Павловичемъ и Александромъ Николаевичемъ. Каждое такое дерево обставлено чугуною рѣшоткою, на которой бронзированныя таблички съ рѣзною надписью о томъ, кѣмъ и когда это дерево посажено.

«Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ къ гетмановой, — рассказывалъ мнѣ старый панъ, — Государь велѣлъ кучеру ѣхать не прямо по дорогѣ въ Александрію, по которой проѣхали другіе экипажи его поѣзда, а своротить отъ русскаго кладбища въ мѣстечко, и поѣхалъ по улицѣ, гдѣ теперь комиссарія (домъ управляющаго имѣніемъ и экономическая контора). — Не доѣзжая до Александріи, Государь захотѣлъ переодѣться и, велѣвъ остановить лошадей, зашелъ въ одну изъ хатокъ, выстроенныхъ тогда вновь вдоль по-надъ дорогою для садовниковъ — *пльмцевъ*, откуда то привезенныхъ графиней.

Въ хаткѣ Государь засталъ молодую женщину, плачущую горькими слезами, такъ что даже приходъ незнакомаго ей военнаго не унялъ ея рыданій. Государь сталъ участливо спрашивать её, о чемъ она плачетъ, и она, кое какъ успокоившись, рассказала, что мужъ ея, нѣмецъ садовникъ, пошелъ въ Александрію (паркъ) — гдѣ всѣ ожидаютъ Государя, а её побилъ и запретилъ ей выходить изъ дому и что она такимъ образомъ не увидитъ Царя. Императоръ Александръ успокоилъ плакавшую, попросилъ позволенія переодѣться у нея въ хаткѣ и сказалъ, шутя: «ну, если онъ такой недобрый, то я сдѣлаю такъ, что мужъ твой не увидитъ Царя, а ты увидишь» и сейчасъ распорядился арестовать этого *пльмца* садовника и не выпускать его до тѣхъ поръ, пока онъ, Государь, будетъ пребывать въ Александріи. Переодѣвшись, Государь сказалъ, женщинѣ кто онъ, въ чемъ она убѣ-

дѣлалась, увидавъ подосиѣвшую къ ей хаткѣ многочисленную свиту Государя, и щедро вознаградивъ её, отѣхалъ. А мужъ на самомъ дѣлѣ просидѣлъ подъ арестомъ все время пребыванія Государя и не видѣлъ его.

По дорогѣ отъ мѣстечка Бѣлой Церкви къ парку Александріи, я помню, стояла простая хата, (это было въ концѣ 50-ти годовъ), передъ которой имѣлся довольно обширный палисадникъ, огороженный шалевочнымъ старымъ заборчикомъ и обсаженный высокими осокорами. Я тогда еще зналъ, что эта выдающаяся огорожа и старыя высокія осокоры означаютъ мѣсто, гдѣ останавливался Александръ Благословенный. Зналъ я, что хозяйка этой хаты были избавлены отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, графовъ Браницкихъ, и отъ подушнаго оклада и военной повинности государству. Последнее я зналъ вотъ почему:

Во время Крымской войны, были усиленные рекрутскіе наборы. Въ Бѣлой Церкви сельская громада и при крѣпостномъ правѣ сохранила въ своихъ дѣлахъ извѣстнаго рода автономность и сама распорядилась сдачею рекрутъ. Въ одинъ изъ такихъ наборовъ, — не помню года, а знаю только, что дѣло было осенью, — во дворѣ моего дяди, служившаго придворнымъ врачомъ у графовъ Браницкихъ, произошло слѣдующее: играя оволо крыльца, я увидалъ двухъ мужиковъ, которые, отбиваясь «ципками» отъ злаго рыбака, прошли въ нашу конюшню. Немного погодя они вышли изъ конюшни и передъ ними шель со связанными у локтей руками, дидинъ кучеръ Дорошъ. Я испугался и закричалъ; на мой крикъ изъ большаго дома выбѣжалъ лакей Михайло, а изъ флигеля кухарка Хотина и двѣ или три дѣвки (во флигелѣ шла тогда стирка бѣлья). Михайло какъ то ахнулъ и спрятался въ сѣни, а Хотина и дивчата съ воплемъ кинулись къ Дорошу и сопровождавшимъ его мужикамъ. Произошла какая то не совсѣмъ понятая мною суета. Дивчата плакали, голосили, цѣловали руки одного изъ мужиковъ, кланялись ему въ ноги, хватали его за колѣна (это, очевидно, было сельское начальство). — Послѣ я увидѣлъ Хотину моментально перескочившею плетень, у котораго стѣснились Дорошъ съ проводникомъ и другой мужикъ съ обхватившими его дивчатами. Затѣмъ послышалось: «тикай, тикай, Дороше!» Я помню, какъ блѣдный, какой то одеревенѣлый Дорошъ вдругъ рванулся, выпросталъ сперва одну, послѣ другую руку изъ рукавовъ полушубка и, освободившись такимъ образомъ, въ нѣсколько прыжковъ достигъ плетня сада, перескочилъ черезъ него и былъ таковъ. Затѣмъ уже мое вниманіе было привлечено руганьемъ этихъ двухъ чужихъ му-

жнєвъ, изъ конхъ одинъ отвязывалъ другаго отъ плетня. Я услышалъ слова уходящаго изъ сѣней въ переднюю Михайла: «молодецъ баба! теперь ниши!» Послѣ уже для меня все выяснилось изъ разговоровъ: Михайло, какъ мужчина, обязанный оказывать помощь при взятіи рекрута, спрятался въ сѣни; дѣвки облѣпили отамана, а Хотина перескочила черезъ плетень и своимъ поясомъ сумѣла привязать прижатаго къ плетню десятника. Дорошъ же, руки котораго были у локтей прихвачены его же поясомъ поверхъ полушубка, разстегнутаго спереди, высвободился изъ полушубка и удралъ. Поимщники остались въ дуракахъ, ибо съ бабъ нечего было взять. «Ихъ дило жиноцьке! Хоть бы й якъ одбили некрута—имъ можна». Вернувшійся домой отсутствовавшій во время этого происшествія дядя разыскалъ Дороша и усласть его съ письмомъ на время къ нашимъ родичамъ въ с. Перегоновку, а послѣ успѣлъ отстоять его отъ рекрутчины на томъ основаніи, что Дорошъ внучъ той женщины, которую посѣтилъ при выше рассказанныхъ обстоятельствахъ Александръ Благословенный.

И дѣйствительно, я съ того времени зналъ, что въ той особенной, описанной выше хатѣ жила мать Дороша съ его старшимъ женатымъ братомъ. Рассказывали тогда, что мать Дороша была маленькою дѣвочкою въ то время, когда ихъ посѣтилъ Императоръ Александръ I. Я помню эту старуху: высокая, бѣлобрысая, всегда строгая. Вся семья Дороша называлась Ягусты, Ягустенки—и произносилось, какъ латинское *g*.

Не есть ли это исковерканные Августъ, Августенки?

Рассказъ стараго пана, называющій владѣльца посѣщенной Александромъ Благословеннымъ хатки *нѣмецемъ*, даетъ намъ право съ большею увѣренностію сдѣлать эту догадку.

Борисъ Познанскій.

19 декабря 1889 года

Павловскъ.

Къ замѣткѣ Н. Д. Н. „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“.

Въ мартовской книгѣ «Кіевской Старины» за этотъ годъ г. Н. Д. Н. сообщилъ очень интересныя подробности о своихъ переговорахъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ литературнаго фонда, по дѣлу освобожденія изъ крѣпостной зависимости бывшимъ владѣльцемъ с. Кирилówki и ея крѣпостнаго населенія г. Флѣорковскимъ

братьевъ и сестры Т. Г. Шевченка съ ихъ семействами.—Изъ этой замѣтки мы узнаемъ, что г. Флѣорковскій положительно отказалъ въ лицѣ Н. Д. Н. литературному фонду, при выдачѣ вольной семьѣ поэта, даже за деньги надѣлать ее землю, мотивируя свой отказъ, помимо чисто личныхъ взглядовъ и отношеній къ Т. Г. и его семьѣ, еще соображеніями, вытекавшими изъ циркулировавшихъ тогда во многихъ помѣщичьихъ кружкахъ слуховъ, что въ видахъ и цѣляхъ правительства при приближавшемся разрѣшеніи крестьянскаго вопроса дать крестьянамъ личную свободу безъ надѣла ихъ землею.— Переговоры г. Н. Д. Н. съ г. Флѣорковскимъ на этомъ и окончились и только впоследствии изъ отчета общества литературнаго фонда г. Н. Д. Н. узналъ, что г. Флѣорковскому принесена была благодарность обществомъ за взносъ 900 р. въ кредитныя учрежденія при выдачѣ вольной семьѣ Т. Г.

Переговоры литературнаго фонда съ г. Флѣорковскимъ велись Н. Д. Н. въ августѣ 1860 г.—19 февраля 1861 года состоялся великій актъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею изъ крѣпостной зависимости, слѣдовательно личное освобожденіе семьи Т. Г., со взносомъ за ихъ крѣпостныя души 900 р. въ кредитныя учрежденія, совершено было ихъ владѣльцемъ въ теченіи четырехъ, пяти мѣсяцевъ... и теперь не безынтересно будетъ рассказать, какъ совершилась эта вольная, вызвавшая благодарность литературнаго фонда.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупныя акты въ кievской губерніи, согласно Высочайшему указу 30 іюля 1863 г., въ звенигородскомъ уѣздѣ въ 1865 г. было учреждено повѣрочное отдѣленіе при мировомъ съѣздѣ, въ составъ котораго въ числѣ другихъ сель 2-го и 4-го мировыхъ участковъ вошло и с. Кирил^овка владѣнія г. Флѣорковскаго.

Мнѣ, какъ предсѣдателю повѣрочнаго отдѣленія, мировому посреднику Е. Я. Соколовскому и кандидату мировыхъ посредниковъ Н. И. Баковецкому пришлось открыть засѣданіе на мѣстѣ, въ с. Кирил^овѣ, и произвести тамъ повѣрку грамоты, послѣ чего составить и выкупной актъ согласно правиламъ 19 февраля 1861 г. и позднѣйшимъ добавочнымъ узаконеніямъ и разъясненіямъ. Назначивъ срокъ нашего съѣзда туда въ среднѣхъ числахъ іюля 1865 г., мы по полученіи обратныхъ повѣстокъ отъ г. Флѣорковскаго и крестьянъ, — послѣднихъ съ приговоромъ объ избраніи ими уполномоченныхъ, — прибыли въ с. Кирил^овку и начали тамъ дѣло повѣрки. Г. Флѣорковскій въ

наше засѣданіе не прибылъ (онъ жилъ тогда въ другомъ своемъ имѣніи, кажется, въ черкасскомъ уѣздѣ), а выдалъ довѣренность женѣ своей, жившей тогда въ Кирилловкѣ, для веденія дѣлъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ звенигородскомъ уѣздѣ. Отозвавшись незнаемъ дѣлъ, она въ засѣданіи повѣрочнаго отдѣленія не являлась, а просила, по окончаніи повѣрки, объявленія ей протоколовъ и актовъ, съ правомъ обжалованія ихъ въ узаконенный для того срокъ; за происходившимъ же въ публичныхъ засѣданіяхъ повѣрочнаго отдѣленія она слѣдила, отрядивъ изъ служащихъ при экономіи лицъ одного или двухъ оффиціалистовъ, прислушивавшихся внимательно къ крестьянскимъ заявленіямъ и сопровождавшихъ насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ осмотрахъ усадебнаго и полеваго крестьянскаго надѣла, въ которыхъ являлась надобность.

Согласно выработанной извѣстнымъ дѣятелемъ крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ Г. П. Галаганомъ инструкціи, повѣрка уставной грамоты въ Кирилловкѣ началась обычнымъ объясненіемъ правъ крестьянъ на выкупъ отведенной имъ въ надѣлъ еще при инвентаряхъ земли, при чемъ разъяснялось, что Высочайшая воля дважды высказалась относительно правъ крестьянъ на эти земли,—въ первый разъ при составленіи и введеніи въ дѣйствіе инвентарей, когда земля эта объявлена была неприкосновенною и неизмѣняемою въ своемъ назначеніи крестьянскаго пользованія, и во второй разъ въ мѣстномъ положеніи 19 февраля 1861 г., подтвердившимъ не только неприкосновенность и неизмѣняемость инвентарныхъ земель, но и распространявшимъ на нихъ право выкупа со стороны крестьянъ, послѣ чего и приступлено было къ повѣркѣ уставной грамоты по пунктамъ. Приступивъ затѣмъ къ опредѣленію состава крестьянскаго общества, имѣющаго право на выкупъ инвентарныхъ надѣловъ, мы выслушали заявленія уполномоченныхъ отъ крестьянъ и семьи Т. Г. о правахъ послѣдней на надѣлъ. По разсмотрѣніи документовъ, представленныхъ къ заявленію, оказалось, что г. Флѣорковскій выдалъ вольную Шевченкамъ въ самомъ концѣ 1860 г., отложивъ выполненіе всякихъ формальностей по утвержденію ея въ долгій ящикъ и не выдавая ея на руки освобожденнымъ. Въ первыхъ числахъ марта 1861 г. былъ объявленъ, какъ извѣстно, манифестъ 19 февраля 1861 г., и г. Флѣорковскій поспѣшилъ тогда устроить всѣ формальности и выдалъ имъ на руки вольную. Освобожденные Шевченки отъ принятія ея отказывались, высказываясь: «на що намъ однимъ тая паньска воли та ще тоди, якъ люде дигдались цар-

скон—то зависно воля такъ воля зъ землею: якъ бувъ цилый викъ хлиборобомъ, такъ и zostавайся имъ, а ци—паньска, кидай землю, батькившину, худобу та и текай геть, геть зъ села, та й кажуть ще записуйся въ мищане, а яки зъ насъ ще будуть мищане...» Г. Фліорковскій на ихъ возраженія не обращалъ вниманія, а требовалъ, чтобы они очистили въ его пользу землю и усадьбы, уволились изъ общества и приписались гдѣ нибудь. Наступило время составленія и утвержденія уставныхъ грамотъ,—при составленія грамоты на Кирилловку г. Фліорковскій показалъ Шевченковъ выбывшими за получениемъ вольной изъ состава крестьянскаго общества, а надѣлы, оставшіеся отъ ихъ выбытія вакансами, поступающими къ нему,—въ такомъ видѣ грамота тогда была утверждена крестьянскими учрежденіями, дѣйствовавшимъ до указа 30 іюля 1863 г. На дѣлѣ Шевченки изъ общества не уволились и продолжали, несмотря на нѣкоторыя настоянія г. Фліорковскаго, значительно впрочемъ ослабѣвшія послѣ событій 1863 г., владѣть какъ своими усадьбами, такъ и надѣлами. Заявляя обо всемъ этомъ повѣрочному отдѣленію, и уполномоченные отъ крестьянъ, и семья Шевченковъ просили избавить послѣднихъ отъ этого проявленія «паньскои воли», а предоставить имъ право наравнѣ со всѣми прочими селянами воспользоваться «царскою волею».—Права же Шевченковъ на включеніе ихъ съ ихъ усадьбами и надѣлами въ уставную грамоту, послѣ всего вышесказаннаго, были настолько доказательны, что тогда же мы и включили ихъ въ число лицъ, на конхъ распространялся обязательный выкупъ,—противъ чего, насколько намъ извѣстно, г. Фліорковскій и не спорилъ.—Остается однако же послѣ всего этого вопросъ, за что благодарилъ литературный фондъ г. Фліорковскаго,—внесенныя имъ за личную свободу семьи Т. Г. деньги пошла въ уплату его же долга кредитнымъ учрежденіемъ,—личную свободу онъ силился доставить имъ безъ земли, въ ущербъ Высочайше дарованной тогда же воли крестьянамъ съ правомъ выкупа ихъ земель, и только повѣрка утвержденныхъ и введенныхъ въ дѣйствіе грамотъ возвратила имъ и землю, и тѣ права, которыхъ никто не рѣшался отнять отъ ихъ односельцевъ.

А. С. Л.

5 марта 1889 г.
г. Кіевъ.

Къ реформѣ Сперанскаго.

Высочайшій указъ 9 авг. 1808 г., проектированный Сперанскимъ, вызвалъ въ современномъ ему обществѣ чуть ли не всеобщее неудовольствіе; сущность его состояла въ томъ, чтобы даже и по выслугѣ законенныхъ къ тому лѣтъ никого не производить впередъ въ чинъ коллежскаго ассесора безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ или, являсь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ; это же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, но еще подъ условіемъ нахождения при томъ не менѣе 10 лѣтъ на службѣ, въ числѣ коихъ два года нужно было прослужить въ одной изъ поименованныхъ въ указѣ должностей. По программѣ, приложенной къ указу, при испытаніи въ университетѣ требовалось: «грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать изъ него на русскій; основательное знаніе правъ естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторіи всеобщая съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ, знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики».

Неудовольствіе общества и его представителей, помимо извѣстной записки Карамзина, выразилось въ массѣ стихотвореній и памфлетовъ, направленныхъ противъ Сперанскаго и его реформы, которые жадно читались и переписывались рукою. — Съ тремя изъ этихъ образчиковъ рукописной литературы начала XIX в., заимствованными нами изъ большаго рукописнаго сборника того времени, мы и знакомимъ нашихъ читателей.

Мысли унылаго дворянина.

Отъ Рюрика по днесъ дворянъ не утесняли
 За то Россію всѣ владычицей щитали.
 Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
 Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.
 Геройство, подвигъ, трудъ—трофеи создали
 И въ общемъ щастьи всѣ свое тогда считали,

А стая по небѣсамъ и въ глубь морей ходить
 Законъ учителямъ чтить, дѣла умомъ дѣлать
 Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ—хотя того не знали,
 Но быть подпорой всѣ отечества желали
 Великія во дняхъ владычества Имъ
 Почтеннымъ правами дѣлилися своимъ.
 А сынъ поповскій днесъ, какъ мыльной шаръ летая
 У счастья подъ рукой, цѣны трудамъ не зная,
 Науки вводитъ онъ, невежей бывши самъ.
 Гдѣ гибель общая онъ ищетъ счастья тамъ,
 Искусственнымъ мечемъ Россію поражая,
 Худой политекъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,
 Невѣденія завѣсъ у всѣхъ онъ хочетъ снять;
 Но какъ же онъ тогда умы можетъ унять,
 Чтобъ выучась всему, дѣлъ дворянскихъ не видали
 И мыслей тайныхъ всѣхъ тогда же не угадали.
 И съ тѣмъ упала бѣ въ васъ личина предъ людьми,
 Чтожь стали вы тогда? Какъ куклы предъ дѣтьми...
 Безумецъ! Размотри, что хочешь ты затѣять
 Остатню вырвавъ вѣтвь,—вражду межъ всѣхъ посѣять!
 Какая польза въ томъ, хотя бѣ въ Россіи всякъ
 Въ профессорство пошелъ {
 Сказали бѣ тогда такъ { пустое намъ въ дѣлахъ.
 И день и ночь трудится }
 Пойдемъ мы для чиновъ наукамъ всѣмъ учиться .
 И въ судъ ужъ не судья, а школьникъ бы пришолъ
 На то, чтобъ побывать—и тотчасъ бы ушолъ
 Наука съ деньгами гдѣ вѣсится тогда будутъ
 Профессора тогда себя не позабудутъ.
 И такъ ученыхъ тьма явилась бы намъ
 И цѣну бы себѣ всякъ видѣлъ тогда самъ,
 Пошелъ ли бы тогда на смерть умнякъ спокойно?
 Онъ тотчасъ бы сказалъ волю быти непристойно:
 Въ природѣ правы всѣ равно принадлежать
 Всѣмъ смертнымъ на землѣ; мнѣ всякой въ мірѣ братъ,
 Безъ личныхъ своихъ пользъ лить кровь другій не въ силахъ,
 Для глупыхъ лишь однихъ пусть счастье въ могилахъ.
 Иной, судьбою ставъ, и дастъ намъ приговоръ
 Изъ многихъ—силогизмъ ученой метафоръ.

Причинны слѣдствія покажетъ плодovито,
 Ораторскія перомъ и пышностью набито.
 Но что за польза въ томъ, что только для наукъ;
 Но правдѣ не даетъ къ защитѣ бѣдныхъ рукъ,
 Велить учиться всѣмъ, чтобъ знали по французски.
 На что подъячему? Когда онъ и по русски
 Безъ нужды править всѣмъ, законъ царевъ блюдетъ,
 Порядокъ дѣлъ отъ всѣхъ, по навыку вѣдетъ,
 Котораго, какъ онъ, не будетъ знать ученой
 Безъ оцита весь вѣкъ... но съ той только отиѣной:
 Кто тридцать лѣтъ трудясь, ставъ всѣмъ необходимъ
 Безуміемъ твоимъ за то, что онъ не выучилъ французской
 Не выучилъ языкъ. А съ грамотою русской
 Будь сынъ полезной и закону и царю,
 Остался безъ чиновъ! и мщеніемъ горю!...
 О Богъ! дай разумъ мнѣ! съ вопросомъ ужъ дерзаю:
 Въ хаосѣ смутномъ семъ въ себѣ себя не знаю:
 Ужель всевѣдущихъ -- намъ чуждыхъ языковъ
 Не можетъ никогда быть сущихъ дураковъ.
 Но что я вопрошаю? Я вижу то глазами;
 Сей вѣкъ для таковыхъ... инъ хлопъ теперь зубами.

ЭПИГРАМА

Велики чудеса Сперанскій намъ явилъ,
 Науками онъ вдругъ, дворянъ всѣхъ задавилъ.

СТИШКИ

Сперанскій выдумалъ учить ужъ стариковъ
 И хочетъ дѣлать онъ изъ мухи пауковъ.
 Великъ онъ сталъ теперь, хотя и сынъ поцовскій;
 Но къ сожалѣнію, въ немъ разумъ не отцовскій
 Громаду свѣта жъ онъ желаетъ перемѣнить
 И чтобъ въ хаосѣ томъ на вѣкъ себя затмить.

Народный разсказъ „про щасте“.

Печатаемый ниже разсказъ записанъ въ м. Верхіевѣ нѣжинскаго уѣзда, черниг. губ. отъ крестьянина П. М. Середки. Разсказъ этотъ былъ вызванъ чтеніемъ разсказа гр. Л. Н. Толстаго «Счастье», которое дало поводъ слушателямъ къ различнымъ сужде-

ніямъ. Убѣжденный тонъ рассказчика доказывалъ, что онъ смотрѣлъ на свой рассказъ не какъ на сказку, а искренне вѣрилъ въ его правдивость.

«Ось постійте жъ лышь, и я вамъ роскажу про щастя. Ото бувъ соби такой чоловикъ, що знавъ, хто вродывся щаслывыи, а хто безщасный. Якъ тыльки мяне чы на людыну, чы на скотыну, такъ и бачыть: ото жъ щаслыве, а то ни. И було въ того чоловика скилько тамъ дитей,—уси щаслывы, тылько одынъ сынъ-парубокъ нещаслывыи. Пришло уремя женыть того сына, а въ его вже и дивка на прымети е. Росказавъ винъ батькови, чыи дивка, побачывъ ии батько и заразы узнавъ, що й вона нещаслыва. Отъ винъ и каже сынови: знаешъ шо, сыну: не беры сіей, беры онъ таку то й таку! (А то щаслива).—Ии вже, каже сынъ, якъ не тую, такъ зовсимъ не хочю женытьця. Якъ уже батько не вговорявъ ёго,—винъ усе свое. «Видно, така вже его доля», подумавъ батько и оженивъ его, якъ той хотивъ. Пожылы воны трохы, батько и каже молодымъ: «гледить же, диты, жывить теперъ у мене, а якъ помру я, то не одризняйтесь одъ старшого брата, бо вы обое нещаслывы.» Якъ почулы се молоди и давай радытьця: колы мы нещаслывы, то ходимъ одъ ихъ зовсимъ,—може мы свое щастя найдемъ. Прийшли до батька. «Такъ и такъ», кажутъ, «пустить, тату, насъ шукать щастя; пійдемъ мы одъ васъ, щобъ и не жыть передъ вашыми очыма нещаслывымъ». Чого вже батько не робывъ, якъ не благовъ ихъ—ни: «пустить», та й годи. Отъ батько благословывъ -- «идить, диты, куды знаете: така вже мабуть Божа воля» оддильвъ имъ, що знавъ, запряглы воны кыбыточку, поихалы. Илуть день и другой, може воны тамъ и зъ тыждень, обо й зъ мысяць издылы и бачыть разъ на дорози, на выизди зъ села, лазыть двое щенять—видно хтось выкынувъ лышнихъ. Жинка й каже: «возимъ, чоловиче, одно лучченьке, може якъ небудь выгодуемъ, воно здастця.» Узылы. Чы скоро, чы не скоро обибралы воны соби мисто, купылы земелькы, грунтыкъ, волыкывъ, овечечокъ за ты грошы, що давъ имъ батько, и стали жыть. И собака тее изъ маленького стало добрымъ собакою—выгодувалы его то молочкомъ, то хлбцемъ. Ставъ той собака доглядать худобы. И що жъ бы вы думалы: за що воны не впызмутьця—въ усему имъ удача: хлбъ родыть добре, скотынка здорова, овечы, свыни, куре—все плодытьця добре, а росте—какъ зъ воды йде. Отъ годивъ черезъ шистъ у ихъ стало таке хазяйство, якого и въ батька не було. Згадалы воны разъ батька да й кажутъ: «отъ же батько й не знае, що намъ тутъ такъ добре;—напышимъ до его пысьмо, нехай

прииде перевидаецця, порадуецця на наше жыття». Порадылысь, послали. «Такъ и такъ, тату: жывемо мы, слава Богу, у достаткахъ— прыязжайте перевидаецця, отъ вамъ и грошы на дорогу». Дывуецця старый, не вирить. «Треба», думаетъ, «поихать, побачыць». Прыязджае. Бачыць по хазайству, що всего вволю, и не може додуматьця, що воно за знакъ: вже й на дитей дывывся, и на птыцю, и на скотынку, що дома була—не видно шаслывого! Дывуецця старый, не знае, що й подумать. У вечери сивъ на порози, выглядае скотыну зъ поля. Пройшли свыни зъ овчара, пройшли телята, пройшли коровы зъ череды—не ма шаслывого; колы се пастухы женуть отару овецъ, а за нымы й собака у двирь; тыльки глянувъ старый—«ага, ось де шастя!» Повечералы, балько й каже: «знаешъ що, сыну: звелы, щобъ убылы отого собаку.»—«На що, каже сынъ: винъ у мене дуже добрый собака, жалко, мы его зъ жыцкою маленькымъ найшы да выгодовалы, служывъ винъ намъ скылько годъ—за що его убываты?—Ось убый, я тоби кажу,—вамъ лучше буде». Що ты будешъ казаты? треба батька послухаты. Прыйшы пастухы на другый день, хазяинъ и каже: «убыйте заразы собаку». А пастухы «ни за що, кажуть, не вбьемо, лучше вы насъ расчытайте. Вы думаете, що се мы бережемо овецъ? Се все собака». Такъ и не захотылы. Навявъ винъ другыхъ, попаслы воны день чы два—«убыйте собаку».--«На що мы будемъ таку розумну тварь убываты? Не за-для того наймалысь». И покынулы. Отъ же найшовся такый, що не пожаливъ: якъ убый, такъ и убый,—убывъ и покынувъ у городи (такъ звеливъ старый). Хазяйка ажъ заплакала за собакою; а батько сивъ у двори и дывытьця въ городъ. Колы се бижать куры, одынъ пивень пидбигъ до того собаки да й клюнувъ его и разъ и два. «Ну, каже старый, добре. Уходыть у хату да й каже до невестки. «Отъ що, доню,—завтра, прыйшовшы зъ церкви, поиду я до дому, дакъ зарижъ мни на дорогу оттого пивня. Да гледы, не пробуй и никому не давай его пробувать; що негодытьця, те закопай, а що годытьця, те для мене жарь». На другый день пошовъ хазяинъ зъ батькомъ до церкви, а хазяйка заризала пивня и жарыть. Диты й давай просыть: «дай, мамо, покочтувать того пивныка що дидови заризала».—«Не можна, каже маты, дидъ не велывъ». Старшенькый же одыйшовъ, а меньшый, годивъ чогыры хлопчыкъ, просыть да й просыть; вона его й ударыла, а винъ усе свое просыть, плачучы. Колы се входить сусидка. «Чого се у васъ, сусидочко, плачь рады празныка?»—Такъ и такъ, свекоръ не велывъ коштувать пивня, а воно лизе, якъ слюта,—я й ударыла». «Э, голубонько, свекоръ сегодня тутъ, а завтра й поихавъ, а диты

повсегда зъ тобою: дай ему трошкы, одщыны тамъ чого nebude— воно й не видно буде». Вона такъ и зробыла. Повернули люде зъ церкви, входять и хазяинъ зъ батькомъ; тылько глянувъ старый на дитей, такъ п вбачывъ, що ему треба. Силы обидать: «Давай же, дочко й пивня». — «А вы жъ казали: на дорогу». — «Эге, то такъ треба було казати; а теперь можна исты, бо вже е у васъ щасливый», да й указавъ на того хлопчыка, що пивня покоштувавъ. Да й розказавъ имъ усе. «Ото черезъ те у васъ такъ добре хазяйство велось, що бувъ у васъ щасливый собака; а якъ бы собака въ полиздохъ, то й щастя тамъ бы осталось, и звелось бы ваше хазяйство. А якъ клянувъ пивень собаку, дакъ щастя перейшло въ пивня, а теперь у хлопчыка. Живыть теперь да Бога хвалить,—усе ваше пры васъ буде».

Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ.

Въ 1778 г., черниговскій житель Никита Зогій жаловался въ генеральный судъ, на архимандрита Троицкаго Ильинскаго монастыря Панасія за «привлеченіе въ подданство», при чемъ о предшествующихъ своихъ отношеніяхъ къ монастырю, разсказалъ слѣдующее:

«Дѣдъ мой Лаврентій зъ отцемъ моимъ Андреемъ и братами его, зайшли зъ Полши въ г. Черниговъ на жильє, искупили грунты и жили въ мѣщанскомъ званіи и козачомъ. По смерти жъ отца моего, оставшомуся мнѣ малолѣтнему, обучился грамоты и обучался въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ переплетческаго ремесла, и возросши по такомъ обученіи, съ начала вступилъ я въ партикулярную службу отъ 1760 года по желанію моему, при монастырѣ Троицкомъ Ильинскомъ, перво, послушникомъ зъ годъ и продавалъ книги печати того Троицкаго монастыря и типографщикомъ въ переплетѣ випечатованныхъ книгъ, а за тѣмъ, и книгъ продащикомъ, всего въ продолженіи времени чрезъ шесть лѣтъ, по договору въ годъ по 90-ти рублей платежа; а напоследокъ того, и на своемъ коштѣ отъ того монастыря продавалъ книги: за сколько-бъ денегъ книгъ ни продалъ, получалъ по договору десятину денегъ. А когда тотъ монастырь Троицкій началъ меня утѣснятъ, затѣмъ я началъ удаляться отъ нихъ, то оногo монастыря архимандритъ и чернецы не отпуская отъ того монастыря и притѣсняя, ограбили мое имущество, привязываясь ко мнѣ тѣмъ по долговременной моей службѣ, что якобы я сталъ родовитой подданной»....

Въ доказательство того, что онъ не монастырскій подданный, Зогій къ своей жалобѣ приложилъ выданные ему отъ монастырскаго начальства три «пашпорта», съ которыми онъ ѣздилъ торговать изданіями Ильинской типографіи въ Харьковъ, Роменъ, Сумы, Борзну и наконецъ даже въ Кіевъ. Приводи здѣсь эти пашпорта, указывающіе, какъ далеко шла торговля книгами черниговской печати, замѣтимъ, что Ильинская типографіи въ к. XVIII в. работала чрезвычайно успѣшно: поступившій въ 1766 г. въ Ильинскій монастырь настоятелемъ архимандритъ Евстафій нашель въ цемъ черниговскаго изданія «книгъ разнаго содержанія въ переплетѣ, тетрадахъ и листахъ 11304 экземпляра, на суму 46804 р. 65 к.»¹⁾

1) Обявитель сего послушникъ обители свято Троецка Илѣнска Чернѣговска Никита Андреевъ Зогій отправленъ съ оныхъ обители въ малороссійскіе города Сумы и Борзну, двумя санми, едними пароконными, а другими едноконными, для продажи книгъ, которому по указанію ея императорскаго величества, чинить какъ въ показаніе мѣста едучому, такъ и обратно въ обитель возвращающемуся, свободный пропускъ, чего во вѣрность и сей отъ меня за подписомъ руки моей и съ притисненіемъ монастырскаго печати, ему Никитѣ Андрееву, пашпортъ данъ. 1760 года, февраля 2 дня. Михайловскаго Переясловскаго монастыря игумень я и управитель свято Троецкой Илинской Чернѣговской обители Германъ съ братією.“

2) „Обявитель сего свято Троецкой Илинской Чернѣговской обители книгопродавецъ Никита Зогій слѣдуетъ въ армарки въ Роменъ и Харьковъ города, для продажи книгъ ему зъ монастыря оного жъ Троецкаго даннихъ, троелошаденнымъ возомъ и съ челоуѣкомъ, которому за силу ея императорскаго величества указомъ дабы вездѣ на учрежденныхъ караулахъ, свободный какъ туда, яко и обратно чинимъ бы былъ пропускъ, лучшаго же ради вѣроутія данъ сей за подписомъ руки моей и при обыкновенной монастырскаго печати пашпортъ. 1760 года, іюля. Михайловскаго Переясловскаго монастыря игумень и управитель свято Троецкой Илинской Чернѣговской обители Германъ съ братією“.

3) „Обявитель сего Троицкаго Илинскаго Чернѣговскаго монастыря книгопродавъ (sic) Никита Зогій отправленъ зъ оного монастыря троюконною повозкою, съ еднимъ работникомъ, въ городъ Кіевъ, для продажи тамо казенныхъ монастырскихъ печатныхъ разныхъ въ листахъ книгъ, которому дабы туда слѣдующему и обратно въ Черниговъ возвращающемуся, чиненъ былъ по указамъ свободной пропускъ, сей ему Никитѣ Зогому зъ вышесказаннаго Троицкаго монастыря пашпортъ за подписомъ и печатью монастырскаго, данъ. 1778 года марта 22 дня. Архимандритъ Троецкій Писій. Писаръ Иванъ Романовскій“.

А. Л.

¹⁾ Описаніе Черниг. Епархіи II, 19.

Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.*(Свидѣтельство гетмана Разумовскаго).*

Помѣщаемое здѣсь прошеніе бывшаго гетмана Разумовскаго, поданное на имя императрицы Екатерины II ¹⁾, заключаетъ въ себѣ въ высшей степени интересное свидѣтельство современника о томъ, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII в. въ Малороссіи— «многимъ числомъ деревни и угодія были раскрадены грабителями мужиками, которые себѣ чины за деньги достали»... Это прошеніе служитъ отчасти дополненіемъ къ извѣстному доносу лютинскаго сотника Купчинскаго на генер. писаря Безбородка, между прочимъ и за то, что послѣдній «мужикамъ чины за деньги доставалъ»... ²⁾ Тогда же, въ «междоетманство», когда Безбородко былъ правую рукою у правителей Малороссіи, особенно процвѣла и «скуія грунтовъ», подъ вилкомъ которой и совершалась «кража земель и угодій». Любопытно, что слѣдствіе по доносу Купчинскаго было повернуто (въ 1751 г.) къ оправданію Безбородка распоряженіемъ этого же самаго Разумовскаго ³⁾, впрочемъ въ то время только что пріѣхавшаго въ Малороссію на гетманство, и еще не знавшаго «малороссійскихъ дѣлъ».

Всемишлостивѣйшая Государиня

Вашему Императорскому Величеству известно, что я не имель за собою никакихъ деревень, а жилъ толко недвижимымъ имениемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 1759-мъ году, ея величество въ Возѣ усопшая государиня императрица Елисаветъ Петровна содержа нашу фамилію въ особливомъ покровительствѣ, въ разсужденіи моей многочисленной фамилин, пожаловала мне въ вечное и потомственное владѣніе нѣкоторые небольшие маетности въ Малой Россіи, яко то городи, или лутче сказать мѣстечки, Батуринъ и Поченъ съ ихъ малыми уездами, Бакланскую и Шентаковскую волости; сіи двѣ деревнѣ бывшие долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами, (или лутче сказать мужиками), которые себѣ чины за денги достали, такъ раскрадены въ земляхъ и угодіяхъ и отказанныхъ деревняхъ при отдачи мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ тогда просить Правительствующаго Сената, чтобъ нарочно знающіе люди изъ великороссійскихъ чиновъ определены были для разобранія—что кому и по какимъ крепостямъ принадлежать... темъ,

¹⁾ Прошеніе Разумовскаго получено нами въ копіи XVIII в., вмѣстѣ съ другими того времени бумагами, отъ В. Пл. Антоновича, изъ Керчи. Къ сожалѣнію, средняя прошенія Разумовскаго выгрызена мышами; эти мѣста обозначены точками.

²⁾ Русск. Арх. 1875, I, „Безбородки“.

³⁾ Записки Як. Марковича II, 297.

кто въ сихъ мнѣ пожалованныхъ деревняхъ поселился, и землями и угодіями старинными къ тѣмъ (?) землямъ принадлежащими завладѣ..... И определены были статскій советникъ Шишкинъ и полковникъ Семеновъ, какъ знающіе и безпристрастные люди,..... сіе въ самую истину разсмотрѣли, и наконецъ нашли..... вымышленіями и подложными крепостми, купчими издѣлками часть тѣхъ деревень до отдачи мнѣ разграблено, а инныя и разными малороссійскими пристрастниками по лихоимству и обманывая многократно Правительствующій Сенатъ и коллегію иностранныхъ дѣлъ (которая тогда ведала малороссійскіе дѣла) и укрѣплены въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ и статямъ Богдана Хмельницкаго, на которыхъ онъ подъ державу Всероссійскую приступилъ, и указамъ именнымъ высочайшимъ предковъ Вашего Императорскаго Величества. И когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ открывъ то все воровство, отобрали въ силѣ именного указа, которымъ мнѣ и потомству моему сіи деревнѣ пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то и помѣщики неправилно били челомъ о томъ въ Правительствующій Сенатъ, прописавъ многе на меня зъ согласіемъ многихъ клеветниковъ мужиковъ, жи, якобы тое я силою сделалъ и лишилъ ихъ последнего пренитанія; почему сіе дело нѣсколко (лѣтъ?) было въ Сенатѣ безъ изслѣдованія, а напоследокъ по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, определена нарочная комісія, въ которой генералъ поручикъ Костуринъ да статскій дѣйствительный советникъ Еммеі, коллежской советникъ Курбатовъ дѣло сіе производятъ въ Санктпѣтербургѣ. А нынѣ получаю извѣстіе, что помянутые члены той комісіи не сведомы будучи о многихъ обстоятельствахъ ибедническихъ малороссійскихъ, вѣру подали тѣмъ ибедникамъ, которые воспользовавшись монимъ теперь отдаленіемъ и членовъ незнаніемъ многихъ обстоятельствъ по сему дѣлу надобныхъ, дѣло свое умышленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюціи Вашего Императорскаго Величества воспослѣдуетъ, то ись того родится и во всей Малой Россіи таковымъ же образомъ и многимъ числомъ земель государевы, деревнѣ и угодія раскраденіи всѣми грабителями мужиками, примѣрнымъ образомъ надобно будетъ утвердить, тѣ которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, въ чемъ мнѣ, яко знающему малороссійскіе дела, по долговременной моей практикѣ, наче всѣхъ известно.

Всемилоствивѣйшая государини! великому императорскому вели-

честву уповаю извѣстенъ мой характеръ безкористенъ, и что я никому не желаю ни наималѣйшей обиды здѣлать и темъ менше присвоить, но долженствую признаться, что чувствительно и того лишаюсь, что милостивѣйше мне и роду моему пожалованно и что малороссійскіе мужики и протчіе козаки самовольно и безъ ведома государевой власти, и..... тѣмъ же похщениемъ и достаткомъ чины себе и....., а по тѣмъ чинамъ шляхетское на себе право..... безъ заслуги и безъ всякаго достоинства, по которому.... выхлопотали въ отдаленномъ краю, такіа маестности, которые смело могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни почему къ нимъ не принадлежать, но еще иныхъ надлежало бѣ по указамъ оштрафовать.

Не разиространяя я здесь о доказательствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше Императорское Величество, на всеподданнѣйше только прошу для безпристрастнаго изслѣдованія повелѣть къ той комисіи въ Москвѣ двоихъ членовъ опредѣлить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій все хитрости и обманы ябедниковъ малороссіянъ, изъ чего токмо найдется на мою сторону правосудіе, но и ваше императорское величество сколько много такимъ же невольнымъ образомъ деревень и земель вашего императорскаго величества въ Малой Россіи раскрадены, почему и въ комисію надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые прежнимъ неправымъ резолюціямъ малороссійскимъ дѣламъ, яко поврежденнымъ, не были (бы?) послѣдовательными. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Разумовскій.

Резолюція. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія членовъ въ комисію о раскраденныхъ земляхъ; той же комисіи изслѣдовать и о недовольствѣ въ обстоятелствѣ доложить.

А. Л.

Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ.

Было время, и время очень недавнее,—когда представителями искусства живописи въ Кіевѣ была едва ли не одна лаврская школа иконописи да учителя рисованья мѣстныхъ гимназій. Нѣсколько позднѣе мѣстное живописное искусство олицетворилось долго въ единственномъ лицѣ почтеннаго г. Ровачевскаго, снискавшаго почетную репутацію своими портретами. Но въ тѣ послѣдніе 15—20 лѣтъ, когда Кіевъ изъ губернскаго города превратился въ центръ извѣстнаго района (не достигши, впрочемъ, значенія большого города), дѣло измѣнилось. Завелась рисовальная школа, которая изъ маленькаго начинанія превратилась въ довольно правильно организованное

заведеніе съ правительственной поддержкой. Воспитанники школы, доканчивая курсъ въ петербургской академіи, стали выступать на дорогу настоящихъ художниковъ и два—три человекъ изъ нихъ приобрѣли нѣкоторую извѣстность. Передвижныя выставки, начавъ странствовать по Россіи, съ самаго перваго же года нашли въ Кіевѣ радужный пріемъ, нашли покупателей и сдѣлались необходимою для киевлянъ. Художники изъ мѣстныхъ уроженцевъ пришли къ мысли, что для творческой производительности нѣтъ надобности жить на задворкахъ васильеостровской академіи и что не петербургская жизнь и природа дадутъ силу ихъ краскамъ и замысламъ; вмѣстѣ съ нѣсколькими иногородными художниками, они избрали Кіевъ мѣстомъ своего постоянного пребыванія. Большія живописныя работы, предпринятія въ строящемся Владимірскомъ соборѣ, привлекли въ Кіевъ извѣстныхъ мастеровъ (давъ возможность и случай обнаружиться и развиться замѣчательному дарованью г. Васнецова). Короче, Кіевъ сталъ городомъ далеко не чуждымъ искусству и доказалъ, что почва для процвѣтанья искусства въ немъ хорошая и что недостаетъ только для этого вниманія, усилій и пособій, самымъ первымъ и самымъ главнымъ изъ которыхъ долженъ бы быть историческій и художественный музей. За послѣдніе два года къ художественному активу Кіева прибавилось очень симпатичное начинаніе: выставки картинъ мѣстныхъ художниковъ. Устроенная въ прошломъ году робко, наполовину изъ картинъ частныхъ коллекцій, въ нынѣшнемъ году такая выставка состоитъ уже на двѣ трети изъ произведеній художниковъ—киевлянъ. Явленіе это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Преобладающимъ родомъ живописи на выставкѣ является пейзажъ; выставка, можно сказать, почти вся состоитъ изъ пейзажей, такъ какъ и большинство картинъ частныхъ владѣльцевъ принадлежитъ также къ этому роду. Что жъ, пейзажъ—такъ пейзажъ. Въ искусствѣ, по словамъ Вольтера, всѣ роды хороши кромѣ — скучнаго. Но киевскіе пейзажисты немного погрѣшили передъ мѣстной публикой, предложивши ей будничное меню своихъ мастерскихъ и отпразднвъ лучшія вещи на весенніи петербургскія выставки, теперь какъ разъ открывающіяся. До тѣхъ поръ, пока репутацію, имя и извѣстность даютъ столицы, обвинять ихъ за это строго, конечно, нельзя. Но кажется, дѣло могло бы уладиться на будущее время назначеніемъ болѣе ранняго срока киевскихъ выставокъ, гдѣ лучшія мѣстныя произведенія могли бы показаться прежде, чѣмъ ѣхать на сѣверъ. Въ выигрышѣ отъ этого были бы прежде всего сами художники, о раз-

мѣрахъ дарованій которыхъ получалось бы правильное понятіе. Наиболѣе даровитаго, наиримѣрь, изъ пейзажистовъ — кіевлянъ г. Свѣтославскаго трудно признать по картинкамъ и этюдкамъ этой выставки за автора «Весны» и «Тополей», входившихъ въ выставку передвижную. Этого симпатичнаго и прогрессирующаго художника, съ своеобразной и независимой ноткой, напоминаетъ только большая картина «Днѣпровскіе пороги», взятая изъ частной коллекціи. Другіе изъ экспонентовъ — художниковъ выставили вещицы большею частью этюднаго характера. Въ самомъ дѣлѣ что такое какъ не этюды эти «Мельницы», «Зимы», «Вербы», «Гребли» и другія картинки г.г. Вжеша, Станиславскаго, Менка, Галимскаго и другихъ? Это изображенія отдѣльных, случайно взятыхъ уголковъ природы, болѣе или менѣе удачно написанныя, но въ сущности недалеко удаляющіеся отъ фотографіи, которая тоже вѣрно передаетъ отдѣльные предметы, но лишена лишь способности чувствовать и думать.

Въ пейзажѣ, какъ и въ другихъ родахъ искусства, долженъ быть угаданъ и найденъ типъ, который передавалъ бы высшую точку момента или предмета или былъ бы характернымъ выраженіемъ извѣстнаго края, небесъ, момента времени, мѣстности. Отъ такого творческаго пейзажа вѣсть поэзіи, съ появленіемъ которой только и начинается высокое искусство. Все это относится, конечно, не къ нашимъ только пейзажистамъ, но ко всей почти русской школѣ, гдѣ образцы творческаго пейзажа дали только Воробьевъ, Айвазовскій, а изъ новѣйшихъ рано погибшій Васильевъ и отчасти Кунинджи.

Понимаю пейзажа есть громадныя области искусства, куда и не заглядываютъ наши южнорусскіе художники. Немногія изъ картинъ, гипично и образно передававшихъ Малороссію, принадлежатъ не южно руссамъ. Неужели нечего изобразить изъ жизни этого края и этого народа, имѣющаго столь своеобразный складъ и характеръ, въ высшей степени характерный творческій міръ, замѣчательное по судьбамъ прошедшее? Южнорусское искусство ждетъ еще своихъ дѣятелей а наличныя силы или уходятъ отъ его задачъ, или вовсе не интересуются ими. Почти нѣтъ даже попытокъ работать въ этомъ направленіи, нѣтъ ихъ и на настоящей кіевской выставкѣ.

Все это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ней прекрасное начинаніе и отдавать должное усиліямъ почтенныхъ устроителей. Общій уровень выставленныхъ работъ чрезвычайно приличенъ. А дальнѣйшее существованіе мѣстныхъ выставокъ облегчить и, можетъ быть, посодѣйствуетъ проявленію новыхъ и свѣжихъ художественныхъ силъ.

W.

СЪ ДОРОГИ.

За Лохвицей, въ средней Полтавщинѣ, гдѣ равнины чередуются съ пестрыми низменностями днѣпровскихъ притоковъ, начинается простодушная, во многомъ еще старосвѣтская сторона, гдѣ, въ многочисленной тамъ козацкой средѣ, еще держится старый типъ и стародавнія формы жизни. Почтовую дорогу, идущую на Миргородъ, я покидаю возлѣ Сѣнчи, сворачивая на проселки. Этотъ старый трактъ доживаетъ послѣдніе дни. Роменско-кременчугская желѣзная дорога, изъ угла въ уголъ пересѣкая полтавскую губернію, дѣлаетъ его ненужнымъ. Стенныя почтовые станціи: Андрияшевская, Кирстовская, Бужковская, съ ихъ маленькими, выбѣленными комнатами, громадными, однообразными кожаными креслами, никогда не идущими, круглыми часами и простодушными писарями въ чемарвахъ, эти станціи, гдѣ славно отдыхалось въ лѣтній зной и зимнюю вьюгу, будутъ закрыты и отойдутъ въ область преданій. Ихъ убогій, трогательный, „комфортъ“ смѣнится безличной пошлостью вокзальчиковъ съ трехминутной остановкой; усохнутъ и вырубятся старыя вербы почтовыхъ дорогъ. Все это прежнее, со множествомъ другаго, отойдетъ на нашихъ глазахъ, смѣняясь не опредѣлившимся новымъ, еще лишеннымъ внутренней жизни и колорита. Кто любилъ эту милую наивную глушь, того тянетъ взглянуть на нее передъ ея смертью въ послѣдній разъ...

Я дѣлаю привалъ въ степномъ хуторѣ. Пять-шесть хатъ, раскинутыхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, группа могилъ въ сторонѣ — и поле, поле безъ конца, теперь колосающееся рожью. Возлѣ болѣе хаты множество надворныхъ построекъ: коморъ, хлявовъ, сажей, сараевъ,—длинный, низенькій вишневый садъ и высойй журавль надъ колодезцемъ. Хозяинъ—богатый пожилой козакъ. Онъ женатъ вторично на дочери священника сосѣдняго села, предпочевшей зажиточную жизнь хозяйки—козачки невѣрной и часто печальной долѣ подруги жизни служителя алтара. Во главѣ отряда наймичекъ и заженщиковъ, она отправилась теперь въ поле зажинать жито. Во дворѣ

остался одинъ старикъ работникъ. Я дожидаюсь хозяевъ, растянувшись въ полутемной отъ прикрытыхъ ставень хижѣ, гдѣ глиняный полъ густо посыпанъ осокой, любисткомъ и мятой. Субботній день близится къ вечеру. Возвращаются съ поля хозяйка, рабочіе. Одинъ изъ нихъ «запрягае воза» и везетъ меня въ сосѣднее село Хитцы.

Сула, перерѣзавъ почтовую дорогу возлѣ Сѣнчи, уходитъ въ сторону и течетъ межъ низинъ и лѣсовъ, окаймляясь справа холмами. Отъ степнаго хутора до рѣки верстъ шесть. Въ маленькомъ прибрежномъ селѣ Ломакахъ мы оставляемъ коня и тотъ же возница, недавній жнецъ, сопровождаетъ меня на «човенъ», гдѣ обнаруживаетъ искусство опытнаго гребца.

Хитцы стоятъ въ совершенной глуши на гористомъ берегу Сулы. Ближайшій путь къ нимъ ведетъ водою. Часовъ въ семь вечера дѣти въ Ломакахъ оттолкнули отъ берега нашъ човенъ, крича намъ вслѣдъ: «Дядьки! нарвите намъ кусокъ та бабокъ!»

Въ этомъ мѣстѣ Сула узка, чиста и прозрачна. Съ обѣихъ сторонъ воды—стѣны зелени, перевитой водорослями. По рѣчнымъ ольхамъ и ивамъ змѣются тонкія вѣточки «крученыхъ паньчей» и, головками внизъ, висятъ ихъ цвѣтки. Аиръ и чаполоть, водяной макъ и желтые «глечики» тянутся со дна рѣки къ свѣту. Широкіе, круглые листья лататъя пластами лежатъ на водѣ и, на цѣпкихъ корняхъ—«товстунахъ», купаются въ прозрачной влагѣ ихъ бѣлые цвѣты. Молодой очеретъ тихо шумитъ, легкая лодка скользитъ по водѣ какъ щетка. Послѣ жаркаго дня, къ вечеру, отъ теплой воды тянется легкій паръ.

Вхвать водою пять верстъ. Въ чистотѣ и свѣжести вечера донесся звонъ колокола изъ Хитцовъ. Изъ за деревьевъ высунулась гора—«Бабичиха». Здѣсь свѣтятся огни надъ зарытымъ кладомъ. Лодочникъ Ѳедоръ Кугукало—самъ видѣлъ ихъ, сколько разъ! Показалась церковь низенькая, старая, колокольная «съ опасанью». Село расположено подъ горою, хаты спускаются къ самому берегу. Это козачье поселенье, пановъ тутъ никогда не было. Жители—земледѣльцы и рыбаки.

Вхожу въ церковь. Почти такую же была она въ то время, когда только что выстроилъ ее основатель села запорожецъ Хитько. Это мѣдное паникадило, въ цвѣтахъ и листьяхъ, куплено имъ. На престолѣ «гробница» съ надписью жертвователя—запорожца. Священникъ показываетъ старинныя вѣнцы—простые деревянные обручики, разрисованные краской. Тѣмъ любящимъ парамъ, которыя «стоялы на рушныку» окруженныя веселыми боярами и друзьями, они казались верхомъ

великолѣпн! Въ архивѣ церкви, среди груды бумагъ, «Петербургскія Вѣдомости» временъ Анны Іоанновны — *неразрѣзанныя*. Я первый читаю свѣжую новость о побѣдѣ фельдмаршала Миниха надъ турками. Причетникъ на клиросѣ, въ свиткѣ и босой, бойко читающій, искусно поющій, совсѣмъ переноситъ меня во времена выборнаго духовенства и тѣснаго общенія служителей церкви и міра. «Свѣте тихій!» поетъ онъ гимнъ Дамаскина. «Исусе Христе, пришедшій на западъ солнца!...» Последніе лучи заходящаго солнца золотятъ маленькую, старую церковь, съ ея потемнѣвшей позолотой и живописью, отражаются въ столбахъ ладана, спускающихся отъ верхнихъ оконъ къ низу. Въ открытыя двери глядитъ лѣтній вечеръ, зеленѣютъ трава и деревья, видны люди, идущіе съ косами и граблями съ поля, слышится топотъ и ревъ возвращающейся въ село «череды». И какъ тогда, въ первые вѣка христіанства, на далекомъ востокѣ, среди этой простоты и природы, понятны становятся эти обращенія дѣтей къ отцу въ словахъ продолжающейся молитвы: «видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца»...

Въ крошечномъ притворѣ, въ двухъ окованныхъ скрыняхъ, сложены церковныя бумаги Слишкомъ пышно названье архива для этихъ скрынекъ, но въ нихъ, въ этихъ старыхъ бумагахъ, запечатлѣлось давно бывшее, здѣсь — отошедшія и угаснувшія черты когда то тутъ протекавшей жизни. При свѣтѣ копѣчныхъ желтыхъ свѣчекъ, мы разбираемъ съ священникомъ старыя рукописи и въ стѣнахъ этой маленькой коморки появляется предъ нами исчезнувшій міръ. Намъ видятся пращуръ тѣхъ скромныхъ греческовцевъ, что только что вышли изъ церкви. Бритыя головы, загорѣлыя энергическія лица, могучія «постати», еще не пришибленныя ни нуждой, ни неволей... Предъ нами козацья громада села Хитцовъ въ 1762 году, съ отаманомъ Иваномъ Хиленкомъ во главѣ. Она представляетъ кіевскому митрополиту Гавріилу избраннаго ею въ чинъ священства «уроженца города Миргорода, званія посполитаго, обучавшагося въ Академіи Кіевской, школы философіи, Іакова Дмитріева сына Афаназіевича». Этого человѣка, «честнаго, постояннаго и невѣдѣмъ не подозрительнаго, въ чтеніи книгъ и въ церковномъ цѣннѣ искуснаго», громада желаетъ имѣть до смерти стараго и слабого настоящаго священника за «половиннаго», а послѣ смерти іерея Петра и за «цѣлопарахіальнаго» своего настоятеля.

Въ томъ высочомъ санѣ, который готовится принять на себя приглашаемый не должно быть ничего, что омрачило бы взаимное уваженіе и

довѣріе. Приглашая его къ себѣ, громада точно опредѣляетъ взаимныя отношенія его и прихожанъ. Въ жизни его не должно быть мѣста корысти. Обезпечивая его землей, громада говоритъ напередъ о томъ вознагражденіи, на которое имѣетъ право приглашаемый въ тѣхъ исключительныхъ и торжественныхъ моментахъ жизни прихожанъ, когда требуется благословеніе и присутствіе священника, какъ представителя высшей силы. Самъ «посполитый», приглашаемый пастырь не долженъ отличаться въ образѣ жизни отъ пасомага стада и ихъ жизнь должна стать его жизнью. Все въ этомъ уговорѣ сообразно условіямъ и строю жизни самыхъ земледѣльцевъ---прихожанъ.

«Для пропитанія его одолаемся мы давать ему доходы такковы: за нареченіе новорожденному младенцу имени одну копѣйку и хлѣбъ, за крещеніе младенца четыре копѣйки, за вѣнчаня зъ своихъ прихожанъ первобрачныхъ по десяти копѣекъ, за второбрачныхъ двадцать пять копѣекъ, за третобрачныхъ по шестидесятъ копѣекъ, изъ стороннихъ прихожанъ смотря по имѣнію людей, на чемъ уговорится, толко жъ безъ избыщества, за погребеніе младенцевъ по пяти, а за возрастныхъ и старыхъ по десяти копѣекъ, за сорокоустное помяновеніе четырѣ рубли и четверикъ пшеницѣ, за обѣдъ поминательный десять, а за здоровный пятнадцать копѣекъ, за освященіе дому двадцать копѣекъ, роковщины въ годъ хлѣба отъ всякаго рабочаго вола по одной коробци, отъ пѣшого челоуѣка три копѣйки; а сверхъ того пахатного поля имѣетъ для владѣнія ему, пока будетъ священникомъ во всѣ три руки опредѣлить по два дни» ...

Изъ церковныхъ дѣлъ видно, что Афаназіевичъ поступилъ на приходъ въ Хитцы и пробылъ тамъ очень долго. Посвятивъ всю свою жизнь на служеніе хитцовской громадѣ, онъ только исполнилъ обѣщаніе, данное имъ въ молодости на томъ же «уговорѣ»: «Вышеписанными отъ прихожанъ хитцевскихъ опредѣленными священническими доходами я, по полученіи священства, довольствоватися имѣю и отъ той хитцевской церкви за силу Духовнаго Регламента по смерть мою отлучатися не буду» ...

Въ кипахъ бумагъ и указовъ мы находимъ церковную книгу 1736-62 годовъ, съ описаньемъ инвентаря церкви, приходовъ, расходовъ, спискомъ церковныхъ книгъ и особой приковывающей вниманіе главой расходовъ на школу. Все характерно въ этой описи, все даетъ образъ и цвѣтъ этой далекой жизни, все обще съ нею. Однѣ и тѣ же матеріи одѣваютъ служителей алтаря и мірянъ. «Фелонь лудавовый» напоминаетъ одежду одного изъ «азовскихъ братьевъ», кото-

рый въ думѣ этого имени, «зъ пидъ лудану червону кытайку выдырае»; «карунокъ острозолотый» конечно таковъ же, какимъ, въ «Запискахъ Марковича», отецъ дарить своего сына—мемуариста (т. 1.—221.); полотняные, расшитые діаконскіе стихари, для мытья которыхъ покупается «брусокъ мыла», — ужъ чисто мѣстное произведеніе, роскошные шоловые пояса, жертвуемые запорожцами, идутъ на священническое облаченіе... Всѣ богослужебныя и церковныя книги до 1734 года—южнорусскихъ типографій: кіево-печерской, львовской, черниговской. Въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, которые мы привыкли считать въ ту пору глухими и которые дѣйствительно заглохли внослѣдствіи, мы встрѣчаемъ вещи, какъ бы удовлетворяющія потребностямъ культурной жизни: «интелѣгаторовъ» (переплетчиковъ), лавки письменныхъ принадлежностей въ Ромнѣ и Глинскѣ и т. п.

Расходы на школу съ перваго раза поражаютъ своей незначительностью и скромностью цифръ. Но церковные счетчики записали въ этой старой книгѣ только тѣ экстренные расходы, которые принимала на себя въ этомъ дѣлѣ церковь. Обыкновенный, нормальный обиходъ школы обезпечивался самой громадой, выдаваясь большею частью натурой, также какъ и жалованье учителю. Эта старая школа, крытая очеретомъ, вымазанная глиной, стояла гдѣ нибудь тутъ же, близъ церкви. Училъ въ ней дьякъ, чающій священническаго мѣста, или успокоившійся на своемъ учительствѣ, дьякъ, о которомъ поется въ пѣснѣ:

Дячку, дячку вывченный,
На вси школы выбранный!..

Этотъ осмѣянный въ послѣдствіи дьякъ преподавалъ не Богъ знаетъ какую мудрость: азъ-буки-вѣди по кіевскому букварю, за азбукой—псалтырь, изученіе шестопсалмія, часословъ, прмолой; потомъ російское чтеніе гражданской и церковной печати, письмо. По той несложной жизни для деревенскаго обихода больше и не требовалось. Но создана была эта старая школа самимъ народомъ, по собственному, непринужденному почину, и свидѣтельствуетъ она о драгоценной чертѣ, издавна существовавшей въ нашемъ народѣ: сознаниіи своей обязанности давать дѣтямъ хоть первый ключъ къ наукѣ. Это сознаніе это было твердо, доказываетъ количество такихъ школъ, на поддержку которыхъ отпускались и деньги изъ полковыхъ суммъ. Есть свѣдѣнія объ этомъ за сороковые годы прошлаго вѣка по семи полкамъ изъ девяти лѣвобережныхъ. Въ семи полкахъ всѣхъ школъ было 866. На 202 поселенія нѣжинскаго полка ихъ было 217, на

247 лубенскаго—172, на 172 переяславскаго—119 и т. д. («Основа» 62. 5.) Въ гадачскомъ полку въ 1781 году изъ 91 души школьнаго возраста во второй сотнѣ учились грамотѣ 42, отъ 8 до 16 лѣтъ, письму отъ 11 до 19 («Осн.» 62. 8.) Дальше грамотности да церковнаго чтенія школы эти не шли, но учились то въ нихъ будущіе земледѣльцы, по образу жизни которыхъ и изученіе грамоты могло считаться лишь исполненіемъ нравственнаго долга.

Въ дѣловыхъ церковныхъ записяхъ выразились наивныя подробности жизни старой школы. Записи ведены съ 1740 по 62 годъ. Судя по нимъ, за нѣкоторые годы церковь совсѣмъ ничего не расходовала на училище. Въ другіе годы вписано два—три предмета расхода и наиболѣе въ 48 году, когда, очевидно, происходилъ ремонтъ школы. Записываются расходы въ такомъ родѣ:

- 1740 г. Ковалю что пастыряль собѣру до школы уплатилъ 2 коп.
 — Ему же за „внутреннюю защипку до школы“ 7 коп.
 1741 г. Августа 26 дня. Майстру что до школы дѣрва поправилъ . 6 коп.
 — Сентября 12. За обмазку школы мазалищамъ 8 коп.
 1747. Юля 28. Скларю за оправку ободонки школьной. 4 коп.
 1748. Сентября 13. Ремесникамъ которми школу подъ земель подробили 20 к.
 — 15. Человѣку дано что висипавъ школу 4 коп.
 — Куплено горѣлки гончарамъ что въ школѣ пѣчь поставили. . 4 коп.
 — Октября 15. Дано тремъ мазалищамъ за обмазку школы. . . 6 коп.
 — За вихурованя груби дано гончару 2 коп.
 — За осипку присби школьной дано кузнецу. 4 коп.
 1750. Что въ школѣ сѣнцѣ построено дано 10 к.
 — Тѣжь сѣнцѣ укрылъ и хворосту привезъ на пивъ зими дано. 8 коп.
 1757. Васки за омазѣня школы дано 6 коп.

Все въ этихъ подробностяхъ дышетъ обстановкой сельскаго, хлиборобскаго быта. Эти періодическія мазанья школы, эти «оболонки», вставляемые заѣзжимымъ «скларомъ», однимъ изъ тѣхъ дегтярей — «литвиновъ», которые странствуютъ по тѣмъ мѣстамъ и теперь, исполняя роль стекольщиковъ, эти гончари, набивающіе печь за угощеніе горѣлкой, которыхъ иначе, можетъ быть, нельзя было бы оторвать отъ своей работы, эта невѣдомая Васка, исполняющая должность сельскаго штукатура, — все это даетъ фізіономію глухой, далекой старой школы. Была она не мудра и дешева, но уже въ XVIII вѣкѣ составляла почти необходимую принадлежность всякаго малороссійскаго поселенія. На страницахъ нашей старой исторіи эта убогая, козацкая школа должна занять почетное мѣсто. Такъ занимаетъ въ свѣтскомъ обществѣ невольно уступаемое ему мѣсто человѣкъ, извѣстный высокими силами души. Утраченное позже съ взмѣнившимися условіями

жизни стремленіе къ просвѣщенію есть одна изъ лучшихъ надеждъ нашего народа. Въ разнообразныхъ формахъ, въ этомъ даровитомъ, пытливомъ народѣ, оно возрождается въ наши дни.

Совсѣмъ поздно мы сидѣли съ старикомъ—священникомъ на крыльчѣхъ его дома и онъ рассказывалъ о запорожцѣ Хиткѣхъ, по преданію основателѣ села, о давнихъ временахъ и о тѣхъ странныхъ дѣдахъ, которыхъ ему случалось встрѣчать въ своемъ дѣтствѣ и на которыхъ вѣрно былъ похожъ и самъ легендарный Хитко. То были разбѣжавшіеся по роднымъ захолустьямъ послѣ розгрома Сѣчи братчики, доживавшіе свой долгіи старосвѣтскій вѣкъ, окружаясь какою то таинственностью и сосредоточивъ свои помыслы на далекомъ днѣпровскомъ островѣ и на времени, отошедшемъ въ вѣчность. Въ долгія зимы они сиживали на печкахъ, поджавши ноги по турецки и увлекая молодежь рассказами. Въ тѣ времена здѣсь было еще привольно. Дичи, рыбы въ Сулѣ было изобиліе. Теперь народъ размножился, на все стало скупо.

—Така стала бисова тиснѣта, заключилъ батюшка, що зъ своєї стрихи на чуже кѣпле! Большинство молодежи изъ села уходитъ лѣтомъ на заработки «на Донъ», т. е. въ Новороссію, возвращаясь только осенью. Этимъ обстоятельствомъ объяснилъ я себѣ и заунывные напѣвы дичать, звонко доносившіеся въ ночной тишинѣ съ горы, съ «улицы».

Луна заливала окрестность своимъ страннымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ. Бѣлыя хаты старосвѣтскаго села, тыны, подсолнечники, деревья, освѣщенные ею, бросали отъ себя длинныя тѣни. Внизу горы Сула тихо струилась подъ ея лучами. Сойдя къ берегу, я слышалъ, какъ струя воды бурлила гдѣ то поблизу, задержанная камнемъ, какъ, иногда, противъ мѣсяца, выплескивалась рыба. Съ улицы, на время замолкнувшей, опять донеслась пѣсня. Это была знакомая пѣсня, раслѣваемая у насъ на всемъ Лѣвобережьи:

Горе, горе великое!
 Одъ горя нижемы не носать,
 Одъ роскошы кудры выться,—
 Одъ горя ручы дилечка не роблять!

Неужели жизнь здѣсь такъ горька, что эта молодежь, сойдя на улицѣ, поетъ о безопасности жизни и ея тяготѣ? Нѣтъ, она поетъ теперь о своемъ молодомъ горѣ. Отъ такой тяготы и отъ того утомленія жизнью, которыми наступать потомъ, не будетъ пѣться,

а руки, обреченныя на вѣчный трудъ, будутъ все таки дѣлать его безъ конца. Съ обычными уюдами, съ цвѣтистыми сравненіями— дивчины съ калиной, а парубка съ молодымъ дубомъ, пѣсня повѣтсвуетъ о разлукѣ.

Широкий листь на калыни,
А ще шыршій на дубочку,
Клыче голубъ голубочку,
Хочъ не свою—такъ чужую:
„Прійди, сердце, поцилую.
Бо я завтра помандрую!“

—Ой якъ будешъ мандрувати,
Пышы письма, давай знати—
Видкыль тебе выглядати:
Чы зъ дороги, изъ Лохвыци,
А чы зъ поля зъ косовыци?

Это дивчата распѣвають о своихъ «заробитчанахъ», ушедшихъ на невѣдомый для нихъ Донъ и въ дѣйствительности махающихъ теперь косами на нивахъ Новороссіи, въ громадныхъ тамошнихъ «экономіяхъ» или на нѣмецкихъ фермахъ. Народная пѣсня въ сжатой формѣ передаетъ эту любовь и разлукъ рабочаго люда. Вамъ видится косарь, шагающій по большой дорогѣ, съ сложенной за плечами косою, опаленный солнцемъ, усталый, съ помертвѣлыми ногами, но бодро прямующій къ родному селу. Не напрасно вымучился онъ лѣто, тамъ ждетъ его кто то и бодро звучитъ радостное, какъ бы хвастливое заключеніе пѣсни:

Ишовъ парень съ косовыци
Пытается красавыци:
Гей, чы жива, чы здорова
Красавыци черноброва?

Такъ ужъ устроены нашъ сельскій челоуѣкъ, что для него настоящая, заправская жизнь начинается только въ родномъ селѣ. Пока онъ не вышелъ изъ колен, онъ дышетъ этимъ выработаннымъ долгими годами сельскимъ духомъ. Село—это обособленный міръ, съ своей внутренней жизнью, вѣрованьями, взглядами, отношеніями, привычками. Выработавши эту жизнь, ко всему извнѣ приходящему нашъ селянинъ относится, какъ къ постороннему, и тотъ строй жизни, въ который онъ поставленъ, и та гражданственность, къ которой онъ какъ будто примыкаетъ, есть для него во многихъ отношеніяхъ тѣ же неразрѣзанныя «Вѣдомости» времени Анны Іоанновны, которыя я видѣлъ только что въ посѣщенной мною старой церкви этой захолустной деревушки...

Г.

Д л я с п р а в о к ъ .

— Печать на югѣ Россіи. Въ настоящемъ году на югѣ возникло нѣсколько новыхъ періодич. изданій. Такъ, учителю одесск. город. училища г. Гусаренку и г-жѣ Гонзаль разрѣшено издавать въ г. Одессѣ еженедѣльный журналъ „Школьное Обозрѣніе“; г-ну Тугаицъ-Мирза-Барановскому въ Одессѣ же ежедневный „Одесскій Листокъ Объявленій“; г-жѣ Соколовой въ Кишиневѣ—газ. „Бессарабскій Вѣстникъ“ (ежедневно); г-ну Филимовичу въ Керчи „Русскій Сезонный Листокъ“ (разъ въ недѣлю съ 15 апр. по 1 сент.); г. Мурье въ Тифлисѣ „Le Caucase Illustré“ (2 раза въ мѣсяцъ, на франц. яз.). Признаны прекратившимися: журналъ „Донъ“ (въ Новочеркасскѣ), „Ялтинскій Справочный Листокъ“ и „Кавказско-е Обозрѣніе“.

— Въ г. Черниговѣ предпринята реставрація древняго Спасскаго собора. Церковный староста собора черниг. губернаторъ г. Анастасьевъ обращается съ просьбой о пожертвованіяхъ на это дѣло. Пожертвованія могутъ быть присылаемы на его имя.

— Въ субботу, 11-го февраля состоялся въ ресторанѣ „Малый Ярославецъ“ обѣдъ находящихся въ Петербургѣ бывшихъ новгородсѣверскихъ гимназистовъ, по поводу исполнившагося въ этотъ день столѣтія существованія ихъ гимназій. Предсѣдательское мѣсто занялъ старѣйшій изъ воспитанниковъ выпуска 1824 г. тайный совѣтникъ Бардаковъ. За нимъ заняли мѣста: ст. сов. Довголевскій—выпуска 1825 г., д. с. с. Короткевичъ-Ночевный—1830 г.; остальные 42 человекъ размѣстились по выпускамъ: профессоръ Карпинскій, д. с. с. Н. П. Забугинъ, д. с. с. Губарь, профессора: Вереха, Богуславскій, Рудзскій, магистръ Лышинскій и проч. бывшіе воспитанники. Первый гость провозглашенъ былъ предсѣдателемъ за здравіе и благоденствіе Государя Императора. Гость этотъ встрѣченъ громкими и продолжительнымъ „ура“. Затѣмъ слѣдовали тосты за Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ. Ученикъ шестидесятыхъ годовъ И. И. Коробка обрисовалъ время, предшествовавшее 1789 г. и коснулся причинъ, вызвавшихъ открытіе учебнаго заведенія въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Затѣмъ говорилъ профессоръ Н. Н. Вереха и магистръ Лышинскій, бывший преподаватель конца сороковыхъ годовъ. Д. П. Гавриленко прочиталъ стихотвореніе своего сочиненія. Н. П. Забугинъ напомнилъ о большомъ воспитательномъ значеніи умершаго учителя Федора Лукьяновича Метлинскаго. Присутствовавшіе почтили встананіемъ память какъ Ѳ. Л. Метлинскаго, такъ и бывшихъ: инспектора сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ Юс. Ак. Самчевскаго (скончавшагося 4 февраля нынѣшняго года), директоровъ: Хамаискаго, Тимковскаго, Науменка и учениковъ: извѣстнаго педагога Ушинскаго, перваго ректора университета св. Владиміра—Максимовича, П. А. Антоновича и друг. По предложенію гг. Забугина и Губаря послана была телеграмма бывшему ученику, члену кіевской судебной палаты П. В. Шугурову, какъ инициатору настоящаго праздника. Прочитаны были привѣтственныя телеграммы отъ гимназій и отъ новгородсѣверскаго предводителя дворянства. Одѣвъ изъ братьевъ Вереха предложилъ учредить въ честь старушки *almae-matris*, кромѣ существующаго съ 19 сентября 1881 г. Общества вспоможенія новгородсѣверскимъ гимназистамъ, Общество для вспоможенія окончившимъ новгородсѣверскую гимназію. Для разработкы этого проекта избраны: предсѣдателемъ И. Г. Карпинскій, членами: г. Забугинъ, П. Н. Вереха, г. Богуславскій, г. Губарь и секретаремъ г. Гавриленко. Послѣ

обѣда, меню котораго состояло изъ малороссійскихъ блюдъ, зажгли жевку (варенуха-спотыкачъ), танцовали „козачка“ и закончили празднество хоровыми южно-русскими пѣснями и студенческою пѣсню „Gaudeamus“. На будущее время принято, чтобы 11 го февраля собираться на такой же товарищескій обѣдъ ежегодно. „Нов. Вр.“

— **Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меѳодіевской премій въ 1,500 и 500 р.** Совѣтъ С -Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13 мая 1885 г., по случаю исполнявшагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ, —польскаго въ западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужицанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ известной системѣ разнообразія появлявшіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результаты предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, неисчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышеназленную тему нынѣ продолженъ до 11 мая 1890 г. при чемъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 р., за второе же, по достоинству, 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ известнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество признает нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе, — оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и нерусскій.

При присужденіи преміи имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

— Ноннурсъ на соисканіе преміи имени А. Ф. Гильфердинга въ 1,000 р. Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симиъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Ф. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, при чемъ, въ особенности, остановиться на характеристикахъ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византийскаго и славянскаго стариннаго за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпитафией.

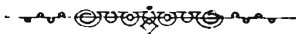
Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпитафія рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія — въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ — въ 700 р. и 300 р. Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются премією въ уменьшенномъ размѣрѣ — въ 700 или въ 300 р., — смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Tom XII. Kraków 1888¹⁾.

Краковская академія наукъ, по заведенному ея издавна обычаю, выпускаетъ ежегодно одинъ томъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ 12-мъ томѣ, вышедшемъ въ теченіи истекшаго года, мы встрѣчаемъ также три отдѣла: археологію, антропологію въ полномъ смыслѣ и этнографію, на которые распались и предъидущіе томы. По содержанію помѣщенныхъ статей, томъ этотъ представляетъ для насъ особенно живой интересъ потому, что изъ числа 13 статей, помѣщенныхъ въ томѣ, 9 относятся къ южной Руси. (Изъ остальныхъ 4—3 посвящены матеріаламъ польскимъ и одна представляетъ сборникъ легендъ и сказокъ литовскихъ).

Въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ археологіи, помѣщены двѣ статьи г. Годфрида Оссовскаго, носящія общее заглавіе: «Матеріалы для палеэтнологіи украинскихъ кургановъ». Подъ этимъ, нѣсколько замысловатымъ, заглавіемъ г. Оссовскій представилъ отчетъ о совершенныхъ имъ самимъ въ 1887 году раскопкахъ кургановъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кievской губерніи у мѣстечка Рыжановки и села Кобырновой, а также о раскопкѣ кургана у с. Резыны уманскаго уѣзда, предпринятой въ 1878 году докторомъ Гринцевичемъ.— Г. Оссовскій опытный и ученый археологъ, извѣстный прекрасными изслѣдованіями о древностяхъ западной части собственной Пруссіи²⁾ и о скальныхъ пещерахъ на сѣверномъ склонѣ Карпатъ. Раскопки сдѣланы имъ по всѣмъ правиламъ науки, предметы распределены и

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца 26 февраля 1889 г.

²⁾ *Zabytki przedhistoryczne ziem polskich - Prusy krolewskie I—IV. Kraków 1879—1888 гг.*

описаны научно и выводы и замѣчанія сдѣланы крайне осторожно и осмотрительно.—Матеріалъ, найденный и разработанный г. Оссовскимъ, весьма богатъ; особенно выдается богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ большой курганъ, раскопанный имъ у м. Рыжановки. Здѣсь г. Оссовскій встрѣтилъ ранѣе начатую и не доконченную раскопку и довелъ ее до конца весьма усильно. Въ результатъ раскопки оказалось, что отъ центра кургана въ его насыпи углублялся проходъ, который оканчивался корридормъ, высѣченнымъ въ подпочвъ на протяженіи 6 метровъ; корридоръ этотъ приводилъ въ четырехугольную съ сводообразнымъ потолкомъ камеру, высѣченную также въ подпочвъ; въ камерѣ этой у входа стояли сосуды и лежало бронзовое зеркало, въ глубинѣ же лежалъ женскій скелетъ, покрытый большимъ количествомъ золотыхъ украшеній; на головѣ находилась діадема, выкованная изъ золота, двѣ серги, изображающія грифоновъ и украшенныя подвѣсками; на шеѣ найдены 2 прекрасныя золотыя ожерелья; поясъ и все платье были украшены золотыми блясками (болѣе 400), оттиснутыми въ видѣ розетокъ, трехугольничковъ и прапирокъ; наконецъ на рукахъ найдены браслеты и 8 перстней, въ двухъ изъ которыхъ вмѣсто камней оправлены золотыя пантикапейскія монеты. Сверхъ того, у головы скелета найдено нѣсколько металлическихъ и терракотовыхъ сосудовъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательны: бронзовое ведро съ рыльцемъ, отдѣленнымъ весьма изящно въ видѣ львиной головки, и прекрасная элетровая ваза съ рѣзьбою, изображающею бѣгущихъ собакъ. Вообще рыжановскій курганъ по устройству своему и по характеру найденныхъ предметовъ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и типическихъ такъ называемыхъ сѣверскихъ кургановъ. Такой же характеръ носилъ курганъ, разрытый у села Резины, хотя и по количеству предметовъ, и по ихъ качеству онъ былъ гораздо бѣднѣе; въ немъ найдена также обширная камера, прикрытая сверху досками, и на днѣ ея нѣсколько истлѣвшихъ скелетовъ; при нихъ лежали удила, украшенія конской сбруи, желѣзныя копыя, 40 трехгранныхъ наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ и бронзовая рукоятка въ видѣ орлиной головы.

Совершенно другимъ характеромъ отличался курганъ, разрытый у села Кобынковой; здѣсь на днѣ кургана устроено было 12 могилъ; судя по тому, что большинство скелетовъ лежало въ согнутомъ положеніи и что въ могилахъ не было вовсе металлическихъ предметовъ, курганъ этотъ можно отнести къ весьма отдаленной эпохѣ, вѣроятно къ концу неолитическаго періода, во всякомъ случаѣ къ

эпохѣ болѣе древней, чѣмъ курганы у Рыжановки; изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ курганѣ, особенно обращаютъ на себя вниманіе два костяныя острія, законченныя головками въ видѣ молотковъ и привѣшенныя на весьма сложныхъ костяныхъ цѣпочкахъ; затѣмъ черепки первобытной посуды, нѣсколько просверленныхъ зубовъ, каменный толкачъ и глиняная пряслица.

На ряду съ изслѣдованіемъ г. Оссовскаго въ томъ же отдѣлѣ тома помѣщенъ краткій отчетъ г. Брезы о раскопкѣ имъ кургана у села Кузминчика въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи; г. Бреза нашелъ здѣсь могилу, обложенную плоскими камнями, и въ ней скелетъ, у котораго лежалъ кремневый полированный топоръ.

Въ отдѣлѣ антропологии помѣщена статья г. Талько-Гринцевича «О продолжительности жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ». При составленіи статьи авторъ пользовался матеріаломъ, извлеченнымъ изъ метрическихъ книгъ всѣхъ приходовъ уѣзда (106 православныхъ, 2 католическихъ и одна община еврейская) за 25 лѣтъ (1860—1885). Такимъ путемъ онъ собралъ данныя о возрастѣ 156,685 умершихъ лицъ и на ихъ основаніи пришелъ къ нѣкоторымъ статистическимъ выводамъ. Средняя абсолютная цифра, опредѣляющая продолжительность жизни народонаселенія въ звенигородскомъ уѣздѣ=18 лѣтъ 7 мѣсяцевъ; но если принять во вниманіе большую смертность, господствующую среди дѣтей, и если послѣднихъ исключить изъ таблицъ до 5 лѣтняго возраста, то средняя продолжительность жизни опредѣляется возрастомъ отъ 36—37 лѣтъ. Дѣйствительно, пересматривая таблицы г. Гринцевича, мы находимъ что $\frac{1}{5}$ часть умершихъ это новорожденные дѣти, вообще же $\frac{2}{3}$ населенія умираетъ до истеченія 10 лѣтъ жизни. Сравнивая полученные имъ результаты съ цифрами продолжительности жизни, добытыми статистикою въ другихъ странахъ, г. Гринцевичъ находитъ, что ближайшая къ его выводамъ цифра встрѣтилась ему въ Германіи, гдѣ средняя долговѣчность опредѣлена въ 19 лѣтъ, и самая далекая въ Англіи—27 лѣтъ.

Третій отдѣлъ тома, посвященный этнографіи, заключаетъ 8 статей, изъ которыхъ 5 представляютъ довольно обширныя сборники этнографическаго матеріала, записаннаго въ южной Руси. Три изъ нихъ посвящены описанію «весіли» т. е. свадебныхъ обрядовъ, при чемъ приложены тексты свадебныхъ цѣсенъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ поются при совершеніи свадебнаго ритуала. Такія описанія свадьбы мы встрѣчаемъ въ статьяхъ: г. Тодашевской „Свадебные обряды русскаго народонаселенія въ селѣ Виннивахъ дрогбыцкаго

уѣзда»; г. Стадницкой «Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи» и г. Брыкчинскаго «Этнографическія записки изъ волынскаго Полѣсья»; въ послѣдней статьѣ, кромѣ свадьбы, описаны также обычаи, соблюдаемые крестьянами въ волынскомъ Полѣсьи при крестинахъ и похоронахъ, празднованіе «Купала» и суевѣрія, соединенныя съ такъ называемыми «закрутками» (т. е. узлами, завязанными на созрѣвшемъ хлѣбѣ до жатвы). Въ концѣ приложенъ небольшой сборникъ пѣсень (11), записанныхъ въ данной мѣстности.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ статью г. Зембы «О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушницы» и сборникъ пѣсень, записанныхъ извѣстнымъ польскимъ этнографомъ Кольбергомъ въ западной части подольской губерніи. Сборникъ этотъ не великъ, онъ заключаетъ только 40 номеровъ, весьма впрочемъ разнообразныхъ по содержанію пѣсень; это гаивки, веснянки, баллады, пѣсни любовныя и бытовыя. Главное достоинство сборника состоитъ въ томъ, что при каждой изъ нихъ записанъ ея мотивъ, такъ что сборникъ г. Кольберга представляетъ довольно значительный матеріалъ для изученія народной музыки.

В. А.

Растительность Екатеринослава въ концъ перваго столѣтія ея существованія. — Изв. Як. Акинфіева, дѣйствительнаго члена Обществъ: „Естествоиспытателей при Импер. новор. университетъ“ и «Испытателей природы при Импер. харьков. университетъ». Изданіе екатеринославской городской думы. Екатеринославъ. Тип. Н. Я. Павловскаго. 1889 г.

Подъ такимъ названіемъ вышелъ на дняхъ изъ печати весьма почтенный трудъ учителя екатеринославскаго реального училища И. Я. Акинфіева, давно уже подвизающагося на поприщѣ изученія флоры г. Екатеринослава и его окрестностей и подарившаго намъ не одною работою по этому предмету. Хотя настоящій его трудъ и представляется строго-спеціальнымъ, касающимся лишь области естествовѣдѣнія, но, намъ кажется, упоминаніе о немъ совершенно уместно и на страницахъ историческаго журнала, какимъ является «Кіевская Старина», тѣмъ болѣе, что онъ касается и дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ прежней мѣстной администраціи, а также историческихъ свѣдѣній о прежней растительной флорѣ нашего края, во времена слишкомъ отдаленныя.

Книга г. Акинфіева распадается на двѣ части, совершенно самостоятельныхъ. Въ *первой* части имѣется пять главъ, а именно: 1) свѣдѣнія топографическія, геологическія и почвенныя; 2) историческія свѣдѣнія о садахъ города; 3) современные сады города; 4) некультурныя растенія; 5) зависимость растительности отъ климатическихъ условій. Во *второй* части данъ «списокъ сосудистыхъ растений г. Екатеринослава и его окрестностей», съ «завлюченіемъ и добавленіемъ». Вотъ все содержаніе ея, въ общемъ перечнѣ. Подобнаго изданія мы не встрѣчали въ русской печати; въ отношеніи же Екатеринослава это—первая и единственная въ своемъ родѣ книга. Очертивъ топографію и геологическое сложеніе мѣстности, занимаемой нынѣ Екатеринославою, составъ почвы, ширину, глубину и измѣненіе въ теченіяхъ р. Днѣпра, авторъ переходитъ къ изложенію историческихъ свѣдѣній о растительности, нѣкогда роскошно покрывавшей все пространство, обитаемое теперь екатеринославцами, и указываетъ на живыхъ свидѣтелей былаго—гигантскіе тополи и «столѣтній» дубъ, которому, по его вычисленію, будетъ нынѣ около 300 лѣтъ. Эти нѣмые свидѣтели и нынѣ живутъ во всей своей красѣ въ городскомъ саду, вблизи памятника запорожцу Глобѣ, впервые насадившему здѣсь садъ, вмѣстѣ съ не менѣе извѣстнымъ здѣсь устнымъ повѣствователемъ старины, запорожцемъ Коржомъ, проживавшимъ въ этихъ мѣстахъ во времена кв. Потемкина, основателя гор. Екатеринослава. Къ книгѣ приложены два рисунка, изображающихъ «столѣтній» дубъ и «дуплистый тополь». Кн. Потемкинъ весьма озабоченъ былъ не только основаніемъ во вновь пріобрѣтенномъ краѣ фабричнаго и заводскаго производства, но и развитіемъ садоводства. Съ послѣдней цѣлью онъ пріобрѣлъ у Глобы садъ за 3000 рублей,—огромную по тому времени цѣну, выписалъ для него изъ Молдавіи и Малороссіи (т. е. полтавской и черниговской губерній) множество фруктовыхъ деревьевъ и развелъ большой фруктовый садъ, съ оранжереєю при немъ. Однѣхъ виноградныхъ лозъ выписалъ князь двѣнадцать фуръ, вмѣстѣ съ искусными виноградарами—болгарами; и еслибы дѣло его было поддержано впоследствии, то мы имѣли бы, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи обширныя и роскошныя виноградныя плантаціи, вполне допускаемыя, какъ оказывается, климатическими условіями края. Кн. Потемкинъ, очевидно, хорошо сознавалъ эти благоприятныя условія мѣстности, прозорливо предвидя необходимость этой отрасли сельскаго хозяйства въ краѣ съ такимъ жаркимъ лѣтомъ и знойною весною, какія бываютъ нерѣдко

въ этомъ краѣ и губаютъ подъ часъ всякіе хлѣбные посѣвы. Поддерживая лѣса и насаждая сады, онъ хотѣлъ дать краю какъ можно больше растительности и сопряженной съ нею влаги, т. е. именно того, въ чемъ край такъ нуждается для своего благоденствія и о чемъ такъ много стали помышлять нынѣ его потомки. Но благимъ начинаніямъ князи въ этомъ отношеніи скоро положенъ былъ конецъ: послѣ его смерти оранжерея продана была съ торговъ за 1039 р. и о развитіи садоводства не стали заботиться; и только съ 1817 г.—со времени учрежденія особаго «помологическаго комитета», по настоянію управляющаго нѣмецкими колоніями дѣйств. ст. сов. Контеніуса, вновь обратились къ мысли Потемкина о развитіи въ Новороссійскомъ краѣ садоводства. Въ послѣдовательномъ разсказѣ авторъ сообщаетъ далѣе судьбы мѣстнаго садоводства и затѣмъ перечисляетъ въ особой главѣ современныя насажденія города Екатеринослава, по разнымъ частямъ его и предмѣстьямъ, раскинувшіяся, въ общей цифрѣ, почти на 202 десятинахъ земли, что при общемъ пространствѣ, занятомъ городскими кварталами (собственно строеніями?)—474 десятинахъ, составляетъ почти половину протяженія города; иначе говоря, городъ Екатеринослава почти на половину занятъ садами и садиками.

Сообщивъ всѣ такія свѣдѣнія по историческимъ матеріаламъ, тщательно просмотрѣннымъ и сгруппированнымъ въ живомъ и интересномъ разсказѣ, авторъ затѣмъ даетъ намъ замѣчательные результаты непосредственныхъ своихъ наблюденій по вопросамъ мѣстной растительной вегетаціи. Помѣщенныя въ его книгѣ статьи: «Цвѣточный календарь», «Таблицы весеннихъ дней» и «Періодъ вегетаціи деревьевъ и кустарниковъ Екатеринослава» представляютъ много весьма важныхъ данныхъ для изученія края и указываютъ практической путь къ такому изученію. Приложенный къ книгѣ «чертежъ изображенія кривыми ежедневнаго наростанія температуры и числа расцвѣтшихъ растений» можетъ послужить нагляднымъ тому примѣромъ. Вообще книга г. Авинфіева заслуживаетъ глубокаго вниманія и благодарности, въ особенности со стороны всякаго екатеринославца, которому дорогъ его родной уголокъ, а равно и знаніе условій, способствовавшихъ его развитію. Говори объ этихъ условіяхъ довольно подробно, авторъ не забываетъ привести и имена лицъ, противодействовавшихъ въ этомъ отношеніи развитію края. Имя г. Компанейщикова, бывшаго управляющаго екатеринославскою палатою госуд. имуществъ, желавшаго «упраздненія» мѣстнаго училища садоводства, должно быть поставлено на первомъ планѣ. Это имя, а равно и

самая личность, его носившая, слишком памятны еще многимъ въ Екатеринославѣ по своей суровости и непреклонности характера.

Заканчивая нашу бѣглую замѣтку, мы не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что авторъ не приложилъ къ своей книгѣ «плана Екатеринослава», относящагося къ 1786 г. и принадлежащаго нынѣшнему екатеринославскому губернскому предводителю дворянства А. П. Струкову. Вскользь упоминая объ этомъ планѣ на стр. 25-ой, авторъ говоритъ, что на немъ обозначены «дворы деревни Половицы, расположенной на берегу р. Днѣпра» и уступившей свое мѣсто нынѣшнему Екатеринославу. Сколько намъ извѣстно, это—самый древній и, быть можетъ, единственный даже планъ заселенія мѣстности, занятой Екатеринославомъ, и имѣть его въ доступномъ для всѣхъ печатномъ оттискѣ было бы весьма желательно въ интересахъ историческаго изученія края. Вѣроятно, не желая удорожить изданіе, авторъ не приложилъ этого плана; но въ такомъ случаѣ екатеринославская городская дума, затратившая на это изданіе деньги въ воспоминаніе юбилея основанія г. Екатеринослава, праздновавшагося 9 мая 1887 г., должна позаботиться и объ изданіи этого плана, съ подробнымъ описаніемъ его, отдѣльною книжкой.

Что особенно важно въ этомъ планѣ—это изображеніе на немъ «рѣчки Половицы», которую образовывали два ручья:—одинъ вытекалъ изъ баловъ Жандармской и Монастырской (*нынѣ* такъ называемыхъ, по позднѣйшему расположенію на нихъ «жандармской конюшни» и женскаго монастыря; *прежде* же, до основанія Екатеринослава, балки эти такихъ названій, разумѣется, не носили); другой изъ озера, бывшаго на нынѣшней «Озерной площади», застроенной отчасти базарными лавочками и зданіями вокзала екатерининской дороги, частью же пребывающей впустѣ, въ видѣ болота, ежегодно наполняющагося водою отъ весенняго таянія снѣговъ и дождей. Въ давнее время это болото было, нужно думать, довольно глубоко, постоянно изоблывало водою и давало истокъ рѣченкѣ или потоку, послужившему къ образованію «рѣчки Половицы», лѣвый берегъ которой (по географическому положенію, западный) покрытъ былъ обильной растительностью. Судя по такому изображенію рѣчки этой на планѣ г. Струкова, остатокъ ея существуетъ и нынѣ въ видѣ довольно глубокой и широкой канавы, въ нижней части своей проходившей черезъ старый гимназическій дворъ, нынѣ принадлежащій купцу Хрѣнникову, и постоянно наполненной водою. Въ устьѣ ея и теперь останавливаются иногда груженныя берлины, приходящія по Днѣпру,

а это свидѣтельствуеть о значительной глубинѣ балки. Лѣвый берегъ ея дѣйствительно поросъ дикими деревьями, извѣстными въ недавніе годы подъ именемъ «Раскольничьяго сада». Въ доисторическое время балка эта могла представлять собою и весьма замѣтную рѣчку, такъ какъ балки Жандармская и Монастырская, служившія ея образованію своими ручьями, тянутся довольно далеко внутрь екатеринославскаго уѣзда и послѣдняя изъ нихъ, сверхъ того, не лишена и нынѣ лѣсной растительности. Тутъ могли быть нѣкогда цѣлыя обширныя лѣса, дававшіе убѣжище кочевнику, съ его стадами, напр. изъ обитавшихъ здѣсь нѣкогда половцевъ. По обитанію здѣсь этого народа, могла получить названіе и «рѣчка Половица», на правомъ (восточномъ) берегу которой и стояла въ позднѣйшее время, даже при основаніи гор. Екатеринослава, деревня Половица. Дворы этой деревни на томъ же планѣ Струкова изображены по возвышенному побережью р. Днѣпра, начиная отъ теперешнихъ «Каменьевъ», составляющихъ нынѣ 1-ю часть (полицейскую) г. Екатеринослава. Авторъ плана наносилъ здѣсь на карту то положеніе топографическихъ особенностей мѣста и населенныхъ на немъ пунктовъ, какіе были въ дѣйствительности, обозначая ихъ и жившими въ то время въ памяти народной названіями, а это весьма важно при розыскахъ о прежней населенности края. Кажется, планомъ Струкова твердо устанавливаются два положенія: во 1-хъ) существованіе, съ постоянной водой на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава, рѣчки, и давняго заселенія праваго берега ея поселкомъ, или деревней; а во 2-хъ) давнее названіе и рѣчки, и этого поселка именами «Половицы». Положенія эти указываютъ, въ свою очередь, на обитаніе въ этихъ мѣстахъ народа, давшаго и рѣчкѣ, и поселку свое имя, и искать иное объясненіе происхожденію этихъ именъ нѣтъ надобности.

Въ «Юбилейномъ Листкѣ», выходившемъ въ Екатеринославѣ въ теченіе апрѣля и мая 1887 г., помѣщено было нѣсколько замѣтокъ о происхожденіи названія «Половица», болѣе или менѣе остроумныхъ. Въ томъ же году появилась здѣсь даже зубоскальнаго свойства брошюрка подъ названіемъ «О происхожденіи гор. Телятинска», сочиненія нѣкого «подпоручика Забейбаки» (псевдонимъ), въ которой, съ погугами на юморъ, въ скудной стихотворной формѣ, авторъ стремится осмѣять представленныя въ тѣхъ замѣткахъ объясненія историческаго названія «Половица», и предлагаетъ свое, вполнѣ «зубоскальное», давъ Екатеринославу псевдонимъ «Телятинска». Такъ сильно интересуеть многихъ екатеринославцевъ разъясненіе прежнихъ судебъ

мѣстности, нынѣ занятой городомъ Еватернославомъ, ея топографическихъ особенностей, названія пунктовъ и бывшаго на его мѣстѣ заселенія. Планъ г. Струкова служилъ бы поэтому важнымъ историческимъ памятникомъ прошлаго.

Г. 3.

Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. С.-Петербург. 1889 г.

Исторію славнаго войска донскаго извѣстна весьма мало, не смотри на то, что она представляетъ многообразный интересъ. Донъ— обширный край, съ своеобразною и мѣстною жизнью и исторіей, и въ то же время казаки донскіе играли не малую роль съ XVI вѣка и въ общей исторіи русскаго народа; мало этого, долгое отсутствіе государственности на Дону позволило развиться здѣсь такому строю, который въ существенныхъ чертахъ можетъ быть признаваемъ не только древне—славянскимъ, но едва ли даже не древне-арійскимъ.

И историкъ южной Руси не можетъ игнорировать исторію Дона, какъ въ виду чрезвычайно тѣсныхъ отношеній его славныхъ молодцовъ-казаковъ къ запорожскимъ рыцарямъ, такъ и въ виду сходства въ устройствѣ самаго войска донскаго съ запорожскимъ, устройствомъ, явившимся вслѣдствіе одинаковости условій—долгаго отсутствія здѣсь государственныхъ началъ.

Донъ имѣетъ своихъ историковъ (Сухорукова, Савельева и др.), но труды ихъ слабы въ строго научномъ отношеніи; исторія здѣсь перемѣшана съ мѣстными патриотическими легендами, а для XIX в. замѣнена чѣмъ то въ родѣ официального лѣтописнаго изложенія. Правда, исторія Дона въ XIX в. еще несовершенно и возможна.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписали мы въ началѣ рецензій, по справедливости должно быть признано первымъ исполнѣ научнымъ трудомъ по исторіи Дона. Авторъ большой знатокъ не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, безъ котораго теперь писать по исторіи Дона немыслимо; онъ исполнѣ владѣетъ историческою критикою, прекрасно группируетъ матеріалъ, ему необходимый; словомъ изслѣдованіе обличаетъ мастера хорошей школы. Но при всемъ томъ изслѣдованіе это насъ не совсѣмъ удовлетворило.

Значеніе раскола на Дону очень велико, и не совсѣмъ знакомые съ ходомъ его распространенія здѣсь, мы предпологали, что авторъ

именно и хочется выяснить это значеніе; оказалось, что наши надежды были преждевременны; въ доказательство изложимъ въ общихъ чертахъ содержаніе труда автора, тѣмъ болѣе, что собственно изслѣдованіе не особенно и велико.

Двѣ начальныя главы составляютъ введеніе въ сочиненіе; онѣ посвящены: первая изображенію Донской земли во второй половинѣ XVII в., вторая—отношеніямъ между Москвою и донскими козаками. Нечего и говорить, что одна научная разработка вопроса, означеннаго въ первой главѣ, представила бы величайшую важность. Авторъ, конечно, отнеси къ дѣлу исполнѣ научно, но, если можно такъ выразиться, нѣсколько элементарно: оно рисуетъ Донъ самыми общими чертами, ссылаясь для доказательства своихъ положеній на какой либо одинъ или два факта, да и то не воспроизводя ихъ хотя бы въ примѣчаніи, а ссылаясь, напр., на рукопись въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Увѣренъ, что ссылка правильна, но самый вопросъ очень интересенъ и открываетъ цѣлую историческую перспективу, а авторъ спокойно идетъ мимо него, махнувши рукою, дескать, это къ исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII в. не относится. Уже на 3 страницѣ авторомъ затронутъ очень интересный вопросъ о невыдачѣ бѣглыхъ съ Дона, а въ примѣчаніи сообщены только выдержки изъ архивнаго дѣла о присылкѣ на Москву вора Буянки и изъ другихъ актовъ, при томъ до того характеристичныя, что хотѣлось бы видѣть ихъ въ полномъ контекстѣ, да и самое дѣло Буянки, сослужившее автору добрую службу, остается все таки не выясненнымъ читателю. Далѣе, на стр. 4 говорится о составѣ донскаго населенія, что здѣсь были и татары, и греки, и тумы (отъ брава русскихъ съ турчанками); а въ доказательство ровно по одному факту, вѣрнѣе по одной выдержкѣ изъ архивныхъ источниковъ. На стр. 5 авторъ говоритъ о донскихъ городкахъ, приводитъ ихъ число, въ приложеніи помѣщаетъ и маленькое изслѣдованіе о нихъ, даже на основаніи архивныхъ источниковъ, и одного только не сообщаетъ—названія самыхъ городковъ! Такъ что, если кому пришлось бы заняться этимъ вопросомъ хотя бы и не специально, онъ долженъ повторить всю работу автора, только потому, что автору жаль было напечатать лишніхъ полстранички! И такая экономія идетъ черезъ всю книгу. Особенно намъ досадно встрѣтить ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Дона и Запорожья, о появленіи на Дону черкасы и т. п. Только и узнаешь, что отношенія были и черкасы появлялись, и въ доказатель-

ство приведено по какому либо одному, правда очень рельефному, но не вполне ясному архивному факту (см. стр. 8, 19, 33, 34).

Предвидимъ возраженіе, что авторъ и не задался спеціально задачею—изобразить Донъ въ половинѣ XVII в., и ему важно было лишь дать свѣдѣнія, необходимыя для пониманія исторіи раскола на Дону въ концѣ XVII вѣкѣ. Пусть такъ; пойдемъ за авторомъ далѣе.

Вторая глава—отношенія между Москвою и козаками въ концѣ XVII в. имѣетъ тотъ же самый характеръ изложенія, такъ что останавливаться здѣсь нечего. Укажемъ развѣ, что авторъ не коснулся даже Разиновскаго бунта, хотя бунтъ этотъ имѣлъ и религіозную окраску, и въ то же время, какъ это видно у автора, память о Разинѣ была жива на Дону въ концѣ XVII в. и именно у козаковъ раскольниковъ.

Съ третьей главы начинается собственно изслѣдованіе. Здѣсь идетъ рѣчь о зарожденіи раскола среди донскихъ козаковъ. Конечно о самомъ расколѣ авторъ говоритъ кратко, на двухъ страницахъ, и прямо переходитъ къ подробному изложенію дѣятельности донскихъ расколуучителей, коими основанъ центръ донскаго раскола—обитель на р. Чирѣ. Глава очень интересная; не менѣе интересно и сообщенное авторомъ въ приложеніи къ ней слово о нѣкоемъ мужѣ, написанное на Чирѣ, эсхатологическаго характера; при чемъ въ аду помѣщены донскіе воротилы, напр. знаменитый Корнило Яковлевъ, Михайло Самарня, а въ раю расколуучители, и въ томъ числѣ донскіе. Въ этой главѣ сообщены и столь же подробныя, но за недостаткомъ матеріаловъ все же отрывочныя, свѣдѣнія еще о нѣкоторыхъ расколуучителяхъ, разсѣявшихся по Донской землѣ¹⁾, при чемъ значеніе ихъ въ дѣлѣ распространенія раскола остается вовсе не выясненнымъ, несмотря на увѣреніе автора, что онъ указалъ главные центры раскола на Дону. Кстати сказать, очень жаль, что къ книгѣ не приложена подробная карта Дона: упоминаются такія урочища, которыя совершенно неизвѣстны, и слѣдить за авторомъ въ его изложеніи событій, связанныхъ съ какими либо мѣстами, иногда невозможно. Впрочемъ, сознаемся, что это уже слишкомъ большое требованіе. Конецъ третьей главы посвященъ бѣгству на Донъ раскольниковъ мирянъ. Но и въ этой главѣ опять примѣчанія говорятъ о гораздо большемъ, чѣмъ внесъ авторъ въ свое изложеніе, но говорятъ отрывочно, неясно.

¹⁾ На стр. 92 указаны еще поны, на свое мѣсто не появившіе.

Упомянутый на стр. 96 думный дворянинъ Петръ Аврамовъ, и въ указателѣ названный Аврамовымъ, конечно, Петръ Аврамовичъ Донухинъ.

Четвертая глава посвящена раскольничьей пропагандѣ на Дону. И здѣсь о самой пропагандѣ говорится очень бѣгло, и авторъ торопится перейти къ изложенію мелкихъ фактовъ изъ исторіи столкновеній въ 1680-хъ годахъ на Дону козаковъ раскольниковъ съ козаками православыми. Конечно, авторъ излагаетъ мелкіе факты потому, что крупныхъ еще не было. Но, какъ ни какъ, а насколько сильно былъ распространенъ расколъ на Дону, это все же остается не выясненнымъ, и рядъ позднѣйшихъ беспорядковъ изъ за старой вѣры падаетъ вдругъ на читателя, слабо къ тому подготовленнаго. Очень жаль еще, что авторъ не попытался охарактеризовать единственнаго крупнаго дѣятеля раскольничьей партіи на Дону атамана Самойла Лаврентьева, для чего у него было достаточно данныхъ; но авторъ избѣгаетъ всякихъ характеристикъ и какъ здѣсь Лаврентьевъ, такъ далѣе знаменитый Фролъ Минаевъ представляются лишь собственными именами.

Пятая глава, самая длинная, — господство козаковъ раскольниковъ на Дону — опять излагаетъ съ мельчайшими подробностями борьбу за вѣру среди козацкой старшины въ Черкасскѣ, при чемъ, если автору нуженъ былъ посторонній фактъ, онъ его касается вскользь, напр. на стр. 134 говорится, что донцамъ предстояло склонить Чагана тайшу съ его калмыками къ миру. Кто такой Чаганъ и гдѣ онъ жилъ, и почему это предстояло — авторъ не объясняетъ ¹⁾.

Но, какъ ни обширна эта глава, все же авторъ не выяснилъ смысла разыгравшейся на Дону драмы, и именно потому, что свелъ борьбу только на религіозную почву. Между тѣмъ въ этой борьбѣ, что прекрасно извѣстно и самому автору ²⁾, главное мѣсто занимали экономическіе и политическіе вопросы. Для знакомаго съ исторіей южной Руси дѣятельность главарей московской партіи на Дону — Фрола Минаева, Ивана Семенова и т. д. является совершенно идентичною съ дѣятельностью Рославцевъ да Филимоновыхъ, не мало

¹⁾ Еще примѣръ экономіи: на стр. 132, примѣч. 6 авторъ говоритъ, что въ Допол. къ Акт. Истор. т. XII № 17, стр. 137—138 перепутаны листья. Перепутаны? Ну, было и указать, въ какомъ порядкѣ имъ слѣдовало быть; ср. то же на стр. 138 указаніе, что въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ пропущенъ пунктъ, а не общно о чемъ.

²⁾ См. его заключеніе на стр. 215 и д.

повинныхъ въ лишнихъ страданіяхъ края. И въ Запорожьѣ въ XVIII в. засѣли политиканы, съ успѣхомъ рывшіе могилу Запорожьѣ. Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ козацкимъ землямъ трудно было противъ рожна прати, и причина гибели ихъ строя достаточно объясняется принципомъ, что сила солому ломить; но все же отдѣльныхъ лицъ можно судить и на основаніи извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ; Минаевы да Семеновы не ломали честно извѣстный строй войска, находя его устарѣлымъ, не соответствующимъ новымъ задачамъ дѣятельности русскаго народа. И задачъ они не понимали, и о ломкѣ строя вѣроятно сознательно не думали, а просто изъ за угла, въ тихомолку строили каверзы врагамъ своимъ (см. стр. 181), добываясь личныхъ выгодъ. Можетъ быть, Минаевъ былъ большой честолюбецъ, который былъ убѣжденъ, что его интересы—интересы всего войска, но Семеновъ и его компанія даже въ этомъ не повинны. Между тѣмъ сведя всю борьбу къ одному расколу, авторъ обнаруживаетъ симпатію къ минаевской партіи, а названіе его козаковъ—«добрыми» козаками отнюдь не означаетъ ироніи.

Мелкая борьба на Дону изъ раскола привела и къ мелкимъ безпорядкамъ въ 7196 г., разсказу о которыхъ посвящена послѣдняя глава; при чемъ авторъ говоритъ объ этихъ безпорядкахъ, какъ о какомъ то огромномъ «грозномъ» мятежѣ. Между тѣмъ это была только кровавая расправа Минаева и его партіи съ врагами, почти не оказывавшими сопротивления, и только много болтавшими. Правда, Заполянскій городокъ держался долго, но это былъ маленькій городъ; осаду его вели плохо и не регулярно. Любопытно, что уже въ XVII в., для расправъ съ неблагонадежными русскими элементами употребляемы были иностранцы, наур. на Дону дѣйствовалъ противъ раскола московскій маіоръ Кунингамъ; да, вѣроятно, и полуполковникъ Табелевскій былъ не изъ русскихъ. Для исторіи Новороссіи важнымъ эпизодомъ представляется поселеніе части козаковъ послѣ скитаній на р. р. Кумъ и Терекъ, гдѣ ихъ добыли московскія власти, между р. Кубанью и Илобаненчикомъ на берегу Чернаго моря, подъ властью крымскаго хана, который велѣлъ имъ построить тамъ деревянный городокъ (стр. 212—по архивнымъ источникамъ).

Мы довольно подробно изложили сюжетъ разбираемаго послѣдованія и въ результатѣ, кажется, имѣемъ право утверждать, что центръ его состоитъ въ разсказѣ о безпорядкахъ на Дону изъ за раскола въ 80-хъ одахъ XVII в., и въ то же время, что безпорядки эти вовсе не за-

служивали той чести, которую придалъ имъ авторъ, приспособивъ въ немъ всю предшествующую исторію Дона. Или на Дону не было болѣе важныхъ историческихъ моментовъ? Вовсе нѣтъ; авторъ просто располагалъ обильными архивными матеріалами для давняго историческаго момента ¹⁾. Прекратился ли расколъ на Дону послѣ этого? Не прекратился, и донинѣ существуетъ. Правительство перестало обращать вниманіе на донскихъ раскольниковъ; авторъ полагаетъ, что именно въ виду изображеннаго имъ погрома; ужъ скорѣе въ виду сложившагося въ Москвѣ на основаніи этихъ событій мнѣнія о слабости самаго Дона; а вѣрнѣе потому, что наступило время, когда правительство не особенно преслѣдовало раскольниковъ.

Болѣе всего намъ жаль, что авторъ остановился у порога самыхъ интересныхъ событій въ исторіи Дона. Допустимъ, что дальнѣйшая дѣятельность Фрола Минаева не заинтересовала автора, такъ какъ Минаевъ не раскольникъ; но Булавинскій бунтъ есть важнѣйшее событіе изъ исторіи Дона, и на авторѣ, какъ на серьезномъ специалистѣ, лежитъ обязанность не отступать предъ тѣми трудностями, которыя представляетъ исторія этого вопроса: событія на Дону въ концѣ XVII в. есть только прелюдія къ Булавинскому бунту.

Если авторъ устрашится рекомендуемой ему его же собственнымъ трудомъ задачи, то онъ можетъ оказать услугу русской исторической наукѣ и инымъ способомъ: превративши въ отдѣльное сочиненіе двѣ первыхъ главы своего настоящаго изслѣдованія. При научной подготовкѣ и дарованіяхъ автора эта задача будетъ для него очень не трудною и мы не знаемъ въ настоящее время изслѣдователя, который съ большими правами, чѣмъ В. Г. Дружининъ, могъ бы взяться за изображеніе исторіи донскаго козачества. А взяться стоитъ.

А. М.

М. П. Федоровъ.— *Хлѣбная торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и въ Кемисбергѣ. Москва. 1888.*

Эта книга является результатомъ изученія положенія отпускомой хлѣбной торговли въ русскихъ портахъ Балтійскаго и Чернаго съ Азовскимъ морей, произведеннаго по порученіи съѣзда желѣзныхъ дорогъ II группы, состоявшагося въ 1885 году. Богатый цифровой матеріалъ, собранный авторомъ и тщательно разработанный, знакомить

¹⁾ Они сообщены въ приложеніи къ изслѣдованію.

читателя вполнѣ съ развитіемъ нашей отпускной хлѣбной торговли за послѣдніе 15 лѣтъ. Въ отдѣльныхъ главахъ труда этого описаны порты Балтійскаго моря и южные, способы отправки хлѣба и полученія его по желѣзнымъ дорогамъ, водяными путями и гужемъ; кромѣ цифръ въ этихъ описаніяхъ встрѣчается много бытовыхъ подробностей, характеризующихъ большое мѣсто нашей заграничной торговли стремленіе къ надувательству, которое и привело уже къ полному недовѣрію заграничныхъ покупателей по отношенію къ нашимъ экспортерамъ, особенно изъ южныхъ портовъ. Цифры, приводимыя въ таблицахъ, служатъ лучшимъ матеріаломъ для исторіи южно-русскихъ городовъ на побережьи Чернаго и Азовскаго морей. Изъ нихъ мы видимъ, напр., что Мариуполь въ непосильной борьбѣ съ естественными условіями, въ которыя поставленъ, является уже захудалымъ городомъ, тогда какъ Севастополь быстро растетъ, благодаря прекрасному своему порту и желѣзной дорогѣ, соединившей его съ южными и центральными частями Россіи. Еще въ пятилѣтіе съ 1872 по 1876 годъ городъ этотъ отправлялъ въ среднемъ въ годъ только 13 тысячъ четвертей, а въ 1887 году—уже 1.587 тысячъ четвертей хлѣба, т. е. уже болѣе чѣмъ, напр., Таганрогъ. Ростовъ и Николаевъ, отправляя теперь болѣе чѣмъ по 3 милліона четвертей, утратили вывозъ хлѣба по сравненію съ отпускомъ изъ нихъ 15 лѣтъ тому назадъ. Первое же мѣсто не только между черноморскими, но и вообще всѣми русскими портами занимаетъ Одесса, отпустившая въ 1887 году до 10 милліоновъ четвертей хлѣба, тогда какъ Петербургъ въ томъ же году отправилъ только 6 милліоновъ, а Ливава 4 милліона четвертей.

Таблица цифръ количества отправки хлѣба изъ Одессы болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ, вмѣстѣ съ цѣнами на разные хлѣба и съ курсомъ нашего рубля, выраженномъ во франкахъ, представляетъ полную исторію нашихъ экономическихъ невзгодъ за весь этотъ періодъ. Довольно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ первый годъ по введеніи нашей валюты на серебро вмѣсто старыхъ ассигнацій (1840) за новый русскій рубль давали 4,₂₃ франка; самая высшая цѣна его (4,₄₅ фр.) были въ 1847 году, а съ тѣхъ поръ, постепенно понижаясь, она дошла въ 1887 году до 2,₂₀ франковъ.

Въ общемъ книга эта, хотя написана съ спеціальной цѣлью указать на мѣры, какія должны быть предприняты для упорядоченія нашей хлѣбной торговли, но можетъ служить для разныхъ справокъ занимающимся исторіею южнаго края въ текущемъ столѣтіи.

А. Р.

Высокопреосвященный Іосифъ (Сьмашко), митрополитъ литовскій и виленскій. Сочиненіе свящ. Николая Извъкова. Вильна 1889 г.

Многотрудная и полезная дѣятельность митрополита литовскаго Іосифа составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи русской церкви; имя его неразрывно связывается съ дѣломъ воссоединенія униатовъ съ православіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пробужденія русскаго національнаго самосознанія въ западномъ краѣ; жизнь его такимъ образомъ слилась съ исторіей; для изученія той и другой единственнымъ матеріаломъ служатъ «Записки» самого іерарха, изданныя по завѣщанію автора въ трехъ томахъ въ 1883; очень дорогое по цѣнѣ (12 руб.), это изданіе было недоступно для читателей, а между тѣмъ потребность въ популяризаціи этихъ записокъ въ западномъ краѣ, на мѣстѣ, гдѣ происходила дѣятельность митрополита Іосифа, гдѣ тайное броженіе, тайная борьба противъ провославія не прекращается и до сихъ поръ, гдѣ и до сихъ поръ ходятъ толки о дѣятельности іерарха, потребность въ популяризаціи, повторяемъ, была неотложна, необходима. Отсюда нѣтъ надобности доказывать, какъ своевременно, какъ встати появляется названное сочиненіе. Самъ покойный митрополитъ сознавалъ необходимость распространенія точныхъ свѣдѣній о своихъ важныхъ трудахъ, когда писалъ: «я вполне увѣренъ, что мнѣ отдадутъ полную справедливость, но къ сему могутъ способствовать и бумаги, собственно мнѣ принадлежащія». Оставляя капиталъ на изданіе своихъ бумагъ, митрополитъ Іосифъ, конечно, имѣлъ въ виду слѣлать это изданіе насколько возможно болѣе доступнымъ по цѣнѣ ради большаго распространенія его, но, какъ видно, издержки печатанія послужили препятствіемъ для осуществленія этой цѣли митрополита. Названная книга и въ этомъ отношеніи устраняетъ препятствіе распространенію; но и объявленная авторомъ цѣна намъ кажется слишкомъ высокой (1 р. 30 коп.); она должна бы ради интересовъ распространенія быть понижена еще болѣе, потому что книга должна служить теперь и еще надолго для мѣстной русскои интеллигенціи. Она необходима также и потому, что въ краткомъ очеркѣ излагаетъ содержаніе напечатанныхъ трехъ — томныхъ «Записокъ», неудобныхъ уже по своему объему для скорыхъ справокъ. Въ виду всего сказаннаго мы не можемъ не привѣтствовать появленія книги свящ. Извъкова и не пожелать ей полного успѣха. Авторъ въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ дѣтство и воспитаніе митрополита Іосифа, который близокъ намъ и какъ уроженецъ кіевской губерніи, и, вполнѣдствіи, какъ

почетный членъ конференціи кievской духовной академіи, какъ чело-
вѣкъ, воспитанный русской народной церковью, преданіями народной
мѣстной старины и народными вѣснями и подъ вліяніемъ этого вос-
питанія совершившій то великое дѣло, о которомъ трактуеть разсма-
триваемая нами квига. Далѣе авторъ излагаеть разсказъ о дѣятельности
просв. Іосифа, направленной къ воссоединенію уніатовъ съ право-
славною церковью и, наконецъ, дѣятельности, направленной къ утвер-
жденію и распространенію акта воссоединенія и сознанія его необ-
ходимости. Въ заключеніи очерченъ наружный видъ преосвященнаго
Іосифа, его твердый и рѣшительный характеръ и частная жизнь,
полная неутомимыхъ трудовъ, приводящая къ убѣжденію, что этотъ
дѣятель одинъ на своихъ плечахъ вынесъ дѣло воссоединенія среди
преградъ, которыя ставились ему на пути. Такова по содержа-
нію книга священ. Н. Извѣкова. По нашему мнѣнію, въ ней не-
достаеть очень немногаго: надо было бы предислать краткій очеркъ
возникновенія уніи; онъ показаль бы еще болѣе величіе дѣла, со-
вершеннаго митрополитомъ Іосифомъ, правоту и необходимость этого
дѣла; онъ показаль бы, чѣмъ была Русь до уніи и къ чему привела
ее дѣятельность митрополита; значеніе дѣятельности не надо было бы
доказывать, ибо факты говорили бы сами за себя. Необходимо было
также приложить къ книгѣ и одинъ изъ тѣхъ трехъ портретовъ ми-
трополита, о которыхъ упоминаеть авторъ, вмѣсто слишкомъ блѣд-
ной и неполной обрисовки наружнаго вида преосвященнаго Іосифа,
сдѣланной въ книгѣ.

И. Каманинъ.

*Можеть ли не подлежать сомнѣнію, что открытое въ владимірскомъ
Успенскомъ соборѣ изображение князя есть древнѣйшее изображение
св. князя Владиміра.*

(Замѣтка на статью Н. И. Петрова о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра,
помѣщенную въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» 1888 г. № 7).

Литографическій оттискъ съ изображенія какого то князя, отеры-
таго на алтарномъ столбѣ древняго Успенскаго собора въ г. Влади-
мірѣ на Клязьмѣ (сооруженнаго въ 1158 году вел. княземъ Андреемъ
Боголюбскимъ), приложенный къ изданной П. Н. Батюшковымъ
книгѣ «Холмская Русь», вызваль въ «Кіевской Старинѣ» (ноябрь
1887 г.) нѣсколько замѣчаній противъ подписи, въ которой это

изображеніе приписано св. равноапостольному князю Владиміру, просвѣтителю Россіи. Н. И. Петровъ, принимавшій участіе въ составленіи книги «Холмская Русь», пожелалъ опровергнуть эти возраженія и доказать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе неизвѣстнаго князя наиболѣе подходитъ къ общему типу изображеній св. Владиміра, и что оно сохранилось лучше и отчетливѣе другихъ его изображеній. Къ этому направлена статья его «О древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра», помѣщенная въ іюльской книгѣ «Трудовъ кіевской духов. Академіи» за 1888 годъ. Сдѣлавши перечень возраженій противъ принадлежности св. Владиміру открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, не подписаннаго изображенія какого-то князя, г. Петровъ говоритъ: 1. Огненные и другія бѣдствія и перестройки, какимъ подвергался Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, знакомы и кіевскимъ храмамъ — Софіевскому, Михайловскому, и Кирилловскому, въ которыхъ однако же сохранились фрески. 2. Что именно это фреска, а не масляная живопись, въ этомъ мы скорѣе вѣримъ московскому археологическому обществу, принимавшему на мѣстѣ участіе въ возобновленіи живописи этого собора. 3. Совершенно невѣрно, будто бы восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка, подтвержденіемъ чему служитъ осьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII вѣка вел. князю Владиміру Мономаху изъ Константинополя, донинѣ хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. 4. Хотя полная канонизація Владиміра, какъ святаго, могла послѣдовать и дѣйствительно послѣдовала не раньше 1240 года, однако есть основаніе полагать, что фреска Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ могла изображать и не *святаго*, а пока еще только *блаженнаго* князя Владиміра. 5. А что это не князь Андрей Боголюбскій, это можно видѣть уже изъ описанія св. Андрея Боголюбскаго въ иконописныхъ подлинникахъ.

Вотъ главнѣйшіе отвѣты г. Петрова. Но при всемъ уваженіи къ г. Петрову, нельзя признать его отвѣты достаточно убѣдительными.

1. Ни откуда не извѣстно, чтобы древніе кіевскіе храмы — Софійскій, Михайловскій и Кирилловскій, въ которыхъ сохранились фресковыя изображенія XI и XII вѣка, когда нибудь подвергались внутреннимъ пожарамъ, подобно владимірскому Успенскому, двукратно выгорѣвшему внутри — въ 1185 и 1238 гг., а въ послѣднемъ году даже нарочито выжженному татарами. Въ частности, если бы Кіево-

Софійській соборъ горѣлъ когда либо внутри, то алтарныя его мозаики ни въ какомъ случаѣ не могли бы уцѣлѣть. 2. Московское археологическое общество доселѣ не сказало еще своего слова ни о принадлежности св. Владиміру изображенія, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, ни о древности этого изображенія, ни о томъ, что оно фресковое, а не масляное. Самъ г. Петровъ въ своей статьѣ признаетъ, что во всемъ этомъ изображеніи какъ будто замѣтенъ сѣверно-русскій, сѣверный пошибъ иконописи. 3. Восьмиконечный крестъ изъ животворящаго древа, хранящійся въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, присланный яко бы изъ Константинополя великому князю кіевскому Владиміру Мономаху императоромъ Константиномъ Мономахомъ вмѣстѣ съ шапкой, діадемой и сердоликовой чаркой «изъ нея же веселися Кесарь Августъ Римскій», какъ значится въ русской подлинной на семь крестѣ, составляетъ весьма слабое доказательство существованія у насъ восьмиконечныхъ крестовъ въ XIII вѣкѣ. Происхожденіе его еще болѣе сомнительно, чѣмъ принадлежность Владиміру Мономаху шапки и бармы, когда то, дѣйствительно, слышихъ подъ именемъ мономаховыхъ. Г. Петровъ, вѣроятно, и не сталъ бы утверждать этого, если бы принялъ въ соображеніе, что Владиміръ Мономахъ при жизни Константина Мономаха былъ не великимъ княземъ, а всего двухлѣтнимъ ребенкомъ, когда даже и отецъ его Всеволодъ Ярославичъ не могъ еще думать о кіевскомъ великокняжескомъ столѣ, и что умершій въ 1056 году императоръ Константинъ Мономахъ не могъ ни обмѣниваться подарками съ княземъ, родившимся за 4 года предъ тѣмъ въ Переяславѣ, ни угадать, чѣмъ онъ станетъ въ 1113 году. 4. Нельзя также допустить, чтобы могли у насъ изобразить въ церкви, на самомъ видномъ и поклонномъ мѣстѣ—вправо отъ царскихъ вратъ, князя, еще не признаннаго святымъ. 5. Описанія ви́шняго вида святыхъ въ нашихъ иконописныхъ подлинникахъ никакъ нельзя считать копировкой ихъ портретовъ или подлинными ихъ изображеніями; многіи изъ нихъ не болѣе, какъ догадки иконописцевъ; потому, основываясь на нашихъ иконописныхъ подлинникахъ, нельзя утверждать, что открытое въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя не есть портретъ в. князя владимірскаго св. князя Андрея Боголюбскаго. Мы впрочемъ и не стоимъ за то, что это было его изображеніе. Но то несомнѣнно, что оно переписано кнестью суздальскаго иконописца и что ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть признано изображеніемъ св. Владиміра, и при томъ древнѣйшимъ, потому что на всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ из-

ображеніяхъ св. Владиміръ представленъ съ четвероконечнымъ крестомъ, а не съ осмиконечнымъ. Такъ, съ четвероконечнымъ крестомъ онъ изображенъ на своихъ монетахъ, на стѣнѣ новгородской Теодоровской церкви 1369 г. и въ спискѣ сказанія XIV вѣка о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ. Говоря обо всѣхъ этихъ изображеніяхъ, г. Петровъ упоминаетъ и даже перечисляетъ всѣ ихъ детали, но тщательно умалчиваетъ, какой на нихъ формы крестъ у св. Владиміра и у представленныхъ съ нимъ сыновей его Бориса и Глѣба, тогда какъ не забываетъ сказать, что на иконѣ (неизвѣстнаго времени) изъ филаретовской коллекціи въ музеѣ кiev. дух. академіи св. Борисъ, а въ иконописныхъ свитцахъ XVII вѣка св. Владиміръ изображены съ осмиконечнымъ крестомъ. Такимъ способомъ не слѣдовало бы убѣждать читателя въ древности осмиконечнаго креста, а затѣмъ и въ древности изображенія св. Владиміра, открытаго въ владимірскомъ Успенскомъ соборѣ съ осмиконечнымъ крестомъ въ рукѣ.

Не мѣшало-бы помнить при семъ, что кресты въ рукахъ мучениковъ на окладѣ Мстиславова Евангелія и хранящіяся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ корсунскіе кресты четвероконечные, что таковы же мозаическіе кресты въ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора и по стѣнамъ сего собора въ рукахъ мучениковъ и мученицъ, на фресковыхъ изображеніяхъ, а эти св. изображенія сдѣланы спустя лишь 50 лѣтъ отъ крещенія кievлянъ при св. Владимірѣ и спустя 22 года послѣ его кончины. Вспомнивши это, не трудно бы догадаться, какой крестъ, четвероконечный или осмиконечный, долженъ быть въ рукѣ св. Владиміра на подлинномъ его изображеніи, и отсюда заключить, насколько можетъ быть древнимъ промытое на алтарномъ столбѣ владимірскаго Успенскаго собора изображеніе неизвѣстнаго князя.

Кто этотъ князь, трудно рѣшить по недостатку опредѣленныхъ данныхъ. Но мечъ при его бедрѣ, весьма сходный по своей отдѣлкѣ съ мечемъ литовскаго князя св. Довмонта, сохраняющымся донинѣ въ исковскомъ Троицкомъ соборѣ надъ его гробницею, даетъ основаніе предполагать, что это изображеніе св. князя *Довмонта*, написанное во время возобновленія владимірскаго Успенскаго собора въ 1408 году, при в. князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, который былъ женатъ на литовской княжнѣ Софѣѣ Витовтовнѣ.—

П. Л.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 36—59. № 36. Отчетъ о дѣятельности общества ночныхъ врачебныхъ дежурствъ въ Кіевѣ.

— Кор. изъ Бердичева о дѣятельности мѣстной общественной бібліотеки (сущ. съ 1864 г.).

37. Кр. отчетъ по хирург. отд. кіев. гър. больницы Цесаревича Александра за 1888 г.

— Сообщение объ учрежденіи въ семь году въ г. Полтавѣ естественно-историческаго музея.

— Забѣтка о числѣ выходящихъ въ Кіевѣ періодическихъ изданій.

39. Забѣтка объ обѣдѣ 11 фев., въ Спб. б. новгородсѣверскихъ гимназистовъ въ память 100 лѣт. юбилея гимназіи.

39, 41, 45, 48, 49, 50. Между черноземомъ и полѣсьемъ въ юго-зап. краѣ.

43. Забѣтка о бібліотекѣ Крашевскаго.

44. О присужденіи наградъ на сѣмной сельско-хозяйств. выставкѣ въ Кіевѣ въ февралѣ 1889 г.

45. Библ. забѣтка о галицкомъ журналѣ «Наука».

— Кор. изъ бердичевского у. объ обычаяхъ «справлять колодку» на маляницѣхъ.

47. Библ. зам. о вышедшемъ II т. «Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца».

49. Забѣтка о засѣданіи 26 фев. въ истор. общ. Нестора.

Кіевское Слово №№ 602—628. 602. Два диспута. Забѣтка о двухъ диспутахъ въ спб. университетѣ кіевлянъ В. В. Ефимова на степень доктора: правъ и В. Н. Великаго—доктора зоологіи.

603. Иннок. Никол. Игнатовичъ—протоіерей въ Таращѣ (некр.).

606. Иноземная колонизація въ юго-зап. краѣ (забѣтка).

— Корресп. изъ м. Спичинцы бердич. уѣзда,—нѣкоторыя данныя объ этой населенной мѣстности.

610. Штунда (забѣтка, заимствованная изъ отч. об. прок. свят. синаода. К. П. Побѣдоносцева).

612. Кор. изъ васильковскаго уѣзда о лѣсахъ гр. Браницкаго.

613. Разъясненіе б. ред.-изд. «Одеск. Вѣст.» П. А. Зеленаго, что деньги, собранныя имъ на школу имени Т. Г. Шевченка въ количествѣ 1907 р. переданы В. Г. Шевченку, съ письмомъ послѣдняго о полученіи и употребленіи этихъ денегъ.

616. Забѣтка о засѣданіи 26 февраля въ историческомъ общ. Нестора, гдѣ прочитаны были рефераты: *П. В. Дмитревскимъ* «Критско-Синайская

школа иконописи», *В. Г. Ляскоронскимъ «Паволоцкій полковникъ Поповичъ»,* и *В. Б. Антоновичемъ «О новыхъ раскопкахъ въ кiev. губерніи».*

624. Выдержка изъ помѣщенной въ № 3 «Кiev. Ст.» записки Н. Д. П. «Къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7, 6, 7. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волинской епархіи. С. Новошалинъ, с. Перерослы, с. Великая-Радогоща, с. Плужное, с. Хорошовъ, с. Малые-Калетинцы, с. Юськовцы, с. Загорцы; 5 благоч. округъ острожскаго у.: с. Березинцы, с. Бѣсовка, с. Гуліовцы, с. Жизниковцы.

6. Памяти о. Данила Левицкаго, кр. некрологъ скончавшагося въ декабрь 1888 г. настоятеля Владиміро-Васильевской церкви въ Владиміръ-Волинскѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—9. 6, 7, 9. Движеніе униатовъ къ православію въ Браสลавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ (1757—1776).

7. «Набожныя» пѣсни въ честь тывровской иконы Божіей Матери.— Евф. С. Указавъ на необходимость собиранія и изданія лирическихъ пѣсень, авторъ останавливается на пѣсняхъ въ честь тывровской иконы Божіей Матери, находящейся въ Николаевской церкви м. Тыврова, винниц. у. под. губ., куда въ день Сошествія св. Духа стекается много народа изъ кiev., волин. и под. губ. Икона эта привезена владѣльцемъ Тыврова Калитинскимъ изъ Ченстохова въ 1739 г. (подробности см. въ «Подол. Еп. Вѣд.» 1873 г. № 23, гдѣ приведена и народная пѣсня въ честь этой иконы, другая подобная приведена въ книгѣ г. Лонгинова «Червенскіе города» стр. 364—5). Авторъ приводит и пѣсню, записанную имъ отъ лирника Федька Хоптоваго изъ Остапковецъ, прокурорскаго уѣзда:

Прычystая Диво, Маты словесна въ раю!
Явылась въ мисти Тыврови, въ краивскомъ краю.
Ой тамъ стала, чуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани ласкава.

Ой игомость панъ Калитынскій того дознае,
Прыходящы до своихъ палацівъ, главу склоняе...
Ой тамъ стала, чуда показала,
А въ палатахъ плакаты стала Пани Ласкава!

Казавъ же винъ священныкивъ въ свой домъ прызываты,
Жебъ теѣ вобразъ—Прычystую Диву до церкви взяты

На престоли возсыяла,
Темныхъ — храмыхъ воиа очышала, Пани чыстая.

На престоли най сыяе храму святому,
Мыколаю Чудотворцу Меркынському.

Ой тамъ людъ строны проходяють,
Здравія пытають въ потребахъ его (?)

Во превосвященна, во превоблажена Диво Маріе!
Ублагай Суса Христа и Сына своего,
Жебъ намъ рачывъ жывотъ даруваты
Лице въ неби ему оглядаты
Іой, на вики виковъ.

Другая пѣсня, записанная авторомъ въ с. Мытникѣ, литинскаго у., представляеть вариантъ пѣсни, напечатанной въ почаевскомъ Богогласникѣ 1805 г. № 129.

8. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ подольской епархіи за 1887—88 уч. годъ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 14—21. 14, 17, 20, 21. Къ исторіи края, А. Л—ій. Списокъ дворянъ конотопскаго у. черн. губ. 51. Парпура Максимъ Осип. 52. Парпура Максимъ Лукинъ. 53. Приймаковъ. 54. Проскуровъ. 55. Савойско. 56. Сененко. 57. Символскій. 58. Сямоновскій. 59. Скаловскій. 60. Соколовскій. 61. Столповскій. 62. Столповскій Семень. 63. Столповскій Андрей. 64. Тишаниновъ. 65. Торанскій, 66. Трубицкій. 67. Харевичъ. 68. Халкидонскій. 69. Шкляревичъ. 70. Шкларевичъ Петръ. Въ примѣчаніяхъ къ этому списку авторъ даетъ очень интересныя данныя, относящіяся къ родамъ Парпуръ, Кандибы, Лободы, Драгомирова (Мацкевича), Колпака; изъ нихъ наиболѣе интересны свѣдѣнія о Парпурѣ Максимѣ Осиповичѣ, неизвѣстно гдѣ учившемся, но несомнѣнно человѣкѣ образованномъ, и человѣкѣ интересовавшимся литературою, и занимавшемся ею: въ 1797 г. онъ перевелъ съ нѣмецкаго «Фармакологию», а въ 1800 г. «Врачебную химию», тогда же онъ издалъ переводъ съ нѣмецкаго Антига «Жизнь Суворова»; на его средства въ 1798 г. въ первый разъ издава И. П. Котляревскаго «Энеида». Сынъ его Константинъ тоже занимался литературою, имъ напечатаны три книги: а) въ Харьковѣ въ 1811 г. похвальное слово Александру Невскому, б) въ 1812 г. ода на смерть П. В. Завадовскаго и в) Благополучіе человѣка, мечта. Писалъ онъ эти сочиненія, будучи студентомъ харьковскаго университета. — Изъ духовнаго завѣщанія М. О. Парпуры оказывается, что онъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія на учебныя и благотворительныя заведенія роднаго края, имъ

отказано было: а) на конотопское повѣтовое (уѣздное) училище 16,000 руб., б) на черниговскую или новгородсѣверскую гимназію 16,000 р., в) харьковскому университету 16,000 р., и г) на конотопскую богадѣльню 30,000 руб. въ дополненіе къ 10,000 руб., завѣщанныхъ туда же его матерью.

II. *Коропскій уѣздъ*: 1. Адрѣевскій Никита. 2. Антоновскій. 3. Андрѣевскій Петръ. 4. Барановскій. 5. Башуцкій Дмитрій. 6. Башуцкій Яковъ. 7. Бойченковъ. 8. Бѣлоровскій Дмитрій. 9. Бѣлоцерковскій. 10. Бѣлый Созенко. 11. Васяленко. 12. Вешняковъ. 13. Величковскій.

15. Преданіе «Солодка крывця».

16. Библиографическая замѣтка о «Кіевской Старинѣ» за январь и февраль 1884 г.

19. Библиогр. замѣтка о книгѣ Лазаревского, Описаніе старой Малороссіи Полкъ Стародубскій вып. 2. Т. I. и о книгѣ Филимонова, Румянцевская опись суражскаго уѣзда 1767 г.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія №№ 3—4. 3. Древній Любечъ (историч. записка).

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4. Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи, извлеченныя изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавской духовной консисторіи и семинаріи за время отъ 1818—1862 г.

5. Списокъ церк.-приход. школъ полтавской епархіи за 1877—78 г.

— Св. І. Костенко.—Прошлое и настоящее Старомлинской слободки или Велико-Будицскій общежительный Свято-Троицкій женскій монастырь.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 42—66. 43. И. А. Щепинскій. Слобода Алешня (истор. оч.). Бывшій городъ и военная крѣпость (лебед. у. хер. губ.) Алешки, нынѣ слобода, основана около 1630 г. Рѣчью Посполитою, устроившею здѣсь крѣпость и заселившею ее черкасами. Въ 1645 г. здѣсь было сраженіе литвы съ татарами. Въ томъ же году кн. Іерем. Вишневецкій здѣсь собралъ свое войско для нападенія на Путивль. Въ 1647 г. ц. Алексѣй М. присоединилъ его къ Россіи и заселилъ москвичами, вѣдѣливъ ихъ землями и др. угодіями. Новое населеніе въ виду эмиграціи изъ Украины удалилось отсюда, распродавъ эмигрантамъ земли. Въ 1709 году здѣсь былъ бой со шведами, послѣдствіемъ чего было разрушеніе крѣпости и города. Съ 1709 г. это бѣдная слобода.

45. О развитіи шелководства въ харьковскомъ уѣздѣ.

46. Замѣтка о засѣданіи истор.-фил. общества при харьк. унив. 16 февраля. Читали: *М. М. Плохинскій* о грузинахъ въ Малороссіи въ XVIII в. (по архив. документамъ). *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ сообщеніе о сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ. По предложенію секретаря общества, оно рѣшило напечатать программу для собиранія историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, а

также по предложенію Д. И. Багал'я рѣшило пріобрѣсти «Экстрактъ о свободскихъ полкахъ», считавшійся до сего утеряннымъ.

50. Б. К. Причины упадка садоводства.

55. С. Бубы (хар. губ.) кор. о посудной фабрицѣ здѣсь бр. Кузнецовыхъ.

62. Черниговскія святѣни—вкратцѣ сообщено воззваніе черн. губ. А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на реставрацію черниговскаго кафедр. собора.

Южный Край №№ 2790—2818. 2801. Штундизмъ иштундисты (по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1886 г.).

2810, 2815. (Фельетоны) Козачья колонизація въ XIX столѣтіи—А. А. Разборъ и компіляція книги «Кубанское козацье войско 1696—1888 г.», вышедшей недавно въ Воронежѣ подъ редакціей г. Фелицына.

2818. Обзоръ дѣятельности провинціальныхъ театровъ и матеріальныхъ результатовъ. По словамъ газеты, наибольшіе сборы дѣлали въ провинці драматическіе театры саратовскій и нижегородскіе, но общество артистовъ, игравшихъ эту зиму въ Харьковѣ, имѣло сборъ почти вдвое больше саратовскаго и въ четыре раза больше нижегородскаго.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 33—61. № 34, 36 и 37. Перепечатка изъ Кіевской Старины (1889 г. № 2) воспоминаній Усковой о Шевченкѣ.

35. Елисаветградская провинція. Это сокращенный переводъ изъ II тома сочиненія академика Гильденштедта «Reisen durch Russland», изданнаго въ 1787 г.

38, 41, 42, 44, 49, 51, 53 и 60. Путешествіе Г. А. Гильденштедта по елисаветградской провинціи.

Переводъ оттуда же.

39. Статья въ видѣ рецензіи «Кіевской Старины».

45. Статья, посвященная памяти Т. Г. Шевченка въ 28-ю годовщину со дня смерти поэта.

47. Разъясненіе о деньгахъ, собранныхъ бывшимъ редакторомъ Од. Вѣств. О. А. Зеленымъ на школу имени Шевченка.

48. Статья по вопросу объ открытіи въ Елисаветградѣ публичной бібліотеки.

55. Народное сказаніе о могилахъ и каменныхъ бабахъ (въ верхнедѣпровскомъ уѣздѣ, екатери. губ.)

59. Кое-что изъ сравнительной антропологіи. Здѣсь выясняются антропологическія черты трехъ національностей: великорусской, малорусской и польской.

60. Перепечатано изъ «Рус. Кур.» неизданное стихотвореніе приписываемое Шевченку, относящееся къ началу крымской войны, когда формировались конно-ко-

зачья полки. Въ составѣ конно-козацьяго № 2 полка былъ тогда покойный отецъ (такъ пишетъ какой-то украинецъ), п Шевченко подарилъ ему эти стихи, писанные собственноручно:

И драгуны, и пихота
На Дунай идутъ;
Буде добра имъ работа,
Такъ счастливый путь!

И Черныгивъ, и Полтава
Вышлютъ козакивъ...
Нехай буде й наша слава
Межъ царьскихъ полкивъ.

То не хмара сонце вкрыла,
То не гримъ гуде;
То козацька наша сыла
Въ Петербургъ иде!

Витеръ буйный повивае,
Дуброва шуметь,
То козацтво выступае
Басурманивъ быть.

Одесскій Вѣстникъ №№ 41—64. 46. *Пиходка древностей.* Вблизи Мелитополя, какъ сообщается въ этой замѣткѣ, есть могила, за раскопку которой принялся одинъ помѣщикъ, причемъ на первыхъ же порахъ натолкнулся на множество зарытыхъ тамъ древнихъ предметовъ; между ними были каменные изваянія крокодиловъ и другихъ животныхъ, нѣсколько кувшиновъ съ монетами разныхъ странъ, одинъ—съ русскими деньгами временъ Іоанна Грознаго и проч. Дальнѣйшая раскопка была приостановлена распоряженіемъ мѣстной административной власти, такъ какъ курганъ находится на казенной землѣ. Затѣмъ секретаремъ одесскаго общества исторіи и древностей Н. А. Яковлевымъ было получено отъ упомянутаго помѣщика письмо, въ которомъ онъ проситъ общество обставить дѣло законнымъ образомъ, вслѣдствіе чего г. Яковлевъ готовится къ ближайшему засѣданію общества докладъ по этому вопросу.

51 и 62. *Библиографія.* Бр. Отзывъ о второй и третьей книгахъ «Кіев. Старина» за 1889 г.

54. *Къ исторіи периодической печати въ Одессѣ.* Замѣтка о периодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ Одессѣ до 1827 года.

— *Поэтъ и народъ*. (Памяти Т. Г. Шевченка). *Е. Ч—аго*. Разборъ стихотворенія «Перебендя», написанный по поводу статьи Ив. Франка, сопро-вождающей изданное имъ отдѣльной книжкой упомянутое стихотвореніе (Львовъ, 1889).

55. *Историческіе мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка*. С. Е. Разобравъ стихотворенія: Гамалія, Невольникъ, Гайдамаки, Тарасова ничъ, Чернець, Иванъ Пидкова, Иржавецъ и еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, авторъ приходитъ къ такому выводу, что во всѣхъ своихъ историческихъ стихотвореніяхъ Шевченко стоитъ на твердой почвѣ народныхъ интересовъ и, какъ человекъ изъ народа, всѣмъ существомъ своимъ понимаетъ его стремленія, его идеалы, радуется его радостью, скорбитъ его горемъ, любитъ и ненавидитъ вмѣстѣ съ народомъ. Шевченко въ полномъ смыслѣ слова народный пѣвецъ — «Кобзарь». И какъ пѣсли кобзарей пробуждали въ народѣ самосознаніе и внушали бодрость и надежду въ трудныя эпохи исторической жизни, такъ и пѣсни интеллигентнаго кобзаря Шевченка будятъ мысли и оживляютъ чувства не только у тѣхъ, въ комъ не угасла любовь къ родному краю, но и у всѣхъ, для кого гуманность, справедливость — не пустыя слова.

56. *Памяти А. И. Стронина*. С. Кулябки. Воспитанникъ кіевскаго университета, Ал. Ив. Стронинъ (авторъ сочиненій: «Исторія общественности» «Политика какъ наука», «Исторія и методъ» и нѣсколькихъ книгъ для народа) былъ учителемъ сначала въ новгородсѣверской, а потомъ въ полтавской гимназій. Настоящая статья даетъ воспоминанія о дѣятельности Стронина, какъ учителя полтавской гимназій.

57. *Библиографія Z.* — Отзывъ о книгахъ: 1) «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи», томы VII и VIII, и 2) «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1888 годъ».

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4338 — 4361 4353. Перепечатка отзыва «Кіевск. Старина» о книгѣ П. Сокальскаго «О русской народной музыкѣ».

4354. Корреспонденція изъ Екатеринослава. По поводу выставки женскихъ рукодѣлій, авторъ замѣчаетъ: «Рукодѣлье у насъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Было время, когда малороссійская выставка считалась «въ всякаго конкурса», когда, глядя на затѣйливые узоры, не вѣрилось, что передъ вами не произведенія художественной кисти, а издѣлія ловкой иглы. Но тѣ времена прошли. Малороссійскія вышивки, мережки и прошвы смѣнились дешевыми набивными ситцами, воспроизводящими узоры вышивокъ. Теперь даже рѣдкая «дьячина» вышиваетъ своему возлюбленному традиціонную сорочку въ знакъ любви и вѣрности (въ этой сорочкѣ идутъ подъ вѣнецъ), но предпочитаетъ купить вышитый ситецъ. Словомъ, и здѣсь идетъ своего рода фальсификація обычаевъ».

4359. Корреспондентъ изъ Симферополя сообщаетъ между прочимъ: «Недавно скоростижно умеръ симферопольскій цыганскій король Бабай XII и на престоль вступилъ Бабай XIII. Не подумайте, что это шутка: еще со временъ татарскаго владычества во главѣ мѣстной цыганской общины стоятъ фамилія Бабаевъ, довольствующаяся нынѣ скромнымъ, хотя и преемственнымъ титуломъ старосты, но за то управляющая своими соплеменниками совершенно неограниченно».

Это сообщеніе интересно въ томъ отношеніи, что «цыганскіе короли» во время польскаго владычества существовали и въ южной Руси. Званіе это было предоставляемо заслуженнымъ шляхтичамъ. Въ актовыхъ книгахъ нерѣдко можно найти корол. жалованныя грамоты на должность «цыганскаго короля».

Одесскій Листонъ №№ 48—74. 49. О послѣднемъ представленіи мало-русской группы г. Садовскаго въ Одессѣ.

56, 57. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ (первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года). Статья Д. Эварницкаго.

57. Дочь бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа и учредителя общества исторіи и древностей—Княжевича—внесла этому обществу капиталъ въ 2 т. р., съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ этихъ денегъ назначалась премія по имени покойнаго ея отца, которая будетъ выдаваться за лучшее археологическое сочиненіе.

69. Чѣмъ ознаменованъ столѣтній юбилей Одессы? Статья, въ которой говорится о необходимости составить исторію города.

— Углубленіе днѣпровскихъ гирль. Статья, въ которой прослѣжена исторія очистки гирль, начиная съ 1774 г.

71. Къ столѣтнему юбилею г. Одессы. Статья, въ которой говорится о томъ, что слѣдовало бы городу сдѣлать къ предстоящему празднеству.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 17.—20. Г. Н. Семирадскій и его новыя картины—перепеч. изъ Н. В.

— Замѣтка о 100 лѣт. юбилеѣ новгородсѣверской гимназіи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ II—21. 11. *Страничка изъ исторіи Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.*

— Описаніе первыхъ №№ Губ. Вѣд., изданіе которыхъ началось 7 января 1838 г.

— *И. М. Синельниковъ.* Окончаніе статьи, начатой печататься въ №№ 8 и 9.

14. *Преданіе о разореніи Запорожской Сѣчи.* Записано г. Новицкимъ со словъ старика жителя о-ва Хортицы.

16. *Преданіе о заселеніи запорожскихъ земель великороссами.* Изъ сборника г. Новицкаго.

17 и 21. *Пісні козацкаго вѣка. Морозенко.*—*Орда и Ляхи.* Обѣ пѣсни представляютъ лишь разночтенія къ напечатаннымъ уже раньше въ сборникахъ Максимовича и друг.

Таврическія Губерніскія Вѣдомости №№ 18—25. 18—23. А. Поповъ.—Учебная экскурсія симферопольской гимназіи для обозрѣнія достопримѣчательностей въ г. Севастополѣ и его окрестностяхъ. III. Третій день. Балаклава. Исторія генуэзцевъ въ Крыму. Георгіевскій монастырь, его исторія. Ифигенія въ Тавридѣ. I Тавры. II. О почитаніи Артемиды въ Крыму. III. Мнѣе о Танталѣ и Таяталидахъ и связь его съ трагедіей Еврипида «Ифигенія». Севастополь: памятникъ Лазарева, исторія черноморскаго флота; Малаховъ курганъ, осада Севастополя; храмъ адмираловъ; братское кладбище.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости №№ 3—4. 3. Построеніе православнаго храма въ нѣмецкомъ менонитскомъ селеніи Гальштаттѣ, бердянскаго уѣзда, и освященіе его.

Крымъ №№ 20—31. 21. Сочувственный отзывъ о малорусской труппѣ Кропивницкаго.

24. Перепечатка изъ «Рус. Кур.» воспомянавіи о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ.

✍ **26.** Сочувственный отзывъ о книгѣ И. Я. Акинфіева: «Растительность г. Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія» (Екатеринославлъ. 1889 г.).

30. Протестъ газеты противъ помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣтки объ отчетѣ г. Попова по второй экскурсіи симферопольской мужской гимназіи, которая подписана инициалами *Н. Б.*

— Замѣтка о борьбѣ русскаго населенія съ татарскимъ въ области самоуправленія и образованія.

— Перепечатка изъ «Рус. Кур.» вѣдѣной замѣтки о могилѣ Т. Г. Шевченка *близъ Корсуни.*

31. Земледѣліе и скотоводство въ Новороссіи въ началѣ столѣтія и теперь.

— Отчетъ о школѣ г-жи Алчевской въ Харьковѣ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 4—5. 4, 5. Отчетъ воронежскаго братства свв. Митрофана и Тихона за 1888 г.

4. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый (прод.) Ст. Звѣревъ.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 6—9. 6. П. П. Короленко. Гдѣ были рыболовныя ловли кн. Потемкина-Таврическаго, подаренныя имъ черноморскому козацкому войску ордеромъ 19 апрѣля 1790 г. № 496.

7. Обзоръ Кубанской области за 1887 г. (прод.). Нефтепромышленность.

8, 9. В. А. Щербина. Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія.

Курскій Листонъ №№ 18—29. 18. 25. 26. 27. Ростиславъ Марковъ. Съ какого времени и почему курская сторона такъ-называется «Курская Страна», по древн. актамъ и по рассказамъ старыхъ людей.

19. 21. Состояніе церк.-приход. школъ и школъ грамотности въ курской енархіи за 1887—88 учеб. годы.

23. Какъ возникла общественная библіотека въ Харьковѣ.

24. Курско-Знаменскій монастырь (по поводу 240 лѣт. годовщины его существованія) — кр. ист. очеркъ.

— Дѣятельность курскаго ообщества вспомошествованія учащимся въ 1888 г.

Минскій Листонъ №№ 12—19. 14. Извлеченіе изъ очерковъ К. Случевского, печатавшихся въ «Москов. Вѣдом.», путешествія вел. князя Владимира Александровича и вел. княгини Маріи Павловны: описаніе Польшы, его болотъ и осушенія ихъ.

15, 16. Историческое описаніе г. Несвижа, исторія рода князей Радзивилловъ въ связи съ исторіей польскаго государства (исторія протестантства въ Польшѣ).

19. Благосклонный отзывъ о спектакляхъ малороссійской труппы М. П. Старицкаго въ Минскѣ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—11. 8. 9. 11. Пятидесятилѣтіе воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ (1839—1889), историческій очеркъ.

9, 11. Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши.

12. Опасность, которой подверглась холмская униа въ 1862 году. — Теобальда.

Варшавскій Дневникъ №№ 40—59. Извѣстіе, заимствованное изъ «Новостей», объ изготовленномъ на бронзо-литейномъ заводѣ Марана въ С.-Петербургѣ для постановки въ Симферополѣ колоссальнаго памятника императрицѣ Екатерицѣ II въ память присоединенія Крыма, по модели художника Н. А. Лаврецкаго.

— Подробный судеб. отчетъ по дѣлу о подлогахъ въ актахъ вилен. пентрал. архива Адамковича и Равлушкевича документовъ на имѣніе Хвалойно, принадлежавшее казнѣ.

44. Итоги крестьянской реформы, статья Н. С. и извлеченіе о томъ выводовъ изъ статьи А. Околыскаго, помѣщенной въ Gazet'ѣ Warszawsk'ой

44—46 и 48. Статья г. Плакидова: «Судебное законодательство и евреи», на основаніи статистическихъ данныхъ устанавливаетъ фактъ большой преступности и судимости евреевъ.

46. Некрологъ архипресвитера Іосифа Семеновича Войццкаго, виднаго дѣятеля Холмской Руси въ 60 лѣтъ годахъ по возстановленію православія и про-
бужденію русскаго національнаго самосознанія.

50. Празднованіе дня 25 лѣтія крестьянской реформы въ Сѣдлецѣ (древнемъ Забужьи).

53, 55 и **58.** Г. А. Маркграфскій въ статьѣ, начатой печатаніемъ еще въ 1888 г.: «По поводу мамуаровъ князя Адама Чарторійскаго» излагаетъ исторію польскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I, или, точнѣе, дѣятельное участіе въ немъ Адама Чарторійскаго въ интересахъ своей національности.

57. Краткое содержаніе двухъ лекцій проф. Д. Я. Самоковсого по южно-русской археологіи, читанныхъ имъ въ пользу кассы «Общества любителей сценическаго искусства».

Новости и Биржевая Газета 25—66. **53.** *Мотыльки.* Д. Мордовцева. — Отзывъ объ изданныхъ Гомолинскимъ малорусскихъ книгахъ: 1) «Гласный» П. Козловскаго, 2) «Череньяи гроши» Ф. Устенка-Гормаша, 3) «Надъ кручею» В. Потапенка, 4) «Вечирь на хутори» К. Ванченка, 5) «Москаль, змій та царивпа» М. Кононенка и 6) «Веселый оповидачъ».

66. *Ничто для и. ученыхъ.* Д. Мордовцева. По поводу сообщенной академикомъ А. Н. Веселовскимъ, въ засѣданіи общества романо-германской филологіи, сербской легенды о Константіяѣ Великомъ, г. Мордовцевъ приводитъ малорусскій варіантъ этой легенды, только пріуроченный не къ Константину Великому, а къ украинскому герою Семену Палію.

Вотъ содержаніе легенды. Одинъ «чоловикъ» пахаль въ полѣ. Вдругъ подъ плугомъ что то хрустнуло. Смотритъ «чоловикъ» — мертвая голова (черепъ), да такая огромная, какъ «казанъ» (котель). Чоловѣкъ и думаетъ: «видно, это была голова великаго богатыря — лыцаря: возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святою водою, прочитатъ надъ нею молитву, и тогда похороню по христіански». Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову, и говоритъ: «а много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба попоѣла». А голова вдругъ и говоритъ: «я еще много попоѣмъ». «Жинка», конечно, «злякалась», и бросила голову въ горящую печь. Осталась отъ богатырской головы одна зола. «Жинка» выгребла изъ печи золу и всыпала въ горшокъ: «продамъ москалямъ на поташъ», — думаетъ. А дочь ея, тоже взрослая, какъ и мать Константина Великаго, не зная ничего этого (до поздней ночи съ парубками на улицѣ гуляла и пѣсни «веснянки» пѣла, какъ подобаетъ украинкѣ), увидавъ утромъ золу и думая, что это соль, посолила себѣ «шматокъ» хлѣба и сѣла. Отъ этого она и забеременѣла (а не

отъ того, что гуляла съ парубками на улицѣ), и родила сына, котораго и назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже «характерникъ». Отправляясь на Запорожье, Семень-богатырь встрѣтилъ чорта и «спалилъ» его: отъ того запорожцы и прозвали его «Паліемъ» —самого чорта спалилъ. А настоящая его фамилія была—Гурко, и отъ этого Гурко-Палія, говорятъ, происходитъ, по прямой линіи, балканскій горой и нынѣшній варшавскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Гурко.

Русскій Паломникъ №№ 7—8. 7. Смерть за вѣру съ рисун. Смерть св. мученика Михаила кн. черниговскаго и боярина его Θεодора (съ картин. Н. Ланскаго).

8. Замятка о кіевскомъ церк.-археологическомъ обществѣ.

Червоная Русь №№ 27—52. 29. *Изъ статистики галицкихъ городовъ.* По даннымъ 1888 г. считалось: въ Львовѣ 120,868 жителей, Краковѣ—74,084, Тернополь—29,179, Коломыж—26,401, Тарновѣ—25,775, Станиславовѣ—21,041, Бродахъ—20,543, Дрогобычѣ—19,140 д. Столица Буковины—Черновцы имѣеть 52,905 жителей.

30. *Иноземная колонизація въ юго-зап. Россіи.*

31—35. *Научное значеніе западно-русской исторіи.* (Вступ. лекціи И. А. Ливниченка въ москов. у—тѣ 21 сент. 1888 г.) Перепечатано изъ № 1 «Кіев. Старина» 1889 г., безъ означенія источника и безъ согласія автора.

35. *Литература и искусство.* Замятка о II вып. «Русской Библіотеки», заключающее начало повѣсти Г. А. Мачтета «Блудный сынъ».

43. *Изъ исторіи угорской Руси.*

48. Празднованіе годовщины смерти Т. Г. Шевченка обществомъ «Сячь» въ Вѣнѣ.

49. *Галицко-русское духовенство въ іезуитской беллетристикѣ.*

Литературное приложеніе къ «Черв. Руси» № № 4, 5, 6. Обзорніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Черв. Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ. Я. Θ. Головацкаго (продолженіе).

5, 6. Цареградъ въ X в. и посѣщеніе его св. Ольгою. (Ист. разск.).

Зоря № № 3—5 № 3, 4. Н. Спилка. Козача помста (оповиданне).

4. До лиха та ще лихо (оповид.) Θ. Катренка.

3. Якъ стрѣчали Запорожцы новый рікъ. За Д. Эварницкимъ подавъ В. Сѣчевикъ.

3, 4. Исторія литературы руськой. Ом. Огоновскаго Карпенко-Карый, 8 Григорій Цеглиньскій.

3, 4. Замятки критични: А. Б. Набожни казки болгарски. Хтò жь справді виненъ и де наша работа.

3. Де яка людюви взрваніе про чернокняжничквѣ Д. Лейкаго.

4. Листи з України. Перши роковини смерти буковинського кобзаря Юрія Федьковича.

4, 5. Библиографія: Гава—Ив. Франко. Цезарь и король Франць-Юсяфъ І. О. Барвѣнскаго и Библиотека музыкальна вып. XIII. Про п. К. Лучаковскаго перекладъ Несторової лѣтописи. «Кіевская Старина» № 1. 1889 г. «Пропащи» пов. Нечуя. «O gòralech ruskich w Galicyi» Д-ра Коверницькаго. «Правда» 1889 г. № 2. «Новый Галичанинъ» 1889 г. ч. I. «Кобзарь» Т. Шевченка. Литературно-наукова Библиотека к. 2. «Исторична Библиотека» Барвѣнскаго І. XI (Богд. Хмѣльн. I. III.).

5. Листъ про украин. театрѣ М. Старицкаго въ Москвѣ.

— О археологично-библиографичній выставцѣ Створопийного Института—П. Скобельскаго.

— М. Обачний, У великодву ніч (перев. Короленка).

— Олена Пчилка. Маскарадъ (Зимова новела).

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Akta grodzkie i ziemskie z archiwum t. z. Bernardyńskiego we Lwowie, tom XIII. Lwów 1888.

Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Т. XV. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильно 1888 г., 4 д. 552 стр.

Акты, относящіеся до исторіи южной и западной Россіи, собранные и издаанные археографическою комиссіею. Т. XIV (Дополненіе къ III-му тому). СПб. 1889 г., 4 д., V+18+896+39 стр.

Алексѣевъ *Θ. К.* О лѣченіи бѣшенства нѣкоторыми народными средствами украинской флоры. Харьковъ 1889 г. 8 д., 36+1 стр.

Банакъ. Великій грошъ зъ малого заходу. Львовъ 1888.

Барвинскій Ол. Цисарь и король Франць-Юсяфъ І, картыны зъ его жытія и володінія для рускаго народа и молодежи. Львовъ 1888.

Breiter. Władysław, książę Opolski, pan na Wieluniu, Dobrzyniu i Kujawach, palatyn Węgierski i wielkorządca Polski i Rusi, zarys biograficzny. Львовъ 1889.

Brunicki. Ptaki spostrzegane w okolicy Stryja. Краковъ 1888.

Данилевскій Г. П. Украинскія сказки. Изд. 7-ое (Дешева бібліотека), СПб. 1889 г., 12 д., 80+1+8 нenum. стр.

Два—три возраженія г. Черневу на его замѣтки о древнѣйшихъ рускиихъ монетахъ. *Н. Л.* Кіевъ. 1889. 8 д. 15 стр.

241 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 15 дек. 1888 г. Одесса, 8 д., 5 стр.

Die Südrussischen Kurgane und Balka въ журналѣ «Das Ausland» 1889 № 4 и 5. Stuttgart.

Докучаевъ В. В. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи. СПб. 1889 г., 8 д., 38 стр.+1 карта.

Загайкевичъ. Чаровникъ--повістка для народа—Львовъ 1889.

Извольскій С. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва 1888 г., 12 д., 71 стр.

К. И. А.—Якъ кумъ Бапдура чортяку піймавъ, та не вдержавъ. Москва 1888.

Komorowski—Kniaziowe Różyńscy, powieść poetycka na tle XVI stulecia. Львовъ 1889.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny według spostrzeżeń w podróży, odbytej w końcu lata 1888 г. Краковъ 1889.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка, украинская опера, Москва, 1889 г., 8 д., 95 стр.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій (выш. 2-ой и послѣдній). Кіевъ 1889 г. 8 д., съ 289 по 470+XXX+2 венум. стр.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библиографія XIX столітія зъ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщини и Буковини 1801—1886. Выпускъ 4—6 (1852—1860) Львовъ 1888.

Левицкій Кость. Нашъ законъ громадскій, або яки мы маемъ права и повинности въ громади. Львовъ 1889.

Листопадъ Я. Г. Значеніе Кіева въ исторію Россіи. Рѣчь, составл. для торжеств. акта кіевской 3-ей гимн. Кіевъ 1889 г., 8 д. 23 стр.

Майковъ Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. 8 д., VII+1+434 стр.

Меліоранскій П. Д. О русской гродненской старинѣ въ память о с. равноап. князѣ Владимірѣ. Рѣчь, произнес. въ собраніи учениковъ народныхъ училищъ и церк.-прих. школъ въ гродненскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ 15 іюля 1888 г. Вильно 1888. 8 д., 9 стр.

Миллеръ В. Ѳ. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 г. (Изъ XII тома «Древностей») Москва 1889 г. 4 д., 23 стр.

Нечуй Иванъ Пропаша—повість. Львовъ 1889.

Олесьницкій. Право прошинаціи въ Галиччини. Львовъ 1889.

Оржешико Пизиня, повість, перекладъ Олесьницького. Львовъ 1888.

О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемого академію наукъ бѣлорусскаго сборника г. Шейна. Спб. 1889 г., 8 д., VIII стр.

Памятная книжка виленской губ. на 1889 г. Часть 2-ая. Справочно-статистическія свѣдѣнія. Вильно 1889 г., 8 д., 192 стр.

Памятная книжка и адресь-календарь кievской губ. на 1889 годъ. Подъ редак. В. Г. Мозговаго. Кіевъ 1889 г., 8 д., 2 нум. +86+149 стр.

Петрушевичъ. Каталогъ церковно-славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ кирилловскаго письма, находящихся на археологическо-библиографической выставкѣ въ ставрополюскомъ заведеніи. Львовъ 1888.

Prellmann. Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. Munchen—Oldenburg 1888.

Поповичъ. Нашъ царь, памятна книжочка для рускои молодежи. Чернивци 1888.

Поповичъ. Буковинскій иллюстрированный календарь на звычайный рікъ 1889. Чернивци 1888.

Rawita. Na krasnym dworze,—powieść historyczna z czasów pobytu w Kijowie Bolesława Śmiałego. Варшава 1889.

Родословная дворянской, княжеской и графской фамиліи Милорадовичъ. Черниговъ 1889 г. 16 д., 11 стр.

Семеновъ Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Т. I. Первый періодъ занятій. Съ портретомъ Имп. Александра II и изображеніями 10 членовъ комиссії. Спб. 1889 г., 8 д., XIX+848 стр.

Sprawozdanie z czynności zakładu imienia Ossolińskich z rok 1888. Львовъ 1888 г.

Сухомлиновъ М. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. II. Спб. 1889 г., 8 д., 516 стр.

Tomaschek Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden. Wien 1888.

Труды XIII съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, бывшаго въ г. Харьковѣ съ 20-го ноября по 4-ое декабря 1888 г. Часть I. Протоколы и доклады. Харьковъ 1889 г. 8 д., 8 нен., 376 стр.

Филлимоновъ Е. С. Румянцевская генеральная опись суражскаго уѣзда 1767 г. Вятка. 1888 г. 4 д., 2 нен. +32 стр.

Франко Ив. Гава, образокъ зъ жытія подкарпатскаго народа. Львовъ 1888.

Франко. Шевченко — Перебендя зъ переднимъ словомъ Ив. Франка. Львовъ 1889.

Franzos. Aus Halb-Asien, Culturbildern aus Galizien. der Buko-

wina, Südrussland und Rumänien, 3-te umgea ettete und vermehrte Auflage. Zwei Bände. Stuttgart. 1889.

Chlebowski, B. i Walewski, W. Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow slowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 109. Tom. X. Warszawa 1889 г., 4 д., съ 1 по 80 стр.

Zieglaueer. Der Zustand der Bukowina zur Zeit der Oesterreichischen Occupation, dargestellt im Spiegel der ersten Denkschrift des kommandirenden Generals Freiherr von Spleny. Черновци 1888.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтонисца. Книга II. Изд. подъ ред. Н.П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888. 8 д., XII+285+128+1 стр.

Чугувець II. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціального захолустья. Харьковъ 1889, 12 д., 80 стр.

Шараневичъ — Каталогъ археологическо-библіографической выставки ставропигійскаго института въ Львови, открытой дня 10 октобрія 1888, а имѣющей быти закрытою дня 12 януарія 1889. Львовъ 1888.

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Кіевъ 1889 г., 8 д., 7 нenum.+553+6 стр.

Szematyzm królewstwa Galicji i Lodomerji z wielkim księstwem Krakowskim na rok 1889. Львовъ 1888.

Шиматизмъ всего клыра русско-католическаго епархій соединенныхъ перемыскаго, самборскаго и сяноцкаго на рикъ отъ рожденія Христа 1889. Перемысль. 1889.

Schlichting. Ein Hirtenschreiben des griechisch—katholischen Metropolitens Sylvester Sembratowicz von Lemberg vom 8 September 1888 anlässlich der neuen Säcularfeier der Bekehrung der Russen zum Christenthume in's Deutsche übersetzt und mitgetheilt von... Mainz 1889.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Апрѣль, 1889 г.

	СТР.
I. Очерки изъ исторіи кіевской духовной академіи за XVIII стол. проф. С. Т. Голубева	1— 26
II. Колонизація Новоросійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Историч. этюдъ проф. Д. И. Багалѣя I—II.	27— 55
III. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. П. Л.	56— 73
IV. Воспоминанія М. К. Чалаго	74—91
V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. I. Пасквиль и судъ. О. И. Левицкаго	92—123
VI. Культурныя переживанія. 15—20. Проф. Н. Ѳ. Сумцова	124—140
VII. Іоаннъ Вишенскій. Мирона	141—151
VIII. Нечистая сила. Пов. Остои , пер. съ пол. К. М.	152—173
IX. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ путешествія въ сѣв.-западный край. Проф. Н. И. Петрова . Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. Х. П. Ящуржинскаго . Императоръ Александръ I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой. Б. С. Познанскаго . Къ замѣткѣ Н. Д. Н. «Къ біографіи Т. Г. Шевченка ». А. С. Л. Къ реформѣ Сперанскаго . Народный разсказъ «про щасте». Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. А. Л. Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи А. Л. Выставка картинъ Кіевскихъ художниковъ. W. Съ дороги. Г.	174—213

- X. Для справокъ 214—216
- XI. Библиографія Zbiór wiadomości do antropologii krajowej
 T. XII. **В. А. Акинфиевъ.** Растительность Еватери-
 нослава въ концѣ перваго столѣтія его существова-
 нія. **Г. З. В. Г. Дружининъ.** Расколъ на Дону въ
 концѣ XVII вѣка. **А. М. М. П. Федоровъ.** Хлѣбная
 торговля въ главнѣйшихъ русскихъ портахъ и Кениг-
 сбергѣ. **А. Р.** Можетъ ли не подлежать сомнѣнію, что
 открытое во владим. Успенскомъ соборѣ изображеніе
 князя есть древн. изображение св. Владиміра П. Л.
 Извъковъ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко),
 митроп. литовскій. **И. М. Наманина.** Обзорѣніе газетъ
 и журналовъ за 1889 г. Указатель книгъ, вышедшихъ
 съ 1888 г., касающихся ю. Россіи 217—252
- Приложенія: 1) Планы церквей на развалинахъ Херсонеса
 (2 листа).
 2) Сочиненіе Іоанна Вишенскаго.
 3) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря,
 съ пред. А. М. Лазаревскаго.

СОЧИНЕНІЕ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемое ниже сочинение Іоанна Вишенскаго извлечено мною изъ роскошнаго сборника, составляющаго собственность василіанскаго монастыря въ Подгорцахъ близъ города Броды въ Галиціи и находившагося временно на выставкѣ, устроенной львовскимъ ставропигііскимъ институтомъ въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Сборникъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій, переплетенныхъ вмѣстѣ. Начало его составляетъ слѣдующая интересная рукопись: *„Книга души, нарицаемая злото, помазная (sic!) о наслѣдованю Господа Бога і Спаса нашего Ісуса Христа і о пріймованю Божественныхъ таин особомъ духовнымъ и свѣцкимъ, на двѣ части роздѣлена, до читаня и забавы для пожитку душеполезнаго збудованя. Трудолобіемъ Петра Могилы, воеводича земль Молдавской, милостію Божією Архимандрита св. вел. Лавры Печерскія В Киевѣ року Божого 1623 выдана.“* Такъ какъ въ извѣстныхъ мнѣ перечняхъ могиловскихъ изданій книги этой вовсе нѣтъ, то я обращаю на нее вниманіе изслѣдователей и прилагаю здѣсь краткое описаніе этой рукописи, сохранившейся вполне и совсѣмъ хорошо. Она писана мелкимъ полууставомъ въ малую осьмушку. Въ началѣ 9 листовъ нenumerованныхъ. На оборотѣ заглавнаго листа „Предсловіе“, которое оканчивается на оборотѣ втораго листа. Въ этомъ „Предсловіи“ о Могилѣ говорится въ 3-мъ листѣ. На оборотѣ 3 л. слѣдуетъ „О королевской дорогѣ свѣта креста святого“; статья эта оканчива-

ется на первой страницѣ 8 листа. Оборотъ 8 и 9 листа не записанные. Затѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе „О наслѣдованіи Господа нашего Ісуса Христа. О взгорженіи вшелякихъ марностей свѣта“ на 58 нумерованныхъ листахъ, въ двухъ частяхъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ 20 главъ. На оборотѣ 58 листа читаемъ: „конецъ книги духовной священнической. О любимици мои Братіе і сослужители престола Господню! Чтѣте, внимайте, уважайте, суетія мира святобливе исправляйте, але ли где обрящате омылку, погрѣших ли, погрубих, молю вас, не кленѣте, разумом своим исправляйте, мене многогрѣшнаго раба прощенія сподобляйте. Писаль многогрѣшный и недостойный рабъ іеромонахъ Климентій Канчужкій, въ обители святаго Спаса, роки Божія 1661, мѣсяца марта, дня 6 соверши.“ По семъ на 59—71 листахъ слѣдуетъ статья „О тайнѣ покаянія“, на 72—81 л. „Григорія Ниссійскаго о исповѣдающихся“, на 82—130 л. „Чинъ Исповѣданія“. Всѣхъ листовъ нумерованныхъ 130. Дальше на 58 нунумерованныхъ листахъ слѣдуютъ мелкія статьи, преимущественно духовнаго и обряднаго содержанія: „Чинъ бываемый на одѣяніе рясы“, „Имена калугеромъ“ и „Имена инокинямъ“, „Послѣдованіе малаго образа, еже есть мантия“, „Блаженнаго Афанасія архіепископа Александрійскаго ко Антіону князю о многихъ взысканіяхъ иже во освященныхъ писаніяхъ недоумѣнныхъ и должныхъ всѣми христіаны вѣдомо быти вопросы“, „От слова втораго Ісаака Сиріанина“, „Ісаака Сиріанина о храненіи и о блюденіи еже о слабыхъ и лѣнивыхъ.“ Это послѣднее не окончено. За симъ на 75 нунумерованныхъ листахъ слѣдуетъ „Книжка Іоанна мниха Вишенскаго“, которой одна часть писана такимъ же полууставомъ, какъ и всѣ прежнія статьи, вторая же часть, а именно „Писаніе къ утокшимъ епископомъ“ (которому не достаетъ конца) писана скорописью.

Дальше прилетонѣкъ этой книжкѣ, очевидно позднѣйшій, списокъ извѣстнаго катехизиса еп. Шептицкаго п. з. „Собраніе вкратце артікуловъ вѣры“ и проч., печатаннаго въ Угорцяхъ (селѣ самборскаго повѣта) 1699 г. Тѣмъ же сравнительно болѣе новымъ почеркомъ (первой половины XVIII стол.) прибавлена была къ „Собранію“ еще какая то статья, которой начальные два листа вырваны. Къ

этимъ рукописямъ прилетены какіе то „чины богослужбныя“, неизвѣстно гдѣ и когда печатанные.

На поляхъ начальной рукописи „Книги души“ мы находимъ на первыхъ нумерованныхъ листахъ внизу слѣдующую надпись крупной скорописью: „Сія книжка монастира Подгорецкаго, словемого Пльвеницкаго, храму Преображенія Господня, записанно есть року 1795 за игуменства веп. Парфенія Ломиковскаго“. Надпись эта не означаетъ однакожь, что рукопись эта только въ названномъ году поступила въ собственность Подгорецкаго монастырскаго имущества изъ 1731, 1720 и даже 1699 годовъ. Въ реестрѣ 1731 года значится: „книжка Злото нарицаемая злото, писанная ѣвъ октаво, а на концѣ друквана“. Очевидно, къ рукописи уже и тогда прилетены были печатные листы. Интересно однакоже, что сборникъ сочиненій Іоанна Вишенскаго еще въ 1731 году, равно какъ и въ 1699 составлялъ особое цѣлое и значится въ реестрѣ нѣсколько ниже: „Книжка писанная ѣвъ октаво о исправленіи церковномъ и обличеніи Діавола“. Авторъ не названъ, равно какъ и ничего не сказано о томъ, кто писалъ книжку и какимъ путемъ она попала въ монастырь. Кстати замѣтить, что и житіе Іова Княгиницкаго почти единственный источникъ, дающій нѣсколько подробностей о жизни Іоанна Вишенскаго, извлечено изъ рукописей того же Подгорецкаго монастыря, а именно изъ сборника, который въ реестрѣ 1731 года значится „Патерикъ скитскій ѣвъ кварто писанный“. Сохранилась ли эта рукопись до сихъ поръ—намъ неизвѣстно.

Что касается до „Книжки“ Іоанна Вишенскаго, замѣчу еще, что она наиболѣе потертая, замасленная и зачитанная изъ всѣхъ частей нашего сборника. Начальные листы значительно истрепаны и подклеены, такъ что нѣсколькихъ словъ недостаетъ. Очевидно, книга составляла любимое чтеніе монастырскаго братіи. Заглавный листъ, кажется, уже 1699 года былъ оторванъ. Только послѣ переплетенія вмѣстѣ „Книги души“ и оставшагося отрывка изъ книги сочиненій Іоанна Вишенскаго написано было приводимое ниже заглавіе этой послѣдней, почеркомъ второй половины XVIII в. на оборотѣ послѣдняго листа „Книги души“.

Списывая текстъ произведеній Іоанна Вишенскаго, я строго слѣдовалъ оригиналу, исправляя развѣ знаки препинанія. Что касается твердыхъ и мягкихъ знаковъ, я ставилъ ихъ только тамъ, гдѣ были они написаны или обозначены надстрочными знаками въ оригиналѣ. Титлы я развязывалъ; надстрочныя буквы сносилъ въ строку; гдѣ слово оканчивалось согласной, вынесенной надъ строку, тамъ я послѣ этой согласной твердаго или мягкаго знака не ставилъ. Впрочемъ замѣчу, что послѣ частицъ „въ“, „съ“ въ оригиналѣ обыкновенно ни въ строкѣ ни надъ строкой твердаго знака нѣтъ.

Нанѣ списокъ сочиненій Іоанна Вишенскаго, составленный несомнѣнно въ Галичинѣ, быть можетъ даже въ той самой обители свята Манявскаго, въ основаніи котораго и самъ Іоаннъ принималъ нѣкоторое участіе. Этимъ и отличается нашъ списокъ отъ тѣхъ, по которымъ напечатаны прочія сочиненія нашего автора и которые писаны великороссами (см. Голубевъ, Приложенія, стр. 154).

Особенности малорусскія въ нашемъ спискѣ выступаютъ явственно, особенности галицко-русскаго говора не затерты. Итакъ, читаемъ въ нашемъ спискѣ почти вездѣ: *где* вм. печатаннаго (Акты Ю. и З. Россіи) *гдѣ, ея* (родит. падежъ отъ она) вм. *ея, малое* вм. *малыя, нижли* vel *нѣжли* вм. *нежели, знаишол* вм. *знашолъ, не перемогли* вм. *не премогли, встѣды* вм. *всегда, однимъ* вм. *однымъ, нѣколко* вм. *нѣколко, посоромочаются* вм. *посрамляются, по-пелом* вм. *пепломъ, ци можеш* вм. *чи можешъ, брате* (зват.) вм. *братъ* и проч. Хотя списокъ нашъ нельзя назвать вполне исправнымъ и безошибочнымъ, хотя въ немъ встрѣчаются пропущенныя слова и цѣлыя строки, но все таки сравненіе рукописнаго текста посланія къ князю Василю Острожскому съ текстомъ, напечатаннымъ въ Актахъ южной и западной Россіи, обнаружило нѣсколько интересныхъ вариантовъ, пополняющихъ печатный текстъ или исправляющихъ его ошибки. Для будущихъ изслѣдователей приведу здѣсь нѣсколько болѣе важныхъ вариантовъ:

Акты, стр. 206, столбецъ 1, строка 6 снизу „если бысе былъ“ рукоп.
„если бы есь был“.

Акты, стр. 206	столбецъ 1,	строка 3	сверху	„уничжены“	„униже- вый“
„ „ „	„ „ „	6	„	„лѣпшимъ, зацнѣй- шим“, рукоп. „лѣпшим, годнѣшим, зацнѣй- шим“.	
„ „ „	„ „ „	12	„	„Але што чуднѣй- шее“, рукоп. „ато чуд- нѣйшее“.	
„ „ „	„ „ „	19	„	„видѣлем ту Исусо- ругателя“, рукоп. „ви- дѣлем Езуиту Исусо- ругателя“.	
„ „ 207	„ 1	„ 1	„	„да премудрыхъ по- срамлю“, рукоп. „да моцныхъ посрамлю“.	
„ „ „	„ 2	„ 13	снизу	„отожъ тобѣ слава свѣта сего“, рукоп. „отожъ тобѣ слава свѣта сего“.	
„ „ 208	„ 2	„ 6	сверху	„мыслью“, рукопись „мысленно“.	
„ „ 209	„ 2	„ 6	„	„совѣтъ истиненъ“, ру- коп. „совѣтъ вам ис- тинен“.	
„ „ 210	„ 2	„ 6	„	„Милъ ся видить“, рук. „Миѣ ся видит“.	
„ „ 211	„ 1	„ 8	„	„все тое вамъ чудо- творне“, рукоп. „все тое вамъ Богъ чудо- творне“.	
„ „ „	„ 1	„ 12	„	„милостивный“, рукоп. „молитвенный“.	

Акты, стр. 211, столбець 1, строка 26 сверху	„въ благочести нена- рушеномъ были“, ру- коп. послѣ этихъ словъ имѣеть еще „и милость Божію при собѣ близко мѣли“,
” ” ” ” ” ” 28 ”	„помудрѣли“, рукоп. „попремудрѣли“.
” ” ” ” ” ” 38 ”	„еда Богъ на тя и на твое трапезу“, рукоп. „еда Бог на тя и на твою пыху многослуж- ную и на твою трапезу“.
” ” ” ” 2 ” 14 ”	„што нехшталтовне“. рукоп. „шито неки.“

Кстати позволю собѣ здѣсь исправить нѣсколько ошибокъ, допущенныхъ пр. Сумцовымъ въ его интересной статьѣ объ Іоаннѣ Вишенскомъ, а именно въ объясненіи словъ галицко-русскаго нарѣчія. Нарѣчіе это нужно непременно имѣть въ виду при объясненіи лексикона и синтаксиса нашего писателя. Итакъ, проф. Сумцовъ неправильно объясняетъ слово „фруярникъ“ польскимъ словомъ frujer — волокита. Такого польскаго слова съ такимъ значеніемъ совсѣмъ нѣтъ, а есть у словаковъ, польскихъ горалевъ и малорусскихъ лемковъ слово „фраиръ“, взятое съ нѣмецкаго „Freig“ — женихъ, любовникъ, вообще парень. Съ этимъ словомъ „фруярникъ“ не имѣеть никакой связи; происходитъ оно отъ малорусскаго (перешедшаго и въ польскій) фуяра или флюяра — родъ флейты, свирѣль. „Блазны“ не значить шутки, а только шутники, скоморохи. „Фюльговати“ (отъ нѣмецкаго „folgen“ — слѣдовать) не значить содѣйствовать, а потворствовать, дѣлать послабленіе. „Оборочи“ (ошибочно „аборочи“) не значить рогатый скотъ, но своеобразныя сельскохозяйственныя постройки, употребляемыя галицкими русинами для кладки сѣна и сноповъ. „Паздѣра“ не есть то самое, что паутина, а означаетъ древесныя хрупкія части коноплей и льна, которыя остаются послѣ отдѣленія

волокиа. „Барва“ не значить родъ ливрей, но ливрея вообще. „Кучка“, „куча“ употребляется въ галицко-русскомъ нарѣчіи до сихъ поръ въ значеніи хлѣва, свинюшника и въ такомъ же значеніи (иронически) употребляетъ это слово Іоаннъ Вишенскій. „Дигни-тарство“ и „преложонство“ — понятія тождественныя, какъ русскія „достоянство“ и „настоятельство“. „Керманшъ“ слово не польское, а нѣмецкое „Kirchmann“. „Kirman“.

Слова: „сакъ“ (нѣм. Sack—мѣшокъ), „статечность“ (теперь „статочнисть“), „змаза“, „сглумити“, „валахъ“, „встеклый“, „обора“ для современнаго галицкаго русина совсѣмъ не темныя, а общеупотребительныя. Относитъ эти слова, равно какъ и „наздирь“ (ч. ед. наздеро) къ числу польскихъ нѣтъ никакого основанія. Овгаръ не значить жеребець и не есть тождественно съ ogier, а только значить „борзая собака“. Лягавый щенокъ называется не „выгла“, а „выжелъ“; „злюзнить“ очевидно ошибка вмѣсто „блюзнить“ хулить, слово употребительное и въ галицко-русскомъ нарѣчіи, чаще въ формѣ „блюзкати“ „блюзнути кому въ очи“.

Въ концѣ считаю пріятнымъ долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность доктору Исидору Шараневичу, профессору львовскаго университета, сеніору института ставропигійскаго и главному виновнику устройства выставки, за ту готовность и предупредительность, съ какой онъ позволилъ мнѣ воспользоваться рукописными сокровищами, собранными на выставкѣ.

Миронъ.

Книжка Іоанна мнѣха вишенскаго, от святыя авонскія горы в напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствамъ, и всѣмъ благочестивымъ в Малой Россіи, в Коронѣ Польской жителствующимъ Иноческаго чина общежителемъ, Архимандритомъ и священноинокомъ и честнымъ монахомъ и Инокіямъ, всѣмъ сестрамъ нашимъ, и прочимъ тщателемъ церковнымъ, благодать Господа нашего Ісуса Христа и любви Бога Отца и причастіе Святого Духа буди со всѣми вами. Аминь.

Посылаю вамъ термину о лжи, которая надъ истинною у вашей земли царствуетъ, а Богъ отъ всѣхъ сторонъ и чаеіи христіанства хулитъ,

духи ж лукавіи поднебесніи (к ним же нам брань по Павлу) в христіянствѣ нашем владѣют, отнюду же за невѣріе и бесплодіе наше поущени есмо в запустѣніи з нашою православною вѣрою. И еслися не почувете и несправите, знаючи да знаете, яко и в конецъ благочестіе наше запустѣет, оставшіи же в безвѣрїи всї погібнут. Угто́ванъ бо сосудъ гнѣва божїя на вашу землю пролитися, чому забѣгайте покаянїемъ и исправленїемъ вашимъ, яже ко Богу, скоро, понеже нѣсть незбожнѣйшее, хульнѣйшее, и несправедливѣе, и нечистѣе землѣ ни в поганьствѣ, яже ваща земля. Про то молю вас, покайтесь образомъ Лота, избѣгна из Содомы во Сигорѣ; Сигорѣ же есть покаянїе и очищенїе от грѣха, сицевымъ образомъ яко ту по... дно о очищенїи церкви реклося найдете. А егда сіе исправите, чаю на милость Божїю, яко призрит на насъ паки милосерднымъ окомъ и благочестїе наше въздвїгнетъ и всѣхъ в немъ благочестно живущихъ спасетъ, и царства небесного наслѣдниками быти сподобитъ, еже намъ всѣмъ получитьи Господи даждь. Аминь.

Сїю же термину на чисто преведши і иншимъ всѣмъ знати о томъ дайте, понеже не о лычко і анѣ о ремень идетъ, але о цѣлую кожу, се ест о спасенїе душъ нашихъ, и да не погїбнемъ и дочасне и вѣчне отъ Бога жива.

Въ грѣшницехъ отъ всѣхъ первѣйшїй,
 Во злобѣ отъ всѣхъ прелукавѣйшїй,
 Въ страстехъ отъ всѣхъ безчестнѣйшїй,
 Въ злонравїи отъ всѣхъ богатшїй,
 Въ вѣрѣ же отъ всѣхъ не меншїй,
 И въ покаянїи не послѣднѣйшїй,
 Спасенїя вашаго вамъ истинный желатель,

Иоапъ інокъ зъ Вишнѣ, отъ святое аеонское горы, сіе писанїе посилаетъ, рукою власною писалъ.

Оглавленїе написаного в Книжцѣ сей Краткословіе.

Ѧ. Обличенїе діавола миродержца и прелестный ловъ его вѣка сего настоящаго.

Ѧ. Писанїе до Князя Василя и всѣхъ православныхъ христіянъ, ознаймующи, якъ восточное вѣры вѣрїи на опоцѣ или на камени

вѣры Петровы неподвижно и непрелестно стоят, и врата адова их одолѣти никакоже не могут, прочіи жъ вси отпали въ прелесть, заблудили и въ адъ адовыми вратами затворени суть; в немъ же и погребъ невѣрїю папы римскаго и ему послѣдующихъ.

Г. Порада, како да ся очиститъ церковь Христова, заплугавленная живыми пастыри и нечестнымъ житіемъ оныхъ и всѣхъ имъ послѣдующихъ, и которїи смрадъ поганскїй въ злонравствѣ ся въ христіанехъ..., зедножъ о поруганїю иноческаго чина отъ свѣтскихъ и мирскаго житїя чловѣкъ, и что есть таинство иноческаго образа... лѣпотварїя и прочя.

Д. Писанїе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ, да ся покажутъ къ Богу, показуючи каковы плоды лядской земли жителей.

Е. Писанїе къ утекиши отъ православное вѣры епископомъ, о имени згоды въ Книжкахъ отъ нихъ выдано, показуючи, яко тая згода не таковыми якожъ они безплодными въ вѣрѣ и житїи чинена и еднана быти маетъ, но святыми и духовнаго разума достигшими, и на прочая хулы, ложъ и клевету отъ нихъ на благочестїе іъ ему послѣдующихъ рыгнуваю отповѣдъ и іъ обличенїе, откуду сію мудрость и разумъ постигли, которыми такъ безбожно мудрствовать ся отрули.

З. Извѣщенїе краткое о латинской прелести, заблужденїи отъ пути истиннаго, лжи и хоробѣ смертоноснаго и погибелїю вѣчною смръдящаго мудрованїя еже о вѣрѣ, о цркви, о началствѣ, о ложномъ чистцу и прочая.

Ж. О еретикохъ, что есть имя ересь, и что благочестїе.

И. Загадка философомъ латинскимъ.

К. Слѣдъ краткїй привѣдающїй къ постыженїю и изученїю художества привѣдающаго къ царствующей безсмертной и вѣчной правдѣ.

Л. Новина или вѣсть о обрѣтенїи тѣла Варлаама архиепископа охридскаго града, въ градѣ Велись убитаго и в рѣку Варьдарь ввѣрженнаго.

О чину прочтанїя сего писанїя.

Пръвѣе убо да будетъ прочитателъ искусенъ, въ чтенїи бѣглый и быстрый въ зраку, не повтаряючи и не запинаячи ся на одной

рѣчи двакрот или три, але в мѣру ровно словом по пути реченій изъображенных да ступает, на запятых мало застановляется, а на точках прошедше двѣ три, или колко может вмѣстити точокъ, паче же где бы ся реченіе разумѣнія кончило, там духови да отпочивает, отдыхает, и постоювает, а то для того, абы и простым, безънижним слушачом разум реченныхъ явленъ и вмѣстен был.

Второе съборно съзвавши братію православных в школу рано по проспаниіи ноцном, доколя еще молва мирская смущеніе и попеченіе на мысль бодрую и здравую не възыдет и не оболѣет промыслом земным, и доколя еще чрево не наладовано гноем снѣдных, тогда ся читает.

Третіе, не обременяти слухи немощных многотченіем, но власне тридесат или болше листков прочитати, таже кончати, и закладку заложивши, на другій поранок, слушачов на таковыйже пир и честь духовную проси, и так поранок, поранками проходячи, дондеже съврѣшит пир книжьного реченія, събрание умолити, яко да наченши и съвершат слуханіем здравое и трезвое мысли, что же при обрящут отсюду, мяю, сами искусом увѣдят, если добре выслушаютъ.

Тобѣ же, прочитателю, трудолюбія ради от владыки Христа будетъ изда болшая стокрот, нежели твой труд. И тобѣ, священниче, за събрание събора вторая равно постигнет. Аще ли же сам поревнуеши и пръвую въсхитити, сам собою потрудити ся, се ест и прочитати и братію събирати, не зазрим ти сего приобрѣтення талантоплоднаго. Господь дати поспѣшит и помируетъ. Аминь.

Еже вездѣ по соборах братских такоже да ся исправляет, идеже сие писаніе дойдетъ, яко да познают христіяне, что естъ наша простая восточных вѣра, и что других отщепенцов хитрое безвѣріе.

Ко прочитателю на еднѣ сего писаня.

Напред тебе от тое прелести остерегаю, любимый прочитателю, да не ищени зде хитростей слоговъ сплетенорѣчных навазанія еллинскаго, але слѣдъ существа правды, в ней же животъ вѣчный затворенъ ест, да шуаеши, да знаеши. Не минай скорогонцем яко пустое коло вѣтрное очима пробѣгаючи от мѣста на мѣсто впереписаного, але застановляйся на ступенехъ о лъжи і истиннѣ рѣченыхъ

судом мыслѣнным, и увидѣвши яко истинна от лжи попирается погибельными сынами, жалуй, проплач, и Богу ся помоли, яко да дасть всеѣм заблуждѣшим на путь спасенный возвратитися и во разум истинный прійти.

А о собѣ аз и сам свѣдѣтельство вам даю, яко грамматичного дробязку не изучих, риторичное игрушки не видах, философскаго высокопочтательного не слыхах. Мой ест даскал простак, але от всеѣх мудрѣишій, который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, который рыболовци въ чоловѣколовци претворяет; мой даскал, который простотою философы посмѣваетъ; мой даскалъ, который смиреніемъ грьдось потлумляет. Тѣмъ же если хочеш на путь збавенный уллучити, послухай; и если хоцеши царство небесное обрѣсти, моще дуйай. А если ты духъ тщеславія наказанія латинскаго преборет, и сей простотѣ мойей не увѣруеши, вѣдаючи запевне вѣдай, яко живота вѣчнаго не наслѣдуешъ.

Обличеніе діавола миродержца и прелестный ловъ его въка сего скоро погибающаго от совлекшагося с хитроуплетенных стѣтъ его Голяка странника, ко другому будущоу въку грядущаго учиненое.

Евангеліе от Матвея, глава \bar{A} . I поя его діаволь на гору високу зѣло, показа ему вся царствія мира и славу их, и глагола ему: сія вся тебѣ дам, аще пад поклониши ми ся. Тогда глагола ему Ісус: «Иди зо мною, сатана! Писано бо естъ: Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши!»

Вопросъ. Тут теде коли ся звѣтязство над прелестію твоею, сыну геенскій, от Христа избавителя стало, и смертію конечно царство твое лукавое мира сего обнажено и показано (через вѣру и крещеніе во имя Отца и Сына и святаго Духа) всему свѣту естъ, пытаю тя, як будешъ зас тое гнѣздо миролюбія въ вѣрных и крещенныхъ вити, и основаніе невѣрія языческаго фундovati?

Отповѣд прелестника миродержца. Стало ся звѣтязство от Христа над царствомъ моимъ, признаваю, але от облаченныхъ въ

имя его зовемых христіанъ мало и велми мало, и то еще от свѣжей памяти по вознесеніи его на небеса его часть нѣкая тою тощатою вѣры разждеженная, нѣгде нѣгде от рода христіанского на звѣтажство моего царства обралася. А нинѣшнего вѣку зась в клябу ¹⁾ невѣрія прѣваго зовемое христіанство внало, и одним способом с погани некрещеными миръ любят и царства и роскоши его насытитися прагнуть, и еще болше нежели погане похоти телесные своволного и нечистого житія своим злым житіем исполняют. А што пытаешъ, ябъ бы по Христовѣ звѣтажствѣ миролюбіем впурубовати ся еси мѣлъ, о тое пытати не треба. Таковою ж хитростію, прелестію, мечтаніем и усоложеніем блеску и красоты свѣта того, яко же и прѣжде пришествія Христова. Ибо Христос образ только побѣждати хотащим мира дал, показал и научил, и сам собою изобразил, прелести же моего лживого царства мнѣ не отнял и не погубил, абы самое власти чловѣческое в том искусь, борбѣ и пробѣ вѣка того настоящего досвѣдчалося, очищало и на живот вѣчный исполеровало ²⁾. Але вижу, мало ся ихъ обирает и знаходит на той тѣснѣй гостиницѣ хотащих и любящих ходити. Всѣ пали и покловились славѣ, царству, красотѣ и любви вѣка того настоящего, мною владомого. От начальныхъ и до послѣднихъ, от духовно зовемых и до простых, от властей и до подручныхъ всѣ полюбили тот меч, блескъ и пестроту красоты царства моего мирскаго, которую еси на горѣ Христови обнажил и показал, и всѣ нинѣшнего вѣка до того моего царства розум, мысль, любовъ сердечную и всю крѣпость телесную привязали, прилѣпили и приспоили сут так мощно, иж их только смерть от Бога посланная от любве моего царства розлучити может, а другое ничтоже. И зась тоеж мовлю и показую, што при Христѣ мовилем и показовал: хто чого ищешъ у мене миродержьца, аще пад покловиши ми ся, вся тебѣ дам.

Вопросъ. Штож ми даешъ, діаволе, именуѣ, да знаю напередъ?

¹⁾ Кляба, въ польскомъ plurale tantum kluby — тиски, кажется отъ нѣмецкаго klaben, Klobe.

²⁾ Полеровати, польск. polerować, нѣм. polieren — ливфовать, дѣлать блестящимъ

Отповѣд. Дам ти нинѣшняго вѣка славу, роскош и богатство. Если хочеш быти преложнымъ духовно зовомымъ, от мене ищи и мнѣ угоди, а Бога занедбай, бо от того не леда якъ такыя достоинства дарованы бывають, а я скоро тобѣ дам. Если хочеш бискупомъ быти, падъ поклони ми ся. Если хочешъ арцибискупомъ быти падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочешъ кардиналомъ быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочешъ папѣжемъ быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. И другимъ всеѣмъ меньшимъ преложенствамъ, пробощствамъ и поповствамъ в приходѣхъ и наданяхъ не такъ гойныхъ и богатыхъ прагнуучи падши поклонѣте ми ся, я вам дамъ. И до васъ мирское власти и титулу земного моего царства прагнуучихъ тоужъ мовлю: аще падши поклоните ми ся, я вамъ вся сія прагненная вами подамъ. Если хочешъ войскимъ, подкоморимъ, или судією быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочешъ кашталюномъ быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочешъ старостою быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дамъ. Если хочешъ воеводою быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам. Если хочешъ гетманомъ или канцлѣромъ быти, падъ поклони ми ся, я тобѣ дам, — буди досконалый угодникъ мой, я тобѣ дам. Если хочешъ королемъ быти, общайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тобѣ и королевство дам. И другимъ всеѣмъ меншимъ дикгнитарствамъ и приложенствамъ тоужъ мовлю: аще падъ поклоните ми ся, и чого попрагнете отъ земнихъ и дочасныхъ, дамъ вамъ. Такожъ и до васъ простыхъ и неславныхъ во моемъ царствѣ мовлю, аще падши поклоните ми ся, знайду я по вашей мѣрѣ и простотѣ чимъ васъ обогащу и в прелестъ моего вѣка улутую. Если хочешъ идолопоклонникомъ, сребролюбомъ и лихоимцемъ быти, я тебе мытникомъ, кунцемъ, и карчмаремъ учиню, тамъ твою волю и прагненія забавлятися докола здохнешъ привяжу и мощно до самого исхода, не мылячися с помысломъ от лихоимства отодрати, прикую. Если хочешъ хитрьцемъ, майстромъ, ремесникомъ руководнымъ быти и другихъ вымысломъ превозныти, чимъ бы еси и отъ сусѣдъ прославитися и грошики собрати могль, падъ поклони ми ся, я тебе упремудрю, научу, наставлю и в досконалость твоего прагненія мысль твою приведу. Если хочешъ похоти телесное насытитися и господаремъ дому, древа и землѣ шмата наз-

ватися, пад поклони ми ся, я твою волю исполню, я тобѣ жену приведу, хату дам, землю дарую, тое ярио на твою шію повѣшу и твою мысль в бѣдѣ, неволи, скорби, мятежи попеченій, фрасунку и уставичном промыслѣ погребу. я тебе стражу, слугу, неволника и вязня женѣ учиню, я тобѣ всю мысль у жоны похотное студнѣ привяжу, толко поищи, попрагни, и мнѣ ся поклони, вся сія аз тобѣ дам.

Отвѣтъ странника от лица встѣх прелщаемых от діавола.

Вѣмъ, діаволе, як ты все тое реченное даси, если ся тобѣ поклоню. Але пойду искати и в зеркалѣ ученія Христова глядѣти, тая твоя данина на пожитокъ ли, или на погибел вѣчную будетъ, на славу ли или на безчестіе вѣчное ся превратит, на долго ли или на малый час ся в руках попѣстует, а потомъ з дароносцемъ пополу знагла погибает и ищезаетъ?

Даси ми, діаволе, быти папѣжемъ, кардиналомъ, арцибіскупомъ, и другимъ нѣкоторымъ духовного стану имяновосцемъ, але што за пожитокъ с того дарованя, коли от тебе діавола за гордост с небесе на дол зверженого тое достоинство прійму, а не от небесного Бога, которій велики заслужонимъ и от духа святого посвященнымъ таковыи преложенства стану духовного даровати звыкель, а не тымъ, которые як пси встеклыи бѣгают, ищут, да станъ духовный или имѣніе оногo угонят и поймают. Што за пожитокъ с того дару, коли я самъ и от тебе діавола того попрагну и поймал, а не Богъ небесный мене на тое достоинство везвал і избрал. Штож за пожитокъ с того духовенства, коли я горъшей поганьца злое и нечестное житіе прохожу и в калу чревное похоти и сластолюбія ся валяю. Штож за пожитокъ с того священства, коли я имени святости не знаю и съ иновѣрци ровно мудростію, образомъ и житіемъ ся знахожу. Штож за пожитокъ с тое власти пастырское, коя раб, неволникъ и вязень вѣчный грѣховие есми, за которые в геену вѣчную отиду. Штож за пожитокъ с тое дочасное славици, коли я вѣчне посоромочонъ буду. Штож ми за пожитокъ съ тое малое роскоши, коли я во вѣки в огни печи и скважитися буду. Штож ми за пожитокъ з тыхъ сель и имѣней и богатства великого, коли я нагъ и голъ без всего того в пеклѣ седѣти буду. Про то вѣдай о томъ діаволе, иж я поповского

преложенства и стану от вышняго и до послѣднаго стоня от тебе дарованного не прагну и тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу ся единому поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Даси ми зась, діаволе, быти кродем, канцлером, гетманом, воеводою, старостою, кашталяном и другим нѣкоторым дикнитаром и преложоним власти мирское твоего діаволского царства, штож за пожиток с того твоего дарованого поганского началства, коли я христіанство страчу и живота вѣчнаго отпаду. Штож ми за пожиток с того твоего мирского тытулу, коли я царства небесного тытул погублю. Штож ми за пожиток с того голоса королевства, канцлерства, albo воеводства, коли я еиновство божіе страчу, безсмертний титулъ. Штож ми за пожиток е твоее малое славицы временное тытулку і гнилых и суетных уст хваленія, коли я от божое вѣчное славы отвержен буду, титул помазаньства божія погублю и похвалы ангельских усть отпаду. Я теде, діаволе, таковое власти и титулу от тебе не ищу, тобѣ ся поклонити не хочу. Господу Богу единому ся поклоню и тому единому послужу. Иди за мною сатана!

Дашъ ми зась, діаволе, купцем, лихоимцем, мытником и барчмарем быти, да тым лихоимством и упражненіем розум свой погребу и ослѣплю. Штож за пожиток с того твоего дару, коли свѣта истинны науки слова Божія видѣти не могу и вкусити сладости его ся не сподоблю. Прето да знаеши, діаволе, як я от тебе того ідолопоклонного тытулу и забавы житія моего в нем не требую, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми зась, діаволе, ремесльником хитрым и славным быти, да межи сосѣды славнѣйшим, годнѣйшим и честнѣйшим быти (буду?), грошки собѣ зберу, фолварки покуплю, домок приоздоблю. Штож за пожиток съ того всего твоего дарохитрѣства, коль я простоты Ісусовы навикнути не могу. Штож ми за пожиток з славы и чести сусѣдское, коль я в лику пророкъ, патріархъ, апостоль, мученикъ и добре Богу угодивших славитися не буду. Штож ми за пожиток з многих фолварков и оздоб домку, коли я красных дворов горняго Іерусалима не узрю і ни во едином кутику въ оном посидѣти

не сподоблюся. Прето я от тебе, діаволе, тое майсторіѣ и славы и чести не требую, грошиков збирати, фолварков и домков купувати не хочу, тобѣ ся не поклоню. Господу Богу единому поклонюся и тому самому послужу. Иди за мною сатана!

Даш ми вась, діаволе, убогому и неславному чловѣку утѣху и похот телесную, жону, даш ми домок и землицю, даш ми смуток и бѣду, да свой розум в той забавѣ фрасунку и стараня домового, земленного и женского погрѣбу. Штож за пожиток с тое утѣхи и похоти телесное, коли я утѣшителя Духа святого витати во своем кгдаху сердечном николи ся не сподоблю. Штож ми за пожиток с тое жоны, коли я Христа жениха своей ложници сердечной пришедшаго упокоитися и спочинутти видѣти не могу. Штож ми за пожиток с того домку, коли я в палацу небесного мѣста Іерусалима седѣти не буду. Што за пожиток с тое малое землицы и кгрунтяку, коли сторичное заплаты реченное Христомъ в царствіи небесном за оставленіе сихъ не прійму, и живота вѣчного наслѣдником и дѣдичем быти не могу. Прето да знаеш, діаволе, як я от тебе жоны, дому, земли до часное не прагну, тобѣ поклонитися не хочу. Господу Богу во Троици славимому поклонюся и тому единому послужу нинѣ, все время житія моего и во вѣки вѣком аминь. Иди за мною сатана, изъчезни и пропади сам и з царством своим прелестным! Аминь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛѢТОПИСИ МГАРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(1682—1775)

Церковная старина Полтавской губерніи обслѣдована до сихъ поръ очень скудно. Отрывочныя свѣдѣнія по исторіи Полтавской епархіи разбросаны въ двадцати шести книжкахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей (1862—1888), но и тутъ цѣннаго матеріала очень немного. Да откуда и взяться цѣннымъ свѣдѣніямъ при той скудности историческаго матеріала для церковной старины, съ которой встрѣчается изслѣдователь... Наибольшей сохранности письменныхъ памятниковъ можно было бы ожидать отъ монастырей, но оказывается, что монастырскихъ архивовъ не существуетъ... Архивы закрытыхъ въ концѣ прошлаго вѣка монастырей еще можетъ быть сохраняются въ мѣстной казенной палатѣ, если только не погибли отъ времени, но въ монастырскихъ существующихъ — повидимому, ничего не сохранилось.— Есть въ Полтавской губерніи, недалеко отъ Лубенъ, Мгарскій монастырь, очень извѣстный въ народѣ по нахожденію тамъ мощей святителя Афанасія «сидящаго». Монастырь этотъ основанъ въ первой четверти XVII в., одновременно съ Густынскимъ и Ладинскимъ, Исаіей Копинскимъ, на земляхъ, подаренныхъ извѣстною Раиню «Могилянкою». Недавно одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей напечаталъ въ «Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» (1886 г., №№ 17—19) монографію объ этомъ монастырѣ и, какъ видно, потрудился надъ этимъ дѣломъ. И что же мы видимъ въ этой монографіи?—Исчерпавъ напечатанную Бодянскимъ лѣтопись Густынскаго монастыря, для разсказа о возникновеніи Мгарскаго монастыря, авторъ приводитъ затѣмъ лишь списокъ его игуменовъ, съ коротенькими о нихъ и при томъ общезвѣстными, свѣдѣніями, взятыми преимущественно изъ книги Аско-

ченскаго. — «Архивомъ монастыря», говоритъ авторъ, «мы не пользовались, такъ какъ его при монастырѣ нѣтъ». Да и нигдѣ его нѣтъ, слѣдуетъ прибавить. Мгарскій монастырь даже не сохранилъ списка бывшихъ своихъ игуменовъ, такъ какъ авторъ указываемой монографіи извѣстнаго мгарскаго игумена Макарія Русиновича называетъ — то Засѣновичемъ, то Засѣковичемъ.... А между тѣмъ въ Мгарскомъ монастырѣ былъ не только архивъ, но была и своя лѣтопись, подобная лѣтописи Густынскаго монастыря. Но все это отъ небреженія, монастыремъ потеряно... Слѣды лѣтописи Мгарскаго монастыря найдены недавно въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Реннина. Нашелъ тамъ В. П. Горленко и передалъ намъ — тетрадь, писанную на 16-ти листахъ бумаги, почеркомъ к. XVIII в., озаглавленную такъ: «О построеніи каменной церкви Преображенія Господня въ Мгарскомъ монастырѣ». Тетрадь эту приводимъ здѣсь, какъ заключающую въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія для исторіи Мгарскаго монастыря вообще и особенно — для мѣстной археологіи. Здѣсь мы находимъ подробныя свѣдѣнія о построеніи въ Малороссіи каменныхъ храмовъ въ XVII в. Кромѣ драгоценныхъ свѣдѣній о technikѣ постройки, историкъ тутъ же найдетъ любопытныя черты живаго участія тогдашняго общества въ созиданіи и украшеніи монастырей, бывшихъ твердыми хранителями вѣры отцовъ.

Мы думаемъ, что найденная въ яготинскомъ архивѣ тетрадь заключаетъ въ себѣ лишь отрывки того подлинника, съ котораго она списана. На это указываетъ отсутствіе хронологической послѣдовательности событій, излагающихъ постройку Преображенскаго храма: видно, что какъ будто переписчикъ выбиралъ изъ подлинника статьи его интересовавшія, и затѣмъ, дополнялъ ихъ другими, взятыми изъ того же источника. — На это же указываетъ и списокъ мгарскихъ игуменовъ «прежде бывшихъ», помѣщенный въ концѣ и доведенный только до Іоасафа Горленка, между тѣмъ какъ тетрадь сохранила описаніе монастырскаго пожара, бывшаго въ 1775 г. при игуменѣ Паисіи Яновскомъ. — Здѣсь переписчикъ остановился и оставивъ половину листа чистаго, началъ списывать «житіе иже во святыхъ отца нашего Афанасія, патріарха цареградскаго, чудотворца мгарскаго». Житіе это тоже переписчикомъ не окончено. Однимъ словомъ видно, что яготинская рукопись заключаетъ въ себѣ лишь отрывки, а не полный списокъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, который быть можетъ и не поглыбъ.

Ал. Лазаревскій.

Постановленіе ясневелможного его милости пана Ивана Самойловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожского, на муроване церкви въ монастыру нашомъ Мгарскомъ, такъ ся въ себѣ маеть:

Іоанъ Самойловичъ, гетманъ з войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ. Вамъ, пану Якову Баптистѣ, майстровѣ дѣла нашего мурового, Мартиновѣ Томашевскому подмайстерому, зъ веѣмъ вашимъ товариствомъ, доброго отъ Господа Бога здорovia зичимъ. Дошлося намъ вѣдати, ижъ ви и товариство ваше на работѣ церкви мгарское зостаючіе, зостали бы были сіи заими (sic), ижъ би подлугъ реестру вашего презъ сына нашего, пана полковника стародубовского, намъ принесенного, мы дарованіе борошна и товариству тижневую заплату вамъ постановили, домовляючися, ижъ будто болшъ вамъ (слѣдовало?) а нѣжли в реестру пана полковника черниговского к намъ отъ васъ присланого, списаного въ Черниговѣ, доходило. Теди люди знамся (sic) тое, же панъ полковникъ черниговскій будучи статечнымъ ирозумнимъ особою. ничего непевного, измишленого до насъ писати не могль би и ми надъ черниговское на такое работѣ у звичае (sic) нѣчого болшъ поступовати вамъ были не повинни; однакъ едно до особливои ласки нашеи, которою каждому годному оказатись хочемъ, другое маючи презъ висланнихъ нашихъ пана Ивана Ломяковского и пана Ивана Павловского, залещенне о прилѣжной около работи дбалости вашей, же чините такъ, якъ Богу угодно и людямъ мило, а до того васъ скурацкій (sic) бачачи ваше майстра и подмастераго, усердіе, ижъ тое дѣло съ пилностью достатечне совершити прагнете и на томъ записалистеса въ судѣ, даемъ вамъ за вашу (работу?) такую нагороду, якую сами вы себѣ написали и презъ помененного сына нашего, пана полковника стародубовского, намъ осьѣдчили, малось що тилко для лѣпшой слушности въ борошнѣ чили в лигоминахъ от-

мѣну учинивши: майстровѣ Яновѣ Баптистѣ, при певной грошовой заплатѣ, якая ему на кождій робочій тиждень, по осмь зол. доходиметь, постановляемъ борошна на все лѣто: муки житной—осмачокъ пять, пшенишной—двѣ осмачки, пшона—двѣ осмачки, гречаной муки—двѣ осмачки, гороху—осмачка, соли—сѣмь сотъ гусокъ, сала—два пуда, полтий—два, барановъ—шесть, двѣ дѣжички масла, двѣ—сира, пива—бочокъ три, горѣлки—квартъ сто, олѣю—квартъ придцять, яловицу и кабана.

Подмайстерому Мартиновѣ Томашевскому при умовленной грошовой нагородѣ, якая жъ ему такожъ на кождій тиждень работи по шесть зол. доходитъ будетъ, житной муки—осмачокъ чотири пшеничной—двѣ осмачки, пшона—двѣ, гречаной муки—двѣ осмачки, соли—гусокъ пять сотъ, сала—два пуди, барановъ чотири, рибъ вялыхъ—голова, горѣлки—квартъ сто, пива бочокъ двѣ, яловица, одна дѣжечка масла, дѣжка сира, два полтѣ солонѣни, олѣю кварталъ тридцять.

Челеди, чили товариству, грошовой заплати таковое чинимъ постановленіе: Ивановѣ Рудановѣ на кождій диждень робочій зол. три; Василевѣ Савицкому по зол. три; Петровѣ Бѣлецкому зол. три; Троцьковѣ—полтретя зол.; Андрѣевѣ полтретя зол.; Романовѣ полтретя зол.; Трохимовѣ полтретя зол.; Ивановѣ Рубаненковѣ полтретя зол.; Яцковѣ зол. два; Гавриловѣ полтора зол.; Матвѣевѣ зол. два; Андрушковѣ зол. два; Василевѣ Гадяцкому тринадцать шаговъ; Семеновѣ Зиморавенковѣ тринадцать шаговъ; Костѣ Петрѣковѣ тринадцать шаговъ; Лесковѣ Олейниковѣ тринадцать шаговъ; Лукьяновѣ Уманскому тринадцать шаговъ; Хвесковѣ Пилипенковѣ полталяра; Висилевѣ Иваненковѣ полталяра; Грицковѣ Долматовѣ полталяра; Мартиновѣ Обмочовскому копу; Романовѣ копу; Яковѣ Мазуровѣ копу; Петровѣ копу; Грицковѣ Мартиновому зятю копу. А борошна или боми (sic) кождому знихъ зособна на все лѣто, такъ много дойти отъ насъ маеть:

Житной муки—по чотири осмачки, пшеничной—по осмачцѣ, гречаной—по осмачцѣ, пшона—по осмачцѣ, гороху—по полъ осмачки, сала—по два камнѣ, риби вялой на кождого—по чотири

сотцѣ, олѣю по десять кварть, соли чотириста гусокъ, горѣлки по три кварта на тиждень на всѣхъ, на все лѣто, барановъ пять, яловица и пива бочокъ десять. А райцарамъ, що вапну до муру готують, двомъ, доходить будетъ грошми по полталаяра на тиждень, муки житной—по двѣ осмачки на лѣто, полъ осмачки пшеничной, гречаной по осмачцѣ, два камнѣ сала на двоухъ, шесть сотъ соли на двоухъ, риби шесть сотъ двомъ, и голнѣ (sic) олѣю кварть двадцеть двомъ, по кварть горѣлки на тиждень одному, яко теди все тое доходить вась будетъ, такъ сее писане наше для памяти лучшее з подписомъ руки нашей и притисненіемъ печати стверженое, вамъ даючи, жадаемъ, аби есте аеъ зпочатку взяли предся около того святобливого дѣла пилность, такъ и въпредѣ втомъ неубавляя, заслугуючися натое, жеби есте ласкою нашою одержали собѣ уконтентоване. Зичимъ притомъ и повторѣ доброго всѣмъ вамъ здоровья. З Батурина, маія 23, 1684.

Звишъминованный гетманъ рука власная.

Муровавая церковъ въсерединѣ, въ муру пятьдесятъ и сѣмъ локтей вдовжь, а въширь тридцать и сѣмъ локтей, що чинить девятнадцать сажней вдовжь, а въширь дванадцать сажней и локоть. А высота церкви шестьдесятъ локтей и три, то есть сажней двадцать и единъ, кромъ креста.

Исписаніе возвратцѣ о початкѣ заложеня церкви мурованой въ монастыру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, отъ року Божія 1682.

Изволеніемъ божимъ и содѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа, за щасливаго владѣнія рейментарского ясневелможного его милости пана Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, превелебный въ Богу отецъ Макарій Русѣновичъ, игумень и велій строитель на тотъ часъ монастыра сего Мгарскаго, видячи церковъ всемилостиваго Спаса старую деревяную велми зветшалую, совѣтъ сотвори со соборными отцами—какобы новую мурованую въпохвалу всемилостивому Спасу сооружити церковъ; и самъ въ Батуринъ поехалъ до его милости пана

гетмана, просячи бы за спасеніе свое, змуровалъ намъ въ монастыри, церковь; и волюю Божію обрѣте превелебный игумень прозбою своею на сіе богоугодное дѣло милостивого гетмана преклоненна, яже обѣща своимъ коштомъ и накладомъ церковь мурованую сооружити и иконами украсити. И тако начаша цеглу до мурованя коштомъ милостивого гетмана, презъ двѣ лѣтъ, въ монастыру робити. Року же божія 1684, мѣсяца априля 23 дня, въ день святаго великомученика Христова Георгія, со молебными пѣніями и сокрушеннымъ сердцемъ, начаша фундамента копати више трохи старія деревяныя церквѣ и основаніе, то есть закладанія мурованія церкви чинити, на которыхъ закладинахъ у особѣ его милости пана гетмана понеже самъ не бѣ, быху сынове его, велможни его милости панъ Семіонъ Иваловичъ гетманичъ, полковникъ на тотъ часъ стародубовскій, велможни его милости панъ Ияковъ Ивановичъ гетманичъ, зъ предложеними людьми своими и зъ немалою дворнею самаго его милости пана гетмана, отъ нихъ же быху началіе: панъ Иоанъ Павловски и панъ Захарія Щербина, сіе доглядовали и мураровъ въ мурованю церквѣ, панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ на тотъ часъ лубенски, панъ Андрей Гамалѣя на тотъ часъ сотъникъ лохвицкій, панъ Анѣдрей Иякововичъ, обозній лубенскій, панъ Романъ Радченко, сотникъ лубенскій, панъ Матіяшъ Папкевичъ, судя лубенскій, панъ Леонтій Адамовичъ, атаманъ городовый лубенскій, панъ Иоанъ Кулябка и иныхъ людей приложонихъ и посполитихъ множество было великое. А зъ духовного чину были три особы: превелебный отецъ Макарій Русѣновичъ, игумень святія обители сея Мгарскія, который и основаніе тоя церквѣ мурованія въ одеждѣ иерейской закладавъ и зъ велможними гетманичами, ктиторомъ зостаючи, камень зъ мощами святыми подъ фундаментъ покладъ превель, отецъ Инокентій Монастирскій, игумень святокирилскій киевскій, тотъ мѣлъ казаня на томъ заложено, велебный отецъ Ипатій Горбачевскій, намѣсникъ и велій труждатель сего монастыра Мгарского, тотъ и мощи святія въ камень основателвій вложи; бѣхуже и честные иеромонахи: отецъ Исихій маляръ, отецъ Иларіонъ Сіомашко, отецъ Иона Вацовскій, отецъ Феофилъ уставникъ, отецъ Абакій, отецъ Па-

ладій Крутий, отецъ Евагри (sic), отецъ Варлаамъ паламарь, отецъ Порфирій, отецъ Гervasій и прочія священноиеромонахи и иеродіакони бяху сія: Иоаникій, Иоасафъ, Евгеній, Софоній, Пафнутій, схимонахъ Иоанъ; монахи: Генадій, Иосифъ, Силвестеръ, Мордарій економъ хуторній, Коръ (sic) економъ монастырскій, Ипъполить виноградный, Власій, Тихонъ, Севастіанъ Аяхъ воротній и прочая вся братія баше монастырская. Бяху же и отецъ Иоанъ Стефановичъ, протопопа лохвицкій, и отецъ Яковъ Иліевичъ Орѣховскій, протопопа лубенскій, и прочая священноиереи и всякаго чину бѣ люде множество. И въ томъ основаніи подъ самимъ фундаментомъ, у ольтори, въ земли подъ стѣною, гдѣ горное сѣдалище, положенъ есть камень выбиты и внемъ положеніе мощи святыхъ и хартія на паргаменѣ писаная, которую въ томъ камени выбитомъ зъ мощами святыхъ прикрывше бляхою мѣдяною, засмолиша воскомъ и запечатлѣна. Покладаше же сей камень въ основаніе превелебный отецъ игумень Макарій Русѣневичъ зъ велможными гетманичами вишь менованими Семіономъ и Иякомомъ, а хартія на паргаменѣ въ томъ каменѣ въ тые слова зостаеъ написана: Во имя Отца и Сына и святаго Духа, основася сія церковь въ монастыру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а въ честь имени его святаго, во храмѣ же боголѣпного Преображенія его, при державѣ великихъ государей царей нашихъ и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, при святителствѣ и благословеніи преосвященного господина отца Лазаря Барановича, архиепископа черниговскаго, новгородскаго и всего сѣвера, а при щасливомъ владѣннн благородного и христолюбивого раба божія Иоанна Самуйловича, гетмана войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскаго, ктитора святыхъ обители сея, егоже кошътомъ и накладомъ сія церковь зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ святаго апостола Анѣдрѣя Первозваннаго, святаго Иоанна Златоустаго, святаго мученика Меръкурія, святаго великомученика Феодора Стратилата, святаго Марка печерскаго. Писано въ лѣто отъ рождества Христова 1684, мѣсяца априля дня двад-

цять третого. Сего ради и харѣтія сія въ семь фундаментѣ покладается въ вѣчное знаменіе и время. Аминь.

И по основаніи бысть литургія святая и веліе учрежденіе того дня. На утри, яже сіе есть априля 24, почали фундаментѣ муровати майстеръ мурарски бысть нѣмецъ, зъ Вилня, завомій Иоаннъ Балтиста. Того жъ часу и келіи старіе роскидали, и валъ старый засипали и за тимъ старимъ засипанимъ валомъ, келіи новыя поставили, и новымъ валомъ тогожъ лѣта до кола весь монастырь обвели. И тако помощію божією весь монастырь обновленіемъ тщаливно (sic) созиждашеся: келіи всѣ рядовыя, и пекарня, и болница, и за воротами то есть за брамою, гостинница великая, стайня и конецъ стайнѣ — будинки, презъ двѣ лѣтѣ будовалися, на которіе тіе будинки такъ въ монастыру и за брамою, вийшло готовыхъ грошей двѣ тысячи золотихъ и сто золотихъ, опрочъ борошна и инъшихъ легомнѣ.

Въ року зась правѣ нещасливомъ 1687-мъ, подчасъ докончена церквѣ мурованой, которую южъ тинковали, потуга вся войсковая ихъ царского пресвѣтлого величества и его милости панъ гетманъ зо всѣмъ православнымъ воинствомъ пошли на поганина креста святаго, Крымъ воевати и по указу пана гетмана и нашъ отецъ игуменъ Макарій Русѣновичъ зъ немалымъ коштомъ набравши борошна и легомнѣ розмайтихъ, законной братіи десять и челяди немало набравши зъ собою, до того жъ войска до боку пана гетмана зъ монастыря выехалъ въ понедилокъ числомъ маія 2, въ которомъ походѣ военномъ зъ допущеня божого знать за грѣхи наши, войска такъ потужные и Запорожа, не дойшовши, назадъ верънули для спаленя травы въ стопу, и надъ Самарою стали. Отець игуменъ за упрошенемъ у пана гетмана, верънулься до монастыря. Забавилъся въ той дорозѣ войсковей неделѣ десять, а приехалъ въ пятокъ юля 8 и засталъ, жеся церковь въ серединѣ дотинкована. И стараня чинячи о доконченю церкви, выправилъ брата Порфирія иеромонаха и иеродиякона Фераонта, двома возами, придавши имъ послушника и хлопца, за Гадачое, до гути, по шло до церквѣ мурованой, до оболони, юля 14, въ четверѣ. Но увы, яко ужасно и воспоманути — время лютое, яко велія отпѣна стала у войску, которое повернувши

отъ Самари, стало за Подтавою, надъ Коломакомъ и 25 юля, въ субботу, рано пана гетмана взято Иоанна Самойловича до войска московского и зъ синами Григоріемъ и Ияковомъ. И стало веліе замѣшпаня у войску козацкомъ: почали старшину забивати по городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, рабованя и забойство веліе повстало. *) Тогдажъ и нашего брата Порфирія зъ дякономъ послушникомъ и хлопцемъ, южъ назадъ поворочаючого зъ гуты, двѣ мили отъ Гадячого, 27 юля, подъ Русанувкою селомъ, тогожъ села чотири человекы тиранско на смерть позабивали и на купу тѣла ихъ зложивши, дегтемъ полили, сѣномъ накидали и вози наверхъ склавши, тѣла ихъ попалили. — Лечь воскорѣ тиежъ забойци полапаные ставши, всѣ чотири въ Гадячомъ также смѣртію тиранскою презъ судъ пострадали. И бѣ мятежъ и смущеніе веліе того часу, по всей Украинѣ. 25 юля наставили на гетманство его милость пана Иоанна Мазепу. Ся церковь въ работѣ своей не уставала, которого отецъ игуменъ въ Гадячомъ витаючи и поздоровляючи, повернулъ до монастыра. И августа 23 знову до Батурина, до пана гетмана, поѣхалъ и вернувшись зъ Батурина, приѣхалъ до монастыра въ понеделокъ 5 сентеврія, южъ хорій будучи, а въ дому еще горше захорѣвши, септеврія 15 дня 1687 року, въ четвертокъ, по вечерни Богу духа отдалъ; однакъ оглядалъ очима своими баню середнюю на церквѣ мурованой, то есть матицю шаліованямъ покрытую и пульбанокъ на верху тоей матицы бѣлымъ желѣзомъ покрытый оглядалъ. По котораго умертвіи, радѣніе мѣючи монастыра всего отецъ Ипатій Горбачевскій намѣстникъ стародавній мѣсца сего, велебный и честный старецъ, во строеніи послону со небощикомъ отцемъ игуменомъ труждающійся, сей сотвори совѣтъ со отцы соборными и братією и послаша до яснеосвещеного князате преосвященного его милости отца метрополиты Гедсона Святополка Четвертенского и до ясневелможного его милости пана Иоанна Мазеци, гетмана войска Запорозскаго, съ писаніями, просячи о волную елекцію на обраня нового игу-

*) См. Сборникъ Лѣтописей Южн. и Зап. Руси, стр. 34, — „тогда чернь и мужики пановъ своихъ паче арондаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали.“

мена. И его милость панъ гетманъ склонившися ласкаве ку прозбѣ и писанію отца намѣсника и братіи, поважное писаніе свое панское, любосмо его о тое и не просили, даде до его милости отца метрополиты, абы намъ насиліемъ не наславъ нѣкого на игуменство, але змежду себе жебы братія обобрали; на которое писаня склонившися а любо трохи и прискорбно, преосвященій пастиръ писаня свое видалъ до отца намѣсника и братіи, абы тѣло небошика отца игумена Макарія Русѣновича, земля предавши, по похоронѣ, елекцію себѣ мѣли и кого хотѣли змежду себе за игумена себѣ обрали. И такъ по святой Покровѣ, октоврія дня третяго, въ понедѣлокъ, въ церквѣ мурованой соборомъ службу божію отецъ намѣсникъ надъ тѣломъ отца игумена мѣючи, за правимъ крилосомъ межи філарями, подъ стѣною у фундаментъ, якъ першого фундатора тоей церквѣ, честно въ склени зложили и замуровали; и бяху всѣ во скорби въ тотъ понедѣлокъ и вовторокъ. Въ среду застуетъ (sic) 5-го октоврія, соборъ сотворше, отецъ намѣсникъ зъ отцы соборными и братією всѣ обще во транезѣ совокупившеса, молебное пѣніе съ сокрушеннимъ сердцемъ ку Творцу и строителю всѣхъ речей Богу въ помощь взявши молитвы пресвятыя Богородицы, единогласно въ обраню богодухновенной особы —кого бы за отца и предводителя къ устройенію монастыра и себѣ обобрати совѣтовали. А такъ за натхненямъ Духа Святаго прозрѣнія за вишнаго Бога, всѣ единогласно никому же прекословящу, на мѣсце въ Богу зошлого отца Макарія, избрахомъ себѣ за отца предводителя и игумена, а мѣсцу святому за строителя, мужа честна отъ юности въ монастыру во всѣхъ послушаніяхъ Господеви работающа, велебного господина отца Ипатія Горбачевскаго намѣсника тогожде монастыра, которій на намѣсництвѣ былъ осмнадцать (лѣтъ?) и единокупно съ небошикомъ отцемъ игуменомъ Макаріемъ Русѣновичомъ, церковь сію мурованую, и монастыръ весь зъ грунту фундавали и реставровали; которій превелебній отецъ Ипатій Горбачевскій приемши игуменство, а и не хотящу ему, и чинъ монастыра строенія, распорядивши ремесниковъ, абы церковь въ своей работѣ не уставала и братію любовію утвердивши, октоврія дня 11, въ Батуринь, до ясневелможного южь вто-

рого ктитора, его милости пана Иоанна Мазепи, гетмана войска Запорозскаго, зъ братією де нѣкоторою, поѣхалъ и станувши въ Батуриинѣ дня 14 октоврія, то есть въ пятокъ на ночь, вдячне былъ принятій отъ добродѣя пана гетмана и отъ всего войскового енаралу. И тамъ забавивши дней чотири, октоврія дня 18 на обѣдѣ власневелможного пана гетмана отецъ игумень бувши, со любовією велією отправу одержалъ и писаніе за собою причинное до его пастирской милости, абы конечно было отъ пастира на игуменство потверженій отобравши, поѣхалъ зъ Батурина въ Кіевъ, где станувши 23 октоврія въ неделю, рано пана и пастира тогожь дня зъ литургіи святой идучи, заразъ привиталъ, отъ котораго преосвященного пана и пастира миле былъ яко знакомій ему, будучи принятій и по розмовѣ пастирей три дни забавивши, октоврія 26 на святаго великомученика Димитрія безъ взякой перепони, любо чинилъ велію турбацію отецъ Полиевктъ Русѣновичъ, у пастири садячися на игуменство безъ воли отцевъ и братіи и безъ воли ктитора его милости пана гетмана, отрималъ зъ рукъ пастирскихъ консенсъ на игуменство и устную о радѣннїи монастыра и братіи науку и со любовією архипастирською и благословеніємъ, отпущенъ до монастыра зосталъ. И помощію Божією октоврія 31 дня въ монастыри станувши, щасливо владѣнїе игуменства зачалъ, будучи отъ братіи зъ благословеніємъ архипастирскимъ вдячно принятій. Мѣсяца октоврія 27 дня церковъ мурованая домуровалася и дотинковалася и посадку въ неи положили, и баня деревяная на олтари станула, и верхи пошаліовали и пульбаньки верхніе бѣлымъ желѣзомъ побили; прочее зимою року 1687 мирно препроводихомъ.

Со Богомъ начахомъ рокъ 1688.

Року 1688, марта 15, отецъ игумень ѣздилъ въ Батуриинъ, до ланевелможного его милости пана гетмана Иоана Мазепи и привезъ на побитя церкви, желѣза бѣлого бляхъ двадцать фасъ. На веснѣ, мѣсяца априля 24 дня, почали тесли третью баню великую на церквѣ, на папертѣ, робити. Мѣсяца априля 28, прислано зъ Батурина Ивана бляхнѣра, жителя глуховского, до монастыра для побитя

бляхою церкви мурованой; а отъ вибитя каждой фасы желѣза, такъ отъ великой, яко отъ малой, постановою зъ нимъ учинили платити грошми по десять золотихъ, опрочъ борошна, которій почаль заразъ банѣ побивати. Тоеижъ весни его милость панъ гетманъ Иоанъ Мазепа зъ войсками ихъ царского пресвѣтлого величества московскими и козацкими, пошли на Самарѣ и тамъ черезъ лѣто городъ Новобогородиченъ збудовали и угрунтовали; и отъ того часу тотъ городъ стануль на Самарѣ. Того жъ лѣта, о святой Троици, превелебный отецъ игумень Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотвори зъ отцы соборными, о брамѣ мурованой ко церквѣ на ней святому архистратигу Михаилу да во мѣсто старія деревянныя брамы, новую мурованую браму и церковь на ней новую деревянную соорудать; и тако изволеніемъ Божиимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотривше мѣсце и поступивше далѣе и вышше старія брамы, идѣже нынѣ стоитъ брама мурованая, и церковь на ней, и призиваніемъ помощи божія и святаго архистратига Христова Михаила, по заустахъ петровихъ, числомъ юня 11 дня, въ понеделокъ, начаша фундамента копати и браму муровати; и бѣ тцаніе и трудъ со прилѣжаніемъ, яко и братія нѣкаторіе помагали на мурѣ тоядже брами муровати.

Того жъ лѣта, юня мѣсяца, пославъ отецъ игумень въ таборъ къ Самарѣ до ясневелможного пана гетмана, просячи еще бляхи на побитя церквѣ. бо еще много не ставало, которій зъ милосердія своего, велѣлъ еще зъ Батурина дати бѣлого желѣза фась пятнадцать; и тое желѣзо зъ Батурина юля мѣсяца привезено. Августа дня 15, крести всѣ желѣзные, которые стоятъ на церквѣ мурованой, до монастыря привезено зъ Батурина, а тые кресты по указу ясневелможного добродѣя пана гетмана у Глуховѣ роблено; и заразъ почали ихъ направляти—и золотити и маліовати. Септеврія мѣсяца, всѣ крести поставлено на церквѣ; тесля Игнатъ, майстеръ теселскій, ихъ становиль. Того жъ часу и банѣ всѣ бѣлымъ желѣзомъ добито, и браму мурованую докончили и въ серединѣ витинковали, и на зиму снопками накрили. Прочая часы зимою мирно проидокомъ, съ Богомъ почакомъ року 1689.

Копія листу до пана Ивана Самуїловича, гетмана, отъ синовъ его пана Семена полковника стародубовскаго и пана Якова гетманичовъ, въ заложеню церкви мурованой въ монастыру Мгарскомъ писаного, которого есть такихъ текстъ: Ясневелможный мощѣ пане гетмане войскъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожскихъ, нашъ велде милостивый родичу и добродѣю. Подлугъ намѣренной волѣ и мысли вашей родительской милости, станувши въ монастыру Мгарскомъ 21 априля, злѣцное мнѣ отъ ясневел. вашей благоугодное дѣло ведлугъ пристойности расположеню мѣстца и розмѣряня церковной махины, тогожъ дня зачalemъ, и любо превелебный отецъ игумень мгарскій старой церкви мѣстца не хотячи оставити, замисль свой ку фундаменту и заложеню на томъ же власномъ мѣстцу, склонялъ, лечъ мы, ижъ близкостъ трапезы спаціумъ барзо шуплое маючи имѣтъ монастырскій передъ трапезою тожъ зостаючій, къ тому и склепъ въ старой церквѣ будучій въ которомъ тѣла мертвіе опочиваютъ, не малою перепоною и трудностію на томъ старомъ власномъ мѣсцу зоставали, уважаючи въ потомный вѣкъ бы тое намѣренное и зачатое такъ велде побожное дѣло, въ коштѣ и накладѣ ясне вел. вашей долговѣчне трвало, пристойное усмотрѣвши мѣсце трохи вышше къ келіямъ мѣстца подналемъ, ижъ гдѣ стѣна ишла въ старой церквѣ лѣвого боку, то въ мурованой пойдеть правого боку и въ долготу для окрасы и мощности, такъ же трохи помъкнути ся мусѣло; тая тежъ церковная махина въ долготу пятьдесятъ пять локтей, а въ широту тридцять шесть локтей будетъ въ собѣ мѣти; а для выдержаня и мощности тоей махины фундаментъ добрый въ пять локтей добрыхъ учинивши, въ день святого великомученика Георгія всеношное и молебная пѣнія къ Творцу Зиждителю и Богу, яко къ початку и концу всѣхъ дѣлъ учинивши, въ помощь взявши молитвы пресвятія Богородицы благословеніемъ чину духовного и за благословеніемъ родительскимъ ясне велм. вашей, нашего милостивого пана и добродѣя, сыновскимъ послушаніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, во честь всемилостивому Спасу фундаментъ при згромаженю мнозства народу, цале заложилисьми, просачи, абы тотъ же монарха нынѣ, которій сподобиль начати щасливо далъ и со-

вершати, о чомъ всемъ за прибытемъ нашимъ до боу родительского ясне велм. вашой прибувши, готовисми обшириѣ справу дати, а на сей часъ ласцѣ родительской ясневелм. вашой покорно вручаемся. Ясно велм. вашой нашего милостивого родича и добродѣя во всемъ зичливые и низжайшие слуги Семенъ Ивановичъ гетманичъ, полковникъ старадубовскій и Ияковъ Ивановичъ гетманичъ. З монастыра Мгарского Лубенского. Року 1684.

Постановеня зъ шкляромъ на робленя оболонъ до церквѣ мурованой Мгарской Лубенской, именно зъ Федоромъ Иваненкомъ, року 1687.—За кождую оболону, за великую и малую, по полталяра грошовой плати, борошна житного—осмачокъ десять, пшеничного—осмачокъ двѣ, гречаного—осмачокъ три, пшона—осмачокъ двѣ, соли—пятьсотъ гусокъ, лою—пять пудовъ, солонины—полтей три, сала—пудовъ три, горѣлки простой—квартъ полтораста, рыбы голову одну игольнѣ; олѣю—пятьдесятъ квартъ, шиптуху локоть сѣмъ на жупанъ ему. Шкло, олово и цѣнь панское маеть быти. Оболонъ въ церквѣ пятьдесятъ пять.

По власномъ панскомъ ясне велможнаго его милости пана гетмана добродѣя расказаню писано въ Батуринѣ, въ войсковой канцеляріи.

Року 1685, мѣсяца юля 25 дня. Постановлене зъ снѣцаромъ на роботу до церкви мурованой въ монастыру Мгарскомъ. Къ хвалѣ и славѣ всемогущого Бога въ Троицѣ единого къ оздобѣ божественного храма Преображенія Господня церкви великой монастыра Мгарского, на виставлене деисуса рѣзання снѣцарского такого великостю, якого церковь тая потребуеть, уедналъ ясневелможный его мил. панъ Иоанъ Самойловичъ, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлаго величества Запорожскихъ, майстра Стефана Мутяницю, которій маючи въ своемъ ремеслѣ залецене, обѣцуетъ мѣти дбалость около выготованя въ совершенной оздобѣ того хвалебного дѣла, за що его мил. прирекаетъ ему, майстровѣ, по его самого прошеню, такъ на виживлене зъ челядю лигоминами всякими, яко и въ ногороду праці, готовими грошми певное дати уконтентоване, а меновите: готовихъ грошей тысячи двѣ, фалендишу на пару сукенъ, и постовъ шиптуху, жит-

ной муки—осмачокъ сто, пшеничной муки—мѣрокъ пять, гречаной—мѣрокъ пять, пшона—полтретѣ мѣрки, крупъ гречанихъ—осмачокъ десять, гороху—мѣрку, соли—кулей чотири, рибу вѣлихъ иголѣвъ и крошени—осмь головъ, просолной рибы—бочекъ чотири, олѣю—квартъ пятьсотъ, маку—осмачку, сѣмя конопляного—осмачокъ пять, яловиць—пятнадцать, борановъ—шестьдесятъ, кабановъ годованыхъ—двадцеть, сала—пудовъ двадцеть, масла—фасокъ пять, сира—осмачокъ три, солоду пивного—осмачокъ пятьдесятъ, проса—осмачокъ пять и хмелю—осмачокъ пять, горѣлки простой—квартъ полтори тысячи, меду присного—пудовъ пять, лою на свѣчки—каменной дванадцеть, палѣру—резунду (sic.), стали—прутовъ два, желѣза—шинъ пятнадцать, каруку—каменной пять, обрѣзковъ—чотири осмачки; на рокъ ярины: капусти—кадолбовъ три, бураковъ—кадолбовъ два, огурковъ—кадолбовъ три, рѣпи—осмачокъ чотири, цебулѣ—венковъ тридцеть, чесноку—рѣнковъ тридцеть, дрова зѣ лѣсовъ тихъ, которіи для паленя цегли куплени, ку потребѣ выстатчати оному. Яко теди все тое не отмѣнно майстера дойдетъ, такъ майстеръ повиненъ мѣти въ своей пилности, абы тое деисусовое дѣло скоримъ поспѣхомъ досконалою хорошостю и оздобю, было споражено подлугъ позорного абрису, такъ якобы кождого уподобалося, о чомъ для памяти теди незабитной, записалося тое постановлене въ Батуриѣ, июля 25, року 1685. Звишменованный гетманъ рука власная.

В року 1687, мѣсяца февруарія четвертогонадцеть дня, привѣзъ Евгеній отъ ясновельможного его мил. пана гетмана, зол. пятьдесятъ грошей, которіи его мил. отецъ игумень отдалъ мнѣ, Ипатію намѣснику, абымъ роздалъ мураромъ, которіи въ Лубнахъ зимовали; тоди по росказаню его мил. роздалемъ семомъ человѣкамъ тутъ написаннымъ, мѣсяца февруарія 16 дня: Василю Савицкому далъ десять зол.,—Роману Ячненку далъ копь три,—Трохиму Бобровичу далъ копь три, Миколаю муравци, далъ копь три, Андрѣю Валченку далъ полсема золотого, Михайлу Грухоновичу далъ зол. шесть,—Андрѣю Курилченку далъ зол. пять. Тоей сумы чинить золотихъ пятьдесятъ.

Реестръ пана Щеръбины, въ року 1687. Я, Захарій Щербина, бралемъ грошѣ отъ превелебного отца Макарія Русѣновича, игумена мгарского, на заплату всякому работнику около церкви мурованой робячимъ. Напродъ, мѣсяца юня дня 5, взялиемъ у отца игумена зол. сто, мѣсяца юня дня 15, отобралемъ на работника другое зол. сто; августа 4, отобралемъ у отца игумена зол. полтора; знову августа 5 дня, взялиемъ золотихъ пятьдесятъ; августа 28, взялиемъ у отца игумена золотихъ сто; септеврїа 18 дня, взялиемъ у отца игумена золотихъ сто; того жъ септеврїа 20, взялиемъ у отца игумена золотихъ сто.

Съ тихъ грошей расходъ ниже описанный. Напродъ, теслямъ, почавши отъ мѣсяца юня дня, презъ все лѣто, заплатилемъ: майстру теселскому Демяну Воронѣ, за лѣто, далемъ талярей четырнадцать; старому Воронѣ далемъ золотихъ десять; Федоровѣ Жижцѣ далемъ золотихъ чотири, Семену Стародубу далемъ золотихъ десять, Науму Кондратенку далемъ золотихъ сѣмнад. Люде покрувцѣ. Людемъ нанятимъ для помочи мураромъ, отъ юня 18 ажъ до святой Покрови, тилко грошей давалемъ: напродъ, Хвилону Сендецкому, атаману, далемъ талярей три, Семену Андрушченку далемъ талярей три, Юску Лацѣ далемъ талерей три, Гринку Дейнецѣ талярей три, Ювхиму Литовченку талари три, Кондрату Василенку талари три, Моисею Козинцю далемъ талари три, Миколаю Литвину талари три, Стефану Лысому талари три; Ивану Кунченку далемъ талари три, Лаврину Марелѣ талари три, Ивану Савченку, талари три, Яцку Заваденку талари три, Савцѣ Лугиненку далемъ талари три; Якову Юсченку талари три, Тишку Лазаренку талари три, Ивану Кузменку талари три, Хвеску Будниченку талари три. Тымъ людемъ покрувцямъ, вышло грошей сто золотихъ пятьдесятъ золотихъ и шесть золотихъ.

Майстру шклярському видатокъ: Федору майстру шклярському, юня 18, далемъ коць три; юля 1, далемъ полталяра, якъ въ Батуринь ехаль, далемъ золотій одинъ. Септеврїа 18, якъ ѣхавъ до дому, далемъ зол. десять.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXV.

МАЙ И ІЮНЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кієвъ, 13-го Мая 1889 г.

М. С. Щепкинъ
въ роль Чупруна (Москаль-Чароеникъ)
съ современной гравюры.

Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.

Несмотря на свою завлекательность и давно признанную важность въ русской исторической наукѣ, вопросъ о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря продолжаетъ оставаться очень темнымъ даже для специалистовъ. Легко перечестъ немногочисленныя упоминанія византійскихъ писателей о Херсонѣ или Корсунѣ и о Климатахъ, но по этимъ сухимъ замѣткамъ историкъ почти лишенъ возможности составить себѣ понятіе какъ о характерѣ отношеній византійскаго правительства къ своимъ черноморскимъ владѣніямъ, такъ и о судьбахъ самыхъ этихъ владѣній. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наши знанія по этому вопросу весьма поверхностны и если даже въ специальныхъ сочиненіяхъ, касающихся сѣвернаго берега Чернаго моря, или повторяются общія мѣста, или высказываются неосновательныя, хотя и оригинальныя сужденія.

Наступало времена оживленія вниманія и пробуждался особенный интересъ къ исторіи Крыма. Это бывало по случаю открытія новыхъ матеріаловъ, въ которыхъ ожидали найти важныя откровенія. Такъ было съ бесѣдами Фотія, съ Сурожской легендой, такъ было съ отрывками, напечатанными византинистомъ Газе, то есть съ такъ называемой Запиской греческаго или готскаго топарха. Но и эти открытія, сулившія въ началѣ привнести владѣ въ исторію сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, если не совершенно обманули, то по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не оправдали ожиданій. «Записку готскаго топарха», говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, «несмотря на ея краткость, слѣдуетъ отнести къ числу первостепенныхъ источниковъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи». Если однако этотъ «первостепенный источникъ» черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ

его опубликованія ¹⁾ не успѣлъ еще оживить ни одной полустранички древней русской исторіи, и если покойный Соловьевъ не только не далъ ему права гражданства въ своей исторіи, но даже совсѣмъ обошелъ его молчаніемъ, то невольно возникаютъ сомнѣнія относительно качества этого источника. Впрочемъ тотъ же ученый, у котораго взяты приведенныя выше слова, приглашаетъ «*viribus unitis*» приступить къ подробному изслѣдованію и разъясненію памятника, такъ какъ изъ него «дѣлались самыя разнообразныя и самыя мудренныя выводы».

Недостаточность нашихъ свѣдѣній о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря подъ византійскимъ господствомъ столько же объясняется скудостью источниковъ, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что отрывки Газе до 1874 года, когда появилось изслѣдованіе академика А. А. Куника ²⁾, были предметомъ самыхъ мудреныхъ выводовъ. Въ 1876 году, частію какъ отзывъ на статью академика Куника, появилось сочиненіе по тому же вопросу профессора В. Г. Васильевскаго ³⁾, который съ свойственнымъ ему остроуміемъ, широкой начитанностью въ литературѣ и рѣдкимъ знаніемъ «византійско-русскихъ» отношеній наложилъ на занимающій насъ памятникъ авторитетное veto, показавъ, что онъ трактуетъ не о крымскихъ отношеніяхъ, а о болгарскихъ и что описываемыя въ немъ дѣйствія происходятъ на Дунаѣ. Съ тѣхъ поръ, конечно, трудно было обращаться къ отрывкамъ Газе, какъ къ источнику для исторіи сѣверныхъ береговъ Чернаго моря.

Авторъ предлагаемаго изслѣдованія пришелъ къ мысли вновь поднять вопросъ о памятникѣ, уже хорошо изученномъ и объясненномъ, довольно косвеннымъ путемъ. Изучая дѣятельность одного лица для совершенно чуждыхъ русской исторіи цѣлей, я нашелъ слѣды его пребыванія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Это побудило меня вновь пересмотрѣть византійскія извѣстія, относящіяся къ Крыму, при чемъ естественно было напасть на нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, новые запросы и по отношенію къ критикѣ источниковъ и дѣлаемыхъ на основаніи этихъ послѣднихъ выводовъ. Отрывки Газе привлечены были въ качествѣ матеріала лишь для полноты изученія вопроса.

¹⁾ Отрывки Газе напечатаны въ 1818 году въ боннскомъ изданіи Льва Диагона.

²⁾ Куникъ, О запискѣ готскаго томарха. Спб. 1874.

³⁾ Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, часть 185, отд. 2.

I.

Протоспаарій Петрона и строеніе Саркела.

Въ числѣ дѣятелей IX и X в. византійская лѣтопись упоминаеть, между прочимъ, о Петронѣ, прилагая къ этому имени различные титулы служебной іерархіи отъ низшаго и до самаго высшаго. Было бы трудно безъ тщательнаго изслѣдованія вывести заключеніе, одно ли и то же лицо разумѣется подъ этимъ именемъ, или два и даже три. Какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, точное распредѣленіе извѣстій о лицѣ, носящемъ имя Петроны, не безразлично для русской исторіи, ибо дѣятельность Петроны связана съ исторіей народовъ, жившихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря.

Одна часть лѣтописныхъ и агіографическихъ извѣстій безспорно разумѣеть подъ этимъ именемъ брата царицы Θεодоры, возстановившей православіе въ 842 году. Слѣдовательно, мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ мѣста, гдѣ при упоминаніи о Петронѣ замѣчено, что это былъ братъ царицы или дядя царя Михаила III. Тамъ же, гдѣ не встрѣчается этой прибавки, рождаются сомнѣнія, требующія нѣкоторой критической работы.

Прежде всего выдѣляются свѣдѣнія о Петронѣ, какъ строителѣ Саркела на Дону и первомъ стратигѣ Херсона таврическаго. О миссіи Петроны въ сѣверныя страны отъ Чернаго моря, очевидно, былъ составленъ особый докладъ, который былъ извѣстенъ далеко не всѣмъ лѣтописцамъ. Онъ не былъ извѣстенъ продолжателю лѣтописи Георгіа Амаргола, почему не находимъ извѣстія о построеніи Саркела въ русскомъ сводѣ; на него не обратили вниманія такіе лѣтописцы, которые завѣдомо пользовались одними и тѣми же источниками, что продолжатель Θεофана и даже тѣ, которые пользовались лѣтописью этого послѣдняго. Докладъ о миссіи Петроны пущенъ былъ въ оборотъ, по всей вѣроятности, уже Константиномъ Порфиророднымъ, изъ сочиненія котораго и вошелъ въ лѣтопись продолжателя Θεофана. Литературная переработка этого доклада шла такимъ образомъ: Константинъ первый сдѣлалъ изъ него извлеченіе въ сочиненіи *De administrando imperio*, продолжатель Θεофана внесъ это извлеченіе въ свою лѣтопись, Скилица-Кедринъ только сократилъ лѣтописное изложеніе ¹⁾. Такимъ образомъ, у Константина нужно видѣть первую

¹⁾ *De administr. imperio*. с. 42; *Continuator Theophanis* III. 28; *Cedrenus* II. 130.

литературную обработку свѣдѣній о миссіи Петроны, которыя могли находиться въ византійскомъ государственномъ архивѣ къ половинѣ X вѣка. Предполагается, что въ основаніе этой главы положено географическое сочиненіе, авторъ котораго зналъ, между прочимъ, о миссіи Петроны¹⁾). Но въ какомъ духѣ сдѣлана первая литературная обработка доклада Петроны, объ этомъ можно только высказывать болѣе или менѣе вѣроятныя гаданія, такъ какъ самаго доклада до сихъ поръ не отыскано.

И Константинъ, и продолжатель Теофана относятъ миссію Петроны на сѣверъ и постройку Саркела ко времени царя Теофила (829—842); тотъ и другой результатомъ дѣятельности Петроны полагаютъ отмену привилегій Херсона, о значеніи же постройки Саркела не дѣлаютъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, какъ будто это было весьма обыкновенное дѣло. Изъ сопоставленія текста Константина и продолжателя Теофана получается слѣдующій рассказъ.

Каганъ хазарскій и бегъ обратились къ царю Теофилу съ просьбой, чтобы онъ построилъ имъ укрѣпленіе на Дону. Цѣль этого укрѣпленія заключалась въ томъ, чтобы защищать хазарскую область отъ нападений печенѣговъ, которые занимали южнорусскія степи отъ нижняго теченія Дуная до Дона. Въ Саркелѣ хазары должны были содержать постоянный гарнизонъ изъ 300 человекъ, періодически смѣняемый. Царь Теофилъ согласился удовлетворить просьбу кагана и отправилъ на царскихъ судахъ отрядъ людей подъ предводительствомъ сиаарескандидата Петроны, присоединивъ къ нему морскую эскадру катапана Пафлагоніи. Однако въ Херсонѣ пришлось оставить большія морскія суда и пересадить экипажъ на грузовыя круглыя суда, которыя могли ходить по рѣкѣ. Прибывъ по Дону къ мѣсту, гдѣ нужно было строить укрѣпленіе, Петрона приступилъ къ дѣлу. Но какъ въ этой мѣстности не оказалось камня, годнаго для строенія, то онъ приказалъ копать глину и устроить печи и сталъ выжигать кирпичъ, известку же нашель возможнымъ добывать изъ мелкаго рѣчнаго камня. Съ большими затрудненіями Петрона привелъ къ концу дѣло и окончилъ укрѣпленіе.

Возвратившись въ Константинополь, онъ сдѣлалъ царю докладъ высокой политической важности, касающійся обезпеченія власти Византіи въ Херсонѣ. По его мнѣнію, основанному на знаніи людей по мѣсту, необходимо было усилить въ Херсонѣ центральную власть.

¹⁾ *De administr. imp.* p. 177 со словъ ἀπὸ δὲ κατὰθεν до p. 179. 10.

иначе страна можетъ освободиться изъ подъ византійскаго вліяніи. Для этого нужно было измѣнить администрацію этой области, отмѣнить привилегіи Херсона, который жилъ по городскому праву и управлялся протевонемъ и совѣтомъ старшинъ. Согласно представленію Петроны, съ тѣхъ поръ отмѣнены были привилегіи въ устройствѣ Херсона, и этотъ городъ получилъ въ лицѣ назначаемаго изъ Византіи стратига верховнаго блюстителя и воеводу, которому подчиненъ протевонъ и совѣтъ старшинъ (городской голова и дума). Стратигомъ назначенъ Петрона съ возведеніемъ въ чинъ протоспафарія. Съ этихъ поръ, продолжаютъ наши тексты, установился обычай назначенія стратиговъ въ Херсонъ изъ Константинополя. Такъ - то произошло построеніе Саркела, заканчиваетъ Константинъ; продолжатель же Теофана, замѣтивъ, что подобное заключеніе не совсѣмъ вѣжеся съ предыдущимъ, сдѣлалъ необходимую добавку: «вотъ какъ было строеніе Саркела и назначеніе стратиговъ въ Херсонъ».

Легко понять, что въ приведенномъ изложеніи сохранилось указаніе на два факта, причинная и хронологическая связь между которыми не такъ необходима, чтобы можно было съ увѣренностью утверждать слѣдующее положеніе: построеніе Саркела влекло за собой перемѣну въ администраціи Херсона, или наоборотъ. Въ изложеніи Константина отмѣченная выше послѣдняя фраза даетъ чувствовать свою неумѣстность; въ источникѣ, на основаніи котораго она составлена, могли быть нѣкоторые дополненія, выпущенныя Константиномъ. Но конечно, трудно дѣлать гаданія на счетъ этихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

Представляется однако возможнымъ подвергнуть критикѣ приведенный рассказъ съ точки зрѣнія его исторической несостоятельности.

Византійское правительство отличалось особенно ревнивымъ охраненіемъ тайнъ своего военнаго искусства отъ варваровъ. Бывали случаи, что императоры предпочитали стоять въ бездѣйствіи передъ лагеремъ или варварскимъ укрѣпленіемъ, выжидая, когда голодъ принудитъ сдать осажденнаго непріятеля, но не рискуя показать ему дѣйствіе своихъ машинъ. Строительное искусство принадлежало также къ преимуществамъ византійской культуры передъ варварами. Какъ же допустить, чтобы византійскій императоръ рѣшилъ послать своего инженера и снарядить цѣлую экспедицію для строенія вѣрности въ варварской землѣ? Могъ ли какой бы то ни было императоръ согласиться на просьбу своихъ политическихъ враговъ, да еще варваровъ, строить для нихъ вѣрность въ ихъ землѣ своими людьми? — Кру-

пость Саркелѣ дѣйствительно была построена византійцами, но построена съ цѣлью укрѣпленія своего вліянія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и, конечно, не по просьбѣ хазарскаго кагана. Византійскій императоръ строилъ укрѣпленіе не для хазаръ, а для себя: въ X вѣкѣ Саркелъ принадлежалъ грекамъ, а не хазарамъ, и въ этомъ заключается любопытнѣйшая сторона изучаемаго нами вопроса.

У того же Константина есть доказательство этой мысли. Если бы, говорить онъ ¹⁾, властитель Аланіи не находился въ мирѣ съ хазарами, но предпочиталъ дружбу царя ромейскаго, хазары же не пожелали бы соблюдать дружбу и миръ съ царемъ, въ такомъ случаѣ властитель аланъ можетъ сильно вредить имъ, занимая пути и дѣлая на нихъ неожиданныя нападеныя во время ихъ движенія къ Саркелу, Климатамъ и Херсону. И если означенный властитель приложить стараніе и будетъ отвлекать ихъ, то Херсонъ и Климаты могутъ пользоваться глубокимъ и совершеннымъ миромъ.— Не требуется никакихъ толкованій къ этому мѣсту, чтобы установить его смыслъ. Ясно, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ должна препятствовать послѣднимъ дѣлать враждебныя нападеныя на греческія владѣнія; такимъ образомъ поименованныя мѣста: Саркелъ, Климаты и Херсонъ, въ періодъ происхожденія сочиненія *De administrando imperio*, будучи одинаково защищены отъ хазаръ грозой со стороны аланъ, оказываются греческими владѣніями. Въ сущности это единственное прямое мѣсто, раскрывающее дальновидную политику византійскаго правительства на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, но оно оставалось какъ-то незамѣченнымъ.

Но если Саркелъ въ половинѣ X в. былъ византійскимъ городомъ, то это даетъ уже намъ весьма реальныя основанія подвергнуть сомнѣнію рассказъ о томъ, что Саркелъ построенъ по просьбѣ хазарскаго кагана.

Возникають, далѣе, значительныя хронологическія недоразумѣнія. И Константинъ, и продолжатель Теофана относятъ постройку Саркела ко времени царя Теофила. Въ лѣтописи продолжателя Теофана рассказъ о миссіи Петроны помѣщенъ послѣ изложенія похода Теофила на востокъ, окончившагося завоеваніемъ Самосата и Созопетры. При помощи арабскихъ лѣтописей ²⁾ хронологія этого похода устанавливается довольно точно (837 г.), для построенія Саркела

¹⁾ *De administr. imperio* с. 11.

²⁾ *Weil, Geschichte der Chalifen* II. s. 309—310 (Mannheim 1848).

также приобрѣтается этимъ приблизительная дата. Но если принять во вниманіе то обстоятельство, что во время строенія Саркела печенѣги занимаютъ уже всю южную Россію отъ Дона до нижняго Дуная и что угры находятся уже на мѣстахъ нынѣшняго ихъ обитанія, что, наконецъ, мотивомъ построенія Саркела выставляется именно борьба хазарь съ печенѣгами, то время царствованія Теофила рѣшительно не можетъ подходить сюда. Хронологическая разниа между временемъ Теофила и періодомъ утвержденія печенѣговъ въ южной Россіи весьма значительна, послѣднее относится къ X вѣку.

Наконецъ, самое важное затрудненіе относится къ имени строителя Саркела. Было бы весьма натурально, особенно когда илетъ рѣчь о времени царя Теофила, предполагать въ строителѣ Саркела хорошо извѣстнаго Петрону, шурина Теофила, брата его супруги Теодоры. Но не говоря уже о томъ, что этотъ Петрона, при родственныхъ отношеніяхъ къ царю, игралъ болѣе выдающіися роли и носилъ высшіе чины, онъ едва ли обладалъ необходимой подготовкой для исполненія того порученія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, окажется возможнымъ отыскать такого Петрону, который бы и по своему положенію, и по спеціальнымъ знаніямъ, заявленнымъ въ другихъ случаяхъ, болѣе подходилъ къ строителю Саркела.

Съ такимъ именно Петроной знакомитъ насъ Іоаннъ Каменіата, описавшій на основаніи собственныхъ наблюденій, завоеваніе арабами Солуни въ 904 году¹). Такъ какъ извѣстіе, читаемое у І. Каменіата, имѣетъ важное значеніе для нашихъ цѣлей, то и приведемъ его вполнѣ.

«Когда мы малодушествовали, прибылъ къ намъ быстроходный вѣстникъ отъ Льва благочестиваго царя, предупреждающій о походѣ варваровъ, то есть противныхъ агаринъ, и повелѣвающій со всею поспѣшностью вооружаться. Отъ него мы узнали, что къ царю явились перебѣжчики изъ самихъ варваровъ и выдали намѣренія вождей ихъ. Планъ непріятелей былъ ударить всей силой на Солунь, такъ какъ ихъ увѣрили многіе захваченные въ плѣнъ греки, что Солунь не защищена стѣной со стороны моря и легко можетъ быть взята съ кораблей. По полученіи этой ужасной вѣсти, во всемъ городѣ началось смятеніе, всѣхъ объялъ страхъ и смущеніе; стали совѣщаться, что предпринять для собственной безопасности, какъ приготовиться къ защитѣ противъ враговъ и выступить противъ

¹) *De Excidio Thessalonicae*, ap. *Migne*, *Patrologia Graeca* t. 109, cap. 16, 17, 18.

нихъ. Но мы никакъ не попадали на хорошую мысль, такъ какъ не имѣли военной опытности и не знали, съ чего начать. Умы всѣхъ главнымъ образомъ смущало то обстоятельство, что была негодна стѣна, на которую ожидалось нападеніе непріятеля. Итакъ совѣщались о принятіи мѣръ къ обезопасенію стѣны и приведенію ея въ лучшее состояніе. Но это рѣшеніе не одобрилъ тотъ, кто принесъ отъ царя печальное извѣстіе. *Онъ назывался Петроной и носилъ чинъ¹⁾ протоспагарія.* Ему приказано было остаться нѣсколько времени въ городѣ, чтобы подать необходимое содѣйствіе и помощь въ дѣлахъ. Онъ присовѣтовалъ другой очень разумный, рѣшительный и спасительный планъ, но его разстроили наши грѣхи, уготовлявшіе намъ гибель. Ученый этотъ мужъ и приобрѣвшій большой опытъ въ дѣлахъ, сообразивъ, что если бы онъ озаботился постройкой стѣны, то доставилъ бы только много труда гражданамъ, а пользы ни мало не принесъ этимъ, придумалъ другой способъ защиты—и смотри какой остроумный и пригодный.

«Видя, что южная часть города вся окружена морскими водами и что въ случаѣ нападенія непріятелей съ этой стороны они легко достигнуть желаемого, такъ какъ никакого сопротивленія не будетъ имъ оказано со стороны стѣны, въ силу ея незначительной высоты, непріятели же съ кормы кораблей могутъ какъ съ возвышенности поражать тѣхъ, которые находились бы на бойницахъ, Петрона придумалъ слѣдующее. Онъ совѣтовалъ устроить загражденіе и нѣкоторую искусственную засаду, которая бы была прикрыта водой, это загражденіе въ одно и то же время служило бы защитой для города и препятствіемъ непріятелю. Съ восточной и западной стороны города было много вытесанныхъ изъ одного камня погребальныхъ памятниковъ—это было старое кладбище жившихъ здѣсь еллиновъ; свозя ихъ и погружая въ море особеннымъ способомъ, *который самимъ имъ былъ изобрѣтенъ*, располагая ихъ въ водѣ въ извѣстномъ порядкѣ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, создалъ этимъ морское небывалое укрѣпленіе, по истинѣ болѣе вѣрное и надежное, чѣмъ высокая стѣна, выстроенная на сушѣ. И если бы осуществлено было это предпріятіе, оно доставило бы городу всю безопасность, такъ какъ корабли не могли бы ни въ какомъ случаѣ приблизиться и нанести вредъ, но по нашему нерадѣнію проектъ этотъ затормозился и не былъ приведенъ въ исполненіе.

¹⁾ С. 17. Πετρωνάς δὲ οὗτος ἐκαλεῖτο, τῷ καταλόγῳ τῶν πρωτοσπαγάρων ἐναριθμοῦμενος.

«Ибо, когда это подводное заграждение доведено было уже до середины опаснаго мѣста, и мы начинали успоковиваться и отбросили страхъ, прибылъ нѣкто другой, также посланный царемъ, устранившій сейчасъ же Петрону и принявшій на себя все попечение о городѣ. Это былъ Левъ, назначенный стратигомъ всей области и получившій въ свои руки военную власть. Онъ за лучшее разсудилъ оставить начатое дѣло и приступилъ къ возведенію стѣны. Поэтому тотчасъ же по прибытіи далъ людямъ изъ городского дима, наряженнымъ на работы по заграженію, другое назначеніе, приказавъ имъ сносить необходимый матеріалъ для строителей и такимъ образомъ многочисленностью рабочихъ рукъ и обильной доставкой матеріала заботился осуществить задуманное предпріятіе. Постройка стѣны пошла съ значительнымъ успѣхомъ. Но чѣмъ больше поднималась стѣна до той высоты, какая казалась необходимой, чтобы противостоять замысламъ враговъ, тѣмъ сильнѣйшія опасенія мы, граждане, питали на счетъ недоконченной части ея. Ибо никоимъ образомъ нельзя было успѣть вывести стѣну на всемъ протяженіи, которое нужно было защищать, наступленіе же варваровъ ожидалось со дня на день, а наша постройка не дошла еще до середины опаснаго мѣста, съ котораго можно было нанести вредъ.—Къ несчастію Левъ не могъ окончить предпріятія, такъ какъ вслѣдствіе паденія съ лошади впасть въ тяжкую болѣзнь, которая воспрепятствовала ему слѣдить за работами. Смѣнившій его стратигъ Никита обратился къ исполненію новыхъ проектовъ для защиты города».

Описанныя здѣсь приготовленія происходили лѣтомъ 904 года. Посланный царемъ въ Солунь опытный инженеръ протоспаарій Петра, придумавшій систему подводныхъ заграженій и механическихъ приспособленій къ погруженію въ воду надгробныхъ памятниковъ, и своимъ именемъ, и титуломъ, и—что особенно важно—спеціальностью не можетъ не напоминать намъ того Петрону, который посланъ былъ для постройки Саркела и который былъ стратигомъ Херсона. Но если сообщенныя I. Каменіатой данныя очень подкупаютъ въ пользу предположенія, что такой именно Петра могъ быть назначенъ для строенія Саркела, то хронологія описываемаго событія, на семьдесятъ слишкомъ лѣтъ разничающаяся отъ предполагаемаго 837 года постройки Саркела, не можетъ допустить мысли, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Петрона. Соображая и прочія, вышеуказанныя несообразности, мы безъ всякаго колебанія принимаемъ дату завоеванія Солуни арабами за

точку отправления въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи о *времени жизни и дѣятельности протославарія Петроны* и, слѣдовательно, о *построеніи Саркела*.

Если же построеніе Саркела отодвигается къ X вѣку, то возбуждается очень деликатный вопросъ на счетъ *достоверности данныхъ, сообщаемыхъ Константиномъ Порфиророднымъ*. Хотя въ русской исторической наукѣ Константинъ представляетъ собой крупный авторитетъ, котораго нельзя касаться безъ должной осторожности, тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ утверждать здѣсь, что сообщаемыя въ 42 гл. «*De administrando imperio*» данныя находятся въ противорѣчій съ обычной политикой византійскаго правительства по отношенію къ варварамъ и съ хронологіей нѣкоторыхъ довольно точно извѣстныхъ фактовъ и отношеній, а потому оказываются подозрительными. Само собой разумѣется, было бы недостаточно отмѣтить этотъ фактъ, не предложивъ попытки объясненія его. Отмѣчаемыя въ лѣтописныхъ изложеніяхъ ошибки имѣютъ различныя объясненія: лѣтописецъ могъ неумышленно впасть въ ошибку, принявъ безъ должной провѣрки чужое мнѣніе—письменное или переданное ему словесно,—такъ объясняется ошибка продолжателя Теофана, воспользовавшагося данными, полученными отъ Константина. Но могутъ быть тенденціозныя уклоненія отъ истины, намѣренныя искаженія фактовъ; съ этими послѣдними критикѣ предстоитъ больше затрудненій, чѣмъ съ первыми, ибо въ этомъ случаѣ мало констатировать ошибку, надобно еще показать, кому она была нужна и съ какою цѣлью пущена въ ходъ.

Изъ чтенія произведеній, носящихъ имя Константина, легко можно убѣдиться, что онѣ составляютъ сводъ археологическихъ и историческихъ знаній, какія можно было собрать въ X вѣкѣ. Есть большая вѣроятность, что мы имѣемъ здѣсь собранныя по приказанію императора матеріалы, оставшіеся не провѣренными, не сличенными между собой, вообще имѣемъ сырой археологической и исторической матеріалъ. Ни личной композиціи, ни самостоятельной обработки, ни творчества нельзя искать ни въ «*De ceremoniis*», ни въ «*De administr. imperio*». Каждая отдѣльная глава представляетъ собой или отдѣльное донесеніе, или особый документъ, хранившійся въ архивахъ, или отдѣльную работу, сдѣланную по спеціальному заказу. Сорокъ вторая глава «*De admin. imperio*» не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Основнымъ матеріаломъ къ построенію этой главы послужило безъ сомнѣнія сочиненіе, носившее именно

такое заглавіе, какъ надписывается гл. 42, то есть *Γεωγραφία ἀπὸ Θεσσαλονίκης μέχρι τοῦ Δαυοῦβραος τῆταιροῦ*. Едва ли это сочиненіе подверглось какому перемѣнамъ въ той редакціи, въ какой оно сохранилось; по всей вѣроятности оно принято цѣликомъ въ сборникъ, носящій имя Константина. Всматриваясь въ содержаніе произведенія, мы замѣчаемъ въ немъ очень опредѣленные указанія на эпоху, ранѣе которой оно не могло быть составлено. Важнѣйшимъ изъ такихъ указаній служитъ этнографическій переворотъ, произведенный на Балканскомъ полуостровѣ вторженіемъ угровъ. Разрушивъ моравское царство, угры съ 894 г. ступаютъ твердой ногой въ Паннонію, ранѣе 900 года едва ли можно было допустить такое выраженіе о Моравіи, какое находимъ въ 42 главѣ: «и обятаютъ угры моравскую землю по ту сторону Дуная и по сю сторону между Дунаемъ и Савой». Другая черта, опредѣляющая хронологію произведенія, дана тѣмъ извѣстіемъ, что область по ту сторону нижняго теченія Дуная, противъ города Силистріи, до самаго Саркела, занята печенѣгами. Указанные этнографическіе факты свидѣтельствуютъ, что оригиналъ, на основаніи котораго построена 42 глава, не могъ быть составленъ ранѣе начала X вѣка. Но и предыдущія разысканія относительно жизни и дѣятельности Петроны также привели насъ къ X вѣку. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о невольной ошибкѣ, такъ какъ для Константина и его современниковъ это были живые и памятные еще факты.

Формально невѣрности въ сообщеніи Константина выражаются въ трехъ пунктахъ: 1) построеніе Саркела отодвинуто ко времени царя Теофила; 2) миссія Петроны мотивирована просьбой хазарскаго кагана; 3) съ экспедиціей на сѣверъ связана реформа администраціи Херсона, а не всего края, на который простирались теперь виды византійскаго правительства, какъ бы этого слѣдовало ожидать. Прежде чѣмъ входить въ разсмотрѣніе византійской политики на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой половинѣ X в., укажемъ здѣсь кратко, какими формальными мотивами могутъ до нѣкоторой степени объясняться указанныя невѣрности. Собственное имя Теофила могло явиться изъ эпитета *τοῦ θεοφίλου* или *θεοφιλῆ*; царь Теофилъ очень хорошо могъ стоять рядомъ съ Петроной, ибо извѣстенъ былъ родственникъ его по женѣ, носившій это имя. Просьба хазарскаго кагана есть благовидный предлогъ, оправдывающій движеніе византійскаго оружія въ чужую землю: могли быть причины, побуждавшія сослаться на такой предлогъ для оправданія совершившагося факта. Наконецъ,

что касается реформы въ управленіи Херсономъ, здѣсь допущено лишь маленькое умолчаніе. Послѣ экспедиціи на сѣверъ Петра дѣйствительно былъ назначенъ первымъ стратигомъ, только не одного Херсона, а всей области, со включеніемъ Климатовъ и Саркела. Умолчаніе это имѣетъ тѣмъ больше благовидности, что дѣйствительно незадолго передъ тѣмъ въ Херсонѣ мы встрѣчаемъ стратиговъ, которыхъ прежде не было, и что дѣйствительно въ росписи чиновъ у Константина Порфиророднаго находимъ новую херсонскую оему. Но собственно ограниченіе привилегій Херсона произошло раньше движенія къ Саркелу. Въ первый разъ стратигъ херсонскій ¹⁾ упоминается при Львѣ Мудромъ (886—912) и упоминается при довольно необычныхъ обстоятельствахъ: херсонскій стратигъ былъ тогда убитъ жителями города. Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать причину послыки экспедиціи на сѣверъ?—На поставленные здѣсь вопросы попытаемся отвѣчать въ слѣдующей главѣ.

II.

Отрывки Газе, или Записка греческаго топарха.

Записка греческаго или готскаго топарха, какъ открытые византистомъ Газе отрывки названы русскими учеными, остается до сихъ поръ весьма загадочной и по своему происхожденію, и по содержанію. Правда, существуетъ нѣсколько и весьма авторитетными лицами выраженныхъ мнѣній объ ея происхожденіи и историческомъ значеніи, но въ памятникѣ есть столько неопредѣленностей, намековъ, допускающихъ различныя толкованія, и—что всего хуже—пропусковъ, что споры о немъ никакъ не могутъ считаться закрытыми даже послѣ самой новой по времени работы, принадлежащей профессору В. Г. Васильевскому. Кто знакомъ съ трудами этого почтеннаго византиста, тотъ знаетъ также, какъ не любитъ онъ оставлять въ изучаемыхъ имъ вопросахъ пробѣловъ: общепризнанныя достоинства его изслѣдованій суть широкое знакомство съ источниками и литературой, глубина изученія и точность выводовъ. Легко поэтому понять,

¹⁾ *Continuatio Theophanis*, De Leone с. 10 ἐπὶ τοῦτου καὶ οἱ τῆς Χερσῶνος οἰκῆτορες τὸν αὐτῶν ἀπέκτειναν στρατηγὸν Συμεῶν τὸν τοῦ Ἰωάν. Георгій Амартолъ сообщаетъ о томъ же подъ 892 годомъ (изд. Муральта стр. 774), при чемъ въ изданіи *Миня Patrologia graeca* t. 109 p. 916 этотъ Симеонъ названъ симономъ Іоанна.

почему мало найдется охотниковъ подвергать пересмотру тѣ вопросы, которыми занимался г. Васильевскій. Онъ первый сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ отрывковъ, присоединивъ къ тексту достаточно исчерпывающій предметъ комментарій, чѣмъ далъ возможность пользоваться любопытнымъ памятникомъ и не специалистамъ. Его объясненія и выводы, въ достаточной мѣрѣ удовлетворяя основнымъ научнымъ требованіямъ, можно сказать, закрывали дебаты по поводу «Записки греческаго топарха» и во всякомъ случаѣ отбивали охоту придумывать новыя теоріи къ объясненію ея содержанія. Съ 1876 года по этому вопросу наступило полное затишье.

Затрогивая вновь отрывки Газе, я нахожу возможнымъ не передавать здѣсь всего ихъ содержанія. Чтобы обозначить свою точку отправленія, мнѣ достаточно будетъ сказать, что въ нынѣшнемъ состояніи вопроса объ отрывкахъ различаются двѣ стороны: во первыхъ, пониманіе реального смысла ихъ, то есть переводъ и комментарій къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, во вторыхъ, историческія объясненія, то есть попытка приуроченія отрывка къ опредѣленному времени и отношеніямъ. Мнѣ кажется, что В. Г. Васильевскій, давъ безспорно полное и удовлетворительное объясненіе отрывкамъ, увлекся въ заключеніяхъ объ нихъ нѣсколькими фразами греческаго текста и допустилъ натяжки въ историческихъ объясненіяхъ. Такъ какъ я оставляю во всей силѣ переводъ его и комментарій, то постараюсь со всей краткостью указать два—три мѣста, въ толкованіи которыхъ не могу съ нимъ согласиться, и которыя, по моему мнѣнію, важны съ точки зрѣнія общей оцѣнки историческаго значенія отрывковъ.

Какъ извѣстно, отрывки Газе обратили на себя вниманіе тѣмъ, что имѣютъ отношеніе къ русской исторіи. Такъ, въ нихъ описывается переправа черезъ Днѣпръ, говорится о Климатахъ, въ которыхъ видѣли крымскіе Климаты, о борьбѣ греческаго топарха съ варварами, нападавшими на его область, наконецъ, о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверъ отъ Дуная, въ которомъ также усматривали русскаго князя. Понятенъ отсюда интересъ къ отрывкамъ. Самъ Газе отнесъ эти отрывки къ исторіи Крыма и приурочилъ описываемыя въ нихъ событія ко времени завоеванія Херсона Владиміромъ въ 988 г. Но послѣдующіе толкователи отрывковъ по второму пункту высказали сомнѣнія и разногласія¹⁾. Первый заподозрилъ принадлежность отрыв-

¹⁾ Литературныя указанія въ статьѣ проф. *Васильевскаго*: Записка греческаго топарха въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1876 г. часть 185, отд. 2.

ковъ ко времени Владиміра Кѣне въ 1848 г.; С. А. Гедеоновъ относилъ ихъ ко времени Святослава; А. А. Куникъ высказалъ взглядъ, что отрывки трактуютъ не о русскихъ нападеніяхъ на Крымъ и что подъ варварами здѣсь всего естественнѣе понимать хазарь; Н. П. Ламбинъ относилъ рассказываемыя въ отрывкахъ событія ко времени Олега; Д. И. Иловайскій ко времени Игоря. Итакъ, всѣ изслѣдователи видѣли въ Климатахъ Крымъ, и ставили рассказываемыя въ отрывкахъ событія въ связь съ русской исторіей: одни времени Игоря и Олега, другіе Святослава и Владиміра. Вообще же, въ смыслѣ опредѣленія хронологіи, встрѣчаемъ колебанія на сто лѣтъ, отъ конца IX до конца X в. Выводъ В. Г. Васильевскаго оригиналенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ онъ перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Крыма на Дунай, во вторыхъ далъ совершенно иное толкованіе историческому содержанию отрывковъ, поставивъ ихъ въ связь съ исторіей войнъ Святослава въ Болгаріи. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической и литературной критики отрывковъ.

В. Г. Васильевскій, между прочимъ, приведенъ былъ къ своему, указанному выше, выводу палеографическими наблюденіями, сдѣланными самимъ издателемъ отрывковъ византинистомъ Газе. Едва ли, однако, можно серьезно настаивать на палеографическихъ наблюденіяхъ до такой степени, чтобы отличать почерки по двадцатилѣтіямъ. Не говоря уже о томъ, что палеографы рѣшаются съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ говорить только о вѣкахъ рукописей, а не о десятилѣтіяхъ, да и въ опредѣленіи вѣковъ не всегда бываютъ согласны, самый вопросъ о палеографическихъ наблюденіяхъ Газе имѣетъ въ нашемъ случаѣ слишкомъ относительное значеніе. Газе говоритъ, что рукопись, въ которой имъ прочитанъ былъ отрывокъ, писана въ исходѣ X вѣка, и что отрывки писаны другой рукой, немного младшей, чѣмъ сама рукопись. Вѣдь ужъ если строго держаться означенныхъ наблюденій, то нужно отрывокъ отнести къ XI в., и тогда весь вопросъ объ историческомъ приуроченіи его получаетъ другую форму. Если сама рукопись писана въ исходѣ X в., то «младшая» рука уже никакъ не можетъ быть относима къ тому же концу X в., иначе бы она не была младшая.

Далѣе, ничѣмъ по нашему мнѣнію не оправдывается ни наблюденіе Газе, ни отстаиваемое В. Г. Васильевскимъ положеніе, что авторъ отрывковъ былъ владѣлецъ рукописи, которую онъ имѣлъ при себѣ во время путешествія, описываемаго въ отрывкахъ. Позволю себѣ обратить вниманіе на заключеніе третьяго отрывка, къ которому

и имѣю обратиться ниже и который во всякомъ случаѣ свидѣтельствуеъ, что отрывки не составлены во время описываемыхъ въ нихъ событій, ибо передаютъ факты не въ формѣ ежедневной записи, а въ видѣ исторической записки о прошедшихъ событіяхъ. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ видѣть въ нашихъ отрывкахъ записки участника и очевидца, составленныя однако уже послѣ событій. Но при этомъ остается открытымъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли видѣнный Газе отрывокъ собственной рукѣ топарха, или представляетъ собой копію. Только при такой постановкѣ вопроса возможны были историческія разысканія, сдѣланныя В. Г. Васильевскимъ. Ибо ясно, если отрывокъ приписывать самому топарху, писавшему его во время описываемыхъ въ отрывкѣ событій, то нужно перенестись изъ X въ XI столѣтіе для освѣщенія историческаго содержанія отрывка. Но на эту дорогу не вступалъ ни одинъ изслѣдователь.

Чтобы выяснитъ дальнѣйшія положенія, сдѣлаю нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Въ первомъ отрывкѣ несомнѣнно нужно видѣть возвращеніе изъ военной экспедиціи. Авторъ отрывка военный, стоящій во главѣ отряда, снабженнаго значительнымъ обозомъ ¹⁾. Весьма можетъ быть, что второй и третій отрывокъ представляютъ собой именно повѣствованіе объ этой экспедиціи, въ которой строеніе крѣпости играло важнѣйшее значеніе. Военный характеръ движенія, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ отрывкѣ, усматривается изъ того, что отрядъ идетъ по *системѣ военнаго похода*: онъ имѣетъ *ἀχολοδοί* и *πρόσκοποι*, необходимыя составныя части во всякомъ отрядѣ, какъ показываютъ военныя сочиненія. *Ἀχολοδοί* брались изъ мѣстныхъ жителей, почему и находимъ въ отрывкѣ объясненіе, что они разошлись по домамъ. *Сны и сновидѣнія* несомнѣнно также обличаютъ военный характеръ отряда, ибо выраженіе: «одни завидовали участи умершихъ, какъ освободившихся отъ заботъ и трудовъ, другіе оплакивали будущую судьбу, какая страшная доля ожидаетъ ихъ» — указываетъ на потерянныхъ въ экспедиціи товарищей по оружію и на тяжкое положеніе, въ которомъ находился отрядъ. Наконецъ, и заключеніе отрывка, что отрядъ шелъ по непріятельской землѣ, не позволяетъ иначе представлять его какъ отрядъ военный.

¹⁾ Отрядъ, съ которымъ онъ боролся противъ варваровъ и строилъ крѣпость, доходилъ до 400 человекъ. По всей вѣроятности, возвращаясь онъ не со всемъ отрядомъ, оставивъ часть его въ крѣпости.

Пока мы не знаемъ, что́ это была за экспедиція и какаѣ ея цѣль. Но ясно, что отрядъ былъ на возвратномъ пути изъ чужой земли въ отечественную. Не можетъ быть сомнѣнія, что это былъ греческій отрядъ, дѣйствовавшій на сѣверъ отъ Крыма и возвращавшійся сухимъ путемъ въ глухую осень. Послѣ перехода черезъ Диѣиръ онъ направился къ югу и имѣлъ въ виду возвращеніе во свояси (*πρὸς τὰ οἰκεία*), то есть въ одну изъ областей византійской имперіи.

Во второмъ отрывкѣ обращаемъ вниманіе на слѣдующія подробности. Зачеркнутая фраза «*Kai διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ*», имѣвшая вліяніе на приуроченіе всѣхъ отрывковъ В. Г. Васильевскимъ къ болгарской войнѣ Святослава, по нашему мнѣнію важна не въ томъ отношеніи, чтобы указывала на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя, а тѣмъ, что въ ней можно видѣть доказательство, что наши отрывки составляютъ копію, а не оригиналъ. Зачеркнутая фраза не есть неудачный оборотъ мысли, развиваемой во 2 отрывкѣ, напротивъ, она совершенно чужда содержанию этого отрывка. Мы думаемъ, что зачеркнутая фраза обозначаетъ только, что переписчикъ здѣсь началъ было писать то, что слѣдуетъ въ 3 отрывкѣ относительно царствующаго въ сѣверной части Дуная: *κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ*, но потомъ увидѣлъ ошибку и зачеркнулъ написанное. Во всякомъ же случаѣ фразѣ нельзя приписывать того значенія, которое придано ей В. Г. Васильевскимъ.

Далѣе, во 2 отрывкѣ слѣдуетъ характеристика варваровъ, правильная оцѣнка которой представляетъ существенныя затрудненія. Прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что территория, на которой происходятъ событія, не составляетъ исконной греческой области. Она византійская только потому, что на ней построена византійская крѣпость и находится византійскій гарнизонъ, но она не принадлежитъ грекамъ, отсюда постоянныя колебанія у писателя: «ихъ земля», «наша земля». Отсюда необходимо предположить, что дѣло происходитъ не въ Херсонѣ, не въ Крыму, а нѣсколько сѣвернѣе. Достаточно сослаться на то, что еслибы событія происходили въ Крыму, то не было бы нужды предводителю отряда дѣлать такое движеніе по южнорусскимъ степямъ, которое описывается въ 1 отрывкѣ. Итакъ, отъ Крыма приходится отказаться въ пользу области на сѣверъ отъ Крыма и именно въ пользу хазарской области на Дону.

Характеристика варваровъ, съ которыми ведетъ дѣло греческій предводитель, возбуждаетъ много спорныхъ мнѣній. «Имъ, читаемъ

во 2 отрывкѣ, не была доступна какая либо пощада даже въ отношеніи къ *самымъ близкимъ*, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ (*нашей*) *ихъ земли*, какъ говорится, добычу мисянъ. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ. А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Въмѣсто того, что бы заботиться о благѣ подвластныхъ народовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ... Похоже было на то, какъ будто разразился какой злой порывъ, такъ что для человѣчества, казалось, наступилъ погосъ и грозило самое страшное разрушеніе, какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой бездны. *Боле десяти городовъ* лишились своего населенія, не менѣе *пятисотъ селеній* превратились въ пустыню: словомъ *вся сосѣдственная и близкая*¹⁾ къ намъ область, какъ будто послѣ бури, лежала въ развалинахъ... Исслѣдователи находятъ невозможнымъ приложить приведенную характеристику къ кочевому народу, каковы печенѣги, и предпочитаютъ усматривать здѣсь характеристику или Руси, или по крайней мѣрѣ хазарь.

По общимъ характеристикамъ всегда бываетъ весьма трудно придти къ заключенію о народѣ и въ особенности прямо назвать этотъ народъ, если отсутствуютъ всякія постороннія указанія. Многое въ подобныхъ характеристикахъ составляетъ общее риторическое мѣсто, почти неизмѣнно прилагавшееся къ варварамъ, находившимся въ данный моментъ во враждѣ съ имперіей. Теперь уже никто не придаетъ особеннаго реальнаго значенія даже характеристикѣ Руси у патріарха Фотія, такъ какъ и въ ней оказывается слишкомъ много общихъ мѣстъ. Какъ въ сущности ненадежна и даваемая въ приведенномъ отрывкѣ характеристика варварскаго народа и какъ рискованно дѣлать по ней одной заключенія о томъ, имѣются ли здѣсь въ виду хазары, печенѣги, русскіе или даже другой какой народъ, считаю умѣстнымъ привести для параллели другую характеристику, относительно примѣненія которой уже не можетъ быть разногласій. Въ приводимой ниже характеристикѣ печенѣговъ не только находимъ

¹⁾ Всѣ подчеркнутыя мѣста подчеркнуты въ переводѣ В. Г. Васильевского.

«почетный» и даже «лестный» отзывъ объ этихъ варварахъ, но даже ею подрывается такое, повидимому, твердое положеніе, что византійскій писатель никогда не употребляетъ выраженіе «царь» или «царствующій» примѣнительно къ какому нибудь вождю кочевой орды.

Приводимъ изъ церковнаго слова XI вѣка, сказаннаго митрополитомъ евхаетскимъ Іоанномъ ¹⁾, мѣсто, которое вполне можно поставить рядомъ съ словомъ патріарха Фотія «на нашествіе Руси».

«Многочисленны были попытки варваровъ дѣлать разбойническія нападены на западныя страны, но они или сопровождались мало-важными послѣдствіями, или влекли за собой подчиненіе по договору и рабство, вмѣстѣ съ познаніемъ высочайшаго существа и открытымъ признаніемъ, что противники владычества и царства его имѣютъ противъ себя Бога. Вслѣдствіе того, спѣшатъ стопы благовѣствующихъ и цари народовъ ²⁾ многократно приводятся плѣнные, нѣкоторые же приходятъ и добровольно, сдавая цѣлыя страны и поступающія городами и доходами и податями, присоединяя свои земли къ вседержавной ромѣйской имперіи, подобно рѣкамъ, вливающимся въ море.

«Чтобы не говорить о прочемъ, я приведу изъ всѣхъ чудеснѣйшее и новое Божіе чудо. Кто они и откуда эти иноплеменники съ страннымъ именованіемъ? Кто такъ дивно укротилъ эти дикія лица и звѣрскія души и нелѣпыя тѣлодвиженія и быстро перемѣнилъ ихъ въ человѣчныя? Кто привелъ къ Господу народъ, котораго онъ не зналъ? Кто ввелъ въ городъ и въ самую церковь враговъ Божіихъ и царскихъ? Это было племя невѣрное, какъ всѣ знаете, нечестивое и беззаконное, скины по происхожденію, номады по жизни, отвратительные и нечистые по своему быту, и въ другихъ отношеніяхъ ничтожныя, не знающіе ни образованности, ни закона, ни вѣры, не подходящіе ни подъ какой родъ государственнаго устройства, не соединенные никакимъ союзомъ единства, въ одномъ только всѣхъ превосходящіе и отличающіеся, въ искусствѣ дѣлать злодѣйскія нападены и совершать неожиданныя грабежи и брать въ добычу все встрѣчающееся. При посредствѣ такого искусства, они разбойнически завладѣли и тою землей, которою доселѣ владѣли, из-

¹⁾ *De Lagarde, Johannis Euchaitensis quae supersunt* (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, B. 28, S. 142).

²⁾ P. 144 διὰ τοῦτο κἀντεῦθεν εὐαγγελιζομένων πόδες ταχύνοισι καὶ βασίλεις ἔθνων ἄγονται κολλησθέν αἰχμάλωται.

гнавъ прежнихъ жителей какъ болѣе ихъ слабыхъ. Не мало причиняли они безпокойства прежнимъ царямъ, но война съ ними была всегда бесполезна и неудобна, такъ какъ они воровали удобное время для своихъ разбойническихъ набѣговъ и находили всѣ удобства къ поспѣшному бѣгству и возвращенію во свояси, и легко прятались какъ лягушки по болотамъ, оврагамъ и въ стоячей водѣ.

«И нынѣ часто они пытались переправляться чрезъ Дунай, на противоположной сторонѣ котораго расположились, чтобы опустошать нашу землю. Ибо какъ было знать этимъ людямъ, звѣрямъ больше, чѣмъ людямъ, что здѣсь владѣетъ не человѣческая сила, а божественная, непричастная страданій? Итакъ другія ихъ нападенія, сопровождавшіяся ничтожнымъ или совершенно малымъ зломъ, царское промышленіе, всиомоществуемое свыше, быстро пресѣкало и останавливало; что же касается до этого послѣдняго набѣга, или лучше бѣгства, то я не знаю какъ это назвать: несправедливостью ли ихъ къ другимъ, или лучше выгодой для другихъ, устроенной по волѣ судьбы? Или, можетъ быть, лучше усматривать въ томъ прекрасное дѣло божественнаго домостроительства, которое мудро руководитъ и управляетъ человѣческія дѣла, сплетая разнообразныя положенія и часто достигая противоположныхъ результатовъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, явно совершая чудесное. Ибо они наступили во всемъ множествѣ, толпами перешли рѣку, покрытую льдомъ и, по своему обычаю, сдѣлавъ воровское нападеніе, опустошили прибрежную область. Царское же промышленіе не дремало и на сей разъ: ромейскія войска стояли готовыя въ оружіи, полныя отваги и презрѣнія къ варварамъ. Когда же подошли они на близкое разстояніе къ неприятелю и бросили взглядъ на неожиданно открывшійся станъ, то ужасъ и страхъ объялъ ихъ при видѣ представившагося зрѣлища. На необозримомъ для глазъ пространствѣ покрывало берега неисчислимое войско, растянувшееся на необъятную ширину и длину, какъ несокъ, оставленный рѣкой. Была страшная опасность для войска не только потому, что небольшому отряду нужно было сражаться съ превосходящими во много разъ силами, но еще съ такими отчаянными врагами, которые, покинувъ мысль возвращенія въ свою землю, всю надежду возлагали на предстоящее дѣло, рѣшившись или купить побѣдою право на поселеніе въ этой странѣ, или нанести какое нибудь большое зло, несмотря ни на какія опасности. Ибо развѣ есть страхъ передъ смертію у дикихъ варваровъ, у которыхъ убійство самое легкое и обычное дѣло. Итакъ, они были въ такихъ рас-
2*

положеніяхъ, а царь приготовилъ другой вспомогательный отрядъ, такъ какъ ряды его порѣдѣли въ сшибкахъ со врагомъ, ибо уже происходили то перестрѣлки, то ручныя схваты, которыя кончались къ выгодѣ враговъ и поселили малодушіе въ его войскѣ. Но тотъ, кто приготовилъ путь по непроходимымъ мѣстамъ, кто вечерній плачь утромъ обратилъ въ радость, сей явился помощникомъ на призывъ царя. Наше войско стремительно наступаетъ на враговъ и тутъ обнаруживается божественная симмахія. Началось жестокое сраженіе и отчаянный бой, и одерживаетъ полную побѣду крестъ Христовъ, дивно изображенный въ воздухѣ, какъ это было прежде при первомъ христіанскомъ царѣ, такъ и *при нынѣ царствующемъ по волю Божию и напоминающемъ того перваго именемъ и близкостіемъ*. Начинается великое избіеніе варваровъ и овладѣваетъ ими страхъ и ужасъ, ужасъ приводитъ въ чувство безчувственныхъ и пужда учитъ ихъ полезному. Какъ бы пораженные ударомъ молота, они потеряли мужество и побросали далеко отъ себя оружіе, простирали руки впередъ и варварскими грубыми голосами просили царскаго милосердія, которое послѣдовало такъ скоро и такъ было для нихъ неожиданно, что они на удивленіе видящихъ встали вмѣстѣ съ нами, *преобразовавшись изъ дикихъ какъ бы звѣрей въ смиренныхъ людей, перемѣнившись изъ прежняго безобразія и отвратительности въ нынѣшній кроткій и пріятный видъ*, а что всего блистательнѣй и поразительнѣй — *изъ нечестивыхъ и невѣрныхъ сдѣлались благочестивыми и смирными*, сподобившись кущѣи нетлѣнія по царской милости и божественному человѣколюбію, отъ котораго получили свѣтъ благодати и это преобразование чрезъ чудодѣйственную силу духа. И вотъ беззаконное племя *стало святымъ племенемъ, древній нечестіемъ народъ новымъ народомъ божіимъ*, опять имя язычниковъ становится важнымъ, опять вѣра приобрѣла дивное приложеніе и въ предѣлахъ земли возобладало евангеліе».

Событіе, по случаю котораго сказано это слово, имѣло мѣсто въ царствованіе Константина Мономаха, въ зиму 1048 года. Печенѣжская орда въ числѣ 800.000 человѣкъ, какъ говорятъ византійскіе историки ¹⁾, перешедши Дунай, покрытый толстымъ слоемъ льда, начала страшныя опустошенія въ Болгаріи. Дѣйствительно, печенѣги были побѣждены, но не столько оружіемъ, сколько открывшимися между ними болѣзнями. Предводитель печенѣговъ Тирахъ съ 140 то-

¹⁾ Cedrenus II. 585—587.

варищами взять въ плѣнъ, отвѣденъ въ столицу и здѣсь обращенъ въ христіанство¹⁾. Но ораторъ изъ этихъ несложныхъ фактовъ создалъ весьма замысловатое произведеніе, въ которомъ находятся въ сущности только двѣ черты, дающія возможность указать его время и историческое значеніе: намекъ на имя Константина и переходъ по покрывшемуся льдомъ Дунаю. Если бы сгладить въ этомъ словѣ указанныя черты, то было бы возможно отнести его къ какому угодно варварамъ, находившимся съ Византіей во враждѣ и обращеннымъ въ христіанство. Даже уподобленіе лягушкамъ, прячущимся по болотамъ, и это не привилегія по отношенію къ печенѣгамъ, ибо то же сравненіе примѣняется къ славянамъ. Словомъ, по нашему мнѣнію, общая характеристика варваровъ, при отсутствіи какихъ-нибудь поясняющихъ образовъ или даже намековъ, не даетъ изслѣдователю твердыхъ основаній утверждать, что таеъ можетъ характеризоваться тотъ народъ, а не другой.

Итакъ, возвращаясь къ характеристикѣ варваровъ во второмъ отрывкѣ Газе, мы не находимъ въ ней самой такихъ чертъ, которыя бы мѣшали отнести ее какъ къ печенѣгамъ, такъ и къ русскимъ. Но помимо характеристики, въ этомъ отрывкѣ есть мѣста и выраженія, которыя не допускаютъ обоюднаго толкованія. Такъ уже болѣе реальнаго смысла въ объясненіи причинъ движенія варваровъ противъ тѣхъ городовъ и деревень, по близости которыхъ желали, по видимому, утвердиться греки. Сюда относятся слѣдующія мѣста и выраженія: 1) *люди ни въ чемъ неповинные подъ предлогомъ нарушенной клятвы сдѣлались добычей насилія и меча*; 2) греческій топархъ, зная о разореніи варварами сосѣдней страны, *заранѣе принималъ мѣры предосторожности* и, по всей вѣроятности, этими мѣрами накликалъ на себя бѣду. Цѣль вторженія варваровъ въ занимаемую топархомъ область, равно какъ очень реальная цѣль, которую преслѣдуетъ топархъ, ясно указана въ отрывкѣ: *топархъ строитъ стѣну, а варвары всячески желаютъ воспрепятствовать ему въ томъ* 2).

¹⁾ *Ibidem* p. 587. 16 ὁ δὲ Τυράχ καὶ σὺν αὐτῷ ἄνδρες ἑκατὸν καὶ τεσσαράκοντα ἄγονται εἰς τὸν βασιλεῖα οὗτος φιλοφρόνως οὗτος ἀποδεχάμενος καὶ βαπτίζεται... Весьма любопытныя и въ другихъ отношеніяхъ событія этого времени на Дунаѣ были предметомъ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго, Византія и Печенѣги, въ журналѣ Мѣсяц. Народнаго Просвѣщенія, ноябрь 1872 года.

²⁾ οἱ μὲν βάρβαροι.. ἐπέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν νομίματα ὡς ἅμα βοῶν παραλήφθησθαι ἡμᾶς, τῇ τε τοῦ τεῖχος ἀσθενείᾳ, τῇ τε ἡμῶν ὀρρωδίᾳ. Въ русскомъ переводѣ В. Г. Васильевскаго вералась опечатка, вмѣсто „разсчитывая на слабость вашей страны“ вужно читать „стѣны“.

На вонецъ, въ 3-хъ, топархъ рѣшился въ концѣ концовъ *утвердиться въ этой кругомъ опустошенной землѣ* и это мы считаемъ очень важнымъ обстоятельствомъ, получаемымъ изъ разсмотрѣнія втораго отрывка. Самый вонецъ его даетъ еще очень любопытную черту, значеніе которой читатель оцѣнитъ ниже: *топархъ всл заботы устремляетъ на построеніе крѣпости*, ибо онъ видѣлъ въ этомъ лучшее средство къ защитѣ страны отъ набѣговъ варваровъ и къ заселенію полуразрушеннаго и опустошеннаго города. И конечно, не о чужихъ интересахъ онъ заботился: *тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ* ¹⁾.

Въ 3-мъ отрывкѣ описывается строеніе крѣпости, которую окончить мѣшали раньше варвары. Здѣсь же заключаются основныя положенія для выводовъ В. Г. Васильевского, какъ относительно мѣстности, на которой происходили событія, описываемыя въ отрывкахъ, такъ и по отношенію къ историческому приуроченію всѣхъ трехъ отрывковъ. Тутъ обращаютъ на себя вниманіе собственно два обстоятельства и дѣйствительно обстоятельства рѣшающаго характера. Во первыхъ, переговоры греческаго топарха съ окрестными жителями, державшимися византійской стороны; во вторыхъ, его личное рѣшеніе, принятое вслѣдствіе этихъ переговоровъ, лично донести обо всемъ (кому?—текстъ представляетъ въ этомъ мѣстѣ затрудненія). Результатомъ его переговоровъ съ властью, отъ которой зависѣло высшее распоряженіе тѣми областями, было пожалованіе нашему топарху власти въ Климатахъ. Собственно на этихъ двухъ положеніяхъ 3-го отрывка сосредоточивается центръ тяжести въ рѣшеніи историческихъ и географическихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ отрывками Газе.

В. Г. Васильевскій сдѣлалъ прекрасный анализъ подразумѣваемаго мѣста и извлекъ изъ намековъ топарха два весьма убѣдительныя положенія. Топархъ представлялъ византійскую сторону и убѣждалъ собравшихся жителей вступить въ подданство императора. Замѣтимъ, что это весьма деликатная сторона въ отрывкахъ, ибо греческій чиновникъ поставленъ здѣсь въ весьма критическое положеніе: онъ дѣйствуетъ среди населенія, которое можетъ выбирать себѣ верховную власть. Онъ указываетъ на выгоды политической власти императора, какъ и необходимо было дѣйствовать представителю византійской военной власти. Между тѣмъ представители мѣстнаго населенія не чувство-

¹⁾ Это мѣсто καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοὶ πρῶτου καὶν οἰκίσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου — требовало бы легкаго измѣненія въ переводѣ.

вали себя настолько связанными съ императоромъ, чтобы понимать всѣ выгоды рѣчи топарха и указывали ему другую перспективу, политическую власть *царствовашаго на сѣверъ отъ Дуная*. Для греческаго топарха при такомъ оборотѣ дѣла шель вопросъ не болѣе не менѣе какъ о бунтѣ, о возстаніи противъ законной власти, объ измѣнѣ своему правительству. Общее рѣшеніе собравшихся заключалось въ томъ, чтобы и топархъ вмѣстѣ съ окрестнымъ населеніемъ вступилъ въ подданство властителя на сѣверъ отъ Дуная.

И что же? Ужели византійскій чиновникъ не принялъ мѣръ, командуя военнымъ отрядомъ больше 400 человекъ, къ сохраненію власти своего государя? Ужели онъ не только измѣнилъ, но и смѣлъ совершенно наивно записать объ этомъ: «дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему». Къ кому? Къ врагу императора? Съ указанной стороны послѣдняя часть записки греческаго топарха не подвергалась еще изслѣдованію, а потому считаю необходимымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Собранные на совѣщаніе окрестные жители, придерживавшіеся византійской партіи, не соглашались на убѣжденія топарха по слѣдующимъ основаніямъ: 1) они не видѣли для себя въ этомъ никакой пользы. Мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за дальностію власти императора обитатели тѣхъ мѣстъ не могли воспользоваться благами, протекающими изъ принадлежности къ великому христіанскому государству. Будучи подданными императора, они не свободны были отъ покушеній со стороны другихъ народовъ привлечь ихъ подъ свою власть. Можно догадываться, что рѣчь идетъ о населеніи области или недавно присоединенной къ имперіи, или такой, которую Византія желала присоединить.

Во вторыхъ, они нисколько не желаютъ позаимствоваться византійскими административными учрежденіями, стремясь прежде всего къ самостоятельности. Это мѣсто отрывковъ объяснено у В. Г. Васильевскаго совершенно правильно съ точки зрѣнія значенія слова *ἐλλήν* въ средневѣковой литературѣ, но при объясненіи здѣсь нужно имѣть въ виду сопоставленіе *«ἐλλήνων ἰστέροι τρίτοι»* и *«αὐτόνομα ἔργα»*. Здѣсь именно выставлена бросающаяся въ глаза разность между обширнымъ государствомъ съ строгой централизаціей власти, каково было византійское государство и небольшими сельскими общинами, племенами или кланами, изъ которыхъ каждое управляется своею родою или племенной властью. Это наблюденіе сдѣлано еще Прокосіемъ и Львомъ Мудрымъ, которые противопоставили такимъ образомъ славянское

устройство византійскому. Хотя этимъ не рѣшается вопросъ о національности подразумѣваемыхъ приверженцевъ топарха, но дается понятъ, что это были не греки, не болгаре, вообще не народъ съ развитою центральной властью, — это были полузависимыя племена, не вошедшія еще ни въ какую государственную систему, — такими могли быть одинаково какъ славяне, такъ и хазары. Наконецъ, въ 3-хъ потому, что они слишкомъ много приписывали силы и значенія тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ странахъ Дуная. Находясь съ нимъ въ сосѣдствѣ и не отличаясь обычаями отъ тамошнихъ жителей, они предпочитаютъ войти съ ними въ соглашеніе и подчиниться ему. — Приведа эти слова, В. Г. Васильевскій говоритъ: «итакъ дѣйствіе происходитъ въ странѣ сосѣдственной съ Дунаемъ, — вотъ прямой и необходимый выводъ изъ приведенныхъ словъ, какъ бы ихъ мы не объясняли». Но съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе *сосѣдство* занимающаго насъ маленькаго племени или общины съ царствующимъ на сѣверъ отъ Дуная. Сосѣдство сосѣдству рознь. Вездѣ, куда простирается въ Азіи авторитетъ русскаго имени и страхъ русскаго оружія, вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ и молва о близости, о сосѣдствѣ власти бѣлаго царя. Маленькое племя, находящееся въ сферѣ вліянія русской политики, можетъ говорить о сосѣдствѣ русской власти, хотя бы оно было отдѣлено тысячей верстъ отъ самаго крайняго русскаго укрѣпленія. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ выраженіе *бморѣ* — сосѣди точно также не предполагаетъ необходимаго вывода, что дѣйствіе происходитъ въ сосѣдствѣ съ Дунаемъ. Само собой разумѣется, если бы другія данныя отрывковъ приводили насъ къ Дунаю, то не было бы и рѣчи о толкованіи слова сосѣдство. Но если, напротивъ, другія данныя скорѣй переносятъ дѣйствіе къ Крыму, а мысль о Дунаѣ рождается только по случаю упоминанія о властителѣ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, то считаемъ неправильнымъ описываемыя въ отрывкахъ событія приурочивать къ Дунаю. Въ концѣ концовъ вѣдь остаются Климаты и власть въ нихъ греческаго топарха.

Разсужденіе академика Куника и профессора Васильевскаго о томъ, кого разумѣть подъ этимъ сосѣдомъ нашего народа, упоминаемаго въ отрывкахъ, русскаго князя (Святослава или Владиміра), или хана печенѣжскаго, или хазарскаго кагана, и какъ тогда понимать слова — царствуетъ на сѣверъ отъ Дуная, — по отношенію къ жителю Крыма, представляются намъ весьма искусственными. Слѣдуетъ разсуждать здѣсь не о фактическомъ сосѣдствѣ съ царствующимъ на Дунаѣ,

а о сферѣ политическаго вліянія того, кто царствуетъ на Дунаѣ. Словомъ, слѣдовало перенести вопросъ въ сферу изученія политической борьбы въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря.

Конечно, скудость данныхъ объ исторіи Крыма и прилежащихъ къ нему областей достаточно объясняетъ то обстоятельство, что никто изъ изучавшихъ отрывки Газе не пришелъ къ мысли видѣть въ этихъ отрывкахъ документъ, констатирующий стремленія византійскаго правительства расширить изъ Крыма область своегополитическаго вліянія на сѣверные берега Чернаго моря. Точно также, вслѣдствіи той же скудости данныхъ, трудно было предположить, чтобы Византія когда нибудь встрѣтила здѣсь соперничество со стороны болгарскаго политическаго вліянія. У насъ въ отрывкахъ Газе по преимуществу старались видѣть «первостепенный источникъ не только для исторіи Крыма, но и вообще для древней исторіи Россіи», а потому естественно было недоглядѣть въ немъ того, что онъ дѣйствительно представляетъ. До X вѣка Византія не могла похвалиться твердымъ положеніемъ въ Крыму. Выше мы видѣли, что въ концѣ IX в. въ Херсонѣ убитъ былъ стратигъ, представитель военной и гражданской власти византійскаго царя. Такія явленія случались или въ областяхъ отторгающихся отъ связи съ Византіей, или насильственно вводимыхъ въ такую связь. Въ VIII в. преобладающая роль въ Крыму принадлежала хазарскому кагану, что особенно видно изъ исторіи Юстиніана II ¹⁾). Важное значеніе хазарь въ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря продолжается до того времени, какъ Святославъ нанесъ имъ нѣсколько пораженій и захватилъ главные города ихъ. Но этому предшествовалъ періодъ, въ свѣдѣніяхъ о которомъ у насъ былъ пробѣлъ, восполняемый особымъ источникомъ, не вполне изученнымъ. Мы обратимся къ нему вслѣдъ за анализомъ отрывковъ Газе.

Переходя теперь къ заключительной части 3-го отрывка, напомнимъ, что собраніе придерживающихся византійской партіи, не согласившись на убѣжденія топарха, постановило передаться подъ власть того, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная. Что же предпринимаетъ въ такомъ критическомъ положеніи топархъ?—Издѣлователи говорятъ, что онъ пошелъ къ властителю сѣверныхъ частей Дуная и отдался

¹⁾ *De Boor*, *Theophranis Chronographia* (Lipsiae 1885) p. 369 и слѣд. Въ статьяхъ гг. *Куника* и *Васильевскаго* о запискѣ топарха приведены данныя для исторіи Крыма; см. еще проф. *Васильевскаго*, *Житіе Іоанна Готскаго*, въ *Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія* за 1877 г., часть 195 отд. 2.

подъ власть его, то есть, говоря прямо, спокойно и сознательно измѣнилъ своему правительству.

Но тутъ допущено странное недоразумѣніе. Противъ перевода этого мѣста у В. Г. Васильевскаго ничего нельзя возразить, но понимать мѣсто нужно иначе. «Итакъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы».

Почему выраженія: *καὶ ἀπῆεν ἔνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ ἐνέτοχον αὐτῷ*—понимаются въ смыслѣ путешествія топарха къ русскому великому князю или къ тому, кто царствуетъ въ сѣверныхъ частяхъ Дуная, а не къ византійскому императору?—Можно догадываться, что изслѣдователей подкупило выраженіе «*προσέθηκε καὶ σατράπειαν ὄλην*» и ἐν τε ἤ τῆ αὐτοῦ», но и въ этомъ случаѣ ссылаемся на комментарий В. Г. Васильевскаго, изъ котораго усматривается, что терминъ сатрапія не былъ совершенно чуждъ греческому официальному языку, и въ данномъ случаѣ обозначаетъ только область, не имѣющую настоящаго греческаго устройства. Мѣсто обозначаетъ ту мысль, что нашему топарху дана была власть въ той области, въ которой онъ дѣйствовалъ со своимъ отрядомъ, въ которой была имъ построена крѣпость и наконецъ населеніе которой частію тянуло къ византійской партіи, хотя и колебалось въ своихъ расположеніяхъ подъ дѣйствіемъ чуждыхъ византійскому правительству вліяній.

Но если въ текстѣ есть выраженія, которыя могли подкупить изслѣдователей въ пользу пониманія этого мѣста въ смыслѣ измѣны и бунта топарха, то наоборотъ есть и такія выраженія, которыя должны бы предостеречь противъ этого толкованія. Что такое въ самомъ дѣлѣ *ἔνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*? Чьи интересы имѣлъ въ виду топархъ?

Знакомство съ письмами патріарха *Николая Мистика* не оставляетъ болѣе сомнѣнія, что враги топарха и населенія его области были печенѣги. Набѣгъ печенѣговъ въ томъ и имѣеть для себѣ объясненіе, что они желали побудить мѣстное населеніе пристать къ болгарской партіи и воспрепятствовать грекамъ утвердиться въ новой области, владѣніе которой прикрывало бы Крымъ и греческіе города,

въ немъ находившіеся. Такимъ образомъ, рѣшеніе топарха искать покровительства болгарскаго царя не обозначало бы «охранить наши интересы», то есть какъ византійскія, такъ и населенія той области, а обозначало бы пожертвовать греческими интересами въ пользу болгарскихъ, или дѣйствовать согласно рѣшенію народнаго собранія. Но повторяемъ, такъ не могъ дѣйствовать чиновникъ, стоящій во главѣ значительнаго отряда. На самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствительно заботится о сохраненіи византійскихъ политическихъ видовъ и отправляется съ докладомъ въ Константинополь.

Противъ общепринятаго толкованія этого мѣста могло бы предостеречь и слѣдующее обстоятельство. Тотъ властитель, которому топархъ сдѣлалъ докладъ о положеніи дѣла *ἐμοί δὲ τῆν τῶν Κλιμάτων ἀρχήν αὐθις ἀπέμεινε πᾶσαν ἔθροτο*, то есть охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами. Ясное дѣло, что снова давать власть могъ только тотъ, кто прежде далъ ее, а именно византійскій императоръ. Что касается, наконецъ, ежегодныхъ доходовъ, данныхъ топарху въ землѣ самого государя, то это можетъ означать или пожалованіе земельными угодьями въ смыслѣ прониі, или соединеніе подъ его властію другой области, составившей уже собственную, а не спорную область Византіи. Въ данномъ случаѣ топархъ, поставленный стратигомъ въ хазарской области, могъ быть сдѣланъ въ то же самое время корсунскимъ стратигомъ, иначе говоря, Крымъ и новыя владѣнія на сѣверъ отъ Чернаго моря соединились подъ одною военною властію, носителемъ которой былъ нашъ топархъ.

Результатомъ нашего изслѣдованія можно считать слѣдующее. Отрывки Газе свидѣтельствуютъ о предпринятой византійскимъ правительствомъ военной экспедиціи въ населенную хазарами область. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы утвердить политическое вліяніе Византіи на сѣверъ отъ Крыма, гдѣ угрожала въ то время завоевательная политика другаго государя, дѣйствовавшего посредствомъ своихъ эмиссаровъ на печенѣжскія орды и подстрекавшаго печенѣговъ дѣлать вторженія въ Крымъ. Византійскій предводитель почелъ за нужное обезопасить греческую власть постройкой крѣпости, подъ защитой которой должны были найти безопасность сочувствующіе византійской партіи хазары. Онъ дѣятельно и энергично исполнилъ свое дѣло, борясь съ значительными затрудненіями, которыя встрѣчалъ какъ въ набѣгахъ печенѣговъ, такъ и въ малодушіи и недовѣріи мѣстнаго населенія. Когда онъ окончилъ строеніе крѣпости, нашелъ отрѣзаннымъ отступленіе въ Крымъ и долженъ былъ съ величайшими

затрудненіями въ позднюю осень пробираться съ своимъ отрядомъ по южной Россіи къ одному изъ черноморскихъ пунктовъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что отрывки Газе, или такъ называемая Записка греческаго топарха имѣеть историческое значеніе совсѣмъ не въ той сферѣ, въ какой оцѣнивали ея важность до сихъ поръ. Оказывается, что описываемая въ ней дѣйствія происходятъ и не въ Крыму, и не на Дунаѣ, а по всей вѣроятности на Дону, а главное, что она совсѣмъ не имѣеть прямого отношенія къ русской исторіи. Но не думаемъ, чтобы вслѣдствіе новой постановки ея историческаго значенія она потеряла всю свою привлекательность для русскихъ изслѣдователей. Въ ней остается матеріалъ для прекрасной странички о культурной исторіи Византіи въ сѣверныхъ областяхъ Чернаго моря, и кто знаетъ, можетъ быть дальнѣйшія въ этомъ направленіи изслѣдованія приведутъ къ новымъ выводамъ къ культурной исторіи Россіи.

Для оцѣнки выводовъ, получаемыхъ изъ отрывковъ Газе въ связи съ дѣятельностью протославадія Петроны, намъ необходимо обратиться за справками къ другимъ источникамъ.

III.

Попытка Византіи обезопасить свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X в. Письма Н. Мистика.

Громадная борьба, завязавшаяся между Болгаріей и Византіей въ первой четверти X вѣка, не исчерпывается кровавыми столкновеніями между византійскими и болгарскими войсками и не ограничивается побоищами на Балканскомъ полуостровѣ. Эта борьба, по выраженію одного византійскаго оратора, отозвалась за Геркулесовыми столбами, въ нее вовлечены были разнообразныя этнографическіе элементы отъ Дуная до Дона. Царь Симеонъ искалъ слабыхъ мѣстъ Византіи не только со стороны Балканскаго полуострова, но еще въ Малой Азіи (высадка въ Лампсаѣ) и въ Крыму. Въ общемъ значеніе этой борьбы оцѣнено и въ извѣстной исторіи Болгаріи Константина Иречка, и въ особенности въ специальной монографіи профессора М. С. Дринова ¹⁾. Но мнѣ кажется, что интереснѣйшій источникъ

¹⁾ *Иречекъ*, Исторія Болгаръ. Русскій переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова; *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X в. Напечатано въ Читевіяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1875 г. кн. третья.

для этой борьбы, именно «Письма патріарха Николая Мистика», можетъ быть съ пользой вновь изучаемъ для выясненія нѣкоторыхъ новыхъ подробностей этой любопытной эпохи. Широкая сфера дипломатическихъ вліяній, направляющихся изъ Византіи и Болгаріи, а равно борьба политическихъ интересовъ на отдаленныхъ окраинахъ славянскаго и греческаго міра осталась мало выясненною и слабо намѣченною въ указанныхъ сочиненіяхъ. Что въ особенности любопытно, въ письмахъ Н. Мистика есть матеріалъ для политической и культурной исторіи Византіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря, слѣдовательно, матеріалъ, прямо дополняющій то, что въ намекахъ находимъ въ отрывкахъ Газе. Особенную цѣнность эти данныя приобрѣтають въ нашей темѣ, для рѣшенія которой недостаетъ хронологическихъ данныхъ: въ письмахъ же Н. Мистика имѣемъ дѣло съ опредѣленною эпохой.

Политическіе виды Симеона на сѣверные берега Чернаго моря опредѣленно рисуются въ девятомъ письмѣ патріарха Н. Мистика ¹⁾. Стратиги Македоніи и Фракіи, пишетъ патріархъ царю Симеону, извѣщаютъ и письмами, и чрезъ своихъ пословъ, что болгаре преслѣдуютъ одну цѣль, грабить и опустошать нашу страну. Къ этому присоединяють, что ты не оставляешь въ покоѣ и *Вону* херсонскаго стратига. И этотъ стратигъ постоянно дѣлаеть донесенія, что болгаре все стараніе прилагають *привлечь на свою сторону и печенѣговъ и другія племена, живущія въ этихъ мѣстахъ*, въ походъ и на войну съ ромэями. И не изрѣдка и не черезъ продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно онъ надѣдаетъ намъ такими письмами и донесеніями. Объ этомъ же доводятъ до свѣдѣній и 16 человекъ печенѣжскаго посольства, явившихся сюда, *что изъ Болгаріи приходятъ къ печенѣгамъ послы*, и не одинъ разъ, а часто, и что эти послы предлагаютъ вступить съ ними въ союзъ, и что болгаре такъ озабочены устройствомъ этого союза, что соединяють своихъ сыновъ браками съ печенѣжскими дѣвками, дабы приготовить этимъ военное сотоварищество болгаръ и печенѣговъ. — *Ради этого у насъ былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю* ²⁾. Но это не ради военныхъ дѣйствій и не для того, чтобы возбудить убійство твоего народа, но частію для того, чтобы позаботиться о

¹⁾ Привожу по изданію *Migne, Patrologia Graeca, t. 111.*

²⁾ Τοῦτου ἐνεκεν ἡ τοῦ στρατοῦ γέγονεν συλλογή καὶ συγκίνησις καὶ ἡ πρὸς Πατριάρχου διάπραξις.

собственной безопасности, *частію же чтобы преспѣчь и остановить ваше стремленіе и воспрепятствовать набѣгамъ на ромѣйскую землю*, какъ въ томъ за вѣрное извѣстились мы и чрезъ Вогу¹⁾, и чрезъ послѣвъ печенѣжскихъ, и чрезъ донесенія другихъ стратигѣвъ.

По нашему мнѣнію, это письмо достаточно объясняетъ и появленіе византійскаго отряда въ сѣверныхъ областяхъ отъ Чернаго моря, и сосѣдство этихъ областей съ Симеономъ Болгарскимъ и предподчтеніе, оказываемое племенными старшинами болгарскому царю противъ византійскаго императора. Не рѣшается, конечно, вопросъ о томъ, были ли приглашенные топархомъ на совѣщаніе печенѣги, или хазары, или славяне, но во всякомъ случаѣ эти племена находились подъ прямымъ воздѣйствіемъ болгарской политики. Въ частности, что касается упоминаемаго въ письмѣ стратига Воги, отъ котораго получались въ Константинополѣ донесенія на счетъ печенѣговъ, византійская лѣтопись, хотя и не знаетъ стратига этого имени, но сообщаетъ свѣдѣнія о политической миссіи Іоанна Воги къ печенѣгамъ²⁾. Гораздо любопытнѣй то мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь о посылкѣ военнаго отряда въ печенѣжскую землю. Но разумѣется ли здѣсь особая военная экспедиція или та же миссія Іоанна Воги, это трудно возстановить на основаніи имѣющихся данныхъ. — Письмо имѣетъ въ виду факты, имѣвшіе мѣсто до Ахелойскаго сраженія (20 августа 917 года).

Какой широкій размахъ имѣла въ то время византійская и болгарская политика, видимъ изъ *письма 23*: «страшное движеніе готовится, или скоро приготовится царскимъ стараніемъ противъ вашей власти и вашего рода (то есть, противъ болгаръ). Русскіе, печенѣги, аланы, угры — всѣ договорены и поднимутся на войну. — Не лишено, конечно, значенія то обстоятельство, что между имѣющими подняться народами не упомянуты хазары, хотя въ лѣтописи находимъ доказательства, что они служили въ войскахъ императора³⁾. Но Симеонъ мало боялся этихъ угрозъ, потому что его эмиссары съ не меньшей энергіей и навѣрное съ большимъ успѣхомъ вербовали у тѣхъ же народовъ приверженцевъ и союзниковъ Болгаріи. Мало того, въ 920 году онъ сдѣлалъ совершенно неожиданный и опасный для Византіи шагъ. Высадкой въ Лампсакъ, въ Дарданельскомъ проливѣ,

¹⁾ См. письмо 80.

²⁾ *Theophanis Continuati*. VI. Cap. 7 и 9.

³⁾ *Theophanis Cont.* VI. с. 9. ἐπεὶ δὲ καὶ Χαζάρους κατέσχευεν ὁ Σομεῶν τῶν ἐκ τῆς ἑταρείας τοῦ βασιλέως Λέοντος, τὰς αὐτῶν ρίνας ἀποτρῶν.

онъ не только заперъ Константинополь, но и угрожалъ поднять противъ Византіи славянскія поселенія въ Малой Азіи ¹⁾). Изъ письма 162 узнаемъ, что движеніе не ограничивалось даже печенѣгами и хазарами, а простиралась до Кавказа.

Не менѣе цѣнны въ письмахъ Николая Мистика нѣкоторыя детальныя указанія на херсонскія отношенія. Такъ, въ 68 письмѣ, высказавъ удовольствіе по поводу того, что лицо, къ которому обращено письмо, и въ которомъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ видѣть вышеупомянутаго Вогу, избѣжало страшныхъ опасностей и спаслось въ Херсонѣ, патріархъ пишетъ объ очень интересномъ для насъ предметѣ. Относительно, говоритъ онъ, *прибывшаго сюда хазарскаго посольства*, которое проситъ назначить имъ епископа, чтобы онъ рукополагалъ священниковъ, мы поручили назначенному на херсонскую кафедру архіепископу отправиться съ Божіей помощію въ Хазарію и исправить тамъ необходимыя требы и затѣмъ возвратиться къ своей херсонской кафедрѣ. Въ заключеніе проситъ оказать содѣйствіе архіепископу какъ въ его миссіи въ хазарской землѣ, такъ и при вступленіи на свою кафедру. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ право видѣть въ корреспондентѣ патріарха херсонскаго стратига.

Очень также любопытны свѣдѣнія въ 106 письмѣ, адресованномъ къ архіепископу Херсона. Высказавъ сожалѣніе, что архіепископъ не явился въ Константинополь, чтобы насладиться вмѣстѣ радостію по случаю «единенія» и освобожденія отъ бывшей розни, патріархъ продолжаетъ. Мы въ особенности очень порадованы твоими стараніями въ пользу того народа, который *чуть не былъ обмануть злымъ демономъ и не похищенъ изъ нѣдръ благочестія*. Просимъ тебя употребить все стараніе и показать всю заботу и попеченіе о спасеніи этого народа, дабы всецѣло сохранилось для Христа Бога нашего селеніе ихъ въ сохранности противъ всякой бѣды и несчастія. Твое благоразуміе пойметъ, какая твоя заслуга, что ты такое множество возвелъ изъ недостойнаго состоянія въ достойное. Возлагаемъ на тебя попеченіе согласиться съ ними относительно имѣющаго быть поставленнымъ имъ архіерея. Умудреннымъ разсмотрѣніемъ избери достойнаго на такое дѣло и пошли его къ намъ, дабы мы рукоположили его во всесвятomъ духѣ въ санъ епископа и поставили пастыремъ стаду, которое доселѣ лишено было пасущаго.

¹⁾ 95 письмо патріарха Николая.

Не нужно входить въ особыя объясненія, чтобы видѣть въ этомъ новомъ епископѣ перваго епископа хазарской церкви: это видно изъ вышеприведеннаго письма къ страдигу Херсона.

Нѣсколько объяснительныхъ чертъ къ исторіи новообразованной епископской кафедрѣ у хазаръ имѣемъ въ письмахъ 133 и 135. Они адресованы Петру, архіепископу Аланіи, и о содержаніи ихъ, очевидно, нужно судить по связи съ письмомъ къ херсонскому архіепископу. Похваливъ архіепископа Петра за труды и попеченія «о ново-призванномъ къ благочестію народѣ», патріархъ отстраняетъ какія то притязанія этого архіепископа указаніемъ на примѣръ апостоловъ. Совѣтуетъ примириться съ епископомъ *Евѳиміемъ*, который прежде него былъ «проповѣдникомъ благочестія этому вароду» и теперь послан на помощь архіепископу, дабы облегчить бремя его тяжестей. — Весьма вѣроятно, что въ этомъ Евѳиміи нужно видѣть перваго хазарскаго епископа, назначеніемъ котораго затрогивались епархіальныя права архіепископа Аланіи.

Сдѣланныя выдержки изъ писемъ патріарха Николая Мистика указываютъ намъ время и обстоятельства, при которыхъ византійское правительство поставлено было въ необходимость принять мѣры къ утвержденію своей власти и вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы патріархъ въ письмѣ къ болгарскому царю не старался придать этой мѣрѣ благовидный предлогъ и не ослабилъ ея дѣйствительное значеніе. Слѣдовательно, выраженіемъ «былъ собранъ отрядъ войска и посланъ въ печенѣжскую землю» подтверждается фактъ, котораго уже нельзя было скрыть, но далеко не оцѣниваются византійскія мѣропріятія, что было несогласно съ назначеніемъ письма. Такъ, въ числѣ этихъ мѣропріятій была и духовная миссія изъ херсонской и аланской архіепископіи, о которой тоже не слѣдъ было заявлять болгарамъ. Дѣятельность восточной церкви, идущей объ руку съ цѣлями свѣтскаго правительства, рисуется въ этихъ письмахъ въ привлекательномъ свѣтѣ. Вообще же изъ разсмотрѣнія писемъ получается выводъ, что въ первой четверти X в. въ сѣверныхъ областяхъ отъ Крыма многообразно сталкивались политическія вліянія болгаръ и грековъ, что сюда направлялись греческіе и болгарскіе эмиссары съ цѣлью вербовать себѣ союзниковъ и что, наконецъ, для Византіи тогда былъ жизненный интересъ прикрыть свои крымскія владѣнія церковными насажденіями и военными колоніями въ хазарской землѣ.

Итакъ, мы имѣемъ извѣстіе Константина Порфиророднаго о построеніи Петроной укрѣпленія Саркель, въ отрывкахъ Газе знакомился частію съ военными операціями, частію съ мѣрами къ утвержденію византійскаго вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря посредствомъ построенія крѣпости неизвѣстнымъ византійскимъ вождемъ, наконецъ, въ письмахъ Н. Мистика видимъ энергическую борьбу изъ за вліянія между болгарами и греками въ первой четверти X вѣка въ областяхъ, населенныхъ печенѣгами и хазарами, при чемъ побѣда оказывается на сторонѣ византійской партіи, нашедшей благовременную помощь въ проповѣднической дѣятельности духовенства. Каждый изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ самъ по себѣ, предъ судомъ критики, обнаруживаетъ болѣе или менѣе важные недостатки, каждый требуетъ пополненій и нуждается въ объясненіяхъ. Хронологія перваго подозрительна, выводы къ хронологіи втораго колеблются на столѣть. Общее въ нихъ только то, что всѣ они относятся къ исторіи сѣвернаго берега Чернаго моря. И между тѣмъ, автору настоящей статьи, сведшему эти источники, необходимо формулировать выводы изъ разсмотрѣнія ихъ, а чтобы эти послѣдніе имѣли научный характеръ, необходимо доказать законность сопоставленія самыхъ источниковъ.

IV.

Выводы изъ разсмотрѣнія источниковъ и общія заключенія.

Если читатель имѣлъ достаточно внимательности къ частнымъ положеніямъ, выведеннымъ въ предъидущихъ главахъ, то онъ согласится со мной по крайней мѣрѣ въ томъ, что есть много соблазнительныхъ точекъ соприкосновенія въ нѣкоторыхъ частяхъ разсмотрѣнныхъ извѣстій. Не говоря уже про общее всѣмъ имъ внутреннее содержаніе, извѣстія соприкасаются между собою въ особенности въ томъ, что каждое имѣетъ въ двухъ другихъ пополненіе какой нибудь недостающей въ немъ подробности, каждое заимствуетъ у другаго какую либо утраченную часть своего состава. Приведенные во взаимную связь, источники даютъ историческую картину, разсматриваемые же порознь, представляютъ собой или мало говорящіе уму эскизы, или просто обрывки какой то и къмъ то составленной живописи. Надѣюсь, что читатель согласится и съ тѣмъ, что ни одинъ источникъ не представляется ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ въ противорѣчій съ

другимъ, или, продолжая сейчасъ сдѣланное сравненіе, отдѣльные эскизы какъ по тону, такъ и по характеру своему не нарушаютъ общей композиціи картины, напротивъ сообщаютъ ей желаемое выраженіе. Всѣ ли обломки извѣстій о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря приняты нами въ соображеніе, этого утверждать не беремъ, памятуя слова стараго византинина, который по мѣрѣ изученія греческихъ писателей приходилъ къ сознанию, что остается еще безграничное количество такихъ, которыхъ онъ не изучалъ¹⁾.

Отрывки Газе, за устраненіемъ изъ нихъ тѣхъ элементовъ, которые привнесены были изслѣдователями, желавшими во что бы то ни стало поставить ихъ въ связь съ походами на югъ древнихъ русскихъ князей, по нашему мнѣнію, могутъ нуждаться въ дополненіяхъ по слѣдующимъ вопросамъ. Относительно перваго отрывка, повѣствующаго объ отступленіи греческаго отряда съ востока на югозападъ и описывающаго слѣдовательно возвращеніе греческаго вождя, по исполненіи возложеннаго на него порученія, мы можемъ ограничиться вопросомъ: представляетъ ли византийская историографія въ періодъ IX и X вѣка какіе нибудь слѣды движенія византийскаго оружія въ области на сѣверъ отъ Чернаго моря? Такъ какъ далѣе византийскій вождь переходилъ Днѣпръ, возвращаясь изъ экспедиціи, то устраняется всякая мысль о томъ, что и эта экспедиція была предпринята въ Крымъ. Слѣдовательно, вопросъ сводится прямо къ движенію въ область на сѣверъ отъ Крыма, какъ о томъ свидѣлствуютъ заключительныя слова: «мы шли по непріятельской землѣ».

По отношенію ко второму отрывку, который долженъ занимать первое мѣсто, можно желать подтвержденія византийской лѣтописью слѣдующаго положенія: не было ли когда попытки у византийскаго правительства, съ цѣлью обезпеченія своей власти на сѣверъ отъ Крыма, построить тамъ крѣпость и основать городъ? Какъ можно видѣть изъ изложенія дѣла во 2 отрывкѣ, греческій вождь экспедиціи вздумалъ построить укрѣпленіе на мѣстѣ прежняго города, разрушеннаго тѣми же самыми варварами во время прежнихъ набѣговъ. Для большей точности слѣдуетъ присоединить, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, выстроенъ съ цѣлью заселить область Климаты, что и византийскій вождь приписываетъ себѣ первому идею построить здѣсь греческое укрѣпленіе (ибо не греческое было и прежде).

¹⁾ *Migne, Patrologia Graeca t. 114, col. 139* (Simon Wagnereckius въ письмѣ къ Льву Аллацію).

Относительно 3 отрывка, вопросъ, подлежащій изслѣдованію на основаніи византійской лѣтописи, сводится къ слѣдующему простому положенію: нѣтъ ли такого извѣстія, которое бы гласило, что греческій военачальникъ, предпринимавшій экспедицію на сѣверъ и построившій тамъ крѣпость, по возвращеніи въ столицу получилъ бы одобреніе за свое дѣло и назначеніе военачальникомъ въ ту область, которая впервые имъ была изучена и важность занятія которой онъ усиѣлъ показать правительству. Относительно наименованія области отрывки сообщаютъ только слѣдующіе термины: «τὰ Κλήματα» и «τῆν τῶν Κλημάτων ἀρχήν».

Но всѣ указанные вопросы сводятся къ одному: была ли когда у византійскаго правительства попытка обезпечить свои крымскія владѣнія отъ вторженія сѣверныхъ варваровъ союзами съ этими варварами и выставленіемъ гарнизоновъ въ областяхъ на сѣверъ отъ Чернаго моря? Дальнѣйшее наше изслѣдованіе въ объясненіе поставленнаго вопроса распадается на двѣ части: во первыхъ, нужно подвергнуть критическому анализу главу 42 De administr. imperio, во 2-хъ, показать, въ какихъ отношеніяхъ стояла Византія къ Крыму и имѣла ли она интересъ заботиться объ обезпеченіи своихъ здѣсь владѣній.

Читатель не долженъ находить для себя неожиданнымъ нашъ переходъ къ строителю Саркела Петронѣ, ибо во всей извѣстной литературѣ это есть единственный случай, которымъ засвидѣтельствованъ фактъ, какого намъ слѣдуетъ искать. Но при первомъ вниманіи обнаруживаются въ сказаніи о Петронѣ такія обстоятельства, которыя слишкомъ трудно примирить съ событіями, изложенными въ отрывкахъ Газе. Правда, хронологическія затрудненія значительно подрываются уже ранѣе приведеннымъ извѣстіемъ о Петронѣ, завѣдывавшемъ устройствомъ загражденій въ Солуни лѣтомъ 904 года. Ибо легко понять, что строитель Саркела при Теофилѣ въ 835—7 году и инженеръ, дѣлавшій подводныя загражденія въ Солуни, едва ли то же самое лицо. По другимъ, хотя и недостаточно опредѣленнымъ ¹⁾, извѣстіямъ, дѣятельность Петроны на другихъ поприщахъ государственной службы падаетъ на X, но не на IX столѣтіе. Итакъ, которыми данными пожертвовать и въ которыхъ предполагать ошибку?

Въ 42 гл. De adm. imperio нужно отдѣлять рядъ географическихъ данныхъ отъ политическихъ. Первые, конечно, составлены на

¹⁾ Имѣемъ въ виду *Constantini*, De administr. imperio p. 204; *Contin. Theophanis*, Roman. Lecar. c. II; *Hamartoli*, p. 822.

основаніи географическихъ данныхъ, источникомъ для нихъ послужило путешествіе, и во всей вѣроятности, путешествіе, сдѣланное въ X вѣкѣ, послѣ того какъ произошелъ угорскій погромъ и началось движеніе печенѣговъ къ Дунаю. Среди этого произведенія X вѣка включены данныя не географическія, относящіяся къ IX в., данныя важнаго политическаго характера. Эти послѣднія могли находиться, конечно, и въ томъ географическомъ сочиненіи, которое послужило источникомъ для 42 главы, но и могли быть вставлены въ эпоху происхожденія всего сочиненія *De adm. imper.* Въ первомъ случаѣ извѣстіе о строеніи Саркела могло быть получено отъ мѣстныхъ жителей, и слѣдовательно, не имѣеть документальнаго характера, во второмъ оно должно быть обязано своимъ происхожденіемъ архивнымъ матеріаламъ, найденнымъ въ Константинополѣ.

Мы склонны думать, что вставка о строеніи Саркела сдѣлана на основаніи данныхъ, хранящихся въ Константинополѣ, но сдѣлана умышленно и искажена. Хазарскій каганъ не могъ просить византійское правительство послать въ его страну военный отрядъ для строенія крѣпости; при извѣстныхъ же отношеніяхъ хазаръ къ грекамъ, отношеніяхъ недовѣрчивыхъ и ревнивыхъ, византійское правительство не могло отправить экспедицію на сѣверъ и приказать построить крѣпость безъ другаго распоряженія—оставить въ этой крѣпости свой гарнизонъ. Такова по крайней мѣрѣ обычная политика Византіи на восточныхъ окраинахъ, гдѣ она приобрѣтала новыя области и города посредствомъ военныхъ колоній.— Во вторыхъ, въ занимающей насъ главѣ есть смѣшеніе двухъ вещей: постройка Саркела и реорганизація по управленію Корсунемъ. Мы считаемъ это недоразумѣніемъ, показывающимъ, что авторъ былъ не особенно сильный знатокъ въ томъ, о чемъ онъ писалъ. Посылка стратига въ Корсунь могла вызываться необходимостью усилить административный элементъ въ Крыму, а равно недовѣріемъ къ херсонскому сенату и городскому головѣ. Построеніе же Саркела вызвало созданіе новой административной должности въ хазарской землѣ и слѣдовательно назначеніе стратига для Саркела или для Климатовъ. Весьма вѣроятно, что въ документѣ, которымъ пользовался авторъ, и было слово Климаты, но онъ принялъ его въ смыслѣ крымскихъ Климатовъ. Теперь, что касается назначенія стратига въ Корсунь, то первое упоминаніе о корсунскомъ стратигѣ имѣется отъ конца IX вѣка, именно подъ 892 годомъ лѣтопись отмѣтила, что

херсоицы убили своего стратига Симеона, сына Іона или Іоанна ¹⁾. Имя царя Θεοφιλα, при которомъ происходили будто бы эти событія, поставлено или по ошибкѣ, или умышленно. Умышленность имѣеть для себя объясненіе въ довольно деликатномъ съ политической точки зрѣнія положеніи дѣла. Византійскій императоръ посылкой экспедиціи на сѣверъ затрогивалъ интересы другихъ политическихъ европейскихъ силъ, которыя не желали допустить грековъ въ нынѣшнюю южную Россію.

Второй вопросъ — имѣла ли Византія политической интересъ стараться утвердить свое вліяніе и далѣе Крыма — требуетъ разсмотрѣнія отношеній Византіи къ ея черноморскимъ владѣніямъ. Насколько вообще скудны наши свѣдѣнія по этому вопросу, и какъ господствующія мнѣнія произвольны и безосновательны, можно это видѣть изъ словъ едва ли не лучшаго у насъ знатока подобныхъ вопросовъ, академика Куника. Онъ говоритъ ²⁾: «До тридцатыхъ годовъ IX столѣтія корсунская область управлялась самостоятельно, съ этого же времени императоры стали присылать воеводу или губернатора (στρατηγός) который былъ однако слишкомъ безсиленъ въ военномъ отношеніи для того, чтобы ему оказывать дѣйствительное вліяніе на внутреннія или внѣшнія дѣла республики. Императоръ Константинъ около 950 г. называетъ правда корсунскую область 12 провинціею (θέμα) имперіи; однако до сихъ поръ не имѣется ни одной надежной данной, которая позволяла бы допустить предположеніе, что императорскій воевода въ Корсунѣ пользовался какимъ либо военнымъ или нравственнымъ вліяніемъ на южномъ берегу Крыма».

Это сказано по меньшей мѣрѣ неосторожно. Вѣрно лишь то, что мало мы знаемъ о дѣятельности представителей свѣтской и духовной власти въ Крыму, а что она оказывала вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла и имѣла особенно военное значеніе, это доказывается тѣмъ, что много было охотниковъ съ III по X столѣтіе завладѣть Крымомъ, но Византія однако не поступилась имъ ни въ чью пользу. А. А. Куникъ въ своей статьѣ о Запискѣ готскаго топарха привелъ литературу о Херсонѣ и о Климатахъ, такъ что мы можемъ не вдаваться здѣсь въ спеціальныя разысканія. Какъ извѣстно, у главнаго нашего руководителя по части занимающихъ насъ вопросовъ — у Константина Порфиророднаго, въ первыхъ главахъ его сочиненія De administr.

¹⁾ Hamartoli, p. 775, разночтеніе читается въ изд. *Миня*.

²⁾ О запискѣ готскаго топарха, 71.

imperio упоминаются—и большею частію рядомъ--Херсонъ и Климаты, какъ мѣстности, которымъ могутъ угрожать печенѣги, хазары и другіе сѣверные варвары. По почину Ф. К. Бруна и академика Куника стали у насъ понимать подъ этими Климатами если не исключительно, то главнѣйше города по южному берегу Крымскаго полуострова, отождествляя иногда Климаты съ «Готіей» и даже представляя населеніе южнаго берега готскимъ народомъ. Мнѣ кажется, что болѣе внимательное наблюденіе за употребленіемъ слова Климаты у Константина должно было бы заставить изслѣдователей выступить изъ пречѣловъ Крымскаго полуострова для опредѣленія точнаго смысла этого термина. Такъ, напримѣръ, во 2 главѣ область политической власти и вліянія Византіи рѣшительно выступаетъ далѣе Крыма.

Изслѣдователи не обратили вниманія до сихъ поръ на то обстоятельство, что предполагаемая вражда аланъ къ хазарамъ препятствуетъ послѣднимъ дѣлать нападенія не только на Херсонъ и Климаты (пусть это будетъ Готія), но еще на Саркель. Въ періодъ происхожденія De administr. imperio дипломатическая заботливость императора обнимала сѣверныя страны отъ Крыма, мало того, Саркель представляется греческимъ городомъ, на который могутъ нападать хазары и который защищенъ враждой аланъ къ хазарамъ. Это въ сущности единственное мѣсто, раскрывающее виды византійской политики на сѣверные берега Чернаго моря, но и оно до сихъ поръ оставалось непонятнымъ. Я иду далѣе, и думаю, что Климаты здѣсь обозначаютъ не *крымскія* владѣнія, а *закрымскія*, именно ту область, гдѣ былъ Саркель ¹⁾.

Саркель несомнѣнно былъ сначала въ хазарской странѣ, укрѣпленіе византійцевъ въ этой области было съ ихъ стороны значительнымъ военнымъ и политическимъ успѣхомъ, приготовившимъ въ свою очередь успѣхи русскому оружію надъ хазарами. Но что всего любопытнѣе по отношенію къ византійской фразеологіи, Климатами именно называетъ Константинъ хазарскія владѣнія, Хазарія раздѣляется у него на IX климатовъ. Ясно, что возникаетъ серьезное сомнѣніе въ правильности пониманія русскими изслѣдователями слова Климаты, когда они относятъ это выраженіе исключительно къ Крыму.

Итакъ, въ X вѣкѣ византійскія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря не ограничивались Крымомъ, а простирались на

¹⁾ De adm. imp. c. II. ἐν τῷ διέρχουσαι πρὸς τὰ τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τῆν Χερσῶνα, и ниже τῆ Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασι, т. е. неупомянутый во 2 случаѣ Саркель подразумѣвается въ выраженіи Климаты.

хазарскія Климаты и утверждались военнымъ положеніемъ въ Саркелѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Византія хорошо понимала свои выгоды въ этихъ странахъ и имѣла интересъ, несмотря на крайнія затрудненія, твердо отстаивать свои права.

Мы частію видѣли выше, какъ пользовалась Византія своимъ вліяніемъ въ сѣверныхъ областяхъ для обращенія хазаръ къ христіанству и для ослабленія враждебныхъ ей политическихъ тенденцій, исходящихъ изъ Болгаріи. Въ заключеніе позволимъ себѣ отмѣтить, что здѣсь могли быть ея торговыя и экономическія выгоды.

Въ главѣ 6 названнаго выше сочиненія Константина перечисляются предметы, которыми херсонцы уплачиваютъ печенѣгамъ за ихъ услуги. Это все предметы восточныхъ мануфактуръ: шелковыя ткани, пряности и т. п.—Въ глухую эпоху IX и X столѣтія можетъ быть здѣсь продолжались еще тѣ торговыя сношенія, которыя въ болѣе раннее время, равно какъ и въ позднѣйшее, со времени утвержденія здѣсь итальянскихъ факторій, дѣлали изъ Босфора и Херсона, Таны и Кафы складочныя мѣста товаровъ, направляемыхъ изъ внутренней Азіи на западъ. Прекрасное изслѣдованіе по этимъ вопросамъ Гейда ¹⁾ для византійской эпохи изучаемаго нами періода не даетъ положительныхъ на этотъ счетъ выводовъ (см. I. p. 11). Но переходя къ характеристикѣ народовъ, населявшихъ южную Россію въ IX и X в., Гейдъ даетъ любопытныя для насъ данныя объ ихъ торговыхъ отношеніяхъ. Хазары (I. 47—48) являются организаторами правильной жизни, они предоставили право свободнаго поселенія въ своей землѣ евреямъ, христіанамъ и мусульманамъ, обезпечивъ имъ свободу вѣроисповѣданія и внутренняго самоуправленія. Вслѣдствіе того арабскіе купцы могли завязать правильныя торговыя сношенія съ прикаспійскими странами и съ столицей хазарскаго царства. Весьма интересно знать, не существовало ли кромѣ большой артеріи, образуемой Волгой, уже въ то время и той питательной вѣтви, которая имѣла большое значеніе въ средніе вѣка и которая шла отъ Волги къ Дону и отсюда къ Черному или Азовскому морю. Такъ какъ западныя владѣнія хазаръ простирались до Дона и Азовскаго моря, то они въ качествѣ посредниковъ между арабскими купцами могли доставлять восточные товары непосредственно въ Константинополь. И въ самомъ дѣлѣ, они поддерживали съ греками частыя сношенія, и можно находить слѣды

¹⁾ *Heyd*, во франц. переводѣ *Histoire du commerce de Levant*, I. II. Leipzig 1885—1886.

торговыхъ связей между ними. Въ X в. греческіе послы рассказывали при дворѣ кордовскаго калифа, что хазарскіе корабли отъ времени до времени привозятъ въ Константинополь рыбу, пушной товаръ и пр., изъ Византіи же вывозили разныя матеріи для платья. — Что касается участія Херсона въ этой торговлѣ съ Средней Азіей, Гейдъ высказывается на этотъ счетъ отрицательно ¹⁾. Но любопытно, что, ссылаясь далѣе на 6 главу Константина, онъ толкуетъ ее въ томъ смыслѣ, что если бы херсонцы получали восточныя товары путемъ каспійскимъ, то имъ не было бы нужды снабжать печенѣговъ этими товарами. Аргументація очень не искусная, ибо херсонцы платили этими товарами проводникамъ, сопровождавшимъ караваны ²⁾, а не передавали печенѣгамъ товары, привозимые другимъ путемъ.

Во всякомъ случаѣ, если торговыя интересы не имѣли важной роли въ стараніяхъ византійскаго правительства держаться во что бы то ни стало въ сѣверныхъ странахъ отъ Крыма, то остается въ полной силѣ политическій интересъ и національный. Для защиты своихъ крымскихъ владѣній и съ цѣлію военнаго и нравственнаго вліянія между варварскими народами, Византія сочла за нужное укрѣпиться на Дону посредствомъ построенія крѣпости въ хазарскихъ владѣніяхъ. Византійская церковь здѣсь пріобрѣла новое поприще для христіанской миссіи, и ея усилія сопровождались важными результатами. При патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ хазарскихъ Климатахъ устроена была епископская кафедра. Завоеванія Святослава въ землѣ хазаръ и ясовъ и касоговъ были первыми пріобрѣтеніями для Руси христіанскихъ земель, въ которыхъ были свои епископии. Въ этомъ и полагаемъ основной выводъ предыдущаго изслѣдованія.

Записка готскаго или греческаго топарха, по нашему мнѣнію, не имѣетъ значенія въ той области историческихъ отношеній, въ которой полагали ея важность. Она, повидимому, теряетъ характеръ таинственной привлекательности, которая привывала къ ней вниманіе, хотя замѣнитъ того даетъ прекрасную страничку для культурной исторіи Византіи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря.

Въ заключеніе нѣсколько словъ къ хронологіи.

Въ первомъ отрывкѣ, изданномъ Газе, есть одно любопытное мѣсто, котораго мы не касались въ нашемъ изслѣдованіи. Это очень

¹⁾ *Heyd*, I. p. 48. La chose est douteuse, et le degré peu avancé de la civilisation des Petchénègues n'est pas le seul motif de notre doute.

²⁾ Сравните 1, 53, гдѣ Херсону приписывается участіе въ торговлѣ съ востокомъ.

тонкое астрономическое наблюдение, говоримъ тонкое, потому что его могъ сдѣлать далеко не всякій. Когда авторъ отрывковъ, по переходѣ черезъ Днѣпръ, покрывшійся льдомъ, дѣлаетъ наблюдение о *прохожденіи Сатурна въ созвѣздіи Водолея* и при томъ опредѣляетъ начальную фазу прохожденія, то ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ наблюдениемъ довольно опытнаго въ астрономіи человѣка: обыкновенный наблюдатель не замѣтилъ бы этой тонкости, тѣмъ болѣе, что Сатурнъ проходитъ чрезъ созвѣздіе Водолея въ значительные промежутки времени. Этимъ указаніемъ отрывковъ воспользовался В. Г. Васильевскій, сдѣлавъ изъ него слѣдующіе выводы.

«Такъ какъ Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ періодъ 29 лѣтъ и 174 дней и слѣдовательно въ одномъ и томъ же созвѣздіи видимъ бываетъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ то мы будемъ имѣть только два или три такіе періода (для второй половины X и начала XI в.), которые могутъ быть приняты въ расчетъ». — Такимъ образомъ, профессоръ Васильевскій указываетъ два періода изъ конца X вѣка, въ которые Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея: 964—967 и 993—996 годы. Сближая описываемые въ отрывкахъ факты съ временемъ похода Святослава въ Болгарію, онъ естественно долженъ былъ отдать предпочтеніе первому періоду, то есть отнести отмѣченное въ отрывкахъ положеніе Сатурна въ знакѣ Водолея къ 964—967 годамъ. Но читатель легко можетъ видѣть, что такимъ путемъ пріобрѣтается лишь приблизительная дата, которая на протяженіи X вѣка можетъ измѣниться четыре раза, сообразно съ тѣмъ, къ началу или къ концу этого вѣка повлекутъ изслѣдователя другія данныя и соображенія, принятія имъ во вниманіе при изученіи отрывковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ X вѣкѣ Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ въ знакѣ Водолея въ 904, 933, 964 и 993 годахъ, и при томъ каждый разъ два года съ половиною. Которому изъ этихъ періодовъ дать предпочтеніе, это зависитъ, во 1-хъ, отъ времени дѣятельности Петроны, во 2-хъ отъ тѣхъ указаній, которыя нами найдены въ письмахъ Н. Мистика. Что касается перваго, то неподлежащія сомнѣнію извѣстія Іоанна Камениаты даютъ для протоспафарія Петроны весьма опредѣленную дату (904 г.), что касается втораго, то византійскіе и болгарскіе интересы могли столкнуться на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ первой четверти X вѣка. Такимъ образомъ, естественно, для описываемыхъ въ отрывкахъ событій мы удерживаемъ дату перваго періода прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ X в. Здѣсь умѣстно сдѣлать одно

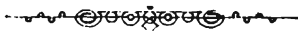
детальное замѣчаніе. Въ 42 гл. Константина указано, что стропителемъ Саркела былъ спаарокандидатъ Петрона, возведенный въ высшій чинъ протоспаарія послѣ исполненія возложеннаго на него порученія.

Въ исторіи І. Каменіаты прибывшій лѣтомъ 904 года въ Солунь инженеръ Петрона названъ въ чинѣ протоспаарія. Такимъ образомъ, еслибы оказалось, что въ глубокую осень или въ началѣ зимы 903 года Сатурнъ уже *началъ* свой путь черезъ созвѣздіе Водолея, то мы получили бы въ этомъ довольно точныя основанія для приуроченія занимающихъ насъ событій къ концу 903 или началу 904 года.

Съ цѣлью обосновать свои положенія съ точки зрѣнія астрономіи, мы обратились къ спеціальнымъ свѣдѣніямъ въ этой области почтеннаго товарища нашего по университету профессора А. К. Кононовича, который съ любезною готовностью вычислилъ первый періодъ прохожденія Сатурна въ созвѣздіи Водолея въ началѣ X вѣка. По этимъ вычисленіямъ оказывается, что *въ концѣ 903 года Сатурнъ уже могъ быть наблюдаемъ въ созвѣздіи Водолея*, въ которомъ онъ оставался въ 904 и 905 годахъ.

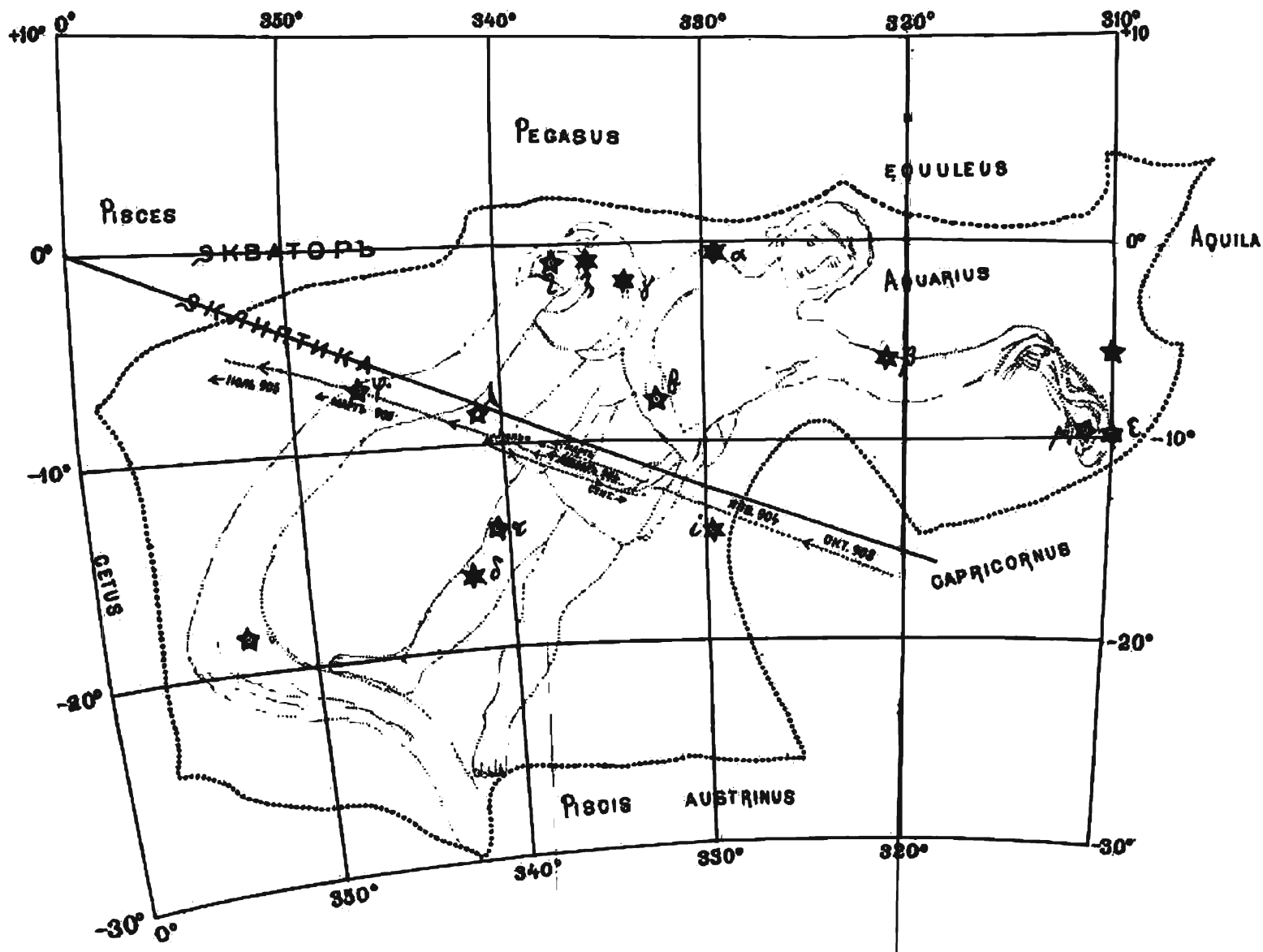
Для наглядности присоединяемъ рисунокъ, изображающій путь Сатурна въ означенномъ созвѣздіи.

В. Успенскій.

Положеніє Сатурна между звѣздами (въ созвѣдїи Водолея) въ 903—905 годахъ.

Орнимокъ съ атласа Heiss'a—Atlas coelestis novus. Tabula XII.

★ — звѣзда 3-й величины

★ — звѣзда 4-й величины

----- граница созвѣдїа Водолея

-----> путь и направленіє движенїа Сатурна между звѣздами

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

Третій класъ.

Въ жизни почти каждаго изъ насъ въ молодости приходитъ пора, когда умъ нашъ внезапно пробуждается, когда потокъ нашей внутренней жизни измѣняетъ свое русло и мы вступаемъ въ новый фазисъ жизни.

Линъ-Литтонъ.

Человѣку свойственно искать причины своихъ житейскихъ неудачъ внѣ себя, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ самъ онъ кругомъ виноватъ. Мы всегда готовы, подтасовавъ факты, подыскать тысячу смягчающихъ вину обстоятельствъ, чтобы оправдать свой проступокъ, свою лѣнь, заглушая въ себѣ немолчный голосъ собственной совѣсти. Желаніе увернуться отъ этого неумытнаго судіи до того сильно, что если мы вокругъ себя не находимъ такъ называемыхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя помогли бы намъ софистически опровергнуть безпощадную логику фактовъ, мы переносимся въ область отвлеченностей, дѣлаемся фаталистами: „такое мое счастье! такая моя судьба! такъ мнѣ на роду написано!“ твердимъ мы обыкновенно въ свое оправданіе.

Но „судьба, счастье, обстоятельства, говорить испанскій сатирикъ Ларра, слова, лишеныя смысла, которыми мы пользуемся, чтобы свалить на не существующія причины отвѣтственность за свои неудачи“. Я далекъ отъ той мысли, чтобы вовсе не допускать въ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г.. № 4, апрѣль.

жизни человѣка различныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ иногда зависитъ такой или иной исходъ нашихъ желаній и предположеній, такое или иное положеніе въ обществѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ уступаетъ силѣ этихъ обстоятельствъ не иначе, какъ послѣ долгой борьбы. Я всегда готовъ преклониться предъ неодолимымъ „закономъ необходимости“, котораго никто не въ силахъ избѣгнуть и предъ которымъ, по сказанію греческихъ поэтовъ, преклонялись и всемогущіе боги. Тутъ не поможетъ ни сильная воля, ни желѣзное терпѣніе—и самая сильная человѣческая воля имѣетъ свои границы. Но дѣло въ томъ, что, благодаря нашему неразумному воспитанію, мы не вырабатываемъ въ себѣ характера, не приобретаемъ той упругости, той устойчивости и выносливости, при столкновеніи съ житейскими неудачами, которыми отличаются другія націи и безъ которыхъ человѣкъ становится ничтожнѣйшимъ существомъ, жалкимъ трусомъ, готовымъ бѣжать съ поля битвы, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами. Въ правѣ ли такой человѣкъ жаловаться на судьбу свою?

Между тѣмъ всѣ наши, такъ называемые, неудачники, какъ не получившіе перевода школьники, вѣчно проклинаютъ свою судьбу или сваливаютъ вину своихъ неудачъ на разныя препятствія, не испробовавъ своихъ силъ въ борьбѣ съ этими препятствіями. Собственную глупость и нерадѣніе они превращаютъ въ обстоятельства, яко бы приведшія ихъ къ тому, что они есть.

Правда, въ нашей русской жизни такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ встрѣчается болѣе, чѣмъ глѣ нибудь: несостоятельность нашего научнаго образованія и происходящая отъ того наша умственная немощь и шаткость убѣжденій, непрочность подгнившихъ уже основъ общественной жизни, лишаящая многихъ полезныхъ дѣятелей твердой почвы, дикость семейныхъ нравовъ, безнравственность и сословные предразсудки однихъ, темнота и закоренѣлое суевѣріе другихъ: вотъ та среда, въ которой растетъ и формируется будущій гражданинъ земли русской! Но все таки препятствій этихъ не слѣдуетъ считать непреодолимыми. По крайней мѣрѣ, долгъ каждого честнаго человѣка стремиться къ тому, чтобы ихъ у насъ было меньше, иначе немислимъ никакой прогрессъ общества.

Переносясь мыслію въ свое прошлое и перебирая въ памяти тѣ безчисленныя затрудненія, какія встрѣтились мнѣ при самомъ началѣ училищной карьеры, я, не безъ чувства нѣкоторой гордости, могу сказать, что у меня на жизненномъ пути такихъ препятствій было больше, чѣмъ у многихъ изъ моихъ сверстниковъ. Я сталъ бороться съ ними съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія— съ поступленія въ училище. Отъ первѣйшаго до послѣдняго класса, при всей неудовлетворительности тогдашняго преподаванія, опиравагося на одно чисто механическое заучиванье, я не зналъ никакого репетитора, и всеѣмъ, что зналъ и что успѣлъ уже перезабывать, обязанъ самому себѣ. Но объ этомъ поговоримъ впоследствии, а пока и хвалиться то нечѣмъ: въ семь лѣтъ едва долѣзъ до третьяго класса, а все таки долѣзъ и не бросилъ ученія, подобно другимъ, хотя корень этого ученія былъ горекъ до отвращенія.

Еще до каникулъ, по полученіи отъ меня билета, отецъ началъ хлопотать о моемъ увольненіи отъ общества мѣщанъ. Препятствій къ тому не должно бы, казалось, встрѣтиться: во первыхъ, я былъ единственный у родителей сынъ и, слѣдовательно, рекрутской повинности на нашей семьѣ не лежало; во вторыхъ, отецъ мой, а еще болѣе дѣдъ, сослужили немалую службу самому обществу, проходя разныя общественныя должности. Дѣдъ мой, Алексѣй Ивановичъ, втеченіе своей столѣтней жизни, по нѣсколько трехлѣтій сряду, безвозмездно служилъ по выборамъ и ратманомъ, и бургомистромъ, и засѣдателемъ совѣстнаго суда, и засѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія (пять трехлѣтій) и не разъ исполнялъ обязанности городского головы, никогда не отказываясь отъ служенія на пользу общества, въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ. Цѣны такія заслуги высокочтимаго старца, нѣкоторые изъ порядочныхъ обывателей еще прежде сами предлагали отцу свои услуги по дѣлу моего увольненія, чтобы чѣмъ нибудь вознаградить его за понесенныя имъ труды; но, такъ называемые, цеховые — шевцы, кравцы и шаповалы подняли гвалтъ.

— На що намъ тые наны? ихъ и такъ до чорта! Пovyпускаемъ усихъ, а сами будемъ подушное платить. Не треба намъ сѣго—мы не согласны.

Такъ орали на сходкѣ „братчики“, размахивая своими мозолистыми руками. Никакіе резоны противной стороны, болѣе интеллигентныхъ мѣщанъ торговаго сословія, на нихъ не дѣйствовали— не согласны да и шабашъ! Но когда отецъ предложилъ имъ магарычъ, они стали податливыѣ. Увольнительное свидѣтельство подписано и угощеніемъ цеховые остались довольны.

Осенью 1834 года я испыталъ первую въ жизни, но весьма чувствительную потерю: мой пестунъ, ангель-хранитель моего дѣтства, дидусъ, скончался на сотсмъ году своей жизни. Сохранивъ до послѣднихъ дней присутствіе всѣхъ умственныхъ способностей, онъ умеръ, какъ жилъ— тихою смертію праведника: побесѣдовавъ съ дѣтьми и перекрестивъ, по своему обыкновенію, на сонъ грядущихъ внучатъ— меня и двухъ сестеръ моихъ, онъ заснулъ на вѣки. Миръ праху твоему, добрый дидусъ!

Кончина дѣда повлекла за собой неисчислимыя бѣдствія, обрушившіяся на наше семейство. Хотя онъ давно уже не принималъ никакого участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ нашихъ, но въ домѣ все еще чувствовалось присутствіе великой нравственной силы, сдерживавшей порочныя инстинкты молодого хозяина, загубившаго свою жизнь, оставивъ такъ хорошо начатое ученіе и поправъ въ грубую среду, какъ гнилое болото засосавшее человѣка, которому директоръ Халанскій и наставники Левицкій и Капля пророчили блестящую карьеру. Сидя на своей лежанкѣ, этотъ слѣпой и немощный старецъ не переставалъ быть главою дома, живымъ укоромъ всякаго безобразія. Зналъ онъ, что съ каждымъ годомъ достатки наши все уменьшаются: то нивку возьмутъ за долги, то сѣнокосъ отнимутъ. Торговля же не только не давала средствъ къ существованію, но истощала послѣднее достояніе. Товаръ покупался въ долгъ, а выручка со всѣми барышами шла не на уплату кредиторамъ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Все, что было въ домѣ по цѣниѣ, находилось въ залогѣ. Многое, конечно, тщательно скрывалось отъ него, но онъ все зналъ и предвидѣлъ печальную будущность семьи.

По смерти дѣда, предъ нами раскрылась бездна ужасающей нищеты. Тяжело, невыносимо тяжело переживать даже въ воспомнаніяхъ эти годы.

Ne ssun maggior dolore
 Che ricordarsi del tempo felice
 Nella miseria.

сказаль устами Франчески великій страдалецъ Данте, но не легко воспроизводить въ душѣ и прошлое горе въ счастливую пору жизни. Съ переходомъ въ 3-й классъ я очутился въ страшной крайности: ни одежи, ни книгъ, ни спокойнаго угла въ домѣ. Поставленный въ такія условія, я кромѣ того чувствовалъ совершенную несостоятельность въ усвоеніи положенныхъ по программѣ предметовъ, благодаря безтолковому распредѣленію учениковъ по классамъ и потому бился, бился какъ рыба объ ледъ, да и бросилъ учиться вовсе. А тутъ, какъ нарочно, подвернулись два двоюродные братца, уже успѣвшіе уволиться изъ гимназіи, и стали меня подговаривать послѣдовать ихъ примѣру. Въ то же время одинъ богатый купецъ, съ видомъ покровительства, предложилъ мнѣ мѣсто прикащика въ своей лавкѣ. Ученію моему грозила серьезная опасность. Я пересталъ было ходить въ гимназію, шлился по цѣлымъ днямъ то въ полковническомъ гаю, то въ подмонастырской слободкѣ, въ сообществѣ тѣхъ же шалопаявъ-искусителей, которые кормили меня пряниками и леденцами, купленными на украденныя у родителей деньги.

Взялся было за мое исправленіе инспекторъ, товарищ моего отца по гимназіи, но не сумѣлъ толково повесть дѣло, обращался со мной грубо и презрительно, все больше наирая на мое происхожденіе и забывая о своемъ собственномъ. Самолюбіе мое было уязвлено и я сталъ поступать наперекоръ своему непрощенному благодѣтелю. Во второй половинѣ учебнаго года меня перевели назадъ—во второй классъ. Просидѣвъ тамъ около мѣсяца, я еще больше отсталъ отъ уроковъ и окончателно оцѣпился.

Матвѣй Албертовичъ почти полгода возился съ двумя „курьерами“, изъ которыхъ одинъ выѣхалъ изъ Одессы, а другой изъ Петербурга. Гдѣ жъ мнѣ было достигать ихъ, когда я не зналъ ни белмеса изъ пройденнаго на курьерскихъ во второмъ классѣ?

— Имѣй събѣ выраженіе на уражнѣннѣ: $a + b = c$, а другое събѣ такое!—задавалъ учитель задачи для домашнихъ работъ. А мнѣ рѣшительно негдѣ было заняться ихъ рѣшеніемъ.

И вотъ, окончился годъ. Мнѣ дали отвратительный билетъ, который я, идучи домой, изорвалъ зубами на самые мелкіе куски, даже съѣлъ клочекъ бумаги. Мнѣ стукнуло 15 лѣтъ. Улучивъ добрую минуту, я сталъ просить отца объ увольненіи меня изъ гимназій; но ременный шитиѣкъ (пасъ), свернутый вдвое, отбилъ у меня охоту мечтать о глупой свободѣ. Я совершенно растерялся, упалъ духомъ и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не одинъ счастливый случай, который сообщилъ мнѣ толчокъ и направилъ на путь истинный.

Однажды, шатаясь по городу, противъ церкви Воскресенія я встрѣтился съ дальнимъ родственникомъ Романомъ Титовичемъ Сазоновымъ. Это былъ замѣчательно умный человекъ, хотя по наружности и казался простоватымъ. У него былъ младшій братъ Трофимъ, самоучка-архитекторъ, бравшій большіе подряды на постройку церквей, заводовъ и другихъ капитальныхъ зданій. Братья жили вмѣстѣ съ матерью въ большомъ каменномъ домѣ, вели тысячныя дѣла съ большими экономіями нѣсколькихъ уѣздовъ, ѣли и пили хорошо, хотя ихъ и считали въ городѣ скупцами. При всеобщей распущенности нравовъ, они не могли не казаться такими нашему купечеству, которое умѣло лишь проживать нажитое отцами добро; между тѣмъ какъ эти два брата, получивъ отъ отца ограниченное состояніе, собственными трудами нажили себѣ значительные капиталы и потому дорожили прибрѣтеннымъ, живя особнякомъ отъ городскихъ самодуровъ и поддерживая знакомство только съ управляющими богатыхъ имѣній, съ которыми у нихъ были дѣла по подрядамъ и поставкамъ на фабрики и заводы.

Съ однимъ то изъ этихъ дѣльныхъ людей я встрѣтился. Хорошо знакомый съ нашими семейными обстоятельствами и узнавъ отъ матери о томъ, что я не желаю продолжать ученія, Романъ Титовичъ взялся поучить меня уму разуму, и такъ ласково, такъ убѣдительно сталъ говорить со мной, что моя природная застѣнчивость и „вовковатость“ на сей разъ совершенно ступевались. Съ полною откровенностію рассказалъ я ему все, что тяжелымъ камнемъ лежало у меня на душѣ. Выслушавъ мою сердечную исповѣдь, Романъ Титовичъ началъ уговаривать меня и ободрять; живо нарисовалъ онъ мнѣ мою печальную будущность, если я не опомнюсь и

не сдѣлаюсь инымъ человѣкомъ; увѣрилъ меня въ томъ, что все можно еще поправить, а главное, навелъ меня на ту неподобную мысль, что человѣкъ въ самомъ себѣ долженъ искать помощи, надѣяться только на свои силы, на свой трудъ; что единственный путь къ благополучію—ученіе, что наконецъ на мнѣ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежитъ святая обязанность помочь митери и сестрамъ, что погубивъ себя, я сдѣлаюсь причиной гибели всей семьи. Однимъ словомъ, достойнѣйшій Романъ Титовичъ говорилъ со мною такъ, какъ только умѣетъ говорить добрый и умный человѣкъ, убѣжденный собственнымъ опытомъ, что значитъ добрая воля, трудъ, терпѣніе, характеръ, предъ которыми преклоняются самыя непреодолимыя, повидимому, препятствія. Напивъ чаемъ, онъ отпустилъ меня уже въ сумерки.

Послѣ такой бесѣды, меня озарило свѣтомъ. Я впервые созналъ себя, впервые замѣтилъ передъ собой ту страшную бездну, куда влекла меня какая то темная сила; я стоялъ на краю этой пропасти, готовый упасть въ нее, увлекая за собой и страстно мною любимыхъ мать и сестеръ—и я отшатнулся отъ нея мгновенно. Не смотря на позднее время, я не пошелъ домой, а взобрался на Замокъ и тамъ, на просторѣ, далъ волю слезамъ, горько сожальѣя объ утраченныхъ годахъ. „Да, размышлялъ я, сходя съ горы, нечего плакать и причитать подобно старой бабѣ: что прошло, того не воротить, не вернусь же и я къ своему прошлому“!

Мнѣ очень дурно спалось въ эту ночь. Тревожная работа пробужденной мысли отгоняла отъ очей безпечный сонъ моего недумящаго дѣтства. Въ эту памятную ночь я сталъ цѣлыми пятью годами старше своего возраста. Стало свѣтать. Прежде всѣхъ проснулся въ домѣ мой любимецъ шпакъ, привѣтствуя меня громкимъ крикомъ „дурракъ!“ Самъ я послѣ долгихъ усилій и научилъ его произносить это слово, которое на сей разъ я почему то принялъ на свой счетъ. Потомъ какъ то ядовито-насмѣшливо засвистѣлъ другой мой пенакъ—снегирь и его пѣсня тоже мнѣ не понравилась. Лежа въ постели, я сталъ разглядывать все, что было въ комнатѣ, и во всемъ, что ни попадалось на глаза, находилъ какой то особенный смыслъ. Въ висѣвшихъ по стѣнамъ картинахъ, далеко не художественнаго стиля, къ которымъ такъ приглядѣлись глаза,

что на нихъ никто не обращалъ вниманія, я сталъ замѣчать нѣчто знаменательное.

Одна изъ литографій представляла женщину съ малюткой на колѣняхъ; она поить дитя изъ блюдечка молокомъ, а внизу подпись: „жизнь человѣческая“. Какая нелѣпость! Неужели, думалъ я, въ этомъ процессѣ питанія состоитъ въ самомъ дѣлѣ жизнь человѣческая? Ужели матери и отцы обязаны всю жизнь поить и кормить своихъ дѣтей? Ужели человѣкъ имѣетъ право во всю жизнь рассчитывать на чужую помощь? Ложь! Это унижаетъ человѣческое достоинство.

Другая картина, или, вѣрнѣе, цѣлая исторія въ картинахъ, съ французскими подписями внизу, изображала евангельскую притчу о блудномъ сынѣ. Страшно поразилъ меня этотъ погибшій юноша, пасущій свиное стадо и питающійся „отъ рожець“. Тутъ припомнились мнѣ отповекія правоученія, оканчивавшіяся всегда зловѣщимъ предсказаніемъ: „будешь свиной пасти, коли не станешь учиться!“ Нѣтъ же, подумалъ я, не сбудется это ужасное пророчество!

Вотъ и еще картина: Ной, благословляющій дѣтей. Почернѣвшій, какъ надо полагать, отъ родительскаго проклятія Хамъ стоитъ поодаль, убитый, отверженный, а два почтительные и благоправные сына, стоя на колѣняхъ, благоговѣнно принимаютъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Отъ губъ Ноя до ушей дѣтей его какъ бы излетаютъ красныя слова: „Блѣнѣ Гдѣ Бгѣ Снмскѣ и Афѣтскѣ и да бѣдетъ Ханаанъ отрокъ ракъ имѣ!“

Вотъ и бѣдная палатинская принцесса Женеваева въ лѣсу, вся нагая, цѣломудренно прикрытая только длинными волосами и заставляющая сострадательную лань кормить ея ребенка. Все это наводило на размышленіе и поселяло въ душѣ увѣренность въ своихъ силахъ, рѣшимость на борьбу съ лишеніями и горемъ.

Вотъ и еще картина: молодой юноша, почти дитя, держитъ за хохоль огромной величины голову, съ висящими до земли усами—это художественное произведеніе,—написанное, какъ и Ной, масляными красками маляромъ Коноховымъ,—отличалось не менѣе художественной надписью:

Гордился Голяѡъ своею величиною;

Но палъ мертвъ, безчувственъ подъ малою рукою.

Того, котораго народъ страшился вида,
Трепещеть днесъ глава въ рукахъ Давида!

Это, само по себѣ безграмотное, четверостишіе въ просвѣтленномъ умѣ моемъ возымѣло глубокой смыслъ; значить, размышлялъ я: не физическая сила даетъ человѣку превосходство передъ другими, а великая сила нравственная—сила духа, сила разума, обогащеннаго наукой, знаніемъ, талантомъ; что все наши Голяфы—Сидоровичи, Шедьки, Александровы, Борцовы, похваляющіеся крѣпостію своихъ мышцъ, способны лишь разбивать носы, ворочать камни и работать десятифунтовымъ молотомъ, да и тутъ одною физическою силою ничего не подѣлаешь.

Капикеры близились къ концу. Нечего долго думать, пора приниматься за дѣло. Пересмотрѣвъ все свои книги и тетради, я нашелъ, что у меня многого недостаетъ. Просить у матери денегъ на покупку учебниковъ у меня не хватило смѣлости. Я отправился искать по городу такихъ учениковъ, у которыхъ были все нужныя книги и записки, выпросилъ на время все, что мнѣ было нужно, и засѣлъ переписывать, чтобы было изъ чего учить уроки, какъ только начнется ученіе. Сидѣлъ я за этой работой двѣ недѣли, не разгибая спины; раньше всѣхъ вставалъ, позже всѣхъ ложился въ постель. Заходили за мной милые братцы, отправляясь куда то за городъ бить баклуши, но я отказался на отрѣзъ и просилъ оставить меня въ покоѣ и идти своей дорогой, а я пойду своей. Смотрятъ на меня домашніе—и глазамъ не вѣрятъ: что за превращеніе такое случилось съ хлопцемъ?

Началось ученіе. Въ классѣ я нашелъ нѣсколько незнакомыхъ личностей, частію переведенныхъ изъ втораго класса, частію поступившихъ изъ домашняго воспитанія и изъ уѣздныхъ училищъ другихъ ближайшихъ городовъ. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе мое привлекли: Яша Гребенниковъ, Миша Горлиловъ, уроженцы г. Мглина, Зибаровъ, Дворецкій, а также миловидный мальчикъ лѣтъ 12—Костя Ушинскій. Съ ними то я и старался сблизиться. Осталось отъ прошлаго года довольно и большихъ болвановъ, лѣтъ подъ 20, но я отъ нихъ сторонился подальше.

Направленіе и духъ школы, сравнительно съ прежними годами, значительно измѣнились, но увы! едва ли къ лучшему. Клас-

сная дисциплина, благодаря вліянню нѣсколькихъ молодыхъ преподавателей, дѣйствительно улучшилась, за то въ стѣнѣ заведенія, по нѣкоторымъ квартирамъ, совершались великія безобразія. Особенно дурною репутаціей пользовались квартиры воскресенскаго діакона Фотіева, Хлопотыхи и Парфиля Мулюхи: это были шумные притоны разврата и пьянства; тамъ жили самые отчаянныя повѣсы. Образовалась цѣлая шайка бандитовъ, разбойничавшихъ по ночамъ въ отдаленныхъ захолустьяхъ города. Одно изъ похиженій въ подмонастырскую слободку окончилось даже убійствомъ: гимназисты, подъ предводительствомъ Данила Борщова, вступили въ рукопашную съ другой шайкой, предводимой уличными буянами, братьями Вязовиками, незаконными дѣтьми мѣстнаго гомеопата. Свалка кончилась тѣмъ, что ученикъ Капчинскій черезъ два дня отдалъ Богу душу. Инспекторъ нашъ, надобно отдать ему справедливость, былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Онъ непрерывно шнырялъ по квартирамъ и энергически преслѣдовалъ всякіе дебоши. О какомъ бы то ни было нравственномъ вліянніи не могло быть и рѣчи: ученики преклонялись только предъ физической силой и просто боялись попасться подъ тяжелую десницу Герасима Ивановича, который расправлялся всегда собственноручно на мѣстѣ преступленія. Ходилъ онъ ночью по городу одинъ, подслушивалъ подъ окнами, являлся совершенно неожиданно, въ самый разгаръ пирушки, да тутъ и чинилъ судъ и расправу своею суковатою палкой. Такъ, однажды зимой, во время сильной метели, въ отдаленной части города собралась большая компанія праздновать именины товарища. Никто, конечно, не ожидалъ въ такую непогодъ незваннаго гостя. Между тѣмъ инспекторъ, какъ снѣгъ на голову. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ въ ставню постучался одинъ изъ запоздавшихъ гостей, герой ночныхъ оргій Петръ Борщовъ.

— Хозяинъ дома? вопрошаетъ онъ басомъ. Инспекторъ велитъ хозяину отвѣчать: дома; а самъ прячется за двери и ждетъ дорогаго гостя.

— А водка есть? продолжаетъ Борщовъ. — Есть! отвѣчаетъ хозяинъ. — Ну, ладно!

Едва Борщовъ успѣлъ переступить порогъ, какъ Герасимъ Ивановичъ хватъ его за чуба—и пошла ходить по спинѣ суковатая палка.

Герасимъ Ивановичъ былъ человѣкъ не только всевѣдущій, но и всевидящій. Недаромъ у дѣтей первыхъ двухъ классовъ вкоренилось убѣжденіе, что онъ видитъ позади себя такъ же хорошо, какъ и передъ собой, что у него, поэтому, непременно гдѣ то въ затылкѣ скрыто засѣлъ глазъ, такъ какъ мальчуганъ, идучи позади его, попробовалъ сдѣлать ему гримасу и что жъ? пойманъ на мѣстѣ преступленія и прѣбольно высѣченъ.

Въ то самое время, какъ нашъ неутомимый инспекторъ такъ дѣятельно подвизался на пользу молодаго поколѣнія, г. директоръ, сидя у себя въ Турановкѣ, восторгался красотами классическихъ произведеній. Герасимъ Ивановичъ, будучи ему многимъ обязанъ, принявъ въ свое полное распоряженіе гимназію, дорожа довѣріемъ своего благодѣтеля, многое старался скрыть отъ него, чтобы докучливыми докладами не возмущать олимпійскаго спокойствія любимца музъ. Пріѣдетъ въ гимназію, соберетъ въ залу учениковъ, скажетъ имъ длинную орацію, да опять надолго исчезнетъ. Онъ сердился, даже заставя въ классѣ стоящаго на колѣнахъ ученика, его возмущало и такое ничтожное наказаніе, какъ же послѣ этого докладывать ему хоть бы, напр., о расправѣ съ Борщовымъ на именинахъ?

Разъ, впрочемъ, инспекторъ, выбившись изъ силъ отъ нескончаемой возни съ негодяями, представилъ ученика Трипольскаго къ исключенію, какъ совершенно неисправимаго и вреднаго для заведенія субъекта. Директоръ пріѣхалъ въ гимназію и тотчасъ велѣлъ собрать въ залу всѣ классы; сказалъ трогательную рѣчь объ испорченности молодаго поколѣнія, привелъ цитаты изъ Саллюстія и Тацита; наконецъ вызвалъ на средину Трипольскаго и голосомъ, полнымъ негодованія, сопровождая слова выразительными жѣстами, сказалъ:

— Иди отъ насъ! не оскверняй своимъ дыханіемъ святилище науки и доброй нравственности!

У порога стоялъ Парамонъ съ грязною метлою, которою и выметонъ за гимназическія ворота негодный соръ.

По поводу этого событія, мнѣ передали старшіе воспитанники гимназія, что въ 1828 году между учениками уѣзднаго училища былъ открытъ „заговоръ“, состоявшій въ томъ, что кто то изъ

аборигеновъ привезъ изъ дому брошюру „Донесеніе слѣдственной коммиссіи“, наряженной въ 1825 году надъ декабристами. Директоръ этой простой случайности придалъ чрезвычайно важное значеніе. Въ подражаніе Цицерону, изобличившему Катилину, онъ началъ свою рѣчь ex abrupto, обратившись прямо къ личности „преступника“. Осужденный стоялъ у порога залы, рядомъ съ хромоногимъ Парамономъ, вооруженнымъ на сей разъ не метлой, а дубиной, съ которой и проводилъ онъ „заговорщика“ до самыхъ воротъ: тамъ стояла готовая почтовая тройка, умчавшая юнаго Катилину къ родителямъ въ деревню гоняться съ борзыми за лисицами.

Нашъ третій классъ помѣщался въ прежней гимназической залѣ. Во всю длину ея подъ окнами стояли скамьи по двѣ въ рядъ. Учитель сидѣлъ въ одномъ концѣ залы, подъ портретомъ кн. Репнина, а нѣкоторымъ ученикамъ приходилось сидѣть въ другомъ; очевидно, они ничего не могли слышать изъ учительскихъ объясненій. Да они нисколько и не интересовались ими. Тутъ обыкновенно помѣщались самые отиѣтые лѣнтяи, на которыхъ никто не обращалъ вниманія, лишь бы они не мѣшали заниматься другимъ, сидѣвшимъ ближе къ учителю. Стало быть, обѣ стороны, и учитель и ученики, были совершенно довольны другъ другомъ; ученики не мѣшали учителю задавать и спрашивать, а учитель не мѣшалъ имъ заниматься своими дѣлами, совершенно посторонними: одинъ вырѣзывалъ изъ березоваго нароста трубку или собачку, другой, не обладая кустарнымъ производствомъ, просто долбилъ ножикомъ скамью; третій, положивъ свою думную головушку на скамью, спалъ—это будущій помѣщикъ; нѣкоторые играли въ карты или въ скубки—будущіе господа офицеры.

Для того, чтобы попасть въ сборную учительскую комнату, гдѣ помѣщалась и библіотека, нужно было пройти черезъ нашъ классъ и каждый разъ, въ знакъ особаго уваженія къ гг. учителямъ, мы обязаны были привставать съ мѣста, что чрезвычайно мѣшало занятіямъ. При входѣ и выходѣ нѣкоторыхъ наставниковъ, напр., Шаты, или француза Тереха, весь классъ, какъ одинъ человекъ, вскакивалъ—и начиналось продолжительное шарканье и топанье ногами, что приводило всегда въ смущеніе этихъ достойныхъ педагоговъ. Такое, отчасти лошадиное выраженіе восторга, нашъ „миниа-

тюрный художникъ“ долго принималъ за чистую монету, сія довольствомъ, пока кто то не надомилъ его, что мы просто издѣваемся надъ его рыжей особой. Обозвавши всѣхъ насъ „безовѣстными“, онъ нажаловался инспектору, который и прекратилъ наши неумѣстныя выходки.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ какъ относительно неудобствъ класснаго помѣщенія, такъ и со стороны моей домашней обстановки, я, однако жъ, успѣлъ сдѣлать довольно. Какъ вновь пройденное, такъ и непройденное вовсе во второмъ классѣ къ концу года я зналъ основательно, а главное безъ всякой посторонней помощи. При переходѣ въ слѣдующій классъ, я получилъ № 1-й—Ура! *Labog omnia vincit*¹⁾).

И какъ пріятно было отдохнуть послѣ годовыхъ трудовъ! Какъ радостно привѣтствовали меня давно невиданныя мѣста, живописно разбросанныя въ окрестностяхъ города! Казалось мнѣ, что сама природа радовалась моему возрожденію. Въ домѣ я получилъ право гражданства; никто меня не спрашивалъ, куда иду и зачѣмъ? Я по цѣлымъ днямъ исчезалъ на лугу, посвятивъ свои досуги двойному удовольствію: уженью и охотѣ. Это для меня было высшею наградой „за благопріевіе и прилежаніе“.

„Спокойствіе, говоритъ Верне, есть счастье, когда оно — отдохновеніе“. Но въ юныхъ лѣтахъ спокойствіе нельзя назвать счастьемъ, если оно, это счастье, состоитъ въ неподвижности, въ физической инерціи. Что бы было за счастье просидѣть цѣлый мѣсяць безъ движенія? Я далъ отдыхъ умственнымъ силамъ, находившимся круглый годъ въ напряженіи, не давая въ то же время отдыха своему тѣлу: въ движеніи, а не въ покоѣ я находилъ отдохновеніе.

„Человѣческое счастье, говоритъ Матью, не состоитъ въ ображаемомъ спокойствіи, котораго люди стараются достигнуть и для достиженія котораго они только и работаютъ, сами того не понимая, что такого рода спокойствіе несноснѣе, скучнѣе, невыносимѣе трудовъ дѣятельной жизни“.

Никогда я не чувствовалъ себя столько способнымъ къ труду, какъ послѣ дѣятельнаго движенія или послѣ мускульной работы.

¹⁾ Къ № 1-му принадлежали отличные ученики по поведенію и по успѣхамъ.

Занятія умственныя необходимо слѣдуетъ перемеживать съ занятіями чисто механическими, особенно такими, которыя требуютъ движенія, напряженности физической.

Наши педагоги весьма мало обращаютъ на это вниманія. А между тѣмъ, при такихъ только условіяхъ, умственная работа не покажется утомительной, не будетъ имѣть разрушительнаго дѣйствія на здоровье; а съ другой стороны, дѣятельность мозга не только не ослабѣваетъ отъ утомленія физическаго, но, напротивъ, приобретаетъ болѣе энергіи, крѣпости, становится быстрѣе и производительнѣе. Но...

Впередь! впередь моя исторія!

Четвертый классъ.

Дружба моя съ учениками, перешедшими со мной изъ третьяго класса, стала тѣснѣе. Я начиналъ входить во вкусъ чисто научныхъ занятій, стараясь, по возможности, чтеніемъ книгъ пополнить неудовлетворительность класснаго преподаванія. О заведеніи особенной ученической бібліотеки въ оное время начальству и въ голову не приходило. Единственная книга, изъ которой мы знакомились съ образцами русской словесности „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка“ нашего директора Тимковского, представляла отрывки изъ поэмъ Хераскова, оды Ломоносова и Державина, басни Хемницера и Дмитріева. Мы заучивали, по приказанію директора, цѣлыя тирады изъ „Кадма и Гармоніи“, длиннѣйшія оды Державина и произносили ихъ по всемъ правиламъ ораторской декламации: это былъ распѣвъ, завѣщенный французской декламацией. Предъ торжественнымъ актомъ насъ учили декламировать, выбирая для того самыя вычурныя отрывки изъ поэмъ и одъ. Даже въ басняхъ не допускался разговорный тонъ рѣчи и сюда приносили напыщенность и кривлянье.

Дрессировку учениковъ для акта директоръ обыкновенно поручалъ сихъ дѣлъ мастеру учителю словесности Смоленскому. Живо помню я, съ какими вычурами сей риторъ декламировалъ намъ, тогда еще новѣтовцамъ, басню Дмитріева, „Чижь и Горлица“.

Чижь свилъ себѣ гнѣздо, я, сидя въ немъ, поеть:

Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ?

Но вотъ ужъ и взошло и проч.

Пѣніе чижа передано было необыкновенно нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ голосомъ, даже въ выраженіи лица лектора замѣчалось какъ будто что то птичье. Но не успѣлъ чижики окончить своего панегирика лѣтнему утру—смотримъ, нашъ риторъ нахмурился и замолкъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что собирается гроза, предъ которой все умолкаетъ въ природѣ... затѣмъ, желая отгнать чирикание птички отъ человѣческаго голоса, густымъ басомъ затянулъ:

Но солнце вдругъ сокрылось...

И небо тучами повсюду обложилось...

Мрачнѣе тучи сталъ нашъ декламаторъ и выразилъ своею физиономією, какъ скрывается за тучами солнце...

Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ,

А ковь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,

Ржетъ, пышетъ и летитъ черезъ ниву.

Ревъ быка и ржаніе коня передано „звукподражательно“ и неподражаемо, при чемъ мимическимъ жестомъ изображено и подыманіе конемъ хвоста...

Намъ, конечно, оставалось только удивляться великому искусству словесника, но подражать ему, во время самаго акта, при многочисленной публикѣ, ни у кого не достало смѣлости, хотя нѣкоторые комики отлично умѣли передразнивать „рыжого ритора“ въ товарищескомъ кругу, потѣхи ради.

Директоръ Тимковскій, при всей его глубокой учепости, былъ классикъ и риторъ до мозга костей, поклонникъ славяно-русскаго слога, отстаиваемаго Шипковымъ въ борьбѣ его съ карамзинистами; по этому не только Жуковскій и Пушкинъ, но даже Карамзинъ не считались въ числѣ образцовыхъ писателей. Одна только „Марѳа Посадница“ удостоилась его одобренія. Въ силу господствовавшего тогда убѣжденія, что литература должна учить нравственности, всѣ новѣйшія произведенія, не отличавшіяся цѣломудріемъ „Телемака“, по образцу коего фабриковались наши нравоучительныя повѣсти—„временъ Очакова и покоренья Крыма“,—подвергались остракизму. Велѣдствіе такого своеобразнаго взгляда на значеніе словеснаго искусства, все, что было въ литературѣ нашей живаго и свѣжаго, находилось подъ строжайшимъ запретомъ; но, какъ всякій запретный плодъ, насъ сильно соблазняли произведенія поэтовъ Пушкин-

ской школы. У насъ образовалась цѣлая рукописная библіотека „стиховъ“, между которыми попадались стихотворенія весьма сомнительнаго достоинства, хотя всѣ они были у насъ извѣстны подъ именемъ „стиховъ Пушкина“. Борзописецъ Барлуй, славившійся размашистымъ, писарскимъ почеркомъ, денно и нощно работалъ надъ переписываніемъ стиховъ, продавая потомъ толстыми тетрадищами своимъ товарищамъ „дары поэзіи святой“ по гривеннику за листъ. Не одни краткія лирическія стихотворенія, но и цѣлыя поэмы заучивались наизусть. Почти у каждаго изъ насъ была своя заповѣдная тетрадь, куда вносилося все, что попадалось. Но, къ сожалѣнію, были и такіе аматеры, у которыхъ въ сокровенныхъ мѣстахъ хранились груды сочиненій Баркова¹⁾.

Книгъ для чтенія сколько нибудь путныхъ рѣшительно негдѣ было достать. Первая изъ попавшихся мнѣ, такъ называемыхъ, „прочетныхъ книгъ“ еще въ третьемъ классѣ, была какая то средне-вѣковая повѣсть до приторности сантиментальная, потомъ „Бусурманъ“ Лажечникова. Надъ ними много пролито слезъ. Затѣмъ на сцену выступилъ Марлинскій, съ блестящимъ сонмомъ влюбленныхъ героевъ и героинь, страстныхъ и пламенныхъ, какъ вулканъ.

Въ 1836 году, на мѣсто ритора Смоленскаго, къ намъ перешелъ изъ Чернигова Каконко, въ которомъ мы надѣялись встрѣтить чело-вѣка вполне современнаго, думая, что онъ, какъ чело-вѣкъ молодой, станетъ больше подчиняться требованіямъ времени, чѣмъ внушеніямъ свыше, отнесется болѣе сочувственно къ новому направленію русской литературы, познакомивъ насъ съ лучшими ея образцами научнымъ путемъ; но увы! мы скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ. Учитель ровно ничего не читалъ, а только задавалъ и спрашивалъ, требуя, чтобы заданное мы отвѣчали ему слово въ слово—и зубрили разную дребедень изъ общей и частной реторики Кошанскаго. Въ VII классѣ нашъ Каконко встрѣтилъ сильный отпоръ такимъ нелѣпнымъ требованіямъ. Задано было повтореніе той же пресловутой реторики. Входитъ учитель и, по своему обыкновенію, положивъ передъ собою учебникъ, начинаетъ спрашивать. Всталъ Лузгановъ. Не сморгнувъ ни однимъ глазомъ, съ

¹⁾ Впервые съ ними познакомилъ новгородъ-сѣверскую гимназію перешедшій къ намъ изъ черниговской семинаріи сынъ законоучителя Мануйловичъ.

комическою важностію, онъ началъ: „Любезные друзья! ¹⁾ до сихъ поръ мы говорили объ описаніи, теперь перейдемъ къ повѣствованію“.

— Дуракъ! прерываетъ отвѣчающаго учитель, слѣдующій!

Но и „слѣдующій“, кажется, бабенбардистъ Солошка, цѣлой головой превышавшій своего наставника, говоритъ то же, что и первый. — Дуракъ! прерываетъ его учитель: слѣдующій!

Но и этотъ начинаетъ съ „любезныхъ друзей“.

Взбѣшенный Коконко хватаетъ журналъ и бѣжитъ вонъ изъ класса. Приходитъ инспекторъ на расправу. Ему, въ свое оправданіе, доложили, что отвѣты были съ подлиннымъ вѣрны, что никто не чувствуетъ себя виноватымъ, такъ какъ каждый въ точности старался исполнить требованіе преподавателя, отвѣчая слово въ слово.

Помимо небрежнаго преподаванія, педагога сего мы не взлюбили за его высокоумное съ нами обращеніе, за его мстительность и несправедливость. Мы готовы нашимъ наставникамъ простить все: неспособность, лѣнь, даже строгость; но несправедливости не забудемъ до конца дней нашихъ.

И неказистъ на видъ былъ этотъ маленькій человѣчекъ, съ черными, блестящими мышинными глазками, старательно прилизаннымъ хохолкомъ, но преядовитый! А что всего хуже, напачдалъ онъ преимущественно на бѣдняковъ-плебеевъ: вопьется, какъ пиявка, и сосеть до тѣхъ поръ свою жертву, пока не выживетъ изъ гимназіи. Нѣмецъ Штранге былъ строгъ и солоно иногда намъ приходился; но какая между ними разница! Это былъ человѣкъ только вспылчивый, но не мстительный и не злопамятный. Нашумѣвши на ученика и выкричавшись вволюшку, онъ послѣ старался загладить свою горячность ласковымъ обращеніемъ къ обиженному. За то мы его и уважали и учились у него прекрасно, успѣвши въ нѣмецкомъ языкѣ больше, чѣмъ во французскомъ.

А французъ нашъ Антонъ Антоновичъ Терехъ никуда не годился. Бездарнѣйшее существо, какое только вообразить себѣ можно. Всѣ переводы съ русскаго на французскій дѣлала, говорятъ, ему

¹⁾ Такимъ воззваніемъ начинается каждый отдѣлъ реторикъ Кошанскаго.

жена, тетрадки исправляла она же. А казалось бы, что по широкому, лоснящемуся челу Антона Антоновича можно заподозрить въ большихъ интеллектуальныхъ способностяхъ, но какъ видно, поговорка недаромъ молвить, что „большая лысина — не мудрость“. Пользуясь тѣмъ, что учитель не зналъ большой части учениковъ по фамиліямъ, ему отвѣчали не тѣ, кого онъ вызывалъ, а тѣ, которые лучше знали урокъ. Однажды спрошенъ былъ одинъ изъ старѣйшинъ класса, мой дядюшка Никифоръ Ходякъ, который никогда не зналъ урока, а пробавлялся одними подсказываньями товарищей и ему это всегда сходило съ рукъ благополучно; но на сей разъ обязанность суфлера взялъ на себя извѣстный проказникъ Егоръ Шрамченко и невѣжество моего дядюшки обнаружилось во всей красѣ своей. Для перевода съ французскаго на русскій намъ былъ заданъ историческій отрывокъ изъ христоматіи. Содержаніе этого отрывка заключалось въ слѣдующемъ: во время Гвельфо-гиббелинской войны императоръ Конрадъ осадилъ замокъ Виннисбергъ и дозволилъ выйти изъ крѣпости только женщинамъ, взявъ съ собою все, что было для нихъ драгоцѣнно. Одна изъ женщинъ взяла на плечи своего мужа, за ней послѣдовали и другія. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ“ диктуетъ суфлеръ Ходяку. „Осадивъ замокъ Свинюсбергъ“ повторяетъ за нимъ дядюшка. „Сапожникъ Кондрать“, продолжаетъ суфлеръ. — „Сапожникъ Кондрать“, повторяетъ тотъ. — „Ты самъ сапожникъ!“ поправляетъ учитель: „не сапожникъ, а императоръ; не Кондрать, а Конрадъ“. „Императоръ Конрадъ, повторяетъ Ходякъ, дозволилъ женщинамъ выйти изъ замка“.

„Одна изъ нихъ, подсказываетъ Шрамченко, сѣла на плечи мужа. „Сѣла на плечи мужа“... повторяетъ Никифоръ. „И ударила его по головѣ“, подсказываетъ суфлеръ. „И ударила его по головѣ!“ повторяетъ за нимъ Ходякъ. Антонъ Антоновичъ вытаращилъ глаза, а мы всё покатались со смѣху. Почтеннаго дядюшку обозвали болваномъ и заставили, какъ истукана, простоять за скамьей до конца урока. На перемянѣ онъ сорвалъ злобу, давши Шрамченку затрепину.

Разъ мы до того взбѣсили Тереха, что онъ весь позеленѣлъ и задыхающимъ голосомъ выпалилъ: „Вы все с... сыны!“

Джентельмены вломились въ амбицію и замѣтили французу, что въ классѣ есть ученики „сыны благородныхъ родителей“, на что Антонъ, въ видѣ оправданія, присовокупилъ: „всѣ кромѣ благородныхъ с... сыновъ!“

— Въ другой разъ мы не позволимъ ругаться площадными словами, отозвался съ задней скамьи Легкобитовъ.

— Я тебѣ какъ дамъ разъ, то ты будешь помнить во вѣкъ, разъ, навсегда, однажды! пригрозилъ учитель „благородному сыну“.

Законоучитель, онъ же и духовникъ, былъ старикъ предобрый. Пользуясь его добротой, мы позволяли себѣ шутить съ нимъ разныя шутки. Нюхалъ онъ прекрѣпкій табакъ и табакерку свою, съ изображеніемъ Екатерины II, ставилъ всегда на столъ, при началѣ урока. Но какъ только было зазѣвается нашъ протопопъ, тотчасъ Клочковъ и зауститъ въ табакерку свои пальцы, захвативъ ими столько табаку, что имъ обдѣлялъ всю братію—и начиналось повальное чиханье всего класса. Догадавшись въ чемъ дѣло, отъ Стефанъ пряталъ въ карманъ табакерку и начиналъ браниться:

— Бачь, скурвые сыны, табаки не купятъ, а на чужую ласы!

Послѣ такого недвусмысленнаго намека, выскивался охотникъ и покупалъ для о. протоіеря цѣлый фунтъ настоящаго рапэ, что давало намъ полное право безвозбранно нюхать и чихать на урокѣ Закона Божія сколько угодно.

Передъ новымъ 1836 годомъ мы сговорились поздравить о. Стефана, съ приличнымъ приношеніемъ. Тому же Павлушѣ Клочкову поручено было купить у Цапеницкаго 10 бутылокъ выморозковъ, т. е. шипучаго донскаго вина, и отъ лица всего IV класса презентовать ему въ день новаго года.

До самаго поста законоучитель нашъ былъ какъ шелковый; потомъ вдругъ на Оуминой недѣлѣ, ни съ того, ни съ сего, круто перемѣнилъ свое обращеніе съ нами. Приходить въ классъ всегда такой сердитый, ни на кого не смотреть и все сопить. Подходить къ нему нашъ дипломатъ Клочковъ и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ о причинѣ немилости.

— Пошовъ вонъ, я съ тобой и говорить не хочу. Какого вина ты мнѣ принесъ? а? Половина бутылокъ съ квасомъ?..

По справкамъ оказалось, что нашъ повѣренный дѣйствительно на складочныя деньги купилъ 10 бутылокъ донскаго, но соблазнился и половину выпилъ съ пріятелемъ да и поналивалъ пустыя бутылки квасомъ—и пробки засмолилъ и проволокой перевязалъ—этакій мошенникъ! Вино, преподнесенное о. протоіереемъ, долго стояло въ погребѣ, пока не дошла до него очередь на масляной: тутъ то и открылся подлогъ. Для восстановления добрыхъ отношеній къ наставнику, мы заставили Ключкова купить другія 10 бутылокъ на его счетъ, которыя и были доставлены по принадлежности уже болѣе надежнымъ человѣкомъ.

Патріархальныя времена! Ученикъ просить батюшку разрѣшить его недоумѣніе, какъ правильнѣе сказать по русски: затрубили въ трубы или затрубили на трубахъ? (при взятіи Іерихона).

— Батько твой затрубилъ на трубахъ! отвѣтилъ о. Стефанъ.

Протоіерей нашъ приходился тестемъ учителю латинскаго языка Осипу Акимовичу Самчевскому, сыновья котораго Ваня и Миша¹⁾ были большими любимцами и баловниками дѣдушки: онъ въ нихъ души не чаялъ. Не разъ заставляли старика лежащимъ по домашнему совершенно раздѣтымъ, а внуки лазили по немъ какъ лилипуты по великану, торебя его за бороду. Разревется бывало старшій изъ нихъ Ваня—давай ему среди ночи вертепъ, ну и посылаетъ дѣдушка за Аѳанасіемъ. Когда, по ходу представленія, дошла очередь до попа, антрепренеръ спрашиваетъ:

— Вале высокопреподобіе! А чы пускаты попа?

— Пускай его сякого такого! Нехай запорожець поучить ёго добре! отвѣчаетъ о. протоіерей... а когда запорожець начиналъ булавой выплачивать своему духовнику за исповѣдь—протопопъ былъ въ восторгѣ:

— Хорошенько его, хорошенько! Такъ ему й треба! приговаривалъ онъ, тоная ногами.

Въ томъ же 1836 году, осенью, къ великому сожалѣнію всѣхъ прихожанъ, сослуживцевъ и воспитанниковъ, этотъ достойный пастыръ и отличный человѣкъ скончался. Нашъ словесникъ Ко-

¹⁾ Ив. О. Самчевскій былъ въ 60-хъ годахъ инспекторомъ 2 й кiev. гимназій, а М. О. Самчевскій учителемъ: оба покойники.

конко сказаль надъ нимъ надгробную рѣчь, изъ которой въ памяти моеѣ сохранилось обращеніе оратора къ воспитанникамъ:

„Давно ли, внимая съ родительскою, ему свойственною, къ вамъ ласкою, ваша любознательность удовлетворяема была отвѣтами, насаждающими въ юномъ вертоградѣ вашемъ высокія истины религіи? И нѣтъ вертоградаря!“ (Не разумѣлъ ли въ числѣ этихъ „отвѣтовъ, насаждающихъ истины религіи“, нашъ краснорѣчивый панегиристъ „трубнаго вопроса?“).

За о. протоіереемъ вскорѣ послѣдовалъ и его дьячокъ Приходько, очень древній человѣкъ, любившій своего настоятеля до обожанія и не могшій пережить его отъ горя. Прихожане втеченіе полустолѣтія такъ привыкли слышать его дребезжащій, какъ разбитая сковорода, гласъ, что имъ не хотѣлось вѣрить, чтобы этотъ безсмертный кощей могъ когда нибудь умереть. Въ городѣ разнесся слухъ, что мертвецъ Приходько посѣщаетъ по ночамъ свою вдову, что нѣкоторые еувѣры „на собственныя очи“ видѣли, какъ высокая костлявая фигура дьячка двигалась по улицѣ, со стороны кладбища, по направленію къ домику дьячихи на Кляшторѣ.

Воспользовавшись всеобщей паникой трусливыхъ горожанъ, проказники гимназисты вздумали пугать по вечерамъ запоздавшихъ прохожихъ. Привидѣнію начало появляться все чаще и чаще, все на одной и той же улицѣ, недалеко отъ дома Налегачихи, гдѣ квартировали ученики. Разказы о появленіи мертвеца дошли до ушей инспектора, который не боялся никакой чортовщины, уповав на свою суковатую палку. Подстерегши однажды привидѣніе, въ полтора раза выше его исполинскаго роста, во всемъ бѣломъ, онъ погнался за нимъ. Случилось чудо: изъ одного мертвеца сдѣлалось два: одинъ большой, а другой маленькій; оказалось, что маленькій стоялъ на плечахъ большаго и оба побѣжали во всѣ лопатки, оставивъ среди улицы двѣ сшитыя вмѣстѣ простыни.

Теперь о своихъ домашнихъ дѣлахъ.

До сихъ поръ, благодаря заботливости обо мнѣ матери, я пробавлялся, пополамъ съ горемъ, кой какими крохами оскудѣвшихъ нашихъ средствъ къ жизни; закладывались вещи и на добытыя такимъ способомъ деньги шилось мнѣ форменное платье, покупа-

лись учебники, которые, какъ на зло, мѣнялись съ каждымъ годомъ. Не легко мнѣ было пользоваться такими жертвами!

Узнавъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ нашего семейства, къ услугамъ моимъ подвернулся непрощенный благодѣтель Герасимъ Ивановичъ. Въ тѣ патриархальныя времена у насъ существовалъ обычай, для поправленія обстоятельствъ, отпрапляться на кондицію, на выѣздъ въ деревню. Нашъ инспекторъ, желая поддержать добрыя отношенія съ окрестными панами, взялъ на себя роль поставщика домашнихъ учителей, изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ, получая, конечно, за комиссію больше, чѣмъ получали за свои труды рекомендуемые имъ ученики. Съ перваго взгляда, такое вниманіе заботливаго начальства къ нуждамъ воспитанниковъ представляется весьма выгоднымъ для бѣдняковъ, получавшихъ чрезъ то возможность заработать кусокъ хлѣба и подѣлиться имъ съ родителями; но какъ много даровитыхъ юношей испортили себѣ карьеру именно этими кондиціями! Просидѣвъ годъ въ деревнѣ на панскомъ столѣ и лишеныя возможности слѣдить за класснымъ преподаваніемъ, наши скороспѣлыя педагоги, по большей части, уже не возвращались въ гимназію, заканчивая свое образованіе четвертымъ или пятымъ классомъ и поступая въ приходскіе учителя на 90 рублей жалованья, а нѣкоторые и того не достигали, оставаясь на всю жизнь панскими прихлебателями и паразитами, какихъ во время крѣпостного права у нашихъ душевладѣльцевъ всегда было довольно.

Съ такимъ то заманчивымъ предложеніемъ подѣхалъ и ко мнѣ г. инспекторъ, дѣйствуя сперва черезъ Штату, который и родителей моихъ началъ было убѣждать въ несомнѣнной пользѣ кондиціи. Но я не поддался искушенію рыжаго бѣса, сознавая всю нелѣпость оставленія гимназіи на половинѣ дороги къ окончанію полного курса. Меня оставили въ покоѣ. А все таки я не избѣжалъ кондиціи, хотя и не столь продолжительной и зловредной. Предъ каникулами въ Новгородокъ пріѣхалъ за дѣтьми курскій помѣщикъ Б. и обратился къ инспектору съ просьбой порекомендовать ему какого-нибудь гимназиста на вакаціонное время, для компаніи его дѣтямъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной сынъ, хотя и рожденный крѣпостною дѣвицей, а другой — опекаемый имъ племянникъ. Инспекторъ указалъ на меня. Пришелъ я къ помѣщику, а онъ, не сдѣ-

лавъ со мной никакого условія, посадилъ меня въ свою коляску да и повезъ въ рыльскій уѣздъ.

Это былъ мой первый выѣздъ изъ города и мое первое знакомство съ совершенно новой для меня средой, діаметрально-противоположной той низменной средѣ, въ которой вращался я до того времени.

И какъ тамъ не похоже все на то, что я привыкъ видѣть и слышать въ своемъ ограниченномъ кругу! И какимъ смѣшнымъ дикаремъ показался я не только благовоспитаннымъ членамъ семейства курскаго барина, но и его многочисленной дворнѣ! Я не умѣлъ ни ступить, ни повернуться; не зналъ, какъ сѣсть и что отвѣчать, когда заговаривали со мной во время обѣда. Семейство помѣщика состояло изъ сестры его—старой дѣвы, маленькой рыжеволосой племянницы, дальней родственницы старушки, двухъ гимназистовъ, моихъ учениковъ, и еще одной, съ виду скромной личности, въ усахъ: это былъ пролетарій—паразитъ изъ отставныхъ военныхъ, котораго пріютилъ баринъ за искусную игру его на гитарѣ. И дѣйствительно, сколько я ни наблюдалъ за нимъ, онъ больше ничего не дѣлалъ, какъ только игралъ на гитарѣ, да подобострастно слушалъ болтовню своего патрона о похожденияхъ его въ молодые годы по трактирамъ и ярмаркамъ. Всѣ означенныя лица были со мной снисходительно-ласковы и старались показать видъ, что они вовсе не замѣчаютъ моей неловкости. Да и чего бы, казалось, бояться этихъ добрыхъ людей? А между тѣмъ въ ихъ обществѣ на меня находилъ такой столбнякъ, что я слова не могъ вымолвить безъ того, чтобы не покраснѣть до ушей. Застѣчивость моя и робость—я это сознавалъ—дѣлали меня до крайности смѣшнымъ и жалкимъ; я ни на кого не смотрѣлъ за обѣдомъ, но зналъ, что на меня обращены глаза всѣхъ, не только господъ, но и прислуги, что приводило меня въ крайнее смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ управиться съ вилокъ, какъ держать серебряную ложку, какою я съ роду не ѣдалъ, что, наконецъ, нужно ѣсть ложкой и что вилокъ? Попадались такія кушанья, съ которыми я не зналъ рѣшительно, что дѣлать, такъ что, если бы изъ подлѣбья не наблюдалъ я за сидѣвшимъ подлѣ меня гитаристомъ, расправлявшимся съ даровыми блюдами съ ловкостію военнаго человѣка,—я бы, кажется, не отважился ихъ и попробовать.

Словомъ, представьте себѣ жителя поднебесной имперіи, случайно попавшаго на обѣдъ къ цивилизованному европейцу—и вы поймете мое положеніе. Кажись, и говорятъ все о такихъ обыкновенныхъ вещахъ, и судятъ обо всемъ такъ просто, что я бы могъ о томъ же самомъ разсуждать гораздо толковѣе, но языкъ меня не слушался, словно въ болото завязъ, и я, во все продолженіе обѣда, оставался нѣмъ, какъ рыба. Особенно стѣсняло меня присутствіе женщинъ, на которыхъ я боялся и взглянуть, сколько онѣ ни старались приручить сѣверскаго медвѣдя.

Меня съ барчуками помѣстили во флигелъ, окнами выходившемъ въ садъ. Звали насъ въ барскія хоромы только къ чаю, обѣду и ужину. Занятій у меня втеченіе мѣсяца съ моими учениками вовсе не было, да и встрѣчался я съ ними только за столомъ. Пользуясь досугомъ, я по временамъ читалъ подвернувшіяся подъ руку книги, да прогуливался въ саду. Стало быть, у меня было довольно времени, чтобъ присмотрѣться къ образу жизни этихъ антиподовъ нашего мѣщанства.

Помѣщикъ жилъ нельзя сказать, чтобъ очень открыто и роскошно, но чрезвычайно широко. Барская усадьба занимала громадное пространство, со множествомъ безобразнѣйшихъ построекъ для двора: это были, такъ называемыя, клѣти, въ родѣ шалашей или солдатскихъ барачковъ, съ маленькими окнами и дверями, въ которыя съ трудомъ пролѣзали рослые, хотя и тощіе на видъ мужики и безобразно подтыканныя бабы, съ перетянутыми грудями. Подлѣ самаго дома, поближе къ спальной барина, находилась дѣвчья съ разными Таньками, Грушками, Польшками и т. п. На дворѣ, во всякое время дня, копошились, бѣгали и суетились, въ сущности ничѣмъ особеннымъ незанятыя, дворовыя. Надъ этой жалкой толпою рабовъ поставленъ былъ „старшой“, такой же рабъ, но взысканный милостію своего господина и потому имѣвшій власть надъ своими собратами и угнетавшій ихъ безграничнымъ произволомъ.

Чѣмъ же эта грустная картина отличается отъ тѣхъ потрясающихъ душу картинъ, которыми такъ богата „Хижина дяди Тома“, на вѣки заклеившая позоромъ жестокихъ американскихъ плантаторовъ? Новый свѣтъ, по крайней мѣрѣ, оправдывалъ невольничество цвѣтомъ кожи своихъ рабовъ, превосход-

ствомъ интеллектуальныхъ способностей бѣлой расы предъ черной. Тутъ впервые узналъ я не изъ книгъ, а изъ самой жизни, что такое наше крѣпостное право. Такъ вотъ онъ тотъ добрый русскій баринъ, отецъ посреди дѣтвой, какимъ его старались изобразить наши славянофилы!..

Не мало возмутительныхъ легендъ сохранилось въ семьяхъ дворовыхъ людей о подвигахъ ихъ кормильцевъ помѣщиковъ: взять въ свой гаремъ красавицу-дочь у родителей и, поигравшись съ ней, выдать за двороваго, лакея пьяницу или подарить пріятелю, промѣнять на свору гончихъ; забрить лобъ мужу и взять во дворъ его жену—явленія не разъ бывавшія.

При мнѣ случился такой анекдотъ: изъ столовой пропала серебряная ложка и такъ какъ это случилось не въ первый разъ, то баринъ разсвирѣпѣлъ страшно. Подозрѣніе пало на лакея Мишку, мальчика лѣтъ 15-ти. Вѣднугу потащили на конюшню, долго истязали, но онъ не сознавался. Что же съ нимъ дѣлать? Въ солдаты еще рано и вотъ его посадили куда то въ овечій хлѣвъ и стали морить голодомъ.

У барина былъ ручной воронъ, которому насчитывали болѣе 50 лѣтъ отъ роду. Онъ леталъ за своимъ господиномъ во время частыхъ его поѣздокъ въ Рыльскъ, сопровождалъ на прогулку, влеталъ въ комнаты во время обѣда, хозяйничалъ на кухнѣ, хватая изъ рукъ повара лучшіе куски говядины—словомъ, преумная и пре-забавная птица. Сижу я однажды въ саду подлѣ недостроеннаго дома и читаю книгу. Вижу: по аллеѣ летитъ воронъ и какъ будто что то держитъ въ клювѣ. Я прослѣдилъ его, куда онъ полетитъ. Вижу—онъ гдѣ то скрылся на постройкѣ. Я за нимъ; присматриваюсь, прислушиваюсь—мой воронъ копошится подъ досками; потомъ, выбравшись оттуда, улетѣлъ. Меня взяло любопытство: что онъ принесъ и куда спряталъ? Раскидавъ доски, съ помощію садовника, я нашелъ подъ ними цѣлую кучу разныхъ вещей. Тамъ были: столовые ножи, носовые платки, ложки, перчатки, кусокъ какой то матеріи и т. п. Такъ какъ домъ давно уже стоялъ недостроеннымъ и заготовленный лѣсъ лежалъ на постройкѣ очень долго,

то сей пернатый воръ, вѣроятно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пряталъ тамъ украденныя вещи, а лакеи и горничныя отдувались за его проказы собственной кожей. Сдѣлавъ такое необычайное откритіе, я пригласилъ, въ качествѣ понятыхъ, управляющаго и гитариста на постройку и тутъ же негодный воръ былъ уличенъ съ поличнымъ. Самъ баринъ, старая барыня и барчуки долго смѣялись надъ остроумной выходкой проказника, который, какъ вольная птица, не будучи крѣпостнымъ, не подлежалъ тѣлесному наказанію. За что же наказаны Ваньки съ Таньками? О нихъ никто не догадался пожалѣть, какъ будто барской душѣ не полагается имѣть ни угрызения совѣсти, ни даже простаго сожалѣнія о содѣянной несправедливости.

Насмотрѣвшись на безобразную жизнь нашего мѣщанства, я думалъ, что хуже этой жизни и на свѣтѣ нѣтъ; но приглядѣвшись къ нравамъ и обычаямъ дворянъ, примирился со многими недостатками своего роднаго болота.

Основной принципъ мѣщанской морали: *quod licet Jovi, non licet bovi*, котораго придерживаются мѣщане-отцы при воспитаніи дѣтей, обуздывая въ нихъ преждевременныя проявленія порочныхъ наклонностей, этотъ принципъ для привилегированнаго сословія не существуетъ. Въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться, наблюдая, втеченіе мѣсяца, за поведеніемъ своихъ учениковъ, мальчиковъ 14—15 лѣтъ.

Къ барину пріѣхалъ въ гости какой то родственникъ, здоровякъ лѣтъ 40, отецъ нѣсколькихъ подростковъ дочерей. Ему отвели помѣщеніе вмѣстѣ съ нами во флигель. Пріѣзжій господинъ, съ помощію лакея Яшки, пригналъ во флигель цѣлый табунъ дѣвокъ. Я пришелъ въ ужасъ отъ такого безобразія, ушелъ черезъ окно въ садъ и провелъ всю ночь на постройкѣ, за что на другой день подвергнулся лавительнымъ насмѣшкамъ не только со стороны пріѣзжаго барина, но и со стороны своихъ учениковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ночной оргіи, продолжавшейся до бѣла дни.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ помѣщицкой усадьбы чернѣлся лѣсъ. Тамъ еще недавно укрывалась шайка разбойниковъ, атаманомъ которой былъ помѣщикъ Воропановъ. О его подвигахъ мнѣ много рассказывали крестьяне, да гдѣ то я и читалъ о немъ.

„Орелъ да Кромь — первые воры“, говоритъ народное присловье. Но и куряне едва ли уступятъ орловцамъ въ этомъ отношеніи. Не даромъ ихъ въ Малороссіи называютъ „душегубами, що за цыбульку заріже“.

„А мои ти куряне—свѣдоми кмети: пути имъ вѣдоми, яруги знаеми“, говорилъ о нихъ Всеволодъ своему брату Игорю Новгородсѣверскому еще въ XII столѣтіи. Но и современнымъ курянамъ небезызвѣстны пути и яруги, гдѣ можно подстеречь запоздалаго путника. Канікулы кончились. Я съ радостію оставилъ гостепріимный домъ помѣщика и вернулся во свояся подъ батьковскую стрѣху.

Пятый классъ.

Четвертый классъ былъ для меня классическимъ Рубикономъ. Съ переходомъ въ V, мои занятія пошли правильнымъ путемъ къ опредѣлившейся уже цѣли неуклонно. Самостоятельный трудъ, помимо классныхъ уроковъ, благотвельно повліялъ на мое развитіе. Конечная цѣль моего ученія стала для меня яснѣе и сознательнѣе: тамъ, вдали, сквозь непроглядный мракъ моего безпомощнаго положенія, возбужденному воображенію рисовалось высшее святилище науки, озаренное лучами свѣта и истины: въ университетъ рвалась душа моя! Будущность не пугала меня: я выбрался на торную дорогу, сталъ жить своими трудами.

Въ началѣ года мнѣ предложено было нѣсколько кондицій, на довольно выгодныхъ условіяхъ; но я избѣгалъ знакомства и сближенія съ помѣщиками, дичился ихъ общества и даже боялся. Выбралъ я самую невыгодную въ матеріальномъ отношеніи именно потому, что пригласившій меня господинъ былъ не помѣщикъ, а выслужившійся изъ мѣщанъ чиновникъ и при томъ дальній мой родственникъ. Убѣжая на должность въ остерскій уѣздъ безъ семейства, онъ поручилъ мнѣ старшаго сына, который былъ лишь однимъ годомъ моложе меня, да двухъ мальчиковъ, будущихъ гимназистовъ. Я такъ надѣялся на наши родственныя отношенія, что принялъ мѣсто, не заключивъ предварительно никакихъ условій; между тѣмъ, пользуясь моею неопытностію, со мной поступили совсѣмъ не по родственному. Дали мнѣ, во первыхъ, помѣ-

щеніе совершенно неудобное для занятій: въ комнату мою вели трое дверей и мнѣ постоянно мѣшали; во вторыхъ, кормили отвратительно: хозяйка оказалась до крайности скупой, морила всѣхъ голодомъ, въ комнатѣ никогда не прибирали, завелась гадость и нечистота. Треногая кровать, ничѣмъ непокрытый соломенный тюфякъ да рваное одѣяло: вотъ всѣ мои спальныя принадлежности. Мнѣ было во сто разъ хуже, чѣмъ дома, при всей нашей бѣдности. Я былъ нищенски одѣтъ; самолюбіе мое страдало страшно. За полгода занятій съ дѣтьми мнѣ сшили самаго дешеваго сукна шинель—вотъ и весь гонораръ мой. Плохіе жъ мои заработки, подумаль я, на нихъ далеко не уѣдешь. Правда, если занятія мои, сопряженные съ потерєю времени, оцѣнивать усціхами моихъ учениковъ, то можетъ быть я и шинели не стоилъ; но все же я работаль много, а лишней терціль еще больше. Но виноватъ ли я, что мнѣ попались балованныя дѣти? Въ уваженіе къ моимъ личевіямъ и трудамъ, слѣдовало бы хоть пару сапогъ прибавить, чтобы домашній учитель не ходилъ въ гимназію, за полторы версты, на собственной подошвѣ.

Дождавшись рождественскихъ праздниковъ, я сталъ помышлять уже о томъ, какъ бы бросить свою кондицію и вернуться домой, гдѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не дадутъ пропастъ съ голоду и гдѣ я буду трудиться для собственной пользы, какъ развязка воспослѣдовала сама собою.

Ученикъ, мой, страшный тупица и лѣтяй, да вдобавокъ совершенно испорченной нравственности, съ пріятелемъ своимъ Свистухой, отправились однажды на охоту. Преслѣдуя зайца, они забрались въ чужую пасѣку и, словно медвѣди, стали лакомиться медомъ; ихъ поймали и отдали подъ судъ. Тутъ пока и конецъ моей педагогической дѣятельности. Я переселился домой и энергически принялся за работу, стараясь вознаградить задаромъ потерянное время. Въ это полугодіе я очень много сдѣлаль, занимаясь преимущественно языками; но еще и больше усціль бы сдѣлать, если бы ко мнѣ не пристала эпидемическая, прилипчивая болѣзнь нашего времени, которая бываетъ иногда опаснѣе оспы: это опасная страсть къ стихотворству—риемоманія. Зараждаясь въ душѣ вмѣстѣ съ первымъ пробужденіемъ юношескаго чувства любви, эта губительная страсть

испортила жизнь не одному непризнанному стихоплету. Она не покидала меня до окончанія гимназіи, прошла черезъ весь почти университетскій курсъ и оставила меня въ покоѣ только на службѣ, когда я попалъ въ желѣзныя ланы извѣстнаго гасителя поэтического огня для пользы службы—Зимовскаго.

Насколько могу припомнить, я впервые сталъ пробовать аккорды своей лиры въ то время, когда у насъ начали проходить теорію стихосложенія и латинскую просодію. Время это какъ нарочно совпало со временемъ моей разлуки съ сестрой моего ученика, такъ не кстати полакомившася медомъ. Заронившееся въ душу чувство заставило меня стоически переносить все невзгоды моей несчастной кондиціи; голодъ, холодъ, нужу... Поводомъ къ нашему сближенію послужило чтеніе по вечерамъ чувствительныхъ повѣстей Марлинскаго. Признаться я въ любви не прямо, а косвенно—трескучими фразами влюбленнаго героя, а герои „того погибельнаго Кавказа“, какъ извѣстно, говорятъ такимъ вычурнымъ языкомъ, какимъ никогда не выражаются въ дѣйствительности. Но какъ бы тамъ ни было, а мы хорошо поняли, что любимъ другъ друга. Романъ нашъ прервался на первой главѣ—продолженіе впредь... Да и отлично сдѣлала она, что во время уѣхала, мнѣ было совѣтъ не до нея.

Ознакомившись съ структурой стиха, я скоро уловилъ тайну сочетанія звуковъ и началъ слогать не только ямбы и хорей, мнѣ и гексаметры были ни почемъ: этимъ классическимъ размѣромъ я переложилъ не хуже Третьяковскаго цѣлую рыцарскую повѣсть, написанную старинной прозой. Непостижимая страсть! Бывало ждешь не дождешься, пока улягутся все въ дождь и настанетъ мертвая тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ стрекотаньемъ запечнаго сверчка—и тутъ, при тускломъ мерцаніи каганца, испещришь бывало цѣлый листъ мѣрными коротенькими строчками. Удачно прибранная рима доставляла душѣ невыразимое удовольствіе.

— Отчего ты не спишь, дитя мое? спросить бывало, проснувшись, мать.

— Сейчасъ, не мѣшайте! отвѣтишь ей рѣзко, не отрывая глазъ отъ заветной тетрадки.

Повѣреннымъ по части стиховъ былъ у меня Яша Гребенниковъ, страдавшій тою же болѣзнію. Что ни говори, а воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ вечерахъ, когда мы читали другъ другу „свои незрѣлыя

творенья*, вызываетъ на уста добрую улыбку. пробуждалъ въ душѣ отрадное чувство любви и уваженія къ своей юности. Находи въ подобныхъ, въ сущности невинныхъ, занятіяхъ удовольствіе, мы не искали тѣхъ растлѣвающихъ душу наслажденій, къ которымъ безъ удержу тянулись дѣти богатыхъ родителей: не въ стихахъ находили они поэзію, а скорѣе въ ночныхъ оргіяхъ, подобныхъ видѣнной мною у курскаго помѣщика. И надобно замѣтить, что любовь къ словесности и поэзіи питаемая и поддерживаемая въ насъ не столько риторическими образцами, предлагаемыми намъ директоромъ, сколько заповѣдными тетрадами, развилась въ насъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Нашъ словесникъ Коконко своею несимпатичною особой скорѣе могъ поселить въ душѣ отвращеніе къ своему предмету, чѣмъ привязанность. Зубреніе риторики Кошанскаго да логики Кизиветтера немного давало пищи нашей любознательности и нашему эстетическому развитію. Учитель усвоилъ себѣ отвратительную привычку задавать отъ сихъ поръ и до сихъ, никогда не объясняя заданнаго. Развѣ можно такимъ образомъ преподавать науку о словѣ, а тѣмъ болѣе науку о человѣческомъ мышленіи?

„Въ обширномъ курсѣ моего воспитанія, говоритъ знаменитый англійскій мыслитель Милль о преподаваніи логики, нѣтъ ни одного предмета, которому я былъ бы столько обязанъ за развитіе способности правильно мыслить“.

Чѣмъ же мы обязаны преподавателю этой важной науки, зубривая безтолковый учебникъ Кизиветтера? Но и это еще бы ничего, еслибы недостатки нашего словесника ограничились одною лишь педагогическою несостоятельностью: мы къ этому привыкли. Но у него была отвратительная манера преслѣдовать и давить целюбимыхъ имъ почему нибудь учениковъ, преимущественно же бѣдняковъ — плобеевъ, подобныхъ мнѣ грѣшному. Въ V классѣ онъ сталъ какъ то систематически тѣснить меня, и за что? я и до сихъ поръ не знаю. Какъ только войдетъ въ классъ, сейчасъ и за меня:

— Чалый, читай молитву, Чалый, говори урокъ!

Затѣмъ становъ подлѣ первой скамьи, заложить руки въ карманы, раскрывъ передъ собой учебникъ, и едва начнешь ему доказывать великую истину, что „Кай смертенъ“.

— Не такъ, рычить учитель, пожирая меня глазами.

Начнешь опять сначала—не такъ! да и полно, а какъ именно слѣдуетъ отвѣчать, не говорить.

Ясно, что этотъ ядовитый человѣкъ хотѣлъ вызвать меня на дерзость, но я не поддавался на удочку. Замолчу и стою, какъ статуя безмолвія.

— Ну же, продолжай, что молчишь? ворчитъ мой гонитель; попробую еще разъ продолжать—но такъ! останавливаетъ меня снова и я замолчу окончательно.—И стоимъ мы оба цѣлый часъ, смотря другъ другу въ глаза, какъ влюбленные, до тѣхъ поръ, пока звонокъ не прерветъ этого тягостнаго tête à tête.

А чего мнѣ стояло перенести такое нелѣпное преслѣдованіе! Но я выдержалъ себя до конца, не сдѣлавъ ему никакой дерзости, чего онъ, повидимому, сильно добивался. Во второмъ полугодіи мой пріятель ударился въ другую крайность: вовсе пересталъ меня спрашивать, какъ будто меня вовсе не было въ классѣ.

Для полной характеристики нашего словесника, не мѣшасть коснуться его домашней обстановки. Коконко, человѣкъ чрезвычайно живой, ловкій танцоръ и каламбуристъ въ обществѣ, въ классѣ становился совершенно инымъ: никогда не шутилъ, не смѣялся и обходился съ учениками крайне оскорбительно.

Въ немъ проглядывало какое то озлобленіе на молодое поколѣніе, хотя самъ онъ былъ человѣкъ еще очень молодой. Такое, совершенно несвойственное истинному педагогу настроеніе духа, стало для насъ понятно только тогда, когда пансіонеръ его Шрамченко познакомилъ насъ поближе съ его домашними дѣлами. Женился онъ очень рано въ Черниговѣ, на богатой кунчихѣ, соблазнившись ея капиталами, которые, впрочемъ, до поры до времени хранились въ сундукѣ тещи, жившей при дочери. Эта то теща, какъ мы узнали, и портитъ расположеніе духа нашего наставника. Види ежегодное приращеніе семейства, расчетливая старуха домашними мѣрами развела мужа съ женою и не позволяла имъ бывать вмѣстѣ. Частенько нарушавшій такое запрещеніе словесникъ былъ изгоняемъ клюкой изъ жениной спальни, а иногда и изъ дому, такъ что ему нерѣдко приходилось среди ночи искать убѣжища у своихъ холостыхъ сослуживцевъ. Понятно, какія чувства питалъ изгнанникъ къ своей тещѣ; а прогнать ее самое боялся все изъ за того же фиктивного

капитала, который хранился въ кованомъ сундукѣ ненавистной старухи.

Да мы то за что терпѣли напраслину? Такъ, здорово живешь.

Латинскій языкъ шелъ у насъ очень успѣшно. Осипъ Акимовичъ не придерживался нѣмецкой методы, лишающей ученика самостоятельности, то есть, никогда не задавалъ урока, не диктовалъ словъ, не дѣлалъ предварительнаго анализа, какъ это дѣлають нынѣшніе учителя классическихъ языковъ, разные братушки, а заставлялъ насъ самихъ добиваться смысла, копаться въ грамматикѣ, прискивать слова въ лексиконѣ. Такого именно преподаванія требовалъ отъ учителя Илья Федоровичъ, великій знатокъ латыни. На экзаменъ директоръ привозилъ цѣлую гору классиковъ и заставлялъ насъ всегда переводить мѣста незнакомыя, продерживая ученика подлѣ стола больше часу.

Мы очень любили и уважали почтеннаго Осипа Акимовича и онъ нами, въ свою очередь, былъ всегда доволенъ. Разъ только, помню, онъ на насъ немножко подулъ, и то не надолго. Пришелъ онъ на урокъ послѣ имениннаго обѣда у почетнаго попечителя Ладомірскаго, нѣсколько зарумянившись. Мы значительно переглянулись, что не ускользнуло отъ вниманія нашего наставника. Промолчавъ минутъ пять, О. А.—чъ, ни на кого не смотря, ни къ кому лично не обращаясь, началъ свою лекцію такою многозначительною притчею: „Видите ли вы эту вещь?“ спросилъ онъ насъ, показывая табакерку. Мы молчимъ. „Возьмите вы сиволанаго мужлана и закажите ему сдѣлать ее—онъ будетъ дѣлать часъ, два, недѣлю, годъ, и не сдѣластъ. Отдайте жъ вы этого самого мужлана въ науку, на фабрику, пусть онъ тамъ поучится годъ—и этотъ самый сиволанъ сдѣластъ вамъ табакерку въ часъ. Поняли?“ (Продолжительная пауза). „Что вы были до поступленія въ гимназію? Неотесанные чурбаны, больше ничего. Васъ обобванили, ошлифовали, выучили, а кто? Вани наставники, а вы надъ ними смѣйтесь!“...

Аллегорія сильно на насъ подѣйствовала и мы немедленно извинились, приподнявшись съ мѣстъ цѣлымъ классомъ, и урокъ пошелъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

Въ другихъ классахъ, по случаю того же обѣда, урокъ окончился не такъ миролюбиво. Въ сосѣднемъ, четвергомъ классѣ,

французъ Терехъ до того расхрабрился, что вздумалъ силой поставить на колѣны 20-ти-лѣтняго молодца, не пожелавшаго этого сдѣлать. На бѣду сего упряйца, въ третьемъ классѣ былъ въ это время Эдуардъ Андреевичъ — гроза всѣхъ шалуновъ, — который и поспѣшилъ на помощь своему коллегѣ, выбросивъ за двери непокорнаго юношу.

Въ VII классѣ словесникъ, разгоряченный виномъ, читалъ самыя пріятныя мѣста изъ „Душеньки“ Богдановича, а слушатели его, не стѣсяясь сосѣдствомъ инспекторской комнаты, „смѣхъ несканзанный“ воздвигли“.

Егоръ Андреевичъ во 2-мъ классѣ весь урокъ отпуская экивоки и смѣшилъ мальчугановъ до слезъ. Шата, во избѣжаніе великаго скандала, заблагодарсудилъ вовсе не явиться въ гимназію, да едва ли онъ и былъ въ состояніи добраться до нея.

Такъ весело прошелъ памятный день ангела г. почетнаго почитателя камергера Лядомірскаго.

Оставивъ еще зимой свою жалкую кондицію, я переселился подъ родительскій кровъ, гдѣ, до наступленія весны, претерпѣвалъ большія неудобства. Старинный дѣдовскій домъ нашъ приходилъ въ ветхость, печи не держали тепла, влѣдствіе чего вся семья ютилась въ „некариѣ“, во все продолженіе жестокой зимы. Весной я отвоевалъ себѣ „снѣтлицу“, предназначенную для гостей, которыхъ у насъ давно не бывало. Здѣсь мнѣ было очень удобно заниматься. Жаль только, что я большею частію занимался не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало, предпочевъ пріятное полезному, вопреки латинской поговоркѣ *utile dulci*; несчастная страсть къ стихотворству поглощала всѣ мои досуги; я засиживался за полночь за своими твореніями. Пріисканіе рѣшѣло меня сна и аппетита; воображеніе было разстроено; и не въ шутку сталъ бредить славой поэта..

Въ „келю“ мою, обращенную окнами въ садъ, сквозь свѣжую зелень распустившихся деревьевъ, проглянуло солнышко. Я вставалъ съ зарею, наслаждаясь прелестію майскаго утра. Близились экзамены. Оставивъ на время свои поэтическія упражненія, я шибко принялся за работу.

„Директоръ ѣдетъ! директоръ ѣдетъ!“ раздавалось по классамъ восклицаніе—и все забѣгало и засуетилось. Одинъ онъ, всегда ров-

ный и величаво спокойный, сохранялъ олимпійскую невозмутимость. Прослушали, по обыкновенію, рѣчь, которая на сей разъ произвела необыкновенный эффектъ, такъ что даже Михаилъ Гавриловичъ, учитель исторіи, человѣкъ замѣчательно умный и начитанный, котораго трудно было удивить краснорѣчіемъ, и тотъ отозвался о ней съ одобреніемъ. Къ рѣдкому дару слова Ильи Ѳедоровича можно безъ всякой натяжки примѣнить двустишіе Пушкина, относящееся къ Овидію:

Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.

Экзамены наши производились при самой торжественной обстановкѣ. Посреди залы ставился длинный, покрытый краснымъ сукномъ столъ и какое то необыкновенное кресло для г. директора, напоминавшее тронъ великихъ князей московскихъ; на столъ лежала цѣлая куча книгъ, въ красивыхъ, заграничныхъ переплетахъ—рѣдкія изданія римскихъ классиковъ, изъ которыхъ мы должны были переводить à livre ouvert, начиная съ V класса. Любимѣйшими предметами Ильи Ѳедоровича были латынь и русская словесность.

Экзамены по этимъ предметамъ тянулись иногда съ утра и до полуночи. Ученики переводили выбранные имъ самимъ отрывки изъ прозаиковъ и поэтовъ. Уже между учениками V-го класса были такіе бойкіе латинисты, которые довольно свободно переводили Георгіи Виргілія, элегіи Овидія и даже нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. Напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженной и усиѣхами испытываемаго. Но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе нашъ директоръ, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлялись. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными приѣмами старался навести его на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности.

Такимъ приѣмомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое чему научить и самаго плохаго ученика. Если послѣ долгой возни съ

подобнымъ субъектомъ, ему удавалось уловить хоть малѣйшій проблескъ мыслительнаго аппарата и пониманія, то онъ начиналъ ободрять его разными поощрительными словами: „Ну, ну! продолжай! шевелится голова, шевелится“.

Въ такомъ то именно способѣ испытанія и заключается настоящая „гимнастика мысли“, приуроченная нашими классиками—педагогами къ изученію древнихъ языковъ. Жаль только, что между теперешними нашими „гимнастами“—преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, включая сюда и братьевъ—славянъ, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ неопытный директоръ Илья Федоровичъ Тимковскій.

Испытаніе по русской словесности главнымъ образомъ состояло въ писаніи сочиненій на заданную самимъ директоромъ тему. По мѣрѣ окончанія сочиненій, авторы подходили къ столу и читали свои произведенія, при чемъ не мало встрѣчалось курьезовъ, потѣшавшихъ публику. На этотъ разъ намъ была предложена тема „Израненный грекъ по возвращеніи изъ подъ Трои“. Авторъ одного сочиненія, конечно, для красоты слога, заставилъ эллиновъ стрѣлять изъ пушекъ: „Загремѣли, говорятъ, пушки подъ стѣнами священнаго Иліона“...

Какъ ни серьезень былъ Илья Федоровичъ, но и онъ покатился со смѣху. Автору другаго сочиненія, двѣ трети коего составлялъ одинъ приступъ, директоръ разсказалъ анекдотъ про Діогена, который, странствуя по Мидіи, подошелъ къ одному маленькому городку съ большими воротами и обратился къ жителямъ съ такимъ остроумнымъ совѣтомъ:

— Граждане! затворите ворота, а то городъ вашъ уйдетъ.

Почти одновременно подошли къ столу и мы съ Костей Ушинскимъ, который сталъ читать прежде меня. Сочиненіе было написано весьма толково и обстоятельно со стороны содержанія, но не встрѣтило отъ директора особенно лестнаго отзыва, потому что онъ, какъ риторъ, обращалъ преимущественное вниманіе не на содержаніе, а на форму: *forma dat esse rei*.—За Костей выступилъ и я съ своимъ твореніемъ; начиналось оно, помнится мнѣ, фигурой вопрошенія:

„Что предвѣщаетъ этотъ шумъ, наполняющій священную Элладу? Куда бѣгутъ эти бурныя волны населяющихъ ее народовъ?“ и проч. и проч.

— Прекрасно! воскликнулъ директоръ, не допустивъ меня дочитать сочиненія до конца, и велѣлъ тутъ же преподавателю зачислить его къ произнесенію на актѣ. Такое распоряженія директора пріятелю моему Коконко больно было не по нутру; но я, не прибѣгая къ его помощи, на зло ему, просидѣлъ за обработкой своего дѣтища цѣлыхъ три дня и прочелъ его на актѣ такъ хорошо, что удостоился даже похвалы отъ самаго преосвященнаго Павла, присутствовавшаго на нашемъ торжествѣ, при проѣздѣ по епархіи.

Поработавъ усердно во время экзаменовъ и закончивъ такъ блистательно учебный годъ, я чувствовалъ сильную потребность въ вольномъ воздухѣ и въ движеніи. Маленькое мое ружьецо, эта красивая игрушка, на которую я, отрывая по временамъ глаза отъ книги, поглядывалъ съ замираніемъ сердца—чувство, понятное только настоящему охотнику—доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Впродолженіе кашикулъ не было дня, въ который бы я не ходилъ на охоту, при чемъ не забывались и удочки. И, повторяю, какъ освѣжительно дѣйствовали всегда на мой слабый организмъ эти, повидимому, вульгарныя развлеченія, недостойныя не только мыслящаго человѣка, но и сколько нибудь благовоспитаннаго юноши. Такъ, дѣйствительно, третируютъ ихъ кабинетные ученые. Оторвавшись съ ранняго дѣтства отъ материнскаго лона природы, они создали себѣ искусственный мірокъ, изъ котораго, какъ изъ заколдованнаго круга, не выходятъ иногда во всю свою жизнь. Но не завидую я мудрости всеобъемлющаго Канта, облетѣвшаго мыслию вселенную, не выходя ни разу за городскую черту роднаго Кенигсберга. Такое отреченіе отъ всего живаго, во имя отвлеченностей, мнѣ кажется самоубійствомъ.

Не такова была жизнь другаго великаго нѣмца — реалиста Гумбольдта. Какія высокія наслажденія должна была испытывать душа его, созерцающая безконечно разнообразныя проявленія творящей силы природы!...

Погружаясь въ пучину трансцендентальностей Канта, испытываешь чувство путника, блуждающаго въ непроходимыхъ дѣбряхъ, куда не проникають солнечныя лучи. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на душу читателя „Космосъ“ Гумбольдта. Читая это великое твореніе, ощущаешь чувство довольства, душевной полноты; самъ испытываешь тѣ высокія наслажденія, которыя были присущи

душѣ гениальнаго натуралиста, когда онъ, стоя лицомъ къ лицу съ природой, озаренный лучами троическаго солнца, въ безмолвномъ упоеніи, созерцалъ величавя ея красоты, ощущая какъ бы біеніе ея пульса...

„Individa omnia, quamvis diversis gradibus, animata tamen sunt“ говорить пантеистъ Спиноза. А нашъ даровитый поэтъ Тютчевъ, какъ бы поясняетъ мысль философа:

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть языкъ,
Въ ней есть любовь, въ ней есть свобода...

М. К. Чалый

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нападеніе гайдамаковъ на нарантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 году.

I.

Полоса земли отъ Синюхи до Днѣпра по надъ Высью, Ирклейцемъ и Тясминомъ послѣ турецкой войны, съ 1740 г., причисленная къ малороссійскому миргородскому полку, еще раньше того, во время пребыванія запорожской Сѣчи въ Алешкахъ, въ приднѣпровской своей части заселилась выходцами изъ обѣихъ Украинъ—правобережной и лѣвобережной,—такъ что еще въ первой четверти XVIII ст. здѣсь возникли хутора и села: Омельникъ, Каменка—Потоцкая, Крюковъ, Цыбулевъ, Усовка, а съ 1740 г. основаны были: Петроостровскій форпостъ на Выси, Архангелогородъ на Синюхѣ и Орловскій шанецъ (нынѣ Ольвиополь) у устья Синюхи на границѣ съ Оттоманской Портой; впоследствии, въ 1753 г., на Ингулѣ, въ 40 в. отъ его истоковъ, положено было основаніе крѣпости св. Елисаветы (нынѣ Елисаветградъ).

Полоса эта—нынѣ сѣв. часть елисаветградскаго и александрійскаго уѣздовъ херсонской губерніи—лежала на пути изъ Крыма и запорожской Сѣчи въ Гетмашину, въ кіевское и брацлавское воеводства и Кіевъ; правда, былъ еще и другой путь изъ Крыма въ Кіевъ—черезъ Очаковъ, Бендеры и Подолію, но онъ былъ весьма длиненъ и по немъ слѣдовали лишь въ крайности; отсюда много *шляховъ* пролегало тогда по этой полосѣ, изъ которыхъ одни были въ западной ея части, другіе—въ восточной. Отъ Никитина—Перевоза и Переволочны шляхи направлялись вдоль Днѣпра къ р. Омельнику; отъ Омельника вблизи теперепи-

няго села Павлыша расходились на нѣсколько изъ коихъ одинъ шляхъ велъ къ Кременчугу, другой же, мимо хутора Зѣнцова, къ Чигирину, третій мимо вершинъ Ингульца и Ингула—къ Петроострову, четвертый чрезъ Шведскую балку и р. Ингулецъ между селомъ Звенигородкою и гор. Александріей къ Очакову. Въ западной части этой полосы одни шляхи шли къ Выси, другіе—къ Синюхѣ¹⁾.

Край этотъ—отъ Синюхи до Днѣпра—не менѣе важенъ былъ и въ стратегическомъ отношеніи: здѣсь Россійская имперія стояла лицомъ къ лицу съ Рѣчью Посполитою и Оттоманскою Портою, съ которыми предстояло свести свои исконные, традиціонные счеты.

Край этотъ былъ приманкой и для гайдамаковъ; здѣсь по многимъ шляхамъ проѣзжали торговые люди, отсюда открывался широкій путь въ Польшу, и къ волохамъ, и въ область турецкую; многочисленные балки до овраги, въ то время поросшіе терномъ или камышемъ, и дремучіе лѣса всегда были для нихъ надежнымъ убѣжищемъ²⁾.

¹⁾ Осадчій городка Архангелогорода, козакъ миргородскаго полка Давидъ Звенигородскій, въ 1743 г. такъ докладывалъ миргородскому полковнику Каинисту о значеніи этого городка и его окрестностей: „Туть проѣздъ чрезъ границу и дороги лежать въ четырехъ мѣстахъ,—первая при городкѣ Архангелогородѣ и чрезъ Синюху перевозъ паронами, который перевозъ содержитъ отъ польскаго мѣстечка Тарговицы, (Тарговица на правомъ берегу Синюхи противъ Архангелогорода—нынѣшняго Ново-Архангельска), вторая по правую сторону городка въ 20 в. чрезъ Высь, гдѣ и мостъ есть; третья отъ того мосту вверхъ по Выси въ 40 в. при впаденіи въ оную Турецъ, туть—бродъ; четвертая—по лѣвую сторону городка внизъ по Синюхѣ въ 70 в. „Уманская“, (это *Шпаконъ шляхъ*, который шелъ на Умань, названный такъ потому, что по немъ въ началѣ XVIII в. хаживалъ Федоръ Шпакъ—подручникъ Палѣя, одинъ изъ предводителей народнаго возстанія въ Подолии, промышленливый, между прочимъ, и грабежемъ), гдѣ чрезъ Синюху бродъ Костенской; и по означеннымъ дорогамъ проѣзжаютъ купецкіе всякіе люди, изъ польской области жида и польскіе обыватели въ турецкую область, въ Крымъ, и Бѣлгородъ, и Очаковъ, и въ Запорожскую Сѣчь, и съ юга греки, армяне и волохи въ Польшу со събственными припасами, виноградными винами, сукнами и прочими разными товарами“. Зал. Импер. Одес. Общ. Ист. и Др. т. 14-й, 1886 г., стр. 336).

²⁾ Таковыми были: Черный лѣсъ, Чута (оба эти лѣса и теперь занимаютъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и находятся въ сѣв.—вост. углу александрійскаго уѣзда, начиная отъ Знаменки къ Цибулеву и далѣе), крутня и глубокія балки по рѣчкамъ Омельнику, Ингульцу, Ингулу, Сугаклею и Добрянкѣ возлѣ Синюхи; а

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы расскажемъ о томъ, какъ дѣйствовали гайдамаки на пространствѣ между Бугомъ, Синюхою и Днѣпромъ въ 1750 г., какой имѣли успѣхъ въ погонѣ за ними сыскныя команды, какъ подвизались слѣдственные о гайдамацкихъ дѣянiяхъ комиссіи, какъ миргородская полковая, генеральная войсковая и кiевская генераль-губернаторская канцеляріи относились къ ихъ продерзостямъ.

II.

Въ 1749 г. въ Крыму свирѣпствовала *опасная болѣзнь*—чума или холера; тогда „въ осторожность отъ опасной болѣзни за силу указовъ е. и. в. Елисаветы Петровны“ учреждены были караулы и карантинныя заставы на южной границѣ Малороссiи по обѣ стороны отъ Днѣпра. Карантинныя заставы на право отъ Днѣпра находились: возлѣ теперешняго села Павлыша въ урочищѣ „Ягодная долина“ у рѣчки Омельничка ¹⁾, въ селахъ Крюковѣ, Крыловѣ и въ 40 в. отъ Кіева—въ Васильковѣ; у Синюхина Брода и въ бугогардовой паланкѣ ²⁾ устроены были карантинныя дома. Степныя же караулы были расположены: по р. Омельнику отъ Омельника до Ингульца, вверхъ по Ингульцу, при вершинахъ Ингула и Выси. Сторожевую службу въ упомянутыхъ карантинахъ и

если сыскныя команды были уже очень дѣятельны и почему либо не давали гайдамакамъ въ ихъ убѣжищѣ покоя, то они находили себѣ болѣе надежный прiютъ въ запорожскихъ владѣнiяхъ вблизи устья Синюхи, на скалистомъ со многими пещерами Мигейскомъ островѣ на р. Бугѣ—исконномъ сборномъ мѣстѣ гайдамацкихъ скопищъ; здѣсь была своего рода гайдамацкая сѣчь—съ атаманами (ватажеками), пушками и застѣками; сюда въ первой половинѣ XVIII в. не отваживались добираться сыскныя козацкія команды.

¹⁾ Рѣчка Омельникъ впадаетъ въ Днѣпръ между м. Мишуринъ—Рогъ и сел. Калужино; рѣчка Сухой Омельникъ впадаетъ туда же между сел. Успенскимъ и Деревкою; ручей Омельничекъ впадаетъ въ Сухой Омельникъ у самой Онуфриевки. Балка Ягодна идетъ въ Сухой Омельникъ съ лѣвой стороны возлѣ сел. Павлыша, которое находится въ 10 в. отъ Потоцкой—Каменки и Кривова.

²⁾ Буго-гардовая паланка—запорожскія земли на лѣвомъ берегу Буга (правый принадлежалъ татарамъ); тамъ гдѣ теперь с. Богдановка ананьевскаго уѣзда херсон. губ., былъ запорожскій гардъ, въ коемъ жило начальство, вѣдавшее эти земли: полковникъ, асаулъ, и писарь.

степныхъ караулахъ несли козаки малороссійскаго миргородскаго полка сотенъ: потоцкой, кременчугской и власовской; а ближайшими командирами этихъ карантинныхъ и карауловъ были состоявшіе подъ вѣдѣніемъ сотниковъ сотенные атаманы ¹⁾.

Въ февралѣ 1850 г. въ одной изъ упомянутыхъ карантинныхъ заставъ, что были на р. Омельникѣ, произошелъ отѣнный казусъ; учинившіе казусъ—гайдамаки; потерпѣвшіе же—крымскіе татары и партія запорожцевъ.

Перекопскаго гарнизона Мухамедъ—Джанъ Ага и съ нимъ шесть его товарищей „съ купеческимъ промысломъ“ ѣхали въ Россійскую имперію, или иначе везли на продажу бугасовые (бугась—это шерстяная матерія чернаго цвѣта, чрезвычайно плотная) кафтаны и крымскіе смушки. Когда же они доѣхали до р. Омельника, то здѣсь ихъ задержалъ степной караулъ и атаманъ села Потоцкой Каменки Иванъ Сандулъ заключилъ ихъ 4 февраля 1750 г. „въ указный карантинъ“, находившійся на р. Омельникѣ, между теперешними селами Онуфріевкой и Павлышемъ, въ урочищѣ Ягодной долины.

Черезъ два или три дня въ компанію къ Агѣ присоединилась другая партія, состоявшая изъ запорожцевъ—козаковъ куреня иркѣвскаго: Мусія Караго, Петра Малаго, Павла Цыгана, Аврама Нагайца, Романа Луни, Михайла Заволоки, Микола Крочака, Якима Мѣдика съ товаромъ—„съ рыбою осетрами во восьми возахъ“, да незамайковскаго куреня Наума Носа съ товариствомъ—„съ солью въ пяти возахъ“. Каждую фуру съ осетрами везла тройка лошадей, а у Наума Носа съ товариствомъ было десять лошадей; запорожцы направлялись въ Миргородъ на ярмарку, бывшую тамъ въ послѣднихъ числахъ марта, предполагая тамъ сбыть и рыбу, и соль. Но какъ Агѣ не суждено было перешагнуть Ягодной долины, такъ и запорожскимъ осетрамъ не удалось побывать въ Миргородѣ, потому что когда запорожцы, слѣдуя по „великому шляху“, пріѣхали въ урочище „Ягодную долину“, тотчасъ Иванъ Сандулъ остановилъ ихъ и

¹⁾ Малорос. полкъ дѣлился на нѣсколько сотенъ; сотня, какъ земельная единица, состояла изъ нѣсколькихъ селъ, хуторовъ и мѣстечекъ; сотнею завѣдывалъ сотникъ.

предложили остаться въ указномъ карантинѣ. Козаки отерецивались отъ карантина и говорили, что они ѣдутъ изъ мѣста благополучнаго—прямо изъ Сѣчи, въ доказательство чего предъявили свои паспорта.

Но атаманъ Сандуль твердо исполнялъ свою карантинную службу: разъ получилъ онъ изъ полковой канцеляріи такую инструкцію, чтобы не пропускать ни коннаго, ни пѣшаго, слѣдующихъ со стороны Крыма,—то онъ не полагалъ никакихъ исключеній, даже и для своего брата—козака, и сколько ни просили запорожцы о пропускѣ ихъ чрезъ карантинную заставу, сотникъ оставался глухъ и нѣмъ: паспорта отъ запорожцевъ отобралъ и засадилъ ихъ въ указный карантинъ.

Такимъ образомъ, запорожцы остались въ карантинѣ и, вмѣстѣ съ татарами, вынуждены были коротать свое время. У запорожцевъ кстати имѣлся изрядный запасъ „тютюну и горилки“, почему они смалили *молоки* и тянули *горилку*, да иногда тараторили съ толмачемъ, находившимся при татарахъ; съ татарами же особенно не сообщались, такъ какъ они—*бусурмены* и рѣчи козацкой не понимали, знай себѣ пьютъ мерзкое кобылье молоко и ѣдятъ *лошатину*; впрочемъ, Ага иногда развлекалъ Караго, Носа и прочихъ,—показывая имъ свое добро: кафтаны бугасовые, смушки крымскіе, сабли турецкія, ружья, пистолеты и сѣдла. Запорожцы кое чѣмъ соблазнились: купили пять сѣделъ, нѣсколько смушковъ, сабель и ружей.

Такъ проходили дни за днями. Наумъ Носъ не беспокоился за соль, а Мусій Карый беспокоился,—онъ съ товариствомъ частенько поглядывалъ на своихъ осетровъ.

— Колыбъ не зпаскудыло.... говорилъ Мусій, оглядывая возы съ рыбой.

— Эге, якъ подме низовый!.... Гляды, видкиля и визмецця!.... говорило товариство.

Но *низовый* не дулъ и осетры пока не портились.

— Де—що продамо по дорози и у Кременчузи, а то вже у Мыргороди всихъ роскуцлять! Та ще времяя таке пидходяще—писть! Хапатымуцця та ще онъ якъ за таку добру рыбу!...

Днивь ще мабуть зо тры, та вже и сидинню тому буде кичець!...

Такъ думали и гадали чубатые запорожцы; но случилось иное—въ одну роковую ночь всѣ планы ихъ были разрушены.

III.

Въ ночь съ 27 на 28 февраля Микола Крочакъ, Якимъ Мѣдикъ, Михайло Заволока и двое товарищей Наума Носа находились въ с. Потоцкой Каменкѣ; а въ карантинѣ при возахъ оставались шесть „старыхъ“ запорожцевъ съ двумя хлопцами. Вблизи запорожскихъ возовъ—саженяхъ въ 30—стояли татарскія кибитки; нѣсколько поодаль отъ товара помѣщались совместно татарскія и запорожскія лошади и ихъ оберегалъ только одинъ татаринъ. Недалеко отъ табора—„не далѣе какъ въ полторы гонъ“—возлѣ стрѣльчаго мостка стояли на стражѣ пять челоувѣкъ козаковъ: четыре пѣшихъ и одинъ конный.—Это былъ караулъ, „учрежденный и поставленный атаманомъ Сандуломъ для береженія запорожцевъ и татаръ“.

Уже давно погасъ сумрачный февральскій день; кругомъ была гробовая тишина и такъ темно, что хоть глазъ выколи.

Татары усѣлись въ кружокъ, жарили да ѣли шаплыкъ, запивая его кумысомъ, одному только Агѣ что то не ѣлось и не пилося; онъ говорилъ, что на него напалъ какой то страхъ, что онъ среди всей этой обстановки чувствуетъ себя какъ бы подъ гробовой крышкой. Слушая такія рѣчи, товарищи перекинулись однимъ—другимъ словомъ и замолчали; умолкъ и Ага, погрузясь въ какую то думу. Остальные татары тоже чего то насупились, повѣсили носы и учащенно дымили изъ трубокъ. Взгрустнулось и юркому говорливому толмачу. Онъ то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ заговаривалъ, но бесѣда что то не клеилась. Чтобы размыкать напавшую на всѣхъ неопредѣленную тоску, отправился толмачъ къ запорожскимъ возамъ. Здѣсь было не то,—здѣсь рѣчи рѣчкой лились и компанія хохотала до упаду: сидя возлѣ костра за вечерей, запорожцы прохаживались на счетъ Романа Луни,—поймаваго сегодня въ Каменкѣ *облызня*

отъ молодой бабы. Когда къ веселой компаніи подошелъ толмачъ, тутъ сейчасъ и надъ нимъ подтрунили, предложивъ ему „кулиша зъ саломъ“. Юркій и находчивый татаринъ не потерялся,—отпустилъ нѣсколько прибаутокъ и вступилъ въ разговоры. Разговоры эти были, должно быть, очень интересны, ибо запорожцы довольно долго балагурили съ нимъ. Когда же татаринъ—толмачъ пошелъ къ своей будкѣ, запорожцы тотчасъ же легли спать.

Толмачъ, пришедши въ будку, перекинулся нѣсколькими фразами со своими товарищами, завернулся въ халатъ и захрапѣлъ; захрапѣли скоро и остальные татары, кромѣ Аги,—этому не спалось: въ головѣ у него стучало, въ ушахъ звенѣло, дышалось тяжело, къ тому же мрачныя мысли одна за другой такъ и лѣзли ему въ голову; его тяготило какое то мрачное предчувствіе—и лишь по временамъ онъ впадалъ въ полузабытье.

А въ это время на вершинѣ Ягодной долины уже были степные украинскіе лвы—страшные гайдамаки; ихъ собралось 12 человекъ, теперь они ползли къ татарскимъ будкамъ—и съ быстротой молніи нагрянули на спящихъ татаръ.

Прежде всего досталось несчастному. Агѣ. Еще когда подкрадывались къ патру гайдамаки, ему послышался какой то подозрительный звукъ,—онъ сталъ прислушиваться,—кругомъ все было тихо, но гдѣ то за будкой опять послышался тотъ же подозрительный звукъ. Ага наострилъ уши—опять тихо; наконецъ, слышитъ онъ у самой будки шорохъ и шепотъ, схватывается, и съ кинжаломъ въ рукѣ, въ одной рубашкѣ выскакиваетъ изъ будки; но едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ чья то рука всадила ему списъ въ лѣвое плечо; Ага замахнулся кинжаломъ, но другая рука вонзила ему списъ въ правое плечо; завязалась отчаянная борьба; отмахиваясь кинжаломъ, Ага вырвался изъ среды убійцъ и весь окровавленный пустился бѣжать къ запорожскимъ возамъ, за нимъ по пятамъ гнался гайдамакъ.

Когда Ага сражался возлѣ будки, толмачъ, слышавъ шумъ, вскочилъ, чтобы бѣжать, но едва онъ успѣлъ сдѣлать шагъ, какъ нѣсколько гайдамаковъ проникли въ самую будку, гдѣ наткнулись сейчасъ же на толмача и нанесли ему нѣсколько ранъ; но послѣдній какъ то изловчился и, вырвавшись вонъ изъ

будки, оставилъ въ ихъ рукахъ свой халатъ; метнувшійся вслѣдъ за нимъ гайдамакъ успѣлъ лишь схватить его за рубаху, но ловкій татаринъ вынырнулъ изъ рубахи — и голый полетѣлъ стремглавъ тоже къ запорожскимъ возамъ; схватившій рубашку гайдамакъ побѣждалъ за нимъ; толмачъ это слышалъ и кричалъ о помощи.

— Го-ой!... Алла!... Атаманъ!... козаки!... ратуйте! Харцизь рѣжетъ!...

Заслышавъ крикъ, Мусій Карый вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный, и видитъ сцену: мимо запорожскихъ возовъ бѣгутъ два татарина—одинъ весь въ крови, другой совсѣмъ голый; слѣдомъ за ними гонятся два человѣка, всѣ они бѣгутъ мимо него—Мусія.

— Кто такой? окликалъ Мусій.

— Цыть, вражій сыну! И васъ вырижемъ! сердито гаркнули преслѣдовавшіе. Услышавъ такую рѣчь, Мусій оробѣлъ, моментально приникъ къ землѣ, поползъ къ возамъ Наума Носа; возы Наума стояли далеко—возлѣ шляху. Добравшись ползкомъ до Наума, Мусій разбудилъ его, сообщивъ ему на ухо ужасную вѣсть. Испугался и Наумъ и не рѣшился идти къ возамъ Мусія. Находясь вдвоемъ возлѣ шляху, Мусій и Наумъ не видѣли, что творилось около возовъ. А тамъ происходило вотъ что: толмачъ юркнулъ въ первый попавшійся промежутокъ между возами и притаился тамъ; Магметъ Ага ворвался въ запорожскую будку, гдѣ спали два хлопча, и обезсиленный, истекающій кровью шлепнулся прямо на одного изъ нихъ; хлопецъ перепугался съ просонку, почувствовавъ на себѣ тяжесть навалившагося тѣла, и, выбравшись изъ-подъ него, съ ужасомъ увидѣлъ окровавленнаго татарина. Разбудивши своего товарища, хлопецъ во всѣ лопатки пустился съ нимъ въ Каменку, „вѣдомости даваты“.

IV.

Пока ночью два вѣстника спѣшили въ село Каменку, находившуюся въ 10 верстахъ, то скорымъ шагомъ, то *пидбищемъ*, въ карантинѣ гайдамаки на чисто управились съ татарами и ихъ

добромъ. Сначала они принялись за татарскія буды: одни изъ гайдамаковъ повязали татаръ и стояли съ ножами надъ ихъ головами, другіе таскали все, что было въ будкахъ; и какъ повтыскали всѣ татарскіе пожитки, то пошли къ ихъ лошадямъ. Бывшій здѣсь сторожъ татаринъ спалъ, гайдамаки разбудили его,—имъ нужно было вывѣдать, какіе изъ коней татарскіе и сколько ихъ. Пробужденный татаринъ сразу узналъ, что это харцизы, и надѣлалъ крику; его ткнули списомъ въ руку,—татаринъ вторично закричалъ; тогда, приставивъ ножъ къ самому горлу, гайдамаки обратились къ нему: „Якъ ты, собака твоя харя, ще крычатынешь, такъ ось тоби... такъ и покотыться погана твоя башка!“ Татаринъ онѣмѣлъ. Надъ нимъ сейчасъ подсмѣялись: „Эге, зацпыло! Якъ воды у ротъ набрала, погана вира!... Вже бильшѣ не будешь крычаты!“ И стали допрашивать *погану виру*: „Де твои кони? Покажь! Та гляды—не збрешы, бо мы бачылы вашыхъ коней!“ Татаринъ съ цолвою покорностію показалъ всѣхъ семь коней. Моментально кони были взяты, а татаринъ связанъ.

Забравши лошадей, нагруженные татарскимъ добромъ гайдамаки, какъ вихрь, умчались и исчезли благодаря ночной тьмѣ. Тьмъ временемъ карауль, поставленный атаманомъ Сандуломъ для береженія козаковъ и татаръ, сладко дремалъ на своемъ посту; не проснулся онъ и при гайдамацкой расправѣ,—не слыхалъ онъ и *ука*, происходившаго въ таборѣ; и только тогда караульные очнулись отъ сна, когда гайдамаки съ добычей уносились въ степь¹⁾.

Такимъ образомъ караульные, прозѣвавъ гайдамацкій набѣгъ, поспѣшили въ таборъ, гдѣ какъ только все успокоилось и „*гукъ*“ утихъ, татары поприходили къ запорожскимъ возамъ „вязаные“;

¹⁾ Атаманъ Иванъ Сандуль потѣмъ такъ описывалъ поведеніе своего караула: „Онѣ караульніе чинимато разграбленія надъ татарами не слыхали; по какъ уже забратими татарскими пожитки гайдамаки фхали прямо в стрелецкому мостку, то онѣ караульніе 4 человекъ—какъ скоро послыхали здалека—окликали: що за люде? а онѣ гайдамаки, которихъ немалимъ числомъ било, какъ скоро возможность допустить бегучи, профхали насилво карауль, сказивая всторону: дьяволови сыны! и уехали сѣчовниѣ шлихомъ въ степь; козаекъ, который стоялъ на караулѣ влѣво къ греблѣ стрелецкой, объявилъ, что овъ окликалъ тѣхъ гайдамаекъ: кто идетъ? и ему говорили: свон! и на сѣчовой шляхъ прямо въ степь отфхали“.

Мусій Карый развязалъ ихъ и сталъ спрашивать „пытать“: „сколько гайдамаковъ было и гдѣ вашъ старшій Магметъ Ага?“ Татары говорили, что „харцизь було з двадцять челоувѣкъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чы не мае межи вашими возами“. Начали искать Агу; нашли его въ запорожской будкѣ. Нашедши Агу, татары стали „кликать“ его; онъ былъ еще живъ и сказалъ: „не пойду отсель, верыйте мене здѣсь!“ Агу укрыли. Затѣмъ вся громада—запорожцы и татары—пошли къ татарскимъ будкамъ, гдѣ и застали полное опустошеніе: изъ повозокъ повытаскано было почти все, кое что было разбросано и валялось на землѣ. Пошли къ лошадямъ: ни одной татарской „копяки“ нѣтъ—всѣ забраны, а запорожскіе на лицо всѣ до одной и стоятъ на своихъ мѣстахъ.

Но вотъ снова послышался глухой гулъ; запорожцы и татары бросились къ возамъ, вооружились—кто ружьемъ, кто обухомъ, кто списомъ; караульные наладились палить; ждуть; гулъ все ближе и ближе, всѣ думаютъ, что гайдамакъ скачетъ, но это прибѣжала татарская осѣдланная лошадь, вырвавшаяся изъ рукъ грабителей.

Одновременно съ этимъ и хлопцы прибыли въ Каменку, гдѣ сначала бросились къ атаману Ивану Сандулу и извѣстили его о случившемся съ ними въ будкѣ: что туда къ нимъ вскопчилъ весь въ крови татаринъ, упалъ на одного изъ нихъ и еле еле проговорилъ: „харцизь рѣжетъ!“ Съ этимъ же извѣстіемъ они поспѣшили къ Якиму Мѣдику и прочимъ его товарищамъ, ночевавшимъ въ Каменкѣ.

V.

Получивъ отъ хлопцевъ извѣстіе, атаманъ Сандуль взялъ козака и поскакалъ съ нимъ къ Ягодной долини. Вслѣдъ за нимъ помчались туда же Якимъ Мѣдикъ съ товарищами. Было далеко за полночь. Сандуль, прибѣжавъ къ табору, спросилъ: гдѣ Магметъ? Атаману сказали, что Магметъ равенъ и находится въ козацкой будкѣ.

— Що тутечки подіялось таке? спросилъ атаманъ.

Ему рассказали о случившемся. Мусій Карый говорилъ, какъ его настращали гайдамаки обѣщаніемъ: „и васъ вырижемъ!“ какъ онъ поползъ тогда къ Науму Носу. Наумъ Носъ говорилъ, что онъ и Карый не рѣшились вдвоемъ идти къ татарскимъ будкамъ, такъ какъ замѣтно было, что возлѣ запорожскихъ воевъ стояли на стражѣ гайдамаки. Остальные четыре запорожца заявили, что они ничего не видѣли и не слышали, ибо крѣпко спали въ своей будкѣ, а были разбужены Мусіемъ, когда никакого *гуку* и гайдамаковъ уже не было. Татары же пристали тутъ къ атаману, единогласно обвиняя запорожцевъ въ томъ, что будто бы запорожскіе козаки имъ „спомоществованія дать и мало не похотѣли, да и лошадей ихъ, на пастьбѣ ходячіе купно з запорожскими, вылуча, угнато, а запорожскихъ ни одного не взято“.

Запорожцы сердито замѣтили татарамъ, что хотя бъ они, запорожцы, и не спали, все таки помощи не могли бы дать, ибо гайдамаковъ было много, и темною ночью пускаться пяти—шести человекамъ „на ратуванье“ было опасно.

— Та воно такъ! замѣтилъ Сандуль.

— Та щожъ караулни?... Якъ же це вони?... Дежъ вони були?... восклицалъ онъ.

— Ось—осьдечки! отозвались караульные и повѣдали своему атаману, что они стояли каждый на своемъ посту, а того „*гуку*“, того разбойства никто изъ нихъ не слыхалъ и не видалъ, въ таборѣ было тихо; только когда уже верховые бѣжали къ стрѣлецкому мостку, то они—караульные—, „обликали“ бѣжавшихъ, и тѣ бѣжавшіе, ругаючись, усакали сѣчовымъ шляхомъ въ степь.

— Отто караулни!... и не чулы... бодай бы вамъ позакладало!... замѣтилъ атаманъ, выслушавъ рѣчи своихъ караульныхъ.

— Неначе оттуть якъ обійшовъ хтось... якъ наворожило щось!... оправдывались караульные.

— Бува!... Чого не бува на свити божому!... глубокомысленно замѣтилъ Романъ Луня.

Тѣмъ временемъ, когда атаманъ Сандуль „извѣщался о случившемся“, подоспѣлъ къ табору и Якимъ Мѣдикъ. Онъ сейчасъ полѣзъ въ запорожскую будку и сталъ „ворушуть“ лежавшее здѣсь тѣло; тѣло было холодное и не издавало ни одинаго звука.

— Отъ тоби й на!... вже Магметъ дуба давъ... неживый! сказала Якимъ подошедшему атаману.

— Що?... Якъ?... спросилъ атаманъ.

— Кажу жъ, що ворухивъ—ворухивъ Магмета, а винъ и не озывается!... Неживый!... повторилъ Якимъ.

— Та то мабуть винъ такъ злякавъ, що не озывается! замѣтилъ атаманъ.

-- А ну, мерщій, розвести вогню! Побачымо по видному, що воне таке и якъ воно!... приказалъ онъ.

Возлѣ воевъ развели огонь. Запылалъ костеръ—и ужасную картину освѣтилъ онъ предъ атаманомъ и запорожцами! Въ лужѣ крови лежалъ Магметъ Ага, вѣки у него были полуоткрыты, далѣ видѣнъ былъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, рука со скорченными пальцами нѣсколько приподнята....

— Я жъ казавъ, що винъ неживый... одувивъ... раздался голосъ Якима среди общаго безмолвія.

— Эге, отъ воно що!... воскликнули нѣкоторые.

Зарыдали татары, увидѣвъ мертвымъ своего несчастнаго товарища. Перекрестились козаки.

— Такъ, мабуть, на роду ёму бидному написано! замѣтилъ кто то изъ нихъ.

— Оце!... Оце!... Ачъ якъ!... И каравульныхъ поставивъ... а воно бачъ воно що!... Оце на лыху годыну!... восклицалъ въ недоумѣніи Сандуль.

— Бува... ще й не те бува!... замѣтилъ преспокойно Романъ Луця.

— Треба жъ хочъ роздывитця, що воно ёму тамъ зроблено! сказалъ Сандуль.

Вытащили мертвеца изъ будки, положили его предъ огнемъ и стали „роздывлять“: между плечъ зіяли двѣ глубокія раны.

Только что окончили осмотръ Магмета, какъ вдали послышался вой волковъ. Чубатые запорожцы сняли „капелюхы“ свои и перекрестились; имъ не разъ приходилось слышать этотъ степной концертъ, но теперъ онъ казался имъ болѣ дикимъ, страшнымъ.

— Отто на лыху годыну! ще цѣго не доставало! Це жъ вона, бисова звирюка, теперечкы тичками бига! Колыбъ коняку яку

не вхопыла! говорили они между собой, и для безопасности разложили костеръ возлѣ лошадей.

Не прошло и получаса, какъ раздался далеко крикъ „ау!“ Крикъ повторился нѣсколько разъ и замеръ въ дали степной.

— А це ще шо таке?... Це неначе видтыля, де караулни стоять—цо той бикъ яру! сказали нѣкоторые.

— Та неначе видтыля! Мабуть тамечкы щось е?... Замѣтили другіе.—Хыба вовкы цѣраються!...

— А вжежь на-обхляпъ не крычатиме! сказалъ Сандуль и послалъ двухъ козаковъ на развѣдки.

Скоро посланные явились съ третьимъ верховымъ, который былъ изъ караула, находящагося въ 7 верстахъ отъ карантина вверхъ по Омельничку.

— Мабуть чоловикъ з пятнадцатеро, а може й бильшь, выскочыло з яру, та набигло на будку, та увесь харчъ забрали, якъ есть усе, що у будци було! объяснили козакъ атаману Сандулу.

— Та хто жъ гукавъ? Ты такы? спросилъ Сандуль.

— Эге, я жъ такы! Мы жъ такы—караулни! Насъ три чоловыки выихало у степъ слидомъ за харцызами, та якъ уздрилы огныще, тай гукнулы,—сказалъ козакъ.

— Та де жъ воны?... Якъ же це воны?... сталъ допытываться Сандуль.

— Хто такой?.. караулни?.. въ свою очередь спрашивалъ козакъ.

— Та ни! Люде жъ таки ты, що харчъ забрали... харцызы?... пояснилъ атаманъ.

— Забрали жъ харчъ, кажу жъ, увесь; кульбакъ зо тры, дvi буркы, пару чобитъ, рядныну забрали, казанокъ бывъ щербатый—и той узялы, та у степъ ударылысь сичовымъ шляхомъ!... вторично доложилъ казакъ.

— Оце лыха годына! Котрый оце рикъ те гайдамацтво гарцюе?... то було купцивъ та татарву обдырають, ляхивъ руйнують, а це вже й на саму сторбжу накыдаются...

— Тай не въ дывовыжу, що татарву тутечкы полапалы!... перебилъ Сандула Мѣдикъ.

— Сказано, темна ничъ! На лыхого чоловика—воно якъ разъ на руку! прибавилъ Романъ Луня.

— Що тамъ ничь!... Ось у день вони шпурхають по степахъ, якъ вовкы,—оце гледи видѣля и визьмытєя верховецъ або двое! Сѣгодня два чоловики занялы напу коняку; насъ четверо вдарылось за ими, гнались верстовъ зъ десятокъ; якъ ускочылы вони у яръ била Ингульця, такъ якъ кризь землю провалылысь! Ци-лисенькій день издылы мы жъ такы по-надъ яромъ—нема тай годи! сказаль козакъ.

— Эге, це жъ вони вамъ и оддячылы за те, що вы гналысь за ими, та назырцемъ издылы по-надъ яромъ, — мабутъ имъ нудно було сыдиты увесь день у яру!... разсуждаль Мусій Карый. Съ его мнѣніемъ согласылысь остальные и рѣшылы, что ограбывшіє караульныхъ были тѣ самыє гайдамаки, которые управылысь и здѣсь съ татарами.

VI

Дождавшысь разсвѣта, атаманъ Сандуль послаль гонцовъ въ разныя стороны для сысканія „разбойнаго слѣду“, и самъ съ нѣсколькыми козаками пустылся на поыски ночныхъ забіякъ, ограбывшихъ татаръ и караульныхъ.

Начало было удачное: Сандуль вывелъ слѣдъ на хуторъ Зѣнцовъ. Потрусылы (обыскалы) хуторъ,—обшарылы въ немъ всѣ закоулки и не нашлы нигдѣ ничего подозрительнаго. Отъ хутора разбойничій слѣдъ потянулєя влѣво къ греблѣ стрѣлцкой, гдѣ въ ночь на 28 февраля на караулѣ стояль козакъ. Отсюда слѣдъ выбѣжалъ на сѣчевой шляхъ—и на шляху исчезъ.

Разумѣтєся, за вѣтромъ въ полѣ ничего было гонятєся,—и Сандуль поспѣшыль въ Каменку, чтобы увѣдомыть поскорѣе о случывшемєя потоцкую сотенную канцелярїю.

Сотникъ потоцкій Юрій Сахатовъ, получывъ 1 марта это извѣстїє, того же дня поспѣшыно прыбыль въ Ягодную долину и здѣсь лично разузналь о подробностяхъ разбоя и прыбыль до вечера, поджыдая козаковъ, посланныхъ Сандуломъ на развѣдки. Разсыльные, прыѣздывъ цѣлый день, воротылысь нн съ чѣмъ: подозрительныхъ людей оны не видѣлы; развѣздныя команды, какія попадалысь имъ, гайдамаковъ не встрѣчалы; по балкамъ, лѣс-

камъ и очеретамъ пусто. Выслушавъ такія вѣсти, Сахатовъ не оставался болѣе въ карантинѣ,—постарался поскорѣе отъѣхать домой, такъ какъ и татары, и запорожцы надоѣли ему своими жалобами.

— Коли вже кинецъ буде тому сидинню! говорили запорожцы. Мы жъ таки люды не абы якы: и пашпорты маемо, и хуры маемо—та ще не прости, а зъ рыбою, та ще онъ зъ якою! И коней бильшь якъ трыцяттеро маемо! Це жъ такы не шкуры яки, абò медь, а рыба! Якъ вона лежатыме, такъ ни на вищо переведеться, пропаде, якъ собака у ярмарку! Тай худоба стоить такечкы безъ ніякого дила! печаловались запорожцы.

Сотникъ Сахатовъ кое какъ отдѣльвался отъ тѣхъ и другихъ: татаръ онъ утѣшалъ тѣмъ, что „харцызы“ всенепремѣнно будутъ сысканы и примѣрно наказаны, что заграбленное ихъ имущество будетъ найдено, и жалоба на запорожцевъ и козаковъ будетъ разсмотрѣна; запорожцамъ обѣщаль скорый отпускъ,—говориль, что хотя они люди честные и извѣстные, но какъ свидѣтели разбоя—сейчасъ не могутъ быть отпущены, безъ разрѣшенія полковой миргородской канцеляріи.

— Та вже жъ оцѣ мы и йдемо у Миргородъ, треба жъ на ярмарокъ поспинаты! А якъ пійде те пысання, той кинця ёму не буде! Це вже мы добре знаемо, яке те скоре пысання бувà! Мы жъ якъ бы оцѣ приехали у Миргородъ, тамечкы жъ такы прямисинько самому полковныкови усе бъ и розказалы, що и якъ подіялось тутечкы зъ татарами! Такъ воно дило скорышъ буде: значыться, и рыбу продамо, и допросьни речи видамо!

Возраженія запорожцевъ не убѣждали ни сотника, ни атамана, указывавшихъ имъ, что, быть можетъ, имъ, запорожцамъ, не придется побывать въ Миргородѣ, они могутъ продать рыбу и не доѣзжая до Миргорода; а выѣхавъ изъ карантина, они тѣмъ самымъ навлекутъ на себя подозрѣніе: высшія власти подумаютъ, что и они, запорожцы, были въ стачкѣ съ грабителями; вотъ уже и теперь татары жалуются, что запорожцы помощи дать не похотѣли, и въ доказательство этой жалобы будутъ ссылаться на немедленный отъѣздъ ихъ изъ карантина; на сотника и атамана будутъ жаловаться татары, что запорожцы намѣренно

были выпущены, чтобы скрыть слѣды преступленія, сдѣланнаго гайдамаками, и совѣтовали кому либо изъ нихъ отправиться за Днѣпръ и тамъ прискаты купцовъ на рыбу. „И сина буде циле, и козы будуть сыты: и рыбу продасте, и въ сумнѣнїи (въ подозрѣнїи) не будете!“-- говорили сотникъ и атаманъ.

— А бодай того сина нивѣду не исты!... Оце, на лыху годывну!... И де вона узалася оця татарва, щобъ їй добра не було!... Хто варывъ, а кому хлыстаты!... говорили запорожцы, хватаясь за свои оселедцы (чубы).

— Пидождемо ще трохы! Побачымо, що воно зъ тѣго выйде!... покы на погоди стоить, воно щезъ то й ничѣго!... рѣшили они, и стали дожидаться изъ миргородской полковой канцелярїи резолюціи.

VII.

Прибывъ домой, сотникъ Юрій Сахатовъ, 2-го марта, послалъ въ миргородскую полковую канцелярїю доношеніе, въ которомъ подробно описалъ происшедшее въ Ягодной долинѣ въ ночь съ 27 на 28 февраля 1750 года. Въ концѣ онъ спрашивалъ: „и запорожцевъ тѣхъ содержать ли подѣ карауломъ, или отпустить ихъ съ товарами, якіе въ нихъ имѣются“.

Получивъ упомянутое донесеніе, полковая канцелярїя 5-го марта представила его „въ высокое разсмотрѣніе“ господину генераль-аншефъ кавалеру и кїевской губернїи генераль-губернатору Михаилу Ивановичу Леонтьеву, увѣдомила о томъ и генеральную войсковую канцелярїю, а потоцкому сотнику на его доношеніе „въ резолюцію“ послала указъ, и тѣмъ указомъ „велѣно“ учинить справку и по оной рапортовать, въ какомъ урочищѣ тѣ татары заключены были въ карантинъ, въ одномъ ли мѣстѣ съ ними были запорожцы, какихъ они куреней и сколько ихъ числомъ, и караулъ въ какомъ числѣ людей учрежденъ, и для чего разграбленіе допущено караульными? Потоцкій сотникъ Сахатовъ, получивъ указъ, препроводилъ его каменскому атаману Ивану Сандулу и послалъ ему ордеръ съ предложенїемъ „прислать *праведный отвѣтъ* о нападенїи на заключенныхъ въ

карантинъ татаръ и о прочемъ“. Такимъ образомъ началось канцелярское бумагомараніе, на какое ушло чуть ли не три недѣли.

Татары, предчувствуя, что дѣло затянется, давно убрались домой, чтобы искать черезъ хана удовлетворенія за свои обиды.

Запорожцы, несмотря на карантинную скуку, имѣли терпѣніе выжидать резолюціи относительно своего отпуска на миргородскую ярмарку. Правда, не разъ во время этого карантиннаго сидѣнья, ѣздили запорожцы въ Каменку и здѣсь приступали къ Сандулу съ требованіемъ отдать имъ паспорта и отпустить ихъ; но всякій разъ безуспѣшно возвращались въ ненавистный карантинъ: Сандуль паспортовъ не давалъ, а указывая на необходимость дождаться „резолюціи“, совѣтовалъ, чтобы двое или трое изъ нихъ, взявъ у него билетъ, отправились за Двѣпръ да приискали бы тамъ купцовъ на свои товары—рыбу и соль.

Совѣтовъ Сандула запорожцы не слушали, ибо свободолюбивые „лыцари“ всякій арестъ считали для себя тяжкимъ оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе, что въ паспортахъ прописано было: „чинить имъ свободный пропускъ“.

Безпокойство ихъ возрастало съ каждымъ днемъ; погода становилась все теплѣе и теплѣе и миргородская ярмарка была что называется „уже на носу“. Запорожцы намѣревались предпринять что либо рѣшительное и уже стали готовиться къ выѣзду изъ карантина,—какъ 16 марта раненько утромъ явился туда атаманъ Сандуль. Обрадовались запорожцы, когда увидѣли его—думали, что атаманъ пришелъ объявить имъ отпускъ; но онъ сообщил запорожцамъ не веселую вѣсть: ему ордеромъ велѣно, дать праведный отвѣтъ о разбоѣ, бывшемъ 27 февраля; а для сего ему необходимо снять „сказку“ съ нихъ, яко свидѣтелей того разбоя; сію сказку потоцкій сотникъ сегодня отправить въ миргородскую канцелярію, которая съ полученіемъ „сказки“ разрѣшитъ имъ отпускъ. Запорожцы подумали, что и въ самомъ дѣлѣ это такъ будетъ, и успокоились. Допросъ былъ снятъ,—собственно показаніе далъ только Мусій Карый, какъ самый почтенный изъ нихъ и болѣе знакомый съ обстоятельствами разбоя¹⁾).

¹⁾ Вотъ текстъ этой сказки:

„1750 г. марта 16, я нижеподписавшійся козакъ Сѣчи запорожской ирклѣв-

Снявъ допросъ, Саудуль сейчасъ метнулся въ Каменку, написалъ репортъ, въ коемъ изъяснилъ о поведеніи своего караула ¹⁾, въ какомъ урочищѣ были заключены татары и запорожскіе козаки, и ходатайствуя о послѣднихъ, писалъ, что затруднительно задерживать ихъ долѣе, ибо у нихъ „товаръ таковой—рыба осятра“, что при настоящей теплой погодѣ можетъ „прійти въ порчу“. Къ репорту Саудуль присовокупили копію до-

скаго куреня Мусѣй Карий сказкою показалъ, —такъ начинается повѣстаніе,—и показалъ Карий слѣдующее: „будучи в карантинѣ посаженій в урочищѣ Ягодной долины з рыбою в восьми возахъ, да незамаповскаго куреня Наумъ Носъ з солю з товариствомъ в пяти возахъ, прошлаго февраля 27 противъ 28 отъ вишенесанихъ возовъ ночовали в селѣ Камяницѣ пять человекъ ихъ товариства, а при возахъ точію было 6, старихъ хлопцовъ 2; якого вечера отъ татарскихъ будокъ толмачъ, пришовши к возамъ запорожскимъ, сидѣлъ долгое время; отпешедши к своей будки—точію посули; и наехали к нимъ гайдамаки, нанали на сонныхъ; и какъ вырвался з ихъ рукъ Магметъ в одной рубашки ввесь въ кривѣ, и другій за немъ цагій—закричалъ: „атаманъ и козаки ратуйте, харцизъ рѣжетъ!“ имно вози запорожскіе прибежали, за которыми оніе гайдамаки слѣдомъ два человекъ бежало: и какъ отъ возовъ Мусѣй Карий окликавъ: хто таковъ? оніе гайдамаки сказали: цитъ, вражій сыну! и васъ вирѣжемъ! который, улякшись, внавши на землю, полѣзъ къ возамъ Наума Носа: и оттоль з зашлаху не видѣли оніе, какъ Магметъ межи вози вбежавши в будку—тамо сонного хлопца напавъ, который хлопонецъ сподъ его вилѣвши, побежали в двоухъ въ село Камянку ведомости давати; и какъ забрали всѣ пожитки ихъ, пошли къ конемъ татарскимъ тѣ гайдамаки, гдѣ будущого сторожа въ коней татарина вдаривши списомъ в руку, то оной крикнулъ дѣвчи татаринѣ, которому гайдамаки говорили, что не будешь вже болѣе кричать, и питали его татарина: сколько коней? и оной показалъ имъ вси семь; якіе забравши тѣ лошади и имущество ихъ, отехали отъ оныхъ; и изъ тихже татарскихъ лошадей одна въ сѣдлѣ безъ уздечки вскорости прибежала; и какъ той гукъ пересталъ, попривидѣвши оніе татарѣ къ возамъ визани, которыхъ Мусѣй Карий, порозвизовавши, сталъ питать: сколько гайдамакъ было и гдѣ вашъ старшій Магметъ? но оніе говорили, что харцизъ було з двадцать человекъ, а за Магмета не вѣдаемъ,—чи немае межи нашими возами? и в будки запорожской зашедши, стали оніе татарѣ кликать къ себѣ, которой еще живъ будучи сказалъ, что не пойду отселя, вкрійте мене здесь! и какъ вже атаманъ камянской по извѣщенію вишенесанили хлопцами з козкомъ еднимъ къ табуру прибежалъ и питалъ: гдѣ Магметъ? кой сказалъ: въ будкѣ козацкой; и приехавши з Камянки Якимъ Мѣдикъ, полѣзши в будку, сталъ ворухити и повидѣвъ, что вже дубленъ, говорилъ: вже надежно Магметъ неживъ! а атаманъ Якиму Мѣдику говорилъ: то, знать, онъ улякшись не озивается! и выклавши край возовъ огонь видѣли, что онъ неживъ сталъ; и видно на немъ было, что его списомъ вкарито в плечи; что в самую истину сознавши—на томъ и подписался, не уиѣючи писания, крестомъ“.

¹⁾ „Караульниче—числомъ 5 человекъ—чиниматаго разграбленія не сажали и окликали гайдамакъ уже тогда, когда они бѣжали съ добычею мимо караульныхъ“.

проса, взятаго съ козака Мусія Караго, а также и подлинныя паспорта Наума Носа и Караго.

„Праведный отвѣтъ“ атамана Сандула, копію показанія Караго и упомянутыя паспорта потоцкій сотникъ Юрій Сахатовъ того же дня, 16 марта, представилъ въ полковую миргородскую канцелярію; при чемъ онъ „нижайшій особливо покорнѣйше“ просилъ: „объявленныхъ козаковъ запорожскихъ 13 человекъ содержать ли подъ карауломъ ихъ самихъ такожъ и товары ихъ,—яко по представленію атамана Сандула имѣется в нихъ рыба осетри, которые отъ нинѣшняго теплаго воздуха въ порчу приходятъ,—или какъ соизволено будетъ, въ резолюцію имею указу“—велерѣчиво заключилъ г. сотникъ. Но не удалось ему дождаться указа,—запорожцы не затруднились поступить съ собою, съ товарами и худобою по своему усмотрѣнію.

VIII.

Уже 16 марта значительно потеплѣло, подулъ „низовой“; 17-го полилъ сильный дождь, 18-го днемъ и ночью стоялъ такой туманъ, что на разстояніи трехъ шаговъ нельзя было видѣть человека; осетровъ совершенно „спаскудыло“; время миргородской ярмарки проходило,—терпѣнью запорожцевъ насталъ конецъ.

— Отъ тоби й те жданья!.. Отъ тоби й спаскудыло товаръ не нащо!.. Щобъ имъ добра не було!.. Годи вже цему сидинню! И ярмарокъ вже пропавъ, мнувся!.. заорали они, глядя на погоду и на своихъ поблекшихъ осетровъ.

Теперь запорожцы отиравились къ атаману Сандулу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выканючить у него хотя свои паспорта. Явились чубатыя запорожцы въ Каменку и приступили къ Сандулу.

— Докы вже це сидиння та жданья буде? Чого ще ждаты, чого жъ це усе сидиты?.. Сказку взявъ... товаръ пропавъ... ярмарокъ мнувся!.. Зроблено усе, чого хотилось! Давай намъ разъ пашпорты, тай годи!—орали запорожцы.

— Та чого бо мурдуватись?... Бильше ждаль! Ще трохи подождить,—може й завтра резолюція прійде! А тымъ часомъ

котри зъ васъ поѣхали бѣ на той бикъ, тай знайшли бѣ тамечкы купцивъ на товарь!.. А резолюцію, кажуть, тымъ часомъ будете мать,—отъ якъ невыдно вона прійде! Такіе совѣты преподносилъ Сандуль своимъ плѣнникамъ и паспортовъ имъ все-таки не давалъ, такъ какъ ихъ у него и не было: они, какъ мы знаемъ, отправлены были въ Миргородъ.

— Якои резолюціи ждаты? На вищо ии у биса ѣдаты? Хыба мы харцызякы яки, чы що?.. Годи вже ждаты!.. Минулось те ждання! Якихъ у чорта купцивъ шукаты, тай на вищо? Хыба хто здыхлятыну купуватыме?..—горячились запорожцы.

— Подаруймо ёму, братци, осятривъ... на сніданокъ!.. Хай подавидця имъ!..—возопилъ Михайло Заволока.

И братцы метнулись въ карантинъ. Они запрягли фѹры; трое пошли за фѹрами, а остальные десять сѣли на лошадей и направились къ селу Каменкѣ.

Иванъ Сандуль, замѣтивъ издали процессію, велѣлъ запретъ „царину“¹⁾ и поставилъ возлѣ нея стражу для недопущенія запорожцевъ въ село.

Когда запорожцы подъѣхали къ царинѣ, то объявили караульнымъ, что они и село разнесутъ, если только караульные будутъ имъ сопротивляться. „Сторожа“ оставила свой постъ,—и запорожцы торжественно всѣ вмѣстѣ въѣхали въ Каменку. Медленно шествуя, прибыли они во дворъ каменскаго атамана Ивана Сандула и здѣсь оставили свои фѹры и двадцать лошадей, а сами на остальныхъ „верхы майнули“ во свояси—въ Сѣчь. Иванъ Сандуль только руками разводилъ, глядя на всю процедуру въѣзда и выѣзда запорожцевъ. Того же числа, т. е. 19-го марта, атаманъ Сандуль отпраповалъ объ отѣздѣ запорожцевъ потоцкому сотнику Сахатову, при чемъ испрашивалъ отъ

¹⁾ Царина—это верота при главномъ въѣздѣ въ село; на ночь царина запиралась и возлѣ нея находился карауль; да и днемъ при ней стоялъ сторожъ и спрашивалъ незнакомцевъ, кто они и гачѣмъ ѣдутъ. Царинъ въ селѣ было двѣ или три, смотря по количеству главныхъ въѣздовъ въ село. И теперь въ Малороссіи во многихъ селахъ есть царини; при нихъ лѣтомъ устраивается будка изъ хвороста или „очерега“; въ будкѣ находится старикъ-сторожъ, который для общественного амбара отбираетъ определенное количество сноповъ огъ солины, везущихъ съ поля хлѣбъ.

него резолюціи: что дѣлать „съ тѣми товарами и лошадьми?“ Въѣсто разрѣшенія на рапортъ Сахатовъ 22 марта послалъ о случившемся „нижайшее доношеніе“ въ полковую миргородскую канцелярію. „Сего марта 22“, писалъ Сахатовъ, „сотнѣ моей потоцкой камянской атаманъ Иванъ Сандуль присланимъ въ сотенную потоцкую канцелярію доношеніемъ представилъ, что содержимѣ тамо до резолюціи з полковой миргородской канцеляріи запорожскіе козаки, якие стояли купно въ карантинѣ з татарами, тогожь 19 марта оные запорозци вси до единого ввезши насильно въ село Камянку вози свои з товари—бросили; коихъ возовъ имеесть съ рибою осетрами 7¹⁾, а из солюю 5, такожъ лошадей 20; а подъ себе взяли по одной лошади верхи и отъехали въ Запорожскую Сечь; хотя же атаманъ Сандуль и многожды приказовалъ имъ запорожцамъ, чтобы съ нихъ 2 или 3 человекъ въ заднепрскіе места за его,—атамана, билетомъ отъехали для пріисканія купцовъ на имеющіе в нихъ товары,—только оные притомъ ему, атаману, объявили: *яко де не точію съ насъ 2 или 3, но хотя де и всемъ прикажи и на сию сторону Днѣпра со всеми возами ити, то де не желаемъ за тымъ, яко уже осетровъ много в порчъ сойшло, а другое—за миновеніемъ ярманку миргородскою; и требовалъ атаманъ Сандуль темъ своимъ доношеніемъ резолюціи; того ради я нижайшій о предписанномъ полковой миргородской канцеляріи въ высокое разсмотреніе представляю, и какъ о томъ будетъ соизволено—въ резолюцію ожидать мею указу“.* Такимъ образомъ, Сахатовъ, не давъ атаману Сандулу резолюціи, сталъ дожидаться таковой изъ Миргорода. Это тѣмъ болѣе огорчало Сандула, что ему приходилось теперь паянчиться съ чужимъ добромъ: съ осетрами, солюю и конями. Долго упорный атаманъ не разставался съ осетрами, пока они не обратились въ гниль, отъ которой несло на десятую улицу. Тогда Сандуль собралъ громаду и церемоніально—при свидѣтеляхъ—выкинулъ осетровъ туда, откуда они были взяты—въ днѣпровскія воды.

¹⁾ Одинъ возъ осетровъ запорожцы распродали, бывши въ карантинѣ: сюда за осетрами пріѣзжали изъ Кременчуга.

Такъ то пришлось распрощаться съ драгоценною рыбою. Миргородцамъ не удалось покушать запорожскихъ осетровъ, кіевлянамъ же не довелось и понюхать ихъ, такъ какъ дожидись запорожцы резолюціи, пришлось бы тащить ихъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ солью, по распоряженію миргородской полковой канцеляріи, которая постановила такое рѣшеніе: „имѣя сумнѣніе объ вышеозначенныхъ запорожцахъ, не изъ согласія-ль ихъ то нападеніе учинено,—отправить запорожцевъ *со всеми пожитками* для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву, яко запорожскіе козаки въ главной командѣ его находятся“. Полковая канцелярія уже изготовила Сахатову ордеръ, чтобы онъ препроводилъ запорожцевъ съ осетрами въ Кіевъ къ Леонтьеву, какъ вдругъ 26 марта получается отъ Сахатова новое донесеніе, что запорожцы, оставивъ свои товары и лошадей въ Каменкѣ, „самоизвольно“ отѣхали въ Сѣчь. Тогда миргородская полковая канцелярія потоцкому сотнику „резолюціи“ никакой не дала, и переписку о разграбленіи татаръ въ Ягодной долиніѣ перенесла въ другую сферу.

IX.

Въ концѣ марта, когда въ Каменкѣ не знали, что дѣлать съ запорожскими осетрами и, наконецъ, ввергли ихъ въ Днѣпръ, явился въ м. Потокъ кременчугскій комендантъ—кіевскаго гарнизона премьерь-маіоръ—Нѣмцовъ, предъявившій потоцкому сотнику Сахатову указъ. Указъ этотъ полученъ былъ Нѣмцовымъ изъ кіевской генераль-губернаторской канцеляріи и въ немъ значилось: „по полученному изъ миргородской полковой канцеляріи донесенію вѣдомо стало, что за Днѣпромъ сотни потоцкой въ карантинѣ ночнымъ временемъ противъ 28 февраля сего года нѣсколько человекъ гайдамакъ, напавъ на крымскихъ татаръ, одного татарина въ смерть закололи, а двоихъ ранили и все имѣющееся у нихъ имущество забрали; и ему, Нѣмцову, велѣно тѣмъ указомъ самоточнѣйше произвести о томъ слѣдствіе на мѣстѣ“.

Нѣмцовъ и Сахатовъ, кое какъ переправившись черезъ Днѣпръ, прибыли въ Каменку. Здѣсь, во дворѣ атамана Сандула Нѣмцовъ осмотрѣлъ пустые возы, на коихъ были нѣкогда осетры, поглядѣлъ на запорожскихъ коней и отправился къ мѣсту печальнаго событія—въ опустѣвшій карантинъ при Ягодной долині. Нѣмцову показали мѣста, гдѣ находились тогда татарскія будки, гдѣ стояли запорожскіе возы, гдѣ паслись кони, показали ему и урочище, гдѣ былъ караулъ въ ночь на 28 февраля; посѣтилъ онъ хуторъ Зѣнцовъ; проѣхался по сѣчевому шляху. Завывалъ вѣтеръ въ степи, шумѣли вербы въ яру—нѣмые свидѣтели бывшаго разбоя; живыхъ свидѣтелей—запорожцевъ не было; о гайдамакахъ, совершившихъ грабежъ и убійство, и слухъ пропалъ,—они какъ въ воду канули. Повертѣлся—повертѣлся премьеръ-маіоръ въ Ягодной долині, поразспросилъ караульныхъ, такъ искусно сторожившихъ 27 фев. татаръ и запорожцевъ, поговорилъ съ Сандуломъ, затребовалъ изъ поточкой канцеляріи копію показанія Караго, получилъ отсюда же „праведный отвѣтъ“ Сандула „о содержаніи оныхъ татаръ въ карантинѣ“ и „инструкцію, какова атаману Ивану Сандулу о имѣніи отъ опасной болѣзни предосторожности съ полковой миргородской канцеляріи дана“,—и затѣмъ отправился въ Кременчугъ.

О результатѣ своей поѣздки въ Ягодную долину Нѣмцовъ немедленно отрапортовалъ кіевскому генераль-губернатору,—сообщивъ ему не болѣе того, что писали прежде него въ миргородскую канцелярію Сандулъ и Сахатовъ.

Въ генераль-губернаторской канцеляріи втеченіе апрѣля ничего не предпринимали по дѣлу о разграбленіи татаръ въ Ягодной долині,—отложивъ его до поры—до времени. За то по этому предмету работали въ канцеляріяхъ полковой миргородской и генеральной войсковой.

Полковая миргородская канцелярія, получивъ донесеніе поточкаго сотника объ отъѣздѣ Караго и Носа съ товариществомъ въ Сѣчь, припрятала ордеръ, касательно отправки упомянутыхъ запорожцевъ къ Леонтьеву, и 31 марта послала доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію, въ которомъ, объяснивъ пер-

воначальный ходъ дѣла, писала: „имѣя сумвѣніе о сихъ запорожцахъ, не изъ согласія ль ихъ то нападеніе учинено, хотя миргородская полковая канцелярія опредѣлила была отправить запорожцевъ со всѣми пожитками для надлежащаго опредѣленія къ генералу-аншефу Леонтьеву; однакъ сего жъ марта 26 сотникъ Сахатовъ присланнымъ въ полковую миргородскую канцелярію доношеніемъ—по доношенію къ нему атамана камянскаго Ивана Сандула—представилъ, что тѣ запорожскіе козаки, сего жъ 19 марта вся до одинаго, возы свои съ товары, ввезши насильно въ село Камянку, такожь и лошадей 20, бросили и отѣхали въ запорожскую Сѣчь; того ради съ прописанныхъ его, сотника, доношеній, такожь изъ допросу козака запорожскаго Карого и изъ данныхъ имъ—запорожцамъ—изъ Сѣчи пашпортовъ копіи при семъ для разсмотрѣнія представляя, объ ономъ полковая миргородская канцелярія въ генеральную войсковую канцелярію покорно доносить“.

Донесеніе это было получено въ Глуховѣ 9 апрѣля. Но еще до этого генеральная канцелярія вознамѣрилась докопаться свѣдѣній о разбоѣ, совершенномъ гайдаками въ Ягодной долині. Въ кievскую генераль-губернаторскую канцелярію послана была промеморія, въ которой требовалось доставить тѣ самыя свѣдѣнія, какихъ прежде добивалась миргородская канцелярія отъ потоцкаго сотника, и сверхъ того данъ былъ указъ миргородской канцелярії, коимъ велѣно: „ежели востребовано-бъ было для слѣдствія о томъ кого изъ малороссійскихъ старшинъ, такожь команды для сыску тѣхъ гайдамакъ, все то скоро за полученіемъ изъ кievской генерал-губернаторской канцелярії указа исполнять въ самой скорости; а до полученія того *стараться сыскивать тѣхъ гайдамакъ всемѣрными образы*“.

Получивъ сей указъ, миргородская полковая канцелярія вторично сообщаетъ генеральной канцелярії данныя о разграбленіи татаръ въ Ягодной долині, и только теперь—въ апрѣлѣ—озабочивается „объ искорененіи и поимкѣ тѣхъ гайдамакъ, кои татаръ разбили“. Для этой цѣли она снарядила команду изъ 400 козаковъ, начальниками которой назвачила сотниковъ—городисскаго Кодинца и крыловскаго Рудя. Командирамъ—Кодин-

цу и Рудю—дана была надлежащая инструкция: „велено имъ, Козинцю и Рудю, съ тою командою слѣдовать въ степніе мѣста и тѣхъ шатающихся по степу гайдамакъ стараться всякими удобовозможными образы ловить, и въ случае безсилія для вспоможенія давать знать состоящимъ въ заднѣпровскихъ мѣстахъ лантмилицкой и по фарпостамъ резервной командамъ; и ежели тѣ воры могли быть гдѣ пойманны, забивъ в ручніе и ножніе колодки, не отдавая ихъ никому, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать въ полковую миргородскую канцелярію для надлежащаго объ нихъ по указамъ разсмотренія и опредѣленія; а честнымъ запорожскимъ козакамъ и по зѣмовникамъ жителствующимъ, кои къ воровствамъ и разбоямъ не косни, обидъ и разореній не чинить; и за границу, въ польскую и турецкую области, имъ сотникамъ и командѣ ни подъ какимъ видомъ не ѣздить и заграничнымъ людямъ обидъ никакихъ не оказывать—подъ жесточайшимъ по силѣ указовъ штрафомъ“.

Объ этомъ своемъ распоряженіи миргородская полковая канцелярія не преминула покорно рапортовать, куда надлежитъ.

Такимъ образомъ, только съ половины апрѣля миргородскіе козаки начали гоняться по степямъ за гайдамаками. На нихъ собиралась гроза и съ другой стороны—со стороны Крыма, откуда крымскій ханъ усиленно требовалъ удовлетворенія за убійство и грабежъ, содѣянные 27 февраля въ Ягодной долині.

X.

Татары, оплакавъ и похоронивъ Магмета Агу въ Ягодной долині, отправились во свояси—въ Крымъ. Они ѣхали сюда добрыхъ 10 дней. Добравшись кое какъ домой при неблагопріятной погодѣ, они поспѣшили въ Бахчисарай и обратились съ жалобой къ хану. Они рассказали, какъ въ карантинѣ ночью напали на нихъ харцизы, Магмета Агу на смерть убили, двоихъ ранили, всѣ товары ихъ, деньги и коней забрали. При этомъ татары обвиняли атамана Саудула, караульныхъ и запорожцевъ—Мусія Караго съ товариствомъ; по ихъ словамъ, Сан-

дуть умыслилъ ихъ обобратъ и съ этою цѣлію задержалъ въ карантинѣ, а запорожскіе козаки, бывшіе въ томъ же карантинѣ, и стоявшіе на караулѣ люди были сообщниками харцизовъ.

Крымскій ханъ, Арсланъ Гирей, вполне повѣрилъ жалобамъ своихъ подданныхъ и немедленно послалъ письмо генераль-губернатору кievской губерніи Михаилу Ив. Леонтьеву. Письмо было написано на татарскомъ языкѣ, а переведено на русскій уже въ канцеляріи Леонтьева.

„Въ месіейской націи, пишетъ ханъ, между знатными избранный и въ Ісуса вѣрующемъ народѣ между великими господами славный, нынѣ кievскій генералъ, истинный и высокопочтеннѣйшій пріятель нашъ, Михайла Ивановичъ Леонтьевъ, жизнь вашу да окончатъ Богъ благостію; отдавъ вашему превосходительству пристойно дружеское поздравленіе, чрезъ сіе пріятельски увѣдомляется“.

„Перекопскаго гварнизона Мухамедъ-джанъ-Ага съ шестью человекѣми товарищей ѣдучи въ россійскую имперію съ купеческимъ промысломъ къ Кременчуку, и какъ доѣхавъ до урочища Эменлыкъ, называемаго Каменкой, командиръ Сандулъ злымъ своимъ вымысломъ подъ протестомъ 35 дней безъ выдержанія карантинны пропуститъ не хотѣлъ; и какъ стояли они въ томъ карантинѣ, сего мѣсяца ребуль ахыра па третей недѣли въ среду, ночью порою 20 человекъ вооруженныхъ козаковъ на сонныхъ напавъ, помянутаго Агу до смерти убили да одного ранили, протчихъ же 5 человекъ товарищей ево перевязали, и притомъ пограбили 35 мешковъ крымскихъ денегъ (десять тысячъ пять сотъ рублей), шесть лошадей, три ружья, одну пару пистолетъ, три сандака, четыре сабли, сѣдло, такожь все платье и вещи, что у нихъ имелося, пограбя, увезли; а по отѣздѣ тѣхъ разбойниковъ, въ томъ же мѣстѣ состоящіе при карантинѣ архулупскаго куреня восемь человекъ запорожскихъ козаковъ да менскаго куреня пять, пришедъ, вышеозначенныхъ нашихъ людей, развязавъ руки, отпустили; сіи козаки, хотя будто не вѣдаючи о семъ дѣлѣ пришли, но въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, сообщасы съ тѣми козаками, которые пожитки увезли, внуше-

ніемъ вышеупомянутого ихъ командира они разбивали; такожъ и на караулѣ стоящіе люди всѣ были притомъ сообщники; и тако будучи имъ такимъ тиранствомъ ограбленнымъ пришедъ къ намъ, обо всемъ объявили. Чего ради, убитаго Аги брата ево Каплана да пограбленнымъ вещамъ хозяевъ—Ахмеда, Мустафу и Хусейна—о взысканіи того человѣка кровавой цѣны¹⁾ и о требованіи пограбленныхъ имѣній и вещей къ намъ отправили; во охраненіе между обоими имперіями заключеннаго трактата кондицей, такожъ и во знакъ содержащейся между нами дружбы и пріятнаго сосѣдства, уповаемъ, что опредѣля къ нимъ нарочныхъ своихъ людей, отъ упомянутого ли командира или отъ казаковъ или отъ караульныхъ людей цѣну крови убитого человѣка и толикое число мѣшковъ денегъ и прочія имения и пожитки взыскавъ, и все сполна имъ (татарамъ) отдать и по удовольствованію ихъ паки сохранно къ намъ возвратитъ стараніе приложить свое не оставите⁴.

„Якоже мы козакамъ вашимъ по единому точію слѣду, когда скажутъ—въ такомъ-то мѣстѣ было и въ такое-то урочище слѣдъ палъ, во охраненіе вѣчнаго мира и добраго сосѣдства, хотябъ сіе въ самомъ дѣйствиіи было или не было, завсегда всячину возвращаемъ; а сіе дѣло весьма явно и видно, что какъ вышеозначенный командиръ, такъ и состоящіе при карантинѣ караульные люди, такожъ и казаки всѣ во общемъ согласіи были и такое тиранство учинили согласно; и по толикому числу имения и вещамъ, такожъ и крови человѣческой, по силѣ вѣчнаго трактата кондицей и доброй дружбы, всеу пропасть весьма неприлично; такожъ и впредь о нечиненіи такихъ продерзостей заказать, и все, что благое во утверженіе и непоколебимости постановленнаго между обоими сторонами вѣчнаго мирнаго трактата касаться имѣетъ, обо всемъ къ лучшему рачительное свое стараніе прилагать не оставите, чѣмъ мы довольны пребудемъ“.

Письмо это, посланное 25 марта, было получено въ Кіевѣ 7-го мая; его везли четыре татарина—хозяева пограбленныхъ

¹⁾ Примѣчаніе переводчика: „сіе на ихъ языкѣ еще значить кровь за кровь“.

вещей: Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусейнъ. Сѣчевымъ шляхомъ—на Кременчугъ—они не рискнули ѣхать, а отправились въ Кіевъ окольнымъ путемъ: на Очаковъ, Бендеры и „чрезъ польскія мѣста“. У васильковского форпоста татаръ задержали и посадили въ карантивъ, ханское же письмо съ разными предосторожностями было отправлено къ Леонтьеву.

Въ Васильковѣ Капланъ Ага и его товарищи должны были дожидаться распоряженій отъ Леонтьева, не замедлившаго 8-го мая послать указъ премьерь-маіору Нѣмцову, съ предписаніемъ: „присланнымъ отъ хана татарамъ ѣхать изъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкаго форпоста; и пока опредѣленіе отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, Нѣмцову, прибудеть, велѣтъ тѣмъ татарамъ за кременчуцкимъ форпостомъ, на польской сторонѣ, быть въ карантинѣ“; при чемъ Леонтьевъ предупреждалъ Нѣмцова, дабы онъ обошелся съ татарами повѣжливѣе и помягче: „и о томъ (о сидѣньи въ карантинѣ) съ учтивостію имъ объявить“—сказано въ указѣ; „а когда отъ генеральной войсковой канцеляріи къ нему, премьерь-маіору, опредѣленіе прибудеть, то съ тѣми татарами, ежели они явятся во всемъ здоровы, сообщеніе имѣтъ и оное слѣдствіе производить тамо, гдѣ запристойно будеть; кто же изъ запорожскихъ козаковъ къ тому слѣдствію потребны будутъ, о томъ въ кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію репортовать, а подлежащихъ къ оному слѣдствію миргородскаго полку разныхъ чиновъ людей требовать отъ полковой канцеляріи или отъ полковника миргородскаго полка Капниста“.

Къ указу была приложена и точная копія съ ханскаго письма.

Капланъ Ага и его товарищи *снабдены были* паспортомъ, съ коимъ надлежало имъ ѣхать „отъ васильковского карантинного дому польскою стороною до кременчуцкаго форпосту“.

Того же 8-го мая изъ кіевской генерал-губернаторской канцеляріи послана была промеморія въ генеральную войсковую канцелярію. Въ промеморіи изьяснялось, что премьерь-маіоромъ Нѣмцовымъ произведено было слѣдствіе о разграбленіи татаръ гайдамаками въ Ягодной долиня, и оное слѣдствіе было безъ

тѣхъ татаръ; сего же мая 7-го „ханъ крымской писалъ ему, Леонтьеву, привося кромѣ смертнаго убійства великую претензію съ требованіемъ удовольствія, и для того прислалъ съ тѣмъ письмомъ 4-хъ человекъ татаръ, хозяевъ, кои въ карантинѣ были ограблены гайдамаками; по сему надлежитъ быть при тѣхъ татарахъ вновь слѣдствію, и при томъ слѣдствіи опредѣлено быть Нѣмцову; того ради, кіевская генерал-губернаторская канцелярія требуетъ, дабы генеральная войсковая канцелярія соблаговолила опредѣлить кого надлежитъ и отправить того на кременчущкій форпостъ къ примьеръ-маіору Нѣмцову немедленно, ибо оное слѣдствіе надлежитъ вскорости произвести, дабы татаръ не задержать и на ханское письмо отвѣтствовать и въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ репортовать; и что учено будетъ, кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію увѣдомить“. Въ этой промеморіи изложены были и тѣ свѣдѣнія, о которыхъ запрашивала генеральная войсковая канцелярія еще въ началѣ апрѣля.

Такъ распорядился М. П. Леонтьевъ по поводу ханскаго письма. „Скоро сказка кажется, да не скоро дѣло дѣлается“,— такъ было и съ этимъ слѣдствіемъ: оно не такъ то скоро совершилось, какъ того хотѣлъ кіевскій генералъ-губернаторъ; татарамъ пришлось долго промаяться на Руси.

XI.

Каптанъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусейвъ, снабженные паспортомъ, направили стопы свои на югъ. 12-го мая добрались они польскою стороною до Крюкова. Здѣсь, у крюковской заставы, встрѣтилъ ихъ премьеръ-маіоръ Нѣмцовъ; „съ учтивостію“ объявилъ имъ, что они должны находиться въ крыловскомъ карантинѣ, ибо прибыли изъ Крыма—мѣстности, зараженной „опасною болѣзнію“; и какъ только изъ генеральной войсковой канцелярії прибудетъ лицо, назначенное для слѣдствія, то оное слѣдствіе тотчасъ и начнется.

Отправились татары въ Крыловъ и снова, въ ожиданіи слѣдствія, потянулася ихъ жизнь въ скучномъ карантинѣ. А

тѣмъ временемъ въ генеральной и полковой миргородской канцеляріяхъ дѣйствовали. Изъ первой по полученіи отъ Леоптьева промеморіи, немедленно посланъ былъ указъ во вторую, которымъ предписывалось полковому обозному миргородскому Ѳедору Москову, обще съ премьеръ-маіоромъ Нѣмцовымъ, произвести слѣдствіе объ учивеніи нападенія на семь челоувѣкъ крымскихъ татаръ, заключенныхъ въ карантинѣ близъ села Каменки въ урочищѣ Ягодной долины 27 февр. сего года въ ночное время; при присутствіи присылаемыхъ отъ хана татаръ въ самую сущую правду изслѣдовать, и что по изслѣдованію явится—отрапортовать въ генеральную войсковую и миргородскую полковую канцеляріи. Поэтому миргородская полковая канцелярія отъ себя вручила этотъ указъ Ѳедору Москову, который немедленно то отѣхалъ въ Кременчугъ къ Нѣмцову, гдѣ ими прежде всего былъ поставленъ вопросъ: въ какомъ мѣстѣ производить слѣдствіе? Такъ какъ выборъ его былъ предоставленъ имъ самимъ, то они избрали его въ селѣ Крюковѣ¹⁾, какъ наиболѣе удобномъ для нихъ, потому что въ свободные часы имъ хотѣлось проживать въ безопасномъ форпостѣ Кременчугѣ.

Порѣшивъ съ мѣстомъ, слѣдователи навели справки о благосостояніи татаръ, пребывавшихъ въ крыловскомъ карантинѣ. Хотя тѣ татары оказались и благополучны, все же срокъ двойнаго карантина для нихъ не окончился, и слѣдователи побоялись возымѣть теперь съ ними сообщеніе,—а донесли кіевскому генераль-губернатору, что выбрали для производства слѣдствія село Крюковъ, Каптанъ Ага и его товарищи благополучны, но какъ срокъ „двойной карантины“ имъ еще не истекъ, то возможно ли съ ними здѣсь, въ Крюковѣ, имѣть сообщеніе? Пославъ запросъ Леоптьеву, Нѣмцовъ и Московъ стали выжидать отвѣта—это была первая задержка татарамъ: наступилъ юнь, а слѣдствіе не начиналось.

Мая 31 Московъ отпраповалъ то же самое и въ генеральную войсковую канцелярію, послѣ чего уѣхалъ домой, гдѣ и пребывалъ до полученія отвѣта изъ Кіева. Отвѣтъ былъ дачъ

¹⁾ Село Крюковъ, нынѣ посадъ, находится на правомъ берегу Дѣбара въ верстѣ отъ Кременчуга.

Нѣмцову 10-го іюня, а 11-го іюня Московъ получилъ отъ Нѣмцова письмо: „на посланное нами въ кіевскую г.-губ. канцелярію представленіе указомъ повелѣно тое слѣдствіе отъ р. Днѣпра разстояніемъ въ верстѣ, въ селѣ Крюковѣ производить и татарь съ карантина выпустить; только во всю слѣдствія бытность намъ, слѣдователямъ, и будущимъ при насъ отнюдь изъ того села Крюкова въ Кременчукъ не ѣздить и никакова ни съ кимъ въ Кременчукѣ сообщенія не имѣть, подѣ опасеніемъ за небреженіе смертной казни; да и по окончаніи того слѣдствія—намъ и будущимъ при насъ въ Кременчукъ не ѣздить же, но держать при томъ кременчуцкомъ форпостѣ указную двойную карантину непремѣнно“.

Такое распоряженіе Леонтьева шло въ разрѣзъ съ намѣреніемъ слѣдователей—проживать во время слѣдствія въ Кременчукѣ.

Получивъ письмо, смущенный Московъ прибылъ въ Кременчукъ. Здѣсь онъ объявилъ Нѣмцову, что „самоизвольно—безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи—ѣхать въ карантинъ онъ не смѣетъ“; и жить то тамъ, въ крюковскомъ карантинѣ, опасно: гайдамаки наскочатъ и предадутъ его смерти. Нѣмцову тоже не нравилась крюковская тюрьма,—ужь если и держать карантинъ, такъ въ другомъ какомъ либо болѣе безопасномъ мѣстѣ. Недолго думая, Московъ и Нѣмцовъ согласились какънибудь затормозить указъ отъ 10 іюня, а татары все еще сидѣли въ крыловскомъ карантинѣ и ждали у моря погоды.

Господа слѣдователи затормозили указъ такъ: Нѣмцовъ написалъ Леонтьеву, что полковый обозный Московъ самоизвольно, безъ вѣдома генеральной войсковой канцеляріи, заключаться въ карантинъ не смѣетъ, и опредѣленія о томъ требуетъ отъ своего начальства; а Московъ 18-го іюня послалъ нижайшее доношеніе въ генеральную войсковую канцелярію. Въ доношеніи онъ „нижайшій“ выписалъ указъ Леонтьева отъ 10 іюня „о двойной указной карантинѣ“, затѣмъ изъяснялся и печаловался въ такихъ выраженіяхъ: „по письму примьеръ-маіора Нѣмцова я въ мѣстечко Кременчукъ въ другой разъ прибылъ, только за силу означеннаго указа самоизвольно, безъ вѣдома генеральной

войсковой канцеляріи, ѣхать въ карантинъ не смѣю; ибо по прежнему указу, упомянутому въ репортѣ моемъ 31 мая, надлежитъ только тѣхъ татаръ освидѣтельствовать, и ежели здорови явятся, то начать слѣдствіе тамо, гдѣ заспособно по напему усмотрѣнію будетъ; оныя же татары здѣсь въ крыловскомъ карантинѣ обрѣтаются благополучно; такожь по блакости божіей въ російской границѣ отъ опасной болезни по подлиннымъ извѣстіямъ вездѣ состоитъ благополучно; а сверхъ всего, яко великое число гайдамакъ шатаются и нападенія дѣлають, между коими уповаю могутъ быть дѣйствительно таковы, которіе, подѣ судомъ полковой миргородской канцеляріи обрѣтаясь, были приговорены къ смертной казни и бѣжали; чтобъ сіи умышлено нападенія не учинили и надо мною не помстились и не причинили бѣ преждевременно смерти, и по всѣмъ вишеписанымъ праведнымъ обстоятельствамъ—живучи мнѣ зъ маѣромъ Нѣмцовымъ долговременно въ карантинѣ и не имѣя нѣ съ кимъ сообщенія, слѣдствіе производить и туда ехать я опасень; того рады, войсковой генеральной канцеляріи покорнѣйше прошу зъ оной еeneralной канцеляріи повелеть указомъ производить следствіе на основаніи вишеписанного прежнего къ Нѣмцову отъ генерал-губернаторской канцеляріи указа, или особливою снабдить мене инструкціею; въ дополненіе жъ о присылки для осмотра должно ли подлежатимъ лѣвара—предложить; и о томъ всемъ милостивое разсмотреніе и опредѣленіе учинить; о чемъ я зъ нижайшею моею покорностію ожидать буду въ резолюцію повелительного указа“.

Въ этомъ доношеніи Московъ не безъ основанія указывалъ на ту опасность, какая предвидѣлась для него въ Крюковѣ: въ окрестностяхъ Крюкова и Крылова гайдамаки изрядно пошаливали,—„обдирали ватажанъ, слѣдующихъ въ Крымъ, въ Сѣчь и обратно;“ недавно изъ крыловской тюрьмы бѣжало нѣсколько гайдамакъ, надъ которыми Московъ производилъ слѣдствіе ¹⁾.

Дѣло татаръ все болѣе и болѣе запутывалось въ канцелярскомъ колесѣ! Прошелъ май, три недѣли іюня, а дѣло не дви-

¹⁾ Архивъ ю.-з. Р., т. 3-й, ч. III 1876 г., ССХС, стр. 606, п. 2.

галось и только 23 іюня Ѳедоръ Московъ получилъ указъ изъ войскової генеральной канцеляріи, въ коемъ писалось, чтобы во всей точности соблюдать „двойную указную карантину“, предписанную генерал-губернаторомъ Леонтьевымъ; а оное слѣдствіе производить не въ селѣ Крюковѣ, но „отдалѣ отъ оногo“—на островѣ днѣпровскомъ, „тамо учинить и держать строжайшей карантинъ“. Впрочемъ, слѣдователямъ дозволялось прїѣзжать въ Кременчугъ во время слѣдствія, но лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ имѣть сопривосновенія съ татарами и тѣми людьми, которые будутъ сторожить тѣхъ.

XII.

Получивъ указъ изъ генеральной войскової канцеляріи, слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—сдѣлали предварительныя распоряженія: во всѣ концы послали солдатъ и козаковъ, чтобы они сыскивали людей, что либо знающихъ о гайдамакахъ, ограбившихъ татаръ въ Ягодной долині 27 февраля; Каплана Агу и его товарищей велѣли препроводить къ мѣсту слѣдствія, на днѣпровскій островъ въ пяти верстахъ отъ Кременчуга; сюда же потребовали каменскаго атамана Ивана Сандула и караульныхъ, бывшихъ на стражѣ въ ночь, столь роковую для Магмета Аги; сами же Нѣмцовъ и Московъ 24 іюня выѣхали на островъ и 25 іюня начали слѣдствіе.

Въ самомъ началѣ слѣдственной работы выплылъ наружу нѣкій поручикъ Иванъ Бурбевъ, по всей вѣроятности или начальникъ крыловскаго карантина, или завѣдывающій здѣсь караулами — помощникъ начальника; обезпокоили поручика татары. Капланъ Ага, Ахмедъ, Мустафа и Хусейнъ, допрошенные первыми, рассказали: бывши въ крыловскомъ карантинѣ, они—татары—пограбленную у нихъ гайдамаками лошадь опознали въ Крыловѣ у одного малороссійскаго человѣка; онаго человѣка съ тою лошадью приводили они къ поручику Ивану Бурбеву „въ квартиру“; поручикъ опознанную лошадь велѣлъ отдать имъ, татарамъ, а того человѣка отпустилъ; куда и почему этотъ человѣкъ отпущенъ, они не знаютъ; ту лошадь свидѣтельствовалъ камен-

свій атаманъ Сандуль и призналъ, что она ихняя—татарская. Выступилъ на сцену Сандуль. При словесномъ допросѣ 25-го іюня онъ „добровольно“ показалъ, что „въ реченнаго поручика въ квартирѣ для развѣдованія объ опознанной татарами лошади былъ и про означенную лошадь—у кого она опознана—спрашивалъ, точію на оное ему, атаману, онъ, поручикъ, объявилъ, что ту лошадь опознанную отдали татарамъ, а того человѣка, у котораго они, татары, опознали, *чертъ ево знаетъ*; съ чѣмъ онъ, атаманъ, отъ него и возвратился обратно.

Тоже самое сказали слѣдователямъ и нѣкоторые изъ кривоскихъ обывателей: видѣли, молъ, малороссійскаго человѣка съ опознаною лошадыю, а кто онъ—неизвѣстно, куда онъ дѣвался—Богъ его вѣсть. Словомъ, интересный „малороссійскій человѣкъ“, обладавшій татарскою лошадыю, для слѣдственной комиссіи исчезъ безслѣдно. Тогда комиссіа послала поручику Ивану Бурѣеву предложеніе, дабы онъ „для отвѣту“ прислалъ малороссійскаго человѣка, у котораго татары опознали заграбленную у нихъ гайдамаками лошадь, также и самъ онъ, поручикъ, прибылъ бы въ слѣдственную о татарахъ комиссію для отвѣтовъ. Но поручикъ Бурѣевъ слѣдователей не послушался: и самъ не явился къ слѣдователямъ, и человѣка того къ нимъ не прислалъ. Пошла возня съ упорнымъ поручикомъ: вторично предложили ему прибыть въ слѣдственную о татарахъ комиссію; поручикъ, не обратилъ вниманія и на это предложеніе; въ третій разъ послали Бурѣеву предложеніе о томъ же, Бурѣевъ не прибылъ къ слѣдователямъ, а былъ настолько благосклоненъ, что „отвѣтомъ объявилъ“ имъ, что онъ, поручикъ Иванъ Бурѣевъ, являться не намѣренъ, „во 1-хъ потому, что въ предложеніяхъ изъ комиссіи не изображено, для какого отвѣта его требуютъ; во 2-хъ, подъ оною комиссіею онъ не состоитъ и подчиняться ей не обязанъ; а касательно присылки того человѣка, у котораго татары опознали свою лошадь, то онъ того человѣка не знаетъ, въ присланныхъ же къ нему и комиссіи ордерахъ не объявлено, кто онъ именно, и затѣмъ вскорости сиссать ево невозможно.“ Нѣмцовъ и Московъ симъ отвѣтомъ не удовлетворились и рѣшились прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: послали за

онимъ поручикомъ „унтеръ-афицера Анисима Сахарова съ пристойнымъ числомъ салдатъ и козаковъ“, при чемъ дали ему инструкцію, какъ вести себя предъ поручикомъ Бурѣвымъ и какъ его требовать въ слѣдственную о татарахъ комиссію.

Унтеръ-офицеръ Сахаровъ съ вооруженной силой явился къ Бурѣву въ квартиру и вручилъ ему ордеръ. Въ ордерѣ Нѣмцовъ и Московъ писали, чтобы Бурѣвъ немедленно явился къ нимъ „для отвѣту.“ Повелительный тонъ ордера, назойливость, съ какою уже четвертый разъ его беспокоять, присылка вооруженной команды,—все это взбѣсило надменнаго поручика; а тутъ еще Сахаровъ словесно „съ почтеніемъ“ изъясняетъ, зачѣмъ онъ явился.

— Безъ указа генераль-губернатора кіевскаго не хочу ѣхать, да и впредь не поѣду, не поѣду! закричалъ взволнованный Бурѣвъ.

Не взирая на это, унтеръ-офицеръ Сахаровъ имѣлъ смѣлость приступить поближе къ поручику съ требованіемъ ѣхать.

— Осель... болванъ!... Какъ?!... Вонъ!.. Прочь!.. Заревѣлъ поручикъ и выгналъ оторопѣвшаго унтеръ-офицера съ его командой, при чемъ намѣревался бить его.

Выгнанный Бурѣвымъ Сахаровъ поспѣшно явился къ слѣдователямъ и „сказкою показалъ“, что „онъ, поручикъ, безъ указа кіевскаго генераль-губернатора ѣхать въ слѣдственную о татарахъ комиссію не хочетъ; хотя же онъ, салдатъ, къ тому отвѣту о прибытіи съ нимъ, салдатомъ, какъ ему, салдату, приказано было, ево, порутчика, неотступно требовалъ, точію онъ на оное объявилъ, что *я тебя бить буду*“. Разумѣется, слѣдователямъ теперь нечего было соваться къ Бурѣву со своими предложеніями; нужно было писать Леонтьеву, что они и сдѣлали ¹⁾.

¹⁾ Они писали: „Порутчику Ивану Бурѣву четверократно предлагаемо было, яко онъ же порутчикъ Бурѣвъ, какъ уже по татарской сказкѣ явствуя, что онъ виновнѣю не мало состоитъ,—потому что, опознавши татары свою лошадь, малоросійскаго человека съ тою лошадью приводили къ нему, порутчику, въ квартиру; а куда онъ ево отпустилъ и для чего—неизвестно: е тому же онъ, поручикъ, по командѣ о томъ до г. маѣра Нѣмцова не репортовалъ; почему реченный порутчикъ Бурѣвъ неотвѣнно къ слѣдствію подлежитъ; зачѣмъ нынѣ о томъ слѣдствіи и остановка учинина; и того ради, мы—примѣрь-маѣръ Василій Нѣмцовъ и полковный обозный

Отправивъ бумагу въ Кіевъ, 27 іюня, Московъ и Нѣмцовъ въ тотъ же день уѣхали въ Кременчугъ. О приостановкѣ начала сльдствія и о своемъ отъѣздѣ въ Кременчугъ Московъ считъ долгомъ увѣдомить генеральную войсковую канцелярію ¹⁾).

Опять татарамъ не повезло; ничего особеннаго сльдователи еще не добыли, а уже принуждены были приостановить сльдствіе. Во время остановки сльдствія получались однѣ и тѣ же вѣсти: рассыльные, козаки и солдаты, возвращаясь изъ разныхъ концовъ, докладывали, что никто нигдѣ не видѣлъ гайдамановъ съ татарскимъ добромъ; Рудъ и Кодионецъ тоже не имѣли успѣха въ погонѣ за этими степными коршунами.

Такъ дѣла обстояли до 8-го іюля, когда получена была повелительная резолюція отъ кіевскаго генераль-губернатора: поручику Ивану Бурѣеву приказано немедленно явиться въ сльдственную о татарахъ комиссію, а сльдвателямъ Нѣмцову и Москову — подтверждалось, дабы они „надобныхъ разныхъ чиновъ людей требовали всемѣрными образами“, — посылали бы къ нимъ умноженные команды и брали ихъ насильно, ежели добровольно они „не явятся“ въ сльдственную о татарахъ комиссію.

Но сльдственной комиссіи не пришлось прибѣгать къ такимъ дѣйствамъ, ибо и теперь и потомъ некого было требовать, кромѣ Бурѣева, да и тотъ явился въ комиссію самъ.

Сверхъ того, что Бурѣевъ писалъ въ отвѣтъ своемъ, теперь онъ выяснилъ немного, — онъ лишь рассказалъ сльдвателямъ, какъ и почему скрылся неизвѣстный малороссійскій человекъ. Были уже сумерки, когда татары привели къ нему во дворъ человека съ лошадыю; вслѣдъ за татарами прибѣжало нѣсколько

Федоръ Московъ — въ кіевскую генерал-губернаторскую канцелярію представляемъ съ прошеніемъ о прибытіи ему, поручику, въ реченную комиссію для отвѣту и о послушаніи во всемъ; такожъ и которыя потребны и въ допросахъ записаться будутъ, какъ повелѣно будетъ съ ними поступать, повелительной резолюціи просимъ“.

¹⁾ „Я, обще съ привьеръ-маѣромъ Нѣмцовымъ, какъ съ татарами такъ съ солдатами и казаками, такожъ и крѣковскими обывателями сообщенія не имѣли никакого, но поступали съ ними, какъ указы повелѣвають, — и для того до воспоследованія резолюціи о поручикѣ Бурѣевѣ, кой въ комиссію не хочетъ явиться, отъѣхалъ въ Кременчугъ; а когда резолюцію получу и въ сльдствіе вступаю, въ генеральную войсковую канцелярію репортовать буду.“

обывателей м. Крылова; образовалась во дворѣ толпа; татары съ азартомъ орали во всю мочь, толкали того человѣка и что то показывали знаками; онъ, Бурѣевъ, сколько ни старался, не могъ остановить ни толкотни, ни крика татарскаго, не могъ понять въ чемъ дѣло; тогда онъ вошелъ въ квартиру, чтобы сыскать вѣстоваго и послать его за командой, но въ этотъ моментъ татары заревѣли пуще прежняго; онъ выскочилъ къ нимъ, оказалось, что тотъ человѣкъ вырвался изъ рукъ татаръ, ударивъ двоихъ такъ, что тѣ повалились на землю, и побѣжалъ въ степь; Бурѣевъ послалъ команду сыскивать того человѣка, но его не нашли. Нѣкоторые изъ крыловскихъ обывателей подтвердили рассказъ Бурѣева. Татары, такимъ образомъ, оказались весьма пристрастными и недобросовѣстными свидѣтелями: они и запорожцевъ обвинили въ соучастіи съ гайдамаками, предъ ханомъ они оклеветали не только караульныхъ, но и самого атамана Сандула; а теперь на удочку имъ попался поручикъ Бурѣевъ.

Когда было установлено, что Бурѣевъ не отпускалъ человѣка, приведеннаго къ нему татарами, и въ побѣгѣ его неповиненъ,—то у слѣдователей болѣе не оказалось данныхъ для продолженія слѣдствія; Бурѣевъ былъ отпущенъ домой, а Нѣмцовъ и Московъ снова уѣхали въ Кременчугъ и стали поджидать „матерію“ для дальнѣйшей слѣдственной работы. Матерія эта скорѣе представилась.

ХІІІ.

Въ то время, когда Нѣмцовъ и Московъ возились съ Бурѣевымъ и ничего не добились о неизвѣстномъ малороссійскомъ человѣкѣ, въ походной полковой миргородской канцеляріи фигурировала важная птица: то былъ *гайдамака* Яцко Ѳедоровъ сынъ Чабанъ. Онъ былъ схваченъ при деревнѣ Бѣлоцерковкѣ, состоявшей въ кременчугской сотнѣ миргородскаго полка. Въ походной миргородской канцеляріи Яцко Чабанъ былъ *допрашиванъ* и далъ весьма интересное показаніе.

Не сразу Яцко заговорилъ о дѣлѣ въ Ягодной долинь. Къ разбою, учиненному здѣсь, онъ подходилъ постепенно; онъ

разказалъ сначала о своей предыдущей жизни и тѣхъ обстоятельствахъ, которыя привели его къ расправѣ съ татарами.

Яцко Чабанъ былъ родомъ изъ м. Омельника, миргородскаго полка; лѣтъ ему отъ роду до 30. Въ томъ мѣстечкѣ пять лѣтъ Яцко жилъ безотлучно при отцѣ своемъ Ѳеодорѣ Деревенцѣ и матери Еленѣ. По смерти матери своей, Яцко Чабанъ пошелъ съ отцомъ изъ Омельника въ м. Келебурду, полтавскаго полка; здѣсь Яцко жилъ при отцѣ 5 лѣтъ; на 11-мъ году мальчугана постигло горе: онъ лишился отца. Ставъ круглымъ сиротой, одиннадцатилѣтній бобыль—мальчикъ поступилъ въ услуженіе къ козаку Ѳеодору Гузѣнку, жившему въ Келебурдѣ. У Гузѣнка малолѣтній бобыль служилъ безотлучно пять лѣтъ. Яцку стукнуло 15 лѣтъ; а онъ только и видѣлъ свѣта, что въ Келебурдѣ, только и зналъ одинъ уголь, что у козака Гузѣнка. Омельникъ ему мерещился, какъ во снѣ, — ему захотѣлось „макнуть“ куда нибудь за Келебурду, а, быть можетъ, его притѣсняли у Гузѣнка и обременяли работой. Какъ бы то ни было, но прослуживъ у Гузѣнка 5 лѣтъ, Яцко долѣе не захотѣлъ у него оставаться, взявъ расчетъ и „добровольно“ пошелъ въ м. Кременчугъ, миргородскаго полка. Въ Кременчугѣ сирота Яцко недѣлю другую шатался безъ дѣла, пока звенѣли „въ кипени“ деньжонки; питался, чѣмъ Богъ послалъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, — благо была лѣтняя пора. Когда же послѣдній грошъ былъ потраченъ, Яцко поступилъ въ услуженіе къ тамошнему козаку Павлу Макаренку, у котораго жилъ въ наймахъ два года.

Живя въ Кременчугѣ, Яцко часто встрѣчался съ запорожцами и слышался отъ нихъ заманчивыхъ рѣчей о Сѣчи запорожской и ея воинственныхъ обитателяхъ; слышалъ онъ, какъ запорожцы не разъ турка били, татарвы много поистребили, — только и осталось ее, что въ Крыму да за Бугомъ, да и той скоро не слобровать; ляхамъ задавали *доброй прочуханки*; тамъ, въ Сѣчи, жизнь привольная, широкая: куда захотѣлъ, туда и идешь, что захотѣлъ, то и дѣлаешь, живешь вольной птицей. И вотъ, проживъ два года „въ наймитахъ“ у Макаренка, Яцко Чабанъ пожелалъ извѣдать привольной жизни и пустился въ Сѣчь, куда въ ту пору устремлялись всѣ подобные ему горемыки.

Оставивъ Кременчугъ, Яцко самъ пѣшкомъ прибылъ въ Сѣчь запорожскую; но не такъ то приняли его въ Сѣчи, какъ расписывали ему въ рѣчахъ,—здѣсь тоже были свои законы, правда не писанные, но установленные обычаемъ; прежде чѣмъ стать полноправнымъ и свободнымъ „лыцаремъ“, прежде чѣмъ получить право гражданства въ этой своеобразной, воинственной общинѣ, нужно было подвергнуться испытанію и быть неженатымъ,—нужно было на нѣкоторое время сдѣлаться рабомъ—послушникомъ у какого нибудь опытнаго запорожца; это было нѣчто въ родѣ монастырскаго послушничества и іезуитскаго искуса. Такъ было и съ Яцкомъ. Добравшись до Сѣчи, онъ пристроился здѣсь въ пластуновскомъ куренѣ въ качествѣ наймита у козака Каленика Криваго, у котораго жилъ въ служебнѣи цѣлыхъ три года. По истеченіи трехъ лѣтъ, съ 1745 года, Яцко Чабанъ жилъ въ томъ же куренѣ свободнымъ козакомъ и промышлялъ продажею рыбы и соли. Цѣлыхъ пять лѣтъ Яцко имѣлъ терпѣніе возиться съ рыбою да солью; наконецъ, надоѣла ему эта мирная и однообразная жизнь торговца,—ему захотѣлось извѣдать той тревожной и прибыльной жизни, какую многіе изъ его товарищей вели въ польскихъ и татарскихъ областяхъ, откуда возвращались съ богатой добычей—съ лошадьми и волами, червонцами и золотыми, съ дорогой сбруей и оружіемъ. А тутъ Яцку, мечтавшему о добычѣ, подвернулся и добрый товарищъ,—то былъ Грицко Таранъ, побывавшій въ гайдамацкихъ заѣздахъ; онъ расписывалъ Яцку о прелестяхъ гайдамачества и подбивалъ его попробовать этой беззаботной жизни. И вотъ, въ великій постъ 1750 года, пошелъ Яцко Чабанъ съ товарищемъ своимъ Грицкомъ Тараномъ въ путь—дороженьку. Они ушли изъ Сѣчи не тайкомъ, а съ вѣдома атамана пластуновскаго куреня Грицка Вѣрменка. Пошли они пѣшкомъ, захвативъ съ собою лишь по ружью. Искатели приключеній намѣревались идти на Великій Ингуль. Но имъ не суждено было дойти туда; въ Маломъ Ингулѣ, въ одной балкѣ, *сошлись* они съ Харькомъ Балченкомъ, запорожцемъ мишастовскаго куреня. Харько былъ здѣсь не самъ, а съ „орленятами“—то были десять добрыхъ молодцевъ: Панаца—запорожець щерба-

новскаго куреня, Антонъ Шевчикъ—корсунскаго, Валашокъ—кущовскаго, Гаврило—донскаго и еще шестеро, имена и прозванія коихъ Яцко забылъ.

Въ балкѣ у Малаго Ингула Харько и молодцы его имѣли совѣщаніе съ Чабаномъ и Тараномъ, соображали, куда бы направиться за добычей; добыча эта была возлѣ рѣчки Омельничка въ Ягодной долині. И „согласяся“, всѣ они—Харько, Чабанъ, Таранъ и прочіе пошли подѣ м. Каменку „къ состоящимъ“ въ ту пору въ карантинѣ татарамъ. Нужно сказать, что Харько и шестеро его товарищей ѣхали „верхи“, а остальные шли пѣшкомъ до Ягодной долины. Наѣхавъ на татаръ ночью порою, „едного“ татарина „скололъ“ Панаша, а „единъ“ татаринъ бѣжалъ; прочихъ же повязавъ, взяли у нихъ „червонецъ двѣстѣ“ да тысячу рублей, между коими было левовъ сто; кромѣ того взяли: „бугасовыхъ кафтановъ два, байбаракъ крымскихъ смушковъ, бугасомъ покрытый, „шавель“ турецкихъ три, изъ которыхъ одна была подѣ серебромъ, янычарокъ три, вязню съ рогомъ и шавалтасомъ, подѣ серебро оправленную, часы серебряные одни, пару сафьяновыхъ чоботъ, шапокъ двѣ, лошадей шестеро“. Забравъ все это, гайдамаки пошли тѣмъ же путемъ къ рѣчкѣ Зеленой, гдѣ подѣлились, деньгами, вещами и лошадьми, при чемъ Чабану досталось: „байбаракъ, кафтановъ 2 бугасовыхъ, червонецъ 17 да рублей битыхъ 46“. За эти деньги онъ купилъ двое лошадей за 50 р.; эти лошади весною при урочищѣ рѣчки Вербовки у Малаго Ингула были забраны съчевою объѣздною командою; остальные деньги—30 р. Чабанъ далъ на сохраненіе Грицку Понискому, жившему въ запорожскомъ селѣ Романковомъ и его куренному товарищу Ивану Кривому. По раздѣлѣ вещей и денегъ ватагою, Балченко съ товарищемъ Гаврилкомъ отправился въ Сѣчь и здѣсь преподнесъ кошевому атаману Василию Сычу серебряные часы и 10 червонцевъ; при чемъ объявилъ кошевому, что „онъ, Балченко, съ другими товарищами подѣ Каманкою татаръ разбилъ“, а кошевой Сычъ „Балченку приказалъ такъ *стеретись крѣпко*, чтобъ о томъ знать никто не могъ“.

Харько Балченко, возвратившись къ своимъ товарищамъ, бывшимъ у р. Зеленой, объявилъ о свиданіи съ кошевымъ, о вру-

ченіи кошевому серебряныхъ часовъ и червонцевъ и о приказѣ его „стерегтись крѣпко“.

Выслушавъ наказъ батька кошеваго, гайдамаки отъ р. Зеленой „разошлись по разнымъ мѣстамъ, куда кто пожелалъ“. Яцко Чабанъ пришелъ въ зимовникъ запорожскаго козака Ѳедора Камянецкаго и жилъ здѣсь, но недолго; чрезъ 2 недѣли Чабанъ пошелъ съ козаками пластуновскаго куреня Петромъ Гамадою и Василемъ Стрѣляйбабою, жившими въ упомянутомъ зимовникѣ, въ Ингуль „на лясы“ для ловли рыбы. „Въ той ловлѣ они обрѣтались“ до праздника св. Николая. Послѣ сего праздника, въ маѣ, пошли они къ р. Мертоводу „для выпасу лошадей“; но ихъ влекло сюда и иное обстоятельство: прослышали они, что тамъ уже собираются великія гайдамацкія чаты. Дѣйствительно, у Мертоводъ они застали эти чаты, „въ коихъ имѣлось 324 челоуѣка“.

У Мертовода гайдамацкія чаты стояли цѣлый іюнь мѣсяць; поджидались еще охотники, забирались справки, куда бы отъправиться на обильную добычу. И вотъ, послѣ Петрова поста, великая гайдамацкая чата на коняхъ выступила въ походъ; ея предводительствовалъ ватагъ Михайло Сухой, запорожскій козакъ конеловскаго куреня. Подъ его предводительствомъ гайдамаки направились въ польскую область и шествовали прямо шляхомъ мимо петроостровскаго форпоста въ полуверстѣ отъ него. Карательные этого форпоста,—солдаты и козаки, видѣли ихъ походъ и „никакого воспрещенія имъ не чинили“. Перебравшись свободно чрезъ р. Вись, гайдамаки ступили на польскую землю и пришли подъ село Ерки „смѣлянской губерніи“. И какъ пришли подъ это село, то онъ, Чабанъ, оставленъ былъ „при батовой“¹⁾.

Яцко Чабанъ, вмѣстѣ съ другими, сторожилъ батовую, а остальные товарищи имѣли баталію съ поляками возлѣ Ерьковъ, и „съ той баталіи полегло сорокъ головъ польскихъ“. Послѣ сраженія гайдамаки захватили немалую добычу; „но сколько чего съ пожитковъ достали—онъ, Яцко, знать не можетъ, и съ оныхъ пожитковъ ему ничего не дано“.

¹⁾ „Батовая“—это лошади, павъоченныя добычей.

Нагруженная добычей гайдамацкая чата отъ Ерквъ поворотила назадъ; во время этого марша, „идучи до Мертоводѣ, подѣ селомъ Капустинымъ ¹⁾), гайдамаки заняли 50 воловъ, и тѣхъ воловъ въ Мертоводѣ въ пищу употребили“.

Совершивъ удачный походъ въ польскую область подѣ с. Ерки, насытившись въ Мертоводѣ воловьимъ мясцемъ, „будуче въ той чатѣ всѣ гайдамаки разошлись по разнымъ мѣстамъ и запорожскимъ зимовникамъ. Зимовники не привлекали къ себѣ Яцка; отлучившись изъ чаты, онъ съ Яковомъ Горкушею ударился въ степь широкую—привольную; авось, думалось имъ, выпадетъ случай—можно будетъ хватить гдѣ нибудь „здобычь“; такой случай скоро подвернулся: „ѣдучи степомъ, въ урочищѣ надѣ рѣчкою Жвотенькою“, оба искателя приключеній *пристали* въ ватажку Роману Вербѣ. Романъ Верба уже имѣлъ у себя девять товарищей и только поджидалъ новыхъ охотниковъ; когда таковыя „въ лицѣ Чабана и Горкуши, явились, шайка двинулась въ походъ. Двѣнадцать молодцовъ „поѣхали подѣ село Глинское“ ²⁾—миргородскаго полка, крыловской сотни; и тамъ съ хутора Назара Устимовича *своровали* восемь лошадей. Затѣмъ, „по наущенію ватажка Романа Вербы и товарища его Карпа Кравця“, товарищи отправились въ хуторъ Свиарной. Вѣроятно, Верба и Кравецъ имѣли съ этимъ хуторомъ какіе нибудь счеты которые теперь нужно было свести. Къ заѣзду въ хуторъ подготовились: забравшись „въ шинкѣ, неподалече отъ того хутора Свиарнаго стоящій, гайдамаки горѣлки *довольно* напились“. Находясь въ изрядномъ куражѣ, Верба и сподвижники его нагрянули на хуторъ; управились ловко: „тамошняго старосту Еврашенка розграбовали, и дворъ, гдѣ онъ, староста, жительствоетъ, разорили и взяли немалое число пожитковъ;“ но этого мало: Романъ Верба, Савка Таранъ, Павло Капуста и Яцко Горкуша „съ женщинами тамошними насильно блудничали“,—эту вынужденную дань должны были удѣлить степнымъ забѣлкамъ старостиха, овчарка и войтиха. Яцко Чабанъ, засѣвъ въ шинкѣ, прозѣвалъ и разгромъ хутора, и блудничанье съ бабами.

¹⁾ Ерки и Капустино—нынѣ села кіевской губ., звенигородскаго уѣзда.

²⁾ С. Глинское на р. Цыбульникѣ въ александрійск. уѣздѣ херсон. губ.

Полюбезничавъ вдоволь съ женщицами въ Свинарномъ, нагруженные добычей гайдамаки умчались въ степь; здѣсь гдѣ то въ глухой балкѣ они подѣлили между собой добычу и разлетѣлись въ разныя стороны.

Яцко Чабанъ, оставленный своими товарищами въ шинкѣ возлѣ Свинарнаго, задумалъ побывать въ Гетманщинѣ,—ему захотѣлось понавѣдаться въ родныя мѣста: въ Кременчугъ, Келебурду, Омельникъ ¹⁾. Понавѣдался, но не пришлось „сиромакѣ“ вернуться изъ Гетманщины въ Сѣчь или въ степи ингульскія. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ своей родины, добрался Яцко до м. Бѣлоцерковки ²⁾; здѣсь его схватили, вѣроятно, проболтававшись въ шинкѣ подъ пьяную руку.

„Черезъ всю же его съ товарищи бытность“, добавляетъ Яцко, „кормилися они по зимовникамъ и отнимали харчъ въ купеческихъ ватажанъ, слѣдующихъ до Сѣчи и обратно въ дома своя; а въ здѣшнихъ обывателей ³⁾ на воровскіе пожитки ни отъ кого ничего не замѣнивали, и къ нимъ никогда не пріѣздили и ничего у нихъ съ харчей не брали, такожь и воровскихъ пожитковъ имъ не продавали и даровизною не давали; только какъ они, гайдамаки, съ польской стороны обратно слѣдовали мимо петроостровскаго фарпоста,—то было 1-го или 5-го чисель минувшаго іюля,—такъ къ нимъ съ того фарпоста *еденъ афимцеръ* выѣзжалъ, а въ какомъ онъ чину и какъ его зовутъ и прозываютъ—онъ, Чабанъ, не знаетъ; и выѣзжалъ къ нимъ тотъ афимцеръ съ шестью или большимъ числомъ драгунъ и сказывалъ: Богъ вамъ въ помощь! Которому они, гайдамаки, отвѣтствовали: Спасиби! и дали ему съ заграбленнаго скота вола полового; а болѣе ли дали что—не знаетъ же; а съ прошенія ихъ тотъ афимцеръ далъ имъ возокъ для возки раненыхъ ихъ двоихъ гайдамакъ“. Значить, въ сраженіи подъ Ерками и въ гайдамацкихъ рядахъ было не безъ убыли.

¹⁾ Келеберда—мѣстечко полтав. губ. на Днѣпрѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга, Омельникъ—мѣстечко той же губ., на р. Пселѣ, въ 10 в. отъ Кременчуга.

²⁾ Бѣлоцерковка—мѣстечко полтавской губ., хорольскаго уѣзда, на р. Пселѣ, въ 60 в. отъ Кременчуга.

³⁾ Т. е. у жителей лѣвобережной Украины.

„Болѣе вышписаннаго въ разбояхъ и грабительствахъ онъ, Чабанъ, нигдѣ не бывалъ, никого не умертвилъ и про воровъ и разбойниковъ не вѣдаетъ; и сіе показалъ въ самую сущую правду“.

По окончаніи допроса Яцко Чабанъ былъ отправленъ къ Нѣмцову и Москову. Предъ лицомъ слѣдователей Яцко повторилъ то же самое, что „сказывалъ“ и въ походной миргородской канцеляріи; безхитростно онъ винился въ разбояхъ и грабежахъ,

XIV.

Слѣдователи, Нѣмцовъ и Московъ, должны были привлечь къ допросу петроостровскаго офицера и выяснить: зачѣмъ онъ привѣтствовалъ гайдамаковъ, принималъ отъ нихъ подарки и отдалъ имъ возокъ? Къ сожалѣнію, документовъ о дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія нѣтъ; но несомнѣнно, что Яцко Чабанъ говорилъ сущую правду объ этомъ офицерѣ, какъ и вообще онъ прямодушно,—безъ всякихъ запирательствъ и противорѣчій,—говорилъ правду о всей своей жизни, начавъ отъ первыхъ отроческихъ лѣтъ. Показаніе Яцка именно отличается тономъ спокойнымъ и правдивымъ; онъ ни единымъ словомъ не старается выгораживать себя изъ разбоевъ и грабительствъ, не старается утаивать и товарищей своихъ,—съ кѣмъ изъ нихъ онъ былъ болѣе близокъ и которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ грабежахъ, тѣхъ онъ называетъ по именамъ и „прозвищамъ“, говорить, какихъ они куреней. По порядку Яцко рассказываетъ все, что было съ нимъ въ жизни; съ объявленіемъ объ *офицерѣ* онъ не только не торопится, а даже забываетъ сказать о немъ,—и говоритъ тогда, когда къ слову пришлось; а къ слову пришлось потому, что встрѣча съ этимъ офицеромъ была фактомъ исключительнымъ въ походахъ Яцка его и товарищей: „они, гайдамаки, у россійскихъ обывателей ничего не мѣняли на воровскіе пожитки, а мѣна произошла только съ офицеромъ петроостровскаго форпоста“.

Выслушавъ Яцка Чабана, слѣдователи засадили его въ тюрьму до будущаго свиданія съ товарищами; а свиданіе это, по мнѣнію

слѣдователей, скоро должно было состояться, ибо полковая миргородская канцелярія послала во всѣ полки предложенія, а полковыя канцеляріи во всѣ сотни разослали ордера, дабы „сыскивать“ гайдамаковъ, оговоренныхъ Яцкомъ Чабаномъ; наконецъ, Кодионецъ и Рудь рыщутъ со своими командами по степямъ за гайдамаками; въ Сѣчь написано сыскивать гайдамаковъ. Но надежды слѣдователей не оправдались: изъ товарищей Яцка ни единый не былъ пойманъ. Яцко, если и поймался, то потому, что отлучился отъ товарищей на родину; остальные же были по практичнѣе: они шатались въ польской области, рыскали по степямъ между Днѣпромъ и Бугомъ и улечувивались въ мѣста, недосыгаемыя для сыскныхъ командъ: на рѣчные острова, въ лѣсныя чащи, въ глубокіе овраги, поросшіе терномъ и колючкой, въ густые камыши, окаймленные болотами и трясинами; а то и по зимовникамъ между Бугомъ и Днѣпромъ гайдамаки находили себѣ пріютъ,—козаки тщательно скрывали здѣсь своихъ. Въ запорожскомъ Гардѣ гардовая старшина „за подарунки“ потакала гайдамакамъ, пропускала ихъ направо и налево, смотрѣла сквозь пальцы на то, какъ гайдамаки собирались въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ у Мертовода—всего въ 30 верстахъ отъ Гарда; въ Сѣчи гайдамаки находили убѣжище и даже поощреніе,—иначе Харько Балченко не рискнулъ бы явиться къ кошевому съ подаркомъ и кошевой не отпустилъ бы его съ наказомъ „крѣпко стерегись“. Петроостровскій господинъ офицеръ не любилъ преслѣдовать гайдамакъ,—открывалъ имъ широкій путь куда угодно: и въ Польшу, и въ степи на югъ отъ Выси.

Даже если бы Харько и товарищи его были сысканы, то татары все таки не получили бы надлежащаго удовлетворенія: гайдамаки какъ обрѣтали добро, такъ легко и скоро спускали его; они жизнь свою мало цѣнили и еще меньше дорожили имуществомъ! Оружіе и лошади тоже были проданы или промѣнены—попали въ невѣдомыя мѣста, въ невѣдомыя руки. Вѣдь у Яцка Чабана никакого татарскаго пожитка не нашли; Грицко Понискій, получившій на сохраненіе 30 татарскихъ рублей, исчезъ „безвѣстно“; кошевой атаманъ Сычъ не былъ такимъ простакамъ, чтобы признавать показаніе Яцка фактомъ доказаннымъ:

онъ, кошевой, отрекался и отъ часовъ, и отъ Харька Балченка, говорилъ, что такого запорожца нѣтъ и не было въ Сѣчи уже болѣе года.

Словомъ, татары ни въ какомъ случаѣ не могли получить пограбленныхъ пожитковъ; цѣна же крови заколотога Аги могла быть взыскана; для сего имѣлась на лицо собственная персона Яцка Чабана.

Татары пытались было поживиться на счетъ каменскаго атамана Ивана Сандула, караульныхъ и тѣхъ запорожцевъ, что стояли съ ними въ карантинѣ; но и тутъ послѣдовала осѣчка. Было выяснено и удостовѣрено, что эти запорожцы не имѣли никакого сообщенія съ грабителями. Харько Балченко болѣе года пропадаетъ невѣдомо гдѣ, Яцко Чабанъ вышелъ изъ Сѣчи въ то время, когда Мусій Карый и Наумъ Носъ уже посажены были въ карантинѣ; въ тотъ карантинъ къ запорожцамъ не приходили никакіе невѣдомые люди, да и запорожцы никуда не отлучались, развѣ иногда приходили въ Каменку и то съ вѣдома атамана. Что же касается караульныхъ, то они, находясь на своемъ посту, почти въ верстѣ отъ табора, дѣйствительно могли не слышать чинимаго разбоя, тѣмъ болѣе, что онъ совершенъ былъ безъ особаго шума и необычайно быстро.

Когда Яцко былъ спрошенъ, какъ гайдамаки пробрались въ карантинъ, то онъ прямо сказалъ, что они зашли съ той стороны, гдѣ караула не было, а потомъ на проломъ промчались мимо караульныхъ и караульные „гукали“ на нихъ, но они только посмѣялись надъ тѣмъ гуканьемъ.

На счетъ атамана Ивана Сандула и сомнѣній не могло быть никакихъ: это былъ козакъ богатый и извѣстный всей сотнѣ своею честностью,—это былъ строгій исполнитель всякихъ приказовъ, исходившихъ отъ начальства; онъ усердно сторожилъ свой участокъ отъ гайдамаковъ и нѣкоторыхъ даже лавливалъ въ предыдущемъ году.

Слѣдователи—Нѣмцовъ и Московъ—не нашли возможнымъ удовлетворить татаръ на счетъ атамана Сандула, караульныхъ и запорожцевъ. Такъ татары, помаявшись до сентября на днѣпровскомъ островѣ, отправились во свояси съ одною опознавною ими

лошадью; слѣдственная коммиссія утѣшила ихъ лишь тѣмъ, что мѣры „къ переловленію“ остальныхъ товарищей Яцка приняты; „по поимкѣ воровъ и разбойниковъ“, они, татары, будутъ позваны и изъ пограбленныхъ пожитковъ получаютъ „и больше того“. Но татары позваны не были и удовлетворенія не получили. Перекопскій каймаканъ такъ жаловался въ 1755 г. секундъ-маіору Миронову—послу кіевскаго вице-губернатора Костюрина, управлявшаго тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами: „У насъ бы все хорошо было и промежь обоими высочайшими имперіями, російскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было коммиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили“. Крымскій ханъ Арсланъ-Гирей тому же Миронову во время аудіенціи отвѣтствовалъ: „сколько коммиссій ни было, а обидящимъ моимъ подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено; скажи своему генералу объ ономъ или гдѣ у васъ надлежитъ и выше донеси: долго ли мнѣ будетъ терпѣть?“¹⁾

XV.

Запорожцамъ—Мусію Карому и Науму Носу тоже не повезло: и они не получили удовлетворенія за безвременно погибшихъ осетровъ. При содѣйствіи кошеваго атамана, занесли они жалобу на каменскаго атамана Ивана Сандула въ миргородскую полковую канцелярію. Запорожцы печаловались, что они „безъ жаднаго резону и винности напрасно посажены были въ карантину камянскимъ атаманомъ Иваномъ Сандуломъ, и чрезъ него, атамана, они, низжайшіе, потерпѣли немалый на нѣсколько сотъ рублей убытокъ на товарахъ своихъ, везенныхъ при пашпортахъ на миргородскую ярмарку, особливо же рыба, осятри, вся въ порчѣ пришла; и чрезъ то они, запорожцы, принуждены были, оставивъ въ Камянкѣ товары свои и лошадей 20, возвратиться въ Сѣчь“,

¹⁾ „Кіев. Стар.“ 1885 г., т. XI, февраль. Къ исторіи пограничныхъ нашихъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ, А. Андр.; стр. 345, 351.

и просили, чтобы съ атамана Ивана Сандула былъ взысканъ тотъ убытокъ, какой они понесли на товарахъ своихъ.

Миргородская полковая канцелярія долго думала надъ этой жалобой и потомъ учинила такую „сатисфакцію“: „Хотя де они, запорожцы, яко то явилось по слѣдствію, и не принимали участія въ разграбленіи татаръ въ Ягодной долинь; однако они—Мусій Карый, Наумъ Носъ и прочіе съ ними—яко свидѣтели того разбоя, должны были оставаться въ карантинѣ, по приказу атамана Сандула, до резолюціи изъ оной полковой миргородской канцеляріи; съ товарами же своими они должны были поступить такъ, какъ было имъ предлагаемо отъ того же атамана; и какъ товары свои и лошадей они, запорожцы, бросили въ Камянкѣ не по принужденію камянскаго атамана, а самоизвольно, то по всему сему жалобѣ ихъ полковая миргородская канцелярія не можетъ дать удовлетворенія“.

Мусій Карый и Наумъ Носъ съ товариствомъ выслушали рѣшеніе миргородской полковой канцеляріи, понуривъ чубатая головы, и поспѣшили въ Каменку, дабы оставленная тамъ „худоба не загинула“. Здѣсь Наумъ Носъ взялъ свою соль, а Карый и товарищи его своихъ лошадей. Такъ кончилась печальная исторія съ осетрами, начало которой восходитъ къ 27 февраля.

Иванъ Сандуль трижды перекрестился, когда запорожцы, забравъ свою худобу, убрались въ Сѣчь. Онъ съ нихъ ничего не взялъ за прокормленіе лошадей,—онъ радъ былъ, что и такъ раздѣлался съ запорожцами и дѣло кончилось мирно.

А. Полницкій.

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(по протоколамъ засѣданій городской думы).

Съ 1786 года начинается правильная дѣятельность кіевского городского управленія, организованнаго на основаніи екатерининской «грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи». Новое городское положеніе 1785 года, какъ извѣстно, вводило весьма существенныя перемѣны въ официальной группировкѣ различныхъ классовъ городского населенія, установило довольно запутанную и неопредѣленную систему сословнаго городского представительства и исполнительные органы послѣдняго безусловно подчинило мѣстной администраціи; бывшіе городовые магистраты теперь окончательно превращены въ чисто судебныя учрежденія сословнаго характера. Для Кіева, издавна привыкшаго въ своихъ городскихъ дѣлахъ руководствоваться нормами магдебургскаго права и спеціальными привилегіями польскихъ королей, городское положеніе 1785 г. имѣло значеніе еще недостаточно изслѣдованное и оцѣненное историками этого города. Намъ казалось поэтому небезполезнымъ представить здѣсь нѣкоторые данныя изъ дѣятельности кіевского городского представительства при самомъ началѣ его новой организаціи, тѣмъ болѣе, что для XVIII вѣка 1786 годъ—единственный, отъ котораго сохранились официальные протоколы засѣданій кіевской городской думы; остальныхъ книгъ XVIII в. нѣтъ въ думскомъ архивѣ,—онѣ вѣроятно погибли вмѣстѣ съ зданіемъ магистрата въ страшный пожаръ 9 іюля 1811 года. Случайно уцѣлѣвшіе протоколы 1786 года представляютъ рукописный фоліантъ въ 300 слишкомъ листовъ, переплетенныхъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ; нѣсколькихъ, правда немногихъ, листовъ недостаетъ. Протокольныя записи велись изо дня въ день; всѣ получаемыя бумаги или словесныя предложенія и запросы вкратцѣ излагаются въ прото-

колахъ, затѣмъ непосредственно слѣдуютъ отдѣльными постановленія по каждому вопросу, за подписью состава собранія; пренія гласныхъ или отдѣльныя мнѣнія въ протоколы не вносились.

Кромѣ данныхъ для исторіи собственно городского управленія, здѣсь находимъ не мало современныхъ указаній и на другія стороны городской жизни, указаній, впрочемъ, отрывочныхъ и случайныхъ, по самому свойству своего источника, но все же не лишенныхъ значенія для детальной разработки мѣстной исторіи. Въ этомъ отношеніи утрата остальныхъ протоколовъ составить довольно чувствительный пробѣлъ для будущихъ изслѣдователей кіевской городской жизни XVIII в., и пополненіе недостающаго матеріала потребуетъ не мало лишняго труда и времени.

Возможностью пользоваться сборникомъ неизданныхъ протоколовъ 1786 года мы обязаны покойному городскому головѣ И. А. Толли. Въ настоящее время подлинный сборникъ долженъ, по всей вѣроятности, храниться при архивѣ кіевской городской думы.

I.

Общая городская и шестигласная дума.—Отношенія думы къ городскому магистрату, губернатору и намѣстническому правленію.—Приготовленія думы къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.

Городовое положеніе 1785 г. дѣлило всѣхъ городскихъ обывателей по роду занятій на шесть различныхъ классовъ: т. наз. настоящихъ городскихъ обывателей, владѣвшихъ въ городѣ недвижимою собственностью, купцовъ трехъ гильдій, цеховыхъ или управныхъ ремесленниковъ, иногороднихъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ людей. Всѣ эти обыватели, если имѣли каждый не менѣе 50 руб. годоваго дохода, пользовались правомъ собираться для выбора городского головы, членовъ депутатскаго собранія по составленію обывательскихъ книгъ, бургомистровъ, ратмановъ и засѣдателей магистрата, судей совѣстнаго суда и гласныхъ какъ общей, такъ и шестигласной думы. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи русскихъ городовъ, И. Дитятинъ, послѣ разбора грамоты 1785 г. пришелъ къ заключенію, что роль общихъ собраній горожанъ ограничивалась однимъ днемъ въ теченіе трехъ лѣтъ и что общія городская дума 1785 г. едва ли имѣла какое либо значеніе по отношенію къ городскому управленію, кромѣ того, что она служила второю избирательною инстанціею гласныхъ въ шестигласную

думу» и слѣдовательно функціонировала тоже лишь одинъ разъ въ три года (Дитятинъ, *Устройство и управление городовъ Россіи*, I, 441 сл.). Сколько можно судить по даннымъ 1786 г., такое заключеніе не вполне примѣнимо въ Кіеву.

Послѣ введенія новаго положенія въ Кіевѣ во второй половинѣ 1785 г. и по февраль 1786 г. текущими дѣлами города завѣдывала кіевская городская дума, но такой порядокъ оказался неудобнымъ на практикѣ,—дѣла лежали безъ движенія. 27 января 1786 г. общая городская дума рѣшила «повѣрить городскому главѣ Ефиму Митюку и выбраннымъ съ гласныхъ общей думы, для всегдашняго направленія дѣлъ, въ шестигласную думу гласнымъ Григорію Радзицкому, Семену Балабухѣ, Ѳедору Донцу, Ивану Могиліовцу, Василю Стефановичу и Трофиму Козачынскому... всѣ письменные дѣла, впредь кромѣ важнѣйшихъ, касающихся въ цѣлому городу дѣлъ, отправлять и по онымъ какъ опредѣленія, такъ распоряженія и рѣшенія дѣлать». Хотя положеніе 1785 г. и не разграничиваетъ сферы дѣятельности общей и шестигласной думы, но въ Кіевѣ 1786 года общая городская дума созывалась при всякомъ сколько нибудь выдающемся вопросѣ, какъ напр. о приобрѣтеніи городомъ домовъ или лавокъ у частныхъ лицъ, объ устройствѣ временныхъ лавокъ во время ярмарки, о назначеніи годоваго жалованья городовому архитектору, о заключеніи контракта по поставкѣ пожарныхъ инструментовъ, о займѣ городскихъ денегъ частнымъ лицамъ, о сдачѣ въ аренду городского погреба, о возобновленіи контракта по винному откупу, объ обмѣнѣ городскихъ грунтовъ на частные, о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ императрицы, о порядкѣ собраній гласныхъ думы и т. п. Судя по сохранившимся протоколамъ, кіевская общая городская дума созывалась въ 1786 году не менѣе двадцати разъ. Составъ ея на практикѣ еще не былъ точно опредѣленъ. Въ общую думу приглашались, смотря по важности подлежащихъ обсужденію вопросовъ, или только гласные, или и члены городского магистрата, или, наконецъ, и все «почетнѣйшее общество» вмѣстѣ съ цеховыми старшинами¹⁾. Выборъ того или инаго состава

¹⁾ Прот. 20 февр.: „для того сіа дума, пригласивъ всѣхъ общей думы гласныхъ вмѣстѣ съ городского магистрата членами“ и пр. 25 апр.: кіевская городская дума „обще съ присутствующими въ кіевскомъ городскомъ магистратѣ, также Обшею Думою и всѣмъ гражданствомъ“. 7 мая: „созвать Общую Думу, магистратъ и почетнѣйшее гражданство и общественно потраговать“. 20 авг.: „созвать Общую Думу, магистратъ, всѣхъ почетнѣйшихъ мѣщанъ и цеховыхъ старшинъ“.

собранія зависѣлъ, повидному, исключительно отъ усмотрѣнія шести-гласной думы, такъ какъ положеніе 1785 года не давало точныхъ нормъ для этого случая, а въ протоколахъ нѣтъ указаній на вмѣшательство здѣсь администраціи. Представляется однако не вполне яснымъ, почему шестигласная дума находила иногда нужнымъ приглашать въ собраніе только членовъ магистрата или почему цеховые старшины не всегда включаются въ составъ «почетнѣйшаго общества», призваннаго «общественно потрактовать» о важныхъ вопросахъ. Самое выраженіе: общая городская дума «въ собраніи всего здѣшняго общества», дума, «будучи въ полномъ собраніи» оказывается довольно неопредѣленнымъ въ дѣйствительности: протоколъ думы «въ полномъ собраніи» отъ 27 января подписанъ 13 гласными, тогда какъ протоколъ 30 марта имѣетъ уже 21 подпись, 18 апрѣля—19 подписей, 4 декабря—29 подписей; нужно думать также, что далеко не всѣ полноправные кіевскіе граждане приглашались въ общія собранія, если протоколы послѣднихъ имѣютъ тахитимъ 63 подписи, обыкновенно же 35—45 подписей; такъ какъ за неграмотныхъ членовъ собранія подписывались грамотные товарищи, то малочисленность состава собраній нельзя объяснять пропускомъ подписей, и участие массы гражданства въ обсужденіи важнѣйшихъ городскихъ дѣлъ приходится считать мнимымъ, несмотря на заголовки протоколовъ. Мало того: цеховые старшины въ 1786 году лишь два раза подписались подъ протоколами, хотя по 160 ст. городского положенія каждый цехъ посылалъ своего представителя въ общую городскую думу: слѣдовательно, цехи на практикѣ не пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ по закону. Едва ли, однако, всѣ эти неровности въ примѣненіи новаго положенія должны быть приписаны произволу шестигласной думы 1786 года: гласные общей думы, какъ видно, тяготились своими обязанностями и являлись въ собранія крайне неаккуратно, такъ что общая дума составила 25 сентября такое любопытное опредѣленіе: «Какъ по обширности сего города ежечасно важные случаются городскіе дѣла, которые по 175 ст. Высоч. о гор. положенія узаконенію разсматриваемы быть должны общественно, нерѣдко же случается, что за оповѣщеніемъ отъ господина городского главы по таковымъ дѣламъ не точію на назначенной въ оповѣсткѣ срокъ не приходять, но вовсе въ собраніи не бывають; для того: сочинивъ именной реестръ, кто долженъ въ общемъ собраніи бывать всякую субботу неотмѣнно, въ началѣ десятаго часа, а по повѣсткамъ на срокъ въ оныхъ написанной, развѣ бы кто либо съ таковыхъ, имѣя необходи-

мыя надобности и немогутства быть, далъ о себѣ запискою знать или бы былъ въ отлучкѣ, прочеть оный для знанія въ полномъ собраніи, безъ сего же, не приѣмля никакихъ отговорокъ, должны будуть, яко непослушные, поздно въ собраніе приходящіе по пятидесяти копѣекъ, а вовся небывшіе по рублю на кладбищенскую городскую церковь безъ послабно улачивать.»

Хотя уже по учрежденію о губерніяхъ 1775 г. городовые магистраты получили преимущественно сословно-судебное значеніе, а съ изданіемъ грамоты 1785 г. этотъ характеръ ихъ выраженъ былъ еще опредѣленнѣе и яснѣе, но въ Кіевѣ 1786 года городской магистратъ, состоявшій изъ членовъ отъ кушечества и мѣщанства, еще не лишенъ былъ всякаго участія во хозяйственныхъ дѣлахъ города. Такъ напр., вся операція по винному откупу сосредоточена была въ магистратѣ, совмѣстно съ казенной палатой, магистратъ отсылалъ откупныя деньги въ городскую шестигласную думу. Какъ видно, магистратъ считалъ мѣщанъ подчиненными ему не въ однихъ лишь судебныхъ дѣлахъ и какъ учрежденіе въ сущности правительственное, а не городское, относился къ шестигласной думѣ нѣсколько свысока. Но и шестигласная дума склонна была считать себя учрежденіемъ правительственнымъ, а не выборно городскимъ. Еще 13 февраля 1786 г. она постановила писать свои опредѣленія «По указу Его Императорскаго Величества», имѣть на столѣ сукно и зеркало,—хотя за разрѣшеніемъ приобрѣсть эти вещи и пришлось обратиться къ губернатору Ширкову. Такъ какъ положеніе 1785 г. отдавало заботы о городскомъ хозяйствѣ въ руки общей и шестигласной думѣ, то послѣднія получали право контроля по отношенію къ бывшимъ магистратамъ, за которыми числилось еще не мало дѣлъ, особенно финансовыхъ, не приведенныхъ въ ясность. Вслѣдствіе этого и въ Кіевѣ 1786 г. отношенія между шестигласною думою и городовымъ магистратомъ установились довольно непріязненныя, такъ какъ въ этомъ году бургомистромъ въ губернскомъ магистратѣ былъ Яковъ Гудимъ, бывшій лавникъ, а однимъ изъ ратмановъ Павелъ Лобко, бывшій инстигаторъ. Судя по тону протоколовъ, шестигласная дума нашла, что эти лица присвоили часть городскихъ доходовъ, проходившихъ рапѣе черезъ ихъ руки, и уже 30 января потребовала отъ нихъ объясненіе черезъ магистратъ. Отвѣта не получалось. Дума плетъ новый запросъ о томъ, куда псчезъ капиталъ покойнаго лекаря Некиша въ 1500 слишкомъ рублей, принадлежавшій городу по выморочному праву. Чтобы затянуть дѣло, магистратъ въ свою очередь

запросилъ думу, для чего понадобилось ей это свѣдѣніе. Дума увѣдомила, но многозначительно указала при этомъ, что она «ни по какимъ законамъ необязана точностію извѣщать, для чего она требуетъ о имѣвшихся въ ономъ магистратѣ деньгахъ свѣдѣнія», и что отвѣчаетъ «единственно снисходя, а болѣе избѣгая излишнихъ и вовсе недѣльныхъ переписокъ и затрудненіевъ». Волей неволей магистратъ долженъ былъ дать отчетъ, и капиталъ Некиша, хотя съ трудомъ, но былъ возвращенъ городу. Въ ноябрѣ новое пререканіе: для закупки хлѣба въ городской магазинъ дума отрядила въ Польшу мѣщ. Дунаевского, который оказался нужнымъ магистрату по возникшему въ его отсутствіе дѣлу. Въ магистратѣ постановлено было потребовать отъ думы, чтобы она на будущее время не командировала мѣщанъ изъ города безъ вѣдома магистрата, такъ какъ «всѣ живущіе въ городѣ купцы и мѣщане по Высочайшему о губерніяхъ учрежденію и городовому положенію однимъ магистратамъ подвѣдомы». Дума не безъ достоинства отвѣчала на это, что хозяйственныя дѣла города проволочекъ не терпятъ, а между тѣмъ переписка съ магистратомъ затягивается, — чтобы получить отвѣтъ, нужно писать два три раза; при такихъ условіяхъ городъ потерпитъ немалые ущербы «черезъ малое городовымъ магистратомъ уваженіе» городскихъ нуждъ и медлительность въ отпискѣ; «поелику же городской магистратъ недѣльно, и совсѣмъ невсходство изданныхъ на сей случай узаконеній подчиняя себѣ городскую думу, требуетъ, дабы она въ наряженіи отъ нее по экономическимъ дѣламъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ въ должности давала ему знать увѣдомленіемъ, для того въ городской кievскій магистратъ сообща требовать, дабы оной впередъ такими безысправочными и изъ законами несходствующими требованіями въ теченіи дѣлъ, до сей думы касающихся, не дѣлалъ помѣшательства и остановки».

Въ отношеніи къ губернатору какъ шестигласная, такъ и общая городская дума стояли въ безусловной зависимости и подчиненности. Если не всѣ засѣданія обѣихъ думъ состояли въ выслушиваніи предложеній губернатора и безпрекословномъ принятіи ихъ къ исполненію, то о всѣхъ предположенныхъ мѣрахъ по городскому хозяйству предварительно представлялось такъ сказать по начальству, т. е. тому же губернатору. Такой порядокъ соблюдался не только въ дѣлахъ относительной важности для городского населенія, но въ такихъ мелочахъ, какъ, напр., вопросъ о прибавкѣ 10 р. въ годъ къ жалованью думскаго писца, о покупке лошади для почтоваго двора, о

починкѣ печей въ магистратѣ, о вырытіи новаго колодца и т. п. Губернаторъ Ширковъ не ограничивался наблюденіемъ за правильностью распорядковъ думы,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ непосредственное участіе въ городскомъ хозяйствѣ, и нецѣлесообразность такихъ отношеній администраціи къ городской общинѣ, хотя и чувствовалась думою, но не вызывала пререканій, благодаря неопредѣленной редакціи относящихся сюда статей городского положенія 1785 года. Изъ думскихъ протоколовъ 1786 года видно, что Ширковъ безъ участія и согласія думы заключилъ контрактъ съ евреемъ Зовелемъ Гершковичемъ на поставку городу пожарныхъ инструментовъ, съ острожскимъ мастеромъ Прумпаромъ о ремонтѣ Андреевской церкви, предписывалъ думѣ выдавать займы городскія деньги разнымъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ мѣстному обществу, большею частью чиновнымъ людямъ и при томъ такимъ, которымъ дума не довѣряла. Въ этомъ отношеніи дѣло о пожарныхъ инструментахъ не лишено значительнаго интереса.

Предложивъ думѣ озаботиться устройствомъ «пожарныхъ залвныхъ трубъ»¹⁾, Ширковъ вмѣстѣ съ тѣмъ «рекомендовалъ» ей могилевскаго жителя Зовеля Григорьева сына Гершковича, какъ человека опытнаго въ этомъ дѣлѣ, да ксати и какъ эксперта по части береговыхъ обваловъ Днѣпра, причинявшихъ городу немало затрудненій. Дума 27 марта согласилась осмотрѣть берегъ вмѣстѣ съ Гершковичемъ, отложивъ обсужденіе вопроса о пожарныхъ инструментахъ до представленія подрядчикомъ проектовъ и рисунковъ. 30 марта дума, въ общемъ собраніи, отказалась вступить съ Гершковичемъ въ договоръ, такъ какъ онъ предложилъ чрезмѣрно высокія цѣны, и постановила поручить устройство трубъ московскому мастеру Иванову, о чемъ и донести губернатору Ширкову. Хотя до десяти мѣстныхъ мастеровъ также не прочь были взять подрядъ гораздо дешевле Гершковича, но Ширковъ своею властью заключилъ контрактъ съ послѣднимъ и 11 апрѣля предписалъ думѣ выдать ему 600 руб.

¹⁾ Предписаніе организовать пожарную команду сдѣлано было еще въ октябрѣ 1785 г. генералъ-губернаторомъ Румянцевымъ—Задунайскимъ (прот. 15 іюня), но, какъ видно изъ донесенія брандмейстера (прот. 27 марта), пожарныя трубы при полицейскихъ частяхъ были въ самомъ жалкомъ состояніи. Между тѣмъ базарный смотритель 27 марта донесъ думѣ, что подлѣ лавки предсѣдателя губернскаго магистрата кол. ас. Гудими усмотрѣны въ тряпичѣ сосновыя спички, положенныя туда неизвестными людьми съ цѣлюю поджога. Дума тогда же постановила созвать все городское общество и «объявить, чтобы разузнали злоумышленниковъ». Этотъ же случай далъ Ширкову поводъ рекомендовать вниманію думы еврея Гершковича.

впередъ въ счетъ договорной платы. Въ маѣ мѣсяцѣ мѣстные мастера Званинъ, Шведенко и Синявскій горько жаловались думѣ, что подрядчикъ Зовель Гершковичъ «неоднократно имъ сказывалъ, не умѣете де вы хлѣба ѣсть, а между тѣмъ просилъ ихъ, чтобъ отъ онаго подряда отстали,—онъ имъ дастъ 50 руб. или они пусть уплатятъ, а какъ де онъ, Гершковичъ, взялъ съ городской думы 600 р., то предъ нымы говорилъ такіе рѣчи: дорого де было мнѣ запрятты, а поганяты легко, а наконецъ, еще укорялъ ихъ такъ: васъ де было десять человекъ, да я де всѣхъ перемоглъ». Дума постановила: «записавъ, сообщить къ дѣлу и при ономъ содержать цѣлостно». Между тѣмъ Зовель Гершковичъ, получивъ деньги впередъ, трубъ заливныхъ не изготовилъ къ сроку, почему дума просила Ширкова сдать подрядъ мѣстнымъ мастерамъ, а съ Гершковича взыскать 600 руб. сер. съ процентами. Изъ протоколовъ видно, что, по крайней мѣрѣ въ 1786 г., деньги эти съ Гершковича взысканы не были. Если взять во вниманіе, что въ 1786 году цѣлый дворъ на Куреневщинѣ можно было приобрѣсть за 25 руб. (прот. 6 маѣ), арендная плата за новую каменную городскую лавку не превышала 5 руб. въ годъ (прот. 29 апрѣля), а годовое жалованье копѣисту городской думы равнялось 6 руб. (прот. 21 дек.), то потеря города должна быть признана весьма значительною¹⁾.

Съ кievскимъ намѣстническимъ правленіемъ городская дума въ непосредственныя сношенія въ 1786 году не входила, исключая, впрочемъ, вопроса о приготовленіяхъ къ пріѣзду импер. Екатерины II. Приготовленія эти начались еще съ мая мѣсяца. 15 мая общая городская дума, вслѣдствіе предписанія намѣстническаго правленія, постановила: ремонтировать стоявшія на Крещатицкѣ триумфальныя ворота и украсить ихъ вновь картинами, «сему всерадостнѣйшему случаю приличествуемымъ»²⁾; ремонтировать скарбовую палату въ магистратѣ и «вымазать» ее алебастровыми красками и золотомъ, гдѣ овазалась порча, «а буди Ея Имп. Вел. Всемилоствѣйше удостоить изволить оную палату своего Всевысочайшаго посѣщенія и соблаговолить имѣть

¹⁾ Съ другой стороны, когда дума въ засѣданіи 30 марта отказалась измѣнить контрактъ съ подрядчикомъ по поставкѣ лѣса для города, то рѣшено было конести объ этомъ Ширкову, «въ такихъ обстоятельствахъ, дабы паче чаянія неподнасть каковому либо ответу и взысканію». Между тѣмъ предложеніе измѣнить контрактъ было сдѣлано лично подрядчикомъ и требовало ничѣмъ не мотивированнаго и явно убыточнаго для города возвышенія договорныхъ цѣнъ лѣса.

²⁾ Изъ протоколовъ видно, что въ октябрѣ мѣсяцѣ триумфальныя ворота были сильно повреждены неизвѣстными лицами.

въ оной палатѣ обѣденной столѣ, то одному изъ гражданъ проговорить самократчайшую благодарственную рѣчь»; иллюминовать магистратъ и магистратскую башню плоскими разныхъ цвѣтовъ; при въѣздѣ поднести хлѣбъ отъ всего гражданства, а городскому головѣ произнести «самократчайшую поздравительную рѣчь»: «встрѣчу здѣлать, кромѣ тѣхъ почетнѣйшихъ гражданъ, кои должны будутъ быть вмѣстѣ съ городскимъ головою пѣшо, и еще на площадяхъ сто человекамъ на собственный ихъ коштъ одѣтымъ въ одноцвѣтное зеленое платье съ хорошымъ лошадей уборомъ и изъ городскою музыкою, цехамъ же здешнымъ быть на встрѣчи съ ихъ знаменами и стоять по обое стороны дороги по порядку». 4 декабря по тому же поводу въ общей городской думѣ состоялось новое постановленіе: выбраннымъ съ согласія всего общества для встрѣчи императрицы повелѣть, «дабы они неотмѣнно исправили каждой съ нихъ на собственной коштъ одноцветное зеленое съ красными кафтанамы платье, шанки сѣрыя, зъ верхкомъ краснымъ и китицею бѣлою, ладунки и сабли, а такъ же лошади хорошіе и съ уборомъ оныхъ изряднымъ и пры въѣздѣ ея имп. вел. въ городъ Кіевъ (кромѣ почетнѣйшихъ гражданъ, кои къ тому опредѣлени будутъ вмѣстѣ съ городскимъ главою пѣшо) встрѣчу здѣлать нимъ на лошадахъ сколь возможно въ лутшемъ порядкѣ. А буди бы это съ оныхъ значущихся у вѣдомосты въ семь случаѣ ослушнымъ оказался и положенного обществомъ не выполнилъ, то не прѣмля никакихъ извиненій или отговорокъ, неминуюемо съ такого взыскать штрафу пятьдесятъ рублей, и сіи денги роздать всѣмъ тѣмъ, кои сіе положеніе общее выполнять, на кормъ ихъ лошадей; о чемъ къ непремѣнному исполненію каждому съ ныхъ предписать прыказы, съ тѣмъ чтобы они, получа сіи прыказы, ни подъ какимъ видомъ нигуда съ Кіева неотлучивались, а исполнили бы выше сего изъясненное».

Изъ протоколовъ видно, что къ пріѣзду императрицы думою приняты были еще слѣдующія мѣры: къ 40 почтовымъ лошадамъ прикуплено еще 20; устроены деревянные мосты на льду противъ Неводницкой пристани; ремонтировано царское мѣсто въ Андреевской церкви и магистратская башня съ расходомъ на это болѣе 1400 руб. сер.; заготовлено 15 смоляныхъ бочекъ, кои «будутъ замѣною вмѣсто дрянныхъ кучекъ, которіе нужно поставить по пути поближе къ Кіеву на случая естлибы ея имп. вел. сюда въ Кіевъ ехать въ ночное время соизволили»; собирались свѣдѣнія и готовились вѣдомости о городскихъ доходахъ, объ устройствѣ думы, ея собраніяхъ, о членахъ думы и ея канцелярскихъ чиновникахъ, также историческія справки о Кіевѣ

и о дарованныхъ ему равѣ привилегіяхъ, которыя, какъ видно изъ протокола 25 февр., тщательно сохранялись дуמוю въ особомъ сундукѣ¹⁾; устроенъ былъ живорыбный садокъ, а рыбальской управѣ предписано озаботиться, чтобы въ свое время рыба была готова въ надлежащемъ количествѣ, а мясницкой управѣ подтверждено имѣть достаточно мяса. Такъ какъ губернаторъ Ширковъ требовалъ, чтобы городъ запасался жизненными припасами ко дню приѣзда царьцы, то дума подъ угрозой конфискаціи воспретила прасоламъ продавать хлѣбъ винокурамъ, по винѣ которыхъ будто бы ощущался въ городѣ недостатокъ и дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Само собою разумѣется, что распоряженіе это практическихъ результатовъ не имѣло. (О встрѣчѣ Екатерины II въ Кіевѣ 29 января 1787 г. см. у Н. Закровскаго, Описание Кіева, изд. 1868 г., т. I, стр. 101, сл.). Объ удаленіи изъ города людей «воспою и корью, лопухомъ или другою какою сыпью одержимыхъ», какъ это было въ 1744 г. въ ожиданіи приѣзда имп. Елисаветы (см. у Ал. Андріевскаго, Истор. мат. изъ архива кіев. губ. правл., Кіевъ, 1883, вып. 5, стр. 162—168), на сей разъ не слышимъ, по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ думскихъ протоколахъ 1786 года.

II.

Финансовое хозяйство г. Кіева въ 1786 году.—Главные источники городского дохода.—Питейный откуп.—Поземельные сборы.—Торговые и др. сборы.—Недочины.—Судная операція городской думы въ 1786 г.—Вопросъ о займѣ городу 200,000 рублей.

Со введеніемъ намѣстничества къ кіевскому городскому управленію были предъявлены требованія, которыя казались мѣщанамъ отяготительными, а связанное съ этимъ вмѣшательство высшей администраціи въ хозяйственную жизнь города возбуждало среди представителей мѣщанства нѣкоторое неудовольствіе и нареванія. Такъ какъ городъ лишенъ былъ права самостоятельнаго распоряженія своими финансами и другими отраслями своего хозяйства, то ему оставалось лишь дѣлать о своихъ потеряхъ и нуждахъ представленія по началь-

¹⁾ Какъ извѣстно, значительное число привилегій и др. грамотъ, принадлежавшихъ Кіеву, погибли въ генеральной войсковой канцеляріи въ Глуховѣ, куда онѣ были затребованы гр. Разумовскимъ еще въ 1763 г. см. А. Андріевскій, Кіевскіе смуты середины прошлаго столѣтія. „Кіев. Старина“, 1886 г., декабрь, стр. 679.

ству. Такъ это и было въ дѣйствительности. Представленія думы нерѣдко имѣли цѣлью исходатайствовать пособіе городу отъ казны въ виду того, что Кіевъ несъ повинности, имѣвшія общегосударственное значеніе, а между тѣмъ значительная часть городскихъ доходовъ со введеніемъ намѣстничества была отобрана отъ города и обращена въ казенную палату. Особенности заботы думы какъ общей городской, такъ и шестигласной, посвящены были питейному дѣлу, такъ какъ все городское хозяйство держалось главнымъ образомъ питейными доходами. Извѣстна ожесточенная борьба кіевского мѣщанства и магистрата съ козацкой старшиной изъ за права винокуренія, которая велась въ Кіевѣ прошлаго вѣка. Со введеніемъ намѣстничества, въ 1782 году, борьба прекратилась, но потому, что возбуждавшее споры право было отнято и у мѣщанъ. По договору бывшаго кіевского магистрата съ казенной палатой, городъ имѣлъ въ 1786 году право на полученіе изъ питейной откупной суммы 22,750 руб.,—эта была главная статья городского годоваго бюджета. Деньги эти выручались отъ продажи хлѣбнаго вина собственно на Подолѣ, гдѣ были принадлежавшіе городу, сдаваемые въ аренду мѣщанамъ шинки; на Печерскѣ и въ Старомъ городѣ винная торговля производилась почти исключительно отъ казны и въ городской доходъ поступалъ лишь 1% казенной питейной выручки ¹⁾). Такъ какъ по расчету казенной палаты городской доходъ Кіева въ 1786 году долженъ былъ не превышать суммы въ 27,464 руб. съ копѣйками, то легко понять интересъ думы къ питейной операци. Эта послѣдняя собственно стояла виѣ вѣдѣнія думы и назначенный по росписанію доходъ лишь передавался въ городскую казну отъ смотрителей питейной экономіи Барскаго, Яруцкаго и Атанасевича, подчиненныхъ казенной палатѣ и городовому магистрату. Но, вслѣдствіе наступившей въ 1786 г. сравнительной дороговизны хлѣба, выручка городского питейнаго дохода встрѣчала немало затрудненій, тѣмъ болѣе, что городъ не держалъ винокурень и пріобрѣталъ вино по вольной цѣнѣ отъ мѣстныхъ винокуровъ. Поэтому шестигласная дума считала себя вправѣ ходатайствовать предъ губернаторомъ о принятіи мѣръ противъ вздорожанія хлѣба, о нестѣсненіи

¹⁾ На Печерскѣ еще въ 1786 г. было нѣсколько шинковъ, принадлежавшихъ монастырямъ. 15 іюня дума ходатайствовала о передачѣ этихъ шинковъ городу, который по указу 3 мая 1783 г. долженъ „очищаться отъ всего несвойственнаго“, или по крайней мѣрѣ объ отчисленіи 1% дохода въ городскую казну. Отвѣта отъ Ширкова не послѣдовало.—Съ казенныхъ шинковъ въ Печерскѣ и Старомъ Кіевѣ поступило за апрѣльскую треть 1786 г. въ городской доходъ всего 15 р. 90 к.

вольнаго мѣщанскаго винокуренія и, наконецъ, о разрѣшеніи продавать въ городскихъ шинкахъ вино по 14 коп. за кварту вмѣсто прежнихъ 12 коп., но въ то же время дума просила обязать мѣщанъ сбывать выкуренное вино только въ городской магазинъ. Такимъ образомъ, въ заботахъ думы главную роль игралъ фискальный моментъ, потому что городская монополія въ дѣлѣ купли вина отъ винокуровъ могла быть лишь невыгодна для этихъ послѣднихъ. Для думы имѣло значеніе и то, что съ земель подъ мѣщанскими винокурнями городъ получалъ до 500 руб. сер. ежегодно т. наз. покуничнаго сбора, пока вольное винокуреніе не было воспрещено,—сумма по тому времени весьма значительная. Изъ протоколовъ видно, что казенная палата согласилась только на просимое возвышеніе продажной цѣны вина, отпускаемаго изъ городскихъ шинковъ, «ибо такова прибавка никому въ тягость быть не можетъ, потому что всякъ, имѣя собственную свою волю покупать оное по тѣмъ цѣнамъ, а если не пожелаетъ, будетъ въ томъ безъ малѣйшаго принужденія» (прот. 5 февр.). Хотя дума и представляла Ширкову, что, вслѣдствіе запрета вольнаго винокуренія, граждане впадуть въ нищенство и разореніе и не станутъ вносить податей и налоговъ, но на это даже отвѣта не послѣдовало (прот. 9 сент.). Не были удачныѣ и ходатайства думы о прекращеніи буйствъ солдатъ по городскимъ шинкамъ. Въ маѣ дума жалуется, что солдаты днѣпровскаго пѣхотнаго полка, «ходя въ питейные дома, проходящихъ за покушкою горячаго вина людей бьютъ безвынно и разные обиды и азарты дѣлаютъ, както не платятъ выпивши за вино денегъ, разбиваютъ бутылки, стаканы и чарки, а чрезъ то городской суммѣ дѣлаютъ немалый убытокъ». Дума избѣгала возбуждать по этому поводу официальную переписку, опасаясь отсюда большихъ для себя хлопотъ и неприятностей, и вступила въ частныя словесныя сношенія «черезъ нарочнаго» съ военными властями объ удовлетвореніи обиженныхъ. Въ октябрѣ въ протоколахъ встрѣчаемъ новыя жалобы на то, что солдаты занимаютъ воинскимъ артикуломъ въ городскихъ шинкахъ и «подъ видомъ ученія» не пропускаютъ туда посѣтителей, чиня при этомъ различныя буйства и своеволія¹⁾. Жаловалась дума и на тайную торговлю какъ хлѣбнымъ, такъ и винограднымъ виномъ, въ ущербъ городскимъ доходамъ и мѣщанству, производимую кушцами

¹⁾ На городской почтовой станціи Ширковъ, вслѣдствіе просьбы думы, распорядился поставить оберъ-офицера, въ виду „азартничества“ проезжающихъ курьеровъ (прот. 28 сент.).

Павловымъ, Загоровскимъ, Масловскимъ, Лакердою, бунчуковымъ товарищемъ Гудимомъ, Братскимъ монастыремъ и др. Но жалобы эти встрѣчаются въ протоколахъ думы довольно рѣдко, и тѣмъ болѣе, что 10 іюня Ширковъ, впредь до особаго указа сената, воспретилъ городу взимать въ свою пользу по 10 р. съ буты винограднаго вина, продаваемого во всѣхъ частяхъ города,—по этому сбору за мѣстными торговцами Радзицкимъ, Рыбальскимъ, Лакердою, Иванскимъ и Маркевичемъ накопилась немалая недоимка еще съ 1783 г., которую Ширковъ въ январѣ 1786 г. распорядился было взыскать, но затѣмъ по неизвѣстной причинѣ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

Послѣ питейнаго, самый крупный доходъ получался съ поземельныхъ сборовъ разнаго рода. Въ 1785 г. съ 929 дворовъ на Подолѣ и съ купеческихъ и мѣщанскихъ дворовъ въ предмѣстьяхъ въ пользу города взималось *покуничнаго* по полушкѣ, съ квадратнаго аршина земли и *поворотнаго* по двѣ коп. съ каждаго двора. Земли, на которыхъ стояли различныя промышленныя заведенія, особенно винокурни, обложены были значительно высшею платою. Въ январѣ 1786 г. и этотъ доходъ города былъ значительно уменьшенъ, вслѣдствіе распоряженія губернатора Ширкова: прежній покуничный и поворотный сборъ, взимавшійся со всѣхъ обывателей безразлично, былъ отмѣненъ; съ куцовъ и мѣщанъ, имѣвшихъ дома внутри города или хутора въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать отнынѣ лишь по полушкѣ съ аршина земли, но не болѣе, и поворотнаго брать не велѣно, «по причинѣ что оны будучи здѣшніе куцы и мѣщане платятъ указныя податы и отбываютъ городскую службу»; съ разночинцевъ всякаго чина и званія, владѣвшихъ домами въ городѣ или хуторами въ предмѣстьяхъ, разрѣшено было взимать покуничныя: за землю подъ дворомъ, въ городѣ съ евадр. саж. по кошейкѣ, за землю въ хуторахъ удобную, подъ дворомъ, винокурнею, мельницею или плотиною, съ ев. сажени по денежкѣ, а подъ садомъ, огородомъ, пастовникомъ или сѣнокосомъ—по полушкѣ (напр. за 720 саж.—3 р. 60 к., за 3 дес. 638 саж. по полушкѣ—19 р. 59 к. съ денежкой). За земли подъ лѣсами, прудами и ручьями воспрещено было взимать какіе либо сборы въ пользу города, а съ кузницъ разрѣшено брать по 20 коп. поворотнаго. Распоряженіе это, очевидно, имѣло цѣлью облегчить лицъ, владѣвшихъ въ Кіевѣ недвижимою собственностью, но не принадлежащихъ къ мѣстному обществу, гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, пріобрѣтшимъ здѣсь осѣдлость, жившимъ въ Кіевѣ козакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кто не входилъ въ составъ одного изъ шести городскихъ сословій. Та-

вихъ лицъ въ современномъ Кіевѣ было не мало; условія, на которыхъ они владѣли своими грунтами, были самыя разнообразныя и запутанныя; почти всѣ разночинцы относились враждебно къ мѣстному мѣщанству и купечеству, правами котораго, нѣкогда весьма обширными, не могли пользоваться. Поэтому къ концу года оказалось, что только одинъ разночинецъ внесъ покунничнй сборъ, остальные же отказались наотрѣзъ, объявивъ, «что требуемыхъ городскою думою денегъ не уплатятъ, а будутъ о семъ просить высшей власти». Думѣ оставалось лишь просить содѣйствія Ширкова, что она и сдѣлала, съ обычнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, мѣщане и купцы также весьма неохотно платили покунничное и накапливали безнадежныя недоимки. Несмотря на всѣ усилія думскихъ уполномоченныхъ, къ 9 сентябри покунничнаго сбора удалось взыскать лишь 27 р. 5 к. сер.

Хотя казенная палата въ росписаніи своемъ отъ 25 ноября 1785 г., разсчитала годовой доходъ Кіева въ суммѣ 27,464 р. 25¼ коп., но расчетъ этотъ оказывается весьма проблематичнымъ при провѣркѣ его по думскимъ протоколамъ. Провѣрка эта не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ о поступленіи въ городскую доходъ даже нѣсколько десятковъ коп. немедленно докладывалось шестигласной думѣ, которая составляла каждый разъ особое опредѣленіе о передачѣ денегъ городскимъ казначеямъ. Изъ этихъ подробныхъ протокольныхъ записей видно, что, кромѣ указанныхъ выше, городскіе доходы Кіева слагались въ 1786 году изъ слѣдующихъ статей: аренда 107 городскихъ лавокъ принесла 670 руб.; за отведеннымъ иногороднимъ купцамъ мѣста на усненской ярмаркѣ выручено 312 р. 41¼ к., за тѣ же мѣста передъ городскими лавками съ мѣстныхъ купцовъ взыскано 175 р. 87 к.; откупныхъ денегъ по продажѣ збитня и ячнаго кваса получено 200 руб. сер., и на слѣдующій годъ статья эта сдана на откупъ уже за 630 руб.; аренда полочекъ въ гостинномъ дворѣ дала 252 р. 38 к., аренда городской мельницы на р. Помойникѣ—33 р. 34 к., сборъ съ торговцевъ прѣсною брагою—28 р. 40 к., съ содержателя торговыхъ бань—20 р., съ торговцевъ прѣснымъ медомъ и вяленою рыбою—10 р. 10 к., 1% съ казеннаго питейнаго дохода по Печерску и Ст. Кіеву—15 р. 90 коп., за апрѣльскую треть, аренда городского погреба и ледника—60 руб., ярмарочной пошлины съ Печерска 3 руб. Почтовый дворъ приносилъ городу ежемѣсячно отъ 48 до 100 руб. дохода, но расходы въ нѣсколько разъ превосходили доходъ: содержаніе почты лежало на обязанности города. Штрафовъ съ цеховыхъ и купцовъ за нарушеніе уставовъ въ 1786 году поступило 27 руб-

лей¹⁾. Нельзя причислять къ постояннымъ городскимъ доходамъ такіа поступленія, какъ 18 р. за проданную городскую лошадь, 1809 руб. за проданный изъ запаснаго магазина хлѣбъ, вмѣсто котораго пришлось тогда же купить новый по высшей цѣнѣ, и, наконецъ, выморочный капиталъ лекаря Некиша въ 1514 руб. съ копѣйками, не безъ труда истребованный отъ магистрата. Такимъ образомъ, доходные источники Кіева въ 1786 г. оказываются достаточно ничтожными, исключая питейнаго дохода, и совершенно очевидно, что уступка этого дохода Кіеву была въ то время дѣломъ неизбѣжнымъ, такъ какъ иначе городъ лишенъ былъ бы возможности удовлетворить своимъ насущнымъ нуждамъ и выполнять возложенныя на него обязательныя повинности. Такъ какъ инициатива въ хозяйственныхъ дѣлахъ города находилась въ рукахъ губернатора, то въ протоколахъ встрѣчаемъ лишь рѣдкія и маловажныя указанія на тѣ мѣры, которыя дума считала съ своей стороны необходимыми для поднятія городского хозяйства и увеличенія городскихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ просьбы о ссудѣ городу 200,000 рублей, можно указать лишь на ходатайство о передачѣ городу монастырскихъ лавокъ и шинковъ и о разрѣшеніи ему устроить перевозъ черезъ Днѣпръ со взиманіемъ платы въ свою пользу, а не въ доходъ казны.

Но судьба этихъ ходатайствъ неизвѣстна, — вѣроятно Ширковъ не обратилъ на нихъ вниманія, такъ какъ отвѣтъ его неизбѣжно былъ бы упомянутъ въ протоколахъ думскихъ засѣданій. Не болѣе простора имѣла городская дума и для экономіи въ расходахъ, такъ какъ размѣръ и назначеніе послѣднихъ исключительно зависѣли отъ распоряженій губернатора и казенной палаты. Выше упомянуто уже о нѣкоторыхъ случаяхъ непосредственнаго вмѣшательства Ширкова въ хозяйственныя дѣла города. Немалое неудовольствіе среди гласныхъ думы возбудило распоряженіе казенной палаты объ уплатѣ изъ дохо-

¹⁾ Городскіе лѣса и сѣнокосы денежнаго дохода почти не приносили. Рубить дерево въ лѣсахъ разрѣшалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. по случаю проѣзда бывшаго крымскаго хана Шагинъ Гирей (прот. 8 окт. и 11 ноября 1786 г.) и замощенія фашиинникомъ нѣкоторыхъ городскихъ улицъ. Сѣнокосы городскіе на Трухановомъ островѣ сдавы были на шесть лѣтъ нѣсколькимъ мѣщанамъ безъ платы, для расчистки отъ лозы, но расчистка производилась медленно и неохотно. Городской сѣнокосъ Убедь возлѣ Кирилловскаго монастыря всегда оставался „для выгоды общественной здѣшнихъ гражданъ какъ для свободнаго укосенія травы“, но въ юніѣ 1785 г. этотъ „громадскій сѣнокосъ“ самоуправно выкошенъ городничимъ Кругловымъ. Думѣ оставалось лишь записать объ этомъ въ протоколъ и „пріобщивъ къ дѣлу, при ономъ содержать цѣлостно“, — обычная формула въ подобныхъ случаяхъ.

довъ Кіева 13,800 р. 48 к. графу Апраксину за купленное у него для г. Козельца имѣніе; по контракту съ палатою Козелець обизался выплачивать свой долгъ частями—по 200 руб. въ годъ. Когда совѣтникъ намѣстническаго правленія Иванъ Корбе предложилъ помѣнять свою усадьбу на городской грунтъ на Преорѣѣ, то общаа городская дума, единогласно отказавшись отъ этой сдѣлки, какъ явно убыточной для города, не безъ горечи напомнила, что и для Козельца пріобрѣтена у Апраксина земля, но деньги уплачены изъ доходовъ города Кіева, «почему и можетъ Козелець, купивъ за деньги другого города то имѣніе, пріобрѣтеніе назвать для себе полезнымъ»,—сдѣлка же съ Корбе пользы Кіеву не общаетъ.

Какъ ни малочисленны и скудны были источники городскихъ доходовъ, но взиманіе городскихъ сборовъ встрѣчало много затрудненій и поставлено было достаточно неудовлетворительно. Недоимки накоплялись изъ года въ годъ, дума составляла списки недоимщиковъ и отсылала къ городничему или въ управу благочинія, откуда получался обычный отвѣтъ, что недоимщики «упорствуютъ». Особенно много хлопотъ въ этомъ случаѣ имѣла дума съ т. наз. разночинцами, которые, живя на городской землѣ и занимаясь нерѣдко торговлею и промыслами, не считали себя членами городской общины и сильно тяготились необходимостью выплачивать городскіе сборы разнаго рода ¹⁾; немало числилось недоимки и за посполитыми, жившими на оброкѣ на городскихъ земляхъ. Городничій и управа благочинія при взиманіи недоимки обращались даже къ содѣйствию военной команды. О сложении недоимокъ въ 1786 г. не слышимъ, а только въ ноябрѣ этого года губернаторъ Шпрковъ предложилъ думѣ произвести раскладку подушнаго оклада бѣднѣйшихъ мѣщанъ на все общество «послѣ тончайшей выправки о бѣдности», но эта мѣра имѣла въ виду оградить казенный интересъ и не касалась собственно городского финансоваго хозяйства.

Сколько можно судить по протоколамъ, кіевская городская дума не имѣла точныхъ свѣдѣній о доходности городского имущества и различныхъ оброчныхъ статей,—доходы поступали по заведенному порядку, а расходовались большею частью по указаніямъ губернатора, и въ составленіи подробной и провѣренной практикою прежнихъ лѣтъ смѣты городскихъ доходовъ дума не видѣла особенной нужды.

¹⁾ Въ протоколахъ 13 окт. записанъ докладъ о томъ, что разночинцы упорно торгуютъ на Печерскѣ, сборовъ не платятъ, а армарочнаго смотрителя грозятъ бить и бороду вырвать.

Тѣмъ менѣе ощущалась эта нужда въ 1786 году, что новая городская дума получила черезъ казенную палату отъ бывшаго городского магистрата значительную по тому времени сумму наличными деньгами—46,508 р. 20 к. и кромѣ того наводилась справка о 55,588 р. 78 к., которые хотя еще не поступили въ распоряженіе думы, но числились по счетамъ казенной палаты и бывшаго магистрата и также принадлежали городу. Такимъ образомъ въ распоряженіи городской думы въ 1786 году находится значительный денежный капиталъ, не имѣвшій опредѣленнаго смѣтнаго назначенія и увеличивавшійся новыми поступлениями, особенно съ питейнаго откупа. Какъ увидимъ ниже, расходы Кіева по разнымъ статьямъ городского хозяйства были весьма значительны и при обыкновенныхъ условіяхъ городской доходъ скоро истощился бы; вотъ почему дума, предвидя дефициты, нѣсколько разъ ходатайствуетъ о продолженіи прежнихъ казенныхъ пособій, которыя были прекращены со введеніемъ намѣстничества и устройствомъ казенной палаты. Эта послѣдняя находила, что доходы города вполне достаточны для покрытія обязательныхъ расходовъ, и какъ дума не доказывала ошибочность такого взгляда, ссылаясь на отобраніе многихъ доходныхъ статей въ казну и чрезмѣрное возрастаніе городскихъ повинностей, представленія ея имѣли самый незначительный успѣхъ, какъ увидимъ впоследствии. До поры, до времени, если не доходы, то имѣвшіеся на лицо городскіе капиталы дѣйствительно съ избыткомъ покрывали городской обязательный расходъ, такъ что дума имѣла возможность даже заниматься ссудой денегъ частнымъ лицамъ. Операція эта заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности и какъ первый опытъ примѣненія въ Кіевѣ городского дешеваго кредита.

Хранившіеся въ кассѣ думы капиталы, въ виду отсутствія правильной смѣты доходовъ и расходовъ, не имѣли спеціальнаго назначенія и потому для городскихъ кредитныхъ сдѣлокъ особаго капитала назначено не было ни въ 1785, ни въ 1786 годахъ. Частныя лица, нуждавшіяся въ деньгахъ, обращались съ просьбой о займѣ или непосредственно въ городскую думу какъ общую, такъ и шести-гласную, пли къ губернатору Ширкову. При крупныхъ займахъ шести-гласная дума обыкновенно созывала думу общую, которая, обсудивъ вопросъ о выгодности займа и вѣрности обезпеченія, ходатайствовала передъ Ширковымъ о разрѣшеніи выдать нужную сумму изъ городскихъ средствъ. Такой порядокъ соблюдался, если просители обращались въ думу. Но очень нерѣдко случалось, что Ширковъ попросту

предлагалъ думѣ выдать извѣстную сумму указанному лицу, и тогда дума безирекословно исполняла приказъ, ограничиваясь занесеніемъ въ протоколъ, что это дѣлается именно по распоряженію губернатора. Изъ протоколовъ видно, что ссуды выдавались изъ указныхъ шести процентовъ, при чемъ проценты вычитывались изъ ссуды впередъ, такъ что при займѣ на полгода 8,000 р. совѣтнику кіевскаго губернскаго правленія Энгельгардту вычтено впередъ 240 р. и выдано всего 7,760 р. Ссуды выдавались подъ векселя, поручительство частныхъ лицъ и залогъ движимостей, наприим. серебряныхъ вещей разнаго рода; при этомъ одинъ видъ обезпеченія не исключалъ возможности примѣненія и другаго, такъ что иногда ссуды выдаваемы были подъ вексель, поручительство и залогъ вещей разомъ. Охотнѣе всего дума ссужала мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, и въ протоколахъ не встрѣчаемъ ни разу отказа въ ходатайствахъ этихъ лицъ о ссудѣ изъ городской казны. Мѣстнымъ обывателямъ изъ купцовъ и мѣщанъ ссуды выдавались большею частью подъ поручительство на вексель, такъ какъ аккуратная выплата долга представлялась думѣ въ этомъ случаѣ «несумнительною». Должно замѣтить однако, что бѣдные обыватели почти не пользовались услугами городского кредита, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ ссуды мѣщанамъ и купцамъ въ 100, 300, 400 и 500 рублей; крупнѣйшимъ купцамъ выдавались ссуды въ 1000 и 2000 рублей; наконецъ, всѣмъ гражданамъ, участвовавшимъ въ питейномъ откупѣ, выдано было въ ссуду 10,000 руб. сер. подъ залогъ хлѣбнаго вина, имѣвшагося на лицо въ городскомъ винномъ магазинѣ, — ссуда выдана была именно для уплаты за это вино. Затѣмъ крупнѣйшія ссуды выдавались по прямому приказанію губернатора Ширкова и при томъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ числу кіевскихъ гражданъ. Неизвѣстно, было ли это такъ при ссудѣ коронному польскому гетману Браницкому 15,000 руб. сер. въ 1785 году подъ поручительство упомянутаго выше Энгельгардта, такъ какъ протоколовъ 1785 года не сохранилось, но самъ Энгельгардтъ въ 1786 году получилъ изъ думы ссуду въ 8,000 р. на полгода и затѣмъ 4,000 руб. на годъ, оба раза по предписанію Ширкова, такъ какъ дума своею властью не выдавала денегъ и, какъ видно, не довѣряла Энгельгардту; не желала дума ссудить 3,000 руб. сер. кіевскому дворянству, которое обратилось было сперва съ просьбою объ этомъ къ думѣ, но Ширковъ распорядился выдать 2,000 руб. на три мѣсяца; по предписаніямъ Ширкова выданы ссуды: въ 2,000 рублей кіевскаго 6-го батальона «примерь-маіору» Мартьянову,

Яхонтову и капитану Червинскому, 3000 и 1000 р. кievскому губернскому почтмейстеру Волховскому, 3000 р. владимірской старостинѣ Натальѣ Ледоховской, неизвѣстнаго размѣра ссуда протоколисту дворянской опеки Степану Терновскому, 1,000 руб. кievскому вице-губернатору Башилову. Распоряженіе о займѣ старостинѣ Ледоховской сдѣлано было вопреки ясно выраженному общему городскою думою недовѣрію къ этой дамѣ, какъ жившей въ другомъ государствѣ и дѣлавшей заемъ безъ согласія своего мужа; не съ большею охотою выдала дума и ссуду кievскому дворянству, какъ можно догадываться по тону думскаго протокола. Лишь въ отказѣ ссудить 2000 р. женѣ коронноповѣреннаго кievскихъ питейныхъ сборовъ Ростовцевой, мужъ которой былъ признанъ банкротомъ, Ширковъ присоединился къ мѣстной думѣ. Въ результатѣ всей кредитной операціи за 1786 годъ оказывается, что мѣстнымъ купцамъ выдано было одновременно въ ссуду около 6,000 рублей, мѣстнымъ мѣщанамъ—около 4,400 рублей, 10,000 рублей ссужено зрителямъ питейной экономіи для уплаты за приобретенное откупщиками хлѣбное вино и около 25,000 рублей выдано въ ссуду разнымъ, большею частью чиновнымъ, лицамъ, не принадлежавшимъ къ составу городской общины и не несшимъ городскихъ налоговъ и повинностей. При наличныхъ городскихъ средствахъ обрисованная вкратцѣ выше кредитная операція не могла быть расширена сколько нибудь значительно, между тѣмъ дума и гражданство считали ее не безвыгодною для города и отвѣчавшею потребности горожанъ. Уже 12 сентября городская дума разсуждала, что слѣдуетъ обратиться къ гр. Румянцеву съ просьбой объ исходатайствованіи для Кіева ссуды въ 200,000 рублей изъ заемнаго банка для отдачи этихъ денегъ заимообразно мѣстнымъ промышленникамъ разнаго рода подъ соотвѣтственные залоги, при чемъ постановлено было также донести о размѣрѣ и видахъ городской торговли и промысловъ. Въ донесеніи этомъ встрѣчаемъ, впрочемъ самыя общія, указанія на незначительность и упадокъ промышленной жизни Кіева, точныхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу у самой думы не было; между прочимъ здѣсь указано на то, что мѣстные граждане не имѣютъ фабрикъ, «а имѣтъ оніе по способности мѣста желаютъ», и что, благодаря недостатку свободныхъ капиталовъ, торговля города стѣснена, такъ какъ мѣстное купечество не пользуется кредитомъ за границую и получаетъ оттуда товары частью мѣною, частью на выручаемыя отъ продажи мѣстныхъ произведеній деньги. Мѣсяць спустя вопросъ о ссудѣ городу обсуждался уже общему городскою

думою вмѣстѣ съ членами городского магистрата и мнѣніе шестигласной думы было одобрено, какъ совершенно правильное и соответствующее интересамъ города. Само собою разумѣется, что въ 1786 г. вопросъ этотъ еще разрѣшенъ не былъ, и изъ протоколовъ видно, что въ этомъ году намѣстническое правленіе не прислало отвѣта на ходатайство города.

Н. Молчановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЧУМА.

I.

Пріоръ іезуитскаго монастыря въ Тернополь, возвратясь изъ общей монастырской столовой, слегка зѣвая, готовился прилечь и отдохнуть послѣ хорошаго обѣда, для чего по случаю жаркой лѣтней погоды снялъ сапоги и рясу, какъ вдругъ въ дверь его кельи раздался стукъ. Наморщивъ лобъ и сдѣлавъ непріятную гримасу, пріоръ помолчалъ съ минуту, и только послѣ второго стука сказалъ.

— Войдите!

Съ низкимъ, утрированно смиреннымъ поклономъ вошелъ членъ конвента, патеръ Гаудентій.

— Вамъ что нужно, *frater*?—строго спросилъ его пріоръ.

— Я хотѣлъ просить васъ, *clarissime*,—началъ патеръ, останавливаясь у порога,—чтобъ вы выслушали меня. Я хотѣлъ бы сообщить вамъ кое что....

— Что нибудь важное случилось?—отрывисто спросилъ пріоръ.

— Н-нѣтъ,—замаялся патеръ,—случиться не случилось ничего особеннаго. Но я хотѣлъ просить васъ выслушать нѣкоторыя мои мысли и соображенія....

— А, такъ, ваши мысли!—сказалъ съ нѣкоторымъ ироническимъ отгѣнкомъ въ голосѣ пріоръ.—Но нельзя ли эти мысли и соображенія отложить до болѣе удобнаго времени?

— Конечно, конечно, можно,—поспѣшилъ согласиться патеръ.— Однако извините, *clarissime*, я думалъ, что время теперь самое подходящее: школьныхъ занятій нѣтъ, да къ тому же еще при-

ближается срокъ высылки нашему преосвященному отцу провинціалу обычнаго ежемѣсячнаго рапорта.

— Рапорта!—почти вскрикнулъ пріоръ и совершенно очнулся отъ той полудремоты, въ которую пачала его было погружать мѣрная и монотонная рѣчь патера, сопровождаемая жужжаньемъ большихъ мухъ въ рѣшетчатомъ окнѣ кельи, да чирикавьемъ воробьевъ среди вѣтвей густыхъ вишенъ, нависшихъ къ самому окну.—Рапорта!—повторилъ онъ еще разъ и изъ подлобья взглянулъ на патера.

— А вамъ какое дѣло до рапорта?

— Сохрани Богъ,—поспѣшилъ извиниться патеръ Гаудентій.— Я отлично знаю, *clarissime*, что рапортъ—ваше дѣло, и потому именно осмѣливаюсь утруждать васъ моею просьбой, чтобъ вы могли изложить мои мысли и соображенія и представить ихъ въ своемъ рапортѣ отцу провинціалу, конечно, ежели онѣ вамъ покажутся того достойными и подходящими.

Но пріоръ, хотя и не сводилъ пристальнаго взгляда съ патера Гаудентія, не слушалъ его вкрадчивой, нѣсколько водянистой и монотонной рѣчи. Его занимала новая, внезапно поразившая его мысль. Онъ зналъ, что всякій изъ патеровъ имѣетъ право секретно обращаться къ провинціалу съ „рефератами“, т. е. съ доносами на прочую братію и въ томъ числѣ на него самого, пріора. Но до сихъ поръ дѣла какъ то такъ складывались въ монастырѣ, что тернопольскій конвентъ жилъ, какъ одна семья, и никто изъ-за взаимныхъ доносовъ не имѣлъ никакихъ непріятностей. Въ настоящемъ же году дѣла вдругъ измѣнились къ худшему. Ни съ того ни съ сего двухъ патеровъ перевели изъ Тернополя въ какой то горный монастырь въ Тиролѣ, считающійся мѣстомъ заточенья, и вмѣсто нихъ прислали двухъ новыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ будто мѣшокъ развязался со всякими выговорами, реколлекціями и прочими непріятностями, которыя такъ и сыпались изъ Кракова на несчастный тернопольскій конвентъ. Пріоръ и всѣ патеры недоумѣвали, кто это такъ имъ прислуживается. Подозрѣніе падало то на того, то на другаго изъ патеровъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали себя виноватыми во

многих послабленіяхъ и упущеніяхъ противъ монастырской дисциплины.

Патера Гаудентія какъ то всего менѣе подозрѣвали въ этихъ „пакостяхъ“. Во первыхъ, съ его прибытія въ конвентъ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, и первые годы его пребыванія среди тернопольскихъ іезуитовъ были самые благополучные. Во вторыхъ, патерь Гаудентій пользовался у прочей братіи репутаціей Якіма-Простоты или даже, пожалуй, какого то юродиваго. Репутація эта, повидимому, очень огорчавшая патера, но которую онъ тѣмъ не менѣе всегда поддерживалъ разными пезамысловатыми выходками, составила главнымъ образомъ вслѣдствіе его знаменитаго „миссіонерскаго похода въ одиночку“ въ люблинскую губернію, для католической пропаганды среди тамошнихъ уніатовъ. Походъ этотъ кончился самымъ постыднымъ бѣгствомъ патера изъ предѣловъ Россіи, гдѣ онъ, подобно древнему пророку Іовѣ, пробылъ всего три дня, и откуда возвратился безъ памяти отъ страха и отъ удара, полученнаго имъ ночью привладомъ ружья отъ мощной руки пограничнаго объѣздчика. Съ истинно комическимъ прискорбіемъ рассказывалъ патерь объ этомъ своемъ подвигѣ, и рассказъ его всегда доводилъ всю братію до взрывовъ неудержимаго хохота. Самъ же патерь Гаудентій, какъ будто не замѣчая этого впечатлѣнія, строилъ при этомъ казанскую сироту и, увлекаясь рассказомъ, то блѣднѣлъ, то дрожалъ, то плакалъ, что конечно еще болѣе заставляло смѣяться его слушателей. Притомъ же патерь казался такимъ простымъ, прямодушнымъ и незлобнымъ, что трудно было даже представить себѣ его пишущимъ доносы на своихъ собратій.

А все таки, по какому то неясному внушенію, именно эта мысль и промелькнула въ головѣ пріора въ тотъ моментъ, когда патерь упомянулъ о ежемѣсячномъ рапортѣ. Онъ вспомнилъ все, что зналъ о прошломъ патера Гаудентія. Сынъ убогаго мазурскаго крестьянина, онъ былъ когда то взятъ тарновскимъ епископомъ Войтаровичемъ на воспитаніе и по смерти его поступилъ въ ученіе къ іезуитамъ въ Краковѣ, окончивъ образованіе въ Римѣ, гдѣ и принялъ монашество и поступилъ въ орденъ „имени Іисуса“. Пріору неизвѣстна была репутація,

какою пользовался Гаудентій въ Римѣ. Онъ зналъ только, что нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ посланъ самимъ генераломъ ордена Бекксомъ „миссіонеромъ“ въ люблинскую губернію, гдѣ и провалился самымъ блистательнымъ образомъ. Теперь только, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, пріоръ мгновенно пришелъ къ убѣжденію, что, въ виду чрезвычайной важности „позиціи“ католицизма въ люблинской губерніи и вообще въ Россіи, римскіе верховоды должны же были хорошенько обдумать, кому ввѣрять такое дѣло, какъ миссія, и вслѣдствіе этого должно быть въ молодомъ патерѣ усмотрѣли какую нибудь гарантію ея успѣшнаго исхода. Отсюда патеръ Гаудентій долженъ же быть не такимъ ужъ простофилей и дуракомъ, за какого себя выдавалъ до сихъ поръ. А въ такомъ случаѣ пріору сразу все становилось яснымъ и патеръ Гаудентій, можетъ быть самъ того не вѣдая, мгновенно выросъ въ его глазахъ. Весь образъ дѣйствій этого юродиваго патера сразу получалъ совсѣмъ другое значеніе, значеніе очень ловко придуманной и искусно исполненной, чисто іезуитской интриги; къ тому уже давно догадывался пріоръ, что въ Римѣ недовольны образомъ дѣйствій тернопольскаго конвента, что отъ него, какъ отъ крайней твердыни на востокѣ, ожидаютъ бблшаго; инстинктивно чувствовалъ онъ приближеніе чего то роковаго. И вглядываясь пристально, исподлобья въ патера Гаудентія, онъ не безъ основанія предполагалъ въ немъ провозвѣстника или даже авангардъ этого новаго направленія въ ихъ дѣятельности, которая должна была смести его, какъ смела отосланныхъ въ Тироль фрaterовъ.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и соображеній, промелькнувшихъ въ головѣ пріора, лицо его приняло какой то озабоченный видъ, и онъ, помолчавъ съ минуту, какъ то поспѣшно и отрывисто проговорилъ:—Гмъ, вотъ какъ! Мысли и соображенія.... Что жъ, это хорошо! конечно, конечно обсудимъ и изложимъ... Садитесь, reverendissime, садитесь пожалуйста здѣсь! Я къ вашимъ услугамъ.

Тонкая ироническая улыбка пробѣжала по лицу патера, покуда онъ, униженно раскланываясь, занялъ мѣсто на простомъ деревянномъ стулѣ у стола, за которымъ возсѣлъ пріоръ.

— Ну-съ, *reverendissime*, произнесъ пріоръ, когда они оба усѣлись другъ противъ друга. На счетъ чего хотите вы предложить свои мысли?

— Одна только у меня забота, *clarissime*, всѣмъ намъ общая: благо и преуспѣяніе нашей святой, католической церкви, отвѣтилъ патеръ Гаудентій.—Вамъ, *clarissime*, конечно, лучше меня извѣстно положеніе нашей церкви въ здѣшнемъ краѣ, особенно же положеніе нашего конвента здѣсь, на самомъ восточномъ аванпостѣ католицизма, на самомъ, такъ сказать, виду могучаго и грознаго противника—православія.

— А, значить, я не ошибся!—подумалъ пріоръ, это онъ, провозвѣстникъ реформы, подосланный къ намъ въ соглядатаи! Это онъ—авторъ доносовъ! Ну, хорошо, теперь по крайней мѣрѣ я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

И затѣмъ, обращаясь къ патеру, какъ бы недоумѣвая, спросилъ.

— Позвольте однако, *reverendissime*, но я не совсѣмъ ясно понимаю къ чему это вступленіе?

— Сейчасъ буду имѣть честь объяснить вамъ все,—поспѣшно произнесъ патеръ,—смиренно прося вниманія съ моимъ словамъ. Я хотѣлъ только предупредить васъ, что я не позволилъ себѣ ни на минуточку сомнѣваться никогда въ вашей глубокой мудрости и въ вѣрномъ знаніи и пониманіи окружающихъ насъ обстоятельствъ, и если позволилъ себѣ по своему собственному побужденію собрать кое какія свѣдѣнія, касающіяся настоящаго положенія вещей, и формулировать кой какіе выводы, то викакъ не изъ недовѣрія къ вашему руководительству, но скорѣе изъ горячаго усердія къ нашему общему святому дѣлу.

Недоумѣніе пріора смѣнилось нетерпѣніемъ. Онъ почувствовалъ какое то отвращеніе и ненависть къ сидящему предъ нимъ пониженному лицемѣру и доносчику, сознавая въ то же время, что тотъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ совсѣмъ въ духѣ правилъ іезуитскаго ордена. Дѣло касалось пріора лично, и потому въ немъ челоуѣкъ взялъ верхъ надъ іезуитомъ. Сообразивъ, что передъ нимъ сидитъ его тайный врагъ и соглядатай, онъ и рѣшился говорить съ нимъ прямо, безъ лишняго фарисейства.

„Покуда я еще здѣсь старшій, думалъ онъ,—и нужно дать ему это почувствовать, а тамъ будь что будетъ“.

— Знаете, *reverendissime*—произнесъ онъ какимъ то жесткимъ и брезгливымъ тономъ,—говорите со мной просто и открыто. Я въ Римѣ не бывалъ, дипломатіи никогда не обучался, и всегда думалъ, что за ней скрывается порядочная доля неискренности. Къ тому же я думаю, что мы свои люди, такъ будемъ же говорить безъ лишнихъ обиняковъ.

Патеръ опять улыбнулся иронически, какъ будто чувствовалъ удовольствіе въ томъ, что такъ скоро вывелъ старика изъ терпѣнія и заставилъ его такъ открыто высказаться.

— Что жъ, воля ваша, *clarissime*,—сказалъ онъ, все тѣмъ же утрированно смиреннымъ голосомъ.—Моя душа чиста отъ порока неискренности, особенно же предъ лицомъ моего настоятеля, который долженъ быть для меня первымъ послѣ Бога.

— Къ дѣлу, *reverendissime*, къ дѣлу!—перебилъ его пріоръ.

— Дѣло мое вотъ въ чемъ,—говорилъ нимало не смущаясь, патеръ Гаудентій.—Извѣстно вамъ, *clarissime*, какія цѣли, какія задачи преслѣдуетъ въ здѣшнемъ краѣ нашъ святой орденъ. Завѣтное слово, произнесенное святѣйшимъ папой Урбаномъ, „*orientem esse convertendum*“ включаетъ въ себѣ всю нашу программу, и путь къ ея исполненію долженъ быть вездѣ предметомъ нашего постояннаго и самаго тщательнаго вниманія.

— Между тѣмъ, вы находите, что мы съ недостаточнымъ вниманіемъ относимся къ этой нашей задачѣ? возразилъ пріоръ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ.

— Боже сохрани, *clarissime*, Боже сохрани! Никогда я этого не думалъ! Да къ тому же кто такой эти „мы“? Вѣдь я же часть ихъ! значить... Нѣтъ, нѣтъ, не къ тому клонится моя рѣчь. А вотъ послушайте! Не безызвѣстно вамъ тоже (въ голосѣ его прозвучала при этихъ словахъ ироническая нотка), что въ восточной части этого края живетъ народъ, считающій себя единоплеменнымъ съ народомъ, живущимъ по ту сторону Збруча. Но не въ томъ суть, а вотъ въ чемъ. Народъ этотъ принадлежитъ какъ будто къ католической церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ себя членомъ греческой, значить православной, церкви.

Эта... эта двойственность религіознаго сознанія между двумя воинствующими лагерями—какъ вы полагаете, *clarissime*, не должна ли она возбуждать нѣкотораго сомнѣнія и опасенія?

— Вотъ что!—почти вскрикнулъ пріоръ,—вы считаете положеніе уніатской церкви двойственнымъ, значить двусмысленнымъ?

— Да, *clarissime*!—твердо отвѣчалъ патеръ Гаудентій.—Болѣе того, я полагаю, что именно существованіе этой двойственной нейтральной почвы здѣсь, на рубежѣ, составляетъ одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ расширенію нашего вліянія по ту сторону пограничной черты.

— Это во всякомъ случаѣ интересное мнѣніе,—холодно и полупрезрительно сказалъ пріоръ,—и я очень хотѣлъ бы знать доказательства и факты, склонившіе васъ къ такому выводу.

— О, на этотъ счетъ, *clarissime*, за мной остановки не будетъ. Возьмите хотя бы ихъ священниковъ! Какая польза намъ, что они считаютъ себя католическими священниками, когда живутъ съ женами? Тамъ гдѣ бы нужно было работать для католицизма, отдать себя нераздѣльно и безусловно его интересамъ, они слушаются своихъ женъ, дѣйствуютъ сообразно своимъ семейнымъ отношеніямъ!

— Все это и вѣрно до васъ неоднократно подвергалось обсужденію,—желчно замѣтилъ пріоръ,—но вѣдь перемѣнить это не въ нашей власти. Дѣло это утверждено синодами и апостольскимъ престоломъ.

— Объ этомъ еще рѣчь впереди,—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ патеръ, но вотъ еще и другое обстоятельство. Развѣ вы не считаете нелѣпостью такое воспитаніе юной генерациі священниковъ, какое въ ходу у этихъ греко-католиковъ? Какой же священникъ выйдетъ изъ молодаго человѣка, который наканунѣ своего рукоположенія въ іереи, наканунѣ, повторяю, принятія самаго высокаго таинства церковнаго, по праздникамъ выдѣлываетъ „козачка“, да „коломыйку“, кружить головы поповнамъ и о томъ только и думаетъ, какъ бы найти цевѣсту съ хорошимъ приданымъ и избавиться отъ долговъ, надѣланныхъ въ духовной семинаріи!?

Патеръ очевидно начиналъ входить въ азартъ, увлекаясь теченіемъ своихъ мыслей. Рѣчь его, въ началѣ вялая и подслащенная, дѣлалась страстной и живой, и пріоръ начиналъ слушать его съ большимъ вниманіемъ.

— Дѣйствительно, это дѣло неподходящее,—отвѣгилъ онъ,—но и этого, кажется, мы не въ состояніи передѣлать.

— Только словъ Христовыхъ да догматовъ святой католической церкви никто не въ правѣ измѣнить,—съ жаромъ произнесъ патеръ.—Все остальное не болѣе, какъ человѣческія узаконенія, установленныя во времени и для временныхъ нуждъ. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, мѣняются и нужды или замѣняются другими, поэтому и узаконенія должны измѣниться сообразно новымъ нуждамъ и обстоятельствамъ. Вы, *clarissime*, упомянули о прежнихъ буллахъ и синодахъ, нормирующихъ положеніе уніатской церкви. Не забывайте, что все это было два или три столѣтія назадъ, когда здѣсь существовало могучее католическое польское государство, когда православіе было въ упадкѣ и когда католическая церковь могла, не роняя своего могущества и авторитета, дѣлать уступки мѣстнымъ традиціямъ. Теперь обстоятельства измѣнились, теперь всякое послабленіе со стороны католицизма враги и друзья его готовы считать доказательствомъ его дѣйствительной слабости. Теперь, *clarissime*, когда мы дѣйствительно стали слабѣе, намъ нужно по крайней мѣрѣ казаться сильными, во что бы то ни стало сильными!

Пріоръ слушалъ эту восторженную тираду, широко раскрывъ глаза. Такой страсти, такого широкаго взгляда на вещи онъ не ожидалъ у обыкновеннаго патера. Не оставалось никакого сомнѣнія, здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ агентомъ довольно крупнаго разбора.

— Ну, положимъ, что это такъ,—согласился онъ,—что все это можно измѣнить. Но все таки интересно было бы знать, что и какъ вы хотите сдѣлать?

— О, для этого достаточно только хорошо знать, какъ стоятъ дѣла въ настоящее время, а образъ нашихъ дѣйствій самъ собою опредѣлится. Нужно твердо убѣдиться, что положеніе этой такъ называемой уніи совершенно несостоятельно, что въ настоящее

время она растеніе безъ корней: отъ православія отстала, а къ католицизму не пристала. Ну, скажите, что можетъ быть нелѣпѣ этого требованія какой то автономіи, какой то народной церкви со стороны униатовъ? Вѣдь католическая церковь тѣмъ только и сильна, что одна и централизована, что всегда держится этого принципа: кто не со мной, тотъ противъ меня. Автономія, нейтральность во время борьбы, это вѣдь равносильно предательству. Вотъ почему мы должны прежде всего искоренить здѣсь всѣ эти автономическія поползновенія, водворить католицизмъ *sans phrase* и только тогда будемъ имѣть въ рукахъ могучій рычагъ для дальнѣйшей борьбы съ востокомъ.

Патеръ Гаудентій остановился, чтобы перевести духъ. Лобъ его покрылся каплями пота, и въ углахъ рта образовались клочки бѣлой пѣны. Пріоръ сидѣлъ молча, съ выраженіемъ раздумья на полномъ, лоснящемся лицѣ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Что жъ, *reverendissime*, мысли ваши очень интересны и я, конечно, постараюсь сообщить о нихъ, куда слѣдуетъ. Я думаю даже, что дѣло это въ самомъ народѣ не встрѣтитъ никакого препятствія. Я знаю довольно близко униатское населенія здѣшняго города и вижу, что оно очень охотно ходитъ въ костелы на латинское богослуженіе. Бываль я тоже на католическихъ „отпустахъ“ въ Милятинѣ, Кальваріи, Кохавинѣ и собственными глазами видѣлъ, какія массы униатскаго народа стекаются на эти празднества. Это и приводитъ меня къ заключенію, что самъ народъ симпатизируетъ латинскому обряду, быть можетъ, даже больше греческаго и не будетъ противодѣйствовать такимъ реформамъ, какія вы, очевидно, имѣете въ виду.

— Факты, приведенные вами, *clarissime*, очень цѣнны и интересны сами по себѣ,—отвѣчалъ патеръ,—но къ сожалѣнію, это только одна сторона медали. Вы указываете на латинскіе „отпусты“ въ Кальваріи и Милятинѣ. Я вамъ укажу на униатскіе „отпусты“ въ Гошевѣ и Зарваницѣ, посѣщаемыя ежегодно почти такимъ же множествомъ народа, какъ и указанные вами. Но это не все! Я вамъ укажу еще на одинъ фактъ. Въ православный Почаевъ, хотя онъ и за границей, путешествуютъ ежегодно тысячи этихъ униатовъ, между тѣмъ какъ католическіе „отпусты“

патеровъ домипиканцевъ въ сосѣднемъ, по сию сторону границы лежащемъ, Подкаменѣ никакъ не могутъ добиться успѣха. Вотъ вамъ факты, о которыхъ стоитъ подумать!

— Но позвольте, *reverendissime* какъ же это объяснить?— спросилъ озадаченный пріоръ.

— Вотъ то то и грустно, что объясненіе этого факта почти невозможно безъ предположенія о томъ, что увія не только сама по себѣ двусмысленна, не только недопускаема въ настоящее время по политическимъ соображеніямъ, но оказалась совсѣмъ непригодной для религіознаго воспитанія массъ народныхъ, поселяя въ нихъ равнодушіе къ самымъ существеннымъ истинамъ религіознымъ, двоевѣріе или даже полное отсутствіе всякаго религіознаго убѣжденія.

— Однако, позвольте... пробоваль было возражать пріоръ.

— Нѣтъ, *clarissime*,—перебилъ его патеръ Гаудентій, забывая всякое почтеніе къ настоятелю.—Прежде выслушайте меня, а потомъ уже судите. На дняхъ, возвращаясь изъ Подкаменя, нагналъ я близъ деревни Товстохлоповъ кучку богомольцевъ и вступилъ съ ними въ разговоръ.

— А видкыля Богъ провадыть?—спрашиваю ихъ.

— Та зъ прощи—отвѣчаетъ мнѣ какой то мужикъ, шедшій во главѣ богомольцевъ.

— А куды ходылы на прощу?—продолжаю спрашивать.

— Та въ Почаивъ.

— Въ Почаивъ? Ну, и якъ же вамъ тамъ сподобалось?

— Та якъ же бо, добре—простодушно отвѣтилъ мужикъ.

— Добре? Бійтеся Бога!—не могъ я воздержаться, чтобы не вскрикнуть.—Що жъ тамъ такого доброго? Хыба жъ вы не знаете, що тамъ шызматыцька видправа?

— Та Богъ ёго знае,—отвѣчалъ мужикъ, почесывая затылокъ,—чи шызматыцька, чи не шызматыцька. Не наша ричъ о тымъ судыты. Намъ досыть знаты, що й тамъ Бога хвалять. Тай ще одно знаемо,—прибавилъ онъ и окунуль меня какимъ то насмѣшливымъ взглядомъ,—що тамъ за сповидь менче берутъ, ніжъ у Підкамени, а до того ще зимою въ церкви топлять.

Послѣ это разсказа патеръ Гаудентій сдѣлалъ эффектную паузу и оставался нѣсколько мгновений съ распростертыми руками, съ полураскрытымъ ротомъ и вытаращенными глазами, какъ бы пораженный ужасомъ и негодованіемъ.

— Какъ же на вашъ взглядъ, *clarissime*,—спросилъ онъ, прерывая молчаніе,—это ли не блестящее доказательство полного упадка религіознаго чувства среди массы уніатскаго народа? Вѣдь можно подумать, что ихъ не коснулся до сихъ поръ свѣтъ вѣры Христовой?

— Да, это вѣрно,—грустно подтвердилъ пріоръ.—Фактъ этотъ нельзя такъ оставить. А не знаете ли, откуда были эти люди?

— Изъ Товстохлопъ, я это сейчасъ же узналъ.

— И кто тамъ у нихъ священникомъ?

— Чимчикевичъ.

— Кто такой? Чимчикевичъ? Я что то до сихъ поръ не слышалъ такой фамиліи.

— И неудивительно, потому что попъ онъ по истинѣ ископаемый. Старикъ древній, и вотъ уже тридцать лѣтъ никуда не выѣзжаетъ изъ своей деревни. Курьезъ, а не попъ. Я какъ то годъ тому назадъ познакомился съ нимъ.

— Ну, хорошо, объ этомъ послѣ,—перебилъ его пріоръ.—А теперь скажите же, къ какимъ собственно заключеніямъ вы пришли и какія вы предлагали бы средства для выполненія вашихъ предположеній?

— Я осмѣливаюсь предложить на разсмотрѣніе высшихъ властей вотъ какія предположенія. Во первыхъ, вліять на простой народъ по селамъ и мѣстечкамъ, искоренять среди него язву двоевѣрія и систематически воспитывать въ немъ религіозный католическій духъ.

— Хорошо, но какими средствами?—спросилъ пріоръ.

— Средства обыкновенныя. Нужно устраивать по селамъ и мѣстечкамъ, наипаче же возлѣ границы, систематически процессіи и миссіи съ возможно большимъ торжествомъ и соотвѣтственными проповѣдями. На грамотныхъ же въ городахъ, а также и въ селахъ можно вліять посредствомъ соотвѣтственныхъ къ тому нашихъ изданій, какъ это съ такимъ успѣхомъ практикуется уже нами въ западной части Галичины.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, *reverendissime*,—сказалъ пріоръ и пожалъ руку ненавистному патеру.—Все это вѣрно придумано, и мнѣ кажется, что предположенія ваши должны встрѣтить полное одобреніе властей.

— *Non mihi, clarissime*,—смиренно отвѣчалъ патеръ,—*sed ad majorem gloriam nominis Iesu*. Что же касается уніатскаго духовенства, то намъ нужно раздѣлить его на двѣ категоріи. Есть между ними хитрецы, которые устами исповѣдуютъ унію съ Римомъ, душой же принадлежатъ православію и стараются подъ видомъ „очищенія обряда“ подогнуть его къ православнымъ формамъ, отдаляясь все болѣе и болѣе отъ святой римской церкви. Такихъ нужно считать нашими прямыми врагами и поступать съ ними такъ, какъ съ врагами на войнѣ. Ихъ нужно держать подъ непрестаннымъ надзоромъ и, ежели только они подадутъ какой нибудь поводъ, компрометировать ихъ передъ властями и ихъ собственной паствой. Другая категорія — это допотопные, нищіе духомъ и добродушно наивные. Этыхъ, конечно, большинство, и ихъ нужно ласкать, всячески обходить ихъ мирнымъ путемъ и медленно превращать ихъ въ наши орудія... Одновременно съ этимъ нужно обратить главное вниманіе на подборъ іерархіи изъ сторонниковъ нашего направленія и на воспитаніе молодежи въ нашемъ духѣ, особенно же стараться, чтобы молодые люди иначе не рукополагались бы въ іереи, какъ въ безбрачіи. При всемъ этомъ само собой разумѣется, что хожденіе на православные „отпусты“ въ Почаевъ или даже въ Кіевъ должно быть уніатамъ строго запрещено.

Пріоръ былъ дѣйствительно увлеченъ и растроганъ простотою, логичностью и грандіозностью плана, предложеннаго патеромъ Гаудентіемъ. Иезуитъ проснулся въ немъ и онъ порывисто бросился обнимать патера.

— Ахъ, *reverendissime*! Выслушавъ вашъ планъ, я, старикъ, и то помолодѣлъ!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, это дѣйствительно, замѣчательныя предположенія и будьте увѣрены, что я постараюсь, чтобы имъ былъ данъ ходъ. Да, впрочемъ, и вы сами, кажется, имѣете личную переписку съ властями? Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ такъ невинно, слегка, исходилъ такъ просто среди

только что установившихся между ними отношеній, что патерь Гаудентій, находившійся подъ впечатлѣніемъ торжества своего краснорѣчія надъ пріоромъ, сразу не нашелся солгать.

— Ну, да,—сказалъ онъ—иногда, по обязанности моей, я долженъ. Злобною радостью заискрились небольшія глазки пріора. Улыбаясь добродушно и пожимая сердечно руку патера, онъ сказалъ:

— Ну да, ну да, я такъ и думалъ, что это вы иногда, конечно, по своей обязанности, да пишете доносы на нашу братію! Что жъ, *reverendissime*, это похвально, это даже повелѣваетъ нашъ уставъ. О, вѣтъ, не смотрите на меня съ такимъ смущеніемъ! Я ничего! Напротивъ, даже очень одобряю. Вы такой способный и опытный человѣкъ, и не премѣнно должны далеко пойти впередъ, а это вѣдь у насъ единственный способъ! И такъ, до свиданья, *reverendissime*, до свиданья. Предположенія ваши и соображенія я постараюсь исполнѣ передать, куда слѣдуетъ, а ужъ вы, пожалуйста, тоже не забывайте меня въ своихъ молитвахъ и своихъ..... хе, хе.. хе... рапортахъ!

И съ этими словами, любезно раскланиваясь и болтая безъ умолку, пріоръ выпроводилъ озадаченнаго и ошеломленнаго патера Гаудентія въ корридоръ, послѣ чего заперся въ своей кельѣ.

II.

Прошелъ ровно мѣсяць послѣ этого разговора. И опять патерь Гаудентій въ пріорской кельѣ, съ смиреннымъ и уничиженнымъ видомъ сидитъ напротивъ отца пріора, готовый слушать, зачѣмъ тотъ велѣлъ позвать его.

Не весело жилось патеру въ конвентѣ въ продолженіе этого мѣсяца. Правда, никто не сдѣлалъ ему ни одного упрека, ни однимъ словомъ не обнаружилъ къ нему ни вражды, ни негодования, но вмѣстѣ съ тѣмъ его прежняя шутовская роль сразу прекратилась, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, всѣ отвернулись отъ него, и тѣ, которые прежде такъ любили слушать его рассказы и шутки, теперь или проходили молча, или ограничивались самыми необходимыми фразами. У всѣхъ изъ

братіи, при встрѣчѣ съ нимъ, какъ то невольно вытягивались лица, смыкались уста, дѣлались очень набожныя и постыныя рожи. Весь мѣсяць былъ для патера однимъ непрерывнымъ silentium, усиливавшимся еще тѣмъ, что пріоръ не выпускалъ его ни на шагъ изъ монастырской ограды и не высылалъ по прежнему на служеніе ни въ городскія, ни въ загородныя церкви.

Патеръ переносилъ стоически это общее къ нему нерасположеніе братіи, но все таки видно было, что принималъ его глубоко къ сердцу и считалъ большимъ для себя оскорбленіемъ. Вѣдь онъ же не дѣлалъ ничего противозаконнаго! Вѣдь, можетъ быть, всякій изъ братіи преспокойно дѣлалъ то же, а все таки они дружелюбно разговариваютъ между собой, смѣются, ходятъ вмѣстѣ по монастырскому саду, только его одного чуждаются, какъ прокаженнаго.

— Все это интрига этого сибарита, этого дряннаго пріора!— скрежеталъ патеръ, ходя взадъ и впередъ по своей одинокой кельѣ.

— Но постой же ты, придетъ еще мое время; сведемъ мы съ тобой счеты!

Неудивительно затѣмъ, что вся злость, вся ненависть патера Гаудентія сосредоточивалась на головѣ пріора, и что всякая встрѣча съ этимъ своимъ „первымъ по Богѣ настоятелемъ“ была для него крайне тяжела, тѣмъ тяжелѣе, что къ ненависти и злобѣ какъ то невольно примѣшивалось глубокое чувство стыда и униженнаго человѣческаго достоинства.

Пріоръ все это очень хорошо сознавалъ и потому всячески ухищрялся продлить пытку злополучнаго патера. Такъ, въ общей столовой онъ велѣлъ ему садиться напротивъ себя; мѣсто это было почетное, занимаемое обыкновенно лицомъ приближеннымъ къ пріору, съ которымъ пріоръ всего болѣе любилъ разговаривать. Но пріоръ не удостоивалъ Гаудентія ни единымъ словомъ, разговаривалъ съ сидящими возлѣ него, и не переставалъ сверлить его своимъ пристальнымъ, добродушно-ироническимъ взглядомъ. Патеръ Гаудентій весь горѣлъ на своемъ почетномъ мѣстѣ подъ этимъ взглядомъ пріора,—онъ чувствовалъ, что тотъ хотѣлъ посадить его на общее позорище, и все время

сидѣлъ молча, согнувшись, съ наклоненнымъ лицомъ, стараясь никого не видѣть и ничего не слышать. Общія трапезы, благодаря этой невинной уловкѣ благочестиваго пріора, были для Гаудентія непрерывнымъ рядомъ мученій, отъ которыхъ онъ даже похуздѣлъ.

Но вотъ случилось что то необыкновенное: пріоръ велѣлъ позвать Гаудентія къ себѣ въ келью. Нечего и говорить, что патеръ шелъ туда не въ очень то набожномъ настроеніи духа. Пріоръ встрѣтилъ его своимъ обыкновеннымъ, шутливо-ироническимъ взглядомъ, и не давая ему произнести слова, началъ свою рѣчь:

— Да, да, *reverendissime*, какъ я вамъ говорилъ.... Садитесь, садитесь, пожалуйста, вотъ здѣсь!.. Именно, какъ я вамъ говорилъ, такъ и случилось. Вотъ вамъ письмо отъ отца провинціала, и очень, очень даже милостивое къ вамъ. Конечно, это и не удивительно; вы вполне заслужили такое къ вамъ довѣріе начальства! Говоря это, пріоръ развернулъ письмо провинціала и положилъ его передъ собой на столѣ. Патеръ Гаудентій протянулъ къ нему руку.

— Нѣтъ, извините, *reverendissime*,—смѣясь сказалъ пріоръ, накрывая письмо своей широкой, мясистой ладонью,—письмо это еще не вамъ адресовано, а куда еще ко мнѣ. Я долженъ только передать вамъ его содержаніе, а именно то, что соображенія ваши приняты благосклонно, и вамъ же велѣно поручить исполненіе перваго ихъ пункта, именно устроеніе миссій и проповѣдей, гдѣ и какъ покажется вамъ нужнымъ. Конечно, всѣ мы обязаны вамъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, но въ видахъ высшихъ властей имѣется, чтобъ дѣло это велось сначала исподтишка, незамѣтно, совершенно такъ, какъ вы это умѣете,—язвительно добавилъ пріоръ.

— Воля начальства—воля Божья,—скромно и почтительно произнесъ патеръ—и я готовъ немедленно приняться за это дѣло.

— Вотъ это хорошо!—сказалъ пріоръ.—Но въ такомъ случаѣ скажите, каковъ вашъ планъ и въ чемъ должна выразиться наша вамъ помощь?

— Я хотѣлъ бы устроить первую миссію въ тѣхъ самыхъ Товстохлопахъ, о которыхъ я прежде имѣлъ случай упоминать въ разговорѣ съ вами.

— Да, помню, помню,—подтвердилъ пріоръ.—Вы называли даже тамошняго священника... какую то фамилію?...

— Чимчикевичъ,—подсказалъ патеръ.

— Да, да, Чимчикевичъ! Что это за фигура такая?

— Крайне любопытная фигура,—отвѣчалъ патеръ,— и именно фигура эта заставляетъ меня съ Товстохлопъ начать миссіонерскую дѣятельность. Представьте себѣ: старикъ восьмидесятилѣтній, чудакъ, образованія почти никакого, настоящій мужикъ среди мужиковъ, о догматахъ вѣры ни малѣйшаго понятія—однимъ словомъ—явленіе допотопное. И при томъ добродушнѣйшій человѣкъ, наивный и довѣрчивый, какъ дитя. Такъ что съ одной стороны дѣятельность миссіонерская въ этомъ селѣ крайне нужна, а съ другой стороны здѣсь именно всего легче ее начать, потому что Чимчикевичъ всего менѣе способенъ на какое нибудь противодѣйствіе.

— Ну, и прекрасно! Богъ вамъ на помощь! Но почему вы полагаете, что миссіонерская дѣятельность въ Товстохлопахъ нужна, чѣмъ гдѣ нибудь?

— Да вѣдь подумайте, *clarissime*, что этотъ допотопный человѣкъ живетъ тамъ пятьдесятъ лѣтъ, и какія поученія онъ преподаетъ своей паствѣ! Вообразите, что проповѣди говоритъ всего только два или три раза въ годъ, да какія проповѣди! Просто уму непостижимо. Сосѣдніе священники передавали мнѣ ихъ дословно, они между ними просто стали притчею во языцѣхъ.

— Дитоньки, сьогднѣ народывся Исусъ Христосъ въ Вифлемеи, мистечку жыдивськимъ, въ стаини бидний и убогий. Такъ, такъ, а зъ наномъ комысаромъ податковымъ раджу вамъ не заходыты соби, бо що вамъ зъ того прыйде? А? Его рука, его й сыла. Отъ що! Блгословеніе Господне на всихъ ваа-асъ "... Или вотъ другой образчикъ:

— „Дитки мои, сьогднѣ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а завтра у насъ храмовой праздыкъ. Памятайте соби, щобы нихто зъ васъ завтра не бувъ пьяный ани бреверій піякихъ не робувъ.

Боже васъ сохрани! А то та громадська толока—часъ бы вамъ уже зыйтися и порадытися, що зъ нею робити... Чую, що тамъ жьдъ до васъ підсусиджується, арендувати хоче чи що... Ге, старшина? Памятайте соби, що якъ тилько мени впустите жьда до села, то я васъ и бачыты не хочу! А ни чуты о васъ не хочу, не то що! Рцемъ вси отъ всея души, отъ всего помышленія нашего рцемъ!“...

Пріоръ хохоталь неудержимо.

— Ну, уморили вы меня, reverendissime! Оставьте ради Бога! Да развѣ это возможно?

— Совершенно вѣрно, clarissime. Да чего больше, довольно только взглянуть на его образъ жизни, чтобъ убѣдиться, что отъ него и не этого можно ожидать. Живеть онъ въ бѣдной крестьянской избенкѣ, старой и покосившейся, живеть вмѣстѣ съ старой служанкой Хвеськой, глухой на одно ухо, и съ дряхлымъ слугой Прокопомъ, слѣпымъ на одинъ глазъ. Громада сама когда то построила Чимчикевичу домъ на главной улицѣ, близъ церкви, но онъ сперва не хотѣлъ совсѣмъ переходить въ новый домъ, когда же, наконецъ его, таки уломали, онъ прожилъ въ немъ безъ малаго двѣ недѣли, послѣ чего ночью перешель въ свой „зимовникъ“. А въ новомъ, обширномъ помѣщеніи онъ, какъ въ сараѣ, сложилъ хлѣбъ. Представьте себѣ скандалъ въ селѣ и во всей окрестности, когда изъ всѣхъ оконъ новаго приходскаго дома видны были одни только торчащіе снопы. И ни за что въ мірѣ нельзя было болѣе уломать старика, чтобъ онъ опять перешель жить туда; громадѣ оставалось только одно: во избѣжаніе всеобщаго смѣха поскорѣ вымолотить сложенный въ новомъ домѣ хлѣбъ и принять этотъ домъ подъ общественные амбары и мѣсто засѣданій сельскаго начальства.

— Ну, да и хорошаго же вы выбрали себѣ противника!—сказаль пріоръ, утирая шелковымъ платкомъ слезы, катившіяся по его лицу отъ смѣха.—Съ такимъ противникомъ борьба должна быть очень легка и успѣшна.

— Что жъ, clarissime,—смирненно возразилъ патеръ,—когда рожъ поспѣетъ, колосья начинаютъ клониться.

— Хорошо, хорошо, съ Богомъ и на жнитво! Такъ какъ же вы думаете скоро собраться?

— Я думаю, что вообще нечего терять времени. Въ ближайшее воскресенье я могу сказать первую проповѣдь въ Товстохлопахъ.

— Хорошо! Сегодня у насъ понедѣльникъ. Сегодня же я напишу этому вашему Чимчикевичу, чтобъ онъ приготовилъ все нужное для миссиі, а въ субботу послѣ богослуженія вы и двинетесь въ путь.

— Какъ прикажете, clarissime!—отвѣтилъ патерьъ.

Оба они поднялись съ мѣсть, пріоръ проводилъ патера до двери, и на его низкіе поклоны отвѣчалъ той же добродушно-иронической улыбкой.

III.

Въ субботу, послѣ ранней обѣдни, патерь Гаудентій сѣлъ на приготовленную для него монастырскую бричку и весело покатилъ за городъ. День былъ прекрасный. По полямъ то и дѣло блестяли серпы, звенѣли косы, раздавались пѣсни, смѣхъ и перекликанья рабочаго люда. Лѣтняя страда была въ полномъ разгарѣ.

Послѣ удушливой монастырской атмосферы патеру Гаудентію вдвойнѣ пріятенъ былъ этотъ широкій, свободный просторъ, этотъ чистый воздухъ и эта могучая, хотя и однообразная подольская картина.

До Толстохлопъ путь былъ хотя и хорошъ, но совсѣмъ не близокъ. Была уже послѣобѣденная пора, когда легкая, рессорная бричка, постукивая слегка по твердой глинистой дорогѣ, въѣзжала въ тѣсный дворикъ товстохлопскаго прихода.

— А, reverendissime!—закричалъ изъ подъ какой то „повитки“ отецъ Чимчикевичъ, издалека завидѣвъ вылѣзавшаго изъ брички патера Гаудентія.—Попеломъ, попеломъ ноги посыпаты такимъ ридкымъ гостямъ! Що за буры, що за тучы загналы васъ у наши стороны, а?

Патеръ Гаудентій ничего не отвѣчалъ, но сладко улыбаясь, заключилъ старика въ свои распростертая объятія.

— Просымо, просымо бляжче, не погордуйте нашимъ домома! упрашивалъ Чимчикевичъ, суетясь вокругъ іезуита.—Прокопе, гей, Прокопе,—обратился онъ къ своему старому слугѣ и сожителю,—а прыладь тамъ вивса и сина ихъ конямъ, и поможы порозпрягаты!

— А може вони заразь поидуть, прошу его мосця?—лѣнливо буркнулъ Прокопъ, неприязненно осматривая однимъ глазомъ непрошеннаго гостя.

— Ну, ну, поихаты поидуть,—возразилъ, добродушно улыбаясь, отецъ Чимчикевичъ,—на паравію до насъ не приехали, то певно. Але й не заразь поидуть, Прокопе, не заразь! Такъ швидко мы ихъ не пустымо. Гей Хвесько, а де ты, стара?

— Я ту, его мостыку! А чого вамъ?

— Прыладь потымъ, бабусю, де яку закуску, розуміеш?

— Загнаты гуску?—переспросила глухая старуха, и Чимчикевичъ, не имѣя желанія кричать громче, пошелъ выяснять ей на пальцахъ, чего ему нужно.

— Вотъ вѣрный образъ всей этой церкви!—думалъ патеръ Гаудентій, присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что происходило вокругъ,—выжившій изъ ума пастырь, и паства его на половину глухая, а на половину слѣпая.

Но вотъ о. Чимчикевичъ, торопясь и сѣменя ногами, взялся проводить патера въ свою комнату, служившею ему и спальней, и столовой, и канцеляріей.

— Сидайте, reverendissime, сидайте!—просилъ онъ, придвигая простой деревянный стулъ, покуда іезуитъ осматривать его жилище. Правду сказать, тамъ нечего было и осматривавъ. Комнатка небольшая, чисто и просто уставлена деревянной мебелью, деревянная кровать въ углу, прикрытая старосвѣтскимъ одѣяломъ сельской, но очень изящной работы, съ боку столикъ, заваленный метрическими книгами, на которыхъ, вопреки деревенскому обычаю, не было видно ни одной пылинки; въ другомъ углу небольшой стеклянный шкафчикъ съ книгами, а на стѣнѣ, подъ старинной иконой св. Николая, висѣлъ круглый и большой съ

телѣжное колесо овсяный вѣнокъ, переплетенный вѣтками красной калины. Посрединѣ комнаты стоялъ большой, четырехугольный столъ, накрытый мережаной скатертью, а на немъ, въ деревянной мискѣ, лежали только что вырѣзанные золотисто-янтарные соты, на всю комнату распространявшіе сильный медовый запахъ.

— Отже якъ знавъ, що гости будуть, такъ такы душа вищувала, весело сказаль о. Чимчикевичъ.—Немовъ бы щось пхнуло мене по обиди: а пиды, выймы меду! А славный у мене медъ, reverendissime! Прошу лышень, будьте ласкави спробуваты!

Патерь все еще сидѣлъ молча. Совершенная наивность и радушіе этого старика нѣсколько смутили его. Но искушенію душистыхъ медовыхъ сотовъ онъ не могъ противостоятъ.

Придвинувъ свой стулъ поближе къ столу, онъ взялъ изящную рѣзнаго дерева ложечку и, медленно высасывая медовые соты, началъ съ Чимчикевичемъ разговоръ, конечно, на томъ же русинскомъ нарѣчїи, на которомъ только что говорилъ послѣдній.

— Эге, панотченьку,—съ видомъ искренняго удовольствїя началъ іезуитъ,—про це нема що й говорыты—славный у васъ медъ, славный! Не дурно про вашу пасику слава йде по цїлій округи. Видь разу выдно, що тямуща рука коло бджилъ ходыть!

— Пятьдесять литъ, reverendissime, пятьдесять литъ зъ бжоламы захожуся, то й якъ же мени не знаты ихъ натуры й звычайы?

— Пятьдесять литъ!—вскрикнулъ патерь, какъ будто Чимчикевичъ сказаль ему какую нибудь поразительную новость.—Онъ якъ! Такъ вы уже пятьдесять литъ священныкомъ?

— Э, ни, попомъ я вже пятьдесять и пять литъ,—просто отвѣчалъ о. Чимчикевичъ.—Аджежъ постїйте, святывся я тоди, якъ Наполеона были—пидь Ватерло, чы де тамъ! То килько тому буде? Здається, въ 1815 було. А? Славный часъ бувъ, reverendissime! Не дай Боже дожыты другого такого.

— Такъ вы гадаете?

— А вжежъ, що не якъ. Ну, а потимъ пять литъ кидалы мною по администраціяхъ. Назнався я биды—крый Господы! И горывъ, и тонувъ, и мерзъ, и мокъ, якъ то кажуть. И жинка покійныця

въ тій нужди померла, а жинка, reverendissime, у нашого брата перша и послідня. Ажъ тоди змылувались надо мною и дали оцю парахвію. И тутъ я, на сѣму мисци, пятьдесятъ литъ держуся. Якъ те боже дерево, де ёго Богъ посадывъ, тамъ и росте, доки его свята воля. Слава Ему и поклонъ. Чи якъ вы думаете, reverendissime, га?

— Тай село у васъ славе, ни що й казаты,—началь іезуитъ, какъ будто продолжая развивать свою прежнюю мысль.—Произжаешъ—ажъ очы радуются. Поля оброблены, сады, огороды, хаты нови, скотынка сыта и гладка, всюды видно достатокъ и благодать Божу....

— Що жъ, reverendissime, працюемо, якъ можемо. „Въ потѣ лица твоего свѣси хлѣбъ твой“—чы якъ тамъ у пысьми сказано, га?... И о другихъ не забуваемо.

— Чувавъ, панотченьку, чувавъ,—подхватилъ іезуитъ.—Панъ староста вашою громадою нахвалытыся не може. Чы податкы сплатыты, воны—каже—перши, чы порядки громадськи, дороги, мосты—все у ныхъ якъ Богъ прыказавъ. А колы треба складкы якои, помогты тамъ чы погорильцямъ, чы тымъ, що повинъ ихъ зруйнувала, чы биднымъ—Товстохлопы чысто по паньски дають.

— По людськи, reverendissime, по людськи, не по паньски! Паны на таки речы не дуже то щедри. А мы такъ, якъ Хрыстось учивъ: що царське, те цареви, а що Боже—Богу. Чы такъ я говорю, га?

— Такъ то, такъ,—протянуль патерь, немного наклоняя голову на бокъ. Про те, що людське, а що царське, я зъ вами не буду перечытыся. Ту ваши Товстохлопы можуть буты прымиромъ для всякои другои громады, и певно не за чимъ прыводомъ, якъ за вашымъ. Се каждый прызнае. Але що дотыкается Божого, духовного.....

Патерь не договорилъ, какъ будто стѣснялся затрогивать такой деликатный вопросъ. Но Чимчикевичъ, повидимому, и не подозрѣвалъ здѣсь ничего деликатнаго и спросилъ безъ обиняковъ:

— Що жъ, маете мыни ще зъ того погляду закынуты? Говорить, я радо выслухаю.

— Н-ну, закинуты!—живо, какъ будто обидясь подхватилъ патерь.—Яке я право маю вамъ закидаты? Сохраны Господы! Я тилькы такъ... тее... отъ прымиромъ хоть бы й те! Окружный инспекторъ шкильный надывуватыся не може. Що се за дыво—каже,—таке село багате, порядне дбаюче, а отсе вже пять литъ мучуся, прошу, напоминаю, и ниякымъ свитомъ не можю добытыся, щобъ школу у себе завело.

— Отъ що!—живо воскликнулъ о Чимчикевичъ.—Такъ се инспекторъ вамъ жалувався! А може й прыславъ васъ сюды на те, щобъ уговориваты насъ школу заводиты?

— Ни, ни, панотче, де тамъ! Я до такой службы зовсимъ не гожей!

— Такъ я й думавъ,—успокоясь сказалъ о. Чимчикевичъ.—А панъ инспекторъ, не кажучы ему лыхого слова, дурень, тай годи. Разъ ёму сказали, що докы винъ у насъ инспекторомъ, доты школы не заложымо, то чого бъ ёму ще морочыты? Я самъ, бачытыся, доволи ясно ёму се выяснявъ.

— Такъ ёму й видказалы? Ну, се цикаве дило!

— Ни, reverendissime, зовсимъ не цикаве. Не подобався панъ инспекторъ нашимъ людямъ, и не хочуть маты его за начальныка надъ своею школою. А чому не хочуть, се ихъ дило. „Розвидувалы мы—кажуть—по сусидскихъ селахъ, яки винъ тамъ порядкы заводитъ, якъ зъ учителямы обходытыся и якъ имъ зъ дитымы каже обходытыся, и бачымо, що мы бъ у себе такого не стерпылы. То лише нехай у насъ не буде ниякои школы, нижъ маемо разъ у разъ дертыся зъ инспекторомъ и поносыты кары Богъ зна за що!“

Патерь Гаудентій только руками развелъ.

— Ну, признаюся вамъ, се зовсимъ не рація. Прости хлопски выкруты! Ще чого не ставало, щобъ кожый урядныкъ старався подобатыся своимъ пидвладнымъ! Сёго такы за багато! Ну, а що жъ вы на те, панотче? Не вже мовчалы? Думаю, що вашъ обовязокъ бувъ выясныты имъ, що таке вымогане, выбачайте, и дурне, и бизпидставне. Аджежъ такимъ робомъ черезъ свою прымху вони позбавляють усякои освиты циле пидростаюче поколине.

— Що жъ, reverendissime, зъ рукою на серци, я не мигъ имъ того сказати.

— Не могли? А то чому?

— Разъ тому, що ихъ правда, бо инспекторъ для людей, а не люде для нѣго. А по друге—никого се не позбавыло освіти, бо въ нашимъ сели увесь народъ освиченный, вси диты вміють чытаты й пысаты далеко краще, ніжъ по сусидныхъ селахъ, де е школы.

— Все диты вміють чытаты й пысаты!—съ истиннымъ испугомъ вскричалъ патеръ.—А школы въ сели нема? Якъ же це сталося?

— Проста ричь. Кождый батько й маты сами вчать своихъ дитей.

— А вони жъ видкы вміють?

— Ихъ я навчывъ. Видъ тридцаты литъ у мене така встановена, що непысьменному парубкови и непысьменній дивци зъ своего села слюбу не дамъ.

Патеръ Гаудентій широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на о. Чимчикевича, какъ на какое нибудь чучело заморское. Заморское же чучело въ свою очередь посматривало глупо—наивно на патера, какъ будто не понимая, чему тутъ удивляться. Помолчавъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, о. Чимчикевичъ выдвинулъ изъ подъ стола низкій табуретъ, втащилъ изъ сѣней корзину, полную до верху капустныхъ листовъ, и сѣлъ на табуретъ. Въ ту же минуту, какъ бы по данному знаку, изъ полуотворенныхъ дверей сосѣдней komórки ринулись въ комнату цѣлые десятки кроликовъ, и крупными скачками бросились къ своему хозяину. Струя кокого то неприятнаго, животнаго запаха ворвалась съ ними въ комнату, но о. Чимчикевичъ не замѣчалъ этого. Будто куча пушистаго, разноцвѣтнаго мха кролики укрыли старика. Одни вскочили ему на колѣни, другіе на плечи, на голову, на руки, прочіе же бросились къ корзинѣ и начали хрупать свѣжіе листья, махая своими длинными ушками и вытарапцивъ десятки круглыхъ, влажныхъ глазъ на незнакомаго гостя.

— А тпрррусъ!—крикнулъ ласково о. Чимчикевичъ, отряхиваясь отъ мягкопушистыхъ своихъ любимцевъ и выбрасывая имъ

листья на полъ. Кролики всё разомъ соскочили съ его плечъ и колѣнь и бросились хрупать, но нѣкоторые остановились передъ хозяиномъ, ставъ на заднія лапки и смотря ему прямо въ глаза, какъ будто прося не прогонять ихъ.

— Отъ бачыте, *reverendissime*,—улыбаясь прервалъ молчаніе о. Чимчикевичъ,—тварь безсловесна якъ, кажуть, а тако жъ де чому навчыться и привычокъ набратыся може. Треба тилько, щобъ чоловікъ доложывъ старунку до всёго, що робыть, щобъ душу свою вложывъ у дило, тоди й дило буде зъ душею, живе. Онъ якъ! А хто души своей въ дило не вложыть, той и не найде іи, чы якъ вы думаете, га?

Неизвѣстно, запахъ ли кроликовъ, или этотъ постоянно повторяемый вопросъ, или закравшееся въ душу патера подозрѣніе, что Чимчикевичъ не такъ глупъ, какъ представляется, или, наконецъ, все это вмѣстѣ довело патера до какого то нервно-возбужденнаго состоянія. Онъ началъ чего то беспокоиться и рѣшился скорѣе покончить этотъ разговоръ и прямо приступить къ дѣлу.

— Зовсимъ зъ вами згожуюсь, панотчыку,—произнесъ онъ совершенно другимъ, жесткимъ и полнымъ укоризны голосомъ.—Де священныкъ не додасть своему стаду духа правдивои набожности, тамъ его й шукаты дарма.

О. Чимчикевичъ при этихъ словахъ сразу вскочилъ съ табурета, какъ отъ укушенія змѣи.

— Се... се... се... вы якъ, *reverendissime*?—спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Се вы проты мене?

— Проты васъ—не проты васъ, а въ загали,—уклончиво отвѣчалъ іезуитъ.

— Значыть нибы, що я старый дурень, зъ бжоламы та кролямы панькаюсь, а своихъ парохвіянъ побожности не навчаю, га?

— Але жъ, панотче! Кто вамъ се каже?—вскричалъ іезуитъ.

— Знаю, *reverendissime*, знаю, хто се каже! И вы тилько що се сказали! Що жъ, може воно й справди я дурень, ни до чого не прыгідный! Адже жъ двадцять лить уже всяки добри прыатели пышуть тай пышуть на мене доносы до консысторіи, що мов-

лявъ, я неукъ, непотрибъ, казань у церкви не говорю, и Бигъ зна ще що выробляю. И все це „въ добрій думци“, якъ кажутъ. Тилько що певно ниhto зъ нихъ и не подумавъ, якъ то мени старому слухаты таки закъды. Аджежъ майте мылосердье до мене! Бачыте, я вже одною ногою въ могыли, не ныни, то завтра передъ Богомъ на рахунокъ стану! Позвольте жъ мени спокійно вмерты! Не затроуйте мени тыхъ вилька послиднихъ хвиль! Хыба жъ я тому выненъ, що Господь десь тамъ забудъ про мене и не бере мене до себе?

Голосъ старика пресѣлся отъ волненія, и двѣ крупныя слезы скатились по его увядшимъ, морщинистымъ щекамъ. Іезуитъ сидѣлъ молча, потушивъ взглядъ и стараясь не смотрѣть на о. Чимчикевича.

— Знаю я добре—опять началъ немного спокойнѣе Чимчикевичъ,—что теперъ пастырямъ треба бильше знаты и вмыты, але я вже за старый, щобъ учытыся. Отъ хочъ бы й ся свята догматыка! Ще въ семинаріи мало я ей знавъ, тай якъ тамъ насъ тоди вчылы! А описля й усе до решты забудъ. Ну, й яке жъ я казанье скажу своимъ мужыкамъ? Почну говорыты про догмы—боюсь, щобъ ще ереси якои не наплутаты. Ну, тоди бъ певно на мене посыпалось тилько жалобъ и доносивъ, що й у десятихъ водахъ не обмывся бъ. Чытаты зъ казальныци те, що други понапысувалы и понадруковувалы—признаюсь вамъ и встыдно, и очы не служатъ, и все той клопоть, що й ихъ я багато не розумію. А говорыты такъ, що на языкъ навернеся—и встыдно, и совисно. Я знаю, що бесидныкъ я не мудрый. Заснуть мои парохвіяне, ій Богу заснуть, колы почну имъ говорыты про те, що не вяжеса непосредно зъ ихъ жыттемъ. Не маю того дару—говорыты плавно и до ладу о такихъ речахъ, що не торкаются зъ близька до ихъ жыття. Ну, и скажить теперъ, *reverendissime*, що мени робыты! Дайте пораду! Чы гнивыты Бога, всеу призываючы Его святе имя? Краще мовчаты и наклыкаты на себе гнивъ консысторіи.

— Певна ричъ—отвѣчалъ склоняясь патерь—що бильшый грихъ гнивыты Бога, нижъ консысторію. Але чымъ же вы прогнивыте

Бога, колы всяку недилю будете навчаты своихъ паравіянъ святій вири и жыттю христіянському?

— Тымъ прогнвлю, пидчасъ мого казаня вси заснуть, а до того ще я й самъ ересивъ наплету, онъ що! Вже я себе знаю добре, и не порываюсь на те, чого мени Богъ не давъ. А прыкыдаются, лукавыты душею, вчыты людей тому, чого самъ не знаю, на те я, *reverendissime*, за старый, сумлинне не позволяе.

— Мій Боже!—вскрикнуль патеръ Гаудентій,—значыть, ваши паравіяне такъ такы й жывуть безъ науки святой виры?

— Такъ такы й жывуть,—отвѣчалъ о. Чимчикевичъ, свѣсивъ голову на грудь.—Правда, правда, чытають уси и катехизисъ на память уміють, але бильше ничего й не знають, бо й я самъ бильше ничего не знаю, а навить и въ катехизиси не все розумію, то й не все можу имъ выясныты. Ну, що жъ робыты, *reverendissime*, колы не розумію? Брався читаты книги теологичны... Та куды тоби... Чы то очы у мене слаби, чы то памьять прытупылася, ни въ зубъ не розумію. А ту люде прійдуть часомъ, пытають: що воно се, а якъ розумиты те? Що жъ я имъ скажу? Буду брехаты, колы самъ напевно не знаю? Отъ и говорю имъ начастипе: „Диточки мои, розумійте якъ хочете, а то й зовсимъ не розумійте, Богу се зовсимъ все одно. Винъ самъ сказавъ: „Нѣсть ваша разумѣти времена и лѣта.“ Такъ и лышите! Жыйте тилько по Божому, а тамъ уже якось воно та буде.“

Патеръ Гаудентій даже хлопнулъ себя по колѣнямъ.

— Бійтеся Бога, панотче, не вже вы такъ и говорыте имъ?

— А якъ же? говорю, якъ сумлинне велыть.

— Ну, а повага церкви, котрій дана власть навчаты и вказуваты стежки Господни?

— Що жъ, *reverendissime*,—почти со слезами на глазахъ сказаль Чимчикевичъ,— выдно, що Господь Богъ не хотивъ даты мени повагы, колы не давъ умення. А коли не давъ, то видкы жъ я визьму, а?

— Въ такимъ рази вы повинни повинуты се мисце, до котрого почуваете себе неспосибнымъ. Ваше сумлинне день и ничъ повинно васъ мучыты за той грихъ, що вы займаете таке

важне місце, а не сповняете привязанных до него обовязкивъ. Адже жъ вы отакъ доводите свою духовну паству до страшной безодни невиры, варварства, здычяня! Бо чымъ е чоловікъ безъ виры якъ не звиремъ? Власне сумлинне повинно вамъ се казаты!

— Ну, що жъ, *reverendissime*, колы мое сумлинне ничого такого мени не говорить?

— Якъ то не говорить? Для чого?

— Бо мои парахвіяне дуже далеки видъ невиры, безувирства чы якъ вы се такъ дывненечко назвали, *reverendissime*, га?— далеко дальши, нижъ парахвіяне другихъ церквивъ, котри що неділи по дви годны дримають на проповиди. Я вчу, не проповидую, а такъ по просту, въ розмовахъ про домашни, близьки всякому речи. Се я добре знаю и вони розуміють. „Не крады, не пий, не прокльнай, не бий, другому въ биди допомагай!“... Чы повірите, *reverendissime*, що за десять литъ зъ нашого села ниhto въ криминали не сыдивъ? Видъ 30 литъ ани одного жыда у себе не маемо—выгналы! Школы на маемо, а за то чытальня яка! Правда, смишно воно, але що зъ того? Кому смишно, той нехай смієся!

— Гарно то все, гарно,—соглашался патеръ,—але всего сего ще не досыть.

— То правда, що не досыть,—живо подхватилъ о. Чимчикевичъ, съ лукавой улыбкой поглядывая на іезуита.—А вы, *reverendissime*, произжали черезъ наше село? И бачылы яке воно? Не мовъ одынь садъ, въ которому ту и тамъ порозкыдани хаты. А до того ще зъ обохъ бокивъ обрамоване цилымъ лисомъ овочевыхъ деревъ! Що, може, брешу? А знаете, *reverendissime*, якъ зовеса той лисъ? „Покутний“, онъ якъ. А чому? Пустопашъ тамъ була, колы я сюды прыбувъ, такъ, такъ и звалась Неужытокъ. А отсе я на сповиди замисць звычайной покуты: пять разъ Отче нашъ, пять разъ Богородыце, а разъ Вирую—зачавъ каждому завдаваты таку покуту, щобъ зразу коло своеи хаты, а дали й на тій пустоши засадывъ або зацепывъ одно овочеве деревце, а за тяжчый грихъ, той килька. Ну, черезъ 50 литъ и лисъ вырись, и все село обсадылы, де тилько було яке вильне

місце. За овочи съ Покутного селяне касу заложылы таку, що зъ самыхъ процентивъ уси додаткы краевы, повитовы, громадськы и шкільны оплачуютъ, а що роздається біднымъ та потрібнымъ, се и въ коляду не кладу. Якъ же вамъ здаєся, reverendissime, чы мыла Богу така покута, чы ни?

— Не хулить Бога, панотче!—строго возразилъ патеръ.—Хто може знаты, що мыле Богу, а що ни? Хто постыгне глыбну путивъ Господнихъ? Але на килько мій слабый розумъ може судыты, то кажу вамъ сміло: не мыла и не може буты мыла!

— Не мыла? А то чому? съ нескрываемымъ удивленіемъ спросилъ о. Чимчикевичъ.

— А тому, що до покуты Богъ вымагає сердца сокрушенного и смиренного, а вы що даєте Ему? Дали Богъ жадає, щобъ чоловікъ якъ мога видрывався видъ усего земного, видъ свитової суеты, а вы своєю роботою хйба жъ не привязуете ихъ сердца ще бильше до сего свита? Ни, отче, хйбна ваша дорога! Богъ не може благословыты такого дила. Протывно, Богъ уже теперъ простеръ надъ вами свою руку, посылає вамъ вищунивъ свого гниву, и горе вамъ, колы завчасу не покаетеса и не вернете на путь правды!

При этихъ словахъ патеръ невольнo всталъ и протянулъ правую руку впередъ. Лице его сіяло, глаза блистали, на челѣ и устахъ нависла суровость разгнѣваннаго судьи.

— Вищунивъ? Якихъ вищунивъ?—дрожа и блѣднѣя, спросилъ о. Чимчикевичъ.

— То то й горе, що вы ихъ не бачыте! Посылає найстрашнѣйшу духову заразу: духову слепоту, двоевирство и байдужность!

— Двоевирство и байдужность? Якъ же вы се розуміете?

— Зовсимъ по просгу. Ваша паства не вміє видрызныты доброго видъ злого, Хрыста видъ Беліала, святой виры католыцькои видъ схызмы. Ваши духовни овечкы любисинько ходять за гравыцю на православны службы Божы. Хйбажъ се ничого?

— А, такъ отъ про що вы!—произнесъ Чимчикевичъ, вздохнувъ свободнѣе и съ облегченнымъ видомъ.—Ну, се, здаєся, не такой ще тяжкый грихъ.

— Не тяжкій грихъ?—вскрикнулъ патеръ.

— Думаю, що ни. Аджежъ и тамъ одного Бога хвалять, ще й такъ само, якъ у насъ.

— Одного Бога!—озлился патеръ.— Отъ и туркы такожъ одного Бога хвалять. То вы певно позволили бы своимъ парах-віанамъ и на турецьке богомолле ходыты.

— Ну, reverendissime, се вже вы далеко зайшли. Я позволяю имъ ходыты на латынську службу, тилько що вони самы не радо йдутъ туды, бо ничого тамъ не розуміють. А православна служба така сама, якъ наша, а тыхъ догматычныхъ тонкостивъ, що розрижняють насъ, ани я самъ не второпаю, ани мои мужьки.

— Эхъ, панотче, панотче!—съ сожалѣніемъ произнесъ патеръ Гаудентій, кивая головой,—и вы се говорыте! Вы, католицькый священникъ, можете такъ говорыты, а навѣтъ такъ роботы!

— Щожъ, reverendissime, якъ хто вмѣ, такъ и піе! Щожъ я выненъ, що говорю и роблю тилько те, що знаю?

— Значитъ треба розшыриваты свое знаніе, або...

— А бо що?

— Або постаратысь о когось, хто бы вамъ допомигъ.

— А...хтожъ мени допоможе?—пренаивно спросилъ Чимчикевичъ.

— Ну, се хьба вельке дило? Отъ и я самъ готовъ.

— Вы, reverendissime? А то якъ?

— Можу вамъ зобовязатыся хочъ и що недѣли говорыты въ церквы казаня, а не тилько завтра.

— Завтра, якъ то? Не тилько завтра?—съ удивленіемъ спрашивалъ Чимчикевичъ.

— Ну, такъ! Адже жъ я того й прихавъ!—отвѣчалъ патеръ, въ свою очередь удивленный удивленіемъ Чимчикевича.

— Чого прихалы?

— Щобъ завтра казаты казанне въ вашій церкви. Адже жъ вы вже о тымъ увидомлены?

— Я? Сохраны Господы! Я увидомленный?

— Ну, такъ! Адже жъ нашъ пріоръ, знаете, въ Тернополи, мавъ пысаты вамъ о тымъ!

— Вашъ пріоръ? Во имя Отца и Сына!... Алежъ я не знаю вашего пріора.

— Якъ то, не вже винъ не пысавъ вамъ? Не вже вы не дистали ніякого пысьма?

— Пысьмо якесь я на сѣму тыжни доставъ, — отвѣчалъ съ смущеннымъ видомъ Чимчикевичъ, — але я незнавъ, видъ кого воно и про що пысане.

— Якъ то не знали?

— Та такъ, що не знавъ! Бачыте, ось воно! Що я намучывся, щобъ прочытаты, и литеры, здаеся, де-якы розбыраю, а слова хоть бы тоби однысенько! Ниде гриха диты, плюнувъ я на нѣго, тай сховавъ. Ось вамъ воно, погляньте, чы се видъ вашого пріора?

И о. Чимчикевичъ подалъ патеру измятое, засаленное пысьмо пріора. Тотъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и только ахнулъ: пысьмо пысано было *по латыни*, которую Чимчикевичъ еще полѣвка тому назадъ успѣлъ перезабыть всю безъ остатка.

— Отъ воно якъ!—произнесъ патерь послѣ минутнаго молчанія, успѣвъ проклясть въ душѣ хитраго пріора, который сыгралъ съ нимъ такую шутку,—що жъ теперъ буде?

— Не знаю, *reverendissime!*

— Я, конче, мушу завтра сказаты проповидь у вашій церкви. Мени моя власть наказала.

— Щожъ, смиренно отвѣчалъ Чимчикевичъ,—зъ Богомъ, *reverendissime*. Тилько що мени моя власть скаже?

— Ваша власть? Яка?

— Ну, мытрополить, консысторія. Чы може вы маєте ихъ дозвиль?

— Ни. А хыба жъ се не видъ васъ залежыть?

— А вжежъ, що ни. Безъ вышного дозволу я не могу допустыты священныка другого обряду проповидаты въ мой церкви.

Патерь Гаудентій стоялъ, какъ пришибленный. Вотъ тебѣ на! Отъ такой пустой формальности должна была бы погибнуть его миссія. Ахъ, и всегда эти пустяки должны его преслѣдовать, эти мелочи жизни, на которые онъ не обрацаеть вниманія и которые иногда могутъ все дѣло испортить. Но нѣтъ, этого не

можетъ быть, по крайней мѣрѣ теперь! Въ какомъ то нервномъ возбужденіи началъ онъ шагать по комнатѣ, придумывая, что тутъ дѣлать. Вдругъ онъ остановился передъ Чимчикевичемъ.

— Такъ се вы кажете, що не маете права допустыты мене до проповидання въ вашій церкви?

— Ни, reverendissime, не маю.

— Ну, а коло церкви, на цвынтари могу проповидаты?

— Тамъ можете.

— Ну, ось и гарно. Буду проповидаты на цвынтари.

— Добре. Тьлько знаете, reverendissime, я чоловікъ старый, слабый, боюсь, щобъ не було мени за се якои халепы.

— Видъ кого?

— А отъ, хоть бы видъ пана старосты. Знаете, на цвынтари будь що будь, мисце публычне, а проповідь, будь що будь, бесида. А староста у насъ острый, службыстый. Наблизыть и запытае: а ще се у васъ, отче, безъ дозволу власти на публычному мисци якись зборыща збираются, бесиды говоряться. И що жъ я на се скажу?

— Смійтеся зъ того, панотче!

— Ну, вы соби, reverendissime, смійтеся на здоровье! А по мни мурашки бигають. По що мени клопоту на здорову голову? А лише знаете що? У васъ кони добри, брычка легенька, дорога теперь добра. Отъ вы,—не въ гнивъ вамъ кажучы,—идьте до города и добудьте дозвиль видъ пана старосты. А я дуже радо зроблю все, що видъ мене буде залежаты. Потрудится, reverendissime, нехай се буде Богу на славу, а для мене старого спокійнишь.

Патеръ Гаудентій думаль было сначала сопротивляться и убѣждать Чимчикевича, что опасенія его напрасны, но едва уловимая ироническая нотка въ послѣднихъ словахъ „попа“ поразила его, какъ молнія. Сразу онъ почувствовалъ, что слишкомъ мало цѣнилъ этого старика, и что за той дѣтской простотой и наивностью у него кроется нѣчто болѣе глубокое, какое то совсѣмъ недюжинное „себѣ на умѣ“. Не говоря ни слова болѣе, красный и озлобленный, патеръ схватилъ шляпу и выскочилъ на крыльцо.

— Запрягаты!—крикнулъ онъ во все горло, увидя, что солнце уже начало опускаться, и соображая, что до города добрыхъ версть пятнадцать.

— Вотъ проклятый попъ, ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, дожидаясь, покуда запрягутъ его бричку. Замучилъ меня совсѣмъ. Кажется—глупъ, какъ пень, а между тѣмъ онъ тягучъ, какъ лыко. Да и я то хорошъ, что такъ долго съ нимъ перемонился, времени сколько понапрасно потратилъ! Чортъ бы его побралъ съ этимъ позволеніемъ—нашелъ, что выдумать! И какъ это мнѣ управиться сегодня?...

— А що, прошу его мостя, чы я не говорывъ, що воны скоро поидуть?—говорилъ, осклабляясь, Прокопъ Чимчивевичу, запирая ворота за отъѣзжающими гостями.

— Такъ то, такъ, Прокопе,—грустно сказалъ о. Чимчикевичъ,—поихалы то воны поихалы, але не сѣгодня, такъ завтра зновъ вернуться.

— А най Богъ бороньтъ!—крикнулъ Прокопъ.—А чога имъ видъ насъ треба, прошу его мостя?

— Чога?—повторилъ о. Чимчикевичъ.—Чога? пытаешъ. Слухай же, Прокопе! Ты мене давно знаешъ. Якъ ты гадаешъ, дбавъ я о громадянахъ, учывъ ихъ добру, дававъ имъ добрый прыкладъ? Бувъ я для васъ добрымъ попомъ?

— Падлюка бувъ бы той, хто инакше говорывъ!—вскричалъ Прокопъ.—Не попомъ, а батькомъ риднымъ! отъ чымъ вы были для насъ!

— Ну, не говоры такъ, Прокопе, знаю и свои хыбы. Але того, що мени сей іезуита сказавъ, я до нынишнѣго дня не знавъ и не думавъ.

— То се іезуита? А що жъ винъ вамъ сказавъ?

— Сказавъ, що мои паравіяне Бога не знаютъ, въ двоухъ богивъ вирять, а то тому, що и ту и до Почаева до церкви ходять, а въ Почаеви, мовлявъ, уже не той Богъ, що ту. Чуешъ, небоже? И за се, грозывъ, не мыне насъ кара Божа.

— Отъ що винъ вамъ крякавъ! О, крягалы бы надъ нимъ вороны!

— Не клены, Прокопе! И для того, говорывъ, треба насъ усихъ просвищаты, намернуты на правдыву езуитську вирю, и винъ се зробытъ.

— Винъ, а не дождавъ бы! А якъ же винъ насъ навертатыме?

— Буде вамъ що недили казання говорыты.

— Тylko всёго? Ну, чувалы мы ихъ казання! Се ще не великий страхъ! Нехай соби говорыть. Я думавъ, що може до староства наказъ приде, а староство жандарамъ накаже. Отъ тоди справди бувъ бы клопоть, бо не тлько бы навернули, килько обдерлы. А казання—пну! И, махнувъ рукой, Прокопъ побрель во дворъ къ своему дѣлу. А о. Чимчикевичъ долго еще сидѣлъ на крылечкѣ своей старой избы, подъ тѣнью густо вьющейся, цвѣгущей квасоли, — сидѣлъ и думалъ о неожиданномъ визитѣ іезуита, о разговорѣ съ нимъ и его странномъ намѣреніи.

— Ой, не проста, не прынадкова то ричь,—думалъ онъ. Не на мене одного гострять зубы ти іезуиты, — тлько здаесь, що мене першого хочуть проковтнуты. Що жъ, Божа воля. Просывъ я Господа, щобъ дозволивъ мени вмерты супокійно, та здаесь, що за мои грихы не выслухавъ мене Богъ. Прийдесь мабутъ власными старыми очыма побачыты ще початокъ новой боротьбы, а може и свои стари кости въ ній зложыты. Ёго свята воля! А люта буде боротьба, страшна! И хто то въ ній переможе? Находыть на насъ чорна хмара зъ заходу, гризна, узброена просвитою, хытрощамы, интрыгою, протекціямы и всякымы мудрыми штукамы, а що жъ мы насупротывъ неи поставымо? Находыть велика пошеть, страшна чума, котра може знести насъ зъ лыца земли, якъ вода злызуе муль. А якъ же жъ мы видъ неи охоронымось, де найдемо на неи ликъ?...

И о. Чимчикевичъ взялъ старый молитвенникъ въ деревянномъ, холстомъ обшитомъ переплетѣ, писанный крупнымъ, красивымъ почеркомъ на древней толстой бумагѣ. Это была единственная вещь, которою онъ владѣлъ и дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ. Старикъ открылъ книгу и началъ медленно, громко и выразительно читать. Молитва его успокоила, тяжелое впечатлѣніе, произведенное іезуитомъ, разсѣялось. Какъ то невольню взоръ Чимчикевича остановился на послѣднихъ листахъ молитвенника, гдѣ самъ онъ, по старымъ запискамъ, документамъ и рассказамъ старожилловъ списалъ болѣе, чѣмъ 300-лѣтнюю лѣтопись села

Товстохлоповъ. Одна страница этой лѣтописи привлекла его вниманіе. Прочитавъ ее, онъ тихо захохоталъ. Какая то новая мысль блеснула въ его головѣ. Онъ еще разъ прочелъ эту страницу и еще разъ улыбнулся.

IV.

Было воскресенье. Прекрасный лѣтній день. На небѣ не видно ни одной тучки. Темной, густой зеленью укрывали вѣковья липы старую, но въ хорошемъ порядкѣ содержанную, товстохлоповскую церковь съ ея краснымъ желѣзнымъ куполомъ и золоченымъ наверху крестомъ. Возлѣ церкви небольшая приземистая колокольня блестѣла новой мѣдной крышей. Изъ церкви раздавалось громкое на все село протяжное пѣніе литургіи: въ церкви пѣли всѣ, кто только могъ, мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки гармоническимъ хоромъ. Казалось, что огромная волна тѣхъ голосовъ раздвигаетъ стѣны старой церковки и подноситъ ее на себѣ вверхъ. Съ боку возлѣ крылоса стоялъ высокій и черный патеръ Гаудентій съ какимъ то набожнымъ, угрюмымъ лицомъ и ждалъ, покуда окончится „служба Бога“. Много онъ натерпѣлся вчера; поздно ночью пріѣхалъ въ мѣстечко и кое какъ переночевалъ въ дрянномъ жидовскомъ трактирѣ. Утромъ набѣгался, пока разбудилъ старосту и получилъ отъ него позволеніе произнести рѣчь въ публичномъ мѣстѣ. Но все таки поставилъ на своемъ и вернулся во время. Сначала онъ очень боялся, чтобы Чимчикевичъ не устроилъ ему штуки и не отслужилъ службу пораньше, такъ что, пріѣхавши, онъ застанетъ только запертыя двери и никого больше въ церкви. Но нѣтъ, Чимчикевичъ поступилъ совершенно лойяльно и даже послѣ заутрени цѣлый часъ ждалъ его пріѣзда. Это немного примирило патера, хотя до сихъ поръ не могъ онъ еще простить Чимчикевичу вчерашняго безпокойства.

Вотъ о. Чимчикевичъ дрожащимъ голосомъ прочиталъ евангеліе. Патеръ подумалъ, не начнетъ ли онъ самъ теперь говорить проповѣдь, но нѣтъ, служить дальше. Вотъ и служеніе оканчивается. Послѣ причастія патеръ вышелъ изъ церкви. Близко

возлѣ колокольни между двухъ огромныхъ липъ лежала большая, четырехугольная, въ аршинъ вышиной плита, какой то старый, надгробный камень. Патеръ взошелъ на нее,—это будетъ его каедрой. Вынулъ изъ платка „комжу“ (стихарь) и надѣлъ ее сверхъ „сутанки“ (рясы). Стоя высоко на плитѣ, съ блестящимъ на солнцѣ, гладко выбритымъ теменемъ („береть“ онъ забылъ взять съ собой), онъ казался высокимъ, какъ верстовой столбъ, и грознымъ, какъ привидѣніе. Солнце подходило къ полудню и жарило немилосердно. Въ тѣни липъ чирикали воробы. Масса красныхъ большихъ насѣкомыхъ лазила на могилкахъ, наполняя всѣ отверстія и тѣнистыя щели въ деревянной оградѣ. Ни малѣйшаго освѣжающаго вѣтерка. Листья не колыхались, точно замерли. Патеръ какъ разъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ за пѣлый полдень не падала тѣнь. У него на лбу, вискахъ и рукахъ началъ выступать потъ мелкими блестящими капельками; онъ съ нетерпѣніемъ прислушивался къ пѣнію, которое ручьемъ лилось изъ церкви.

Уже прочитана „заамвонная молитва“, но вдругъ патеръ съ досады чуть не выбранился громко:—раздалось въ церкви: Радуйся Николае, великій чудотворче!

— Съ ума сошелъ попъ, что ли! Понадобилось ему сегодня акафистъ читать!

Но гнѣвъ былъ напрасенъ. Надо было ожидать конца акафиста. А о. Чимчикевичъ, будто нарочно, каждое слово произносилъ протяжно, отчетливо, какъ будто подозрѣвалъ, какимъ мученіямъ подвергается патеръ Гаудентій! Цѣлые полчаса длился акафистъ; а какъ за то время измучился патеръ на своемъ каменномъ возвышеніи на солнечномъ припекѣ—того ни перомъ описать, ни въ сказкѣ рассказать. Съ удовольствіемъ слѣзъ бы онъ съ камня и сѣлъ бы въ холодку подъ колокольней, если бы не толпа дѣтей и старшихъ дѣвушекъ, которыя повыходили изъ „бабинца“ и стали на крылечкѣ, крестясь и постоянно посматривая на него. При нихъ слѣзать неловко. Патеръ разъ двадцать въ душѣ посылалъ ихъ къ чорту, но это мало помогало. Мелкія потныя капельки давно уже превратились въ ручейки, которые тихо сплывали внизъ по щекамъ, затылку, груди. Ру-

башка на немъ была совершенно мокрая и прилипла къ тѣлу, кровь усиленно билась въ вискахъ, голова горѣла, въ ухахъ шумѣло, въ горлѣ пересохло—патеръ серьезно началъ побаиваться солнечнаго удара или какой нибудь скоропостижной болѣзни. Ну, слава Богу! Наконецъ то окончился акафистъ,—онъ вздохнулъ свободнѣе. Но что же это? Въ церкви пѣніе стихло, что то говорятъ. Можетъ ли быть? О. Чимчикевичъ началъ проповѣдь! Патеръ иронически улыбнулся, вспомнивъ рассказы о его рѣчахъ. Эта, вѣроятно, не будетъ длинная,—подумалъ онъ. А все же жаль, что я не въ церкви—интересно было бы послушать! Дѣйствительно, стоило послушать эту проповѣдь.

— Дитоньки мои, говорилъ о. Чимчикевичъ,—вычитавъ я отсе въ старыхъ паперахъ, що нынѣ якъ разъ сто литъ мынае... Эге, сто литъ, якъ одынь день!—якъ у нашому сели Товстохлопахъ выбухла страшна пошесть, чума. Пивъ села вымерло за одынь тыждень. Трыста висимдять душъ безъ сповиди и причастя святого. Нехай насъ усихъ Богъ боронить видъ такого, небожата! А якъ гадаете, дитоньки мои, чы не годылось бы намъ якъ небудь видсвяткуваты столитню памятку такого великого нещастя?

Народъ стоялъ, и крестился набожно и воздыхалъ отъ глупины души.

— Такъ слушайте жъ, якъ я про се думаю, дитоньки! продолжалъ о. Чимчикевичъ. Видправмо молебень съ колѣнопреклоненіемъ—за ти померши душенькы, а описля выбрать соби кильканадцять парубкивъ, що дужшыхъ, зрозуміете? И нехай вони за чергою до самого вечора звонять, не вгаваячи. Нехай ти голосы идуть до Всевышнѣго Бога и сповистять тыхъ нашихъ небижчыкивъ, що мы й по 100 литахъ не забулы про нихъ. Нехай се буде Богу на хвалу, щобъ Винъ змылувався надъ нами и видвернувъ видъ насъ усяке лыхо, всяку чуму телесну й духову. Амынь.

Послѣ этихъ словъ зазвонили колокольчики мелкіе, церковные, далѣе отозвалась тонкая „сигнатурка“ въ церковномъ куполѣ, а за ними загремѣли густые голоса изъ колокольной. Народъ палъ на колѣни и панихида началась. Патеръ смотрѣлъ удивленно, не понимая, въ чемъ дѣло, не зная, стоять ли ему или

тоже стать на колѣни. Наконецъ, и онъ превлонился на своемъ камнѣ. Окончилась панихида, окончилась „служба Бога“, но колокола какъ гудѣли, такъ и гудятъ. Крестьясь, двинулся народъ изъ церкви, дѣвушки въ бѣлыхъ платкахъ и разноцвѣтныхъ ленточкахъ пестрѣютъ, какъ маель; за ними показались женщины въ бѣлыхъ „намиткахъ“, засѣрѣли мужчины въ темныхъ свиткахъ; дѣти кучами разбѣжались по кладбищу. Патерь стоялъ на камнѣ, облитый солнечнымъ сяннемъ, и перекрестился. Народъ съ любопытствомъ столпился вокругъ него,—а колокола гремятъ, не смолкая. Съ лукавой улыбкой тѣснятся парубки къ колокольнѣ, стучать тяжелыми сапогами, подымаясь вверхъ по крутой лѣсенкѣ; тѣ же, что уже влѣзли, повывадили головы изъ всѣхъ оконъ и отверстій и съ неменьшимъ любопытствомъ смотрятъ на іезуита. Среди гулкаго звона колоколовъ слышится ихъ громкій смѣхъ. Собралось множество народа, патерь перекрестился еще разъ, потомъ удивленно посматрѣлъ на колокольню, какъ бы спрашивая глазами, когда же перестанутъ тамъ звонить. А колокола и не думаютъ переставать, звучать, что есть силы. А хорошіе, густые и громкіе колокола были на товстохлопской колокольнѣ,—разсказываютъ, отлитые изъ бывшихъ козацкихъ пушекъ, которыя остались здѣсь въ болотахъ послѣ какой то битвы, а позднѣе отысканы были мужиками. Хорошіе, громкіе колокола! Какъ всѣ семь разомъ зазвонятъ, такъ возлѣ колокольни своего собственного голоса не услышишь, а звукъ ихъ слышно въ семи окружающихъ деревняхъ...

Патерь перекрестился третій разъ.

— Во имя Отца и Сына, началъ онъ громкимъ голосомъ,—но куда тебѣ! за колоколами ничего не слышно.

— А що, не перестанутъ вони тамъ звонити? крикнулъ онъ погромче окружающей его толпѣ.

— Га, що, якъ?—закричали ему въ отвѣтъ люди.

— Не перестанутъ звонити? рякнулъ что есть силы патерь.

— Перестануть!

— Колы?

— У вечери?

— Якъ то въ вечери? А чому жъ се?

— Чуму проганяемо.

— Яку чуму?

— Сто литъ тому! Чума була! Триста душъ безъ сповиди! За души помериши! Чуму проганяемо!—такія отрывочныя фразы разобралъ патеръ изъ смѣшаннаго крика народа. Сразу догадался онъ, что это новая выдумка Чимчикевича. Глаза его заглялись гнѣвомъ, и онъ соскочилъ съ камня на землю.

— Я вамъ маю говорыты проповідь,—заговорилъ онъ ласково народу.

— То говорить!—послышались голоса изъ толпы.

— Якъ же мени говорыты, колы звонять? Скажите, щобъ пересталы!

— Ни, не можна.

— Але мени самъ староста позволявъ говорыты.

— То говорить!

Изъ середины толпы раздавался все большій смѣхъ. Колокольня была переполнена молодежью, среди которой каждое движеніе и слово патера возбуждали неудержимые взрывы смѣха и веселья. А звонъ не переставалъ ни на минуту. Патеръ увидѣлъ, что трудъ его напрасенъ, напротивъ, чѣмъ больше онъ будетъ злиться и выходить изъ себя, тѣмъ его положеніе будетъ смѣшнѣе. И онъ рѣшилъ, что лучше уступить на этотъ разъ, съ тѣмъ, чтобы въ другой разъ тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. И, сладко улыбаясь, заговорилъ:

— Ну, звонить соби, звонить, я прииду на другу неділю. Богъ зъ вами!

Но, садясь въ бричку, которая здѣсь же за оградой ожидала его, онъ стиснутымъ кулакомъ погрозилъ въ сторону приходскаго дома и злобно проворчалъ:

— Почéкай, ты стары шызматку, я цéбе нау́ченъ.

Миронъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ ¹⁾.

ГЛАВА 3-я.

Русская государственная и народная колонизация въ XVIII и 1-й четверти XIX вѣка.

Постройка укрѣпленныхъ линій и крѣпостей.—Постройка городовъ: Херсона, Екатеринослава, Николаева, Одессы.—Основаніе селеній: малорусскія и великорусскія казенныя слободы; помѣщичьи села и деревни.

Еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, въ новороссійскихъ степяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ козаками, водворились сербы; къ нимъ вскорѣ присоединились другіе иностранные поселенцы. Правительство строитъ здѣсь рядъ новыхъ городовъ, куда цѣлыми массами стекается отовсюду населеніе. Одновременно съ этимъ возникаетъ множество новыхъ селъ, деревень, хуторовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ владѣльческой и народной колонизаціи. Однимъ словомъ колонизація края идетъ теперь съ лихорадочной поспѣшностью. Потемкинъ и др. дѣятели этого времени желаютъ какъ бы наверстать то время, когда приливъ населенія въ эти мѣста извнѣ былъ очень слабъ и единственными «населенниками этого края» были запорожцы. Но отдавая должное новымъ колонистамъ, мы не должны забывать услугъ той безстрашной дружины русичей, которая въ теченіе болѣе 2½ столѣтій вела упорную борьбу за обладаніе степями съ татарами. Она подготовила почву для быстрого заселенія области во 2-й половинѣ XVIII в., въ особенности со времени покоренія Крыма въ 1783 году.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 4, апрѣль.

Приєднання Крима къ Росіи имѣло громадное и рѣшительное вліяніе на успѣшный ходъ колонизаціи черноморскихъ степей. Съ устраненіемъ этого важнѣйшаго тормазы колонизаціи ходъ и размѣры ея могли опредѣлиться различными естественными и историческими условіями, которыя въ общемъ должны быть названы весьма благопріятными. Теперь явилась возможность заселять и обрабатывать не только рѣчные долины, но и чисто степныя мѣста, покрытыя тучнымъ черноземомъ; борьбу нужно было вести не съ хищниками-татарами, а съ степною природою, съ тѣми условіями, которыя препятствовали развитію земледѣльческой культуры. Только съ приєднаніемъ къ Росіи столь желаннаго побережья Чернаго и Азовскаго морей, только съ открытіемъ доступа къ морю, Новоросіійскій край, съ его громадными естественными богатствами, могъ получить настоящую цѣну. Съ построеніемъ портовыхъ городовъ, пустынное дотолѣ побережье оживляется, отпускная и привозная (заграничная) торговля развивается съ поразительною быстротою; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ населеніе и промышленность. Спросъ на хлѣбъ и на др. предметы сельскаго хозяйства, въ особенности въ Одессѣ, въ свою очередь долженъ былъ благопріятно отразиться на возрастаніи населенія въ самихъ степяхъ—въ увеличеніи тамъ разнаго рода селеній, въ развитіи земледѣльческой культуры и т. п.; появленіе новыхъ селъ и деревень благопріятно отражалось на ростѣ городского быта и наоборотъ. Словомъ, исторія заселенія Новоросіійскаго края со 2-й половины XVIII в. представляетъ любопытнѣйшую и характернѣйшую страничку въ исторіи Росіи вообще и нашего юга въ частности. Мы постараемся разбраться въ сложной этнографіи степей и представить общую характеристику колонизаціи съ ея главнѣйшими типическими чертами и наиболѣ характерными ея особенностями. Уже въ силу такой постановки вопроса, мы не будемъ гоняться за исчерпывающею полнотою содержанія и новизною фактическаго матеріала.

Изучая колонизацію Новоросіійскаго края, мы въ ней различаемъ два главныхъ типа или вида: 1) русскую (правительственную и народную) и 2) иноземную. Конечно, такое дѣленіе можетъ вызвать кое какія возраженія и замѣчанія; но я его принимаю, потому что оно позволитъ оріентироваться въ массѣ разнородныхъ фактическихъ данныхъ и представить ихъ въ болѣе или менѣе цѣльныхъ историческихъ картинахъ и характеристикахъ. Колонизаціонная дѣятельность правительства проявилась главнымъ образомъ въ постройкѣ въ Новоросіійскомъ краѣ укрѣпленныхъ линій и городовъ. Еще въ

царствованіе Елисаветы Петровны было образовано Ново-сербское и Славяно-сербское военныя поселенія съ крѣпостями Елисаветградомъ, Бахмутомъ и Константиноградомъ (о нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обзорѣ иностранной колонизаціи). Въ началѣ царствованія Екатерины II была построена такъ называемая *Днѣпровская линія*¹⁾ (1770 г.), явившаяся результатомъ успѣховъ русскаго оружія въ 1-ю турецкую войну; въ это время заняты были нами два порта — Азовъ и Таганрогъ, которые турки забыли укрѣпить; линія эта должна была отдѣлять всю новорос. губ. вмѣстѣ съ запорожск. землями отъ татарскихъ владѣній; отъ Днѣпра она шла къ Азовскому морю, проходи по рр. Бердѣ и Конскимъ Водамъ и пересѣкая всю крымскую степь; послѣдняя крѣпость ея (св. Петра) находилась у самаго моря близъ нын. Бердянска и прикрывала небольшую бухту его; всѣхъ крѣпостей въ этой линіи было 8. Устройствомъ этой новой линіи правительство надѣялось (и надежды его отчасти оправдались) обезопасить тотъ край, который лежалъ за старою украинскою линіею (шедшей отъ Днѣпра къ Сѣв. Донцу въ предѣлахъ нын. полт. и харьк. губ.) и отличался плодородіемъ почвы и всяческими естественными богатствами, а между тѣмъ былъ очень слабо заселенъ. Такъ какъ крѣпости были основаны исключительно съ военными, а не торговыми или промышленными цѣлями, то и не имѣли задатковъ особеннаго развитія въ будущемъ; но подъ прикрытіемъ ихъ должны были быть заведены и мирныя селенія; охранять линію должны были 3 козацьи полка. Земли, захваченныя новою линіею, были утверждены за Россіей по кучук-кайнарджинскому миру (1774 г.); она получила Керчь, Ениколь и Клябурнъ со всею областью между Бугомъ и Днѣпромъ, т. е. юго-восточную часть новороссійскихъ степей (а также Азовъ и Таганрогъ)²⁾. Такимъ образомъ, Россія твердою ногою ступила на азовское побережье. Одному изъ этихъ городовъ, — Таганрогу предстояла великая будущность. Это былъ 1-й шагъ къ расширенію, а вскорѣ послѣдовалъ и 2-й.

Въ 1783 г. былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ году рѣшено было устроить *новую линію крѣпостей*, для огражденія территоріи, вошедшей въ составъ русскаго государства, противъ

¹⁾ А. А. Скальковского. Хронол. обзор. I, 84—86; см. также П. С. Зак., т. XIX, № 13460 (ук. 10 мая 1770 г.); описаніе этой линіи у Гюльденштедта, *Reisen durch Russland*, II, 101—106.

²⁾ Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) построенъ былъ, собственно говоря, еще при Петрѣ Великомъ, но находился долго въ запустѣніи и возобновленъ только въ 1769 году; Зап. О. Общ., 3-й томъ, стр. 295—296.

Польши и Турціи, а именно— при впаденіи въ Днѣпръ р. Тясьмина, въ Ольвіополѣ (при впаденіи Силюхи въ Бугъ), при впаденіи Ингула въ Бугъ (т. е. на мѣстѣ нын. Николаева), Кинбурнъ, Херсонъ, Днѣпровскую крѣпость (на Збурьевскомъ лиманѣ) и, наконецъ, цѣлый рядъ различныхъ пунктовъ въ Крыму (Севастополь, Перекопъ и мн. др.). Благодаря этой новой линіи укрѣпленій прежніе передовые пункты (крѣпости украинской и днѣпровской линій, крѣпость св. Елисаветы и Таганрогъ) потеряли свое окраинное положеніе и сдѣлалось внутренними селеніями, что, конечно, должно было благопріятно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, Елисаветграда) ¹⁾. Собственно говоря, всѣ эти укрѣпленія не имѣли важнаго значенія въ стратегическомъ отношеніи и они не представляли изъ себя крѣпостей въ точномъ смыслѣ этого слова и не могли бы, конечно, выдержать нападенія регулярной арміи; съ другой стороны они не могли исполнять такихъ функций, какія нѣкогда несла, напр., украинская линія: имъ не приходилось уже защищать границы отъ набѣговъ мелкихъ непріятельскихъ партій, такъ какъ съ завоеваніемъ Крыма они прекратились; не удивительно, так. обр., что крѣпости на устьѣ р. Тясьмина, на Збурьевскомъ лиманѣ, остались въ пролетѣ, и другіе только на время образовали пограничную черту, которая скоро, подобно предъидущимъ линіямъ, очутилась въ серединѣ, и ея мѣсто заняла такъ называемая *днѣстровская линія*, лежавшая еще дальше на западѣ.

2-ая турецкая война, какъ извѣстно, предоставила въ руки Россіи очаковскую область, обнимающую зап. часть нынѣшней херсонской губ. между Бугомъ и Днѣстромъ; по установившемуся обычаю предстояло теперь оградить и ее линіей пограничныхъ укрѣпленій; западная сторона ея должна была идти по Днѣстру отъ впаденія въ него Ягорлыка, т. е. прямо по нын. границѣ херсонской губ., а южная по морскому берегу до г. Очакова. Въ очаковской области до присоединенія ея къ Россіи было 4 города (Очаковъ, Аджидеръ—нынѣ Овидіополь, Хаджибей—Одесса и Дубоссары), около 150 селъ, населенныхъ татарами и молдаванами и ханскія слободы, заселенныя бѣглыми малороссіянами и великоруссами—раскольниками; но въ моментъ присоединенія край опустѣлъ. Мейеръ полагалъ, что тамъ было 120,000 населенія, цифра явно преувеличенная ²⁾; на самомъ дѣлѣ, какъ это видно

¹⁾ О немъ мы скажемъ нѣсколько словъ при обзорѣ славянской колонизаціи.

²⁾ Мат. для оц. зем. херс. губ. I. 42.

изъ карты екатер. намѣстничества, составленной не ранѣе 1790 г., тамъ было 19,547 д. муж. пола ¹⁾. Первые мѣры, принятыя правительствомъ для заселенія новопріобрѣтенной отъ Турціи очаковской области, были слѣдующія. Екатерина II поручила губернатору Каховскому: прежде всего обозрѣть страну, раздѣлить ее на уѣзды, назначить мѣста поль города и представить обо всемъ этомъ планъ; во 2-хъ, отводить землю какъ подъ казенныя слободы, такъ и для помѣщиковъ, но не свыше той нормы, которая установлена была для екатер. губ. съ обязательствомъ заселить эти земли; въ 3-хъ, слѣдить за тѣмъ, чтобъ казенныя селенія не смѣшивались съ помѣщичьими; въ 4-хъ, принять мѣры для поселенія арнаутовъ; въ 5-хъ, оказать особенное преимущество въ полученіи земель молдавскимъ боярамъ; это были, такъ сказать, обычныя средства Екатерины II и ея сотрудниковъ ²⁾.

Для приведенія въ исполненіе этихъ предначертаній была учреждена уже по смерти Потемкина, въ 1792 г., экспедиція строенія южныхъ крѣпостей, во главѣ которой поставленъ екатер. губ. Каховскій ³⁾; новыя крѣпости велѣно было строить—1) на Днѣстрѣ противъ Бендеръ (нын. Тирасполь), 2) на Днѣстровскомъ лиманѣ (нын. Овидіополь), 3) у Хаджибейскаго замка (нын. Одесса), на развалинахъ Очакова на линіи, идущей въ лиманъ. Военное значеніе этихъ пунктовъ было невелико (исключая Очакова). Въ этой новой русской области важнѣе всего была ея южная полоса, прилегавшая къ Черному морю. Здѣсь то на мѣстѣ турецкой кр. Хаджибей былъ основанъ городъ, которому суждено было занято 1-е мѣсто между всѣми городами Новороссійскаго края. Съ постройкою днѣстровской линіи явилась возможность сосредоточить свои заботы исключительно на мирныхъ культурныхъ задачахъ.

Устраивая новыя крѣпости въ Новороссійскомъ краѣ, правительство должно было позаботиться о контингентахъ на случай военныхъ дѣйствій. Для этой цѣли оно пользовалось разнообразными въ этнографическомъ отношеніи элементами—русскими (великороссянами и малороссянами) и иностранцами; и тѣ, и другіе обыкновенно представляли изъ себя въ краѣ военно-земледѣльческое населеніе; таковы были козацкіе полки, расположенные по крѣпостямъ днѣпровской линіи,

¹⁾ Мат. для геогр. и стат. Россіи. Херсонская губ., Шмидта I, 59—60.

²⁾ П. С. Законовъ т. XXIII, № 17018 (Указъ Каховскому отъ 26 янв. 1792 г.), Зап. Од. Общ. II, 770.

³⁾ Скальковского. Хрон. обзор. I, 217—218.

потомки запорожцевъ—черноморское козацье войско, выходцы сербы, образовавшіе гусарскіе полки и другіе иностранныя колонисты.

Дѣлая общую оцѣнку оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ Новорос. краѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ началѣ второй половины XVIII в. онѣ были еще довольно значительны, но потомъ мало по малу ослабѣли, дѣлаясь все менѣе необходимыми; въ особенности это нужно сказать о томъ періодѣ, который начался съ присоединенія Крыма къ Россіи; тогда исчезла необходимость мелкой оборонительной партизанской войны съ татарами; исчезла опасность постояннаго нападѣнія, которая угрожала осѣдлому земледѣльческому населенію. Правда, и послѣ 1783 г. наступило еще время, когда Новороссійскій край превратился въ какой то военный лагерь; но это вызвано было 2-ю турецкою войною, требовавшею напряженія всѣхъ военныхъ силъ области; по окончаніи же войны, въ царствованіе Павла Петровича и Александра I-го главная забота была направлена къ развитію мирныхъ культурныхъ занятій подъ прикрытіемъ русскаго войска и флота. Но первые зачатки этой мирной, культурной такъ сказать, колонизаціи начались гораздо раньше, одновременно съ чисто военной; съ теченіемъ времени первая все болѣе и болѣе возрастала на счетъ послѣдней, пока не сдѣлалась господствующей. Не касаясь первыхъ шаговъ ея, имѣющихъ мѣсто въ царствованіе Елизаветы Петровны и началѣ царствованія Екатерины II, мы только остановимся на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся фактахъ, относящихся ко времени кн. Г. А. Потемкина, который былъ назначенъ управителемъ Новорос. края въ 1774 г. и оставался въ этой должности до самой смерти своей въ 1791 г. При немъ и по его инициативѣ были построены всѣ военныя укрѣпленныя линіи, кромѣ послѣдней днѣстровской. Онъ заботился, какъ мы увидимъ дальше, объ иностранной и народно-владѣльческой колонизаціи; но главная его заслуга состоитъ въ постройкѣ новыхъ городовъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаютъ Херсонъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Это были уже не только крѣпости, но и города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, мы обращаемся теперь къ характеристикѣ правительственнаго *градостроенія*, которое нужно признать второю формою колонизаціонной дѣятельности правительства. Излагая важнѣйшіе факты, относящіеся къ этому дѣлу, мы будемъ помнить, что они должны намъ дать матеріалъ для опредѣленія заслугъ въ этомъ дѣлѣ самого Потемкина и его главнѣйшихъ сотрудниковъ.

Первый городъ, построенный по иниціативѣ кн. Потемкина, былъ Херсонъ; указъ императрицы объ его постройкѣ относится къ 1778 г. и былъ вызванъ желаніемъ имѣть новую гавань и верфь поближе къ Черному морю, такъ какъ прежнія, напр. таганрогская, представляли значительныя неудобства по своему мелководію. Еще въ 1775 г. послѣдовало повелѣніе объ устройствѣ гавани и верфи на Днѣпровскомъ лиманѣ при урочищахъ Глубокой Пристани и Александръ-Шанцѣ, но приведено въ исполненіе оно не было цѣлыхъ три года, такъ какъ затруднялись выборомъ мѣста. Въ 1778 г. императрица снова повелѣваетъ окончательно выбрать мѣсто для гавани и верфи на Днѣпрѣ и назвать его Херсономъ. Потемкинъ выбралъ Александръ-Шанцъ. Производство работъ было поручено потомуку извѣстнаго негра и крестника Петра В. Ганнибалу. Въ его распоряженіе было дано 12 ротъ мастеровъ. Подъ будущій городъ было отведено значительное количество земли. Въ крѣпость его прислано 220 орудій. Высшее руководство и главное начальство въ этомъ дѣлѣ было поручено кн. Потемкину ¹⁾. Императрица въ это время ведетъ постоянную переписку съ Потемкинымъ о новостроющемся городѣ. «Спасибо, голубчикъ, и весьма спасибо за расторопное распоряженіе о Херсонѣ; коменданство же смѣло изволь общать Соколову; верфи же хотя на три корабля чаю довольно будетъ»... «Спасибо и премного спасибо, писала ему императрица въ другомъ письмѣ, за прилагаемое попеченіе о Херсонѣ, а лѣсу сейчасъ прикажу Кашкину тебѣ дать голубчику на строеніе»... «Батя, что касается до Херсона, читаемъ мы въ третьемъ письмѣ, то мнѣ все равно, гдѣ бъ не стоялъ, лишь бы остановки у работъ не было» ²⁾.

Биографъ Потемкина Самойловъ о постройкѣ Херсона сообщаетъ намъ такія подробности: первоначально былъ отправленъ, по его словамъ, для присканія мѣста подъ будущій городъ контръ-адмиралъ Шубинъ; но Потемкинъ донесъ императрицѣ, что выбранное имъ мѣсто ничѣмъ не защищено отъ Очакова. Императрица согласилась съ представленіемъ Потемкина и велѣла построить городъ въ 35 вер. отъ днѣпровскаго устья. Городъ строился подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина, который хотѣлъ сдѣлать его столь же цвѣтущимъ и знаменитымъ, какъ древній Херсонесъ таврической; онъ рассчитывалъ устроить въ немъ все то, что Петръ В. въ Петербургѣ,

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 27-й, 155.

²⁾ Ibidem, 155—156, 166.

несмотря на его зыбкий болотистый грунтъ (адмиралтейство, карантинъ, пакгаузъ). Постройка не представляла никакихъ затруднений: канонерная была почти въ самомъ городѣ, по Дибру (привозили дѣсь, жѣлѣзо и всѣ необходимыя матеріалы). Лежащія въ окрестности города земли онъ раздавалъ для устройства загородныхъ домовъ, садовъ и т. п. Черезъ два года въ Херсонѣ уже приходили корабли съ грузомъ подъ русскимъ флагомъ. Со всѣхъ сторонъ устремлялись сюда промышленные люди. Иностранцы завели въ немъ коммерческіе дома и конторы: французскія торговыя фирмы (барона Антуана и др.), а также польская (Заблотака), константинопольская (Фродияга), австрійская (Фабри), русская (купецъ Маслянникова)¹⁾. Очень важную роль въ расширеніи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Франціей игралъ баронъ Антуанъ; въ послѣднее время напечатана любопытная переписка его съ извѣстнымъ гр. Сегюромъ: въ одномъ письмѣ они, между прочимъ, писали: «срѣдѣе намъ пріобрѣтать русскія естественныя произведенія, удвоить производство ихъ, а изобиліе послѣднихъ быстро повліяетъ на увеличеніе народонаселенія, которое служитъ настоящимъ фундаментомъ благосостоянію государства»²⁾. Русский зерновой хлѣбъ онъ отправлялъ въ Корсику, въ различные порты Ированса, въ Ниццу, Геную и, наконецъ, Барселону³⁾. Тотъ же баронъ Антуанъ составилъ любопытный историч. очеркъ торговыхъ и морскихъ отношеній портовъ Чернаго и Средиземнаго морей на основаніи его г. Б. Юрченко написалъ ист.-статистическій очеркъ торговли г. Херсона⁴⁾. Какъ видно изъ этого очерка, Антуанъ вѣдалъ въ Петербургѣ и представлялъ со стороны россійскаго правительства для основываемой имъ французской компаніи въ Херсонѣ и вообще для иностранныхъ купцовъ; и некоторые его просьбы были уважены (основаніе бакалейной конторы, свободный вывозъ хлѣба и дѣса и т. п.). Отправившись въ Польшу, Антуанъ предложилъ польскій товаръ отправлять не черезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, а по Дибру въ Аккерману и по Бугу — къ Очакову. Поэтому ему была оказана помощь французскимъ правительствомъ. 1-й его корабль прибылъ изъ Херсона въ 1784 году съ грузомъ конопли, пшеницы, чаю, льнаго и коноплянаго сѣмени; онъ прислалъ туда солильщиковъ, бочара, свѣчнаго мастера и стро-

¹⁾ Зап. Од. Общ. XIII, стр. 156.

²⁾ Ibidem, стр. 158.

³⁾ Ibidem, стр. 159.

⁴⁾ Ibidem, стр. 165—179.

ителя плотовъ. Многіе марсельскіе и херсонскіе купцы стали конкурировать съ Антуаномъ въ торговлѣ съ южной Россіей и Польшей черезъ Черное море: въ теченіе года прибыло 20 судовъ изъ Херсона въ Марсель и 15 изъ Марселя въ Херсонъ. Торговля велась со Смирной, Ливорно, Мессиною, Марселемъ и Александріей. Энергичнымъ сотрудникомъ Потемкина былъ извѣстный Фалѣевъ. Простой кременчугскій купецъ, но энергичный, предприимчивый, онъ не удовлетворился своею прежнею скромною дѣятельностью и рѣшилъ выйти на болѣе широкое и плодотворное поприще. Онъ предложилъ Потемкину на собственные средства очистить днѣпровское русло у пороговъ, чтобы сдѣлать удобнымъ рѣчной путь изъ внутреннихъ областей государства къ Херсону. Цѣль не была достигнута, но, по словамъ Самойлова, уже въ 1783 г. прошли прямо въ Херсонъ изъ Брянска барки съ желѣзомъ и чугуномъ; также благополучно проходили суда съ провіантомъ; за это Фалѣевъ получилъ золотую медаль и дипломъ на дворянское достоинство ¹⁾.

По словамъ современнаго изслѣдователя, въ Херсонѣ работало множество солдатъ, получавшихъ небольшое вознагражденіе отъ казны. Кораблестроеніе привлекло сюда кромѣ того множество вольныхъ рабочихъ, такъ что городъ все болѣе и болѣе возрасталъ. Сѣстные припасы привозились изъ польской и слободской Украины. Въ это же время началась въ Херсонѣ и заграничная торговля. Императрица, пріѣхавшая въ Херсонъ въ 1787 г., осталась очень довольна, — какъ это видно изъ письма ея къ ген. Еропкину, — и казармами, и крѣпостью, и каменными строеніями, и церковью, и адмиралтействомъ, и кораблями, и множествомъ разноязычнаго населенія ²⁾. Императоръ Іосифъ II, лично осмотрѣвшій Херсонъ, въ общемъ также остался доволенъ, но заявилъ, что большой торговли здѣсь никогда не будетъ ³⁾. Лица, нерасположенныя къ Потемкину, напр. Воронцовъ, отзывались дурно объ этомъ новомъ «колоссѣ», какъ его называла императрица. Спрашивается, какъ примирить противорѣчивыя извѣстія источниковъ? Какой взглядъ установить на постройку Херсона и на результатъ энергіи и заботъ самого Потемкина? ⁴⁾. Къ счастью, до насъ дошли

¹⁾ Рус. Архивъ. 1867 г. 1213—1215 стр.

²⁾ Скальковскаго Хрон. обозр., I. 145, 190—191.

³⁾ Бривверъ. Иллюстр. ист. Ек. II, III, 416, IV, 616.

⁴⁾ Краткій историческій очеркъ г. Херсона, составленный Чирковымъ, напечатанъ въ Сам. еп. херсонской губ. на 1864 г., прил. 1—17; упадокъ Херсона авторъ объясняетъ, на нашъ взглядъ совершенно основательно, — конкуренціей Николаева.

ордера кн. Потемкина, заключающіе себѣ свѣдѣнія о постройкѣ г. Херсона съ 1781 по 1785 г. вѣлчительно¹⁾. Они дають намъ возможность отвѣтить опредѣленно на нѣкоторые существенные вопросы, относящіеся къ этому дѣлу. Заботы Екатерины II о новомъ городѣ объясняются главнымъ образомъ желаніемъ устроить въ немъ адмиралтейство, такъ какъ Азовъ и Таганрогъ не представляли значительныхъ удобствъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того въ Херсонѣ должна была быть воздвигнута хорошая крѣпость и коммерческая гавань.

Таковъ былъ проектъ, внушенный императрицѣ Потемкинымъ. Новый городъ долженъ былъ дѣйствительно вырасти, какъ бы изъ подъ земли, по мановенію руки всеильнаго князя. Въ своемъ ордерѣ строителю Ганнибалу онъ, между прочимъ, писалъ, что «вся ожидаемая отъ сего знаменитаго для государственнаго зданія (г. Херсона) польза состоитъ въ томъ, чтобы оное со всею возможною поспѣшностью, до наступленія осени если не совсѣмъ отстроилось, то по крайней мѣрѣ всѣ земляныя работы, обезпечивающія тѣ мѣста, были дѣйствительно кончены»²⁾. Конечно, такъ быстро построить городъ оказалось невозможнымъ. Съ такою же лихорадочною поспѣшностью производились работы и въ послѣдующее время: Потемкинъ ожидалъ императрицу въ 1784 г., какъ это видно изъ ордера его на имя Ганса. «Чтобъ успѣшнѣе шло производство строеній въ Херсонѣ, то я за нужное считаю, не обременяя васъ другими дѣлами, оставить при одномъ строеніи, которое и рекомандую стараться всѣми мѣрами умножить и совершенно въ томъ успѣть, ибо ея имп. вел. въ будущемъ лѣтѣ самолично въ Херсонѣ быть изволить»³⁾. Также заботился Потемкинъ и о быстрой постройкѣ кораблей. «Между тѣмъ подтверждаю вамъ, писалъ онъ капитану надъ портомъ Муромцеву, и еще употребить возможное стараніе, чтобъ работы корабельныя шли съ крайнею поспѣшностью, въ чемъ и присылать ко мнѣ еженедѣльно подробные рапорты.... Забота моя о производствѣ сего дѣла тѣмъ для меня важнѣе, что непремѣнная ея имп. вел. есть воля о крайнѣйшемъ въ томъ поспѣшеніи»⁴⁾. Всѣ помыслы кн. Потемкина были направлены къ тому, чтобъ новый городъ понравился императрицѣ. Недатка въ деньгахъ быть не могло — Потемкину были предоставлены чрезвычайныя полномочія

¹⁾ Они напечатаны въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XI, 324—377.

²⁾ Скальковскаго, Хр. обоз., I, 135.

³⁾ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XI, 342.

⁴⁾ Ib. 344.

и онъ почти безконтрольно распорядился суммами. Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ, во что обошлась правительству постройка новаго «колосса», но, судя по тѣмъ цифрамъ, которыя постоянно встрѣчаются въ Потемкинскихъ ордерахъ, можно думать, что сумма эта была весьма значительна. Приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ расходовъ. Ежегодно оставалась извѣстная сумма на производство крѣпостнаго строенiя; въ 1782 г., напр., на сентябрьскую треть ассигновано болѣе 155,000 руб.; но, независимо отъ этого, многiе десятки тысячъ рублей отпускались въ возвратъ долга адмиралтейской суммы (б. 60,000 руб.); въ 1781 г. есть извѣстiе объ израсходованiи б. 420,000 руб.; большiя суммы затрачивались особо на доуuku и доставку корабельныхъ лѣсовъ (въ 1783 г. — 50,000 р.), на наемъ плотниковъ (на треть 1785 г. 60,000 руб.) и т. п. Въ 1784 г. по выс. повелѣнiю была отпущена для херсонскаго адмиралтейства экстраор. сумма въ размѣрѣ б. 1,533,000 р. сверхъ тѣхъ денегъ, которыя были выдацы раньше на это дѣло и отпускались по штату ежегодно. «Что принадлежитъ до мѣстъ ассигнованiя, пишетъ Потемкинъ Вяземскому, то не представляется мнѣ ни малаго затрудненiя въ полученiи оныхъ изъ окрестныхъ къ Херсону губернiй; отсюда и могу я прямо назначить подлежащiя суммы кому оныя будутъ слѣдовать». Вообще на экстраор. траты Потемкинъ получалъ и экстраор. суммы: напр., на переселенiе церковниковъ и калмыковъ 200,000 р. Потемкинъ не затруднялся въ полученiи необходимыхъ суммъ: онъ требовалъ и получалъ ихъ изъ петерб. и моск. казначейства и разныхъ казенныхъ палатъ (орловской, курской, харьковской и др.). Можно сказать, что вся Россiя несла specialныя повинности въ пользу предпрiятiй свѣтл. князя. Кромѣ денегъ къ его услугамъ были и рабочiя руки, и техники, и специалисты. Будучи генералъ-губерн. громаднаго Новорос. края, онъ, естественно, могъ и самъ выбирать необходимыхъ ему лицъ; но, кромѣ того, и правительство приходило въ этомъ отношенiи къ нему на помощь, такъ что онъ не могъ пожаловаться на вышнiя препятствiя для исполненiя своихъ намѣренiй. Къ его услугамъ были и войска, и казенные и вольные рабочiе. Для расчистки дѣбровскаго форватера у пороговъ отряжено было три пѣхотныхъ полка; для работъ въ Херсонѣ употреблялись солдаты и рекруты; для производства корабельнаго строенiя постоянно нанимались въ Петербургѣ, Олонцѣ и др. мѣстахъ плотники (б. 1000 чел.) и присылались казенные охтенскiе плотники; для того же херс. адмиралтейства присылались рекруты изъ Казани; изъ Москвы отпускались нѣмцы — кузнецы и т. д. Являлись по требованiю Потемкина не

только простые рабочіе, но и ученые спеціалисты: врачи (изъ азовской и новорос. губ.), садовники, живописцы и т. п. «Прѣхавшаго изъ Петербурга живописца Федора Данилова, написать Потемкинъ Гаусу, употребить слѣдуетъ для писанія вновь построенной залы въ Херсонѣ, о чемъ дайте ему знать, препоруча ему ту работу и опредѣля въ помощь живописцевъ изъ Петербурга въ Херсонъ привезенныхъ». Мало того, — кромѣ денегъ и рабочихъ, Потемкинъ получалъ необходимыя ему предметы натурою, — отобранныя отъ запорожцевъ ружья (изъ крѣп. св. Елизаветы), порохъ и селитру (изъ кievскаго цехгауза) артиллерію съ разными припасами (изъ крѣп. св. Елизаветы). Понятное дѣло, что при такомъ изобиліи средствъ, при сѣзшности постройки, контроль надъ истрачиваемыми суммами не могъ быть значителенъ. Несмотря на то, что лица, заведывавшіе постройками, кромѣ жалованья, получали и значительныя прибавки изъ суммъ, назначенныхъ для херсонскаго строенія, бывали случаи злоупотребленій въ расходованіи денегъ. Въ этомъ былъ изоблченъ и одинъ изъ строителей полк. Гавсъ, которому Потемкинъ писалъ: «Представленные отъ васъ ведомости и книги расходовъ экстраординарной суммы ведены весьма безпорядочно и съ таковымъ смѣшеніемъ, что при выдачахъ казенныхъ рядомъ написаны партикулярныя». Снѣзшность работъ должна была вредно отзываться и на самомъ качествѣ производимыхъ предметовъ. Такъ оказывается, напр., что суда строились изъ сырого не высохшаго еще лѣсу и потому быстро портились и дѣлались нигуда негодными. Итакъ, постройка Херсона велась на широкую ногу и потому обошлась она правительству страшно дорого. Справедливость требуетъ сказать, что самъ Потемкинъ былъ истиннымъ руководителемъ этого дѣла, заботился о скорѣйшемъ окончаніи его, и заботился не только о важныхъ, но и мелочныхъ обстоятельствахъ, къ нему относящихся, и не трудно догадаться, что главнымъ двигателемъ его было честолюбіе и славолюбіе. Онъ не допускалъ критики, которая могла бы омрачить «оригинальную славу» императрицы и его самого. Весьма характерный въ этомъ отношеніи фактъ — это его ордеръ главному доктору Самойлову. «Въ Моск. Вѣд.» сего года подъ № 74 въ артикулѣ «изъ Херсона» нашелъ я объявленіе Вашего сочиненія: описаніе подробное херсонскихъ болѣзней. Еще неизвѣстно, будетъ ли слѣдано такое «описаніе» и послужитъ ли оное къ пользѣ общей, но подобныя объявленія обнародываемыя дѣлаютъ весьма худое впечатлѣніе о странѣ той, особливо жъ по далекому ея состоянію. Итакъ, желалъ бы я, чтобъ извѣстія о болѣзняхъ тамошнихъ вступали въ публику

ге прежде, какъ вмѣстѣ съ описаніемъ свойства ихъ и надежныхъ средствъ, противъ нихъ употребляемыхъ». Рѣчь идетъ здѣсь о весьма щекотливомъ предметѣ для Потемкина—повальной заразной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Херсонѣ, благодаря его болотистой почвѣ; и вотъ свѣт. князь боится, какъ бы сообщаемыя въ книгѣ Самойлова факты не уронили его дѣятельности въ глазахъ императрицы, какъ бы этимъ не воспользовались тѣ, которые скептически относились къ этому новому колоссу, основанному, подобно Петербургу, на болотахъ; въ результатѣ и явился ордеръ, заключающій въ себѣ косвенное цензорское veto, такъ какъ ни Самойловъ, ни тогдашняя медицинская наука не знали вѣрныхъ средствъ противъ болѣзни.

Потемкинъ достигъ той цѣли, къ которой стремился въ продолженіи 9 лѣтъ: императрица осталась довольна Херсономъ. И дѣйствительно, говоря вообще, безотносительно къ затратамъ, за 8—9 лѣтъ сдѣлано было очень много ¹⁾. Путешественникъ Измайловъ, посѣтивши Херсонъ въ началѣ XIX в., говоритъ о г. Херсонѣ, какъ объ очень торговомъ пунктѣ, и указываетъ на предметы вывоза и ввоза ²⁾ Другой иностранный путешественникъ къ этому прибавляетъ, что Херсонъ болѣе походилъ на городъ, чѣмъ Николаевъ; «дома здѣсь гораздо выше и улицы тѣснѣе; впрочемъ, также худо выстроены; жителей въ немъ гораздо болѣе, нежели въ Николаевѣ. Здѣсь производится важная торговля строевымъ лѣсомъ. На набережной, которая простирается на цѣлую милю, видны большіе анбары сего лѣса. Здѣсь строятъ военные корабли; я видѣлъ одинъ о 110 пушкахъ, приготовленный къ спуску въ воду. Здѣсь столько же находится жидовъ, какъ и въ Николаевѣ—и они здѣсь также бѣдны» ³⁾. Но надежды, возлагаемыя на новый городъ, все таки не оправдались: со взятіемъ Очакова и построеніемъ Николаева, значеніе Херсона, какъ крѣпости и адмиралтейства, пало, а между тѣмъ на устройство его укрѣпленій и верфи были затрачены громадныя суммы. Въ николаевскомъ инженерномъ архивѣ морск. вѣдомства хранится топограф. планъ херсонской крѣпости и адмиралтейства за время съ 1808 по 1828 г. Изъ описанія ихъ, составленнаго г. Чирковымъ, видно, въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ они были устроены. И что же? «Изъ всѣхъ этихъ строеній,

¹⁾ См. выдержки изъ различныхъ отзывовъ о Херсонѣ во время пребыванія тамъ императрицы въ ст. Бриенера „Путеш. Езат. въ Крымъ“ (Ист. Вѣстн. 1885 г. сентябрь, 478—487).

²⁾ Пут. въ пол. Рос., II, стр. 186—188.

³⁾ Письма о Крымѣ..., стр. 42.

бывшихъ въ обширномъ и образцовомъ херсонскомъ адмиралтействѣ, дорого стоящихъ государству, почти не осталось ни одного... Бывшія адмиралтейскія строенія (исключая немногихъ, получившихъ тѣ или инія назначенія), обширная деревянная набережная, бревенчатый полисадъ на валу вокругъ всего адмиралтейства и даже каменные стѣны были проданы на сносъ съ публичнаго торга, и поэтому въ настоящее время сохранилось объ нихъ только темное преданіе, которому немногіе даже и вѣрятъ ¹⁾). Sic transit gloria mundi! Невольно припоминаются при этомъ слова австрійскаго имп. Іосифа II, что мѣсто для Херсона было выбрано неудачное, что слѣдовало бы построить городъ ва 30 верстъ ближе къ морю, и что при настоящемъ положеніи дѣла въ немъ никогда не будетъ процвѣтать торговля. Сегюръ и Палласъ также не одобряли выбраннаго Потемкинымъ мѣста подъ городъ. И дѣйствительно, онъ не только не сдѣлался другимъ Амстердамомъ, но торговля его развивалась довольно туго и онъ уступалъ въ этомъ отношеніи Таганрогу и Очакову; въ 1794 г. въ Таганрогъ привезено было иностранныхъ товаровъ на 156,058 р., а вывезено на 439,011 р., въ Очаковъ—привезено на 244,340 р., а вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—вывезено на 148,433 р.; между тѣмъ Николаевъ, который былъ построенъ 11 годами позже, отпуская въ это время товаровъ на 106,532 р., т. е. немногимъ менѣе Херсона ²⁾). Не говоримъ уже, что надежда сдѣлать Днѣпръ судоходнымъ у пороговъ не оправдалась и что чума едва было не погубила дѣла заселенія города въ самомъ его началѣ, во всякомъ случаѣ крайне тормозила его успѣшный ходъ: переселенцы и мастеровые изъ центральныхъ губ. Россіи страшно болѣли отъ непривычнаго климата и болотнаго воздуха при отсутствіи сносныхъ помѣщеній и т. п.

Обобщая все сказанное о Херсонѣ, мы приходимъ къ заключенію, что въ мѣстности, на которой Потемкинъ рѣшилъ воздвигнуть Херсонъ, не было задатковъ для великаго будущаго. Потемкину удалось съ поразительною быстротою построить городъ, но для этого понадобились громадныя средства отъ государства и населенія, которыя не окупилась впоследствии; ошиблась Екатерина, которая писала, что Херсонъ будетъ все болѣе и болѣе развиваться; его быстрый, сказочный ростъ былъ искусственный, онъ выросалъ не благодаря самому себѣ, какъ растутъ многіе американскіе города, а благодаря помощи, ока-

¹⁾ Зап. Им. Од. Общ. Ист. и Др., XII, 477—481.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор. I, 233.

зывается ему могущественным князем Таавриды; пользовавшимся полными доверием императрицы и желавшим блеснуть передъ нею, всей Россіей и даже Европой; своею неусытливой дѣятельностью.

Обращаясь теперь въ постройкѣ другого города, который долженъ былъ воздать славу Екатеринѣ — Екатеринославу! История этой постройки въ высшей степени характерна. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на ней слишкомъ долго, такъ какъ отраздѣненныя мы по прошлomu году 100-лѣтній юбилей города възвалъ на себя 3-работу посвященную исторіи основанія и первыхъ годовъ жизни Екатеринослава¹⁾. Начать съ того, что Екатеринославъ въ несколько разъ переходилъ съ одного мѣста на другое. 1-й Екатеринославъ находился на лѣвомъ берегу Дѣбры, при владѣніи грі Князченинѣ Самару. Построенъ онъ былъ по проекту Назовскаго Чуба Чертова (въ 1777 г.), но въ 1786 г. Потемкинъ, который и прежде не желалъ устраивать его на р. Самарѣ, издалъ ордеръ о перенесеніи Екатеринослава (перезимованнаго еще раньше въ Новомосковскѣ) на новое, болѣе возвышенное мѣсто, такъ какъ на прежнемъ мѣстѣ постоянно страдали отъ наводненій. И дѣйствительно, Екатеринославъ 1-й, иначе Новомосковскъ, считавшій въ 1781 г. 2194 души (въ томъ числѣ 270 двуплицовъ), она основаніи по ордеру Потемкина, сталъ раскидываться въ разбуркѣ города Новомосковскѣ (жителей, кромѣ городскихъ съ штатною командою съ причѣмъ солдатъ и въ некоторомъ числѣ канцелярскихъ служителей, числѣтъ уже нѣ много) и мѣстечекъ въ районѣхъ по равнымъ мѣстамъ, говорится въ одномъ документѣ: Новомосковскѣ были переведены: далѣе вверхъ издавъ Самарѣ на свое мѣсто; цѣль было с. Новоселица, а губернской городѣ Екатеринославѣ, на мысли Потемкина, долженъ былъ основаться на правомъ берегу Дѣбры на мѣстѣ заповоржскъ села Половицы, мѣсто находится и теперь²⁾. Но раньше язмъ были отдѣлены необходимыя постройки въ новомъ городѣ, прежнее населеніе его и администрація временно пріютились въ одной изъ предградій, форштатовъ будущаго города «Новыхъ Кайдакахъ», въ которомъ населеніе сильно увеличилось и онъ именовался иногда даже въ официальныхъ бумагахъ Екатеринославомъ³⁾. Первый указъ о постройкѣ Екатеринослава на правомъ берегу Дѣбры у Кай-

¹⁾ Егорова, Екатеринославское блуканіе, Е. 1887 г., Владивороцъ. Цераре столѣтіе Екатеринослава (матеріалы для истор. очерка). Е. 1887 г.; К. Королькова, Столѣтній юбилей Екатеринослава, Е. 1887 г.

²⁾ Мат. для ист.—стат.оп.екат.еп., Е. 1880 г., 306—318. Владиміровъ, 11—20.

³⁾ Мат. для ист. ст. оп. екат. еп., I, 25—40.

давога относятся еще къ 1784 г. 3); носимая постройка его началась позже. Новый городъ, по проекту Потемкина, долженъ былъ служить къ вышней славы Еватерныи и потому планировали его въ необычайныхъ размѣрахъ: городъ долженъ былъ находиться между 24 форштадтами — Старымъ и Новымъ Каждиками и заключать въ себя пространство въ 300 кв. верствъ; одного днягона для выота предполагалось отвести 80,000 десятинъ; улицы должны были быть шириною въ 30 саж. (теперь всей земли у города немного больше 5,000 дес. иа проектиромъ важную ширину имѣютъ только двѣ улицы). Сохранился проектъ дорожскихъ построекъ, написанный собственноручно Потемкинымъ, яро рисующій намъ грандіозные замыслы князя Тавриды (поданъ за 3 мѣсяца до отъѣзда императрицы въ ея путешествие). «Все-милостивѣйшая Государыня, едѣ же (идѣ) какъ не въ странѣ, посвященной славы вашей, вышеть Почемвинъ, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я предпринялъ проекты составить, достойные высоваго сего города названію. Во первыхъ представляется, въ подражаніе св. Павла, что въ Римѣ (очевидно Писхрѣ) казать св. Петра); тутъ храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню, въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преобразена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ и обиталище звѣрей въ благоприятное обиталище людямъ; изъ всѣхъ странъ текущихъ. Оудлище, на подобіе древнихъ базиликъ, въ камнѣ колонныхъ вашихъ узаконеніи. Шавки полуружнемъ, на подобіе пропильей или предударій военныхъ, съ биржею и театромъ посрединѣ Палаты государевы, едѣ жить и губернатору, ино вице-губернатору римскихъ зданій, едѣ въ посрединѣ великолѣпную и просторную едѣ въ Архiepiscopіи при соборной церкви Преображенія въ два етеріи и духовной охолой. Какъ сія губернія естъ военная, то етъ прертыне заслуженнымъ престарѣлымъ воинамъ — домъ инвалидной ео енымъ возможными выгодами и есъ должнымъ великолѣпиемъ. Домъ губернской, вице-губернаторской, домъ дворянской аптека, фабрика суконная и шелковая. Университетъ еупно съ академіею музыкальной или консерваторіей. Для всѣхъ спхъ строеній довольно всякихъ припасовъ заготовлено, на что употребится 200,000 руб. оставшіеся отъ экстраординарныхъ суммъ 2).

3) П. С. З. т. XXII, № 15910; (ук. отъ 22 авг. 1784 г.).

2) Рус. Архивъ, 1865, стр. 394—395.

Въ новомъ городѣ вельно было немедленно учредить университетъ съ академіею художествъ ¹⁾; назначенъ былъ директоромъ консерваторіи знаменитый музыкантъ Сарги; сохранился любопытный контрактъ съ нимъ кн. Потемкина.

«Быть мнѣ, говоритъ Сарги, директоромъ музыки при учреждаемомъ въ г. Екатеринославѣ университетѣ; обучать тамъ сочиненіе оной и самому сочинять музыкальныя пьесы, въ какихъ будетъ надобность, и за сіе получать мнѣ жалованья годоваго... по 3500 руб. въ годъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и 1,500 руб. прогоновъ» ²⁾; на службу въ неосуществившейся университетъ были зачислены, кромѣ того, профессорами Ливановъ и Прокоповичъ, преподавателями живописи Неретинъ и Бухаровъ и исторіографомъ капитанъ французской службы de Guienne ³⁾, которые и получали жалованье по штату (всего ассигновано было съ 1785 года болѣе 20,000 руб.). На постройку университета назначено было 300,000 руб. ⁴⁾. Рассчитывали, что въ этомъ университетѣ съ академіею художествъ и музыки, съ училищемъ хирургическимъ и народною школою «по сосѣдству Польши, Греціи, земель Воложской, Молдавской и народовъ Иллирическихъ, множество притечетъ юношества обучаться».

Но не однѣ науки и искусства должны были процвѣсти въ новомъ городѣ: въ немъ должна была зародиться, по мановенію всесильнаго вельможи, и промышленность: большія суммы (340,000 руб.) были ассигнованы на устройство казенной фабрики съ 2 отдѣленіями—суконымъ и шелково—чулочнымъ ⁵⁾. Въ своемъ донесеніи императрицѣ Потемкинъ указываетъ на громадную пользу, которую принесетъ эта фабрика Россіи, которая превзойдетъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства, «а посредствомъ дворянъ-учениковъ это ремесло разойдется по всей Россіи, шелкъ будетъ хорошаго качества и дешевъ; «колоніи ремесленниковъ, говоритъ въ заключеніе своего донесенія Потемкинъ, фабриканты въ большомъ числѣ, находятся у меня теперь въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ожиданіи построенія жилищъ въ Екатеринославѣ, которыя въ будущей осени посіѣютъ, и они на судахъ

¹⁾ П. С. Зак. т. XXII, № 16057 (ук. 4 сент. 1784 г.).

²⁾ Зап. Одеск. Общ. IV, 375.

³⁾ Ibidem, 376, 377.

⁴⁾ Зап. Одес. Общ. II, 332 и 774.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 444—445; всѣхъ фабрикъ въ Екатеринославѣ предполагалось 12.

Дняпромъ съ инструментами доставятся въ свое мѣсто¹⁾. Въ 1787 г. императрица, во время своего извѣстнаго путешествія, посѣтила Екатеринославъ и заложила грандіозный соборный храмъ, который по величинѣ своей долженъ былъ превосходить храмъ св. Петра въ Римѣ: на 1 аршинъ длиннѣ послѣднаго²⁾.

Что же вышло изъ всѣхъ этихъ грандіознѣйшихъ проектов? Отвѣтимъ кратко: очень мало. Программа тѣхъ величественныхъ сооружений, которыя проектировалъ свѣтлѣйшій, осуществилась въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ (дворецъ Потемкина и нѣк. др.); чулочная фабрика закрыта была очень скоро, а суконная кое какъ протянула до 1836 г; соборъ, заложенный Екатериной, не былъ выстроенъ: дѣло ограничилось однимъ фундаментомъ, который обошелся казнѣ въ 71,102 р.; сбылось такимъ образомъ предсказаніе Сегюра, что въ этомъ соборѣ никогда не будетъ службы; правъ былъ отчасти и императоръ Іосифъ II, который сказалъ, что онъ съ императрицей совершилъ великое дѣло: она положила 1-й камень новаго города, а онъ 2-й и послѣдній. Университетъ съ академіей и другими учрежденіями никогда не осуществился; профессора его напрасно получали жалованье, исключая, б. м., одного Сарту, который исполнилъ свою обязанность, указанную въ контрактѣ: составилъ торжественную кантату для встрѣчи императрицы; заготовленные для построекъ матеріалы были частью проданы съ публичнаго торга, а частью получили другое назначеніе. «Такимъ образомъ, говоритъ преосв. Гавріилъ, все разлилось въ разныя стороны; въ самое краткое время всего лишился Екатеринославъ; златомъ сіять надѣявшійся, онъ превратился въ сосудъ глиняный, или въ ту самую *Половицу*, на мѣстѣ которой основался»³⁾.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Екатеринославѣ было 2201 д. муж. пола, въ томъ числѣ 277 д. кушцовъ, 874 д. мѣщанъ и цеховыхъ и 1050 д. разночинцевъ⁴⁾, а въ 1800 г.—только 2634 д. *обою пола*, т. е абсолютная цифра уменьшилась; въ 1804 г. 6389 д., въ 1825 г.—8412 д., 1-е въ теченіе 25 лѣтъ текущаго столѣтія населеніе болѣе чѣмъ утроилось, хотя все таки абсолютная цифра его была не велика⁵⁾. Положеніе екатеринославскаго кушече-

¹⁾ Рус. Архивъ 1865, стр. 66—68.

²⁾ Ibidem, стр. 869.

³⁾ Зап. Од. Общ., 5-й томъ, стр. 458—459.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., III, стр. 289;

⁵⁾ Владимірова. Первое стол. г. Екатеринослава, стр. 212—213;

ства въ первые годы существованія города было очень печальное; яркими красками рисуется оно въ прошеніи, которое предполагалось подать гр. Зубову; лица, стоявшія во главѣ управленія и желавшія сдѣлать Екатеринбургъ достойнымъ его высокаго назначенія, всачески обнадуживали поселенцевъ разными льготами, но этихъ льготъ въ дѣйствительности не оказывалось, въ особенности это нужно сказать о времени Павла Петровича; для усиленія коммерціи было открыто въ городѣ 4 ярмарки, но купцовъ на нихъ не было¹⁾. Да и могло ли быть иначе? Неудача объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что хотѣли искусственно, однимъ почеркомъ пера, создать то, для чего потребны были благоприятныя мѣстные условія; но объ этихъ условіяхъ не справлялись; наоборотъ, въ особенную заслугу думали себѣ въвѣнчать постройку знаменитаго города въ пустынной мѣстности, у болота; и вотъ, когда золотой дождь въ видѣ правительственныхъ ассигновокъ, прекратился,—и науки, и искусства, и промыслы, и торговля такъ и остались въ пролетѣ.

Представимъ теперь, наконецъ, нѣкоторые данныя о постройкѣ г. Николаева. Еще въ 1784 г. приказано было построить крѣпость при впаденіи Ингула въ Бугъ, но она почему то построена не была. Въ 1787 г. турки очаковского гарнизона, по преданію, разорили находившуюся на р. Бугѣ, недалѣко отъ впаденія въ него р. Ингула, дачу иностранца Фабри; этою послѣдней просилъ казну вознаграditъ его за убытки; для опредѣленія ихъ были отправлены нѣкоторыми уже намъ Фалѣевымъ офицеръ, который донесъ ему, что возлѣ Фабровой дачи есть мѣсто, удобное для верфи. Въ 1788 г., по приказанію Потемкина, въ небольшой деревнѣ Витовкѣ были построены казармы и госпиталь, а на р. Ингулѣ заведена верфь. Постройка зданій и судовъ была поручена Фалѣеву, а сотрудниками его были архитекторъ Варезетъ, Вестужевъ, Старовъ, Де-Волянъ и др. Самое основаніе г. Николаева мы относимъ къ 27 августа 1789 г., потому что этимъ именно годомъ, мѣсяцемъ и числомъ помѣченъ ордеръ Потемкина на имя Фалѣева такого содержанія: «Фаброву дачу пмѣновать Спасское, а Витовку Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингулѣ городъ Николаевъ»²⁾; Высочайшее повелѣніе о наименованіи новаго города

¹⁾ Ibidem, стр. 103—105, 145—150.

²⁾ Зап. Од. Общ., II, 672; А. А. Скальковскій высказалъ мнѣніе, что Николаевъ получилъ начало 28 марта 1789 г., и ссылается на архивъ черномъ гидрограф. депю, откуда онъ перепечаталъ и во 2-мъ томѣ Зап. Од. Общ.; повойчательно разрѣшить этотъ вопросъ тотъ, кто найдетъ справку въ этомъ архивѣ.

Николаевомъ послѣдовало только въ 1790 г.¹⁾ Свое имя онъ получилъ по имени первого корабля св. Николая, построеннаго на его верфи. Въ томъ же 1790 г. послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ устройствѣ въ Николаевѣ адмиралтейства и верфи. «Глубина р. Ингула, при впаденіи ея въ Бугъ, говоритъ авторъ исторіи черноморскаго флота Аркасъ, много способствовала къ построенію тамъ верфи для сооруженія судовъ большаго ранга... Херсонская верфь, хотя была также удобна какъ николаевская, но мелководіе гирля препятствовало выводить изъ Херсона въ море большаго ранга суда... и потому постепенно начали переводить изъ Херсона въ Николаевъ сначала главнаго командира, правленіе черноморскаго флота и кадетскій корпусъ, потомъ нѣкоторые мастерскія и, наконецъ, въ 1824 г. уничтожили въ Херсонѣ адмиралтейство и перенесли въ Николаевъ²⁾. Найдя новый удобный пунктъ, Потемкинъ рѣшился устроить здѣсь городъ, портъ и адмиралтейство. Сохранился въ высшей степени интересный проектъ Потемкина о постройкахъ въ Николаевѣ. Рѣшено было адмиралтейство изъ Херсона перевести въ Николаевъ, такъ какъ въ немъ и вода, и воздухъ чище, а въ Херсонѣ оставить одни только магазины и постройку мелкихъ судовъ, которые могутъ проходить безъ камелей; сначала предполагали сдѣлать доки и деревянную гавань на р. Бугѣ, но вслѣдствіе дороговизны отказались отъ этой мысли и рѣшили оставить адмиралтейство и верфь на Ингулѣ, а на Бугѣ имѣть только докъ; всѣ необходимыя для адмиралтейства магазины, мастерскія и набережную предполагалось построить изъ лѣса, заготовленнаго въ с. Мощнахъ (Кіев. губ.); число казармъ увеличить; на Бугѣ и лиманѣ подбивать сваи, чтобы суда могли тянуться и въ плохую погоду; для привлеченія иностранцевъ къ поселенію въ Николаевъ поощрять ватаговъ на 20 дѣтъ портофранко; ярославскихъ каменщиковъ, купленныхъ у Мещерской, сдѣлать казенными и приохочивать къ поселенію въ Николаевъ; заниматься постройкою судовъ, чтобы довести число ихъ до предположенной нормы; составить для гребнаго флота прижерскій гренадерскій корпусъ, которому имѣть постоянныя квартиры въ Николаевѣ; въ мирное время онъ долженъ былъ заниматься работами въ портѣ или же гнать лѣса по лиману; для того, чтобы никогда не было недостатка въ мастеровыхъ, учить женатыхъ рекрутъ плотничьему и другимъ ремесламъ, необходимымъ въ адмиралтействѣ, и

¹⁾ Зап. Од. Общ., II, стр. 769.

²⁾ Начало учрежд. рос. флота на Черномъ морѣ (Зап. Од. Общ., IV, 285).

поселить изъ нихъ 3,000 (а также 1,000 каменщиковъ) на казенныхъ участкахъ и на земляхъ, которыя нужно купить у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (у разныхъ владѣльцевъ около Николаева, у Безбородка близъ Херсона, у ген. Соѣмонова на устьѣ Ингульца у Глубокой пристани, гдѣ построены литейный заводъ для переплавки негодныхъ пушекъ и ядеръ, на Бугѣ у Русской косы, противъ Николаева и Богоявленска на той сторонѣ Буга, на Ингулѣ на дачѣ помѣщика Ларія); въ бугскихъ порогахъ завести водяныя машины для кузнечныхъ адмиралтейскихъ работъ и оружейнаго завода; построить противъ Богоявленска кушальню въ томъ мѣстѣ, гдѣ криница; завести въ удобномъ мѣстѣ канатный заводъ «безъ затѣй»; для слава лѣса изъ Херсона въ Николаевъ построить плашкоуты; для пристанища байдаковъ и плотовъ во время шторма подѣлать пристани на Глубокой и ниже Станиславова; вымѣрять дно Буга и Ингула до Березани; сдѣлать при николаевской верфи кузницу и токарню; распахать какъ можно больше земли возлѣ Николаева, для чего сдѣлать еще 20 плуговъ, а въ Богоявленскѣ завести земледѣльческое училище съ антекарскимъ садомъ подъ дпрекціей проф. Ливанова, учениковъ же въ него опредѣлять изъ рядовыхъ солдатъ или женатыхъ поповичей; на копанкахъ поселить женатыхъ военныхъ, неспособныхъ къ службѣ, въ Богоявленскѣ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ; такое же населеніе, а также безпаспортные выходцы изъ Польши и бродяги, должны устроиться въ Воскресенскѣ и Покровскѣ; служащимъ въ адмиралтействѣ отводить землю подъ хутора въ окрестностяхъ города; насаждать при адмиралтейскихъ поселкахъ лѣсъ; давать жалованье адмиралтейскимъ рабочимъ; для молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ морскую службу, построить въ городѣ училище навигаціи на 360 чел. дворянъ и на столько же разночинцевъ, которые будутъ выходить въ штурмана, шкипера и др. подобныя должности. Завести небольшое училище кораблестроенія и снабдить его новѣйшими англійскими и французскими книгами; для отставныхъ штабъ и оберъ офицеровъ основать монастырь Спасо-Николаевской лавры и дать туда колоколъ въ 1000 пудовъ, перелитый изъ колокола Межигорскаго монастыря; доходы съ лавокъ, выстроенныхъ у биржи, съ погребовъ, трактира и кофейной употребить на церковь св. Григоріи и на причтъ ея, а сосуды дать туда монастырскіе; построить пивалдный домъ и такой госпиталь, въ которомъ могли бы лечиться и херсонскіе больные, такъ какъ здѣшнее мѣсто и вода несравненно здоровѣе херсонскихъ; въ Богоявленскѣ и Николаевѣ всѣ фонтаны

обдѣлать мраморомъ и устроить торговую турецкую баню; въ Николаевѣ ничего не строить деревяннаго, а если есть мазанки, то ихъ оштукатурить; разнымъ лицамъ, оказавшимъ услуги при устройствѣ города и края, дать награды и пенсіи (оберъ-интенданту Аванасеву, проф. Ливанову за находку серебряной руды, каменнаго угля, мрамора и красокъ, архитектору Ванрезани). Изъ отвѣтныхъ донесеній Фалѣева мы узнаемъ, что въ Богоявленскѣ сажали разныя деревья (дубы и т. п.) и виноградъ, отысканный въ Очаковѣ; для приведенія въ благоустройство города Фалѣевъ ходатайствовалъ объ учрежденіи и полиціи ¹⁾.

Нельзя не замѣтить, что при устройствѣ Николаева Потемкинъ дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ при постройкѣ Екатеринослава и Херсона. Здѣсь меньше желанія произвести эффектъ, больше исполнимыхъ, практичныхъ проектовъ: есть даже желаніе устроить кое что «безъ затѣй». Потемкинъ, очевидно, разочаровался въ Херсонѣ; по крайней мѣрѣ онъ, какъ мы видѣли, убѣдился въ нездоровомъ климатѣ занятой имъ мѣстности. Впрочемъ, и во время строенія Николаева погибло не мало народа, и это обстоятельство сильно огорчало свѣтлѣйшаго. «А теперь только скажу, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ какъ нарочно. Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду. А я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину. Я опредѣлялъ людей въ работу да и еще и съ заплатаю, а изъ сего сдѣлали каторгу. И по несчастью какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучать другіе, а потекаете вы» ²⁾. Изъ этого документа видно, что работы были очень тяжелы, если самъ Потемкинъ называетъ ихъ каторгой и тиранствомъ. Не обходилось дѣло и безъ хищенія казенныхъ денегъ. «Пора отстать, пишетъ Потемкинъ, отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили суммы и все недостатками подчивали. Черезъ нихъ разворовано много» ³⁾.

Далеко не всѣ предположенія и предназначенія Потемкина относительно Николаева осуществились: многое, по смерти его, было оставлено нгунѣ; его преемникъ Зубовъ вовсе не желалъ продолжать

¹⁾ Зап. Од. Общ., XIII, 182—183, 184—186, 187; см. также „Распоряженія и предположенія кн. Потемкина-Таврическаго объ устройствѣ черн. флота и г. Николаева“ (Мор. Сбор. 1855, № 11, стр. 151—167.

²⁾ Зап. Од. Общ. II, 673—674.

³⁾ Ibidem, 673.

начинаній своего предшѣстника, а хотѣлъ въ свою очередь оставить память о своей дѣятельности въ новомъ городѣ Вознесенскѣ. Но несмотря на это неблагоприятное обстоятельство, Николаевъ не захирѣлъ, подобно Екатеринославу, а сталъ развиваться и даже конкурировать съ Херсономъ. Объ его ростѣ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты.

Въ 1788 г. ¹⁾ николаевскую верфь посѣтилъ нѣмецкій врачъ Дримпельманъ, который оставилъ любопытное описаніе ея. «Какъ сильно я былъ удивленъ, говоритъ онъ, когда извощикъ, котораго я подрядилъ изъ Елисаветграда, вдругъ остановился и, хотя я не видѣлъ ничего кромѣ отдѣльныхъ хижинъ изъ тростника и часовыхъ, объявилъ мнѣ, что тутъ и есть Николаевъ... Ближайшее освѣдомленіе у часовыхъ показало, что слова извощика были справедливы и что я дѣйствительно нахожусь въ самомъ Николаевѣ». Описавъ посѣщеніе свое Боговлянска, Дримпельманъ рассказываетъ дальше слѣдующее: «Доселѣ ни одно человеческое существо не могло жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ городъ, который уже въ первые годы своего существованія общалъ счастливое процвѣтаніе и гдѣ тысячу селятся люди всѣхъ странъ. Вокругъ все было пусто. Единственными живыми существами, которыхъ здѣсь можно было встрѣтить, были змѣи. Хотя укушеніе ихъ и не опасно, однако онѣ были неаріятны и страшны для людей тѣмъ, что проникали въ жилища, плохо построенныя изъ тростника и досокъ. Въ нашу тростниковую хижину, въ которой намъ пришлось провести первую ночь по приѣздѣ въ Николаевъ, наполнило множество этихъ гадинъ. Хотя мы изъ предосторожности устроили постель на 4-хъ высокихъ коляхъ, но это нисколько не помогло: змѣи поднимались вверхъ и, почувявъ людей, съ отвратительнымъ шипѣніемъ перенюхали черезъ насъ на другую сторону кровати и уходили. Постройка новаго города шла впередъ съ изумительною быстротою: въ тотъ годъ, когда я жилъ здѣсь, выстроено было болѣе 150 домовъ. Дѣсятъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Вугу и продавались весьма дешево какъ чиновникамъ, такъ и другимъ лицамъ, желавшимъ здѣсь поселиться. Только каждый строившійся обязанъ былъ строго сообразоваться съ планомъ, по которому городъ постепенно долженъ былъ возникать. Число жителей, собравшихся изъ разныхъ частей государства, доходило въ 1789 г., когда я покинулъ Николаевъ,

¹⁾ Вѣроятно, дѣло происходило не въ 1788 г., а нѣсколько позже.

до 2½ тисячъ 1)». Изъ другихъ (офіціальнихъ) данныхъ видно, что и въ 1792 г. въ Николаевѣ было менѣе 2,500 жителей; нужно думать поэтому, что или Дримпельманъ значительно преувеличилъ цифру населенія, или, что вѣроятнѣе, выставилъ ошибочную хронологію: на самомъ дѣлѣ былъ въ Николаевѣ въ началѣ девяностыхъ годовъ XVIII-го вѣка. Въ 1791 г. въ Николаевѣ было 26 дворовъ, 147 д. жителей обоого пола (105 муж. и 42 ж.) и 1,200 дес. земли подъ усадьбами 2). Екат. губ. Каховскій въ своемъ письмѣ къ извѣстному Попову сообщаетъ такія данныя о Николаевѣ въ 1792 году: «строеній кончено и начато много. Вода въ колодезяхъ хороша, а въ фонтаняхъ отѣнно хороша. Деревьевъ насажено много. По хуторамъ разводятся огороды для поваренныхъ растений и распахиваются земли подъ посѣвъ хлѣба... Признаюсь В. П., что я пришелъ въ изумленіе, увидя столь много строеній на томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ видѣлъ я два только шалаша изъ камыша сдѣланныхъ». Въ 1792 г. въ немъ дѣйствительно уже существовали: 1 церковь, 4 общественныхъ дома, 100 казармъ, 13 магазиновъ, 158 каменныхъ и деревянныхъ домовъ, 209 мазанокъ, 61 землянка, 149 лавокъ, 23 погреба и 1,566 д. обоого пола 3). Кромѣ того здѣсь же временно проживало 1,734 д. рабочихъ. Громадная разница съ состояніемъ города въ 1791 г., ясно свидѣтельствующая о томъ, что предположенія Потемкина получили нѣкоторое практическое осуществленіе. Измайловъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ самомъ концѣ XVIII в., описываетъ Николаевъ такъ: «Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками при впаденіи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря. Адмиралтейство, крѣпость, суда, стояція на якоряхъ, служатъ главнымъ украшеніемъ города. Соборная церковь во имя св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности» 4). «Николаевъ, говоритъ одинъ иностраннй путешественникъ, посѣтившій его въ 1808 г., стоитъ на лѣвомъ берегу Буга... Въ семь городѣ находится складни и магазины черноморскаго флота. Когда мы проѣзжали, то еще въ гавани не было ни одного линейнаго корабля въ отстройкѣ; какъ скоро они отдѣлаются, немедленно отправляютъ ихъ въ Севастополь. Жителей въ городѣ около девяти тысячъ (цифра эта, по всей вѣроятности.

1) Записки нѣм. врача о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка (Русскій Архивъ, 1881, кн. 1-я, стр. 48—49).

2) Зап. Од. Общ., II, 747.

3) Зап. Од. Общ., II, 772.

4) Пут. въ полуд. Рос. II, 99—100.

сильно преувеличена), почти всё—служащiе во флотѣ или жиды; сіи послѣдніе имѣютъ отвратительный видъ. Положеніе Николаева не такъ хорошо—улицы широки, а дома низкіе и выстроены по большей части изъ дерева или глины»¹⁾. Въ «Землеописаніи» Зябловскаго (напеч. въ 1810 г.) о Николаевѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «въ немъ, по выгодной глубинѣ залива и безопасной для судовъ рейды, стоитъ черноморская гребная флотилія, также имѣетъ пребываніе главнокомандующій надъ черноморскимъ и азовскимъ флотами и учреждено училище штурманское и другое корабельной архитектуры. Имѣетъ таможенную заставу и 3 церкви²⁾ (русскую, католическую и греческую)». Въ 1817 г. въ Николаевѣ было 6 церквей и 7-я синагога, 4 общественныхъ зданія, 99 казенныхъ, 1,368 частныхъ домовъ (1,010 каменныхъ и 358 деревянныхъ), 3,285 д. обоого пола³⁾. Прогрессъ въ числѣ жителей за 25 лѣтъ послѣдовалъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, ничтожный; очевидно, послѣ форсированнаго роста, вызваннаго искусственными мѣрами, наступило затишье. Но Николаевъ все таки имѣлъ будущее, какъ удобное мѣсто для постройки судовъ и торговый портъ. По числу выпущенныхъ изъ его верфи кораблей онъ уступалъ Херсону⁴⁾, но относительно отпускной хлѣбной торговли въ самомъ концѣ XVIII в. стоялъ нѣсколько выше его⁵⁾.

Уже по смерти Потемкина былъ основанъ городъ, который занялъ первое мѣсто среди всѣхъ городовъ Новороссійскаго края, и старыхъ, и новыхъ—это Одесса, основанная на мѣстѣ турецкой крѣпости Хаджибея; указъ императрицы о постройкѣ военной и купеческой гавани и города Хаджибея (такъ раньше называлась Одесса) относится къ 1794 г.⁶⁾; постройка была поручена де-Рибасу; подъ новый городъ было отведено болѣе 30,000 десятинъ земли; на устройство порта, адмиралтейства, казармъ и т. п. было ассигновано около 2,000,000 руб.; важнымъ моментомъ въ первоначальной исторіи Одессы (такъ его назвала академія наукъ) было поселеніе греческихъ выходцевъ какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ; городъ въ это

¹⁾ Письма о Крымѣ, объ Одессѣ и Азов. морѣ. М. 1810, стр. 39—40.

²⁾ Землеопис. рос. имп., V, 347—348.

³⁾ Зап. Од. Общ. II, 747.

⁴⁾ См. сравнительную таблицу различныхъ судовъ, построенныхъ въ той и другой верфи до 1824 г. въ Зап. Од. Об., II, 749—750.

⁵⁾ Скальковскій, Хрон. об., I, 235.

⁶⁾ Впрочемъ мысль о постройкѣ города на мѣстѣ тур. Хаджибея возникла у императрицы еще въ 1782 г.; см. Зап. Од. Общ., I, 261.

время состоялъ изъ двухъ форштадтовъ — военного и греческаго; частныя лица получали «открытые листы» на свои усадьбы; въ надеждѣ на большія выгоды здѣсь стали селиться русскіе и иностранные (гл. обр. греческіе) купцы; въ предмѣстьѣ города Пересыпи поселились черноморскіе (бывшіе запорожскіе) казаки. Въ 1796 г. въ Одессѣ было 2,349 д. обоего пола; больше всего мѣщанъ (новороссійскихъ, иногороднихъ и б. казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ); купцовъ разныхъ гильдій 84 чел. м. п., евреевъ 150 д. м. п., грековъ (кромѣ греч. дивизіона) 129 д. м. п., 98 д. черном. казаковъ. Несмотря на неблагоприятныя обстоятельства, наступившія для города съ воцареніемъ имп. Павла Петровича, населеніе въ немъ постоянно возрастало; царствованіе Павла Петровича было непродолжительно, а съ воцареніемъ имп. Александра I-го жители Одессы получили многія важныя привилегіи (25-лѣтняя льгота, освобожденіе отъ постоевъ, утвержденіе за городомъ земли и т. д.). Въ 1802 г. въ Одессѣ было уже болѣе 9,000 д. обоего пола жителей, въ томъ числѣ постоянныхъ и временныхъ купцовъ 2,285 д. об. п., а мѣщанъ — 5,743 д. об. п.; 39 фабрикъ, заводовъ и мельницъ, 171 лавка, 43 погребя, 1,092 обывательскихъ дома и 257 землянокъ, городскихъ доходовъ — 40,675 р. 38 к., товаровъ привезено было на 719,982 р., а вывезено — на 1,534,114 р., всего на 2,254,096 р. Но все это было ничто въ сравненіи съ дальнѣйшимъ прогрессомъ въ населеніи и торговлѣ. Этимъ прогрессомъ Одесса обязана гл. об. дѣятельности дюка де-Ришелье, который занялъ здѣсь постъ градоначальника въ 1803 г. По словамъ Сикара, Ришелье самъ стоялъ во главѣ всего и управлялъ всѣмъ больше своею личностью, чѣмъ предоставленной ему властью; въ свободныя минуты онъ обходилъ городъ и гавань, наблюдая за работами, самъ отдавая вездѣ приказанія и заставляя такимъ образомъ другихъ подвигать дѣло съ необычайнымъ усердіемъ; онъ посѣщалъ иностранцевъ въ карантинѣ, узнавалъ ихъ планы, нужды, приглашая ихъ возвращаться или поселяться въ Одессѣ. Въ городѣ онъ лично зналъ всѣхъ купцовъ, какой бы національности они ни были, встрѣчался съ ними или посѣщалъ ихъ магазины, разговаривалъ и освѣдомлялся о ихъ торговлѣ, успѣхахъ, препятствіяхъ, желаніяхъ и нуждахъ ¹⁾. «Въ продолженіе почти 12-ти лѣтняго управленія Одессою Ришелье, пользуясь высокимъ довѣріемъ монарха, обращалъ его единственно на пользу

¹⁾ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIV, p. 32. (Notice sur 11 années de la vie du duc de Richelieu à Odessa pour servir à l'histoire de sa vie).

города. Онъ не только что возстановилъ даровапныя имп. Екатериною милости городу, но исходатайствовалъ новыя, несравнено большія; устроилъ портъ, карантинъ, таможду, театръ, госпиталь, докончилъ начатыя храмы Божіи; учредилъ воспитательно-учебное заведеніе, поощрилъ частныя въ городѣ постройки, которыхъ при его отъѣздѣ считалось 2,000; увеличилъ населеніе города до 25,000 душъ; возвысилъ торговые обороты его. Любилъ страстно садоводство и вообще разведеніе деревь, онъ всячески покровительствовалъ владѣльцамъ дачъ и садовъ и первый выписалъ изъ Италіи сѣмена бѣлой акаціи, роскошно принявшейся на одесской почвѣ. Ришелье за границей не забывалъ Одессу... Такъ характеризуетъ его дѣятельность историкъ Одессы Смольяниновъ ¹⁾. При Ришелье Одесса сдѣлалась центромъ торговыхъ связей Новороссійскаго края и европейскихъ приморскихъ городовъ: торговые обороты ея въ 1814 г. простирались болѣе чѣмъ на 20,000,000 руб.; главнымъ предметомъ отпускной торговли была пшеница; естественныя богатства Новороссійскаго края нашли себѣ сбытъ. Расширеніе торговыхъ оборотовъ одесскаго купечества вызвало увеличеніе потребностей и привело къ общему подъему культурности и цивилизаціи: Одесса превратилась въ небольшой, но бойкій, торговый и благоустроенный *европейскій* городъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно свидѣтельство самого Ришелье: «когда я прибылъ, говорить онъ, въ 1803 г. въ Одессу, то прошло 6 недѣль, прежде чѣмъ я могъ достать себѣ дюжину самыхъ простыхъ стульевъ,— а въ 1813 г. было уже вывезено изъ Одессы въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая была сдѣлана почти также хорошо какъ петербургская или московская» ²⁾. О томъ, что изъ себя представляла Одесса въ десятихъ годахъ XIX ст., можно получить свѣдѣнія изъ сочиненія маркиза де-Кастельно, гдѣ сообщаются обстоятельныя данныя о населеніи ея, общественныхъ и частныхъ сооруженіяхъ, управленіи, полиціи, а въ особенности о торговлѣ: данныя эти вполне подтверждаютъ мысль о сравнительно высокой степени культурнаго развитія города ³⁾.

Кромѣ Херсона, Екатеринослава, Николаева и Одессы, можно указать и еще нѣсколько важныхъ городовъ въ Новороссійскомъ

¹⁾ Исторія Одессы, стр. 167—168.

²⁾ Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ., т. LIV, p. 370.

³⁾ Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, III, p. 17—112; приложенныя нами фактическія данныя объ Одессѣ позаимствованы изъ сочиненій Смольянинова и А. А. Скальковскаго.

краѣ, возникшихъ также путемъ колонизаціи; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ; таковы Мариуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Дубоссары. Въ Мариуполь, который былъ основанъ въ 1780 году, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ насчитывалось уже 1,506 душъ мужескаго пола, въ томъ числѣ 144 куца¹⁾. Въ Ростовѣ (первоначально называвшемся крѣпостью св. Дмитрія Ростовскаго) въ началѣ восьмидесятихъ годовъ было только 704 души жителей; но за то въ сосѣднемъ съ нимъ армянскомъ городѣ Нахичевани, который получилъ начало въ 80-мъ году, числилось тогда же 1040 д. русскихъ куцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ и заводовъ и много каменныхъ лавокъ²⁾. Таганрогъ (прежде Троицкая крѣп.) былъ построенъ еще, собственно говоря, при Петрѣ Вел., но находился долго въ запусѣннѣи и возобновленъ былъ только въ 1769 г.; въ немъ въ началѣ 80-хъ годовъ была гавань, таможня, биржа, крѣпость; кромѣ значительнаго числа моряковъ, въ немъ жило 222 чел. куцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ³⁾. Хотя гавань его отличалась многими неудобствами⁴⁾, но въ немъ все таки процвѣтала заграничная торговля. Въ самомъ началѣ XIX ст. онъ представлялъ изъ себя, по словамъ одного путешественника, торговый, но худо выстроенный и грязный городъ; жителей въ немъ было отъ 8 до 10 тыс. чел., торговля здѣшняя была въ рукахъ грековъ; съ возникновеніемъ Одессы Таганрогъ потерялъ свое прежнее значеніе самаго важнаго торговаго пункта⁵⁾. Дубоссары славились сухопутной торговлей; по словамъ Пейсоннеля, отсюда вывозилось всякихъ сырыхъ продуктовъ въ концѣ XVIII в. на 12,210 р.⁶⁾

¹⁾ Записки Од. Общ., III, 293. „Описаніе городовъ и уѣздовъ азовской губ.“; основываясь на нѣкоторыхъ хронологическихъ указаніяхъ самаго документа, издателя относятъ его къ 1779 г.; но спрашивается, какъ можно говорить о 1779 годѣ, когда въ текстѣ же мы находимъ упоминаніе о 1780-мъ? Судя по тому, что здѣсь описывается 1-й Екатеринославъ, нужно отнести его въ начало 80-хъ годовъ XVIII вѣка.

²⁾ Ibidem. стр. 297; Зап. Од. Общ., II, 835—838.

³⁾ Записки Од. Общ., III, 295—296.

⁴⁾ Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ. LIV, р. 276—281; на сто коммерческихъ судовъ здѣсь погибало 5, 6, т. е. въ 9 разъ болѣе, чѣмъ на Средиземномъ морѣ; также отрицательно, какъ и Ригелье, отзывается о Таганрогѣ Пюльденштедтъ.

⁵⁾ Письма о Крымѣ., стр. 230, 232, 258, 262; впрочемъ, въ 1805 г. торговые обороты Таганрога превышали 5,000,000 руб. (Скальковскаго, Хронологическій обзоръ, II, 95).

⁶⁾ *Traité de la commerce...*, I, p. 303.

а въ 1805 г., по сообщенію А. А. Скальковскаго, уже на 179,562, а привозилось на 1,163,979 р.¹⁾.

Дѣлая общее заключеніе объ экономическомъ ростѣ городовъ Новороссійскаго края, мы должны сказать, что важную роль въ этомъ случаѣ играли льготы, предоставляемыя правительствомъ населенію; это ясно видно на примѣрѣ Одессы; размѣры льготъ были не вездѣ одинаковы; общее представленіе о нихъ даетъ «открытый листъ» губернатора Хорвата 1795 года, обращенный въ русскимъ и иностраннымъ поселенцамъ городовъ екат. и вознес. губ.: онъ предоставляетъ десятилѣтнюю льготу отъ податей, свободное отправленіе богослуженія и денежныя ссуды²⁾; такія же льготы были предоставлены и городамъ очаковской области въ 1803 г.³⁾. Просматривая составъ населенія торговыхъ городовъ Новороссіи, мы замѣчаемъ въ нихъ значительный процентъ иностранцевъ; эти иностранцы и составили торгово-промышленное ядро городского населенія, давшее первый толчокъ заграничной торговлѣ. Такъ было въ Одессѣ; тамъ мы находимъ грековъ, евреевъ, болгаръ, молдаванъ, поляковъ⁴⁾; вскорѣ господствующее положеніе въ Одессѣ заняли греки; существовавшій здѣсь раньше для «россійскаго купечества» магистратъ замѣненъ былъ «иностраннымъ магистратомъ» и въ выборахъ нѣкоторое время участвовали одни иностранцы⁵⁾; громадное большинство одесскаго купечества 1-й и 2-й гильдій въ 1800 г. были иностранцы; видное мѣсто они занимаютъ и среди торговцевъ 3-й гильдіи⁶⁾; и это понятно: съ 1796 г. по 1800-й годъ было принято въ магистратъ 135 д. купцовъ россійской націи и 181 д. купцовъ, вышедшихъ изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ⁷⁾. Мариуполь былъ обязанъ не только своимъ торговымъ значеніемъ, но и происхожденіемъ греческой колонизаціи, какъ это мы увидимъ при обзорѣ нѣи иностранной колонизаціи. Важную роль играли греки и въ торговлѣ внутренняго города Елисаветграда, гдѣ они составили особую общину. Таганрогская торговля, какъ мы видѣли, также была въ рукахъ гре-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., II, 95.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., I, 246—247.

³⁾ Ibidem., II, 40—41: о льготахъ, предоставленныхъ жителямъ г. Одессы, см. А. Орлова. Истор. очеркъ г. Одессы. Одесса. 1885 г.

⁴⁾ А. Орловъ. Истор. очеркъ Одессы, стр. 14.

⁵⁾ Ibidem, 52.

⁶⁾ Ibidem, прил., 123—127.

⁷⁾ Ibidem, прил., 101—122.

ковъ, а она послѣ одесской занимала 1-е мѣсто. Яснымъ доказательствомъ того, что гл. обр. иностранцы создали торговлю нашихъ новороссійскихъ городовъ, можетъ служить примѣръ Ростова и Нахичевани: торговля процвѣтала въ концѣ XVIII в. въ одной только Нахичевани, обязанной своимъ происхожденіемъ предприимчивымъ, обладавшимъ промышленнымъ духомъ армянамъ.

Кромѣ двухъ названныхъ нами причинъ экономическаго развитія новороссійскихъ городовъ, слѣдуетъ указать еще на нѣсколько другихъ не менѣ важныхъ, таковы—существованіе въ окружности болѣе или менѣ значительныхъ и многолюдныхъ земледѣльческихъ поселеній, удобства географическаго положенія и сравнительная безопасность выбранныхъ подъ города мѣстностей и т. п.; разъ все это не принималось во вниманіе, тогда и огромныя затраты, какъ это было съ постройкою Вознесенска, не приводили ни къ чему

Кромѣ постройки укрѣпленныхъ линій и городовъ, колонизаціонная дѣятельность русскаго государства и народа выражалась еще въ основаніи цѣлаго ряда различныхъ *селеній*—селъ, деревень, слободъ, мѣстечекъ, хуторовъ. Жители ихъ принадлежали частью къ малорусской, а частью къ великорусской народности (не считая иностранцевъ). Суди по тому, что въ настоящее время малоруссы составляютъ преобладающую группу населенія, можно предполагать, что и въ прежнее время они представляли изъ себя наиболѣе численную народность; и такое предположеніе оправдывается всѣми извѣстными намъ историческими данными. Въ малороссійской колонизаціи нужно различать три элемента, которые, впрочемъ, постоянно смѣшивались другъ съ другомъ,—запорожскихъ поселенцевъ, выходцевъ изъ заднѣпровской (правобережной) Малороссіи и переселенцевъ изъ лѣвобережной и отчасти слободской Украины. Что касается великорусскихъ колонистовъ, то они приходили, усѣгали сюда или переводились изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Великорусскія селенія были перемѣшаны съ малорусскими; иногда (и даже очень часто) въ одномъ и томъ же селеніи жили представители обѣихъ народностей; такъ было и въ казенныхъ, и во владѣльческихъ поселкахъ. Въ виду всего этого мы находимъ неудобнымъ обзрѣвать малорусскую колонизацію отдѣльно отъ великорусской, а установимъ дѣленіе по другому (не этнографическому, а соціальному) принципу. Всѣ земли, предназначавшіяся для заселенія, дѣлились на двѣ части—казенныя или государственныя и частныя или помѣщичьи; сообразно съ этимъ и все русское населеніе Новороссійскаго края можетъ быть раздѣлено на 2 боль-

шія группы — 1) свободныхъ поселянъ, жившихъ въ государственныхъ слободахъ и деревняхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ; они принадлежали частью къ великорусской, частью къ малорусской народности; одни изъ нихъ добровольно, по собственному желанію или по вызову правительства, явились въ Новороссію, другіе были переведены сюда правительствомъ, третьи, наконецъ, убѣжали отъ своихъ господъ; 2) владѣльческихъ, помѣщичьихъ крестьянъ великорусскаго и малорусскаго происхожденія, садившихся на земляхъ частныхъ лицъ и вступавшихъ къ нимъ въ извѣстные зависимыя отношенія.

Въ послѣднее время своего историческаго существованія Запорожье, какъ мы видѣли, переходило мало по малу къ осѣдлому земледѣльческому быту; въ предѣлахъ его возросло значительное количество селъ, деревень и хуторовъ. Эта мирная колонизаціонная дѣятельность запорожскихъ бозаковъ и ихъ «пиданныхъ» продолжается и послѣ политической смерти Сѣчи и представляетъ весьма замѣтное явленіе въ общемъ ходѣ вольной народной колонизаціи б. запорожскихъ «наместнѣ», несмотря на то, что правительство далеко не оказывало ей такого содѣйствія, какъ иностранцамъ и многимъ великорусскимъ поселенцамъ; немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло то обстоятельство, что къ запорожцамъ въ моментъ уничтоженія ихъ политической самостоятельности относилась подозрительно и центральная власть, и многіе мѣстные дѣятели. Послѣ уничтоженія Сѣчи вся ея войсковая и старшинская казна была конфискована и изъ нея образованъ такъ называемый городской капиталъ (б. 120,000 руб.) для выдачи ссудъ жителямъ новороссійской губ. ¹⁾: такъ и послѣ смерти своей Запорожье оставило наследство, служившее для тѣхъ же цѣлей колонизаціи, которыя нѣкогда преслѣдовало и само «товарыство». Еще важнѣе было другое наследіе, оставленное покойнымъ Запорожьемъ—это его «обширныя» и богатыя «наместины», которыя опять таки, подобно денежной казнѣ, достались, какъ увидимъ далѣе, другимъ... Очень вѣроятно, что запорожцы могли бы заселить сами значительную часть своихъ «вольностей», если бы онѣ не были отданы помѣщикамъ и иностраннымъ выходцамъ. Впрочемъ, факты живой дѣйствительности взяли свое, побороли предубѣжденіе противъ запорожской колонизаціи: и мы видимъ, что лица, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями жизни (въ родѣ, напр., Черткова) послѣ 1775 г.

¹⁾ Скальковскаго. Хрон. обзор. I. 124.

начинають покровительствовать устройству запорожскихъ поселковъ. Да и могли ли они поступать иначе, когда эта вольная народная колонизація оказывалась наиболѣе дѣйствительною и не стоила правительству почти ничего, между тѣмъ какъ иностранцамъ, на примѣръ, приходилось выдавать огромныя ссуды? Если мы обратимся къ наиболѣе значительнымъ селеніямъ нын. екатеринославской губ., то увидимъ, что многія изъ нихъ представляли нѣкогда «старожитныя» козацкія займища, зимовники, хутора; тутъ въ землянкахъ и мазанкахъ безсмѣнно проживали женатые козаки со своими семействами, челядью, наймитами, хлопцами и малюками. «Ловкій и аккуратный запорожець Горленко, говоритъ преосв. Феодосій, произведенный Чертковымъ въ волноводскаго комиссара Горленскаго, согласно видамъ и желаніямъ Черткова, при содѣйствіи преданныхъ ему запорожцевъ, скоро основывалъ на козацкихъ зимовникахъ слободы и заселялъ ихъ народомъ семейнымъ и осѣдлымъ... Незабвенный въ лѣтописяхъ Запорожья, доселѣ живущій въ памяти народной подъ именемъ *дикаго попа* лейбъ—кампаніи священникъ о. Кирилль Тарловскій—другъ и благодѣтель челоуѣчества, ближайшее и самое довѣренное лицо Черткова, при содѣйствіи іеромонаховъ Самарскаго мон., оживилъ и заселилъ степи орельскія и терновскія; въ короткое время онъ основалъ 24 слободы и устроилъ въ нихъ 12 церквей съ шпиталами и школами при нихъ¹⁾. Вообще, малороссійскія слободы въ большинствѣ случаевъ были обизаны своимъ происхожденіемъ энергіи и колонизаторской дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ осадчихъ. Вотъ какъ, напр., основалась госуд. слобода Вязовокъ. Въ 1775 г. азовскій губернаторъ Чертковъ пожелалъ основать сл. Вязовокъ; межевая экспедиція отвела землю, а свахмистръ Вас. Мураевъ самъ вызвался быть осадчимъ сл. Вязовка, населителемъ, колонизаторомъ и организаторомъ ея. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, получивъ отъ лейбъ—кампаніи священника о. Кирилла Тарловскаго благословеніе и денежную помощь, осадчій Мураевъ поручилъ Мих. Бѣлостоцкому, въ указанныхъ и намѣченныхъ мѣстахъ, строить въ слободѣ землянки и хаты—мазанки, а самъ отправился во всѣ стороны въ мѣста дозволенныя *стачивать* народъ семейный, приглашать его на осѣдлую жизнь въ новую государственную слободу Вязовокъ. Богатыя, роскошныя и плодородныя степи самарскія вслѣдъ отвѣчали стремленію народному, и весною 1776 г. явилось въ сл. Вязовокъ значительное количество на-

¹⁾ Пр. Феодосія. Матеріалы., I, 8—9.

сельниковъ—людей семейныхъ и осѣдлыхъ, изъ народа вольнаго и свободнаго; осадчій Мураевъ назначенъ уже былъ смотрителемъ сл. Вязовка, а житель Вязовка Радченко былъ атаманомъ общества¹⁾. Наиболѣе выдающеюся личностью въ этомъ дѣлѣ является запорожскій полк. Аѳанасій Ѳеодоровичъ Колпакъ²⁾; его «хлопецъ и малецъ» Сергѣй Лотъ въ зимникѣ его осадилъ 50 дворовъ козаковъ и основанную такимъ образомъ слободу назвалъ въ честь своего «татуса» Колпаконкой³⁾. Любопытный примѣръ обращенія запорожскаго селища въ слободу представляетъ Гродовка (въ бахм. у. екат. губ.). «Въ обширѣйшихъ, роскошныхъ и богатыхъ стенахъ между Торцомъ и Солоненькою, говорить пр. Ѳеодосій, часто проживали запорожцы и *грьми животы свои*... По уничтоженіи въ 1775 г. послѣдней Сѣчи запорожской, жившіе въ балкѣ Холодной запорожцы, согласно видамъ и желанію азовскаго губ. Черткова, со всѣхъ сторонъ начали стягивать къ себѣ на жительство семейный и осѣдлый народъ малороссійской націи. Въ 1788 г. въ государственной слободѣ Гродовкѣ постоянныхъ жителей поселенъ малороссійской націи было обоюго пола свыше 800 д.⁴⁾ А. Пишчевичъ (который вообще относится къ запорожцамъ очень враждебно), передаетъ, что изъ запорожскихъ хуторовъ возникли м. Глинскъ, Крыловъ, Табурище, Крюковъ, и только сожалѣетъ при этомъ, что по именамъ «этихъ разбойниковъ» были названы многія населенныя мѣстности⁵⁾.

Въ основанныя бывшими запорожцами селенія приходило много народа изъ Гетманщины; это были по большей части родственники и свойственники бывшихъ запорожцевъ; для холостыхъ поселенцевъ въ г. Алешкахъ отыскивались жены въ Малороссіи⁶⁾. Иногда выходцы изъ Гетманщины основывали самостоятельныя селенія въ предѣлахъ бывшаго Запорожья; таково, наир., происхождение сл. Пологовъ, основанной выходцами изъ переяславскаго уѣзда полт. губ.⁷⁾. Объ усиѣнности этой колонизаціи можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Въ 1810 г. поселенины с. Петровка (александрійскаго у.) Павелъ Треска вы-

¹⁾ Пр. Ѳеодосія. Матеріалы... I, 496.

²⁾ См. о немъ замѣтку Мурашовича въ Зап. Од. Общ., XII, 462—464.

³⁾ Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., I, 358.

⁴⁾ Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 50—51; точно также были основаны Шолохова, Чалышка и др.

⁵⁾ Примѣч. А. С. Пишчевича на Новорос. край („Кіев. Стар.“ 1884, янв., 118).

⁶⁾ Зап. Од. Общ. X, 239.

⁷⁾ Пр. Ѳеодосія. Матеріалы..., II, 295.

звалъ изъ Малороссіи 119 душъ переселенцевъ и ему отведено было въ херсонскомъ уѣздѣ 23,000 дес. земли; въ качествѣ осадчаго онъ продолжалъ дѣйствовать такъ удачно, что въ 1814 г. въ этомъ Новопавловскомъ селѣ числилось уже 1448 д. обоого пола и «множество земледѣльческихъ обзаведеній»¹⁾. О размѣрахъ колонизаціоннаго движенія изъ лѣвобережной Украины (собственно Черниговщины) свидѣтельствуєтъ слѣдующій фактъ: въ одномъ херсонскомъ уѣздѣ выходцами изъ Черниговщины было основано частію или цѣлкомъ 32 поселенія²⁾. Одни изъ этихъ переселенцевъ (б. козаки) пользовались правомъ вольнаго перехода и потому на законномъ основаніи переселялись въ Новороссію; другіе же (б. посполитые) лишились этого права въ 1783 г. и потому должны были убѣгать отъ своихъ владѣльцевъ, тоже самое нужно сказать и о слободской Украинѣ; здѣсь они надѣялись получить свободу и само правительство, какъ увидимъ далѣе, не пренебрегало бѣглыми. Правитель екатер. намістничества Синельниковъ предлагалъ даже купить у харьковскихъ и воронежскихъ помѣщиковъ подданныхъ черкасъ (малороссіянъ) и поселить ихъ въ Новороссію; купить ихъ можно было бы, по его словамъ, недорого (по 40 или 50 р.), а поселеніе ихъ на новыхъ мѣстахъ не стоило бы почти ничего, потому что они охотно обратились бы изъ подданныхъ въ казенныхъ крестьянъ³⁾; другими словами, онъ проектировалъ для нихъ на новомъ мѣстѣ свободу отъ крѣпостной зависимости.

Громадное число переселенцевъ — малороссіянъ доставила также и задніпровская Украина, бывшая тогда подъ властью Польши; нѣкоторая часть ихъ селилась въ запорожскихъ деревняхъ, другая въ малороссійскихъ, третья — въ помѣщичьихъ и т. д. Въ недавно изданныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья А. А. Андріевскаго мы находимъ цѣлую серію документовъ, служащихъ къ разъясненію этого дѣла. Нын. елисаветградскій уѣздъ херс. губ. съ ранняго времени сталъ заселяться выходцами изъ Польши, отчасти Гетманщины и Запорожья. На самой границѣ съ Польшей, при впаденіи р. Тарговицы въ Спнюху, былъ основанъ Архангельскій городокъ (нын. Новоархангельскъ), населеніе котораго возрастало главнымъ образомъ отъ прилива малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши. Кіевскому полковнику Танскому

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. Обзор. II, 240.

²⁾ Цѣсколько выводовъ изъ стат. трудовъ по черн. и херс. губ. Изд. херс. губ. зем. упр. стр. 15.

³⁾ Зап. Од. Общ., IX, 279.

ведѣно было возобновить и заселить села, лежавшія по русской сторонѣ Синюхи и разрушенныя татарами во время турецкой войны; въ Цыбулевѣ назначенъ былъ атаманомъ и осадчымъ козакъ миргородскаго полка Леонтій Сагайдачный, а въ Архангельскѣ — тамошній пастѣчникъ Степанъ Таранъ; 1-й удачно повелъ свое дѣло и поселилъ у себя болѣе 300 дворовъ (выходцевъ изъ Польши); 2-й же жилъ въ лѣсу и никакихъ стараній къ исполненію возложеннаго на него порученія не прилагалъ и потому былъ замѣненъ козакомъ миргородскаго полка Давидомъ Миргородскимъ. Новый городъ, благодаря своему окраинному положенію, испытывалъ (въ особенности на первыхъ порахъ) большія опасности; ближайшее селеніе Цыбулевѣ находилось отъ него на разстояніи 40 верстъ; поляки сдѣлали нападеніе на этотъ городокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ жителей; осадчій Звенигородскій былъ схваченъ на польской территоріи и казненъ; такое же нападеніе было сдѣлано и на с. Давидовку. Для огражденія новыхъ поселенцевъ правительство распорядилось устроить здѣсь укрѣпленія и поставить караулы; это дѣло поручено было миргородскому полковнику Капнисту; въ 1744 г. въ этой мѣстности было уже поселено 13 слободъ и въ нихъ 357 воз. и 563 посполитскихъ двора; здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, важнымъ двигателемъ колонизаціи были льготы, предоставляемыя новымъ поселенцамъ ¹⁾. Подъ защитой укрѣпленій и карауловъ дѣло заселенія этого пограничья пошло очень усиленно: въ 1752 г. тамъ жило б. 4,000 дворовъ малороссіянъ (старинныхъ поселенцевъ и выходцевъ изъ Малороссіи, слободскихъ полковъ, Запорожья и Польши ²⁾).

Таково было начало переселенческаго движенія изъ Задніпровья. Въ царствованіе имп. Екатерины II-й оно продолжалось попрежнему. Лица, стоявшія во главѣ колонизаціи (Каховскій, Синельниковъ), очень цѣнили этихъ задніпровскихъ выходцевъ и даже посылали тайно своихъ комиссаровъ для вербовки населенія въ Новороссію. «Изъ Польши, писалъ Каховскій, собирается поселянъ къ намъ много. Я послалъ отсюда внушить имъ, чтобъ выбирался не торонясь и забирали бы съ собою не только все свое имущество, но и дома. Если Всевышній поможетъ, то уповаю, что въ донесеніяхъ моихъ о выходцахъ будутъ цифры не десятичныя, но тысячныя. Да поможетъ только Богъ добратся въ ту сторону». Въ другомъ письмѣ тотъ же Кахов-

¹⁾ А. А. Андріевского. Мат. для ист. вѣжнорус. края. Од. 1886 г. стр. 50—77.

²⁾ Матеріалы для оцѣнки земель херс. губ., т. II, стр. 28--129.

скій говорить: «Посылаемые мною въ Польшу (т. е. кiev. п под. губ.) для вызова поселенъ доносятъ да и ушедшіе изъ подъ стражи польскіе поселяне утверждаютъ, что генеральные комиссары и губернаторы (приказчики) въ имѣніяхъ владѣльцевъ, а присовокуныя къ нимъ, и арендаторы имѣній строго принялись пресѣчь выходъ желающихъ прійти къ намъ на поселеніе. Они перехватываютъ идущихъ и, ограбивъ ихъ имущества, что ограбить можно, возвращаютъ семейства на прежнія ихъ жилища, хозяевъ же садаютъ въ тюрьмы и поступаютъ съ ними сурово. Дерзость сія... опечаливаетъ меня крайнѣйше и чувствительнѣйше, поелику препятствуетъ къ скорому исполненію... заселить сей прекрасный и полезный край». Для избѣжанія этихъ препятствій Каховскій совѣтовалъ устроить подвижной кордонъ ¹⁾. Въ Новороссійскомъ краѣ чувствовался сильный недостатокъ въ женскомъ населеніи; поэтому сюда вербовали и дѣвицъ; одному еврею вербовщику платилось по 5 р. за всякую дѣвицу; офицеровъ награждали чинами (кто наберетъ на свой счетъ 80 душъ, тому давали чинъ поручика ²⁾); для удобства устраивали слободы у самой границы, чтобы легче было переводить сюда жителей Заднѣпровья ³⁾. Правитель екатер. нам. Спнелънпковъ самъ говоритъ, что онъ возбудилъ въ малороссійскомъ населеніи польскихъ губерній стремленіе къ переселенію въ Новороссійскій край ⁴⁾.

Что касается великорусскихъ колонистовъ, то это были казенные и экономическіе крестьяне, однодворцы, казаки, отставные солдаты, матросы, дьячки и раскольники. Изъ ярославской, костром., владим. губ. вызывались казенные крестьяне, знающіе какое либо мастерство; такъ было въ 1795 г., когда Зубовъ принималъ всяческія мѣры для заселенія созданной имъ вознесенской губерніи ⁵⁾; въ началѣ XIX ст. государственныя слободы были уже довольно многочисленны и очень многолюдны. Въ 1814 г. въ мелитопольской провинціи таврич. губ. было, по вычисленію проф. Дюгурева, 13 госуд. деревень съ 21,147 д. муж. пола, т. е. въ среднемъ приходилось по 1,626 д. муж. п. на каждую ⁶⁾. Значительная часть госуд. слободъ была на-

¹⁾ Зап. Од. Общ. XII, 349, 358—359.

²⁾ Зап. Од. Общ., IX, 272.

³⁾ Ibidem, 273—274.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., IX, 265.

⁵⁾ Зап. Од. Общ. II, 775.

⁶⁾ De la civilisation des tartares tatars dans le midi de la Russie européenne. 1816, p. 120.

селена такъ называемыми однодворцами, извѣстными съ давняго времени въ украинскихъ великорусскихъ губерніяхъ и составлявшими тамъ особый разрядъ служилыхъ людей; таково, напр., происхождение сл. Богдановки и Терновки въ екат. губ. ¹⁾). Отставнымъ матросамъ и солдатамъ Каховскій предполагалъ отвести земли по обоимъ берегамъ р. Буга до самаго Николаева ²⁾). Заштатныхъ дьячковъ Потемкинъ проектировалъ селить въ Новороссіи, потому что они, по его мнѣнію, могли быть въ одно и то же время и земледѣльцами, и военными ландмилиціонерами ³⁾. По указу 1781 г. велѣно было въ Новороссію переселить до 20,000 экономическихъ крестьянъ и выбрать изъ среды ихъ до 24,000 добровольныхъ переселенцевъ ⁴⁾. Но едва ли не первое мѣсто между великорусскими переселенцами занимали раскольники. Они начали селиться въ Новороссіи еще въ царствованіе Анны Іоанновны (и даже раньше) въ херсон. губ. возлѣ нын. Ананьева и Новомиргорода; здѣсь ими были основаны Цыбулевъ и Бешка (нын. Александрія); по числу ихъ было не велико. Гораздо больше явилось ихъ въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в., когда само правительство манифестами вызывало ихъ изъ Польши и Молдавіи; имъ отведены были земли въ крѣпости св. Елисаветы (нын. Елисаветградъ) и ея окрестностяхъ, гдѣ они основали цѣлый рядъ селъ (Клинцы и др.); селенія ихъ были многолюдны и отличались зажиточностью; Потемкинъ также старался о переселеніи раскольниковъ въ Новороссію. Въ 1785 и 1786 г. явилась весьма значительная партія ихъ и поселилась въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврич. губ. на р. Бѣлозерѣѣ. Знаменскимъ раскольникамъ, предполагавшимъ переселиться на р. Бѣлозерку, рѣшено было давать по 50 р. на дворъ, состоявшій изъ 4-хъ человекъ, и иждивенію льготу отъ податей ⁵⁾. Въ указѣ императрицы о раскольникахъ сказано слѣдующее: «для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ что они будутъ получать поповъ своихъ отъ архіерея таврич. обл. опредѣленнаго, дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ. А дабы разсѣянныхъ внѣ границы имперіи нашей старообрядцевъ вызвать въ Россію, можете публиковать сіи свободы, имъ дозволенные»; лицамъ, вызывавшимъ раскольниковъ,

¹⁾ Пр. Оводосія. Матеріалы... I, 486

²⁾ Зап. Од. Общ. XII, 349—350.

³⁾ Зап. Од. Общ. VIII, 212.

⁴⁾ Владимірова. 1-е стол. г. Екатеринослава, стр. 9.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., IX, 270.

выдавалось известное вознаграждение¹⁾. И этот указ не остался без результатов: в 1795 г. изъ Порты Оттоманской вышло и поселилось въ очаковской области 6,524 д. старообрядцев²⁾. Кроме старообрядцев, мы находимъ въ Новороссіи еще и духоборцевъ; они были поселены по р. Молочной на основаніи манифеста имп. Александра I 1802 г.;³⁾ имъ было отведено въ полную собственность значительное количество земли, а кроме того за ничтожную плату предоставлены въ аренду участки погайскихъ земель и дана пятилѣтняя льгота отъ податей: не удивительно, что духоборческія селенія отличались зажиточностью; у нихъ существовала общественная обработка земли съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. Въ 1814 г. духоборческихъ селеній въ мелитопольскомъ уѣздѣ тавр. губ. было 8 съ 1,155 д. муж. п.⁴⁾, т. е. въ среднемъ по 144 д. м. п. на каждое; слѣдовательно, они не были особенно многолюдны. Духоборцы на р. Молочной нашли себѣ тихое пристанище послѣ тѣхъ испытаній, которыя имъ пришлось вытерпѣть раньше; одни изъ нихъ побывали на работахъ въ ссылкѣ въ кр. Динамундѣ, а другіе въ Екатеринбургѣ и были возвращены оттуда только въ 1801 г. по милостивому указу имп. Александра I⁵⁾. Въ двадцатыхъ годахъ XIX ст. переселились въ Новороссію молокане (изъ тамб. и астрах. губ.) и основали здѣсь нѣсколько селеній, которыя также отличались зажиточностью, благодаря гл. обр. единодушію, господствовавшему между населеніемъ. Въ тридцатыхъ годахъ текущаго стол. всѣхъ раскольниковъ въ Новороссійскомъ краѣ было около 36,000 обоого пола⁶⁾.

Особую и чрезвычайно многочисленную группу среди колонистовъ составляли бѣглецы, принадлежавшіе и къ великорусской, и къ малорус-

¹⁾ Зап. Од. Общ., XI, 284; грамота, предоставлявшая старообрядцамъ свободу въ роисповѣданіи при поселеніи въ Новороссіи, напечатана въ „Хрон. Обзор.“ А. А. Скальковскаго, I, 280—281.

²⁾ Зап. Од. Общ., IX, 288; ссылка на Русскій Архивъ 1869 г.; стр. 1611.

³⁾ Новорос. губ. Миклашевскому велѣно было переселить слободско-укр. и новорос. духоборцевъ въ одно мѣсто—на р. Молочную и дать имъ по 15 дес. земли на всякую душу, 5-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и заимообразно по 100 р. подъемныхъ на семью, съ обязательствомъ уплатить ихъ черезъ 30 лѣтъ, начавъ уплату черезъ 10; см. II. С. Заб., т. XXVII, № 20123 (указъ отъ 25 янв. 1802 г.).

⁴⁾ De la civilisation des tatars—nogais, p. 120.

⁵⁾ Въ архивномъ дѣлѣ „О вышущенныхъ по всемілостиѣйшему повелѣнію духоборцахъ на прежнія жилища 1801 г.“ заключаются любопытныя подробности о возвращеніи духоборцевъ изъ ссылки; онѣ могутъ послужить предметомъ особой статьи.

⁶⁾ (М. А. А. Скальковскаго „Русскіе диссиденты въ Новороссіи“ („Kiev. Стар.“ 1887, апр., 771—782); его же. Опытъ... I. 212—215.

ской народности. Бѣглыхъ принимали не одни помѣщики: они находили себѣ пріютъ и въ казенныхъ селеніяхъ. Чтобы скорѣе заселить Новороссійскій край, правительство, можно сказать, санкціонировало здѣсь право убѣжища (*droit d'asile*). Объ этомъ свидѣтельствуемъ, напр., секретное письмо гр. Зубова къ екатеринославскому намѣстнику Хорвату, въ немъ, между прочимъ, говорится, что къ бѣглымъ нужно имѣть снисхожденіе по человѣчеству, «дабы строгостью законами повелѣваемой не доводить ихъ до отчаянія»... и чтобы, стараясь истребить побѣги, не подать нѣкоторымъ образомъ къ тому повода, что если окажутся бродяги, то стараться ихъ приписывать къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, смотря по ихъ состоянію, чтобы они могли такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе, но дѣлать это нужно было скромнымъ образомъ, подъ рукою и безъ всякой огласки. Результатомъ этого было то, что въ число горожанъ попадали нерѣдко разныя подозрительныя лица, объявлявшія за собою значительные капиталы, а на самомъ дѣлѣ не могшія даже обзавестись домомъ и хозяйствомъ. Такъ было въ Екатеринославѣ. Магистратъ г. Екатеринослава, исполняя указы высшаго начальства о припискѣ такихъ лицъ въ купечество, долженъ былъ выдавать имъ паспорта, съ которыми они уже свободно бродили съ одного мѣста на другое, впадая иногда въ преступленіе и нанося ущербъ кореннымъ жителямъ, потому что подати за нихъ взыскиваются съ наличныхъ гражданъ¹⁾. Въ числѣ одесскихъ обывателей также оказалось не мало бѣглыхъ, которыхъ разыскивали помѣщики²⁾.

Но дѣло не ограничивалось одними бѣглыми: мѣстное начальство не брезгало даже и преступниками: въ 1792 г. велѣно было переселить въ очаковскую область жителей с. Турбаевъ (полт. губ.), убившихъ своего помѣщика Базилевскаго³⁾. Въ Таганрогъ на поселеніе присылались арестанты изъ московск., казанск., ворон. и нижег. губ.⁴⁾.

Заканчивая обзоръ колонизаціи, которую, подъ наблюденіемъ правительства, вели лично свободные русскіе поселенцы, мы должны сказать, что не всегда поселенія, основываемыя такими лицами, получали въ необходимыхъ размѣрахъ помощь отъ мѣстной админи-

¹⁾ Владмірова. 1-е стол. Екатеринослава, стр. 207—210.

²⁾ Орлова. Истор. очеркъ Одессы, стр. 15—16; о бѣглыхъ въ Черноморіи см. ст. г. Щербина въ „Кіевск. Стар.“ 1883 г., іюнь, стр. 233—248.

³⁾ Зап. Од. Общ. II, 770; любопытное дѣло объ этомъ убійствѣ хранится въ архивѣ полт. губ. правл.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., VII, 391.

страцін. Всѣ преимущества въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ далѣе, были на сторонѣ иностранныхъ колоній. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что русскіе поселяне (въ особенности мѣстные), какъ болѣе знакомые съ мѣстной культурою, менѣе нуждались въ субсидіи отъ казны. Но такое разсужденіе было справедливо только на половину: на самомъ дѣлѣ и русскіе поселенцы, на первыхъ порахъ, нуждались въ разныхъ льготахъ и субсидіяхъ; не получая ихъ, они долго не могли стать на собственные ноги и достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ очевидецъ, профессоръ харьк. университета Дюгуровъ. По его словамъ, деревни, основанныя по содѣйствию съ погайцами, возлѣ р. Молочной, пришедшими изъ Малороссіи обывателями, находились въ жалкомъ положеніи; главные причины ихъ бѣдственнаго состоянія заключались въ томъ, что они прибыли почти безъ всякихъ средствъ на новыя мѣста, гдѣ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительныя подати, а между тѣмъ земли у нихъ было мало¹⁾.

Это наблюденіе привело Дюгурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда, не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ; но пересаженные съ сѣвера на югъ или съ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться въ прежнихъ мѣстахъ), они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земельными орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они

¹⁾ De la civilisation des tatars-nogais, p. 95—96; книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ погайцевъ; авторъ ея былъ командированъ на югъ въ качествѣ ревизора мѣстныхъ учебныхъ заведеній и, заинтересовавшись погайцами, составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями русскаго правительства; въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ селѣннѣ погайцевъ—молоканамъ духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ малороссіянамъ. Въ харьк. унив. Дюгуровъ читалъ всеобщ. исторію (см. Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности харьк. унив. въ 1-е десятилѣтіе его существованія, оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., стр. 22).

бы все это налѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колоній? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ-исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (которыхъ было бы долго перечислять) было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать поемному ежегодно ту маленькую ссуду, которую имъ выдали. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (иностранныхъ) было совершенное... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали бы себя очень хорошо, если бы онѣ были поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленія, а въ Россіи они, по большей части, являются гарантіей противъ нихъ¹⁾. Трудно что нибудь прибавить къ этимъ прекраснымъ строкамъ иностранца (французскаго выходца), такъ хорошо понявшаго нашу колоніальную систему. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только, что такъ иногда и поступало правительство съ русскими подданными (напримѣръ съ раскольниками): къ сожалѣнію, это только бывало иногда, а не всегда; обыкновенный же порядокъ былъ иной..

Теперь обратимся къ владѣльческой, помѣщичьей колонизаціи, матеріаломъ для которой служили крѣпостные, подданные, бѣглецы и т. п. Единственными обладателями обширныхъ пространствъ Новороссійскаго края были нѣкогда запорожцы. Но еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Запорожья, какъ извѣстно, значительная часть земель ихъ была отдана подъ поселеніе сербамъ, волохамъ и другимъ выходцамъ. Тщетно запорожцы жаловались, просили, протестовали, ссылались на свои права: ихъ вѣковое достоиніе постепенно уплывало изъ ихъ рукъ. Немедленно послѣ разрушенія Сѣчи (въ 1775 г.) ихъ земли стали раздаваться частнымъ лицамъ, принимавшимъ на себя обязательство заселить ихъ вольными или крѣпостными людьми. Земли эти могли получать чиновники, штабъ и оберъ офицеры и иностранцы; исключались только однопорцы, крестьяне и помѣщичьи люди. Такимъ образомъ, искусственно создавалось крупное землевладѣніе въ томъ краѣ, который до сихъ поръ почти не имѣлъ помѣщичьяго и крѣпостнаго элемента; минимальнымъ участкомъ было 1,500 десятинъ удобной земли. Не считалось необхо-

¹⁾ De la civilisation. p. 96—98.

димымъ, чтобы лицо, берущее землю, находилось на службѣ въ Новороссійскомъ краѣ; предполагалось, вѣроятно, что оно можетъ быть хорошимъ колонизаторомъ, оставаясь въ Великороссіи или Малороссіи. Условія получения земель были очень льготныя: на 10 лѣтъ давалась льгота отъ всѣхъ повинностей; въ теченіе этого времени владѣльцы должны были заселить свои участки въ такомъ расчетѣ, чтобы на каждыя 1,500 дес. приходилось по 13 дворовъ (цифра, какъ мы видимъ, небольшая); величина участковъ колебалась отъ 1,500 до 12,000 дес.; впрочемъ, были и такія лица (въ родѣ генер.-прок. Вяземскаго, Прозоровскаго), которые получили по нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ¹⁾. Съ 1774 г. по 1784 годъ (въ теченіе 10 лѣтъ) новороссійскою и азовскою губенск. канцеляріями было роздано помѣщикамъ и подъ казенныя селенія 4,470,302^{1/2} дес. удобной и неудобной земли, на которыхъ поселилось 53,511 д. мужск. и 44,098 д. женск. пола, т. е. въ среднемъ на каждую мужск. душу приходилось болѣе чѣмъ по 83 дес.²⁾ Мною напечатанъ найденный г. Манжурою любопытный документъ³⁾, содержащій въ себѣ перечень всѣхъ лицъ, получившихъ поземельныя участки въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1776 г.; изъ него оказывается, что 94 лицамъ было дано здѣсь около 400,000 дес. удобной и неудобной земли, т. е. въ среднемъ 4,000 дес. на душу; даже регистраторъ Башнатовъ и архива-

¹⁾ См. объ этомъ любопытную инструкцію и цѣнное предисловіе къ ней въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г., августъ, стр. 322—330; А. С. Пшчевичъ, сынъ извѣстнаго сербскаго выходца Сим. Ст. Пшчевича, относится весьма сочувственно къ этой раздачѣ запорожскихъ земель крупнымъ владѣльцамъ, потому что этимъ „сдѣлалась пространная область полезною государству“; иначе, конечно, и не могъ взглянуть на это дѣло сербскій поселенецъ Новороссіи, такъ какъ сербы находились въ постоянной смертельной враждѣ съ запорожцами изъ за земель; но онъ самъ приводитъ такіе факты, которые противорѣчатъ его взгляду. „Сѣчь, переименованная селомъ Покровскимъ, говоритъ онъ, подарена бывшему тогда генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому при 200,000 дес. земли. Вислѣдствіи времени сіи 200,000 дес. земли заселены 3,000 душъ и наслѣдниками князя Вяземскаго проданы жиду Штиглицу, сдѣлававшемуся коллежскимъ ассессоромъ, нажившимъ несбятную сумму денегъ отъ содержанія имъ по откупу соляныхъ озеръ въ Тавридѣ. Такимъ образомъ, Штиглицъ сдѣлался первымъ въ семь краѣ помѣщикомъ. Такова Россія для бродягъ: кто бы смѣлъ подумать въ прежнія времена сказать запорожцамъ, что ихъ милая Сѣчь будетъ со временемъ принадлежать жидамъ!“; см. „Примѣчанія Александра Пшчевича на Новороссійскій край“ („Кіевская Старина“, 1884 г., январь, стр. 121).

²⁾ Записки Од. Общ., П, 763—764.

³⁾ „Кіевск. Старина“, 1885 г., апрѣль, стр. 783—790.

ріусъ Бурманъ получили по 1,500 дес. удобной земли; извѣстный Фалѣевъ получилъ подъ фабрику 12,000 дес. Земли эти, по истеченіи 10 лѣтъ, могли обратиться въ собственность этихъ лицъ. Конечно, при такихъ условіяхъ Новороссія должна была оказаться какимъ то Эльдorado, золотымъ дномъ для всѣхъ этихъ секундъ-майоровъ, регистраторовъ, архивариусовъ и т. п. Ничѣмъ не рискуя, можно было укрѣпить за собою участокъ прекрасной земли, лишь бы только тамъ поселилось 13 дворовъ; всѣ заботы, слѣдовательно, должны были быть направлены на водвореніе поселенцевъ; но и это дѣло не представляло особыхъ трудностей; не нужно было придумывать ничего новаго; слѣдовало только пустить въ ходъ старинное извѣданное средство—закликанье на слободы—и дѣло сдѣлано! На первыхъ порахъ необходимо было предоставить самыя большія льготы новымъ поселенцамъ, но за то въ недалекомъ будущемъ улыбалась возможность владѣть не только землею, но и людьми ¹⁾.

Очевидно, Потемкинъ и другіе дѣятели не только не могли отрѣшиться отъ крѣпостническихъ взглядовъ, но даже приносили ихъ въ новый край и насаждали въ немъ сѣмена крѣпостнаго права, которыя потомъ и принесли свой плодъ. Они построили свой планъ колонизаціи на томъ же принципѣ, который былъ господствующимъ и въ жизни центральныхъ областей государства. Этотъ принципъ (крѣпостнаго труда) при Екатеринѣ II-й былъ формально водворенъ въ соціальной жизни малороссійскаго края; Потемкинъ и др. дѣятели распространили его и на Новороссію и первымъ шагомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ было уничтоженіе Запорожья, которое, по своему строю, находилось съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчии. Дальнѣйшимъ шагомъ была раздача крупныхъ земельныхъ участковъ, которая создала въ новомъ краѣ сначала землевладѣльческое дворянство, а потомъ и крѣпостное состояніе. Насколько прочно утвердились подобные взгляды

¹⁾ Вотъ характерный народный рассказъ о такихъ слободахъ, записанный г. Манжуровъ: якъ увели „положеніе“ Сынегубъ и поселявся у Заплавци (слоб. новомосковскаго уѣзда) и почавъ до себе хрестьянъ накладыты. Тоди саме пішла така казенщина и городъ (Екатеринославъ) строили, выгоняли и шляхы копаты заставляли, то було виявъ и мане: идыть до мене, поможете мени що по халайству управыты, а я васъ на казенщину не дамъ. Отто и йшли люде: Годъ шість розказують и добре було. Прывезе було чоловикъ ёму виявъ очерету, та дровъ воза тры, а въ литку съ хлибомъ помъ же управытысь—та и уся работа. А то уже якъ выйшло шість годъ—виявъ ихъ и подпысавъ пидъ себе на выкы; та тавъ дило и зашерхло ажъ до воли (Екатериин. юбил. листокъ, 1887 г., № 2 „Картина введенія екат. порядковъ въ зап. краѣ“).

въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, видно изъ того, что эту систему стали примѣнять и при заселеніи вновь прибрѣтенной отъ Турціи очаковской области. Сохранилась любопытная вѣдомость земель этой области, которая предполагено было отвести подъ поселенія городовъ, казенныхъ селеній и помѣщичьихъ деревень; изъ этой вѣдомости оказывается, что и тутъ лица привилегированнаго состоянія получали не менѣе какъ по 1,500 дес. удобной земли. Во всѣхъ четырехъ уѣздахъ было отведено 2,167,800 дес. удобной земли, а именно подъ новые города (Новые Дубоссары, Григоріополь, Хаджибей) съ 15 казенными селеніями 113,500 дес., подъ существующія нынѣ 38 казенныхъ селеній 342,500 д., оставлено подъ новыя имѣющія основаться казенныя сел. 89,000 д., роздано помѣщикамъ 624,600 д., назначено имъ же 414,000 д., оставлено для нихъ же 584,200 д.; итого казеннымъ поселенцамъ и горожанамъ было дано 545,000 д., а помѣщикамъ 1,634,800 д., т. е. первымъ втрое меньше, чѣмъ вторымъ ¹⁾). По даннымъ генер. межеванія оказывается, что частнымъ владѣльцамъ (чиновникамъ военнаго или гражданскаго вѣдомства) въ александрійскомъ уѣздѣ херс. губ. (359 ч.) было отведено больше земель, чѣмъ казеннымъ обывателямъ и горожанамъ; на долю каждаго изъ нихъ приходилось въ среднемъ по 1.000 д.; между тѣмъ жителей у нихъ было гораздо меньше, чѣмъ на казенныхъ ²⁾. Лучшія дачи Каховскій долженъ былъ раздавать сильнымъ міра сего, которые могли имѣть вліяніе на его служебную карьеру. «Сколь скоро землемѣры, писалъ онъ извѣстному Попову, снимающіе здѣшней области карту, соберутся въ Дубоссары, то выберу и назначу я, по предписанію В. П. лучшую дачу для е. с. гр. Н. И. (Салтыкова, президента военной коллегіи) и къ заселенію ея потщусь оказать всѣ зависящія отъ меня пособія»; «самыя лучшія дачи, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, берутъ гг. Мордвиновъ и Рибасъ да самовольно завладѣлъ оберъ-комендантъ херс., очак. кинб. и никол. гр. Виттъ (такъ онъ подписывается на дорожныхъ); я всѣмъ подлаживаю; послѣдній однако чудно творить» ³⁾. Конечно, это обстоятельство (подлаживаніе) иногда могло вредить успѣшному заселенію края; такъ, Каховскій считалъ необходимымъ занять всю новую западную границу (днѣпровское побережье), исключительно казенными селеніями; «изъ сихъ поселянъ, писалъ онъ

¹⁾ Зап. Од. Общ., IX, 319—331.

²⁾ Матер. для оцѣнки земель херс. губ., т. III, стр. 123—125.

³⁾ Зап. Од. Общ., XII, 360—361.

Попову, можно будетъ устроить военную пѣшь въ своё время и при селеніяхъ построить небольшіе редуты... Буде же сіи селенія поступятъ въ отдачу помѣщикамъ, то всѣ они разбредутся». И что же? Онъ не осмѣливается привести въ исполненіе этого полезнаго предпріятія, потому что гр. А. А. Безбородко далъ записку объ отводѣ ему земель, служившихъ мѣстожительствомъ черноморцевъ (до перехода ихъ на Кубань); и вотъ, онъ проситъ Попова уладить это деликатное дѣло, общаетъ отвести Безбородку дачи, которыя мало въ чемъ уступятъ прежнимъ и будутъ имѣть даже преимущество въ одномъ отношеніи передъ ними: не занимая пограничнаго положенія, онѣ будутъ безопасны отъ непріятеля и въ нихъ легче будетъ удерживать населеніе отъ побѣговъ ¹⁾. Раздача лучшихъ земель, и при томъ громадными участками, должна была невыгодно отражаться на вольной народной колонизаціи. Стародубскіе раскольники, вызванные кн. Потемкинымъ, въ количествѣ 60 сем. заняли себѣ мѣсто ниже Большой Знаменки; кое какъ перезимовавъ и испытавъ массу трудностей, они стали уже распахивать свои земли, но должны были уйти отсюда, потому что земля эта была отведена кн. Вяземскому. На новомъ мѣстѣ они также не удержались, потому что песчанья пространства (кучугуры) преградили доступъ имъ на пахатныя поля ²⁾.

Видное мѣсто среди поселенцевъ помѣщичьихъ земель занимали бѣглецы; тѣ изъ нихъ, которые нанимали хаты у помѣщиковъ и обрабатывали имъ землю за десятую часть урожая, назывались десятищниками ³⁾; въ помѣщичьихъ крестьянъ обратились многіе изъ бывшихъ «подданныхъ» или «челяди» запорожскаго войска, а также выходцы изъ заднѣпровской Украины ⁴⁾. Кромѣ того помѣщичи переводили въ Новороссію на свои земли крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи.

Насколько же успѣшно шло заселеніе всѣми этими людьми помѣщичьихъ земель? Оправдались ли надежды правительства на быстрое заселеніе этихъ земель? Документальныя данныя заставляютъ насъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ одномъ екатеринославскомъ уѣздѣ оказалось совсѣмъ незаселенныхъ послѣ 1-й раздачи 182,896½ д. удобной и 6,024 д. неудобной земли у 64 владѣль-

¹⁾ Ibidem, стр. 363—364.

²⁾ „Кіев. Стар.“ 1885, мартъ, 534—535.

³⁾ Мат. для оцѣнки зем. херс. губ. I, 48—49.

⁴⁾ Феодосія. Матеріалы. I, 560.

цевъ¹⁾. А о томъ, какъ шло заселеніе помѣщичьихъ земель въ очаковской области, свидѣтельствуетъ офиціальный документъ, помѣщенный въ Пол. Собр. Законовъ. До свѣдѣнія правительства дошло, что земли между Бугомъ и Днѣстромъ, которыя были розданы для заселенія разнымъ владѣльцамъ, не были заселены, а остались впускъ. По этому поводу министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ поручено было представить свои соображенія. Изъ собранныхъ ими свѣдѣній оказалось слѣдующее. Всѣхъ удобныхъ земель роздано было чиновникамъ до 824,374 дес.; на всемъ этомъ пространствѣ въ теченіе 12 лѣтъ поселено помѣщичьихъ крестьянъ не болѣе 6,740 д.; многіе участки до 12,000 дес. удобной земли оставлены безъ всякаго населенія, другіе же до 18,000 дес. имѣютъ не болѣе 30 душъ: такимъ образомъ обязательства о заселеніи остаются невыполненными; помѣщики вслѣдствіе этого, не получаютъ должныхъ выгодъ и край, вопреки предположеніямъ 1792 г., остается малонаселеннымъ и даже способы къ будущему заселенію встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Въ виду всего этого, министры предложили, а государь утвердилъ слѣдующія мѣры: предоставить еще 4-хъ лѣтній срокъ (кромѣ прежняго 12-ти лѣтняго) для заселенія земель (въ пропорціи по 30 десятинъ на муж. душу); принимать какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ поселенцевъ (вольныхъ и крѣпостныхъ), за исключеніемъ только бѣглыхъ; кто поселить меньше положеннаго числа, у того отрѣзывать только излишекъ земли; незаселенныя земли владѣльцы должны или отдавать въ казну съ уплатою въ пользу ихъ по 80 коп. за десятину, или продавать другому кому либо, кто пожелаетъ принять на себя прежнее обязательство; земли, отошедшія въ казну, могутъ быть розданы колонистамъ, казеннымъ крестьянамъ или частнымъ лицамъ на какіянибудь полезныя заведенія, съ уплатою за нихъ по 80 к. за десятину; владѣльческія земли, на которыхъ хотя и не было населенія, но за то было заведено скотоводство, не должны были отходить въ казну²⁾. Такимъ образомъ помѣщикамъ, не исполнившимъ своихъ обязательствъ, правительство предоставило новыя льготы настоящимъ указомъ; на такую благосклонность они едва ли были въ правѣ даже разсчитывать. «Князь Вяземскій, гр. Салтыковъ, Безбородко, Завадовскій, Остерманъ, Якоби, Грибовскій, Рибасъ и мн. др. своихъ земель не заселили, а

¹⁾ Екатерин. Юбил. Листокъ, 1887 г., № 3 „Реестръ о розданныхъ, но незаселенныхъ екатеринос. уѣзда земляхъ“.

²⁾ П. С. Зак., т. XXVIII, ук. 31 декабря 1804 г.

впоследствии продали.... Грибовскій село Ташино, населенное переселенцами молдаванами, не утратилъ продать, какъ крѣпостное, одесскому таможенному чиновнику» ¹⁾ Другихъ постигали неудачи; такъ было съ 2 французскими графами, Шуазелемъ и Клермонтерой, бѣжавшими послѣ революціи въ Россію и занявшими себѣ землю по обѣ стороны балки Лепатихи ²⁾. Иные и брали земли просто для того, чтобы потомъ продать ихъ ³⁾. Въ XIX в. размѣры пожалованной уже нѣсколько сократились, хотя все таки были еще довольно значительны; въ 1803 г. велѣно было штабъ-офицерамъ отводить по 1,000, а оберъ-офицерамъ по 500 дес. земли ⁴⁾ въ Новороссійскомъ краѣ. Число жителей здѣсь въ это время было уже довольно значительно: въ екатеринослав. губ. 666,163 чел., т. е. около 444 чел. на кв. милью, и въ херсонской—370,430 чел., т. е. по 264 д. на кв. милью ⁵⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и объ отношеніи его къ общей цифрѣ населенія. У А. А. Скальковскаго мы находимъ, впрочемъ, одну любопытную статистическую вѣдомость: въ 10 уѣздахъ новорос. губ. (исключая двухъ крымскихъ) было въ 1800 году 179,883 д. муж. и 156,013 д. женск. пола крѣпостныхъ крестьянъ ⁶⁾ (335,896 д. об. п.), къ концу 1-й четверти XIX в. число ихъ еще болѣе увеличилось и составило еще болѣе видный процентъ въ общей цифрѣ населенія края. Сюда нужно присоединить еще нѣкоторое количество монастырскихъ крестьянъ, появленіе которыхъ находится въ тѣсной связи съ монастырскою колонизаціей. Въ 1794 г. монастырскихъ крестьянъ въ екатеринославской епархіи было 4,215 д. муж. и 4,215 д. женскаго пола ⁷⁾. Первое мѣсто между всѣми монастырями занималъ знаменитый Самарскій ⁸⁾, начало котораго относится еще къ запорожскимъ временамъ. За нимъ числилось 1,512 д. крестьянъ обоего пола и множество всякихъ угодій.

Такова была русская колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края въ XVIII и первой четверти XIX в.

Д. И. Багалъй.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Зап. Од. Общ., XII, 383.

²⁾ „Кіев. Стар“, 1885 г., мартъ, 537.

³⁾ Зап. Од. Общ., XII, 337.

⁴⁾ Мат. для геогр. и стат. Рос. Екат. губ., стр. 9.

⁵⁾ Землевѣдѣніе рос. имп V, 304, 339.

⁶⁾ А. А. Скальковскаго. Хрон. обзор., II, 27.

⁷⁾ Ibidem I, 231.

⁸⁾ Свѣдѣнія о немъ въ трудахъ пр. Гавріала и Θεодосія.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

21—22.

Плахта. Дерга.

Слово плахта встрѣчается во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, западныхъ и южныхъ, въ значеніи холстины, простыни, головного платка или юбки (см. *Будиловича*, Первоб. слав. § 259). Въ Малороссіи плахтой называется родъ юбки, точнѣе, кусокъ шерстяной матеріи, полосатый или клѣтчатый, который женщины носятъ свади, навязывая потомъ спереди, вмѣсто фартуха, запаску (*Закревскаго*, Старосл. банд. и словарь 451; *Основа* 1861. I). Плахта повсемѣстно выходитъ изъ употребленія; уже въ тридцатыхъ годахъ хорошія плахты считались рѣдкостью, а нынѣ и простыня трудно найти, и то въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и заводовъ. Г. О. Квитка, описывая костюмъ Маруси, говоритъ: „Плахта на ній картацкая, черчата, ще матерынська придана; теперь вже такихъ не роблять. И якихъ то цвѣтивъ тамъ не було? батечку мій, та и годи. Запаска шовкова, морева; каламайковий поясъ“... Плахта картацкая, т. е. клѣтчатая, а черчатая по красной основѣ, кромѣ примитокъ, или краевъ квадратиковъ рисунка. Кромѣ черчатыхъ плахтъ были еще напильныя, у которыхъ основа на половину синяя, на половину красная, и синятки, у которыхъ вся основа синяя. Узоры на плахтахъ почти повсюду одинаковы; но по достоинству матеріала, по прочности красокъ новыя плахты далеко уступаютъ стариннымъ. Въ старинныя плахты входилъ шелкъ, га-

¹⁾ См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 4, апрѣль.

русь, тонкая (пленская) шерсть и лучшая льняная пряжа; теперь ихъ замѣнили простая шерсть, нитки и бумага. Описывая производство плахтъ г. Ахтырки, г. Твердохлѣбовъ говоритъ, что ахтырскія плахотницы, — „серьезныя, ласковыя, привѣтливыя, скромно сознающія свое достоинство паниматки-украинки.. Важно сидитъ она за своей работой въ бѣлой сорочкѣ съ шитыми мережкой или заполочью рукавами, въ спидницѣ, подперезанной червонымъ поясомъ, повагомъ, вдумчиво перекидываетъ она свой човникъ со стороны на сторону, то молчаливо, то нацѣвая одну изъ тѣхъ пѣсень, „про котори багато де хто вже позабувавъ“. Верстать стоитъ подь образами, подлѣ окошка; на стѣнѣ—шитые рушники, моточки шерсти, бумаги. За образами заткнуты васильки, ласкавецъ, гвоздики съ чернобрывцами. Нигдѣ ни пылинки; повсюду чисто, уютно. Отъ всей этой скромной обстановки вѣетъ тихой памятью все болѣе и болѣе забываемой старины“ (*Труды комисс.* III. 80).

Въ послѣднее время стали покупать плахты на обивку мебели, экипажей, на украшеніе стѣнъ; но это вѣяніе моды не подниметъ промыселъ, не оживитъ его, когда въ подрывъ его соединились такія серьезныя обстоятельства, какъ упадокъ крестьянскаго овцеводства, прекращеніе шелководства и недостатокъ красивыхъ растений.

Ту же участь раздѣляетъ дерга, простой женскій костюмъ въ родѣ короткой юбки. Дерга—кусокъ шерстяной матеріи темнаго цвѣта, которую крестьянки оборачиваютъ вокругъ тѣла, сверхъ сорочки, отъ поясицы до колѣнъ. Въ дергѣ онѣ работаютъ въ полѣ и дома. Въ харьковской губерніи дерга встрѣчается еще во многихъ селахъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, напимѣръ, въ Ахтыркѣ; но уже въ 37 верстахъ отъ Ахтырки, въ большомъ торговомъ селѣ Боромлѣ дергу совсѣмъ забросили, и женщины усвоили мѣщанскій костюмъ.

Въ юго-западномъ краѣ плахта и запаска въ послѣднее время также вытѣняются ситцевыми спидницами; плахта здѣсь встрѣчается рѣдко и то у пожилыхъ богатыхъ крестьянокъ (*Чубинскій*, VII, 428). Костюмъ этотъ встрѣчается чаще среди женщинъ консервативнаго населенія галицкаго Покутья, въ Карпатскихъ горахъ (см. рисунки у *Kolberg*, Pokucie, I; *Головацкій*, Галиц. пѣсни).

23.

Г а л а н ь ц и.

Въ перелицованной Энеидѣ Котляревскаго Дидона дарить Энею:

Штаны й пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ каламайки
И чорный шовковый платокъ.

П. А. Кулишъ издавая Энеиду Котляревскаго, съ своей стороны усердно ее перелицовалъ, перелѣлавъ многіе стихи и слова. Такъ, вмѣсто общеизвѣстнаго слова штаны у г. Кулиша находимъ темное слово галанци. Слово это, впрочемъ, довольно старинное и народу извѣстное. Оно означаетъ нынѣ узкіе штаны. Въ этомъ словечкѣ скрывается любопытная страница польской и южнорусской бытовой исторіи. Слово галанци по происхожденію и отчасти значенію родственно польскому слову фалендышъ; оба они происходятъ отъ словъ *fein holländisch*—такъ называлось тонкое голландское и англійское сукно, употреблявшееся въ Польшѣ XVI вѣка на одежду. Въ малорусскій народъ названіе это вошло потому, что паны любили одѣвать своихъ слугъ, преимущественно козачковъ, въ фалендышевыя сукна, чаще всего дѣлали изъ него штаны и куртку. Польскій сатирикъ XVII в. Петръ Збылитовскій, обвиняя молодыхъ шляхтичей въ расточительности, между прочимъ, говоритъ: „Не умѣеть онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣть, а пріѣдетъ домой, ему нужна уже шестерня, да карета разноцифтная съ дорогими коврами, для козачковъ тонкое голландское сукно, а для кучеровъ лондонское, да къ тому же мѣдныя шоры и сбрую для лошадей“. Тщеславные паны разорялись на богатые ливреи для своихъ слугъ. „Такой роскоши не было при доблестныхъ нашихъ предкахъ, говоритъ другой польскій писатель Андрей Збылитовскій. Она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атласа, дорогаго пурпура и тонкаго голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты“. Мартынъ Вѣльскій (1495—1575), знавшій хорошо Галичину, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ товарахъ, продававшихся въ его время

въ суконномъ ряду въ Краковѣ: „Если пойдешь въ тотъ прекрасный суконный рядъ, то тамъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ прозвали дорогое италіанское (?) сукно, чтобы лукаво сводить съ ума бѣдныхъ поляковъ“...¹⁾ Тожественное указаніе на наряды пановъ и слугъ ихъ идетъ со стороны православнаго инокъ Іоанна Вишенскаго. Іоаннъ обвиняетъ южнорусскихъ пановъ и высшее духовенство въ „ненасытной любви къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иныхъ суконъ“, въ обилии слугъ, въ страсти къ дорогимъ экипажамъ и винамъ²⁾.

Искаженное слово галанци является культурнымъ переживаніемъ отъ давнопрошедшей шляхетской Польши. Это — блѣдный остатокъ старинной шляхетской роскоши и тщеславія, и нѣтъ никакого основанія вводить его въ литературный языкъ, возрождать къ новой жизни слово, выражающее одинъ изъ холопскихъ элементовъ давнопрошедшаго быта.

24.

К а л а т а л о .

Калаталомъ называется деревянная колотушка или колокольчикъ на шеѣ пасущагося въ лѣсу скота, надѣваемый на быковъ и коровъ съ той цѣлью, чтобы пастухамъ легче было разыскивать ихъ въ лѣсу. Г. Бартельсъ въ засѣданіи берлинскаго общества антропологии и этнологіи 15 мая 1886 г. указалъ на совершенно сходный деревянный колокольчикъ на о. Суматрѣ (*Zeitschr. für Ethnolog.* 1886, IV, 329). Тутъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо заимствованіи, и фактъ этого сходства интересенъ въ томъ отношеніи, что косвенно устанавливаетъ глубочайшую древность калатала.

¹⁾ *Махушевъ*, Общестн. и госуд. вопросы въ польской литературѣ XVI в 67. 109, 89.

²⁾ Подробн. см. въ моемъ соч. объ І. Вишенскомъ 20, 21.

25.

З а с о в к а.

Значительное сходство по внѣшнему виду съ калаталомъ представляетъ засовка, или деревянный замокъ, употребляемый въ хатахъ, млинахъ и иногда коморахъ. Это большой продолговатый кусокъ дерева, прикрѣпленный къ дверному столбу вблизи ручки дверной, съ отверстіемъ внутри, въ которомъ находятся подвижныя деревянные палочки. Чтобы открыть дверь, нужно вставить въ круглое отверстіе въ двери загнутую палочку или желѣзку опредѣленной величины и приподнять ею замочныя палочки, что для человѣка неопытнаго довольно трудно. Засовка имѣетъ характеръ предмета древней культуры. Встрѣчается она въ Малороссіи повсемѣстно, въ лѣвобережной Украинѣ, въ юго-западномъ краѣ (*Чубинскій*, VII, 383), въ Галиціи (*Kolberg*, *Рѣкіе*. I, 57). Желѣзные замки употребляютъ только для скрѣни, иногда для коморы, построенной отдѣльно. Слово засовъ встрѣчается и въ церковно-славянскомъ языкѣ. (напр., у Амосъ въ сп. XV в. „съкрушу засовы Дамаска“); но не въ смыслѣ веревъ, какъ полагаетъ Востоковъ (Словарь ц.-слав. яз. 136), а скорѣе въ смыслѣ затвора, или замка, каковой древній смыслъ этого слова сохранился въ малорусской засовкѣ.

26.

Преданіе объ обрядахъ при основаніи поселка.

Классическіе народы при постройкѣ села или города слѣдовали опредѣленному уставу, освященному религіей. При основаніи города Рима Ромуль, по преданію, провелъ борозду; гдѣ онъ поднималъ плугъ, тамъ потомъ были поставлены ворота. Глыбы земли, приподнятыя сошникомъ, старательно отбрасывались внутрь окружной межи, чтобы ни одна частица священной почвы не осталась въ сторонѣ чужихъ. Ромуль, съ покрываломъ на головѣ и въ греческой одеждѣ, самъ правилъ плугомъ, напѣвая молитвы. Въ плугъ были впряжены бѣлый волъ и бѣлая корова. Титъ Ливій говоритъ о Римѣ: „Нѣтъ въ этомъ городѣ ни одного мѣста, которое не было бы

пропитано религіей и занято божеством“ (*Фюстель-Куланжъ*, Древн. общество 205). То же въ древности могъ сказать и славянинъ о своемъ городѣ, селѣ или въ частности дворѣ, потому что и славяне при основаніи жилищъ всякаго рода заботились о привлеченіи къ нимъ покровительства боговъ, хотя внѣшная обрядность у нихъ могла быть нѣсколько другая, вообще слабѣе классической. Повидимому, и у русскихъ славянъ необходимымъ считалось провести предварительно окружную борозду. Въ Малороссіи существуетъ преданіе, что при основаніи села предварительно проводили плугомъ окружную межу, причемъ въ плугъ впрягали быка и корову отъ одной матки; плугомъ правилъ парубокъ, а воловъ погоняла дивчина, непременно сестра его, чтобы впоследствии въ городѣ развилось семейное начало (*Nowosielski*, Lud ukr., I, 155). Въ борозду закапывали горшки съ просомъ и житомъ. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ (преимущественно сербскихъ) есть указанія, что при постройкѣ городовъ, крѣпостей и мостовъ, вообще большихъ сооружений, закапывали или замурывали живьемъ человека. Трудно сказать, практиковался ли такой обычай и у русскихъ славянъ, или онъ имѣлъ мѣсто только у балканскихъ славянъ, находившихся подъ вліяніемъ древнихъ классическихъ народовъ. Указаніемъ на древнее опахиваніе земли, при основаніи села, служитъ современное опахиваніе во время мора или падежа. Въ с. Новоселкахъ, кіевского уѣзда, говорятъ, что одна помѣщица во время повальной болѣзни приказала опахать село маленькимъ плугомъ, въ который былъ впряженъ пѣтухъ, и болѣзнь прекратилась (*Nowosielski*, I, 156). Въ волынской губерніи плугъ везутъ во время опахиванія на парѣ воловъ (*Аванасъевъ*, II, 565). Въ Великороссіи обычай опахиванія лучше сохранился, чѣмъ въ Украинѣ. Опахиваютъ всегда женщины, съ горящими лучинами въ рукахъ, съ громкими криками и пѣснями. Иногда при этомъ несутъ иконы и поютъ молитвы. Женщины идутъ или совѣмъ нагіи, или въ однихъ сорочкахъ, съ распущенными косами. Въ курской губерніи въ соху впрягаютъ бабу-неродицу (неплодную); управляетъ сохой дѣвка, рѣшившаяся не выходить замужъ; вдовы набираютъ песку и разбѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Посѣвъ песку совершается также въ губерніяхъ воронежской и орловской во время опахиванія (*Аванасъевъ*, II, 567). Оче-

видно, здѣсь песокъ соотвѣтствуетъ житу малорусскаго преданія объ опахиваніи мѣста для постройки села.

Афанасьевъ высказалъ мнѣніе, что „опахиваніе было символическимъ знаменіемъ грозы“ (II, 569); я расположенъ видѣть въ немъ остатки древнихъ священныхъ обрядовъ при основаніи поселка, обусловленныхъ потребностью мѣстнаго культа богамъ, покровителямъ семейной и общественной жизни. Такимъ образомъ освящалось мѣсто, изгонялось изъ него все нечистое и вредное и привлекалось къ нему благорасположеніе божества.

Опираясь на замѣчаніе Скальковскаго въ статьѣ о гайдамакахъ (1845 г.), что всякое село въ Украинѣ и въ Новороссіи имѣло своего осадчаго, Новосельскій предполагаетъ, что осадчій совершалъ обряды при возникновеніи поселка (Lud ukr., I, 159). Предположеніе это не находитъ оправданія въ историческихъ документахъ. Въ то время какъ въ греко-римскомъ мірѣ на первый планъ выступала отдѣльная личность дѣятеля, что давало пищу преданію и пѣснѣ, въ славянствѣ выступаетъ община, сложная коллективная личность, и память объ ней сохранилась только въ повѣр'яхъ и обрядѣ. Въ классической древности основателемъ города являлся человѣкъ, совершавшій священнодѣйствіе, безъ котораго этотъ городъ не могъ существовать. Онъ водружалъ очагъ и своими молитвами и обрядами призывалъ боговъ и водворялъ ихъ въ новомъ городѣ. Воспоминаніе о такомъ основателѣ переживало вѣка. Его считали богомъ, и городъ видѣлъ въ немъ своего высшаго покровителя. У славянъ все дѣлалось по общественному рѣшенію и приговору, и совершавшіе закладку поселка были исполнителями воли большинства населенія, на подобіе того, какъ въ настоящее время обрядъ опахиванія совершается съ общаго согласія и по рѣшенію мірской сходки. Общиннымъ характеромъ опахиванія обусловлено то обстоятельство, что въ немъ участвуютъ многія лица, выборныя изъ дѣвиць и вдовъ. Такъ какъ хранителями религіозно-обрядовой древности явились почти исключительно женщины, то онѣ и въ опахиваніи являются полными распорядительницами обряда.

Обряды при закладкѣ хаты,

какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ большое сходство съ извѣстными по преданіямъ обрядами при основаніи поселка. Есть указаніе, что въ старину опахивали отведенное для двора мѣсто. Въ настоящее время обычай этотъ, кажется, уже не встрѣчается; но вмѣсто него въ исключительныхъ случаяхъ домашней жизни соблюдается тотъ обычай, что домохозяйка нагишомъ обѣгаетъ вокругъ своего двора или, въ виду того неудобства, что дворъ застроенъ повятками и ограниченъ сосѣдними тынами, вокругъ своей хаты. Въ настоящее время при закладкѣ хаты сыпятъ по угламъ рожь; на ночь кладутъ въ каждый изъ четырехъ угловъ по „цѣлушкѣ“ хлѣба и стаканчику воды. Если на другой день хлѣбъ и воду застаютъ въ томъ же видѣ, то это признаютъ хорошимъ признакомъ, если хлѣбъ и вода окажутся тронутыми, то это предвѣщаетъ несчастье, или „тамъ чорты будутъ товктысь“, и обращаются за совѣтомъ къ знахаркамъ. Зерно хлѣбное сыпятъ также при постройкѣ сарая (*Чубинскій*, I, 101, 104). Иногда кладутъ посреди мѣста, назначеннаго подъ хату, сковороду и кружокъ деревянный, и хорошимъ признакомъ считается, если подъ сковородой окажется роса, а подъ кружкомъ муравьи (*Nowosielski*, I, 163). Хорошимъ мѣстомъ для хаты считается еще то, на которомъ ложится рогатый скотъ (*Чубинскій*, VII, 376). На „закладны“ зовутъ священника, который окропляетъ мѣсто святой водой и читаетъ установленную на то молитву, упоминаемую еще въ Требникѣ Петра Могилы. По угламъ вмѣсто простаго хлѣба кладутъ кусочки артоса, по малорусскому выраженію „дарныка“, и кусочки ладона. Когда хата готова, входятъ въ нее обставленъ нѣкоторой обрядностью: сначала вносятъ иконы; подъ ними на покутѣ ставятъ дѣжу; на столъ кладутъ хлѣбъ и соль (*Nowosielski*, I, 164). Въ подольской губерніи въ новый домъ на одну ночь пускаютъ чернаго пѣтуха и курицу; на другую ночь черную кошку и кота, и затѣмъ уже переходятъ на жильё въ новый домъ, передъ восходомъ солнца, съ хлѣбомъ въ рукахъ (*Диминскій*, въ Этн. Сб. VI. Ст. 8).

28.

Къ исторіи хаты.

Та чистенькая и красивая хатка, которую мы встрѣчаемъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, которую видимъ на картинахъ г. Сергѣева, которая, по словамъ Г. Г. Шевченка, „стоитъ собі на прыгори въ садочку, квітами повыта, неначе дивчына“, или, по словамъ Я. И. Щоголева, „пидъ горою, край долины у вышневому садочку та въ калыни“, эта хата предполагаетъ рядъ предшествующихъ культурныхъ ступеней и усовершенствованій. Односторонне было бы думать, что особенности въ постройкѣ хаты зависятъ только отъ климата и почвы, согласно съ замѣчаніемъ П. П. Чубинскаго: „измѣненіе почвенныхъ и климатическихъ условій непременно кладетъ свою особую печать на постройку избы, хозяйственныя постройки и расположеніе ихъ относительно другъ друга“ (*Чубинскій*, VII, 375). Это вѣрно лишь отчасти; такъ какъ наряду съ такими факторами, какъ климатъ и почва, обнаруживается могущественное вліяніе исторіи, при чемъ открываются остатки прежняго быта и культурныя вліянія сосѣдей. Вирховъ справедливо замѣтилъ недавно, что характеръ постройки опредѣляется, между прочимъ, историческими привычками народа и его правами. Какъ на характерный примѣръ, онъ указываетъ на постройки крестьянъ юго-восточной Франціи, въ древней Бургундіи. Здѣсь печи отличаются такой солидной постройкой, какая вовсе не обуславливается климатомъ, а представляется лишь остаткомъ древняго бургундскаго быта, обусловленнаго пребываніемъ бургундовъ на холодномъ сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, откуда бургунды вышли во II вѣкѣ по Р. Хр. и окончательно поселились въ теплыхъ странахъ юго-восточной Галліи въ V вѣкѣ (*Zeitschr. f. Ethnol.* 1888, VI, 299).

Еще въ 1850 г. Кавелинъ писалъ, что „подробное описаніе крестьянскаго жилья любопытно въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замѣтныя различія у различныхъ вѣтвей русскаго народа, и слѣдовательно, являются важной составной частью этнографій; нерѣдко по измѣненіямъ въ устройствѣ и расположеніи избы въ одной и той же мѣстности можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но

особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощью описаній современнаго быта въ состояніи представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служатъ богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій“. (*Кавелингъ*, Сочин. IV, 208). Замѣчанія эти справедливы и въ приложеніи къ малорусской хатѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не подвергавшейся научному сравнительно-культурному изученію, что представляется, правда, и весьма затруднительнымъ, такъ какъ имѣются только описанія хатъ разныхъ мѣстностей (въ *Этногр. сб. у Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга*) и почти нѣтъ рисунковъ или фотографическихъ съ нихъ снимковъ. Въ этомъ отношеніи завидное положеніе занималъ, напр., тотъ нѣмецкій ученый, который при изученіи швейцарскихъ и южно-французскихъ крестьянскихъ построекъ имѣлъ 900 рисунковъ и фотографическихъ снимковъ (*Zeitchr. f. Ethnol.* 1888, IV)¹⁾. Но и по тому немногому, что извѣстно о хатѣ, можно замѣтить различіе между хатами Галиціи, Волыни, Приднѣпровья и Новороссіи, по внѣшней наружности и внутреннему устройству.

Въ настоящее время въ народѣ сохраняется темное преданіе, что люди нѣкогда („до потопа“) не умѣли строить домовъ; постройка первой хаты приписывается Соломону или, подъ вліяніемъ апокрифовъ о сотвореніи міра и Адама, Богу и Сатанѣ, съ проведеніемъ обычнаго дуализма, что Сатана построилъ хату, а Богъ прорубилъ окна для свѣта, чего не могъ сдѣлать чортъ (*Чубинскій*, I, 100). Въ этихъ преданіяхъ любопытна та подробность, что первая хата была темна, что первые („послѣ Ноя“) домики всегда строились безъ оконъ; но явился добрый человекъ (или ангелъ) и прорубилъ въ домѣ дыру для свѣта, а чтобы не дулъ въ нее вѣтеръ, закрылъ ее рыбьимъ пузыремъ (ib). Преданія эти вѣрно вос-

¹⁾ Западная литература богата сочиненіями по археологіи крестьянской избы; здѣсь укажемъ на соч. *Meitzen*, Das deutsche Haus, 1882; *Henning*, Das deut. Haus in sein. hist. Entwicklung, 1892; *Bezzenberger*, Ueber das litawische Haus, 1886; *Jan Karłowicz*, Chata polska, 1884. Прим. авт.

производить древнее устройство хаты, съ однимъ лишь отверстіемъ для свѣта и дыма.

Хатѣ предшествовала землянка. Индѣйцы Колумбіи выкапываютъ въ землѣ круглыя ямы отъ 10 до 12 футовъ глубины и отъ 40 до 50 футовъ въ окружности и устраиваютъ надъ ними крышу изъ сплавнаго лѣса и глины. Съ одной стороны оставляется отверстіе для прохода, вмѣсто двери, и въ него вставляется бревно съ зарубками, замѣняющее лѣстницу. Помѣщеніе обогрѣвается само собой, вслѣдствіе скопленія народа (12 -- 15 чел.) и отсутствія вентиляціи (*Леббокъ*, Доист. времена, 420). Въ сѣверо-западной Америкѣ ингаліки устраиваютъ подобныя подземныя жилища: входъ въ видѣ деревянной будки; затѣмъ идетъ спускъ внизъ въ землянку, по нѣсколькимъ ступенямъ и небольшому туннелю. Самая землянка представляетъ яму съ сводообразной крышей съ отверстіемъ посрединѣ, для выхода дыма. Ночью, когда погаснетъ огонь на очагѣ, головы выбрасываютъ черезъ отверстіе на крышѣ, а затѣмъ плотно закрываютъ его шкурами. Входъ также тщательно завѣшивается мѣховыми занавѣсами (*Гельвальдъ*, Ест. ист. народовъ, 337). Деревни древнихъ бриттовъ (до 420 г по Р. Х.) состояли изъ собранія лачужекъ, выдолбленныхъ въ холмахъ или прямо въ землѣ, съ тою цѣлю, чтобы не строить стѣнъ; боковыя стѣны представляли собой простой плетень; крышу же крыли соломой (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 326). Въ Россіи, въ частности въ Украинѣ, часто строятъ землянки для временнаго помѣщенія рабочихъ или сторожа. Понятно, что при устройствѣ землянокъ всегда возможны частныя улучшения. Такъ, въ харьковской губерніи землянки лѣсныхъ сторожей представляютъ уже переходъ къ хатѣ: на сухомъ мѣстѣ выкопана яма; стѣнки и потолокъ сдѣланы изъ хвороста, обмазаны глиной и побѣлены; внутри печь; наверху соломенная крыша съ хворостяной трубой, также обмазанной глиной. Внутри хаты скамьи, а иногда и столъ, земляныя, смазанныя глиной. Въ такой хатѣ-землянкѣ лѣсничій съ семьей живетъ многіе годы. Какъ извѣстно, запорожскіе курени въ Сѣчи представляли землянки большаго размѣра. Стѣны укрѣплялись на подпорахъ и обмазывались. Крыша состояла изъ земляной насыпи или изъ плетенаго хвороста, сверхъ котораго насыпали землю или набрасывали соломы. Земляная кровля

скоро заростала травюю, и видны были только дымовыя трубы или дыры. Въ курень входили по землянымъ ступенямъ; были курныя курени и курени съ печами. Окна продѣлывались только въ тѣхъ куреняхъ, которые поднимались выше земли. Такіе курени были не только у запорожскихъ, но и у донскихъ и яицкихъ козаковъ; часто весь поселокъ состоялъ изъ такихъ землянокъ.

Въ Приднѣпровьѣ, въ предѣлахъ бывшей слободской Украины и въ Новороссіи вездѣ есть дымовая труба, даже въ землянкахъ; но на Волыни и въ Галиціи удержались еще курныя хаты, встрѣчающіяся также во многихъ великорусскихъ губерніяхъ. Вердумъ, побывавшій въ Подоліи и на Волыни во второй половинѣ XVII в., замѣтилъ, что „въ русскихъ домахъ нѣтъ трубъ, а только печка. По всѣмъ сторонамъ избы находятся отверстія, которыя открываютъ, соображаясь съ вѣтромъ, для выпуска дыма“ (*Птамыцкій*, въ Журн. Мин. Н. Пр. 1878, СХСІХ, 90). Въ галицкомъ Покутьѣ у бѣдныхъ гуцуловъ встрѣчаются курныя хаты, въ которыхъ дымъ „валитъ изъ затопленной печки на всю комнату и стоитъ густымъ облакомъ подъ чернымъ потолкомъ, тѣсясь вонъ четырехугольнымъ отверстіемъ въ потолокъ. Пока не выгоритъ въ печкѣ, двери и окошки открыты“ (*Головацкій*, I, 693). Курныя избы часто встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети въ Полѣсѣѣ. По словамъ П. П. Чубинскаго, „курная изба—низенькая, темная, грязная; стѣны ея, кромѣ того что закопчены дымомъ, почти всегда снабжены въ достаточномъ количествѣ клопами, пруссаками, таракавами и другими насѣкомыми, развитію которыхъ способствуютъ грязь и нечистота“. Но тамъ же, въ Полѣсѣѣ, встрѣчается полукурная изба, какъ переходъ къ хатѣ отъ курной избы; въ полукурной избѣ труба проведена только въ сѣни, такъ что дымъ выходитъ на горище, или чердакъ. Вновь мало строятъ уже курныя избы (*Чубинскій*, VII, 389). Въ иѣснѣ „не литай, мудрагелю (мотылекъ?), по пидь чорну стелю, не запорошы билу постелю“ мы имѣемъ курную избу, съ потолка которой сыпется сажа.

Нельзя опредѣлить съ точностью, когда масса малорусскаго народа перешла отъ курной избы къ хатѣ. Въ XVI—XVII ст. хата была уже господствующей формою жилья, въ видѣ свѣтлой и чистой избы, изъ одного или двухъ жилыхъ помѣщеній, съ при-

бавкой иногда темной коморы. Священникъ Никоновъ, описывая современную намъ хату крестьянъ воронежской губерніи, замѣчаетъ: „хаты снаружи и внутри бѣлятся очень чисто; домашнія иконы украшаются множествомъ цвѣтовъ; битый глиняный полъ въ хатѣ малороссійская женщина смазываетъ вновь непременно каждую субботу и зимой и лѣтомъ. то же дѣлаетъ и съ ночнымъ шесткомъ“ (*Никоновъ*, въ Труд. Вольно-Экон. Общ., 1867, т. III).

Расположеніе хатъ по улицѣ различно по мѣстностямъ. Въ Галиціи у горянъ гуцуловъ села не велики, и хаты разставлены въ безпорядкѣ: „Хата направо, хата налево, хата впереди, хата назадъ; ничего общаго, ничего связаннаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ“ (*Головацкій*, I, 692). На крайнемъ востокѣ Малороссіи, въ воронежской губерніи, наоборотъ, хаты „никогда не отставляются отъ плановой линіи внутрь двора, а или всей своей длиною, или по крайней мѣрѣ одной узкой стороною выходятъ на улицу. Ряды малороссійскихъ хатъ бывають очень длинны, безъ всякихъ промежутковъ; усадьбы чрезвычайно узки и длинны. Средняя часть усадьбы занята сараями, амбарами, кошарами или простыми повитками, а задняя ливадою, или огородомъ, гдѣ только возможно съ водой и рощицей“ (*Никоновъ*, 166). Такое же расположеніе хатъ и хозяйственныхъ построекъ въ харьковской губерніи.

Хаты большею частью стоятъ за тыномъ, что придаетъ усадьбѣ нѣкоторую скрытность и уютность, отвѣчающія сосредоточенному характеру малоросса; въ большихъ селахъ харьковской губерніи стали ставить хаты на улицу или прорубиваютъ въ тыну противъ окна отверстіе на большую дорогу (шляхъ). Весьма возможно, что въ обычаѣ пускать на улицу тынъ скрывается какое-нибудь восточное влияніе, которое нужно, впрочемъ, еще опредѣлить и доказать; обычай этотъ держится несомнѣнно потому, что выгоденъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ тынъ, часто густой и высокій, съ „острожкомъ“, прикрываетъ отчасти хату отъ холоднаго вѣтра.

Хата прогрессируетъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ торговыхъ селахъ харьковской губерніи. При перестройкѣ ее увеличиваютъ; вмѣсто глиняной печи устраивается кирпичная; прибавляется число оконъ; вмѣсто подъемныхъ трехъ-стекольныхъ окошечекъ начинаютъ пользоваться растворчатыми 4 или 6 стекольными окнами.

Если уже говорить объ иномродномъ вліяніи на малорусскую хату, то лишь о западно-европейскомъ, повидимому, нѣмецкомъ вліяніи; П. П. Чубинскій нашель, что форма крыши полѣсской курной избы напоминаетъ крышу нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся въ волынской губерніи; она имѣеть два ската, одинъ на передній, другой на задній фасадъ избы, при чемъ одинъ иногда бываетъ покрытъ соломой, другой досками (VII, 390). Нѣмецкія крестьянскія хижины на верховьяхъ Дуная отличаются высокой крышей, галлерейкой вокругъ дома и узкими простѣнками между окнами (*Шерръ*, Ист. цив. Герм., 574). Такимъ же характеромъ отличались дома малорусскихъ зажиточныхъ козаковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ стараго времени (напр., домъ Аван. Иван. въ „Старосв. помѣщ.“ Гоголя). И теперь еще изрѣдка встрѣчаются такіе дома, съ высокой соломенной крышей и „пиддашьемъ“ — навѣсомъ, или галлерейкой вокругъ дома. Что нѣмецкая изба могла оказать вліяніе на хату, можно уже судить по значительному числу нѣмецкихъ словъ, обозначающихъ составныя части хаты, какъ-то: дахъ, ганокъ, грубка, шибка.

Въ повѣсти Квитки „Ложныя понятія“ (на рус. яз.) находится любопытное описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося еще въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и большихъ селахъ. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ поддерживается двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо ведетъ въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы мастеровъ борисовскихъ и суздальскихъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами; лампы затепляются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ наверху. Отъ орла до нижняго конца зеркала по обѣ стороны спускалось полотенце, расшитое красными нитками; по субботахъ его мѣняли; на стѣнахъ развѣшаны картинки батальнаго и любовнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой довершаютъ убранство залы. Изъ залки дверь на право ведетъ въ „гостиненку“, дверь на лѣво въ спальню; изъ спальни выходъ въ кухню, а изъ послѣдней въ

сѣни. Въ сѣняхъ дверь на право вела въ отдѣльную комнату „упокой“, предназначенную для гостя или постоя. У Квитки въ такомъ домѣ живетъ казенный крестьянинъ Стовбырь, изъ всѣхъ силъ тянуційся въ городское мѣщанство, въ одеждѣ, домашней обстановкѣ, даже въ фамиліи своемъ названіи (Стовбыревскій), а потому при его домѣ нѣтъ ни садика, ни огорода, на которые Стовбырь, этотъ прародитель современныхъ торговцевъ-булаковъ, смотритъ, какъ на „мужицкіе промыслы“.

29—37.

Домашніе талисманы.

Благосостояніе семьи зависитъ отчасти отъ занимаемаго ею жилья. Въ настоящее время удобство жилья помѣщенія опредѣляется съ чисто практической, санитарной и экономической точки зрѣнія, по количеству свѣта и воздуха, по положенію дома на высокомъ или низкомъ мѣстѣ, по числу печей и т. п. Въ древнее время въ понятіе объ удобствѣ жилья входило мистическое начало, обусловленное наклономъ мысли къ анимизму, или къ усмотрѣнію во всѣхъ подробностяхъ быта вліянія духовъ, благосклонныхъ или враждебныхъ человѣку. Въ домѣ жили души предковъ, или душа перваго его строителя, въ видѣ своенравнаго старика домоваго, и онъ является иногда покровителемъ и хранителемъ хаты и ея жильцовъ; но такъ какъ у крестьянина есть много мистическихъ враговъ въ видѣ разныхъ вѣдьмъ, колдуновъ, упырей, огненныхъ змѣевъ, то одного заступничества домоваго, даже христіанской молитвы, св. воды и иконъ недостаточно для полной охраны семейнаго мира и благополучія, и потому возникли повѣрья о разныхъ охранительныхъ домашнихъ талисманахъ, предупреждающихъ то или другое несчастье. Повѣрья эти большею частью коренятся въ глубокой языческой древности. Главными домашними талисманами служатъ:

1) *Огонь*. Съ особенной отчетливостью значеніе огня на очагѣ, какъ домашняго талисмана, открывается въ гимнахъ Ригъ—Веды. Здѣсь выдѣляется одинъ огонь, главный, всенародный, „дуць племень“, и затѣмъ, какъ его вѣтви, другіе огни, семейные, общин-

нца, племяныце. Агни семейный — „damunas“ — называется „владыкой дома.“ Домашний священный огонь горѣлъ въ каждомъ домѣ, какъ семейное божество. (*Овсянко-Куликовскій*, Къ ист. культа огня у инд., 12). Что и у нѣмцевъ былъ свой Агни семейный — видно изъ многихъ повѣрій и обрядовъ, гдѣ большую роль играетъ домашний огонь. При получении имущества и при входѣ въ новый домъ возжигали огонь. Какъ въ старину, такъ и нынѣ при первомъ вступленіи новобрачной въ домъ мужа зажигаютъ огонь (*Grimm, Deut. Rechtsalt.* 195). Былъ Агни семейный и у славянъ, въ видѣ домашнего огня, которому молились и приносили жертвы. Наибольше характерныя черты семейнаго Агни сохранились въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ обрядахъ и повѣрьяхъ. Въ Бѣлой Руси молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „Добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, съ хаты каминемъ.“ Въ Великороссіи при переходѣ на новоселье переносятъ изъ старой печи жаръ. По малорусскому повѣрью, каждый день слѣдуетъ дѣлать огню подарокъ, т. е. на ночь ставить въ печь горшокъ съ водою. Въ гнѣвѣ огонь сожигаетъ хату (*Потемня*, О долѣ, 16). Въ грубешовск. и житомирск. уѣздахъ огонь почитается ангеломъ. Въ огонь запрещается плевать или заметать его въ печку вѣникомъ. Въ литинскомъ уѣздѣ огонь признають чѣмъ то святнмъ, олицетворяемымъ въ формѣ мстительнаго человѣка. Всякая хозяйка обращается съ огнемъ осторожно, заметаетъ его чистой метелкой, крестить его, иногда ставятъ въ печь на ночь горшокъ съ водою и полѣно, чтобы онъ имѣлъ что ѣсть и пить. „Мы шануемъ огонь якъ Бога, говорятъ малороссы; винъ нашъ дорогой гистъ“ (*Чубинскій*, I, 44—45). Въ Галиціи горяне гуцулы при разведеніи перваго огня на лѣсныхъ пастбищахъ скота падаютъ передъ нимъ на колѣви (*Головацкій*, I, 699).

2) *Печь* получила освященіе по разводимому въ ней огню. „Сказавъ бы, та пичъ въ хати“, говорятъ малороссы, удерживаясь отъ произнесенія дурнаго слова. Особенно важное значеніе имѣетъ печь въ свадебныхъ обрядахъ. Чтобы сватовство удалось, сваты выламываютъ изъ печи кирпичину и держать ее въ кармапѣ (*Драгомановъ*, Малор. пред. 20). Дѣвушка во время сватовства колупаетъ печь; свата сажаютъ передъ печкой и т. д. (подроб. см. въ моемъ соч

О свадеб. обр. 186—192). То же у другихъ народовъ. Въ Германіи дѣвушки просятъ печку послать жениха: „Lieber Ofen! ich bete dich an, gib mir doch bald einen Mann“ (*Mülhause*, Die Urrelig. 98) Въ нѣмецкихъ сказкахъ передъ печкой становятся на колѣни, молятся ей и приносятъ ей жертву (*Grimm*, Deut. Myth. I. 595). Древніе греки къ очагу относились съ благоговѣніемъ, какъ священному предмету (*Wachsmuth*, Hellen. Alterth. II, 236). Въ Германіи, у австрійскихъ и балканскихъ славянъ, въ древности у римлянъ и индусовъ невѣсту обводили вокругъ очага (мое соч. О свад. обр. 190 и др.).

3) *Соръ*, при всей своей ничтожности, иногда играетъ роль таинственного талисмана. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полт. губ., начиная отъ вечера Богатой кутьи до Новаго года, выметая избу, соръ не выбрасываютъ вонъ, а собираютъ въ одно мѣсто и въ Новый годъ выносятъ его до восхода солнца въ садъ и сожигаютъ (*Маякъ* 1843, XI, 39). Съ переходомъ въ новый домъ или на квартиру, на прежней выметаютъ и выбрасываютъ соръ, чтобы не оставить доли въ покинутомъ домѣ, и затѣмъ горсть сора переносятъ въ новый домъ и бросаютъ его въ передній уголъ (*Корениcki*, въ „Zbiór wiadom.“ XI, 203). Выбрасываютъ соръ до захода солнца. Употребляютъ соръ въ гаданіяхъ: берутъ на „смитныку“, не глядя, какую нибудь выброшенную вещь и по ней гадаютъ, кто будетъ мужемъ, сапожникъ, плотникъ или кто другой (*Ящуржинскій*, въ Киев. Стар. 1888. XI. 63) ¹⁾, но преимущественно употребляютъ у нѣкоторыхъ народовъ соръ на свадьбахъ, на что въ Малороссіи намекаетъ лишь пословица „на смитныку женився“ (*Номисъ*, Приказки, § 8819). Чтобы понять основное значеніе этого выраженія, нужно принять во вниманіе, что у древнихъ индусовъ молодая при входѣ въ домъ мужа становилась на кучу сора (*Weber*, Ind. Stud., V, 371) а въ западной Германіи молодую въ домѣ новобрачнаго обводятъ вокругъ кучи сора (*Wuttke*, Volksabergl. 351). Основное значеніе обрядоваго употребленія сора у русскаго и др. индоевропейскихъ народовъ достаточно объясняется слѣдующимъ древнимъ индусскимъ свадебнымъ обрядомъ и относящимся къ нему изрече-

¹⁾ Въ казанской губ. дѣвушки гадаютъ, имѣя въ рукахъ горсть сора (*Можаровскій*, Святоч. пѣсни, игры и гад. 10²). Прим. авт.

ніемъ: на кучу сора клали камень; на него клали немного травы, и мужъ возводилъ новобрачную на камень, приговаривая: „для тебя, жена, держу я счастливый и цѣлебный твердый камень въ лонѣ божественной земли“ (*Weber, Ind. Stud., V, 395*). Такимъ образомъ оказывается, что соръ служилъ символомъ земли, и обрядовое его употребленіе обусловлено религіознымъ почитаніемъ земли, а что такое почитаніе земли было нѣкогда свойственно и русскому народу, видно изъ многихъ другихъ малорусскихъ обрядовъ и повѣрій, напримѣръ, изъ запорожскаго обычая мазать грязью лицо вновь избраннаго въ кошевые атаманы, изъ повѣрья, что отъ нѣкоторыхъ болѣзней полезно съѣсть немного земли, изъ клятвы землей и т. п. У Т. Г. Шевченка Катерина, оставляя родное село, взяла съ собою кусочекъ земли изъ своего садика, съ тѣмъ, что когда она умретъ на чужбинѣ и ее похоронятъ въ чужую землю, „то своей крихотка надо мною ляже, та про долю, мое горе чужымъ людямъ скаже“... Здѣсь обнаружилось уже затемнѣніе древняго вѣрованія въ божественность земли и слишкомъ субъективное его пониманіе, что, однако, не можетъ быть разсматриваемо, какъ *poetica licentia*, а раздѣляется массой народа.

4) *Ужъ*. Крестьяне считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ хатѣ поселится ужъ. Онъ приноситъ съ собою богатство (*Чубинскій, I. 65; Kopernicki, 221*). Повидимому, въ видѣ ужа представлялся домовый. Въ Литвѣ, по свидѣтельству Герберштейна, почитали змѣй швоитовъ, держали ихъ въ домѣ, приносили имъ въ даръ молоко, сыръ, яйца и куръ (*Герберштейнъ, въ пер. Анонимова, 80*). Кромеъ говорятъ, что и въ Польгѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селяться въ домахъ подъ печкой и чтили ихъ какъ пенатовъ (*Аванасъевъ, II. 633*). Такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ было распространяемо на цѣлыя города и области, то у древнихъ грековъ содержали змѣй въ аѳинскомъ акрополѣ и во многихъ другихъ городахъ.

5) *Ласточка*. Въ малорусскихъ колядкахъ ласточка предсказываетъ домохозяйину „божу мылость“ въ видѣ урожая хлѣба и приплода скота (*Штебня, Колядки, 68; Лоначевскій, Сбор. пѣс. буков. нар., 26*). Счастливымъ предзнаменованіемъ считается, если ласточка вьетъ гнѣздо въ домѣ; разрушить его большой грѣхъ. Если

ласточки улетаютъ изъ какой нибудь мѣстности, то непременно слѣдуетъ ожидать мора людей (*Чубинскій*, I, 59). Если разорять гнѣзда ласточекъ, то онѣ будутъ летать подь коровъ, отчего портится молоко (*Nowosielski*, II, 129), или на лицѣ виновнаго будутъ веснушки, „ластовыня“. Если даже допустить, что повѣрье о морѣ людей по отлетѣ ласточекъ основывается на какомъ нибудь реальномъ наблюденіи, то при всемъ томъ останется еще много повѣрій о ласточкѣ, какъ такой птицѣ, которую „грихъ драты, бо то Божя птица.“ Ласточкино сердце привязываютъ къ шейному кресту (*Аванасьева*, I, 455), очевидно, какъ талисманъ. Крестьяне нарочно прибавляютъ подь кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда (ib. III. 686). Въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ о ласточкѣ обнаруживается примѣсь христіанскаго апокрифическаго элемента; напр., ласточка присутствовала при распятіи Спасителя и крада гвозди (*Чубинскій*, I, 59); въ Чехіи и Германіи она называется птицей Божіей Матери (*De Gubernatis*, Die Thiere, 523). Въ Германіи и Италіи считаютъ тяжкимъ грѣхомъ убить ласточку или разрушить ея гнѣздо. Какъ въ Малороссіи, такъ и въ Венгріи, и въ Германіи думаютъ, что въ наказаніе за разрушеніе гнѣзда ласточки молоко у коровъ пропадаетъ или обращается въ кровь. Считается хорошимъ признакомъ, если ласточка влетитъ въ окно. Древніе писатели говорятъ, что даже хищныя птицы считаютъ ласточку священной птицей. У Арріана ласточка предупреждаетъ Александра Македонскаго объ опасности; въ Эддѣ 7 ласточекъ совѣтуютъ Сигурду убить чудовище, оберегающее кладь (*De Gubernatis*, 523). Въ Дагестанѣ разсказываютъ, что богатыри основали ауль Цудахаръ по слѣдующему поводу. На этомъ мѣстѣ они имѣли ночлегъ и воткнули знамя въ землю вокругъ своего очага. Проснувшись по утру, они увидѣли, что ласточки носятъ землю на конецъ ихъ копыя, гдѣ знамя, и устраиваютъ на немъ собѣ гнѣздо. Ученые сказали, что это доброе предзнаменованіе, и потому богатыри поселились здѣсь (*Анучинъ*, Отч. о поѣздкѣ въ Дагестанъ, 74).

6) *Аистъ* (гайстеръ, бусоль или буся, боцянъ, лелека, черногузь) приноситъ счастье той хатѣ, на которой сложить гнѣздо; если разорять его гнѣздо, то онъ спалить хату; не разъ видѣли

аиста, несущаго въ клювѣ горящую головню для подпала хаты, гдѣ разорено его гнѣздо (*Nowosielski*, II, 126; *Чубинскій*. I. 62). Разгнѣванный аистъ можетъ еще наслать грозовую тучу (*Kopernicki*, 218). Разказы о происхожденіи аиста имѣютъ христіанскій апокрифическій характеръ: Пресв. Цѣва приказала своей служанкѣ вымыть свою сорочку въ морѣ, не глядя на сорочку; но служанка не исполнила приказанія и была за то обращена въ черногуза (*Чубинскій*, I, 62; *Драгомановъ*, Малорус. пред. 8). По другому варианту, въ аиста былъ обращенъ человѣкъ, не исполнившій приказанія Бога выбросить мѣшокъ съ гадами, не заглядывая въ него (*Чуб.*, *Kopern. ib.*). Аистъ встрѣчается въ сказкахъ, напр., въ Сборникѣ Аванасьева т. I, § 36 и IV, § 210 (шутливаго содержанія), во 2 т. „Трудовъ“ Чубинскаго § 66 („про журавля. що жинку вєравъ“, также шутливая) и въ др. Де-Губернатисъ, останавливаясь, между прочимъ, и на аистѣ по даннымъ въ сборникѣ сказокъ Аванасьева, даетъ ему мнѣнское объясненіе (*der Storch personificirt den unheilvollen Himmel*, стр. 540), что однако весьма сомнительно. И аистъ, и ласточка, повидимому, получили свѣтлое значеніе отъ того, что рано прилетаютъ весной и селятся вблизи хатъ.

7) *Конская подкова*, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ домахъ мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ. Подкову прибываютъ на порогъ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси искони. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кольцами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клали въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свинныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больнаго. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастьми, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣду. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Подлѣстровѣ втыкаютъ кобылью голову на коль плетня въ огородъ, чтобы „все родыло.“ Украинскіе

знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая прорастаетъ сквозь глазныя ямки брошеннаго конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (*Афанасьевъ*, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи малороссами обычая прибывать на порогѣ подкову говоритъ то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (*Lippert, Christenthum*, 461).

8) Разные предметы растительнаго царства, напримѣръ: *Макъ выднхъ* употребляется противъ вѣдьмъ; этимъ макомъ обсыпаютъ домъ (*Чубинскій*, III. 225, I. 81), чтобы не ходили въ него вѣдьмы; обсыпаютъ мертвеца, подозрѣваемаго въ знахарствѣ (*Nowosielski*, II, 148), чтобы онъ потомъ не беспокоилъ людей. *Чернополохъ* также держатъ въ домѣ для отогнанія злыхъ духовъ и вѣдьмъ (*Nowosielski*, II, 145). *Чернобыль* — подносятся вѣдушки противъ козней вѣдьмъ (*Kolberg*, I, 202). *Лонухъ* — въ Галиціи вѣшаютъ въ хатѣ отъ вѣдьмъ (ib. 201). *Чеснокъ* въ Галицкой и Угорской Руси вплетаютъ въ вѣнокъ невѣсты на свадьбахъ, а наканунѣ дня св. Георгія (23 апр.) мажутъ чеснокомъ ободверины и порогъ (*Записки* Георг. Общ. по отд. этн. 1869, II, 100). Отъ вѣдьмъ держать въ домѣ также *крапиву*, *осину*, *рябину*, освященныя въ церкви вербовныя вѣтки (*Мандельштамъ*, Опытъ объяс. обыч. 307).

9) Разные предметы христіанскаго религіознаго благочестія, какъ то: *четверговая или страстная свѣча*, иначе называемая громницей; стараются принести изъ церкви зажженной и выпаливаютъ затѣмъ ею кресты на верхней дверной перекладинѣ и на сволокѣ. Зажигаютъ ее во время грозы, тяжелыхъ болѣзней или пожара ¹⁾. Затѣмъ важное значеніе имѣетъ *іорданская вода*; ее хранятъ въ теченіи всего года, кропятъ животныхъ, даютъ пить людямъ отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Весьма цѣнится, какъ талисманъ, апокрифъ „*Сонъ Богородицы*“. Списокъ апокрифа хранятъ за кіотомъ. Такое уваженіе къ этому апокрифу обусловлено находящимся въ концѣ его обширнымъ заговоромъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: кто сей сонъ въ домѣ своемъ содержитъ въ чистотѣ и съ прилежностью, и домъ тотъ сохраненъ будетъ и

¹⁾ Тоже у поляковъ (см. *Głos*, 1888, № 200), у великоруссовъ, у чеховъ (*Časop. čes. Mus.* 1849, I, 165).

помилованъ отъ лукаваго и отъ нечестиваго духа, діавольскія силы; къ тому человѣку, къ дому, къ рабамъ не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ, и будетъ въ томъ дому духъ святой почивать, и будетъ счастье и умноженіе всякаго плода и ущербу ни въ чемъ не будетъ (*Пыпинъ*, Памят. стар. р. лит. III, 126).

Такъ ясно и обстоятельно объяснено въ одной старинной рукописи значеніе апокрифическаго „Сна“; такое же широкое значеніе имѣли и другіе домашніе талисманы, огонь, подкова и пр. Они охраняли семью отъ злаго духа и отъ злаго человѣка, вносили въ душевное настроеніе стариннаго человѣка чувство устойчивости и опоры противъ обуревавшихъ его мистическихъ страховъ и опасеній.

Въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ большую роль играетъ дѣдушка домовый, возникшій изъ разнородныхъ представленій объ огнѣ, какъ семейномъ духѣ покровителѣ, и о душѣ предка. Есть добрые и злые домовые; для своего двора домовый почти всегда оказывается добрымъ покровителемъ. Мы здѣсь не будемъ говорить о домовомъ, такъ какъ считаемъ этотъ предметъ достаточно подробно изслѣдованнымъ Аванасьевымъ во 2 т. Поэт. воззр. слав. на природу. стр. 67 -- 120. Нѣсколько любопытныхъ подробностей о древнихъ классическихъ домовыхъ добрыхъ (*dii manes*) и злыхъ (лемуры) можно найти въ „Эпиграфич. этюдахъ“ г. Помяловскаго, 57—59, о домовыхъ австрійскихъ южныхъ славянъ въ „Знаніи“, 1877, апр., и о домовыхъ разныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ въ „Первобытной культурѣ“ Тэйлора, въ главахъ объ анимизмѣ.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕЧИСТАЯ СИЛА.¹⁾

ПОВѢСТЬ.

При выходѣ Евки замужъ, всѣ бабы и дивчата каркали, какъ вороны, предсказывая недоброе, удивляясь и завидуя тому, что ее берутъ въ самый богатый дворъ. Она и тогда уже съ пренебреженіемъ относилась къ этому счастью и предпочла бы своему жениху сотню другихъ. Ѳедоръ былъ тогда тощимъ, нескладнымъ юношею, съ кривыми ногами, и еще безъ усовъ; еще недавно онъ пасъ скотъ вмѣстѣ съ другими подростками, а теперь хвалился, что заставитъ ее, Евку, взяться за умъ и будетъ бить до тѣхъ поръ, пока не приучитъ къ работѣ какъ слѣдуетъ. Евка смѣялась, вслушиваясь въ эти рѣчи; самъ чортъ убѣждалъ бы отъ нея смѣха,—Ѳедоръ же оставался къ нему равнодушенъ. Вышла за него она изъ крайности: голодъ преслѣдовалъ ее съ самаго ранняго дѣтства. Мать ея была глупа до того, что еще и теперь, вспоминая о ней, Евка презрительно пожимала плечами. Да и было отчего: высокаго роста, черноглазая, еще молодая женщина, она вѣчно ходила въ лохмотьяхъ, какъ нищяя. А вѣдь волостной писарь хотѣлъ взять ее къ себѣ въ хозяйки—а она... отказалась.

— Довольно одного грѣха! говорила она, теперь нужно Богу молиться, заботиться о душѣ.

Писарь же нашелъ себѣ другукъ, румяную, красивую, царившую у него, какъ у себя въ домѣ. Евка не разъ видѣла, какъ она, въ розовой ситцевой юбкѣ, въ голубомъ шелковомъ

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 4, апрѣль.

платочкѣ, кормила зерномъ птицу или крошила зелень для свиней; у нея были кольца, сережки; сидить бывало по цѣлымъ часамъ за самоваромъ у открытаго окна, пьетъ чай въ прикуску. Пополнѣла, похорошѣла, крестьяне снимали передъ нею шапки, приносили ей куръ, яйца, орѣхи. Въ самую страдную пору, въ то время, когда другія бабы отъ зари до самой ночи жали безъ отдыха, не разгибая спины, писарская господня сидѣла себѣ на крылечкѣ, грѣясь на солнышкѣ, и щелкала себѣ орѣхи или расчесывала гребнемъ собаку своего хозяина.

Евка же, худая, смуглая, въ разорванной юбкѣ, въ грязной, растянутой на груди рубахѣ, по цѣлымъ часамъ стояла притаившись въ кустахъ и смотрѣла на всю эту роскошь, пожирая глазами изъ зависти всѣ малѣйшіе признаки писарскаго богатства. Огромный блестящій самоваръ внушалъ ей почти такой же благоговѣйный страхъ, какъ и самъ папъ писарь. Ее охватывала дрожь, на зубахъ чувствовалась оскомина не только при видѣ различныхъ яствъ, но даже отъ одного запаха жаренаго мяса или горячаго кушанья. Она жадно ловила этотъ запахъ, глотая слюнки, и незамѣтно, почти безсознательно, какъ лунатикъ, подвигалась все ближе и ближе къ дому писаря; робко выходила она изъ за угла, прокрадывалась вдоль стѣнъ до самаго крыльца и забивалась въ самый уголокъ, скорчившись, притаившись тамъ, какъ бы отъ страха... Ея сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны, пальцы судорожно сжимались, худые и костлявые, какъ у обезьяны. Бережливая хозяйка ничего не оставляла на крыльцѣ, лишь изрѣдка на лавкѣ валялись или нѣсколько стручковъ гороху, обгрызенное яблоко, или остатки недоѣденнаго собакою хлѣба съ масломъ. Правда, иногда она сама давала ей кусокъ сахара, сыра, даже варенаго мяса, и Евка поспѣшно, спрятавъ добычу за пазуху, бѣжала безъ оглядки черезъ плетни и загоны вплоть до старой кузницы, гдѣ мать ея имѣла уголь въ хаткѣ, тѣсной, какъ сундукъ, поросшей снаружи крапивою и лопухомъ, темной и холодной, какъ погребъ. Здѣсь запирала она дѣвочку, уходя на работу, оставляя ей холоднаго варенаго картофеля, кусокъ хлѣба и горшокъ перьевъ, которыя та должна была передрать. За окномъ щебетали воробьи, солнечные лучи проникали въ это логовище сквозь щели въ стѣнахъ,

изъ-подъ истлѣвшихъ угловъ выглядывала трава, зеленныя ящерицы, погрѣвшись на солнцѣ, просовывали сюда свои головки, оглядывали темную избу и убѣгали. Евка слѣдовала ихъ примѣру; съѣдала все, что можно было съѣсть, выламывала кусокъ гнилой доски и вылѣзала на свѣтъ Божій... Случалось, что какая нибудь голодная собака прокрадывалась сюда тѣмъ же путемъ, но черезъ минуту выходила такую же голодною, какъ и вошла. Евка шла кормиться, хватая по дорогѣ все, что попадалось ей подъ руку. Наѣвшись до сыта яблокъ, грушъ, разныхъ овощей, она жадно прятала все оставшееся въ передникъ, за пазуху и, нагруженная добычею, осторожно прокрадывалась подъ плетнями, согнувшись пробиралась черезъ конопляники, бѣжала во всю мочь черезъ поля, наконецъ, добравшись благополучно до хаты, прятала здѣсь свою добычу между крапивою, прикрывала травою и листьями и, отдохнувъ немного, опять бѣжала собирать ягоды, грибы, орѣхи.

Голодь упорный, неутолимый преслѣдовалъ дѣвочку точно болѣзнь; у нея чесались зубы при видѣ пищи въ какой бы то ни было формѣ; еще издали чуяла она запахъ вареной пищи или жаренаго сала и бѣжала въ ту сторону, глаза ея разгорались сердце усиленно билось, она останавливалась у дверей въ нѣмомъ ожиданіи, оглядывалась, прислушивалась... Въ хатѣ ѣли; иногда выходила собака съ костью въ зубахъ и принималась грызть у ея босыхъ ногъ этотъ лакомый кусочекъ—кость еще теплую, влажную, съ остатками хрящей и жилъ. Евка глотала слюнки, горло сжималось до боли, она терлась о стѣны, переступала съ ноги на ногу, но войти въ избу не рѣшалась, наконецъ, разъяренная, стиснувъ зубы, выхватывала кость и со всѣхъ ногъ бросалась въ поле, ежеминутно оглядываясь, а когда настигала собака, она бросала кость въ кусты или въ огородъ на гряды и смѣялась злобнымъ пискливымъ смѣхомъ, глядя, какъ обиженное, сбитое съ толку животное останавливалось, нюхало воздухъ и, печально повѣся носъ, возвращалось назадъ. Она выкрадывала изъ *торбы* у пастуховъ сыръ, хлѣбъ и кислые огурцы. Долгое время въ этихъ продѣлкахъ подозрѣвали самого чорта,—такъ искусно умѣла она, притаившись, ощупать черезъ полотно каж-

дый кусокъ и, улучивъ удобную минуту, засунуть въ сумку свою маленькую, тонкую руку; прежде чѣмъ дѣдъ успѣвалъ повернуть голову, она была уже далеко со своею добычею, въ самой чащѣ орѣшника на берегу ручья и ѣла торопливо, съ жадностью, тревожно поглядывая вокругъ сквозь густую листву.

Уютное это было мѣстечко! Подъ тѣнью густыхъ кустовъ орѣшника разстилался пышный коверъ изъ мягкой травы, усѣянной бѣлымъ и розовымъ клеверомъ, и даже въ самые сильные жары здѣсь господствовала душистая прохлада; разныя птички стаей слетались сюда, усаживались на вѣткахъ или скрывались въ чащѣ, оглашая окрестность всевозможными голосами. Въ полдень деревенскіе парубки, оставивъ скотъ въ полѣ, приходили сюда отдохнуть, растянувшись въ мягкой травѣ надъ источникомъ; тамъ дивчата и молодежи обыкновенно стирали бѣлье на двухъ большихъ камняхъ, стоя по колѣна въ прозрачной, тихо журчащей водѣ. Евка поглядывала и на нихъ изъ своей засады, но оставалась на мѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока не съѣдала послѣдняго куска и зачастую уходила во время самой интересной сцены, съ полнымъ равнодушіемъ пожимая плечами. Иногда мать случайно встрѣчала ее тамъ и гнала домой, толкуя по дорогѣ о Богѣ, о добродѣтели, и, подталкивая кулакомъ, гнала передъ собою тощую, голодную дѣвочку, сама заливаясь слезами надъ ея праздною и безпутствомъ.

— Чортъ бы побралъ всѣ эти добродѣтели! ворчала Евка. Отъ быстрой ходьбы ей снова начиналъ докучать голодъ; она поглядывала на право и на лѣво и, примѣтивъ плетень пониже, стремглавъ бросалась въ ту сторону и, какъ рыба въ водѣ, исчезала среди конопли и широкихъ листьевъ *бульбы*; только слегка колебавшіяся головки маку и аниса въ концѣ огорода указывали направленіе ея бѣга.

Мать смотрѣла опеломленная... въ этой дѣвочкѣ сидѣло какое то зло... Она давно уже была увѣрена въ этомъ, а подъ конецъ и сосѣдки начинали догадываться. Почти у каждой таскала она овощи въ огородъ, выкрадывала сыръ, сушившійся въ корзинахъ, и уже принялась выслѣживать куръ. Въ селѣ прошесть слухъ, будто она тайкомъ подбираетъ яйца... Старыя бабы видѣв-

шія многое на своемъ вѣку, начали поговаривать, что она можетъ быть и коровъ выдаиваетъ въ полѣ... Ни у кого въ цѣломъ селѣ не было столько враговъ, какъ у Евки. Едва выходила она на улицу, какъ изъ каждой двери, изъ за cadaго плетня показывалась голова въ красномъ или бѣломъ платкѣ; всѣ кричали на нее еще издали, дѣти и собаки бѣжали ей на встрѣчу, послѣднія выскакивали изъ подворотни, догоняли, окружали ее со всѣхъ сторонъ... Къ счастью, она была худа, какъ спичка, на длинныхъ тонкихъ ногахъ, и разбѣжавшись, далеко оставляла дѣтей за собою, однѣ собаки не отставали, а настигнувъ, теребили зубами дырявую юбочку, хватали за ноги, нерѣдко кусали до крови. Тревога и опасности преслѣдованія возбуждали въ дѣвчкѣ энергію, закаляли отвагу и рѣшимость; при видѣ собственной крови на пескѣ она только пожимала плечами; послѣ cadaго же такого столкновенія она ѣла съ удвоеннымъ аппетитомъ, или наоборотъ ложилась спать страшно голодная и видѣла во снѣ себя собственницею цѣлаго хлѣба совершенно свѣжаго, еще теплаго, но при желаніи полакомиться имъ вдругъ просыпалась въ пустой хатѣ, на соломѣ и горько плакала отъ голода.

Когда Евка подросла и поступила въ услуженіе нянькою къ дѣтямъ эконома, она уже ежедневно ѣла на кухнѣ горячую пищу, получая временами что нибудь и отъ стола, за то постоянно принуждена была въ нѣмомъ бездѣйствіи смотрѣть на настоящій экономскій аппетитъ и достатокъ. Запахъ жирныхъ, сытныхъ кушаньевъ всюду преслѣдовалъ ее; двѣ низкія, душныя комнаты были переполнены творогомъ и сметаню, на столахъ передъ окнами сушились попеременно то макъ, то различные сорта крупъ или муки; въ углахъ, за печкою и дверьми висѣли сушеные грибы, яблоки и груши; когда солнце согрѣвало всѣ эти припасы, воздухъ въ комнатѣ становился удушливымъ, мухи летали медленно, словно пьяные, у ней какъ то тяжелѣла голова и сама она какъ то успокаивалась, дѣлалась серьезнѣе; на новомъ мѣстѣ она получила красную юбку и полинялый синій платокъ, которымъ могла прикрыть дырявую рубаху.

Прошло нѣсколько лѣтъ; дѣвочка выросла и изъ тощаго голоднаго бѣсенка превратилась въ худощавую, но стройную,

смуглую дѣвочку; поварь собирался ей уже купить первые башмаки, но она только равнодушно пожимала плечами на всѣ ухаживанія за собою. Теперь она рѣдко бывала голодна, а такъ какъ дѣти прибывали у эконома съ каждымъ годомъ, то Евка въ теченіи всей весны и лѣта спокойно грѣлась на солнышкѣ съ ребенкомъ на рукахъ, дремала, когда клонило ко сну, и только ко времени завтрака или обѣда ощущала прежнее безпокойство и энергію. Во дворѣ говорили, что она немного лѣнива, но порядочная дѣвушка, она и на это пожимала плечами. Другія дивчата получали въ подарокъ ленты, бусы, иногда навеселѣ возвращались съ ярмарки, съ полными карманами грошевыхъ пряниковъ и конфетъ. Евка въ своей красной юбкѣ, короткой и полинялой, въ сѣрой рубахѣ, заплатанной на плечахъ бѣлымъ коленкоромъ, на все смотрѣла изъ подлобья, стиснувъ зубы...

Она давно готова была оставить мѣсто, гдѣ служила только за одежду и харчи, если бы не боялась снова возвратиться въ село на вѣчный голодъ и тяжелую работу. При томъ же одинъ изъ дворовыхъ парубковъ, Андрей, сказалъ ей разъ навсегда, что женится на ней, если она будетъ порядочною дѣвушкою, въ противномъ же случаѣ обѣщаль переломать ей всѣ кости, привязать камень на шею и бросить въ рѣку. Онъ говорилъ все это спокойно, суровымъ, хриплымъ голосомъ, даже палки не было въ рукахъ, но Евка повѣрила, какой то инстинктъ подсказывалъ ей, что онъ способенъ сдержать слово. Она побаивалась Андрея, становилась проворнѣе и старательнѣе, если онъ смотрѣлъ на нее, нѣсколько разъ даже, заглянувши къ нему въ конюшню въ праздничный день, останавливалась въ изумленіи, какъ бы въ нерѣшимости. Въ то время, какъ прочіе парубки слонялись по двору, спали на сѣнѣ или, растянувшись на травѣ передъ кухнею, играли въ старыя, замасленные карты, онъ сидѣлъ на связкѣ соломы подъ жолобомъ и читалъ... Положа на колѣни азбуку, медленно водилъ онъ пальцемъ по строкамъ, бормоталъ какіе то непонятные слоги, весь красный, измученный, какъ при самой тяжелой работѣ, запускалъ пальцы въ свою рыжую гриву, чесалъ за ухомъ, вздыхалъ, но все таки читалъ. Замѣтивъ дѣвушку въ дверяхъ, Андрей поспѣшно пряталъ книжку за пазуху.

— Ну, и чего пришла? сердито кричалъ онъ, краснѣя отъ смущенія, ступай къ ребенку! вотъ еще начнешь шататься по конюшнямъ!... Онъ отворачивался, не зная куда дѣвать глаза, и мрачно смотрѣлъ въ темный уголь, стыдясь своей учености, не желая подать повода къ толкамъ, будто онъ не то что другіе.

— Вотъ дуракъ! шептала Евка, поспѣшно удаляясь изъ конюшни.

Иногда Андрей нагонялъ ее и шелъ рядомъ, залажа руки въ карманы и мрачно потупивъ голову; одѣвался онъ хорошо: сапоги всегда были въ исправности, бѣлье чистое и крѣпкое, говорилъ мало, съ разстановкою, и постоянно смотрѣлъ въ землю. Всѣ во дворѣ относились къ нему съ уваженіемъ: онъ никогда не напивался, не кралъ, былъ силенъ, трудолюбивъ, только слишкомъ гордъ и рѣзокъ; даже самъ экономъ подолгу обдумывалъ и взвѣшивалъ каждое слово прежде, чѣмъ замѣтить ему что нибудь, и часто уходилъ молча, какъ пришелъ, боясь встрѣтить рѣзкій отпоръ.

— Ты, Евка, сиди дома, говорилъ онъ мягко, идя рядомъ съ нею, остерегайся злыхъ языковъ; человѣкъ... того... ну, извѣстно... каждый человѣкъ долженъ остерегаться людей.

Ему хотѣлось бы выразить яснѣе свою мысль, но этого онъ не умѣлъ, ему не доставало словъ; онъ чувствовалъ только, что готовъ былъ бы душу отдать за эту худощавую, смуглую дѣвушку съ ея сѣрыми глазами, злымъ и въ то же время какимъ то осмысленнымъ смѣхомъ... готовъ былъ бы задушить каждого, кто только осмѣлится тронуть ее пальцемъ. Женился бы онъ на ней хоть сейчасъ, но боялся: видалъ онъ не разъ, какъ другіе батраки переходили съ мѣста на мѣсто съ женами и дѣтьми, сложивши на повозку все свое жалкое имущество: сломанный столъ, сундукъ безъ замка, плетеную колыбельку, въ которой пицало одно или двое дѣтей. Сколько разъ, если случалось ему, проходя мимо, замѣтить грязнаго, заброшеннаго ребенка, котораго толкали свиньи, дергали гуси и козы, Андрей останавливался и смотрѣлъ, не желая даже защитить малютку.

— Пусть издыхаетъ, пусть пропадаетъ, пока не отросло еще отъ земли! Лучше смерть, чѣмъ собачья жизнь!

— Глупый хлопъ! шепталъ какой то голосъ въ его душѣ; онъ хмурилъ брови, угрюмо смотрѣлъ въ землю и по цѣлымъ днямъ тогда нельзя было слова добиться отъ него.

— Женись на мнѣ, говаривала не разъ Евка, заглядывая ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Ей улыбалась жизнь батрачки: она могла бы спать подолгу, варить, что захочетъ, и лишь изрѣдка, и то изъ любезности, пойти подоить хозяйскихъ коровъ или выполоть грядку въ огородѣ.

— Погоди, можетъ быть, послѣ лучше будетъ, былъ отвѣтъ. Евка пожимала плечами на это неопредѣленное „послѣ“; ей и теперь не было худо и будь у нея новая одежда да не нужно бы было стирать пеленки, она была бы вполне довольна.

— Можетъ быть удастся купить кусокъ земли... собственную хату... вотъ тогда...

Онъ задумывался при этихъ словахъ, закрывалъ глаза; густые волосы спускались ему на лобъ, рыжіе усы щетинились; крѣпкій и плотный, вѣчно угрюмый парубокъ imponировалъ ей своею силою и серьезностью.

— А ты, Евка, не воруй хозяйскаго сахара, выговаривалъ онъ ей строго, но по пріятельски; вотъ я нашель кусокъ, идучи за тобою, и бросилъ собакамъ. Что заслужено, то твое, а красть грѣшно и стыдно. Ты будешь у меня хозяйкою, женою, значить и душу должна сохранить честною... Зачѣмъ намъ сахаръ, да еще чужой? лишь бы хлѣбъ свой былъ. На этотъ разъ прощаю, а на другой побью, ей Богу! Хотя у меня у самого болить сердце, но что же, если ты добраго слова не хочешь послушать!

— Вотъ дуракъ! тѣфу! чтобъ его!.. мысленно повторяла Евка, отправившись отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нея спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ женихъ. Хлѣбъ у меня и такъ есть, а сахару никто не даетъ, если сама не возьму.

Она все ждала, что будетъ дальше, но время шло, и все оставалось по прежнему: Андрей все откладывалъ женитьбу и становился все угрюмѣе и молчаливѣе; не разъ находили на него приступы гнѣва, тогда онъ начиналъ говорить дерзости, наконецъ экономя пригрозилъ ему расчетомъ.

— И самъ пойду! довольно уже здѣсь своего труда положилъ! Свѣтъ великъ, а голодъ и работу всюду можно найти—быль гордый отвѣтъ.

Экономъ боялся, какъ бы онъ въ сердцахъ не зажегъ хлѣба на гумнѣ или не отравилъ коровъ, и рѣшился смолчать, приказавши, впрочемъ, наблюдать издали за Андреемъ.

— Пойду въ свѣтъ, говорилъ тотъ невѣстѣ, теперь такое время, что каждый, у кого есть толкъ въ головѣ, идетъ въ свѣтъ... пойду за море или за Дунай.

Такъ говорилъ онъ, а самъ хмурилъ брови и посматривалъ изъ подлобья на поля, покрытыя волнующимся хлѣбомъ, на луга, среди которыхъ дремало болотистое озерце, поросшее плесенью, переполненное лягушками. Виды были скучныя, однообразныя, но Андрей не могъ отвести отъ нихъ глазъ и чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ тише повторялъ: „пойду въ свѣтъ!“ иногда же и совсѣмъ умолкалъ, снова брался за работу и нѣсколько дней трудился упорно, какъ волъ, до кроваваго пота; экономъ давалъ ему вечеромъ рюмку водки и не вспоминалъ о расчетѣ. Тѣмъ не менѣе мысль бросить все и идти искать счастья по свѣту не покидала Андрея, а постепенно возрастала и укрѣплялась.

— Что я здѣсь заработаю? повторялъ онъ Евкѣ, которая слушала его рѣчи, широко раскрывъ глаза, и время отъ времени незамѣтно пожимала плечами. Буду смолоду работникомъ, на старость пастухомъ. А въ свѣтъ, я слышалъ, люди наживаются сразу, тотъ такъ, тотъ иначе заработаетъ денегъ, купить землю... и трудится на своемъ. Пойду въ свѣтъ! Ты, Евка, береги мою собаку; пусть хоть одна живая душа помнитъ обо мнѣ. Черезъ годъ, черезъ два вернуся... Я за большимъ богатствомъ не гонюсь, немного заработаю, немного при займу, купимъ хату у лѣсника и довольно!

Евка слушала молча, а въ груди ея дрожалъ злобный смѣхъ, она оглядывалась по сторонамъ, лишь бы не смотрѣтъ ему въ глаза.

— Куда онъ пойдетъ?... а? вотъ не видали дурака на свѣтъ! думала она, но сказать этого въ слухъ не смѣла. Андрей становился всё угрюмѣе и мрачнѣе, какъ то осунулся, постарѣлъ, со-

бираль понемногу свои вещи, а самъ ходилъ какъ одурѣлый, иногда забывалъ даже о ѣдѣ и, наконецъ, взялъ отъ эконома все свое жалованье до копѣйки.

— Завтра уже иду, обратился онъ къ Евкѣ въ послѣдній вечеръ.

Онъ сидѣлъ подъ вербою около конюшень, охвативъ руками колѣни, и слушалъ, какъ лошади съ храпомъ жевали овесъ, прислушивался къ глухому, неуловимому попуту осенняго воздуха, къ шелесту листьевъ... Голосъ оборвался, онъ не могъ продолжать... Евка стояла, прислонившись къ дереву, и теребила въ рукахъ уголь фартуха; у нея были уже свои планы... она только и ждала этого „завтра“.

— Въ Понѣмунѣ рубятъ лѣсъ, по рублю въ день платятъ... пойду! послѣ можетъ быть и получше что нибудь подвернется... нужно будетъ поискать по свѣту, проговорилъ онъ ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, какъ бы во снѣ, и умолкъ; съ болота повѣяло сыростью и прохлагою; онъ потянулъ въ себя воздухъ и медленно, какъ лунатикъ, повернулъ голову въ ту сторону; какое то безсиліе овладѣло имъ—хорошо было бы заснуть такъ подъ вербою и спать до суднаго дня.

Евка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но отойти не смѣла; хоть онъ и ни разу не билъ ее, все же она боялась его желѣзнаго кулака, грубаго голоса, даже эти рыжія брови, насупленные, какъ у разбойника, наводили на нее страхъ. Она переступила съ ноги на ногу и вздохнула отъ злости. Андрей поглядѣлъ на нее; босая, щупленькая дѣвушка въ старой юбкѣ и плохой рубашкѣ, съ головою, прислоненною къ стволу вербы, казалась печальною... въ тотъ вечеръ вся природа смотрѣла какъ то грустно: по небу ползли сѣрыя тучи, начиналъ накрапывать холодный дождикъ.

— Не горюй, ворочусь! годъ не вѣкъ! *Будешь шануватись...* не пожалѣешь! А сгубишь душу—и я тебя сгублю! сказалъ разъ, что ты мнѣ суждена, такъ и быть должно! Отъ судьбы не уйдешь! Я отъ роду не смотрѣлъ на бабъ, а тебя полюбилъ, не давалъ тебя въ обиду, такъ и ты, Евка, смотри за собою... Голову сврочу, если что... вотъ тебѣ крестъ! ты знаешь, я не собака, понапрасну лаять не стану!

Онъ немного разчувствовался, взявъ ее за руку, подержалъ минутку и выпустилъ.

— Ну, прощай! завтра чуть свѣтъ меня здѣсь не будетъ. Шельма Пегро будетъ теперь поить лысаго! Лютъ онъ на лошадей, никакой жалости не знаетъ! Да чортъ съ нимъ, не мои лошади, не мнѣ и жалѣть объ нихъ!

Онъ плюнулъ, полѣзъ въ карманъ за трубкою и не успѣлъ зажечь, какъ Евка была уже на серединѣ двора; онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ; сквозь вечернія сумерки онъ различалъ ея стройную фигуру, видѣлъ, какъ она ускоряла шаги, пока не скрылась за домою. Андрей опустилъ руки и забылъ о трубкѣ, постоялъ еще нѣсколько времени и пошелъ отяжелѣлыми шагами на послѣдній ночлегъ въ конюшню.

III.

Черезъ годъ Евка была женою Федора. Первое время она ходила, какъ потерянная, сама не сознавая, былъ ли то сонъ, или тяжелая, гнетущая дѣйствительность, во сто разъ хуже службы у эконома, хуже ея дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ голодъ и холодъ, за то безъ дѣла и на свободѣ. Съ самаго начала на нее ввалили самую тяжелую работу, съ утра до ночи не давая отдыха.

Въ низкой, закоптѣлой хатѣ старикъ отецъ, высокій, обросшій волосами, какъ разбойникъ, слѣдилъ за нею взглядомъ изъ подъ нахмуренныхъ бровей, побуждалъ къ работѣ, не позволяя присѣсть; самъ онъ все еще, какъ старый воль, ходилъ въ ярмѣ, по привычкѣ заглядывалъ въ каждый уголъ, а за молодою невѣсткою смотрѣлъ больше, чѣмъ за всѣми домашними—просто съ глазъ не спускалъ. Евка готова была провалиться сквозь землю, а между тѣмъ не могла скрыться отъ него хоть на минуту поды плетнемъ, ни въ коношляникѣ. Чуть присядеть она на минуту, стиснетъ руками одурѣлую голову и начнетъ расправлять кости на солнцѣ—какъ изъ за угла выходитъ старикъ, трясетъ нижнею челюстью, сопить и стучить по землѣ сувоватою палькою. Евка вскакиваетъ съ мѣста, черезъ плетень, черезъ нивы

бѣгомъ возвращается къ своему дѣлу, проклиная въ душѣ свою долю, и мужа, и хату, но молчить и трудится. Работа ея плохая, не умѣетъ она ни за что взяться какъ слѣдуетъ—отъ страха и злости все валится у ней изъ рукъ. Старикъ съ перваго дня называлъ ее дармоѣдкою, грозилъ выгнать изъ хаты, но Федоръ немного успокоилъ его, пообщавши, что хотя самъ онъ и перебьетъ на ней двѣ—три палки, а все таки пріучить ее къ порядку.

Максимиha только плечами пожимала отъ удивленія; она дала Евкѣ свою рубашку, юбку, бѣлый чистый платокъ на голову и общала поучить ее работать; одинъ Максимъ ничего не говорилъ, смотрѣлъ на нее изъ подлюбыя и молчалъ. Евка угадывала въ немъ союзника и, оставаясь одинъ на одинъ въ полѣ или въ хатѣ, улыбалась ему и заглядывала въ лицо своими сѣрыми глазами. Онъ обыкновенно отворачивался и уходилъ, иной разъ даже отплевывался, какъ отъ грѣховнаго искушенія.

Въ домѣ всего было вдоволь, шесть коровъ, свиньи, овцы, стадо гусей, куръ безъ счета, въ обширной коморѣ хранились запасы хлѣба за нѣсколько лѣтъ, холсты, сукна, кожухи. Евка глазамъ своимъ не вѣрила, глядя на весь этотъ достатокъ, дотрогивалась руками до каждой вещи, потомъ отходила на средину и смотрѣла по стѣнамъ, завѣшеннымъ одеждою, упряжью, мѣшками различныхъ крупъ и муки, кусками сала и копченой свинины.

— Вотъ богатство! А! твердила она, будучи не въ силахъ оторвать глазъ. За цѣлый годъ ей всего не переѣсть! Сперва она даже потеряла аппетитъ, пресыщенная однимъ видомъ такого обилія, но чрезъ нѣсколько дней жадность проснулась въ ней съ новою силою, возбуждаемая еще болѣе видомъ множества припасовъ, изъ которыхъ черпали очень осторожно, даже скупо, какъ будто ихъ рассчитали впередъ на цѣлыхъ сто лѣтъ. Евка въ изумленіи раскрывала глаза, на губахъ ея замиралъ крикъ досады, негодованія при видѣ чуть приправленнаго сметаною картофеля или постнаго крупника въ то время, какъ въ кладовой гнила свинина, а сало грызли мыши.

— Для воровъ добро бережете! не вытерпѣла—замѣтила она однажды Максимыхѣ со слезами на глазахъ; въ голосѣ ея звучало справедливое негодованіе.

Та посмотрѣла на нее невозмутимымъ взглядомъ... Сразу даже не поняла, въ чемъ дѣло; цѣлый вѣкъ свой такъ жили, никто еще не умеръ съ голоду и никому не приходило на мысль желать лучшей пищи. Вѣдь нельзя было бы отличить праздника отъ будней, если бы ежедневно ѣсть мясо и всякія приправы.

— Мы ни у кого не воруюмъ и насъ, слава Богу, не обкрадывали, отвѣчала она спокойно.

Впрочемъ, она сразу отгадала натуру Евки и всегда носила ключъ отъ коморы за пазухою, на ночь прятала его къ себѣ подъ сѣнникъ, попрежнему смотрѣла сама за всѣмъ, употребляя Евку только для разныхъ работъ и услугъ.

— Бѣдную сироту приняли въ хозяйскую хату, будь довольна своею судьбою, не бѣгай отъ дѣла! Тяжело пришлось въ началѣ, что же дѣлать, родная мать бьетъ дитя, пока научить уму—разуму, а между тѣмъ обиды здѣсь нѣтъ. Старика отца почитай, умный онъ, справедливый, а если поворчить иной разъ—на то онъ старикъ.... Кто ближе къ гробу, тому нужно уступать,—такъ уже самимъ Богомъ установлено на свѣтѣ, уговаривала Максима Евку, когда та, подобно дикой кошкѣ, начинала метаться по хатѣ, проливая весь свѣтъ, или, сидя на лавкѣ окаменѣлая, кусала губы и поглядывала изъ подлобья въ темные углы.

— Чортъ бы побралъ все ваше богатство! Вы и въ нуждѣ жили бы точно такъ же, какъ теперь живете въ достаткѣ, кричала она, все болѣе и болѣе раздражаясь отъ такой однообразной трудовой и необыкновенно умѣренной жизни.

— А жили бы! согласилась Максимиha.

— А чтобъ васъ всѣхъ задавило! Волю проклятые! виѣ себя кричала молодая женщина и выбѣгала изъ хаты.

Въ цѣломъ селѣ у нея не было ни души знакомой; Федоръ взялъ ее изъ чужаго села, близъ мѣстечка; здѣсь же и люди будто не тѣ, сперва приглядывались къ ней, а послѣ и смотрѣть перестали... освоились, какъ стадо съ новою лошадию или коровою, купленною на рынкѣ.... Она заговаривала съ бабами, заглядывала въ хаты, пробовала жаловаться, обвинять—ее слушали и молчали.

— Молода еще, потому и глупа, поживетъ—поумнѣетъ, говорили о ней старья женщины.

— Вѣдму привелъ въ село, повторяли мужчины старые и молодые, провожая ее глазами каждый разъ, какъ она бѣжала по улицѣ.

Евка задыхалась въ хатѣ особенно по вечерамъ, когда все стихало, старикъ храпѣлъ на печи, Максимыха хлопотала по хозяйству, а мужъ ея и братья сидѣли, развалившись за столомъ надъ остатками ужина. Молодой женщиной не сидѣлось въ избѣ, она бѣжала за ворота, предварительно пригладивъ волосы надъ лбомъ, на ходу оправляла на себѣ рубаху и передникъ, улыбаясь какимъ то зародившимся въ ней мыслямъ. Мимо воротъ проходили *господари* и парубки, никто не смотрѣлъ на нее, иной только пробормочетъ „слава Богу“! и пойдетъ своею дорогою; Евка сама затрогиваетъ ихъ, но едва засмѣется, едва успѣетъ разговориться, какъ изъ хаты зоветъ ее Максимыха, кричить, что пора спать и сейчасъ будутъ гасить огонь въ избѣ; наконецъ, не дождавшись, выходитъ сама, сложивъ руки подъ фартухомъ, медленными шагами подходитъ къ воротамъ, останавливается между нею и только что развеселившимся, немного подзадореннымъ парубкомъ, посмотреть на обоихъ и скажетъ.

— Стыдись, Евка, на улицѣ скалить зубы, точно дивчына! иди, читай молитву да ложись спать. Завтра еще до солнца идемъ на *жыва*; старикъ четыре морга снялъ у эконома.

Евка дѣлала видъ, будто не слышитъ, поворачивалась къ ней спиною, но Максимыха не оставала, дергала ее за юбку, за рукавъ рубахи, повторяя: „стыдно тебѣ, Евка“! и подъ конецъ принуждала таки слѣдовать за собою; по дорогѣ она дѣлала еще два—три замѣчанія, на которыя та плевала въ отвѣтъ или злобно подергивала плечами.

— Убѣгу, ей Богу убѣгу! шептала Евка придавленнымъ голосомъ, глядя издали, съ поля или съ берега рѣки, на эту низкую, почернѣлую хату и два большіе стога соломы, возвышавшіеся подлѣ *стодолы*, словно памятники труда и богатства.—Пусть имъ чортъ служить, а не я! За что я буду здѣсь тратить силы, губить свою молодость? Или мнѣ жизнь не мила? Ой, Боже ми-

лостивый, за что ты меня такъ покаралъ? Лучше бы мнѣ было, лежа въ темной могилѣ, грызть сырую землю, чѣмъ въ этой проклятой хатѣ, въ тяжелой неволѣ выжидать смерти!

Такъ размышляла она не разъ по цѣлымъ часамъ, спрятавшись въ обрывѣ надъ рѣчкую; малѣйшій шорохъ приводилъ ее въ дрожь, она оглядывалась въ тревогѣ, не выйдетъ ли изъ за кустовъ старикъ съ суковатою палкою, или мужъ, или Максимыха, чтобы и тамъ отыскать ее и погнать на вѣчную, нескончаемую работу. Изъ кустовъ вылетала какая нибудь сѣренькая птичка, также испуганная шелестомъ, сперва кружилась надъ берегомъ, потомъ постепенно спускалась все ниже, и ниже и, наконецъ, исчезала въ заросляхъ. Евка успокаивалась, садилась на землю, прислонившись спиною къ песчаному обрыву, грѣла ноги въ горячемъ пескѣ, вытягивалась, какъ кошка, прищуривъ глаза отъ солнца. Вечеромъ всѣ нападутъ на нее, старикъ онѣмѣетъ отъ злости, только застучитъ палкою объ землю, выпучитъ глаза и заплюетъ себѣ всю бороду, бормоча проклятія! Мужъ по обыкновенію еще разъ повторитъ обѣщаніе—прибить ее когда нибудь до полусмерти, Максимыха покиваетъ головою, какъ по умершей... такъ что жъ? Евка привыкла уже ко всему этому, только къ работѣ никакъ не могла привыкнуть.

Земли у нихъ было мало, повтому они цѣлою семьею ходили на заработки, а старикъ отбиралъ изъ рукъ каждый грошъ, считалъ, разсматривалъ, оборачивалъ на всѣ стороны его дрожащими руками, послѣ чего клалъ въ кожаный мѣшочекъ, который тщательно пряталъ за пазуху; послѣ чего останавливался въ раздумьи посреди двора или у дверей хаты, снова пересчитывалъ въ умѣ, соображалъ, хмурилъ брови—какъ бы чего то не досчитывался, а можетъ быть онъ уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что еще въ состояніи вести денежные дѣла семьи. Медленно качалъ онъ головою, вздыхалъ, устремивъ угасающій взглядъ въ ту землю, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ орошалась его трудовымъ потомъ. Сыновья осторожно проходили мимо него, старались говорить потише, какъ бы опасаясь вывести старика изъ его тяжелаго раздумья.

Евка смѣялась въ душѣ надъ этими рабочими волами, добровольно отдававшими ему свой кровный заработокъ, не оставляя себѣ ни гроша хоть на табакъ. Ого! она не будетъ такъ глупа! Скорѣе увидить старикъ свою смерть, нежели одинъ грошъ изъ ея заработка! Получивъ первые девять золотыхъ за выжатый у помѣщика хлѣбъ, и возвращаясь домой съ невѣсткой, она размышляла по дорогѣ о томъ, что за эти деньги купить себѣ въ воскресенье башмаки и передникъ или, можетъ быть, розоваго ситцу на кофту,—при воспоминаніи же о свекрѣ презрительно пожимала плечами. Вѣдь не убьетъ же ее старикъ, а отъ живой не видать ему ни гроша, въ этомъ она готова поклясться. Старикъ уже ждалъ ихъ; едва только вошли они во дворъ, онъ всталъ съ прызбы, выпрямился во весь ростъ—онъ былъ какъ то значительно выше въ тотъ день, поднялъ плечи и протянулъ костлявую руку за деньгами. У Евки сердце застыло, отвага замерла въ груди; съ ужасомъ смотрѣла она, какъ Максимыха отдала весь свой заработокъ, а онъ оставилъ въ ея рукѣ десять мѣдныхъ копѣекъ. Младшія дѣти вымирали у нея одно за другимъ и эти нѣсколько копѣекъ старикъ оставилъ нарочно, чтобы она въ воскресенье роздала нищимъ у церкви. Максимыха зажала деньги, отерла рукою слезы и поспѣшила въ хату; старикъ протянулъ руку къ Евкѣ и мрачно поглядѣлъ ей въ лицо. Она и сама не сознавала, какъ и почему отдала ему все до копѣйки.

А когда онъ съ деньгами пошелъ въ избу, она чуть не разрыдалась въ отчаяніи. Въ тотъ же вечеръ, она въ первый разъ побила своего мужа—нарочно для того и выбѣжала за нимъ изъ хаты послѣ ужина. Въ селѣ все уже стихло, всѣ звѣзды высыпали на небо, Евка оглянулась на всѣ стороны, подскочила къ Федору, который, наклонившись у воза, снималъ испорченное колесо, размахнулась и ударила его нѣсколько разъ изо всей силы кулакомъ въ спину, затѣмъ отскочила, стиснувъ зубы, дрожа отъ злости, и ждала, что онъ тотчасъ же свернетъ ей голову.

Онъ медленно выпрямился и смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи, словно не довѣряя собственнымъ глазами и спинѣ.

— Такъ это ты, стало быть, побила меня? спросилъ онъ.

— А что жь! и побила! Ну, такъ что же? вотъ побила и руки не усохли! И каждый день бить буду, потому что ты меня на смерть, на погибель привелъ сюда! Потому что ты меня на поруганье отдалъ. Я тебѣ не работница, я жена и хозяйка, а между тѣмъ гроша за душою не имѣю, ничѣмъ не пользуюсь, съ голоду умираю... собственный свой заработокъ тому... тому... отдавать должна!

Голосъ оборвался въ горлѣ, она зажала кулаки, все выжидая, когда же онъ начнетъ бить ее.

— Вѣдьма ты, а не жена, отвѣчалъ Федоръ, сдерживая голосъ, и поглядѣлъ черезъ плечо на освѣщенное окошко. Я бралъ тебя отъ добраго сердца и хотъ ты мнѣ уже до живаго досадила, все ждалъ, что ты исправиться, одумаешься! А когда ты такая, то и я теперь... не тотъ буду.

Евка засмѣялась и подскочила къ нему съ кулаками.

— Что жь ты мнѣ сдѣлаешь? изъ хаты выгонишь? Ой, ой, велика бѣда! Чтобъ васъ всѣхъ вмѣстѣ съ хатой молнія сожгла! Жила я безъ васъ и дальше сумѣю прожить!

— Что я сдѣлаю? Ужъ я знаю, что сдѣлаю! отвѣчалъ тотъ, видимо озабоченный.

— Что? ну, что? говори! шипѣла Евка, стиснувъ зубы и не спуская съ него глазъ; не убьешь, не утопишь, на это ни ума, ни силы тебѣ не достанетъ. Что жь ты сдѣлаешь? Вотъ видишь! И одурѣлъ, и говорить забываетъ! Теленокъ ты лысый! Тебѣ бы еще корову сосать, а не брать въ хату жену.

— Гмъ, бачили очы, що вуплялы, плачте, хочъ повывлазьте! проворчалъ Федоръ и наклонился надъ возомъ; Евка таеъ и задрожала отъ злости и негодованія. Еслибы онъ избилъ ее до полусмерти, заперъ въ хлѣву вмѣстѣ со скотомъ на цѣлую ночь, она можетъ быть отгрызла бы себѣ всѣ пальцы, можетъ быть подрыла бы или проломила стѣну и убѣжала, какъ нѣкогда изъ своей старой хаты, но по крайней мѣрѣ знала бы, что у нея мужъ не хуже другихъ. Этотъ безусый, невозмутимый простакъ въ глазахъ ея былъ ничтожнѣе послѣдняго мальчишки подпаска.

— Андриечку, мій мыленькый, дежь ты подився? крикнула Евка, давая волю возмущенному сердцу. Ну, хорошо, посмотримъ! если

исправишься, можетъ быть и я стану къ тебѣ ласковѣе, прибавила она, внезапно опомнившись,—не справишься, ей Богу, чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться,—каждый день бить буду. Довольно я отъ васъ натерпѣлась обидъ и пренебреженія. Теперь я сама буду учить васъ! Съ этими словами Евка плюнула и убѣжала въ хату. Ѳедоръ продолжалъ мастерить и раздумывалъ, не лучше ли приладить новое колесо, или и съ этимъ расколотымъ можно будетъ ѣхать по утру за снопами?

— А, чтобъ оно пропало! ворчалъ онъ, почесывая за ухомъ и поглядывая то на колесо, то на возъ, и вдругъ вспомнилъ жену.

— Вѣдьма! шепнулъ онъ. Вишь, разохлось! Стояло на солнцѣ да и разохлось, а тутъ и новаго не приладишь, какъ слѣдуетъ.

Этотъ возъ, колесо и снопы въ полѣ поглощали все его вниманіе; только окончивъ работу и убѣдившись, что возъ можетъ служить весь завтрашній день, онъ вернулся мыслями къ женѣ, значительно успокоенный, уступчивый, почти обрадованный ея умомъ и энергіею.

— Этъ! Такая же баба, какъ и другія. Исправится, какъ отвѣдаетъ палки! А все таки умна! Знаеть, что со мною ласкою все можно сдѣлать, потому и обѣщаетъ быть добрѣе. Бойтса! Знаеть, что если я разсержусь на нее, какъ слѣдуетъ, такъ не жить ей на свѣтѣ! Сила у меня страшная, но есть и разсудительность!

И въ доказательство своей разсудительности, онъ не пошелъ уже въ хату въ тотъ вечеръ, а остался ночевать съ Петромъ подлѣ лошадей; въ слѣдующіе дни онъ также нѣсколько избѣгалъ жены и выходилъ изъ хаты, чуть только она возвышала голосъ, „чтобы не портить себѣ крови пустыми разговорами“.

Осенью Ѳедора взяли въ солдаты. Старикъ самъ отвезъ его въ мѣстечко, но предварительно долго искалъ чего то на чердакѣ, а когда Евка послѣ ихъ отъѣзда, въ свою очередь, полѣзла на чердакъ, она замѣтила между двумя кроквами продолговатое углубленіе въ соломѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша была почи новая. Евка поочередно засовывала въ него обѣ руки, ощупывала на право и на лѣво своими тонкими пальцами, но встрѣчала одинъ влажный мохъ, пока, наконецъ, не продавила насквозь

солому; до крови разцарапала себѣ руки, а уходя поправила дыру, какъ могла, но старикъ все таки увидалъ, что тутъ порылась чужая рука. Первый же день по возвращеніи самъ онъ встацилъ туда кулъ соломы и аккуратно задѣлалъ крышу, только послѣ того влѣзъ на печь и пролежалъ нѣсколько дней какъ неживой, а слѣзъ оттуда состарившійся лѣтъ на десять, сгорбленный, молчаливый, спряталъ шапку и рукавицы Федора въ свою кубышку и каждый разъ, садясь за обѣдъ или ужинъ, въ первые дни посматривалъ на сыновей... опускалъ голову, а изъ глазъ слеза скатывалась за слезою и останавливалась въ сѣдыхъ, коротко подстриженныхъ усахъ.

Въ домѣ стало еще скучнѣе. Максимъ и Петръ по цѣлымъ днямъ рѣзали доски у шинкаря; Максимыха съ Евкою трепали ленъ, готовили на зиму свеклу и капусту; осень стояла дождливая, холодная,—изъ хаты и темныхъ сѣней нельзя было взглянуть на свѣтъ Божій. При томъ же Максимыха рѣшительно не давала покоя бѣдной Евкѣ, постоянно твердила ей слова сочувствія и утѣшенія, скорбѣла надъ горькою участію и одиночествомъ *солдатки*, учила ее страху Божію и скромности, свои же мудрыя рѣчи подтверждавала самымъ дѣломъ: относя обѣдъ мужу и брату, она клала въ миску одинъ кусокъ протухлой свинины, сметану для нихъ собирала сверху.

— Намъ, бабамъ, немного нужно! лишь бы не умереть съ голоду, говаривала она, оставляя въ горшкѣ водянистый крупникъ, а въ кувшинѣ одно кислое молоко;—ихъ работа тяжеле, имъ и поѣсть нужно лучше. Она подсыпала имъ даже лишнюю щепотку соли по добротѣ сердечной, клала немного перцу въ бумажку и бѣжала съ обѣдомъ, забравши съ собою всѣ ключи отъ коморы, сундука и кубышекъ.

Все это терпѣла Евка до поры, до времени, а въ головѣ роились мысли одна другой умнѣе. Она мечтала о томъ, какъ она отыщетъ сокровище старика, выберетъ все до копѣйки и убѣжитъ въ свѣтъ, съ деньгами, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ бѣжала къ себѣ въ хату съ полнымъ передникомъ незрѣлыхъ яблокъ.

Свѣтъ представлялся ей различно: всего чаще это былъ большой городъ, чрезвычайно похожій на единственное, извѣстное ей, мѣ-

стечко, полный еврейских лавочекъ, переполненныхъ всевозможными яствами, ситцами съ красными и желтыми цвѣтами, съ толпами людей на улицахъ, съ длинными рядами домовъ и церквей, опять таки какъ двѣ капли воды похожихъ на ихъ приходскую церковь и шмулеву корчму. Въ этомъ городѣ она одѣвалась бы съ головы до ногъ въ самую лучшую одежду, купила бы себѣ сережки, а можетъ быть даже зонтикъ и шляпку! Ужъ тогда то пожила бы!... такъ пожила бы на славу, всегда съ утра до ночи среди людей, среди смѣха и веселія, какъ на ярмаркѣ. На нее будутъ оглядываться, смотрѣть, какъ это она однимъ-одиношенька. Такъ что жъ? Пусть смотрятъ! Это ей не новость! Голодъ ей не страшенъ, одежды всякой была бы у нея полная скрыня, пусть бы тогда хоть всѣ люди превратились въ собакъ, пусть бы лаяли на нее изо всѣхъ силъ, она только смѣялась бы надъ ними и жила бы себѣ, какъ барыня! Вѣроятно, такая жизнь тянулась бы недолго, — годъ — два, пока хватитъ денегъ... но ужъ въ село она бы никогда не воротилась! Лучше поступила бы на службу въ большой домъ къ богатымъ господамъ, гдѣ работы мало, а слугъ много, ѣдятъ они по барски, — веселіе, досугъ.., а въ садахъ различные фрукты, ягоды, всюду роскошь такая, даже собакъ и кошекъ поятъ сливками. Въ лавочной одеждѣ, въ серьгахъ и кольцахъ, она легко могла бы поступить въ такой домъ, ее даже сами попросятъ, приплюютъ за нею пароконную бричку; вотъ она вѣзжаетъ во дворъ, съ большою зеленою скрынею, съ огромнымъ узломъ постели, а лакеи, повара, вся прислуга выглядываютъ въ окна и головою качаютъ въ изумленіи: ого! какая богачка эта новая горничная! толкуютъ они между собою въ то время, какъ она, въ розовой юбкѣ, въ черной шерстяной кофточкѣ, въ золотыхъ сережкахъ, сидитъ себѣ въ дѣвичьей надъ мискою яичницы, надъ жаренымъ мясомъ и все это заѣдаетъ бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ..

— Ой, Боже мій мылый! вырвалось изъ ея запекшихся устъ въ то время, какъ она, вся раскраснѣвшись, съ горящими глазами, развивала въ мысляхъ эти заманчивые образы. Евка сидѣла одна въ пустой хатѣ, заваленной бураками, капустою, брюквою и морковью, одинъ за другимъ скоблила бураки сломаннымъ ножемъ

и машинально бросала въ кадку съ капустою; потомъ, хватая попеременно то морковь, то брюкву, въ задумчивости бросила и ножъ въ кадку, вскочила съ мѣста и бросилась искать вездѣ вокругъ, подъ столомъ, подъ лавкою, между корнями... Ножъ исчезъ, какъ заколдованный! Ужь не чортъ ли выхватилъ его изъ рукъ? Гдѣ нибудь долженъ же онъ быть въ этой старой, полу-сгнившей хатѣ... Можетъ быть на печи сторожить спящаго старика!... Евка выбѣжала изъ хаты, захлопнувъ за собою дверь; охваченная холодомъ, она пришла въ себя и по обыкновенію пожала плечами.

— Вотъ, дура! Какіе тамъ черти? Кто ихъ видѣлъ? Такъ болтаютъ, лишь бы что нибудь сказать! Пугаютъ людей, чтобы потеряли охоту ко всему дурному! Неужели не встрѣтила бы я его прежде гдѣ нибудь, лазивши за малиною по болотамъ, по трясинамъ, по обрывамъ и зарослямъ? Уже и змѣй разныхъ видала, а чорта не встрѣчала нигдѣ! Потому что его и на свѣтѣ нѣтъ! Что тамъ и говорить!—Она совсѣмъ успокоилась, на душѣ стало легко.

— А все таки ножъ схватилъ! шепнуло что то надъ самымъ ухомъ.

Евка оглянулась на сѣни, плюнула черезъ плечо, но идти обратно въ хату ей не хотѣлось, она вышла за огородъ, къ рѣчкѣ. Тамъ Максимъ чинилъ заборъ, обухомъ топора вколачивалъ въ землю новые колья и съ каждымъ ударомъ глухой стонъ вылеталъ изъ его широкой груди. Евка прошла мимо и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, лицомъ къ рѣчкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Федора, она часто становилась такъ надъ берегомъ или у воротъ, никто не гналъ ее на работу, потому что и работы неотложной уже не было, и жалѣли ее немного. Максимъ, который бывало прежде слова къ ней не промолвилъ и не обращалъ на нее никакого вниманія, теперь помогалъ загонять коровъ, открывалъ ворота, когда она съ полными ведрами входила во дворъ; однажды спросилъ даже, не видала ли она, въ какую сторону погналъ Петръ лошадей на ночь. Съ тѣхъ поръ они все чаще и чаще перекидывались словечкомъ, стоя у воротъ или въ дверяхъ хаты другъ противъ друга. Максимъ былъ неразговорчивъ по природѣ, онъ никогда не выпускалъ трубки изо рта, а говорилъ, что было нужно, сквозь зубы, глядя въ землю, словно не-

хотя. Съ того же времени, когда задумали избрать его старшиною, онъ сдѣлался еще серьезнѣе: держался степенно, хмурилъ брови, проходя по селу съ трубкою въ зубахъ, небрежно переваливался съ боку на бокъ и только, поровнявшись съ самыми почетными хозяевами, останавливался, слушалъ ихъ бесѣду, время отъ времени кивая головою въ знакъ одобренія, и уходилъ молча съ трубкою въ зубахъ. Дома также ни съ кѣмъ почти не говорилъ кромѣ отца; между ними господствовало полное согласіе, они сходились во всемъ и старикъ каждое слово сына, даже то, котораго не разслышалъ, подтверждалъ кивкомъ головы; оба они курили капустный листъ вмѣсто табаку, оба не любили говорить о своихъ деньгахъ. Старикъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какая сумма хранилась у него въ запасъ изъ общаго заработка; Максимъ также никогда не вспоминалъ о деньгахъ, взятыхъ за женою, пряталъ ихъ на самое дно сунду въ такой грязной тряпкѣ, что даже послѣдній нищій не взялъ бы ее въ руки въ самой крайней нуждѣ. Онъ пользовался большимъ почетомъ среди односельчанъ, отвозилъ подати въ волость, отъ имени всѣхъ заключалъ условіе съ экономіею относительно паствы и крестилъ почти всѣхъ дѣтей въ селѣ. Однако жъ онъ до сихъ поръ ни разу не былъ старшиною, несмотря даже на то, что пошилъ себѣ кафтанъ и штаны изъ чернаго сукна и поѣхалъ на выборы парою лошадей въ зеленой телѣжкѣ. Возвратившись послѣ неудачныхъ выборовъ, онъ сдѣлался еще серьезнѣе, — не останавливался даже около бесѣдовавшихъ на улицѣ сосѣдей.

Между тѣмъ въ селѣ сразу не хотѣли вѣрить, что не онъ старшина. Хозяева воротились подъ хмѣлькомъ и не помнили, кто собственно избранъ, что же касается женщинъ, то онѣ такъ привыкли уважать спокойный характеръ, серьезность и молчаливость Максима, что и слушать не хотѣли о другомъ старшинѣ. Почти каждая изъ нихъ была его кумою, почти каждая надеялась получить отъ него помощь въ дѣлахъ семейныхъ и сосѣдскихъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались просьбы и жалобы. Въ спокойномъ до того времени селѣ все зашумѣло, заволновалось! Нѣсколько женщинъ жаловались на своихъ мужей, подъ секре-

томъ, со слезами заклинаясь своею душою, своими дѣтьми, готовы были показать ему еще прошлогодніе синяки на спинѣ, готовы были привести полъ-села въ свидѣтели того, что мужа ихъ разбойники, гайдамаки, растрачиваютъ имущество, угнетаютъ и тиранятъ женъ. Онѣ цѣловали руку Максима, падали къ его ногамъ, умоляя о помощи; однако не желали и кары для мужей, потому что каждый изъ нихъ, несмотря на злой характеръ и дурныя привычки, былъ „добрый, людскій, спокойный“ и только иногда, „въ поспиху“ обижалъ жену, заводилъ ссоры въ хатѣ, входилъ въ долги или отбиралъ у жены послѣдній грошъ! Старшина долженъ все это какъ нибудь исправить, уладить, не говоря ни слова мужу, не урезонивая жены, потому что оба они люди взрослые, имѣютъ свой умъ, сами знаютъ, какъ нужно жить на свѣтѣ; его дѣло, не заходя даже въ хату, воротить къ нимъ любовь, единодушіе и согласіе. На то онъ и старшина. Бабы исповѣдывались передъ нимъ, какъ передъ отцемъ духовнымъ, въ томъ, что было и чего и совѣмъ не было. Теперь онъ долженъ помочь! Наплакавшись и нагоревавшись вволю, высказавши всѣ свои печали, бабы стояли въ ожиданіи того волшебнаго слова, которое должно было, какъ чудный талисманъ, излечить ихъ отъ старой недоли. Напрасно толковалъ имъ Максимъ, что онъ совѣмъ не старшина, что старшиною остался прежній, онъ же можетъ быть избранъ не ранѣе трехъ лѣтъ. Никто не вѣрилъ. Еще входя во дворъ, имъ почудился запахъ жаренаго поросенка, а въ сѣняхъ всѣ видѣли боченочекъ, заткнутый соломою,—разумѣется съ водкою. Такіе расходы не дѣлаются безъ важныхъ поводовъ! Максимъ—несомнѣнно старшина, только не хочетъ помочь имъ, потому что, какъ всякій мужчина, самъ держитъ сторону мужчинъ, а женщинъ презираетъ, опять же и потому, что сердитъ, зачѣмъ пришли къ нему съ пустыми руками. Кто жъ его звалъ! Прежде былъ онъ справедливъ, не желалъ чужаго, теперь же, сдѣлавшись старшиною, захочетъ пожалуй обирать людей... Бабы падали къ его ногамъ, ловили руки, съ боязливою мольбою заглядывая ему въ глаза. Изъ сосѣда и кума онъ вдругъ превратился въ какую то необыкновенно важную, торжественную особу. Наболѣе наивныя

забылись до того, что стали толковать ему о своей нуждѣ и бѣдности, хотя онъ прекрасно зналъ день рожденія каждой ихъ коровы, каждой лошади и свиньи, даже самъ иногда занималъ у нихъ деньги. Всѣ называли его „паночку“, „батечку“ и даже дивились въ душѣ, какъ это они еще вчера могли звать эту важную особу просто Максимомъ.

Еще во сто кратъ докучливѣе были жалобы о покражахъ, обмѣнахъ и тому подобныхъ злоупотребленіяхъ. Почти каждая курица въ селѣ оказывалась спорною; въ наименѣе сомнительныхъ случаяхъ оказывалось по три, по четыре претендентки! Возобновились давно забытые споры за куски холста, обмѣненные во время бѣлѣнія, за горшки, метлы и тому подобную домашнюю утварь. Никогда еще село не имѣло своего старшины; въ числѣ обывателей были и такіе, что прожили полвѣка и ни разу не говорили даже съ старшиною, понятія не имѣли о его значеніи и власти, не понимали, зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ. Званіе, привилегіи, а всего больше сношенія съ властями возвышали его надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ, дѣлали чѣмъ то высшимъ, словно онъ и не крестьянинъ. Только въ умахъ самыхъ крайнихъ скептиковъ могло зародиться убѣжденіе, потому перешедшее въ пословицу, будто „и старшину чортъ беретъ“. Вообще же значеніе его преувеличивалось.

Тѣ изъ сосѣдей Максима, которые, возвратившись навеселѣ послѣ выборовъ, не могли сразу припомнить, кто на самомъ дѣлѣ былъ избранъ старшиною, въ первые дни при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки и въ то же время проклинали его въ душѣ, сами не зная за что. Онъ еще не притѣснялъ ихъ, но сдѣлаетъ это со временемъ, черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ мѣсяць... если же и не сдѣлаетъ, то все таки онъ старшина, „гаранникъ“, какая то злобная сила, тяготѣющая надъ ихъ имуществомъ и свободою. Тажущіяся между собою бабы приносили ему яйца, масло, цыплятъ, болѣе щедрья насильно совали въ руку вытертый пятакъ, котораго и шинкаръ уже не хотѣлъ брать. Говорили всѣ заразъ, всѣ требовали суда, въ полной увѣренности, что Максимъ, какъ сосѣдъ, кумъ и старшина изъ своего села, долженъ всѣмъ угодить. Максимъ зналъ, что вся эта

суматоха въ концѣ концовъ уляжется, что рано или поздно люди сознають свою ошибку и оставляютъ его въ покоѣ; тѣмъ не менѣе онъ пробовалъ урезонивать ихъ, убѣждать, что можетъ быть развѣ только черезъ три года.... Ему не давали кончить! Видя, что онъ и не думаетъ разбирать никакихъ дѣлъ, должно быть ожидаетъ большихъ приношеній, бабы приходили въ справедливое негодованіе: болѣе голосистыя выкрикивали передъ нимъ, что не боятся старшины,—плевать имъ на старшину—и знать его не хотятъ, обойдутся и безъ него, какъ и прежде обходились! Принесенныхъ цыплятъ и яйца забрали такъ аккуратно, что Максимыха по уходѣ ихъ не досчиталась деревянной ложки, новаго мѣшка и метлы.

Недоразумѣніе выяснилось только тогда, когда прежній старшина пріѣхалъ собирать недоимки. Только тогда и бабы, и всѣ сомнѣвавшіеся поняли, что были въ заблужденіи. Максимъ усмѣхался, принималъ равнодушный видъ, но въ душѣ былъ оскорбленъ оказаннымъ ему неуваженіемъ; всѣмъ извѣстно было, что онъ въ ротъ не бралъ водки, жилъ спокойно, умѣлъ читать и писать, во всѣхъ дѣлахъ—о мостахъ, дорогахъ или общественныхъ повинностяхъ онъ всегда говорилъ умнѣе всѣхъ; его уже знали, знали и то, что не терпѣли бы отъ него ни обиды, ни притѣсненія. Чуть не сто разъ служилъ онъ имъ, какъ могъ, какъ умѣлъ; передъ выборами всѣ кричали о немъ, заранѣе называли мудрымъ, справедливымъ старшиною, а въ послѣдній день „тотъ прежній“ поставилъ ведро водки и крикнули за него всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подали голоса даже тѣ, которые и въ глаза его никогда не видѣли.

— Ага! Не хотѣли аккуратного человѣка, пусть теперь шельмы покаются! повторялъ въ душѣ Максимъ и побожился отвынѣ ни въ какія дѣла не мѣшаться,—заплатить, что слѣдуетъ, и довольно. У него свое хозяйство, жена, дѣти и будетъ съ него! Къ чему понапрасну портить себѣ кровь, учить другихъ, если они продадутъ его послѣ за квартиру водки!

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

I.

Кошчичи-Стрижовскіе.

1. Кошчичи Брацлавскіе и Винницкіе въ XVI в.

Въ половинѣ XVI ст. восточная часть подольской земли, подъ установившимся въ исторіи именемъ Брацлавщины, съ двумя господарскими замками: Брацлавоу и Винницей, принадлежала еще исключительно Литвѣ и управлялась на особыхъ основаніяхъ, отличавшихся отъ того склада и порядка, которые уже успѣли значительно воздѣйствовать на сосѣднее подольское воеводство, принадлежавшее коронѣ польской. Здѣсь еще доживали свой вѣкъ порядки, установленные Коріатовичами. Назначаемые литовскимъ господаремъ волынскіе воеводы совмѣщали должности луцкаго, володимерскаго, винницкаго и брацлавскаго старостъ ¹⁾. Исполняя кое какъ трудную военно-оборонительную миссію, они мало имѣли вліянія на внутрен-

¹⁾ Намъ кажется, что почтенный авторъ смѣшиваетъ случайный фактъ съ нормальнымъ государственнымъ порядкомъ. Должность волынскаго воеводы была установлена только въ 1566 году; до того времени Волынью управлялъ маршалокъ земли волынской, онъ же староста луцкій и володимерскій, который развѣ случайно могъ быть въ тоже время старостою брацлавскимъ и винницкимъ. Въ доказательство выпишемъ извѣстныхъ намъ чиновниковъ, занимавшихъ означенныя должности, до конца первой четверти XVII столѣтія:

Маршалки земли волынской:

кн. Семень Юрьевичъ Гольшанскій 1491—1506.

Федоръ Янушевичъ 1506—1507.

нюю жизнь края, ближайшее управление которым оставалось на прежних началах в руках землянъ.

Потомки преимущественно древнихъ русскихъ боярскихъ родовъ, земляне Брацлавщины пережили времена татарскаго владычества и къ половинѣ XVI ст. представляютъ изъ себя болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ среды которыхъ, мало по малу, подъ западнымъ вліяніемъ все отчетливѣе выдѣляется классъ мѣстнаго землевладѣльческаго шляхетства.

Составъ брацлавскаго землянства со времени литовскаго владычества сталъ постепенно пополняться пришельцами, преимущественно изъ волынской земли, получавшими за выслугу «твердости» на разныхъ имѣніа, принадлежавшія замкамъ господарскимъ Винницѣ и Брацлаву. Твердости эти, въ видѣ жалованныхъ грамотъ, привилегій и листовъ, раздавались великими князьями или его намѣстниками-старостами съ господарскаго утвержденія, при чемъ непремѣн-

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1507—1522.

кн. Ѳеодоръ Михайловичъ Чарторыйскій 1522—1542.

кн. Андрей Михайловичъ Сангушко-Коширскій 1542—1560.

кн. Богущъ Ѳеодоровичъ Корецкій 1560—1566.

Воеводы волынскіе:

кн. Александръ Ѳеодоровичъ Чарторыйскій 1566—1571.

кн. Богущъ Ѳеодоровичъ Корецкій 1571—1579.

кн. Андрей Ивановичъ Вишневецкій 1579—1585.

кн. Янушъ Константиновичъ Острожскій 1585—1593.

кн. Александръ Константиновичъ Острожскій 1593—1603.

кн. Янушъ Янушевичъ Заславскій 1603—1629.

Старосты брацлавскіе и винницкіе:

кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій 1491—1529.

кн. Иліа Константиновичъ Острожскій 1529—1541.

кн. Семень Глѣбовичъ Пронскій 1541—1542.

кн. Ѳеодоръ Андреевичъ Сангушко 1642—1550.

кн. Богущъ Ѳеодоровичъ Корецкій 1550—1579.

Юрій Струсь 1579—1604.

Валентинъ Калиновскій 1604—1616.

Балабанъ 1620.

Адамъ Калиновскій 1624—1630.

Такимъ образомъ мы видимъ, что за 140 лѣтъ должности маршалка или воеводы волынскаго и старосты брацлавскаго и винницкаго совпадали случайно только два раза: при кн. Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ (1507—1522) и при кн. Богущѣ Ѳеодоровичѣ Корецкомъ (1560—1566 и 1571—1579), т. е. въ теченіе только 30 лѣтъ.—*Ред.*

нымъ условіемъ была обязанность землянина нести при старостѣ военную службу. Такое служилое сословіе, заинтересованное въ безопасности края, было необходимо для правительства въ этой далекой окраинѣ, на рубежѣ днѣскихъ полей.

Се теченіемъ времени новые пришельцы встрѣтили протестъ со стороны аборигеновъ и стараго землянства. Во время ревизіи брацлавскаго замка въ 1545 г., старые земляне потребовали, чтобы всѣ права и твердости были провѣрены: «вѣхай бы была ведомость, хто за чымъ держыть, а годенъ ли есть держаты». Этыхъ «подлейшихъ землянь они братею себе не менуютъ, ани знаютъ, отволь есть», замѣчаетъ ревизоръ ¹⁾.

Къ числу старыхъ землянскихъ родовъ, владѣвшихъ въ Брацлавщинѣ въ XVI вѣкѣ значительными имѣніями, принадлежалъ родъ *Кошковъ*.

Первое извѣстіе объ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ ревизіи винницкаго и брацлавскаго замковъ въ 1545 г., изъ которой видно, что Кошки владѣли на правахъ вотчинныхъ имѣніями, тянувшими къ обоимъ замкамъ.

Къ брацлавскому замку тянули обширныя имѣнія двухъ братьевъ Ивана и Андрея Кошковъ. Замковая ревизія передаетъ только, что они принадлежали къ старшимъ землянамъ и имѣли совмѣстно съ Исаемъ Жабокрицкимъ и Богданомъ Слубицей одну общую городню въ брацлавскомъ замкѣ. Относительно ихъ имѣній отмѣченъ только споръ брацлавскихъ мѣщанъ о рыбномъ озерѣ при устьи р. Удича въ р. Бугѣ. Мѣщане жаловались ревизору, что «Удичское Устіе Чорное здавна було замковое, нижли дей князь Пронски (бывшій староста) ему поступилъ». «А тотъ Иванъ Кошчичъ поведаетъ, штожь на тое озеро маеть привилія листы подтверженіе господарское. А мещане сознавали, хоти дей оны заочне привилія и листы себе бралъ, нижли того николи не вжывалъ, бо есть зъ великою шкодою замку господарского, ижь дей кромъ того озера на усти, не машь нигде инде на замокъ рыбу ловити» ²⁾.

Вскорѣ однако татары въ конецъ опустошили имѣнія Кошковъ, и братья переселились въ Винницу, гдѣ ихъ и застаеть описаніе замка 1552 года. «Люди пановъ Кошчичовъ въ мѣстѣ Венницкомъ челоувѣкъ 31; роботъ имъ на лето: день одинъ косятъ, а другій жнутъ, а

¹⁾ Zródła dziejowe, VI, 126.

²⁾ Zródła dziejowe, VI, 118, 122 и 123.

иного зъ нихъ ничего. Селища ихъ пустыя въ Брацлавскомъ повете, на имя: Польчиковъ, Чозовъ, Плисковъ, Хановъ, Осипковъ, Воробевцы, Хвальковъ, Черемошны, Иголковъ, Игнатовцы, Шнековъ, Деремчицы, Кобылая». Дохода съ этихъ имѣній братья не имѣли; только болоховцы, имѣвшіе тамъ свои уходы, вносили иногда до 4 кошь грошей въ годъ. «Въ мѣстѣ Брацлавскомъ мели они 60 человекъ, которые давали имъ на годъ каждый по 12 грошей, а по третиннику овса»¹⁾).

Изъ другаго источника мы знаемъ, что Иванъ и Андрей Кошчичи уже послѣ люблинской уніи въ 1582 г. раздѣлились своими обширными имѣніями въ Брацлавщинѣ и старшій изъ нихъ Иванъ Кошка, въ то время судья брацлавскій, продалъ князю Острожскому свою часть, недавно опустошенную татарами, состоявшую изъ Шпикова, Воробіевки и Рогозной²⁾. Вторая часть имѣнія, а именно краснинскій ключъ, осталась въ рукахъ Андрея Кошки. Кромѣ того, братья Кошчичи владѣли дворами въ г. Винницѣ, какъ это видно изъ описанія винницкаго замка 1552 г.³⁾

Тѣ же братья Иванъ и Андрей Кошки имѣли большое жировицкое имѣніе на далекой Волини, въ луцкомъ повѣтѣ, по сосѣдству съ Колками, имѣніемъ Ролевскаго. Преемникъ ихъ въ 1605 г. назывался тамъ Кошкой—Журавецкимъ въ отличіе отъ другихъ Кошковыхъ, встрѣчаемыхъ довольно часто въ волинскихъ актахъ XVI и первой половины XVII ст.⁴⁾ Нѣкоторые изъ нихъ, подъ польскимъ вліяніемъ, измѣняютъ свою фамилію на Котовичей⁵⁾.

Дальнѣйшая судьба брацлавскихъ Кошчичей намъ пока неизвѣстна. Остановимся теперь на другой вѣтви того же рода—винницкихъ Кошчичахъ.

Ревизія винницкаго замка 1545 г. называетъ землянъ Ивана Кошку и вдову Сасинову, владѣющихъ совмѣстно имѣніями Стрижовкою, Святковцами и Янезцами или Яновомъ⁶⁾. Главнымъ ихъ имѣніемъ была Стряжовка, гдѣ они и проживали, а потому, по обычаю того времени, они часто называются просто: Сасиновая Стрижевская, Ивашко Стри-

¹⁾ Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I. 610.

²⁾ Kwiaty i Owoco. Kijów 1870 г. ст. 301.

³⁾ Арх. Ю.-З. Р. VII, т. I, 607.

⁴⁾ Описи акт. книгъ кievс. центр. архива № 2035, ст. 19; № 10, стр. 9; № 13, стр. 53, 55.

⁵⁾ Ibid. № 14, ст. 27, 39; № 17, ст. 11, 12; № 18, ст. 6.

⁶⁾ Zródła Dziejowe VI, 109, 110, 115.

жевскій, безъ упоминанія родового имени Кошка или Кошчичъ. Со временемъ родовое имя совершенно исчезло и мы далѣе будемъ встрѣчать только одну помѣстную фамилію Стрижевскихъ. Подобная перемѣна фамилій произошла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. у многихъ старыхъ землянъ Брацлавщины. Такъ, родъ Козубовъ или Коцубовъ сталъ зваться Козубами—Якушинскими, а затѣмъ просто Якушинскими отъ родового имѣнія Якушинець; родъ Гречиновъ именовался Сабаровскими отъ имѣнія Сабарова, п т. д. Многие роды застаютъ акты того времени только съ одной помѣстной фамиліей, какъ Петничанскіе изъ с. Петничанъ, Ободенскіе изъ с. Ободнаго, Микулинскіе изъ с. Микулина и мн. др.—Упомянутые выше братья Иванъ и Андрей Кошчичи долѣе Стрижовской вѣтви удержали родовое имя, надо полагать потому, что не жили въ вотчинныхъ разоренныхъ помѣстьяхъ и должны были переселиться въ другой повѣтъ.

Въ указанныхъ выше имѣніяхъ Кошчичей-Стрижовскихъ числилось девяносто душъ крестьянъ. Сравнительно съ прочими, это было одно изъ болѣе населенныхъ имѣній; оно уступало только имѣнію Петничанскому Миска Степановича, имѣвшего сто десять душъ. Цифры эти, однако, далеко не выражали полной численности населенія; онѣ относятся только до крестьянъ послушныхъ, подданныхъ. Къ сожалѣнію, ревизіи замковъ, позднѣйшія люстраціи и другіе архивные матеріалы, указывая на повсемѣстное присутствіе свободного сельскаго элемента подъ именами хуторянъ, козаковъ, (болоховцевъ?), не даютъ никакихъ ровно указаній относительно ихъ численности.

Для своихъ имѣній, на случай нашествія непріятелей, Кошчичи имѣли въ винницкомъ замкѣ двѣ городни, одну для Стрижовки, а другую для Янова и Святковецъ.

Въ описаніи винницкаго замка, составленномъ чрезъ семь лѣтъ послѣ первой ревизіи, т. е. въ 1552 г., въ качествѣ владѣльцевъ Стрижовки и Янова мы уже не встрѣчаемъ ни Ивана Кошчича, ни вдовы Сасиновой, а въ перечисленіи земельныхъ сель читаемъ: «село пана Аксаково Стрыжовка» и «село Яново того жъ пана Оксаково», при чемъ въ Стрыжовкѣ показано 80 домовъ, а въ Яновѣ 16. Въ г. Винницѣ тотъ же «Аксакъ Стрыжевскій» имѣлъ своей дворъ рядомъ съ дворами братьевъ Ивана и Андрея Кошчичей¹⁾.

Описаніе замка отмѣчаетъ слѣдующія обязанности стрижовскихъ жителей: «кто коня имеетъ, каждый на службу военную ѣдетъ при

¹⁾ Арх. Ю.-З. Рос. VII, т. I, 602, 607 и 610.

пану, и безъ пана, при старосте, або наместнику его; робять на лѣто: день косити, а другой жаты а орати, на толоу ходять на пиво день одинъ, а на лѣто отъ посеѣв дани урочистое на годъ съ дому по 16 грошей; а клинки (?) на замокъ старосте дають зъ дому на годъ по 3 грошей полскихъ¹⁾.

Имена владѣльцевъ стрижовскаго и яновскаго имѣній, указанныя въ ревизіи винницкаго замка 1545 г. и въ описаніи 1552 г., стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчій съ позднѣйшими несомнѣнными актовыми данными. Такъ, въ одномъ актѣ 1570 года, который будетъ приведенъ ниже, войскій винницкій Миско Степановичъ Петничанскій, въ то время глубокой старикъ, показывалъ въ качествѣ свидѣтеля передъ королевскими комиссарами, что еще при старостѣ князѣ Ильѣ Константиновичѣ Острожскомъ владѣльцемъ Стрижовки былъ Дымытръ Лехновичъ Стрижевскій. Изъ того же и другихъ актовъ мы знаемъ, что въ 1566 г. владѣль тѣмъ же имѣніемъ родной сынъ Дмитрія Лехновича Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій. Такъ какъ кн. Илья Константиновичъ былъ винницеимъ старостою далеко раньше ревизіи 1545 года, послѣ него былъ старостой князь Пронскій, а ревизія производилась уже при князѣ Ѳедорѣ Сангушковичѣ, то оказывается, что владѣльцы, указанные въ ревизіи и описаніи замка, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксагъ владѣли Стрижовкою въ промежутокъ между владѣніемъ отца Дмитрія Лехновича и сына Гневоша Дмитріевича. Мы не имѣемъ пока данныхъ для выясненія родственныхъ отношеній между всѣми этими владѣльцами. Быть можетъ, Иванъ, вдова Сасиновая и Аксагъ Стрижовскіе были старшими родными братьями и сестрою Гневоша Стрижовскаго. Во всякомъ случаѣ, имѣнія эти, какъ видно, находились давно въ родѣ Кошковыхъ Стрижовскихъ и во второй половинѣ XVI вѣка единственнымъ владѣльцемъ является Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій, но имѣнія его, какъ увидимъ, далеко не ограничивались одною Стрижовкою и Яновомъ.

2. Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій, войскій винницкій.

(1566—1604).

По обычаю того времени, брацлавскіе земляне хранили всѣ свои драгоценности и цѣнные документы въ винницкомъ замкѣ. Этотъ замокъ, какъ новый, построенный недавно на островѣ р. Буга и болѣе

¹⁾ Ibid. стр. 610.

удаленный отъ днѣпскихъ полей, считался болѣе надежнымъ противъ татаръ оплотомъ, чѣмъ замокъ брацлавскій. При томъ Брацлавъ былъ опасенъ и по другимъ болѣе важнымъ причинамъ. Южные хищники главнымъ образомъ грабили села и деревни, избѣгая вооруженныхъ замковъ и добывая ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ виду брацлавскаго замка былъ болѣе грозный врагъ, чѣмъ татары Тамъ вслѣдствіе близости днѣпскихъ полей и постоянныхъ столкновеній съ татарами, въ населеніи очень рано и довольно сильно стало проявляться стремленіе къ козакованію и «своеволію», давшее впоследствии большую поддержку движенію Косинскаго и Наливайка. Мѣщане брацлавскіе, еще болѣе корсунскихъ и богуславскихъ, ознаменовали себя въ концѣ XVI ст. рядомъ бунтовъ противъ власти старостъ и заставили брацлавскихъ землянъ усленно ходатайствовать передъ сеймомъ о переводѣ всѣхъ воеводскихъ и земскихъ присутственныхъ мѣстъ изъ Брацлава въ Винницу, что и было исполнено формально въ 1598 году ¹⁾.

Въ винницкомъ, слѣдовательно, замѣкъ привыкли земане хранить свои *твердости*. Но 8 октября 1580 г., вслѣдствіе какаго то несчастнаго случая, новый винницкій замокъ сгорѣлъ до основанія ²⁾, а съ нимъ погибли всѣ акты какъ правительственные, такъ и частные. Желая обезпечить свои права, земане обратились къ королю на сеймѣ въ февралѣ 1581 г., прося занести въ книги королевской канцеляріи ихъ заявленія о сгорѣвшихъ документахъ. Между прочими занесено заявленіе Гневоша Стрижовскаго, въ то время уже войскаго винницкаго, подъ 3 февраля 1582 г., изъ котораго видно, что въ винницкомъ замѣкъ сгорѣли данные ему великими князьями литовскими и королями польскими привилегіи, пожалованія, листы и другія письменныя доказательства на *дѣдичныя* его имѣнія: *Кобыля* надъ р. Десной и р. Кобылей, *Стрижовка* надъ р. Бугомъ, *Цветковцы*, *Клобочица*, *Пиллявинцы* надъ р. Десною, *Яновъ* на р. Бугѣ и *Сниводѣ*; всѣ эти села въ повѣтѣ винницкомъ, и кромѣ того въ повѣтѣ кievскомъ: *Селища*, *Ерхачевъ* и *Щербовъ* ³⁾ на р. Раставицѣ.

Въ кievскомъ повѣтѣ у Гневоша Стрижовскаго было еще имѣніе, *часть села Дѣдовскаго* ⁴⁾, другая часть котораго принадлежала

¹⁾ Volumina Legum II, f. 1470, § 65.

²⁾ Kwiaty i Owoco. 307.

³⁾ Нынѣшнее мѣстечко Ружинъ; въ 1591 король Сигизмундъ III подарилъ село Щербовъ кн. Николаю Ружинскому, который переименовалъ его въ Ружинъ.

⁴⁾ Нынѣшнее село Дѣдовщина.

Милохнѣ Бѣлого. Владѣніе его въ этомъ имѣніи не было спокойное: онъ имѣлъ споръ съ сосѣдкой землянкой Головинской и судился съ ней въ 1584 г. за то, что она наслала на Дѣдковское имѣніе своего урядника съ крестьянами, которые избили и изувѣчили слугу его и пограбили у него деньги. Въ томъ же году, 20 ноября 1584 г., онъ продалъ свою часть въ Дѣдковцахъ за 200 копѣ грошей литовскихъ своему земляку брацлавскому земскому писарю Северину Кропивницкому, который одновременно купилъ и другую часть отъ Милохны Бѣлого за 600 копѣ грошей. Продавъ Дѣдковское имѣніе, Гневошъ Стрижевскій сейчасъ же купилъ тамъ же въ кievскомъ повѣтѣ у той же Милохны Бѣлого имѣніе *Кисоричи* за 100 копѣ грошей литовскихъ¹⁾.

Какъ видимъ, имѣнія Стрижевскаго были довольно значительны и, какъ убѣдимся послѣ, перечисленные названія по винницкому уѣзду не обнимаютъ всѣхъ поселеній: это только главные центры, въ которыхъ тянули болѣе мелкіе поселки, слободы, хутора и пасѣки. Главную, однако, существенную часть этого состоянія представляли, разумеется, крестьяне и ихъ трудъ. Сколько было крестьянъ у Гневоша Дмитріевича, мы не знаемъ, но слѣдуетъ полагать, что значительно больше, чѣмъ у его предковъ, такъ какъ времена хотя и были тревожныя, южныя гости своихъ набѣговъ не оставляли, но все же ослѣдній людъ понемногу укрѣплялся на старыхъ урочищахъ и способы защиты совершенствовались.

Въ разсматриваемый нами періодъ, во второй половинѣ XVI ст. въ Брацлавщинѣ довольно сильно проявляется стремленіе землянъ къ точному опредѣленію границъ своихъ помѣстій и возникаетъ цѣлый рядъ межевыхъ процессовъ, часто сопровождавшихся самоуправствами и насиліями. Во всѣхъ почти этихъ процессахъ центръ тяжести сводился не къ вопросу объ обладаніи крестьянами, а прямо о владѣніи землею. Прославленная пустынность безхозійныхъ обширныхъ степей на нижнихъ окраинахъ Рѣчи Посполитой по отношенію къ винницкому повѣту вовсе не находить себѣ подтвержденія. Напротивъ, при ближайшемъ изученіи актовъ оказывается, что здѣсь жизнь кипѣла полнымъ ключемъ, велось привольное хлѣбопашество издавна, каждая пядь земли имѣла свою цѣну и энергически отстаивалась отъ чужаго посягательства. Умолчанія въ разныхъ ревизіяхъ и люстраціяхъ о населенности и землевладѣніи края объясняется односторонностью этихъ актовъ. Ревизоры искали людей послушныхъ и пла-

¹⁾ Опись акт. книги кiev. центр. арх. № 8, ст. 13, 18, 19, 30 и 37.

тельщиковъ, а гдѣ таковыхъ не находили, тамъ для нихъ была или пустыня, или своеволие. Въ описаніи, напр., винницкаго замка 1552 г. отмѣчено всего около 20 сель замковыхъ и землянскихъ въ винницкомъ повѣтѣ, но на самомъ дѣлѣ можно ихъ по актамъ XVI ст. легко насчитать втрое больше. Да и самъ ревизоръ заявляетъ, что «ишіе села писатися не дали в небытности пановъ, а врадныковъ своихъ»¹⁾.

Гневошъ Дмитріевичъ былъ заботливымъ хозяиномъ и оберегалъ границы своихъ обширныхъ грунтовъ. Вскорѣ, вѣроятно послѣ принятія наслѣдства, онъ затѣялъ процессъ съ винницкими мѣщанами изъ за границъ своего стрижовскаго, или вѣрнѣе, кобыленскаго имѣнія, тянувшася широкой полосой сѣвере-восточнѣе мѣщанскихъ угодій. Процессъ закончился 24 мая 1566 г. декретомъ брацлавскаго и винницкаго старосты вн. Богуща Федоровича Корецкаго. Въ декретѣ этомъ, сохранившемся въ польскомъ переводѣ 1650 года такъ описаны границы по направленію съ запада на востокъ: «Лѣсомъ великимъ отъ верховьевъ рѣчки Сони до устья, гдѣ вливается въ Богъ по лѣвую сторону стрижовскій, по правую грунтъ мѣщанскій, по ту сторону Богу рѣчки отъ устья Вельбежевки этой рѣчкой Вельбежевкой вверхъ до дороги, которая идетъ изъ Петничанъ мимо Круглець по лѣвую руку стрижовскій, а по правую мѣщанскій. Тою же дорогой отъ Вельбежевки до Глубокой Криницы; по ту сторону Криницы Островъ, на которомъ присягалъ шляхетный Дмитръ Стрижовскій, а отсюда по дорогѣ до Семѣнки стрижовскій по лѣвую, а по правую мѣщанскій. Отъ этой дороги въ верху Семенки до верховьевъ Свынарowychъ Лозъ, внизъ Свынарowymi Лозами, этой рудой, до Хомутной по лѣвую стрижовскій, по правую мѣщанскій; пройдя черезъ долину Хомутной, Сухою горою до Нетяговъ ниже Калитына става на Лозы, а отъ этихъ Лозъ на Колодязъ, отъ Колодязя на густой березнякъ и тамъ уже пришелъ грунтъ Вороновицкій»²⁾.

¹⁾ Арх. ю.-з. Рос. VII, т. I, 611.

²⁾ Рѣчка *Соня*, правый притокъ р. Буга, протекаетъ въ лѣсахъ по нынѣшней границѣ стрижовскаго и петничанскаго имѣній. *Вельбежевка*, лѣвый притокъ р. Буга, теперь называется *Вербежевкой*. *С. Петничаны*, согласно акту, придется причислить къ владѣніямъ г. Винницы. Дѣло въ томъ, что это село замковое и отдано было господаремъ при вн. Константиѣ Острожскомъ Степану Демидовичу; во время отвода границъ имъ владѣлъ сынъ его Миско Степановичъ. *Хомутна* рѣчка, лѣвый притокъ р. Кобыльвой, впадающей въ Десну. *Свынаровы лозы* руда, болотистый

Отгѣтивъ указанныя мѣста на картѣ, увидимъ, что граница стрижовскаго имѣнія тянулась съ запада на юго-востокъ, начиная отъ земель с. Якушинець, переходила черезъ р. Бугъ и доходила до воровницкихъ земель въ нынѣшнемъ брацлавскомъ уѣздѣ гдѣ то около с. Еленовки. Она захватывала съ юга, кромѣ Стрижовки и теперешняго с. Стадницы, почти всю систему рѣки Кобыльны, на которой расположены теперь села: Приборовка, Кобыльна, Коссаковка, Кохановка, Пеньковка и Козинцы. Всѣ земли этихъ сель входили въ составъ кобыленскаго имѣнія, отдѣлявшагося отъ собственнаго стрижовскаго имѣнія рѣкою Десною.

Утвердивши этимъ декретомъ свои границы съ винницкими мѣщанами, Гневошъ Дмитріевичъ добился того же по отношенію къ огромному старостинскому имѣнію селу Мизякову. Къ этому древнему замковому селу тянуло огромное пространство земли, начиная отъ границъ с. Якушинець по направленію къ сѣверо-востоку вплоть до верховьевъ р. Десны и до Чернаго шляха. Земли эти почти на всемъ пространствѣ, покрытыя въ то время лѣсомъ, усѣянныя мизяковскими насѣками и козацкими хуторами, огибали стрижовское имѣніе съ запада и сѣверо-запада. Граница шла очень близко отъ главнаго мизяковскаго поселенія, котораго уходы и пахати расположены довольно неудобно и на далекихъ разстояніяхъ на югъ и на сѣверъ, между тѣмъ какъ стрижовскіе грунты были подъ рукой. Такое расположеніе угодій давало поводъ къ частымъ взаимнымъ нарушеніямъ границъ. Мизяковскіе люди подъ крыломъ старостинской власти постоянно захватывали стрижовскіе земли, часто безнаказанно, но иногда дѣло доходило до насилій и взаимныхъ самоуправствъ. Споры съ мизяковцами начались очень давно, и еще покойный Дмитрій Лехновичъ во времена старосты кн. Ильи Константиновича Острожскаго въ тридцатыхъ годахъ XVI ст. велъ межевое дѣло и возобновлялъ копцы и зарубы на деревьяхъ.

Подобныя отношенія не пришлись по ввусу Гневошу Дмитріевичу; отвѣчать за самоуправство и заѣздъ той же монетой, по укореившемся уже въ то время и въ Брацлавщинѣ обычаю, не было,

ручеекъ, лѣвый притокъ Хомутной, впадаетъ ниже с. Малыхъ Крушлинецъ. *Нетямы* рѣчка, лѣвый притокъ Кобыльной. *Калитмы* ставъ на рѣчкѣ Нетягахъ въ с. Калитинцы. Село это пожаловано Мартину Хруслинскому въ 1599 г. и отъ его имени названо впоследствии Хруслинцы, теперь Большія Крушлинцы.—Вмѣстѣ съ Калитынымъ ставищемъ пожаловано Хруслинскимъ урочище *Нетямы* и *Телепентыны ригъ*, вышѣ с. Телепенья (Арх. ю.-з. Россіи VII т., I ч., стр. 259).

кажется, въ его правлахъ. По крайней мѣрѣ намъ не удалось встрѣтить даже намека въ документахъ того времени на то, чтобы кто либо жаловался на Гневоша Дмитріевича за «гвалтовное» или «збройное» нападеніе. Прямой путь для него былъ обратиться съ жалобой къ королю и ходатайствомъ о назначеніи разграничительной комиссіи. — Ходатайство это было уважено, и 23 апрѣля 1570 года прибыли на мѣсто королевскіе комиссары (которымъ было одновременно поручено важное дѣло разграниченія кіевскаго, подольскаго и брацлавскаго воеводства) съ понятыми и свидѣтелями, и отвели границу между стрижовскими и мизяковскими грунтами на всемъ ихъ протяженіи, отъ якушинецкой до прилущкой «плати» ¹⁾. Протоколъ этого отвода, имѣющійся у меня на польскомъ языкѣ, представляетъ много интересныхъ подробностей, а потому я считаю не лишнимъ привести главную его часть въ русскомъ переводѣ: «Я. Олизаръ Кердей Мильскій, маршалъ е. кор. м., да Я. Миско Пашкевичъ Долбановскій, объявляемъ и чинимъ вѣдомо» etc., «что, согласно приказанію и нисъму е. кор. м—ти, мы, какъ комиссары, въ присутствіи благородныхъ пановъ Миска Петинчанскаго, войскаго винницкаго, пана Матвѣя Козельскаго, ротмистра е. кор. м—ти и князя Ярослава Соколицкаго съ одной, а землякъ его кор. м—ти воеводства брацлавскаго Лаврына Яцковскаго и пана Филона Кордына съ другой, вслѣдствіе жалобы пана Гневоша Дмитровича Стризовскаго на большіе убытки по винѣ подданныхъ е. кор. м—ти села Мизяковскаго, захватывающихъ стрижовскіе грунты... въ день св. Юрія мѣсяца апрѣля 23 дня нижеписаннаго года, всѣ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ пана старосты паномъ Львомъ Васильевичемъ Стубельскимъ, имѣя при себѣ вознаго брацлавскаго воеводства, пана Семена Сабаровскаго, назначеннаго по этому дѣлу винницкимъ градскимъ урядомъ, выѣхали на тотъ грунтъ, въ которомъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Мизякова панъ Гневошъ Стрижевскій, а именно: прежде всего взявъ отъ *урочища Перерорекъ* (Periorek) отъ верховьевъ Періовскаго пруда ²⁾ отъ россохатаго дуба, на которомъ лѣтвенны зарубы (rubezy); отъ этого дуба черезъ долину на могилу, отъ этой могилы при входѣ въ лѣсъ въ самомъ началѣ стоитъ дубъ, на которомъ тоже зарубы, а направляясь

¹⁾ *Платой* называлось мѣсто, гдѣ сходились границы 3-хъ разныхъ грунтовъ или имѣній.

²⁾ Существуетъ и теперь с. Перерори на рѣчкѣ Стрижовкѣ, на которой и теперь есть прудъ. Село принадлежитъ къ стрижовскому имѣнію.

лѣсомъ между насѣкой Коржиновой, человѣка мязиковскаго, и между насѣкой Панааса Шаневича, человѣка стрижовскаго, по правую руку грунтъ стрижовскій, а по лѣвую мязиковскій, а отсюда черезъ *лѣсъ Дубовець* ¹⁾ до *Поплава* ²⁾ между насѣкой Лиснева, человѣка мязиковскаго и между насѣкой Снетыновича, человѣка стрижовскаго, выйдя изъ этого лѣса на възлѣсье (азъ на wzlas), стоитъ большой дубъ, на которомъ зарубы граничныя явственныя; а потомъ отъ этого дуба и подлѣсья, вывелъ насъ панъ Стрижевскій и признавалъ своею землю до другаго дуба въ концѣ полей и нивъ, отъ того грунта несомнѣнно до стараго дорожища, которое пролегаетъ возлѣ руды Поплавской со стороны села Стрижовскаго, стоя здѣсь на дорогѣ, идущей изъ Мязикова въ Винницу возлѣ той руды на самой дорогѣ (na drodze gościńca), панъ Стрижевскій, согласно общему закону (prawa pospolitego), указывая свои границы, поставилъ 18 свидѣтелей, людей хорошихъ и достойныхъ вѣры, и старыхъ, и взрослыхъ, которые говорили, что нѣкоторые изъ нихъ помнятъ около ста лѣтъ; эти послѣдніе, ставъ передъ нами, показали, что земля эта никогда не принадлежала селу Мязиковскому, а Стрижовскому; а при показаніи этихъ свидѣтелей панъ Миско Петричанскій, войскій винницкій, тоже показалъ, что когда мы съ отцомъ пана Гневоша Стрижевскаго, паномъ Дымытромъ Лехновичемъ Стрижовскимъ еще за староства е. м. князя Ильи пріѣзжали сюда, то покойный панъ Дымытръ указалъ мнѣ по этой сторонѣ руды отъ своего имѣнія стрижовскаго нивы, засѣяныя пшеницей, бокомъ возлѣ самой руды Поплавы, а по ту сторону, отъ могилы, то по его указанію была земля мязиковская; при этомъ показаніи пана Миска Петричанскаго, изъ числа свидѣтелей истца пана Стрижовскаго, подданный пана Петра микулинскаго супруновскій, по имени Дымытръ Крывдынь сказалъ, что когда у пана Петровнича, еще во время староства князя Ильи Константиновича Острожскаго, когда панъ Петровничъ шелъ въ поле, въ Супруновѣ уворованы были лошади; за этой бражей лошадей супруновскіе выводили слѣдъ и тогда мязиковскій говорилъ и нарекалъ на супруновцевъ такъ: вы знаете, что наша граница только съ нами, а вы безъ нашего вѣдома черезъ нашу землю вели слѣдъ до границъ стрижовскихъ, а вѣдъ наша граница

¹⁾ Сѣвернѣе с. Пересорокъ есть теперь въ этомъ мѣстѣ хуторъ Дубовець ил. границѣ стрижовскаго имѣнія.

²⁾ Руда Поплава имѣетъ большой тонкій заливъ р. Буга съ правой его стороны выше села Мавровки, входящей и теперь въ составъ стрижовскаго имѣнія.

съ паномъ Стрижовскимъ въ порядкѣ, а по той сторонѣ руды уже земля пана Стрижовскаго; и послали къ стрижовскому атаману Лучкишаню, чтобы принявъ съ ихъ земли тотъ слѣдъ при этомъ рудѣ и границѣ стрижовской, вывелъ бы и изъ своей земли ¹⁾). Потомъ панъ Стрижовскій, ведя насъ тою же рудою, сказалъ, что эта руда, моя граница, впадаетъ въ р. Бугъ; на той сторонѣ, отъ рѣки панъ Стрижовскій также указалъ свою границу съ Мизяковымъ — *урочище и рѣчку Медведовку*, которая впадаетъ въ Бугъ ²⁾, а отъ верховьевъ той рѣчки Медведовки до Верболоза, а отъ Верболоза до Осниковъ, а отъ Осниковъ до могилы, на которой имы явственно вырытыя, а отъ той могилы урочище *Сальникъ* ³⁾, а отъ Сальника до Дубровки Малишовой Колки, а отъ Дубровки Малишовой Колка до рѣки Жерди, на которой лозовый и березовый островъ; тамъ же возлѣ этого острова и рѣки явились лично земляне брацлавскаго воеводства благородные панъ Иванъ Лисень, панъ Сергій и панъ Семенъ Демашенки Прилуцкіе и сказали, что отъ этой рѣчки Жерди граница наша прилуцкая и пята съ Стрижовкою и Мизяковымъ». Послѣ указанія Гневошемъ Дмитріевичемъ этихъ границъ, присутствовавшіе подданные его кор. м—ти, отаманъ Супрунъ Каренко и другіе заявили споръ, доказывая, что границы эти захватываютъ отчасти и мизяковскіе грунты. Вслѣдствіе этого было предложено Гневошу Дмитріевичу совместно съ посторонними свѣдущими лицами подтвердить свои указанія присягою. Панъ Стрижовскій выполнилъ присягу по составленному листу ⁴⁾, а приглашенные имъ старые крестьяне изъ Супрунова, Багриновець и Пикова ее подтвердили. Этимъ былъ разрѣшенъ споръ

¹⁾ Древній и узаконенный литовскимъ статутомъ обычай выводить слѣдъ состоялъ въ слѣдующемъ. Послѣ обнаруженія кражи лошадей (или скота), потерпѣвшій съ понятыми шелъ по слѣдамъ, но если слѣды доходили до границъ чужаго села, то посылали за старшимъ въ селѣ, и онъ уже долженъ былъ вести слѣдъ; если бы люди чужаго села не захотѣли выводить слѣда, то принимали на себя отвѣтственность за убытки. Если же сосѣдъ вывелъ слѣдъ до слѣдующей границы, то долженъ былъ передать этотъ слѣдъ своимъ сосѣдямъ. (Лит. статутъ, роздѣлъ XIV, артикулъ 9).

²⁾ Существуетъ и теперь с. Медведовка на рѣчкѣ того же имени, лѣвомъ притокѣ Буга, выше с. Лавровки.

³⁾ Нынѣ с. Сальвикъ.

⁴⁾ Присяга Гневоша Стрижовскаго помѣщена въ Арх. Ю.-З. Рос. VII т., I ч. стр. 231. Актъ этотъ оказывается очень искаженнымъ: названія селъ и урочищъ и число мѣсяца, въ которомъ составлено разграниченіе, искажены, вѣроятно, въ спискѣ XVIII вѣка, изъ котораго онъ заимствованъ.

и комиссары, утвердивъ границы, передали Гневошу Стрижовскому отдѣленные грунты «w moć, w dzierżenie i używanie wiecznemi czasą», насыпали концы и подѣляли зарубы; что же касается претензій п. Стрижовскаго на вознагражденіе убытковъ, происшедшихъ отъ насилій и грабежа (za grabieżnym i gwałtownym najściem), то таковыя предоставили потерпѣвшему взыскивать судебнымъ порядкомъ. Актъ комиссарскій составленъ былъ 24-го апрѣля 1570 г. въ замкѣ стрижовскомъ и затѣмъ внесенъ въ винницкія городскія книги.

Къ сожалѣнію, у насъ весьма мало указаній относительно характера и способа веденія хозяйства въ имѣніяхъ Гневоша Дмитріевича и размѣра его доходовъ. Кромѣ дани натурою и деньгами отъ подданныхъ крестьянъ, Стрижовскій имѣлъ доходъ отъ собственнаго хозяйства какъ полеваго, такъ и лѣснаго. Главными предметами вывоза были въ то время пшеница, гурты воловъ, воскъ и медъ. Всѣ имѣнія его лежали въ лѣсистой полосѣ повѣта; полоса эта и до нынѣ въ устахъ народа слыветъ подъ названіемъ «*лиса*», въ отличіе отъ югозападной части повѣта «*стень*». Не видно ни изъ актовъ, ни изъ названій урочищъ, чтобы въ лѣсахъ Стрижовскаго было развито добываніе поташа или другіе лѣсные промыслы.—Всѣ эти винницкія имѣнія пана Гневоша, состоявшія изъ трехъ ключей стрижовскаго, кобыленскаго и яновскаго, не говоря уже объ имѣніяхъ въ кіевскомъ повѣтѣ, занимали обширныя пространства, и во всякомъ случаѣ ставили его въ ряду самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ краѣ. Въ винницкомъ повѣтѣ съ Гневошемъ Стрижовскимъ могъ помѣряться обширностью своихъ грунтовъ развѣ одинъ родъ Острожскихъ, владѣвшій здѣсь большимъ пиковскимъ имѣніемъ, занимавшимъ весь сѣверозападный уголъ повѣта. Къ большимъ имѣніямъ можно было отнести еще владѣнія его кор. милости старостинскія, но и тѣ по большей части были розданы отдѣльными селами разнымъ лицамъ то въ собственность, то въ пожизненную аренду. Остальныя землянскія имѣнія были сравнительно небольшія. Обширныя нѣкогда земли Микулинскихъ къ концу XVI в. раздробились между сонаслѣдниками и каждому члену рода принадлежало одно какое нибудь селище. Горностан изъ Гущинець, Копубы изъ Якушинець, Черлинковскіе изъ Черлинкова, Калитынскіе изъ Тыврова, Степановичъ изъ Петничавъ, Кордыши, Оболенскіе, Гречины, Ласки, Семашки, Красносельскіе, Кропивницкіе и т. д.—всѣ они сидѣли на одномъ, много на двухъ небольшихъ селахъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ встрѣчаемъ и по два владѣльца.

Состоятельность пана Стрижовскаго позволяла ему, не ограничиваясь двумя городнями въ винницкомъ замкѣ, имѣть еще свой собственный довольно фундаментально укрѣпленный замокъ. Такую роскошь можно встрѣтить у весьма немногихъ винницкихъ земель, ограничивавшихся только обычнымъ ровомъ и палисадомъ. Слѣды стрижовскаго замка до сихъ поръ видны. Онъ былъ построенъ по образцу малыхъ литовскихъ замковъ того времени, южнѣе села, на высокой отвѣсной, скалистой горѣ надъ р. Бугомъ. Со стороны рѣки онъ былъ безусловно неприступенъ, а съ запада защищался глубокимъ ровомъ и двумя концентрическими валами, спускавшимися по обѣ стороны замка въ крутой обрывъ надъ Бугомъ. Часть замка вмѣстѣ съ наружнымъ валомъ, отчасти еще сохранившимся, занята крестьянскими огородами осѣвшей здѣсь впоследствии Слободки Стрижовской, а другая часть, внутренняя, находится во владѣніи теперешняго помѣщика. Въ немъ устроенъ фамильный склепъ гр. Грохольскихъ съ часовней и разведенъ паркъ. Говорятъ, что во время работъ при устройствѣ склена обнаружено было много камня, кирпича и истлѣвшаго дерева.

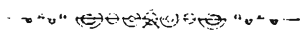
До люблинской униі и учрежденія особаго брацлавскаго воеводства, между Брацлавиной и землей волинской установились прямые и довольно тѣсныя сношенія. Луцкъ, Владиміръ, Винница и Брацлавъ управлялись на однихъ основаніяхъ и находились подъ властью одного старосты. Вслѣдствіе этого въ XVI ст. въ Брацлавинѣ мы встрѣчаемъ много людей волинскихъ, сподвижниковъ князей Острожскихъ, Пронскаго, Сангушка, Корецкаго и др. Въ свою очередь, вліятельнѣйшіе земле брацлавскіе въ интересахъ служебно—административныхъ сближаются съ панами волинскими, а иногда и переселяются на сѣверъ ¹⁾ Гневошъ Дмитріевичъ имѣлъ тоже связи на Волини и женился на Оленѣ Кадаповнѣ Чаплинкѣ изъ богатаго и вліятельнаго въ Луцкѣ рода Чаплицовъ-Кадаповичей. Вслѣдствіе этого брака онъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ волинскимъ воеводой и винницкимъ старостой княземъ Богушемъ Федоровичемъ Корецкимъ, женатымъ тоже на Чаплинкѣ Кадаповнѣ Маріи Васильевнѣ. Время женитьбы Гневоша Дмитріевича и размѣръ полученнаго имъ приданаго намъ неизвѣстны. Когда подросли дѣти и надо было

¹⁾ Можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго г. Ролле, что родиной Кошкочъ былъ луцкій повѣтъ и что, слѣдовательно, брацлавскіе и винницкіе Кошчичи переселились изъ Волини, но для подтвержденія этой догадки у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ того факта, что брацлавскіе Кошчичи имѣли въ луцкомъ повѣтѣ Жировицкое имѣніе. (См. *Dr. Antonij. Szkice i opowiadanie. Serja V*, гл. 4).

ихъ отдѣлять. Гневошъ Дмитріевичъ, по обычаю того времени, обезвечилъ свою жену, пустивъ ей одно изъ лучшихъ своихъ имѣній «въ заставу» въ суммѣ 1,600 копъ грошей литовскихъ. Въ актѣ, писанномъ 6 іюня 1578 г. въ Стрижовкѣ, онъ заявляетъ, что «взялъ и позычылъ есмы ку великой и цылой потребе у малжонки моее мылое нанее Олены Кадановны Чаплица» 1,600 копъ грошей литовскихъ, «личчачы въ кону по шестыдесать грошей, а въ грошъ по десяти пѣпязей бѣлыхъ», и въ этой суммѣ «завѣлъ и заставилъ есмы» своей жевѣ «имѣніе мое отчизное на имя Стрызовка зо всими кгрунты и селищами цветковскими и кобыденскими... ничого на себе и на дети мои не оставуючи... до рукъ и владности въ держане и ужыване поступилъ», а въ случаѣ еслибы я, не заплативъ этихъ денегъ, умеръ раньше, то никто изъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ (повыныхъ), не заплативши «шестынадцать сотъ» копъ гр. л., не вправѣ будетъ въ это имѣніе вступаться, «и на то есмы малжонце моей мылой наней Оленѣ Кадановнѣ Чаплионце далъ сесь мой лысть»¹⁾.

Мы не встрѣчаемъ Гневоша Дмитріевича, несмотря на его богатство и связи, ни въ числѣ пословъ на сеймы коронныя, ни въ числѣ лицъ, добившихся тѣхъ или иныхъ служебныхъ отличій и доходныхъ пожалованій. Послѣ смерти пріятеля своего отца, Миска Степановича Петничанскаго, онъ занялъ его должность «войскаго виницкаго». Съ этимъ титуломъ мы впервые его встрѣчаемъ въ только что приведенномъ актѣ 6 іюня 1578 г., а послѣдній разъ незадолго, вѣроятно, передъ смертію въ одномъ владѣнномъ актѣ въ качествѣ «упрошеного пріятеля» 2 генваря 1604 г. Должность войскаго не была изъ первыхъ въ повѣтъ, но все же соединена была съ нѣкоторою властью и въ этомъ окраинномъ фортѣ несомнѣнно представляла довольно солидное и почетное положеніе въ обществѣ.

Ц. Нейманъ.

¹⁾ Актъ этотъ былъ внесенъ 14 іюля 1578 г. въ брацлавскія городскія книги и впоследствии находился брацл. и вин. старостой Юріемъ Струсомъ изъ Комарова. Актъ сгорѣлъ во время пожара винниц. замка, но сохранился въ книгахъ королевской канцеляріи, куда былъ внесенъ 29 декабря 1578 г. Выпись помѣчена 10 ноября 1773 г. и оглавлена: Wypis z ksiąg archiwa koronnego, litera E, str. 159^a.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ.

Въ артистѣ надобно помнить человѣка.

П. Н. Кудрявцевъ.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ былъ однимъ изъ немногихъ на Руси актеровъ нашего вѣка, соединявшимъ въ себѣ всецѣло огромный талантъ вмѣстѣ съ свѣтлою, высокоразвитою душею. Насколько его духовная натура была могуча и крѣпка, можно видѣть, прослѣдивъ нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его біографіи. Особенно любопытнымъ намъ кажется его собственное воспоминаніе о томъ, какъ онъ добился того, чтобы изъ представителя шаблоннаго, ходульнаго направленія игры на сценѣ, отличавшейся ложноклассическимъ духомъ, обратиться въ правдиваго воспроизводителя жизни, достойнаго именоваться создателемъ реальнаго творчества на русской сценѣ.

Еще юнымъ, начинающимъ актеромъ пришлось ему въ 1810 году случайно быть зрителемъ на любительскомъ спектаклѣ, который былъ данъ однимъ знатнымъ помѣщикомъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Юноховкѣ, харьковской губ. Въ этомъ спектаклѣ принялъ участіе замѣчательный любитель, князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій. Этотъ вельможа славился своимъ талантомъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ. Ему приходилось даже играть при дворѣ императрицы Еватерины Великой. Такъ какъ этотъ спектакль послужилъ толчкомъ къ полному перерожденію Щепкина, какъ артиста, то мы считаемъ небезполезнымъ охарактеризовать направленіе, которое царило въ области сценическаго искусства того времени. Когда Щепкинъ начиналъ свою карьеру,

то онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство крикливой, неестественной декламаци и необузданное злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшими, какъ онъ самъ говоритъ, „почти каждое слово“. Такія неизбѣжныя во всякой трагедіи слова какъ: любовь, страсть, измѣна не говорились по человѣчески, а выкрикивались, по словамъ Михаила Семеновича, „такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ“. Вслѣдствіе погони за ложными эффектами, которыми актеры срывали себѣ у чувствительной публики кѣрные и неистовые аплодисменты, выработалась традиція, возлагавшая на служителей Мельпомены обязанность строго держаться правилъ, которыхъ никто не дерзалъ нарушать; такъ, напримѣръ, когда актеръ кончалъ какойнибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то театральнй катихизисъ требовалъ не иначе удаляться со сцены за кулисы, какъ поднимъ вверхъ правую руку. Насколько актеры боялись нарушать эти обязательные традиціонные приемы, это видно изъ того комическаго случая, свидѣтелемъ котораго былъ Щепкинъ. Одинъ изъ его товарищей, окончивши тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку. Вдругъ онъ вспомнилъ о своей оплошности и на половинѣ дороги „рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднимъ эту завѣтную руку“. Щепкинъ вспоминаетъ еще объ одномъ сценическомъ приемѣ того времени: „актеръ на сценѣ, говоря съ другимъ лицомъ, и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой;—а публика, съ своей стороны за такой сюрпризъ,—аплодировала неистово“.

Такихъ правилъ, стѣснявшихъ правдивое воспроизведеніе жизни и ставившихъ артиста того времени какъ бы на огромныя ходули,—было очень много. Молодой Щепкинъ долженъ былъ ихъ всѣ твердо себѣ усвоить и былъ самымъ горячимъ и ревностнымъ ихъ послѣдователемъ. Но вотъ онъ смотритъ игру князя Мещерскаго. Была поставлена пьеса Сумарокова „Приданое обманомъ“ Князь исполнялъ роль скупаго Салидора. Игра его до такой степени не походила на ходульную, искусственную

игру актеровъ того времени, что нашему молдому актеру невольно пришло въ голову, что князь играть совсѣмъ не умѣеть.

„У, какъ я торжествовалъ въ этотъ мигъ“,—вспоминаетъ Щепкинъ,— „думаю: вотъ оно! отъ того, что вельмежа, такъ и хорошо!—И что это за игра? Руками дѣйствовать не умѣеть, а говорить..... Смѣшно сказать — „говорить просто, ну такъ, какъ всѣ говорятъ! Да что же это за игра?—Нѣтъ, далеко нашему сѣтельному до насъ! Словомъ, всѣ играшіе съ нимъ казались мнѣ лучше его, потому что „играли“, а особенно игравшій Скопила. Онъ говорилъ съ такою быстротою и махалъ такъ сильно руками, какъ любой самый лучший, настоящій актеръ. Князь же все продолжалъ по прежнему: только странно, что несмотря на простоту его игры,—что я считалъ неумѣиємъ играть.—въ продолженіи всей роли, гдѣ только шло дѣло о деньгахъ, вамъ видно было, что это касалось самаго большого мѣста души его, и что въ этотъ мигъ вы забывали всѣхъ актеровъ. Страхъ смерти и болѣзнь разстаться съ деньгами были поразительно вѣрны и ужасны въ игрѣ князя; и простота, съ которою онъ говорилъ, нисколько не мѣшала его игрѣ. Чѣмъ далѣе шла пьеса, тѣмъ больше я увлекался, и, наконецъ, даже усумнился, что чуть ли не было бы хуже, еслибъ онъ игралъ по нашему“.—

Восторгъ Щепкина дошелъ до того, что по окончаніи пьесы, когда всѣ, довольные игрой актеровъ, хохотали, молодой артистъ заливался слезами, вслѣдствіе сильнаго потрясенія души. Въ юной головѣ его кипѣла горячая работа, происходила борьба старыхъ воззрѣній съ новыми, борьба не на животь, а на смерть. Все перепуталось въ его мысляхъ: то ему казалось, что князь вехорошо говоритъ, потому что говоритъ просто; то ему приходило въ голову, что именно это то и прекрасно, т. е. простота и естественность: это значить—думалъ Щепкинъ,—что актеръ какъ бы не играть, а живеть.

И вотъ нашъ воспріимчивый юноша отваживается на долгую и мучительную работу, состоявшую въ энергическомъ переламываніи себя, въ совершенномъ, радикальномъ измѣненіи своей дикціи, въ тщательной, тяжелой заботѣ отучиться отъ паблонныхъ, ходульныхъ и заученныхъ манеръ въ движеніяхъ и голосѣ. Необычайно трудно было это вначалѣ! Нѣсколько дней сряду онъ уходилъ въ рошу,—и тамъ съ деревьями игралъ всю комедію (т. е. ту самую комедію Сумарокова, въ которой игралъ вн. Мещерскій) “ Но увь! Щепкинъ чувствовалъ съ невыносимою болью въ сердцѣ, что ничего не выходитъ изъ его трудовъ: онъ никакъ не могъ уловить простоту и естественность, которыми блистала игра князя. „Все это приводило меня въ отчая-

ніе, — говоритъ Щепкинъ. „Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что для того, чтобы быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками и чувствовать по своему, а не передразнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ я упалъ духомъ и припелъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты въ игрѣ.“

И долго онъ мучился, стараясь добиться естественности, и много разъ у него руки опускались. Но судьба жалилась надъ молодымъ подвижникомъ и наградила его неусыпную энергію. Это произошло совершенно неожиданно и, казалось, какъ будто случайно. Однажды шла репетиція мольеровской комедіи „Школа мужей“, гдѣ Щепкинъ игралъ роль Сганареля.

„Такъ какъ ее много репетировали“, — вспоминаетъ онъ, — „и это мнѣ наскучило да и голова моя была занята въ то время какими то пустяками, то я велъ репетицію, какъ говорится, negligé; не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли, и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что же? Я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, что если бы не по пьесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно также. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранять этотъ тонъ разговора.“

Но тутъ опять пошла бѣда: какъ только онъ начиналъ намѣренно, усиленно стараться, такъ терялъ искомую, желанную простоту и впадалъ въ свою обычную ходульность, господствовавшую въ то время на сценѣ. И онъ до такой степени, благодаря излишнему старанію, уклонялся тогда отъ идеала естественности, что товарищи (а они были питомцы ложной, старинной школы) къ концу пьесы осыпали его хвалами, находя, что онъ никогда не игралъ такъ удачно. На самомъ дѣлѣ это, стало быть, значило, что онъ никогда не игралъ въ такой сильной степени ходульно и неестественно. Воображаемъ, какъ мучительно должно было быть душевное состояніе Щепкина при такихъ отзывaxъ товарищей! Навѣрное, ему „не поздоровилось отъ такихъ похвалъ!“ Нечего и говорить, что при такой упорной энергіи въ стремленіи къ самоисправленію Щепкинъ въ концѣ концовъ добился своей цѣли и вышелъ изъ жаркаго боя побдителемъ.

Стремясь къ самосовершенствованію, онъ вѣчно трудился и вѣчно учился. Въ этомъ отношеніи можно безъ преувеличенія сказать, что онъ всюду умѣлъ извлекать себѣ пользу. С. Т. Аксаковъ, хорошо и близко знавшій Щепкина, сказалъ: „вся жизнь Щепкина и виѣ театра была для него постоянною школою искусства: вездѣ находилъ онъ что нибудь замѣтить, чему нибудь научиться; естественность, вѣрность выраженія (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежація каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей—все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста“. Щепкинъ, по свидѣтельству того же современника, внимательно слѣдилъ за бесѣдами въ обществѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, подъ вліяніемъ мыслей, выслушанныхъ имъ посреди шумныхъ рѣчей или споровъ, Щепкинъ часто мѣнялъ свой взглядъ на изучаемую имъ роль. „Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить.“ Тщательная работа надъ каждою пьесой доходила у Щепкина до того, что онъ, по словамъ Нестора Кукольника, „на всякое свое слово, всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполне уважительный.“

Свои сценическіе приемы Щепкинъ бралъ изъ самаго вѣрнаго источника—изъ глубокаго наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Этому много помогала его природная любознательность, его рѣдкая любовь къ наблюденіямъ. Онъ всѣми силами старался впитывать въ себя, говоря словами поэта, „всѣ впечатлѣнія бытія,“ чтобы тѣмъ ярче отражать дѣйствительную жизнь на сценѣ. А зналъ онъ жизнь, по свидѣтельству современниковъ, въ совершенствѣ. Не было ни малѣйшаго преувеличенія, замѣчаетъ А. Н. Афанасьевъ, въ словахъ Щепкина: „я знаю русскую жизнь отъ дворца и до лакейской.“ Этому знанію жизни удивлялся въ Щепкинѣ даже такой знатокъ Россіи, какъ Гоголь, который въ письмѣ своемъ къ Языкову называетъ Щепкина замѣчательнымъ человѣкомъ, у котораго „куча воспомина-

нѣй, исторій объ разныхъ углахъ Россіи“. Въ этомъ отношеніи его вліяніе на Гоголя безспорно. Онъ не разъ давалъ Гоголю сюжеты для его сочиненій. Такъ, на основаніи разсказа Щепкина о случаѣ, происшедшемъ съ его бабкою, Гоголь разсказалъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ о томъ, какъ передъ смертью Пульхеріи Ивановны къ ней явилась кошка. Разсказываютъ, что когда Щепкинъ прочелъ эту повѣсть, то при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ ему, шутя „а кошка то моя!“—„За то коты мои!“—отвѣтилъ Гоголь. Подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича въ „Мертвыхъ душахъ“ явился такъ называемый „симпатическій анекдотъ“ на тему: „полюби насъ черненькими“ и т. д. Своимъ знакомствомъ съ жизнью Щепкинъ былъ полезенъ Гоголю еще въ томъ отношеніи, что онъ могъ, съ свойственнымъ ему чутьемъ къ истинѣ, указывать писателю на его уклоненія отъ правды, на утрировки и ошибки противъ реализма, находившіяся въ его сочиненіяхъ. Сильно сказалось это благотворное вліяніе Щепкина на передѣлкѣ первоначально полуромантической, мало естественной комедіи Гоголя „Женихи“ въ извѣстную реальную комедію того же автора „Женитьба“.

Не одинъ Гоголь изъ среды нашихъ писателей заимствовалъ сюжеты у Щепкина. Нашему артисту обязанъ былъ Александръ-Герценъ, описавшій въ своей повѣсти „Сорока—воровка“ исторію крѣпостной актрисы на основаніи разсказа Щепкина. Воспоминаніями Михаила Семеновича изъ быта провинціальныхъ актеровъ воспользовался графъ Соллогубъ для своей повѣсти „Собачка“. Какъ ни велико значеніе житейской опытности и чуткой наблюдательности, однако ихъ недостаточно еще для полнаго, истиннаго пониманія жизни и людей. Для этого необходимо широкое умственное и нравственное развитіе; истинному артисту, для правильнаго и сознательнаго усвоенія воспроизводимыхъ въ драматическомъ произведеніи человѣческихъ типовъ и характеровъ обязательно литературное развитіе. Безъ этого условія артистъ не можетъ быть настоящимъ, правдивымъ воспроизводителемъ жизни. Вотъ почему, напр., Мочаловъ, этотъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго и другихъ современниковъ, замѣчательнѣйшій артистъ, не умѣлъ создавать цѣльный образъ изъ

своей роли. Для того, чтобы охватить всю роль общей идеей, придать характеру цельность, особенно если изображаемое лицо принадлежало къ классическому репертуару, Мочалову не доставало умственного развитія и литературнаго образованія. Щепкинъ сознавалъ недостатокъ своего образованія и потому всѣми силами всю жизнь стремился къ духовному самосовершенствованію. Для этого онъ считалъ долгомъ сблизиться съ лучшею, передовою частью общества, т. е. съ наиболѣе развитыми представителями интеллигенціи. И онъ дружески сошелся съ Пушкинымъ, который настолько уважалъ великаго артиста, что собственноручно началъ подъ его диктантъ писать его автобіографію. Онъ близко сошелся также съ Лермонтовымъ, во время послѣдней поѣздки поэта въ Москву. Хорошія отношенія связывали его и съ Грибоѣдовымъ, который, какъ гласитъ преданіе, помогать ему лично своими бесѣдами усвоить роль Фамусова.—Съ Гоголемъ нашего артиста соединяла прежде всего одинаково горячая любовь къ своей родинѣ—Малороссіи.

Между прочимъ, на характеръ обоихъ особенно ярко отразилась отличительная черта малороссовъ, именно ихъ національный юморъ. Этотъ юморъ съ его поэтическими отбѣнками былъ, по словамъ одного изъ поклонниковъ таланта Щепкина, тѣмъ новымъ элементомъ, тѣмъ своимъ роднымъ началомъ, которое внесъ на русскую сцену нашъ гениальный актеръ. И люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ считали Щепкина необходимымъ членомъ своей семьи. Дружба его съ Бѣлинскимъ не прекращается до самой смерти великаго критика. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ съ семьей С. Т. Аксакова, съ Кирѣевскимъ, съ Хомяковымъ, Герценомъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кудрявцевымъ и др. Съ особенною теплотою вспоминалъ Щепкинъ о Грановскомъ. „Бесѣды съ Грановскимъ,“—сказалъ артистъ на своемъ юбилеѣ, „поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“. Въ этомъ избранномъ кругу лучшихъ умовъ Щепкинъ былъ далеко не послѣдній человекъ. Напротивъ, онъ былъ тамъ однимъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ любимыхъ друзей. Добрый и честный человекъ, остро-

умный собесѣдникъ, талантливый разсказчикъ,—онъ былъ центромъ, вокругъ котораго стекались въ знаменитой „Литературной кофейнѣ“ въ Москвѣ многіе писатели и ихъ просвѣщенные друзья. Его блестящіе разсказы смѣшили и трогали не только слушателей, но и самого разсказчика, который перѣдко заключалъ свое повѣствованіе непритворными слезами. Къ этому избранному кругу лучшихъ умовъ тянула Щепкина неутолимая жажда образованія. Щепкинъ постоянно обращался къ нимъ за совѣтомъ. Положительно можно сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ актеровъ на Руси никто и никогда съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью не обращался къ указаніямъ науки. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ онъ статьи о театрѣ, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ въ кружкѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ специально для Михаила Семеновича. Когда ему приходилось играть роль изъ классическаго репертуара французской или англійской драматургіи, то предварительно онъ осведомлялся у тѣхъ же друзей о томъ, какъ объясняется тотъ или другой характеръ, та или другая пьеса на Западѣ. И вѣрные друзья дѣлали для него извлеченія изъ наиболее замѣчательныхъ иностранныхъ критикъ данной пьесы. Такъ, по словамъ А. Н. Аѳанасьева, когда великій артистъ задумалъ сыграть „Скупого“, то все лучшее, что было написано по поводу этой комедіи, и что было необходимо для отчетливаго пониманія роли, для объясненія характера избраннаго лица и для постановки пьесы,— все являлось въ переводахъ, сдѣланныхъ друзьями нарочно для него. Такимъ образомъ, тотъ скупой, которымъ публика восторгалась въ Щепкинѣ, „былъ плодъ и великаго таланта, и глубоко обдуманнаго изученія“. Въ области вопросовъ о сценическомъ искусствѣ главнымъ совѣтникомъ Щепкина былъ высокообразованный человекъ, замѣчательный знатокъ Шекспира П. Х. Кетчеръ. По словамъ А. В. Станкевича, Щепкинъ всегда обращался къ этому другу за приговорами о томъ, какъ онъ сыгралъ ту или другую роль. „Взыскательному къ самому себѣ артисту“, говоритъ А. В. Станкевичъ, „нужно было знать впечатлѣніе Кетчера. Сказки послѣдній, доволенъ онъ или недоволенъ исполненіемъ роли Щепкинскимъ, и для артиста это уже было направ-

леніемъ или подтвержденіемъ собственнаго мнѣнія объ игрѣ своей“.

Сближеніе Щепкина съ людьми такого круга имѣло необыкновенное вліяніе на всю его жизнь. Въ этомъ съ искреннею благодарностью онъ сознался самъ на своемъ юбилейномъ праздникѣ, говоря, что просвѣщенные представители русскаго общества были его „двигатели на сценическомъ поприщѣ“. Передъ своимъ отъѣздомъ за границу, въ 1853 году, на прощальномъ обѣдѣ Щепкинъ сказалъ: „Я не сидѣлъ на скамьѣ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство“.

Глубокому пониманію искусства особенно много способствовало появленіе гоголевскаго „Ревизора“. Подъ вліяніемъ этой пьесы въ Щепкинѣ произошла великая перемѣна, сказался значительный шагъ впередъ въ его эстетическомъ развитіи. Онъ понималъ тогда, какое воспитательное значеніе имѣетъ общественная комедія, обличающая язвы современнаго общества. Тогда онъ убѣдился, какъ бѣденъ русскій репертуаръ, какъ ничтожны по своему содержанію, по своему вліянію на общество пьесы Шаховскаго и Загоскина, наиболѣе игравшіяся въ то время. Онъ убѣдился, что для исполненія гениальной комедіи Гоголя, этой общественной сатиры,—наши артисты не подготовлены, не подготовлены по недостатку умственнаго и гражданскаго развитія. И передъ его мысленнымъ взоромъ сразу открылись недостатки современнаго сценическаго искусства. „Съ представленія „Ревизора“ начинается для меня новая жизнь“, говорилъ Щепкинъ. И онъ полюбилъ эту комедію всѣмъ сердцемъ и всей душой. Въ отношеніи Щепкина къ „Ревизору“ очень ясно обнаружилась та высокая степень эстетическаго и гражданскаго развитія нашего артиста, до какой могли доходить въ то время только первые умы изъ интеллигентнаго класса той эпохи. Это особенно ярко сказалось на одномъ фактѣ. Именно, когда въ душевномъ настроеніи Гоголя произошелъ извѣстный переломъ, результатомъ котораго оказалось изданіе его переписки съ друзьями, когда Гоголь измѣнилъ свой взглядъ на „Ревизора“ и хо-

тѣль всѣхъ увѣрить, что герои этой комедіи—не живыя лица, а только наши страсти, представленныя въ аллегорической формѣ, тогда Щепкинъ пришелъ въ глубокое негодованіе. Онъ написалъ Гоголю горячую отповѣдь, въ которой насквозь видна вся добрая, честная, любящая душа артиста—гражданина.

„До сихъ поръ“—пишетъ Щепкинъ,—„я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ въ нихъ много знакомаго, такъ роднаго, и такъ сваясь съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіи десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе бесовѣстное. Чѣмъ вы мнѣ ихъ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всеми слабостями, какъ и вообще, всѣхъ людей.—Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я выросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими людьми въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ“.

Человѣкъ съ такимъ широкимъ развитіемъ не могъ не быть истинно разумнымъ учителемъ сценическаго искусства. Онъ въ своихъ пріемахъ преподаванія не походилъ на тѣхъ учителей искусства, которые учатъ декламации съ голоса, какъ учатъ канареекъ пѣть. Нашъ создатель реализма на сценѣ, будучи нѣкоторое время преподавателемъ драматическаго искусства въ театральной школѣ, всегда старался поддержать свободное развитіе личности въ своихъ ученикахъ. Ни за что, бывало, онъ не соглашался самъ, своею читкой, показать, какимъ тономъ надо выразить ту или другую фразу. Онъ требовалъ, чтобы ученикъ самъ вдумывался. На усиленную просьбу ученика: „Научите же, какъ сказать“,—Михаилъ Семеновичъ отвѣчалъ: „Этого нельзя, я скажу, можетъ быть и хорошо, но *по своему*; ты можешь сказать еще лучше, тоже *по своему*, у всякаго человѣка есть манера, присущая только ему“¹⁾. Вообще Щепкинъ отличался строгой серьезностью и „рѣдкою гуманностью своихъ педагогическихъ пріемовъ“²⁾.

¹⁾ „Воспоминанія А. И. Пубертъ“, „Рус. Старина“, 1888 г., № 11.

²⁾ „Библиотека для чтенія“, 1863 г., № 7: „Русская сцена. Кончина Щепкина“.

Что Щепкинъ превосходно понималъ и зналъ, чему надо учить молодыхъ артистовъ, это видно изъ его глубокомысленныхъ и поучительныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ Шумскому, г-жѣ Шубертъ и другимъ. Великій труженикъ прежде всего за-вѣщалъ артистамъ трудиться. „Что же достается даромъ и что же бы значило искусство“,—писалъ онъ Шумскому,—„если бы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, зарабатывай даяныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошлой жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непременно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда скольконибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно“. Добросовѣстность работы должна была, какъ училъ Щепкинъ, вести къ тому, чтобы артистъ зналъ исполняемую имъ роль на зубокъ, и никогда бы ни на іоту не осмѣливался отступать отъ подлинника. „Избави Богъ“, восклицалъ онъ,—„не звать роли или передавать своими словами; какъ публика и критики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять посвоему?“ На репетиціи Щепкинъ внушалъ артистамъ не позволять себѣ отдѣлываться машинальнымъ чтеніемъ роли или индифферентнымъ повтореніемъ ея за суфлеромъ, какъ это дѣлаютъ и теперь, къ сожалѣнію, наши актеры. Нѣтъ, онъ требовалъ, чтобы артистъ и на репетиціи, какъ и на спектаклѣ, постоянно жилъ на сценѣ, играя всю роль какъ слѣдуетъ, не жалѣя своего голоса и силъ. Критикуя игру своихъ молодыхъ друзей, онъ строго преслѣдовалъ всякую неестественность, малѣйшее отсутствіе простоты въ движеніяхъ, голосѣ и манерахъ. Г-жа Шубертъ говоритъ, что онъ часто рѣзко обрывалъ её, какъ только замѣтитъ излишнюю манерность и стремленіе бить на эффектъ: „не ломайся, маточка“,—замѣчалъ онъ,—„не актрисничай, говори проще“. Щепкинъ старался также удерживать

молодаго артиста отъ увлеченія своимъ успѣхомъ: „пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея,—и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ апплодисментовъ“. Въ преслѣдованіи самоиѣбія Щепкинъ былъ очень послѣдователенъ. Будучи самъ олицетворенною скромностью, онъ не выносилъ суетнаго честолюбія, отъ котораго такъ часто погибали крупныя дарованія. Молодые артисты очень любятъ, упоенные своими лаврами, увѣковѣчивать свой образъ на память потомству, при помощи фотографическаго искусства, снимаясь во всевозможныхъ роляхъ, въ какихъ имъ удавалось срывать у публики апплодисменты. Щепкинъ этого терпѣть не могъ. Когда открылась въ Москвѣ новая фотографія, то артистовъ попросили сняться. Пришло въ голову одной изъ ученицъ Щепкина предложить Михаилу Семеновичу сняться. „Батюшки“, вспоминаетъ она,— „какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша!“—„Прекрасно, я не хороша, ну, вы хороши,“—капризно возражаетъ Щепкину артистка. Но суровый и строгій учитель скромно и честно отвѣчаетъ: „И я не хороши: однимъ поправился, другимъ нѣтъ“¹⁾.

Собственною жизнью своей Щепкинъ подтверждаетъ эти правила. У него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Во имя этого дѣла онъ легко сдерживалъ въ себѣ стремленіе къ славѣ и никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей, какъ бы ничтожны онѣ ни были въ его глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Онъ ни разу не пропустилъ во всю свою жизнь ни одной репетиціи, ни разу не опоздалъ; не было случая, чтобы онъ, играя какую нибудь роль хотя бы въ сотый разъ, несмотря на свою превосходную память не перечитывалъ ея наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. Въ театрѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ игралъ, съ нимъ нельзя было говорить, къ нему нельзя было подойти ни съ какимъ разговоромъ. Щепкинъ такъ перерождался въ представляемое имъ лицо, что „предъ поднятіемъ занавѣса, за полчаса, онъ ходилъ по сценѣ совершенно

¹⁾ „Воспоминанія А. И. Шубертъ“, Рус. Стар., 1888, № 11.

отдѣльно отъ всѣхъ, окружавшихъ его, такъ что если бы кто приставилъ къ груди его пистолеть, онъ бы этого не замѣтилъ ¹⁾“. По словамъ г-жи Шубертъ, онъ въ это время „священнодѣйствовалъ“: „весь въ огнѣ, потъ льетъ градомъ; игралъ даже водевиль, онъ готовился какъ будто къ чему то страшному“. Работа надъ изученіемъ ролей особенно усилилась подъ старость, когда онъ началъ чувствовать ослабленіе памяти, а между тѣмъ не мѣнялъ своего строгаго правила читать роль безъ записки. И вотъ онъ, бывало, съ 6 часовъ утра расхаживаетъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.—„Вы рано встали сегодня“? спрашивали его, когда всѣ собирались къ утреннему чаю.—„Да, ходилъ по аллеѣ“, отвѣчалъ онъ отрывисто, „это разъ про себя роль прочелъ!“ прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадою ²⁾).

При такомъ отношеніи артиста къ дѣлу очень легко понять, почему роли, которыя онъ исполнялъ, „никогда“, по словамъ одного изъ современниковъ его, „не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постоянно и постоянно“. Онъ, бывало, гуляетъ по улицѣ и такъ погружается въ обдумываніе, какъ лучше исполнить то или другое мѣсто роли, что забудется и начнетъ говорить вслухъ. „На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ“,—вспоминаетъ г-жа Шубертъ,—„онъ такъ просто, естественно начинаетъ говорить,—думаешь, что это онъ мнѣ говорить, оказывается,—роль читаетъ наизусть, да такъ твердо,—слова не переставитъ“. Жажда самосовершенствованія была въ немъ такъ велика, что онъ вѣчно находилъ у себя ошибки и недостатки, вѣчно обдумывалъ и перерабатывалъ отдѣлку своихъ ролей, вѣчно спрашивалъ совѣта и мнѣнія другихъ и относился къ нимъ съ уваженіемъ, слушая внимательно всѣхъ, начиная съ почтенныхъ и опытныхъ судей и кончая самими юными студентами. „Въ эпоху блистательнаго торжества“,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—„когда Петровский театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ

¹⁾ „Театральныя афиши и антрактъ“, 1864 г., № 160, см. статью о Щепкинѣ.

²⁾ См. „Мих. Сем. Щепкинъ“, статья А. Щ.,—„Рус. Вѣд.“, 1887, № 85.

рукоплексаній,—былъ въ театрѣ одинъ человекъ, постоянно недовольный Щепкинѣмъ: этотъ человекъ былъ—самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ взыскательный художникъ, ничѣмъ неподкупный судья!

Его благородное недовольство собою доходило до такой степени, можно даже прямо сказать, до такой крайней и поразительной скромности, что онъ не удовлетворялся своимъ исполненіемъ коренной своей роли, въ которой онъ стяжалъ себѣ самыя единодушныя похвалы. „Хвалить меня въ Фамусовѣ“, говорилъ онъ— „а я не баринъ: нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, еслибъ не лѣнился, больше меня былъ бы на мѣстѣ, у него барскія ноты“.

Щепкинъ, который умѣлъ цѣнить науку и постоянно, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ къ ея помощи, естественно, долженъ былъ сознавать всю важность научныхъ основъ искусства для актера. Онъ искренно сожалѣлъ, что въ его время совсѣмъ не была выработана теорія искусства. Это видно, между прочимъ, изъ его письма къ Шумскому, гдѣ онъ говоритъ, что актеръ долженъ брать уроки въ своемъ искусствѣ пока только у самаго непосредственнаго источника—у природы, при помощи тщательнаго наблюденія за дѣйствительною жизнью. „Эта живая книга (т. е. жизнь) замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, *кз несчастію*, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ“. Изъ стремленія Щепкина къ серьезному изученію сценическаго искусства вытекало его сознаніе необходимости познакомиться съ положеніемъ театрального дѣла за границей. „Миѣ нужно видѣть заграничныя театры, очень нужно“,—писалъ онъ въ 1847 году къ Гоголю. Онъ мечталъ, совершивъ путешествіе по Европѣ съ спеціальною цѣлью изученія постановки тамошняго театрального дѣла, обнародовать, въ поученіе молодому поколѣнію артистовъ, свой взглядъ на драматическое искусство вообще и сдѣлать посредствомъ сравнительнаго метода характеристику каждаго театра въ Европѣ. Осуществленіе этой заветной мечты онъ считалъ исполненіемъ своего послѣдняго долга искусству, послѣ чего онъ могъ бы спокойно сказать: „нынѣ отпущаеши“. Къ сожалѣнію, это ему

не удалось и, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ на путешествіе.

Любовь Щепкина къ театру была настолько высока, что онъ не могъ не страдать, видя, на склонѣ лѣтъ своихъ, что театръ низко падаетъ, обращаясь въ пустое и легкое развлеченіе. Насколько вѣрно смотрѣлъ Щепкинъ подь старость на состояніе театра на переѣзну, происходившую въ направленіи драматической литературы,—насъ въ настоящій моментъ не такъ интересуетъ. Но намъ желательно показать, какъ ясно выражается въ сохранившихся письмахъ искренняя привязанность артиста къ театру, неподдѣльная жгучая боль его за судьбу дорогаго искусства. Несимпатичное для него новое направленіе искусства, въ которомъ онъ видѣлъ только пустую забаву, балаганщину и даже шарлатанство, довело его до глубокой меланхоліи. „Грусть меня одолеваетъ“,—писалъ онъ къ сыну въ 1848 году,—„занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлають поденщика; репертуаръ прееотвратительный—не надъ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынеть, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня и не видишь ни въ чемъ отрады“. Убѣжденный въ паденіи искусства, какъ въ очевидномъ, несомнѣнномъ фактѣ, онъ смущался, когда выходилъ передъ публикой. Ему было совѣстно и за нее, и за себя. За нее онъ скорбѣлъ оттого, что она ничѣмъ не выражала своего недовольства современной постановкою театральнаго дѣла. „Она, голубушка, также милостива ко мнѣ“,—писалъ онъ къ сыну, говоря о публикѣ,—„не видитъ, что къ ней на сцену выходитъ не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя своему искусству, но поденщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ! ей все равно! выходитъ туловище, которое носитъ названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошибали, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театръ; я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло“.

Воплемъ отчаянія отзываются нижеслѣдующія строки изъ письма артиста къ Барятинскому: „все идетъ впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самопадѣяннѣе; но наше самолюбивое я скоро сравняетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому.“

Боль Щепкина за судьбы искусства вытекала изъ глубокаго сознанія просвѣтительной роли театра. Уже по приведеннымъ нами выпискамъ изъ писемъ Щепкина можно заключить, намъ кажется, что Щепкинъ любилъ искусство не какъ таковое, не искусство для искусства, а искусство для общества, для нравственнаго развитія народа. И его сердце глубоко было растрогано, когда онъ, съ слезами радости и счастья, выслушалъ отъ лучшихъ представителей общества, составляющихъ красу и гордость нашей литературы, признаніе его высокой заслуги для общества, благодарность за нравственное вліяніе на соотечественниковъ. Именно, въ письмѣ отъ петербургскихъ литераторовъ, прочтенномъ въ 1855 году на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Щепкина,—въ письмѣ, украшенномъ подписью Льва Толстаго, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Майкова и другихъ, находятся эти прекрасныя слова, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ преклоненія передъ гениальной личностью: „Въ эти полвѣка тысяча тысячъ зрителей, постепенно смѣняясь, покидали театръ съ сердцемъ, умяченнымъ благодатью безкорыстныхъ прекрасныхъ слезъ, добраго, свѣтлаго смѣха,—и какъ сосчитать, сколько благородныхъ движеній пробуждено артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ—вызвано изъ усыпленія, оживотворено имъ?. Это—заслуга невидимая, неизслѣдимая, но великая; общее сочувствіе—ея награда, лучшая награда, какой можетъ желать человѣкъ“.

На томъ же юбилеѣ не разъ въ рѣчахъ упоминалось о его великой заслугѣ въ качествѣ лучшаго и популярнѣйшаго толкователя и комментатора великихъ созданій литературныхъ гениевъ.

Но этого мало: за нимъ признавали и другую заслугу, уже чисто гражданскаго характера: „онъ знакомилъ насъ съ Малороссіей“, говоритъ М. П. Погодинъ, „лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія“. (См. „Юбилей Щепкина“, Москвитянинъ 1855, ноябрь). Онъ возбуждалъ въ русскихъ людяхъ нѣжныя

братскія симпатіи къ родственному украинскому народу, благодаря глубоко-артистичекому исполненію такихъ малороссійскихъ пьесъ, какъ „Москаль-чаривникъ“, „Наталка-полтавка“ и др., а также благодаря его горячимъ стараніямъ познакомить русское общество съ поэзіей Шевченка. Какъ чуткій эстетикъ, Щепкинъ, вскорѣ послѣ появленія „Кобзаря“ въ Петербургѣ, сразу угадалъ въ молодомъ Шевченкѣ авторѣ этого произведенія, великій талантъ. Чудные звуки родной украинской музы очаровали нашего артиста, онъ долго носился съ сочиненіями новаго поэта—земляка, пѣвца сельскаго народа, и первый положилъ твердый камень во главу угла поэтической славы великаго малороссійскаго поэта. Онъ любилъ читать въ литературныхъ московскихъ кружкахъ знаменитое шевченковское: „Думы мои, думы мои, лихо мыни зъ вами“. Особенно же любилъ Щепкинъ читать въ литературныхъ собраніяхъ посвященное ему стихотвореніе того же поэта „Пустка“.

Любя искусство и поэзію безкорыстною любовью, Щепкинъ также безпристрастно умѣлъ любить и уважать всякій талантъ. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ знакомъ съ чувствомъ, столь естественнымъ для артиста,—именно, съ завистью къ сопернику. Напротивъ, онъ съ неподдѣльною искренностью выражалъ свои восторги, рассказывая объ игрѣ талантливаго товарища. Такъ, онъ съ восхищеніемъ отзывался объ актерѣ Угаровѣ, съ которымъ, будучи молодымъ актеромъ, игралъ въ Малороссіи. „Угаровъ“, писалъ съ увлеченіемъ Щепкинъ „былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу“. Съ восхищеніемъ отзывался онъ также о необыкновенномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ. Многіе изъ публики считали Соленика равнымъ по таланту Михаилу Семеновичу, и называли Соленика украинскимъ Щепкинымъ. Иные даже ставили Соленика выше Щепкина. Тѣмъ не менѣе нашъ благодушный артистъ не ревновалъ публику къ своему сопернику: онъ умѣлъ забывать свое „я“, и отдаваться искренно безкорыстнымъ эстетическимъ наслажденіямъ.

Далекій отъ чувства зависти и другихъ мелочныхъ страстей, Щепкинъ не питалъ ни къ кому злобы и имѣлъ полное право сказать о себѣ: „я люблю всѣхъ людей“. Онъ любилъ даже дурныхъ людей, побуждаемый высокимъ христіанскимъ чувствомъ всепрощенія. „Кто знаетъ, что его сдѣлало дурнымъ,“—говорилъ Щепкинъ про плохаго человѣка, — „можетъ быть, онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему некому было сказать“. Онъ любилъ спасать людей изъ бѣды, выручать ихъ и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ съ охотою готовъ былъ, ради другихъ, забывать свои прямыя интересы. Такъ, въ силу чувства товарищества и участливости къ бѣдному человѣку, Щепкинъ, служа въ полтавской трунцѣ на жалованьи въ 1500 рублей, отказался отъ весьма существенной прибавки въ 500 рублей. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы уступить назначенныя ему деньги товарищу, Угарову, какъ человѣку нуждающемуся и семейному. „Сколько юношей были обязаны ему своимъ воспитаніемъ, сколько стариковъ нашли подъ его кровлей послѣдній спокойный пріютъ!“ восклицаетъ А. Н. Афанасьевъ. Это былъ замѣчательный благотворитель, совершавшій свои подвиги милосердія въ глубокой тишинѣ, ревниво оберегая тайну. Онъ всегда считалъ своимъ долгомъ помогать семьѣ, оставшейся сиротой послѣ смерти какого нибудь изъ его товарищей по искусству и воспитывать его дѣтей на свой счетъ. Несторъ Кукольникъ говоритъ, что когда онъ навѣщалъ Михаила Семеновича, онъ всякій разъ имѣлъ случай любоваться его превосходнымъ сердцемъ, потому что „всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ“¹⁾. Кукольникъ зналъ очень многихъ людей, которые только благодаря ходатайству Щепкина пользовались покровительствомъ сильныхъ людей.

На юбилей Михаила Семеновича одинъ изъ чествователей великаго юбиляра, К. П. Барсовъ, публично возблагодарилъ Щепкина, гостепріимно пріотивнаго подъ своей кровль бѣдную его семью, вспоминая, что въ домѣ артиста находили себѣ прі-

¹⁾ „Рус. Страница“, 1888, № 11: „Мих. Сем. Щепкинъ“.

ютъ безпрестанно новыя лица и жили у него, сколько хотѣли: кто мѣсяць, а кто и годъ и „едва ли кому нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго челоуѣка. Мих. Семеновичъ не выслушивалъ благодарности“¹⁾. Недаромъ одинъ изъ авторовъ статей о Щепкинѣ называетъ его квартиру „домашней богадѣльней“. И всѣ эти обильныя благодѣянія Щепкинъ расточалъ, несмотря на то, что онъ былъ вовсе не богатъ и жилъ однимъ жалованьемъ. Слова Некрасова, посвященныя памяти Бѣлинскаго: „Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ“ могутъ быть вполне примѣнены и къ Щепкину. Это была въ высшей степени привязчивая, нѣжная душа, способная безгранично увлекаться людьми. Ради друзей онъ готовъ былъ на все. Особенно это ярко сказалось на его отношеніяхъ къ земляку своему, поэту Шевченку, котораго Щепкинъ, по удачному выраженію проф. Н. И. Стороженка, „любилъ, какъ сына, берегъ, какъ зѣницу ока“. Цѣльная натура Щепкина, одареннаго гармоническимъ развитіемъ всѣхъ своихъ силъ, оказывала великое, благотворное вліяніе на горячую голову поэта, раздражительнаго, запальчиваго, отдающагося минутъ. Щепкинъ умѣлъ охлаждать горячіе порывы Шевченка, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и умѣлъ наставлять своего молодаго друга, наводя его на вѣрную стезю жизни и убѣждая его „беречь себя для родины и поэзіи“²⁾.

Истинные друзья узнаются всего болѣе въ несчастіи. Въ 1847 году Шевченко подвергся опалѣ и былъ разжалованъ въ солдаты, вслѣдствіе обвиненія его въ сочиненіи сатиры на одно высокопоставленное лицо. Десять лѣтъ томился несчастный поэтъ въ ссылкѣ, но Щепкинъ не забывалъ своего бездольнаго друга: онъ оказывалъ ему матеріальную помощь и, насколько позволяли суровыя обстоятельства того желѣзнаго времени, онъ посылалъ поэту черезъ общихъ знакомыхъ сердечныя привѣтствія. А когда многострадаальный поэтъ былъ въ 1857 году возвращенъ изъ ссылки, то радости Щепкина не было и конца. Шевченко самъ всею душою рвался въ Москву повидаться съ своимъ

¹⁾ „Москвитиницъ“, 1855 г., полбрь: „Юбилей Щепкина“.

²⁾ См. „Щепкинъ и Шевченко“, —рѣчь проф. Н. И. Стороженка.

„единственнымъ“, великимъ другомъ, но ему въѣздъ въ столичные города былъ воспрещенъ. Тогда Щепкинъ собирается, не смотря на преклонные года свои, самъ ѣхать къ другу, поселившемуся въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Не пріѣхать ли мнѣ въ Нижній?“ съ лукавымъ добродушіемъ закидываетъ вопросъ добрый старецъ, зная, что отъ одной мысли, о свиданіи съ нимъ, у его друга внезапно навернутся на глаза горячія слезы умиленія. И Щепкинъ продолжаетъ далѣе, что поѣхать онъ желаетъ къ другу не для того только, чтобъ повидаться, а потому что „поговорить бы о многомъ нужно. Можетъ быть, моя старая голова навела бы и на твою добрую мысль“. Дѣйствительно, восторгъ и ликованіе Шевченка, получившаго радостную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Щепкина, были безмѣрны. „Я жду къ себѣ изъ Москвы“,—пишетъ онъ одному другу,—„дорогаго гостя. И кого бы вы думали я такъ трепетно ожидаю? 70 лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, М. С. Щепкина. Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человекъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 г. и такъ какъ мнѣ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли,—юноша? И какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ гениальнымъ другомъ и горжусь справедливо“. Умѣя ласкать и нѣжно холить своихъ друзей, Щепкинъ умѣлъ ихъ и пожуричь, если они своимъ поведеніемъ могли повредить себѣ же или своему доброму имени. Щепкинъ изъ себя вышелъ, когда узналъ отъ одного общаго знакомаго, что Шевченко, проводивъ своего друга изъ Нижняго, запыль съ тоски. „Никакая пощечина“,—пишетъ онъ Шевченку,—„меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья! Не щадишь ты ни себя, ни друзей своихъ. Не набрасывай *этого* на свою патуру и характеръ. Я *этого* не допускаю; человекъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взмщи за мои

грубья слова. *Дружба строга*; а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя“.

Такимъ образомъ, Щепкинъ былъ для Шевченка какъ бы олицетвореніемъ голоса совѣсти. И это, быть можетъ, особенно и привлекало поэта къ нему, что такъ прекрасно и просто выражено у Шиллера, въ его двустипіи, озаглавленномъ: „Полицатель“:

Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;
Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя.

Любя друзей, которыхъ у него было много какъ между великими людьми, такъ и между простыми смертными, окруженный всюду ореоломъ славы, Щепкинъ не былъ гордъ, не возносился передъ людьми, ниже его поставленными, но умѣлъ и о нихъ подумать, не забывая, что и онъ когда то былъ простымъ крѣпостнымъ и всякаго горя навидѣлся. Въ письмѣ къ Шевченку онъ поручаетъ поэту непременно пойти къ одному болѣе или менѣе сильному лицу и попросить, чтобъ онъ обратилъ благосклонное вниманіе почтмейстера на маленькаго человѣка—на почтальона, везшаго Щепкина изъ Нижняго. „Доброе слово для маленькаго человѣка необходимо“, убѣждаетъ Щепкинъ.

Обнаруживая столь живую участливость къ отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, Щепкинъ не былъ равнодушенъ къ общественнымъ вопросамъ. Онъ относился къ нимъ съ горячимъ интересомъ. Съ восторгомъ читалъ онъ проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Съ увлеченіемъ юноши слѣдилъ онъ за преобразованіями, которыя начались съ воцареніемъ императора Александра II. Манифестъ 19-го февраля встрѣченъ былъ чуднымъ старцемъ съ неподдѣльными, горячими слезами ликованія. Эти слезы вытекали изъ его горячей любви къ русскому крестьянину. Одушевленный этой любовью, онъ любилъ часто декламировать стихи, восхвалявшіе простаго труженика,—изъ которыхъ приведемъ отрывокъ:

Честь тому, кто глубь земли	Ношу тяжкую несетъ
Тяжкимъ заступомъ копаетъ:	Для жены своей, для сына.
Кто трудами для семьи	Честь и слава ихъ трудамъ!
Хлѣбъ насущный добываетъ;	Слава каждой каплѣ пота...
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ:	Честь мозолистымъ рукамъ...
Кто слугою у господина	Да спорятся ихъ работа!

Помня ужасное прошлое нашего крѣпостнаго безправія, умный и честный старикъ стоялъ сознательно и съ глубокимъ убѣжденіемъ за наше поступательное движеніе впередъ. Онъ свято исповѣдывалъ вѣру, что Россія постепенно, безостановочно идетъ и будетъ идти впередъ, къ свѣту, добру и истинѣ! Слава его не угаснетъ никогда, и къ нему во всей силѣ примѣнимы слова украинской думы:

„Слава твоя не вмре, не поляже!“

Владиміръ Ермиловъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ ¹⁾.

Эпизодъ изъ временъ „Руины“.

Своеобразная личность паволоцкаго полковника Ивана Пѣповича и его трагическая судьба мало обратили на себя вниманіе историковъ, описывавшихъ событія на Украинѣ: даже и тѣ изъ нихъ, которые на ряду съ другими фактами, сообщаютъ нѣкоторые данныя и о Поповичѣ, говорятъ о немъ какъ бы вскользь—бѣгло, въ немногихъ строкахъ ²⁾; а между тѣмъ жизнь и дѣятельность этого человѣка, даже въ томъ далеко неполномъ видѣ, какъ онѣ намъ извѣстны, стоятъ того, чтобъ на нихъ остановиться подольше: онѣ довольно наглядно рисуютъ намъ то настроеніе, какое господствовало въ концѣ 1662 и первые мѣсяцы 1663 гг. въ части малорусскаго населенія правобережной Украины, указываютъ, какія отношенія существовали тогда между населеніемъ этимъ, поляками и евреями, сообщаютъ нѣсколько небезинтересныхъ данныхъ о личности гетмана Тетери. Пополнить указанный пробѣлъ, т. е. передать, подвергнувъ критикѣ, все, что извѣстно о полковникѣ Поповичѣ, и составляетъ задачу предлагаемаго очерка ²⁾.

Въ іюль 1662 года гетманъ Юрій Хмельницкій потерпѣлъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра жестокое пораженіе отъ царскихъ войскъ. Оно

¹⁾ Читано въ историч. общ. Нестора-Лѣтписца.

²⁾ См. Историч. монографіи П. Костомарова. Сиб. 1872. Т. 12-й, стр. 303; Гетманство Брюховецкаго. Кіевъ, 1885 года (сочин. С. Е.), стр. 10; Соловьевъ, Исторія Россіи. Москва. 1880. т. 11-ый, стр. 137.

³⁾ Указанія на источники приводятся у насъ, въ надлежащихъ мѣстахъ, подъ слѣдующими сокращеніями: 1) Еричъ: Latorisic Ierli.za. Т. 2-ой. 1854; 2) Грабянка: Лѣтписъ Григорія Грабянки. Издана кіевскою временною комиссією 1854 г. 3) Костомаровъ: Историч. монографіи. Т. 12-й Сиб. 1872; 4) Соловьевъ: Исторія Россіи. т. 11-й. Москва. 1880.

произвело «всеобщее волненіе въ Украинѣ праваго берега» ¹⁾. Тамъ «возобновлялась прежняя наклонность быть подъ рукою православнаго монарха» ²⁾, обнаружались явные признаки недовольства и мало-способнымъ гетманомъ, и обманувшимъ надежды украинскаго народа поляками ³⁾. Уже въ августѣ 1662 года, въ донесеніи своемъ польскому королю, Хмельницкій, «умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безспіе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, волнующійся отъ малѣйшаго мѣтра» ⁴⁾. О необходимости какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому писалъ тогда королю и генеральный писарь Тетери, ссылаясь на то, что «гетманъ человекъ усердный, но войско непослушное», и что безъ своевременной присылки помощи «дѣла примуть дурной оборотъ» ⁵⁾. Это болѣе или менѣе глухое, скрытое волненіе правобережной Украины выразилось вскорѣ въ одномъ изъ полковъ ея и въ формѣ открытаго возмущенія: на сцену выступилъ наволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ.

Поповичъ былъ родомъ, какъ кажется, изъ м. Ходоркова: по крайней мѣрѣ, современнѣй мѣтописецъ Ерличъ зоветъ его «ходорковскимъ» ⁶⁾. Впервые мы встрѣчаемъ его, уже въ званіи полковника наволоцкаго, въ концѣ 1662 г., или въ самомъ началѣ 1663 года ⁷⁾: онъ сносился тогда съ кіевскимъ воеводою, убивалъ и разгонялъ жившую въ его полку польскую шляхту ⁸⁾. Гетманъ Тетери (избранъ на мѣсто Юрія Хмельницкаго въ январѣ 1663 года ⁹⁾), какъ ревностный приверженецъ Польши и всего польскаго, не могъ, конечно, смотрѣть снисходительно на вредную для него и поляковъ дѣятельность наво-

¹⁾ Костомаровъ, стр. 270.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 270—273.

⁴⁾ Соловьевъ, стр. 128.

⁵⁾ Ibid., 129.

⁶⁾ Ерличъ, стр. 74 и 80.

⁷⁾ Въ опредѣленіи времени ми: слѣдуетъ здѣсь Ерличу: по его словамъ, отъ принятія Поповичемъ священства до вторичнаго возмущенія его не прошло и полугода (стр. 75), рассказъ же о послѣднемъ фактѣ онъ помѣстилъ въ своемъ „Дѣтописцѣ“ подъ 4 мая 1663 г. (стр. 74), слѣдовательно, принявъ во вниманіе, что упомянутое принятіе священства состоялось при гетманѣ Тетерѣ, первые извѣстныя намъ шаги политической дѣятельности Поповича слѣдуетъ отнести или къ самому началу гетманства Тетери, или къ самому концу гетманства Юрія Хмельницкаго.

⁸⁾ Ерличъ, стр. 75.

⁹⁾ Костомаровъ, стр. 274.

лоцеаго полковника и хотѣлъ казнитъ его. Послѣдній былъ еще очень молодъ, и желаніе жить сильно заговорило въ немъ: онъ проситъ нѣкоторыхъ полковниковъ, сотниковъ, наконецъ, кіевскаго митрополита и ставшаго монахомъ Хмельницкаго ходатайствовать о дарованіи ему жизни, обѣщая сдѣлаться священникомъ. Тѣ заступились за молодаго полковника: ему даровали жизнь, и онъ принялъ на себя священство ¹⁾. Жажда политической дѣятельности, желаніе освободить родную Украину отъ власти поляковъ не могли, однако, примирить Поповича съ выпавшей на его долю скромной ролью священника; вскорѣ послѣ посвященія своего въ этотъ санъ онъ опять вступаетъ въ сношенія съ кіевскимъ воеводою, обѣщая подговорить къ возстанію козаковъ и снова привести въ зависимость отъ московскаго царя правобережную Украину ²⁾. Чтобъ еще болѣе обезпечить себѣ успѣхъ задуманнаго предиріятія, Поповичъ вступилъ тогда въ сношенія и съ наказнымъ гетманомъ лѣвобережной Украины Сомкомъ ³⁾, который дружелюбно переписывался съ Тетерею и «въ то же время наижалъ агентовъ въ заднѣпровскіе города возбуждать противъ польской власти тамошніе полки» ⁴⁾. Менѣе, нежели черезъ четыре мѣсяца послѣ принятія священства, а можетъ быть, и раньше ⁵⁾ Поповичъ производитъ въ наволоцкомъ полку новое

¹⁾ Ерличъ, стр. 74. Miesiąca Maja 4 dnia—jeden zdrajca Popowicz Chodorowski, którego chciał być Tetera Hetman Zaporozki za swawolę stracić, który będąc pułkownikiem Pawołockim znosił się z wojewodą Kijowskim, który był od Cara Moskiewskiego na Kiowio—który to zdrajca pułkownik szlachtę znieważał i bijał, za to chciał go być stracić rozkazać. Który zbiegając takię śnierić a będąc młodym jeszcze niecnota w leciech, prosi różnych ludzi pułkowników, setników, w ostatku Ojca Mitropolitę i Chmielnickiego czernca, aby go darowano gardłem, obiecując zostać Popem: a gdy mu odpuszczono i darowano gardłem, wziął na się świaszeństwo i był Popem. Czemu nie wyszło pół roku...

²⁾ Ibid, стр. 75: Czemu nie wyszło pół roku, Ojciec Metropolita umiera, a on z Wojewodą Kijowskim się znosi i znowę czyni, obiecując jako znowu Ukrainę na Carskie imie powrócić i kozaków namówić.

³⁾ На это прямо указываетъ Грабянка (стр. 183), да при томъ и вполне естественно было Сомку, желавшему тогда поднять противъ польской власти заднѣпровскіе полки, вступить въ сношенія съ человекомъ, который имѣлъ большое вліяніе въ своемъ полку и извѣстенъ уже былъ за открытаго врага поляковъ.

⁴⁾ Костомаровъ, стр. 278.

⁵⁾ Поповичъ сталъ священникомъ въ гетманство Тетери, слѣдовательно, не раньше января 1663 года, а рассказъ о второмъ возмущеніи Поповича помѣщенъ у Ерлича подъ 4 мая 1633 года. Впрочемъ, это число указываетъ на начало новаго возмущенія, такъ какъ и Брюховецкій въ письмѣ отъ 8 іюня 1663 г. къ царю говорить объ побѣннн въ наволоцкомъ полку всѣхъ ляховъ и жидовъ, какъ о событіи недавнемъ.

возмущеніе противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ. Толчокъ этому движенію данъ былъ съ лѣваго берега Днѣпра: по словамъ Ерлича ¹⁾, Поповича побудила къ новому бунту полученная имъ черезъ кіевскаго воеводу царская грамота или привилегія; по словамъ Грабянки ²⁾, побудительной причиною въ этомъ случаѣ служило соглашеніе паволоцкаго полковника съ Сомкомъ; но, кажется, скорѣе слѣдуетъ принять, что побужденія тутъ шли и отъ Сомка, и изъ Кіева ³⁾. Какъ бы то ни было, какъ только разнеслась вѣсть о рѣшимости Поповича снова биться съ поляками, къ нему стали стекаться его приверженцы. Поповичъ идетъ къ Павлочи, истребляя по дорогѣ евреевъ и шляхту, которая, послѣ недавняго бѣгства, на вернула уже было въ свои дома. Въ Павлочи находился въ ту пору посланный туда староста сандомірскаго воеводы Лисаковскій и другіе служащіе. Поповичъ неожиданно является подъ Павлочю и овладѣваетъ ею. Тамъ гибнутъ попавшій въ плѣнъ и затѣмъ убитый Лисаковскій и другіе служащіе, немало евреевъ и богатыхъ мѣщанъ. Разнаго рода людъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сталъ стекаться тогда къ Поповичу, который дѣлаетъ Павлочь исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, выходя отсюда, онъ собираетъ вокругъ себя «куны» разнаго люда и съ помощію ихъ избиваетъ шляхту и евреевъ, грабитъ и убиваетъ купцовъ. Скоро въ паволоцкомъ полку не осталось ни одного поляка, ни одного еврея: всѣ они или погибли, или бѣжали ⁴⁾. Движеніе, поднятое Поповичемъ, грозило принять опасные для польскаго господства въ правобережной Украинѣ размѣры, но его вскорѣ прекратили: оставшіеся вѣрными польскому королю козацкіе полковники и сотники двинули войска къ Павлочи и осадили ее. Поповичъ, имѣвшій при себѣ отрядъ болѣе, чѣмъ въ тысячу человекъ, защи-

¹⁾ Ерличъ, стр. 75.

²⁾ Грабянка, стр. 183.

³⁾ Изъ послѣднихъ, однако, едва ли въ той формѣ, которая указана Ерличемъ: мы знаемъ о сношеніяхъ Поповича съ кіевскимъ воеводою, но о передачѣ послѣднимъ паволоцкому полковнику царской грамоты или привилегія нигдѣ, кромѣ какъ у Ерлича, не упоминается.

⁴⁾ Въ письмѣ Брюховецкаго къ царю, отъ 8 іюня 1663 года, между прочимъ, сказано: „полковникъ новолоцкій недавно побилъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, которые были въ его полку“ (Соловьевъ, стр. 137). Извѣстіе это, вполне согласное въ главномъ и съ данными Ерличева „Дѣтописца“, кажется, нѣсколько преувеличено: такъ какъ вѣсть о новомъ возмущеніи Поповича быстро распространилась въ паволоцкомъ полку, то трудно допустить, чтобы, при такихъ условіяхъ, никто не спасся тогда изъ упомянутыхъ ляховъ и жидовъ.

щался мужественно, надѣясь на помощь изъ-за Днѣпра ¹⁾. Надежда эта однако не оправдалась, а сидѣнье въ осаждѣ насучило осажденнымъ (особенно паволоцкимъ мѣщанамъ); поэтому, сговорившись между собой, они выдаютъ Поповича съ пятнадцатью главными сподвижниками его и сдаются сами, прося побѣдителей о помилованіи. Послѣдніе отбираютъ у сдавшихся соратниковъ Поповича оружіе и коней, а самихъ ихъ грабятъ, бьютъ кіями и обухами, затѣмъ пускаютъ на волю ²⁾. Попавшій въ руки враговъ Поповичъ былъ казненъ въ половинѣ іюля 1663 года. Гетманъ Тетеря сильно желалъ узнать, что побудило паволоцкаго полковника къ новому возмущенію, а потому подвергъ его передъ казнью ужаснымъ пыткамъ: сперва Поповичу вытерли раскаленнымъ кирпичемъ плѣшь на головѣ; затѣмъ, когда палачъ сталъ подымать несчастнаго на дыбы, Тетеря приказалъ приложить къ боку его раскаленное желѣзо и, отстранивъ палача, наединѣ, съ бумагой и перомъ въ рукѣ, сталъ допрашивать Поповича, самъ ли онъ задумалъ учинить бунтъ, или кто подбилъ его къ этому, при чемъ, если справедливо послѣднее, требовалъ назвать имена виновныхъ (у Ерлича— «полковниковъ или сотниковъ»); процедура подыманія несчастнаго на дыбы и допроса его наединѣ гетманомъ продолжалась нѣсколько разъ. За такими ужасными пытками послѣдовала и столь же ужасная казнь: несчастнаго паволоцкаго полковника четвертовали. Обезображенный трупъ его лежалъ нѣсколько

¹⁾ О надеждѣ Поповича на помощь Сомка есть прямое указаніе у Грабянки (стр. 183). Да и вполнѣ естественно было паволоцкому полковнику, при тогданемъ уговорѣ его съ киевскимъ воеводою и Сомкомъ, ожидать помощи изъ-за Днѣпра.

²⁾ Вотъ разсказъ Ерлича (стр. 75) о второмъ возмущеніи Поповича: Który (Поповичъ) otrzymałszy gramotę albo przywilėj carski przez wojewodę, znowu rzucił się do buntów. Idzie ku Pawłowocy, tamże szlachtę, która już była nawrociła się do domów swoich, gdzie starostę I. pana wojewody sandomirskiego przewiskiem IP. Lisakowskiego zesłanego, na Pawłowocy obskoczywszy i pojmwszy zabijają i innych służyłych niemało żydów, mieszanów bogatych. Do którego się hultajstwo, co żywo dowiedziawszy się, zewsząd kupić, poczęło, napotem od miasteczka chodząc, kupę zbierając ludzi różnych, kupców szarpając i zabijając. O czem dowiedziawszy się starszyzna: pułkownicy i sotnicy, którzy królowi i mci i Rzeczplitej przysięgali zbierają się, oskoczyli go w Pawłowocy, który już miał těj swywoli więcj tysiąca rozbójników; a gdy bronili to hultajstwo w mieście co siedzieli a mieszczanom pawołockim dokuczano; namówiwszy się wydają onego zdrajcę popa pułkownika i samo piętności innych, a ostatek szubrawstwa zebranego prosi o miłosierdzie; którym sztelbę i konie odebrawszy i oszarpawszy, kijami i obuchami wybiwszy, żywo puszcza ją i darują zdrowiem.

часовъ на площади, гдѣ совершилась казнь, а затѣмъ его сожгли ¹⁾).

Итакъ, въ политической дѣятельности своей Поповичъ является ревностнымъ приверженцемъ Москвы и врагомъ господства на его родинѣ поляковъ. Съ помощью Сомка и Москвы онъ думалъ подчинить московскому царю правобережную Украину, а потому на движеніе, поднятое имъ, можно смотрѣть, какъ на попытку, хотя и неудавшуюся, остановить пагубное раздвоеніе Украины ²⁾).

Въ приведенномъ сообщеніи о дѣйствіяхъ и судьбѣ Поповича мы слѣдовали почти исключительно словамъ Ерлича. Грабянка рассказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе. Вотъ сущность его разсказа. Незадолго до приѣзда въ лѣвобережную Украину царскаго дьяка Башмакова ³⁾, поволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ, вида, «яко паки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», оставилъ должность полковника и слѣлался священникомъ. Затѣмъ, «разсмотрѣвъ, какіе пакости Ляхи и Жиди іереамъ творять», снова принялъ полковничество и, войдя въ соглашеніи съ лѣвобережнымъ гетманомъ (наказнымъ) Сомкомъ, много разъ вступалъ въ бой съ поляками и поразивъ ихъ на голову, изгналъ изъ Украины. Поповичъ былъ такой храбрый мужъ, что, еслибъ Брюховецкій не предалъ безвинно смерти Сомка и Васюту (нѣжинскій полковникъ Золотаренко), могъ бы подчинить «подъ руку царскаго величества» всю Украину. Вполнѣ надѣясь, что Сомко его не оставитъ, онъ «многोजди Ляхомъ и Татаромъ знаменитій привѣтствію ихъ отвѣтъ даеше». По смерти Сомка, на него вооружился съ польскими и козацкими силами гетманъ Тетери. Въ надеждѣ на помощь отъ Брюховецкаго, Поповичъ сперва оказывалъ врагамъ сильное сопротивленіе, но потомъ, увидѣвъ, что надежда

¹⁾ Вотъ разсказъ обо всемъ этомъ Ерлича (стр. 80): Tegoż czasu i miesiąca (15 iulia 1663 года) zdrając tego popa buntownika (chodorkowskiego) osądzono na śmierć taką: aby pierwěj koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto, i tak uczyniono, napotém дано катѣ въ рѣце, котораго катъ гдѣ цагналъ, hetman Tetera nie puszczając żadnego ku onemu zdrajcy, rozkazał катѣ szynę do boku przyłożyć rozpaloną, napotém i катѣ каже ustąpić; a jedno sam hetman wiawszy papieru i kałamarza pyta zdrając: kto go na to namowiał, czyli sam tego się domysłał, a котораго by z pułkowników albo setników powołał; котораго zdrając po kilka razy цагналъ катъ, a за каждымъ razem odstępował opodal od niego, jedno Tetera sam pytał; któremu napotém kazano ręce i nogi poodcinać, który tułow leżał na placu kilka godzin, a potém go spalono.

²⁾ Костомаровъ, стр. 303.

³⁾ Башмаковъ прибылъ въ Украину въ ноябрѣ 1663. См. Соловьевъ, стр. 151.
21*

его напрасна, и «не хотя сущихъ подъ областію градовъ и въ нихъ живущихъ людей погубити», безбоязненно вышелъ самъ къ гетману Тетерѣ, и его «таможде со всенароднимъ жалемъ смерти предано». Разсказъ Грабянки заканчивается увѣреніемъ, что Сомко и Поповичъ могли бы, еслибъ дольше прожили, возобновить на Украинѣ времена «старого Хмельницкого»¹⁾. Сличивъ извѣстія о Поповичѣ двухъ упомянутыхъ лѣтописцевъ, нельзя не придти къ заключенію, что вопли сходясь между собою въ главномъ, существенномъ, извѣстія эти сильно расходятся въ изображеніи подробностей. Какому же изъ двухъ лѣтописцевъ слѣдуетъ отдать въ этомъ случаѣ преимущество? Чей разсказъ правдивѣе, ближе къ дѣйствительности? По нашему мнѣнію, предпочтеніе должно быть отдано Ерличу. Ерличъ, какъ извѣстно, былъ современникомъ Поповича, родился и жилъ тамъ же, гдѣ и послѣдній, т. е. въ правобережной Украинѣ. Какъ шляхтичъ²⁾ и мѣстный житель, Ерличъ имѣлъ на родинѣ обширныя знакомства и связи и, стоя близко къ происходившему тогда на правой сторонѣ Днѣпра, иное могъ знать, какъ очевидецъ, а о многомъ другомъ могъ имѣть извѣстія изъ болѣе или менѣе надежныхъ рукъ. Свѣдѣнія о Поповичѣ онъ занесъ въ свою лѣтопись—дневникъ³⁾, надо полагать, своевременно, т. е. вскорѣ послѣ втораго возмущенія паволоцкаго полковника: не записавъ во время, трудно было бы приурочить ихъ потомъ къ опредѣленнымъ днямъ, какъ то сдѣлано въ трудѣ Ерлича, да едва ли бы сохранились въ этомъ случаѣ и многія мелочныя, приводимыя Ерличемъ по данному поводу подробности. Такимъ образомъ, извѣстія этого лѣтописца о Поповичѣ являются разсказомъ лица, которое и по мѣсту, и по времени близко стояло къ переданнымъ имъ фактамъ. Далекое нельзя сказать того же объ извѣстіяхъ о паволоцкомъ полковникѣ Грабянки. Мы не знаемъ, откуда позаимствовалъ Грабянка свѣдѣнія о Поповичѣ, но есть полное основаніе думать, что неизвѣстный намъ авторъ ихъ менѣе зналъ о происшедшемъ тогда въ паволоцкомъ полку, чѣмъ Ерличъ, и далеко не съ той точностью, какъ послѣдній. У Ерлича о Поповичѣ приведено больше подробностей, чѣмъ у Грабянки; въ разсказѣ перваго о паволоцкихъ событіяхъ ничто не противорѣчитъ всѣмъ другимъ, прямо или косвенно относящимся сюда, даннымъ; въ разсказѣ втораго извѣстіе объ изгнаніи

¹⁾ Грабянка, стр. 183 и 184.

²⁾ Ерличъ былъ православнымъ шляхтичемъ.

³⁾ Latopisiec Ерлича имѣетъ характеръ дневника.

Поповичемъ поляковъ изъ всей Украины—явное преувеличеніе, а другое извѣстіе его—о томъ, что гетманъ Тетеря выступилъ противъ паволоцкаго полковника «по смерти уже Сомковой», мало внушаетъ довѣрія: Сомка казнили 18 сентября 1663 года, а Поповичъ произвелъ свое второе возмущеніе, какъ то несомнѣнно извѣстно¹⁾, ни въ какомъ случаѣ не позже мая того же года: едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По отношенію ко времени записи извѣстій о паволоцкомъ полковникѣ Ерличъ также стоитъ выше Грабянки: какъ мы видѣли, Ерличъ записалъ ихъ, надо полагать, вскорѣ послѣ втораго бывшаго въ Паволочи возмущенія, тогда какъ рассказъ о томъ же, попавшій въ лѣтопись Грабянки, не могъ быть записанъ раньше конца сентября 1663 года (упоминаетъ о дѣйствіяхъ Поповича и послѣ смерти Сомка), т. е. запись это состоялась гораздо позже, чѣмъ сдѣлалъ то Ерличъ. У Грабянки причиной оставленія Поповичемъ полковничества и принятія священническаго сана является убѣжденіе послѣдняго, «яко шаки ляхи на Украинѣ господствовати начаша», и эта же въ сущности причина («накости» ляховъ и жидовъ іереямъ, т. е., строго говоря, опять таки господство въ Украинѣ поляковъ) заставляетъ священника Поповича снова сдѣлаться полковникомъ. Такимъ образомъ, одна и та же причина производитъ совершенно противоположныя слѣдствія. У Ерлича паволоцкій полковникъ становится священникомъ не по собственной волѣ, а по принужденію, что гораздо естественнѣе доводовъ Грабянки, такъ какъ этимъ путемъ легко объясняется и послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ обратное превращеніе Поповича въ полковника. Уступая Ерличу въ точности и полнотѣ извѣстій о Поповичѣ, Грабянка имѣетъ, однако, по отношенію къ этимъ извѣстіямъ и одно преимущество передъ нимъ: онъ лучше Ерлича знаетъ то, что происходило тогда на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Такимъ образомъ, Грабянка очень неполно и неточно знакомитъ насъ съ личностью и дѣятельностью паволоцкаго полковника Поповича и очень хорошо съ тѣмъ, что дѣлалось въ ту пору въ Украинѣ лѣвобережной. Это обстоятельство удобнѣе всего, кажется, можно объяснить тѣмъ, что рассказъ о Поповичѣ, бывший въ пользованіи у Грабянки, принадлежалъ перу лица, хотя и современнаго паволоцкому полковнику, но жившаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра и запоздавшаго нѣсколько съ записью бывшихъ въ Паволочи происшествій.

Вл. Ляскоронскій.

¹⁾ См. выше, стр. 582, примѣч.

Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. ¹⁾.

I.

Въ кіевской «сметѣ денежной казны» 7162 (1654) г. ²⁾, составленной при боярахъ и воеводахъ кн. Ѳеодоръ Семеновичъ Куракинъ и кн. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Волконскомъ и при дьякѣ Андрѣе Немировѣ, находимъ, между прочимъ, слѣдующую любопытную запись о расходахъ на освященіе Десятинной церкви въ этомъ году:

«По приказу бояръ и воеводъ... построено въ каменной церкви Рождества Пречистые Богородицы Десятинные, что въ Кіевѣ, въ острогѣ, ко освященію тое церкви дѣланъ въ алтари новый престолъ, жертвенникъ, кладезь (?), горное мѣсто и лавки кирпичные, и на престолъ написанъ образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, да сдѣланы «полотняные срачицы» на престолъ и жертвенникъ, на простолъ же — «таетяная пелена, опушка миткалиная, подложена крашениною», да «покровецъ бархатѣльной», «покрывцы» на церковные сосуды — «таетяные червчатые, обложены бязью».

«А за то строенье... иконнику отъ письма, и что построено въ алтарѣ — за кирпичъ, и за полотна, и за таету» и проч., также «портному мастеру отъ срачицъ и отъ пеленъ» и пр., и для освященія церкви «попомъ на олентія, за полотно», за «мытье старыхъ ризъ», «за горшки», на ладонъ и проч. — «всего вышло въ расходъ — 7 рублевъ 28 алтынъ пол-денъга» (л. 13 об. — 14).

II.

Виноградъ въ Кіевѣ въ 1654 г.

Въ той же «сметѣ» записанъ и такой расходъ: «по привазу бояръ и воеводъ... куплено въ Кіевѣ про государевъ... обиходъ винограду 760 кистей», который посланъ въ Москву съ жильцомъ Иваномъ Суздальцевымъ. «Половина того винограду» положена «въ па-

¹⁾ Изъ документовъ Моск. Архива Мин.—ва Юстиціи.

²⁾ „Разрядная вязка“ 1-я, № 82. — По своему содержанию эта „сметѣ“ весьма приближается къ воеводскимъ „сметнымъ книгамъ“ и „росписнымъ спискамъ“ и заслуживаетъ вниманія, какъ самая древнѣйшая изъ извѣстныхъ доселѣ кіевскихъ книгъ этого рода. Въ такъ называемомъ „кіевскомъ столѣ“ разряднаго приказа (въ Архивѣ Юстиціи) древнѣйшая „сметная книга“ Кіева относится къ 1681 г., но въ печати извѣстенъ отрывокъ изъ „сметной кн.“ 1661 г. (см. статью „Кіев. столъ разр.“ приказа“ въ „Кіев. Старинѣ“, 1886, № 11, сс. 541—542.

тоѣ». Дано за виноградъ—4 *рубля* 11 алтынъ 3 деньги, за патову—3 р. 20 алт., за телѣгу и 6 «колесъ телѣжныхъ»—2 р. 2 алт. 2 ден., за «подмазъ» телѣги—3 алтына, на овесъ и сѣно въ дорогѣ 6 «государевымъ подъемнымъ лошадямъ» выдано Суздальцеву—4 р. 6 алт. 4 деньги. Всего израсходовано—14 р. 10 алт. 1 деньга (л. л. 11 об.—12).

III.

Царскіе дары посланцамъ митрополита Петра Могилы, 1644 г.

«Память» изъ казеннаго приказа въ сибирскій приказъ, отъ 30 генваря 152 г.: «... велѣти прислати въ казенной приказъ... сорокъ собелей въ 30 рублевъ, 2 сорока собелей по 20 рублей сорокъ, а дати тѣ соболи государева жалованья изъ посольскаго приказу... при немъ государѣ на милостину кievского митрополита Петра Могилы *строителю старцу Илмарху*—сорокъ собелей въ 30 рублевъ, а 2 сорока собелей по 20 рублевъ дати отъ казны архидьякону *Амбросію* да митрополичю приказному челоувѣку *Ивану Предремирскому* ¹⁾).

IV.

Изъ кievскаго „росписнаго списка“ 1684 г.²⁾

«Росписной списокъ» Кіева составленъ, отъ 7 августа 192 г., при приѣмѣ города бояриномъ и воеводою Ѳеодоромъ Петровичемъ Шереметевымъ у боярина и воеводы Алексѣя Петровича Салтыкова. Выписываю отсюда кое что любопытное:

а) Описаніе воеводскихъ «образовъ» и «толковаго знамени»:

«Божіе Милосердіе—образъ Пресвятые Владычицы нашіе *Бюродицы*, Христiанскіе Помощницы, Живоносного Источника, на поляхъ окладъ серебряной, гладкой, золоченъ, вѣнцы и на поляхъ около иконы обнизано земчюгомъ большимъ, въ одно зерно, окладъ оклеенъ бархатомъ червчетымъ, пелена отласная червчетая, обложена круживомъ золотымъ кованнымъ» (л. 3 об.—4). Также подробно описанъ и другой воеводскій образъ—св. *Серіа* Радонежскаго (л. 4).

«Великихъ государей полковое *знамя*, писано по зеленой камѣтѣ, на обѣихъ сторонахъ образъ Пресвятые Богородицы да преподобныхъ

¹⁾ *Сибирскаго приказа столбецъ № 230, л. 180.*

²⁾ *Кievскаго стола в. № 51, л. 1—138.*—Одинъ отрывокъ изъ этой книги (по по рукописи не А—ва Юст., а Моск. Общества Ист. и Др.) напечатанъ въ „Описаніи Кіева“ *Н. Захревскаго*, т. II, сс. 900—904.

отецъ *Антонія и Θεодосія* Печерскихъ, поля писаны мѣстами золотомъ и серебромъ и красками, древко писано золотомъ же и красками, на древкѣ крестъ серебряной, на тожъ знамя сукно красное» (л. 4).

б) Описаніе *приказной избы*: «.... въ приказной избѣ образъ Спаса Вседержителя, въ кіотѣ рѣзномъ, кіотъ золоченъ», — еще 3 образа, затѣмъ — «книга Соборное Уложение, печатное, на столѣ. На томъ же столѣ сукно алое, кармазинное. Въ *задней избѣ* на столѣ коверъ старой, да въ *средней* и въ *задней* избахъ *полавочки* суконные, сукно алое. Да 3 *тѣшека* коженыхъ, 2 сукна зеленыхъ на полавочникахъ; 2 *шандала* мѣдныхъ, тройной да двойной; да на дву столахъ, гдѣ подъячіе сидятъ — 2 сукна голубые, польскіе» (л. 6—7).

Подъячими приказной избы были: Феодоръ Наковальнинъ, Иванъ Калачниковъ, Иванъ Соловковъ, Матвѣй Налетовъ, Осипъ Сусловъ и еще 10 человекъ (л. 126).

При избѣ же состоялъ «*въстовщикъ*» — кіевскій житель Михаилъ Сусловъ, котораго велѣно «для провѣдыванья подлинныхъ вѣстей посылать изъ Кіева *тайно*, безпрестанно, въ Волоскую землю и въ польскіе города»... Вѣстовныя свои «отински» онъ долженъ посылать въ Кіевъ, откуда они пересылаются въ приказъ Малой Россіи (л. 127).

в) Въ приказной избѣ хранились между прочимъ — «64 книги, называемые *Трубы Духовные*, а тѣ книги присланы съ Москвы въ Кіевъ во 189 (1681) г., и велѣно ихъ въ Кіевѣ продавать по указной цѣнѣ, по 2 рубли книгу, а у тѣхъ книгахъ края побиты, изгибы погнили, а инныя и въ переплетъ негодятца» (л. 15 об.).

г) Въ «*Меньшемъ* городѣ», на «*Софійскомъ* выводѣ» находилось «5 пищалей мѣдныхъ». Одна изъ нихъ описана довольно подробно: «*пищаль* мѣрю 4 аршинъ 2 вершковъ, ядромъ въ 6 гривенокъ, а сколько пудъ — того невѣдомо, для того что въ Кіевѣ терезей такихъ нѣтъ и привѣсить не на чемъ; а на пей *признакъ* — вылита *подпись*: Божіею милостію, повелѣніемъ государя цари и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русіи, лѣта 7130-го (1622) году, *мастеръ* Грггорей *Наузовъ*. — У выходу вылиты *личины*, около личинъ *змпѣй*, а подлѣ ушей и запалу вылиты *травы*. Станокъ окованъ, ветхъ, на дубовыхъ каткахъ, катки неокованы» (л. 25 об.—26).

д) *Пожарными* инструментами Кіевъ былъ очень не богатъ въ 1684 г.: въ росписи разныхъ инструментовъ встрѣчаемъ всего только «5 *крюковъ* *пожарныхъ*, желѣзныхъ, большихъ, на шестахъ», да 9 *вилъ* *пожарныхъ*, желѣзныхъ, на шестахъ» (л. 94).

е) Перечень «*государевыхъ дворовъ*»: въ «*Меньшемъ городѣ*» находилось 3 двора, гдѣ останавливаются бояре, окольнічіе и воеводы, 2 двора для дьяковъ и 1 дворъ для стольниковъ и полковниковъ.— Въ «*Большомъ городѣ*»: дворъ, гдѣ стоитъ генераль-поручикъ Петръ *Гордонъ*,—дворъ стольника и полковника Павла Бохина,—еще 17 дворовъ для «начальныхъ людей» и 143 «войсковыя избы» для стрѣльцовъ, почтовый дворъ (на немъ 28 лошадей), «дворъ, гдѣ дѣлаютъ зелье и енгиль»,—дворъ Кіево-Печерскаго монастыря.— Въ Большомъ и Меньшемъ «городахъ» находилось 13 колодезей и 2 мельницы (вѣтреная и «ручная»).— Въ «*Нижнемъ городѣ*»—бывшій дворъ епископа *Меодія*, гдѣ теперь лежатъ хлѣбныя запасы.— «Подъ Кіевомъ, на берегу р. Днѣпра» устроена мельница «на дву бойдакахъ» (л. 114 об.—119).

ж) Въ 1684 г. былъ «взятъ къ государеву двору, гдѣ ставятца первые бояре и воеводы»—*садъ*, расположенный за «Большимъ городомъ, за валомъ, на горѣ, повыше *Крещатика*», противъ двора, гдѣ стоитъ полковникъ Юрій Оамендинъ. Въ саду—43 дерева *волоскихъ орпховъ*» (л. 114 об.—115).

з) Описаніе *мостовъ*: «на р. *Днѣпръ* и на *Почайнѣ* и на *прошвахъ* мостъ наведенъ на прежнемъ мѣстѣ—на 19 паракъ *струговъ*, мѣрою 157 сажень съ полусаженью, да на 310 *плотахъ*, мѣрою 420 сажень съ полусаженью, да... на плоты здѣлано 6 примостковъ, мѣрою 3 саж., всего *608 сажень*». Да «на *Пророкѣ*» былъ прежде мостъ на стругахъ, но теперь они «отставлены», потому что на нихъ идетъ «многое число желѣза, смолы, пеньки и пропадають якори». Въсто струговъ мостъ построенъ на 37 «плотахъ», «для того что *плоты вьчнье и прибыльнѣе*». Мѣра этого моста 140 саж. (л. 128).

и) «*Крещаткой* мостъ, которой намощенъ былъ съ кіевскіе стороны по берегу р. Днѣпра, на режахъ, водою понело было и режи выламало и мостъ рознесло». Нынѣ онъ возобновленъ, снова на «режахъ», которыя и учинены *откапывая юры* выше старыхъ, для того, чтобъ впредь вешнею водою того мосту не понело». Мѣра этого моста 280 саж.—«Всего мостового строенія 1028 сажень» (л. 129).

V.

Богатый кіевлянинъ конца XVII в.

Въ кіевскихъ документахъ 1670—80-хъ годовъ нерѣдко встрѣчается имя богатаго кіевскаго жителя, торговаго человѣка, родомъ

«гречанина» — *Николая Торніота*. Оно фигурирует главнымъ образомъ въ «вѣстовыхъ отпискахъ» кіевскихъ воеводъ въ Москву. По своимъ крупнымъ торговымъ дѣламъ Торніотъ дѣлалъ поѣздки въ «Турскую землю», Польшу и др. страны. Возвращаясь домой, въ Кіевъ, онъ обязательно сообщалъ воеводамъ послѣднія политическія новости посѣщенныхъ имъ странъ. Къ его «вѣстямъ» относились въ Кіевѣ и Москвѣ съ довѣріемъ, такъ какъ видѣли въ Торніотѣ человѣка развитаго и бывалаго, обладавшаго, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ связямъ, искусствомъ добывать крупныя и достовѣрныя политическія новости.

Но въ 1686 г. этотъ цѣнный источникъ добыванія «вѣстей» неожиданно изсякъ: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Н. Торніотъ «великимъ государемъ *измѣнилъ — отъѣхалъ* въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю», оставивши въ Кіевѣ свою семью и дворъ. Тогда приказъ Малой Россіи предписалъ кіевскимъ воеводамъ боярину кн. Юрію Семеновичу Урусову съ товарищи — дворъ Торніота «отписать на великихъ государей».

«Переписная роспись» этого двора находится въ кіевскомъ «*росписномъ спискѣ*» 1687 г.¹⁾ «Роспись» очень интересна для характеристики домашней обстановки богатыхъ кіевлянъ конца XVII в. Документъ обстоятельно описываетъ усадьбу Торніота и особенно подробно останавливается надъ внутреннимъ убранствомъ его дома. Начавши — по обыкновенію — съ «Божьяго мпосердія», роспись переходитъ къ серебряной, мѣдной и оловяной *посудѣ* Торніота, затѣмъ описываетъ его *оружіе, драгоценныя вещи, монеты, платье* и проч.

Представляю эту любопытную «роспись» въ извлеченіи, не выбрасывая ничего существеннаго.

«Роспись» начинается слѣдующимъ предисловіемъ: «въ нынѣшнемъ во 195-мъ году, сентября въ 18 день, въ грамотѣ великихъ государей... изъ приказа Малой Россіи въ Кіевъ, къ боярину и воеводамъ ко кн. Ю. С. Урусову съ товарищи написано: велѣно на дворъ кіевского жителя гречанина *Николая Торніотога* послать кого пристойно и велѣтъ при кіевскомъ войтѣ на томъ ево дворѣ животы всѣ и дворовое всякое строеніе переписать и *отписать* на великихъ государей, а *жену* ево и *брата* — буде есть — дать на крѣпкіе поруки и изъ двора ихъ выслать, а буде порукъ не будетъ — велѣно ихъ держать въ тюрьмѣ до указа великихъ государей, потому что по

¹⁾ *Кіевского стола* кн. № 55, лл. 109 об.—122.

вѣдомостямъ онъ, Николай, великимъ государемъ измѣнилъ — отъѣхалъ въ нынѣшнее воинское время въ Турскую землю. А учиня по тому великихъ государей указу, велѣно къ нимъ великимъ государемъ писать и *переписную роспись* двору и животамъ прислать къ Москвѣ, за переписчиковою и стороннихъ людей за руками и за дьячею приписью» (л. 109 об.—110).

«И по тому великихъ государей указу», для описи двора «Н. Торніотого» воеводы послали стольника и подполковника Ивана Спѣшнева, капитана Семена Вишина, подьячаго Ивана Соловкова, войта Яна *Быковича*, бурмистра Яна *Совоновича*, райцу Александра *Кужменки*, сотника Савву *Туптала*, двухъ «ратушныхъ подписовъ» и др. Представленная И. Спѣшневымъ «переписная роспись» отправлена въ приказъ Малой Россіи 21 октября 195 г., а «черная роспись» оставлена въ кievской приказной избѣ.

«А въ росписи написано» (л. 112): стольникъ И. Спѣшневъ съ товарищи, во дворѣ Н. Торніота, находившемся въ «*Нижнемъ городѣ*», переписали «въ *свѣтлицѣ* Божіе милосердіе: *образъ* Спасовъ, окладъ серебряной позолоченъ, съ вѣнцомъ вѣнецъ съ чернью, въ кіотѣ, кіотъ рѣзной, вызолоченъ» — Затѣмъ также подробно описано еще 13 *образовъ*, изъ нихъ — 8 въ серебряныхъ позолоченныхъ «окладахъ», а 5 — безъ окладовъ (л. 113).

Подъ образомъ стояли 4 мѣдныхъ малыхъ «*шендаловъ*», да вишло мѣдное «*поникадило*» (л. 114).

«Въ *сундукѣ*», стоявшемъ въ «*свѣтлицѣ*», найдены слѣд. *серебряныя* вещи: вызолоченный «*роструханъ*», большая «*стопа*», 13 «*дастакановъ*», 21 *ложка*; *оловянныя* вещи: 26 *блюдъ* «средней стати», 1 большое блюдо, 11 малыхъ блюдъ, 12 *тарелокъ*; затѣмъ — «*стопа* каменная, черная, оправлена оловомъ»; 3 мѣдныхъ «*одинокихъ шендаловъ*» и 1 оловянный «*шендалъ*» (л. 114).

«*Шкатунка*, а въ ней 3 *четвертины* угольныхъ, да *рукомойникъ*, оловянные». — Въ другой «*шкатункѣ*» — 4 оловянныхъ «*угольныхъ четвертинъ*», третья «*шкатунка*» — пустая (л. 114 об.—115).

Оловянныя вещи: 2 «*стопы* съ крышками» и 2 небольшихъ «*кубана*» (?). — *Мѣдные* предметы: 2 «*чашки*»; 4 чашки «*турецкіе работы*»; «*чаша* *рукомойная*» и «*рукомойникъ* съ кувшиномъ», «полуженные, турецкіе работы»; 2 малыхъ «*ендовки*»; «*шотъ* съ *пестомъ*»; турецкое *блюдо*; «*кубикъ* съ крышкою»; «*ендова*»; 2 *котла*; 2 *ложани*, «полуженные», турецкой работы; *кувшинъ* турецкой работы; *горшокъ*; *жельзная сковорода* (л. 115).

Оружіе Торніота: «сабля булатная, оправлена серебромъ, черенъ рибей, наконечника нѣтъ»; «пара пистолей», въ мѣдной оправѣ «вузля, насѣчена серебромъ»; «простая пицаль»; «карабинъ съ русскимъ замкомъ»; «чеканъ», оправленный въ серебро; небольшая «пѣмѣцкая шпашка»; 20 стрѣль «кіевскіе работы» (л. 116).

Въ *подоловкѣ* найдены: 3 пары золотыхъ *серезь*, съ жемчугомъ и камнями, турецкой работы; 4 «червонныхъ двойныхъ золотыхъ», одинъ изъ нихъ — «въ четыре червонныхъ»; «червонной одинокой турецкой»; «золотая копѣйка»; 49 «тарелей (галеровъ) битыхъ»; 23 «польскихъ юрта» (юртъ въ 4 алтына); «маниста жемчужная» въ одну нитку, крупнаго жемчуга, съ 7 «дукатами» золотыми червонными; 10 нитокъ крупнаго и мелкаго жемчуга (л. 116).

Небольшой ящикъ съ *шафраномъ*; ящикъ съ *золотыми и серебряными кружевами*; «штука *целиху*»; «500 бунтовъ простыхъ *ножей*»; 4 «портища *выбойки* травчетой» (л. 117).

«*Платье мужское*»: «каетанъ обьяриной, вишневои, холодной, на немъ 32 пуговицы серебряныхъ, золоченыхъ съ *финифтью*»; «зверяной каетанъ», черный, холодный, съ 5-ю серебрянными золочеными пуговицами; суконный лазоревый каетанъ, подложенъ кумачемъ, старый; старый лазоревый «киндячной» кафтанъ; «киндячный» кафтанъ «красивной цвѣтъ», съ 9 серебряными пуговицами; «шабалия, подъ бѣлымъ сукномъ, нашывка золотая»; лисья *шуба*, подъ лазоревымъ сукномъ, съ 22 шелковыми съ серебромъ пуговицами; суконные *штаны*; старые красные кумачные штаны; «*тесма* шелковая, на ней *плати* (пластинки?) серебряные вызолочены, съ каменья» (поясъ?); шелковый тканый турецкій *кушанъ* (л. 117 об.—118).

«*Женского платья*»: красная бархатная «*цветка*», подложена соболями пушками, «около ее (обложено по краямъ) золотымъ *плетенкомъ*», съ 24 серебрянными позолоченными малыми пуговицами; атласный алый «травчетый *кунтушъ*», на горностаѣ, съ 10 серебряными пуговицами, «около кунтуша плетенекъ золотой»; «обьяриной кунтушъ», на бѣлкахъ, съ «золотымъ *плетенкомъ*» и 9 серебряными позолоченными пуговицами «съ *финифтью*»; «обьяриная» зеленая «*исподница*», съ золотымъ «*плетенкомъ*»; красная «исподница», съ такимъ же «*плетенкомъ*»; «исподница» атласная, зеленая, «травчетая зъ золотомъ», съ «серебрянымъ *плетенкомъ*», (л. 108 об.—119).

3 хрустальныхъ *зеркала*, средней величины; большое хрустальное зеркало (л. 119 об.).

«Двороваго строенія»: на дворѣ новая «свѣтлица» съ «комнатю»; противъ свѣтлицы— «бѣлая изба», въ ней «волоская печь»; свѣтлицу съ избой соединяють «спни», надъ сѣнными «чердакъ»; въ свѣтлицѣ, комнатѣ и избѣ—5 большихъ стеклянныхъ «окончины», да на чердакѣ 3 такія же «окончины».

Другая— «старая свѣтлица», съ «комнатю и избю», кои соединены «сѣнными», въ свѣтлицѣ и комнатѣ—3 большихъ «окончины» (л. 119 об.--120).

«На дворѣ»: 2 небольшія старыя «клѣтки», «порозжія»; конюшни и сарай, крытые оба «дранью» (л. 120).

«На огородѣ», въ саду—баня ветха, покрыта дранью.— «Въ саду деревья—вишни, сливы, виноградные кусты».—Дворъ огороженъ весь «въ заборѣ», ворота большіе съ калиткою, покрыты дракою (л. 120 об.).

Всѣ эти «Миколаевы животы Торніота» положены были въ «комнатѣ» и «бѣлой избѣ» новой свѣтлицы, гдѣ и запечатаны печатями воеводы боярина кн. Ю. С. Урусова и кievскаго войта Яна Быковича. Теща Торніота показала, что изъ оловяной посуды— 14 блюде, 14 тарелокъ и 2 мѣдныхъ «шендала»—принадлежать ей. Однако Спѣшневъ не нашелъ возможнымъ возвратить ей эти вещи и всѣ они были запечатаны вмѣстѣ съ прочими. Для караула у вещей поставили 5 солдатъ и стрѣльцовъ.

Прасковья Торніотъ, жена бѣжавшаго Николая— «поручные записи по себѣ не собрала, а сказала: ручатца—де по ней нѣкому»... Она же заявила о братѣ ея мужа—Степанѣ Торніотѣ, что онъ уѣхалъ съ товарами въ брянскій уѣздъ, на «свинскую ярмонку», а оттуда собирался въ Москву.

Жена Торніота оставлена во дворѣ мужа и «отдана на томъ же дворѣ за караулъ, до указу великихъ государей» (л. 120 об.—122).

На подлинной «перенисной росписи» рукою И. Спѣшнева было написано, что кievскій сотникъ Савва Тупталъ и войтъ Янъ Быковичъ не приложили своихъ рукъ къ «росписи», а составили, «особые свои двѣ росписи противъ той же (Спѣшнева) росписи», которыя и взяли съ собою—одну взялъ сотникъ, другую войтъ (л. 122).

Этимъ замѣчаніемъ и заканчивается «роспись». О дальнѣйшей судьбѣ семьи Николая Торніота и его имущества—мнѣ неизвѣстно.

Н. Оглоблинъ.

Кіевскіе толмачи.

Указомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 26 января 1723 года велѣно было «для посылокъ въ Царьградъ выбрать въ Кіевѣ изъ рейтаръ самыхъ добрыхъ десять человекъ, да изъ козаковъ, которые по турецки и по татарски говорить могутъ, десять и привести ихъ къ вѣрѣ въ томъ, чтобы имъ какъ туда ѣдучимъ, такъ и назадъ возвращающимся, ничьихъ партикулярныхъ писемъ не возить, и давать на всякой сѣздъ рейтару по 30-ти, козаку по 20-ти рублевъ, а въ бытность въ Царьградѣ при резидентѣ даванъ имъ будетъ поденной кормъ; и тѣхъ опредѣленныхъ рейтаръ и козаковъ въ другія ни въ какія послылки не посылать, чтобъ они для посылокъ въ Царьградъ были всегда въ готовности и, за отсылкою ихъ куда, присылаемымъ изъ кол. ин. дѣлъ указомъ въ Кіевѣ удержанія бѣ не было; а присланныя письма изъ Царьграда отъ резидента въ кол. ин. дѣлъ присылать на почтѣ ея нарочными особливими посыльщиками; а кто имянно рейтары и козаки для тѣхъ посылокъ выбраны и опредѣлены будутъ, тѣмъ имянную роспись и присяги ихъ прислать при доношеніи въ кол. ин. дѣлъ».

Въ силу этого указа тогда же выбрано было изъ козаковъ семь человекъ толмачей, которые и состояли въ распоряженіи кіевской губернской канцеляріи. Эти толмачи изъ козаковъ «для содержанія ихъ годовымъ жалованьемъ и порціями и раціями» зачислены были въ охочекомонный Чесноковъ полкъ «въ указное число».

Когда затѣмъ кто либо изъ этихъ козаковъ умиралъ, то на его мѣсто опредѣлялся въ толмачи и зачислялся въ тотъ же Чесноковъ полкъ, по приговорамъ кіев. губ. канц., кто либо изъ выходившихъ изъ плѣна козаковъ или другихъ лицъ, умѣвшихъ говорить по турецки и по татарски. Полкъ, въ которомъ эти лица только лишь числились для полученія изъ него жалованья и другаго «довольствія», тяготился содержаніемъ такихъ козаковъ и полученіе ими этого содержанія, какъ видно, сопряжено было съ большими затрудненіями. Затрудненія эти вызвали долго длившуюся переписку между кіев. губ. канц. и генеральной войсковою канцеляріей. Разрозненные обрывки этой то переписки, найденные мною въ архивѣ кіев. губ. пр., и послужили мнѣ матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Въ 1745 г. ген. войск. канц. справедливо указывала на тѣ затрудненія, какія представляетъ доставленіе толмачамъ содержанія изъ такъ наз. Чеснокова полка, расположеннаго тогда по форпостамъ на

украинской линіи, и при этомъ рекомендовала собирать «порціи и раціи» для толмачей съ жителей Воскресенской слободки, которая, входя въ составъ кіевскаго полка и составляя «мѣстность кіев. генераль-губернатора», съ его же разрѣшенія, была «въ ревизію для всякихъ указныхъ расположеній введена». Но слободка эта была такъ бѣдна, что и половины требуемаго для толмачей довольствія поставить не могла. Въ 1750 г. ген. войск. канц., по ордеру гетмана Разумовскаго, совѣмъ было прекратила выдачу жалованья толмачамъ изъ войсковаго скарбу, какъ не отбывающимъ службы при полку, распорядилась даже совѣмъ выключить ихъ изъ полковыхъ компутовъ, а кіев. губ. канцелярію увѣдомила, что «ежели де оныя толмачи при кіев. губ. канц. потребны, то бы отъ оной губ. канц. и денежное жалованье и порціонную и раціонную имъ дачу производить».

Очевидно по ходатайству самого гетмана, только лишь въ 1752 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выдавать толмачамъ содержаніе изъ другаго источника, а именно изъ тѣхъ сборовъ, какіе поступали въ кіев. губ. канц. съ живущихъ въ Малой Россіи раскольниковъ.

Въ теченіи тридцати лѣтъ число толмачей ограничивалось семью. Въ 1753 г., по поводу ходатайства кіев. губ. канц. о назначеніи сверхъ этого числа еще одного толмача, коллегія ин. дѣлъ увѣдомила, что де «по отправленному въ 1723 г. указу велѣно толмачей для царегородскихъ посылокъ содержать въ Кіевѣ *по десяти человекъ*». А въ 1766 году указомъ прав. сената отъ 12 января постановлено содержать при кіев. губ. канц. *дванадцать* толмачей и изъ нихъ находящимся на лицо оставить прежніе оклады, а «на протчїихъ и на опредѣляемыхъ впредь на вакансіи опредѣлить противъ штатнаго положенія суммою по 30 руб. на каждаго, но однако изъ того оклада производить, смотря по заслугамъ ихъ, отъ 24 до 48 рублей».

Поѣздки въ Царьградъ совершались толмачами совмѣстно съ рейтарами, т. е. посылался обыкновенно рейтарецъ, а *при немъ* толмачъ, и положеніе этихъ лицъ, служебное и имущественное, было далеко не одинаково. Въ 1744 г. резидентъ Неплюевъ писалъ въ кол. ин. дѣлъ, что присылаемые къ нему въ курьерахъ рейтары, «а *наше толмачи* вѣзять смрадно роздранные и въ дорогѣ подлой народъ зело ихъ презираетъ и въ Константинополѣ со стыдомъ являющца, и изъ нихъ же нѣкоторые, а *особливо изъ толмачей*, недостойны въ царегородскіе посылки и употребляемы быть по худобѣ ихъ». Коллегія предписала «тѣхъ толмачей разсмотрѣть и негодныхъ въ тѣ посылки не употреблять, и съ *рейтары*, кои сами умѣютъ по турецки,

толмачей и посылать не для чего, и велѣть имъ всѣмъ въ дорогѣ ѣздить и наипаче въ Константинополь пріѣзжая тамо являтца въ твердомъ, а не въ раздранномъ мундирѣ».

Тогда же для константинопольскихъ посылокъ выбрано было изъ рейтаръ тридцать человекъ и «дабы они содержали себя постоянно, обязаны другъ по другу круговою порукою и что посланной съ ними казны кто утратитъ, то повинны за одного всѣ платить».

Что же это были за люди толмачи? изъ какой среды, какого образованія, какихъ «нравовъ и обычаевъ»? Все, что только можно было извлечь изъ имѣвшихся у меня документовъ въ отвѣтъ на это, я и сообщаю ниже.

Въ 1744 году при кiev. губ. канц. состояло семь человекъ толмачей: *Юрьевъ* Михаилъ изъ грековъ съ 1729 года, *Александровъ* Андрей изъ волоховъ съ 1733 г., *Мамюкинъ* Иванъ, *Янковскій* Иванъ, *Варламовъ* Софронъ, *Вишалченко* Павелъ и *Якимовъ* Яковъ. Изъ нихъ въ томъ же 1744 году выключены были: Янковскій, о которомъ уже за три года передъ тѣмъ чрезвычайный посолъ Румянцевъ писалъ, чтобъ его не посылали въ Константинополь «по долговременной его службѣ и старости», и Варламовъ, который слылъ горькимъ пьяницей. На ихъ мѣсто тогда же опредѣлены были: *Юрьевъ* Василій и *Яковлевъ* Савелій. Послѣдній былъ уроженецъ лубенскаго полка, козачій сынъ и по освобожденіи своемъ изъ турецкаго плѣна былъ приставленъ въ Константинополь «къ переводческимъ дѣламъ», но оказался къ нимъ неспособнымъ, а потому и попалъ въ толмачи для посылокъ, такъ какъ все таки говорить и по турецки, и по гречески, равно какъ читать и писать, оказалось, «отчасти умѣеть».

О *Якимовъ* Яковъ сами товарищи три человекъ, послѣ многократныхъ товарищескихъ увѣщаній не пьянствовать, заявили въ губерн. канц., что де онъ «издавна находится съ женою своею во всегдашнемъ пьянствѣ и валяется по базару», ни одежды порядочной, ни оружія не имѣеть, и если де «употребленъ будетъ въ иностранную какую посылку, то чрезъ одного его и другимъ російскимъ курьерамъ послѣдовать можетъ напрасное безславіе».

Бѣлый Григорій, войска запорожскаго, полтавскаго куреня козакъ: съ 1736 по 1742 годъ былъ въ плѣну, откуда бѣжалъ и жилъ въ Запорожьи по 1744 г., когда отправленъ былъ отъ войска, въ качествѣ переводчика, сопровождать поручика Никифорова въ Крымъ. Въ 1745 г. подалъ въ кievск. губ. канц. заявленіе о желаніи своемъ служить толмачемъ, «понеже имѣю намѣреніе оженитца и пребыва-

ніе имѣть въ Малой Россіи», и, пробывъ два года толмачемъ сверхъ комплекта, зачисленъ былъ затѣмъ въ «указное число» на мѣсто Якимова.

Примоцивъ Иванъ,—уроженецъ миргородскаго полка, козацій сынъ, взятъ былъ въ 1737 г. во время татарскаго набѣга въ плѣнъ, гдѣ и былъ продаваемъ въ разные мѣста, а въ 1748 г. изъ г. Киіи бѣжалъ и, прибывъ въ Кіевъ, поцалъ въ толмачи. По экзамену оказался говорящимъ по турецки и по татарски хорошо, а по волоски «неаккуратно».

Мельниковъ Матвѣй,—уроженецъ г. Нѣжина, съ малолѣтства служилъ у купцовъ грековъ, съ которыми и ѣздилъ часто въ Крымъ и Турцію, выучился говорить по турецки и по гречески хорошо, а по татарски, по волоски, по венгерски и по сербски «еще неаккуратно», опредѣленъ толмачемъ въ 1748 г.

Проломовъ Иванъ,—уроженецъ польскаго мѣстечка Осмянина, былъ шесть лѣтъ въ турецкомъ плѣну, зналъ языки турецкій, татарскій и волоскій, опредѣленъ толмачемъ въ 1749 году. Въ 1750 году резидентъ Неплюевъ отиравилъ его изъ Константинополя въ Кіевъ «не по очереди, но по сумнѣнію, что въ бытность его въ турецкомъ полону былъ обрѣзанъ», при чемъ Неплюевъ требовалъ, чтобы Проломова въ Константинополь уже никогда бы не посылали, такъ какъ кромѣ такого «о потурченіи подозрѣнія весьма неуряличного», Проломовъ и «къ пьянству весьма склоненъ».

Приходченко Якимъ,—уроженецъ полтавскаго полка м. Цариченки, козацій сынъ, въ 1737 году «набѣжавшими на состоящей близъ того мѣстечка хуторъ Проточъ татарами съ прочими обывателями взятъ былъ въ полонъ и отвезенъ въ Крымъ, а оттуда проданъ въ Константинополь тамошнему турченину, а отъ него проданъ же за белое море, гдѣ находился по 1748 г., а въ томъ году по освобожденіи обрѣтался въ Константиноплѣ въ російскомъ дворѣ какъ при покойномъ резидентѣ Неплюевѣ, такъ и при нынѣшнемъ Обресковѣ, приворотникомъ, а въ нынѣшнемъ 1752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ отправленъ отъ него, Обрескова, при посланномъ въ Кіевъ кіевскомъ рейтарѣ капралѣ Иванѣ Козловѣ за толмача, для того, что какъ будучи въ полку, такъ и при російскомъ дворѣ, обучился говорить по гречески, по турецки и по арапски, а писать по русски и по гречески». Въ томъ же 1752 г. онъ зачисленъ былъ въ толмачи.

Ханенко Михаилъ,—уроженецъ черниговскаго полка с. Ладники, козацій сынъ, въ 1738 г. подъ Перекопомъ взятъ былъ въ турецкій

плѣнъ, гдѣ и находился по 1754 г. Присланный по освобожденіи изъ плѣна резидентомъ Обресковымъ въ Кіевъ, просилъ о приемѣ его «за полное терпѣніе» въ число толмачей, такъ какъ онъ выучился говорить по гречески и по турецки. По экзамену, оказался въ разговорахъ на этихъ языкахъ искуснымъ, почему и принятъ былъ «сверхъ комплекта» въ число толмачей.

Ивановъ Матвѣй, — уроженецъ турецкой области г. Битлиса, армянинъ. Оставивъ въ молодости родной городъ, служилъ въ Константинополѣ у греческихъ купцовъ, тамъ и женился на купленной имъ у турка русской плѣнной дѣвушкѣ. «И увѣдавъ турки, что онъ принялъ намѣреніе быть въ кафедральной греческаго исповѣданія вѣрѣ, хотѣли было его умертвить, и затѣмъ онъ, убоясь безвременной смерти, въ 1746 г. явился со оною женою къ бывшему въ Константинополѣ російскому министру Неплюеву, которымъ и принятъ въ російскій дворецъ и по осьми дняхъ отправленъ отъ него съ російскими купцами и съ прочими плѣнниками моремъ на корабль въ Россію». Поселившись въ Нѣжинѣ, Ивановъ принялъ православіе и занимался «сплѣніемъ въ купеческихъ шинкахъ у продажи напитковъ», а въ 1755 г. попалъ въ толмачи, какъ умѣющій говорить по турецки, по гречески и по армянски.

Пешковъ Василій, — уроженецъ г. Черкаска, козацій сынъ, подъ Азовомъ попалъ въ плѣнъ, въ которомъ и находился 25 лѣтъ, при чемъ выучился говорить по турецки. Прибывъ въ 1756 г. съ кн. Долгоруковымъ въ Кіевъ, Пешковъ привезъ съ собою жену и прижитыхъ имъ въ плѣну троихъ дѣтей, которые и были крещены въ Кіевѣ. Зачисливъ самаго Пешкова въ толмачи, начальство поручило двухъ сыновей его переводчику Ѳедору Семенову для дальнѣйшаго обученія ихъ турецкому языку.

Лазовъ Ѳедоръ, — уроженецъ г. Трапезонта, ребенкомъ привезенъ былъ Капнистомъ въ Россію вмѣстѣ съ матерью и крещенъ въ с. Сорочинцахъ. Мать его выдана была замужъ за грека Лазова, который въ 1746 г. поселился въ Кіевѣ; здѣсь Ѳедоръ, будучи искусенъ въ языкахъ турецкомъ и греческомъ, въ 1757 г. опредѣленъ былъ въ толмачи, а въ 1762 г. умеръ въ Константинополѣ, заразясь въ дорогѣ морвою извой.

Юрьевъ Иванъ, проси въ 1755 г. объ опредѣленіи его въ толмачи, сообщалъ о себѣ такіа свѣдѣнія: «Уроженецъ я малороссійскаго г. Нѣжина, козацкой сынъ, и въ пропломъ 1735 году отецъ и мать мои, взявъ меня малолѣтнего, поѣхали было въ запорожскую Сѣчь,

и не доѣзжая оной Сѣчи, напавъ, крымскіе татары отца и мать и меня и протчихъ тогда идущихъ съ нами малороссіянъ взяли въ полонъ и привезли въ крымской городъ Бакцысарой и тамо продали турченину Агмету, который повезъ меня моремъ до турецкого города Трапизонта, а изъ того города отвезши меня оной Агметъ въ турецкой городъ Коистръ, продалъ тамошнему жителю греку Осипу Хатзи, у котораго я жилъ зъ двѣнадцать лѣтъ; а потомъ оной грекъ Хадзи отъ себя меня въ турецкой же городъ Змиръ къ пребывающему тамо галанскому консулю объявилъ, а тотъ консуль отослалъ меня въ Константинополь къ російскому резиденту Обрескову, который въ прошломъ 1754 г. при случившейся оказіи отправилъ меня въ Кіевъ, гдѣ и по нынѣ для обученія грамотѣ въ кіево-печерской крѣпости при церкви преподобнаго Феодосія въ школѣ пребываю. А про вышеписанное все я за малолѣтствомъ своимъ ничего бѣ сказать не зналъ, но мнѣ взятые обще съ отцомъ и матерью моею и со мною татарамъ въ полонъ малороссійскіе, знающіе отца моего, нѣжинскіе и протчіе жители объявляли. А понеже я по турецки говорить довольно знаю, а по малой части и по гречески и по волоски говорить умѣю, и за неимѣніемъ никого изъ свойственниковъ своихъ пропитанія себе ни откуда не имѣю, и для того желаю я быть при к. г. к. для константинопольскихъ и протчихъ посылокъ толмачемъ.

Принятый тогда же въ толмачи, Юрьевъ очень скоро обнаружилъ «непорядочные поступки» и въ 1756 г. послѣ поѣздки его въ Константинополь съ рейтаромъ и вахмистромъ Бершовымъ, представившимъ обстоятельное донесеніе о поведеніи своего спутника, выключенъ былъ изъ числа толмачей «за его пьянство и непорядки». Въ Константинополь же резидентъ Обресковъ высѣкъ его плетми и «для избѣжанія страху» уплатилъ изъ своихъ средствъ его долгъ какому то турку.

Красниковъ Иванъ, — уроженецъ польскаго мѣстечка Медведовки, взятъ былъ въ плѣнъ въ 1735 г., а въ 1742 г. бѣжалъ изъ него къ резиденту Вешнякову, у котораго и жилъ въ услуженіи, исполняя иногда обязанности толмача, и въ 1744 г. отправленъ былъ съ освобожденными плѣнными въ Черкасскъ. Женившись на плѣнной дѣвушкѣ и желая жить въ Кіевѣ, онъ просилъ мѣста толмача, которое и было ему тогда же предоставлено. Въ 1749 г., по письму Неплюева о «безмѣрномъ пьянствѣ» его, онъ отставленъ былъ отъ константинопольскихъ посылокъ, но въ 1754 г. генераль-губернаторъ Леонтьевъ приказалъ вновь быть ему толмачемъ по прежнему. Однако изъ Красника, какъ видно, плохой былъ толмачъ: жалобы на его пьянство и «не-
22*

порядки» заявлялись не однимъ изъ тѣхъ рейтаръ, съ которыми приходилось ему ѣздить. Привожу одну изъ такихъ жалобъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о большинствѣ тѣхъ «доношеній», какія имѣлись у меня въ рукахъ и съ какими обращался рейтары въ кiev. губ. канц. Вахмистръ рейтарской команды Федоръ Озеровъ, по возвращеніи своемъ изъ командировки въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1763 года, подалъ генераль-губернатору Глѣбову слѣдующее доношеніе: «Сего 1763 г. ноября 1-го дня отправленъ я изъ Константинополя отъ пребывающаго тамъ министра Обрескова съ письмами въ Кіевъ и при томъ отправленіи приданъ мнѣ толмачъ Иванъ Красниковъ, который отъ самого Константинополя будучи въ пути находился всегда въ пьянствѣ и чинилъ великіе неурядки, отъ которыхъ я всѣми мѣрами его воздерживалъ и выводилъ его изъ питейныхъ домовъ насильно, отчего въ турецкихъ мѣстахъ ѣхать съ нимъ было весьма постыдно; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи онъ пьяной, стрелялъ изъ заряженныхъ пулями пистолетъ, и въ одно ночное время близъ меня пролетѣла пуля; будучи жъ въ польскомъ мѣстечкѣ Липовцахъ, намѣренъ былъ меня застрелить; что видя, я отъ него удалялся и напоследокъ, отнявъ пистолеты, кремни изъ нихъ вынулъ, то онъ, злобствуя за то, тамошнему арендарю жиду Нюхину объявилъ, якобы я шпионъ, и, уговаривая, усиленно просилъ, дабы онъ, Нюхинъ, имѣющуюся у меня экспедицію отобралъ, а за то обѣщалъ онъ ему, жиду, учинить заплату, а послѣ того слѣдующимъ изъ Бендеръ малороссійскимъ козакамъ приказывалъ, чтобъ меня въ его голову до смерти убили; то я, видя его Красникова такъ худыя предпріятія и поступки, принужденъ былъ оного для безопасности въ м. Липовцахъ оставить, и такъ я отъ того м. Липовець слѣдовалъ до карантиннаго дому одинъ, отчего имѣлъ въ пути не малую опасность; къ тому жъ онъ Красниковъ, за онымъ же своимъ несостояніемъ, будучи со мною въ карантинѣ, при выпускѣ въ Кіевъ, тамо остался; о чемъ в. вц—ву въ покорности доноси, предъявляю, что толмача Красникова впредъ посылать при экспедиціяхъ весьма постыдно, да и опасно».

Шиферовъ Иванъ, — назначенный на мѣсто Красникова, неизвестнаго происхожденія человекъ, по принятіи въ 1759 г. русскаго подданства, отправленъ былъ съ письмами въ Константинополь, гдѣ и находился при резидентѣ Обресковѣ «для смотренія имѣющагося тамо казеннаго двора», а съ 1764 г. употреблялся для посылокъ въ качествѣ толмача, какъ человекъ знавшій языки турецкій, греческій, итальянскій и нѣмецкій.

Григоровичъ Христофоръ. — уроженецъ польскаго мѣстечка Бродъ, отецъ его «армянской націи», а мать полька, по вѣроисповѣданію католикъ, въ 1759 г. съ прислугой польскаго посла побывалъ въ Константинополѣ, гдѣ и выучился говорить по турецки. Бывши затѣмъ въ Бендерахъ, гдѣ хотѣлъ было занять у наши писарскую должность, которую исполнялъ полякъ Якубъ Скавронскій, познакомился съ проѣзжавшими изъ Константинополя русскими рейтаромъ и толмачемъ и просилъ ихъ взять его съ собою въ Кіевъ, куда и прибылъ въ мартѣ 1767 г. Такъ какъ онъ умѣлъ говорить по турецки, по армянски и «нѣсколко» по нѣмецки, кромѣ того читалъ и писалъ по польски, то и былъ тогда же принятъ въ штатъ толмачей съ назначеніемъ ему жалованья «до усмотренія впредь» по 24 руб. въ годъ.

Надо полагать, что толмачамъ, раньше опредѣленія ихъ на службу, производился экзаменъ въ кiev. губ. канцеляріи, при которой существовалъ особый штатъ переводчиковъ. Такъ, въ имѣвшихся у меня документахъ фигурируютъ въ 50-тыхъ годахъ въ качествѣ такихъ экзаменаторовъ: по турецкому языку — кол. секретарь Константинъ Реткинъ, а по греческому — переводчикъ Ѳеодоръ Семеновъ. Кромѣ случайно попадавшихъ въ толмачи лицъ, для той же роли подготавлились и молодые люди въ Константинополѣ при дворѣ русскаго резидента. Способнѣйшіе изъ нихъ попадали въ «переводчики», служебное положеніе которыхъ было выше положенія толмачей. Вообще эти два положенія «переводчики» и «толмачи» строго различались.

Въ 1745 г. резидентъ Вѣшниковъ, отправляя въ Кіевъ молодаго челоуѣка толмача Константина Юрьева, отецъ котораго служилъ переводчикомъ при кiev. губ. канц., писалъ генераль-губернатору: «удержалъ видя его великую остроту и понятность, какъ и суще зѣло остръ въ ученіи, въ турецкомъ много успѣлъ, и конечно бѣ можно было отъ него годность ожидать быть при границахъ *современемъ и въ переводчикахъ*». По просьбѣ Вѣшникова, генераль-губернаторъ командировалъ Юрьева въ Петербургъ съ бумагами въ коллегію ин. дѣлъ, откуда онъ и отправленъ былъ скоро «курьеромъ съ нужнѣйшими указами къ резиденту Неплюеву и для тамошней бытности опредѣлено ему давать жалованья противъ другихъ *обрътающихся въ Константинополъ молодшихъ учениковъ* по сту рублей въ годъ». Отецъ этого молодаго толмача Харитонъ Юрьевъ въ 1723 году опредѣленъ былъ для турецкихъ писемъ переводчикомъ при кiev. губ. канц., съ жалованьемъ по 36 р. въ годъ, и въ 1742 г., прося о прибавкѣ ему жалованья *или объ отпускѣ его въ родной городъ Ясы*, заявлялъ, что онъ «черезъ толь продолжительное время пришелъ въ

старость и дряхлость и зрѣніемъ изнемогъ». Коллегія ин. дѣлъ предписала не отпускать Юрѣва въ отечество, а «въ разсужденіи того, что онъ при кіев. губ. канц. обрѣтается чрезъ многіе годы и другаго переводчика нѣтъ, велѣно ему давать прежній окладъ и должность переводческую по возможности исправлять, при томъ же сыну его Константину, который умѣетъ говорить по Россійски, по гречески, по волоски и по турецки, а читать и писать по русски и по гречески, и желаетъ, обучась по турецки, быть на мѣсто отца своего и просилъ, дабы отцу его при старости и крайней бѣдности учинить къ жалованью придачу, а его Константина опредѣлить зъ годовымъ жалованьемъ же при кіев. губ. канц. ко отцу его въ ученики турецкаго письма, гдѣ будучи можетъ онъ и ему, отцу своему, вспомогать и отъ него обучаться, а между тѣмъ на греческомъ и на волоскомъ языкѣ при канцеляріи въ словесныхъ переводахъ служить и употреблять его за толмача; къ тому жъ велѣно ему, Константину, обучаться тѣмъ языкамъ, кои онъ уже говорить знаетъ, чтенію и письму, дабы онъ впредъ могъ быть годнымъ переводчикомъ; а для пріохочиванія его къ тому, ему, Константину, и особое сперва толмачевское жалованье давать по разсмотрѣнію кіев. губ. канц., ибо въ Кіевѣ безъ переводчика и толмачей тѣхъ языковъ быть никакъ нельзя».

Способнѣйшіе изъ толмачей достигали высшаго овлада жалованья въ сто рублей, а нѣкоторые изъ нихъ, и не переходя въ «переводчики», дослуживались до офицерскаго чина. Таковъ былъ, напр., *Александровъ* Андрей изъ волоховъ, принявшій въ 1734 г. русское подданство и опредѣленный ген.-губ. Шереметьевымъ въ толмачи. Въ 1738 и 39 гг. прикомандированный къ секретной экспедиціи Неплюева, для посылокъ въ польскія мѣста, онъ употребляемъ былъ для развѣдыванія о непріятельскихъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ вѣдомостей». Въ 1740 г. состоялъ въ Немировѣ при комиссіи майора Николкина и посылался для развѣдыванія о татарскихъ и турецкихъ «обращеніяхъ и намѣреніяхъ». Въ 1747 г. онъ просилъ генералъ-губернатора выдать ему «охранной салвогвардіи листъ» за многія его вѣрныя службы, чтобы дому его «ни отъ кого никакихъ обидъ, налогъ и разореній и отъ постоевъ угѣсенія слѣдовать не могло». Домъ же этотъ былъ имъ купленъ въ переяславскомъ полку, барышпольской сотни въ с. Иванковѣ. Этотъ то Александровъ и достигъ безупречною своею службою оберъ-офицерскаго чина—прапорщика, въ каковомъ чинѣ и умеръ въ 1764 г.

А. Андр.

Новомосковскія учебныя заведенія.

Возобновленіе въ памяти современниковъ историческихъ событій прошлаго и полезно, и пріятно; напоминая о быломъ, освѣжая воспоминанія о дѣятеляхъ прошлаго времени, оно можетъ пробуждать энергію въ потомкахъ. Въ особенности это можно сказать въ отношеніи событій мѣстной жизни, интересныхъ преимущественно для извѣстныхъ группъ населенія извѣстнаго края, событій по большей части затерявшихся въ архивахъ мѣстныхъ учреждений и весьма легко забываемыхъ. Освѣженіе въ памяти свѣдѣній о мѣстныхъ событіяхъ, дѣятеляхъ, учрежденіяхъ, вызывая вниманіе къ давно минувшему, въ то же время не можетъ не служить и нравственнымъ побужденіемъ къ поддержанію полезныхъ сторонъ прошлой дѣятельности,—не можетъ не окружать ореоломъ уваженія лицъ, потрудившихся на общее благо, оставившихъ добрый слѣдъ своей общественной дѣятельностью, и тѣмъ поощрять къ продолженію ими начатаго, сдѣланнаго, устроеннаго. Всего труднѣе добывать свѣдѣнія объ историческомъ мѣстномъ прошломъ, какъ хранящіяся въ мало-доступныхъ архивахъ, и при томъ въ видѣ трудно-читаемыхъ бумагъ и документовъ. Поэтому, извлеченіе такихъ свѣдѣній изъ такихъ печатныхъ источниковъ, въ которыхъ разработаны, хоть, отчасти архивныя мѣстныя бумаги, и которые представляются крайне рѣдкими, намъ кажется, дѣлается почти обязательнымъ для всякаго, располагающаго такими источниками.

Въ прошломъ году мы сообщили въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1-й) общія свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ екатеринославской губерніи за первую половину XIX ст., извлеченныя изъ рѣдкаго нынѣ изданія—труда бывшаго директора екатеринославской гимназій Якова Дм. *Грахова* (1846—1862 г.), вышедшаго въ 1856 г. подъ названіемъ: „*Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназій и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній*“, (Одесса, въ типографіи Францова и Нитче, 1856 г.). Въ числѣ общихъ этого рода свѣдѣній имѣются нелишенные интереса данныя о новомосковскихъ учебныхъ заведеніяхъ и сопряженной съ ними дѣятельности частныхъ лицъ. Извлекая ихъ въ настоящей статьѣ, мы дополнимъ ихъ отчасти и краткими свѣдѣніями о современномъ положеніи учебнаго дѣла въ новомосковскомъ уѣздѣ.

Въ 1804 г. 5 ноября, въ царствованіе императора Александра I, изданъ былъ уставъ учебныхъ заведеній, по которому въ каждомъ

губернскомъ и уѣздномъ городѣ должно было быть по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище. Въ силу этого устава, въ 1807 г. 8 ноября, послѣдовало открытіе новомосковского уѣзднаго училища, прожившаго, такимъ образомъ, уже 80 лѣтъ и давшаго уѣзду многіе десятки и даже сотни лицъ не только съ грамотою, но и съ достаточными первоначальными научными свѣдѣніями. День своей 80-ти лѣтней годовщины—5 ноября 1887 года—училище это не праздновало; да, вѣроятно, оно и не подозрѣвало значенія для него этого дня, утративъ о немъ память. Жители г. Новомосковска, даже изъ числа получившихъ въ немъ знанія, тѣмъ болѣе могли не знать важности 5 ноября для ихъ мѣстной учебной хранины, и потому пропускали этотъ день также безъ вниманія.

Открытіе новомосковского уѣзднаго училища совершено было съ пзвѣстною, столь обычною въ то время при подобныхъ случаяхъ, торжественностью, и составляло событіе для цѣлаго края. Это было открытіе перваго учебнаго заведенія въ уѣздѣ, и представители населенія не поскупились ознаменовать его весьма щедрыми приношеніями. Такъ, бургомистръ г. Новомосковска Иванъ *Перекрестовъ* подарилъ училищу домъ, стоимостью въ 1200 р., и ежегодное пособіе въ 100 руб. Новомосковскій уѣздный предводитель дворянства Матвѣй Ивановичъ *Тимковскій* пожертвовалъ 50 р. и 10 книгъ; городничій Пустыльниковъ—25 руб.; помѣщикъ Павелъ *Миргородскій*—25 руб.; помѣщикъ *Клецовъ*—50 руб.; разныя другія лица—212 руб., такъ что всѣхъ пожертвованій, кромѣ ежегоднаго взноса Перекрестова въ 100 руб., поступило тогда же 362 руб., что составляло весьма замѣтное, по тогдашнему времени, приношеніе.—Тогда же въ училище поступило 44 мальчика и 5 дѣвочекъ, и, слѣдовательно, это училище первоначально было смѣшаннымъ учебнымъ заведеніемъ.

Уѣздное училище состояло тогда изъ двухъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ; въ немъ преподавались: 1) Законъ Божій и священная исторія; 2) чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ употребленіи другой языкъ, и грамматика мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога; 7) всеобщая географія и начала математической географіи; 8) географія Россіи; 9) всеобщая исторія; 10) ариѳметика; 11) начальныя правила геометріи; 12) начальныя правила физики и естественной исторіи; 13) начальныя правила технологии, вмѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности, и 14) рисованіе (стр. 104). Первые шесть пред-

метовъ преподавалъ одинъ учитель, а послѣдніе восемь другой; кромѣ того, первый долженъ былъ преподавать латинскій и нѣмецкій языки тѣмъ ученикамъ, которые желали бы поступить въ гимназію. Ученіе продолжалось по 5—6 часовъ въ день, въ теченіи 32 часовъ въ недѣлю, изъ коихъ 4 часа собственно посвящались уроку рисованья. Законъ Божій (и священная исторія) преподавались особо приглашеннымъ священникомъ, но были случаи, что преподаваніе и этого предмета поручалось на нѣкоторое время свѣтскому учителю. Учителя назначались харьковскимъ учебнымъ округомъ, къ которому причислена была первоначально екатеринославская дирекція училищъ и состояли въ XII классѣ по должности. Училищемъ завѣдывалъ штатный смотритель, опредѣляемый обыкновенно изъ заслуженныхъ учителей гимназій, а съ 1811 г., согласно высочайше утвержденному мнѣнію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, учреждена и должность «почетныхъ смотрителей», на которую назначали лицъ изъ образованнѣйшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ. — Почетные смотрители дѣлали ежегодно извѣстные пожертвованія въ пользу училища, при которомъ состояли; ихъ служба считалась государственною и давала право на чинъ, а съ 1820 г. имъ предоставлено носить и мундиръ м-ва народнаго просвѣщенія.

Училище снабжено было учебными пособіями, коихъ числилось въ новомосковской библіотекѣ въ 1809 году—158, а въ 1835 г.—уже 1121. На содержаніе училища постуало изъ казны ежегодно 1,250 р. асс., изъ которыхъ штатный смотритель получалъ жалованья въ годъ 300 руб., учителя по 250 руб., законоучитель—75 руб., за преподаваніе рисованія—75 р. особо, и на прочія нужды училища—300 р. асс. (отопленіе, ремонтъ, прислуга). Кромѣ этого, а равно и тѣхъ суммъ, которыя пожертвованы были при открытіи училища, новомосковское дворянство, 22 марта 1808 г., опредѣлило одновременно ввести въ пользу училища по 10 коп. съ ревизской души (крѣпостной), по размѣры этого приношенія неизвѣстны. Разными лицами одновременно пожертвовано—5,120 руб. Въ 1813 г. штатный смотритель Гаркушевскій перестроилъ на свой счетъ училищное зданіе, затративъ на это до 1000 руб., а 12 декабря 1813 г. въ день рожденія царствовавшаго императора пожертвовано было въ пользу учениковъ—сиротъ разными лицами 246 руб. Наконецъ, въ 1820 г. новомосковское дворянство вновь пожертвовало на постройку училища—1,302 руб., а въ 1834 г. почетный смотритель П. Дм. Алексѣевъ

вновь перестроилъ училище, что обошлось ему въ 6,800 руб., и, сверхъ того, жертвовалъ ежегодно по 500 руб.

Въ училище принимались дѣти всѣхъ сословій, но для поступленія въ него требовалось или прохожденіе приходскаго училища и представленіе о томъ аттестата, или выдержаніе вступительнаго экзамена. Въ праздники и торжественные дни ученики обязаны были, въ сопровожденіи учителей, посѣщать церковь; не посѣщавшіе безъ уважительныхъ причинъ подвергались высканіямъ. Оканчивавшіе курсъ получали аттестаты. Въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1808 по 1835 г., выбыло изъ училища съ аттестатами—125, безъ аттестатовъ—189, всего 314 учениковъ, или, среднимъ числомъ, по 12 душъ ежегодно. Награждено за этотъ же періодъ времени книгами и похвальными листами (въ обоихъ классахъ)—571 ученикъ. Въ теченіи того же періода времени были: 1) почетными смотрителями училища: кол. ас. Петръ Ив. *Сушковъ* (20 іюня 1815 г. по 18 ноября 1821 г.); кол. секр. Александръ Никан. *Андреевъ* (10 сент. 1822—1831 г.), тит. сов. Петръ Дмитріевичъ *Алексеевъ* (1832—1836 г.); кол. сов. Василій Вас. *Курилинъ* (1836—1851) и тит. сов. Георгій Дм. *Мишко* (съ 28 янв. 1851 года); 2) штатными смотрителями: тит. сов. Савва Андреев. *Блещинскій* (1807—1813); тит. сов. Андрей Григор. *Гаркушевскій* (1815—1821 г.); тит. сов. Илья Ефим. *Котляровъ* (1821—1823); тит. сов. Иванъ Захар. *Нагорскій* (1824—1833); кол. секр. Яковъ Иван. *Оптовцовъ* (1833—1834); кол. асс. Александръ Павлов. *Чековъ* (1835—1853) и тит. сов. Ив. Ив. *Мокіевскій* (съ 26 марта 1853 года).

Въ 1828 г. послѣдовало изданіе новаго «училищнаго устава», которымъ уѣздныя училища значительно преобразованы: число предметовъ уменьшено (количественно); число учителей увеличено, вмѣсто 2 хъ, до пяти; курсъ ученія удлинень—вмѣсто двухъ, три года. Оклады жалованья увеличены, средства училищъ тоже, и объемъ предметовъ преподаванія расширился. Вмѣсто прежнихъ 14 предметовъ, оставлены слѣдующіе семь: 1) законъ Божій, священ. и церков. исторія, 2) русскій языкъ и грамматика; 3) ариѳметика; 4) геометрія до стереометрій включительно, но безъ доказательствъ; 5) географія, всеобщая и русск.; 6) исторія русск. и всеоб. сокращенная, и 7) чистописаніе, черченіе и рисованіе. — Преобразование новомосковскаго училища послѣдовало 1 ноября 1836 года, такъ что въ судьбѣ его очевидное значеніе имѣютъ начальныя числа этого мѣсяца (5 ноября день открытія, 1 ноября—день преобразованія). Преобразованія уѣзд-

ныхъ училищъ вообще встрѣчали затрудненія въ недостаткѣ учителей, и въ тѣснотѣ помѣщеній, такъ что дирекціи училищъ приходилось вводить ихъ постепенно: образовывались по новому уставу сначала первые два класса, а затѣмъ, съ перестройкою зданій, и третій. Новомосковское училищное зданіе, какъ выше сказано, перестроено было почетнымъ смотрителемъ Алексѣевымъ въ 1834 году, и только съ того времени стало возможнымъ переустройство и учебной части. Впрочемъ, и впоследствии не всѣ предметы, допускаемыя новымъ уставомъ, были введены въ училищѣ. § 58 устава 1828 г. предоставлялъ обществамъ и частнымъ лицамъ открывать при училищѣ дополнительные курсы для преподаванія «общихъ понятій объ отечественныхъ узаконеніяхъ; о порядкѣ и формахъ судопроизводства; основаній коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, основаній механики, технологіи, сельскаго хозяйства и садоводства», но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не былъ введенъ въ училищѣ, по отсутствію желающихъ открыть таковыя. Съ 1838 г., въ теченіи пяти лѣтъ, преподавались въ новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ и иностранныя языки—латинскій, французскій и нѣмецкій, собственно ученикамъ, имѣвшимъ намереніе въ гимназію; но затѣмъ преподаваніе ихъ совсѣмъ прекращено. Кромѣ трехъ вновь образованныхъ классовъ, при училищѣ существовалъ приготовительный классъ еще со времени первоначальнаго его открытія, но, затѣмъ, онъ также преобразованъ въ «нижнее отдѣленіе», въ которомъ дѣти подготавливались для поступленія въ первый классъ уѣзднаго училища.

Авторъ приводитъ и общія цифры учившихся въ училищѣ за нѣкоторые лишь годы уже по преобразованіи его: въ 1836 г.—66, въ 1844 г.—57, въ 1850 г.—65 и 1854—102; къ 1-му январи 1855 г. было въ уѣздномъ училищѣ 55 душъ, да въ нижнемъ отдѣленіи 47; въ томъ числѣ дѣтей дворянъ и духовенства—24 и другихъ сословій—31. За время съ 1843 по 1852 годъ общее число учившихся въ училищѣ достигло 671 души; въ числѣ ихъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ было 330.

На содержаніе новомосковского уѣзднаго училища, какъ и другихъ по преобразованіи ихъ, отпускалось изъ казны—1279 р. 17 коп. Въ поддержку къ этой ассигновкѣ поступали ежегодно пожертвованія, которыхъ получено въ теченіи 19 лѣтъ (съ 1836 по 1855 г.), въ общей цифрѣ, 3248 р. 28 коп., почти по 171 р. въ годъ, съ которыми на содержаніе училища могло быть ежегодно затрачиваемо до 1450 рублей. Постоянными ежегодными пожертвованіями поступали стѣ

почетныхъ смотрителей: В. В. Курильна (1200 руб. за 14 л.) и Г. Д. Мизко (1200 руб. за 4 года). Новомосковская городская ратуша за то же время внесла на содержаніе приходскаго класса (нижняго отдѣленія)—654 р. 28 коп.

Таковы свѣдѣнія о новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ, сообщаемыя книгою г. Грахова. Они доходятъ лишь до 1855 года, т. е. за время, отстоящее отъ насъ за 33 года.

II.

Уставъ 5 ноября 1804 г. требовалъ открытія учебныхъ заведеній и въ казенныхъ селеніяхъ, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, подчинивъ ихъ въ первомъ случаѣ—приходскому священнику, а во второмъ—владѣльцу имѣнія. Назывались они приходскими школами, и кругъ преподаванія въ нихъ былъ довольно широкъ для своего времени. Въ нихъ обучали: чтенію, письму и первымъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ; главнымъ началамъ закона Божія, а въ праздничные дни—катехизису и священной исторіи. Кромѣ того, полагалось изучать книгу «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и о способахъ сохраненія здоровья». Число предметовъ преподаванія могло быть и еще увеличено, если бы того пожелали общества и дали нужныя средства. Въ каждомъ приходскомъ училищѣ полагалось имѣть одного учителя, а если нужно, то и помощника къ нему; содержаніе же училищъ отнесено было всецѣло на счетъ доходовъ, сельскихъ обществъ и помѣщиковъ (въ пхъ имѣніяхъ). На содержаніе каждаго училища предназначалось по 165 руб. въ годъ; изъ нихъ на жалованье учителю—50—75 р., и его помощнику—25 р. въ годъ; прочія суммы шли на нужды училища. Деньги эти, училищныя, поступали изъ общественныхъ сборовъ. Мѣста учителей занимали преимущественно священно и церковно служители, но бывали и изъ людей свѣтскаго званія, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или же выдержавшіе предварительно въ немъ экзамень, какого бы сословія они ни были. При этомъ учителя изъ податнаго сословія, послѣ 12-ти лѣтней безукоризненной службы, освобождались изъ податнаго состоянія и считались въ государственной службѣ. И тѣ и другіе, по принятіи званія учителя, прежде пристуна къ самостоятельнымъ занятіямъ въ школѣ, должны были посѣщать два—три мѣсяца уѣздныя училища, съ цѣлью ознакомленія со способами преподаванія, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя, которому вообще ввѣрялся главный надзоръ за сель-

скими школами и который, для обозрѣнія ихъ, обязанъ былъ ежегодно объѣзжать свой уѣздъ и представлять директору училищъ вѣдомость о состояніи школъ.

Въ этомъ раннемъ школьномъ періодѣ открыто были въ новомосковскомъ уѣздѣ только три школы въ казенныхъ селеніяхъ: Петриковѣ (20 февр. 1810 г.), Могилевѣ (22 февр. 1810) и Перещепинѣ (въ 1823 г.). Населенность Петриковки достигала тогда 2429 душъ, Могилева—1739, а Перещепиной неизвѣстна. Учениковъ, при открытіи училища, поступило: въ Петриковѣ—26, въ Могилевѣ—23 и въ Перещепиной—20, всѣ крестьянскаго сословія. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не было открываемо училищъ вовсе. Петриковское и могилевское училища, благодаря вниманію мѣстныхъ сельскихъ обществъ и исправному ихъ содержанію, существовали до 1832 г., но въ 1833 г. всѣ три училища были закрыты и оставшіяся свободными отъ содержанія ихъ суммы должны были, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, поступить на усиленіе средствъ уѣзднаго училища. Такихъ суммъ оказалось, на примѣръ, въ могилевскомъ училищѣ 825 р., и онѣ переданы были по указанію начальства.

Съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній по уставу 8 дек. 1828 года, началось возобновленіе и приходскихъ училищъ, которыя въ казенныхъ селахъ въ силу высочайшаго указа 23 ноября 1842 г., перешли изъ вѣдѣнія министерства народн. просвѣщенія въ завѣдываніе министерства государствен. имуществъ и вѣдались, главнымъ образомъ, окружными начальниками и вообще чиновниками палаты госуд. имуществъ. Вновь открывшееся въ 1836 г. петриковское училище, содержавшееся на счетъ общества, перешло, такимъ образомъ, въ 1843 г. въ распоряженіе этой палаты.

Болѣе о новомосковскихъ сельскихъ школахъ въ «Краткомъ истор.-стат. обзорѣ» г. Грахова никакихъ свѣдѣній не имѣется; печатныхъ источниковъ, изъ которыхъ бы можно было почерпнуть такія свѣдѣнія вплоть до 1867 года, времени появленія въ печати перваго «Отчета новомосковской уѣздной земской управы», намъ неизвѣстно, и потому мы считаемъ необходимымъ обратиться къ этому источнику для пополненія сообщеннаго г. Граховымъ. Въ названномъ отчетѣ земской управы говорится, что вновь открытыя въ 1866 г. земскія учрежденія застали уже въ новомосковскомъ уѣздѣ 23 сельскихъ школы, а именно, въ селеніяхъ: Орловщинѣ, Николаевкѣ, Перещепиной, Гупаловкѣ, Бабайковкѣ, Могилевѣ, Петриковкѣ, Чаплинкѣ, Камянкѣ, Шульговкѣ, Елисаветовкѣ, Чернетчинѣ, Губиновкѣ, Голу-

Бовкѣ, Знамянкѣ, Спасскомѣ, Александровкѣ, Афанасьевкѣ, Новоселовкѣ, Любимовкѣ, Пошасномѣ, Татаркѣ и Карабиновкѣ. Учащихся во всѣхъ этихъ школахъ было—784 мальчика и 31 дѣвочка, а всего—815 душъ. Завѣдываніе всѣми этими училищами перешло къ вновь образованному уѣздному училищному совѣту, распредѣлившему ихъ между тремя своими членами: Ник. Дм. Мизко, А. А. Ганъ и Ѳ. Ѳ. Соловьевымъ, которые и были первыми земскими дѣятелями, воспріявшими изъ купели новомосковскую народную школу и долженствовавшими дать ей то содержаніе, развитіе и направленіе, какое указывалъ новый законъ—«Положеніе о народныхъ школахъ».

Къ сожалѣнію, въ первомъ отчетѣ новомосковской земской управы, вышедшемъ тощею брошюркой (52 листочка) въ 1867 г., не указаны годы открытія вышеназванныхъ нашихъ сельскихъ училищъ, и намъ приходится пополнять этотъ пробѣлъ свѣдѣніями изъ отчета той же управы уже «за время съ 1 сент. 1882 г. по 1 авг. 1883 г.», изданномъ въ 1883 году. Какъ извѣстно, новомосковское земство первыхъ пяти трехлѣтій, въ теченіи 15 лѣтъ своей земской дѣятельности, не печатало ни отчетовъ, ни постановленій своихъ, и только XVII очередное новомосковское земское собраніе признало нужнымъ возобновить печатаніе земскихъ сборниковъ, послѣ чего управа составила и издала *второй* (по времени выхода въ свѣтъ) отчетъ «съ 1 сентября 1882 г.»; но и въ этомъ отчетѣ не особенно посчастливилось народному образованію: о немъ сказано ровно 11 строкъ, не болѣе (стр. 201). За то въ особо приложенной вѣдомости приведенъ списокъ всѣхъ сельскихъ за 1882 годъ школъ уѣзда, съ обозначеніемъ времени ихъ открытія, числа учениковъ и пр. Въ этой таблицѣ показано время открытія слѣдующихъ пяти школъ въ до-земскую пору: въ с. Николаевкѣ—съ 1840 г.; въ с. Могилевѣ—съ 1841 г. (вторично послѣ закрытія; первый же разъ—въ 1812 г.); въ селеніяхъ Перещепинѣ и Камянкѣ—съ 1842 г. и въ с. Гупаловкѣ—съ 1849 г. Старѣйшимъ по времени открытія показано въ этой «вѣдомости»—одноклассное приходское училище въ г. Новомосковскѣ—съ 1832 года. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщенныя г. Граховымъ, повидимому, не полны и не точны, что могло происходить отъ неполученія имъ таковыхъ отъ тогдашней палаты государственныхъ имуществъ. Это ли, впрочемъ, причиною неполноты, или что либо другое, сказать нельзя, ибо въ книгѣ г. Грахова не указано въ подробности источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи ея.—Изъ той же земской «вѣдомости» мы усматриваемъ, что остальные 21 школа открыты въ

поздѣйшее время, уже послѣ отмѣны крѣпостнаго права: въ с. Орловщинѣ съ 1860 г., въ с. Чаплинѣ съ 1861 г. и въ с. Шульговкѣ съ 1863 г. Со времени введенія земскихъ учрежденій открытіе новыхъ сельскихъ школъ, въ мѣстахъ, гдѣ ихъ вовсе не бывало, идетъ сравнительно довольно быстро: въ 1866 года—1 (въ с. Котовкѣ, имѣніи землевладѣльца Г. П. Алексѣева); въ 1867 г.—5 (въ томъ числѣ одна въ помѣщичьемъ имѣніи Бузовкѣ); въ 1868 г.—1; въ 1869 г.—2 (оба въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Елисаветовкѣ); въ 1870 г.—3 (одно въ бывшемъ помѣщичьемъ с. Лычковомъ); въ 1875 г.—1 (въ бывшемъ помѣщ. с. Мануйловкѣ); въ 1876 г.—2 (одно въ бывш. пом. с. Елисаветовкѣ); въ 1880 г.—2 (одно въ бывш. пом. с. Куцеглядовкѣ) и въ 1882 г.—1. Такимъ образомъ, въ числѣ вновь открытыхъ съ 1866—67 года 18-ти сельскихъ школъ, восемь приходится на долю крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; остальные десять—въ бывшихъ казенныхъ селеніяхъ, состоявшихъ прежде въ вѣдомствѣ палаты госуд. имуществъ. Столь быстрое увеличеніе въ послѣ-земскую пору числа сельскихъ школъ должно быть, прежде всего, отнесено на счетъ энергіи новаго училищнаго совѣта и собственно тѣхъ земскихъ дѣятелей, которые, какъ выше упомянуто, стали во главѣ школьнаго дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно же указываетъ и на достаточно назрѣвшую въ сельской средѣ потребность грамоты, такъ какъ всѣ эти школы открыты были на «общественныя средства» и всѣ они были «смѣшанныя» (для мальчиковъ и дѣвочекъ).

Въ *третьемъ* (по времени изданія) отчетѣ новомосковской земской управы, напечатанномъ въ 1884 г., («съ 1 авг. 1883 по 1 іюля 1884 г.»), опять не говорится ни слова о народномъ образованіи и нѣтъ ни слова объ учебныхъ заведеніяхъ всего уѣзда; въ слѣдующихъ же, затѣмъ, отчетахъ за 1884, 85 и 86 годы открыта постоянная рубрика «народное образованіе», и новомосковское земство начало назначать на поддержку народныхъ школъ до 4000 руб. ежегодно. Свѣдѣнія о нихъ гораздо полнѣе прежнихъ, и всякій можетъ пользоваться ими въ указываемыхъ земскихъ сборникахъ (отчетахъ управы, а также и постановленій земскаго собранія). Народныя школы, и вообще народное образованіе, повидимому, настолько вошли съ сознаніе земскихъ дѣятелей, какъ неотложная потребность, что земская поддержка на это дѣло не должна оскудѣть. Для полноты нашего очерка добавимъ, что съ 1878 г. въ г. Новомосковскѣ учреждена, по ходатайству городского общества, *женская прогимназія*, съ 4-хъ класснымъ курсомъ: а съ 1885 г. по постановленію екатеринославскаго

губерн. зем. собранія, открыто тамъ же и земское *ремесленное училище*, на содержаніе котораго губернское земство отпускаетъ ежегодно по 3000 руб. Свѣдѣнія объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ также помѣщаются въ названныхъ земскихъ сборникахъ.

Г. Залюбовскій.

Короповъ хуторъ.

Наслышавшись о Короповомъ хуторѣ, славящемся своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, я рѣшилъ предпринять туда лѣтомъ экскурсію. Еще болѣе утвердился я въ своемъ рѣшеніи, когда узналъ, что на мѣстѣ теперешняго хутора существовалъ нѣкогда Зміевскій Николаевскій Косицкій монастырь, о которомъ упоминаютъ пресв. Филаретъ въ своемъ «Истор.-статист. описаніи харьковск. епархіи» и проф. Багалъй въ «Очеркахъ колонизаціи московской степной окраины» (стр. 523 и 524). Но прежде нѣсколько словъ о самомъ хуторѣ...

Короповъ хуторъ или, какъ крестьяне называютъ, «Монастырь» состоитъ всего лишь изъ десяти средней руки крестьянскихъ дворовъ да двухъ-трехъ дворовъ, принадлежащихъ управленію государ. имуществъ, въ которыхъ проживаютъ лѣсничій, кондуктора и лѣсные сторожа. Крестьяне, нѣкогда принадлежавшіе существовавшему здѣсь монастырю, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятинъ сѣнокоса, земли не имѣютъ, а нанимаютъ ее у крестьянъ сосѣдняго села Лимана. Въ зимнее время монастыряне занимаются добываніемъ древеснаго угля, для котораго покупаютъ буреломъ и подчистку въ казенномъ лѣсу. Уголь этотъ они возятъ на продажу въ Харьковъ и въ подгородную слоб. Жихоръ, жители которой перепродаютъ его харьковцамъ. Неудобство сношенія съ Харьковомъ, отъ котораго хуторъ находится около 50 верстъ, не даетъ возможности нанимать здѣсь дачъ, хотя отъ уѣздн. гор. Зміева онъ отстоитъ въ 7, а отъ ближайшей станціи Тарановки курско-хар.-аз. ж. д. — въ 17 верстахъ. Впрочемъ, для иныхъ это неудобство выкупается красотой мѣстоположенія. Такъ, сюда ежегодно пріѣзжаютъ 3--4 семьи на дачу. Посѣщаютъ эту мѣстность и художники; такъ, здѣсь прожилъ два лѣта академикъ Васильковскій; результатомъ его работы было, какъ я слышалъ, нѣсколько пейзажей кистью и карандашомъ.

Въ самомъ дѣлѣ мѣстность здѣсь чудная! Хуторъ стоитъ у самаго берега р. Дона, изобилующаго рыбою и раками, по обѣимъ

сторонамъ рѣки растеть прекрасный, густой лѣсъ, принадлежавшій министерству государств. имуществъ. Правый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ и хуторъ, возвышенный, имѣеть во многихъ мѣстахъ довольно высокіе—саж. въ 15—20—отвѣсныя обрывы. Что за прекрасное зрѣлище открывается передъ вашими глазами съ такихъ обрывовъ! У вашихъ ногъ внизу, сверкая своею серебристою поверхностью, несетъ свои воды тихій Донецъ, воспѣтый въ знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Противоположный низменный берегъ, за исключеніемъ незначительнаго пространства, поросшаго высокимъ лѣсомъ, покрытъ молодымъ срубомъ и кустарникомъ, позади котораго виднѣется множество маленькихъ, высыхающихъ въ жаркое лѣто озеръ. Послѣдніе изобилуютъ раками, рыбою, преимущественно карасями, и разною дичью, напимѣръ, утками разныхъ породъ, куликами, бекасами и друг. А вдали, за этими озерами, снова большой лѣсъ и боръ, за которыми бѣлѣютъ церкви и хаты сосѣднихъ селъ: Лимана, двухъ Бишкinei-Черкаскаго и Средняго, влѣво виднѣется владбищенская церковь г. Зміева. Крошѣ вышеупомянутыхъ небольшихъ озеръ, есть и значительно большія, о которыхъ говоритъ и Филаретъ и которыя составляютъ въ настоящее время собственность Хорошевскаго женск. монастыря, какъ напимѣръ: «Биле озеро», изъ котораго можно узенькимъ пролвчникомъ въѣхать въ двухверстный заливъ Донца, называемый Косачъ. Авторъ «Истор.-стат. описанія харьковской епархіи» называетъ этимъ именемъ озеро, но я никакого озера съ такимъ названіемъ не нашель, да и изъ крестьянъ никто его не знаетъ. Можетъ быть, теперешній заливъ Косачъ былъ прежде озеромъ, но крестьяне и этого не утверждаютъ. Дальше озеро Коропово, изобиловавшее, какъ указываетъ самое названіе, коропами; отъ него получилъ названіе и хуторъ, находившійся во время существованія монастыря на лѣвой сторонѣ, вблизи самаго озера. Послѣ жители хутора, вслѣдствіе большаго разлива Донца, перебрались, конечно съ согласія монастырскаго начальства, на правую нагорную сторону, гдѣ живутъ и понынѣ. Мѣсто «Стараго монастыря» находится въ $\frac{3}{4}$ —1 верс. отъ хутора, въ саду, принадлежащемъ обѣднѣвшему дворянину Банческулу. На существованіе въ этомъ мѣстѣ монастыря указываетъ въ иныхъ мѣстахъ обнаженный разными кладонскателями кирпичный фундаментъ съ цоколемъ, впрочемъ не поддающійся никакому измѣренію, такъ какъ за' исключеніемъ незначительной части онъ покрытъ землею, деревьями, кирпичами и обломками кафлей. Владѣтель этого сада сообщалъ мнѣ, что онъ не разъ находилъ

цѣльныя вафли съ разными рисунками, но мнѣ не удалось отыскать ни одной. Ближе къ хутору, находится другой, такъ называемый «Гончарный», садъ, названіе котораго указываетъ мѣсто выдѣлки гончарныхъ издѣлій, чему способствовало обиліе находящейся здѣсь очень хорошей красной глины. Здѣсь я находилъ множество черепковъ различной толщины. Влѣво отъ этихъ садовъ находится мѣсто кирпичнаго завода, гдѣ явственно остались слѣды отъ сушильных сараевъ и обжигательной печи, а ниже, къ Донцу, мѣсто пруда, гдѣ была монастырская винокурня. Это подтверждается какъ оставшимися знаками, такъ и словами владѣтеля вышеупомянутыхъ садовъ и дѣда Токаря, доживающаго девятой десятокъ лѣтъ. По словамъ послѣдняго, въ 1 — 1½ верстахъ отъ стараго монастыря «була крѣпость и жылы розбійныкы. Вони оце якъ тилькы треба чого зъ ижы, заразъ и посылають одного верхы у манастырь. Гумель и дае ёму, що треба. Отъ якъ довольни розбійныкы, то й ничого, а якъ ни, то посадовлять свого посла передомъ до хвоста, та й одышлють упьять у манастырь. Манахы вже й знають, що розбійныкы недовольни и набухтелють посланця усячыною...

— Чомъ же черниці не выбылы тыхъ розбійныкывъ зъ крѣпосты? спросилъ я у дѣда.

— Та бачте вони оружни булы: у ихъ тамъ и пушкы и ружжа— усе було... отвѣтилъ Токарь.

Городище, или «крѣпость», о которой говорилъ дѣдъ Токарь, я ходилъ осматривать, но дождь помѣшалъ болѣе обстоятельному осмотру, тѣмъ болѣе, что все оно покрыто молодымъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Впрочемъ, валы съ двухъ сторонъ насыпаны довольно высокіе; съ третьей—восточной высится крутой обрывъ надъ самымъ Донцомъ. Въ длину городище имѣетъ, повидимому, не болѣе 20, а въ ширину около 10 саж. Кругомъ всюду растеть большой лѣсъ.

Сады, которыхъ пр. Филаретъ насчитывалъ 17, въ томъ числѣ одинъ виноградный, существуютъ и теперь, но далеко, конечно, не въ томъ видѣ, какъ во время монастырскаго владѣнія. Теперь они представляютъ жалкіе остатки нѣкогда роскошныхъ, изобиловавшихъ разнообразными плодами садовъ. Многіе изъ нихъ позаросли простыми деревьями и кустарникомъ, преимущественно дубнякомъ и орѣшникомъ, наиримѣръ «Гончарный», иные же совершенно чисты отъ всякихъ деревьевъ и служатъ мѣстомъ для посѣва хлѣба, какъ «Писошный». Большинство названій поздняго происхожденія, но нѣ-

которые удержали свое прежнее, такъ наприимѣръ «Намиснычый», и «Виноградный», названіе котораго говоритъ о произраставшемъ въ немъ виноградѣ, котораго теперь и помину нѣтъ. Въ одномъ изъ садовъ, немного выше «Стараго монастыря», есть минеральный источникъ, вода котораго изобилуетъ желѣзомъ, что можно даже ощущать на вкусъ. Желѣзистость воды подтверждается и ржавчиною, покрывающею всю поверхность источника, дно котораго состоитъ изъ красной глины. Эта же самая глина находится въ изобиліи немного ниже хутора, на правомъ берегу рѣки Донца, у обрывовъ; мѣсто это носитъ названіе «Козацкихъ ямъ».

Неизвѣстно когда былъ перенесенъ «Старый монастырь» на мѣсто нынѣшняго хутора; новый же былъ упраздненъ при всеильномъ Потемкинѣ. Церковь и другія постройки стояли до начала нынѣшняго столѣтія; въ первой совершалось богослуженіе священникомъ, постоянно имѣвшимъ здѣсь на хуторѣ свое мѣстожительство, но впослѣдствіи для отправленія требъ и богослуженія священникъ пріѣзжалъ періодически изъ сосѣдняго села Лимана; такимъ образомъ церковь сдѣлалась приписною. Наконецъ, за ветхостью она была совершенно упразднена. Церковное имущество и украшеніе было роздано по церквамъ въ Тарановку, Новую Водолагу и въ особенности въ Зміевъ. Кирпичъ тоже былъ забранъ на одну изъ зміевскихъ церквей. Теперь на выгонѣ, посрединѣ хутора, есть два невысокихъ холма, занимающихъ небольшую площадь. Земля и трава, растущая на нихъ, закрыли основаніе бывшей здѣсь нѣкогда церкви, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна известь и части стѣнъ до цоколя.

Монастырь, какъ извѣстно, кромѣ рѣчныхъ, озерныхъ и лѣсныхъ угодій (находящійся теперь въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ лѣсъ былъ нѣкогда достояніемъ монастыря) владѣлъ еще селами; такъ, ему принадлежали с. Гомольша съ 194 д. мужескаго пола (Филаретъ, Истор.-стат. опис. харьк. епархіи), Мохночи, по ту сторону Зміева, тоже на Донцѣ и другія.

И. Зозуля.

Кудеяровъ курганъ.

Въ брянскомъ уѣздѣ, близъ села Салыни, къ востоку отъ него, въ густомъ лѣсу, показываютъ курганъ, или скорѣе городище, называемое мѣстными жителями «Кудеяровымъ курганомъ».

Курганъ этотъ имѣеть видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго, съ котловиною посрединѣ, имѣеть до 30 кв. аршинъ пространства; высота его—до 4 сажень, ширина основанія до 60 аршинъ. Бока кургана, равно какъ и вершина его, поросли лѣсомъ. Курганъ находится въ бассейнѣ рѣки Десны, но довольно далеко отъ нея (верстахъ въ 5—6); возлѣ кургана проходитъ только неглубокой «логъ», который упирается своимъ концомъ въ болото, примыкающее къ Деснѣ.

По всей видимости, курганъ этотъ относится къ доисторическому времени, но мѣстные преданія приурочили его къ временамъ разбойника Кудеяра. Съ сѣверной стороны кургана видны какъ бы ворота, ведущія во внутренность кургана и обросшія въ настоящее время дерномъ. Мѣстные жители рассказываютъ, что многіе пробовали ворота эти щупать, и на разстояніи не болѣе четверти аршина ощупывали твердую поверхность, которая издаетъ металлическій звукъ. Отсюда догадываются, что ворота эти желѣзныя. Раскопокъ ни на вершинѣ кургана, ни около упомянутыхъ воротъ никто никогда не производилъ, потому что мѣстные жители питаютъ какой то суевѣрный страхъ по отношенію къ этому кургану и не рѣшаются даже подходить къ нему близко. Этотъ страхъ и породилъ, должно быть, рассказъ такого рода: одинъ крестьянинъ «по жадности» хотѣлъ было прихватить къ своей лядинѣ, которую тогда распахивалъ, часть кургана, расчистилъ съ этой пѣлію подошву кургана и началъ его распахивать. Но къ вечеру того же дня съ нимъ совершилось чудо: онъ ослѣпъ, да такъ, что не могъ даже добраться до дома и только къ утру другаго дня, разысканный своими семейными, онъ воротился домой—и съ тѣхъ поръ полно распахивать курганъ.

Объ основаніи кургана мѣстные жители рассказываютъ, что онъ былъ насыпанъ разбойникомъ Кудеяромъ и его шайбою. Кудеяръ будто бы жилъ здѣсь довольно долгое время и отсюда производилъ набѣги на большую дорогу и окрестныхъ помѣщиковъ. На верху кургана у разбойниковъ будто бы была «цѣлая крѣпость», здѣсь стояли даже пушки, по окружному же валу постоянно ходилъ часовой. Кудеяръ съ шайбою помѣщался внутри кургана, гдѣ было сдѣлано нѣсколько комнатъ для житья; затѣмъ подъ этими комнатами находились «тайники» съ разнымъ добромъ и деньгами, награбленными разбойниками у разныхъ лицъ.

Здѣсь, какъ говорить далѣе преданіе, Кудеяръ и умеръ, здѣсь же, въ курганѣ, и похороненъ. Послѣ его смерти разбойники разо-

шлись, кто куда могъ. Преданіе прибавляетъ, что въ курганѣ скрыта масса всякихъ сокровищъ, но тѣмъ не менѣе раскапывать его, какъ мы уже сказали, нѣтъ не рѣшается.

Курганъ ждетъ, очевидно, интеллигентной, ученой раскопки.

Н. Добротворскій.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта.

Въ шестой книгѣ «Кіевской Старины» за 1888 г. была напечатана статья Н. С.: «Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго», въ которой авторъ, не претендуя, какъ онъ говоритъ, на полноту обзора рисунковъ этого художника, указываетъ, по его мнѣнію, выдающіяся и при томъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго. При этомъ, безразлично называя рисунками не только собственно рисунки, но также картины, писанныя масляными красками, и акварели, авторъ включаетъ въ свой списокъ рисунковъ: четыре картины, писанныя масляными красками (Сорочинская ярмарка, Сцена у креста, Возвращеніе съ праздника, Чумакъ у колодца), одну акварель (Въ бурю) и нѣсколько рисунковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, о первой упомянутой нами (Сорочинская ярмарка) онъ говоритъ, какъ о картинѣ, остальные же называетъ рисунками. Можетъ быть, автора ввело въ заблужденіе то, что онъ видѣлъ снимки съ этихъ картинъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, и, не имѣя свѣдѣній о самыхъ картинахъ, принялъ эти снимки за оригинальные рисунки художника. Затѣмъ, хотя онъ говоритъ, что указываетъ малоизвѣстныя произведенія Трутовскаго, но на самомъ дѣлѣ большая часть названныхъ имъ картинъ и рисунковъ принадлежатъ къ наиболѣе извѣстнымъ.

Посвятивши свою художественную дѣятельность главнымъ образомъ изображенію малорусской жизни и трудясь надъ этимъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, К. А. Трутовскій въ теченіе этого времени выставилъ такъ много разнаго рода произведеній своихъ изъ малорусскаго быта (картины, писанныя масляными красками, акварели, сепіи, рисунки карандашомъ и проч.), что, если зашла рѣчь объ обзорѣнн его художественной дѣятельности, то нельзя довольствоваться сдѣланнымъ въ статьѣ г. Н. С. указаніемъ на четыре картины, писанныя Трутовскимъ масляными красками, одну акварель и нѣсколько рисунковъ,

а было бы желательно, раньше или позже, привести въ полную извѣстность все, что сдѣлано художникомъ по части воспроизведенія малорусской жизни въ картинахъ и рисункахъ.

Чтобы облегчить возможность исполненія такой работы, постараемся, также не претендуя на полноту, указать тѣ картины и рисунки Трутовскаго, о которыхъ мы могли собрать свѣдѣнія. А прежде этого, въ виду полного отсутствія въ печати свѣдѣній о жизни художника (если не считать двухъ строкъ, напечатанныхъ объ немъ въ составленномъ Н. Собко каталогѣ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 г., изданномъ подъ заглавіемъ: «25 лѣтъ русскаго искусства»), считаемъ не лишнимъ сообщить краткія біографическія объ немъ свѣдѣнія.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился 28 января 1826 г. въ г. Курскѣ, а дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца — харьковской губ. актырскаго уѣзда, въ дер. Поповкѣ. Въ 1837 г. онъ поступилъ въ главное инженерное училище (нынѣ Николаевское), а въ 1843 г., будучи произведенъ въ офицеры, перешелъ въ классы инженерной академіи (прежде — «офицерскіе классы») и въ 1845 г. окончилъ курсъ. Начальство инженернаго училища отнеслось такъ внимательно къ желанію Константина Александровича заниматься въ академіи художествъ, что удержало его репетиторомъ при томъ же училищѣ — для того, чтобы дать ему возможность посѣщать академію художествъ, въ которой онъ окончилъ курсъ послѣ пятилѣтнихъ занятій въ ней. Выйдя въ 1850 г. въ отставку, онъ поселился въ актырскомъ уѣздѣ. Малороссія, которую Константинъ Александровичъ оставилъ въ дѣтствѣ и въ которую возвратился послѣ продолжительнаго отсутствія, съ первыхъ же шаговъ произвела на него чарующее дѣйствіе какъ своею живописною мѣстностью, такъ и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ народомъ, и подъ влияніемъ этого тамъ опредѣлилась вся дальнѣйшая дѣятельность его какъ художника, воспроизводящаго въ художественныхъ образахъ на полотнѣ и бумагѣ почти исключительно малорусскую жизнь. Въ 1852 г. Трутовскій женился и переселился въ обоянскій уѣздъ курской губ., гдѣ прожилъ до 1857 г., пріѣзжая по временамъ въ Москву и Петербургъ. Здѣсь, въ этомъ уѣздѣ, Трутовскій познакомился съ другимъ міромъ, — міромъ уѣздныхъ помѣщиковъ, и при своей наклонности къ юмору и способности подмѣчать комическія стороны, приготовилъ много рисунковъ и акварелей, преимущественно юмористическихъ, изъ быта помѣщиковъ того времени. Въ 1856 г. изъ обоянскаго уѣзда Трутов-

скій впервые послалъ въ Москву нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками, акварелей и рисунковъ. Художники и любители отнеслись очень тепло къ этимъ работамъ молодого художника, а скульпторъ Рамазановъ напечаталъ объ нихъ горячій сочувственный отзывъ. Тогда же Трутовскому было предложено занять мѣсто въ московскомъ училищѣ живописи и ваенія, но это предположеніе въ то время не осуществилось. Въ 1857 г. Трутовскій ѣздилъ за границу, въ Германію и Францію, а въ 1858 г., овдовѣвши, онъ переселился въ Петербургъ, и съ этого времени началась настоящая дѣятельность Трутовскаго, какъ художника; картины его стали пріобрѣтать большую и большую извѣстность и такъ раскупаться, что многія изъ нихъ не попадали на выставки—потому, что были пріобрѣтаемы въ мастерской, немедленно по окончаніи ихъ. Въ 1864 г. онъ приготовилъ рисунки для иллюстрированнаго изданія басенъ Крылова, которые въ свое время вызвали сочувственные отзывы въ періодическихъ изданіяхъ. Мы забыли упомянуть, что въ 1860 г. Трутовскій вторично женился. Съ 1871 по 1881 г. онъ занималъ должность инспектора московскаго училища живописи и ваенія. Оставивъ эту должность въ 1881 г., онъ снова поселился въ обоянскомъ уѣздѣ, гдѣ живетъ и въ настоящее время, пріѣзжая зимою на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, а лѣтомъ дѣлая экскурсіи въ разныя мѣста.

Изложивъ эти краткія свѣдѣнія о жизни художника, приведемъ теперь списокъ его произведеній изъ малорусскаго быта, отнюдь не выдавая этотъ списокъ за полный.

I. КАРТИНЫ, ПИСАННЫЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.

1) *Слѣпой скрипачъ* — находится у В. И. Григоровича, въ Петербургѣ.

2) *Музыкантъ и дѣти* — у доктора Ивановскаго, въ Петербургѣ.

3) *Сцена у шинка* — тамъ же.

4) *Сцена изъ малороссійской ярмарки* — у г. Алфераки, въ Петербургѣ.

5) *Богомолка* — у доктора Ивицкаго въ Вильно.

6) *Малороссы, пѣдушіе на базарѣ* — въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.

7) *Салазки*. Шутливая сцена, изображающая трехъ молодыхъ, везущихъ пьянаго. Снимки и картины были помѣщены въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, у кого находится подлинникъ — не знаемъ.

8) *Свадьба*—была на академической выставкѣ 1860 г., гдѣ находится въ настоящее время—не имѣемъ свѣдѣній.

9) *Рыбаки малороссы*,—была приобрѣтена П. М. Ковалевскимъ, въ Петербургѣ.

10) *Сцена у креста*.

11) *Вечеръ въ Малороссіи*—у Хвощинскаго, въ Москвѣ.

12) *Свиданіе*—была приобрѣтена Государыней Императрицей Марією Александровной.

13) *Просящій на церковь*.

14) *Свиданіе*—у П. С. Строгонова, въ Петербургѣ.

15) *Колядки*—была приобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

16) *Угольщики въ лѣсу*—у доктора Ивицкаго, въ Вильно.

17) *Сцена во ржи*.

18) *Возращеніе съ праздника*. Снимки съ этой картины были помѣщены въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

19) *Малороссіянка со снопами*—у Головкова.

20) *Малороссіянка съ граблями*—у Рахманова, въ Курскѣ.

21) *Дѣвушка, собирающая липовый цвѣтъ*—у Д. И. Зуева.

22) *Дѣвушка и дитя*.

23) *Парубокъ и дѣвчина, несущіе корзину*.

24) *Малороссіянка съ утками*—у Давидова.

25) *Ночная сцена*—у Зуева.

26) *Царскій портретъ*. Написанная по случаю 50-ти лѣтняго юбилея Николаевского инженернаго училища (которому и подарена), картина изображаетъ сапера—малоросса, который, возвратившись домой, показываетъ своимъ землякамъ портретъ царя.

27) *Сорочинская ярмарка*—у Полежаева, въ Петербургѣ. Снимокъ съ картины имѣется въ упомянутой выше книгѣ Собка: «25 лѣтъ русскаго искусства». По этой же картинѣ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, былъ сдѣланъ художникомъ рисунокъ для издавнаго Голяшкинымъ альбома: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» (выпускъ 3-й). Въ очень маленькомъ видѣ снимокъ съ картины былъ помѣщенъ въ одномъ изъ галиційскихъ журналовъ.

28) *Дѣвушка, запрягающая птицу*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.

29) *Переправа*—у И. Н. Терещенка.

30 и 31) *Ожиданіе*—у Тимашева и у Филобера, въ Москвѣ.

32) *У колодца*—у Тимашева, въ Москвѣ.

- 33) *Отдыхъ въ сараѣ*—у Д. Н. Зуева.
 34) *Масляница*—у С. В. Алексѣева въ Москвѣ.
 35) *Возвращеніе съ баштана*—у Римскаго-Корсакова, въ Одессѣ.
 36) *Парубокъ, подкрадывающійся къ дѣвушкѣ*—у С. А. Терещенка.
 37) *Бандуристъ*, окруженный слушателями—у С. В. Алексѣева, въ Москвѣ.

38) *Дѣвушка съ ведрами.*

39) *Находка*—у Римскаго-Корсакова.

40) *Передъ разлукой*—у фонъ-Дервиза.

41) *Дѣвушки въ бурю.*

42) *Шевченко на берегу Днѣпра*—у А. И. Баранова въ Москвѣ.

43) *Свиданіе*—у великаго князя Константина Николаевича.

44) *Переходъ черезъ ручей*—у фонъ-Дервиза.

45) *Сцена у колодца.* Парубокъ встрѣтился у колодца съ дивчиной, которая только что набрала въ ведро воды и шутя хочетъ оватить его этой водой. Небольшая по размѣру, но одна изъ наиболѣе удачныхъ картинъ, снимковъ съ которой не было. Находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

46) *Подслушала!* (При вечернемъ освѣщеніи стоитъ въ лѣсу дивчина, прислонясь къ дереву, за которымъ только что прошла парочка, обнимаясь и о чемъ то любовно бесѣдуя)—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

47) *Возвращеніе съ жатвы.*

48) *У колодца.*

49) *Дѣвушка у знахарки*— у Арботскаго, въ Москвѣ.

50) *Свиданіе*—у Мазырова.

51) *Переходъ черезъ ручей*—тамъ же.

52) *У забора*—у Михайлова, въ Харьковѣ.

53) *Ночь*—у Карпова, въ Москвѣ.

54) *День*—тамъ же.

55) *Дивчина, срывающая цѣпты*—у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.

56) *Дивчина, открояющая калитку, при ночномъ освѣщеніи*— тамъ же.

57) *Пейзажъ съ фигурами*—у Карпова, въ Москвѣ.

58) *Сборы на гулянье*—у А. И. Баранова, въ Москвѣ.

59) *Дѣвушка въ вѣнокъ*—у Обера.

60) *Мальчикъ и дѣвочка*—у Воскресенскаго, въ Москвѣ.

61) *Выкупъ*—у Ѳ. А. Терещенка, въ Кіевѣ.

62) *Дѣвушка у колодца*—у Кавелина.

- 63) *Засада.*
- 64) *Противили невесту!*—у Ушакова, во Владиміръ.
- 65) *Свиданіе*—у Островскаго, во Владиміръ.
- 66) *Спящая дъвушка*—у Бутикова, въ Москвѣ.
- 67) *Собирательница травъ*—у Шапошникова.
- 68) *Свиданіе*—у Обидони, въ Москвѣ.
- 69) *Гарбузь!*
- 70) *Шалуны*—у Ворониной, въ Москвѣ.
- 71) *Сосѣдки.*
- 72) *Свиданіе*—у Ададунова, въ Москвѣ.
- 73) *Прерванное свиданіе.*
- 74) *Осень.*
- 75) *Старый любезникъ*—у А. Н. Розенберга, въ Саратовѣ.
- 76) *Старые вѣховодники.*
- 77) *Въ праздничный день*—у Александрова, въ Казани.
- 78) *На Пасху*—у Александровой, въ Казани.
- 79) *На Ивана Купала*—тамъ же.
- 80) *Праздничная бесѣда.*
- 81) *Сцена на ярмаркѣ*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.
- 82) *Старикъ съ ребенкомъ.*
- 83) *Ожиданіе стада*—у Зубова, въ Петербургѣ.
- 84) *Раздумье*—была приобрѣтена Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.
- 85) *Ночь на Духовъ день*—у фонъ-Мевкѣ, въ Москвѣ.
- 86) *Невеста съ подружками*—у Н. И. Харитоненка.

II. АБВАРЕЛИ.

- 1) *Малороссійская сцена*—у гр. Кушелева.
- 2) *Лирникъ*—у Тимъ, въ Петербургѣ.
- 3) *Возращеніе съ поля*—тамъ же.
- 4) *Сцена на бакшѣ*—тамъ же.
- 5) *Пляшущая дивчина.*
- 6) *Просящій на церковь*—у барона Бухгольца.
- 7) *Поминки.*
- 8) *Продажа яблокъ.*
- 9) *Дѣти, удыщія рыбу*—у гр. Сологубъ въ Петербургѣ.
- 10) *Отдыхающія въ полѣ женщины*—у Н. А. Новосельскаго, въ Одессѣ.
- 11) *Чумаки.*

- 12) *Отъездъ.*
- 13) *Свиданіе*—у Неплюевой, въ Петербургѣ.
- 14) *Дѣти, рвуція яблоки*—тамъ же.
- 15) *Спящій парубокъ.*
- 16) *Катанье съ горъ*—была приобрѣтена Государыней Императрицей Марією Александровной.
- 17) *Жница съ ребенкомъ.*
- 18) *Сцена на снѣгокъ.*
- 19) *Дѣвушка у колодца*—была приобрѣтена Государыней Императрицей Марією Александровной.
- 20) *Бандуристъ въ избѣ.*
- 21) *Катанье ялицъ.*
- 22) *Приглашеніе на свадьбу.*
- 23) *Въ бурю.* Снимокъ съ этой акварели былъ помѣщенъ въ «Пчелѣ» и другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.
- 24) *Ночная сцена.* Акварель, рисованная одной краской (сѣрой), изображаетъ парубка, подкрадывающагося къ молодой дивчинѣ, которая въ теплую лѣтнюю ночь расположилась ночевать на дворѣ рядомъ съ бабушкой, и которой не спится, между тѣмъ какъ утомленная дневнымъ трудомъ бабушка крѣпко заснула. Акварель эта находится у Н. В. Шугурова, въ Кіевѣ.
- 25) *Женская юловка*—тамъ же.

III. РИСУНКИ.

Составить болѣе или менѣе полный списокъ тѣхъ рисунковъ, которые не были воспроизводимы ни фотографіей, ни какими либо способами печатанія, нѣтъ никакой возможности, потому что рисунки эти не бывали на выставкахъ, хранятся они у разныхъ собирателей въ альбомахъ и папкахъ, недоступныхъ для обозрѣнія; наконецъ, объ нихъ не было никакихъ свѣдѣній въ печати.

Составить полный списокъ рисунковъ, которые были воспроизведены въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, было бы возможно, но для этого нужно перерыть слишкомъ большую массу изданій, которыхъ у насъ нѣтъ подъ руками.

Не имѣя поэтому возможности дать списокъ рисунковъ Трутовскаго, мы все таки считаемъ не лишнимъ, въ дополненіе къ названной нами статьѣ Н. С., указать тѣ рисунки, которые намъ извѣстны и которыхъ Н. С. въ своей статьѣ не упоминаетъ.

Изъ оригинальныхъ рисунковъ, снимки съ которыхъ не были воспроизводимы, мы можемъ указать только два имѣющіеся у насъ рисунка сепіей: одинъ изъ нихъ (1879 г.) изображаетъ молодую дивчину, несущую гарбузу, а на другомъ (1877 г.) нарисована приготовляющаяся къ купанью въ рѣкѣ панючка, около которой стоитъ ея горничная и сидитъ молодая дивчинка.

Относительно рисунковъ, воспроизведенныхъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, прежде всего исправимъ ошибку, допущенную въ статьѣ Н. С., который говоритъ, что рисунки къ *Наймычкѣ* Шевченка были помѣщены въ «Сѣверномъ Сіаніи» Гёнкеля. Рисунки эти, отпечатанные въ литографіи Р. Хорна (а не у Брокгауза, гдѣ печатались рисунки для «Сѣвернаго Сіанія»), лежатъ въ настоящее время передъ нами, но мы не можемъ вспомнить, изъ какого именно изданія они взяты, только утверждаемъ, что не изъ «Сѣвернаго Сіанія».

Кромѣ рисунковъ къ «Наймычкѣ», Трутовскимъ былъ сдѣланъ еще одинъ рисунокъ къ Шевченку, именно на слова: «Шипла баба у танецъ, а за нею горобецъ выкрутасомъ, выхылясомъ... Старый рудый бабу клыче, а та ему дули тыче» (Бенкетъ у Лысянци, въ «Гайдамакахъ»). Рисунокъ этотъ, подъ заглавіемъ «*Малороссійская сценка*», изданъ въ видѣ преміи къ журналу «Будильникъ» за 1886 г.

Въ «Русск. Художеств. Листѣ» Тимма было помѣщено два рисунка Трутовскаго къ повѣсти Марка Вовчка «*Сестра*»; одинъ изъ нихъ на слова: «Пожалуй же, Марусенько, молодыцю, велонься и пошануй», а другой на слова: «Идте зъ намы, титочко наша вохана».

Кромѣ того, въ томъ же «Художественномъ Листѣ» были помѣщены еще другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на два рисунка, изображающихъ, одинъ—*бандуриста*, а другой *мирника*.

Въ «Художественномъ альбомѣ», изданномъ А. Долотовымъ въ 1871 г., было помѣщено три рисунка Трутовскаго: 1) *Масляничная сцена* (парубокъ, ѣдущій съ горы на салазкахъ, и молодыця съ ведрами),—2) *Изъ деревенской жизни* (дворовыя дѣвушки, танцующія передъ помѣщикомъ) и 3) *Политики*, сцена изъ быта помѣщиковъ.

Въ изданномъ Голяшкинымъ альбомѣ рисунковъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки» Трутовскому принадлежитъ десять рисунковъ; изъ нихъ одинъ иллюстрируетъ «*Пропавшую враноту*», два—«*Страшную мѣсть*», три—«*Сорочинскую ярмарку*» и четыре—«*Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*».

Въ «Пчелѣ», кромѣ указанныхъ въ статьѣ Н. С. рисунковъ, было еще два рисунка Трутовскаго: одинъ называется «Лето», а другой — «Зима».

Журналъ «Свѣтъ и Тѣни» издалъ, въ видѣ преміи на 1880 г., цѣлый альбомъ рисунковъ Трутовскаго; изъ малорускаго быта въ этомъ альбомѣ имѣются слѣдующіе рисунки: 1) *Сборы на свадьбу*, 2) *Послѣ купанья*, 3) *На богомольѣ*, 4) *На пасѣлкѣ* и 5) *Чумаки*.

Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за разные годы были помѣщены другіе рисунки Трутовскаго, изъ которыхъ мы можемъ указать на слѣдующіе: 1) *Подъ яблоней*, 2) *Вспѣшка у домашняго очага* и 3) *Лѣтней ночью*.

Въ журналѣ «Сѣверъ» за 1888 г. было помѣщено два рисунка Трутовскаго, изображающихъ два малорусскихъ женскихъ типа.

Были рисунки Трутовскаго помѣщаемы и въ другихъ изданіяхъ: во «Всемирной Иллюстраціи», въ «Газетѣ Гатцука» и проч. Ограничиваемся сдѣланными указаніями.

Снимки съ картинъ и рисунковъ Трутовскаго были воспроизводимы не въ однихъ только иллюстрированныхъ изданіяхъ. Въ одномъ изъ петербургскихъ магазиновъ на Большой Морской намъ случилось видѣть мебель (столы и стулья) съ рисунками съ картинъ Трутовскаго. Въ безчисленномъ множествѣ снимки съ картинъ Трутовскаго воспроизводятся на лукутинскихъ издѣліяхъ: на табачницахъ, портъ-сигарахъ, обложкахъ альбомовъ, подносахъ и проч. Точно такъ же они воспроизводились на серебряныхъ издѣліяхъ фабрикантовъ Овчинникова и Хлѣбникова. Затѣмъ посредствомъ вышиванія ихъ стали снимать на полотencaхъ и т. п. издѣліяхъ. Наконецъ, въ недавнее время появились ситцы съ тѣми же рисунками. Курьёзно то, что эти ситцы и фартуки съ рисунками изъ картинъ Трутовскаго, дойдя въ то село, гдѣ эти картины когда то были написаны, и появившись на одеждѣ женщинъ, замѣнившихъ прежній домашней работы костюмъ издѣліями фабричнаго производства, — дали такимъ образомъ Константину Александровичу возможность увидѣть въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова «передвижную выставку» рисунковъ изъ своихъ картинъ.

Эта распространенность снимковъ съ произведеній Трутовскаго, это заимствованіе у него сюжетовъ для всевозможныхъ издѣлій, для которыхъ рисунокъ можетъ имѣть значеніе, показываетъ, что произведеніями Трутовскаго любовались не одни только присяжные любители и цѣнители искусства, что они привлекали къ себѣ массы,

что они удовлетворяли известной потребности и въ свою очередь будили вкусъ, распространяя въ массахъ интересъ и вниманіе къ тѣмъ сюжетамъ, которые любить самъ художникъ и которые всѣмъ намъ милы и дороги.

Въ заключеніе еще разъ повторимъ, что сдѣланныя нами указанія на произведенія Трутовскаго далеко не полны: изъ картинъ, писанныхъ масляными красками, и акварелей мы указали, можетъ быть, не больше половины всего того, что было выставлено Трутовскимъ, а изъ рисунковъ указана только очень незначительная часть. Пусть тѣ, которые могутъ это сдѣлать, дополнять сообщенныя нами свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка.

Въ одномъ изъ номеровъ московской газеты «Русскій Курьеръ» текущаго года какой то украинецъ помѣстилъ неизданное будто бы стихотвореніе Шевченка, перепечатанное затѣмъ и во многихъ другихъ изданіяхъ.

Въ своей замѣткѣ украинецъ, между прочимъ, говоритъ, что стихотвореніе это относится къ началу крымской войны, когда формировались малороссійскіе конно-козачьи полки, и было подарено Шевченкомъ отцу автора замѣтки, служившему въ малороссійскомъ козачьемъ № 2 полку, при чемъ стихотвореніе это написано будто бы собственноручно Шевченкомъ. Приводимъ самое стихотвореніе:

„И драгуны и пехота,	То не хмара сонце вьрла,
На Дунай идуть;	То не гримъ гуде;
Буде добра имъ работа—	То козацька наша сила
Тагъ шаславный путь!	Въ Петербургъ иде!
И Черныгивъ, и Полтава	Витерь буйный повивае,
Вышлеть козавивъ.....	Диброва шумить,
Нехай буде й наша слава	То козацтво виступае
Мижъ царськихъ поливъ!	Бусурменивъ бытъ.“

Дѣйствительно, нѣкоторые поэтические образы и сравненія, встрѣчаемые въ этомъ стихотвореніи, какъ бы напоминаютъ музу нашего славнаго Кобзаря; тѣмъ не менѣе, несмотря на увѣренія автора приведенной замѣтки, едва ли можно признать это стихотвореніе произведеніемъ Шевченка. Какъ известно, Шевчену очень часто приписывались малорусскія стихотворенія, авторы которыхъ почему либо

оставались неизвѣстны публикѣ. Такъ, напр., ему приписывалось извѣстное стихотвореніе «Борода и Чупрына», принадлежащее въ дѣйствительности перу недавно умершаго К. Думитрашка; затѣмъ, не менѣе извѣстное стихотвореніе «Ще не вмерла Украина», написанное уже по смерти Шевченка при особенныхъ обстоятельствахъ, памятныхъ многимъ кіевлянамъ, также приписывалось Шевченку и даже напечатано было во львовскомъ изданіи «Кобзаря», равно какъ и пьесы Аванасьева-Чужбинскаго «Добре твоя кобза грає» и «Полуботко», печатавшіяся еще недавно въ изданіяхъ Шевченка. Точно также и приведенное стихотвореніе, по всей вѣроятности, есть произведеніе другаго поэта, а не Шевченка.

Прежде всего нужно сказать, что оно было уже напечатано еще въ 50-тыхъ годахъ. Объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія въ статьѣ Н. Б. «Малорусская военно-патріотическая муза», помѣщенной въ издававшейся въ Кіевѣ газетѣ «Заря» за 1885 г., № 185. Автору этой статьи, во время его переѣздовъ по кіевской губ., пришлось познакомиться съ владѣльцемъ с. Березняговъ, черкаскаго уѣз., Станиславомъ Александровичемъ Бернатовичемъ, въ библіотекѣ котораго онъ нашелъ, между прочимъ, два листка съ напечатанными тремя малорусскими стихотвореніями: одно изъ нихъ «Выходили козаченьки» безъ подписи, другое, весьма распространенное, «Къньмо, братья, батька и няньку» — съ подписью К. К. и, наконецъ, вышеприведенное стихотвореніе «И драгуны и пихота» — съ подписью Ш... Происхождение этихъ стихотвореній С. А. Бернатовичъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ. Передъ крымской войной отецъ Бернатовича служилъ полковымъ врачомъ въ одномъ изъ расположенныхъ на Украинѣ полковъ, командиромъ котораго былъ Строгоновъ. При выступленіи полка на театръ военныхъ дѣйствій, Строгоновъ просилъ Бернатовича издать для полка какія либо воспоминанія изъ полковой жизни, и вотъ Бернатовичъ, уступая этой просьбѣ, издалъ въ небольшомъ числѣ, собственно для офицеровъ того полка, приведенныя три стихотворенія вмѣстѣ съ другими какими то произведеніями. Къ сожалѣнію, въ указанной статьѣ Н. Б. нѣтъ свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни о времени изданія, но, судя по разсказу Бернатовича, время это можно отнести къ 1853—1855 г. Точно также не находимъ никакихъ свѣдѣній и объ авторахъ этихъ стихотвореній; о послѣднемъ, впрочемъ, Бернатовичъ замѣтилъ, что оно принадлежитъ перу Шевченка, хотя въ этомъ случаѣ другаго основанія, кромѣ подписи Ш.., указать не могъ.

Само собою разумѣется, что подпись Ш... ничего не доказываетъ; стихотвореніе могло быть написано Шишацкимъ-Илlichemъ, печатавшимъ въ то время малорусскія стихотворенія въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», или другимъ неизвѣстнымъ малорусскимъ поэтомъ. Такихъ стихотвореній въ патриотическомъ духѣ въ то время было множество. Кромѣ напечатанныхъ, какъ напримѣръ «Бенкетъ для непрошенныхъ гостей» Яцимирскаго, К. 1854 г., ходили по рукамъ въ большомъ числѣ ненапечатанныя, весьма популярныя въ то время малорусскія стихотворенія, по всей вѣроятности, принадлежавшія разнымъ поэтамъ. Такъ, я помню весьма распространенное стихотвореніе: «Гей погонци, братци люби!», авторомъ котораго былъ, кажется, К. Думитрашко.

Къ подобнымъ патриотическимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ малорусскіе поэты воодушевляли своихъ земляковъ на борьбу, принадлежатъ и всѣ три стихотворенія, найденныя Н. Б. въ библиотекѣ С. А. Бернатовича, изъ которыхъ стихотвореніе «Кыньмо, братья, батька и неньку», подписанное К. К., принадлежитъ тому же К. Думитрашко, подписывавшемуся часто псевдонимомъ «К. Копытько». Отецъ Бернатовича, какъ любитель малорусской поэзіи, вѣроятно, собиралъ ходившіе въ то время по рукамъ стихотворенія и затѣмъ, при случаѣ, напечаталъ нѣкоторыя изъ нихъ. Быть можетъ, одно изъ нихъ, показавшееся ему выдающимся, онъ по ошибкѣ приписалъ Шевченку, извѣстному въ то время во всей Украинѣ. Быть можетъ, стихотвореніе это принадлежитъ и самому А. Бернатовичу, по крайней мѣрѣ въ галицко-малорусскомъ журналѣ «Русалка» за 1866 г. № 2-й находимъ, къ сожалѣнію весьма краткій, некрологъ умершаго въ 1865 г. А. Бернатовича, о которомъ въ некрологѣ говорится, какъ о малорусскомъ поэтѣ, хотя намъ и неизвѣстны его произведенія. Не могутъ ли эти свѣдѣнія дать какую либо нить въ исторіи приведеннаго стихотворенія?

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что стихотвореніе это появилось въ пятидесятыхъ годахъ. Объ этомъ одинаково свидѣлствуютъ какъ С. А. Бернатовичъ, такъ и украинецъ, сообщившій стихотвореніе въ «Русскій Курьеръ». Между тѣмъ извѣстно, что въ пятидесятыхъ годахъ Шевченко былъ въ ссылкѣ и въ то время не могъ не только печатать, но и писать свои произведенія, а тѣмъ болѣе дарить ихъ кому бы то ни было на Украинѣ, какъ увѣряетъ авторъ замѣтки. Мнѣ кажется, и въ самомъ стихотвореніи можно найти нѣкоторыя указанія на непринадлежность его Шевченку. Подобное стихотвореніе изъ подъ пера незабвеннаго нашего поэта не-

сомнѣнно вышло бы болѣе содержательнымъ и сильнымъ, чѣмъ приведенное. Затѣмъ Шевченко былъ глубокой знатокъ народной рѣчи и не могъ выразиться «щасливый путь», такъ какъ въ малорусскомъ языкѣ слово «путь» употребляется постоянно въ женскомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ было бы весьма интересно, чтобы какъ г. Бернатовичъ, такъ и авторъ замѣтки, помѣщенной въ «Русскомъ Курьерѣ», сообщили болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія объ этомъ стихотвореніи.

М. Комаровъ.

Весенніе хороводы, игры и пѣсни.

Весна производила на воображеніе первобытнаго человѣка цѣлый рядъ такихъ могучихъ вліяній, предъ которыми онъ останавливался, какъ предъ проявленіями божественной силы. Животворные лучи солнца, освѣжающая и обновляющая гроза, воскресеніе и расцвѣтъ растительности, немолчный говоръ и пѣніе птицъ, устраивающихъ гнѣзда для вывода новаго поколѣнія—все это сочеталось въ такой невольной выливающейся и поразительной гимнъ природѣ, который и человѣка привлекалъ къ участію въ немъ. Весна, какъ свѣтлый и радостный праздникъ природы, сопровождалась у народа множествомъ обрядовъ, пѣсень и игръ въ честь божества, виновника этой благотворной переменъ въ природѣ. Въ честь весенняго солнца совершается множество хороводовъ, которые своимъ кругообразнымъ движеніемъ имѣютъ цѣлью представить внѣшній видъ свѣтила (ликъ бога). Хороводовъ большое множество, хотя свѣдѣнія о нихъ имѣются не въ достаточномъ количествѣ, да и записывать ихъ стали довольно поздно, когда смыслъ многихъ хороводовъ уже затемненъ, а о нѣкоторыхъ и память совершенно утеряна. Такъ, несомнѣнно, должны были существовать хороводы въ честь бога грома, въ честь бога вѣтровъ, рѣчныхъ божествъ. Даже хороводовъ съ прямымъ смысломъ—въ честь солнца мы не знаемъ; только въ нѣкоторыхъ весеннихъ пѣсняхъ, отдѣлившись, по всей вѣроятности, отъ хороводовъ, есть указаніе на дѣятельность солнца, напр. «Сонечко гріе—колода пріе, сонечко пече—смола тече» ¹⁾. Другая пѣсна—веснянка прибавляетъ къ этому дѣятельность вѣтра и дождя:

¹⁾ Чубинскій. Тр. этн. эксп. Ш, 114, 4 Е.

„Ой не хвалыся, да березовька,	Выбилыло кору да яснее сонце,
Не ты свою кору да выбилыла,	Шырочыло листе да буйный витерь,
Не ты сее листе да шырочыла,	Высочыло гилле да дрыбень до-
Не ты сее гилле да высочыла.	щель“ ¹⁾ .

Бо́лѣ древнее происхожденіе мы должны признать за пѣсню, въ которой олицетворяется весна:

„Ой весна—красна, що намъ вынесла?
 Ой вынесла тепло и добро: литечко...
 Малыѣ дитеамъ—ручечки быты,
 А старымъ дидамъ—раду радаты;
 А старымъ бабамъ посединечко,
 А госнодарамъ—поле ораты,
 А молодымъ господынямъ—кросеньця театы,
 А молодыцямъ и дивонькамъ—та й погуляты...“²⁾.

Весна представляется еще съ слѣдующими атрибутами: «Выле-тила весняночка вчора зъ вечора, укропомъ очы завишала, а петрушкою ротъ захчала, рипою зубы накувала»³⁾. Къ олицетвореніямъ весны, или скорѣе атрибутовъ ея надо отнести и пѣсню:

„Ой нумо, нумо,	А въ нашего шума
Въ зеленого шума.	Зеленая шуба“ ⁴⁾ .

Большинство хороводовъ, нынѣ извѣстныхъ, совершаются или въ честь птицъ, или въ честь хлѣба (проса, гороха, мака), или же представляютъ выборъ невѣсты.

Хороводы, которые носятъ названіе птицъ, какъ напр., горобейко, перепилочка, голубъ, галка, воронъ, коршунъ, отличаются сравнительно большею ясностью содержанія и ведутъ несомнѣнно свое происхожденіе отъ эпохи зооморфизма, когда всѣ животныя и въ частности птицы пользовались почитаніемъ. Остатокъ этой эпохи сохраняется въ тѣхъ отзвукахъ древняго преданія, которые дали основаніе нынѣшней символикѣ птицъ, когда одна птица является символомъ величія и силы, другая предзнаменуетъ побѣду; однѣ являются символомъ любви и дружбы, другія считаются зловѣщими птицами. Характеръ птицъ проявляется въ хороводахъ; при чемъ весенніе хороводы и веснянки берутъ только тѣхъ птицъ, которыя таѣе или иначе знаменуютъ благополучіе семьи или ея несчастье, истребленіе дѣтей (воронъ, коршунъ).

¹⁾ Чубинскій, III, 158, 69.

²⁾ Ibid. 109, 1 A.

³⁾ Ibid. 113, 4 B.

⁴⁾ Ibid. 50, 6.

Дѣвушка тоскующая сравнивается съ кукушкой, а ея милый съ соловьемъ:

„Ой мыйнй мій, колыбъ я твій	Нехай тоби зозуленька,
Голосомъ зачула,	Щобъ рано ковала,
Вылнула бь проти тебе,	А мени нехай соловейко,
Якъ сыва зозуля.	Щобъ я не скучала“ ¹⁾ .

Символь—*зозуленька куе* соотвѣтствуетъ (въ пѣснѣ 143, 48) дичынонька плаче. Далѣе, народъ себѣ объясняетъ, почему кукушка печально куеть—плачетъ; этой причиной служитъ семейное ея горе:

„Не куй, зозуленько, темнеюкы ночи	Годовала диты, да и вымъ замышляты.
Повыдираешъ на лыщыноньку очы;	Ой щобъ тому да тры лита хвориты,
— „Якъ же жь мени раненко не куваты	Хто побравъ зозульчынн диты“ ²⁾ .

Кукушка служитъ еще въ народѣ символомъ вѣщей птицы, которая своимъ кукованьемъ отвѣчаетъ на заданные вопросы: сколько человѣку остается лѣтъ жизни, скоро ли дѣвушка замужъ выйдетъ.

Вылетъ *жаворонка*, слишкомъ ранній, противъ воли, знаменуетъ, какъ кажется по пѣснѣ, слишкомъ раннюю свадьбу.

„Чомъ ты, жавороньку,	Нижкамъ потончу;
Рано зъ вирья вылитавъ?	Загорожу ричку
Ище по горонькахъ сниженькы лежали,	Тай на постовничку,
Ой ще по долинахъ крыженькы стояли“	Щобъ не вылитали
—Ой колы пора прийшла,	Шташата—чирята,
Неволенька вийшла.	Сыви голубьята;
Ой я тьи крыженькы	Щобъ не выносыли
Крыльцями розжену;	Молодецкой врасы..
Ой я тьи сниженькы	Дивоцкой косы“ ³⁾ .

Въ этой пѣснѣ такой поэтической мотивъ: *жаворонкохъ крыльями ледь рззонитъ, ножками сныгъ потопчетъ*, означаетъ, что зима проходитъ съ прилетомъ жаворонковъ. Точно такое же объясненіе имѣетъ и другой поэтической мотивъ: «зозуленька куе, бо литечко чуче. Соловей щебече—садкы разывае»⁴⁾.

Символь *воробей прилетаетъ*—значить, милый приходитъ. Это отчасти видно изъ слѣдующей пѣсни:

„Кышь, вышь, горобей,	Да ще зелененькы.
Не йды до конопель,	„Мамо, дай хлиба“.
Мои конопелькы	—А той де дила?

1) Чубинскій, III, 168, 96.

2) Ibid. 157, 67.

3) Ibid. 110.

4) Ibid. 143, 48.

„Съ козакомъ здила“.

—А робить?

„Голова боляты!

—А замижь?

„Хочь заразы!“¹⁾

Жена воробья представляеть собою заботливую хозяйку:

„А въ горобейка

Жуйнка маленька;

Сидить на колочку,

Пряде на сорочку,

Що выведе нитку

Горобью на свытку.

Остануться конци—

Горобью на штаницы,

Остануться торочки—

Горобью на сорочен“²⁾.

Воробей живетъ въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ людьми,—*мірской захребетникъ*, какъ называлъ его проф. Богдановъ; онъ знаетъ отлично жизнь народа, и потому на вопросъ: кому воля, кому нѣтъ воли? такъ рисуетъ дѣвичью и женскую долю:

„Дывочкамъ уса воленька—

За виночекъ тай у таночекъ

За стричечку тай на вулычку.

А жинькамъ та неволнька,

Коло бока та стороженька.

Ворщъ каже: „помишай мене“,

Каша каже: „пидіймай мене“,

Мылый каже: „поцилуй мене“,

Дытя каже: „нагодуй мене“,

Мылый каже: „роззувай мене“,

Дытя каже: „забавляй мене“³⁾.

Голубь воркуеть—предвѣщаетъ женитьбу:

„Й а на дуби, на дубочку

Сыный голубъ гуде.

Щось на тебе, козаченьку,

За прыгодонька буде“⁴⁾.

Изъ дальнѣйшаго изложенія пѣсни видно, что козаку предстоитъ взять замужъ вдовину дочку.—Голубъ сывенькій—эпитетъ украшающій въ малорусскихъ пѣсняхъ (п. стр. 36, III А.).

Перепелка—символь женщины: „А въ перепелкы молодой мужичокъ, молодой явъ иде, червычкы несе“⁵⁾. „Піймай соби жинку, явъ перепелку“⁶⁾.

Селезень и утка изображаютъ молодую пару:

„А селезень летать и утыцю влячыть.

А его утинка да прохалася:

„Ой пусты мене, мій селезюю,

Межь ти утата покупатися,

И зь утатами повидатися“.

—Не тутъ я тебе взывъ,

И не тутъ пуцу;

Узявъ я тебе на сянѣму мори,

Пуцу тебе на чыстому поли“⁷⁾.

¹⁾ Чубинскій, III, 59, VI.

²⁾ Ibid. 56, 8.

³⁾ Ibid. 58, III, А. Б.

⁴⁾ Ibid. 135, 34.

⁵⁾ Ibid. 65.

⁶⁾ Ibid. 96, 38.

⁷⁾ Ibid. 122, 12.

Слѣдующая небольшая пѣсня изображаетъ только семейственныя наклонности утки, предполагая ихъ настолько ясными, что дальнѣйшаго примѣненія къ жизни человѣка не приводится. Пѣсня, говоря, что

„Утка иде, утнята веде	На холодну водицю,
На напасочку, на порасочку.	На зелену травцю ¹⁾ ,

полагаетъ, что это образъ хоровода, или матери, которая ведетъ своихъ дѣтокъ.

Лебедь есть символъ дѣвушки, тоскующей по миломъ:

„Ой выйду я за ворота,	Якъ бялая лебедочка
Гуляю, гуляю,	По тихимъ Дунаю“ ²⁾ (Сравн. п. 137, 37).

Сходство лебеди съ дѣвушкой прямо указывается въ слѣдующихъ словахъ пѣсни: „Лебедына, лебедына да на дивчыну походыла“³⁾.

Соколь — ласточка символъ жениха и невѣсты:

Ой на ставку на ставку,
Поймавъ соколь ластовку“ ⁴⁾ .

Пшашечки, которыя садятся на балинѣ—символъ молодцовъ которые любятъ *дивчыну*:

„Коло млына, млына,	Ходылы, ходылы!
Зацвила калына,	А тамъ молодци
Калына, калына!	Дивчыну любылы,
А по той калыни	Любылы, любылы! (Чубинск. III, 139, 43).
Пшашечкы ходылы,	

Такимъ образомъ, жизнь птицъ весною, когда проявляются лучшія ихъ свойства въ заботѣ о птенцахъ, въ чарующемъ нѣннѣ, служила для человѣка какъ бы призывомъ начать подобную же жизнь; и дикарь могъ поучиться гуманитарному чувству у соловья, ласточки, перепелки, утки и вообще у пшашечекъ. Оттого символика, заимствованная изъ жизни птицъ, такъ любима народомъ и всегда отличается такой нѣжностью и поэтичностью.

Хр. Ящуржинскій.

Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панцинѣ и повстанѣ.

Въ июльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1886 года (стр. 570—573) помѣщена замѣтка М. Васильева: «Двѣ народныя пѣсни о пан-

¹⁾ Чубинскій, III, 180, 124.

²⁾ Ibid. 166, 93.

³⁾ Ibid. 181, 129.

⁴⁾ Ibid. 85, 24.

щия и повстанья». Отрицательно рѣшая въ ней вопросъ о вымираніи народнаго творчества, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Имѣющійся въ нашихъ рукахъ пѣсенный матеріалъ... даетъ намъ основаніе думать, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины явилась въ нашемъ народѣ самостоятельно и непосредственно подъ вліяніемъ происшедшей переменъ. Приводимъ на этотъ разъ двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна смѣшаннаго содержанія и говоритъ сначала о польскомъ возстаніи, а потомъ объ освобожденіи крестьянъ. Обѣ онѣ волынскія, что видно отчасти и по языку. Онѣ не обшлифовались еще въ народномъ обращеніи, не имѣютъ ни гладкости старыхъ народныхъ пѣсень, ни яркости ихъ красокъ, но и отнюдь не являются продуктомъ досужаго сочинительства». Затѣмъ приводятся самыя пѣсни: I. «Несчастныя часы зійшли Ягъ зъ неволи хлопи выйшли»... и II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисамя»...

Жаль, что авторъ замѣтки не сообщаетъ ни мѣста и времени записи, ни лица (имя и фамилія, лѣта, званіе, занятія, грамотенъ или нѣтъ и т. п.), отъ котораго записаны приводимыя имъ пѣсни. Это способствовало бы уясненію вопроса о путяхъ, какими проникаютъ въ народъ искусственныя стихотворенія. Искусственныя... такъ какъ приводимыя авторомъ замѣтки двѣ «народныя» пѣсни представляютъ въ сущности неудачную спайку кусковъ виршей Палія Мостыголовы (продукта досужаго сочинительства), спайку почти нетронутую творчествомъ народа.

Привода ниже подлинныя вирши П. Мостыголовы, послужившія прототипомъ «народныхъ» пѣсень считаю не лишнимъ предпослать имъ нѣсколько замѣчаній.

Виршей П. Мостыголовы находится у меня подъ руками двѣ тетради и $\frac{1}{4}$ листа.

Первая тетрадь (изъ шести листиковъ почтовой бумаги)—недавно снятая, писанная латиницей, съ массой очевидныхъ описокъ (благодаря незнакомству снимавшаго конію съ польскимъ правописаніемъ) конія съ рукописи, принадлежавшей поляку—панку. Въ ней—вирши:

- 1) «До Редактора» (слѣдовательно, стихи предназначались къ печати), съ подписью внизу: «Палій Мостыголова»;
- 2) «Виршы» («Схаменитесь вы паны»);
- 3) «Розмова» («Розгулялись вражи ляшвы»...);
- 4) «Польскый бунтъ 1863 року» («Нешасны часы пройшли»...);
- 5) «Панъ Ружыски» («Вражи ляхи взбунтовались»...);
- 6) «Панъ Цихоньски» («Заремила псня «*Boże polski*»...);

7) «Паньске шасце» («Отакъ паны опарылись»...).

Вторая тетрадь (листъ писчей бумаги, сложенный въ 4-ку):

1) Дума Палія Мاستыголовы («Ахъ Волянь, ты наша маты!...»).

Заканчивается словами:

Попе, попе, ты нашъ батьку, Учы дитовъ, учы, друже,
Любы жъ ты насъ до остатку... Бо кто жъ скоче?... бандуже!..⁴

На полѣ противъ думы, инымъ почеркомъ—замѣтва: «Этой думы прошу никому не читать; она, изволите видѣть, чѣмъ то пахнетъ...»

2) «Розмова» («Розыгрались вражи ляшки»...);

3) Казка («Въ селі—що не знаю»...);

На $\frac{1}{4}$ листа;

«Вирши» («Послушайте, вы, паны!»...).

Что касается приведенныхъ М. Васильевымъ «народныхъ» пѣсень, то онѣ равняются:

I. «Несчастніи часы зійшли»... Строки 1—10=1—4+7—12 «Польскаго бунта»; строки 11—20=55—64 «Виршей»; строки 21—26 передѣлка 41—44 «Виршей»; строки 27—28—передѣлка 47—48 «Виршей»; строки 29—44=17—24+29—36 «Виршей»; строки 45—46—прибавка.

II. «Тамъ въ Цвитосци межъ лисами...» Строки 1—10 передѣлка 25—34 «Пана Цихоньскаго»; строки 11—14 прибавка; строки 15—20 передѣлка 43—48 «П. Цихоньскаго»; строки 21—24 передѣлка 41—42 «П. Цихоньскаго»; строки 25—26 прибавка; строки 27—34=61—68 «П. Цихоньскаго (съ характернымъ измѣненіемъ послѣдняго стиха); строки 35—38=33—36 «Польскаго бунта»; строки 39—49=5—16 «Виршей».

Текстъ виршей П. Мостыголовы приводится по тетради первой безъ измѣненій, если не считать исправленія очевидныхъ описокъ, разстановки знаковь препинанія и замѣны латиницы гражданкой. Въ примѣчаніяхъ указаны разночтенія по $\frac{1}{4}$ листа.

Ювеналій Тиховскій.

1. В и р ш ы.

Схаменітесь ¹⁾ вы, паны!

Посыдайте жупаны,

Повдагайте сиракы,

Бо не ваши мужьны.

Александръ теперь панъ; ²⁾

Винъ го діло розпизнавъ, ³⁾

Що Иванъ да Степанъ

Съ теи жъ глыны, що и панъ. ⁴⁾

¹⁾ Послушайте.

²⁾ Розпизнавъ.

³⁾ Ставъ.

⁴⁾ Що въ Ивана и Степана Така душа якъ и въ Пана.

Винь то діло распознавъ
 Дай свободу людямъ давъ.
 Нехай кождень теперъ ¹⁾ знае,
 Що винь батька-цара ²⁾ мае,
 Нехай кождень теперъ ³⁾ знае
 И нехай же ⁴⁾ вспомынае
 Чы то вдома, чы на поли,
 Чы то въ праці, чы на воли...
 Не знае, вже ⁵⁾ той доли.
 Що бувало—борщъ безъ соли...
 Хахай исты дай ще швидко,
 Поки сонця ще не выдко,—
 Бо якъ сонце зыйшло зрана,
 То вже чуты атамана;
 Уже жъ ⁶⁾ тоби не до ижы,
 Бо нагайка тило риже ⁷⁾.
 Зыйшло сонце вже й подвылось...
 Що ся діе, то й не смылось.
 Пойдуть люде тай зобачте
 Таки слѣзы, тай заплачте...
 Пань економъ съ арбутомъ—
 Съ тонкимъ, вдвое гнучимъ внучомъ
 Норе въ шатирь, вередуе,
 Ажъ кровь свыше—такъ катуе.
 Сиче сына, мліе маты:
 Лыбонь треба поховаты...
 Крыжъ, плачъ и слѣзы лющця,
 Все бояцца, вси трасуцца.
 Одверните, люде, очы,
 Коли вамъ не стало мочы;

На се лыхо не дивитесь,
 Щобъ посла не печалытсь. ⁸⁾
 Прийдешъ зъ лану ⁹⁾—ничъ лунная,
 Лежать диты видъ хлыпаня: ¹⁰⁾
 Бидны матеръ ¹¹⁾ выгладаны
 Дай голодны поляганы.
 А не важся що забраты,
 Перевезты шо до хаты, ¹²⁾
 Бо задасць пань таку бійку,
 Що польжешъ на затылку.
 Не той зовсимъ наставъ ¹³⁾ часть,
 Теперъ давъ Богъ и для насъ:
 Заплаты ¹⁴⁾ та не бійся,
 Тилько гриха стережыся.
 Ще не тее було зъ нами,
 Якъ булы мы подъ панамы.
 Чны жынка була брала,
 Мужъ до неи не мавъ права.
 Все у пана плати мие,
 Або идчасъ муку сіе,
 Хлїбъ пече, то мие хату...
 Правда добру бере плату...
 Прийде жынка въ дымъ одъ пана
 Ходыть, чмыше, бо вже ляна...
 Мужъ сварыты не посміе,
 Бо вже знае, що ся діе.
 Не такий же совсимъ часть
 Теперъ давъ Богъ и для насъ!
 Жынку млы прыголубышь
 Дай и гора зъ ней забудешъ.

2. Польскый бунтъ въ 1863 року.

Нешасны часы пройшы,
 Якъ въ неволи хлопы булы...
 Паны были, забывалы,
 До сорочы обдыралы;
 Що хотыли зъ хлоповъ бралы,
 А хто не давъ—шеуру дралы;

Хоть бы мужыкъ наветь згнуувъ,
 Мусывъ даты десятину...
 Мало того десятину:
 Давъ и жинчу, и дитыну,
 Бо то воля ляха—пана
 Душу взаты изъ Ивана.

1) Теперъ кождый. 8) Стиховъ 25—40 вѣтъ.

2) Царя-батѣа.) Поля.

3) Тее кождый. 10) Видхлыпаня.

4) И все соби. 11) Бо матеры.

5) Не машъ теперъ. 12) А не важся було иты Соби сжаты, або звесты.

6) Тогда. 13) Не такий же зовсимъ.

7) Зриже. 14) Отбувъ свое.

Знали паны добро зысты
 Да въ костелахъ въ лавкахъ сисы:
 На лавочкахъ посаждаютъ,
 Съ панночками розговляютъ.

Грошей оны много малы—
 По Парижу разъижчжались,
 Зъ золотыми пидкивеками
 Пидъ киньскими коньтками.

Нашу виру зневажали—
 Церквы жьдамы отдавали,
 Православныхъ дуже гнали,
 Зъ собаками ихъ ровняли.

Приказали осевули—
 Гони хлопа швыдче кули,
 Гони хлопа на панщину:
 Якъ не хоче, личы въ спину.

Окономы зъ нагайками
 Тялы хлопа ванчуками,
 Свезлы добре и ризками,
 Ще жъ лякалы рекрутками.

Царь нашъ рускый змыловаяся
 За те дуже добре взявся,
 Щобъ мужьками волю дати
 Да зъ рукъ паньскихъ одобраты.

Паны тымъ ся зажурылы
 Чорны трауръ вси надилы
 Въ Жытомири хресты ставлять,

Хлопскы святы надагають—
 (Воны тымъ ся не встыдають—)
 „Braciai równość, nierpodlełość—
 Za to będzie nam chwalebność“

Чорны ходять мовъ ты галекы
 Паны, паны и подпаны.
 Да зъ велыкымъ лядьскымъ жаромъ
 Крычать писью „Dym rożagom“ .

Въ чорныхъ сукняхъ вони ходять,
 По костелахъ Бога молятъ:
 „Верни волносьць намъ, ойчизну,
 Верны хлопивъ и панщизну.“

Нема лиха вже жьвого—
 Нема ёму быты кого;
 Ходыть ляшокъ и въздыхае.
 Чорву думу винь думаетъ.

„Не журымся, паны—браты,
 Пйдемъ русскихъ воёваты:
 Треба Польшу одобраты,
 Назадъ хлоповъ соби взаты“...

„Чы въ костели, чы въ палацу,
 Чы на воли, чы на плацу (?)
 О! на те треба много часу,
 Ходимъ хутше ажь до ласу;“

„Звиты будемъ воёваты;
 Да москаливъ розбываты;
 А въ чимъ полякъ самъ не зможе,
 То намъ французъ въ тымъ поможе.“

3. Панъ Цихоньски.

Загремила песня „Woże polski“,
 Появыся панъ Цихоньскы.
 Пидъ Заславомъ мыжь лисамы
 Зобравъ ляхивъ винь стадами.

Не бувъ сей панъ въ Миропили,
 На кровавомъ тамъ весили,
 Де гулялы такъ на дыво,
 Де кроваве пылы пьво,

Де блискало и гремило...
 Ясне сонце потемнило...

Тамъ глумылись надъ панамы
 Штыгъ, нагайка дай ще хамы.

Отъ, якъ бачте, не знавъ того
 Панъ Цихоньскы—щасця своего,
 Добро свое покидае.
 Щасця въ лиси винь шукае.

„Нима хлоповъ и панщизны
 Треба шукаць намъ ойчизны“,
 Котра въ лиси заблукалася,
 Своихъ сыновъ виджуралася.

Бидна Польска въ лись забралася;
 Забравшысь, тамъ скончалася.
 Идутъ паны въ лись шукаты,
 Мертву Польску воссрешаты.

Тамъ въ Цвитоси мыжь лисамы,
 Мыжь топкыми болотамы
 Паны стуйки закладады,
 Пыть гербату посаджды:

Илы, пылы да гулялы,
 Зъ килишками воёвали;
 Хтили соби заспываты,
 А тутъ никетъ дае знаты:

.Гей, панове,
 Въ руки брони дай хутенько,
 Бо Москали вже близьенько:
 Карабины набывають,
 Штыки свои оглядають“.
 Сполошылись ляхи дуже,
 Крычать зъ ляку: „що се буде?
 Едень каже: „нема рады“,
 Другій кричить: „рейтерады“.
 „Dawaj bronі, dawaj pałaszy“...
 И піднявся крикъ и галасъ
 Зовсимъ ляхи опянили
 И зо страху одурили,
 И не знае едень, другій,
 Що робити въ цій одури:
 Чи фузію набывати,
 Чи гербату допывати.
 Бють московськи барабаны...
 „Bardzo zupno“, кричать паны...
 Москаль писни запивае,
 Зъ штыкомъ впередъ выступае;
 Безъ докладу наступають,
 Зъ карабиновъ посылають

Кули ляхамъ на свидання...
 Не йдить, паны, до повстаня...
 Штыки лідь грудь підставляють,
 Въ лобъ прикладомъ убывають.
 Нема ляхамъ щасца—доли
 А не въ лиса, а не въ поли.
 Ксѣнзъ инфулу надагае,
 Вгору рука піднимае
 Благословить ляхивъ—пановъ,
 Щобъ побыли всіхъ Москалѣвъ.
 Москаль на те зъ ружья двынувъ...
 Ксѣндзъ на землю... а не дригнувъ.
 Нима ксѣндза и казаны...
 Не йди, ксѣндзе, до повстаня..
 Панъ Цихоньски утикае...
 Его куля доганяе;
 На голову ёму сила
 Дай на землю псвалыда.
 Въ конци лиса мѣжъ травомъ
 Зъ розбитомъ головою
 Спить Цихоньски и чекае:
 Польшу зъ лиса выгледае.

Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ.

Въ 85-мъ № «Сѣверной Пчелы» за 1828-й годъ помѣщены слѣдующія афиши черниговскаго театра. Въ одной изъ нихъ объявляется, что «сего 1828-го года апрѣля 15-го числа, то есть Въ воскресенье Будеть имѣть честь представить Трагедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ компанія Актеровъ подъ дирекцію г-на Клокоцеаго, сочиненной съ священной исторіи перваго убійства на свѣтѣ чрезъ Албетрандого съ громомъ и мольною въ костюмахъ первыхъ родителей нашихъ подъ названіемъ: *Изнаніе Адама и Евы изъ рая или смерть Авелы, первое убійство по сотвореніи міра*. За исчисленіемъ дѣйствующихъ лицъ, помѣщено слѣдующее примѣчаніе: «сія безсмертная трагедія будетъ представлена въ цѣлой акуратности какъ только исторія библіи требуетъ, въ новой Гардеробѣ нарочно для сей пьесы съ дѣланной изображаемой костюмъ первыхъ родителей нашихъ и съ приличною до сей трагедіи декорациею.—Въ 2-мъ дѣйствіи окажется Каинъ приодеть кожою тигра. Выставлены будутъ пристолы, на которыхъ Каинъ и Авель владутъ жертву целосоуженія, изъ которыхъ Богъ

принимаетъ жертву Авеля, спуская огонь съ неба зажигаетъ оную. Въ 3-мъ дѣйствіи сонъ Каина, изображающій ему вѣчную крѣпость на цѣлой родъ его. Ужасной видъ въ свирепости Каина когда убиваетъ палкою Авеля брата своего. Все это акуратно на сцѣнѣ представлено будетъ, сколь только мѣсто театра здѣшняго позволитъ». Въ другой афишѣ извѣщаютъ: «что 15-го (18-го ?) апрѣля 1828 г., то есть въ среду, въ пользу Адама Чеховича (Актера) компанія будетъ имѣть честь представить новою еще здѣсь никогда неигранною очень увеселительною комедію на русскомъ діалектѣ, сочиненна г. Котзебуе подъ названіемъ: *Маркизо де Тулитано, вытисанный женихъ изъ деревни или еще не женился, а ужъ збѣсился*, которую предупредить Комедія тоже увеселительная въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: *«Галарей сумашедшихъ или стихотворецъ стихолата трагата»*. Дальше помѣщено слѣдующее краснорѣчивое воззваніе бенефицианта къ публикѣ: «Все Почтеннѣйшая публика! всемъ моимъ Бенефисѣмъ притѣкаю подъ покровъ благомыслящихъ вашихъ сердець и все милостивѣйшему Вашему воззренію—Не таланты мои еще менѣе Заслуги, но сыла рвенія, но вѣра въ Вѣликодушіи покровитѣлей театра одушевляетъ мѣня на сіе представленіе и на отрадную надежду, что вѣликодушныя неумѣетъ отвѣргать покорнѣйшаго Воззванія и что я буду удостоенъ благосклоннымъ Вашимъ По сщченіемъ».

И. Ж.

Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о „семи-лтѣнихъ богатыряхъ“¹⁾.

Встрѣченный въ степи при стадѣ пастушокъ лѣтъ 12-ти, между прочимъ, рассказываетъ:

Тамъ у насъ въ Хелебцахъ по дорогѣ въ Енковцы (лубенск. у., надъ р. Удаемъ) есть поле, усѣянное разными черепками. Говорятъ, жили когда то поляки. Недалеко отъ этого поля въ яру есть два лѣха. Одинъ еще хорошо замѣтенъ, его раскапывали много разъ: поляки шелевкою пообставляли, чтобъ не завалился. Въ томъ же яру была и крыница, родникъ, говорятъ, былъ сильный; но теперь ея совсѣмъ не замѣтно, только старые люди показываютъ то мѣсто, гдѣ была: поляковъ какъ выгоняли отсюда, такъ они забили родникъ

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1869 г. мартъ.

вовною. А еслибъ *семилѣтній мальчикъ* да на *семилѣтнемъ конѣ* подѣхалъ къ этому мѣсту, да ударилъ копьемъ, то родникъ опять открылся бы съ прежней силой: все кругомъ могъ бы залить водою.

Ө. Каминскій.

Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи.

По поводу исполнившагося въ минувшемъ февралѣ столѣтія существованія новгородсѣверской гимназіи, которое бывшими воспитанниками ея было отпраздновано въ Петербургѣ 11 февраля, считаю не лишнимъ рассказать, какъ я помню, объ освященіи теперешняго зданія этой гимназіи, при которомъ я присутствовалъ. Я поступилъ въ гимназію въ 1844 году. Она помѣщалась тогда въ деревянномъ зданіи, которое послѣ было перестроено въ такъ называемыя общія квартиры для учениковъ, а еще позднѣе—въ квартиры для директора и инспектора. Это деревянное зданіе существуетъ и до сихъ поръ, но теперь оно обращено фасадомъ къ ярмарочной площади, а прежде стояло параллельно каменному зданію и фасадомъ было обращено къ Губернской улицѣ. Освященіе новаго каменнаго зданія гимназіи было совершено въ августѣ, въ первое воскресенье послѣ Преображенія. Въ этотъ день было соборное богослуженіе въ монастырѣ. Обѣдню служилъ архимандритъ Геннадій въ сослуженіи съ священниками Васильковскимъ, Левицкимъ и Демьяновичемъ. Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ изъ монастыря въ гимназію. День былъ солнечный, теплый, но пыльный. По прибытіи крестнаго хода въ гимназію, въ верхнемъ актовомъ залѣ ея было совершено тѣмъ же духовенствомъ водоосвященіе, въ присутствіи бывшаго директора гимназіи Ильи Ѳедоровича Тимковскаго и управлявшаго въ то время гимназіей директора Андрея Тимофеевича Боторовскаго. Послѣ водоосвященія учениковъ водили по классамъ, при чемъ протоіерей законоучитель Личевскій съ соборнымъ діакономъ Корзюковымъ окропляли классы св. водой; а затѣмъ учениковъ отпустили по домамъ. Вотъ чему я былъ свидѣтелемъ ¹⁾.

И. Карпинскій.

¹⁾ Многоуважаемый профессоръ, авторъ этой замѣтки, не вспомнилъ объ одномъ фактѣ, касающемся рассказываемаго имъ событія: именно—объ рѣчи, которую по поводу освященія новаго зданія гимназіи говорилъ бывший учитель, а потомъ

Къ повѣр'ямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ одной изъ статей, озаглавленныхъ общимъ названіемъ «Культурныя переживанія», г. Сумцовъ касается вопроса о распространеніи «повѣр'я о цѣлебномъ значеніи змѣи» ¹⁾ въ связи съ фактами этого рода въ украинской народной словесности. Привожу въ дополненіе рассказъ, записанный И. И. Пономаревымъ въ александрійскомъ уѣздѣ херсонск. губ. Человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ способность слышать говоръ растений, узнавать цѣлебное значеніе ихъ—таковъ основной мотивъ рассказа; онъ оригиналенъ сравнительно съ тѣми, которые приводятся у г. Сумцева.

Бувъ собі панъ и въ ёго бувъ кучеръ. Отъ разъ той панъ поихавъ зъ кучерёмъ у лись и піймавъ тамъ гадюку. Привизъ ту гадюку до дому и почавъ їи варыть. Отъ винъ їи варывъ, варывъ, а потимъ ту воду, въ которій варывъ, и выливъ на траву—трава такъ и занялася полум'ямъ. Почавъ варыть знову; знову выливъ ту воду на траву—трава упять горыть. Варе винъ ту гадюку въ третє; выливъ воду—трава не горыть. Отъ тоди той панъ взявъ ту гадюку и почавъ исты, ивъ, ивъ, усе повнъ, тилько кисточки позоставались. А кучеръ и бачывъ те все, шо робывъ панъ. «Ну, думаетъ, колы вже панъ ивъ гадюку та не пропавъ, посмокчу я хочъ кисточки—уже воно для чогось винъ їи ивъ». Посмоктавъ отто кучеръ ти кисточки и байдуже. Колы отто скоро панъ упьять иде зъ кучерёмъ у лись. Колы це слухаетъ той кучеръ—ажъ Боже мій! Вся трава, чуе, говоре: та каже: «я отъ того», а та: «а я отъ того»; «я отъ такои болисты», а друга: «а я отъ такои». Колы такъ зъ боку стоить буркунъ (*Melilotus vulgaris*) и каже: «а я отъ гылы, я отъ гылы» (*Hernia scrotum*). Кучеръ якъ почувъ, той засміявся, а панъ и побачывъ. «Чо ты, Иванъ, смієсся?» пытае панъ. «Та такъ собі» каже той кучеръ.—«Ә, ни, должно быть ты шось знаешь» каже. «Ни, їй Богу, такъ собі». «Ану, плюнь, каже панъ, на ливу сторону». Кучеръ якъ плюнувъ, такъ и переставъ чуть те, шо травы говорють.

(Зап. отъ Вас. Мвашурн).

М. К. Васильевъ.

инспекторъ новгородсѣверской гимназій Осипъ Акимовичъ Самчевскій (умершій ровно за недѣлю до 11 февраля 1889 г.). Рѣчь эта сохраняется въ бумагахъ М. К. Чалаго. Въ какой моментъ она была произнесена—мы не знаемъ, вѣроятно—послѣ водоосвященія.—Н. Ш.

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 3 кн. 665 стр. 1889 г.

Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ.

Медленно, подъ все большимъ и большимъ напоромъ новыхъ условій, исчезаютъ архаическіе бытовые остатки въ жизни народной. Для изученія исторіи культуры важны эти свидѣтельства о попыткахъ мысли человѣческой уразумѣть окружающее и извѣстнымъ образомъ приспособиться къ нему. Приводимые ниже факты относятся къ похороннымъ обрядамъ и повѣрьямъ малорусскаго народа; подъ давленіемъ духовенства и эти слѣды «язычества» исчезаютъ; въ виду этого, не претендуя на систему и полноту, я передаю ниже то, что удалось мнѣ записать въ 1888 году въ селѣ Лебединѣ чигиринскаго уѣзда, кievской губерніи. Человѣкъ одаренъ душею—въ этомъ его отличие отъ животныхъ, у которыхъ вмѣсто души «пара», напр., выраженіе «умирать» приложимо только къ имѣющимъ душу; животные не «умираютъ», а «здыхаютъ». Ненормальными общественно-историческими условіями была причиною тому, что украинецъ—крестьянинъ и мѣщанинъ лишили въ своемъ представленіи этого главнаго признака свойственнаго человѣку—еврея: «жидъ не вмирае, а здыхае, бо въ ёго не душа, а пара; у жиды и собаки не душа, а пара!».

Приближеніе смерти можно предчувствовать: такъ, отецъ разсказчицы передъ смертью заявилъ: «вары, дочко, узварь, печы тисто, кунуй хустокъ, бо я умру». Смерть близкихъ можно предугадать во снѣ или при посредствѣ сверхъестественныхъ явленій обыкновенно въ образѣ умирающаго.

Во время агоніи умирающему кладутъ «пидъ плече, ани пидъ потылицю зилля свячене» — «стою» или «марену», или же читаютъ «на сходъ души», бываетъ такъ, что случится кризисъ — «недуга пересядетца»; при подкладываніи говорятъ: «есть у мене тоа, теперь я не твоа!».

Представленія о душѣ сбивчивыя. По смерти она оставляетъ тѣло; одинъ отецъ видѣлъ, какъ «посунулась до покутя» душа умершей дочери. Душа можетъ временно оставлять тѣло: въ такомъ случаѣ человѣкъ «замираетъ»; есть повѣрье, что если замиравшій разскажетъ о томъ, что онъ видѣлъ замираючи—онъ умретъ (приводится примѣръ челоуѣка, который замиралъ двадцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ живъ).

«Нема правды» въ томъ, что если предъ чьимъ нибудь домоу остановится похоронная процессія, то въ домѣ кто нибудь умретъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ «мертвецъ», ставятъ какую нибудь посудину съ водою—«щобъ душечка пыталася»; иногда ставятъ другую

посуду съ медомъ; на третій день медъ разводятъ водою, поливають растворомъ куски наломаннаго хлѣба и угощаютъ присутствующихъ— такимъ образомъ происходитъ поминовение умершаго.

Въ гробъ теперь ничего не кладутъ; впрочемъ, «е такі! онъ хто нюхае табачокъ—то скаже бува, щобъ поклали табакерку, чабату», добавила сообщавшая.

Упоминають о томъ, что и «горилочку» ставили иногда въ гробъ; были случаи, что «гробоконатели» находили эту «горилочку» и безъ долгихъ церемоній выпивали— «та така добра, мовъ огонь»!

Въ Лебединѣ въ недалекомъ прошломъ, сейчасъ по выносѣ покойника, запирали двери на крючокъ, хату обсыпали житомъ; по выносѣ тѣла за ворота, послѣдніе перевязывались краснымъ поясомъ— «щобъ хазяйство не утисло».

По сообщенію Ю. Олтаржевскаго, въ уманскомъ уѣздѣ, когда выносятъ «домовьну» изъ хаты, то бьютъ ею о порогъ однимъ и другимъ концами, а порогъ потомъ «стесуютъ»; дѣлается такъ для того, чтобы смерть «не верталася въ хату».

Подъ Ромнами «труну»— не проносятъ черезъ ворота, а перediaютъ черезъ «тынь»; значеніе этого неизвѣстно.

Въ Лебединѣ же сохранилось повѣрье о томъ, что когда несутъ «мертвика», то нельзя высматривать въ окно «бо якъ вийдемся тоди за що небудь у себе, то и заразъ и почне, и ночне росты гуля, кистеа».

Нельзя, «негодытсья» обгонять похоронную процессію.

Тѣло мертвеца имѣетъ исцѣляющее вліяніе на «мертве тило»— тканевое омертвеніе, «гули» и т. п.

Если отъ покойника «духъ важкый», то по приходѣ съ кладбища сбрасываютъ одежду во дворѣ; но во всякомъ случаѣ нужно, войдя въ хату, «лапнуть за коминъ або грубу».

Въ обрядѣ погребенія «дивчины» входятъ элементы свадебнаго ритуала. Обстановка погребенія такова: «якъ умре дивка, то на ней надивають спидницю, квартухъ, намысто, перстень, сережки, а на руки рушныкъ вышитый, отъ якъ у молодои; дали рочисують косы и надивають на лобъ стричкы; квитчають квитками голову и винокъ прышывають съ правого боку, а ноги обмотують тряпвамы, ридко у кого ведуться башмакы, хыба хто заможній; та ще роблять гильце изъ сосны и обквитчуютъ его квитками изъ калыны, барвинку, жыта, проса и ячменя, и становлять на столи. Якъ уже ів ховають у долъ—значить у яму--то выдаютъ туды и гильце. Рушныкъ привязують

до хреста, а корогы перевязуютъ хустками; домовину несутъ четверо дивчать, а двѣ крышку; имъ перевязуютъ руки стричками тильки красными. А батько и маты такъ плачуть: «дочко моя, голубко моя, хазийка моя! ты жь у мене у двори хазийка була! хто жь теперъ у мене буде хазяиновать? видкиль же я тебе буду выглядать? чыжъ з-за горы, чыжъ з-за долины, чыжъ з-за высокої могылы туды сонце не загре и витеръ не завіе; возуленькы будутъ куваты, соловейкы щебетаты, а я свои дочки буду выглядаты. Дочко моя, голубочку! чога жь ты забажала такой смутной хаты и невеселой?»

На мой вопросъ — какаѣ участь оживаетъ дѣвушку на томъ свѣтѣ сообщавшая замѣтила: «и Господи, якъ ий тамъ хороше буде; Господь небесный ий золотый виночокъ на голову возложе и весилля вона не мыне, вона соби тамъ выбере».

«Водытсья» дѣвушкѣ класть въ руку двадцать копѣекъ, «щобъ легче ий було пройти кризь перши мытарни ворота».

Зап. отъ Хиври Юхменковой и Ганны Жыдокеи въ іюль 1888 г.).

М. Н. Васильевъ.

Панская находчивость.

Земельные споры были всегда въ большомъ ходу въ Малоросіи: если крупному пану не удавалось отнять или захватить себѣ въ собственность земли своихъ сосѣдей, онъ придирался къ нимъ, — подавалъ въ судъ позовъ, доказывая, что тѣ захватили его дѣдовщину, и требовалъ выѣзда суда на мѣсто, для изслѣдованія его правъ собственности на эту землю посредствомъ присяжнаго разслѣдованія, — свидѣтели, конечно, подставлялись имъ заранѣе. Такимъ образомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Черниговщины Г. П. М. оттягалъ не мало земель у своихъ сосѣдей козаковъ, при чемъ, рассказываютъ мѣстные сторожилы, нерѣдко случались такого рода казусы. «Якъ мы будемо присягать, що стоимо на вашей землѣ, ваше превосходительство, якъ то земля зъ давныхъ давенъ козацька», говорятъ свидѣтели. — Панъ, нисколько не смущаясь возраженіемъ, въ свою очередь озадачиваетъ совѣстливаго свидѣтеля вопросомъ: «А теперъ на чьей землѣ ты стоишь?» — «Теперечка? Та на вашей, добродію, бо стою я на вашемъ дворѣ». — «Ну такъ свймай сапоги! сынь въ нихъ мою землю, надѣнь ихъ снова и гдѣ бы ты ни былъ, ты все таки будешь на моей землѣ стоять!» —

Свидѣтель продѣлываетъ въ точности панскій приказъ и, не смущаясь, присягаетъ передъ судомъ, что земля, на которой онъ (свидѣтель) стоитъ, съ дѣда, прадѣда была панская, и что онъ не знаетъ, какъ она сдѣлалась козацкою.

Д л я с п р а в о к ъ .

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь г. Редакторъ!

Въ приложенномъ къ апрѣльской книжкѣ издаваемого Вами журнала „Кіевская Старина“ каталогъ книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина помѣщены, между прочимъ, нѣсколько изданій Комиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, цѣна этимъ изданіямъ назначена совершенно произвольная.

Не входя въ разборъ, насколько виноватъ г. Оглоблинъ въ помѣщеніи цѣнъ этимъ изданіямъ, несогласныхъ съ существующими, я позволю себѣ только покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать въ напечатаніи настоящаго письма въ ближайшей книжкѣ „Кіевской Старины“, дабы дать возможность всѣмъ лицамъ интересующимся и пользующимся изданіями Комиссіи, скорѣе выйти изъ заблужденія относительно степени рѣдкости и величины стоимости этихъ изданій,—заблужденія, въ которое вводитъ ихъ каталогъ г. Оглоблина.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ упомянутыхъ въ означенномъ каталогѣ изданій, укажу только на наиболѣе рѣзкіе факты.

Въ каталогѣ г. Оглоблина цѣна каждому тому „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ *назначена 4 р. 50 к.*, тогда какъ въ Комиссіи они *продаются по 3 р., а начало V т. за 1 р.*; Софійскій Временникъ у г. Оглоблина *стоитъ 4 р. 50 к.*, въ Комиссіи—*4 р.*; Соборная Грамота Духов. Прав. Восточ. Церкви, утверж. санъ цара за В. К. Іоанномъ IV—у г. Оглоблина—*2 р.*, въ Комиссіи—*1 р.*; О первонач. русской лѣтописи, кн. Оболенскаго—у г. Оглоблина *6 р. 50 к.*—въ Комиссіи—*5 р. и т. п.*

Всѣ упомянутыя изданія далеко не представляютъ библиографической рѣдкости, въ особенности „Собраніе Грамотъ“ и имѣются въ Комиссіи въ весьма значительномъ количествѣ.

Возвышеніе цѣнъ на эти изданія никакимъ образомъ не можетъ быть объяснено дальностью пересылки, такъ какъ всѣ продачныя изданія высылаются *безплатно*; равнымъ образомъ всѣ желающіе получаютъ каталогъ изданій Комиссіи *безплатно же* (Адресоваться: Москва, Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

И. д. правителя дѣлъ комиссіи В. Трутовскій.

— Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ 1 января 1889 г. располагало капиталомъ въ 136,555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6,008 р. 48 к., израсходовано 5,374 р. 11 к. Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1 въ 300 р. Единновременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1,220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 рублей). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 руб., 1—300 р., а вмѣстѣ съ ранѣе назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіе января и февраля: 1 лицу—50 р., 1—45 р., 2 по 30 р., 1—20 рублей, итого 175 р. Семья 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособіе въ 200 р., вмѣстѣ же съ назначенными ранѣе выданы пенсіи въ теченіе января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80 р., 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 руб., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2,437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125 р., другаго 45 р.), всего же въ теченіе января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплачено 895 р. Выдано стипендій въ теченіе января и февраля 1 студенту—150 р., 6 студентамъ по 45 р., а всего 420 р. Дочери двухъ лицъ зачислены на бесплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9 изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6,000 экзempl. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе Комитета 2 бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе Комитета въ память А. Я. Герда 1 бесплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Вагнеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества въ видѣ „дружининской копѣйки“ 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненныя члены общества. Признаны также пожизненными членами общества: В. М. Соболевскій, П. И. Бларамбергъ, А. С. Писниковъ, Г. А. Джаншиевъ, М. А. Сабалинъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Лукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скандонъ въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.—Предсѣдатель общества Конст. Арсеньевъ (Сиб., Васильевскій Остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ 10¹/₂—12 ч. утра; кассачей Як. Григ. Гуревичъ (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Васил. Ив. Семейскій (Васильевскій Островъ, 2 линія д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ 5¹/₂ до 7 часовъ. Членъ Комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская, Скатертный переулочъ, домъ Муромцевой).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рис. въ текстъ. Спб. 1889. 8, стр. 117.

Судя по краткому предисловію къ настоящему выпуску и по обѣщанному продолженію изданія скифо - сарматскихъ древностей для 2-го выпуска, мы вправе ожидать, что въ недалекомъ будущемъ получимъ изъ подъ пера специалистовъ рядъ очерковъ, систематически вводящихъ насъ въ мало извѣстную публикѣ область—древняго русскаго искусства. Предметъ сложный, образовавшійся путемъ многообразныхъ вліяній и стимуловъ, получить надлежащее выясненіе въ обзорѣ и объясненіи памятниковъ искусства, причемъ будетъ отведено подобающее мѣсто какъ мѣстному почину, такъ и вліяніямъ разныхъ народовъ, на болѣе или менѣе продолжительное время заходившихъ въ предѣлы Россіи. Такъ какъ съ незапамятныхъ временъ искусство каждаго народа проникаетъ мельчайшія подробности быта, то подобное обзорѣе предметовъ древняго искусства получаетъ значеніе важнаго пособія для исторіи быта нашихъ предковъ или предшественниковъ вообще.

Графъ И. И. Толстой и проф. Н. П. Кондаковъ настоящимъ изданіемъ идутъ навстрѣчу потребности, давно назрѣвшей въ нашемъ обществѣ. Въ популярной формѣ, рассчитанной на большую публику, они знакомятъ читателя съ добытыми раньше результатами археологовъ, нумизматовъ, историковъ, хранящимися въ рѣдкихъ, дорого стоящихъ изданіяхъ, каковы, наприм., «Древности Босфора Киммерійскаго», или «Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи». Вышедшій въ свѣтъ 1-й выпускъ «Русскихъ древностей» — прекрасное начало задуманнаго дѣла. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего больше: прекрасная бумага, характерные, хорошо исполненные рисунки, хорошая печать, и при этомъ цѣна болѣе, чѣмъ умѣренная, — 1 рубль.

Предисловіє знакомить насъ съ руководящими взглядами составителей на задачу начатаго предпріятія. Въ древностяхъ Россіи издатели видятъ «единое цѣлое потому, что въ нихъ исторически сложилось народное искусство, которое не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ, и связывая разноплеменные формы быта земледѣльческаго и кочеваго, городскаго и сельскаго, одно раскрываетъ передъ нами общую непрестанную преемственность. Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, котораго происхожденіе прослѣживается до его источниковъ». Въ единомъ цѣломъ, подъ которымъ издатели разумѣютъ древне-русское искусство, они стараются различить доли, внесенныя въ него и огреченнымъ скиномъ, и корсунскимъ мастеромъ, и генуэзскимъ торговцемъ, и нѣмчиномъ. «Эту сокровищницу наполняли и арабскіе караваны, везшіе товаръ волжскимъ болгарамъ и азычской Руси, и набѣги руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской».

Прежде всего нельзя не замѣтить, что предисловіє написано въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и не даетъ никакого понятія о тѣхъ руководящихъ пріемахъ, какими издатели намѣрены пользоваться въ извлеченіи и группировкѣ матеріала уже изданнаго или въ привлеченіи новаго. Далѣе, только опытность издателей и доказанный ими строгонаучный интересъ къ предмету являются для читателя надежнымъ ручательствомъ, что ради достиженія искомаго единства они не стануть закрывать глаза на отличительные признаки, въ какихъ художественное дарованіе проявлялось въ разныхъ частяхъ обширной территоріи Россіи, складывалось у различныхъ собранныхъ на этой территоріи народностей подъ особыми вліяніями. Большая опредѣленность и ясность въ изложеніи была бы далеко не излишня. «Искусство греческихъ колоній береговъ Чернаго моря», замѣчаютъ издатели, «распространялось до Кіева, но слилось у варварскихъ народностей южной Россіи съ ихъ собственнымъ искусствомъ, идущимъ изъ Персіи. Торговля предметами художественнаго производства съ Восточною Имперією началась задолго до варяжскихъ набѣговъ и русскихъ договоровъ, а глухая Пермь получала изъ сассанидской Персіи свои драгоцѣнныя серебряныя блюда. Но, кромѣ торговыхъ сношеній съ Византією и Персією черезъ Кавказъ, существовалъ широкій путь, въ собственномъ смыслѣ народный, по которому формы восточной культуры передвигались сами собою на западъ, путь народовъ изъ глубины Средней Азіи и Сибири на берега Дуная. Московская земля никогда не утрачивала художественныхъ свя-

зей съ Византією и азіатскимъ Востокомъ, которыя еще въ эпоху господства готѣвъ на Днѣпрѣ дали оригиналы искусству ранняго европейскаго средневѣковья, а въ домонгольское время способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры». Къ сожалѣнію, издатели не указываютъ и предѣловъ древности, до какихъ они намѣрены вести свое обзорѣніе памятниковъ искусства.

Вслѣдъ за предисловіемъ читатель находитъ въ 1-мъ выпускѣ краткій историческій очеркъ древне-еллинскихъ поселеній на черноморскомъ побережьи, сѣверномъ и восточномъ, и на Тамани (стр. 1—19). Здѣсь же и далѣ помѣщено нѣсколько видовъ современной Керчи, Митридатовой горы, нѣкоторыхъ кургановъ и снимки нѣсколькихъ босфорскихъ, ольвійскихъ и херсонесскихъ монетъ. Далѣ слѣдуетъ перечисленіе важнѣйшихъ кургановъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства, преимущественно пантикапейскаго некрополя, описаніе различныхъ способовъ погребенія или устройства гробницъ, при чемъ наидольше останавливаются издатели на катакомбахъ (стр. 19—33). Въ заключеніе этого отдѣла дается опредѣленіе времени происхожденія пантикапейскихъ гробницъ, V—II вв. до Р. Х. Уже изъ этого бѣглаго очерка читатель видитъ, что настоящій выпускъ посвященъ въ главной своей части классическимъ древностямъ не всѣхъ мѣстностей южной Россіи, колонизованныхъ древними еллинами, а почти исключительно босфорскимъ; территорія т. н. Геродотовой Скиѣи составитъ, слѣдовательно предметъ ближайшаго общаго уже выпуска, хотя онъ и будетъ носить наименованіе не классическихъ, а скиѣо-сарматскихъ древностей. Такое дѣленіе страдаетъ неточностью и во всякомъ случаѣ нуждается въ поясненіи, такъ какъ и Геродотова Скиѣя, и Босфорское царство содержатъ въ себѣ много общаго въ обѣихъ областяхъ—древностей классическихъ и скиѣо-сарматскихъ. Оттого и вышло, что въ первомъ выпускѣ разсмотрѣны не всѣ характерныя памятники греческаго искусства въ южной Россіи, а съ другой стороны въ томъ же выпускѣ нашли себѣ мѣсто указанія на такія находки, которыя по словамъ самихъ издателей принадлежатъ къ скиѣскимъ древностямъ (стр. 47 сл.).

Самая большая и важнѣйшая часть выпуска (стр. 33—102) занята описаніемъ содержимыхъ гробницами предметовъ, составляющихъ принадлежности или собственно погребальнаго чина, или обычнаго убора и житейской обстановки умершихъ. Описаніе предметовъ втораго разряда, особенно обстоятельное и интересное, прерывается по временамъ поучительными и необходимыми отступленіями по раз-

личнымъ вопросамъ античнаго быта и искусства, наприм. стр. 65 сл., 68 сл. 70, 78, 81 сл. Издатели обращаютъ должное вниманіе на тѣ особенности въ отдѣлѣ предметовъ, въ убранствѣ покойниковъ и въ обстановкѣ этихъ послѣднихъ, которыя являлись результатомъ смѣшенія нѣсколькихъ разнородныхъ факторовъ: мѣстнаго почина, вліяній восточныхъ и древнееллинскихъ, особенно аттическихъ. Такъ, наприм., уборъ изъ золота и вообще драгоценныя предметы составляютъ особенность южно-русскихъ некрополей, чуждую собственной Елладѣ (стр. 41—62). Переселявшіеся на Босфоръ аѳинскіе художники работали примѣнительно къ туземнымъ вкусамъ; есть массы сосудовъ, свойственныхъ только Босфору. Многія изображенія на чашахъ и иныхъ сосудахъ и предметахъ запечатлѣны яркимъ реализмомъ, стараніемъ художниковъ передать правдиво типъ заказчика, костюмъ его и предметы его житейскаго обихода. Другіе предметы ясно обличаютъ восточное вліяніе, родство съ древнѣйшими ассирійскими или персидскими оригиналами (наприм. стр. 63, 68, 76, 83, 85, 97). Съ полнымъ правомъ издатели могли сказать въ заключеніе этого главнаго отдѣла выпуска: «Примѣсь варварскихъ вкусовъ, темъ и сюжетовъ мѣстнаго характера подтверждаетъ то общее заключеніе, что богатое развитіе художественной промышленности, оставившей въ распоряженіе сосѣднихъ варварскихъ племенъ на долгое время массу изящныхъ и устойчивыхъ типовъ, было вызвано симъ починомъ и потребностью этихъ самыхъ народностей; и что эти потребности существовали уже во время распространенія греческой колонизаціи и имѣли сами по себѣ иной источникъ, заключавшійся въ восточной культурѣ, принесенной этими народами въ южную Русь» (стр. 102). Разумѣется, преобладающій элементъ въ разсмотрѣнныхъ въ настоящемъ выпускѣ памятникахъ искусства—античный, греческій и римскій; преимущественно онъ даетъ ту внѣшнюю оболочку, подъ которою для бытописателя древняго босфорскаго царства сокрыто разнообразное содержаніе его обитателей, отдѣленныхъ отъ насъ тысячами лѣтъ. Смѣшанный характеръ произведеній искусства или художественной отдѣлки собственно бытовыхъ предметовъ наглядно свидѣтельствуетъ о многосложности вліяній, дѣйствовавшихъ въ жизни южной Россіи уже въ то отдаленное время.

Нѣсколько заключительныхъ страницъ выпуска (102—113) отведены обзорнѣю литературы предмета и особенно оцѣнкѣ трудовъ Императорской Археологической Коммисіи, учрежденной въ 1859 г., по раскопкамъ кургановъ, а равчо по изданію и объясненію много-

численныхъ находокъ въ нихъ. Въ концѣ приложенъ предметный указатель, къ сожалѣнію слишкомъ краткій и слишкомъ недостаточный, тѣмъ болѣе, что книга не снабжена оглавленіемъ, изложеніе не подѣлено на параграфы или главы, что способно было бы значительно облегчить пользованіе книгой. Равно необходимо было, хотя бы въ концѣ выпуска, въ немногихъ строкахъ, приурочить изданные снимки ко источникамъ, изъ которыхъ взяты рисунки.

Говоря вообще, изданіе графа И. П. Толстого и Н. П. Кондакова заслуживаетъ всякаго сочувствія и несомнѣнно достигнетъ своей цѣли — поможетъ распространенію въ образованной публикѣ необходимыхъ свѣдѣній о нашей старинѣ. Вскорѣ потребуется новое изданіе выпуска, и навѣрное оно будетъ свободно отъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, вкравшихся въ первое изданіе. Прежде всего необходимо дать болѣе тщательный снимокъ карты Босфора (стр. 104): *Palus Maeotis* (λίμνη ἡ Μαϊωτική) переведено Меотійское море; имя *Patraeus* передано въ русской транскрипціи въ невозможной формѣ *Патраеусъ* вмѣсто Патрей или Патреусъ, а не Патреонъ, какъ въ текстѣ; имя Анатуронъ, или Анатуръ написано *Анатюронъ*; названіе мѣстности *Сады*, *Κήποι*, какъ оно употреблено не разъ въ текстѣ, замѣнено на картѣ малоупотребительною формою ед. ч. *Keros* — *Керось*. Вообще формы именъ на картѣ и въ текстѣ не согласованы между собою. На стр. 3 сказано: «Геродотъ въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Меотиду, упоминаетъ Пантикапъ (IV, 11)». Но о впаденіи Пантикапы въ Меотиду Геродотъ нигдѣ не говоритъ, а о теченіи этой рѣки говорится IV, 54, а не IV, 11. Въ текстѣ на одной и той же страницѣ (2) одно и то же имя передается то въ формѣ Киммеріонъ, то Киммерій; Пареній, Мирмикій (на картѣ Мирмекіонъ), но Ахиллеонъ, Анатуронъ; въ числѣ городовъ западной половины Босфора поименована *Гераклея* вмѣсто Гераклеона или Гераклея, какъ обозначено и на картѣ (*Heracleum* — Гераклеонъ); одинъ и тотъ же народъ названъ въ одномъ мѣстѣ *Achai* (стр. 10), въ другомъ *Achei*; одинъ и тотъ же городъ на стр. 2 названъ *Гераклейей*, на стр. 17 *Гераклеей* и др. Далѣе 20 стадій (стр. 7) составляютъ не около 3 верстѣ, какъ отмѣчено въ текстѣ, но $3\frac{1}{2}$; на стр. 26 новый карантинъ — собственное имя, соответствующее древнему Мирмекію, или Мирмикію. Въ подписи подъ снимками на стр. 27 не слѣдовало оставлять безъ поясненія такихъ терминовъ, какъ синодъ, еіасъ, въ такомъ видѣ ничего не говорящихъ читателю не-специалисту.

Эти и подобные недосмотры или пробѣлы не умаляютъ общаго капитальнаго значенія прекраснаго труда графа И. П. Толстого и проф. Н. П. Кондакова.

Ө. Мищенко.

*Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Томъ XV-й.
Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильна. 1888 г.*

Настоящій томъ «актовъ» виленской комиссіи составленъ, какъ и предъидущіе, по той программѣ, по которой акты подбираются отчасти по содержанію, отчасти хронологически, но безъ строго обдуманной научной цѣли; поэтому логическая связь между актами бываетъ то болѣе, то менѣе тѣсна; въ настоящемъ томѣ такую связь является быть монастырей, церквей и духовенства, преимущественно униатскаго. Всѣ акты, касающіеся монастырей или духовныхъ лицъ, хотя и многочисленны, но чрезвычайно отрывочны, такъ что дѣятельность тѣхъ и другихъ не можетъ быть изложена сколько нибудь послѣдовательно. Если въ первые годы существованія комиссіи, когда члены ея не имѣли достаточнаго запаса однороднаго матеріала для изданія, хронологическая система, господствующая, впрочемъ, и до сихъ поръ въ другихъ изданіяхъ, могла быть допускаема при выборѣ даже маловажныхъ документовъ,—то теперь, послѣ большаго количества изданныхъ томовъ, когда, при разборѣ древнихъ актовыхъ книгъ, могло накопиться уже значительное количество однороднаго матеріала, можно предъавить и болѣе строгія требованія. Какъ на примѣръ возможности измѣнить содержаніе томовъ «актовъ», укажемъ на кіевскую комиссію, которая относительно подбора матеріала стоитъ даже въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ виленская, именно: 1) въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, откуда кіевская комиссія главнымъ образомъ черпаетъ матеріалъ для своихъ изданій, хранится втрое меньше актовыхъ книгъ, чѣмъ въ виленскомъ; 2) древнѣйшія книги кіевского архива относятся въ болѣе позднему времени, чѣмъ древнѣйшія книги виленскаго; 3) въ кіевскомъ архивѣ нѣтъ такого большаго количества важныхъ по содержанію книгъ, какъ въ виленскомъ; 4) книгъ однороднаго содержанія въ Кіевѣ очень назначительное количество, тогда какъ Вильна и въ томъ отношеніи богаче. Кіевская комиссія имѣетъ лишь то преимущество, что, стоя въ лицѣ своихъ членовъ ближе къ университету, обладаетъ болѣе солидными силами для обработки собираемаго матеріала; но это условіе второстепенное; томы актовъ можно выпускать и не снабжая ихъ монографіями въ предисловіи; важно лишь то, чтобы для научныхъ изслѣдованій былъ подобранъ матеріалъ, имѣющій между собою тѣсную внутреннюю связь, подобранъ такъ, чтобы изъ него можно было бы сдѣлать какіе либо научные выводы, а виленская комиссія сама

создается, что собранные ею декреты главнаго литовскаго трибунала *очень однообразны* по своему содержанію, но касаются такого множества лиц и учреждений, что какъ нибудь обобщить ихъ и сдѣлать изъ нихъ какое нибудь систематическое извлеченіе почти невозможно». По нашему крайнему разумѣнію, если для виленской комиссіи затруднительно почему либо изданіе однороднаго по содержанію матеріала, то слѣдуетъ строже держаться системы хронологической, при которой документы издаются хотя и безъ внутренней связи одного съ другимъ, но за то выбираются такіе, изъ которыхъ каждый имѣетъ большее или меньшее самостоятельное научное значеніе. Акты же настоящаго тома, если приложить къ нимъ требованія логической связи, «касясь, по словамъ комиссіи, множества лицъ и учреждений», кажутся отрывочными и мелочными и потому представляютъ мало интереса, если же приложить требованія хронологической системы, то каждый актъ, отдѣльно взятый, самъ по себѣ оказывается малозначительнымъ въ научномъ отношеніи.

Но обратимся къ содержанію XV тома «актовъ». Всѣхъ ихъ собрано здѣсь 298; они раздѣляются, или, вѣрнѣе, могутъ быть раздѣлены, по мнѣнію комиссіи, на три группы: 1) декреты, касающіеся денежныя сдѣлокъ между монастырями, церквами и разными лицами; 2) декреты, касающіеся имущественныхъ интересовъ тѣхъ же учреждений и лицъ и 3) декреты по дѣламъ уголовнымъ, т. е. по дѣламъ объ оскорбленіяхъ, наѣздахъ, грабежахъ, дракахъ и т. п. насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ духовныхъ лицъ и монастырей. Къ первой группѣ относятся 156 документовъ; во второй—68 и къ третьей—74. Всѣ эти документы, какъ совершенно вѣрно замѣчено въ предисловіи, «очень однообразны» по содержанію и дѣйствительно не заключаютъ въ себѣ какихъ либо особенно интересныхъ подробностей. Въ этомъ случаѣ, намъ кажется, слѣдовало бы, вмѣсто повторенія одного и того же, ограничиться пли извлеченіями изъ документовъ, пли описью ихъ, съ указаніемъ на характерныя особенности, удѣливъ оставшееся свободное мѣсто для актовъ, характеризующихъ другія стороны жизни тѣхъ же учреждений и лицъ

Въ частности, просматривая акты первой группы, мы недоумѣвали, съ какою цѣлью сдѣланъ подборъ этихъ актовъ, якобы свидѣтельствующихъ о неособенно почетной дѣятельности монастырей и церковей? Развѣ эта дѣятельность была основой жизни этихъ учреждений? Развѣ она была такъ исключительна, чтобы можно было по-

ставить, какъ общій выводъ, положеніе, что «роль нашихъ современныхъ банковыхъ учреждений исполняли тогда монастыри какъ уніатскіе, такъ и католическіе». Правда, монастыри и церкви, не только уніатскіе и католическіе, но и православные, какъ свидѣтельствуя тѣ же акты XV тома, отдавали деньги займы подъ залогъ имѣній, а еще чаще безъ всякаго залога; но отдачу денегъ заемъ не только нельзя назвать банковской операціей, но даже и ростовщичествомъ; ссуда денегъ могла быть просто изъ состраданія въ тому или другому лицу, въ его тяжелому матеріальному положенію, и совершенно безъ всякихъ процентовъ. Чтобы сдѣлать выводъ о банковыхъ операціяхъ монастырей, надо было доказать, что каждый изъ извѣстныхъ монастырей многіе годы и разнымъ лицамъ давалъ деньги займы, что онъ давалъ исключительно ради прибыли и что самъ, въ свою очередь, принималъ вклады на проценты ¹⁾; приведенные въ XV томѣ факты могутъ быть явленіями чисто случайными, исключительными въ жизни многіхъ монастырей. Вѣдь и теперь монастыри и церкви помѣщаютъ свои свободные капиталы въ процентныя бумаги, но нельзя же изъ этого дѣлать выводъ, что они занимаются биржевой игрой. Послѣ этого можно ожидать, что комиссія издастъ въ XVI томѣ акты объ отдачѣ монастырями и духовенствомъ винокурень, шинковъ, корчемъ и проч. въ аренду евреямъ; такіе случаи также очень часто бывали. Но какъ благочестіе нашихъ предковъ всегда различало религіозное значеніе монастырей и церквей, а равно и духовенства, отъ ихъ домашней, хозяйственной жизни, и отдавало поклоненіе первому, хотя бичевало ихъ пороки, такъ и теперь виленской комиссіи слѣдовало бы обратить вниманіе на болѣе высокую и чистую дѣятельность монастырей и духовенства—на распространеніе образованія, поддержаніе православія, на борьбу за него. Мы не отрицаемъ необходимости изображенія и темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, но приступать къ нимъ слѣдуетъ съ болѣе осторожностью и воздерживаться отъ возведенія частныхъ случаевъ въ общее правило, какъ сдѣлано это въ предисловіи настоящаго тома.

Наиболѣе любопытнымъ и важнымъ отдѣломъ книги являются дѣла уголовныя объ оскорбленіяхъ и всякаго рода насиліяхъ надъ представителями уніатской, православной и даже католической церкви, характеризующія обычаи стараго времени; въ этомъ отдѣлѣ встрѣ-

¹⁾ Дѣлаемое комиссіей сравненіе не заключаетъ въ себѣ вовсе ни малѣйшихъ признаковъ сходства между однимъ и другимъ фактомъ.

чается также весьма много любопытных документов для очерка дѣятельности униатскихъ митрополитовъ Гавріила Коленды и Кипріана Жоховскаго, нѣкоторыхъ епископовъ и положенія низшаго духовенства, семьи котораго должны были защищаться противъ обращенія ихъ въ простыхъ хлоповъ. Но среди болѣе или менѣе важныхъ сравнительно документовъ, встрѣчаются и такіе малозначительные, какъ приговоры по дѣлу о грабежѣ одного вола у монастырскаго крестьянина. Къ чему они?

Въ числѣ изданныхъ документовъ мы нашли два, касающіеся кіевскихъ монастырей, именно: № 176—1670 г., августа 22, декретъ, присуждающій настоятеля Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентія Гизеля и нѣсколькихъ иноковъ монастыря къ изгнанію и уплатѣ архимандриту слущаго монастыря Θεодосію Васильевичу 4000 пол. злотыхъ за самовольное занятіе Дятловицкаго (въ агтѣ Дятлевскаго) монастыря (стр. 268 и 269); 2) № 178.—1671 г., апрѣля 18, декретъ, присуждающій Христину Гарлинскую къ уплатѣ Кіево-Печерскому женскому монастырю долгу 800 золот. польскихъ (стр. 271 и 272).

Но изъ всего сказаннаго нами выше не слѣдуетъ вовсе дѣлать заключеніе, что изданные «акты» ни на что не могутъ быть пригодны; изъ нихъ только теперь нельзя сдѣлать никакого серьезнаго вывода; но если появятся еще нѣсколько томовъ, также касающихся быта монастырей, церквей и духовенства, то настоящіе акты, въ связи съ прежде изданными, дадутъ несомнѣнно много новыхъ данныхъ для исторіи отдѣльныхъ монастырей и церквей; въ этомъ и заключается значеніе рассмотрѣннаго нами XV-го тома «актовъ» виленской комиссіи. Желательно поэтому, чтобы и на будущее время, если окажется почему либо затруднительнымъ для комиссіи строго держаться опредѣленной системы, она продолжала бы дѣлать свое полезное дѣло и по принятому ею порядку.

И. Каманинъ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Пестора Лѣтописца (въ періодъ 1878—1887 и.). Книга вторая. Издана подъ редакціей д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888 г.

Историческое общество Нестора-Лѣтописца, состоящее при университетѣ св. Владиміра, принадлежатъ къ числу молодыхъ, возникшихъ въ сравнительно недавнее время; хотя мысль о немъ и воз

никла еще въ началѣ 1841 г. въ средѣ кievскихъ ученыхъ, душою которыхъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, но осуществилась она лишь черезъ 30 лѣтъ, когда объ историческомъ обществѣ въ Кіевѣ снова былъ возбужденъ вопросъ кружкомъ мѣстныхъ ученыхъ и любителей старины; открытіе общества послѣдовало 14 января 1873 г. и съ тѣхъ поръ непрерывно оно собирается разъ или два въ мѣсяцъ для выслушиванія и обсужденія докладовъ о научныхъ работахъ, принимаемыхъ его членами, и для рѣшенія возбуждаемыхъ ими вопросовъ; всѣхъ засѣданій въ году бываетъ среднимъ числомъ 12, въ которыхъ дѣлается приблизительно около 25 сообщеній. Въ настоящей книгѣ «Чтеній» общества Нестора мы находимъ ихъ около 300, прочтенныхъ въ десятилѣтній періодъ 1878—1887 г. Общество Нестора не ограничивается узкой задачей разработки лишь мѣстной исторіи, но имѣетъ въ виду вообще «содѣйствовалъ развитію русской исторической науки»¹⁾, не оставляя при этомъ и «разработки исторіи и литературы всеобщей, насколько это находится въ связи съ умственной жизнью русскаго народа». Стави себѣ цѣлью бесѣды и чтенія своихъ членовъ по изслѣдуемымъ ими матеріаламъ, а также пренія по поводу ихъ, общество Нестора устанавливаетъ связь между мѣстными учеными, занимающимися однородными науками, и содѣйствуетъ обмѣну между ними мыслей; оно, такимъ образомъ, «противопоставляетъ слабости одиночнаго ученаго труда силу союза». Съ такими задачами и цѣлями это общество является дѣйствительнымъ сотрудникомъ «кievской комиссіи для разбора древнихъ актовъ», имѣющей въ виду исключительно собраніе и изданіе сыраго матеріала, касающагося, правда, только исторіи юго-западнаго края; и въ самомъ дѣлѣ, многіе доклады, сдѣланные въ обществѣ Нестора, являются потому, какъ составная часть предисловія къ издаваемымъ комиссіей на эту тему актамъ. Но въ условіяхъ существованія общества Нестора есть и своя печальная сторона: существуя лишь на членскіе взносы и не получая ни откуда матеріальной поддержки, общество не можетъ расширить своей дѣятельности по разработкѣ такихъ памятниковъ старины, которые требуютъ денежныхъ затратъ, поѣздокъ, раскопокъ, не имѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе вещественныхъ или письменныхъ памятниковъ и проч. для устрой-

¹⁾ „Историческое общество Нестора-Лѣтонисца“— записка секретаря общества Н. П. Дашкевича. См. Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра стр. 9—28.

ства музея, бібліотеки и древлехранилища ¹⁾. Матеріальная необеспеченность общества въ весьма значительной степени сдерживаетъ развитіе его дѣятельности; въ этомъ отношеніи едва ли какое либо другое историческое общество поставлено въ болѣе невыгодныя условія, чѣмъ кіевское. Тѣмъ не менѣе, члены его неустанно работаютъ, и плодомъ ихъ дѣятельности является вторая книга «Чтеній». Она содержитъ въ себѣ лишь краткія свѣдѣнія о прочтенныхъ рефератахъ и преніяхъ по нимъ, такъ какъ полное изданіе ихъ заняло бы нѣсколько томовъ и было бы не подѣ силу денежнымъ средствамъ общества; мы не говоримъ уже о созданіи и поддержкѣ обществомъ собственнаго органа. Прочтенные рефераты касались русской и западно-европейской исторіографіи и археографіи, всеобщей исторіи, древнѣйшихъ судебъ южно-русской территоріи, собственно русской исторіи въ ея періоды: удѣльно-вѣчевой, литовско-русскій, московскій, періодъ позднѣйшій южно-русской и западно-русской исторіи, археологіи края, славянской археологіи, до-историческихъ древностей вообще и спеціально кіевскихъ древностей, исторической географіи, исторіи быта, народныхъ воззрѣній и права, исторіи русскаго языка, литературы и народной поэзіи, разработки спеціальныхъ вопросовъ, какъ напр., объ общинномъ землевладѣніи, свѣдѣній о вновь открываемыхъ матеріалахъ, о текущей литературѣ русской и иностранной, насколько она касается русской исторической науки и обзора дѣятельности другихъ ученыхъ обществъ и съѣздовъ; къ дѣятельности общества принадлежала также оцѣнка трудовъ утрачиваемыхъ имъ членовъ и вообще дѣятелей на поприщѣ исторіи и литературы, а равно чествованіе памяти ихъ. Таковы общіе вопросы, которые разрабатывались членами общества Нестора; въ ряду этихъ вопросовъ были и такіе, которые возбуждали особый интересъ въ обществѣ, подвергались всестороннему и горячему обсужденію со стороны многихъ членовъ. Изъ такихъ вопросовъ наиболѣе важными были слѣдующіе:

Вопросъ *объ авторѣ «Слова о полку Игоревѣ»* обсуждался И. И. Малышевскимъ и Д. И. Багалѣемъ. Первый считалъ его отечествомъ Тмутаракань, а второй Сѣверскую землю; такимъ образомъ, мнѣнія обоихъ изслѣдователей сходятся, такъ какъ Тмутаракань принадлежала къ Сѣверской землѣ. Это мнѣніе, имѣющее за собой много вѣроятія,

¹⁾ Оно не въ состояніи чрезъ своихъ членовъ принимать участія въ дѣятельности другихъ обществъ, въ археологическихъ съѣздахъ и проч.

поддерживается и новѣйшими изслѣдователями «Слова». Тѣмъ не менѣе оно вызвало въ засѣданіи рядъ возраженій, не приведшихъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Толкованіемъ же *темныхъ мѣстъ* въ «Словѣ» занимался А. И. Соболевскій въ двухъ рефератахъ.

Другимъ спорнымъ вопросомъ, поставленнымъ на разрѣшеніе, былъ старый, служившій раньше предметомъ полемики между мѣстными учеными ¹⁾, вопросъ «о развалинахъ церкви св. Симеона и Копыреви въ концѣ древняго Кіева»; возбужденъ онъ былъ проф. П. А. Лашкаревымъ. Для предупрежденія бесполезныхъ словопреній былъ образованъ комитетъ изъ пяти членовъ, которымъ поручено было провѣрить накопившіяся мнѣнія, точнѣе изслѣдовать самый вопросъ и представить заключенія свои. Результаты изслѣдованій комитета намъ неизвѣстны.

Наиболѣе было дебатовъ по поводу реферата А. И. Соболевскаго «Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вв.?» На основаніи филологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ выводу, что въ Кіевѣ въ означенное время господствовало великорусское нарѣчіе и что пришлое съ запада населеніе въ XV в. ассимилировало остатки стараго кіевского населенія. Кромѣ большаго количества возраженій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за чтеніемъ г. Соболевскаго, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ по поводу его реферата читаны были особыя доклады В. Б. Антоновичемъ, П. И. Житецкимъ и Н. П. Дашкевичемъ, которые были направлены то противъ филологическихъ выводовъ г. Соболевскаго, то противъ возможности предполагаемаго имъ колонизаціоннаго движенія съ запада на востокъ; всѣ эти возраженія ясно и убѣдительно доказали невозможность существованія великорусскаго нарѣчія въ Кіевѣ и колонизаціи Подніпровья выходцами изъ Галиціи и Волыни. Кромѣ указанныхъ крупныхъ рефератовъ, дѣлались многими членами и небольшія замѣчанія, влонившіяся къ той же цѣли, т. е. къ доказательству, что говоръ кіевлянъ былъ малорусскій. Намъ кажется, что этотъ спорный вопросъ окончателно рѣшить можно будетъ лишь съ развитіемъ палеографическихъ знаній о мѣстныхъ почеркахъ; мы не разъ уже имѣли случай указывать на существованіе особаго кіевского почерка; само собою разумѣется, почеркъ этотъ долженъ былъ имѣть тѣсную связь съ языкомъ; мы указывали также на распространеніе этого почерка въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, а въ недавнее время нашли доказательство его существованія въ рукописяхъ, писанныхъ

¹⁾ Особенно между Н. Закревскимъ и М. А. Максимовичемъ.

въ Чигиринѣ его коренными обитателями, и отраженіе въ рукописяхъ овручскихъ; кажется, кіевскій почеркъ вполне безошибочно можно назвать почеркомъ собственно малорусскимъ; Кіевъ, какъ центръ образованности и письменности тогдашняго времени, носилъ въ своемъ почеркѣ особенныя характерныя черты, наиболѣе чистыя, которыя видоизмѣняются немного къ сѣверу, югу и востоку (на западѣ до сихъ поръ мы не встрѣчали слѣдовъ вліянія кіевского почерка), а это заставляетъ насъ предполагать, что и въ кіевскомъ говорѣ были особенности, которыя обуславливались не столько вліяніемъ языка пришельцевъ съ сѣвера, сколько состояніемъ и характеромъ мѣстной образованности, особенности, которыя сближали его съ великорусскимъ нарѣчіемъ и которыя, наконецъ, ввели въ ошибку А. И. Соболевскаго и создали его шаткую теорію о кіевскихъ великороссахъ; что въ языкѣ кіевлянъ могло быть не мало великорусскихъ чертъ, въ этомъ насъ убѣждаютъ волынскія рукописи XVI вѣка, въ которыхъ встрѣчается много словъ и до сихъ поръ существующихъ въ Великороссіи, но не встрѣчающихся уже въ Малороссіи; это только, быть можетъ, доказываетъ, что основы великорусскаго нарѣчія лежали на далекомъ юго-западѣ; правы мы или не правы, но палеографіи и филологіи предстоитъ немало труда въ рѣшеніи поднятаго г. Соболевскимъ вопроса и вообще въ рѣшеніи вопроса о генераціи русскихъ нарѣчій.

Канунъ празднованія 900-лѣтія Руси также вызвалъ не мало преній; главными участниками въ нихъ были А. И. Соболевскій и В. З. Завитневичъ. Въ то время какъ первый референтъ считаетъ лѣтописную дату вполне вѣрной и не имѣющей противъ себя никакихъ серьезныхъ возраженій, второй, напротивъ, сопоставляя показанія русскихъ и византійскихъ лѣтописцевъ, приходитъ въ заключенію, что Владиміръ св. крестился въ 987 г., а кіевляне лишь въ 990 г. Въ виду сознанія нашего лѣтописца Нестора о существованіи различныхъ мнѣній относительно мѣста и времени крещенія Руси и Владиміра, въ виду противорѣчія данныхъ житій Владиміра событіямъ византійской исторіи, мы лично находимъ доводы г. Завитневича гораздо болѣе вѣроятными и правдоподобными. Въ дебатахъ по этому вопросу также принимали участіе многіе члены.

Остальные рефераты принимались или вполне, или съ незначительными возраженіями и оговорками. За немногими исключеніями, всѣ они касались южно-русской исторіи.

Помѣщенные въ настоящей книгѣ «Чтеній» отчеты о засѣданіяхъ общества Нестора обнимаютъ рефераты, читанные во время

предсѣдательства профессоръ: А. А. Котляревскаго, В. Б. Антоновича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, недавно избраннаго обществомъ въ эту должность. Почти во все это время секретаремъ состоялъ и въ настоящее время состоитъ проф. Н. П. Дашкевичъ, на долю котораго выпалъ тяжелый трудъ собиранія всѣхъ рефератовъ, записи преній по нимъ и, наконецъ, печатанія,—трудъ, вполнѣ заслуживающій искренней признательности и благодарности всѣхъ интересующихся успѣхами историческаго знанія.

Въ этой же книгѣ Чтеній есть также другой отдѣлъ, юбилейный; онъ весь состоитъ изъ матеріаловъ и статей, касающихся своимъ содержаніемъ празднествъ 900-лѣтія крещенія Руси. Редакція отдѣла принадлежитъ проф. А. И. Соболевскому и на первомъ мѣстѣ стоятъ его работы: рефератъ, о которомъ мы говорили выше, шесть вариантовъ житій Владиміра св., житіе св. Ольги; два похвальные слова Владиміру и его церковный уставъ. Всѣ эти матеріалы изданы самымъ тщательнымъ образомъ и снабжены замѣчаніями г. Соболевскаго.

Вторая статья этого отдѣла «Святый Владиміръ—строитель городовъ», написанная М. Н. Бережковымъ, напоминаетъ лѣтописныя извѣстія о zaloженныхъ кн. Владиміромъ городахъ и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ.

Проф. Э. Я. Фортинской, которому принадлежитъ третья изъ статей втораго отдѣла «Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ», облегчаетъ своимъ почтеннымъ трудомъ работу русскаго историка: разсматривая состояніе западно-европейскихъ государствъ и данныя ихъ лѣтописей, указываетъ, гдѣ и что можно найти для событій Владимірова времени. Въ статьѣ Э. Я. Фортинскаго особенно важно разрѣшеніе вопроса о сношеніяхъ кн. Ольги съ нѣмецкимъ дворомъ, сношеніяхъ, совершенно неизвѣстныхъ русской лѣтописи; «чѣмъ была вызвана со стороны Ольги, только что получившей крещеніе въ Константинополѣ, просьба къ нѣмецкому королю (Оттону В.) о присылкѣ епископа и священниковъ для обращенія въ христіанство ея подданныхъ»? По его мнѣнію, совершенно несогласному съ мнѣніемъ Карамзина, она вызвана была отказомъ со стороны греческаго императора въ удовлетвореніи какихъ-либо требованій русской княгини и нелюбезнымъ пріемомъ, оказаннымъ ей въ Константинополѣ. Возможность сношенія Ольги съ нѣмцами авторъ объясняетъ тѣмъ, что разрыва въ то время между восточной и западной церковью еще не произошло и вслѣдствіе того у новокрещенныхъ славянскихъ народовъ могли происходить колебанія между Римомъ и Константинополемъ

и что признаки этого колебанія замѣчаются у моравовъ, чеховъ и поляковъ.

Таково содержаніе разсмотрѣннаго нами историческаго сборника, богатаго указаніями на новые любопытные труды въ области южнорусской исторіи, вызванные обществомъ Нестора.

И. Каманинъ.

Витебская Старина. Т. V-й. Матеріалы для исторіи полоцкой епархіи. Ч. I я. Съ 47 отдѣльными приложеніями. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ 1888.

Подъ общимъ заглавіемъ «Витебской Старины» авторомъ задумано шесть томовъ. Томъ 1-й, вышедшій въ 1883 году, посвященъ главнымъ образомъ городу Витебску; во II-мъ томѣ предположено издать документы, касающіеся города Полоцка, въ III-мъ томѣ — документы, касающіеся Велижа, Невля, Динабурга и другихъ городовъ, а также замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей витебской губерніи. Томъ IV-й, вышедшій въ 1885 году, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ документы, касающіеся занятія полоцкаго воеводства царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ (1563—1580 гг.), а вторая — документы, касающіеся занятія полоцкаго и витебскаго воеводствъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654—1667 гг.). Въ V томѣ первоначально предполагалось издать документы, касающіеся воссоединенія униатовъ съ православною церковью въ 1839 году. Наконецъ, въ VI-мъ, послѣднемъ, томѣ авторъ намѣренъ представить «историческія судьбы витебской губерніи» на основаніи документовъ, которые будутъ собраны въ первыхъ пяти томахъ. Такимъ образомъ, до настоящаго времени вышли два тома «Витебской Старины», а именно I и IV-й, а теперь является первая часть V-го тома, на которой мы и намѣрены остановить вниманіе читателя.

Въ V-мъ томѣ, какъ сказано выше, авторъ предполагалъ издать документы, касающіеся воссоединенія униатовъ съ православною церковью въ 1839 году, и, повидимому, хотѣлъ издать ихъ къ пятидесятилѣтію со дни воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковью, нынѣшнему совершиться 25 марта сего 1889 года. Но предѣлы труда, прелварительно намѣченные, значительно раздвинулись при его выполненіи. Автору открыты были богатые сокровища ар-

хивовъ полоцкой духовной консисторіи и витебскаго губернскаго правленія, а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ архивовъ. Архивъ полоцкой духовной консисторіи состоитъ собственно изъ двухъ архивовъ: архива древняго, съ 1598 по 1810 годъ, находившагося въ крайнемъ безпорядкѣ, и архива новаго, съ 1796 года. Архивъ древній образовался изъ массы документовъ, поступившихъ въ полоцкую консисторію изъ бывшихъ униатскихъ монастырей и церквей. Въ немъ заключается болѣе 5000 документовъ на западно-русскомъ, польскомъ латинскомъ и итальянскомъ языкахъ. Обиліе матеріала вынудило автора раздѣлить V-й томъ на три части. Въ первой изъ нихъ изданы въ настоящее время документы изъ древняго архива полоцкой духовной консисторіи, архива Тадулинскаго монастыря и другихъ источниковъ до 1772 года, т. е. до перваго раздѣла Польши; во второй части будутъ напечатаны документы съ 1772 года по 1839 годъ включительно, извлеченные главнымъ образомъ изъ новаго архива полоцкой духовной консисторіи и архива витебскаго губернскаго правленія (архива генераль-губернаторскаго); въ третьей части—фондуши разныхъ монастырей и церквей полоцкой епархіи, инвентари и проч.

Въ настоящей, первой части V-го тома «Витебской Старины» напечатано впервые 476 документовъ и изъ нихъ 89 вполне, остальные же въ болѣе или менѣе обширныхъ, смотря по важности документа, извлеченіяхъ, при чемъ документы на латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ напечатаны въ переводѣ на русскій языкъ, а важнѣйшіе изъ нихъ, кромѣ того, напечатаны и въ подлинникѣ, въ Прибавленіяхъ. Но этими новыми документами не исчерпывается все содержаніе книги. Г. Сапуновъ хотѣлъ представить цѣльный, закругленный сборникъ матеріаловъ по исторіи полоцкой епархіи и собралъ и перепечаталъ многое изъ того, что уже до него напечатано было въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ. Этого рода матеріалы начинаются выписками изъ русскихъ лѣтописей, идутъ у него съ 990 года въ хронологическомъ порядкѣ и только уже съ XVI вѣка чередуются съ новыми архивными матеріалами. Нерѣдко г. Сапуновъ перепечатываетъ только оглавленія извѣстныхъ документовъ, относящихся къ исторіи полоцкой епархіи, отсылая читатели къ вышедшимъ прежде томамъ «Витебской Старины», гдѣ они были уже напечатаны. Очевидно, издатель имѣлъ въ виду не однихъ только специалистовъ, а и обыкновенныхъ читателей, хотя такой способъ изданія матеріаловъ весьма полезенъ и для специалистовъ, избавляя ихъ отъ непродуманныхъ поисковъ и справокъ по данному предмету.

За то совершенною новизною и свѣжестію отличается большинство матеріаловъ съ XVII вѣка по 1772 годъ, извлеченныхъ издателемъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Матеріалы эти главнымъ образомъ касаются бытовой стороны православной и униатской церкви съ ихъ представителями и взаимныхъ отношеній ихъ между собою и наглядно доказываютъ силу и живучесть православія и русской народности въ этомъ краѣ, сохранившихся въ немъ до воссоединенія его съ Россіей, несмотря на вѣковыя, тяжкія преслѣдованія со стороны польско-католиковъ и униатовъ.

Впереди книги помѣщенъ «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи», на который авторъ проситъ смотрѣть только какъ на приведенныя нѣсколько въ систему примѣчанія къ напечатаннымъ въ книгѣ документамъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обстоятельныя примѣчанія находятся и при самыхъ документахъ, а «Краткій очеркъ историческихъ судебъ полоцкой епархіи» представляетъ довольно цѣльный историческій обзоръ ея, въ которомъ исторія полоцкой епархіи закончена воссоединеніемъ мѣстныхъ униатовъ съ православною церковію въ 1839 году.

Замѣчательную особенность разсматриваемой книги, характеризующую, впрочемъ, и другія изданія г. Саунова, представляетъ ея иллюстрація. Въ книгѣ помѣщено 6 гравированныхъ изображеній древнихъ крестовъ, иконъ и храмовъ полоцкихъ, 14 литографическихъ портретовъ православныхъ и униатскихъ владыкъ полоцкихъ и до 26 литографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей и актовъ.

О недостаткахъ книги, во всякомъ случаѣ маловажныхъ, совѣстно и говорить. Изданіе предпринято и ведется по личной инициативѣ г. Саунова и поддерживается только случайными, незначительными пособиями официальныхъ и частныхъ лицъ. Въмѣсто указанія какихъ либо недостатковъ въ книгѣ, пожелаемъ автору, чтобы неослабѣвающая энергія его нашла наиболѣе осязательную поддержку и довела до конца предпринятое изданіе.

Н. Петровъ.

Сергій Гамченко. Житомирскій мошльникъ. Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ. Житомиръ 1888 г. 124 стр. + LIV таб. плановъ и рисунковъ.

Съ юго-западной стороны г. Житомира за рѣкой Каменкой въ городской чертѣ находится довольно обширный могильникъ, состоящій изъ небольшихъ кургановъ. Еще раньше на этотъ могильникъ

было обращено вниманіе археологовъ; въ 1878 г. проф. В. Б. Антоновичемъ было раскопано 36 кургановъ. Въ 1886 г. г. Гамченко въ свою очередь въ той же группѣ кургановъ разрыто еще 44. Описание этихъ послѣднихъ раскопокъ и составляетъ содержаніе вышеназванной книги. Большую часть этого изслѣдованія составляетъ дневникъ раскопокъ; дневнику предисланы главы, въ которыхъ подробно и съ знаніемъ дѣла очерчены топографическія особенности данной мѣстности, затѣмъ приведены преданія и легенды, относящіяся къ г. Житомиру и его окрестностямъ вблизи могильника.

Безспорно, самую цѣнную часть труда представляетъ дневникъ, веденный по программѣ проф. Самохвасова. Дневникъ заключаетъ въ себѣ подробный отчетъ о раскопкѣ каждаго кургана; все, что только могло такъ или иначе обратить на себя вниманіе, было записано; какъ примѣръ тщательности работы, можно указать на то, что даже обозначалось, съ какой стороны кургана дернъ гуще, а съ какой рѣже. Къ дневнику раскопокъ каждаго кургана приложена таблица, на которой изображены виды кургана въ профиль и въ основаніи, а также положеніе найденнаго въ немъ костяка. Эта подробность и точность и составляетъ главное достоинство дневника.

На основаніи данныхъ, добытыхъ изъ раскопокъ, авторъ въ концѣ своего труда дѣлаетъ выводы, касающіеся могильника и насыпавшаго его племени. Изъ этихъ заключеній мы узнаемъ, что могильникъ насыпанъ въ мирное время и принадлежалъ одному поселенію. Массой добытаго матеріала вполне опредѣлился погребальный обрядъ: покойника клали въ колоду (родъ корыта), туда же помѣщали нѣкоторыя изъ домашней утвари и орудій; на покойника оставались также и украшенія, которыя онъ носилъ при жизни; колода прикрывалась другой и такимъ образомъ устроенный гробъ заколачивали гвоздями. Колода съ покойникомъ ставилась прямо на землю, головой на западъ, и сверху насыпался курганъ. Далѣе авторъ даетъ очеркъ культуры челоуѣка эпохи житомирскаго могильника и, на основаніи измѣреній костей, дѣлаетъ предположенія о физическомъ строеніи этого челоуѣка. Подробно рассмотрѣны вопросы объ одеждѣ, украшеніяхъ, промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ; затронуть также вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ. Нужно прибавить, что всѣ выводы и заключенія сдѣланы осторожно и въ объясненіяхъ того или другаго факта въ большинствѣ случаевъ натяжки отсутствуютъ. Описываемый могильникъ принадлежалъ древлянамъ и время его опредѣляется VII—IX вв.

Что касается мѣста, гдѣ былъ расположенъ поселокъ, то авторъ склоняется къ тому мнѣнію, что это была Замковая гора возлѣ Житомира. Таблицы, приложенныя къ изслѣдованію, заключаютъ въ себѣ планы могильника и мѣстностей по сосѣдству съ нимъ, виды и разрѣзы отдѣльныхъ кургановъ и рисунки найденныхъ въ нихъ предметовъ. Коллекція, составленная изъ этихъ предметовъ и костей, находится теперь въ Имп. Эрмитажѣ. Не совсѣмъ удовлетворительная выѣшность книги можетъ быть отчасти объяснена вообще невозможностью у насъ въ провинціи хорошихъ изданій.

Послѣ прочтенія изслѣдованія г. Гамченка впечатлѣніе получается вполне отрадное; видно, что авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ, разработалъ ее во всѣхъ деталяхъ и въ результатѣ получился образцовый трудъ. На основаніи только такихъ работъ и можетъ быть въ будущемъ снята завѣса съ нашего доисторическаго прошлаго.

Н. Б.

Ө. И. Булаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Изданіе Ө. Булакова и А. Коложнина. Спб. (безъ обозначенія года). Типогр. А. Суворина. 4^о.

Издателемъ иллюстрированныхъ каталоговъ академическихъ художественныхъ выставокъ и авторомъ «Художественной энциклопедіи» Ө. Булаковымъ предпринято изданіе «Альбома русской живописи», имѣющаго задачей -- содѣйствовать популяризаціи образцовыхъ произведеній выдающихся русскихъ живописцевъ. Для этого предполагается, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, печатать обзоры дѣятельности лучшихъ русскихъ художниковъ, сопровождая ихъ снимками со всего того, что сдѣлано наиболѣе важнаго, типическаго, индивидуальнаго русской школой живописи. Недавно вышедшій первый выпускъ этого изданія посвященъ картинамъ извѣстнаго пейзажиста Вл. Д. Орловскаго, при чемъ въ числѣ разныхъ причинъ, побудившихъ избрать эти картины для перваго выпуска, г. Булаковъ, въ своемъ предисловіи къ Альбому, указываетъ на то, что въ этомъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности Орловскаго со времени полученія имъ большой серебряной медали, чѣмъ обыкновенно завершается ученическій курсъ въ академіи художествъ.

Для читателей «Кіевской Старины» этотъ первый выпускъ изданнаго Булаковымъ Альбома имѣетъ интересъ потому, что, будучи уроженцемъ малорусскаго края и воспитанникомъ одной изъ

кіевських гимназій и проводя въ послѣднее время жизнь въ Кіевѣ, В. Д. Орловскій въ своихъ пейзажахъ изображаетъ по преимуществу южную природу, и въ частности выставилъ очень много видовъ разныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Кіеву. Часто кисть его работала и надъ другими сюжетами: онъ рисовалъ виды крымскіе, кавказскіе, морскіе, пробовалъ изображать природу сѣверную, а затѣмъ опять возвращался къ малорусскому пейзажу; и изъ сравненія его картинъ можно вывести заключеніе, что именно малорусскую природу онъ любитъ больше, чѣмъ какіе нибудь другіе виды; во всякомъ случаѣ, онъ чаще всего ее изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Его «малороссійскіе хутора», «заросшіе пруды», изображенія поля и нивы, лѣсные пейзажи съ различными эффектами солнечнаго освѣщенія, виды Приднѣпровья («Долина Днѣпра», «Дорога въ Китаевъ», «Два часа пополудни» и проч.), виды подольской губерніи («Рѣчка Гнилица», «Высохшее русло», «Въ луговыхъ заросляхъ» и другіе) — воспроизводятъ малорусскую природу въ разныхъ формахъ и краскахъ.

Нельзя не согласиться съ высказываемою г. Булгаковымъ мыслью, что собраніе снимковъ главнѣйшихъ картинъ того или другаго художника въ общедоступномъ и изящномъ изданіи можетъ обрисовать индивидуальность и содержаніе дѣятельности художника гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ взятый въ отдѣльности одинъ снимокъ любаго изъ лучшихъ его произведеній, хотя бы и переданный въ самомъ роскошномъ исполненіи, или, добавимъ, чѣмъ многіе случайно изготовленные снимки, разбросанные на пространствѣ многихъ лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, которые невозможно собрать воедино. Вполнѣ удовлетворительное выполненіе поставленной издателемъ альбома задачи будетъ достигнуто только тогда, когда альбомъ будетъ давать собраніе снимковъ дѣйствительно главнѣйшихъ картинъ каждаго художника и когда самыя снимки будутъ исполнены дѣйствительно изящно. Но, обсуждая выборъ снимковъ, нельзя упускать изъ вида и тѣ трудности, которыя надо преодолѣть, чтобъ собрать снимки съ главнѣйшихъ картинъ, и которыя происходятъ оттого, что картины каждаго художника не хранятся въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а расходятся въ разные стороны; и чѣмъ большею извѣстностью пользуется художникъ, тѣмъ дальше онѣ распространяются, при чемъ однѣ изъ картинъ попадаютъ въ такія собранія, въ которыя нельзя проникнуть для того, чтобъ сдѣлать снимки, а другія уходятъ такъ далеко, что доступъ къ нимъ невозможенъ безъ осо-

быхъ затрудненій (напримѣръ, часть картинъ Орловскаго находится за границею).

Вышедшій первый выпускъ «Альбома» Булгакова даетъ довольно обстоятельное обзорѣніе художественной дѣятельности Орловскаго, его портретъ, видъ его мастерской (въ домѣ Дузинкевича, у церкви Андрея Первозваннаго) и двадцать два снимка съ картинъ Орловскаго, изъ которыхъ многія изображаютъ малорусскую природу, какъ напримѣръ: «Хуторъ въ Малороссіи», «Привалъ», «Проселочная дорога», «Тинистый прудъ», «Въ жнива», «Утро въ лѣсу», «Вечернія тѣни», «Рѣчка Гнилица» и другія. Всѣ эти снимки исполнены по фотографіямъ Савельева, Каррика и другихъ. Нѣкоторые изъ снимковъ вышли не вполне удачно, но большая часть исполнена удовлетворительно. Строго говоря, нельзя сказать, чтобъ альбомъ представлялъ собраніе снимковъ съ главнѣйшихъ картинъ Орловскаго, такъ какъ многія изъ выдающихся произведеній художника въ альбомъ не попали. Но, принимая во вниманіе тѣ трудности, о которыхъ мы упоминали, нельзя быть слишкомъ требовательнымъ въ этомъ отношеніи; во всякомъ случаѣ неудачныхъ картинъ между тѣми, снимки съ которыхъ даетъ альбомъ, нѣтъ. Цѣна альбома—общедоступная (два рубля). Въ общемъ «Альбомъ» производитъ пріятное впечатлѣніе; привѣтствуя его, какъ хорошее начинаніе, желаемъ, чтобъ изданіе это не остановилось на вышедшемъ выпускѣ и чтобъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ оно коснулось не только тѣхъ художниковъ, работы которыхъ можно видѣть на ежегодныхъ выставкахъ, но также и художниковъ, прекратившихъ свою дѣятельность. Напримѣръ, было бы очень желательно, чтобъ явились подобные альбомы картинъ покойнаго Штернберга, здравствующаго, но къ сожалѣнію давно забросившаго свою талантливую кисть Ив. Соколова и другихъ. Такіе альбомы могли бы представить еще большій интересъ, чѣмъ альбомы новѣйшихъ картинъ, потому что, благодаря передвижнымъ выставкамъ, иллюстрированнымъ каталогамъ и массѣ періодическихъ иллюстрированныхъ изданій, печатающихъ снимки съ художественныхъ произведеній, появляющихся на ежегодныхъ выставкахъ, знакомство съ этими произведеніями стало для всѣхъ легче и доступнѣе, чѣмъ было въ прежнее время. Теперь не только картины названныхъ нами художниковъ, но и тѣ немногія изданія, въ которыхъ были помѣщены снимки съ этихъ картинъ, сдѣлались рѣдкостью; и потому тотъ, кто вздумалъ бы собрать и издать въ видѣ изящныхъ альбомовъ снимки съ ихъ произведеній, сдѣлалъ бы этимъ драгоценный подарокъ всѣмъ, кому дорого искусство.

Н. Шугуровъ.

Коперницкій И. Русскіе горы въ Галиціи (Prof. Dr. J. Kopernicki O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny). Краковъ 1889 г.

Антропологическая комиссія краковской академіи, почти со времени ея основаніи, ежегодно даетъ намъ что нибудь новое по этнографіи малорусскаго народа. Въ солидномъ изданіи комиссіи, носящемъ заглавіе «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», въ каждомъ томѣ можно найти польскія работы по южнорусской этнографіи изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей на всемъ пространствѣ между Карпатами и Днѣпромъ. Большинство этихъ работъ, изданныхъ подъ опытной редакціей членовъ академіи, представляетъ несомнѣнно научный интересъ и успѣло обратило на себя вниманіе русской печати.—Къ этому же разряду слѣдуетъ отнести только что появившуюся статью краковскаго профессора д-ра Исидора Коперницкаго, состоящаго секретаремъ антропологической комиссіи краковской академіи, напечатанную въ XIII томѣ отчетовъ комиссіи. Составляя общій отчетъ о результатахъ научной экскурсіи, сдѣланной авторомъ въ концѣ лѣта 1888 г., статья эта представляетъ весьма интересную новинку, такъ какъ касается мѣстностей весьма мало изслѣдованныхъ, заселенныхъ *лемками, полонинцами, бойками, тухольцами и гуцулами*. Объ этихъ гордахъ этнографія до сихъ поръ весьма мало знаетъ. Почти единственнымъ изслѣдованіемъ о нихъ все еще служитъ старая статья польскаго писателя Викентія Поля ¹⁾. Большая компилятивная статья Я. Головацкаго, помѣщенная въ 1-мъ т. его сборника пѣсенъ, во всемъ, что касается этнографическаго и статистическаго описанія горцевъ, основана исключительно на трудѣ Поля, а только относительно лемковъ приведены въ ней нѣкоторые данныя изъ статьи А. Торойскаго, напечатанной во Львовѣ въ 1860 г.—Если принять во вниманіе, что вообще польская этнографія въ 1850 г. какъ по методу, такъ и по своимъ приѣмамъ, оставляетъ желать весьма многого, и что къ этому почтенный В. Польше вовсе не былъ ученымъ этнографомъ, то представится вполне яснымъ весь интересъ экскурсіи проф. Коперницкаго, какъ опытнаго антрополога.

Авторъ посѣтилъ 103 населенныхъ пункта по верховьямъ рѣкъ Бѣлой, Ропы, Вислоки, Яселки, Ославы, Гочевки, Ветлины, Сана, Стрыя, Оравы и Опора, а затѣмъ среди гуцуловъ возлѣ Космача и вдоль Черемоша. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ дѣлалъ наблюденіе во

¹⁾ Rzut oka na róžnosne stoki Karpat. Kraków. 1851.

время праздниковъ, а въ четырнадцати пунктахъ производилъ антропометрическія изслѣдованія надъ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ лицъ. Онъ не приводитъ въ своей статьѣ собранныхъ или матеріаловъ, а ограничивается только изложеніемъ своихъ впечатлѣній и общихъ выводовъ. Довольно цѣнные матеріалы этнографическіе и антропометрическіе, какъ мы авторъ лично сообщалъ, составятъ отдѣльный сборникъ, который будетъ помѣщенъ въ *Zbiorz'Ń wiadomoŃci do antropologii krajowej*, когда онъ будетъ пополненъ его корреспондентами.

Въ изслѣдованной авторомъ мѣстности еще покойный Поль подмѣтилъ среди населенія четыре этнографическія разновидности: лемковъ, бойковъ, тухольцевъ и гуцуловъ. Въ настоящее же время г. Коперницкій считаетъ необходимымъ выдѣлить въ особую этническую группу горцевъ, живущихъ между лемками и бойками по лѣвымъ притокамъ Сана. Они какъ по физическимъ свойствамъ, такъ и по языку и одеждѣ несомнѣнно отличаются и отъ бойковъ, и отъ лемковъ. Особаго народнаго названія эта группа, какъ и обѣ сосѣднія, не имѣетъ и поэтому авторъ предлагаетъ назвать ее *половинцами* отъ Полонянъ, надъ которыми она раскинула свои поселенія и возлѣ которыхъ особенно ярко выступаютъ этнографическія особенности.— Описывая каждую изъ этихъ пяти группъ, авторъ приводитъ свои заключенія о характерѣ, бытѣ, одѣяніи, жильѣ, языкѣ и физическихъ качествахъ каждаго племени, стараясь подмѣтить и установить важнѣйшія отличительныя ихъ этническія черты. Въ общемъ всѣ эти горцы, за исключеніемъ гуцуловъ, имѣютъ между собою много общаго, что ихъ рѣзко отличаетъ отъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ малороссовъ. Всѣ они имѣютъ хаты курныя. Лемки, полонинцы и бойки соединяютъ подъ одной крышей вмѣстѣ съ жильемъ всѣ хозяйственныя постройки, какъ то: сарай для скота, конюшни, склады для хлѣба и даже гумно; все это непосредственно соединено одно съ другимъ, дѣлая впечатлѣніе нашихъ типичныхъ еврейскихъ построекъ, тѣмъ болѣе, что жилья эти въ большинствѣ случаевъ вовсе не имѣютъ огороженнаго двора. Страшная нечистоплотность, неряшество просто поражаютъ въ сравненіи съ общеизвѣстной чистотой даже въ бѣдныхъ хатахъ всѣхъ другихъ малороссовъ. Объяснить этого нельзя даже нищетой, потому что только лемки и отчасти полонинцы живутъ въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, остальные же обставлены въ матеріальномъ отношеніи сравнительно недурно. Типичная одежда всѣхъ горцевъ, значительно приближающаяся къ венгерскимъ образ-

цамъ, хотя и рѣзко отличается у отдѣльныхъ племенъ, ничего почти общаго не имѣетъ съ одеждой всѣхъ остальныхъ малороссовъ; мы ее видѣли отчасти на рисункахъ у Головацкаго. Замѣчательно, что даже нашей малорусской *мережки* на рубахахъ тамъ нѣтъ, хотя они охотно испещряютъ всѣ части одежи разными нашивками, бахромами и вышивками изъ гаруса. Только тухольцы и гуцулы носятъ усы, остальные же брѣютъ все лицо.

Небольшая эта статья, какъ она ни сжата, и на первый взглядъ представляющаяся лишь бѣглымъ отчетомъ по экскурсіи, составляетъ однако цѣнный вкладъ въ этнографію галицкихъ русскихъ. Удовлетворить насъ вполне она, разумѣется, не можетъ; мы ее считаемъ лишь предисловіемъ къ сборнику тѣхъ матеріаловъ, которые мы надѣемся въ скоромъ будущемъ увидѣть въ изданіяхъ краковской академіи.

Ц. Нейманъ.

*H. Pöllmann, Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums.
München, 1888.*

Никогда, кажется, западъ Европы не относился съ такимъ трогательнымъ интересомъ ко всему русскому, какъ теперь. Русская изящная литература, русское искусство, русская музыка стали теперь модными на западѣ; русскій самоваръ кипитъ въ аристократическихъ гостинныхъ, западные желудки дѣлаютъ даже попытки переваривать наши щи и борщи. Даже русскій языкъ, такъ долго считавшійся варварскимъ и невозможнымъ для изученія, теперь въ большой модѣ и самоотверженно изучается нѣмцами, французами, англичанами, даже американцами.

Но не станемъ однако обольщаться на счетъ причинъ такого къ намъ трогательнаго участія. Не мы сами по себѣ (*an sich*), не оригинальность нашей внутренней организаціи и своеобразность продуктивнаго творчества привлекаютъ къ намъ очи запада. Изученіе Руси на западѣ имѣетъ пока главнымъ образомъ значеніе военной рекогносцировки, объясняется паническимъ страхомъ передъ силами сѣвернаго великана и необходимостью познать эти опасныя силы. Въ числѣ множества иностранцевъ, околѣчивающихся теперь у насъ съ цѣлью изученія русскаго языка, весьма значительный контингентъ составляютъ иностранные офицеры, играющіе роль древнаго «языка». Англійскіе офицеры (преимущественно изъ Индіи, гдѣ собственно и

сталкиваются наши интересы съ царицею водъ) получаютъ даже особенную прибавку къ жалованью (въ 60 ф. ст.) за изученіе русскаго языка, и нужно видѣть, какое магическое вліяніе имѣетъ эта «русская» прибавка! Въ какихъ нибудь 3—4 мѣсяца прищипываемый сладкой надеждой на лишніе 60 ф. англичанинъ настолько овладѣваетъ русскимъ языкомъ, что не только можетъ бесѣдовать съ вами о житейскихъ предметахъ, но и съ успѣхомъ читаетъ и понимаетъ Пушкина, Гоголя, etc. Вернувшись на родину, эти «языки» считаютъ себя уже спеціалистами по всему русскому и строчатъ цѣлые томы о нашей жизни, наукѣ и искусствѣ. Но странное дѣло! Несмотря на этотъ явный интересъ къ намъ, знаніе русской жизни очень мало подвинуто на западъ; даже нѣмцы, строча о Руси, отступаютъ отъ своей обычной *Gründlichkeit*, составившей ихъ славу. Экскурсіи ихъ въ область русскаго напоминаютъ пока наѣзды древнихъ нормановъ, внезапно налетавшихъ и удиравшихъ съ первой схваченной добычей. Даже неучившійся въ семинаріи съ улыбкой прочтетъ ту чепуху, которую въ своихъ трактатахъ о Руси излагаютъ ученые западные наѣзтники.

Къ числу такихъ наѣзтниковъ несомнѣнно принадлежитъ и ученый авторъ замѣтокъ о древней исторіи козачества, *heut premier-lieutenant H. Röhlmann*. Пробѣжавъ чрезъ русскій мосточекъ и свативъ тамъ кленовый листочекъ, этотъ храбрый норманъ вполне убѣжденъ, что не только изучилъ темный лѣсъ козачества, но и внесъ въ него много собственнаго свѣта. Съ чисто военной смѣлостью заявляетъ этотъ военный ученый, что своими изслѣдованіями онъ расширилъ научный горизонтъ въ исторіи козачества и *окончательно* разрѣшилъ многіе темные вопросы въ этой исторіи, особенно что касается этимологіи и военной географіи (предисловіе). Не пытаясь вступать въ борьбу съ храбрымъ иноплеменникомъ, мы приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ тѣхъ научныхъ приемовъ, какими онъ рубитъ гордіевы узлы темныхъ вопросовъ исторіи козачества.

Ученый авторъ приводитъ разныя толкованія слова «козакъ», но признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными. По его основанному на глубокомъ изученіи русскаго языка и жизни толкованію, слово козакъ не иноземнаго, а чисто русскаго происхожденія, чего до сихъ поръ не могли сообразить наши русскіе ученые. И какъ легко и просто этимологическое толкованіе автора! Слово козакъ построено совершенно аналогично со словомъ рыбацкъ, и если рыбацкъ, какъ это несомнѣнно, происходитъ отъ рыбы (рыба—къ), то и козакъ (краснѣйте,

русскіе филологи) можетъ только произойти отъ *kozy* (коза — къ). Такимъ образомъ козакъ есть собственно пасущій козь, имѣющій козь. Это просто и очевидно, какъ всякая гениальная мысль. И однако ученый авторъ снисходитъ еще къ нашему недомыслию, разрѣшая разныя недоумѣнія, могущія возникнуть у консервативныхъ и мало образованныхъ въ филологическихъ наукахъ русскихъ историковъ въ этомъ вопросѣ. Ученый авторъ замѣчаетъ, что разведеніе козь въ данное время не составляетъ нигдѣ на Руси спеціального занятія; въ степяхъ разводятъ преимущественно овецъ, такъ что на Руси нѣтъ даже спеціального термина для перваго занятія. Но это обстоятельство не смущаетъ храбраго автора. Хотя козь спеціально и не разводятъ, но *могутъ* разводить, и если вообще отношеніе числа козь къ числу овецъ на Руси является 3—100, то въ степяхъ оно *вѣроятно* больше, напр. 1 коза на 15—20 овецъ. Съ другой стороны разведеніе козь указываетъ на очень низкую степень культуры (?) и занимались имъ лишь бѣднѣйшіе жители низовьевъ Днѣпра, а ихъ аристократическіе соплеменники верховьевъ Днѣпра (нѣмецкій ученый въ южнорусскомъ крестьянствѣ выдѣляетъ 2 класса — аристократовъ и пролетаріевъ) называли ихъ презрительнымъ именемъ козопасъ (*Ziegenbauer id est Kosaki*), а тѣ съ покорностью, которою всегда отличались крестьяне-пролетаріи, приняли это презрительное наименованіе (пусть читатель не думаетъ, что мы здѣсь шутимъ; это дословное почти изложеніе мыслей храбраго офицера). Но почему же это названіе такъ скоро заглохло, что до самыхъ историческихъ временъ не сохранилось спеціального названія для занимавшихся разведеніемъ козь? А это потому, что названіе козопасъ (козакъ) чисто мѣстнаго происхожденія и потому не попало въ общерусскій языкъ (Богъ его знаетъ, что этимъ хочеть сказать ученѣйшій авторъ). А впоследствии слово козакъ было окружено такимъ ореоломъ славы, что низкое происхожденіе этого наименованія совсѣмъ затерялось.

Разрѣшивъ такъ блистательно вопросъ объ этимологическомъ значеніи слова козакъ, побѣдоносно разсѣявъ всѣ сомнѣнія и возможные возраженія, нашъ ученый лингвистъ останавливается еще на этимологіи слова *атаманъ* и толкуетъ его удивительно просто и оригинально. Слово *атаманъ*, какъ и *козакъ*, не иноземнаго происхожденія, какъ думаютъ наивные русскіе ученые, а чисто русское слово. Корень его — *ман*, отъ *манитъ*, что въ переносномъ смыслѣ значитъ — повелѣвать, начальствовать. Труднѣе объяснить происхожденіе первой части слова — *ата*, но для нѣмецкаго офицера не можетъ быть

непреодолимыхъ препятствій, и онъ съ рѣдкой сообразительностью и смѣлостью рубить этотъ гордіевъ узелъ — ата—тамъ, атаманъ поэтому есть ничто иное, какъ тамъ—манъ—таманъ, такъ какъ второе ж по законамъ русскаго языка выпало, такимъ образомъ тамъ—манъ или атаманъ значить—здесь начальствующій (der hier Befehlende), соотвѣтствуя нѣмецкому Herz-zog. Изъ русскаго атаманъ перешло въ польскій языкъ въ словѣ Hetman, «durch quetschung des ersten a, Verschlucken des zweiten und vorsetzen eines sogenannten Digamma in Gestalt eines H» (дѣлаю эту выписку для поученія нашихъ филологовъ). Покончивъ съ филологіей, авторъ принимается за исторію, говорить о древнѣйшей исторіи козачества (съ X—XI в.), о нападеніи татаръ, расселеніи козаковъ, запорожцахъ, etc. Мы не станемъ излагать содержанія мыслей ученаго автора, съ его приѣмами мы уже познакомились. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ остается себѣ самому вѣренъ, вѣданъ вездѣ то, чего не вѣдаетъ никто, отыскивая козаковъ въ X и XI в. Полное отсутствіе указаній на источники, полная невинность автора въ вопросахъ хронологіи и исторіи дѣлають совершенно излишними борьбу съ нимъ; мы охотно уступаемъ ему поле сраженія и надѣемся, что за свои ученые труды храбрый лейтенантъ будетъ очень скоро произведенъ (идемъ по стопамъ его филологіи) въ пель=пол=полк=манъ=полковники.

И. Л—но.

Маленькое разъясненіе.

Въ № 1-мъ Русскаго Филолог. Вѣстника за текущій годъ въ отдѣлѣ «библіографическихъ замѣтокъ» на стр. 139—140 я встрѣтилъ, въ удивленію своему, нѣсколько непонятныхъ для меня строкъ, написанныхъ по поводу реферата моего «Къ столѣтію со дня рожденія Г. О. Квитки», читаннаго еще въ 1878-мъ году въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца. Говорю—*непонятныхъ для меня строкъ*—потому, что рецензенту угодно было, въ силу его личныхъ соображеній, освѣтить мой рефератъ, вмѣстѣ съ рѣчью покойнаго профессора А. А. Котляревскаго о Шевченкѣ, какъ *образчики мѣстнаго патріотическаго направленія*, для каковой цѣли онъ не покусился на всяческіе приѣмы, включительно до умышленной передержки. Говоритъ г. рецензентъ о моемъ рефератѣ по поводу вышедшей въ прошломъ году 2-й книги «Чтеній въ историческомъ

обществѣ Нестора Лѣтописца», гдѣ помѣщено извлеченіе изъ этого реферата, перепечатанное изъ газеты «Кіевлянинъ», постоянно передававшей отчеты о засѣданіяхъ «Общества», но не самый рефератъ, который напечатанъ никогда не былъ. Конечно, рецензенту не угоняться за всякими мелочами, и потому онъ могъ не знать о моемъ печатномъ заявленіи (въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. № 4, стр. 873), что въ «Кіевлянинѣ» не былъ помѣщенъ мой рефератъ, а только сравнительно краткій отчетъ о немъ; но и безъ этого онъ долженъ былъ знать о неполномъ видѣ моего реферата, т. е. въ той же книгѣ «Чтеній» онъ поставленъ въ главѣ, гласящей: *«сообщенія, помѣщенные въ сокращеніи»*, (см. оглавленіе, стр. IV). Если бы г. рецензентъ принялъ это во вниманіе, то онъ не рискнулъ бы сказать, что *«референту, если онъ не въ силахъ дать правильную оцѣнку этому автору, слѣдовало бы справиться, что думаетъ о немъ вполне въ данномъ случаѣ безпристрастная русская критика, критика Современника 50-хъ годовъ»*; говорю—не рискнулъ бы сказать этого, такъ какъ цѣлью моего реферата въ полномъ видѣ было представить не обстоятельный критическій разборъ литературныхъ произведеній Квитки (чему не время въ день празднованія столѣтняго юбилея), а только сводъ біографическихъ данныхъ и таковой же сводъ разнообразныхъ критическихъ отзывовъ о немъ въ русской журналистикѣ. Благодарю, конечно, за совѣтъ прочесть критику въ «Современникѣ» 50-хъ годовъ, но жаль, что совѣтъ этотъ очень опоздалъ, т. е. въ моемъ рефератѣ были приведены не только выдержки изъ этой статьи, но цѣлый рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣзко отзывавшихся о Квиткѣ. Но, конечно, г. рецензентъ въ полномъ видѣ моего реферата не знаетъ, и потому могъ впасть *по неосторожности* въ ошибку.—Странно только вотъ что: въ первыхъ же строкахъ напечатаннаго въ «Чтеніяхъ» отчета о моемъ рефератѣ читаемъ, что «не надежда сообщить что нибудь новое, доселѣ неизвѣстное въ литературѣ о жизни и дѣятельности Гр. О. Квитки, не надежда представить полный и обстоятельный критическій разборъ его произведеній (чему, сказать между прочимъ, не мѣсто и не время въ данномъ случаѣ), не надежда представить вслѣдованіе по какому нибудь отдѣльному вопросу въ связи съ именемъ Квитки,—понуждаетъ референта къ сегодняшнему чтенію; онъ проситъ принять его за желаніе въ столѣтнюю годовщину рожденія помянуть добрымъ словомъ человѣка, который—и своею жизнью, полною всякихъ тревоженій и пережитыхъ противоположностей, и своей литературной дѣятельностью—представляетъ, съ одной стороны,

любопытный фактъ въ жизни нашего провинціального общества конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, съ другой—отрадное явленіе въ южно-русской, украинской литературѣ» (стр. 78). Кажется, при нѣкоторой добросовѣстности, достаточно было г. рецензенту и этихъ строкъ, чтобы удержаться отъ вышеприведенной его фразы. Но онъ пошелъ еще далѣе. «Г. Науменко превозноситъ *давно и по заслугамъ забытаго* Квитку выше облака ходячаго: имя его, повторяетъ онъ, перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію завитное сокровище, неоцѣненный перлъ»—такъ читаемъ въ рецензіи. Если бы такъ оно было на самомъ дѣлѣ, то конечно рецензентъ былъ бы правъ, говоря, что я превозношу Квитку выше облака ходячаго; но я приглашаю его заглянуть на стр. 86—87 «Чтеній», гдѣ, приведши отзвы, неблагоприятныя для Квитки, я говорю: «въ заключеніе, однако, нельзя не сказать, что много было въ то время поклонниковъ и цѣнителей таланта Квитки; много было людей, отъ глубины души выражавшихъ ему сочувствіе, съ болью въ сердцѣ прощавшихся съ нимъ на могилѣ. *Казалось бы, память о немъ должна пережить много поколѣній*, или, повторяя слова г. Сементовскаго, «имя его перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы..... И что же?—добавляю я: прошло лишь 35 лѣтъ со дня смерти Г. О. Квитки, а мы видимъ, что общество стало забывать его». Теперь мы и спросимъ: такъ ли передалъ мою мысль г. рецензентъ, и не чувствуетъ ли онъ хоть нѣкотораго укора совѣсти?

Въ заключеніе скажемъ, что мы не считаемъ нужнымъ становиться въ данномъ случаѣ на защиту имени Гр. О. Квитки, т. к. отъ подобной бахвальной выходки г. рецензента имя это нисколько не пострадало; приведемъ развѣ только слѣдующія слова о значеніи Квитки, принадлежація перу одного очень авторитетнаго ученаго: «Все, что написано Квиткою—Основьяненкомъ на нарѣчій нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе—наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческой только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, п. ч. художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. *Квитка Основьяненко былъ и на-*

долю останется первым народным писателем на Украинь». Такъ писалъ въ 1843 году (Москвит. ч. IV, стр. 503) И. И. Срезневскій,—имя, достаточно авторитетное, особенно для *Филологическаго Вѣстника*.

В. Науменно.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ ¹⁾.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 2—4. Въ отдѣлѣ *критики и библиографіи* помѣщены рецензіи и замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: 1) Краткая замѣтка о книгѣ «Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца». Кн. 2-я. (№ 2, стр. 423). 2) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. *А. Потемни*; изд. 2 е—статья *А. Будиловича* (№ 3, стр. 206—210). 3) Рукописныя Евангелія кievскихъ книгохранилищъ. *Г. Крыжановскаго*. (№ 3, стр. 234—235). 4) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваем. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*,—статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 4, стр. 423—426).

Вѣстн. Европы 1889 г. №№ 3—4. *Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пытина. I. Время до-петровское* (№ 4, стр. 584—625). Нѣсколько страницъ удѣлено бѣглому обзору фактовъ вліянія польскаго на юго-западную Русь (598—599).

Въ *литературномъ обозрѣніи* помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. П. Житецкаго. Часть I-я.* (№ 3, стр. 415—418); 2) *Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выт. I-й. Классическія древности южной Россіи* (№ 4, стр. 843—849).

Русская Мысль. 1889 г. №№ 2—3. Статья «*Юлій Словацкій*» *Л. Полонскаго* (№ 2, стр. 61—100), сообщая нѣкоторыя данныя объ этомъ польскомъ поэтѣ, между прочимъ, даетъ разборъ его трагедіи «*Мазепа*».

Въ *отдѣлѣ библиографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Западно-русскіе провинціальныя сеймики во 2-й половинѣ XVII в. Н. В. Стороженка*; 2) *Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго* (№ 2, стр. 56—57).

¹⁾ Списокъ разсматриваемыхъ изданій напечатанъ въ № 3, мартъ. Къ нему прибавились: Русскій Падомникъ, Новости и Биржевая газета, Наблюдатель, Орловскій Вѣстникъ.

Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 1. Замѣтки по исторіи школьной драмы. А. Соболевскаго. (стр. 1—14). Статья представляетъ нѣсколько возраженій противъ частныхъ положеній, высказанныхъ въ книгѣ П. Морозова «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій».

Западно-русская Четья 1489 года. М. Карпинскаго. Авторъ статьи знакомитъ подробно съ этой рукописью, давая описаніе ея, перечисляя характерныя особенности въ звуковыхъ отличіяхъ, въ употребленіи формъ, приводя краткій словарь и, наконецъ, прибавляя текстъ житія Бориса и Глѣба по этой рукописи. (№ 1, стр. 59—106).

Въ отдѣлѣ бібліографіи помѣщены замѣтки о слѣдующихъ книгахъ: «*Monimenta linguae palaeoslovenicae*, т 1 ѱ. Калужняцкаго (стр. 132—133). 2) Краткая замѣтка о книгѣ 1. *Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.* Тонъ замѣтки не совсѣмъ удобный для ученаго журнала, что видно, между прочимъ, изъ заключительныхъ словъ ея: «намъ кажется не лишнимъ попенять г. Житецкому за его клевету на проф. Соболевскаго: у послѣдняго (Очерки, стр. 89) нѣтъ той чепухи, которая приписывается ему авторомъ» (стр. 135—136). 3) Трудъ г. Крыжановскаго «*Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ*». (стр. 136). 4) *Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца*. Книга 2-ая (138—141).

Сѣверный Вѣстникъ №№ 2—4. 2. И. Лучицкій. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (оконч.).

2, 4. Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ (изслѣдованіе). 19 фев. 1861 г. Образованіе и развитіе права, очеркъ кодификаціи рус. права, крѣпостные крестьяне передъ закономъ наканунѣ 19 февраля, право жалобы и отношеніе къ власти. Что должно было послужить исходною точкою при освобожденіи, организація освободительныхъ работъ, крѣпостническія вліянія, общій характеръ освобожденія, первоначальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

2, 3, 4. Въ областномъ отдѣлѣ отмѣчено нѣсколько фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи.

3. Некрольъ А. И. Стронина.

4. Ѳ. Ѳ. У смоленскаго мужика.

Пантеонъ Литературы №№ 2—4. 2. Въ Совр. Лѣтописи сообщенія: а) о засѣданіи Имп. Общ. любит. древ. письменности 9 янв. 1889 и б) о брошюрѣ Мартынова «*La litterature slave*».

4. О. Ѳ. Миллера. Памяти В. М. Гиришина.

— Вал. Н. Майковъ. Критическіе опыты (Д. И. Миниевъ—Слово о полку Игоревѣ пер. Д. Минаевъ Спб. 1846. Слово о вѣщемъ Олегѣ, переводъ, его же Спб. 1847. В. П. Аскоченскій—Стихотворенія Кіевъ, 1846).

— Въ отд. новыя книги краткая рецензія на «Русскія Древности» гр. Толстаго и Ковдакова.

Русскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 2—4. 2, 3. *А. А. Велицынъ. Иностранная колонизація въ Россіи.* Главы II, III.

2. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Письмо Н. В. Гоголя къ А. П. Погодиной (1846 г.).

4. *Архим. Леонидъ. Древняя рукопись.* (I. Изборникъ болгарскаго пресвитера—мниха (іеромонаха) Григорія и уцѣлѣвшая часть памятника. Первоначальный славянскій хронографъ или «Еллинскій Лѣтописецъ» — болгарскою редакціею X вѣка. Пресвитеръ—мнихъ Григорій. Значеніе его. Изборники въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія кіевскихъ руссовъ времени вел. кн. Ольги. II. О трехъ сочиненіяхъ, входившихъ въ составъ «Изборника Григоріева» по списку XIII в.

— *Письмо И. Г. Наумовича и Червоноруссы.*

Колосья №№ 1—4. 4. Джигита. Пов. И. Подольскаго-Кавказскаго.— Нѣсколько чертъ изъ жизни черноморскихъ козаковъ въ эпоху послѣднихъ событій кавказскихъ войнъ.

Наблюдатель №№ 11—4. 11. Въ отд. «Новыя книги» краткая рецензія на книгу Барсукова «Родъ Шереметевыхъ» кн. 5.

12. Разказы Захеръ-Мазоха 1. Битва подъ Гдовомъ. II Феодосья.— Изъ галицкой жизни.

— О. В. Наши литературныя нравы.— Авторъ смѣшалъ профессора русской исторіи универ. св. Владиміра В. Б. Антоновича съ редакторомъ «Кіев. Слова» тоже проф. унив. св. Владиміра, но по кафедрѣ полит. экономіи, А. Я. Антоновичемъ,— хотя ранѣе выхода № 12 «Наблюдателя» г. Венгеровъ въ своемъ словарѣ уже помѣстилъ біографію А. Я. Антоновича, послѣ чего уже, казалось бы, трудно было и автору, и редакціи смѣшать эти лица.

1, 2, 3, 4. I. I. Ясневскій (Максимъ Бѣлинскій) Свѣтъ погасъ, ром. И описаніе города съ названіемъ его улицъ, и фотографіи дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, и прозрачныя фамиліи ихъ ясно указываютъ на желаніе автора описать Кіевъ и нѣкоторыхъ кіевлянъ; насколько это ему удалось, гдѣ правда и гдѣ фантазія—это зависить отъ его совѣсти.

1, 2, 3, 4. В. О. Михневичъ. Вѣкъ эпикурейства (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.).— Есть данныя о нѣкоторыхъ малороссіянахъ того времени, занимавшихъ видное положеніе въ Петербургѣ.

3, 4. *Г. П. Сазоновъ.* Кабала въ отхожемъ промыслѣ.

Русская Старина №№ 2—4. 2, 4. Записки А. М. Тургенева г. LXIII—LXV.

2. Записки Н. Н. Мурзакевича 1806—1883 (оконч.).

2, 3, 4. Дневникъ проф. акад. А. В. Никитенка (январь—декабрь 1826, 1827).

2. Изъ времени крѣпостнаго права. Л. Весина.—Приведены изъ записки Н. И. Второва весьма характерныя данныя, которыми покойный статистикъ и этнографъ характеризовалъ отношеніе къ крѣпостной зависимости крестьянъ въ малороссійскихъ и великороссійскихъ селеніяхъ ворон. губерніи.

2. П. П. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ—сообщ. С. Д. Носъ.

— М. И. Глинка (нов. матер. для его біографіи) 1. Симфонія «Тарась Бульба». В. Стасовъ.

— П. А. Антоновичъ (замѣтка), б. попечитель кiev. учеб. округа.

Русскій Архивъ №№ 3—4 3. Изъ записокъ фельдмаршала кн. Паскевича (до авг. 1826 г.).

3, 4. Изъ дневника и записной книжки гр. П. Х. Граббе (1849—1854 г.).

4. М. С. Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія А. В. Щепкиной.

Историческій Вѣстникъ №№ 3—4. 3. Воспоминанія о Д. Н. Бѣшчевѣ (б. ворон. губернаторѣ) Е. Соковниной.

— Полувѣковой юбилей воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православной церковью (въ прил. портр. І. Сямашка) М. Городецкого.

— Скифская жертвенная чаша. Д. Эварницкаго.

— Въ Крит. и библиогр. рецензіи на книги: Сапунова—Витебская Старина и Стрѣльбицкаго—Уніатскіе церковные соборы.

4. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ—И. Федорова (безъ обозначенія мѣста и года событія и съ ошибками въ названіи служившихъ въ тѣ времена лицъ.—Панчулидзевъ былъ губернаторомъ въ Черниговѣ съ 1870—1875 годъ.

— Въ Критикѣ и библиографіи кр. рецензіи на книги: Ровинскаго, Мордовцева, Булгакова, Кондакова и Смирнова.

3, 4. Въ смѣси нѣсколько замѣтокъ.

Журналъ Гражд. и Угол. Права. №№ 1—4. 2. Некроль проф. Г. Д. Сидоренка. К. С.

3. Рецензіи на книги: 1) Н. И. Карѣева. Историческій очеркъ польскаго сейма и 2) Самоквасова. Исторія русскаго права.

Природа и Охота №№ 1—3. 3. А. Довбня. Землянскій уѣздъ воронежской губерніи (очеркъ).

— А. Шляхтинъ. Къ вопросу о донскомъ рыболовствѣ.

— А. Полторацкій. Житіе—бытѣ охотничьей команды (Довольно мѣткое описаніе глуховскаго, кролевецкаго, конотопскаго и отчасти новгородсверскаго уѣздовъ).

— О. К. Лоренцъ. Поѣздка въ кубанскую область.

Восходъ №№ 3—4 и Недѣльная Хрон. Восхода №№ 7—16. 3, 4.

С. Бершадскій. Еврей король польскій. Шауль Юдячъ Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія (прод.).

— Въ Лит. Лѣт. рецензія на Еврейскіе разказы Захеръ-Мазоха, перевод. А. Размадзе. М. 1887 г.

— Въ Библиографіи рецензія на книгу А. Субботина. «Въ чертѣ еврейской осѣдлости».

Странникъ №№ 2—4. 2, 3, 4. *И. П. Матченко. Святый равноапостольный князь Владимиръ—просвѣтитель Руси.* Распространеніе христіанства на Руси. Устройство церкви русской. Отношенія христіанства къ язычеству. Нравств. перевоспитаніе рус. народа христіанствомъ.

— *Архим. Никодимъ Милашъ. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе.* VI. Конгрегація пропаганды для распространенія уніи. VII. Пропаганда уніи между православными.

3, 4. *И. Г. Наумовичъ. Романъ Кузьмина.* (Разказъ изъ галляцкой жизни).

4. Въ книжной лѣтописи отзывъ о сборникахъ Ист. общ. Нестора, и о книгѣ Витте о 900-лѣтіи крещенія Руси.

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 1—2. 1, 2. Отд. II. Мелкія статьи, извѣстія и замѣтки: *Императоръ Николай и блюкриницкіе раскольники.*

Археологическія раскопки въ Переяславъ (полт. губ.).

Открытіе новыхъ пещеръ въ Кіевѣ. Храмъ съ замѣчательною надписью, построенный Екатериною II въ Новороссійскомъ краѣ.

2. Въ журнальномъ обзорѣніи о «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи» и «Вѣра и Разумъ».

Труды Кіевской Духовной Академіи №№ 2—4. 2. *Извѣстія церковно-археологич. общества при кіев. дух. академіи* (за м. декабрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

3, 4. *М. Е. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій,* архіепископъ моголевскій и его литературные труды.

— *Отчетъ церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи за 1888 г.* Н. И. Петрова.

Университетскія Извѣстія №№ 1—2. 1. *Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго университета св. Владимира въ 1888 г.*

2. *Отчетъ о состояніи кіевскаго центральноаго архива для древн. актовъ* книгъ губерній кіевск., подольск. и волянской въ 1888 г.

Экономическій Журналъ №№ 1—3. 1. *Я. С. Любопытный эпизодъ* (Изъ исторіи русскихъ финансовъ въ 1820-хъ годахъ.—Нѣкоторыя части проекта гр. Мордвинова имѣли въ виду интересы юга Россіи).

— *Земске обозрѣніе* (Финансы, мѣстное хозяйство и промышленность, благотворительность и школа, пути сообщенія, страхованіе и борьба съ эпидемиологіями).

2, 3. Рость г. Севастополя и прогрессивное развитіе дѣятельности его коммерческаго порта. Бар. Нези.

— *Торговое обозрѣніе* заключаетъ въ себѣ данныя и для юга Россіи.

— *Городское хозяйство:* Киселевъ. Симферополь.

Новь №№ 7—10. 7. *Симферополь*, ор. рисун. Л. Ноздрева.

— *Карновича. Русское мѣстное управленіе въ прошломъ вѣкѣ.*

9. Чумаки, оригин. рисун. В. Лося.

10. Богатѣйшій каменноугольный районъ А. Габерфельда съ иллюстраціями.

— *Видъ Одессы*, ориг. рисун. В. Темнова.

— *Малороссы*, оригин. рисун. В. Подбѣльскаго.

Нива №№ 7—13. 7. *На масляницѣ.* Деревенскій катокъ, ориг. рисун. Ижакевича.

9. Крымскій видъ. Ориг. рис. Кравченка.

10. Степной табунъ, рисун. Айдукевича.

Сѣверъ №№ 7—14. 10. *Рыбные промыслы на Азовскомъ морѣ* 2 грав. рисун. съ фотогр. Варпаховскаго.

14. Черное море (рисун.) картина Судковскаго.

Всемирная Иллюстрація 6—16. 13. *Панъ Каневскій.* Изъ «Польскихъ разсказовъ» *Захаръ-Мазоха.* Разсказъ изъ быта Подолія прошлаго столѣтія, въ которомъ подъ именемъ «пана Каневскаго» изображается Потоцкій.

16. Кобзарь. Изъ баллады Т. Г. Шевченка «Перебендя». Рисунокъ В. Отмара.

Живописное Обозрѣніе №№ 1—15. 8. *Ориг. рисунокъ Топоркова* *Илумель Θεодосій уличаетъ кн. Святослава въ бражничество и веселья.*

9. Т. Г. Шевченко (портретъ).

— *Катерина* (рисунокъ въ поэзі Т. Шевченка).

13. Матеріалъ для исторіи возсоединенія униатовъ съ православіемъ въ XVIII в. Грамота Виктора, архіеп. мѣнскаго, 26 мая 1694 г.

Русское Судоходство №№ 70—79. 70—71. *Наше судоходство* (Черное море).

73. Тормазы нашего мореходства, въ особенноти на Черномъ и Азовскомъ моряхъ Та—фу.

— *Наше судоходство* (Черное море) Н—й К.

77. Изъ прошлаго (проектъ адмир. гр. Мордвинова о перевозкѣ крымскихъ произведеній моремъ на сѣверъ) В. Т.

Церковный Вѣстникъ №№ 7—16. 11, 12. Къ предстоящему пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ униатовъ 1839 г. М. Кояловича.

11. Н. Барсовъ. Неправильная оцѣнка личности архіеписк. Иннокентія (по поводу записокъ Н. Н. Мурзакевича).

13. Синодальное дѣяніе 30 марта 1839 года.

14. Въ обзорѣни свѣтскихъ журналовъ сочувственный отзывъ о ст. Лупулеску «Русскія колоніи въ Добруджѣ» (Кіев. Ст. 1889. № 1--3).

15. Обзорѣніе свѣтскихъ журналовъ Типическія черты семинарскаго воспитанія, написано по поводу статьи П. Левицкаго о переяславской семинаріи (Кіев. Ст. № 2, 1889).

Христіанское Чтеніе №№ 3—4. 3, 4. В. Васильевъ. Соборы 1547 и 1519 г. (очерки изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ).

— Н. Б. Библіогр. замѣтка (Шмурло—Митр. Евгеній).

— Родосскій. Въ память 75-лѣт. юбилея спб. дух. академіи. (Каталогъ старопечата. книгъ библ. спб. д. ак.).

Зоря №№ 6 и 7—8. 6, 7. М. Старицькій на споминъ Т. Г. Шевченка (стих.).

— *Перші чотыри роки заслання Шевченка.* Написано по ст. Н. И. Стороженка «Кіев. Ст.» 1888 г. № 9.

— *Шевченко въ Новопетровскому.* Написано по ст. Н. Д. Н. «Кіев. Старина» 1889 г., № 3.

— *Ще про Новопетровски часы Шевченковои неволь.* Написано по воспоминаніямъ Н. Усковой съ примѣч. М. К. Чалаго въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., № 2.

— *Щепкинъ и Шевченко.* Написано по рѣчи пр. Н. И. Стороженка (Газ. Гатцука 1888 г. № 6).

— *Шевченко въ цукроварні Яхненка и Симиженка.* Написано по ст. М. К. Чалаго въ «Кіев. Стар.» 1889, № 2.

— *Увольнене Шевченковои родни зъ крѣпачства.* Написано по замѣткѣ Н. Д. Н. въ «Кіев. Стар.» 1889 г. № 3.

— *Зъ житя Шевченка пился повороту за заслання.* Написано по ст. Суханова—Подколзина въ «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Споминки А. Козачковскаго про Шевченка.* Написано по воспом. Козачковскаго въ «Кіев. Телеграфъ»

— *Емилъ Дьоранъ о Т. Шевченку.*

— *Народная пѣсня про Шевченка.* По «Кіев. Стар.» 1885 г.

— *Забороженіи цензурою уступи съ Шевченковои поеми «Катерина».* По «Кіев. Стар.»

— *Нови переклады Т. Шевченка.*—В. Лукича.

— *На вичну память Шевченкови*. С. Павленка (стих.).

— *До Шевченкового свята*—О. П.

— *Наша слава*. (стих.).

8. Новобранчикъ (поема) Ю. Федьковича.

— *Стефанъ Качала* (политично-суспѣльная студія). Ом. Калитовского.

— *Земляки* (этнографични очерки) І. Парубокъ Порфира С. Ісаевича.

— *О. Оооновскій. Исторія литературы рускои періодъ новыи* 9. Григорій Бораковскій.

— *Скобельскій*. О археологичной выставкѣ Ставропигійского Института.

— *Зъ нашего життя народного*.

— *Въ справѣ видносинь украинцовъ до російскои литературы*.

Русскій Паломникъ №№ 9—16. 12, 13. *Торжество православія* съ портретами Гедеоиа Балабана, еп. львовскаго, Кирилла Терлецакаго, Игнатія Поцѣя, Юсифа Сѣмашка арх. литовск., и рисункомъ раки съ мошами свящ.-муч. Аѳанасія Брестскаго.

13. Яблочинская и Дерманская обители, съ рисунками ихъ.

Недѣля 1889 г. №№ 7—17. 7. Лѣсная путаница.

Земское самоуправленіе (борьба городовъ).

8. Въ отдѣлѣ «Новыя книги»—для насъ критическая замѣтка на книгу И. А. Гурвича: Переселенія крестьянъ въ Сибирь. Москва. 1889.

9. Промышленныя школы.

12. Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ кролевецкаго уѣзда (черниговской губерніи) по переселенческому вопросу.

13. Въ отдѣлѣ «Новыя книги» замѣтка на «Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые граф. И. Толстымъ и П. Кондаковымъ. Вып. І. Классическія древности южной Россіи» Спб. 1889 г.

15. Новый фазисъ въ лѣсной путаницѣ (письмо изъ Чернягова).

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» корреспонденція изъ Нѣжняна (чернигов. губ.) о мѣстномъ движеніи къ поднятію культуры сельскаго хозяйства.

Славянскія Извѣстія №№ 5—16. 5, 6. Чехи на Волыни Ш. В. И. Шемякина.

— Червоноруссы. Изъ Галиціи (кор.)—П. Г.

— І. Барвинскій (некр.).

— И. Гриневецкій (некр.).

— Самосознаніе русскихъ галичанъ.

— Угроруссы.

— Іезуиты въ Галиціи (замѣтка).

— Замѣтки о намѣстникахъ въ Галиціи съ 1772 г.

- М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.
- 7. Заграничная Русь. Письмо о Галицкой Руси П. Г.
- 8. Торгъ славянскими дѣтьми въ Венгріи.
- Житомиръ (кор.) О. Досинчука.
- Одесское общ. литераторовъ и ученыхъ (замѣтка).
- Червоноруссы.
- 9, 10. Червоноруссы и Угроруссы.
- Поляки (кор. изъ Львова, гр. А. Замойскій некр.).
- 11, 15. Славяскій элементъ въ Малой Азіи. А. Елисеѣвъ.
- 12. Статья пр. Наумовича, прочитанная въ Слав. общ. 4 дек. 1888 г.
- 13. «Главнѣйшія причины непрочнога госуд. строенія въ Старой Польшѣ.
- Положеніе русскихъ въ Галиціи.
- М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси.
- 14. Заграничная Русь.
- 15. Св. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтителы славянъ. Мстислава.
- Галицкая Русь.
- 16. М. А. Качковскій и общество его имени въ Галицкой Руси. А. Васильева.
- Przegląd Tygodniowy №№ 7—16.** 9. Замѣтка по поводу реферата д-ра Гиршберга въ отчетѣ библиотеки Оссолинскихъ. Въ рефератѣ этомъ, озаглавленномъ: «Изъ временъ бѣдствій и упадка Львова» описывается нападеніе шведовъ въ 1704 г., окончившееся взятіемъ и разграбленіемъ города.
- 10. Сообщается о выходѣ «Малорусскаго альбома узоровъ» Венгерова и Пипко въ Житомирѣ.
- 11. Рецензіи на книги д-ра Гринцевича: Жена послѣдняго старосты звенигородскаго и Продолжительность человѣческой жизни въ звенигородскомъ уѣздѣ.
- 12. Въ корреспонденціи изъ Кіева говорится, между прочимъ, о прогрессивномъ увеличеніи иноземной колонизаціи въ юго-западномъ краѣ. Отъ 1787 до 1861 переселилось всего 5,323 человекъ, за время же отъ 1861—1882 число переселенцевъ достигаетъ 82,908 человекъ. Наибольшее число чужестранцевъ въ уѣздахъ житомирскомъ и луцкомъ, лежащихъ у самой границы: въ 1-мъ оно составляетъ 10% всего населенія, а во 2-мъ—9,6%.
- 14. Извѣстіе о выходѣ книгъ: Противодѣйствіе базилианскаго ордена стремленію блага духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви. Вильно. 1889 г.
- 15. Извѣстіе о командированіи московскимъ археологическимъ обществомъ проф. Завитневича въ Бѣлоруссію для археологическихъ изслѣдованій.
- 16. Извѣстіе о выходѣ книги: Краткое описаніе Житомира, Вержбицкаго. Кіевлянинъ №№ 60—90. 60. Владиміръ-Волинскъ. Корресп. о движеніи нѣмецкой колонизаціи на Волинь.

61. *Къ реставраціи владиміро-волинскаго собора.*

67. Замятка о числѣ сельскихъ крестьянскихъ банковъ въ кiev. губ.— всѣхъ ихъ 57 съ капиталомъ въ 67,000 руб.

— Библ. зам. о книгѣ гр. И. Толстаго и Ковдакова—Русскія древности въ памятникѣхъ искусства. В. 1. Спб. 1889 г.

68. Мартъ мѣсяць—по народнымъ представленіямъ.

69. *Ученый аптекарь университета св. Владиміра Н. Н. Неезе* † 25 марта 1889 г. (некрологъ).

— *Обычай освобождать въ Києвѣ 25 марта птицъ на волю.*

70. Замятка о засѣданіи истор. общества св. Нестора 26 марта. Читаны рефераты: а) В. С. Иконникова. О рукописныхъ коллекціяхъ (ростовская коллекція г. Титова), б). И. В. Лучицкаго—Эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія и в). Т. Д. Флоринскій—Нѣсколько замѣчаній на 1 ч. сочиненія Богуслацкаго «Исторія славянъ».

72. Корресп. изъ Полтавы. Объ упадкѣ коневодства въ полтав. губерніи.

74. Вербная недѣля.

— Замятка о шествіи со святою вербою изъ Петропавловской церкви въ Братскій монастырь.

76, 77. Замятка о муровареніи въ Києво-Печ. Лаврѣ.

79. *Пасха въ Малороссіи и у южныхъ славянъ.*

83. *Забытыя могилы.* В. Г. (о кievскихъ кладбищахъ).

— *Тюжина недѣля.*

— Перепечатанъ изъ № 4 «Кiev. Ст.» анекдотъ объ Александрѣ I въ Бѣлой-Церкви въ гостяхъ у гр. Браницкихъ.

83. *Къ разсказу о посещеніи имп. Александромъ I хаты крестьянина въ м. Бѣлой-Церкви.* Пр. П. Л. передаетъ вариантъ анекдота, разсказаннаго г. Познанскимъ въ 4 № «Кiev. Стар.» 1889 г.

84. Сообщено извѣстіе объ изданіи отд. рус. яз. и слов. Имп. академіи наукъ полнаго собранія сочиненій покойнаго проф. унив. св. Влад. А. А. Котляревскаго.

89. *Юрьевъ день.*

90. *Описаніе клада,* найденнаго 20 апр. въ усадьбѣ г. Гребеновскаго по Троицкому переулку—Г.

Кievское Слово №№ 629—652. 652. Соловьевка (радом. у. кiev. губ.) корреспонденція объ образованіи среди сельск. крест. народа особаго рода группы обывателей «кущниковъ» или «шалашниковъ», распродающихъ все, кромѣ хаты, ради страсти къ тяжбамъ.

638. *Нѣмецкія школы на Волини*—извлечено изъ ст. Лубенца, помѣщенной въ «Церковно-приходской Школѣ».

— За́мѣтка о засѣданіи ист. общ. Нестора 26 марта.

648. *Праздникъ пасхи въ брацлавскомъ у. под. куб.*

— *Капля любви* (волинская легенда).

649. За́мѣтка «Еще объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ».

658. За́мѣтка о найденномъ въ Кіевѣ кладѣ и объ иноземной колонизаціи въ юго-зап. краѣ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 1—10. 2. *Отчетъ кіевскаго Свято-Владимірскаго при Кіево-Софійскомъ соборѣ братства за 24 года его существованія 1887—88 годъ.*

3.—10. *Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности кіевской епархіи въ 1887—88 учебномъ году.*

4, 5. *О произведенныхъ въ прошломъ году передѣлкахъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.*

Волинь №№ 26—71. 26. За́мѣтка о движеніи нѣмцевъ на востокъ.

26—28. П. Новицкаго. *Свеклосахарная промышленность Волини.*

27. *На посидѣлкахъ.* Сообщаются народныя повѣрья о 12 пятницахъ.

32. *Исторія волинской нѣмецкой колонизаціи въ періодъ 1787—1882 и.*

35. *Данныя о количествѣ изданій, получавшихся въ Житомирѣ въ 1888 году.*

36. Письмо изъ Кременца, заключающее въ себѣ нѣсколько географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ данныхъ относительно этого города.

44. Т. Г. Шевченко въ ссылкѣ. Изложеніе статьи изъ мартовской книжки «Кіев. Старины»: «На Сыръ-Дарѣѣ у ротнаго командира».

45. Письмо Бѣлянскаго, помѣщенное въ «Русской Старинѣ», къ Гоголю съ общей характеристикой его произведеній передъ выходомъ въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ».

46. Передовая статья по поводу статьи г. А. С—ча въ «Кіев. Старинѣ» за мартъ: «Изъ школьнаго міра». Авторъ передовицы высказывается противъ развитія общежитій при сельскихъ школахъ, ради увеличенія числа послѣднихъ.

50. Перепечатка изъ «Кіевлянина» замѣтки о положеніи дѣла относительно возстановленія древняго Мстиславова (XII в.) храма во Владиміръ-Волинскомъ.

54. За́мѣтка о состояніи пчеловодства въ м. Купели и его волости (староконстантинов. уѣзда).

54—55. Вл. Б—аго, Древность латинской пропаганды на Руся.

55. Библиографич. замѣтка о квітгѣ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Спб. 1889 г.

56. *Село Ново-Малинь и его историческіе памятники.* Сообщается

маловѣроятныя, основанныя лишь на слухахъ, данныя о дворцѣ и часовнѣ въ этомъ селѣ, сооруженныхъ въ концѣ XIV в. вел. кн. литовскимъ Свидригайломъ, и о находящейся во дворцѣ чашѣ, изъ которой приобщался будто бы св. князь Владимір; по словамъ автора, описаніе этой чаши находится въ какомъ то древнемъ архивѣ дворца. Мы, напротивъ, слышали отъ лицъ, совершавшихъ археологическую экскурсію на Волынь, что это преданіе не имѣетъ подъ собою никакой опоры, а архивъ относится къ XVIII вѣку.

57. Разъясненіе проф. М. О. Кояловича о причинѣ празднованія 50-лѣтія воссоединенія уніатовъ 8 го іюня сего года: празднованіе всегда происходитъ въ девятый четвергъ послѣ пасхи (девятуха), какъ приблизительно средній день совершившагося воссоединенія, а теперь онъ приходится именно 8 іюня.

61. Перепечатка изъ «Харьков. Вѣдомостей» статьи проф. Сумцова о необходимости устройства этнографич. музеевъ, вообще, и, въ частности, просьба сообщать нужныя ему для изслѣдованія свѣдѣнія о писавкахъ.

63. Кореспонденція изъ Острога объ оканчивающейся реставраціи древняго Богоявленскаго храма.

64. Перепечатка изъ газ. «Червоная Русь» статистич. данныхъ о быстроемъ ростѣ еврейскаго населенія въ Галиціи за столѣтіе 1780—1880 г. сравнительно съ христіанскимъ.

71. Библиографич. замѣтка о книгѣ «Волынь. Историческія судьбы юго-запад. края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ». Спб. 1888 г.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—12. 9—12. *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынскіей епархіи.* М. Ляховцы, с. Диклаши, с. Мякоты, с. Малая Родогощъ, с. Семеновъ, с. Сивки, с. Волоское, с. Лиски, с. Сушевы, с. Вариводки (Шороха), с. Тихомль.

9. *Лукианъ Семеновичъ Александровичъ* (некрологъ).

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1889 г. №№ 5—28. 28. Братчиковъ. Остатки волынскіей старины (истор.-археологич. замѣтки). Продолженіе.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 10—16. 10. *Отчетъ ком.-под. комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1888 г.*

11, 12. *Движеніе уніатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при перекрестившихъ епископахъ Гервасій и Іовъ* (прод.).

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—43. 30. Перепечатка изъ Прав. Вѣст. о нефтяныхъ мѣсторожденіяхъ въ кубанской области.

33. Перепечатка оттуда же о фруктово и виноградно-водочномъ производствѣ въ Россіи въ 1886—87 г.

41. Сельско-хозяйствен. и промышленная выставка въ Кишиневѣ (правила такой выставки въ сентябрѣ 1889 г.).

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 3--7. 5. *Отчетъ кишиневскаго семинарскаго Трехсвятительскаго братства за 1688 г.*

— *Мѣры о развитіи просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи въ 1812 г.* А. Стадницкаго.

6. Попытка открытія перваго женскаго училища въ Бессарабіи.— Ав. Стадницкаго.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6, 8. *Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи*, извлеченные изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавск. духовн. консисторіи и семинаріи за время отъ 1818 до 1862 года (прод.).

— П. Скитскій. *Объ открытіи народныхъ библіотекъ.*

7. Даніиль Кушниръ, ктиторъ мліевскій.—П. Левпцакаго.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33. А. Л. *Къ исторіи края.* Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Коропской у.: 14. Видута. 15. Гриценко Самойло. 16. Гриценко Яковъ. 17. Гриценко Моисей. 18. Гриценко Карпъ. 19. Головань. 20. Галайба. 21. Гриценко Павелъ. 22. Гусаковъ. 23. Долинскій Григорій. 24. Дмитренко. 25. Дубиѣцкій. 26. Дроздовскій Василь. 27. Дроздовскій Кирилль. 28. Довгеля Петръ. 29. Жяловичъ. 30. Жолудковскій. 31. Жолнѣръ. 32. Забѣло Прохоръ. 33. Занкевичъ. 34. Зражевскій Иванъ. 35. Зражевскій Андрей. 36. Захаріевскій, 37. Иващенко. 38. Кулаковскій. 39. Косачъ Василій. 40. Кошелевъ. 41. Карташевскій. 42. Кеба. 43. Козловскій. 44. Карпѣка Павелъ. 45. Косачъ Пантелеймонъ. 56. Комашинскій. 47. Курскій. 48. Кругликовъ Никита. 49. Кругликовъ Иванъ. 50. Корсакъ. 51. Лихошерстовъ Василій. 52. Лихошерстовъ Несторъ. 53. Лишень Иванъ. 54. Луценко Демьянъ. 55. Ластовецкій. 56. Лебедь. 57. Лисовскій. 58. Марковичъ Иванъ. 59. Мосцѣпанскій. 60. Михайловскій. 61. Максимовичъ Кирило. 62. Метельскій Григорій. 63. Метельскій Трофимъ. 64. Метельскій Иванъ. 65. Макухинъ. 66. Мелаевскій. 67. Маслюкъ. 68. Навроцкій. 69. Павловскій. 70. Покотило Андрей. 71. Покотило Стефанъ 72. Подольскій Захарій. 73. Псіоль Петръ. 74. Поповъ Стефанъ. 75. Поповъ Федоръ. 76. Петровскій Сидоръ. 77. Петровскій Андрей. 78. Поповъ Нвкифоръ. 79. Попенченко Петръ. 80. Прасоль. 81. Прокофьевъ. 82. Покотиловъ. 83. Раковичъ Дмитрій, 84. Стожко. 85. Сидорскій. 86. Стражевскій. 87. Соломка Яковъ. 88. Соломка Филемонъ. 89. Семеновъ Остапъ. 90. Соломка Фома. 91. Самойловичъ Алексѣй. 92. Самойловичъ Авдрей. 93. Самойловичъ Іосифъ. 94. Соханскій Антонъ. 95. Савченко Семень. 96. Смяловскій Никита. 97. Синѣльниковъ Игнатъ. 98. Соломка Трофимъ. 99. Савченко Тямофѣй. 100. Троцкій Григорій 101. Тупицкій Андрей. 102. Терентенко-Флоринскій Григорій. 103. Трофимовичъ Ананій. 104. Тищенко Федоръ. 105. Троцкій Петръ. 106. Тро-

фимовичъ Федоръ. 107. Троцкій Николай. 108. Троцкій Иванъ. 109. Трофимовичъ Евстафій. 110. Тихоновичъ Макарь. 111. Тумковскій Иванъ. 112. Христіановичъ Петръ. 113. Христіановичъ Александръ. 114. Христіановичъ Иванъ. 115. Христіановичъ Яковъ. 116. Чайковскій. 117. Шижкевичъ. 118. Шабранскій. 119. Щетинскій. 120. Юркевичъ Петръ. 121. Юркевичъ Данило. 122. Яновичъ Михайло. 123. Ямщиковъ Иванъ. 124. Яновскій Павелъ. 125. Глушневскій Иванъ. 126. Гаевскій Федоръ. 127. Глушневскій Іосифъ. Изъ приѣзжаній къ этому списку мы узнаемъ, а) что родъ Барановскихъ происходитъ отъ остерскихъ «бояръ», вступившихъ, по изгнанію поляковъ, въ козацкіе ряды, и что родъ этотъ далъ нѣсколькихъ ученыхъ представителей, б) что сынъ Якова Башуцкаго Павелъ былъ Спб. комендантомъ и сынъ его въ 1830—1840 годахъ занимался литературой, в) данныя о происхожденіи дворянъ Лихошерстовъ, Мосціпановъ, Псіоль, Покотиль, Стожковъ, Соломокъ, Юркевичъ.

III. *Кролевецкій уѣздъ* 1. Скоропадскій Иванъ Михайловичъ. 2. Кочубей Вас. Вас. 3. Яновичъ Ив. 4. фонъ-Фитингофъ Карль. 5. Лазаревичъ Иванъ. 6. Бутовичъ Петръ. 7. Бутовичъ Данило. 8. Трусевичъ Михайло. 9. Силевичъ. Алексѣй. 10. Холодовичъ. 11. Діаковскій. 12. Забѣлло Иванъ. 13. Шрамченко Михайло. 14. Грановскій Яковъ. 15. Писаревичъ-Шкуринъ Ив. 16. Коханѣя Феодоръ. 17. Забѣлло Иванъ. 19. Хилчевскій Тимофѣй. 20. Огіевскій. Лукіянь. 21. Мосціпановъ Климень. 22. Аксіотисъ Яковъ. 23. Покотило Степанъ. 24. Забѣлло Николай. 25. Дзювовичъ Алексѣй. 26. Лазаревичъ Романъ. 27. Ждановичъ Иванъ. 28. Пикусъ Александръ. 29. Александровичъ Иванъ. 30. Телесницкій Никоноръ. 31. Соломко Данило. 32. Михайловскій Федоръ. 33. Александровичева Анна. 34. Войцеховичъ Иванъ. 35. Заруцкій Матвѣй. 36. Камѣнненскій Корнѣй. 37. Александровичева Марія. 38. Мировичъ Стефанъ. 39. Телесницкій Николай. 40. Зубаха-Огинскій Иванъ. 41. Савицкій Алексѣй. 42. Огіевская Феодосія. 43. Огіева Пелагея. 44. Левченковъ Федоръ. 45. Чуйкевичева Катерина. 46. Довгалювскій Иванъ. 47. Сердюковъ Иванъ. 48. Пилатовичъ Василій. 49. Лучницкій Иванъ.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—7. 6. *Именуія Гамальевскаго монастыря Антонія* (Дарья Григорьевна Назаревская). Некрологъ.

Зем. Сборникъ Черниговской губерніи №№ 11—2 11, 12. *О состояніи земскихъ школъ* въ мощонско-боровичскомъ зем. мед. участкѣ городненскаго уѣзда. Врача Божанова.

— *О кочующихъ учителяхъ въ сосницкомъ уѣздѣ.*

— *Отчетъ чернил. общ. бібліотеки за 1887 г.*

— *Движеніе народонаселенія въ 1884—5 и 6 годахъ.* (Глава IV—V. суржскій и кролевецкій уѣзды. Гл. VI общіе выводы) Е. В. Святловскаго.

1—2. Подготовительныя работы губернскаго земскаго врача—Е. Святловскаго.

— Движеніе народонаселенія въ черниг. губерніи за 1884—86 г. Гл. VII. Ковтопскій уѣздъ. Святловскаго. Земское 25-ти-лѣтіе—С. Лисенка.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 67—107 68. А. О. Пистра, ордин. проф. харьк. университета по кафедрѣ ботаники († 14 Марта 1884 г.)—некрологъ.

76. Пр. Н. О. Сумцовъ. *Вниманію сельскихъ жителей*. Указавъ на значеніе этнографическихъ музеевъ, какъ хранилищъ предметовъ народнаго быта, авторъ обращаетъ вниманіе на крашанки—бытовое явленіе весьма любопытное въ художественномъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Обращаясь ко всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ простому народу и интересующимся изученіемъ его быта, авторъ проситъ сдѣлать ему сообщенія или указанія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) «Когда начинаютъ красить яйца? 2) Кто занимается этимъ дѣломъ: маляры по найму, домохозяинъ, домохозяйка или старѣйшая женщина въ домѣ? 3) Какъ производится раскраска, какими красками и откуда овѣ получаютъ? 4) Повѣрья, сказанія, обряды и поговорки, связанныя съ писанками. 5) Какіе выводятся рисунки? 6) Какъ называются пасхальныя яйца (кресты, цвѣты, звѣзды)—по рисункамъ или другимъ признакамъ? 7) Какъ долго хранятся крашанки или ихъ скорлупа? 8) На что употребляются крашанки въ общежитіи и домашнемъ хозяйствѣ?—Всѣ сообщенія будутъ мной разсмотрѣны, и все интересное въ научномъ отношеніи будетъ потомъ напечатано, съ указаніемъ лицъ, доставившихъ матеріалъ, при чемъ можно было бы выслать этимъ лицамъ по нѣсколько оттисковъ статьи объ интересующемъ насъ предметѣ. Желательно было бы получить при этомъ и самыя писанки, съ объясненіемъ, гдѣ и кто рисовалъ ихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и какъ они называются. Если бы явилась возможность составить коллекцію писанокъ, то я передалъ бы ее всецѣло въ одинъ изъ мѣстныхъ художественныхъ музеевъ: университетскій или городской. Такая коллекція имѣетъ право на помѣщеніе въ любомъ музеѣ, художественно-промышленномъ, церковно-археологическомъ и этнографическомъ. Всякаго рода сообщенія по этому поводу прошу адресовать на мое имя: Николаю Федору Сумцову въ Харьковъ, Малогончаровская ул. д. № 34. Недавно берлинское антропол. общ. получило коллекцію малорус. писанокъ изъ подол. губ. и въ органѣ Общества «Zeitschrift für ethnologie» была напечатана небольшая замѣтка объ этой коллекціи. Авторъ замѣтки г. Бартельсъ говоритъ, что разрисовка пасхальныхъ яицъ этой коллекціи отличается художественностью. То обстоятельство, что поляки и нѣмцы интересуются нашими простонародными крашанками, собираютъ ихъ, пишутъ о нихъ въ серьезныхъ научныхъ изданіяхъ, что коллекціи малорусскихъ писанокъ на-

ходятся и въ архи-католическомъ Краковѣ и въ архи-протестантскомъ Берлинѣ, говоритъ съ одной стороны о научномъ и художественномъ значеніи крашанокъ, съ другой—о слабости нашей этнографической науки».

92. Писанки. Приводится малорусская легенда о происхожденіи крашанокъ и писанокъ. Когда Спасителя вели на распятіе, Онъ изнемогъ подъ тяжестью креста; проходившій мимо съ корзиною яицъ крестьянинъ пожалѣлъ Страдальца, поставилъ корзину подъ камнемъ и помогъ Ему нести крестъ. Возотившись съ горы, крестьянинъ заглянулъ въ корзину и нашель, что всѣ яйца въ ней оказались крашанками и писанками.

93. Извѣстіе о приобрѣтеніи арх. Прозоровскимъ при распродажѣ одной бібліотеки нѣсколькихъ интересныхъ древнихъ рукописей, проливающихъ новый свѣтъ на исторію козачества, которыя и будутъ изданы имъ въ свѣтъ отдѣльною книгою.

95. Промышленный прогрессъ южной Россіи.

97. Харьковское отдѣленіе Императорскаго рус. музыкальнаго общества (Истор. оч.).

98. Перепечатка, изъ 4 книги «Кіев. Стар.» этого года, анекдота о пребываніи Александра I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой.

99. Арк. Вас. Шабельскій (некрологъ).

Юмина недѣля (переп. изъ Кіевлянина).

102. Къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину.

105. Открытіе въ Харьковѣ, 25 апрѣля, общества изящныхъ искусствъ (сообщеніе).

78. Слоб. Нижняя Сыроватка (сумскаго уѣз.), корр. объ обстоятельстве, сопровождавшихъ основаніе этой слободы въ 1659 г. и о современномъ ея положеніи.

80. Къ исторіи народнаго образованія въ харьк. губерніи. (Школьное дѣло въ слободѣ Водолагѣ валковскаго у.).—С. Л.

81. Проф. Морозовъ. По поводу весеннихъ разливовъ харьковскихъ рѣчекъ.

83. Библ. зам. о книгахъ: а) Источники и пособія для изученія воронежскаго края. Воронежъ 1889. б) Двадцатипятилѣтіе ворон. публ. бібліотеки. Воронежъ 1889.—Д. И. В.—ѣя.

84. Д. И. Базальй. По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи. Къ предстоящему въ январѣ 1890 г. археол. съѣзду москов. археол. общество рѣшило издать археолог. карту Россіи, для составленія которой необходимо предварительно составить археолог. карты губерній. Составленіе такой карты харьков. губ. поручено автору, который и

обращается съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о донсторическихъ памятникахъ въ предѣлахъ харьк. губ.

89. Посѣщеніе Гос. Имп. Николаемъ Павловичемъ черниговской губерніи — перепечатка изъ Истор. Вѣстника № 4.

90. Кратк. отч. о засѣданіи, 4 апрѣля, историко-филологич. общества: а) сообщеніе Сумцова о дѣятельности пок. члена этого общества лектора англ. яз. У. В. Доунтса; б) Багалѣя — о прибрѣтенныхъ у наслѣд. Головинскаго рукописяхъ, объ атласѣ слободско-украинской губ. 1802 г. и о рукописномъ описаніи харьк. губ. 1831 г.

Южный Край №№ 2822. Окончаніе статьи «Кубанская колонизація въ XIX столѣтіи».

2827. Пастырское увѣщаніе преосв. Амвросія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго, противъ штундизма, проникшаго, по словамъ увѣщанія, въ харьковскую губернію и въ самый городъ Харьковъ.

2832. «По вопросу о составленіи археологической карты харьковской губерніи» — письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалѣя, съ вопросными пунктами, на которые желательны отвѣты, какъ пособіе для составленія археолог. карты.

2833. Замятка въ мѣстной хроникѣ о празднованіи двадцатилѣтія харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности.

2844. Послѣ разговѣнья. Этнографическая замятка Павла Чугуевца, содержащая въ себѣ описаніе деревенскаго времяпрепровожденія въ день Пасхи и отмѣчающая отсутствіе въ народной пѣсенности относящихся къ этому празднику произведеній.

2863. Сообщеніе о ходѣ подписки на сооруженіе памятника Каразину въ Харьковѣ. Для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника до открытія дѣйствій постояннаго комитета въ настоящее время образованъ временный комитетъ изъ четырехъ профессоровъ харьковскаго университета. Комитетъ разослалъ подписные листы въ правительственныя и общественныя учрежденія, а также и частнымъ лицамъ, главнымъ образомъ получившимъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ. Всего на сооруженіе памятника собрано до 7,500 р., изъ которыхъ 5,000 р. пожертвовано харьковскимъ губернскимъ земствомъ.

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости №№ 22—33. 23, 24, 25. Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго.

— Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Долголѣтіе у запорожцевъ. Я. П. Новицкаго.

25. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1888 г. — П. Борзаковскаго.

26, 28, 32. Каменугольные шахты екатеринославской губерніи. А. П — ва.

— Два слова о пчеловодствѣ въ екатеринославской губерніи.

— Народное сказаніе о могилкахъ и каменныхъ бабахъ (перепеч. изъ *Елис Вѣст.*).

28. Общедоступная выставка женскихъ рукодѣлій въ Екатеринославѣ.

— Изъ обл. народ. преданій, повѣрій и рассказовъ. Я. П. Новицкаго Исчезновеніе о — ва Дубоваго на Днѣпрѣ; оскудѣніе рыбъ, звѣрей и птицъ послѣ паденія Сѣчи; змій: плачь невидимаго чудовища.

29. И. С. Чичибашевъ (некрологъ).

30. Въ хроникѣ, сообщено о результатахъ раскопокъ по уполномочію Имп. археолог. комиссіи, произведенныхъ В. Н. Ястребовымъ въ с. Старомъ Койдакѣ и на о-вѣ Каменоватомъ, что подъ Лоцманской Каменкой.

— Страничка изъ исторіи днѣпровскихъ пороговъ, П. Каргопольцева.

31. Александровскій желѣзный заводъ Брянскаго общества въ Екатеринославѣ.

— С. Лоцманская—Каменка (екатериносл. уѣз.). Корреспонденція о раскопкѣ Ястребова.

32. Раскопка кургана въ д. Богодарь александровскаго у. — П. Чайкина.

33. Отчетъ о выставкѣ женскихъ работъ, устроенной обществомъ попечительства о женскомъ образованіи въ Екатеринославѣ 11 — 17 апрѣля 1889 г.

Сборникъ Херсонскаго Земства №№ 2—3. 2. Цифровыя данныя для оцѣнки земель херсонской губерніи.

— *По вопросу объ улучшеніи судоходства въ устьяхъ Днѣпра.* — В. С. Чеважевскаго.

— Приложенія: *Статистическое описаніе аниньевскаго уѣзда, отд. I и тираспольскаго уѣзда, отд. II и III.*

3. Опытъ программы для этнографическаго изученія херсонской губерніи.

Южанинъ №№ 58—91. 91. Историческая справка П. Е.: Къ вопросу о времени перваго столѣтія г. Николаева.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 63—92. 64, 65, 69. Путешествіе Гилденшtedта по елисаветградской провинціи въ 1774 г. (продолженіе).

66, 68, 74. Картины прошлаго и настоящаго. (Отрывки изъ воспоминаній). М. Кротивницкаго.

69, 73, 76. Нѣсколько данныхъ объ елисаветградскомъ уѣздѣ.

70. Еще нѣсколько словъ о чиншевомъ правѣ.

75. Вниманію сельскихъ жителей. Проф. Н. Сумцова. Просьба о томъ, чтобы ему доставляли всякія дашныя, касающіяся приготвленія «крашанокъ» къ Свѣтлому празднику въ Малороссіи.

82. Ростъ южно-русской промышленности.
83. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ «Наталки Полтавки».
85. О представленіи труппой г. Кропивницкаго въ Елисаветградѣ драмы «Доки сонце зійде, роса очы виється».
86. Тоже—о «Назарѣ Стодолѣ».
88. Тоже—о «Черноморпяхъ».
89. Тоже—о передѣланной комедіи «Вусы».
90. Тоже—о «Невольникѣ».
92. Погоя за землю (письмо изъ екатериин. губ.). *Левка*.
Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго пѣвца.
- Одесскій Вѣстникъ №№ 65—94. 65. *Автобіографія Н. Н. Мурзакевича*. М. Р. Статья представляетъ извлечение изъ записокъ Н. Н. Мурзакевича (бывшаго директора Ришельевского лицея и предсѣдателя Одесскаго общ. ист. и древн.), напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ».
71. *О раскопкахъ въ Херсонесѣ*. Передовая статья по поводу споровъ и недоразумѣній, возникшихъ между агентами археографической комиссіи и властями Херсонесскаго монастыря изъ за продажи «археологическаго» камня.
72. *Замѣчательное изданіе*. Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».
73. *О судоходствѣ и судостроеніи на югѣ*.
80. Перепечатано изъ «Р. Курьера» малорусское стихотвореніе, которое приписывается Т. Г. Шевченку и которое, какъ мы полагаемъ, не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями Шевченка (см. объ этомъ особую замѣтку М. Комарова).
82. *Еще о Бьлорудскомъ иурлѣ* (рѣки Днѣпра). *А. Браунера*.
84. *Въ общество исторіи и древностей*. Отчетъ о засѣданіи 27-го марта, въ которомъ, между прочими докладами, обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе В. Н. Ястребова о двухъ частныхъ архивахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Россіи вообще и къ исторіи Новороссійскаго края въ особенности. Первый архивъ—графа Дм. Ер. Остенъ-Сакена, находится въ селѣ Пріютѣ, елисаветградскаго уѣзда; второй архивъ—Ал. Плат. Пишчевича, въ селѣ Скалевомъ, александрійскаго уѣзда, близъ станціи Павлышъ харьк.-ник. жел. дороги.
87. Допустимы ли вѣчно-чиншевыя правоотношенія въ херсонской губерніи? (Передовая статья).
89. *По вопросу о днѣпровскихъ иурлахъ* (Письмо въ редакцію). *В. Чеважевскаго*.

93. *Вопросы мѣстной этнографіи* (Передовая статья).

— *Объ организации физико-географических изслѣдованій на югѣ Россіи.*

— *Ростъ южнорусской промышленности* (По поводу статьи Тиме въ «Горномъ Журналѣ»).

— *Памяти Н. И. Костомарова* (по поводу 4-ой годовщины его смерти). С. К.

94. *Библиографія. Бр.* Краткій отзывъ о четвертой книгѣ «Кіевской Старины» за 1889 г.

Одесскій Листокъ №№ 76—113. 84. Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій правитель 1784—1788 года. Д. Эварницкаго. (Окончаніе; начало въ №№ 56 и 57).

94. Цѣнный вкладъ въ исторію русскаго искусства. По поводу изданнаго труда гр. И. Толстаго и Н. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

95. Праздникъ Пасхи въ деревнѣ. К. К.—ко.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4362—4400. 4385. Корреспондентъ изъ г. Геняческа, по поводу задуманнаго прорытія Перекопскаго кавала, сообщаетъ въ краткихъ словахъ исторію возникновенія этого предіріятія.

Далѣе излагается исторія проекта, приводимаго въ настоящее время въ исполненіе.

4388. Корреспонденція изъ Симферополя, въ которой сообщается между прочимъ: «ко дню Пасхи приурочено въ Крыму много легендъ, изъ которыхъ особенно выдается сказанье о золотомъ кладѣ въ керченскомъ курганѣ, охраняемомъ нечистою силою и доступномъ только тому удалцу, который, ни съ кѣмъ не христусясь и ничего не испугавшись, дойдетъ къ кургану послѣ великой заутрени. Но такого удалца, по словамъ легенды, еще не находилось»...

4389. Оттуда же корреспондентъ, упоминая о значеніи Потемкина въ исторіи южной Россіи и въ частности—Крыма, приводитъ текстъ его *ордера* (отъ 7 янв. 1788 г.) правителю таврич. области Каховскому съ приказомъ: въ вѣду предположеннаго открытія комерческаго порта въ Феодосіи, выселить отсюда татаръ.

4394. Статья о *резешскомъ* землевладѣніи въ Бессарабіи, представляющемъ много аналогичнаго съ существовавшимъ нѣкогда въ Малороссіи *сябриннымъ* землевладѣніемъ.

Крымъ №№ 32—48. 39, 42. Забѣтка о научной экскурсіи учениковъ симферопольской гимназіи 2—8 апрѣля съ цѣлью ознакомленія съ мѣстной исторіей и древностями.

45. Перепечатка изъ «Кіевлянина» описанія Бахчисарайскаго фонтана, сооруженнаго по проекту проф. А. В. Прахова въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года.

— Перечатка изъ «Свѣта» воспоминаній бывш. проф. Полимпсестова о проповѣдяхъ херсонскаго архіепископа Иннокентія по поводу альпинской битвы.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 6—8. 6. *Отчетъ воронежскаго братства св. Митрофана и Тихона за 1888 г.*

7, 8. *Въроисповѣданіе русскихъ сектантовъ рачіоналистовъ* (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ).

Донъ №№ 5—22. 22. Некрологъ драматическаго артиста Н. С. Куколевскаго-Стружкина, уроженца г. Бѣлгорода, курской губерніи.

Донская Рѣчь 1889 года №№ 7—41. 26, 27. «Хлѣбная торговля и мѣры къ ея упорядоченію», Быкова.

41. Ив. Калмыкова. «О лѣсахъ въ области войска донскаго». Статья имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о лѣсахъ на югѣ Россіи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 10—14. 10. *В. А. Щербина. Состояніе народнаго образованія въ землѣ черноморскаго козачьяго войска въ первые годы его существованія* (Прод.).

13, 14. *Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ.* 1. За Бугомъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 60—94. 62, 64, 85, 86, 88, 89, 91. Продолженіе статьи А. Маркграфскаго. «По поводу мемуаровъ князя Адама Чарторыйскаго». Въ №№ 88, 89 содержатся подробности объ отношеніи варшав. партіотич. общества къ декабристамъ и свиданіе представителей ихъ въ Кіевѣ на контрактахъ въ 1824 году.

62. Свѣдѣніе о фамильномъ архивѣ директора москов. архива мин. иностран. дѣлъ, пожертвованномъ имъ завѣдываемому архиву; въ числѣ дѣлъ находятся матеріалы для исторіи Польши и южной Руси

64. Запѣтка секретаря волын. статистич. комитета о движеніи и ростѣ нѣмецкой колонизаціи въ волни. губ. съ 1878 года.

65. Подробное изложеніе содержанія лекцій проф. Д. Я. Самоквасова по южно-русской археологіи.

90. Перепечатка изъ апрѣльской книжки «Кіевской Старины» разсказа о посѣщеніи Александромъ I м. Бѣлой-Церкви.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 12—17. 12. *Положеніе русскихъ жителей города Львова во время Польши* (оконч.) — Пл.

13, 14, 15. *Пятидесятилѣтіе воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ.* (1839—1885). Продолж. и окон. Ив. Стрѣльбацкаго.

14. *Директоръ свислочской учит. семинаріи К. В. Малевичъ.* (+ 17 янв. 1889 г.), некрологъ.

16. *Вильбогослужебная бесѣда* въ день 50-лѣтняго юбилея воссоединенія униатовъ съ православною церковью (1839—1889) св. Романовскаго.

17. *Папскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ униі православныхъ рускиихъ епархіяхъ.*

Курскій Листокъ №№ 30—46. 31. *Длительность щигровскаго сел. хозяйства въ 1887—88 году.*

33. *Воспоминанія объ архим. Вонифатіи*, бывш. намѣстникѣ курскаго Знаменскаго монастыря. (+1889 г.).

— *Докладъ Кичеева о развитіи кустарныхъ промысловъ въ орлов. и курской губерніяхъ.*

34. *Открытіе курской гимназіи* (истор. оч.) NN.

35. *Разработки торфа въ кур. и орлов. губерніяхъ*, докладъ Кичеева.

37, 38, 39. *Березовскія минеральныя воды* (въ хар. губ.).

42, 43, 44. *Курская сторона*, Гл. II. Событія, коснувшіяся курской стороны, въ хронологич. порядкѣ—Р. Маркова.

43. *Огонь и вода въ народныхъ повѣрьяхъ.*—Богдановича.

45. *Радунца и день св. Георгія* (бытовой очеркъ) П. Богдановича.

Смоленскій Вѣстникъ №№ 1—26. 26. «Святочныя игрища въ ельнинскомъ уѣздѣ»; Алексія Стунѣва. Имѣетъ интересъ и для занимающагося южно-русской этнографіей.

Орловскій Вѣстникъ №№ 8—52. 27. Въ отдѣлѣ «Замѣтки»: о селеніи евреевъ въ Америку.

28. Въ отдѣлѣ «Дневникъ»: о движеніи рабочихъ на югъ.

52. Некрологъ П. С. Евсѣенка, воспитанника кіевского университета, земскаго врача черниг. губ.

Червоная Русь №№ 53—85. 56, 60. *Русское духовенство въ іезуитской беллетристицѣ.*

↓ 57. *Къ біографіи Шевченка.* Перепечатка изъ «Кіевской Старины» замѣтки г. Н. Д. Н.

62. Перепечатка изъ «Рус. Курьера» стихотворенія, приписываемаго Шевченку.

Литературное приложеніе къ «Червонной Руси».

7—8. *Обозрѣніе славяно русской письменности и народнаго образованія въ Червонной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскими кордономъ.*

— *Цариградъ въ X вѣцѣ и посѣщеніе ею св. Ольгою.* (Историческій разсказъ).

68. *Антоній Павенцкій*, редакторъ первой галицко-русской газеты «Зоря Галицкая» (некрологъ).

71. *Опытѣкиихъ школахъ на Волини.* Перепеч. изъ «Церковно-приходской Школы».

74. *Нашъ землякъ епископъ Маркелль*. Краткая біографія преосвященнаго.

78. *Великодныи крашанки*. Обращеніе чешскаго писателя Ржегоржа съ просьбой доставлять галицко-русскія крашанки для «Народнаго промышленнаго музея» въ Прагѣ.

79. *Реформа народныхъ школь*.

--- *Нѣмецкій языкъ въ галицкихъ школахъ*.

— *Библіотека институту «Народный Домъ» во Львовѣ*.

81—83. *Реформаторъ*. Любопытный рассказъ о Яковѣ Франкѣ, еврей—сектантѣ, дѣйствовавшемъ на Подоліи и въ Галичинѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія и крестившемся во Львовѣ.

81—82, 84. *Памяти Стефана Качалы*. По поводу брошюры: «*Polityka polska a skarga Rusinów, pszez A. Sulimej*».

83. *Музей Ставропольи и вторая выставка*.

— *Уніатская церковь въ Австро-Венгрии*. Статистическія данныя о греко-уніатскихъ епархіяхъ.

85. *Русскіи колоніи въ угорской Руси*.

Новости и Биржевая газета №№ 67—108. 80. Замѣтка объ исторіи основанія въ Одессѣ «Общества исторіи и древностей южной Россіи» (по поводу исполнившагося 25 марта 1889 г. пятидесятилѣтія существованія этого общества).

83. *Унія и уніаты*.

84. *Письмо въ редакцію П. Козловскаго*. По поводу отзыва Д. Л. Мордовцева объ изданной Гомолинскимъ малорус. піесѣ П. Козловскаго: «Гласный».

86. *Библіографія*. Отзывъ о 1-мъ выпускѣ изданія И. Толстаго и Н. Кондакова: «Русскія древности въ памятникахъ искусства».

97. Панихида по Н. И. Костомаровѣ и освященіе памятника на могилѣ его.

101. *Письмо въ редакцію. М. Старицкаго*. По поводу вышеупомянутаго письма П. Козловскаго

108. *Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца. Д. И. Эварницкаго*.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Антитенко. Молодой Черноморець; сборникъ малороссійскихъ пѣсень Шевченка, Котляревскаго и др. Москва 1888.

Брянцевъ П. Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна. 1889 г., 8 д., XII+659. Ц. 4 р.

Wanke Anna. Hałaniwki (гайвки), czyli zabawy wielkanocne ludu ruskiego we wsi Gorezycach koło Sieniawy w powiecie przemyskim. Krakow. 1889.

Gorzyski Kazimierz. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza Wielkiego. Lwow. 1889.

— 242-е засѣданіе Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса. 1889 г. 8 д., 8 стр.

Извольскій. Иванъ Мазепа, гетманъ Малороссіи. Москва. 1888.

Kopernicki. O góralach ruskich w Galicji, zarys etnograficzny. Krakow. 1889.

Левицкій П. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.») Кіевъ. 1889 г. 8 д., 23 стр.

Лущицкій И. Сябры и сябриное владѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889 г. 8 д., 33 стр.

Морозовъ П. Исторія русскаго театра. Т. 1-ый (до половины XVIII ст.), Спб. 1889 г., 8 д., IX+398+XL. стр.

Отчетъ Императ. Одесск. общ. исторіи и древностей съ 14 ноября 1887 г. по 14 ноября. 1888 г. Одесса 1889 г., 8 д. 69 стр.

Романовъ Семень. Думы и оповиданія дида лирныка. Львовъ. 1889.

Tretiak Jozef. Historja wojny Chocimskiej 1621 r. Lwow. 1889.

Chlebowski i Walewski. Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 110 и 111., 4 д. съ 81 по 240 стр.

Szarłowski Aloizy. Rys historyczny miasta Stanisławowa. Stanisławow. 1888.

Щербовъ-Нефедовичъ. Статистическія таблицы сѣверо-восточныхъ областей Австро-Венгрии. С.-Петербурзь. 1888.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

СТР.

Май и Іюнь, 1889 года.

- I. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Проф. **Θ. И. Успенскаго**. 253—294
- II. Воспоминанія. **М. Н. Чалаго** 295—331
- III. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долині въ 1750 году. **А. Н. Полницкаго**. 332—379
- IV. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. 380—399
- V. Чума. **Мирона**. 400—437
- VI. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. III. Проф **Д. И. Багалѣя**. 438—484
- VII. Культурныя переживанія. XXI—XXXVII. Проф. **Н. Θ. Сумцова**. 485—506
- VIII. Нечистая сила. Повѣсть. II—III. Перев. **К. М.** 507—531
- IX. Старая Брацлавщина и ея люди. I. **Ц. Г. Неймана**. 532—547
- X. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ. **Владимира Ермилова** 548—569
- XI. Документы, извѣстія и замѣтки. Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ. **Вл. Г. Ляскоронскаго**. Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в. **Н. Н. Оглоблина**. Кіевскіе толмачи. **А. Андр. Новомосковскія** учебныя заведенія. **Г. Залюбовскаго**. Короповъ хуторъ. **И. Зозули**. Кудеяровъ курганъ. **Н. А. Добротворскаго**. **К. А. Трутовскій** и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. **Н. В. Шугурова**. По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка. **М. Θ. Комарова**. Весенніе хоробыды, игры и пѣсни. **Хр. П. Ящуржинскаго**. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. **Ювеналія Тиховскаго**. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. **И. Ж.** Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣт-

- нихъ богатыряхъ . **Ө. Каминскаго**. Къ юбилею новгородсѣверской гимназiи. Проф. **И Г. Карпинскаго**. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значенiи змѣи. **М. К. Васильева**. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. **М. К. Васильева**.
- Панская находчивость. 570—639
- XII. Для справокъ. 638—639
- XIV. Библиографiя. Русскiя древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическiя древности южной Россiи. Проф. **Ө. Г. Мищенко**. Акты, издаваемые виленскою археографич. комиссiею. Томъ XV. **И. М. Каманина**. Чтенiя въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца (въ перiодъ 1878—1887 гг.). Книга вторая. Издана подъ редакцiею д. чл. Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго. **И. М. Каманина**. Витебская Старина. Т. V-й. Материалы для исторiи полоцкой епархiи Ч. 2-я. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Проф. **Н. И. Петрова**. Сергѣя Гамченко. Житомирскiй могильникъ. Археологическое изслѣдованiе житомирской группы кургановъ. **Н. Б. Ө. И. Булгаковъ**. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Изданiе Ө. Булгакова и К. Коломнина. **Н. В. Шугурова**. Коперницкiй И. Русскiе горцы въ Галицiи. **Ц. Г. Неймана**. Н. Pöllmann, Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. **И. Л—ка**. Маленькое разъясненiе. **В. П. Науменка**. Обзорѣнiе газетъ и журналовъ за 1889 г. Книги, вышедшiя въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающiяся ю. Россiи. 640—692
- Приложенiя: 1) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго**.
- 2) Мемуары, касающiеся исторiи ю. Россiи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**.
- 3) Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чуируна.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Томъ XXV 1889 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

I. Очерки изъ исторіи кiev. дух. академіи за XVIII ст. проф. С. Т. Голубева	1
II. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры, проф. Д. И. Багалъя	27, 438
III. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуни или Херсонеса. П. Л. (съ планами)	56
IV. Воспоминанія. М. К. Чалаго	74, 295
V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины I. Паск- виль. и судъ. О. И. Левицнаго	92
VI. Культурныя переживанія, проф. Н. Ѳ. Сумцова	125, 485
VII. Іоаннъ Вишенскій. Мирона	141
VIII. Нечистая сила, пов. Остой, пер. съ польск. К. М.	152, 507
IX. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв., проф. Ѳ. И. Успенскаго (съ картою).	253
X. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной до- линѣ въ 1750 г., А. К. Полницнаго	332
XI. Кіевское городское управленіе въ 1786 г., Н. В. Молчановскаго	380
XII. Чума, пов. Мирона	400

- XIII. Старая Брацлавщина и ея люди. I. Кошчичи-Стрижовскіе. **Ц. Г. Неймана**. 532
- XIV. М. С. Щецкинъ, какъ артистъ и человекъ. **Вл. Ерилова** 548
- XV. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ путешествія въ сѣв.-зап. край, проф. **Н. И. Петрова**. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви, **Х. П. Ящуржинскаго**. Имп. Александръ I въ Бѣлой Церкви у гр. Браницкой. **Б. С. Познанскаго**. Къ замѣткѣ **Н. Д. Н.** «Къ біографіи Шевченка». **А. С. Л.** Къ реформѣ Сперанскаго. Народный рассказъ про щасте. Гдѣ и какъ продавались изданія черниг. Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ. **А. Л.** Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. **А. Л.** Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ W. Съ дороги Г. Павлоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ. **В. Г. Лясноронскаго**. Изъ архивныхъ мелочей о Кіевѣ XVII в., **Н. Н. Оглоблина**. Кіевскіе толмачи. **А. Андр.** Новомосковскія учебныя заведенія. **Г. Залюбовскаго**. Короповъ хуторъ. **И. Зозули**. Кудеяровъ курганъ. **Н. Добротворскаго**. **К. А. Трутовскій** и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. **Н. В. Шугурова**. По поводу одного стихотворенія, приписываемаго перу Т. Шевченка. **М. Ѡ. Комарова**. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. **Хр. П. Ящуржинскаго**. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. **Ю Тиховскаго**. Двѣ афиши черниговскаго театра 20-хъ годовъ. **И. Ж.** Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». **Ѡ. Каминскаго**. Къ юбилею новгородсѣверской гимназіи. проф. **И. Г. Карпинскаго**. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣи. **М. К. Васильева**. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. **М. К. Васильева**. Панская находчивость 174, 570
- XVI. Для справокъ 214, 638
- XVII. Библіографія. Zbiór wiadomości do antropologii Krajówej, t. XII. **В. А. Акинфѣевъ**. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго вѣка его существованія. **Г. З. В. Г. Дружининъ**. Расколъ на Дону въ

концѣ XVII в. **А. М.** Хлѣбная торговля въ русскихъ портахъ и въ Кеннгсбергѣ, Федорова. **А. Р.** О древнемъ изображеніи св. Владимира. **П. Л.** Извѣковъ. Высокопреевъ. Иосифъ (Сѣмашко). **И. М. Каманина.** Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. **И. И. Толстымъ** и **Н. П. Кондаковымъ.** Вып. I. проф. **Ө. Г. Мищенко.** Акты, изд. виленск. археограф. коммиссіею. Т. XV-й. **И. М. Каманина.** Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца Кн. 2. Изд. подъ ред. **Н. П. Дашкевича** и **А. И. Соболевскаго.** **И. М. Каманина.** Витебская Старина. Т. V-й. Сост. и изд. **А. Сапуновъ.** **Н. И. Петрова.** **С. Гамченко.** Житомирскій могильникъ. **Н. Б. Булгаковъ.** Альбомъ русской живописи. Картины **В. Д. Орловскаго.** **Н. В. Шугурова.** **И. Коперницкій.** Русскіе горцы въ Галиціи. **Ц. Г. Неймана.** **H. Röllmann.** Beitrag zur ältesten Geschichte des Kosakentums. **И. Л—на.** Маленькое разъясненіе. **В. П. Науменна.** Обзорѣніе газетъ и журналовъ за 1889 г. Указатель новыхъ книгъ, касающихся ю. Россіи 217, 640

Приложенія: 1) Сочиненіе Іоанна Вишенскаго.

- 2) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**
- 3) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**
- 4) Портретъ **М. С. Щенкина** въ роли Чулуна.

Що рама робить до оконъ церковныхъ. Петру Мазурици, що рама робить, напродъ далемъ талара; о святомъ Спасѣ далемъ золотихъ два; септеврїя 20, далемъ шаговъ пять.

Коваль. Коваліомъ двомъ Петру и Мойсею, напродъ далемъ золотихъ два; о святомъ Спасѣ, далемъ золотихъ шестнадцать.

Расходу вышло: за смолу на смолени рыновъ (рынвѣ) церковныхъ, далемъ копу; отъ смолени рыновъ, далемъ шаговъ пять; за рыбу вялую, полтори голови и двѣ сотцѣ, далемъ залотихъ сѣмъ; юля 20-го, у Ромнѣ на ярмарку, за рыбу вялую за одну голову, далемъ золот. пять и грошей шесть; о святомъ Спасѣ, у Лубнахъ на ярмарку, за двѣ голови рыбы, далемъ золот. 10; на томъ же ярмарку, за возокъ желѣза, далемъ зол. осмь и чотири шаги, жеби ковалѣ не ваковали. Тымъ ремесникамъ всѣмъ вышло грошей золотихъ сѣмъдесять и сѣмъ золотихъ и три чехи. Всея тоей сумы вышайписанной панъ Щербина выдавъ сѣмъсотъ золотихъ сѣмнадцать золотихъ.

Реестръ третичный. Року 1685, мѣсяца октоврїя 11 дня, Павелъ Ляхъ третичный вырѣзавъ тысячу сажней третичныхъ, за которые за пять сотъ сажней по чеху, а за пять сотъ по два осмаки заплатили, за которую тысячу пятьдесятъ золотихъ и осмь золотыхъ и осмакувъ десять дали; а харчовныхъ грошей десять золотихъ дали, отъ каждого сотця по золотому; и тые тертицѣ сосновїе на тую жъ роботу на побиване банъ церковныхъ, пошли. Року 1686, мѣсяца маїя 28 дня, Хвеско Бекга, третичный, урѣзавъ сотце сажней третичныхъ по чеху, за которїе дали ему пять золотихъ грошей, а харчевныхъ золотый шестый. Той же Хвеско Бекга урѣзавъ другое сотце сажней третичныхъ, по два осмаки сажень, которому дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевный золотой.—Того жъ року, мѣсяца Іюня 6 дня, Харку третичнику за сотце сажней третичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевный золотый. Того жъ дня, тому жъ Харку третичнику за другое сотце сажней третичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть залотихъ грошей и осмакувъ двадцять, а харчевный золотый.

6 дня, тому жь Харку тертичнику за чотирѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по чеху сажень, дали грошей золотыхъ двадцать, а харчевыхъ золотыхъ чотири. Мѣсяца июля 5 дня, Хвеско Бюга тертичный урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ по два осмаки сажень, которому дали тринадцать золот. грошей и осмакувъ десять, а харчевыхъ два золотыхъ. Мѣсяца июля 11 дня, Харко тертичникъ урѣзавъ двѣ сотцѣ сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, которому дали тринадцать золотыхъ и осмакувъ, а грошей харчевыхъ два золотыхъ. Мѣсяца июля 15 дня, Савцѣ и Харку и Бецѣ за три сотцѣ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пятнадцать золотыхъ, а три золотыхъ харчевыхъ. Мѣсяца июля 16 дня, Харку Веливому и Савцѣ за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пять золотыхъ грошей, а шестой золот. харчовый. Мѣсяца июля 17 дня хвеску Бедзѣ за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцать, а харчовый золотый. Мѣсяца августа 1 дня, Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали пять золотыхъ; а харчовый золотый. Мѣсяца августа 5 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали двадцать пять золотыхъ, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Року того жь, мѣсяца августа 29 дня, Харку Малому тертичнику, за пять сотъ сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали тридцать три золотыхъ и осмакувъ десять, а харчевыхъ грошей пять золотыхъ. Того жь року соптеврѣя 29 дня, тому жь Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцать, а харчовый золотый.

Тимъ тертичникомъ суми вышло за сосновіе тертицѣ за три тысячи и девятьсотъ сажней тертичныхъ, золот. двѣсти шестьдесятъ чотири и осмаковъ двадцать.

Року 1686, мѣсяца июня 24 дня, зъ липовихъ колодѣ тертицѣ рѣзали на образы снѣцаревѣ: Харко тертичникъ урѣзавъ сотце сажней тертичныхъ, по чеху сажень, дали ему пять золотыхъ грошей, а шестой харчовый. Того жь часу, тому жь Харку тертичнику, за другою сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень,

дали ему шесть золотыхъ и осмакувъ двадцать, а харчевый золотый. Року того жъ, мѣсяца июля 16 дня, Харку тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцать, а харчевыхъ грошей золотый. Того жъ року, мѣсяца августа 18 дня, Харку Малому тертичнику, за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотыхъ, а харчовыхъ грошей золотый. Мѣсяца септеврїя 29 дня, тому жъ Харку тертичнику за сотце сажней тертичныхъ липовыхъ, по чеху сажень, дали пять золотыхъ, а харчевыхъ грошей золотый. Тогожъ часу, за другое сотце, тому жъ Харку тертичнику, по два осмаки сажень, дали шесть золотыхъ и осмакувъ двадцать, а харчовый золотый. За тые липовые тертицѣ вышло тертичникомъ за шестьсотъ сажней золотыхъ сорокъ и одинь.

Ковалѣ. Ковалюмъ Петру и Мойсѣю дали золотыхъ чотирнадцять; столару Петру, що рама робить до церкви, дали золотыхъ три.

Дубя. За дубину на потребу церковную, яко то на двери церковные, на балаяси, на рама церковные до оболонь и сницерови на колѣ и на его роботу, видалисмо золотыхъ сорокъ. Роботникомъ, ащо церковь соломою накривали и окна закривали, дали золотыхъ два и осмаковъ чотири.

Сницеру. Мѣсяца юня 13 дня, отецъ игумень самъ давъ Стефану сницеру золотыхъ двѣстѣ. Мѣсяца септеврїя 20 дня, отецъ игумень давъ тому жъ сницеру золотыхъ сто. Тому жъ сницеру давъ отецъ игумень на луй золотыхъ шѣсть. А такъ всей сумы чинить росходу грошового того лѣта 1687, золотыхъ тысяча чотиреста золот. и тридцять шесть золотыхъ.

Рокъ 1687. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и работникомъ презъ все лѣто около церкви робячимъ, почавши отъ весны отъ марта девятого, ажъ до зимы до ноеврїя 12, въ року теперешнемъ 1687, списанїй. Напродъ, майстру мурарьскому и всей челяди его зъ подмайстеримъ, вышло грошей тысяча пятьдесятъ и три золотыхъ. Теслямъ всѣмъ зъ майстромъ ихъ, за все лѣто вышло грошей чотиреста и осмьдесятъ золотыхъ и шаговъ пять. Тертичникомъ вышло триста тридцять и три золотыхъ.—За

жельзо видали двѣстѣ тридцать и девять зол.—Коваліомъ, за все лѣто вышло золотихъ шестьдесятъ и два золотихъ. На дубя и гонты и сосновіе колоды, видали золотихъ шестьдесятъ и шесть. За суль на всѣхъ работниковъ, видали сѣмьдесятъ и сѣмь золотихъ. За рыбу вялую на тихъ же ремесниковъ, видали сорокъ и девять золотихъ.—Сницеру на роботу дали двѣстѣ и двадцать золотыхъ, а за формы до муру, шесть золотихъ. За сѣмя на олѣй томужъ ремеснику, дали двадцать и осмъ золотихъ. За фарбы розныя до розмоліованя муру, видали золотихъ десять. Цегелникомъ за робленя цегли, вышло золотихъ тридцать. За шкло на оболонь церковныя, видали золотихъ двѣстѣ и два золотихъ. За олово и цѣнь до оболонь церковныхъ и до лютованя бляхъ на церкви, видали сто и шесть золотихъ. Кгаевскому дозорчому дали золотихъ десять. Сумскимъ бляхнѣромъ, що приехали на роботу и неуподобано ихъ, дали имъ золот. пять. Ивану бляхнѣру Глуховскому, отъ вибитя жельза бляхи на церковныя полубанки отъ каждой фасы по десяти золотихъ, отъ двадцати фасъ, дали золотихъ двѣстѣ, а що старою бляхою побивали, дали золотихъ пять и шаговъ пять. Поденщикомъ за все лѣто робячимъ, вышло сорокъ и осмъ золотихъ и шаговъ осмъ. Мѣрочникомъ що каменя до олтаря на горное сѣдалище обробляли, польсема золотого. Покрувцямъ тридцатиомъ челоувѣкамъ, презъ все лѣто каждому по пяти талярей, на лѣто вышло золотихъ чотириста и пятьдесятъ золотихъ. Шклярюмъ отъ робленя оболонь церковныхъ, дали сѣмьдесятъ и шесть золотихъ и шаговъ пять. Всего того росходу чинитъ три тысячи сѣмьсотъ шестьдесятъ и девять золот. и шаговъ 8.

Ясневельможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ прислалъ былъ на сее лѣто, для ремесниковъ и работниковъ церковныхъ презъ Ивана Сухину, двѣ тысячи золотихъ осмъ сотъ и девять золотихъ и того жъ лѣта 22 юля, взятый зъ гетманства. А по немъ наступца ясневельможный его милости панъ гетманъ Иоанъ Мазепа септеврѣя 12, прислалъ презъ пана Захаріа Щербину, золотихъ пятьсотъ; то панскихъ грошей вышло три тысячи

триста и девять золот., бо тилко ихъ было. А монастырскихъ грошей выдалисмо чотириста и шесть десятъ золотихъ и шаговъ осмъ.

Тотъ же ясновельможный его милость панъ гетманъ Иоанъ Самуйловичъ далъ бѣлого желѣза бляхи на побитя церкви, фась двадцать.

Рокъ 1688. Реестръ всего росходу грошового ремесникомъ и работникомъ презъ лѣто около церкви робячимъ, въ року 1688 списаній. Напродъ, за щасливымъ владѣниемъ ясновельможного его милости пана Иоана Мазени, гетмана войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозского, повторного ктитора святны обители нашея, докончючи церкви мурованой, на которое докончена будучи намъ допомочнымъ, далъ намъ грошей таларій сто.—Бляхи далъ бѣлого желѣза на побитя церкви тридцать и пять фась. Бляхнѣ-реви отъ вибитя тридцати пять фась, по десятку золотихъ отъ фасы, далъ ясновельможный добродѣи ему золотихъ триста пятьдесятъ.—Мы зась въ монастыри росходъ грошовій, на всѣ ремесники и работники около церкви мурованой, въ томъ року 1688, таковій мѣли: На продъ,—за цѣнь до лютованя бляхи церковной, за пять каменей далисмо золотихъ сто сорокъ и два, за гвудзя побѣлюваное до бляхи за пять десятъ тысячій, тысяча по талару, дали талари пятьдесятъ.—За желѣзо на ланцуги до крестовъ и до всякой церковной роботы, яко то до сницерской на завѣсы до дверой и замки церковніе, на гвудзя размайтіе, выдалисмо золотихъ сто пять десятъ; мураромъ двомъ: Василю Перебийносу и Михайлу Палѣводѣ, дали золотихъ пять десятъ шесть.—Теслямъ дали золотихъ пятьдесятъ и шаговъ польосма. — Покровцямъ двадцятіомъ чоловѣка, сто двадцать золотихъ дали.—Ковалюмъ тромъ, по десяти копь, золотихъ сѣмьдесятъ пять. — Тертичникомъ золотихъ осмъ десятъ. — За десятъ тысячей гонтъ, по пяти золот. тысяча, золотихъ пятьдесятъ дали.—Игнату тесли зъ челядю, що крести на церкви ставили, дали копь десятъ. Тоей сумы всей чинить монастырской золотихъ пятьсотъ осмнадцать и шаговъ поль осма.

А панскихъ сто талари тутже, и чинить всего золотихъ осмъ сотъ осмнадцать и польосма шага.

Испысаніе о церкви святого архистратига Михаила и Гавриила и прочихъ силъ безплотныхъ честнаго ихъ собора.

Со богомъ начахомъ року 1688 мѣсяца июня 11 дня, на день святыхъ апостолъ Варфоломея и Варнавы о святой Троицы, превелебный отецъ игумень Ипатій Горбачевскій совѣтъ сотворили со отци соборными о брами мурованой отъ прїѣзду лохвицкого копцѣркви, на ней святому архистратигу Христову Михаилу, Гавриила, и прочихъ силъ безплотныхъ, да во мѣсто стараго деревянныя церкви и брамы, новую мурованую браму и церковь на ней деревяную новую сооружить, на мѣсту старыя церкви преосвященного Исаии Копѣвнскаго метрополита киевскаго, фундактора нашего, и такъ изволеніемъ Божиимъ и совѣтомъ отца игумена и отцевъ соборныхъ, усмотрѣвши мѣсце и поступивши далѣе выше старыя брамы, идѣ же нынѣ стоитъ брама мурованая и церковь на ней и призываніемъ помощи Божія и святаго архистратига Христова Михаила по запустахъ Петровыхъ, числомъ июня 11 дня, въ понедельникъ, начаша фундамента копати и браму муровати и обѣщаніе отца Ипатія Горбачевского игумена Мгарскаго и братіи соборной и посполитіи братія до того дѣла пристановленій ремесниковъ и посполитныхъ людей муру того и дѣла доглядать усѣмъ коштомъ и накладомъ монастырскимъ за благословеніемъ преосвященного его милости господина отца Гедеона Святополка князя Четвертенскаго, архиепископа метрополита Киевскаго, Галицкаго и всея Малыя Россіи, а за благочестивыя державы и владѣнія великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Иоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, и за рементарства ясновельможного его милости пана Иоана Стефановича Мазепи, гетмана войскъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскихъ, и за панованя пана Леонтія Назаріевича Свѣчки, полковника Лубенскаго, при пану Андрѣю Якововичу, судѣ полковомъ Лубенскомъ, и при отцу Иякову Илиевичу Орѣховскомъ, протопопѣ Лубенскомъ, и при пану Ивану Кулябцѣ и Феодору Кулябцѣ, сыну его, и Петру Кулябцѣ, сыну его, и при иныхъ лю-

дехъ зацнихъ многихъ и при священноерею Григорію Иякововичу, презвитеру святопречискому Лубенскому, а за игуменства превелебнаго отца Ипатія Горбачевского, игумена Мгарского, а намѣсництва иеромонаха Амвросія Василевича и честной братіи: иеросхимонаха Иякова, иеромонаха Ионы Вацовского писара, иерм. Исихія, иер. Варлаама, иер. Сарафіона, иер. Акакія, иер. Дионисія, иер. Иоаннікія, иер. Евагрія и еродіаконовъ: Иоасафа, Евгенія Бабака, Пафнутія, Исакія, Доримедонта, схимонаховъ: Иоанна, Игнатія, Леонтія, монаховъ: Мардарія, Исаии, Кора, Ипполита, Власія, Корнилія, Геласія, Зосимы, Симона и иныхъ братій множество.

Того жъ лѣта 1688, мураромъ и копачомъ, що копали ровъ на фундаментъ и людемъ, що на муръ цеглу носили и теслямъ, вышло грошей девятьсотъ золотихъ и пятьдесятъ золотихъ и десять осмакувъ, за все лѣто до святого Михайла. Знову, на другое лѣто 1689; почали робити отъ марта, тесли и мурари ажъ до святого Михайла, и всякому работнику грошей вышло: девятьсотъ золотихъ, шестьдесятъ золотихъ и три золотихъ. За побитя баней бѣлымъ желѣзомъ, ремесникамъ бляхнѣрамъ, десять копѣ дали; а бѣлоо желѣзо шести фась даное было отъ пана Михайла Вуяхievича, судѣ енералного, а на потомъ zostалаго архимандритомъ Печерскимъ Мелетіемъ Вуяхievичомъ.—За крести три, що на церквѣ стоять, сто талярей дали; желѣза и стали на браму и церковь Михайловскую, за сто талярей вышло. За двадцять оболонъ до тоенжъ церкви зъ шкломъ, оловомъ, цѣпю и желѣзомъ и ремеснику платы, золотихъ сто вышло.—Тертичникомъ за рѣзана дерева и тертиць, золотихъ полтретя ста вышло. Деревя соснины и дубины купили на тую же церковь, за сто талярей.—Кодуль (колудъ?) на виводване, за десять талярей купили.—Коваліомъ, що розные рѣчи робили до Михайловской церкви, золотихъ сто дали.—На браму мурованую Михайловскую вышло грошей монастирскихъ тысячей двѣ триста тридцять вусѣмъ золотыхъ и осмаковъ десять.

Реестръ побожныхъ и христілюбивыхъ ктиторовъ святія обители сея Мгарскія Лубенскія, на созданіе церкве святого архистратига Христова Михайла, которіе кождій зъ нихъ за спасеніе и опу-

щеніє грѣховъ своихъ, коштъ и накладъ свой ронили, року 1688 септеврія 26 дня. Его милость панъ полковникъ Лубенскій ктиторъ и благодѣтель нашъ Леонтій Свѣчка, золотихъ двѣсти и дерева сто колодъ давъ.—Его милость панъ Михаилъ Буроховичъ, полковникъ Гадацкій, ктиторъ и благодѣтель нашъ, приславъ презъ посланника своего Артема, золотихъ сто.—Его милость панъ Даниль Апостоль, полковникъ Миргородскій, золотихъ сорокъ давъ.—Отець Ияковъ Орѣховскій, протопопа Лубенскій, пятьдесятъ и шесть золотихъ и пчоль десятеро давъ.—Отець Ияковъ Филиповичъ пана полковника Лубенского зять, обѣцавъ церковь святого Михаила вымалевати всю.—Его милость панъ Андрей Иякововичъ, судя полковный Лубенскій, ктиторъ и благодѣтель золотихъ шестьдесятъ давъ.—Панъ Иванъ Кулябка, ктиторъ, золотихъ сто давъ.—Панъ Андрѣй Григоріевичъ Островный, сотникъ Лубенскій, давъ талярей три.—Панъ Федоръ Григоріевичъ, атаманъ Лубенскій, талярей два давъ.—Панъ Леонтій Адамовичъ талярей два и килимъ давъ.—Панъ Коряѣй Григоріевичъ десять талярей давъ.—Панъ Василій Левковичъ зъ Петромъ сыномъ своимъ, приславъ два левы. Панъ Фома золотихъ девятьнацять давъ.—Панъ Михаилъ Жаданъ талярей два давъ.—Панъ Семень Тимофѣевичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Семеновичъ талярей два давъ.—Панъ Петро Андрѣевичъ, вуйтъ Лубенскій, таляра давъ.—Панъ Иванъ Ковтуненко, бурмистръ Лубенскій, левка давъ.—Панъ Леско Чорнишенко, котляръ, талярей три давъ.—Панъ Иванъ Мирченко талярей два давъ.—Панъ Максимъ крамаръ левка давъ.—Панъ Леонтій Скорикъ, сотникъ Лубенскій, талярей пять давъ.—Панъ Захарій Салугубъ, сотникъ Лубенскій, зол. десять давъ.

Съ Перятина. Панъ Василій Свѣчка, полковниченко, талярей пять давъ.—Панъ Леонтій Кичкаровскій, писаръ полковный, золот. десять давъ.—Панъ Григорій Никяфоровичъ, асаулъ полковный, талярей 4 давъ.—Панъ Власъ Сіомашко, хоружій полков., талярей пять давъ.—Панъ Андрей, сотникъ Перятинскій, талярей пять давъ.—Панъ Федоръ Губка талярей три давъ.—*Съ Чорнухъ.* Панъ Лаврентій Игнатовичъ Замниборщъ, сотникъ Чорнуш-

скій, талярей десять давъ.—Панъ Ияковъ, асаулъ полковый, талярей десять давъ. *Зъ Сенчи.* Панъ Леонтій Василювичъ, сотникъ Сенецкій, талярей 10 давъ.—Панъ Сергій Криштопенко, атаманъ Сенецкій, талярей пять давъ. *Зъ Городища.* Панъ Стефанъ Иванина, сотникъ Городискій, талярей три давъ.—Братство Михайловское зложили грошей осмъсотъ осмъдесять золотыхъ.

Интерцюзія или постановеня малярское. Року 1689, мѣсяца декаврїа 14 дня. Ку хвалѣ и славѣ всемогущога вседѣйствующога и всеовершающога Бога во Тройци славимога, ку оздобѣ божественнаго храма его церкви святаго Спаса монастыра Мгарьскаго на вималіованіе и на визолоченіе цѣлого дѣйсуса, якій работою сницерьскою естъ виставленъ, уедналъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества войска Запорозскаго, майстра Иосифа Ивановича, обивателя Лубонскаго, которій подіймуется иле способу силы и умѣньтъности его станеть, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиздобѣ и якъ найдосконалѣй тое дѣло было виставленно, показано, а фарба вшелякая до сконченя того дѣла онога маляра повинна бути, тилко золото и сребро панское будетъ, а за его працу зъ его челядю, обѣцуетъ его милости певное уконтентованя меновите: готовихъ грошей золотихъ двѣ тысячи. Муки житной мѣрокъ десять; пшеничной—мѣрокъ три; гречаной муки—три мѣрки; пшеона—осмачокъ пятнадцать; крупъ гречаныхъ—осмачокъ шѣсть, гороху осмачокъ—шѣсть, соли—кулей три; рыбы вялой—головъ пять, а просолной—бочокъ три; олю ияного—полтараста кварть, а конопляного—полтараста; сѣмя конопляного—чотири осмачки; маку—три четверики; яловиць десять, а барановъ сорокъ; сала—пудовъ пятнадцать, а полтей солонины зо костами,—двадцять; масла—фасокъ три, а сира—дѣжокъ три дужихъ; солодовъ—чотири и хмелю до него и проса, якъ звичай; горѣлки простой—тисяча кварть; меду прѣсного—чотири пуди; лою на свѣчки—каменей ¹⁾ осмъ; капусти—кадубовъ два и бураковъ и огурковъ по-

¹⁾ Камонь—50 фунтовъ.

толко жъ; каруку—полкаменя и обрѣзковъ (Ѳ) вилко будетъ потреба; полотна простого—шесть-десять локоть, а бѣзкого—двадцать; камень воску, камень жилъ, цѣбулѣ—вѣнковъ тридцать и часнику десять и сукна тонкого обѣцуетъ его милость по доконченю тоей работи, на сукню.

Іванъ Мазепа рукою власною.

Року 1691, мѣсяца октоврія 20. Интерциза или постановлене снѣцарское до церкви святого Михаила. Ку хвалѣ и славѣ всемогущаго вседѣйствующаго и всесовершеннаго Бога во Троици славимаго ку оздобѣ божественнаго храма святаго архистратига Михаила, монастыра Мгарскаго, на встановлене снѣцарскою работою дейсуса цѣлого, уедвалъ и уговорилъ волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Іоанъ Мазепа, гетманъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорозскаго, майстра снѣцарскаго дѣла Василя Андрѣева, которій поднимется иле способности сили и умѣтности его станеть, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наоздобнѣ и надосконалѣ тое дѣло выставлено было и оказано, а за его працу зъ челядю его, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване меновите: готовихъ грошей—золотихъ триста; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; муки пшеничной—полмѣрки; пшона—осмачокъ двѣ; крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя коноплянаго—осмачку; олѣю—квартъ сорокъ; рыбы—вялоѣ крошиѣ головъ двѣ, рыбы просоловой—бочка; горѣлки—чотириста квартъ; пива—бочокъ двѣ; соли—пудовъ десять; яловиць—двѣ; барановъ—десять; сала—каменной пять; полтей—шесть; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску; рыбнаго каруку—пудъ единъ; шкуръ яловичихъ на клей—двѣ; лоу на свѣчки каменной два; бураковъ—кадовбѣ; капусти—кадовбѣ; огурковъ—полкадовба; цѣбулѣ—вѣнковъ осмъ; часнику—вѣнковъ пять; дровъ на зиму зъ потребу, а при доконченю работи ведлугъ звычайю, самому майстру сукна тонкаго на кунтушь. Звышъ менованный гетманъ рукою власною.

За Михайловскую работу Василеви сницереви, панскихъ грошей ясневелможнаго добродѣя полтретя ста золотихъ дано.

Листъ отъ ясневелможного его милости пана гетмана писанный: Превелебный вбогу господине отче игумене Мгарскій. Умовивши мы дѣла малярского майстра Иосифа Ивановича на отшаловане дейсуса работи сницарской въ монастыру вашомъ до церкви святаго архистратига Михаила здѣланого, посилаемъ до превелебности вашей черезъ умыслнаго посланца нашего, на тое дѣло срѣбра и шпикинарбу, о чомъ превелебности вашей извѣстивши, жадаемъ, абысте превелебность ваша ему, майстровѣ малярскому, указали при монастыру своемъ мѣстце гдѣся работа тая маеть малювати, на якую увесь коштъ нашъ и грошовый и лигоминный оному поступи-лисмо давати и особливою интерцизою нашою, утвердилисмо; тилко хотѣте превелебность ваша дровъ своихъ и потребныхъ посудковъ до тоей работи не зборонити, що предложивши, отдаемъ вашей превелебности молитвамъ святымъ. Зъ Батурина, ноеврїя 2 року 1692. Превелебности вашей жичливый прїятель Иванъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Року 1692, мѣсяца октоврїя 31 дня. Интерциза Иосифу Ивановичу, маляреви Лубенскому, на маляване образвъ на святаго Михаила ку хвалѣ и славѣ всемогущого, вседѣйствующаго и всесовершающаго Бога во Троици славимаго, ку оздобѣ храму божественнаго, святаго архистратига Михаила монастыра Мгарского, на брамѣ мурованой будущаго, на вималюване и визлочене цѣлого дейсуса, якій работою сницарскою естъ выставленъ, уедналь и уговориль волнимъ договоромъ ясневелможный его милость панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского, майстра малярского Иосифа Ивановича, обивателя Лубенского, которїй подиймуется иле способу и сили и умѣтности его станеть, въ ремеслѣ своемъ старатися, абы якъ наиоздобнѣй а якъ найдосконалѣй тое дѣло било выставленно и оказано, а фарба вшелякая до скончєня того дѣла онога маляра повинна бити; тилко золото и сребро наиское будеть; а за его працу и зъ его челядю, обѣцуетъ его милость певное уконтентоване: готовихъ грошей—золотихъ триста панскихъ грошей ясневелможного добродѣя дано; муки житной—мѣрокъ двѣ; муки гречаной—полмѣрки; пшева—осмачокъ двѣ;

крупъ гречаныхъ—осмачку; гороху—осмачокъ двѣ; сѣмя конопляного—осмачку; олѣю иляного—квартъ тридцать; олѣю конопляного—квартъ тврдцать; яловица—одна; барановъ—пять; пшеничного борошна—осмачокъ шесть; соли—пудовъ пять; сала—пудовъ три; солонины—полтей три; воску—полкаменя; яецъ—три копи; мыла—фунтовъ два; полотна боицкого—локоть двадцать; полотна простого—локоть двадцать; рыбы вялой крошнѣ—головъ двѣ; рыбы просоловой—бочка одна; меду прѣсного—вѣдерокъ двѣ; сыра—фасокъ двѣ; масла—фаску одну; лою на свѣчки—каменной два; буряковъ—кадовбъ; капусты—кадовбъ; огурковъ—кадовбъ; цѣбуль—вѣнковъ осмь; чеснока—вѣнковъ пять; дровъ на зиму въ потребу, пива бочекъ двѣ; обрѣзковъ хвощу горшкувъ спотребу; горѣлки—чотириста квартъ. При доконченю работи, ведлугъ звичаю, самому майстровѣ сукна на кунтушъ обѣцуетъ добродѣй Иоанъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Въ Богу провелебный мосцѣ отче игумень Мгарскій, велце мнѣ ласкавій благодѣтелю. Насихъ часѣхъ, по указу ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана, припроважено байдаковъ два вапна, которой вапной отобраземъ мѣрою киевскою отъ пана Кузми дозорца; того вапна мѣры киевское замѣрилисмо осмачокъ пульпятаста и сѣмъ осмачокъ, которое вапна масмъ у спряту и за сторожею, о чомъ предложивши звиклихъ услугъ моихъ залецѣвши, поволность молитвамъ святымъ полецаю мя покорне. Превелебности ваше наипокорнѣйши слуга и подножокъ Сергѣй Колибоженко, наказный сотникъ Домонтовскій. Зъ Домонтова, августа 21 дня 1696 року.

Року 1695, маія дня 14. Ку хвалѣ и славѣ всемогущого Бога во Тройцѣ святой единого, уедналъ ясневелможный добродѣй его милости панъ Иоанъ Мазепа, гетманъ войскъ ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожскихъ, майстра мурарского Ивана Бангисту, которій маючи въ своемъ ремеслѣ досвѣдченное залѣцене, да(лѣ) слово выставити трапезу въ монастыру Мгарскомъ Лубенскомъ, такимъ подобіемъ, высотой, широтою и долгою якъ ведлугъ делинеаціи есть нижея выражено. Меновите: въ длужъ самого фундаменту зъ мурами сажней двадцать чотири зъ надворья мѣ-

ряючи одъ олтаря мѣры внутренней олтари сажней три, церковь сажней пять, трапеза сажней девять, стѣны сажней три, вдлужъ всѣ мѣряючи; а ширины такъ олтарной церковной трапезной, стѣночнои мѣжи стѣнами, вездѣ ровно ведлугъ линіи локоть шѣстьнадцять, а зъ мурами двадцять два, которого муру добрый сажень вширину зъ обудву сторонъ бути повиненъ; коморка въ бокъ трапезы внутренней мѣры въ длужъ сажней два; киларя въ длужъ сажней полтретя; кухня внутренней мѣры въ длужъ сажней чотири; списавши теди зъ фундаменту въ нутрь и зъ надворя долготу и широту трапезы зъ боковими примурками якъ ся муровати ведлугъ делинеаціи albo рачей чертежца маеть въ семь постановленю зъ помянутимъ майстромъ, который чертежець самъ майстеръ умовляючись, подалъ зъ написами локтевой и саженной мѣры, выражаемъ якою высотой маеть бути вгору муровнымъ дѣломъ гнана, то есть отъ фундаменту до щитовъ двоиятрныхъ, сажной десять; вгору трапезѣ соизидатись ведлугъ постановлена повинна зо всѣхъ чотирохъ сторонъ, а одъ фундаменту трапезы зъ надворя передного, передній щитъ фациями, майстеръ повиненъ дати хороши на моць и на позеръ оздобный; вышшая копула олтарная свѣтло, такъ же и баня свѣтлая, дверей, оконъ такъ много, якъ въ самомъ изобразуется чертежѣ, ведлугъ слушности мурарского дѣла и ведлугъ постановлена. О которой трапезѣ зъ фундаменту мурованя ведлугъ визерунку выраженного, умовленъ есть майстеръ Иванъ Баптиста за суму золотихъ полтретитисячи доброй монеты, зъ которыхъ грошей его челяди зъ помощниками бути повинна ажъ зъ початку въ конецъ работа совершится мурарская. А матеріи вшелякой до мурарской работы належной, яко то вапна, цеглы, воды, цѣску, рыштованя и желѣза, достатчатиметь своимъ коштомъ ясневельможный его милость панъ гетманъ. И що сятичеть до всякой харчи и легумини, на особливомъ реестрѣ выраженной колко даватися чога мѣеть ясневельможный добродѣй его милость панъ гетманъ такъ же достатчатиметь. Иванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

Копія листу ясневельможного его милости пана гетмана до отца игумена писаного: Превелесбный въ Богу отче игумень монастыра Мгарского. На дѣло до муру зачинаючогося, посадаемъ тысячу золотихъ гро-

шей, до рукъ превелебности вашей, зъ которыхъ купденые лѣсы по-
 платѣте, на якіе выйдеть золотихъ шѣстьсотъ излишкомъ, а оста-
 токъ мѣте роздати тимъ людямъ, которые будутъ до оною муру цеглу
 дѣлати. Тилко пилно жадаемъ вашей превелебности, абыте якого имо-
 вѣрнаго чловѣка до того дѣла приставили, яко бы и коштъ нашъ
 не расходился на ненадежный убытокъ. Святымъ при томъ ваше пре-
 велебности отдаемъся молитвамъ. Зъ Батурина. Априля 2, 1694 року.
 Вашей превелебности зичливый приятель Иванъ Мазепа гетманъ ихъ
 царского пресвѣтлого величества войска Запорозского рукою.

*Исписаніе вократин о сожженіи трапезы и о созданіи
 паки ея, сице повѣствующее.*

Року 1695, мѣсяца июня 24 дня. Божіимъ попущеніемъ и
 грѣхъ ради нашихъ наказаніемъ, въ монастыру боголѣпнаго господня
 Преображенія Мгарскомъ Лубенскомъ, огонь ведій отъ пекарнѣ воз-
 горѣся въ ноци третіяго часа, отъ якового возгорѣнія преблаго-
 словенной Дѣвы Маріи церковъ и при ней трапеза полата со вся-
 кими запасы и прочія келіи согорѣша, по которомъ сожженіи, пре-
 велебный отецъ Ипатій Горбачевскій игуменъ зъ честными отцы и
 братією соборными, въ велицей печали сице, не имущи отъкуду по-
 мощи обрѣсти на созданіе паки трапезы полаты и прочіихъ хра-
 минъ огнемъ сожонныхъ, совѣтъ сотворше, написаша челобитную до
 малороссійского рейментара ясневелможного его милости пана Иоанна
 Стефановича Мазепи, гетмана войскъ Запорожскихъ (иже коштомъ
 и накладомъ своимъ многіе церкви монастырскіе и мирскіе сооружи,
 такожде и всей Мгарской обители благолѣпнаго Преображенія Го-
 сподня церковъ мурованую и святого архистратига Михаила церковъ
 деревянную на мурованой брамѣ стоящую украси иконами) и зъ та-
 ковымъ челобитемъ самъ превелебный отецъ игуменъ до яснє вел-
 можного пана гетмана вземъ со собою некоихъ братій, поеха, мо-
 лящи его да помилуеъ въ послѣдней нищетѣ и скудости сущихъ
 и да создаеъ ради вѣчнаго своего спасенія, трапезу и таковымъ
 моленіемъ смиреннымъ милостивого гетмана сердце ко милости пре-
 клони, ибо обѣщася вомѣсто древянны согорѣвшія трапезы, муро-

ваную коштомъ своимъ сооружити и таковое панское свое милостивый гетманъ исполняючи обѣщаніе, во второе лѣто сиесть 1694, давши пинязѣ, повелѣ дѣлати цеглу къ уготованной бывшой цеглѣ. Во третее лѣто, еже есть 1695, идуши на враговъ креста святого безъбожныхъ и христоненавистныхъ агаринъ (идеже помощію Божією и преблагословенной Дѣвы Маріи, взя градъ крѣпкій, зовомій Казикерменъ и прочія грады татарскія, сидяція надъ рѣкою Днѣпромъ): повелѣ да заложена будетъ в лѣто настоящее трапеза и прислалъ Яна Баптисту нѣмца, майстра каменныхъ дѣлъ, за полтротѣ тысячи золотыхъ пинязѣй умовленного, на муровое трапезное дѣло. И тако по повелѣнію его панскомъ, тогдажъ начаша на фундаментъ ровъ копати мѣсяца июля десятого дня, на преподобного и богоносного отца нашего Антонія Печерского. Тогожде мѣсяца дня осмнадцатого, на святого мученика Емеліяна, основана бысть трапеза, въ каковомъ основаніи положилъ подъ горнимъ сѣдалищемъ, превелебный отецъ игуменъ зъ прочіими иеромонахи и иереи, камень четверугольный, въ яковомъ камени положени суть мощи святыхъ и хартія писанная на пергаментѣ, сице повѣствующая: Во имя Отца и Сына и Святого Духа, основася сія церковь и трапеза въ монастыру семъ Мгарскомъ Лубенскомъ, во славу великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и во честь и память пресвятыя и преблагословенныя Владичици нашея Богородици и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, ея же есть храмъ, при державѣ великихъ государой царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и при святительствѣ и благословеніи преосвященного архиепископа всея Малыя Россіи митрополита его милости господина отца Варлаама Ясѣнского, а при щасливомъ панованю раба божія ясневелможного пана Иона Стефановича Мазепи, гетмана ихъ царскаго пресвѣтлого величества войскъ Запорозскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра, ктитора святыя обители сея его же, коштомъ и накладомъ сія церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородици и трапеза зъ фундаменту заложена бысть. Суть же здѣ и мощи святыхъ: святого апостола Андрѣя Первозваннаго, иже во святыхъ отца нашего

Иоана Златоустого, святаго великомученика Полиевкта, иже во святыхъ отца нашего Афанасія патріарха константинопольскаго, не тлѣнными мощами въ сей святой обители опочивающаго. Писано въ лѣто отъ сотворенія свѣта 7203, а отъ рождества Христова 1695, мѣсяца июля 18 дня. Сего ради и хартія сія въ семь фундаментѣ покладается во вѣчное знаменіе и время. Аминь.

По основаніи бысть литургія и утѣшеніе веліе. Во утрій же день начать дѣлати преждедеченный мурарскихъ дѣлъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, съ наемники и тако помощію Божіею и преблагословенной Дѣвы Маріи, содѣлаша стѣны до оконъ первыхъ того году. Во четвертое же лѣто, 1696, начать дѣлати преждедеченный майстеръ съ наемники, и презъ лѣто, содѣлаша стѣны вышней оконъ вторыхъ. Во пятое же лѣто 1697, мало что дѣлано бысть за скудостію вапна, таковія ради винны, яко ясневелможный панъ гетманъ для укрѣпленія и сооруженія градонъ бывшихъ татарскихъ и турецкихъ Казикирмена и Таванѣ, зъ войсками пойшовши, презъ все лѣто тамо замеддѣлъ. Въ шестое лѣто 1698, и въ семое лѣто 1699, за скудостію вапна и ктому за оскудѣніемъ презъ неурожаи хлѣба, на муру трапезномъ ничтоже недѣлаша. Восмое лѣто 1670-ное, зце вапно и привезеное до обители было, на ничто же на муру трапезномъ не дѣлано таковія ради винны, яко преждедеченный дѣлъ каменныхъ майстеръ Янъ Баптиста, нѣмецъ, свѣтъ сей пожегналъ. Въ девятое лѣто 1701-е, ясневелможный панъ гетманъ, идущи во страни шведскія противу шведскаго короля на брань, во мѣсто умершаго мурарскаго майстра Яна Баптисти, умовиль мурара Афанасія Ператинскаго за пять сотъ золотыхъ пѣнязей, дабы скончилъ трапезное муровое дѣло, которій Афанасій съ наемники почаль на муру трапезномъ дѣлати мѣсяца маія 26, на святаго апостола Карпа; мѣсяца же июля дня 4, коцулу олтарную заклепивъ, во утрій же день июля 5, на преподобнаго Афанасія Афонскаго, олтарь трапезній съ половиною трапезной церкви до основанія или фундаменту, развалился.

Блаженныя памяти преосвященный Иосифъ Нелюбовичъ Тукальскій нелюбашъ тука лети иновѣрія, православный архиепископъ

метрополитъ вѣвскій, Галицкій и всея Россіи Малыя ексархъ святѣйшаго апостольскаго константинопольскаго ерону, епископъ бывшій Бѣлорускій, архимандритъ Лещинскій, благословеніе на метрополию и ексаршество отъ святѣйшаго Метфодія патріарха Константинопольскаго приеми року 1668, при державѣ благоспасаемого града Кіева отъ православнаго монахи и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, необитавій на престолѣ своемъ метрополитанскомъ святософійскомъ браней ради, преставися въ Чигиринѣ 1675, мѣсяца іюля 26 дня. И во время взятія града Чигиряна отъ безбожныхъ турковъ, принесени мощи его нетлѣнные до монастыря сего Мгарскаго Лубенскаго 1678 мѣсяца августа 8 дня, всечестнымъ иеромонахомъ Макаріемъ Русѣновичомъ зъ братією, игуменомъ того жъ монастыря Мгарскаго Лубенскаго. Року 1681, мѣсяца септеврѣя 26 дня, въ сей стѣнѣ и въ сей церкви боголѣпнаго Господня Преображенія положены въ древяной (sic) надгробовѣ блаженныя памяти преосвященному Иосифу Нелюбовичу Тукальскому: Иосифъ Нелюбовичъ Тукальскій реченній нелюбачъ тука въ себѣ лстивѣ заточенній, отступства вѣры крѣпкій обличитель православія, горливъ защититель, немалованный рокомъ бывшій но на престолѣ въ Кіевѣ не жившій, въ горнемъ престола Сіонѣ искавій тамо да живетъ въ любви правой славы, преставися въ годъ седмдесятый пятый, ти-слща шѣсть сотъ, юля шесть двадцятыхъ шестьдесятъ осмага же отъ рожества лѣта, благословенъ въ санъ и чинъ бысть метрополита чрезъ вселенскаго писмо патріарха Меоодія санъ имѣлъ и ексарха.

Отъ трудовъ ясне въ богу преосвященнаго его милости господина отца Варлаама Ясинскаго, метрополита Кіевскаго, Галицкаго всея Россіи, туда же привезенно святителя мощи съ Чигиряна до брами, тогда всечестный отецъ игумень Макарій Русѣновичъ, вышедши зъ священниками у фелонахъ и діаконы въ стихарахъ, за браму, взяша святителя на рамы своя и внесоша въ храмъ Преображенія Господня деревяную и начаша панахиду пѣти; а по отпустѣ панахиды, поставиша въ папертѣ на лѣвомъ боцѣ, противъ святителя жъ Христова Афанасія, иде же нетлѣнные его мощи опочиваютъ, вѣроу

приходящимъ исцѣленіе подаеть. Тогожь дня Кузма послушникъ съ пекарнѣ прійде съ вѣрою и со слѣзами съ скорченною ему рукою а положилъ на святителя Христова мощи и абіе заразъ рука исцѣлѣ. И мнози съ вѣрою приходящіе, получали цѣлбу и когда мѣлы деревяною церковь роскидати, тогда мощи святителя положенны въ великомъ склепу въ церкви деревяной и егда змуровалася церковь по верхнѣи вукна, винаша святителя мощи зъ склепу со пѣніемъ и честію священники изъ діаконы и изъ протчію братією и поставиша въ мурованой церквѣ по лѣвомъ боцѣ въ папертѣ, где и нынѣ опочиваеть.

Року 1728, июня 24, по благословенію ясне въ Богу преосвященѣйшаго архиепископа Киевскаго и Галицкаго и Малыя Россіи киръ Варлаама Ванатовича пренесени мощи святителя Христова Афанасія, патріархи константинопольскаго, зъ храму богодѣйнаго Преображенія Господня въ храмъ архистратига Христова Михаила и прочихъ силъ небесныхъ, деревяною, его жъ архипастирскимъ благословеніемъ будучи въ тотъ часъ на игуменствѣ превелебнѣйшій его милость отецъ Иларіонъ Роголевскій и билъ того времени въ Москвѣ за дѣлами архиерейскими, а вмѣсто его мѣющому правленіе обители Мгарской Лубенской велебный отецъ Георгій Кувичинскій намѣсникъ тамошній, въ день рожества святаго Иоана, перенесъ чесно мощи святые со подобающею честію; и на правой сторонѣ поставлены и литургію святую соборнѣ отпращивали со молебнымъ пѣніемъ. И въ тотъ часъ зъ мѣщанъ много людей значныхъ было, именно: отецъ Андрѣй Ореховскій, намѣсникъ, и его милость панъ Петро и панъ Феодоръ Кулябки и прочіи. И того дня изъночи былъ дощъ великій, для котораго не имѣли и мощей переносити; а когда собравшиися въ церковь покамось поубирались и проскомидію отправили, ясность великая учинилася и дощъ переставъ и скоро перенесли мощи, заразъ оячь дощъ пошовъ, що для лучшаго извѣстія извѣстилисмо року и дня вышписанного. И того жъ вышписанного року, церковь мурованую все склепене разобрали и по стѣнехъ, где потребо указали и впредѣ идучій годъ 1729, за игуменство его милости господина отца Иларіона Левитцаго на тотъ часъ владущаго ему монастыремъ Мгарскимъ Лубенскимъ

и училищами Киевобратскими ректорство содержащу, божіимъ поспѣ-
шенимъ началимо муровати церковь всемилостивого Спаса, априля 22.

Року 1734, генваря 30, приѣхалъ въ Лубиѣ до храму троихъ
святителей преосвященній архиепископъ Рафаилъ Заборовскій Кіев-
скій и Галицкій, Малыя Россіи; а по службѣ божіей, предъ ве-
чернею, въ монастырь приѣхалъ, а 1 февраля зъ монастыра по-
ѣхалъ его жъ преосвященство до Сорочинецъ, ховати ясневельмож-
ного пана гетмана его милость Давіила Апостола, которого похоро-
нивши февраля 5 дня, вовторокъ на вседной неделѣ, приехалъ
воспять въ монастырь нашъ, февраля же 9 въ субботу; а 11 дня,
рано изъ монастыра жъ поѣхалъ въ понеделокъ до Києва, за игу-
менства превелебного отца Феофана Трофимовича Мгарского.—А
на погребени зъ преосвященнѣйшимъ архиепископомъ Рафаиломъ
Заборовскимъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малыя Россіи, били игумени:
Гавріилъ Леополскій игумень Густинскій да Феофанъ игумень Мгар-
скій Лубенскій, Серафіонъ игумень Сорочинскій, Иларіонъ игумень
Гадацкій, игумень Скельскій, игумень Полтавскій, игумень Нехво-
рощанскій, архидіаконъ Иовъ да Платонъ, писарь консисторійскій,
и иныхъ множество. И погребенъ во градѣ Сорочинцахъ всемилос-
тивяго Спаса, въ церквѣ мурованной въ склену, подъ онбономъ.

Року 1736, маія 20. Божіимъ поущеніемъ и грѣхъ ради
нашихъ наказаніемъ, въ монастыру благолѣпнаго Господня Преобра-
женія Мгарскомъ Лубенскомъ, огонь 2 часа въ ноци возгорѣся отъ
іеромонаха Савицкого, бувшого попа Ждамовского, отъ келли жив-
шого его, стоящей на рову за полатою, отъ пригрубника; и за малую
ядъ, весь монастырь спаливъ, а имено: церковь святаго архистра-
тига Михаила соборъ совсѣмъ, на баштѣ мурованой, всемилостиваго
Спаса весь дейсусъ, въ инбарахъ двохъ бѣлое желѣзо и крести ве-
ликой церкви и риштованя.—Башта деревяная и коморъ шесть, на
ней въ серединѣ была церковь святаго великомученика Георгія, на
верху звоница и дзигаръ и звоновъ 11; въ коморѣ соль и такъ
много припасовъ; звоница мурована и при ней звоновъ и било же-
лѣзное; на церквѣ Благовѣщенія пресвятой Богородицѣ на трепезѣ
крышка и предъдверіе вѣходящее въ трапезу и огородки малованія

на келералиѣ (sic) и на хлѣбодавнѣ кришки и на лоху трапезномъ; пекарня и спижарня со всѣми припасами и посудки; всякіе палати; двѣ келіи со всѣми припасами рыбными, горѣльчаними и посудки и камяница зъ лохомъ;—лодовня зъ медомъ и пивомъ и масломъ и со всѣми припасами рыбными и протчіе, отца игуменскихъ келій внизу три зъ илкаремъ и коморками и огородами маліованими и на версѣ двѣ келіи и чардаковъ два,—садовина въ монастыру и около монастыра и коло винограду и дѣлованя коло монастыра и оплоти коло винограду и челяднѣ;—келія въ огородинѣ и кришка на лоху и посудки огородніе братскихъ келій въ монастыру востѣмъ-надцять и образи и братскіе вещи. За монастыремъ: келій гостинницъ двѣ; келій на виноградѣ двѣ; инбаръ на лоху и комора;—келій шуршовихъ одна а другая тесальня; кришка на лоху шуршовомъ и повѣтъ; драни тысящъ 15; конюшень келій двѣ, а въ конюшнѣ коляси, будки, глабци, тарадайки, хомути, шори шляйціѣ и дуги; ковалня съ келією; гончарня и горнъ; бондарня и стелмашня со всѣми посудки; челядень двѣ и повѣтей шѣсть; гонти тысящъ 20; конюшня, гдѣ челядня комора зъ солодами; клуныя съ потребою дубиною, трамами и ринвами и оплотами. И кто не удивится такому великому огню и да бережетъ всякъ себе отъ огня, которій увесь монастыръ разориль.

Въ монастыру Мгарскій Лубенскій объявленіе.

Сего 1745 году, марта 14 дня, четиредесятницы святаго великаго поста третей седмичи, въ четвертокъ рано, заболѣзновавши я на голову и весьма отягощенъ сномъ былъ и не стерпя такой болѣзни и отягощенія, возлегъ и уснувъ; и въ томъ снѣ, явилося мнѣ, что акичи (sic) въ градѣ я на пѣниіи стоялъ, въ мурованой церквѣ и оная церковь вся на мене въпала и я того утрашася, самъ палъ же ниць на землю, и великимъ голосомъ кричалъ необычно и отъ того сна возбудившия никакой болѣзни на себѣ не усмотрилъ; толко не могъ ничего нимало говорить, аки нѣмъ и послѣ того въ три часа или болше того невѣдаю, сталъ было говорить и говорилъ до самой ночи, а уснувши спалъ всю ночь и возбудившия отъ сна въ пятокъ рано, наки сталъ нѣмъ и немогъ

не токмо чого говорить, но и весьма беззгласенъ; а въ субботу рано, пущено мнѣ кровь съ медіаму и дано отъ аптеки медикаментовъ для питя и полосканыя гортани оними, чтобъ мнѣ отъ такой чѣмьоты свободу получить; якіе я пилъ и гортань оними полоскалъ, токмо отъ оныхъ ничего въ ползу себѣ не приобрѣлъ, но еще и головная болѣзнь етому приключилась, якихъ я медикаментовъ, что мнѣ съ оныхъ ничего въ ползу не было, не сталъ принимать, и оніе оставилъ вовся; того ради положилъ я въ мысли своей во еже би поклонитися рацѣ мощей угодника божія святителя Христова Афанасія, уповая несумѣнно получить при ней исцѣленіе своему языку и такое свое намѣреніе объявилъ сверстникомъ своимъ на хартии, которіе совѣтъ добръ давшѣ мнѣ, дабы не отлагалъ всячески того богоугодного намѣренія согласились и сами со мною поклоненія ради къ рацѣ святителя Христова Афанасія на утріе въ монастырь путешествовали. Приспѣвшой же первой намѣренію моему ноци и по обычаю своему на одрѣ почивающу, си есть зъ субботи противу неделѣ, видѣлъ я явленіе во снѣ такое, что пришедъ ко мнѣ во свѣтлой одеждѣ, единъ человекъ состарѣлый, держай въ руцѣ своей деснѣй, малый цвѣтъ зѣложъ прекрасный зъ ягоди красными и ладе мнѣ, рекъ: приими сей отъ руки моея цвѣтъ и сохрани у себе, имаши бо сего дне по отправленіи божественной литургіи, свѣсти его. И я отъ того сна возбудившися и выбросавши оніе медикамента на дворъ, имѣлъ намѣреніе итти въ монастырь Мгарскій Лубенскій, ради поклоненія мощамъ угодника божія святителя Христова Афанасія, по якому моему намѣренію отъ головной боли освободился, но не возмогъ въ скоромъ времени отходить въ монастырь, мимо вѣдома командира своего полкового писара господина Афанасія Шеляревича, которій заповѣдалъ всячески того утра не бытъ въ отлучки нигдѣ и велѣлъ дожидатся аптекаря Петра Нейдгарда, для осмотра мене и пущенія снадъ языка крове; и отъ того воспащенія мнѣ опять головная болѣзнь возвратилась и я дождаючись онаго аптекаря чрезъ долгое время, недождался, чего ради я самъ тайно въ Мгарскій монастырь пошелъ, отшедшимъ уже сверстникомъ, моимъ съ которими я былъ согласился купно путь

шествовати. И въ оноу монастырь въ храмъ Благовѣщенія пресвятыя Богородици, на божественной литургіи, предъ мощами угодника божія святителя Христова Афанасія и предъ иконою пресвятыя Богородици со всякимъ усердіемъ поклонився, лобизахъ ихъ, прося прилѣжно раздрѣшенія языку. И по отпускѣ божественной литургіи, пошелъ въ одну келію и погодя съ полъчаса или меньше, помощію угодника божія святителя Христова Афанасія, сталъ говорить, что причитатъ какъ мнѣ, яко и всѣмъ людемъ, паче же въ монастырь Мгарскомъ за знатнѣйшее чудо. Я же воздая угоднику божію святителю Христову Афанасію похвалное благодареніе, прошу да будетъ о семъ извѣстно. Копеистъ полковой лубенской канцеляріи сынъ козака сотнѣ Глянской жителя городского Глинского Стефана Галичина Гаврило Галичинъ.

Повѣсть о пожержъ Мгарскаго Лубенского монастыра въ третьей разѣ послѣдовавшей.

Въ лѣто отъ рождества Христова 1775-е, мѣсяца августа 5 числа, въ день самого храмавого праздника Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, когда подъ часъ позней литургіи (которую служилъ настоятель тогда въ Лубенскомъ монастырѣ бывшій архимандритъ Паисій соборнѣ зъ братією, въ болшой каменной Преображенія Господня церквѣ) готовалась въ братерской поварнѣ для приему бывшихъ тогда приѣзжихъ зъ разныхъ мѣстъ разного духовного и свѣцсого чина господъ и протчихъ людей, кушанья, и уже на позней литургіи начали приобщать народъ, то въ самое тое время загорѣлась въ той поваренной трубѣ сажа и отъ того выхвотившись поломье съ трубы на трапезную кришку, начала заразы оная кришка (которая была маліована) въ мѣстѣ съ поваренною и иезъ хлѣбодавскою кришками, горѣть. И тогда стали въ колоколь битъ на гвалтъ, а послѣ трапезной кришки, стала горѣть на полатѣ кришка зъ горницами (которая была такъ же маліована) и полатвицкѣй амбаръ деревяній со всеми вещами. И на камяницѣ и надъ люхоуъ кришка совсѣмъ погорѣла, а послѣ полати стали горѣть на церквѣ болшой Преображенія Господня деревяніе жѣсто

побитіе главы, между коими одна самая старшая глава позолоченна была; а всѣхъ главъ было семь; и какъ стали на церквѣ горѣть главы, то вносили съ церкви какъ всѣ церковніе утвари, такъ и святителя Христова Афанасія мощи безъ раки въ коврѣ, въ садѣ, въ бесѣдку, за настоятельскими келіями состоящей, въ которомъ оніе мощи были двое сутокъ, гдѣ братія по очередно иеромонахи читали Евангеліе, а протчіе монахи досматривали тамъ же въ саду церковныхъ и другихъ вещей. И когда съ церкви выносили утвари, въ той самой часъ сгорѣла брама деревяна и при ней келія колоколя и колоколовъ пять, часовня съ часами полусутковыми, келій деревяныхъ (въ которыхъ тогда намѣстникъ жилъ иеромонахъ Феофилактъ) четыре, еклезиархина келія зъ горницу, на каменныхъ шести братерскихъ келіяхъ крышка совсѣмъ: окошка, двери погорѣли; за брамою погорѣло: конюшня со всѣмъ обозомъ, шафарскихъ келій четири, гостинныхъ двѣ, на виноградѣ келій начальническихъ двѣ, сущня, амбаръ и въ ономъ гонти немало и садовины немало; колешня, бондарня, ткачня, амбаръ коновскій, келій сосновихъ двѣ, ковалня, шурша и другая брама; на низу: баня, кушнѣрня, гончарня, шевня и броваръ совсѣмъ погорѣли. И тогда вся братія въ велицѣ бѣдѣ и печали и боязни находилась, ибо всего почти своего здоровья, равно жъ и имѣнія тогда лишились; всякъ свое что могъ выхопить съ келій, выносилъ за монастырь въ лѣсъ, хотячи съхоронить, но за множествомъ народа нѣгде было хоронить, а беречь такъ же нѣкому; итакъ что монашеское не погорѣло, то посторонними людьми въ лѣсѣ забрато. По пожежѣ жъ осталось въ цѣлости въ церквахъ обоихъ иконостасы цѣлые, въ монастыру настоятельскіи келіи, зъ задворкомъ огородня и братерской ледникъ и гумно съ хлѣбомъ, а протчое все до остатка, строенія всѣ, заборы, тины, задворки и протчое погорѣло. Послѣ того на третій донь, то есть 8 числа августа, взявши честные иеромонахи съ бесѣдки святителя Афанасія мощи, вънесли паки въ болшую церковь и посадили въ его раки на лѣвой сторонѣ между столбами, гдѣ и прежде были и нынѣ состоятъ. Въ той же самой Спасовъ день, когда уже пожежа мало утишилась, въ вечеру, по прошенію

настоятеля архимандрита Паисія, прислана съ города Дубень отъ полковнхъ старшинъ въ монастырь команда козаковъ вооруженныхъ, какъ для караулу церкви, такъ и всего погорѣлого монастыря и въ немъ оставногося отъ пожежи имущества, съ коихъ часть козаковъ стояла ночью и днемъ въ кругъ церкви абахта, а часть козаковъ по рознимъ мѣстамъ, гдѣ имущество монастырское хранимо было (тутъ и братія наипаче въ церкви днемъ и ночью смотрѣли) и караулили всего того чрезъ два дни. О той пожежѣ настоятель архимандритъ Паисій зъ братію, того жъ августа 10-го, репертоваль къ преосвященному Гавріилу митрополиту Киевскому и Галицкому.

Игумены монастыря Мгарского прежде бывшіе.

Отець Исаія Бопинскій епископъ.—Отець Феодосій по Василіи, и еросхимонахъ Иоанъ Вишніовичъ.—Отець Василій — Отець Каллистратъ.—Отець Иоанъ Высоцкій.—Отець Самуиль.—Отець Серафіонъ Васкевичъ.—Отець Исаія.—Отець Петроній Левковичъ.—Отець Викторъ Загоровскій.—Отець Калисть Билицкій.—Отець Виссаріонъ.—Отець Макарій Русѣновичъ.—Отець Ипатій Горбачевскій.—Отець Амвросій Биликовичъ, року 1705, зосталь игумень — Отець Филаретъ Коцаковскій.—Отець Алексѣй Петрина.—Отець Иларіонъ Рогалевскій, року 1722.—Отець Иларіонъ Левицкій.—Отець Георгій Ласковскій.—Отець Феофанъ Трохимовичъ, 1733 сентября 25 дня приѣхаль.—Отець Тимофтей Щербаккій.—Отець Иоасафъ Горленко 1737-го года поставлень игуменомъ и приѣхаль въ монастырь того жъ 737 года, июля 7 дня, на игуменство; игуменоваль же въ монастырь неисходно и безъперемѣнно 3 годъ шесть мѣсяцей и 24 дни. Между тѣми годами имянно 1742 года сентября 10, ездиль въ Москву отъ монастыря за милостянею, гдѣ бавился до 1744 года августа по 16 число; а отъ туду возвратившись, поставлень первый архимандритомъ въ сей Мгарскій монастырь, 1744 года сентября 14 дня, преосвященнымъ Рафаиломъ Заборовскимъ, архиепископомъ митрополитомъ Киевскимъ, Галицкимъ и Малня Росіи, въ катедрѣ Киевской, въ церкви святой Софії премудрости Божія, а потомъ паки взятъ въ Москву того жъ 1744 года, ноября въ послѣднихъ числахъ, по указу, што ему отъ роду четиридесатое.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы считаемъ удобнымъ уважать нашихъ читателей не то каждое явленіе, законъ представляеть запись современнаго при изученіи исторіи каждаго народа. Если этотъ источникъ историческаго знанія и употребляетъ въ отношеніи фактической точности свидѣнія архивныя, то онъ долготаетъ несокѣнно свидѣтельна авторъ, представляя полную, жрую и равносрочную картину народнаго быта, и даетъ возможность оцѣнить уровень общественнаго развитія и отношеніе общественнаго мінія къ событіямъ, происходившимъ въ описываемое историческое время. Потому мы полагаемъ, что для полнаго и безпристрастнаго пониманія каждаго историческаго момента необходимо при ея изученіи обращаться съ записками современниковъ.

Для исторіи юго-западной Руси существуетъ довольно многочисленный рядъ записокъ, начиная съ половины XVI столѣтія. Записки эти составляются по большей части иностранцами или туземцами, писавшими на иностранныхъ языкахъ; при томъ онѣ помѣщены въ изданіяхъ спеціальнахъ, мало распространенныхъ и мало доступныхъ, или напечены были давно и составляютъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ мало доступны для большаго круга интеллигентныхъ читателей. Безъ восполненія этого недостатка, ощущаемый всѣми лицами, заинтересованными изученіемъ юго-русской старины, редакція «Вѣстникъ Старины» намѣрена помѣстить въ приложеніяхъ къ журналу, въ переводѣ на русскій языкъ, цѣлый рядъ записокъ современниковъ, начиная съ половины XVI до начала XVIII столѣтія. При переводѣ редакція будетъ стараться къ тому, чтобы передать во мѣрѣ возможности точно смыслъ подлиннаго текста; при томъ переводы будутъ снабжены необходимыми для уясненія текста комментаріями.

Въ составъ предлагаемой серіи мемуаровъ редакция предполагаетъ включить слѣдующія записки:

Михайло Литвина. Отрывки о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum fragmenta decem).

Леонарда Горецкаго. Описаніе войны Ивопіа, поводы волошскаго (Descriptio belli Ivenia, voivodae Valachiae).

Эриха Лассоты. Дневникъ (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau).

Якова Собескаго. Записки о хотинской войнѣ (Commentariorum chotinensis belli libri tres).

Гильома Боллака. Описаніе Украины (Description d'Ukraine).

Іоанниа Ераича. Литовскія записки (Latorpisiec).

Симеона Околяскаго. Дневникъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ между войсками коронными и запорожскими въ 1637 и 1638 годахъ (Djarjusz trauzakeji wojennej między wojskiem koronnym i zaporowskim w 1637 r.; kontynuacja djarjusza wojennego w roku 1638).

Богуслава Мишкевича. Записки (Pamiętnik).

Николая Емеловскаго. Записки (Pamiętnik).

Записки авиниана, изданныя Войццикомъ (Pamiętniki do rapania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza).

Криштофа Перетятковича. Отчетъ о заслугахъ Гѣчи Посполитой (Informacja uslugi ku Rzeczy Pospolitej).

Патрика Гордона. Дневныя записки (Tagebuch des generaien Patrick Gordon).

Ана Зеленецкаго. О побѣдѣ, одержанной надъ Шереметевымъ (Memorabilis victoria de Szeremetho).

Ана Юзефовича. Литовскіе.

Изъ всего ряда перечисленныхъ записокъ только 4 были понынѣ изданы въ переводѣ на русскій языкъ, но изъ нихъ 2—Михайла Литвина и Перетятковича были помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ и весьма мало распространенныхъ, записки Боллака, изданныя въ русскомъ переводѣ Устряловымъ еще въ 1832 году, составляютъ въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, только записки Эриха Лассоты въ переводѣ Бруна издаваемы относительно недавно; предпринятая изданіе новаго періода, редакция имѣетъ въ виду съ одной стороны желаніе не исключать изъ серіи своего изданія мемуара первостепенной важности, съ другой стороны она разсчитываетъ представить переводъ болѣе точный, такъ какъ ей удалось

получить экземпляръ пѣмецкаго изданiя, слѣченный съ рукописью Бауденской библіотеки, при чемъ многочисленныя ошибки, допущенныя въ пѣмецкомъ изданiи Шоттша, были тщательно исправлены по рукописи самого Лиссоты.

При изданiи записокъ редакціа будетъ переводить только тѣ части ихъ, которыя относятся къ исторiи южной Руси, оставляя въ сторонѣ иногда довольно объемистыя отдѣлы, относящіеся къ исторiи другихъ странъ. Такія сокращенія въ большихъ размѣрахъ будутъ сдѣланы при переводѣ записокъ: Лиссоты, аковима, Гордона и Юзефовича. Сверхъ того, въ составъ издаваемой серіи войдутъ небольшіе отрывки изъ тѣхъ мемуаристовъ, сочиненія которыхъ, посвященные исторiи другихъ странъ, содержатъ болѣе или менѣе обширныя эпизоды, относящіеся къ исторiи юго-западнаго края, какъ на-примѣръ: Blaise de Vignére (*La description du royaume de Pologne et pays adjacents*), Альбрехтъ Радзивиллъ (*Pamiętniki*), Delavac (*Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du règne de Jean Sobieski*), Залински Яна Паска и Потоцкы, Огинновскій (*Opisze Polski pod panowaniem Augusta II*) и т. п.

Извлеченіе изъ сочиненія Михайла Литвина.

(1550 г.).

Среди мемуаристовъ XVI столѣтія, записки которыхъ относятся къ исторіи западной Руси, первое мѣсто какъ по времени, такъ и по важности сообщаемыхъ свѣдѣній занимаетъ Михайло Литвинъ. Къ несчастью, сочиненіе его не дошло до насъ въ полномъ видѣ.

Первоначальная рукопись, написанная авторомъ на латинскомъ языкѣ, была раздѣлена на десять книгъ, но первый ея издатель Грассеръ, пользовавшійся подлинною рукописью, надалъ се не цѣлкомъ, а напечаталъ лишь отрывки первой и девятой книгъ и сокращенія изъ отрывковъ остальныхъ восьми книгъ. По свидѣтельству самого Грассера, онъ значительно сократилъ первоначальный текстъ записокъ Михайла Литвина; при окончаніи первого отрывка онъ помѣстилъ объясненіе, подъ заглавіемъ: „вѣсто къ читателю“, въ которомъ говоритъ: „Послѣдующія за сими книги Михалонъ наполняетъ только жалобами на испорченныя права своего народа, говоря, что это самый губительный врагъ, котораго должно изгнать прежде всего. почему онъ желаетъ, чтобы нравы были исправлены, и указываетъ королю на средства, какъ достигнуть этой цѣли. Но ны, слушавъ эти жалобы, позволимся только съ тѣмъ, что принадлежитъ собственно къ исторіи“.

Въ такомъ сокращенномъ видѣ Грассеръ издалъ записки Михайла Литвина въ Вазелѣ въ 1615 году, въ сборникѣ, въ составъ котораго вошло еще нѣсколько разнообразныхъ статей, какъ это видно изъ его заглавія: „Michaelonis Litvani de moribus tartaro-

referta—et Johannis Laticii Poloni de diis Samagitarum caeteraque Sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione Armenorum. Et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum C. P. ex manuscripto autentico edita. Basileae, apud Conradum Waldkirchium MDCXV^o.

Весь этот сборникъ Грассеръ посвятилъ кн. Октавиану-Александрѣ Прусскому, вѣрку извѣстнаго кievскаго воеводы Фридриха Гиббонича Прускаго, съ которымъ познакомился во время путешествія молодого князя за границу, предпринятаго имъ съ цѣлью завершить свое образованіе.

Въ началѣ сборника Грассеръ приложилъ генеалогію рода князей Прусскихъ, неполноценную, впрочемъ, неточностей я ошибокъ, и посвященіе князя молодому князю, въ которомъ онъ объясняетъ въ такихъ словахъ цѣль своего изданія: „теперь, когда ты предполагаешь возвратиться въ отечество, то, по возвращеніи твоёмъ, тебѣ, безъ сомнѣнія, придется по временамъ сражаться съ татарами и козакотыахъ—я рѣшился послать къ твоему знаменитому ливонъ этотъ трудъ, въ которомъ вѣрно изображается жизнь сихъ враговъ“. Далѣе въ посвященіи Грассеръ сообщаетъ слѣдующія подробности объ издаваемыхъ имъ запискахъ: сочиненію это было написано въ 1550 году для Сигизмунда Августа, только что вступившаго на польскій престолъ; издатель назвалъ рукопись среди бумагъ типографщика Петра Перны, которому она была преплана въ Польшу для напечатанія.

Изданіемъ Грассера воспользовалась впоследствии фирма Эльзевировъ и переиздала часть записокъ Михайла Литвина въ сборникѣ, посвященъ заглавію: „Respublica sive status regni Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae etc. diversorum auctorum Langduci Batorum. Ex officina Wlodeviana. Anno MDCXXVII^o“.

Шестая статья этого сборника (стр. 165—174) озаглавлена такъ: „Quaedam ad Lituaniam pertinentia ex fragmentis Michaelonis Lituani“. Статья эта заключаетъ только отрывки 4-й и 5-й грассеровскаго изданія и то съ некоторыми пропусками.

Уже въ недавнее время гдеть отрывокъ Михайла Литвина

вій“, изданномъ Калачовымъ; онъ помѣщенъ во второй половинѣ второй книги этого изданія (Москва 1854). Калачовъ перепечаталъ весьма точно латинскій текстъ Грассера по экземпляру его сборника, принадлежащему библіотекѣ московскаго университета, и приложилъ къ нему русскій переводъ, составленный С. Шестиковымъ.

Разсматривая этотъ переводъ, мы нашли въ немъ нѣкоторыя неточности и сокращения, сверхъ того мы не всегда могли согласиться съ переводчикомъ относительно пониманія самого текста и потому составили заново предлагаемый переводъ. Мы думаемъ, что для лицъ, занимающихся исторіею западно-русскаго края, переводъ этотъ можетъ представить нѣкоторый интересъ какъ въ виду научной важности предлагаемаго историческаго матеріала, такъ и потому, что изданіе Калачова, какъ изданіе слишкомъ специальное, мало распространенное, составляетъ уже теперь библіографическую рѣдкость и потому мало доступно для большаго широкаго круга читателей. При составленіи перевода мы болѣе всего заботились о его точности, старались держаться по возможности близко къ подлиннику, вследствие чего припуждены были сохранять чрезвычайно скатый и нѣсколько витіеватый способъ изложенія автора, полагая, что при переводѣ историческаго матеріала гораздо важнѣе возможно большая близость къ оригиналу, нежели стилистическая легкость изложенія.

Время составленія записокъ Михайлы Литвина Грассеръ опредѣляетъ 1550 годомъ; цифра эта вполне подтверждается тѣми данными, какія заключаются въ самомъ ихъ текстѣ. Авторъ перечисляетъ многія событія первой половины XVI столѣтія, ссылаясь на нихъ, какъ на факты изъ недавняго прошлаго; таковы его замѣтки о битвахъ: при Клецкѣ (1506), Лозувной (1512), Соколѣ (1519), Мосачѣ (1526), Ольшаницѣ (1527) и Очаковѣ (1529), равно какъ и замѣтка о пожарѣ, истребившемъ Вильно (1529). Далѣе авторъ называетъ своимъ современникомъ п. к. Іоанна IV Васильевича (вступившаго на престолъ въ 1533 г.). Перечисляя событія, случившіяся въ царствованіи Сигизмунда I († 1548), онъ всегда упо-

Наковецъ, оныъ называють яля современнаго ему крымскаго хана Сахыбъ-Гирей, посыланаго въ 1551 году. Составляя приведенныя данныя, можно довольно точно опредѣлить время составленія записокъ—это промежутокъ времени между 1548 и 1551 годами, что вполне подтверждаетъ сообщенную Грассеромъ дату.

Герою труднѣе опредѣлить личность самого составителя. Первоначальному издателю оныъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Михаила Литвина. Разувѣтомъ, Михаилонъ—это латинизированное имя Михаилъ и при томъ въ той формѣ „Михайло“, которая была во всеобщемъ употребленіи въ Руси въ XVI столѣтіи; по латыни ее писали „Michalo“ и составляли родительный падежъ отъ него на латинскій ладъ—Michalonis. Литвинъ—это, конечно, имя народа, изъ среды котораго происходилъ составитель записокъ, фамильнаго же имени нашего автора мы не знаемъ. Дѣйствительно, изъ самаго текста записокъ можно констатировать, что авторъ ихъ принадлежалъ къ народности литовской: оныъ знаетъ литовскій языкъ и въ 5-й книгѣ приводитъ болѣе 70 словъ, по его мнѣнію, общихъ для языковъ латыскаго и литовскаго. Въ началѣ отрывка этой главы оныъ говоритъ весьма опредѣленно: „Русскій языкъ чуждъ намъ, литовцамъ, происходящимъ отъ италыпской крови“.—Изъ данныхъ, относящихся къ биографіи автора, выведенныхъ въ его разсказѣ, мы знаемъ только, что оныъ лично посѣщалъ Крымъ и, судя по количеству собранныхъ имъ наблюдений, пробылъ въ этой странѣ довольно продолжительное время; находясь въ Крыму, авторъ не только пользовался полною свободою, но даже, какъ кажется, имѣлъ доступъ къ ханскому дворю; предполагать это можно по тѣмъ подробностямъ публичной и частной жизни Сахыбъ-Гирей, которыя мы встрѣчаемъ въ запискахъ. На этомъ основаніи, а также по смыслу обращеній литовскаго илѣвника, съ которымъ авторъ разговаривалъ въ Кафѣ и который поручалъ ему передать великому князю различныя соображенія, можно предположить, что составитель записокъ былъ одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ, часто посылаемыхъ въ Крымъ литовскимъ правительствомъ.

Пересмотрѣвъ изданныя повнѣе документы, отвѣсившіе къ

вѣвъ XVI столѣтія, мы встрѣчаемъ нѣсколько лицъ, надѣявшихся въ качествѣ пословъ или гонцевъ въ орду, посвятившихъ имя Михайла. Такъ, на двухъ письмахъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирюу, писанныхъ въ 1510 г. (13 и 27 ноября) находимъ пометки: „Тотъ листъ посланъ до орды дядею Михайломъ“ и „Тотъ ярлыкъ одъ короля в. и. посланъ до Менгли-Гирея, царя Перекопскаго, тѣмъ же дядюшю Михайломъ“¹⁾.—Въ 1511 г. письмо Сигизмунда I къ литовскому послу, находившемуся въ Крыму, начинается слѣдующими словами: „Дворянину нашему Михайлу Павши и писарю нашему Михайлу Васильевичу“; тотъ же писарь посольства, Михайло Васильевичъ, снова былъ посланъ въ Крымъ въ 1513 году съ письмомъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирюу²⁾. Наконецъ, въ 1538 году этотъ король обращалъ вниманіе на полъ рады литовской на то, что дипломатическія отношенія къ Крыму приняла враждебный характеръ и, между прочимъ фактами, указывалъ, что „царь перекопскій логкость послу его илюств, Михайлу Тинковичу, татъ въ Орду выредилъ“³⁾. (Документъ не указываетъ, въ чемъ состояло оказанное послу неуваженіе). Навѣтъ кажется, что одно изъ поминкованныхъ лицъ весьма правдоподобно могло быть авторомъ записокъ „О правахъ татаръ“. Если допустить возможность такого предположенія, то можетъ быть составленіе записокъ скорѣе всего можно бы приписать Михайлу Тинковичу, такъ какъ его посольство въ Крымъ происходило уже при Сахыбъ-Гирей, всего за 12 лѣтъ до времени составленія записокъ.

Записки Михайла Литвина представляютъ богатый запасъ свѣдѣній, относящихся къ внутреннему быту великаго княжества литовскаго; въ пздальной части записокъ еще болѣе уцѣлело свѣдѣній о бытѣ крымской орды и объ ея отношеніяхъ къ литовско-русскимъ областямъ. Впрочемъ, при всемъ богатствѣ фактическаго матеріала записокъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ крупный недостатокъ въ планѣ и характерѣ сочиненія. Авторъ вѣдь въ виду

¹⁾ Pulaski, Stesunki Polski z tatarskożyrmą, стр. 309 и 315.

²⁾ Татъ же, стр. 382, 383 и 410.

³⁾ Лѣтъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи, т. I, стр. 87 и 97.

не столько повествованіе о видѣнномъ и слышанномъ кнѣ, сколько цѣль дидактическую. Очевидно, несь рассказъ направлень къ тому, чтобы оказать влияние на молодого короля Сигизмунда-Августа и побудить его принять мѣры къ исправленію нравовъ и подъему эмиграціи въ средѣ литовскихъ земель. Съ этою цѣлью Михайло утрясаетъ съ одной стороны недостатки своихъ соображеній, съ другой добродѣтели совѣдой, при чемъ нерѣдко попадаетъ въ противорѣчіе какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими историческими свидѣтельствами. Впрочемъ, эту излишнюю долю шаржа читатель отличать весьма легко при внимательномъ чтеніи.

ОТРЫВОКЪ I.

Хотя мы считаемъ татаръ ларидраицъ и Бѣдьяками, но они гордятся воздержностью своей жизни и древностью своего скытского происхожденія, утверждая, что народъ ихъ происходитъ отъ Авраама и что онъ никогда не былъ никѣмъ обращенъ въ рабство, хотя и страдалъ по временамъ отъ нападеній Александра, Дарія, Кира, Ксеркса и другихъ могущественныхъ царей и народовъ.

Шибъ татары раздѣлены на нѣсколько ордъ, т. е. народовъ: такъ, за сѣбдями нашими, перекопскими татарами и соучастниками ихъ, бѣлгородскими и добруджскими ¹⁾, живущими на границѣ Молдавіи, къ востоку находятся могущественныя орды, принадлежныя персической: одна исфагенская, другая астраханская ²⁾, третья за рѣкою Танаисомъ, которая называется также Волгою ³⁾ — заволжская; это родина царя Батты, остановившаго Венгерію. Орда эта ибкогда господствовала надъ иоскитянами и всѣми русскими, теперь она примкнула къ казанской ордѣ. Далѣе слѣдуютъ орды: казанская, казачская, бухарская, самаркандская и, какъ сказываютъ, нѣсколько другихъ; онѣ распределены между двѣнадцати повелителями согласно обильнѣй, данному Господомъ ихъ предку Измаилу

¹⁾ Въ текстѣ Dobricz-nes.

²⁾ Аба (орда) Chastotomii.

³⁾ Авторъ очевидно смѣшиваетъ Волгу съ Дономъ (Tanais).

(кн. Бытія 17) ¹⁾, что отъ него родятся 12 вождей и произойдетъ великій народъ.

Среди татарскихъ ордъ переконскіе татары слабѣе другихъ, но они живутъ ближе всѣхъ къ каничъ предѣламъ и одни враждебны пашъ; они полагаются на свою оплошность, а также пользуются близкимъ соседствомъ и удобствомъ мѣстоположенія, доставляющаго имъ безопасное убѣжище.

Дѣйствительно, переконскіе татары имѣютъ убѣжище, укрѣпленное самою природою; два мелководные залива, изъ которыхъ одинъ называется Местидюю, вдаются отъ моря въ материкъ почти на тридцать миль длины; въ началѣ и на концѣ протяженіи они расположены въ равнотъ другъ отъ друга разстояніи, но концы ихъ сближаются между собою и раздѣлены лишь узкимъ сухимъ перешейкомъ ²⁾, поперекъ котораго отъ одного залива къ другому тянется ровъ и высокій валъ, въ которомъ прорѣзаны ворота, представляющія единственныи входъ въ страну татаръ со стороны суши.

По причинѣ этого переконскаго рва и крѣпость, построенную у воротъ, и весь полуостровъ, окруженный заливами, нынѣ называется Перекономъ, прежде же онъ назывался Таврикою; онъ принадлежалъ къ владѣніямъ трапезундскихъ грековъ и былъ ими заселенъ; я помню живущіе на полуостровѣ греки удержали свой языкъ и вѣру. Этотъ полуостровъ омывается моремъ Понтіискимъ, которое у этой страны называется Понтомъ Евксинскимъ; хотя онъ защищенъ своимъ положеніемъ, но ни обширные заливы, ни ровъ, ни высокій валъ, ни сильная крѣпость не могли бы помѣшать хорошо устроенному войску проникнуть внутрь страны. Къ этимъ единственнымъ воротамъ, ведущимъ въ Таврику, отъ послѣднихъ литовскихъ крѣпостей, Чернасъ и Брадалава, шесть дней пути по совершенно ровной, покрытой травою степи, по прегражденной горами и долинами,

¹⁾ „О Исаияхъ же се послушай тебе и се благословихъ его, и умножу его збо: двадцать языкъ родитъ, и дасть его въ языкъ воіи“. Кн. Бытія, гл. 17, стр. 20.

²⁾ Авторъ имѣлъ въ виду нѣсколько источниковъ повѣствіе объ озертвѣхъ Азовскаго моря и Кархивитскаго залива.

на болотах и не прорызанной, за исключеніемъ Борисова, рѣками, трудныя для переправы. Въ самой Таврикѣ морской берегъ, а также страна у подножія горнаго кряжа покрыты выгорьями и зѣсами; эта часть заселена туземцами греками, остальная же часть полуострова, въ которой обитаютъ татары, степная. Вся страна очень плодородна, производитъ много хлѣба, вина, масла и соли. Соль выражается тамъ въ большомъ количествѣ въ озерахъ, вслѣдствіе стущенія воды отъ солнечнаго криека послѣ всеобщаго разтодеженія; она покрываетъ воду въ видѣ льда, прозрачна и часто похожа на кристалль. Земля, развѣ только испаленная и взбороненная вѣтвями, родить въ изобиліи всякаго рода хлѣбъ и виноградъ. Скотъ и лошади даже зимою пасутся въ поляхъ подъ открытымъ небомъ; если они, переутомленные работою, психуальные и истощенные, отпускаются на пастбище, то откашливаются иштакстою травою, добытою изъ подъ снѣга ударами копыта, не хуже чѣмъ у насъ на лучинныхъ пастбищахъ или подъ крышею. Происходитъ это потому, что вліять тамъ мягче, в земля лучше отъ прирѣса влія соли, и растетъ особый родъ травы, постоянно зеленой, которая искусве и удивительно хорошо питаетъ скотъ, она называется *тунечъ*.

Утверждаютъ, что некогда въ странѣ было такое множество жителей, что въ греческихъ городахъ бывало по двѣдѣ церкви, при томъ духовенство было столь многочисленно, что епископы и архимандриты ихъ не иначе вступали въ храмы, какъ верхомъ. Н теперь въ некоторые города, хотя изоренныя, объемомъ свѣзхъ стѣвъ и разнороднѣ памятниковъ преемее великолѣбія, въ особенности города, называемый нами *Солхатъ*, посквитинами Крымъ, греками же оны некогда назывался (Феодосія¹⁾); также древняя столица Керсувъ, въ

¹⁾ Рѣчь идетъ о городѣ, называемомъ нынѣ Старый Крымъ (Эски-Крымъ), лежащемъ въ 23 верстахъ къ западу отъ Феодосіи на р. Чурувъ-Су. Городъ этотъ первоначально назывался Солхатъ, затѣмъ послѣ завоеванія полуострова татарами, получилъ иное названіе; такъ какъ первые ханы основали здѣсь свою столицу то имя города перешло и на весь подвластный имъ Таврическій полуостровъ, вслѣдствіемъ, когда столица ханова была перенесена въ Гачисарай, городъ началъ называться Эски-Крымъ. Авторъ не ошибся смѣшивая Солхатъ съ Феодосією, когнвшемъ къ это время татарское имя *Кефи*. Кафа и Солхатъ упоминаются у

которой русский князь принял крещение и христианское имя, потому она была разорена нашими народомъ и доставила ему добычу. Слѣды этой добычи остались понынѣ въ наченныхъ наротахъ, мозаикахъ и стѣнныхъ обложкахъ киевскихъ храмовъ; изъ числа ея подарены были двери въ глыбовскій соборъ¹⁾.

Такое разореніе нашими Корсуя прнвудило таврическихъ хрестіанъ, преданныхъ роскоши и лѣни, признать собѣ въ помощь отрядъ татаръ изъ заволжской орды и поселить его у себя на феодальномъ правѣ, для отраженія нашихъ набѣговъ. Впоследствии татары эти, усиливаясь мало по малу, достигли численности цѣлаго народа и выбрали собѣ вождемъ яѣкогого Темиръ-Кутлука, своего соплеменника, которому присвоили титулъ царя. Но предки нашего величества, побѣдивъ этихъ подданныхъ татарскаго царя, вѣроломныхъ греческихъ вассаловъ, назначили изъ въ цари своихъ подданныхъ татаръ изъ Литвы. Последний царь, назначенный изъ Литвы, былъ Ачи-Гирей, родившійся въ окрестности Трока, и отсюда блаженной памяти Витовтохъ посланный туда на царство. Властвуя въ Тавридѣ, онъ родилъ сына Менгли-Гирея, а этотъ пинѣшскаго царя Салпъ-Гирея²⁾ и его старшихъ братьевъ и предпостовенниковъ на царскомъ престолѣ: Мухаметъ-Гирея, Саадетъ-Гирея и Хали-Гирея³⁾; такимъ образомъ благородное имя предка было принято цѣлымъ его потомствомъ, наследовавшими послѣ него царскій престолъ. Таково происхожденіе рода Гиреовъ, насиденнаго тѣмъ дедницею предковъ нашего величества; теперь, въ благодарности за свое возвышеніе, они причиняють намъ тяжелыя заботы.

Несмотря однако на процвѣтаніе въ Тавридѣ припагого народа и усиленіе татарскаго государства, города: Мангушъ, Кафа, савракепскихъ ему мусульманскихъ писателей, какъ два отдѣльные города, лежашіе въ разстояніи одного дня пути другъ отъ друга. — См. Смирнова, „Крымское ханство“, стр. 56, 59, 65, 74 и т. д.

¹⁾ Извѣстіе оособное, бриваюшия двери глыбовскаго собора — средневѣковой германской работы, а не византийской; на нихъ изображены 18 эллизовъ изъ житія св. Волхва. (Lelwel, Polska wieków srednich, t. IV, st. 296—329).

²⁾ Салпъ-Гирей, прозванный Сахиба-Гирей, царствовалъ съ 1525 по 1551 г.

³⁾ Хали, прозванный Гази-Гирей, шибозно называлъ сыномъ Менгли-Гирея; онъ былъ его супругомъ, сыномъ Мухаметъ-Гирея. Въ 1523 году, послѣ убійства отца,

Керчи, Козловъ¹⁾ и другіе, лежащіе на берегу моря, сохранили свою самостоятельность, пока не были взяты турецкимъ войскомъ, присланнымъ изъ Константинополя около 70 лѣтъ тому назадъ.

Съ того времени потомки туземцевъ кровей подчинились яру турокъ и платятъ изъ неголанную подать; они занимаются хлѣбопашествомъ, винодѣльемъ и скотоводствомъ и довольно зажиточны; многіе даже имѣютъ серебряную посуду, такъ какъ они пользуются спокойствіемъ и безопасностью при болѣе разумномъ управленіи изычниковъ. Тѣмъ не менѣе жизнь ихъ не особенно пріятна, ибо они не считаются достойными какихъ либо почестей, господствующіе мусульмане относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ и не только не уступаютъ съ ними въ какомъ либо общеніи, но даже не удостоиваютъ ихъ другаго взгляда кромѣ презрительнаго; притомъ ихъ, даже владѣльцевъ серебряной посуды, обрекаютъ работамъ, особенно тягостными въ воскресные дни и въ праздники св. Пасхи. Христианамъ не можетъ такъ удержатъ власти надъ рабами, ни даже надъ строптивыми сыновъ, если тотъ обратится къ чиновнику; сами отцы семействъ могутъ при этомъ пострадать, если на нихъ допустятъ, что они словомъ или хотя бы движеніемъ языка выразились неуважительно о католической религіи.

Таврика можетъ служить примѣромъ непостоянства судьбы: положеніе ея передонаселенія совершенно измѣнилось; потомки вельможъ лишились почести и свободы, прерваны и оборваны въ рабство; они утратили свои права и принуждены платить поголовную подать нагометаламъ; гордые винсканы, презиравшіе нѣкогда церкви Божьи, теперь сами, прозвѣнные и униженные, должны пресмыкаться предъ грозными взорами турокъ и татаръ. Города, нѣкогда преисполненные огромныхъ богатствъ, гордости, веселья и шума всевозможной роскоши, нынѣ пусты и воорыты развалинами, нима сравнены съ землею и нѣкогда ихъ забыты; управители народа во благородные христіане, приращденные его покровители, а чужеземцы язычники, нынѣ блѣдъ прожорливыхъ хановъ по выбору хуртъ, но 5 мѣсяцевъ спустя, по просьбѣ тѣхъ-же хуртъ, сдѣлались султаномъ въ 1524 г. в ханскій престолъ престоаваломъ его дядя Саадетъ-Пирей. (Сивирволь, Крымское ханство, стр. 393—394).

¹⁾ Въ текстѣ: Мансир, Сабла, Керсиз, Козлеву.

недавно вышедшіе изъ рабства, и вассалы, достигшіе вѣстѣ свободы, и власти.

Татары до того размножились въ Таврякѣ, что могутъ выставить на войну до 30,000 войска, если подымаются по приказу все вообще, даже непригодные къ военной службѣ, лишь бы могла слѣдовать на конѣ. Когда въ какомъ присутствіи царь отправлялъ съ своихъ сыновъ половину войска въ помощь туркамъ въ Венгерію ¹⁾, его насчитали 15,000; хотя въ походѣ выступали отборные татары, но смирдились они обыкновеннымъ образомъ, т. е. были почти безоружны; едва десятый или двенадцатый изъ нихъ былъ вооруженъ саблею или колчатою, кинжоры же острѣчались еще рѣже; одни имѣли только палики косяпныя или дубовыя, другіе были препоясаны пустыми ножнами безъ оружія. Щитоу, коній и другаго оружія подобнаго рода они совсѣмъ не знаютъ. Точно также они никогда не стѣсняютъ себя въ походѣ ни обозами, ни какою либо пошею, ни оружіемъ, ни съѣстными припасами, кромѣ небольшого количества поджареннаго проса или истортаго сыра. За то лякто изъ нихъ не отираляется безъ вѣсколькихъ свѣжихъ роиней, особенно если набѣгъ направляется въ дальніе страны, тогда они больше заботятся о средствахъ для визанія пашь, нежели объ оружіи для собственной защиты. Лошадей они всегда берутъ въ походѣ очень много, такъ что почти каждый изъ ихъ войскъ ведетъ по пяти запасныхъ коней; поэтому они очень быстро совершаютъ путь во время набѣговъ, благодаря тому, что часто мѣняютъ лошадей; они съ большою легкостью убѣгаютъ отъ преслѣдовавшаго непріятеля, но опасаясь при множествѣ лошадей ни ихъ усталости, ни голода, и при томъ наводять страхъ численностью оставляемыхъ ими слѣдовъ.

Они отличаются изъ войнѣ умѣньемъ переносить голодъ, жажду, трудъ, бессоницу, жаръ, холодъ и вообще все лишенія и невзгоды климата. Походъ совершаютъ всегда безъ возовъ и безъ обозовъ съ провіантомъ, только въ сопровожденіи указаннаго боль-

¹⁾ Во время царствованія въ Крыму Сахибъ-Гарей известны три похода султана Сулеймана въ Венгерію: 1529, 1532 и 1540—1541 гг.; авторъ записокъ былъ свидѣлемъ послѣднихъ татарскаго вспомогательнаго отряда въ одно изъ этихъ походовъ.

шаго количества лошадей. Они безъ особаго затрудненія, даже зимою переходятъ безъ дорогъ обширныя степи по глубокому сѣвту, несмотря на то, что ноги ихъ лошадей наъязвляются затвердѣвшимъ сѣвомъ и льдомъ; чрезъ болныя и быстрыя рѣки они, не колеблясь, отлично переправляются вилыи даже зимою, когда переправа затруднена ледоходомъ: при этомъ они не употребляютъ лодокъ, а плывутъ, держась за гривы лошадей и привязавъ къ ихъ хвостамъ свой багажъ, положенный на бревна или связки камыша.

Въ битвахъ они храбрѣе посвятивъ, хотя вооруженіе ихъ хуже; въ началѣ атаки они стараются всегда обойти лѣвое крыло противника для того, чтобы удобнѣе выпускать стрѣлы. Часто, уже обращенные въ бѣгство, они останавливаются, обращаются на прага, преслѣдовавшаго ихъ и размышлявшагося въ погонѣ, и такимъ образомъ, уже побѣжденные, вырываютъ побѣду изъ рукъ побѣдителей. Но никакъ одолеваятъ татаръ, если приходится сражаться съ ними въ правильномъ строю, безъ хитростей и коварства, даже въ такомъ случаѣ, если они значительно превосходятъ насъ числомъ. Мы неоднократно испытали это подѣ побѣдоносными знаменами покойнаго отца нашего величества: такъ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ несчастнаго сраженія христіанъ съ кагометами, въ которомъ погибъ двоюродный братъ нашего величества, король Людовикъ, 5-го февраля 1527 года, на поляхъ у рѣчки Ольшаницы вблизи Черкасъ, мы переслали 25,000 черкоисскихъ татаръ, хотя войско наше состояло только изъ 3,500 человекъ¹⁾. Прежде того у Клецка погибло ихъ

¹⁾ Венгерскій король Людовикъ Владиславовичъ, двоюродный братъ Сигизмунда-Августа, погибъ въ битвѣ съ турками у Могача 29 августа 1526 г. Въ началѣ 1527 г. отрядъ орды въ 26,000 человекъ изъ Польши, по приказанію султана, и существовала воеводства Белое и Львовское, затѣмъ возвращался въ Крымъ чрезъ Волынь и Киевскую земли. Изъ лотою на немъ отправился вл. Константинъ Ивановичъ Острожскій и востига татаръ, расположившихся на полетѣ на берегу р. Ольшаницы между Каневою и Черкасками; началъ на захъ въ расплохъ 6-го февраля и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Только немногія успѣли спастись бѣгствомъ; вся добыча ихъ и до 40,000 головныхъ быкъ отняты, 700 татаръ узаты въ плѣны, остальные побѣды въ битвѣ или были пересланы во время бѣгства. (Владиславъ Салай, Исторія Венгріи, извлеченіе Н. Попова, стр. 129—130. М. Виельки, Кроника Polka, стр. 558).

27,000, сраженныхъ 9,000 нашего войска ¹⁾. Также и въ другихъ мѣстахъ: у Давидгородка, Стрешина, Чечерска, Лопушны ²⁾, въ обширныхъ степяхъ: у Лебедяна, у Вѣлой Церкви, у рѣки Сулы и въ другихъ сраженіяхъ съ ними, сколько ихъ ни было въ текущемъ столѣтіи, наши войска вездѣ оказались сильнѣе татарь.

У Сокола войско наше было разбито не силою, а хитростью въздвигнувъ неудобной мѣстности, потому что оно было коварно заключено на площади только что сожженного города, зиншную множествомъ лѣтъ, подземелій, пощерь и погребовъ ³⁾. Тогда первый разъ возгордился по отношенію къ намъ родъ Гиреевъ, когда имъ принесены были въ Таврику кровавыя доспѣхи нашихъ воиновъ. Затѣмъ у Очакова, хотя наше войско сражалось храбро и побѣдило татарь, но изомъ, по неосторожности, добровольно доставило падъ собою побѣду уже побѣжденному Осламу-султану, отираивъ къ нему въ крѣпость своихъ пождей для переговоровъ ⁴⁾, же зная, что

¹⁾ Блестящую побѣду подъ Клецкою совершили литовцы надъ татарами въ началѣ августа 1506 года подъ начальствомъ князя Михаила Глявскаго.

²⁾ Изъ нерасчисленныхъ столкновеній самая крупная битва была у Лопушной въ 1512 г.; здѣсь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ 6,000 литовскаго войска разгромилъ 25,000 татарь и отбилъ у нихъ лѣтвины и добычу.

³⁾ Въ 1519 г. сильный отрядъ орды, опустошивъ земли львовскую, бѣлскую и люблинскую, возвратился обремененный добычею и увозя множество лѣтвины. На берегахъ Буга, у города Сокола ихъ встрѣтилъ кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, собраннымъ на Волыни, и вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ. Сообразивъ силы враговъ и условия мѣстности, онъ рѣшился ожидать подкрѣпленій, но поляки, упрекая его въ трусости, самовольно начали битву, причемъ поляки во время атаки на рѣзаваны сожженого татарамъ мѣстечка и разстроили свои ряды; несмотря на всѣ усилія кн. Острожскаго, татары нанесли его отряду весьма чувствительное пораженіе и ушли комою съ добычею. Въ битвѣ погибло болѣе 1,200 рыцарей, въ томъ числѣ много знатныхъ польскихъ пановъ. (Wielski, Kronika Polska, стр. 542—543).

⁴⁾ Въ 1529 г. начальники войска, охранявшаго границу Подолии: Влодецкий, Сенявскій и Летаевскій предприняли походъ подъ Очаковъ, разбилъ отрядъ татарь и ушли ихъ стада. Оказалось, впрочемъ, что они имѣли дѣло съ татарами, коюластивымъ Исламомъ Гиреемъ, сызланку Сигизмунда I, который помирался было съ ханомъ Сахыбъ-Гиреемъ и получалъ отъ него въ удѣлъ Очаковъ. Умалъ объ этомъ, предводителя возвратили стада и сами чорхали въ Очаковъ для свиданія съ Исламомъ Гиреемъ по его приглашенію. Татары воспользовались ихъ отсутствіемъ и разгромили войска, оставшееся безъ предводителей. Wielski l. с. стр. 560).

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ
Повѣсть Г. А. Мачтета

« Б Ъ Л А Я П А Н Н А ».

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Огдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамилныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 80. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVIII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соціанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и улія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4^о и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихкихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религиозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе наѣвы, не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признаваемыя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкой и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 6 руб., на мѣстѣ 5 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель А. С. Лашкевичъ.
